



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

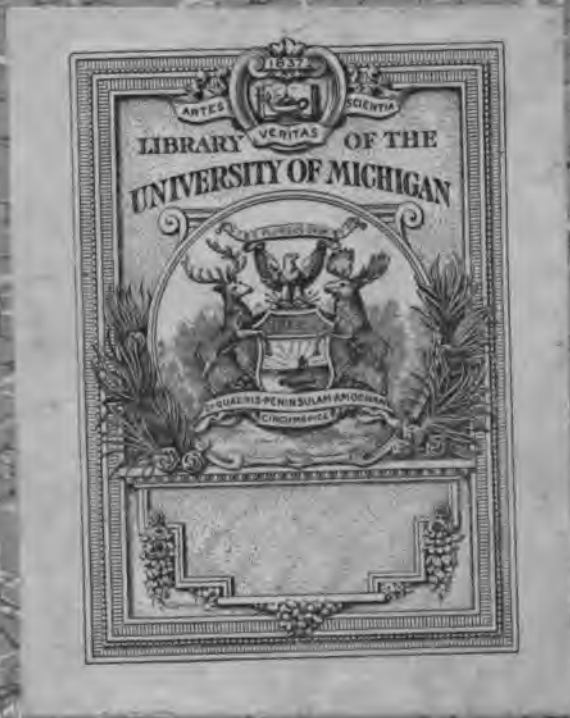
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

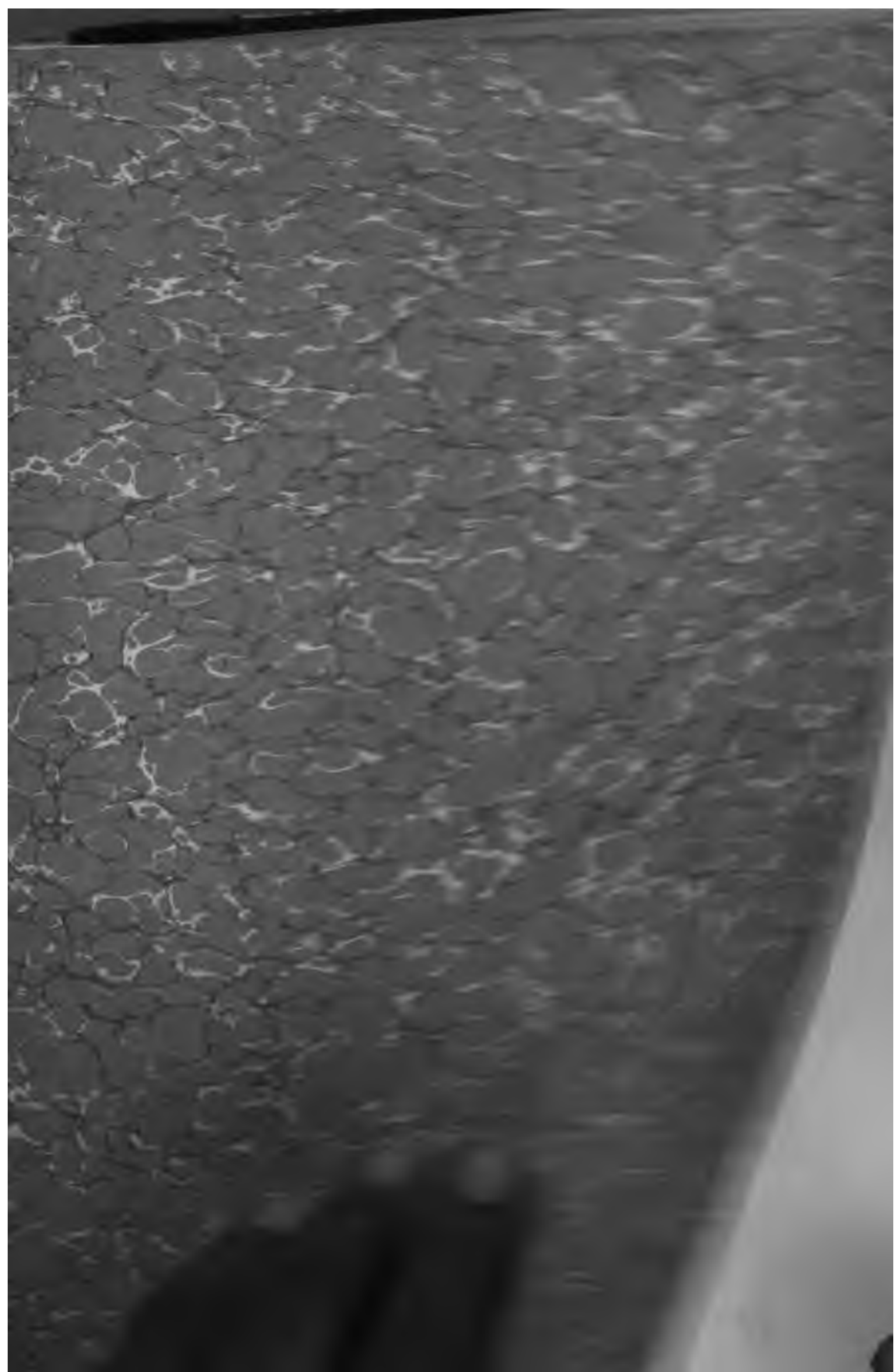
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>





..

1700

JAGIĆ-FESTSCHRIFT

ZBORNİK

U SLAVU

VATROSLAVA JAGIĆA

BERLIN

WEIDMANNSCHE BUCHHANDLUNG

1908

11.201
J25

AVU JAGIĆU

VI 1908

ENICI ZA SPOMEN

LAV JAGIĆ

JULI 1908

BT VON SEINEN

UND SCHÜLERN.

891.809

325

Jagić-Festschrift : Ehrenrik u slavn Vetrovian
Jagića. ... 1908.

191551

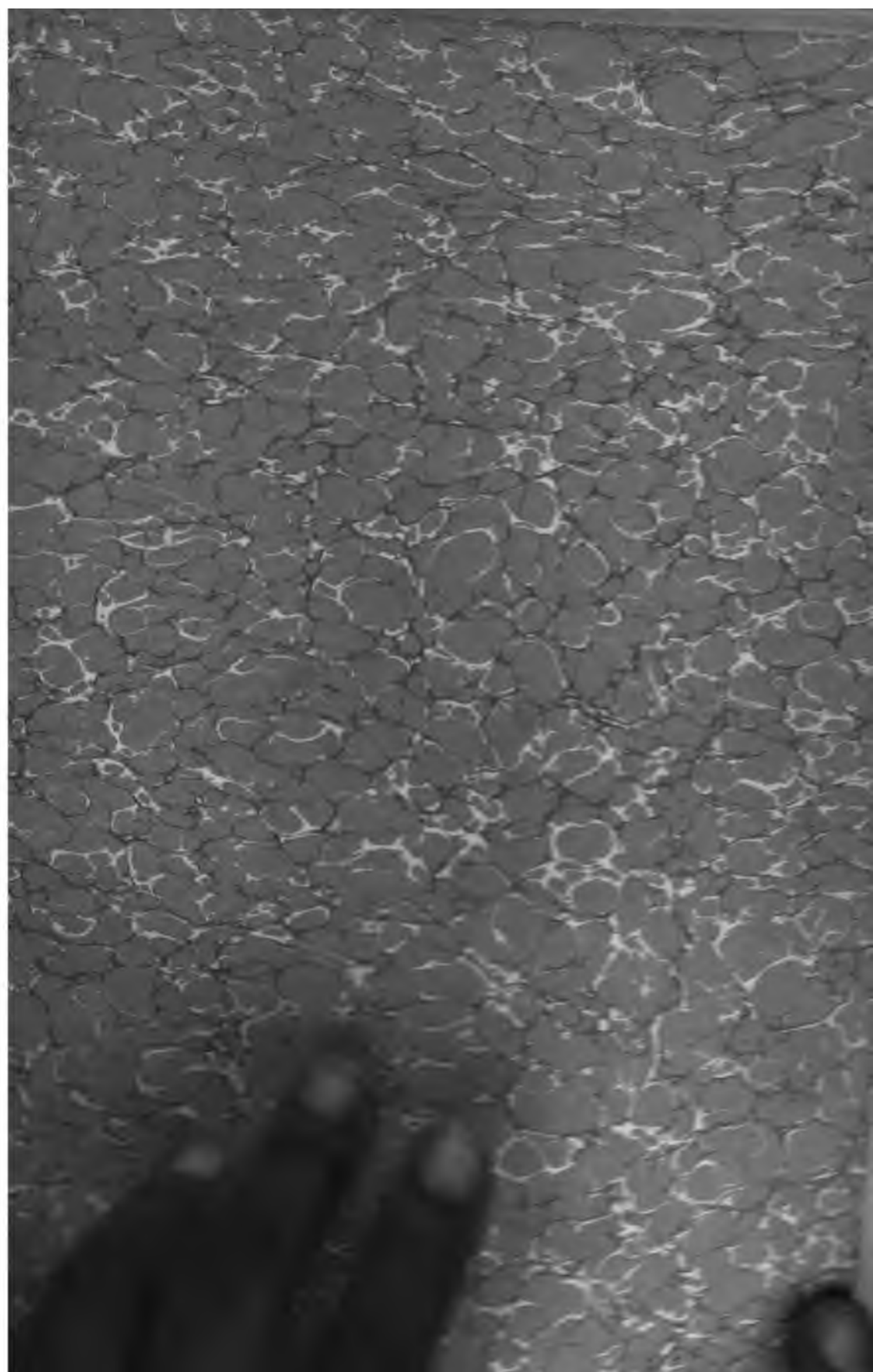
Slavle

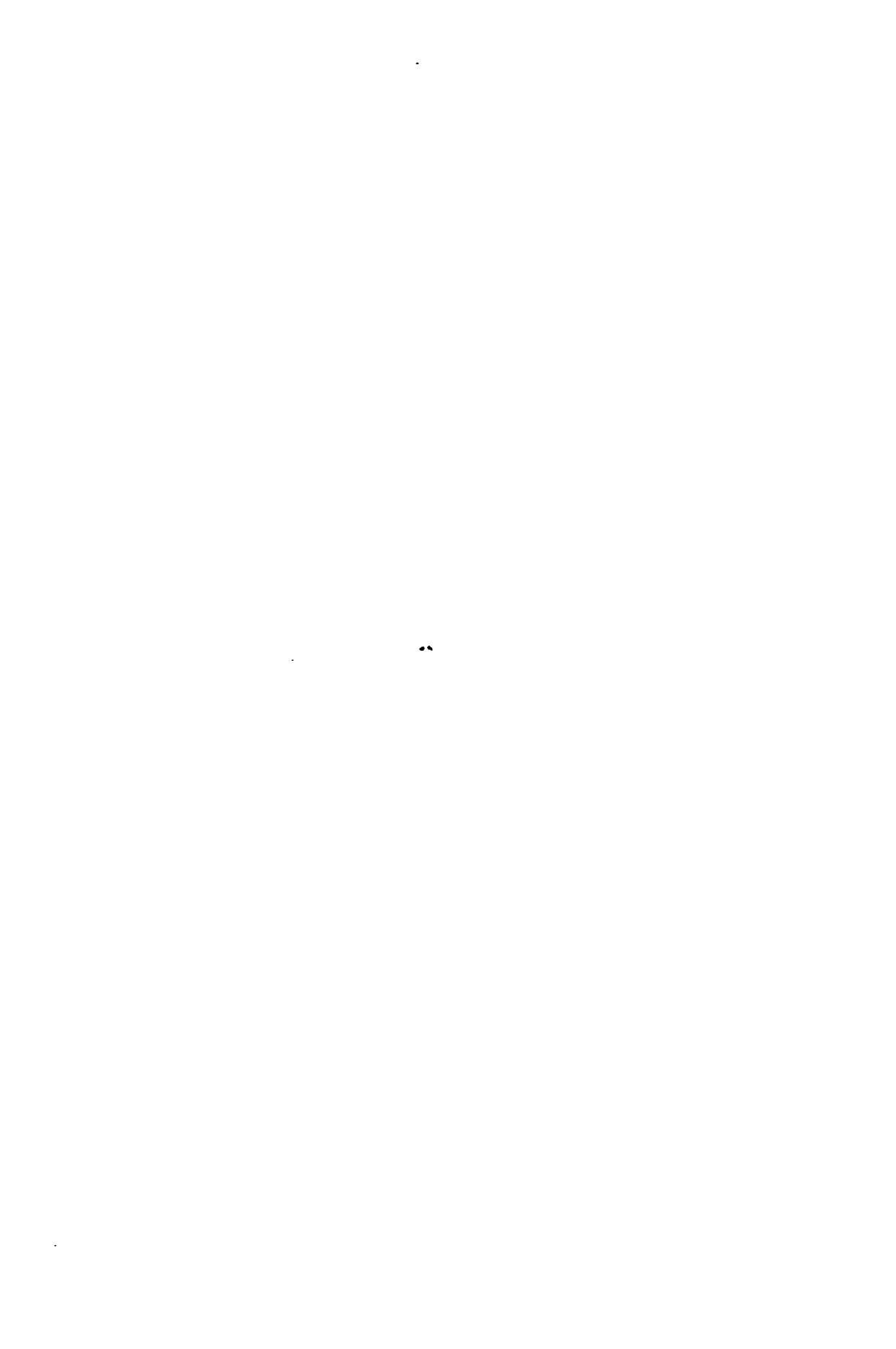
10-25-79 Beant

NU

191551







100



Wormann & Co. Buchdruckerei Berlin

München, K. M. M. & Co. Dr. G.

W. Jaggi

U. 0. 7. 11

JAGIĆ-FESTSCHRIFT

ZBORNİK

U SLAVU

VATROSLAVA JAGIĆA

BERLIN

WEIDMANNSCHE BUCHHANDLUNG

1908

17.807
J25

11. Mar. 09. J. G. G.

VATROSLAVU JAGIĆU

K 6. VII 1908

DRUGOVI I UČENICI ZA SPOMEN



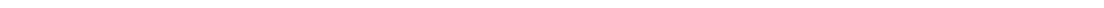
VATROSLAV JAGIĆ

ZUM 6. JULI 1908

GEWIDMET VON SEINEN

FREUNDEN UND SCHÜLERN.

191551



Index dissertationum.

	str.
Bibliografický soupis literární činnosti prof. V. Jagiče. Sestavil Fr. Pastrnek (Praha)	1
Riflessi slavi di vocali labiali romane e romanze, greche e germaniche. Matteo Giulio Bartoli (Torino)	30
»Свод« Душанова Законика у народној песни. Стојан Новаковић (Београд).	61
Legenda o Salomonu v slovenski narodni pesmi. Ivan Grafenauer (v Kranju)	65 ✓
Puškin in der schwedischen Literatur. Alfred Jensen (Stockholm)	71
Блађжки по компилацията на отдавания хрисовулъ на Ивана Калимана I, даденъ на Зографския манастиръ (1192 г.). А. П. Стоиловъ (Сърсъ)	81
Der aristotelische Abschnitt im Hexaemeron des Exarchen Johannes. A. Leskien (Leipzig)	97
Georges d'Esclavonie, Chanoine pénitencier de la cathédrale de Tours au XIV—XV ^m e siècles. Louis Leger (Paris)	112
Etymologie von зьдъ. A. Ludwig (Prag)	120
Dubrovački pjesnik Nikola Marci. Milan Rešetar (u Beču)	122
Roty sądowe polskie XV. wieku. A. Brückner (Berlin)	132
Слѣды богатырскаго эпоса въ бѣлорусской народной поэзи. Е. Карскій (Варшава)	143
O mistě attributivního adjektiva a substantivního genitivu ve větě. Václ. Vondrák (ve Vidni)	151
Отголоски славянской пороты въ обычномъ правѣ у румунъ XV—XVII вв. А. И. Яцимирскій (С.-Петербургъ)	159
Сказаніе о предложеніи книгъ на словѣнскій языкъ. А. Шахматовъ (С.-Петербургъ)	172
Изъ первыхъ лѣтъ новоболгарскаго литературнаго возрожденія: первый болгарскій календарь-альманахъ . . . П. Заболотскій (Нѣжинъ)	189
Sur les désinences de 2 ^e et 3 ^e personnes du duel en slave. A. Meillet (Paris)	201
Одинъ изъ законовъ церк.-славянскаго языка. А. И. Соболевскій (С.-Петербургъ)	205
Zur Erklärung des Skazanie izjavlenno o pismenech von Konstantin Kostenski. Rudolf Abicht (Breslau)	206
Pergošićuv preklad Verbüczuova Tripartita. Karel Kadlec (Praha)	209
Die Namen der Wochentage im Slavischen. Johann Melich (Budapest)	212
Litauisch <i>skujà</i> . Holger Pedersen (Kopenhagen)	218
Западнобълг. вишел-вишгълъ вм. видѣлъ. Ст. Младеновъ (София)	220
Сочиненія П. И. Мельникова (Андрея Печерскаго), какъ лексическій матеріалъ русскаго литературнаго языка. Евгеній Будде (Казань)	223
Со знаѣи слова: »по законуу римского двора« v nadpisech hlaholských breviariù hrvatských. Josef Vajs (Praha)	230

	str.
Die Reflexe von <i>ř q</i> in den slavischen Lehnwörtern der ungarischen Sprache. Oskar Asbóth (Budapest)	235
О впливі на ударяємыя гласныя твердости и мягкости сосѣднихъ согласныхъ въ общерусскомъ языкѣ. В. Богородицкій (Казань)	247
Иноязычное происхожденіе прк.-слав. словъ иногъ = γρῶψ, чрътогъ и Сварогъ. Ѡ. Коршъ (С. Петербургъ)	254
О повѣу «Јѣшупке» у Дубровнику. Павле Поповић (Београд)	262
Wspomnienie o wzajemnych między Kroatami i Polakami stosunkach. W. Nehring (Breslau)	267
Къ вопросу о заимствованныхъ словахъ въ славянскихъ языкахъ. М. Фасмеръ (С.-Петербургъ)	271
Einige verkannte slavische Lehnwörter der baltischen Sprachen. A. Bezenberger (Königsberg)	279
Opusculum contra Francos. František Šnopek (V Kroměříži)	284
Славянскія этимологіи. Г. Ильинскій (Харьковъ)	291
Слово Или трудолюбиваго. М. Сперанскій (Москва)	299
Słow. osoje itd. Jan Rozwadowski (Kraków)	304
Die postlabialen und -gutturalen Diphthongierungen des Pomoranischen. F. Lorentz (Karthaus, Westpr.)	310
Коńcowe <i>oN, ol, oj</i> w polszczyźnie literackiej i ludowej. Kazimierz Nitsch (Kraków)	314
Westbulgarische Dialekte in Ostbulgarien. B. Conev (Sofia)	321
О правопису и језику Vida Došena. Konstantin Draganic (Krapina)	325
Ziemia — ziemię. Woła — wołą. Jan Łoś (Kraków)	334
Непознати Dubrovčanin o smrti Petra Zrinskoga. T. Matić (u Beču)	338
Vom idg. <i>l</i> -Suffix. Wilhelm Schulze (Berlin)	343
Золовка. Романъ Брандтъ (Москва)	348
Къ вопросу о времени изобрѣтенія письменъ и перехода священнаго писанія. П. А. Лавровъ (С.-Петербургъ)	355
Zur slavischen Wortkunde. Joos J. Mikkola (Helsingfors)	359
О вплиwie језыка лацинскогo на польскі. Adam Ant. Kryński (Lwów)	363
Über die Sprache der ältesten moldauischen Urkunden. J. Bogdan (Bukarest)	369
Lidové pověsti o původu tabáku. J. Polívka (Praha)	378
Материалы къ познанію русскихъ говоровъ Лионидской губернии. Владимиръ Бобровъ (Рига)	389
Slov. vŕně, vŕň. Jovet Zubatý (Praha)	396
Berichtigungen zu «Kalina. Jana Parum Szulcego słownik języka połabskiego». W. Porzeziński (Moskau)	401
Херцег Стипан Вукчић Косача и породица му у историји и народној традицији. Јован Радонић (Београд)	406
Опытъ указанія литературныхъ параллелей къ «плачу Ярославны» въ «Слові о полку Игоревѣ». Н. Дашкевичъ (Кіевъ)	415
Дещо до говору Буковинско-русского. Іван Верхратскій (Львѣв)	423
Kad vi počele da ulaze u rumunjski jezik najstarije njegove slavenske riječi. Ilie Bărbulescu (Jași)	433
О чакавскомъ њ. А. Белић (Београд)	449
Вук Караџић и Бечка полиција. Љуб. Стојановић (Београд)	456
Kopitar und Vuk. Mychajlo Teršakové (Lemberg)	464
Etymologisches. Norbert Jokl (Wien)	480
Бѣлѣжка за българската замѣна на љ съ у. Н. А. Начовъ (Цариград)	486
Словѣнското племе <i>Vaiouvlata</i> . Г. Баласчевъ (София)	495

	str.
Über Wesen und Bedeutung der volksetymologischen Attribute christlicher Heiliger. E. Kažužniacki (Czernowitz)	504
Dohodak stonski, koji su Dubrovčani davali srpskome manastiru sv. Arhangjela Mihajla u Jerisalimu i povelje o njemu cara Uroša (1358) i carice Mare (1479). Konst. Jireček (u Beču)	527 ✓
ИЪ-КЪТО. A. Musić (Zagreb)	543
Slovenica. Fran Ilešič (Ljubljana)	547
Das Kürzungsprinzip in Ortsnamen. Paul Kretschmer (Wien)	553
Budimski lekcionari XVIII vijeka prema bosansko-dalmatinskomu od B. Bandulavića. D. Prohaska (Zagreb)	557
Über einige slavische Wörter mit dem Wurzelement <i>mar-</i> . Felix Solmsen (Bonn)	576
Zur Frage über die ›Weichheit‹ und ›Härte‹ der Sprachlaute im allgemeinen und im slavischen Sprachgebiete insbesondere. J. Baudouin de Courtenay (Petersburg)	583
Die ›Gebote der heiligen Väter‹ nach dem Euchologium Sinaiticum. V. Benešević (Petersburg)	591
Slavische Wortdeutungen. Erich Berneker (Prag)	597
Emil Korytko. Ivan Prijatelj (Dunaj)	604
Čech. Jaroslav Sutnar (ve Vidni)	612
Малорусскій отрывокъ Измарагда XVII в. Ю. А. Яворскій (Кіевъ)	618 ✓
V. Vodnik und die nachillyrische Periode in Krain. Fr. Vidic (Wien)	630
Epistolae Abgari ad Christum et Christi ad Abgarum. Josef Karásek (ve Vidni)	636
Kleine Findlinge zur altslavischen Literatur und Geschichte. Ivan Franko (Lemberg)	644 ✓
Češko-ilirski pravopis na Štajerskem do ›Novic‹. Franc Kidrič (Dunaj)	656
Zu der Kapiteleinteilung und einigen Stellen der Didascalia Apostolorum. Edmund Hauler (Wien)	663
Pravlast Slovanů a archeologie. L. Niederle (Prag)	670
Изъ наблюденья надъ языкомъ древнерусскихъ и старословянскихъ памятниковъ. Б. Ляпуновъ (Одесса)	675
O аутору и узору Славено-сербског Магазина од 1768 год. Тихомир Остојић (Нови Сад)	681
Посовкитѣ въ польскія езикъ и чешкыятъ прѣгласъ на вокала <i>a</i> . Л. Милетичъ (София)	691
Natpis dosada nepoznatoga namjesnika rimske Dalmacije Apolonija Febadija iz V v. Fr. Bulić (Spljet)	699 ✓
Zapadna ›Epistola o nedelji‹ v južno-slovanski književnosti. M. Murko (Gradec)	706
Etymologisches. K. Štrekelj (Graz)	711
I. Połobske teksty. II. Dokońalosc a niedokońalosc dolnoserbkiego slowesa. Ernst Muka (Freiberg i. S.)	715

Index alphabeticus auctorum.

	pag.		pag.
Abicht, R.	206	Ludwig, A.	120
Asbóth, O.	235	Matić, T.	338
Balasčev, G.	495	Meillet, A.	201
Bărbulescu, J.	433	Melich, J.	212
Bartoli, M. G.	30	Mikkola, J. J.	359
Baudouin de Courtenay, J.	583	Miletić, A. L.	691
Belić, A.	449	Mladenov, St.	220
Benešević, V.	591	Muka, E.	715
Berneker, E.	597	Murko, M.	706
Bezenberger, A.	279	Musić, A.	543
Bobrov, V.	389	Načov, N. A.	486
Bogdan, J.	369	Nehring, W.	267
Bogorodickij, V.	247	Niederle, L.	670
Brandt, R.	348	Nitsch, K.	314
Brückner, A.	132	Novaković, St.	61
Budde, Jev.	223	Ostojić, T.	681
Bulić, Fr.	699	Pastrnek, Fr.	1
Conev, B.	321	Pedersen, H.	218
Daškevič, N.	415	Polívka, J.	378
Draganić, K.	325	Popović, P.	262
Franko, J.	644	Porzeziński, W.	401
Grafenauer, J.	65	Prijatelj, J.	604
Hauler, E.	663	Prohaska, D.	557
Ilešič, F.	547	Radonić, J.	406
Iljinskij, G.	291	Rešetar, M.	122
Jacimirskij, A. J.	159	Rozwadowski, J.	304
Javorskij, J. A.	618	Schulze, W.	343
Jensen, A.	71	Snopek, Fr.	284
Jireček, K.	527	Sobolevskij, A. J.	205
Jokl, N.	480	Solmsen, F.	576
Kadlec, K.	209	Speranskij, M.	299
Kalužniacki, E.	504	Stoilov, A. P.	81
Karásek, J.	636	Stojanović, Lj.	456
Karskij, Jev. F.	143	Sutnar, J.	612
Kidrič, Fr.	656	Šachmatov, A.	172
Korš, F.	254	Štrekelj, K.	711
Kretschmer, P.	553	Toršakovec, M.	464
Kryński, A. A.	363	Vajs, J.	230
Lavrov, P. A.	355	Vasmer, M.	271
Leger, L.	112	Verchratskij, J.	423
Leskien, A.	97	Vidic, Fr.	630
Ljapunov, B.	675	Vondrák, V.	151
Lorentz, F.	310	Zabolotskij, P.	189
Łóś, J.	334	Zubatý, J.	396

Bibliografický soupis literární činnosti prof. V. Jagiče.

Sestavil Fr. Pastrnek.

1861. *Pabirci po cvieću našega narodnoga pjesništva*. Ve výroční zprávě gymnasia záhřebského 1861. 4°. 21 str. Srovnání hrdinských zpěvů charv.-srbských s epikou starořeckou po stránce formální.
1862. *Deklinacija imena samostavnoga kako se razvi u staroslovenskom-srbskom-hrvatskom jeziku*. Ve výroční zprávě téhož záhřebského gymnasia 1862. 4°. 15 str. Historický vývoj skloňování podstatného jména v uvedených jazycích.
1863. *Evanjelije u slovenskom prievodu. Historičko-filologički nacrt*. V knize: Tisuénica slovjenskih apostolah sv. Cirila i Metoda 4°. 29—66. Rozbor staroslov. textu evangelského podle charv.-hlah. rukopisů, dále ev. Ostrom. a dotud známých bulh.-hlah. textů; srovnání s řeckým a lat. textem; důkaz, že ve všech těchto rukopisech jest týž původní překlad, pořizený z předloh řeckých, v. charv.-hlah. poznenáhlou pozměňován podle předlohy latinské (Vulgata).
1864. Článek »Jihoslované« v českém Naučném slovníku (Kobrově). Zvl. ot. 16°. XV + 419 str. Části: Porovnání kajkavčiny, čakavčiny a štokavčiny (303—304). Dějepis jaz. chorvátsko-srbského (306—311). Literatura Jihoslovanův v užším smyslu (t. j. Chorváto-Srbův). (318—380). Přehled celé literatury od nejstarších dob až po dobu přítomnou.
Gramatika jezika hěrvatskoga, osnovana na starobugarskoj slovenštini. Dio pèrvi. Glasovi. U Zagrebu 1864. 8°. IV + 89 str. Malá mluvnice pro vyšší třídy středních škol charvátských.
- 1864—1866. *Primèri starohěrvatskoga jezika iz glagolskih i cirilskih književnih starinah, sastavljeni za sedmi i osmi gimnazijalni razred*. Dio pèrvi. Uvod i primèri staroslovenski. U Zagrebu 1864. 8°. 101. IV. Dio drugi. Uvod i primèri starohěrvatski. U Zagrebu 1866. 8°. XXVI. 192. Ukázky čerpány jsou částečně přímo z rukopisů a opatřeny vesměs poučnými úvody a poznámkami.

1865. *Assemanov ili Vatikanski Evangelistar*, iznese ga na svjetlo Dr. Franjo Rački. U Zagrebu 1865. lex.-8°. Uvod 1—CXIX. Část úvodu, jednající o filologické stránce vydávané památky, sepsal V. Jagić, str. XII—XCIX.
- 1864—1866. V prvních třech svazcích časopisu *Književnik*, časopis za jezik i poviest hrvatsku i srbsku, i prirodne znanosti, který vydáván byl v Záhřebě redakcí Fr. Račkého, V. Jagiće a J. Torbara, obsaženy jsou tyto rozpravy a příspěvky prof. V. Jagiće:
- I. 1864. a) Razprave: *Naš pravopis*. 1—34, 151—180.
Primjetbe na (Veberův) »Odgovor na Naš pravopis«. 186—187.
Iz prošlosti hrvatskoga jezika. 332—58, 447—85.
- b) Kritike: Razmjer jugoslav. jezika od L. Mahnića (125—127), Oblici srbskoga jezika od Gj. Daničića (127—129), Bukvar staroslov. jezika od I. Berčića (129—131), P. J. Šafaříks *Gesch. der südslav. Literatur I* (435—437), *Обрана џика србскогъ, писао Евст. Михайловичъ* (437—440), *»Sofokle je razno označio Kreonta«* od I. Kostića (588—589), *Hrvatske narodne pjesme* od L. Marjanovića (599—600).
- II. 1865. a) Razprave: *Slovensko jezikoslovje. Kratak historičko-filologički nacrt*. 78—95, 348—379, 506—537. *Primjetbe k našoj sintaksi*. 176—196.
- b) Kritické rozbory spisů, které vydali:
 A. Veber-Tkalčević, *Iridion*, s poljskoga preveden (300—1), Fr. Miklosich, *Lexikon palaeoslov.-graeco-lat.* Ed. 2. (437—441), Gj. Daničić, *Rječnik iz knjiž. star. srpskih, Nikoljsko, jevang.*, *Život sv. Simeuna* (441—449), K. J. Erben, *Slovenská čítanka* (449—450), S. Ljubić, *Ogledalo književne poviesti* (567—572), V. Došen: *Aždaja sedmoglava*, novo izd. od D. Starčevića (572—594), *Narodne pjesme*, izdala Matica dalmatinska (574—5). V bibliogr. zprávach přeložen cestopis Kolářův do Moskvy (143—146), nejnovější země a národopisné zprávy o Bosně (308—9), sestaven článek o stavu tříjediného království v evr. statistice (455—7), připojena poznámka o staro-hrvatském textě *Alexandreidy* (459).
- III. 1866. I. a) Razprave: *Adrianskoga mora Sirena, hrvatski epos XVII věka*. 336—407. Rozbor a ukázky této epické básně, kterou složil hr. Petar Zriüski.
- b) Kratke književne viesti: *Cirilski zbornik XVI—XVII stoljeća*. 121—131. *Stari spomenici pisma i jezika jugozapadnih Slov-*

jena. 293—297: výtahy a zprávy z knihy Sreznevského
Древніе памят. письма и языка югозап. Славянъ.

Odnosaj medju lingvistikom i antropologijom. 293—297.

O porieklu Indoevrolejaca. 297—302.

Štampana hrvatska knjiga XVI. vieka. 306—9.

*Kratak priegled hrvatskosrbske književnosti od posljednje
dvie-tri godine.* 552—585.

II. a) *Razprave: Starine i njihovo znamenovanje.* 48—74:
přehled archaeologických památek musea záhřebského s vý-
klady o jejich vědeckém významu.

c) *Kritike. Rozbor spisu: Обзоръ исторіи слав. литературъ,*
který napsali A. N. Pypin a V. D. Spasovič, СПб. 1865.
(152—156), vědeckých článků, které vyšly v programech
charvátských gymnasií (310—316), srbského A. Sandićova
překlada Bartenšteina o stavu srbského národa v
zemích koruny uherské v XVI.—XVIII. stol. (157—160).

1867. *Historija književnosti naroda hrvatskoga i srbskoga.* Knjiga prva:
Staro doba. U Zagrebu 1867. 8°. 204. Ruský překlad od
M. Petrovského: *Исторія сербско-хорватской литературы, сочинение*
В. Ягича. Казань 1871. 8°. 243. Dějiny literatury charvátské
i srbské od VII. do konce XIV. století.

1868. *Prilozi k historiji književnosti naroda hrvatskoga i srbskoga.* U
Zagrebu 1868. 8°. 84. Zvl. otisk z Kukuljevičova Arkiva za
povjestnicu jugoslavensku, kn. IX a X. Texty čerpány jsou
hlavně z bohatých sbírek záhřebských.

1867—1870. Přednáška v prvním, veřejném sedění nově založené Jihoslo-
vanské Akademie věd a umění r. 1867: *O paralelah i izvorih*
naših narodnih pjesama i pripoviedaku. Výtah z vydané právě
»Historije književnosti«.

Akademický »Rad« přinesl rozpravu:

I. (1867) *Rozbor Historie srpskoj slova.* St. Novačkoviča, 236—242.

II. (1868) *Gradja za glagolsku paleografiju.* 1—36.

V. (1868) *Novija djela Miklošičeva.* 209—229.

VI. (1868) *August Štajher, nekrolog.* 180—204.

VIII. (1869) *Komparativna mitologija.* Rozbor knihy A. Afanasjeva,
Поэтическое воззрѣніе Славянъ на природу. 188—200.

Najnovija izdanja slovinskih književnih starina trudom I. I.
Sreznevskoga. 200—210.

IX. (1869) *Podmladjena vokalizacija u hrvatskom jeziku.* 65—156.
(Vyšlo též ve zvl. otisku.) Ruské spracování této monografie

- o podružné vokalisaci v charvátštině podal A. Kočubinskij, Звукъ А отличительная черта сербскаго вокализма, Филол. Зап. 1871. Zvl. ot. 8^o. 62. — V téže knize IX. (1869) je dále rozprava: *Trubaduri i najstariji hrvatski lirici*, str. 202—234.
- XI. (1870) Rozbor srbské bibliogr., vyd. St. Novakovićem. 260—265.
- XII. (1870) Zpráva o cestě po Dalmacii za účely vědeckými. 227—229.
- XIII. (1870) *Paralele k hrvatsko-srbskomu naglasicanju*. 1—17. Obdobné zjevy v litevštině a lotyštině.
- XIV. (1871) *Napredak slovinske filologije posljednjih godina*. 169—189. Pokračování v kn. XVII. 172—208.
- XVIII. (1872) Krit. rozbor biografie Križaničovy, sepsané od P. Bezsonova. 164—205.
- XXXVII. (1876) *Gradja za historiju slovinske narodne poezije*. 33—138. (Těž jako zvl. otisk a přeloženo do ruštiny.) Sbíрка historických svědectví o epické poesii charvátsko-srbské. Vydáno též srbsky: Свједочанства из прошлости о ерпским народним пјесмама.

Akademické »*Starine*« obsahují tyto příspěvky Jagićovy:

- I. (1869) *Ogledi stare hrvatske proze*. I. *Život sv. Katarine*. II. *Zakon primanja u bratovštinu*. III. *Život svetoga Jerolima*. 216—236. Texty čakavské.
- III. (1871) *Ogledi stare hrvatske prose*. IV. *Život Aleksandra Velikoga*. 208—331. Charv.-srbský text, podle různých rukopisů; vydáno též o sobě.
- V. (1873) *Opisi i izvodi iz nekoliko južnoslovinskih rukopisu*. 1—109. Pokračování pod tímže nápisem v seš. VI. (1874), str. 60—157, v seš. IX. (1877), str. 91—171, a v seš. X. (1878), str. 81—156. Těž ve dvou zvl. otiscích: U Zagrebu 1873—1877. 8^o. 281 a 1878. 8^o. 76.

»*Stari pisci hrvatski*«, které Akademie r. 1869 vydávati počala, přinesly tyto příspěvky Jagićovy:

- I. (1869) *Pjesme Marka Marulića*, k vydání upravené od Iv. Kukuljeviće-Sakcinského, s kritickými poznámkami a s předmlouvou od Jagiće.
- II. (1870) *Pjesme Šiška Menčetića Vlahovića i Gjore Držića*, které k vydání upravil Jagić. XVI + 521 str.
- III. (1871) a IV. (1872) *Pjesme Mavra Vetranića Čavčića*, které vydali společně Jagić, Kaznačić a Daničić.
- V. (1872) *Pjesme Nikole Dimitrovića i Nikole Nalješkovića*, které vydali společně Jagić a Daničić.

1870. *Pop Ivan Brčić*, životopis, který jest úvodem k poslednímu spisu Brčićovu ›Dvie službe«. U Zagrebu 1870, 8°. I—XV. Tento životopis vyšel též v překladu vlaském od Simonice: Prete Giov. Brčić. Traduzione dal croato. Zara 1871.
1871. *Das Leben der Wurzel dé in den slavischen Sprachen*. Wien. 8°. IV. 73. Rec. K. u. Schl. Beiträge VII. 247 sl., ЖМНпр. 1874, 176, II. 188—193.
1874. Још нешто о животу светога Ђурђа Кратовца, Гласник XL. 121—131. Dodatek k textu v kn. XXI. 97—156, od St. Novakoviće vydanému.
1875. Константин философ и његов живот Стефана Лазаревића деспота српског. Гласник XLII, 223—327; Исправци и додатци, ib. 373—377.
Свједочанства из прошлости о српским народним пјесмама. Отаџбина, No. 12, кв. III. 574—589. Historické zprávy o srbské národní poesii.
- 1875 a násl. *Archiv für slavische Philologie*, herausgeg. von V. Jagić. Berlin, Weidmannsche Buchhandlung. V tomto časopise jsou tyto příspěvky od vydavatele:
- I. 1 (1875). *Studien über das altslovenisch-glagolitische Zographos-Evangelium*. 1—55 a II (1877), 201—269. Monografie o hláskách њ а њ v evang. zogr.
Die christlich-mythologische Schicht in der russischen Volksepik. 82—133. K tomu pozn. na str. 631.
V oddílu ›Kleine Mitteilungen‹:
Eine serbische Kuhhautsage. 153—155. — *Lautlicher Übergang von tl in kl, dl in gl* (v nářečí charvatském). 157. — *τρυγάω — trgati* 157—159. — *čuška* — *чушка* *griech. κόσσοσ. pljačka* — *пљачка, пљачкати* *griech. πλακώνω*. 159. — *Владимиръ-красное солнышко*. 159—160. — *Na vrbi svirala*. 160.
- I. 2 (1876). *Aus dem südslavischen Märchenschatz*. 267—289. Německý překlad 15 srbských pohádek, k nimž připojil poznámky Reinhold Köhler.
Dunav-Dunaj in der slavischen Volkspoesie. 299—333.
- I. 3 (1876). *Über einige Erscheinungen des slavischen Vocalismus*. 337—412. Kritické výklady ku knize, kterou vydal Joh. Schmidt, Zur Geschichte des idg. Vocal. 2. Abt. Weimar 1875. V oddíle ›Anzeigen‹ jsou posudky knih: Miklosichs *vergl. Gramm. der slav. Spr.*, Bd. II und IV. 412—438. — *Neue Beiträge Prof. Miklosichs zur Gramm. d. asl. u. d.*

tibr. slav. Spr.: 1. Altslov. Formenl. in Parad. 1874. 2. Beiträge zur altslov. Gramm. 1875. 3. Über den Ursprung einiger Casus der pron. Decl. 1874. 4. Das Impf. in d. slav. Spr. 1874. 439—453. — Zur Verständigung. 453—458 (o slabičném *r* a *l* ve slov.). — Jireček Jos., Rukovět k dějinám liter. čes. do konce XVIII v. V Praze 1874—1876. 458—460. *Bibliographische Übersicht der Erscheinungen auf dem Gebiete der slavischen Philologie und Altertumskunde seit dem Jahre 1870.* 465—607.

V oddíle »Kleine Mitteilungen«:

Condemnatio Uvae. Ein serbisch-slovenischer Text verglichen mit der griech. Originalerzählung. 611—617. — Ein alter polnischer Volkswitz. 631. — *Ψυχαί — ψυχάρια — души.* 631—632.

II. 1 (1876). *Ein Beitrag zur serbischen Annalistik mit literaturgeschichtlicher Einleitung.* 1—109.

Anzeigen. Историја облика српскога или хрватскога језика до свршетка XVII. вијека, нап. Ђ. Даничић, у Београду 1874¹⁾. Основе српскога или хрватскога језика, нап. Ђ. Даничић, у Београду 1876. 156—163. — Изъ записокъ по русској грамматикѣ, сост. А. Потѣбня. I. Введение. Воронежъ 1874. II. Составные члены предложѣнія и т. д. Харьковъ 1874. 164—168.

Kleine Mitteilungen. Verzeichnis eingegangener Schriften und Inhaltsangabe der Zeitschriften. 195—200.

II. 2 (1877). *Studien über das altslovenisch-glagolitische Zographos-Evangelium.* 201—269. Druhá část článku z roč. I.

Anzeigen. Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія П. Житецкаго, Кіевъ 1876. 348—363. — O języku litewskim napisał D. J. Karłowicz 1875. 363—367. — Litauische und Lettische Drucke des XVI. Jahrh., herausg. von A. Bezzenberger. Göttingen 1875. 367—369. — Památky staré liter. české, č. 1. Nová rada. Báseň pana Smila Flašky z Pardubic. K tisku připr. Dr. J. Gebauer, v Praze 1876. 379—383. — Zur slavischen Runenfrage. Autentyeczność kamieni Międzyńskich zbadana na miejscu przez Dr. Kaz. Szulca. Poznań 1876. 388—392.

¹⁾ O této knize jedna též Jagićův Odziv o Daničićevoj Istoriji oblika srpskoga ili chrv. jezika, zvláštní otisk z časopisu Narodne novine.

Kleine Mitteilungen. Zum litoslavischen Sprachschatz. 396—398. — *Zur Frage über den Rhinesmus im Neubulgarischen.* 399—400. — *Weitere Übergänge des s in ch im Slavischen.* 400. — *Eine Notiz über die slavische Namengebung.* 400—401. — *Und wenn der Himmel wär Papier.* 402. — *Verzeichnis eingegangener Schriften und Inhaltsangabe der Zeitschriften.* 402—408.

II. 3 (1877). *Die südslavischen Volkssagen von dem Grabancijaš dijak und ihre Erklärung.* 437—481. Dodatek 743—744.

Über Krak und Wanda, nach K. Römer. 609—613.

Aus dem südslavischen Mürchenschatz. 614—641. Německý překlad dalších 10 srbských pohádek, s poznámkami, které připojil R. Köhler.

Anzeigen. Филологическія разысканія Я. Грота I. II. СПб. 1876. 679—682. — Česko-německý slovník, sest. Fr. Kott. Praha 1877. Prvních 12 sešitů. 683—684. — Српске народне загонетке, уредио и издао Ст. Новаковић, Београд и Панчево 1877. 684—687. — Сводная Лѣтопись сост. Л. И. Лейбовичемъ. СПб. 1876. Домаћи извори за српску историју, уредио Ив. Павловић. Део први: Житији краљ сръбскихъ. У Београду 1877. 688—690. — Dr. J. Gebauer, Uvedení do mluvnice české, v Praze 1876; Hláskosloví jaz. českého, v Praze 1877. 690—694.

Kleine Mitteilungen. Zwei bibliographische Seltenheiten. 720—726. — *Verzeichnis eingegangener Schriften und Inhaltsangabe der Zeitschriften.* 744—755.

III. 1 (1878). *Über einen Berührungspunkt des altslovenischen mit dem litauischen Vocalismus.* 95—107.

Anzeigen. Древне-слав. псалтырь XIII—XIV в., трудъ архим. Амфилохія. I. II. Москва 1874. 164—168. — О самодревн. октоихъ XI в., архим. Амфилохія. Москва 1874. 168—176. — Описание воскресенской новоіерусалимской библиотеки, архим. Амфилохія. Москва 1876. 177. — Описание юрьевского еванг. 1118—28 г. воскрес. новоіерусал. библиот., трудъ арх. Амфилохія. Москва 1877. 177—180. — Обзоръ слав.-русскихъ памятниковъ языка и письма, наход. въ библиот. и арх. львовскихъ. Е. I. Калужняцкаго. Кіевъ 1877. 180—181. — Pam. staré liter. české, č. II. Rýmovaná kronika česká tak řeč. Dalimila, upr. Jos. Jireček, v Praze 1877. 182—185.

- Kleine Mitteilungen. *Lexicalische Lesekörner*. 5. *Putap*. 6. *Gdje je što*. 7. Франтъ — *frant*. 213—215. — *Zur Chronologie der serbischen Könige*. 220—221. — *Verzeichnis und Inhaltsangabe eingegangener selbständiger Werke und Zeitschriften*. 221—232.
- III. 2 (1878). *Wie lautete а bei den alten Bulgaren?* 312—357. Kleine Mitteilungen. *Die Gesellschaft der Freunde des alten Schrifttums*. (Общество любителей древней письменности). 526—530. *Verzeichnis und Inhaltsangabe eingegangener selbständiger Werke und Zeitschriften*. 531—548.
- III. 3 (1879). Kleine Mitteilungen. *Verzeichnis und Inhaltsangabe neuer Werke und Zeitschriften*. 726—755.
- IV. 1 (1879). *Ein Nachtrag zur vorhergehenden Abhandlung* (Polen, Ljachen, Wenden von J. Perwolf). 74—78.
Das Datum des Statutes von Vinodol. 78—86.
Die neuesten Forschungen über die slavischen Apostel Cyrill und Methodius. 97—128.
Kleine Mitteilungen. *Bibliographischer Bericht*. 152—176.
Malá oprava na str. 548.
- IV. 2 (1879). *Die südslavische Volksepik vor Jahrhunderten*. 192—242.
Die neuesten Forschungen über die slavischen Apostel Cyrill und Methodius (Schluß). 297—316.
- IV. 3 (1880). *Zur Frage über den Übergang des silbenbildenden l in u*. 386—397.
Woher das sekundäre a? 397—411.
Mythologische Skizzen. I. *Svarog und Svarožic*. 412—427.
K tomu dodatek na str. 548.
Anzeigen. *Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen* von F. Miklosich. Erster Band. *Lautlehre* (zweite Ausgabe). Wien 1879. 482—496.
Kleine Mitteilungen. *Zur südslavischen Heraldik*. 498—500, 510—512; *Bibliographischer Bericht*. 527—548.
- IV. 4 (1880). Anzeigen. *Dictionnaire d'étymologie daco-romane*. *Éléments slaves, magyares, turcs, grecs-modernes et albanais*. Par A. de Cihac. Francfort s. M. 1879. 638—647. — *Die literarische Tätigkeit der Gesellschaft der Freunde des alten Schrifttums in St. Petersburg während des Jahres 1878—79*. 648—651. — *Psalterz Puławski*. Z kodeksu pergam . . . wykonali A. i St. Pilińscy. Nakł. bibl. Kórnickiej 1880. 652—656.

- Kleine Mitteilungen. *Bibliographischer Bericht*. 695—723.
- V. 1 (1880). *Mythologische Skizzen*. II. *Daždobogъ — Dažbog — Dabog*. 1—14. Dodatek na str. 166—167.
Aus dem südslavischen Märchenschatz. 17—79. Německý překlad dalších 23 srbských pohádek, s poznámkami, které připojil R. Köhler.
Kritische Nachlese zum Text der altkroatischen Dichter. 85—94, s dodatkem na str. 688—689.
- Kleine Mitteilungen. *Michelinburg — Mikilinburg — Meklenburg — Wili — Grád*. 167—168. — *Bibliographischer Bericht*. 168—180.
- V. 2 (1880). *Zur slavischen Runenfrage*. 193—215. Hierzu 1 Tafel.
 Kleine Mitteilungen. *Bibliographischer Bericht*. 319—332.
- V. 3 (1881). Anzeigen. *Žaltář wittenberský*. K tisku připravil a t. d. Dr. Jan Gebauer. V Praze 1880. 432—434. — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Na svijet izdaje jugoslav. akademija znanosti i umjetnosti, obradjuje G. Daničić. Dio I, sv. I. A — Besjeda. U Zagrebu 1880. 434—438. — Kraljević Marko u narodnih pjesmah, uredio Iv. Filipović. U Zagrebu 1880. 438—439. K tomu pripojen članek: *Kraljević Marko kurz skizziert nach der serb. Volksdichtung*. 439—455. Překlad srbský této rozpravy pořídil Ninić: Краљевин Марко у народним песмама.
 Kleine Mitteilungen. *Bibliographischer Bericht*. 470—496.
- V. 4 (1881). *Die Umlauterscheinungen bei den Vokalen e, é, ê in den slavischen Sprachen*. I. 534—580.
Das altslovenische Evangelistarium Pop Savas. 580—612.
 Anzeigen. Древняя русская письменность, опытъ . . . Ал. Котляревскаго. Воронежъ 1881. 660—662. — Очерки изъ истории чешской литературы. I. Рукописи зеленогорская и краледворская. Вып. 1. Очеркъ литер. истории рукописей (1817—1877), Андрея Стороженка. Киевъ 1880. 663—664. — О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ, Н. Ф. Сумцова. Харьковъ 1881. 664—669. — *Altböhmische Alexanderfragmente und grammatische Streitfragen*. 669—674. — Mikołaj Rej z Nagłowic i ks. Józef Wereszczyński. Wilno 1880. Mikołaj Rej z Nagłowic. Wizerunk własny żywota człowieka poczciwego. Według wyd. z r. 1560 wydał Stan. Ptaszycki. Zesz. 1-szy. S. Petersburg-Warszawa 1881. 674—675. — *Zgodovina slovenskega slovstva*, spisal

- in založil Julij plem. Kleinmayer, v Celovcu 1881. 675—676. — Zur Apokryphen-Literatur. 676—680. — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, na svijet izdaje jugoslav. akad., obradjuje Gj. Daničić. Dio I, sv. 2, Besjeda—Bogat. U Zagrebu 1881. 680—681. — Die neuesten Publikationen der russischen Gesellschaft der Bibliophilen. 682—684. Kleine Mitteilungen. *Ein verkanntes altslovenisches Denkmal*. 689—690. — *Bibliographischer Bericht*. 690—701.
- VI. 1 (1882). *Die Umlauterscheinungen bei den Vokalen e, é, ê in den slavischen Sprachen*. II. 73—104. Kleine Mitteilungen. *Die Publikationen der russischen Gesellschaft der Bibliophilen*. 133—134. — *Bibliographischer Bericht*. 135—157.
- VI. 2 (1882). *Zur Berichtigung der altrussischen Texte*. 224—238. Kleine Mitteilungen. *Das russische Adjektiv хорóшій — choróšij*. 282—284. — *Litauisch te: slavisch ть, ать*. 284—287. — *Das slavische Präsens БЖДЖ — bađq*. 287—289. — *Bibliographischer Bericht*. 290—318.
- VI. 3 (1882). Kleine Mitteilungen. *Materialien zur Geschichte der slavischen Philologie. Der Briefwechsel zwischen Dobrovský und Kopitar*. 431—471. — *Bibliographischer Bericht*. 471—494.
- VI. 4 (1883). Kleine Mitteilungen. *Weiterer Beitrag zur Feststellung der Grenzen des dalmatinisch-kroatischen Glagolismus im XV.—XVII. Jahrh.* 615—617. — *Slavica im British Museum*. 617—618. — *Vukòdlak — Kodlák — vor Gericht*. 618—620. — *Bibliographischer Bericht*. 624—633.
- VII. 1 (1883). Anzeigen. *Euchologium. Glagolski spomenik manastira Sinaibrda*, izdao dr. Lavoslav Geitler, u Zagrebu 1882. 126—133. Kleine Mitteilungen. *Die neuesten Publikationen der kaiserlichen Gesellschaft der russischen Bibliophilen*. 142—149. — *Bibliographischer Bericht*. 149—160.
- VII. 2 (1883). Kleine Mitteilungen. *Rupci oder Rupalani in Thracien und Macedonien; Eigentümlichkeiten ihres Dialektes*. 320—324.
- VII. 3 (1884). Anzeigen. *Die albanesischen und slavischen Schriften von Dr. Leopold Geitler. Mit 25 photographischen Tafeln*. Wien, Alfred Hölder, 1883. 444—479. Kleine Mitteilungen. *Bibliographischer Bericht*. 480—524.
- VII. 4 (1884). Kleine Mitteilungen. *Altrussische Fragmente in*

Königsberg. 640—643. — *Inhaltsübersicht der Zeitschriften und periodisch erscheinenden Werke.* 647—683.

- VIII. 1 (1884). Anzeigen. L'ornement slave et oriental d'après les manuscrits anciens et modernes, recueilli et étudié par Wlad. Stassoff. St. Pétersbourg 1884. 120—125. — Русскій Лицевой Апокалипсисъ. Сводъ изображеній изъ лицевыхъ Апокалипсисовъ по русскимъ рукописямъ съ XVI-го вѣка по XIX-ый, составилъ Ѳеодоръ Буслаевъ. Москва 1884. 125—131.
- Kleine Mitteilungen. *Bibliographischer Bericht.* 134—176.
- VIII. 2 (1885). Anzeigen. Slawo-deutsches und Slawo-italienisches von Hugo Schuchardt. Gratz 1885. 312—325.
- Kleine Mitteilungen. *Bibliographischer Bericht.* 336—356.
- VIII. 3 (1885). Kleine Mitteilungen. *Ein glagolitiches Manuscript in Porto (in Portugalien).* 547—548.
- VIII. 4 (1885). Anzeigen. Chronique dite de Nestor. Traduite sur le texte slavon-russe avec introduction et commentaire critique par Louis Leger. Paris 1884. 578—583. — П. П. Романовичъ. Фонетика русскаго и древнецерковнослав. языка. СПб. 1885. 584—587. — Dictionnaire abrégé de six langues slaves (russe, vieux-slave, bulgare, serbe, tchèque et polonais), ainsi que français et allemand, rédigé sous les auspices de Son Altesse impériale le Prince Pierre d'Oldenburg par le Prof. F. Miklosich. St. Pétersbourg et Moscou-Vienne 1885. 587—594. — Untersuchungen über Quantität und Betonung in den slavischen Sprachen. I. Die Quantität im Serbischen, von Aug. Leskien. Leipzig 1885. 597—609. — А. Гезенъ. Исторія славянскаго перевода символовъ вѣры. СПб. 1884. 610—612. — Sitte und Brauch der Südslaven. Nach heimischen, gedruckten und ungedruckten Quellen von Dr. Fried. S. Krauß. Wien 1885. 612—632.
- Kleine Mitteilungen. *Die Publikationen der kais. russ. Gesellschaft der Bibliophilen für das Jahr 1883—1885.* 653—660. — *Die russische Palästina-Gesellschaft.* 661—664. — *Zum Dadžbogo* (Archiv V. 1—14). 665.
- IX. 1 (1886). Kleine Mitteilungen. *Wer ist Gertuka in Gorski Vijenac?* 149—150. — *Bibliographischer Bericht.* 151—175.
- IX. 2 (1886). Kleine Mitteilungen. Ветчина oder Вядчина? 313—315. — *Bibliographischer Bericht.* 316—334. — *Philologie und Patriotismus.* 335—344.

- IX. 3 (1886). Kleine Mitteilungen. *Die Alexius-Legende als serbisches Volkslied.* 523—526. — *Eine Notiz zur slavischen Mythologie.* 528. — *Zum Aufsatz »Philologie und Patriotismus«.* 528.
- IX. 4 (1887). *Ein serbischer Textbeitrag zur Georgius-Legende.* 586—592.
 Kleine Mitteilungen. *Eine illyrische (serbisch-kroatische) Übersetzung der Reali di Francia.* 699—701. — *Spuren der Couvade in Weißrußland.* 701—702.
- X. 1 und 2 (1887). Kritische Anzeigen. Dr. W. Vondrák. *Zur Kritik der altslovenischen Denkmale.* Wien 1886. 177—181.
 Dr. St. Smal Stockij. *Über den Inhalt des Codex Hankensteinianus«.* Wien 1886. 185—187. — *Das Slavische (Altslovenische) im Grundriß der vergleich. Grammatik der idg. Sprachen«* von K. Brugmann. I. Straßburg 1886. 188—196. — Фр. Миклошича *Сравнительная морфология слав. языковъ, перев. Н. Шляковъ подъ ред. Ром. Брандта.* IV. Языки чешскій и польскій. Москва 1886. 196—200. — *Славянскія нарѣчія. Лекціи проф. В. И. Григоровича.* Варшава 1884. 202—203. — Dr. Joh. Knieschek. *Zu dem Gedichte Ludiše und Lubor in der Königinhofer Handschrift.* 203. — A. Patera. *Svatovítský rukopis.* V Praze 1886. 204—208. — Jan Gebauer. *Staročes. sklonění zájmené.* V Praze 1885; *Staročeské sklonění substantiv kmene -o.* V Praze 1886. 208—212. — Frant. Bartoš. *Dialekt. moravská. I.* V Brně 1886. 212—218. — Fr. Prusík. *Původ jmene »Čech«.* V Praze 1885. 218—219. — Fr. Vymazal. *Pravopisný slovník a zásady českého pravopisu.* V Brně 1886. 219—220. — Jar. Goll. *Historický rozbor básní rukopisu královského: Oldřicha, Beneše Heřmanova a Jaroslava.* V Praze 1886. 220—223. — *Изъ исторіи романа и повѣсти. Матеріалы и изслѣдованія А. Н. Веселовскаго.* Вып. первый: грековизантийскій періодъ. СПб. 1886. 233—247. — Dr. J. Leciejewski. *Der Lautwert der Nasalvokale im Altpolnischen.* Wien 1886. 248—261. — J. Karłowicz. *Imiona własne polskich miejsc i ludzi od zatrudnień.* Warszawa 1887. 275. — Rzążewski, *Złoty wiek literatury Dubrownika. Pamiętnik akad. w Krakowie* 1885. 284. — E. Golubinskij. *Святые Константинъ и Меодіи первоучители славянскіе.* Москва 1885. 293—295. — *Spomenica tisočletnice Metodove*

- smrti. Spisal Dr. Fr. Kov. V Ljubljani 1885. 295—296. — Меодіевскій юбилейный сборникъ, изд. Импер. варш. университетомъ къ 6 апрѣля 1885 г., подъ ред. А. Будиловича. Варшава 1885. 296—303. — М. Дриновъ. Новый церков.-слав. памятникъ съ упоминаніемъ о слав. первоучителяхъ. СПб. 1885. 303—305. — Р. Лауговскій. Итальянская легенда. Крит. обзоръ изслѣдованій и мнѣній о ней, значеніе ея для исторіи жизни и дѣятельности слав. первоучителей. СПб. 1886. 305—310. — Добрый пастырь и добрая нива. Рѣчь . . . Ал. Кочубинскаго. Одесса 1885. 311. — Гербордова Біографія Оттона епископа бамбергскаго. Крит. изслѣд. Ал. Петрова. СПб. 1883. 312—313. — Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи. Соч. Іос. Первольфа. I. Очеркъ исторіи Славянъ до XVIII вѣка. Варшава 1886. 314—315. — Archäologische Fragmente aus Bulgarien von Dr. C. Jireček. 315—317. — Zur Kunde der Hämus-Halbinsel von W. Tomaschek. II. Die Handelswege im 12. Jahrh. nach den Erkundigungen des Arabers Idrisi. Wien 1887. 317—319. — Автобіографія Импер. Михайла Палеолога, изд. И. Троицкій. СПб. 1885. 319—320. — Јована Бошковића Скупљени списи у осам свезака. Св. I. о српском језику. У Београду 1887. 320—323. — Дјела Вука Стеф. Караџића. Књига прва. Српске народне пјесме. I. Најстарије пјесме јуначке. Биоград 1887. 323—330. — Последњи Бранковићи у историји и у народном певању 1456—1502, написао Ст. Новаковић. У Новоме Саду 1886. 330—334. — Der Bergkranz (die Befreiung Montenegros). Zum erstenmale aus dem Serbischen ins Deutsche übertragen von J. Kirste. Wien 1886. 334—339. — Smailagić Meho. Pjesan naših muhamedovaca, zabilježio Dr. Fr. S. Krauss. U Dubrovniku 1886. 339—346.
- Kleine Mitteilungen. *Ein geschichtliches Zeugnis über serb. »Koleda«.* 352. — *Ein Rhapsode unserer Tage.* 352—354. — *Materialien zur Geschichte der slavischen Philologie.* 360—362.
- X. 3 und 4 (1887). Kritischer Anzeiger: Dr. Fr. Miklosich. Die Blutrache bei den Slaven. Wien 1887. 626—631.
- Kleine Mitteilungen. *Zum Klagegesang der Asanaginica.* 659—660. — *Jan Hanusz.* Nekrolog nebst seinen letzten vier Briefen an den Herausgeber des Archivs. 660—665. — *Hans Reimer.* Nekrolog. 665—666.

- XI. 1 (1888). Kleine Mitteilungen. Die Publikationen der kais. russ. Gesellschaft der Bibliophilen für das Jahr 1885—1886. 154—160.
- XI. 2 (1888). *Die Ausgabe des altrussischen Kodex vom Jahre 1076 nebst den Berichtigungen Simonys.* 233—241.
 Kritischer Anzeiger. *Neueste Belege für den Nasalismus des macedonischen Dialektes.* 264—269.
Bibliographie. 270—288.
 Kleine Mitteilungen. *Zwei Notizen zur Literaturgeschichte Ragusas.* 297—300. — *Neuentdeckte Quelle der Fabel von Istok, Upravda u. a.* 300—304. — *Drei Berichtigungen.* 304—305. — *Slavisches in nordischen Sagen.* 305—308. — *Ein neuer Erklärungsversuch über die Kolbjagen.* 308. — *Ist млѣко — mlěko — ein Lehnwort?* 308—309. — *Die slavische Inschrift auf dem angeblichen Beutel des heil. Stephan.* 311—313. — *Materialien zur Geschichte der slavischen Philologie.* 313—315. — *Inhaltsübersicht der philologischen Zeitschriften und periodisch erscheinenden Werke.* 315—318.
- XI. 3 (1888). *Die Ausgabe des altruss. Kodex vom J. 1076 nebst den Berichtigungen Simonys.* 368—383. Dokončeno.
 Kritischer Anzeiger. *Narodne pjesme Muhamedovaca u Bosni i Hercegovini.* Sabrao Kosta Hürmann. Knjiga prva. Sarajevo 1888. 424—451. — *Praktična gramatika ruskoga jezika, za samouke napisao prof. Pero Budmani.* Zagreb 1888. 451—456. — В. А. Богородицкій, *Курсъ грамматики русскаго языка. Часть 1^а: Фонетика.* Варшава 1887. 456—459.
- XI. 4 (1888). Kleine Mitteilungen. *Zur Legende von dem sich verbergenden und wiederkehrenden Kaiser.* 630—631. — *Nachtrag zu S. 311 betreffs einer mittelalterlichen Schilderung Konstantinopels.* 632—633. — *Bibliographie.* 633—640.
- XII. 1 und 2 (1889). Kritischer Anzeiger. *Monumenta linguae palaeoslovenicae collecta et in lucem edita cura et opera Aem. Kalužniacki.* Tom. primus: *Evang. Putnanum.* Vindobonae et Teschenae. 1888. 275—279. — П. Барсуковъ. *Жизнь и труды М. П. Погодина.* СПб. 1888, I; 1889 II. 279—280. — Dr. Č. Zíbrt. *Staročeské výroční obyčeje, pověry, slavnosti a zábavy a t. d. V. Praze* 1889. 281—282. — *Словарь болгарскаго языка, сост. А. Дювернуа.* Москва 1885—1889. Вып. I—VII. 282—287. — *Разколъ на Дону*

- въ концѣ XVII вѣка. Изслѣд. В. Г. Дружинина. СПб. 1889. 288. — Dr. W. Körner. W. M. Garschin (zwei Erzählungen, russisch, mit Anm.) Sondershausen 1889. 288—289. — Dr. Oskar Ásbóth. Kurze russ. Gramm. Leipzig 1889. 289. Kleine Mitteilungen. *Der grüne Georg.* 306—307. — *Syncretistische Formen von Städtenamen.* 315.
- XII. 3 und 4 (1890). Kritischer Anzeiger. Über die Waltersage von Prof. Dr. R. Heinzel. Wien 1888. Dvě povídky v české literatuře XV stol. Podává Dr. Jiří Polívka. V Praze 1889. 595—599. — R. Heinzel. Über die ostgothische Heldensage. Wien 1889. 599—602. — Istorija hrvatskoga pravopisa latinskim slovima. Napisao Dr. T. Maretić. U Zagrebu 1889. 602—609. — Kosovski junaci i dogodjaji u narodnoj epici. Napisao Dr. T. Maretić. U Zagrebu 1889. 609—615. — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, na svijet izdaje jugoslav. Akademija. U Zagrebu 1888—1889, svezak 8—10. 615—618. — Сборникъ отъ народни умотворения, обичаи и др., нарежда Ат. Т. Илиевъ. Първи отдѣлъ. Народни пѣсни. Кн. I. София 1889. 619—624. — Dejiny literatúry slovenskej, napísal Jar. Vlček. Čiast prvá. V Turč. Sv. Martine 1889. Ruský překlad prof. T. Florinského. 625—627. — Свѣтѣ Евангеліе господа нашего Иисуса Христа. Древнеслав. текстъ. Казань 1889. Vydal N. Ilminskij. 627—629. — Russ. Chrestomathie für Anfänger. Von Dr. Oskar Ásbóth. Leipzig 1890. 629. Kleine Mitteilungen. *Zwei bibliographische Seltenheiten.* 630—636.
- XIII. 1 (1890). *Meine Gegenbemerkung* (zur vorigen Abhandlung über die altruss. und čech. Partic. auf -a). 114—117. Kritischer Anzeiger. Стари српски хрисовуљи, акти, биографије и др., прибрао их Љуб. Стојановић. У Београду 1890. 118—128. — Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина, изд. Министерството на народното просвѣщение. Кн. I. II. София 1889. 128—135. — Обычаи и пѣсни турецкихъ Сербовъ. Второе изд. СПб. 1889. Vydal I. S. Jastrebov. 135—138. — I. Scheinigg. Narodne pesni koroških Slovencev. Ljubljana 1889. 138—140. — Narodne pjesme Muhamedovaca u Bosni i Hercegovini, sabrao K. Hörmann. II. Sarajevo 1889. 140—141. — Осман Ивана Гундулића. Приправио за штампу Јован Бошко-

вић. У Земуну 1890. 141—144. — Прилози за синтаксу српскога језика. I. О падежима без предлога. Написао Пера П. Ђорђевић. Београд 1889. 145—146. — Српска синтакса својим ученицима саставио Јован Живановић. Нови Сад 1889. 147. — *Národní písně moravské v nově nasbírané*, vydal Fr. Bartoš. V Brně 1888—1889. 147—148.

- XIII. 2 (1890). *Kritischer Anzeiger*. Бранко Радичевић, од Свет. Вуловића. У Београду 1889. 237—240. — Свето-степански хрисовул краља Уроша II. Милутина, vyd. zemská vláda bosensko-hercegovská a král. akademie srbská. 1890. *Srovnání a dodatky*. 253—272¹⁾. — Гусли, русскій народный музыкальный инструментъ. Истор. очеркъ Ал. С. Фаминцина. СПб. 1890. 273—274. — Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи. Соч. Јос. Первольфа. III. До конца XVIII в. Часть 1-ая. Западные Славяне. Варшава 1890. 274—276. — *Žaltář klementinský*, vyd. A. d. Patera. V Praze 1890. 276—278. — An Essay on the importance of the study of the slavonic languages by M. R. Morfill. London 1890. 278—279. — *Nauka o pravopisu jezika hrvackoga ili srpskoga*, sastavio Marćel Kušar. U Dubrovniku 1889. *Čakavske osobine u današnjem dubrovačkom dijalektu*, sast. M. Kušar. U Dubrovniku 1889. 279—281. — Обзоръ исторіи русскаго права проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова. Изд. второе. СПб.-Кіевъ 1888. Русскія юридическія древности. Томъ I. Территорія и населеніе. В. Сергѣевича. СПб. 1890. 285—300.
- XIII. 3 (1890). *Einige Bedenken* (aus Anlaß der vorhergehenden Abhandlung über die Grenzen der Čakavština). 388—397. *Kritischer Anzeiger*. *Tolstojs »Krieg und Friede« in einer kroatischen Übersetzung*. 463—470. — *Bibliographisches*. 470.
- XIII. 4 (1891). *Kritischer Anzeiger*. J. A. Lundell, *Études sur la prononciation russe*. 1^e partie: *Comptendu de la littérature*. Upsala 1890. 598—600. *Bibliographisches*. 610—615. *Kleine Mitteilungen*. *Neue Erscheinungen im serbischen Auslaut*. 627—631. — *Aus dem Leben der serbischen Volksepik*. 631—636.

¹⁾ К тому článku: Die goldene Bulle des Despoten Stefan. Notizen aus dem I. Teil des II. Bdes der Wissensch. Mitteil. aus Bosnien u. Herzeg.

- XIV. 1 (1891). Kleine Mitteilungen. *Eine Midas-Sage in bosnischer Fassung*. 148—150. — *Privilegien einiger dalmatischer »Vlachen« aus dem J. 1436*. 156—157.
- XIV. 2 (1891). Kleine Mitteilungen. *Materialien zur Geschichte der slavischen Philologie*. 10. *Miklosichs Briefe an den Herausgeber dieser Zeitschrift*. 300—320.
- XIV. 3 (1892). Kleine Mitteilungen. *Materialien zur Geschichte der slavischen Philologie*. 10. *Miklosichs Briefe an den Herausgeber dieser Zeitschrift*. 452—462.
- XIV. 4 (1892). Kleine Mitteilungen. *Bibliographisches*. 613—636.
- XV. 1 (1892). Kritischer Anzeiger. L. Tolstoj's Werke in deutscher Übersetzung, unter der Red. von Raphael Löwenfeld. Berlin. I. II. 1892. 103—108. — Село. Из дела »Народ и земља у старој српској држави« од Стој. Новаковића. Београд 1891. 108—117. — *Vuks serbisches Wörterbuch in neuer (dritter) Ausgabe* 1892. 123—135. *Bibliographisches*. 136—145.
- XV. 2 (1892). Kritischer Anzeiger. *Prešpurský slovník*, vyd. Ferd. Menčík. V Praze 1892. 308—311. — *Oblici hrvatskoga ili srpskoga jezika*, napisao Gj. Daničić. Osmo izdanje 1892. U Zagrebu. 311—313.
- XV. 3 (1892). Kritischer Anzeiger. *Общеславянскій языкъ въ ряду другихъ общихъ языковъ древней и новой Европы*. Ант. Будиловича. Варшава 1892. Dva svazky. 417—423. *Bibliographisches*. 424—441.
- XV. 4 (1893). *Ein Zusatz* (zur vorhergehenden Abhandlung über die Deklination der sog. -ja und -jo-Stämme im Slavischen). 518—524. *Bibliographisches*. 602—619.
- XVI. 1 und 2 (1894). Kritischer Anzeiger. *Missale Romanum Slavonico idiomate ex decreto sacrosancti concilii tridentini restitutum etc.* Romae 1893. 210—216. — В. Васильевскій. Русско-византийскія изслѣдованія. Вып. 2-ой. Житія свв. Георгія Амастридскаго и Стефана Сурожекаго. СПб. 1893. 216—224. — В. Истринъ. Александрія русскихъ хронографовъ. Изгледов. и тексты. Москва 1893. 224—229. — М. Халанскій. Югославянскія сказанія о Кралевицѣ Маркѣ въ связи съ произведеніями русскаго былевого эпоса. I. Варшава 1893. 229—235. — Први основи словенске књижевности међу балканским Словенима. Легенда о Владимиру и Косари.

- Культурноистор. студије Ст. Новаковића. У Београду 1893. 235—240. — Къ литературной исторіи древне-русскихъ сборниковъ. Опытъ изслѣдов. »Измарагда«. В. А. Яковлева. Одесса 1893. 240—242.
Bibliographisches. 282—301.
Dr. Franz Rački. Nekrolog. 320.
- XVI. 3 und 4 (1894). *Kritischer Anzeiger.* *Historická mluvnice jazyka českého.* Napsal Jan Gebauer. Díl I. Hláskosloví. V Praze a ve Vídni. 1894. 505—528. — Joh. Topolovšek. *Die basko-slavische Spracheinheit.* I. Einl. Vergl. Lautl. Wien 1884. 528—530.
Bibliographisches. *Die Publikationen der kais. russ. Gesellschaft der Bibliophilen für das Jahr 1887—1893.* 550—555. — *Bibliographisches Verzeichnis der eingesendeten Werke und Sonderabdrücke aus den Zeitschriften.* 570—577. *Kleine Mitteilungen.* *Materialien zur Geschichte der slavischen Philologie.* 11. *P. J. Šafáříks Briefe nach Karlowitz an den Metropolitén Stanković und den Patriarchen Rajačić.* 617—632.
- XVII. 1 und 2 (1895). *Ein Kapitel aus der Geschichte der süd-slavischen Sprachen.* 47—87.
Bibliographisches. 290—316.
- XVII. 3 und 4 (1895). *Bibliographisches.* 607—625.
- XVIII. 1 und 2 (1896). *Bibliographischer Bericht.* 261—286, 287—296, 299—305, 306—310.
Kleine Mitteilungen. *Ein bibliographischer Fund und eine Bitte.* 318—320.
- XVIII. 3 und 4 (1896). *Bibliographischer Bericht.* 585—587, 591—613, 614—616, 618—620, 627—628.
Dr. Vatroslav Oblak. Nekrolog. 631—635.
- XIX. 1 und 2 (1896). *Kritischer Anzeiger.* И. Филевичъ. *Исторія древней Руси.* I. Территорія и населеніе. Варшава 1896. 230—240.
Bibliographischer Bericht. 269—278, 280—281, 291—296, 304—307, 310—315, 316—318.
Dimitri Mator. Nekrolog. 319—320.
- XIX. 3 und 4 (1897). *Kritischer Anzeiger.* *Hrvatske narodne pjesme.* Skupila i izdala Matica hrvatska. *Odio prvi. Junačke pjesme.* Knjiga prva. Zagreb 1896. 627—633.

- XX. 1 (1898). *Einige Streitfragen. 1. Zur Provenienz der Kijever glagol. Blätter. 1—13. 2. Verwandtschaftsverhältnisse innerhalb der slavischen Sprachen. 13—53.*
 Kritischer Anzeiger. Вѣлѣкорусскія народныя пѣсни, изд. проф. А. И. Соболевскимъ. Томъ III. СПб. 1897. 151—152.
- XX. 2 und 3 (1898). Kritischer Anzeiger. Tim. Florinskij, Лекціи по слав. языкознанію. Часть вторая. Сѣверозападные славянскіе языки. СПб. 1897. 360—367. — Grundriß der vergl. Gram. der idg. Sprachen von Karl Brugmann und Berthold Delbrück. 2. Bearb. Erster Bd. Einl. u. Lautl. Straßburg 1898. 367—374. — Евгеній Будде. Къ исторіи великорусскихъ говоровъ. Опытъ истор.-сравнит. изслѣдованія нар. говора въ Касимовскомъ уѣздѣ Рязанской губ. Казань 1896. 374—381.
Bibliographischer Bericht. 428—442, 469—473.
- XX. 4 (1898). *Die slavischen Composita in ihrem sprachgeschichtlichen Auftreten. I.-V. 519—556.*
 Kleine Mitteilungen. *Bibliographische Übersicht der slavischen Zeitschriften philologischen, literaturgeschichtlichen und ethnographischen Inhalts. 625—638. — Rückblicke auf die Zeitschrift zum Abschluß des XX. Bandes. 638—644.*
- XXI. 1 und 2 (1899). *Die slavischen Composita in ihrem sprachgeschichtlichen Auftreten. VI.—VIII. (Schluß.) 28—43.*
 Kritischer Anzeiger. Povjest književnosti hrvatske i srpske. Napisao Dr. Đuro Šurmin. U Zagrebu 1898. 245—251.
 Kleine Mitteilungen. *Nekrologe: Fedor Ivanovič Buslajev, Matija Valjavec, Lucian Malinowski, Juri Dimitrijevič Filimonov, Alexej Stepanovič Pavlov, Nikolaj Fomič Krasnoselcev, Ernst Kunik, Afanasjev Fedorovič Byčkov, Vasilij Grigorjevič Vasiljevskij. 310—319. — Abrechnung (über die Beiträge zur Errichtung eines Grabdenkmals für V. Oblak). 320.*
- XXI. 3 und 4 (1899). *Die cyrillische Inschrift vom J. 993. II. Zur Palaeographie der Inschrift. 551—557.*
 Kritischer Anzeiger. Junačke pjesme (muhamedovske). Knjiga treća. Uredio Dr. Luka Marjanović. Zagreb 1898. 626—634. — L'Évangélique slavon de Reims, dit: Texte du sacre. Edition facsimile etc. par Louis Leger. 1899. Paris-Prague. 635—636.

- XXII. 1 und 2 (1900). *Einige Streitfragen*. 3. *Eine einheitliche slavische Ursprache?* 11—38. 4. *Nochmals die Kijeuer Blätter*. 39—45.
Beiträge zur Ethnographie der hannoverschen Elbslaven. 134—140.
 Kritischer Anzeiger. Изслѣдованіе о языкѣ I-ой новгородской лѣтописи, трудъ Б. Ляпунова. СПб. 1899. 255—263. — Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika, napisao Dr. T. Maretić. 1899. Zagreb. 263—278.
- XXII. 3 und 4 (1900). *Bruchstück eines glagolitischen Meßbuches*. 525—542.
 »Die irrationalen Vokale.« 553—560.
 Kleine Mitteilungen. *Eine cyrillische Urkunde aus dem Jahre 1434*. 619. — *Rumänisch-kroatisches Vaterunser und Avemaria aus Poljica auf der Insel Veglia vor dem Jahre 1525*. 621—622.
- XXIII. 1 und 2 (1901). *Einige Streitfragen*. 5. *Welcher von den zwei slavischen Schriften soll die Priorität zuerkannt werden?* 113—121. — 6. *Zum doppelten slavischen Palatalismus*. 121—129.
 Kritischer Anzeiger. A. N. Pypins Russische Literaturgeschichte. 4 Bände. 277—291.
 Kleine Mitteilungen. *Zur altserbischen Bibliographie*. 305—307.
- XXIII. 3 und 4 (1901). Kritischer Anzeiger. Rječnik hrvatskoga jezika. Skupili i obradili Dr. Fr. Iveković i Dr. Ivan Broz. Sv. I. A—O. U Zagrebu 1901. 521—529¹⁾. — Slovník staročeský. Napsal Jan Gebauer. V Praze 1901. A—boj. 530—535. — A. Brückner. Cywilizacija i język. Warszawa 1901. 535—540. — Н. Шляковъ. Статьи по славянскимъ нарѣчьямъ и русскому языку. Вып. II. Варшава 1900. 540—543. — Г. Ильинскій. Происхождение частицы зн въ болгарскомъ и сербскомъ языкахъ. Варшава 1901. 544—545. — O tak zwanem mazurowanii w języku polskim, napisal Stan. Dobrzycki. W Krakowie 1900. 552—553. — Уводъ въ историята на българскій языкъ. А. Прѣгледъ върху българскитѣ говори отъ др. Б. Цоневъ. София 1901. Vukčetić:

¹⁾ Srv. referát v časop. Hrvatska, 1902, č. 3 (4. I.) a odpověd Fr. Ivekoviće v časop. Vienac, 1902, č. 4 a 5.

Jezik u Kerečkom. 553—560. — J. Bandonin de Courtenay: a) Sull' appartenenza linguistica ed etnografica degli Slavi del Friuli. Cividale 1900; b) Slaves. III. Linguistique, dans la «Grande Encyclopédie»; c) Wskazówki dla zapisujących materjały gwarowe na obszarze językowym polskim. W Krakowie 1901. 571—574. — Nářečí česko-moravské, naps. Ign. Hošek. Díl prvý: Podřečí polenské. V Praze 1890. 574—576. — Р. Θ. Брандтъ. О лженаучности нашего правописанія. Воронежъ 1901. 576—579. — Программы для собиранія особенностей народныхъ говоровъ. I. Программы для собиранія особенностей великорусскихъ говоровъ. СПб. 1900. 579—581. — А. С. Петрушевичъ. Лингвистико-историческія письма. Греческо-словенское письмо и глаголица. Львовъ 1901. 582—585. — В. А. Богородицкій. Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку. Казань 1901. 585—588. — С. Г. Вилинскій. Сказаніе черноризца Храбра о письменахъ славянскихъ. Одесса 1901. 588—590. — А. Л. Погодинъ. Изъ исторіи славянскихъ передвиженій. СПб. 1901. 610—622.

XXIV. 1 und 2 (1902). *Zusatz (zum vorhergehenden Beitrag)*. 228—229. *Kritischer Anzeiger*. Rječnik hrvatskoga jezika, skupili i obradili Dr. Fr. Iveković i Dr. Ivan Broz. Sv. II. P—Ž. U Zagrebu 1901. 230—242. — Сложныя слова въ польскомъ языкѣ. Изслѣдованіе И. Л. Лося. СПб. 1901. 246—249. — И. Е. Евсеѣвъ. Замѣтки по древнеславянскому переводу св. писанія. I—V. 254—262. — А. Соболевскій. Церковнославянскіе тексты моравскаго происхожденія. Варшава 1900. 263—268. — Н. В. Шляковъ. О поученіи Владиміра Мономаха. СПб. 1900. 268—272.

Kleine Mitteilungen. Weitere Spuren der glagolitischen Buchstaben in den cyrillischen Handschriften. 313—314. — *Zur orthographischen Frage in Rußland*. 319—320.

XXIV. 3 und 4 (1902). *Kritische Nachlese zum Texte der altserbischen Vita Symeonis (Stefan Nemanjas), geschrieben von seinem Sohne, dem erstgekrönten König Stefan*. 556—567. *Kritischer Anzeiger*. О нѣкоторыхъ архаизмахъ и новообразованіяхъ праславянскаго языка. Морфол. этюды Г. И. Ильинскаго. Прага 1902. 579—586. — Угро-русски народны спѣванки, издалъ Михайлъ Врабель. I. Спѣванки Мараморошки. Будапештъ 1901. 620—622. — Slovenske

- narodne pesmi. Uredil Dr. K. Štrekelj. I. V Ljubljani 1895—1898; II. 1900—1901. 623—624. — Великорусскія народныя пѣсни, изд. А. И. Соболевскій. IV—VIII. Спб. 1898—1902. 624—627. — Српске народне пјесме, скупно их Вук Стеф. Караџић. V—IX. Биоград 1898—1902. Red. Ljub. Stojanović. 628—629.
- XXV. 1 (1903). *Analecta romana*. I—V. 1—47.
 Kritischer Anzeiger. *Slovanské starožitnosti*, sepsal dr. L. Niederle. V Praze 1902. I. 136—145.
 Kleine Mitteilungen. *Einige Notizen über den russ. Dialekt Tobolsks*. 159.
- XXV. 2 (1903). *Kritischer Anzeiger*. M. Zdziechowski. *Odrodzenie Chorwacyi w wieku XIX*. W Krakowie 1902. 317—320.
- XXV. 3 (1903). Nepřináší žádného příspěvku od vydavatele.
- XXV. 4 (1903). *Ein Nachtrag zum »ersten Cetinjer Kirchendruck vom Jahre 1494«*. 628—637.
Danksagung (dem Verleger und den Mitarbeitern beim Abschluß dieses »Jubiläumsbandes«). 655.
- XXVI. 1 (1904). *Kritischer Anzeiger*. *Glagolitica. Publicationes palaeoslovenicae Academiae Veglensis*. 1903. I. *Recensio croatico-glagolitici fragm. Verbenicensis, auctore Jos. Vajs*. Veglac 1903. 123—126.
- XXVI. 2 (1904). *Kritischer Anzeiger*. *Stara i nova postojbina Hrvata*. Napisao Dr. Ivan Ružić. Zagreb 1903. 312—313.
- XXVI. 3 (1904). Nepřináší žádného příspěvku od vydavatele.
- XXVI. 4 (1904). *Cugunder*. (Erinnerungen an J. Grot und A. Schiefner.) 575—578.
Ein Prediger aus dem Ende des XVII. Jahrh. in Agram. 578—597.
Kritischer Anzeiger. *Ein Nachtrag zum Briefwechsel des Dichters Preradović*. 608—626.
- XXVII. 1 (1905). *Slavische Fragmente aus der Bibliothek S. Giacomo della Marca in Monteprandone*. 85—91.
Kritischer Anzeiger. *Hrvatski prepород*. Napisao Đuro Šurmin. I. II. U Zagrebu. 1903—1904. 133—138.
Kleine Mitteilungen. *Der Ausdruck вѣсждѣ in den altkirchlichen Denkmälern*. 141—142.

XXVII. 2 (1905). *Kritischer Anzeiger*. Sloveni v šomodski županiji na Ogrskem. Napisal Ant. Trstenjak. V Ljubljani 1905. 303.

Kleine Mitteilungen. *Spolari — Spolarich*. 313.

XXVII. 3 (1905). *Meine Zusätze zum Studium der Werke des slavischen Klemens*. 384—412.

Kritischer Anzeiger. Н. К. Грунскій. Памятники и вопросы древнеслав. письм. I. Кіевскіе глаг. листки. Пражскіе глагол. отрывки. Юрьевъ 1904. Dr. V. Vondrák. O původu kijevských listů a pražských zlomků. V Praze 1904. 441—446. — Ив. Евсеѣвъ. Книга проп. Данила въ древнеслав. переводѣ. Москва 1905. 447—454. — А. В. Михайловъ. Къ вопросу о литер. наслѣдіи свв. Кирилла и Меѳодія въ глагол. хорв. миссалахъ и бревиаріяхъ. Варшава 1904. 454—457. — J. Baudouin de Courtenay. Szkice językoznawcze. I. Warszawa 1904. 458—460. — Beiträge zur polnischen Wortbildung von Titus Benni. I. Einführung. Produktive Personalsuffixe. Leipzig 1905. 460—461. — A. S. Petruszewicz. O pierwszym zawiązku familii u aryjskich narodów w szczególności u Słowian. Lwów 1903. 461—463.

XXVII. 4 (1905). *Kritischer Anzeiger*. А. М. Лукьяненко. Кайкавское нарѣчіе. Кіевъ 1905. 578—586. — Nářečí českomoravské. Napsal Ign. Hošek. II. Podřečí polenské. V Praze 1905. 586—587. — Ignatii Georgii Vitae et carmina nonnullorum illustrium civium Ragusinorum, ed. prof. Pavle Popović. 1905. 587—596. — Vjestnik kr. hrv.-slav.-dalm. zem. arkiva, uredjuje dr. J. Vojnićić, Zagreb 1899 sq. (dosud 6 svazků) 598—600. — А. Ермоловъ. Народная сельскохозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣткахъ. 4 svazky. СПб. 1901—1905. 600—607.

Kleine Mitteilungen. *Der kluge Knabe*. Ein kroatisches Märchen aus dem Kreis »Die kluge Dirne«. 611—614. — *Nekrologe*: Alex. Nikolajevič Pypin, Milivoj Šrepel, Ivan Tkalčić, Gregor Krek, Parion Ruvarac, Polychr. Ag. Syrku, Alex. Iv. Smirnov. 630—636.

XXVIII. 1 (1906). *Einige Streitfragen*. 7. *Klassifikation des slavischen Verbums*. 17—27. 8. *Nochmals das slavische Imperfektum*. 27—35. 9. *Das Futurum des Stammes бѣ*. 35—36.

Kritischer Anzeiger. Б. М. Ляпуновъ. Формы склоненія въ старословянскомъ языкѣ. I. Скл. именъ. Одесса 1905. 117—125.

XXVIII. 2 und 3 (1906). *Cyrillo-Methodiana*. 161—162.

Mein Zusatz (zur vorhergehenden Abhandlung über das Verhältnis des Freis. Dkm. zu einer Homilie des Klemens) 260—261.

Kritischer Anzeiger. Zur slavischen Runenfrage. Dr. Jan Leciejewski. Runy i runiczne pomniki słowiańskie. Lwów 1906. 385—392.

Kleine Mitteilungen. Nekrolog: Ant. Kalina. 480.

XXVIII. 4 (1906). Kleine Mitteilungen. Nekrologe: Alex. Nik. Wesselofsky. 634—637. Martin Hajnal 640.

1879. *Quattuor evangeliorum Codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus*. Characteribus cyrillicis transcriptum notis criticis prolegomenis appendicibus auctum adiuvante summi ministerii borussici liberalitate edidit V. Jagić. Berolini, apud Weidmannos, MDCCCXXIX. 4°. XLV + 174. Tabulae tres. Rec. J. Martinov, Revue bibliogr. univers. X-° ser., t. X., XXVI-° d. la collect. Paris 1879.

1880. Законъ Винодольскій. Подлинный текстъ съ русскимъ переводомъ, критическими замѣчаниями и объясненіями. СПб. 4°. V + 152. No. 54 vydání Общ. Люб. Др. Письм.

Über die Sprache und Literatur der heutigen Bulgaren. Deutsche Rundschau, herausgeg. v. Jul. Rodenberg. Berlin. VI. Jahrg., Heft 10, Juli. 57—71.

Zum altslavischen Malalas. Hermes XV, 230 fg. (1880).

1882. *Specimina linguae palaeoslovenicae*. Образцы языка церковно-славянскаго по древнѣйшимъ памятникамъ глаголической и кирилловской письменности. СПб. 4°. 148.

Recense spisu Herm. Jirečka Svod zákonů slov. Deutsche Litteraturz., No. 30, 1078.

1883. *Quattuor evangeliorum versionis palaeoslovenicae codex Marianus glagoliticus*. Characteribus cyrillicis transcriptum edidit. Berolini apud Weidmannos. Памятникъ глаголической письменности. Маринское четвероевангеліе съ примѣчаниями и приложеніями. Изд. отдѣл. русск. языка и словес. Импер. Академіи наукъ. СПб. 4°. XX + 607. 2 snímky. Rec. L. Masing, Gött. gel. Anz. 1. Sept. 1884; A. Budilovič, ЖМНпр. 1884, Febr. 152—169.

1884. Четыре критико-палеографическія статьи. Приложение къ Отчету о присужденіи Ломоносовской преміи за 1883 годъ. Съ тремя литограф. таблицами. СПб. 8°. 191.
1885. Источники для исторіи славянской филологіи. Томъ I. Изд. второго отдѣл. Импер. Акад. наукъ. СПб. *Briefwechsel zwischen Dobrowsky und Kopitar (1808—1828). Mit einem Portrait und zwei lithographischen Beilagen.* Berlin. 8°. CVII + 745. Rec. A. Brückner, Arch. IX, 298—306.
Вопросъ о Кириллѣ и Меѳодіи въ славянской филологіи. Рѣчь. Приложение къ LI-му т. Записокъ Импер. Ак. наукъ. No. 1. СПб. 8°. 60. Do srbštiny přelož. Ch. Liler, Beograd 1890.
1886. *Carminum christianorum versio palaeoslovenico-rossica. Menaea Septembris, Octobris, Novembris.* Ad fidem vetustissimorum codicum edidit. Accedunt sex specimina scripturae. Petropoli. 8°. CXXXVI + 01 — 0242 + 1 — 609. Rec. A. Brückner.
1888. Въместо предисловія. (Úvodní výklady, předeslané vydání statutu ostrova Krku, v суг. а lat. přepise, od paní Jevreinové, v publikacích Общ. Люб. др. письм. ѣ 44). Вѣна, 20 апрѣля 1888. 8°. 15. Трудъ В. В. Стасова: »Славянскій и восточный орнаментъ«. Рецензія. Вѣна, 29. дек. 1887. Вѣстникъ изящныхъ искусствъ. 1888. 4°. 146—185.
1889. Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка. СПб. 8°. 171. (Rozbor knihy prof. A. I. Sobolevského »Лекціи по исторіи русскаго языка«.)
1890. *Glagolitica. Würdigung neuentdeckter Fragmente.* Mit zehn Tafeln. Wien. 4°. 62. Denkschr. der kais. Akad. der Wiss. in Wien, philos.-histor. Klasse. Bd. XXXVIII. Rec. A. Kalina, V. Oblak, V. Ščepkin a j.
Светостефански хрисовуль краља Стефана Уроша II. Милутина. Из Старога Сараја изпесла на свијет Земальска влада за Босну и Херцеговину. Са 4 снимка. У Бечу. VII + 47. Ankündigg. in The Academy, 1890, No. 934.
Статут Пољички. Уредно. (Прештампано из књиге IV. Monumenta historico-juridica југославенске академије знаности и имјетности.) У Загребу. 8°. XXXII + 137.
Slavische Incunabeln auf Pergament. »Anzeiger« der kais. Akademie der Wissenschaften in Wien. Jahrg. 1890, Nr. XXI, S. 87—89.
О сочиненіи проф. А. А. Кочубинскаго Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія. СПб. 1890. 8°. 14.

1891. *Missale glagoliticum Hervoiae ducis Spalatensis. Argumentum codicis explicavit.* Vindobonae. fol. 63 pp.
1892. Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ. Матвѣя Соколова. Выпускъ первый. Москва 1888. Рецензія. СПб. 8°. 27.
Die Menandersentenzen in der altkirchenslavischen Übersetzung. Wien. 8°. 104. Sitzungsber. der kais. Akad. der Wiss. Bd. CXXVI.
Das byzantinische Lehrgedicht Spaneas in der kirchenslavischen Übersetzung. Wien. 8°. 42. Sitzungsber. der kais. Akad. der Wiss. Bd. CXXVII. Cf. Byz. Ztschr.
Der weise Akyrios. Byz. Zeitschr., herausgeg. von K. Krumbacher, I. Leipzig 1892.
Slavorum Carmina epica selecta. Edidit. Sumptibus seminarii slavici Vindobonensis. Vindobonae. 8°. 96.
 Разум и философія. Из српскихъ књижевнихъ старина издао. Београд. 4°. XXXI + 103. Споменикъ српске краљевске Академије. XIII.
1893. *Glagolitica II. Grškovičev odlomak glagolskog apostola.* Izdao i ocijenio. Sa 4 fototipska snimka. (Preštampano iz XXVI. knjige Starina jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti.) U Zagrebu. 8°. 129.
Slavische Beiträge zu den biblischen Apocryphen. I. Die altkirchenslavischen Texte des Adambuches. Wien. 4°. 104. Denkschr. der kais. Akad. d. Wiss. Bd. XLII. Rec. E. Schürer. Kiel.
Die erste südslavische Typographie im XV. Jahrh. Wiener Zeitung, 1893, 28. Juni (No. 146).
 Вновь найденное свидѣтельство о лѣятельности Константина философа, первоучителя Славянъ св. Кирилла. СПб. 8°. 44.
 Сочиненія Петра Хельцицкаго. I. Сѣтъ вѣры. — II. Реплика противъ Бискупца. Трудъ Ю. С. Анненкова. Окончалъ по порученію Отдѣл. русскаго языка и словесности Н. В. Ягичъ. СПб. 8°. LI. 542.
1894. *Der erste Cetinjer Kirchendruck vom Jahre 1494.* Eine bibliographisch-lexikalische Studie. Erste Hälfte. Bibliographisch-Kritisches. Wien. 4°. 80. (Denkschr. der kais. Akademie der Wiss. Bd. XLIII.) Zweite Hälfte. Griechisch-slavisches Glossar mit einem slavisch-griechischen Wörterverzeichnis. Wien. 4°. 71. (Ibidem.)
 Vortrag über die Quantitäts- und Betonungsverhältnisse in den slav. Spr. IF. III, 1894, Anz. 251—254: Bd. III, Heft 3.

1895. *Corpus grammaticorum sloveno-rossicorum*. Разсужденія южно-славянскоѣ и русскоѣ старины о церковнославянскомъ языкѣ. Исслѣдованія по русскому языку. Изданіе отдѣл. русскаго языка и словесности Импер. Академіи наукъ. Томъ I. Спб. 8°. XXIII. 1—1023. Rec. L. Leger, *Revue crit.* 1897, No. 7.
- Ruska književnost u osamnaestom stoljeću*. Napisao. Zagreb. 8°. 281. *Slike iz svjetske književnosti*. III. Izdanje »Matice hrvatske«.
- Die Geheimsprachen bei den Slaven*. I. Bibliographie des Gegenstandes und die slavischen Bestandteile der Geheimsprachen. Wien. 8°. 80. *Sitzungsber. der kais. Akad. der Wiss.*, Bd. CXXXIII.
- Einige Worte über bosnische Inschriften auf Grabsteinen*. Wien, 1895.
- Zwei Artikel »*Russische Sprache*« und »*Slavische Sprachen*« in Johnson's Universal Cyclopaedia, New York.
- Ein Beitrag zur südslavischen Bibliographie*. 8°. 1—5. Aus dem Anzeiger der philos.-hist. Klasse der kais. Akad. der Wiss. Wien, Jahrg. 1895. No. I. Anz. J. Milčetić, *Obzor*, 1895, No. 24.
- Ein zweiter Beitrag zur südslavischen Bibliographie*. 8°. 1—10. Ibid. No. VII.
- Ein dritter Beitrag zur südslavischen Bibliographie*. 8°. 1—6. Ibid. No. X.
1896. *Ein vierter bibliographischer Beitrag*. 8°. 1—13. Ibid. Jahrg. 1896. No. VI.
- Novo nadjena stara latinicom štampana hrvatska knjiga*. Vienae 1896, No. 4.
- Размѣръ (двѣнадцатислоговой) древнѣйшихъ стихотвореній поэтовъ славянскихъ (сербохорватскихъ) въ Далмаціи. Спб. 8°. 28. Отд. оттискъ изъ Изв. Отдѣл. русск. яз. и слов. Импер. Ак. наукъ, I (1896), 3, 439—466.
- Rozbor knihy P. A. Kulakovského Illirizmъ*. Спб. 1896.
1897. *Источники для исторіи славянскоѣ филологіи*. II. Изданіе Отдѣл. русск. яз. и слов. Импер. Ак. наукъ. Новыя письма Добровскаго, Копитара и другихъ югозападныхъ Славянъ. Спб. 8°. III + CII + 925.
- Franz v. Miklosich*. Rede gehalten am 4. Juli 1897 bei der Enthüllungsfest der Miklosich-Büste in der Wiener Universität. *Wiener Zeitung*, 1897, No. 151 (6. Juli).
- Замѣтка объ одномъ рукописномъ словарѣ нѣмецко-русскомъ XVII^{го} столѣтія. Изв. Отд. русск. яз. и слов. II, 2, 281—301.

Kopitar und Vuk. Wiener Zeitung.

Die Aufgabe der Erforschung der südslavischen Dialekte, erläutert an dem Verhältnisse der serbo-kroatischen Schriftsprache zur bosnisch-herzegovinischen Mundart. 8°. 1—18. Aus dem Anzeiger der philos.-hist. Klasse (der kais. Akad. der Wiss., Wien), Jahrg. 1897, No. XI.

Vorläufige Berichte der Balkan-Kommission. I. Über Dialektforschung auf der Balkanhalbinsel, nach den Mitteilungen der Herren Prof. Miletič in Sofia, Prof. v. Rešetar in Wien u. dr. Aranza in Spalato zusammengestellt. 8°. 23. Ibid. No. XXIII. *Vsuh prorokov stumačenje hrvatsko. Veteris testamenti prophetarum interpretatio istro-croatica saeculi XVI.* Adiuante Academiae litterarum caes. Vindobonensis liberalitate. Vindobonae-Berolini. 8°. VII + 315. Rec. W. Vondrák, Deutsche Litteraturz. 1899, No. 23, 896—98; H. H(ir)t, Lit. Centralbl. f. D. No. 47, 1898.

1898. *Evangelium Dobromiri.* Ein altmacedonisches Denkmal der kirchenslavischen Sprache des XII. Jahrhunderts. Grammatisch und kritisch beleuchtet. I. Grammatischer Teil. Mit drei Tafeln. Wien. 8°. 80. Sitzungsber. der kais. Akad. der Wiss., Bd. CXXXVIII. II. Hälfte. Lexikalisch-kritischer Teil. 8°. 122. Ibid. Bd. CXL.

Bericht über einen mittelbulgarischen Zlatoust des 13.—14. Jahrhunderts. Wien. 8°. 72. Sitzungsber. der kais. Akad. der Wiss. Bd. CXXXIX.

Критическія замѣтки къ славянскому переводу двухъ апокрифическихъ сказаній. I. Апокрифическое Первоевангеліе Іакова. II. Апокрифическое Посланіе Пилата въ Римъ. СПб. 8°. 54. Отд. оттискъ изъ Изв. Отдѣ. русск. яз. и слов. Импер. Ак. наукъ, III (1898), 2, 315—338; 3, 793—822.

Jagić-Thallóczy-Hodinka. *Fontes Slavici. Különnyomat a Magyar Honfoglalás kútfolc 13 öl.* Budapest 1898.

Die Aulularia des Plautus in einer südslavischen Umarbeitung aus der Mitte des XVI. Jahrhunderts. Separatabdruck aus der Festschrift Johannes Vahlen zum siebenzigsten Geburtstag gewidmet von seinen Schülern. XXXIII. 8°. 617—641.

1899. *Beiträge zur slavischen Syntax.* Zur Analyse des einfachen Satzes: Erste Hälfte. Wien. 4°. 88. Denkschr. der kais. Akad. der Wiss., Bd. XLVI.

Типик Хиландарски и његов грчки извор. Испоредио и оцијенио. Београд. 4°. 66. Споменик краљ. српске Академије. XXXIV.

1900. *Zur Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache*. Wien. Erste Hälfte. 4^o. 88. Zweite Hälfte. 4^o. 96. Denkschr. der kais. Akad. der Wiss., Bd. XLVII. Rec. J. Karásek, S. Kulbakin, P. A. Lavrov, L. Leger, Fr. Pastrnek a j.
Критическій отзывъ о сочин. Фр. Прусика »Staročes. Alex. rým.«, v Praze 1896. СПб. 1900.
1901. А. С. Пушкинъ въ южно-славянскихъ литературахъ. Сборникъ библиографическихъ и литературно-критическихъ статей. Изданный подъ редакціею орд. акад. И. В. Ягича. СПб. 8^o. 404.
1902. Легенда о св. Вячеславѣ. Оттискъ изъ »Русскаго Филологическаго Вѣстника«. Варшава. 8^o. 17.
1903. *Kirchenslavisch-böhmische Glossen saec. XI.—XII*. Mit Glossen-Abbildungen im Texte. Wien. 4^o. 44. Denkschr. der kais. Akad. der Wiss., Bd. L.
Odgovor prof. V. Jagiča M. Zdziechowskiemu. Obzor 108. Zagreb 1903.
1904. *Ein unedierter griechischer Psalmenkommentar*. Wien. 4^o. 95. Denkschr. der kais. Akad. der Wiss., Bd. LII.
1907. Словѣнская псалтырь. *Psalterium bononiense*. Interpretationem veterem slavica cum aliis codicibus collatam, adnotationibus ornatam, appendicibus auctam adiutus Academiae scientiarum Vindobonensis liberalitate edidit. Accedunt XIX specimina codicum. Vindobonae-Berolini-Petropoli. 8^o. XI. 968.

Príspevky k životopisu prof. V. Jagiče.

- Prof. Dr. Vatroslav Jagič*. Světozor 1878, č. 34.
Академикъ И. В. Ягичъ, какъ историкъ русскаго языка. РФВ. М. Милишевичъ, Др. Ватрослав Ягичъ у Србији и у Софији. Београд 1895.
- Vatroslav Jagič*. Životopis jeho napisal Fr. Pastrnek. Ottův Slovník naučný, XII, 1897, 1005—1010.
- Jagič*. Crvena Hrvatska 1897, č. 49.
- А. С. Архангельскій. Сорокъ лѣтъ научной дѣятельности. Ученые труды акад. И. В. Ягича. (1861—1901.) СПб. 1901.
- Б. М. Ляпуновъ. Краткій очеркъ ученой дѣятельности акад. И. В. Ягича. Одесса 1901.

Riflessi slavi

di vocali labiali romane e romanze, greche e germaniche.¹⁾

Sommario. *Riflessi di ǣ*: negli elementi romani e romanzi (2—13), greci (14) e germanici (15). — *Riflessi di ū ō*: negli elementi romani e romanzi (u e o chiuse: ū 18—20, ō ū 21—23. o aperta = ō 24), greci (26) e germanici (27). — *Accidenti generali* (28—34). — *Conclusioni e problemi*: riflessi in o (36), u (37), y (38) e i (39) e singole voci (40).

Lo scopo di queste ricerche è di trovare i riflessi slavi delle vocali labiali, compresa l'ǣ, in elementi stranieri ario-europei dello slavo, con riguardo speciale allo slavo ecclesiastico e serbo-croato e agli elementi romani e romanzi.

L'unione di ǣ alle labiali è giustificata dal suo riflesso in o.

Lo slavo ecclesiastico è considerato anche qui nel senso largo che il Miklosich²⁾ attribuiva al suo 'paleosloveno' (altslovenisch), molto più esteso in ordine di tempo e di luogo che il paleoslavo ecclesiastico (altkirchenslavisch) o paleobulgaro (altbulgarisch).

Il serbo-croato avrà qui un posto speciale, giustificato da ragioni storiche e geografiche. Da una dozzina di secoli i Serbo-croati abitano una vasta regione, che in massima parte coincide colla Provincia romana d' Illirio; e però sulla soglia d'Italia e in faccia alle porte di Grecia e di Germania, essi soli fra gli Slavi accesero direttamente da triplice fiamma la face della civiltà.

Gli elementi romani e romanzi (v. nota 1) abbondano specialmente nel serbo-croato.

1) Th. E. Korš ha riferito testè (*Sbornik* dell' Accad. d. scienze, Pietroburgo 1904: Sezione d. lingua e letter. russa, Vol. 78, No. 3, p. 22) su di un lavoro manoscritto, presentato a un concorso da D. Zelenin e intitolato: *Germaniskie, romanskie i latinskije elementi . . .* [Elem. germ. rom. e lat. nella lingua russa fino al secolo XV]; un titolo analogo (Zur Lautlehre der griech., latein. und roman. Elemente im Altenglischen) ha un noto lavoro di A. Pogatscher: QF. 64 (1888). Nel lavoro presente si vuol dare il primo posto agli elementi romani (illiro-romani, greco-rom., germ.-rom.) e distinguerli, possibilmente, da elementi romanzi (veneti e friulani). Certo è, e risaputo, che in terra straniera rimasero come pietrificati, e con impronta antica, alcuni rami o singole foglie della pianta romana, che invece nelle terre native continuò a vivere con fronde nuove, nelle lingue romanze.

2) Ma invece che al suo 'Lexicon palaeosloven.-gr.-lat.' mi atterro al Dizionario etimologico dello stesso autore, che qui ci dà un 'paleosloveno' più vagliato. Molta crusca ne sanno cavare ancora gli slavisti (v. Murko II 108, ma noi non possiamo che attendere da loro il Dizionario paleoslavo.

I più importanti, almeno perchè sono i meno conosciuti, sarebbero gli elementi *illiro-romani*. L'illiro-romano era un linguaggio romano di cui conosciamo poche reliquie conservateci nel Litorale illirico (Dalmazia e Albania prevalitana); e sono: il veglioto, cioè un dialetto dalmatico spirato testè nella città di Veglia (Dalmazia, oggi 'Istrien'), e ancora singoli vocaboli conservatici dai documenti (latini e italiani) e da odierni dialetti del Litorale illirico: dal veneto di Veglia, da dialetti serbo-croati e specialmente dagli albanesi. — Ma qualche voce illiro-romana (dalmatica o albano-romana) è passata, come vedremo, anche nello slavo ecclesiastico.

Nel quale echeggiò qualche parola anche dalle Alpi Giulie o Venete e forse dalla vicina Rezia. Ma, com'è noto, i dialetti slavi che abbondino maggiormente, straordinariamente, di elementi *veneti* sono i dialetti serbo-croati e sloveni (in modo particolare i dialetti croato-sloveni); i quali ultimi, particolarmente alla frontiera linguistica del Friuli Goriziano e Udinese, contengono anche elementi *friulani*, cioè del ladino (anticamente reto-romano) orientale, ma non in maggior numero che i veneti. Più precisamente: dal veneto della Venezia Giulia e delle colonie venete del Litorale illirico originano gli elementi veneti dello slavo vicino. — Questi non sono oggi distinti quasi mai dagli elementi istriani, perchè l'*istriano* (oggi parlato a Rovigno e Dignano) è un dialetto italiano molto affine al veneto.

Greco-romani e *germano-romani* si possono chiamare gli elementi romani del greco e germanico, che troviamo già nel greco medio, rispettivamente nel gotico e nell'alto tedesco antico. Molti ne passarono anche nello slavo ecclesiastico e slavo comune.

Oltre queste fonti degli elementi romani e romanzi dello slavo ve ne hanno altre, che vanno cercate nel bacino medio e inferiore del Danubio. Ma qui, per ben note ragioni, sarebbe intempestivo un nome quale daco-romano o macedo-romano; onde, non trovandone di meglio, si potrà dare il nome di *slavo-romano* a quegli elementi romani dello slavo ecclesiastico e comune che non sono sgorgati dalle altre fonti.

Dico dello slavo ecclesiastico e comune. Sono esclusi dunque (anche dalle pagine che seguono) gli elementi francesi, italiani³, spagnuoli del polacco, russo, boemo. Ed esclusi pure gli elementi rumeni infiltrati, per singole vene, nel vicino bulgaro, russo e serbo.

Sempre s'intende, in quanto io possa esserne informato. Perchè i criteri linguistici che distingueranno le varie fonti romane e romanze dello slavo saranno spesso malsicuri. P. e. gli elementi illiro-romani e i greco-romani hanno in comune più d'un carattere, perchè l'illiro-romano e il greco-romano (col rumeno e l'italiano) appartengono a una stessa zona della romanità: l'appennino-balcanica. Ma spesso ci possono aiutare i criteri geografici e storici.

A fissare i criteri linguistici contribuirà, spero, il presente lavoro. Sarà completato con un lavoro più esteso che quanto prima pubblicherà il MEYER-LÜBKE, coll'autore di queste linee, sugli elementi stranieri ario-europei del paleoslavo.

Meglio varrebbe il lavoro completo⁴. Ma tanto, vale sempre la sentenza *no è cosa Ki se possa fenir, se la no se comenza*.

3) V. intanto Korbut p. 355 sgg. e Al. Brückner: *Cywilizacja* . . . [Civiltà e lingua. Schizzi dalla storia della cultura polacca], in *Biblioteka Warszawska*, Vol. III e IV, Varsavia 1898, e a parte ibi 1901.

4) P. e. quanto al consonantismo, non si vede bene perchè talora sembri conservata (o sia restituita) la β esplosiva: srb.-cr. *abrum* (esca) $\beta\alpha\mu\alpha$ (anche pugliese), *bošak*, *koliba*, *korabl'i* (Meillet I 187). Così è di altre incertezze.

Per le *abbreviazioni* nei titoli dei periodici si adotta qui il sistema dell' *Annuario Vollmüller*⁵⁾. Per le altre mi permetto di rimandare a un mio lavoro (abbrev. *Dalm.* I e II)⁶⁾. — Si aggiunga:

J. BAUDOIN de Courtenay I e II: *Materials* . . . [Materiali per la dialettologia ed etnografia jugo-slava. I, Testi resiani. — II, Saggi dialettali slavi di Torre, Italia del nord-est]. I, Pietroburgo 1895; II, *Sbornik otčlenija russkago jazyka i slovesnosti imper. Akademij nauk*, Vol. 78 (No. 2), Pietroburgo 1904.

G. KORBUT: *Wyrazy* . . . [Parole tedesche nella lingua polacca, con riguardo alla lingua e alla civiltà]. *Prace filologiczne*, Vol. IV, Varsavia 1893.

T. MARETIĆ: *Gramatika* . . . [Gramm. e stilist. d. lingua letteraria croata o serba], Zagabria 1899.

A. MEILLET I e II: *Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave*, I Partie, *Bibliothèque de l'École pratique des Hautes Études*, Vol. 139, Parigi 1902; II P. ibi 139², Par. 1905.

M. MURKO I e II: *Zur Geschichte des volkstümlichen Hauses bei den Süd-slaven*. *Mitteilungen der anthropolog. Gesellschaft in Wien*, Vol. 35 e 36, Vienna 1906.

J. PEISKER: *Die älteren Beziehungen der Slawen zu Turkotataren u. Germanen u. ihre sozialgeschichtliche Bedeutung*. *Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*, Vol. III, Stoccarda 1905, e a parte ib.

A. SOBOLEVSKIJ I: *Drevnij cerkovno-slavjanskij jazyk* [La lingua paleoslava ecclesiastica, Fonetica I], Mosca 1891.

W. VONDRÁK I: *Vergleichende slavische Grammatik*, Vol. I, Gottinga 1906.

La 'bibliografia', molto scarsa per necessità di cose, sugli studi intorno agli elementi germanici dello slavo e quella, più scarsa ancora, intorno agli elementi latini, sono date dal Murko II 107 sgg. e 129. Quanto agli elementi greci siamo ancora al verde.

Riflessi di *ǣ*.

1. Alla mente del Miklosich, *Gramm.* I (1852) 13, era balenata «l'idea ipotetica che solo l'*a* atona delle lingue straniere diventasse *o*» nello slavo. — Vent'anni dopo, Johannes Schmidt (*Vocal.* II 170 n.) preferiva invece questa norma: *ǣ* in *o*, *ā* in *a*; e, discussa brevemente la proposta del Mikl., conchiudeva esortando altri a «cercare se il peso dell'accento principale (*Hochtongewicht*) fosse tanto da allungare la tonica breve e abbreviare l'atona lunga». Infatti il Mikl. subito dopo, I² (1879) 71, forse dopo aver provate nuove ricerche, accettava in parte

5) Qui importa rilevare da quest' *Annuario* — *Kritischer Jahresbericht* u. die Fortschr. d. roman. Philol., hrsg. von Karl Vollmüller, Monaco di Baviera (poi Erlangen) 1892 sgg. — gli articoli critico-bibliografici del Pogodin sulle relazioni fra romanzo e slavo: Vol. V sg.

6) *Das Dalmatische*. Altroman. Sprachreste von Veglia bis Ragusa u. ihre Stellung in der apennino-balkan. Romania (I: Einleit. u. Ethnogr. Illyriens, II: Glossare etc.), Vienna 1906.

le obiezioni dello Schm., aderendo a questo compromesso: \acute{a} in a , \acute{a} e \check{a} atona in o . — Dopo altri vent'anni, H. Hirt, BGDSL. XXIII 330 (senza rimandare nè al Mikl., nè allo Schm.), vedeva negli elementi germanici dello slavo la norma che semplicemente «a diventa o» nei prestiti di antica data, mentre quelli con $a = a$ «devono rimontare a una data più recente».

Dalle ricerche che saranno qui esposte risulta, come spero di dimostrare, una norma che concilia fra di loro quelle tre o quattro opinioni, ora in voga⁷⁾: l' o slava originata da \check{a} romana e romanza, greca e germanica deriva da \acute{a} atona di elementi antichi e da \check{a} bavaro-austriaca.

Della quantità dell' \check{a} straniera si terrà conto cercando la spiegazione (36).

Elementi romani e romanzi.

2. Dall'illiro-romano passa allo slavo ecclesiastico e comune *ločika* LACTUCA; allo sl. eccl. più o meno antico (v. retro) e serbo-croato, forse *konata* (Murko II 111) CANNATA e *mač* MALLEUS⁸⁾.

ločika sarebbe originato, secondo il Meillet I 179 sg., dal germ.-romano, 'naturellement prononcé à la manière des populations qui habitaient au nord des Alpes'. Infatti il riflesso di CT in *ht* (fasi odierne *jt é* e sim.) predomina, e meglio predominava, nella zona pireneo-alpina, mentre *tt pt ft* predomina nell'appennino-balcanica: v. Meyer-Lübke I § 459 sg. (Dalm. I 298).

Un'obiezione non grave, e però non prevenuta dal Meillet, starebbe nel *Lattuh -ich* tedesco (che dunque non ci dà oggi il nesso palat., necessario al riflesso slavo, secondo il Meillet): i Tedeschi forse avevano, può rispondere il M. a buon diritto, cotesta forma *laht-*, che infatti hanno ancora i loro fratelli anglo-sassoni (*leahtric*). E passi anche l'obiezione al *-ka*, invece del **-ha*, che qui si aspetterebbe da bocca germanica: secondo la supposizione del M. (più complicata che non paia), lo slavo *ločika* partirebbe da un germ.-rom. **lahtuka*, popolare quanto a *ht* (cfr. i letterari *lectar*, *tincta*, *tractāt* dell'alto ted. ant.) e letterario quanto a *-ka*. Ma l'obiezione che mi par decisiva sta nell'*i* sl. eccl., che come si tenterà di dimostrare qui avanti, non riflette \bar{u} germanica nè germano-romana, nè popolare nè letteraria. — Se ricorriamo invece all'illiro-romano, le difficoltà si

7) Il primo linguista slavo è seguito dal fondatore della filologia slava: v. Gramatika jezika hrvatsk. napis. V. Jagić Zagabria 1864. § 13. che si attiene piuttosto alla prima idea del Miklosich. Alla seconda, come pare, altri studiosi della scuola slava: Budmani § 45 (cfr. 42). Maretić § 86. Sobolevskij I 27, Štrekelj Lehnw. 59 (ma v. Peisker 253). Vondrák I 83; invece il Kretschmer (ASPh. XXVII 230) e il Meillet (MSL. XI 179; cfr. 182) si accostano allo Schmidt, e coll' Hirt concordano, come pare, il Meringer (IF. XVI 158), l' Uhlenbeck (Peisker 253), il Vasmer (ZVglS. XLI 158).

8) Meglio che dall'italiano (Niedermann IF. XV 116). Il veneto orientale, ossia l'italiano più in contatto cogli Slavi d' Illirio, ha la forma *majo*: v. qui 24, Kretschmer Die lesb. Mundart § 112 (Dalm. I 248, II 367).

attenuano, sebbene non dileguino ancora. Anche qui intanto si hanno tracce di *jt* da CT: ben sicure nell' albanese-romano (Meyer-Lübke GG². I 1054; cfr. Puşcariu ZRPh. XXIX 632) e dubbie nel dalmatico (Dalm. II 369). E anche qui, come nel tedesco, ci manca un riflesso di *lactuca* con *jt*: l' albanese ha *latuqç* (ch' è ital.), e il veglioto purtroppo, come spesso fa, si tace. Tuttavia la base illiro-romana, che possiamo legittimamente costruire, è **tajtúka*, *lahl-*, cioè quella che ci occorre per lo slavo. Ed è preferibile a una base ladina, perchè i dialetti ladini che più s' accostano al territorio slavo, dall' Alto Piave al Formione, non solo non hanno nè *jt* nè *ü* (ma *t* e *u*), nè alcun continuatore popolare di LACTUCA (*salata -e* ecc.), ma si oppongono anche a *-k* = *-c*-, come tutta la zona pireneo-alpina: Meyer-Lübke I § 433 (Dalm. I 297).

3. Molti gli esempi serbo-croati. Il primo posto va dato ai nomi di luogo del Litorale illirico⁹⁾: v. Jireček I 58 sgg. (Dalm. II 303 sgg.).

Dall' antichità classica sono tramandati: con *A-* *Lopud* ELAPHITES, *Norin* NARONA, *Plomin* FLANONA¹⁰⁾, *Solin* SALONA, *Trogir* TRAGURIUM. Invece con *Á*: *Brač* BRATTIA, *Hvar* PHARIA, *Lastovo* LADESTA¹¹⁾, *Lovran* -a LAURIANA, *Trsat* TARSAT(ICA), *Zadar* JADER e *Jadar* ADRI(OPES)¹²⁾.

Da appellativi, oltre *Košćela* e *Košlun* 9, *Kostañe* e *Pogana* 9: *Mocira* MACERIES, *Omišal* (Castelmuschio: Jireček I 65) che mi sembra un riflesso di AD (cfr. 11) MÜSC-ULUM¹³⁾; con *A-Á*: *Konavli* CANAL-, *Polace* PALATIA (*Morpolace* MAIOR P.), *Polanda* PALAMIS -ĪDA; con *Á*: *-at -ata -ATUS -A* (*Barbat* BARB-, *Brgat* VIRG-, *Krknata* CIRCINATA insula 6, *Kornat* CORONATA 6), *-ATEM*: *Coptat* CUIIT-, *Japirko*? AFRICUS (cfr. Jagić, Vorl. Ber. d. Balkankomm. III 67), *Lapad* LAPIDES, *Muto-gras* (29), *Pag* PAGUS. — Da nomi documentati in testi medioevali: *Molunat* 32, nel sec. XIII Maluntum (Jireček I 60), *Olip* Ἀλωήπ (ibi I 63); *Bošana*, sec. XI Bassan- (ibi 62 sg.), cioè da Bassius, *Jaklan* LICIN- (ibi 61). Altri nomi in *-an* da *-IANUS* al num. 40. Da *-ANIS*, *Kolane* Nicol- (Salvioni Ro. XXXV 207, Jireček II 31, III 19). Ancora,

9) Il nuovo *Repertorio comunale* del Regno di Dalmazia uscirà fra breve. È uscito invece il 'Repertorio comunale del Litorale austro-illirico', Vienna 1906, e comprende la Venezia Giulia (Friuli orientale ed Istria), di più il territorio sloveno del Carso goriziano e triestino e una parte (quella al Quarnero) del Litorale illirico. V. Dalm. I 122, 127, 175.

10) Cotesto *m*, che rimonta all' età d' Idrisi (cit. in Dalm. I 190), ricorda quello di Pflaum (PRUNUM): Meyer-Lübke ZRPh. XX 534; M. Niedermann, Contributions à la critique et à l'explication des gloses latines, AN. 1905, I 39 sg.; Johannes Hoops, Waldbäume u. Kulturpflanzen im germ. Altertum. Strasburgo 1905.

11) Proparossitono anche l' it. *Lágosta* (e le vicine *Lástva* -ica), come *Ótranto* *Túranto*, che, secondo il Kretschmer, conservano l'accento illirico.

12) *Jadar* è una cima del Velebit. Non lontano di là s' incontra nel sec. XVI un *Ođria*: Jelić WMBH. VII 206.

13) Cfr. *Opřtal* 11, *Opřuj* 21, *opik* 12 e per *s* = SCL: *masal*' (maschio).

nomi di santi: *Giman* Geminiano, *Sukošan* (Zara) S. Cassiano (e *-Koišan*, Jireček I 57), *Sveti Miho(v)il* S. Michaël (Jireček, Christl. Elem. 26 e 32). — *Lokrum* Lacroma 31, 4.

Nell' Albania: *Drač* da DYRRACHIUM.

4. Poi, oltre *japrik močira polaća polanda*, dei quali il num. 3 dava altri allotropi, in parte diversi di luogo, si hanno: srb.-cr. (Dalm. II 251 sgg. 287 sgg.) *konistra* CANESTRA, *lopiž* (Murko II 115) LAPIDEUS 13, *mošun* MANSIONEM, *onukl-* ANNUCULUS, *ošćela* ASTELLA, *romjenča* AERAM- (34), *soklin* SACC-; anche *koluma* e *ka-* CALYMA (Schuchardt ZRPh. XXV 493): v. 21. A-Á: *gostara* GASTR-ARIA, *koporan* 34, *koptul*, *kosal*, *lokarda* LAC- 34; Á-A: *jastog* ASTACUS, con *g* non da -C- (2), ma da -G- (ASTAGO -INIS), come *sparog* ASPARAGUS. Con Á: -at -ATUS -M (*pikat* FIC², *posat* FOSS-) e -ata (*ovrata* AUR-, *rosata* ROSI- 34, *uklata* OCUL-), *kostrat* CONSTRATUM, *braće* BRACI- (come in franc., di cui ora l' Horning ZRPh. XXX 455), *grasta* GASTRA (da ultimo Heraeus, Die Spr. d. Petronius 19), *kapsa*, *mašal* MASCULUS, *paše* (semola) PALEA forse mescolata con un po' di FABALIA (cfr. Meyer-Lübke WS. XXV99), *rakno* RACANA -INA.

Altri non hanno caratteri sicuri che ne distinguano l' origine illiro-romana dall' italiana: srb.-cr.-slov. *kopun* cappone, *praska*¹⁴ frasca, srb.-cr. *tojelica* tavella; *konal* ca-, *spičar* (speciale -aro), *oblanta* 34, forse letterario. Così *oksit* (Dalm. II 296, forse da leggersi *osit*) assito, come *oksjenac* per *osjenac*. — *ogresta* AGREST- (Štrekelj ASPH. XIV 524).

5. La labializzazione dell' A atona è cosa slava, non dalmatica: il dalmatico restava fedele all' A atona e anzi l' amava anche fuor di luogo, mentre invece maltrattava l' Á: cfr. p. e. vegl. *fakasaite* FAC-ISS-ETIS, *rekañala* RACAN-ELLA ecc. di fronte a *pun* pane, *tuota* TATA ecc.; raguseo *fuchir* = *fakir* -ERE, di fronte a *pen recna tela*. Perciò sono più precisamente dalmatiche (piuttosto che illiro-romane: cfr. 32), o 'influenzate' dal dalmatico, le varianti (cfr. 4) *lapiž*, *palata* e ancora: -atur -ATORIUM (*balatur* 40, *salatur* SALI-), *galatina* GEL-, *karara* CARRARIA, *ka(n)-trida* ecc. (Murko II 125) CATHEDRA, *plakir* -ERE, *skarambež* scarabaeus -aios (notevole il *b* di fronte all' italiano e italice *f*: AGIt. X 8, WS. XXIV 527); anche *narikla* νηκκ- NAR- (Dalm. II 432; aggiungi O. Keller: Lat. Volksetym. 57), per non dire di *kapula* CEP- e altri sim. (Schuchardt, Slawo-deutsches 58 sg.). Nè fanno meraviglia i nomi di luogo *Kanita* e -ital (Arbe) CANNETUM -A, *Kantrida* (distr. di Volosca), *Palit* PALUS -DEM, *Penatur* PINN-ATOR- (e tanto meno *Kanajt*, *Meskataur* degli Slavi di Veglia), perchè sono derivati da appellativi, dunque esposti all' influenza dei corrispondenti appellativi dalmatici *kanajt*, *katraida*, **meskataur* 20 e **palojt*, **penataur* o sim.

6. All' uscita l' -A cade nei nomi di luogo d'origine preromana. Vale a dire: l' -A si conserva solo negli appellativi, compresi quelli divenuti nomi di luogo. — Ma cade nei nomi d' isole, forse perchè lo slavo *otok* (isola) è maschile. Analogamente si spiegano anche altri casi eslegi.

14) P. e. sull' isola di Cherso e nel Pinguentino, come mi avvertono i giovani slavisti Tentor e Ribarić. ASPH. XXVII 58.

Cominciamo coi nomi preromani di città. Primo, il nome stesso di ROMA: sl. eccl. e com. *Rim(ù)*. Poi, srb.-cr. -in -ONA 22, *Louvan* 3, *Sei* SENIA, *Skadar* SCODRA. Inoltre *Muo -l*, in docum. Mulla (Jireček I 59), *Spič* Spizza, *Svač Sač* Suacia (ib. 58). — Di isole: oltre i preromani *Brač*, *Hvar* ib., *Mlet* MELITA, *Mulat* Melata *Μελετά* (ib. 63), *Sulet* Solta, anche le formazioni romane: *Jakljan -iana* 3, *Kornat* 3, *Lokrum* Lacroma 31, *Pašman* Postimana. [E *Kopar* CAPRARIA 11]. Altri nomi d' isole hanno e avevano doppia forma (con -A e senza): *Cres* (ts-) CREPSA, ma it. Cherso (k-) dal sec. XII, *Rab Arbe*, nell' Evo Medio Arbum, *Zadar* JADER, ma -ERA dalla Tab. Peut. in poi, forma richiesta dalla venetissima *Zu(d)ra* (Ascoli AGIt. III 463). — *Kanpor* CAMP-ORA: sl. *pol'e* (campo) è neutro. — *Surañ* Surana (sorgente presso Cattaro): *izvor* (sorgente) maschile.

Coll' -a invece gli appellativi *Košćela* 9, *Mocira* 3, *Neval'a* 40, *Pogana* 3, *Polanda*. — Son invece preromani alcuni nomi di fiume; ed avranno -a, forse perchè lo slavo *rěka* (fiume) è femminile: *Bosna* 40, *Drina* DRINUS -A (Dalm. I § 108), *Kulpa* COLAP-IS, *Neretva* e *Ruša* ARSIA. Preromano anche il nome *Promina* PROMONA, più esattamente *Promina Planina* (Monte Promina), che dunque ci darebbe ragione dell' -a, di fronte all' -in -ONA dei nomi di città. — *Krknata* 3 è il nome d' uno scoglio (non di un' isola) ed è femminile l' equivalente srb.-cr. di 'scoglio': *markjenta*.

Ragioni fonetiche hanno *Budva* BUDUA, *Lastva* LADESTA 3 e *Alibe* ALET-IA 40. *Polace* PALATIA e anche *Duke* (forma più antica *Duk'la -e*) DOCLĒA: per assimilazione alla palatale (*k é*) e alla labiale (*ç r*).

La forma apocopata passa talora all' italiano (ven.) e viceversa: da *Prčani* (Perçana, Jireček I 59) origina l' it. Perzagno = -*tsaño*; viceversa da *Scarda*, il srb.-cr. *Skurda*, invece di **Skrad* 30.

volat a Canali equivale a 'volta, vece' (Zore, Dubrov. Tud. 5) nel significato; nella forma, a 'vòlto' (32): forse promosso dal srb.-cr. *put* 'volta, vece' (masch.).

7. D' origine greco-romana saranno anzitutto i riflessi di PALATIUM *παλάτι* nello slavo vicino: bulg. *polati -at* (*Pulati* Polatum Jireček I 59), onde il plur., poi collettivo e singol., *polata* (eccl. bulg. serbo), e il derivato *polatna* (Murko I 328). Inoltre: eccl. e com. *rasa* ῥάσσον -α, *Rusalije* (Pasqua di rose) ῥουσάλια.

Poi, oltre che nello sl. eccl. più o meno antico, negli altri linguaggi jugoslavi: srb.-cr.-slov. *dinar*¹⁵ (ASPh. XIV 229) *δηνάριον*, bulg. *karvona* (bilancia) *καμπανά*, Schuchardt Rom. Etym. II 10, bulg. *mésal* (Murko II 122 sg.) *μεσάλι*, bulg. *skomen* (eccl. *skom-ikü*) *σκαμνί*, srb.-cr. *sudar* 18. Anche: bulg. serbo *kur'sari* *κουρσάριος*, *plosk'v)a* *φλασκά*.

Sono letterari eccl.: -*ari* -*άριος*, *kukumari* *κουκουμ-* (Sainéan ZRPh. XXX 307), *make'ari* *μακελλ-*, *vistjarija* *βιστιάρια*, forse *pa'vjun* (bulg. serbo) *παβόνι*, *sapun* (ib.), ma slov. anche *sopun*. — Così *palat* (bulg.), *palata* (russo, boemo), accanto ai citati *pol-*. — *kuta* (bulg. serbo) può essere *κατά καθ'*, ma anche CATA: cfr. Den-susiana I § 77; e cfr. *kata-* della Bassa Italia: De Bartholomaeis AGIt. XV 336. E *doksat* 34. *Kostur(un)* ibi. *magul-*, *magup-*.

15) Di qua l' *i* e in parte l' *a* del nostro *dinar(o)*: Meyer-Lübke It. Gramm. § 139, Carlo Battisti (La traduzione dialettale della Catina di Siccio Polenton, ricerca sull' antico trentino) AT. XX 19, XXI 165, Vidossich ZRPh. XXX 203.

8. Gli elementi germano-romani passarono nello slavo quando conservavano l'accento romano, cioè non l'avevano ancora ritratto sulla prima sillaba, germanamente. Sono, in massima parte, di patrimonio eccl. e com.: *ocitŭ*, got. *akeit ACĒTUM*, poi *kočilŭ osilŭ*, got. *katils asilus*, da *CATILLUM* o *-ELLUM* e *ASELLUS* (non *-ĪNUM -ĪNUS*), secondo la dichiarazione del Luft (ZDA. XLI 241 sg.), confermata dall' *o* sl. = *ā*-. — Coll' *ā*: eccl. e com. *-ari*, alto ted. ant. *-āri -ARIUS*. È molto produttivo nello slavo stesso, tanto più che vi preesisteva un suffisso indigeno della stessa forma: Meillet II 211, Vondrák I 391 sg. 431 sg., Korbut § 82, Murko II 32. Di funzione e d'origine romana sono: *olŭtarŭ*, alto ted. ant. *altāri*, *-ARIUM* (spagn. *otero* ecc. Ascoli AGIt. I 275), ma v. 32, *peharinikŭ* Becher *BECARIUM* (Thesaurus II 1659). Inoltre una variante di *Lazorŭ*: *Lazarŭ*, attratta nell'ambito del suffisso *-urŭ*, secondo la spiegazione del Meillet MSL. XI 182. La quale incoraggia a dichiarar analogamente un altro caso: *cēsari*. Anzitutto si osservi che sono analoghi anche per ciò che l'uno e l'altro sono nomi propri divenuti appellativi (cfr. *lazzarone* ecc.). Che poi il nome di *Cesare* fosse comunicato agli Slavi dai Germani, come si crede comunemente (ma ne dubita, pare, C. Jireček I 36), è opinione tutt'altro che fondata su ragioni fonetiche (non decide il *c*, la cui base *k* si mantenne nel romano del Balcan molto più a lungo che non creda il Loewe: ZvglS. XXXIX 330 sg.; cfr. Dalm. I 313 e Densusianu BSFRBuc. II 44; e non decide l' *ê* che anzi fa difficoltà per il germanico: v. Loewe l. c. 315), ma tutt'al più su ragioni storiche o geografiche: *CAESAR* pare una caratteristica del germano-romano, di fronte al rom. com. *IMPERATOR* (rum. alb.-rom.) e *-OREM* (nel resto). Certo è che da *ĀAR(EM)* ci aspetteremmo **Āor*; invece *cēsari* è sorto sopra una base (forse germ.-rom.) con *-ĀRI(US)*. Nè è escluso, ma è poco probabile, che nella posizione sintattica protonica (*caesar Constantius*) l'accento s'indebolisse e perdesse il posto originario: *caesar C.* onde *cīsari* e *carŭ*.

Inoltre alle frontiere di Germania: slov.-cr., boemo-pol. e russo (eccl.) *pavŭ* Pfau. — E, in gran parte, *komin komnata* (camino -ata), studiati dal Murko II 16 ecc. *opat*, *oplatŭ* 34.

9. Gli elementi romani dello slavo che per ora non ci permettono di precisare da qual idioma romano sieno originati, sono molto diffusi nei linguaggi romanzi e slavi. I più di tali elementi slavo-romani sono dello slavo eccl. e com.: *kostelŭ* *CASTELLUM*¹⁶⁾, *poganŭ* *PAG*-¹⁷⁾; con *ĀA*

16) Questa, come anche altre voci di questo numero, sarà giunta agli Slavi per vie diverse e in diversi tempi: Jireček I 37; e del significato di 'chiesa', Kretschmer ASPH. XXVIII 159, Harder ZvglS. XL 424. — Molto studio richiede-

kǔmotrǔ COMPĀTER (cfr. 40); con A-Ā forse *korab(l)ǔ* -*Ja* CARAB-ULUS -A; con Ā, *kadǔ* (Murko II 111) CADUS, *sak* SACCUS, *skala* SC-, *žak(an)* DIAC(ONUS) (cfr. 14 e Štrekelj Lehnw. 75). — *ocělü* 34, *konopla* 40, *křístijanǔ* 22, 2.

Meno diffuso nel territorio romanzo è CALENDAE, onde eccl. e com. *kolěda*. Invece men diffuso nello slavo: *krata gr-* (srb.-cr. russo, pol.?) CRATES -A, *bařa* 11 MSL. XI 179, IF. XVI 158.

Ancora, dalla toponomastica del bacino inferiore del Danubio: bulg. *Kocel* CABYLAE, *Osem* ASEMUS, *Timok* TIMĀCUS.

10. Dalle Venezie e più precisamente dalle Venezie Tridentina e Giulia (3) pervennero allo slavo ecclesiastico e comune: *kalež* (calice), *papež* papa+(pontef)ice, secondo la seducente ipotesi del Meillet I 185, *pogača* (focaccia). Qui, come in tutta la restante zona pireneo-alpina (2), si ha -C- in *g* e in *f* (*s* sonoro di *Rosa -ina*, franc. ted. *Rose -ine*), onde poi *ž* (sl. *Ruža -ica*); di più Schuchardt e Jireček, citati in Dalm. I 261 sg. Nel veneto, almeno in quello di Venezia (veneziano), ancora vivacchia, accanto ai letterari *kálize* (= *-tse*) -*se* e -*če*, un popolare *kálise* e -*eše*. E ci vive il letterario *pontěfize* (-*se -če*) col popolare *papa*; ma può aver regnato anche un altro antipapa: **pontěfise*, perchè -*ise -eše* è frequente, anche in voci dottrinali (v. Salvioni, Postille 256). La *fogaza* veneta gustava tanto agli Slavi che la sbocconcellarono a varie genti del Balcan (neogr. alb. rum. mag.) e forse anche ai Tedeschi (alto ted. medio *pogaz*). Certo è che l' eccl. e com. *pogača* è uno dei più antichi elementi veneti dello slavo, come si vede dalla sua diffusione e forse dal *č*. Cfr. Štrekelj Lehnw. 7.

Lo strano *poroda* (ovile, Terra promessa) di testi eccl. sarà un riflesso di *paradīs*, ladino orientale e centrale e ted., meglio che -(ε)ίσι(ov).

11. Dei nomi di luogo neolatini della Venezia Giulia alcuni pochi hanno qualche somiglianza coi dalmatici, mentre gli altri tutti sono decisamente veneti, ladini (Friuli orientale, fino a Muggia) e istriani (Rovigno e Dignano). Qui importano molto appunto quei pochi.

1. Nell' Istria anzitutto *Kopar -ó* e *Poreč*. Son nomi d' origine romana (CAPR- e Colonia Iulia PARENTIUM *Parento*), sebbene usati dai vicini Slavi. Veramente non in Istria, ma in Dalmazia, p. e. di fianco al *Copara* che ora vedremo o sull' isola di BRATTIA *Brač*, cotesti *Kopar* e *Poreč* si sentirebbero a casa loro, trovandovi affini e parenti di gran lunga più numerosi che in Istria. Eppure *Kopar* e *Poreč* non sono già venuti di Dalmazia! Non sono già utensili rurali importati dai contadini slavi, che con armi e bagaglio, fuggiaschi ospitati e coloni chiamati, dalla fine dell' Eyo Medio al principio del secolo XVIII, vennero nell' Istria pianigiana, nelle Marche e nel Molise, specialmente dalla Dalmazia (Dalm.

rebbero i vari continuatori di CASTANEA -EN-: v. Šulek 506, Nemanić I 402; Schuchardt Slawo-deutsches 48, Štrekelj Morphol. 404.

17) Meillet I 185. PAGANA 3 è frequente nella toponomastica dell' Alta Italia (cominciando p. e. dal *Monte Paganella* di Trento), col significato di 'casa stregata' e sinn., di cui il Salvioni più volte: BSSI. XV (1893), XX (1898).

II 435). Non di questi Slavi si tratta nel caso nostro, ma di quelli che molto prima, dal principio del sec. VII d. Cr. e più con armi che con bagaglio, facevano loro scorrerie al di qua delle Alpi nell' Istria montana, e vi si stabilirono intorno il mille, secondo appare dalla onomastica¹⁸⁾. Certo è che almeno *Kopar*, sebbene sia documentato appunto dalla fine dell' Evo Medio (v. Rječnik s. v.) e non prima, è ben più antico, come dice la sorda conservata in PR (Dalm. I 300). E *Poreč* stesso ha nel *č* e nell' *en*, fatto orale da bocca serbo-croata (cfr. lo slov. *Soča* da ISONTIUS), un blasone di bella antichità, sebbene non datata.

Ma come mai *Kopar* da CAPR-? È un caso eslege con *o* da *á*? No. In un documento di Traù, edito dal Lucio (1333), si legge «scopulus *Caurera* et selauonice *Copara*». Lo Jireček I 62 ebbe ragione di non emendare *Copara* in *Copr-* (Dalm. II 277): uno dei due R cadde per dissimilazione. Oltre i molti esempi, identici e analoghi, raccolti e commentati dal Grammont,¹⁹⁾ vi hanno anche esempi slavi (Vondrák I 318; e del sancrito: Uhlenbeck BGDSL. XIX 331): *gostara* GASTR-ARLA, *Chabroyo* (Charbrow) ecc. v. 40. Ora fra i nomi medioevali di Capodistria²⁰⁾ si trova *Capris* e *Capraria*, sorella a *Capraia*, all' isola di Garibaldi, a *Čavrer* (C-) del Tagliamento ecc. Sull' apocope di -A v. 6.

Da 'Bagnoli' (dimin. di BANĬ- WS. XXV 65!), forma ben documentata nella toponomastica dell' Istria (Trieste e Monte Maggiore: v. De Franceschi, AMSIASP. XIV 337) e anche della Dalmazia (Jireček I 64), si ha, nell' Istria, serb.-cr. e ven. *Boľun* (-čica, slov. *Boľunec*); la metatesi delle due liquide (*i-l* in *l-i* e *l-n*) avrà la sua ragione nello maggior frequenza del suffisso -un di confronto a -ul (24). A *Portole* (3), che dà nei dialetti delle vicine colonie (sloveneggianti, secondo il Rešetar ASPH. XIII 169 sg.) *Oprtal'* 31, e con *á Bal* (Valle) e altri difficilmente si posson distinguere da nomi recenti, romanzi. Sarà antico il continuatore di NESACTIUM. Nell' Evo Medio si aveva *Isaccio* o sim., nato da IN NESACTIO, onde in **Esactio* (cfr. p. e. NUMANA oggi *Umana*). Il quale IN tradotto nella lingua dei nuovi venuti, dava *u v*: *Visace* Visazze, come *Vis* da ISSA (v. Dalm. I § 156; l' Haury corregge il *Avsia* di Procopio in *Avsivř* BZ. XV 295); cfr. Sticotti AMSIASP. XVIII 126.

2. Anche nel Friuli vi hanno alcuni riflessi slavi (sloveni e slov.-cr.) di nomi geografici romanzi (friulani e veneti): *Čabdad* (Jireček I 60), *Čüwodät Čidät Čidät* (Baudonin II 291 864 788 935) Cividale, friul. e ven. Zividal (ts-) e S- e -ad, *Kobarid* 34, 2, Caporetto, friul. Čavored [e *Oglej* AQUILEJA, anche friul. con *o*: -olée, Bondolée, oltre il letterario Aquileje; v. 12]. — In tutti e tre dunque, la sonora interna: -b- -d- e -g-, di fonte a -t- e -p- di *Captat Kopar(a)* ecc.: Dalm. I 261, II 362, 449.

Ancora *Kostaievica* 40 e Polazzo (-so), che oggi è usato dagl' Italiani: Polazzo e Re di Puglia, due borgate gemelle del Friuli orientale (giuliano).

18) V. specialmente Benussi AMSIASP. IX 192.

19) La dissimilation consonant. dans les langues indo-europ. et . . . romanes (Digione 1895) p. 97.

20) Da ultimo Pasdera PI. 1906 (IV 217).

12. Anche alcuni appellativi d'origine veneta e friulana danno *o* per *ã* atona.

1. Parecchi sono parecchio diffusi: srb.-cr. slov. *golida* GALLETA (istr. *galida* ecc. Pušcariu I 697) Štrekelj Lehnw. 20, Murko II 111, *goluf golufane* 'gaglioffo' (G. Meyer Neogr. Stud. IV 21), *modras -ak* MATAR- (ven. *madrasso* ecc.: Nigra ZRPh. XXVIII 644, Vidossich ib. XXX 205) Štrekelj ib. 39, *poliska* e *pa-fall*(AV)ISCA (Schuchardt ZRPh. XXVIII 142 sg. 738 sg. Horning ib. XXX 75) Štrekelj ib. 45, *stomaia* STAM-INEUS (ven. *-eia* ecc.) Štrekelj ASPh. XIV 542, *torirna* (tav-) XXVIII 532, p. e. a Lombarda (Kušar 15), *-erna* negli Statuti di Castua e Verbenico.

A *korizma* 'quaresima' (Štrekelj Lehnw. 33) e *okowita* (pol.) 'acquavite' si può dare un posto a parte, per la vicinanza di labiale (qu-), come era il caso di *Oglej* 11. Si aggiunga ancora il prenome *Bošćan -štj-* Bastiano (Štrekelj Morphol. 398, Nemanic II. Fortsetz. 210). E *Polud polud* ASPh. XIX 285.

2. Altri esempi sono, come pare, meno diffusi. Dallo sloveno ci dà il Baudouin I: *kopac* 115 (capace), *korjola* 879 (carr-), *mogari* 716, 785 (ma-), *moladiwat* 413 (maledire), *ovancat* 404 817 (av-), *solata* 108 (sa-), *tobar* 116. Štrekelj Morphol.: *badit* 24 (badile), *wobri:* 27 (aprile, avr-: v. Merlo, I nomi rom. d. stag. e d. mesi 170 sg.), *wodvent* 82 (avvento, adv-, che si sente talora nel Friuli), *tokwin* 26 (taccuino). Anche *kolada* (cagliata -da) Štrekelj ASPh. XII 458, *kondriega* (ca(d)rega: Pieri SRSFR. IV 171) Murko II 125, *koštrun* e *ka-* (castrone, bav. *kastrun*). — Nel srb.-cr., Rad XX: *skoplār* (scapolare), *stodira* (*statera* in testi serbi, letterario); dallo Stat. di Verbenico: *pagotin* (bagattino: Schuchardt ZVglS. XXI 450).

In *na-opik* (a picco, Štrekelj Lehnw. 41), *ovizati* (avv-: u- Baudouin I 409), cr. *ovokat* (Kušar Lomb. 15 ecc.), l'*o* potrebbe esser promossa dal pref. *o-*.

13. Più numerosi e recenti sono i riflessi serbo-croati e sloveni con *a* da *ã* (anche atona) veneta e friulana. Si confronti anzitutto il cr. *laveč* (p. e. a Pisin vecchio) e *lavec* (ts-) col srb.-cr. *lopiž* 4: quelli dal veneto (*lavežo* neogr. *λαβέτζε*), questo dal dalmatico (Dalm. II 430: cfr. Pieri SRSFR. IV 180). E *kaž- kos-, maž-Moc-* Dalm. I 261 sg.

Poi, p. e. nel. cr. d'Arbe: *agun* Rad CXVIII 18, *fameju* 18, *gradole* 20, *pajol* 23, *parečat* 25 (*parič* Schuchardt Slawo-deutsches 76), *radič* 19, *saliž* 20 (Štrekelj Lehnw. 57). — Štrekelj ASPh. XIV 515 sgg.: *bacelati bastaž madrum*. Lehnw. s. vv.: *baraba čakoliti* ecc. ecc. ecc. — *kanavac* Murko II 115 121 (Dalm. I 267; anche pol.).

E, s' intende, anche *ã*. Basti un solo campione fra centinaia: ven. *-ada* (-ata), p. e. Štrekelj Morphol. 434—438, *jentrada kontr. kortal. pan. par. žrn.* e *kolada* 12; Rad CXVIII 18, 20, 22: *intr. kuntr. kuñ.* e *-ado.* anche da tema slavo: ib. 26 *puškada*, *sikir. sten.*, *mokritad* ecc.

Elementi greci.

14. Sono quasi «tutti una sola famiglia», quasi tutta spirituale: eccl. e com. *popü* e la sua compagna *popadija* *πανῶς* (ZVglS. XLI 160) *-adiá* (Štrekelj Lehnw. 48), i loro amici *anügelü*²¹⁾ e *dijakü* (cfr. 19), e il lor nemico *sotona* *σατανῶς*. Ma siedono a mensa, *trapezu*, che non è eucaristica (Murko II 121 sg.), anzi sta in *komara* *καμάρα*, *kamora* -ãRA 33.

21) V. intanto Dalm. I 266, ma specialmente Ásbóth: Nèskol'ko... [Alcune osservazioni sull' opera di V. Jagid: Zur Entstehungsgeschichte d. kirchenslav. Sprache], *Izvèstija* dell' Accad. delle scienze. Pietroburgo 1903. Sezione d. lingua e letter. russa, Vol. VII.

Poi nella penisola greca o greco-ortodossa e nella correligionaria Russia: eccl. *gramota* (russo e anche pol.) *γράμματα* (Meillet MSL. XI 182), *koliba* (bulg. serb.-cr. slov. russo mer. pol.) *καλύβη* (v. nota 4), *kositerǔ* (srb.-cr. slov.) *κασσίτερος*, *krovaťi* (russo) *κραβάτιον*; con *á*, eccl. *diavolǔ* (bulg. serb.-cr. russo), *drakunǔ* (serbo) *δράκων*, *kamila* (bulg. serb.-cr.) *κάμηλ-ος*, *komat* (ib.) *κομμάτιον*, *pras* (serbo, bulg. russo) *πράσον*, *tiganǔ* (ib.) *τηγάρι*. — Di *molotrǔ* v. 26, *monostyrǔ* (-ast- Meillet II 507) 34²².

Nell' Illirio: *kolomat* *καλαμωτή?* *komarda* *καμάρδα* 40, *komostrǔ* *κρεμάστρα* (33)²³; e forse *kološ ka-*, se è *καλός* (Rešetar ASPH. XXVII 608).

Nella Macedonia, la sua capitale: *Solun Θεσσαλονίκη*, nell' Evo Medio lat. *Salona* -icco.

In testi antichi russi, bulg. e serbi: *katrǔga* *κάτεργον*, *kotopanǔ* *κατέπανος* *κατά-*? Nella Cronaca di Nestore: *Oleksandrǔ* (pol. *Oleś*), *Spolin* (Brückner ASPH. XI 139) ed altri che dà il Miklosich Gramm. I^o 71. — *Lazorǔ* 8.

Eccl. letterari, con *a* anche da *α* atono: *anatema* (bulg. russo) *kalugerǔ* (serbo, bulg. russo) ma in Dalm. *koludar-*, *psalǔtyrǔ* 32; *charǔ* (ib.), *hilijada* (serbo, bulg.). Anche *midalǔ* (pol.), *pagur* (bulg. pol.) *παγούρι*.

Elementi germanici.

15. Da *ǎ* atona, anzitutto *ga-*: eccl. e com. *gotovǔ* 34 dal gotico *gatǎvjan* (ne dubitan il Berneker, G. Meyer e altri: Peisker 279); poi *ovoštǔ* Ob(a)st, *sqbota* Sam(ba)stag (v. G. Meyer IF. IV 326 sg.). Con *á*: *arǎdije* e *or-* nord. ant. *ǎrundi*, *pany* Pfanne, *valiti* e *varovati* got. (af)walwjan e warjan.

Altri, solo alle frontiere di Germania: eccl. *gorazdǔ* (russo, boemo, ma v. ancora Kretschmer ASPH. XXVII 233) got. *ga-* e *razda* (?). Con *á*: *malǔžena* (boemo, pol., russo occid.) Ge]mahl-, *navǔ* (russo, boemo), got. *naus* (ma v. Zupitza Guttur. 76, O. Hoffmann BB. XXV 107 sg.). — Non trovo nello sl. eccl.: boemo, pol. russo *gomoniti* *h-* v. 33, *ubor* ecc. Eimer -ar. Con *á*: *rada* Rath, *valǔ* Wall, *vaga* Wage; quest' ultimo è anche slov. Eccl. slov. *charati* alto ted. ant. *harjǎn*.

Solo eccl.: *gonesti* got. *ganǎsan*, *gonǎti* got. *ganǎh* (Uhlenbeck ASPH. XV 487); *chlastati* alto ted. ant. *hlast-*.

Di *postiti* ed altri v. 34 sg.

Non sarebbero germanici *chabiti* e *chapiti*, secondo lo Štrekelj ASPH. XXVII 43 sg. 68. Nè forse *štapǔ* Stab (v. Zupitza Guttur. 152), ma si invece *štapǔ* (staffa), del serbo antico: XXVIII 500.

22) Invece *molstir* (Dalm. II 253, 295) partirà da mon(i)st-, con dissimilazione delle due nasali in *m-l* (esempi un po' diversi dà il Solmsen ZVgIS. XXXVII 590), e così andrà spiegato il franc. *moutier*: *molst-*?

23) Di *crémaillière* e sim.: Horning ZRPh. XXI 453, Thomas Ro. XXVII 161.

Il riflesso dell' *a* bavaro-austriaca nell' *o* slov.-cr. importa meno, nel caso nostro, e va studiato da slavisti e germanisti. Basti qui un paio di esempi, in semplice ordine alfabetico: *krof* Krapfen (p. e. Štrekelj Morphol. 16), *lejtro* Leiter, e invece *mojster* Meister, *molor molovati* Maler malen, *olba* Halbe (Murko II 112), *šilbok* Schildwache. Maretić § 86. Nè manca quest' *o* nel Nord: v. p. e. Korbut § 25

Riflessi di \ddot{u} \ddot{o} .

16. Sul nome di *Roma*, della *Croce* e dei *Giudei* nello slavo meditarono parecchi studiosi; da ultimo e a più riprese il Meillet (I 182 e MSL. XI 178 sgg.) e il Vondrák (I 28 sg., aksl. Gr. specialmente 368 sg.). A più riprese, ma sempre più di passata che di proposito, onde le loro conclusioni non volevano esser definitive. Ed erano essenzialmente queste: RŌMA CRVX JVDÆUS, onde *Rūma *Krūže *Žūd- divennero, nello slavo ecclesiastico, *Rymu *Kryžī *Žyd- e, per un effetto assimilativo della palatale e di r, Rimū Križi Žid-.

Analogamente i due studiosi ed altri spiegherebbero anche altri riflessi.

Nelle pagine che seguono si vuol radunare un maggior numero d' esempi, specialmente d' origine romana e del serbo-croato. E si arriverà alla conclusione che l' *i* sl. eccl. da \ddot{u} e \ddot{o} non passò probabilmente mai per una fase *y* sl. eccl. Certo è che cotest' *y* non fu mai scritta. *Jakyn* che dà il Vondrák ll. cc. non è sl. eccl.: Monum. serb. 1485.

Elementi romani e romanzi.

17. Qui gli esempi vanno raggruppati, meglio che secondo la varia origine locale (illiro-rom. ecc.), secondo la qualità e la quantità nel latino, distinguendosi cioè:

le due chiuse: $\text{u} = \ddot{u}$, $\text{o} = \ddot{o}$ \ddot{u} , ed $\text{y} \ddot{o}$ greche latinizzate²⁴).

e l' unica aperta: $\text{o} = \ddot{o}$.

Nei vari casi lo slavo ci darà qui vari riflessi in *u*, *y*, *i*, ma quest' ordine non è cronologico: *y* non è la fase intermedia fra *u* e *i* sl. eccl. Anzi nei riflessi da u dovremmo dare il primo posto al riflesso in *i*, perchè questo è il più importante per le ragioni che vedremo. Tuttavia seguiremo lo stesso ordine che per i riflessi da o , perchè quest' ordine conseguente serve al confronto e alle ulteriori ricerche.

La distinzione fra tonica e atona e fra sillaba libera e in posizione non è qui necessaria, ad eccezione di un caso (24).

24) Meyer-Lübke I § 17, It. Gramm. § 65; Claussen NJKA. XV 412 e 417.

Da ū = ū:

18. In *U*, negli elementi greco-romani, e nei veneti e friulani.

I greco-romani ci danno uno o due esempi per l' ū tonica: eccl. *klisura* (diffuso nel Balcan e nella vicina Italia)²⁵ da κλεισοῦρα = κλειω + CLAUSŪRA: Meyer-Lübke, Simon Port. 159, bulg. russo pol. *mul-* (mulo) forse da μούλος -αρι. — Per l' ū atona: eccl. serb.-cr. *sudar σουδάριον*, nel significato di 'fazzoletto', come il vegl. *sedar-ül*.

È recente invece, sebbene diffuso (Jireček I 36, Rad CXVIII 23 ecc. ecc.), *fortuna*: recente perchè conserva non solo *f-* (cfr. *pikat* ecc.) ma anche *ort* (31). È termine marineresco italiano (veneto ecc.). V. ancora p. e. Štrekelj Lehnw.: *bruška škura* e altri, *škud* a Ragusa ecc. — Da *u* atona, p. e. Štrekelj ASPH. XIV 518 sg.: *durelac, kuñati* (non ben sicuro), *uminal* e altri.

19. In *Y*, negli elementi germano-romani. Ma qui (cfr. invece 27) avremo esempi molto incerti: eccl. e com. *myto* Mauth e forse *bypolä* Büffel, che alcuni ripetono da MŪTARE e BŪBALUS BŪF-? (Thesaurus II 2219, dove *bifolu* è error di stampa, per *bufalo*). V. Schrader Reallex. 691.

20. In *I* solo dall' ū illiro-romano. Ma v. 22, 2.

Nello sl. eccl. solo *locika* LACTŪCA e *Židinū -ovinū* JUDÆUS²⁶.

Invece nel serb.-cr. parecchi esempi, di cui qualcuno è anche sloveno. Anzitutto nella toponomastica del litorale d' ILLYRIUM-URIUM, i riflessi degli omoteleti TELURIUM e TRAGURIUM *Trič* (e *Tijar-ica*) *Trogir*. Poi, d' origine romana, *Mika* MŪC-ULA²⁷), *Omišač* AD MŪSCULUM 3, *Palit* PALŪDEM e *Namirju Zamirje -mŪRUM* (Jireček I 81, Murko II 109 sg.). — Di questi appellativi sopravvive solo l'ultimo: serb.-cr. e slov. *mir, mirje* e *mirišče* (muro, moriccia) Murko l. c. E ancora il serb.-cr. *žežin* e *žežinati* JEJŪNIUM -ARE.

25) Jireček I 37, Dalm. II 431, Battisti AT. XX 187. — Un altro esempio greco-romano di *ov* da ū è τσικούρι -ούρα *securis*, ed importa che -ούρα è produttivo: ἀνε-μούρα ecc.: G. Meyer Neogr. Stud. III 77. — Cfr. anche *μούκουρα* qui avanti 20 n.

26) A. L. Pogodin: *Iz istorii . . .* [Dalla storia delle migrazioni slave], Pietroburgo 1901, p. 99.

27) Da uno studio, documentato e acuto, di Vitaliano Brunelli, nel giornale *Il Dalmata* d. 9 giugno 1906, s' impara non solo che questo nome (*Mucła*, ven. *Mugla*, oggi it. *Punta Mica* = -ka, sl. *Oštri rat*) ricorre in vari documenti della Dalmazia (Cherso 1283, Arbe 1334, Zara 1205, Spalato 1080), ma che talora ha la funzione di appellativo, col significato probabilissimo di 'palude' o 'maremma'. Si confronti ora: *μούκουρα τὰ ἐπὶ τῆς παραλίας συσσωρευόμενα φύκια*, cit. da G. Meyer Neogr. Stud. III 45. La forma MŪC-ULA (neutra o forse associata a PALUS od ORA e sim.) può esser la base anche del nostro *Muggia* (lad. *Mugla*, ven. *Muja*). Ma sui difficili e molteplici riflessi di MŪC-US e sim. si vedano gli studi iniziati dal Pušcariu JBRSL. XI 107 sgg. Il quale vi considera anche l' appenn.-balc. *moccecare* (morsicare): v. qui *Meskatayr* 5, nome di uno scoglio, come a dire 'morsicatore'.

Anche qui. bando agli scrupoli (Dalm. II 338): l' *i* del nostro *desinare* non deve restarci a gola, per due ragioni. Prima, perchè non è ben sicuro che *desinare* e *digiunare* siano, come ci conforta a credere Madama Fonetica, una stessa cosa. Poi, si osservi che *desinare* è straniero a tutta la zona appennino-balcanica, compresa anche la Sardegna²⁸): it. (centr. e mer.) *pranzo -are*, sardo *pranzu -dere*, vgl. *prinž prandžr*, rum. *prinž -i(re)*. Ora, come p. e. in *fisima* da 'sofisma' (Schuchardt ZRPh. XXI 130) e in tante parole letterarie e straniere, cotesto *fm* e sim., perchè di sapore poco italiano, sono corretti coll' *i* epentetica, così *desinare*, ch' è solo letteraria imbandigione, non sarà altro che un *difna(r) -e(r)*, di cucina allobroga, condito all' italiana.

Oscuri invece i nomi di luogo *Zirije*, dal sec. XI it. Zuri; e. fuori dei confini d' Illirio (ma molto vicini), *Lipian* UPLIANA, *Mil'e* Muggia, *Widen -an Jid* Udine (Baudouin II 43 sg. 252, 291), *I'id* UTUS.

Da $\varphi = \bar{o} \ddot{u}$:

21. In *U*, negli elementi romani — illiro-rom., greco-rom. e forse germ.-rom. — e in parte negli elementi romanzi.

1. Dall' illiro-romano, molti riflessi serbo-croati (Dalm. II 251 sgg. 287 sgg.).

Da \bar{o} : *-ur -ÖRIUM* (*prsurā* 34, *Penatur* PINN-AT- D' Ovidio ZRPh. XXVIII 542 sg., *balatur* 40, *krpatur* COOPERT-, *salatur* SALI-AT-), *-un -ÖNEM* (*salbun* SABL- 30), e *Lun* Punta Loni (Jireček I 64) forse P. LEÖNTIS; v. ancora 39. Poi *bukva* box vulgaris BŌCA Thesaurus II 2057, *neput nepuča* NEPŌTEM -ŌTIA (cfr. 23). Anche *kuda* CŌDA (da ultimo: Ro. XXVII 190, GG². I 465). — Da \bar{o} atona nessun esempio sicuro.

Probabilmente, sebbene non si possa precisare la quantità dell' *o*, *Duke* DOCLEA, *Gurk* CORACA, *Ku(l)pa* COLAPIS. *Medun* MEDEON 39, tutti alle frontiere (nord e sud) d' Illirio.

Da \ddot{u} : *buka* -CCA, *kapula* CEPULLA, *murka* A-, *onukl-* 4, *puč* PUTEUS, *surgati*. Anche *anguła* ANGUILLA GG². I 468. — Da \ddot{u} atona: *lukijerna* LUC- (Murko II 110).

Meno sicuri *guta* e *gučula*. termini medicali; *bulikan* BÜLL-IC- (cfr. Štrekelj ASPH. XIV 518), *duplir* (cfr. 40).

Da \check{y} (v. 17): *koluma* e *ka-* (caloma) 4, *tun* (tonno) THYNNUS. E anche *Lopud* *ELAPIYTES (Lapoda ecc. Jireček I 61).

Da \circ micron (v. 17): *fuka* PHOCA, *kulaf* COLPUS, poco sicuri, in quanto possono esser d' origine italiana: *foca*, *golfo* e c-.

Ma quest' ultimo, *kulaf*, è proprio di Ragusa. di quella Ragusa che molto poteva sull' Adria. anche quando cotesto *Colfo* era in massima parte mare nostro, cioè *Colfo de Venezia*.

²⁸ Si veda soprattutto la Raccolta Zuccagni-Orlandini (Racc. di dial. it., Torino 1864): *pranzo -are* comprende il continente subappenninico (249 sgg.) e l' Italia insulare (Sicilia 408 sgg., Corsica 454 sgg. e anche la Sardegna 434 sgg.). Oltr' Appennino: *difna(r)*: 24 sgg.

2. D'origine greco-romana saranno qui forse: *pa(v)un pepun* (bulg.-serbo) *πεπώνι* Pušcariu I 1298; *kukumarĭ* 7, *puł'ka* (ibi) *πουλ-* Pušc. I 1395.

3. Germano-rom.: *cebula* (alla frontiera: nord e slov.) Zwiebel -ole: cfr. invece *kapula* 1.

4. Slavo-rom. (cfr. 9): *koruna* (eccl. serb.-cr. russo mer. e forse boemo) -ōNA; *tuĥa* (srb.-cr. slov.: v. anche Subak ZRPh. XXX 88) COTONIA; eccl. e com. *guĭna* GUNNA, *rusŭ* (giallo) -SSUS? eccl. serb.-cr. russo *sumpor* SULPHUR? — Di *moruna* v. 34.

Anche *Tuľovsko*, l'antica TYLE (Jireček SB. dell' Accad. scient. di Praga 1876). — Altri esempi di nomi propri, tra i quali *Rumisk-* ROM-*ḡωμ-*, sono raccolti dal Sobolevskij 27. (*O)ptuj* POETOVIO ASPH. XXI 203.

5. Anche l'ο romanza e più precisamente l'ο media ch'è frequente nella Venezia Giulia (v. Vidossich, Studi sul dial. triest. § 4) e domina assoluta nelle città del Litorale illirico (BRPh. 290 sg.), dà *u* in numerosi riflessi serbo-croati e sloveni: v. Maretić § 97, Štrekelj Lehnw. 26, Zgrablić § 4, Dalm. I § 152, II § 298. Ma sono molto meno numerosi che non paiano. La stragrande maggioranza è costituita dalle formazioni in -un -one e -ur -ore -or.ιο. Ora molti -ONEM -OREM -ORIUM eran passati nello slavo merid. da altre fonti (illiro-rom., greco-rom.), più antiche della infiltrazione ital. (ven.) e ladina (friul.), ond'è che gli antichi *pepun halatur* ecc. possono aver attratto p. e. i ven. *scopón kar(i)gadór*, onde cr. *šćupun* (Štrekelj, Lehnw. 61), *Kargadur* (a Ponte di Veglia; ven. di Veglia *Kargadór*) e altri. Due esempi notevoli sono: bulg. serb.-cr. slov. *račun* RATIONEM (conto) e serb.-cr. *stačun*, slov. *št'icim'a*) stazzone 'bottega' ecc., come in gran parte d'Italia (fino in Corsica: Dalm. II 459; aggiungi ASPH. XIV 545 sg. XXIV 588); termini commerciali per eccellenza, importati nel Balcan dal commercio medioevale italiano. Che non siano più antichi, si deduce forse dall'Λ² conservata. (O non fu labializzata per assimilazione al *č* seguente?)

Qui si noti ancora un'altra *u* seriore da *o*, ch'è veramente *o* slava, e però andrebbe lasciata agli slavisti. In alcuni dialetti slov.-cr. (v. p. e. Zgrablić l. c.) si ha *lupiž* (p. e. sull' isola di Veglia) da *lopiž* LA-4, così *kunestra* 4 (Arbe: Rad CXVIII 22. *kumen* (Murko II 16).

22. In *I*, solo dall' *ö* (ed *ü* v. 2) che certo aveva l'illiro-romano e forse anche il reto-romano orientale: abruzz. *ö e*, pugl. *ue*, friul. (*u*)*e* (*u*)*i* e specialmente albanese e albano-rom. *e*. V. Dalm. I 279. E qui 39.

1. Gli esempi si riducono tutti al tipo RŌMA sl. *Rim* e si trovano oltre che nel Litorale illirico anche nella vicina Venezia. Partiamo da Bergogna (Friuli orientale), Cormons (-ona, nell' Evo Medio), Gemona, friul. odierno e ven. *Bergoĥa*, *Kormōns*, ven. *Ĝemona*, friul. *Glemone*: slov. *Brgin* e *Bargin* -nci ecc. (Baudouin II 71 73), *Kŷmin* (II 25 e 57), *Gumin* Γ- (II 291). Nell' Istria montana troveremo poi le microscopiche

Roma cr.-slov. *Rim* e *Verona*^{28a}), senza riflesso slavo. Invece da *Mon-tona*, istr. **oyna*, si ha cr.-slov. *Motovun*, che dunque non ha fisionomia illiro-romana. Ma appressiamoci ai confini fra l' Illirio e la Venezia. Prima Gimino (che nel veneto del luogo è *jimin* e *ĝ-*; nel cr., *žmin*) si affaccia, ma solo fra il lusco e il brusco, perchè non giurerei che sia *Gemona. Poi, in luce meridiana, FLANONA ven. *Fianona* e *Fija-*, cr. *Plomin*, ALBONA -*ona Labin*, ambedue 'presso del Quarnaro'. — Varchiamolo. E ci appariranno fra i 'romani ruderi' di tre grandi città le borgate di *Nin* AENONA, *Skradin* SCARDONA, *Solin* SALONA. Ma queste rovine parlano ancora alla memoria degli Italiani: ven. *Nona Škardona Šalona*, con s veneto (Dalm. I 262). Invece sono muti per noi e parlano agli Slavi il Monte *Promina* (6) PROMONA, poi un' altra *Labin*, dimentica questa dell' antico nome (Albona nel sec. XI e XV, Labena nel XII: Jireček I 62, Dalm. I 279), e la Torre di *Norin* (Kula Norinska), che s' erge non lontana dal *Norin*, affluente della *Narenta*, srb.-cr. *Neretva*, dominando le rovine di NARONA. Infine a sud del Litorale illirico, ma non lontana dal suo confine: APOLLONIA *Polina*²⁹).

Le vie commerciali di Ragusa, Zara e Segna, nell' Evo Medio, ci conducono ancora ad ANCONA: srb.-cr. *Jakin* (16).

E tutte le vie conducono a RŌMA e da tutte le terre slave: eccl. e com. *Rim(ü)*.

Di due altri. *Diklo*, nel sec. X Duculo 918. Yculus 940 sg. (Jireček I 63 che ci ricorda le colline *Dikle* di Ragusa e ci avvicina così a DOCLEA (21), geograficamente, e *Vir*, nel sec. XI Ueru (Jireček I 64, nel XIV e XV Pontadora Ure Ura (ibi 63), it. *Pontadura*, non so dir altro che: 'il senso lor m' è duro'.

Altrettanto, del rapporto fonetico tra *Florentin* e FLORENTIANA, *Plodín* e PHILIPPOLIS (Jireček ASPH. XVI 594 sgg.), *Vidin* e BONONIA: tutte e tre nel bacino inferiore del Danubio. — Più lontano ancora ci porta *Kolin* (di Boemia): «piuttosto del tedesco *Köln*, con diverse forme nei dialetti, che del latino *Colonia*», a quanto mi scrive C. Jireček.

Qualche parola friulana con *ui* da *o* passò nel vicino sloveno. Notevole *kujntri* (contro) Baudouin II 131.

Invece srb.-cr. slov. *f(ur)mentin*, *urmetin* (zea mays, Šulek s. vv.), che il Miklosich (Fremdw.) derivava da *f(o)rmentun ferm-* (Kušar Lomb. 15, Rad CXVIII 18, Nemanic I 427, sarà piuttosto -INUS: cfr. *cikvantin* (Rad cit.) 'grano cinquantino'. Nè *capin* (slov. 'zapp-' viene da *capun* -one (srb.-cr.), ma dal ted. Zappin.

28a) Ambedue nel Pinguentino e forse recenti. *Verona* manca al 'Repertorio comunale', e, come mi comunica il dott. Sandrin, «si trova a metà dell' erta che scende dalla Fontana». Due località di nome *Verona* ha poi la Dalmazia: presso Cattaro e sull' Isola Grossa. — Di VERONA v. Olivieri SGIt. III 57 e 61.

29) *Pojani* è la forma viva, *Polina* si trova nelle carte geografiche e in documenti dell' Evo Medio (comunicazione di C. Jireček e C. Patsch).

2. Per ū sta isolata (v. *dip/ua* 40) la *croce*: sl. eccl. e com. *križi*. E piantata, come vuole *-ž-*, su base d'origine romanza; l' *i* deciderà per il ladino: *u*.

Ma prima di fermare queste basi, spazziamo il terreno all' intorno, avvertendo gli slavisti (Jireček I 37, 42, Vondrák I 28) che la forma *crusi* in carte di Ragusa (v. anche Dalm. II 336) è materiale ingombrante o almeno inutile: per complicata che sia la storia di cotesti *u i* per *o e* nello schiavonisco ecc. (I 271), è certo e sicuro che quel *crusi*, da leggersi *krufi* e *kruži* (10), non può esser antico, indigeno (vegl. *krauk*.) e dev' essere d' origine recente, veneta (*krofe*). Ed è altrettanto certo che durante il sec. IX, cioè quando gli Slavi conobbero la croce, Venezia non aveva dato ancora niente del suo linguaggio agli Slavi del Balcan: niente affatto all'Illiria meridionale, dov' è Ragusa, e meno ancora alla Tessaglia o a Tessalonica, di dove partirono Cirillo e Metodio.

I quali portarono *Kristū* agli Slavi. Questo nome (Mellet I 110) si trova, col valore di 'croce', nei più antichi testi glagolitici; invece *križ* «tardi in Occidente, dai linguaggi di quelle regioni [Pannonia] passò nei testi paleoslavi ecclesiastici»³⁰) Linguaggi slavi, s' intende bene, ma in contatto ben intimo con linguaggi germanici e romanzi, alla frontiera e per entro al paese ed entro in chiesa. Erano per lo più 'Franchi', come generalmente si crede, i predecessori e i successori di Cirillo e Metodio, nell' opera dell' evangelizzazione degli Slavi occidentali, ma Franchi latinizzanti e più precisamente ladineggianti. E non senza coadiutori latini o ladini.

Ora si considerino questi allotropi di CRUX:

Forma semiletteraria	popolare	pronuncia del latino
spagnuolo <i>cruz</i> e <i>cruce</i> ³¹)	da *kroz	+ <i>kruže(m) kruks</i>
alb.-rom. <i>krūk</i>	> *krok o *kruk ³⁴)	> *krūce(m)? ³⁶) *krūks?
trent. ant. <i>cruz</i> ³²) = *krif -ž?	> <i>krof</i> -ž, -s -š ³⁵)	> <i>krūce(m) krūks</i> ³⁷)
alto ted. ant. <i>chrūzi</i> <i>chriuzi</i> ³³)	> *kruk o *chroz?	> <i>krūze(m) kruks</i>

30) V. Jagić: Zur Entstehungsgeschichte d. kirchenslav. Sprache, AKVienna XLVII (1901), II 26.

31) *el cruce* de los caminos (croicchio), p. e. nel Dizionario di Aniceto de Pagés, Madrid 1902 sqq.

32) Carlo Battisti (AT. XX 48 e XXI 13) e Karl Ettmayer (RF. XIII 582; invece di 'Doc.' leggi *Statuti* 40: ZF. XXV) notano 'cruz' in tre testi dialettali del Trentino, con *o* per *ó*, e vedono un latinismo nell' *u*, che può valere *ū*. E *x* può valere *f* (v. p. e. Battisti § 59).

33) *chriuce* e *cruici-gota* si legge fin nel Notker Viennese (v. Heinzel, SB. 82, dell' Accad. di Vienna, p. 531 sg.). Cfr. Wilhelm Braune, Althochdeutsche Grammatik (Halle 1886) § 42.

34) V. GG² I 1046, Dalm. I 278 (riga 11 di sotto: **juŕ*). — G. Meyer (Etym. Wörterb. 207) dichiarava l' *ŕ* un' assimilazione al *-k*, ma si oppongono *duk*, *kuč* e *škvfur*, oltre *kukul' pulę* 21, *kuŕę kul'trę kuŕ* e *plump*.

35) V. Ascoli AGIt. I nm. 61, Ettmayer RF. XIII 551 sgg., Gartner, Rätör. Gramm. § 200.

36) Ho chiesto invano un' informazione per l' Albania. Ma è ben nota la pronuncia *ū* per *ū* nel latino dei Gallo-romani e dei Reto-romani. V. Rajna: Per l' azione delle parlate moderne sulla pronuncia del latino, *Mélanges de phil. rom. déd. à Carl Wahlund*, Macon 1896, p. 139 e 144. P. e. 'a Sant' Ambrogio di Milano, in quelle vecchie là, *fuori* di mano' si canta non solo la *Via Krūcis*, ma anche *Per Kristūm dominūm nostrūm*, mentre p. e. alla Maddalena di Parigi *krūsis* fa le pugna con *kristóm*.

37) Anche *u*; perchè la Venezia tridentina è terra lombardo-veneta.

Quando la croce era solo uno strumento di tortura e di morte, troppo bene la conosceva il popolo; infatti sono perfettamente popolari i riflessi di *CRUCE*(M), nella grande maggioranza delle lingue e dei dialetti romanzi (Indecisa la *cruce* rumena e la *kruge* sarda). Ma quando tale ordigno divenne simbolo, e dal Golgota passò sull'altare e sul pergamo, la liturgia latina e il sermone latineggiante trasformarono la croce di legno in un ostensorio d'oro: *krućem -zem* ecc., *krúks*. Nessuna meraviglia che poi le due forme, la pagana e la cristiana, si fondessero in una. E appunto tale, mezzo indorata, era forse la croce della Venezia tridentina, com'è quella della vicina Germania e dell'Illirio (oltre che dell'Iberia), ed anche della vicina Slavia occidentale: *križi* dal semilettario **krüz* = *kroz*³⁸, + *krúks*.

Di *Y* in *tyrī* v. num. 34.

23. Molto frequente è l'*O* srb.-cr. e slov., originata dall'*o* veneta e friulana. V. 21. Qui si confronti p. e. il cr. *nevodica* (nipotina) Nemanic I Fortsetz. 40 e 55, con *neput -uča* (21, 1): il primo origina dal veneto orientale (*nevodo -oda*, accanto a *neza -sa*), il secondo dal dalmatico: vgl. *nepajt* (e *-ajta*, rifatto su modello veneto; indigeno è *njaptu* o *ni-*), nei documenti *nepot nepoča* (Dalm. II 272, 296).

Ancora il recentissimo *-ona*, p. e. di *po'trona* (Rešetar, Die srb.-kr. Beton. 153 n.), si confronti con *-un -ONEM*, romano, e col preromano *-ONA -in* 39.

Da *o* = *ö*:

24. In *U* negli elementi romani — negli illiro-romani solo per *ö* tonica di sillaba libera, poi in qualche elemento greco-romano e germano-romano — e in elementi romanzi.

1. Dall'*u* illiro-romana (GG². I 1045, Dalm. II 332): srb.-cr. *-ul -ólus*, *jarula* AREOLA, ch'è appenn.-balcan. (it. centr. e mer., sardo, dalm.), *možul* con varianti molte (*mužol* 34 e altre: ASPH. XII 462, XVII 33, SFR. VIII 575) MODI-OLUM, secondo lo Schuchardt ASPH. XIII 158 «con immistione di MEDIUS» (*mežul* ecc.), *pižul* (Murko II 125, SFR. VIII 576) PODI-OLUM 33, *rusa* ROSA, *škula* SCHOLA, *stura* STOREA.

Anche greco-romano: *pasul* diffuso nel Balcan (srb.-cr.bulg. e anche russo mer.) *φασούλι* (G. Meyer Neugr. Stud. III 69) e *rusalije* 7. *dum(na) δόμνα*, *ruqa ῥόγα*.

2. D'origine germano-romana, ben sicura (Murko II 97, 109), eccl. e com. *kuhar* (-ati -nia) Koch-.

3. Quanto è detto al num. 21 di *-ur -un* vale anche per *-ul*. P. e. dal ven. orient. *tovajol* e *ta-* (tovagliuolo) si ha nello slov. del Carso *tavajólol* (Štrekelj Morphol. 411, anche *tarčlic* 413), nel vicino cr. *tavijolac* (Nemanic I 414), *taviol* (Rad XX 133), ma anche *tavajul*³⁹ (ib. CXVIII 17 e 21): quest'ultimo in Dalmazia, dunque con suffisso probabilmente dalmatico. — Più numerose le *u* atone: p. e. in Rad XX 110, *furešt kurdjelica munita unest*.

38) Cfr. slov. *kroža* (dal ven. *krofe -u*, friul. *krof -is*) Baudouin II 334, *krozat* (ven. *krofato*, onde vgl. *krofát* ecc.) ibi 218 ecc., ASPH. XIV 529.

39) *j* non *ġ*: cfr. 2 nota. Così p. e. slov.-cr. *tavaja* (Štrekelj Morphol. 437, Nemanic I. Fortsetz. 546), dal ven. orient. *tavaja* 'tovaglia: Meyer-Lübke. Rom. Namenstud. I 78).

25. *O* negli elementi illiro-romani con *o* in posizione e *o* atona, e in vari elementi romanzi.

1. È illiro-rom. *kopsa* (Ragusa) COXA, dalm. o alb.-rom. (Schuchardt Slawo-deutsches 50), e forse *bota* (ibi, bulg. serb.-cr. slov. *bolta*) 'volta arco', da non confondersi collo slov. *bot* (Mal), ch' è il nostro *botto* (Štrekelj ASPH. XII 454, ma v. Schuchardt ibi XIII 158). Gli altri esempi di *o* in posizione vanno ai nn. 29 sgg. — Qui si noti l' *o* atona: *komük-* 31, *kostrat* 4, *možul* 24, *oligañ* LOLIGINEM, *posat* 4. E *Kornat* 3.

2. Quanto agli elementi italiani si confronti specialmente *-ol* con *-ul*, serb.-cr. *fažol* (dal ven. *fašol -iōš*) con *pasul'*, *škola* con *skula* (Dalm. I 261 sg.). E si noti *pogača* 10; qui ancora *plovān* (pievano) forse dal ven. ant. *plovān*. Altri esempi di *o* protonica si trovano facilmente nello studio dello Štrekelj Lehnw. *koradešica kordelišica koret* ecc.

Da *-ol* ted. -it.: slov. *fažol f-* ted. medio *phafol* Fifole ed altri.

Elementi greci.

26. *o* media (37), da *ω* e *ο*, dà *U* nei riflessi slavi popolari: eccl., più o meno antico, *drumä* (bulg. serb.-cr.) *δρόμος*, *jikuna* (*ikona* russo) *εικών*, *kalugerü* (ibi), *Solun* 14. Atona: *drakun*, *prospura* 34. Eccl. *jepiskup* *ἐπίσκοπος*, *sulinarī* *σωληνάρη*, *urarī* *ὠράριον*.

Mancano, come pare, allo sl. eccl.: serbo ant. *aravunī* *ἀραβίων*, cr. *d(e)rmun* (Dalm. II 450) *δρυμών*, bulg. *huma* *χῶμα*, russo *uksusü* *ὄξος*, serbo *nurija*, *putir* *ἐνορ-ποτήριον*; *Tripun* *Θρύπων* (Jireček I 56, II 60).

L' *O* sarà riflesso più recente e letterario: eccl. *dora* (russo) *δῶρα*, *hora* (bulg.) *χώρα*, *kolino* (serbo, russo) *κόλυβον*, *stomahü* (serbo); *dijakonü* (ibi, bulg. russo occid.), *dijanoli* 14, *milot* (russo) *μηλωτή*. — *monastyri* 34, 2.

E le varianti (*kalogerü* ecc.) delle forme popolari citate. E le forme limitate ai testi: eccl. *kidonije* (cfr. tuša 21, 4), *kivorü*, *molotrü*⁴⁰, *paramonarü*, *porpira*, *prioni*.
ov resta *U*: eccl. *kuvija* *κλουβί*, *pagur* 14, *trulo* (serbo) *τρούλλος*.

v = *I*: eccl. *kolino*, *pirügü* (bulg. serbo) *πύργος*; *anükira* e *-jura* *ἀγκυρα*, *skiminü* *σκυμνίον* e altri; Meillet I 188 sg.

Elementi germanici.

27. *ü* dà *Y*: eccl. e com. *chyzü* got. *hūs*, *tyñü* (Zaun) e altri: Hirt BGDSL. XXIII 339 sg. Loewe ZVglS. XXXIX 318 sg.; e non *u*: Murko II 108. — E forse *tykva* 40.

o in *U*: eccl. e com. *buky* (Buch -e) got. *bok-* e altri: Hirt e Loewe ll. cc.

In elementi meno antichi anche *ü* dà *u*: Korbut § 26, 35 e 84.

ü è riprodotta, alla meglio, con *u* e *i*: ibi § 31.

40) *μολόθουρος*, col significato di *μάραθρον*, che dà il Miklosich, seguito da altri (ASPh. XXVII 230, ZVglS. XLI 160)? 33.

Accidenti generali.

28. Gli accidenti che turbano generalmente il sistema vocalico dello slavo, così negli elementi stranieri come negli indigeni, provengono per lo più dall' incontro di sonante e consonante, ch' è nesso insofferibile al paleoslavo e anche in parte al neoslavo. I rimedi sono di varia specie: estirpazione della consonante nasale, metatesi, sincope e simili.

Nè mancheranno casi di assimilazione e dissimilazione, di analogia.

Nelle pagine che seguono converrà limitarsi quasi solo agli elementi latini e romanzi, anche per non ridire cose dette da altri.

29. *ă* *ò* *ù* davanti a nasale seguita da consonante danno nello slavo ecclesiastico una o nasale (*a*), che i più trascrivono oggi con *a*. Lo sloveno ne fece *o*; il serb.-cr., *u*.

Il nome dell' isola *Susak*, Sansico-vo 1071, Sansego 1280 ecc. (Jireček I 65) rimoverà a *SAMPŪCUM* (*origanum majorana*), onde poi, con mutamento di suffisso (34), *-ĭCUM* = *Sânsego* (e *sanseg Šulek* 347) e **Sqsikū* **-ĭk -ĭk* (34). Anche *Susak*, di Fiume, avrà questa origine romana, perchè il Miklosich non lo imbranca coi derivati da *suhŭ*: Die slav. Ortsnamen aus Appell. II 102. Sicurissimi sono poi *sut* (Jireček I 57 sg.) e *sutal* *SANCTUS -ULUS* (*sántolo*), di cui specialmente *Jagić*, ASPH. XXII 528. Inoltre serb.-cr. *skudla* slov. *skodla* *SCANDULA* (Meillet I 184). *kqpona ku-* 7.

Con *ò* abbiamo un derivato da *mōns*: *Mutogras -kras* Monte grasso 1080 ecc. (Jireček, Christl. Elem. 22; serb.-cr. *grug* (*grongo*) *CONGER*, e forse l' ecel. *kqpetra ku-* *COMPATER* (34). *Motovun* 22, *Soča* 11.

Con *ŭ*: **pudomjenat* 34, *žuk* *JUNCUS*.

30. La nota metatesi (vera o apparente) nei nessi di liquida + consonante avviene naturalmente anche in voci d' origine romana e preromana, e solo per l' *ă*. Cfr. ASPH. XXV 182 sgg.

Son ill.-rom.: *Rab* *ARBA* (6), vicina a *Rabac*, ch' è il Porto d'Albona, *Rabĭnŭ* *ALBAN- Arb-* (Jireček I 43), *Raša* *ARSIA*. Poi *Krapan -nŭ*, probabilmente *CARPINUS*: it. *Cárpano* (Istria), *Crappano* = *Krápano* (Dalmazia), e *Mrata* *Marta* (Jireček, Christl. Elem. 26), anche *Stombrata* *Sv. Marta* (Patsch WMBH. IX 285). Quindi gli appellativi *klak* (*Murko* II 110) *CALCEM* e forse un 'claucho' *CALICEM* 34, *slavl'a* *SALVIA* (Šulek 359). — In sillaba atona, i riflessi di *ALBONA* *Labin*, *SCARDONA* *Skradin*; *Mratin* *Martino*.

Di altra origine (non ancora precisabile): com. *krap* *CARP-* *IO* e *mramor* *MARMOR*, *raka* *ARCA*; *sraka* *SARECA*. — *Vratolomije* *Baqŭ*.

Diversa, la metatesi dalmatica in *salbun* SABL-, di fronte a *sabbione*, franc. *sablon* ecc. — Altre metatesi di consonante: 11; di vocale: 11, 34.

31. La sincope del tipo TORTA *torta* (trascr. *tūrta*) *trta* avviene anche negli elementi latini e romanzi, ma non solo per *ŭ* *ö*. Per *ū* *ō* ci mancano esempi. Ma ve ne hanno per A, oltre che per E e I.

1. Si vedano intanto *ŭ* *ö*. D'origine illiro-romana: *Krk* CURICUM (l'antico nome di Veglia), *Krkar* CORCYRA 34; eccl. *vrüči vrätü*, srb.-cr. e slov. *vré vrt* URCEUS HORTUS: Štrekelj Lehnw. 67. 73 (Murko II 111). Forse anche srb.-cr. *mrča* MYRT-IA, srb.-cr. e slov. *sprtvta* SPORTA, *trta* clematis vitalba TORTA: Štrekelj Lehnw. 67, srb.-cr. *krb* (pesce corvo), slov. *krbina* ASPH. XIV 528, *krĭu* (ven. corlo?) XIII 158, *träsü* (vite) XXVIII 535.

Dal greco-romano forse l' eccl. *brūdunü*, russo *berd- βουρδov-* Meyer, Neogr. Stud. IV 19.

Dal veneto o dall' istriano: *Opraĭ* Portole 11, srb.-cr. e slov. *frmentun -in* 22, *frtuna* 18 e *trijon* (Štrekelj ASPH. XII 472), e altri: Maretic § 90.

2. L' *ä* davanti r + consonante, onde *ra* negli elementi stranieri più antichi (30) od *or^l* (32), è sincopata in alcuni riflessi dall' illiro-romano e specialmente dal veneto.

Dall' illiro-romano *Trsat* 3, srb.-cr. *mrgan* MARGINEM e probabilmente *Trpañ* Trappano. Siamo nella regione di A in e (Dalm. I 277), che forse subì la sorte dell' E primaria: *grk* GRAECUS, *kriješa* CERESIA.

Più recenti sono: srb.-cr. slov. *grbin* (garbino), Štrekelj Lehnw. s. v., *gržun* (garzone) Štrekelj ASPH. XIV 525, SFR. VIII 564. *srđjela srdun* Schuchardt Slawo-deutsches 48, *škrpina škrpjun* (ven. *skarpena- ĵon* scorp-) SFR. VIII 608, *škrtač* (scartazza) Štrekelj Morphologie 63, 117, Nemanic I Fortsetz. 44. — Anche *tr(a)peza trpezar trpezarija* (Murko II 121 sg.), *k(a)rbun*, *k(a)rmina*.

3. Per (o) L avremo l' eccl. (russo) *klevrētü* δουροδουλος, se è COLLIBERTUS; ad ogni modo non è necessario supporre **κολλίβερος* (Miklosich Etym. Wörterb. 119) a dar ragione del -v- = -b-. — Ben diverso -(u) LUS: *buklo* 40, *onuklič* 4. Notevole *tikula* (tegola).

Sul difficilissimo *küblü* cŭp- v. intanto Meillet I 186 (e le citazioni in Dalm. I 312). *bütari* (botte): cfr. 40, 2.

4. Un posto a parte ha la sincope di *ū* in uno o due casi, ma anche qui in vicinanza di una liquida, come forse nell' illiro-romano: cfr. anzitutto D(ū)RACINA -E vegl. *drukno* (sincope di *ū*, non di *á* = *u*), *māritāre* vegl. *martūr*, alb.-rom. *martón*. È analoga forse la sincope in *Drač* (DUR- 3), e nel riflesso di CŌMUNICĀRE: illiro-rom. COM(ū)N(I)C-, coll' assimilazione di MN in *m* (cfr. *skamija* σκαμνί, *Lokrum* Lacrom(n)a Jireček I 61, alb.-rom. *škem-p*, oltre i casi di ario-eur. mn = sl. *m*: v. Pedersen ZVglS. XXVIII 350) **komk-*, onde, come ci aspettiamo, alb.-rom.

kungon e slavo eccl. e com. *koməkati*, trascritto *komäk-* (dove l' *ü* non ha che fare coll' *ü*), come *olütari* ALT- ecc. Più dubbi lascia forse la spiegazione del Meillet I 185, che vede qui «un abrégement de mot long» come in «*τριάντα*⁴¹⁾ issu de *τριάκοντα*». Ciò che lice ai numerali non lice ai verbi, perchè questi non si trovano tanto spesso, quanto i numerali, nell' atonicità sintattica, che facilita la sincope (p. e. *trecencinquanta* ecc.: Salvioni SFR. VII 235). *Kornat* 3.

32. La vocale davanti il nesso di sonante + consonante subisce altre sorti in esempi che sono più recenti di quelli (d' origine romana) considerati nei nn. 29—31. Alcuni possono essere d' origine dalmatica (cfr. 5) e letterari ma sempre più antichi degli elementi veneti e friulani.

Due tipi vanno distinti.

1. Il primo può esser designato colla formola (T)ART^L in (*t*)ort e riguarda dunque solo l' *ä* protonica, iniziale o dopo consonante. La quale *ä*^L diventò *o*, come negli elementi stranieri di 1—15.

ALTARIUM DALMATICA, che avrebbero dato, in riflessi antichi, **latari* **dlumatika*, diedero invece: sl. eccl. e com. *olütari* ed eccl. *dolumatika*. Saranno originati dal latino ecclesiastico, di liturgia germano-romana (alto ted. ant. *altäri*) o greco-romana (*ἀλτάριον*).

Dal veneto o dal friulano: *Polmàda* Palmanova (Baudouin II 291), srb.-cr. e slov. *ormar* e *omar* 40 (armar(i)o) Murko II 23 sg. 28. 311, SFR. VIII 554, *orsan* (darsena) Zore Dubrov. Tud. s. v. (a Cherso *arsan*: comunic. dal Tentor), *soldan* (saldame) Štrekelj ASPH. XII 468, *soltar* (saltaro). — Nel pol.: *Ormianin* Armeno ed altri.

2. Un secondo tipo sarebbe TART tarüt *tarat*. Riguarda tutte le vocali (cfr. -MENTUM in -*menat*) in sillaba tonica finale.

D' origine dalmatica possono essere: srb.-cr. *marac* (marzo), *sarak* (sargo), *skarač* (scarso -zo), forse *Murak* (Marco). — *Kalifronat*, *Porat*; *Molunat* 3⁴²⁾, *Punat* (Ponte).

41) Invece il Densusiannu Ro. XXVI 290 e il Vasmer ZVglS. XLI 154 lo ripetono da *trenta*. Infatti vi hanno dei linguaggi, come p. e. alcune parlate slave al Natisone (Baudouin II 19 35 37 103 142 174 186 405 489—92 744 sg.), che sono così pezzenti da mendicare numerali e cardinali! Ma è ridotta in tale stato la lingua letteraria neogreca?

42) Ricorda BENEVENTUM ed è uno dei molti nomi geografici, dell' Illirio e di terre vicine. in -UNTUM (ARGYR- BUT- DALL- HYDR- SALL-), -ONTUM (METAP-SIP-?), -UENTUM (PIQ- TER- TR- ed -ENTUM (TAR- *Bulentum* Jireček I 60, *Narenta* e altri). — Sull' u(ē) v. Ascoli AGIt. XIV 339 sgg., Meyer-Lübke Rom. Namenstud. I 77. Cfr. anche JUENNA, poi *Juna*, e oggi *Jauinstein*, come St. Veit am *Flaum* da *Fiume FL-*, *Tyhein* da *Duino* ecc.

Più recenti: -aldo (*kristalad, ribalad* Dalm. II 300), *larad* (lardo), *škaram* (scarmo) -ante (*elegant, łiganat* g-), *fanat, banak, kanat* — *konat, šorak* (sorte), *volat* (6) — *polas* (polso), *ponat* 'ponte' e 'punto di cucitura' (comunic. del Rešetar), *ronab* (rombo) — *punat* 'punto di scrittura' (Rešetar).

Ci va unito il tipo TARTA, conservato, tonico e atono.

Dalmatico: *Barbat, jarbul* (arboro), *lokarda; Kanpor, planta, ran- ketif* (rancido), *kolonda* (ZRPh. XXVI 410 sg.), *lunbrak* (-ice), *Muncel*. — Ma AL davanti a consonante dà a Ragusa ao e oggi o: *paoma poma* (palma), *saopa sopa* (salpa) ed altri: Budmani 163. — *anguła* 21.

Dal veneto: *garbast* (Štrekelj ASPH. XII 457), *lardo, škarda -inula* (Schuchardt ZRPh. XXX 729, Jelić WMBH. VII 797), *arniž* (Štrekelj Lehnw. 2), *-anca* e *-ancija* (Štrekelj ASPH. XIV 533, Kušar Rad CXVIII 26), perfino *-ando* (Budmani 168), *bandjera bandunati* ecc. ecc. (Rad XX), ma si noti ancora *šantol* (Nemanić I 394, s- Baudouin I 1341) e si cfr. 29. — *kon-*: *konfortati kontentati kontrabant*, dunque anche *-ant* finale.

Ma ancora: *barka* (srb.-cr. slov. russo), *porta* (bulg.), *furna furuna* (Murko I 318, II 106), *turma* (Jireček I 87). Quest' ultimo probabilmente dal rumeno, il primo in parte dal tedesco. Da cui anche slov. *burkła* (Murko II 17)? — *kurisari* 7.

33. L' assimilazione o 'armonia' vocalica ci potrà spiegare forse — se non troviamo di meglio — alcune vocali eslegi. Tale sarebbe l' *ó* di *gomonü* (boemo, pol., russo) 'rumore', se di origine germanica: nord. ant. *gaman* (ne dubita il Murko, apud Peisker 279). *komora* potrebbe risultare dalla somma delle varianti *komara xauáqa* e *kamora -ära*. Ma c' è anche *komostra* accanto a *komastra xpeμάστρα* (Dalm. I 272), *kotopanü* 14 e *Kotor* da **Kator*? 36. *molotrü* 26. *stodoła* 36.

La dissimilazione romana di o-o in e-o spiegherà: *kelomna, mežul, pižul*.

34. Negli elementi stranieri delle lingue in genere, e specialmente di quelle senza grandi tradizioni letterarie, l' evoluzione fisiologica o fonetica è turbata molto spesso dai momenti psicologici o d' analogia. Prepariamoci dunque agli arditi sgambetti di prefissi e suffissi, agli esempi di contaminazione e simili, che nel caso nostro ci rassegheremo ad ammettere più facilmente che in altri casi.

1. Al posto di *podrumü* *ὑπόδομος* (ASPh. XII 466), *podumjenat* (srb.-cr.) *FUNDAMENTUM, Pokrat* (ibi) *PANCRAT-IUS, ponistra -eštra* (Murko II 105; Dalm. II 254, 299) *fin-, prosora* (slov.) *friss-, prospura* (serbo, bulg., russo, pol.) *προσφορά* ci dovremmo aspettare *pu- pru-* (26, 29), e *pi- pri-* (o *pe- pre-*) e **puđomjenat*. La ragione di questa metatesi e di quei *po- pro-* sta nei frequenti prefissi slavi *po- pro-*. — Allo stesso modo, finchè non si trovi migliore spediente, si potrebbe dichiarare una parola che certo è molto più diffusa delle 5 o 6 su riferite, ma infine è pur essa straniera: eccl. e com. *postiti postü* fasten, invece di **past-* (15). È straniera [ma v. 40] e come tale non poteva mettere nella coscienza dei primi Slavi catechizzati quelle sì forti radici che oggi ha fermate nel sentimento linguistico degli Slavi e specialmente degli slavisti. Ai quali ripugnerà cotesto pseudo-prefisso.

Così ripugnerà ai germanisti una soluzione analoga dell' equazione (se equazione è) got. *gabeigs* = sl. eccl. *gobizü* (boemo e russo merid.), invece di **gabizü* (15). Infatti non si vede perchè i Goti dovessero dimenticare l' origine o l' accento del loro *gáb-igs*. Ma è ben possibile che gli stranieri, i vicini Slavi, tratti in errore dai *ga-* (molto più numerosi che i *gá* tematici), s' ingegnassero a 'radebrechen', in lor tedesco, **ga-bigs*, onde **gobij' -zü*.

2. Il suffisso -ORIUS -M, ch'è sì rigoglioso nel rumeno e anche altrove⁴³ usurpa il posto di -ERIUM, ci spiegherà anzitutto *monastyri* (eccl. bulg. serb.-cr. russo merid.), *psalutyri* (eccl. russo mer.) e anche *plastyri* (eccl. bulg. russo) *ἐμπλαστῆρ*. — E ancora l'eccl. e com. *pastyri* 'pastore', rum. ant. *păstoră*. Dei quali v. 39.

Qui intanto si consideri un altro riflesso di -ORIUM: -ur d'origine illiro-romana (21). Anche questo usurpa un posto che non gli spetta: serb.-cr. *tašur* -šur (tagliere) Murko II 115, Dalm. II 302 [ASPh. XXVIII 531].

Un terzo riflesso, -or, *cintor* (cimitero) oltre che *čematorijs* (v. la nota), può essere letterario. Ma come credere letterari i nomi *Durmitor* e *Visitor* del Montenegro (Jireček I 38)? Vero è che si aspetterebbe *Drum-* (o almeno *Dorm-*) e che il secondo è di formazione ignota. Ma intanto si pensi all'attrazione possibile del suffisso slavo -or, che può aver arrestato il latino -ORIUM, impedendogli di giungere ad -ur o a -yr.

Il frequente -un ONEM scalza il debole, isolato, FILI-AN- (= *pi'an): *pišun* (Štrekelj Lehnw. 17, Dalm. I 284), come a dire 'figlione'. — V. ancora *Bošun* 11, *Medun* 39. *inčun* (anciolo).

Inoltre -un incalza *Koštur* e ne fa *Košturun*, allotropi forse di CASTRUM (Jireček I 37). — Così andrà spiegato il serb.-cr. *kračun*, vegl. *karasáyn* (catenaccio): da una forma *kurnáz* -as (forse CAR'DI)N-: Salvioni Ro. XXVIII 96, Ettmayer Bergam. 66), che ci è attestata nell'Alta Italia, si può arrivare a un riflesso illiro-rom. *kar(n)áz, coll'assimilazione di RN in r(r), che ci danno il vicino alb.-rom., il rum. maced. e l'abruzz. (Dalm. I 294; e pugl. *terrese* 'tornese': Nitti 9 n.). Poi *kar(a)z-one serb.-cr. *krač-un* (cfr. 30) come *stáčun* = vegl. *karas-áyn stasáyn*. — Quale sia il rapporto fra *koporan* (cappotto) e il sinonimo sicil. *caparruni* o quale dei due abbia il suffisso originario, è difficile precisare, anche perchè non si vede bene il tema: oltre CAPP-A (De Gregorio SGI. I 61) è necessario per lo meno un aiuto di CAP-UT -ER (Ascoli AGIt. XIV 336).

Anche -ONA, sebbene non esistesse in latino, era invece frequente nell'illiro-romano (22) e avrà attirato MURAEANA, che, col suo -ENA isolato, era un pesce fuor d'acqua: bulg. serbo *moruna*⁴⁴.

Abbastanza frequente è pure -at -ata (4). Qui andrà cercata oltre la spiegazione di *doksat* (Murko II 326, Dalm. II 290), anche quella, ben più difficile, di *pojata* -anta (Murko II 112; e *paprata* -ii, *paprúti* (vestibolo), *Paprata* sull'isola di Veglia, da *περίπατος* (Jireček), che senza l'aiuto di -āTUS -A avrebbe dato *ΰα*. E *Pilat*? Jir. I 62.

43; *cimiterio* si ha in vari dialetti d'Italia e d'Illirio (Dalm. I 429: v. ancora qui nel testo), *monastorio* in Dalmazia (ib.), Ungheria (*monostor*) e anche in Germania: *munestiura* p. e. nel Notker di Vienna (SB. 82, Accad. di Vienna p. 532). Cfr. anche il rum. *cositorü* *χασίτιρος*. — Ed è di paesi vicini, come mi avverte il Meyer-Lübke, il *Chrysaorius* = *Chrysaerius* di San Gregorio; cfr. Thomas Ro. XXXI 495.

44) AVELLANA aveva un suffisso frequente, ma un tema che assomigliava proprio a un nome in -ona: *Ἀβλόρ* Avlon (Vallona). Anzi, trattandosi di un frutto, poteva parere che questa ne fosse la terra madre, come la vicina Durazzo era la patria delle duracine (ma v. Thomas, *Nouveaux Essais* 248 sg.), Susa delle susine, la Persia delle pesche ecc. e, senza andar tanto lontano, Abella, patria dell'avellana. Così almeno pareva e ancora pare ad alcuni, mentre altri credono che il nome del luogo (Abella) venga dal nome del frutto, e non viceversa. Comunque, a spiegare *AVELLŌNA (onde rum. *alună* ecc.), inutilmente si cerca un suffisso latino, che non esiste (cfr. Puşcariu I 70). — V. Hoops (nota 10) 479.

ocěli (acciaio), ch'è eccl. e com., è troppo antico ed esteso per ripeter le origini dal piccolo e lontano territorio di A in e (31). Oltre *-ale* (ven. ecc.) e *a(r)io* si ebbe anche *-erio*: cipr. ἀρσέρην, rum. *arcer* (cote)? Ma resta da studiare anche la possibilità di un'origine germanica: *ecchil eckel*.

Dalla forma *Corcira*, forse letteraria (cfr. invece 31), si ha col frequente *-ula*, *Korcūla* Curzola (*Kürtzola*): cfr. *možul* in *mužol* 24, *podumjenat* da **pudo-*.

Su *pladuč pláď-avor*, *platuša* PLAT-ESSA, v. Schuchardt ZRPh. XXV 348, XXVI 423, XXX 726. — E *kalamuča* è davvero it. *-uccia*?

Nella seconda *o* di *godovabli* (eccl. boemo, pol., russo) Gott-(ge)webe lo Štrekelj (Peisker 274) vede un «effetto della vocale di composizione *o*». Analogamente si spiegherà forse *gotovü* (per **gotav*) cioè col frequente *-ov*. — L' *a* di *Sušak* è lunga (come mi avverte il Rešetar), mentre si aspetterebbe *-äk* da *-ik* (29): attrazione del frequente *-äk*.

Ancora *romjenča* AERAMENTA sostituito dal più frequente *-ENTIA*.

3. Restano vari casi di contaminazione, che in elementi stranieri non fanno meraviglia.

'claucho' (Dalm. II 268) CALICEM risulta da srb.-cr. **klak* (cfr. *klak* CALCEM 30) + dalm. **kalko* o **kalk(o)*.

krpatur (ibi 294) da **koprtur* + sl. *krpa* 'straccio' e sim.

kūmotrǎ (compare): *kupetra* (comare). La loro relazione è complicata: difficile la prima *ü*, l' *o*, l' *e*. Certo è che lei ha messo i pantaloni (-*ü*), e lui le gonne (-*a*).

lokanka bulg., LŪCANICA (da cui **lu-* o **li-*) + *lokati* (leccare), bulg. *loča* ecc.

lokarda LAC-ERTA. Nei molti e vari suoi riflessi romanzi (Flechia AGIt. III 159—63, Luciano Bonaparte TPhS. 1882; cfr. G. Meyer Neugr. Stud. II 95) si vide l'effetto di LUCEM (*lucertola*: Meyer-Lübke), di VARIUS e altro (Nigra AGIt. XIV 369, Ettmayer RF. XIII 586). Oltre che per la zona juro-alpina (*la(f)valt lifavert* ecc. *laferda*) anche per la balcanica (*lokardu* e *λακίρδα*) ci potrà aiutare VIRIDIS: lacerta v. Ma solo per *-RD*. Per *á* forse ARTUS (spagn. *lagarto*). Per l'uno e l'altro calzerebbe, foneticamente, *dardo* e anche per la semasiologia: cfr. MATARIS 12. Ma è germanico, come *-ard* (franc. *léz-*), e però non accontenterebbe facilmente il dalmatico e il neogreco.

oblia (sinonimo di *bluta*: Dalm. II 255 296) sarà OBLATA + *ostia*. L'accento *-ia* non deve meravigliare nel serbo-croato. Allo stesso modo la *oublie* franc. sarà impastata di *oublée* e di *hostie*. — Di *papež* v. 10.

pastyrǐ 39 conserva l' *a* (per *o-*) dell' indigeno *past-*

rosata *RŌSIATA (onde **ru-*), coll' *o* dello slavo *rosa* (rugiada).

Conclusione e problemi.

35. «Ce n'est ni de l'Italie du sud ni des Balkans que les Slaves ont reçu des mots romans, c'est des populations germaniques dont les Slaves occidentaux ont reçu de nombreux éléments de civilisation et dont la langue populaire était le germanique et la langue religieuse et savante le latin. — Le latin qu'ont reçu les Slaves est un latin de maîtres d'école allemands.»

Questo giudizio, che dava il Meillet (I 181 sg. 187), è certo in gran parte inesatto, come oggi vorrà riconoscere egli stesso, dopo gli studi specialmente di Costantino Jireček (I) sulle relazioni degli Slavi colla romanità dell' Illirio e del Balcan in generale. Giudizio inesatto, perchè troppo sintetico.

Infatti la conclusione che si può trarre dalle ricerche su esposte è questa: quelle ricerche vanno continuate. Semplice, quasi unilaterale pareva la questione sugli accenti slavi dal latino, che invece sono molteplici, più che non si credesse, molto diversi per età e patria. Nè tale questione o tali questioni si potranno risolvere prima che non si abbiano sott' occhio, in un quadro completo, tutte le forme di tutti i suoni stranieri percepiti e articolati dagli Slavi, da tutti gli Slavi. Soltanto allora la *probabilità* che accontentava il Miklosich (ASPh. XI 106 sg.) e ancora sembra accontentare l' Hirt (BGDSL. XXIII 330) potrà avvicinarsi molto alla certezza. Soltanto allora la storia delle parole e delle cose ignote agli Slavi del passato sarà scritta, nelle molte pagine lasciate bianche da Clio, matrigna ai Paleoslavi.

Intanto proviamoci a dar le ragioni dei riflessi su considerati o almeno a raccogliarli possibilmente in un tutto.

Anche i riflessi slavi di vocali indigene ario-europee, convien avere sott' occhio.

Slavo eccl. Ario-europeo.

<i>a</i>	da	\bar{a} \bar{o}	e da \acute{a} romana, greca, germanica.
<i>o</i> ⁴⁵⁾		{ \check{o} \check{a}	\bar{o} romana in posizione. \check{a} atona romana, greca, germ.
<i>u</i>		ou	{ <i>ou</i> greca e greco-rom. \bar{o} romana e germ., <i>o</i> (media) greca.
<i>y</i>		\bar{u}	{ \bar{u} germanica e germ.-rom. (* <i>-uir</i> * <i>-oir</i> -ORUM?)
<i>i</i>		\bar{i} ei	{ <i>i</i> ed \bar{e} romana, greca, germ. \bar{u} \check{o} illiro-rom. e reto-rom.

È naturale che un suono straniero sia articolato come quel suono indigeno che più vi si avvicina.

45) Il Kretschmer propone, con riserbo, una base balto-slava *a*, da \check{a} \check{o} ario-europee: Die slav. Vertretung vom indogerm. *o*, ASPh. XXVII (1905). Alcuni degli argomenti addotti dal Kr. furono discussi molto ampiamente dal Vasmer: Zwei kleine Abhandlungen, II. Zur slav. Vertretung des ario-eur. *o*, ZVglS. XLI (1907).

Comunque, la labializzazione dell' \check{a} ario-europea e dell' \check{a} atona straniera va ben distinta dalla labializzazione di \bar{a} e anche \check{a} in vari dialetti d' Illirio (Dalm. I 271).

86. L' *O* slava era, secondo il Kretschmer e anche il Vasmer II. cc., non solo aperta ma molto vicina ad *a* (*â*) ancora in epoca storica (v. più avanti). Ed era più vicina all' *ă* atona del romano, greco e germanico che all' *â* di queste lingue, per una delle due ragioni seguenti o per tutte e due insieme. La prima riguarda la quantità: era probabilmente breve l' *o* (*ō* *â*) slava perchè era tale la sua fonte (*ă* e *ō* ario-europee); secondo Johannes Schmidt (1), era breve o abbreviata, nella percezione dell' orecchio slavo, l' *ă* atona romana, greca e germanica. La seconda ragione andrà cercata nella qualità. Il Meillet (MSL. XI 166—72) notò in più d' un idioma moderno, anche neolatino⁴⁶), neogreco, neogermanico e neoslavo, la tendenza delle vocali atone alla chiusura, compresa l' *ă* in *â* o ed in *ü* *o*, così da sembrare che p. e. la *ločika* slava getti qualche sementa in qualche giardino di Provenza: *ločigo* LACTŪCA. Vero è che questo sembra anche un salto mortale oltre i monti e oltre i secoli, se è vero che proprio le lingue antiche, le due classiche e la germanica e anche la slava ecclesiastica (ma non il suo continuatore, ch' è il bulgaro), tacciono di una cotale *â* o da *ă* atona. Ma tacciono ai nostri orecchi, che sanno per esperienza propria i più sottili suoni odierni, mentre indovinano all' ingrosso gli antichi, fidandosi degli occhi. Insomma è possibile che, in germe oggi sviluppato parzialmente (prov., rum. ecc.) o nella percezione degli orecchi slavi, l' *ă* atona romana, greca e germ. tendesse ad *â*.

Altrettanto difficile è precisare l' epoca o le epoche di tale labializzazione. Secondo lo studio citato del Kretschmer, l' *o* slava si manteneva ancora molto aperta nei primi secoli (VI-X) delle relazioni fra gli Slavi e i Greci e i Romani. Dei Germani gli Slavi erano stati vicini molto prima, quando gli uni e gli altri abitavano in casa loro. Divennero poi coinquilini nelle provincie danubiane e del Balcan. Ma solo quaggiù i Germani, che vi aveano preceduti gli Slavi, attinsero da fonte greco-romana una civiltà superiore alla slava; il che vuol dire che quaggiù, meglio che nelle sedi nordiche, i Germani diedero agli Slavi nuove idee e nuove parole.

Ma non si può tacere delle altre parole slave con *o* per *ă* germanica (e ario-europea comune), che l' Hirt (BGDSL. XXIII 330 sgg.) considera d' origine germanica, mentre altri le dicono sorelle (corradicali), piuttosto che figlie delle germaniche, e saranno qui citati accanto alle singole voci. Secondo l' Hirt, sarebbero dunque d' origine germanica: sl. eccl. e com. *bokü* (fianco) got. **bak* (ma cfr. ZVglS. XXXVI 234)⁴⁷), *bolü* (malato) got. *balwja* (ZVglS. XXX 466, BB. XXI 316), *borü* (pino) anglosass. *bearu* (Uhlenbeck e forse Berneker presso Peisker 245), *dolü* Thal ecc. (Brugmann, Kurze vgl. Gramm. 344, Uhlenbeck: Peisker 247), *loši* (magro) got. *lasiws* (Uhlenb. Et. Wb.), *mog mag-* (Uhlenbeck BGDSL. XXX 299), *mora* (incubo) alto ted. ant. *mara* (v. specialm. G. Meyer Neogr. Stud. II 41), *münogü* (molto) got. *manags* (Patrübány IF. XIII 163 sg.), *opona* Fahne (Scheftelowitz BB. XXIX 57), *rokü* (termine) alto ted. ant. *rahha* (Zupitza Guttur. 136, Uhlenbeck); eccl. *kotora* (russo) Hader (Zupitza l. c. 103, Scheftelowitz BB. XXVIII 312, XXIX 24), eccl. e rom. *osa vosa* alto ted. ant. *wafsa* (Meillet II 247).

Ancora, secondo altri studiosi (v. Uhlenbeck ASPH. XV 481 sgg. e il suo Vocabol. etimol. got. 2^a ediz.; e Peisker), sarebbero germanici d' origine: eccl. e com. *gospodä* Gast? (cfr. invece O. Richter ZVglS. XXXVI 113 sgg. 117 e 324, Meillet

46) Sull' -A in -o nelle valli superiori di Fassa e di Sole v. ora lo studio di Carlo Battisti «La vocale *a* tonica nel ladino centrale», nell' ottimo *Archivio per l' Alto Adige*, con Ampezzo e Livinallongo, dir. da E. Tolomei, Vol. I (Bolzano 1906).

47) Riflessi di colore oscuro anche nella vicina Venezia e Dalmazia (Vidossich ZRPh. XXX 202, Dalm. I 243).

II 207)⁴⁸), *skotū* got. skatt (Štrekelj, apud Peisker 266), *sokū* got. sakan (Brugmann IF. XII 28 e 32, Berneker e Zubaty: Peisker 276); *chvostū* (boemo pol. russo) Quast (Štrekelj ASPH. XXVII 48), *mozolī* (ibi e slov.) Masel (Uhlenbeck: Peisker 281, Solmsen IF. XIII 137 sgg. Reichelt ZVglS. XXXIX 53). E infine *stodoŕa* (boemo pol. russo) Stadl -ll (da *stadal* 33), *loky* (bulg. srb.-cr. slov.) Lache (Zupitza Guttur. 134)⁴⁹), *smokva* (ib. e russo) got. smakka (Schrader Reallex.). E *grabū* Grab (Meillet II 217), *postiti* fasten (Berneker IF. IX 364), *voskū* Wachs (Osthoff Et. Par. I 21).

Alcuni di questi problemi potranno esser risolti dagli studiosi iniziati ai misteri dell'accento slavo. Veramente non l'accento slavo, ma lo straniero, quello della 'base', vorrebbe l'ā atona in o. Tuttavia in qualche caso c'entra forse l'accento dell'esito o seriore. Da CATĀR- Cattaro (leggi *kātaro*) e STAGN- si aspetterebbe **Kator* **Stan-*, ma il Rešetar mi dà le forme *Kobór Stonó*. Cfr. *Λεψάσιον* onde it. Drivásto (e dalm. 'Drüest', leggi *drivést*), ma serbo ant. Drivos(t) e oggi *Drišti* (Jireček I 59). Seriore è anche l'o della variante *Marok* da *Marak* (30). Analogamente non si potrebbero spiegare anche *opica* (Affe) e *postiti* (fasten)?

37. L' U slava era forse aperta (Vondrák I 13, 20) e ad ogni modo vicina non solo all' u (ov) greca, ma anche all' o romana e germanica e fino all' o greca. Sennonché il greco aveva varie o in vari tempi e luoghi, e non bene note. Nel greco antico⁵⁰) l' o (non l' ω) di qualche dialetto era chiusa (v. 17); il greco medio invece prima d'arrivare all' o aperta, che domina oggi (anche per l' ω), sarà passato per una fase di o media, ch'era vicina non solo all' o media del veneto orientale⁵¹), ma anche all' u (aperta) dello slavo.

Così forse andranno dichiarate le contraddizioni apparenti che si hanno fra il riflesso dell' o romana in ov greca, dell' o greca in u slava e altro ancora (v. Kretschmer e Vasmer II. cc.).

38. Il digramma *u* e anche *u*, che nell'alfabeto latino si trova trascritto *ui* e oggi si trascrive *Y*, rappresentava un suono che non fu ancora, e forse non sarà mai, precisato. Certo è che era vicino all' u e probabilmente più vicino all' ū tedesca che ai suoni (imprecisabili pur essi) *ü* ed *ö* delle fasi antiche illiro-romana e reto-romana (Goidānich BZRPh. V 1907).

Nè è facile arrischiare un' equazione -ORUM onde *-oir *-uir = -yr! Ma come spiegare altrimenti il rapporto fra -ORUM ed -yr (34)? Si ha da ricorrere a un germ.-rom. -or -ür? Sta bene (in mancanza di meglio) per *monastyri* *plastyri* *psalutyri*, ma *pastyri*! Germanica la designazione di 'pastore' e nello slavo comune! Credat Judaeus Apella. La nota testimonianza di Jordanes 51, sull' Arcadia dei Gothi minore (nihil abundans nisi armento diversi generis pecorum et pascua), è insufficiente indizio nella delicatissima ricerca di tanta paternità. Piuttosto che all' ipotetico **pastür* germano-romano, ci rivolgeremo al PAST-ORIUS *pāstorū* rumeno: all' antico popolo pastore delle Mesie e della Dardania e della Dacia almeno Aureliana, piuttosto che a quel popolino gotico minore.

48) Cfr. anche Ciardi-Duprè BB. XXVI 210.

49) Oscurissimo anche il nostro *lacco* = istr. *lako* (*lakuns'el* ecc.): Bianchi AGIt. XIII 197 (Dalm. I 300).

50) Cfr. 17 e Brugmann, Griech. Gramm. 3 § 9. — E v. anche lo studio di Mario Naeinovich: Note sul vocalismo dei dialetti di Larissa e di Gortyna, Roma 1905, p. 30 sgg. 50 sgg.

51) Al posto di *ū* *ō* latine si trova negli elementi romanzi del neogreco tanto o che u: p. e. *καπόνι* e *καπόυμι* (cappone). Gli esempi con o e quelli con u non solo sono pari di numero ma hanno in parte anche pari età ed origine: dal veneto orientale, che ha o media. Cfr. intanto 21 e 23.

39. Anche l'equazione *I sl.* = ü ö illiro-rom. e reto-rom. lascia più d' un dubbio. A *Rim* ROMA e *-in -ena -ONA* stanno di contro le numerose *u* da *o*, compreso *-un -ONEM* (21). Perché due così diversi figli di *-ONEM* e *-ONA*, che paiono fratello e sorella?

Paiono e non sono. L' uno è di sangue romano e l' altra di sangue illirico. Questa può essere l' unica superstite della famiglia illirica (e ill.-rom.) di ü da ö, che anche nel vicino albaniano-romano ha lasciato pochi eredi e tralignati: e da ö lat. e ario-europea (Meyer-Lübke GG². I 1046). Ma perché proprio *-ena -ina* (e *Rim*) si è salvato? La condizione era forse, oltre l' origine preromana, la nasale?

Si opporrebbe *Medun* MEDEON, perché preromano e con *o* nasale. Ma è opposizione poco resistente, e non solo perché è isolata, e con *EO* sospetto. Gli è che *Medun*, pur essendo preromano, assomigliava troppo ai composti romani di *-un -ONEM*, per non esser tratto nel loro ambito.

E resterebbe, del resto, la possibilità che la condizione richiesta da ü dalm. (ö prerom.) fosse non solo la nasale, ma anche l' -a.

Comunque, la fase intermedia *y* che si supponeva finora **Rym *-yn* è meno probabile che la fase intermedia *e*, per la buona ragione che *y* non si trova mai e invece *e* si trova: *Labena* 22.

40. Molti altri problemi e problemucci ci restano e ingrossano la schiera che forma la retroguardia in Dalm. II 429 sgg.

1. Molti sono rifiuti della toponomastica. Anzitutto le 'basi', quali ALETA, BARBANA, BASANIUS, PICARIA (gentilizio EPICAD-), STLUPPI, URPANUS, per *Alibe*, *Bojana*, *Bosna*, *Puka*, *Sklope*, *Vrbas*, in parte furono guaste dagli operai dello stilo e della penna, che ci tramandarono l' opera di Tolomeo, dell' Anonimo Ravennate ecc., in parte erano guaste nella stessa opera loro e in parte non corrispondono a quei nomi odierni nemmeno storicamente. Fonetivamente nessuna di quelle coppie si accorda. — In molti casi ci manca affatto il nome antico. In molti altri ne abbiamo più che non si voglia. Si cfr. APBARUM -ORUM OPS- Osseoro *Osor*, PAZINA e PO- *Pafene*.

E anche SCODRA *Škodra* e *Skadar*, SCARDUS *Šar*. L' ö ario-europea, onde *a* illir. (Kretschmer Einleit. 111 sgg. ASPH. XXVII 229) avrebbe qui lasciato qualche traccia? Un caso diverso, ma oscuro pur esso, è quello di VOLCERA **Vülkür* (cfr. 31) *Buccari Bakar* 29 (Štrekelj ASPH. XXVII 44), forse da un **Barkar*, come *omar* da *ornar* (32), *Kopar* da **Koprar* ecc. (11).

Altri nomi geografici hanno le fattezze di gentilizi romani e altri, ma dalle fattezze non si possono facilmente precisare i natali. Per i nomi che seguono, in -ANUM -A, si vedano gli studi del Pieri AGIt. S. V, dell' Olivieri SGIt. III, e quelli, da loro citati, del Flechia ecc.

Marjan Margnano (Jireček I 61). Ricorda i nostri Marignano: Pieri 52, Olivieri 86.

Neviana NAEVIUS (Jir. I 63, Pieri 55). *Proki'an* Ortsrep. PROCUL- (Jir. II 53).

Ulan e *Uglan*, *Žuan* (Jir. I 62) potrebbero esser tutti JULI -ANUM (Pieri ecc.) e JUN-, ma rigorosamente si aspetterebbe **Žulan*, *-ñan*.

In *Mondaneo -io* (non MONTANEUS, Jir. I 64) vedrei un Monte di *Dane-* ibi 57 Daniele. E *Tivat* Theudo, Teodo (Jir. I 60), piuttosto che a un nome germanico, rimonterà a un nome illirico: fratello (perché no?) della regina TEUT-A!

Nevala No- (Jir. I 64) NOVALIA? Pieri 131, Oliv. 150.

2. Restano ancora alcune voci d' origine ignota o non precisata.

balatur (Dalm. II 251, 287): -ATORIUM da VALL-UM secondo il Parodi, o forse da BALL-ARE secondo il Meyer-Lübke.

disagi -e (bulg. serb.-cr. slov. e russo merid. pol.) BISACCIIUM -cce. Il *g* che si ha pure nel rumeno (*desagi*, bulg. *disagi* da *di-*) lo ripeterei dal sinonimo *σάγρ* 'soma', senza però dimenticare la sonora di *komad κομάτιον*.

buklo, oggi 'buco di latrina' (a Ragusa); se originariamente designava il vaso, andrebbe col neogr. *βουκλα*, rum. maced. *buklę* BUTT-ULA (Murnu, Rum. Lehnw. im Ngr. 35).

diple diplenica (bulg. serbo), magiaro *dupla*; questo «nei primi esempi ungheresi si trova sempre come attributo di stoffe, i cui nomi in ungh. sono d'origine italiana: p. e. *dupla tafota kanavátz dufla tafota*» (Kőrösi: Gli elem. it. d. lingua ungh. 30): sarà *διπλ-*, meglio che un caso analogo a **križ križi* 20. Certo è che l'italiano ha, oltre che *doppio*, il letterario *duplo*, onde è possibile, ma per me introvabile, un gallo-romano **dúpl-*. È semiletterario (oltre che il napol. *duppio* ecc. D' Ovidio AGIt. XIII 365, cfr. III 357) il franc. *double*: v. G. Paris *Mélanges linguist. publiés par Mario Roques*, Parigi 1905 sg. 348.

komarda (Dalm.I 272) greco medio *καμάρδα*, rimonderà a *καμαροειδής*?

konop(ŕ)a (eccl. e com.) 'canape': grave problema per slavisti non solo ma e romanisti e naturalisti ecc.: v. ASPH. XIII Suppl. pag. 127, Meillet MSL. XI 179, Densusianu I § 41, Hoops o. c. (nota 10).

košul'a (eccl. e com.) 'camicia': v. G. Meyer Etym. Wörterb. 190.

kurŭva (eccl. e com.) 'meretrice'; secondo l' Uhlenbeck, il Kluge ed altri dal germanico (Hure), secondo lo Jüthner (WS. XXVI 156) corradicale di *κόρ(f)α*: cfr. it. *putta* ecc. V. ancora Thumb: APF. III (1906) 447 sg.

lul' (srb.-cr. slov., boemo, pol.) LOLIUM, ma non derivato: corradicale, secondo il Berneker IF. X 152.

ploča (srb.-cr.) PLOT(T)A -IA: v. Schuchardt ZRPh. XXV 348, XXVI 423, XXX 726.

poralija (Murko II 122 sg.) con 'paiuolo' ecc.: Meyer-Lübke Einführ. § 36.

robida (slov.) rubus idae o sim.: RUB-ETUM secondo lo Schuchardt e lo Štrekelj Lehnw. 82.

škul' (srb.-cr.) EX-CULLEUS: Štrekelj ibi.

sorokii (russo) *σαράκοντα*, ma non derivatone: Vasmer ZVglS. XLI 156.

tykva (com.), col prov. *tuca -o*, it. *zucca* (Schuchardt ZRPh. XXVIII 149).

E serb.-cr. *golija* (galea), *krcati* (caricare) ATr. XXIX 153.

Matteo Giulio Bartoli.

»Свод« Душанова Законика у народној несми.

Познате су наредбе Душанова Законика о своду. Њима су просто на хартију стављени старији народни обичаји о томе начину извиђања и расправе о крађи коња (или стоке).

Још у законодавству од 1349 тиче се тога предмета члан 92. Он гласи: Ако кто позна лице под човеком а буде у горе, у пу-стоши, да га поведе у препрвје село и заручи селу и позове да га даде пред судијама; ако ли га не да село пред судијама, што покаже суд, да плати село то-зи. Латински би се тај текст, по нашем разумевању, могао казати овако: *Si quis [equum subductum] cognoverit sub homine, idque in monte aut in regione deserta acciderit, ducito eum in vicum proximum ibique tradito fidei et custodiendum, convocato vico ut eum coram iudicibus det. Nisi vicus coram iudicibus dederit, solvet quod iudicium adindicaverit.* У том се члану свод схвата као позната (по обичајима) ствар, па се и не помиње, него се само за наведени случај утврђује поступак и јемство.

Али ма да се 1349 мислило да је и то довољно, 1354 Душаново се законодавство враћа на тај предмет и улази у њ ближе. Члан 180 говори: Аште кто ухвати, гушено или крадено, лицем, или силом узето, сваки о том да да свод. Аште кто буде купио где љубо, или у земљи царства ми или у иној земљи, вину да да о том свод. Аште ли не да свода, да плаћа по закону.¹⁾ Латински би се ово, по нашем разумевању, казало: *Si quis reapse comprehenderit [pecudem] subductam aut vi ademtam, omnis de ea regressum dato. Et si quis [pecudem] emerit ubivis, in terra mei imperii aut in alia quadam terra, etiam dato regressum. Si autem regressum dare non potuerit, lege solvito.* О истоме предмету говори још 193 члан, из познатих уника Раковачкога преписа. Он казује и шта се плаћало као казна и

1) Законик Ств. Душана. Београд 1898. Интерпункција овога текста разликује се у неколико од оне у издању од 1898.

шта се чинило у приликама где се свод није могао извршити по физичкој немогућности. Тај 193 члан гласи: И свод коњски и ини добитак, или који годе, правда. Што се гуџи или украде, тому да да сводника (или) да плати свако само-седмо. Ако ли рече: »Купих у тога земљи«, да оправе душевници от глобе; ако ли га не оправе душевници, да плати с глобом¹⁾. Латински бисмо га ми казали с погледом на оно што ћемо ниже објаснити, овако: *Regressus qui refert ad equum aut ad aliam quamcunque pecudem, absolvit. Si [pecus] ademta aut subducta erit, solvito precium septemplex, nisi potuerit dare ad quem regreditur accusatus. Si dixerit »Emi in ea terra«, id homines boni ex consciencia affirmanto, ne mulctam solvat. Nisi ita factum erit, solvit et compensationem et mulctam²⁾.*

Текст је последњега члана нешто мутан, али се донекле објашњава трговачким уговором међу царем Стефаном и међу царем Урошем и Дубровчанима.

Тако у уговору цара Стефана с Дубровчанима од 1349 (исте године које је прва половина законика донесена) поради трговине сточне, о којој се опширно говори, помиње се и о своду. Текст уговора гласи: Који трговац купи коња на тргу и плати за њ царину, да рече цариник душом јере јест тога-зи коња купио, и за њега платио царину, а тати да не зна — да му за то-зи свода нест; ако ли га тако зи не оправе цариник, да да свод у кога јест купио. А који љубо трговац доведе коња купив из туђе земље, а познају се, да се клне то зи трговац сам-други, јере га јест купио у туђој земљи и не зна тати и гусара — да не даје за то зи свода; да ако си узљуби си-зи који га познава, узети коња, да си га узме и оному-зи да пода трговцу цену, што буде подал за њега³⁾.

Од овога се уговора начинио закон много раширенији од онога који је 1349 донесен у Скопљу на сабору Српскога Царства. Јер су њега путем уговора потврђивали сви владоци и господари који насташе после Душана, а међу њима их је било (као што је босански краљ) који су држали и земаља што нису припадале царству Стефана Душана. Тако су горње типске уговоре, завршетну фазу развоја у трговачко-економним везама Дубровника са српским земљама, потврдили: краљ Вукашин за

1) Законик, стр. 144 и 262.

2) За превод латински захвалио сам г дру Јов. Турјомену.

3) Miklosich, Monumenta serbica, 147. Исто поновљено с царем Урошем године 1357, Monumenta, 162.

своје земље, 5 априла 1370¹⁾); краљ босански Стефан Твртко, 10 априла 1378²⁾); дука драчки Балша, 24 априла 1385³⁾); зетски господар Ђурађ, понављајући потврђење Страцимира, Ђурђа и Балше, 27 јануара 1385⁴⁾). Потврду Стефана Твртка понављали су сви босански краљеви, докле их је било.

На послетку, нови српски господари после Немањића, кнез Лазар и Вук Бранковић, потврдили су такође горе наведени уговор о продаји коња. Њихова је потврда другојачије стилизована, и стилизација је извршена на двору кнеза Лазара, пошто је она старија. У уговору од 9 јануара 1387, потписаном у Крушевцу, записано је: И ако који Дубровчанин купи коња, и онога зи коња ако ухвати Србин или Сасин и рече: украден ми је или гушен, да се отклне Дубровчанин како ње свједца оному зи коњу, ни гусе, ни татбе, ну га је купио. Ако буде драго Србину узети свога коња или Сасину, што буде дал Дубровчанин за онога зи коња, то зи да му врате, а коња личьега да ње вољан удржати⁵⁾. Тај је исти текст у уговору с Дубровчанима за своје земље потписао и Вук Бранковић, у Приштини 20 јануара 1387⁶⁾. Па се та формула тако исто, по том, из уговора у уговор преносила докле је трајало деспотство. Тако је налазимо у уговору Дубровчана с деспотом Стефаном, од 2 децембра 1405; у уговору с Гргуром и Ђорђем Бранковићем, матером им Маром и братом Лазаром, од 29 децембра 1405; у уговору с деспотом Ђурђем Бранковићем, од 13 децембра 1438, и у уговору с Ђурђем Бранковићем и синовима његовим, од 17 децембра 1445⁷⁾.

То су свеколике наредбе о своду које су нам се сачувале од старине у саборском и уговорном законодавству. По томе није чудо што је закон тај, и онда, у XIV и XV веку, узет у законе и у уговоре из обичаја народног, остао у тим обичајима и после наших закона и држава. У објашњењима к Законнику Душановом (у издању од 1898) ми смо на страни 254-5 из Деловодног Протокола Кара-Ђорђева за 1812 годину навели један пример свода из Груже (Округа Крагујевачког) а други из Протокола Шабачког Магистрата из Мачве и Шапца од године 1811. Умакао нам је онда један пример из народне песме, који овде износимо.

Ту народну песму штампао је још 1858 М. Ђ. Милићевић у својој књизи »Часови одмора. I«, стр. 37. Она је састављена из песме о коњу кнеза Лазара (крадепоне) у коју је унесен, с недовољном везом, у средини, један одломак из косовске епопије о невери Милоша Обилића.

1) Monumenta serbica, 179. — 2) Ib., 186. — 3) Ib., 202. — 4) Ib., 203. — 5) Ib., 205—206. — 6) Ib., 208. — 7) Ib., по данима и годинама.

Ми ћемо тај одломак (у коме је 41 стих) избацити, и онда ће изаћи народна песма, која чисто говори о своду. Других промена није никаквих чињено. Песма гласи:

Подиже се славни Кнез-Лазаре,
Са својих сто педесет друга,
Подиже се у лов у планину.
Кад је био у пољу широку
Проговара славни кнез Лазаре:
»Хвала Богу, хвала јединоме.
»Добрих жита а добријех поља«.
Ал' говори Бранковићу Вуче:
»Не чудим се житу и пољима,
»Но се чудим славном Кнез-Лазару
»Је он јаше коња краденога,
»Краденога рогата зеленка«.

Мучно беше славном Кнез-Лазару,
Па дозивље Бошка Југовића:
»Обрн' барјак, Бошко Југовићу,
»Обрн' барјак ка води Морави
»До бијеле Лазарице цркве«.
Кад то зачу Бошко Југовићу,
Он обрну крсташа барјака,
Обрну га ка води Морави
До бијеле Лазарице цркве.

Туна су их л'јепо дочекали,
Дочекали при калуђери.
Од добријех коња одсједоше,
За готову софру засједоше,
Уврх софре славни Кнез-Лазаре,
С десне стране стари Југ-Богдасе,
А с лијеве Бранковићу Вуче,
Низа софру сва господа редом,
У дну софре Милош Обилићу,
Пола софре собом заклопио,
Пола собом, пола кабаницом.

Када су се понапили вина,
Ману Лазар главом на целата,

Целат трже сабљу испод скута,
Те наднесе сабљу над Богдана,
Њега пита славни Кнез-Лазаре:
»О мој тасте, стари Југ-Богдасе,
»Откуд теби рогати зеленко?«
Проговара стари Југ-Богдасе:
»О мој зете, славни Кнез-Лазаре,
»Мени га је Страхинић поклонко«.
Целат наже сабљу на Страхинића,
Њега пита славни Кнез-Лазаре:
»Вјерна слуго, Страхинићу бане,
»Откуд теби рогати зеленко?«
Проговара Страхинићу бане:
»Царе Лазо, српска круно златна,
»Мени га је Милош поклонко«.
Целат наже сабљу на Милоша.
Њега пита славни Кнез-Лазаре:
»О мој зете, Милош-Обилићу,
»Откуд теби рогати зеленко?«
Њипи Милош од земље на ноге,
Па се ближе цару примичаше,
А титра се златним буздованом
Ка ђевојка зеленом јабуком,
И овако стаде бесједити:
»Знаш ли, Лазо, ноћна кукавица,
»Кад к'уписмо латинске хараче,
»Латини су љута сиротиња,
»Немадоше царева харача,
»Ја им дадох моје силно благо,
»Да их чекам три године дана,
»Они мени коња поклонисе,
»Ми дођосмо Страхинићу на конач,
»Ја не знадох шта је у зеленку,
»Поклоних га Страхинићу бану,
»Ја Страхинићу, а Страхинић Богдану,
»Богдан га је теби поклонко«.

Веза са косовском епопијом налази се у овом сумњичењу Милоша Обилића од стране Вука Бранковића. У том је узрок што се Милош према кнезу Лазару понаша с недовољном пажњом и што му у једном стиху каже чак и »ноћна кукавица«.

Стојан Новаковић.

Legenda o Salomonu v slovenski narodni pesmi.

Sledovi Salomonove legende so se našli skoro v vseh evropskih slovstvih¹⁾. Prof. V. Jagić je pokazal tudi, kako so se motivi Salomonove legende vporabili povsem prosto v ruskem narodnem pesništvu²⁾. Kolikor pa vem, še nihče ni opozoril na to, kako je Salomonova legenda vplivala tudi na slovensko narodno pesem. Na tem mestu hočem opozoriti samo na narodno pesem »Mlada Zora«. Žal, da se nam ni ohranila v povsem narodni obliki; predelal jo je namreč popolnoma Anton Žakelj-Rodoljub Ledinski (1816—1868), iz Ledin pri Žiréh na Kranjskem, in jo objavil med drugimi pesmimi v »Krajnski Čbelici« V. (1848), str. 70—75.

Tu naj sledi besedilo te redakcije po dr. K. Štrekljevi zbirki »Slovenske narodne pesmi« I. št. 114, str. 180—182.

Mlada Zora.

(Iz idrijskih hribov.)

Na lov mi pride kraljič mlad
Pod mlade Zôre béli grad,
Oj béli grad, visoki grad.
Gor' v ôknu Zôra mi stoji,
5 Takó le pravi, govori:
»O de b' te, lovec, zlodej vzél!
Kaj si loviti zajce jel,
Loviti zajce krog gradú?
Poberi ročno se domú!

10 Ne veš, de imam brata dva,
Oba lepa, oba mlada?
Oba risance imata,
De zajce sama streleta.«

Ji pravi, reče mlad kraljič:
15 »Men' zajci niso v čisli nič;
Le mlado Zôro bi rad vjel,
Bi rad na béli dom jo vzél.«

Na to se Zôra nasmeji,
Kraljiču pravi, govori:

1) Glej več o tem: A. N. Veselovskij, Славянскія сказанія о Соломонѣ и Кито-врасѣ и западныя легенды о Морольѣѣ и Мерлиніѣ. S. Petersburg 1872. Veselovskij je o tem pisal tudi ЖМ.н.п. 1886, zv. 245. in Arch. VI. — Fr. Vogt, Die deutschen Dichtungen von Salomon und Markolf, I. Bd. Salman und Morolf, Halle 1880. — Za francosko slovstvo: W. Fürster, »Cigés« von Christian von Troyes, uvod, str. XV. slsl., za franc. in portug. Pauls Beiträge z. d. Spr. u. Lit. VIII. 313. slsl. in Arch. VI. 397. sl., 553.

2) Glej Archiv f. sl. Phil. I. 112. nasl.

20 »Kako me neki bodeš vjel,
Kako na béli dom me vzal,
Ker nikdar iz gradú ne grém?
'Z gradú ne grém, 'z gradú ne smem,
Drugač ko k svéti maši grem;

25 Pa sami it' mi ne dadé,
Me vselej dobro varvaje:
Pred menoj mojšker gré devet
Za mano hlapcov gré deset:
Na stranéh grésta brata dva,

30 Obá lepa, oba mladá
Obá risance imata,
De mène Zôro varjeta;
Pavov dvanajst pa nad manó,
Perote svitile zgrinjajo,

35 Mi hladno senco delajo.
Če bi me, kraljič, le rad vjel,
Če bi me, kraljič, le rad vzal,
Sej imam jest neznan korén,
Neznan koren, koren lečén:

40 Ki ga pod jezik položim,
Precej zvečér hudó zbolim,
Zjutraj pa že mertva ležim.
Kadar me v rako ponesó,
V grajšinsko rako pisano:

45 Pa pridi po me, kraljič mlad,
In pelji me v svoj béli grad,
Oj v béli grad, visoki grad.«

Drug' dan po gradu jokajo,
Zdihujejo in tarnajo.

50 Na pare Zôro devajo.
Le grajški nôrec se smeji,
Takó-le pravi, govori:
»Močno, močno se meni zdí,
De mlada Zôra mertva ní.«

55 Kaj sta storila brata dva,
Oba lepá, oba mlada?
Še sta stopíla zlat kovan,
Ga vlila Zôri v béli dlan.
Al Zôra mertva le leží,

60 Se ne predrami, ne zbudí.
Jo v rako drugi dan nesó,
V grajšinsko rako pisano.

Po gradu mило jokajo,
Zdihujejo in tarnajo;

65 Le grajški norec se smeji,
Takó le pravi govori:
»Meni se pač vse močno zdí,
De mlada Zôra mertva ní.«

Kraljiču skôr ni včakat' moč,
70 Da bi se strila temna noč.
Ko solnce zajde za goré,
K' se zvezde vtrinjajo svitlé,
Hití mi v rako pisano,
Ódpre mi rako preskrbno
75 Pa Zôri vzáme 'z ust korén,
Neznan korén, korén lečén.
In mlada Zora oživí,
Predami se, se prebudí.
V kočijo mi jo posadí,
80 In hitro mem' gradú zderéí.

Gor' v gradu norec se smeji,
Takó le pravi, govori:

»Meni se pa vse močno zdí,
De Zôra mem' gradú deréí.«

85 Káj sta storila brata dva,
Oba lepa, oba mladá?
Šla sta se lova veselít,
Šla mlade zajce sta lovit
Pod mlade Zôre béli grad,
90 Oj béli grad, visoki grad.

Na pragu Zôra mi stojí,
Takó le pravi, govori:
»Bog vaju sprimi, lovca dva,
Oba lepá, oba mladá!«

95 Ji pravi, reče mlaji brat,
Nje mlaji brat, nje ljubši brat:
»Meni se pa vse močno zdí,
Pri nas navade take ní,
De b' si roke prijemali,
100 Pa rokovic ne snemali.«

Po sili vzame raz roké
Ji rokovice, v dlan gledé.
Po dlanu mi spozná sestro,
Na konja plane urno z njo.
105 Spodbôde konja mladiga,
Oj mladiga, oj bistriga.
Prejaderno zdaj proč leté,
De konjem podkve se iskré.

Zavpije Zôra, zakriči,
110 De krog in krog se mi glási:
»Oj dôli, dôli, kraljič mlad,
Oj dôli pod visoki grad!
Nevésta ti je vpljénjena,
Oj Zôra ti je vgrabljena!«

115 Kraljič opaše sabljico,
 V kačjim strupu kaljeno;
 Zaséde kónja berziga
 Oj berziga in iskriga.
 Za njimi se mi v dir spusti,
 120 De prah in pések se kadí:
 »Le stojta, stojta, brata dva,
 Ki sta mi Zôro vpljénila!«

Zdaj se pa vname silni boj,
 Oj silni boj, kervavi boj!

125 Po bliskovo mu sabla gré,
 Utrinja plamen se od njé.
 Hudo se brata brani,
 Junaška meče sučeta.
 V sercé ga vbóde starji brat,
 130 Oj starji brat, nemili brat!
 Zavpije Zôra, zakričí,
 Raz konja pade, omedli.

To storil je neznan korén,
 Neznan korén, korén lečen!

V pesmi je marsikaj nejasnega, a kljubu temu se kažejo v njej glavni znaki Salomonove legende povsem jasno. Navidezna smrt Zore s pomočjo »korena lečenega«, poskus z raztopljenim zlatom, ki se ji vlije skoz dlan, pokop v grajski »raki« in uvoz, spoznanje po rani na desni roki, smrt kraljeviča in Zore, vse to so motivi, ki jih pozna tudi Salomonova legenda. Znaki so tako jasni, da o zvezi te pesmi s pripovedkami o Salomonu ni mogoče dvomiti.

In vendar pesem nikakor ni identična z legendo. — Imena Salomonovega pesem ne imenuje, Salmo ali Salomo zastopa Zora. In kar je glavno: Zora ni žena Salomonova, ampak sestra dveh kraljevičev. Narodni pesnik je povzdignil motiv ogoljufanega moža in goljufive žene na viši, čistejši nivô, podobno kakor se je to zgodilo v italijanski pripovedi o Romeu in Juliji. Pa ravno vsled te premembe ni več vse tako jasno in prozorno, kakor je bilo pač še v predlogi. Pred vsem ne vemo, zakaj da brata tako dobro »varjeta« sestro Zoro, da nikdar sama nikamor ne more. V legendi o Salomonu je to popolnoma jasno, to je orientalski, oziroma tudi grški harem¹⁾. Ravno tako nejasno nam je v pesmi sami, zakaj jo brata tako kruto odvedeta z gradu njenega »kraljiča mladega«, a jasno je to v predlogi. — Namesto enega samega Salomona ima naša pesem dva brata, kako to, bomo kmalu izvedeli. Zora-Salma ne umre nasilne smrti kakor v pripovedih o Salomonu, ampak »raz konja pade, omedli«, umre tedaj vsled srčne boleti. To je povsem v smislu tona slovenske narodne pesmi, a je tudi v zvezi s temeljno premembo žene v — sestro.

Druge premembe so v zvezi z baladnim značajem slovenske narodne pesmi. Naravno je, da stremlja ta značaj za tem, da se dejanje, kolikor mogoče, opravi obširnosti epske tehnike, ki jo kažejo n. pr. ruske biline (Veselovskij, o. c., 238. sl.: Jagić, Arch. I, 103. sl.) in obe

1) Glej Chrestien de Troyes: »Cligés«, ed. Fürster, v. 6772 nasl., str. 279. sl.

nemški redakciji. Odpade torej posrednik-čarovnik, ki prinese Salomonovi ženi čarovniško zelje ali koren; Zora ga že ima — odkod in kako, tega nam pesem ne pove; odpade tudi poizvedovanje o tem, kdo je odvedel ženo in kam (v obeh nemških redakcijah in v ruski o Poru), brata že vesta vse — odkod in kako, nam pesem zopet zamolči. Odpade pa tudi vse dejanje v gradu Salomonovega nasprotnika. Za namen našega narodnega pesnika tudi ni bilo treba one device, ki sprejme v ruski pripovedi o Salomonu in njegovem bratu Kitovrasu (Veselovskij, o. c., str. 221) in v portugalski o Ramiru (Paul, Beiträge VIII, 313—314) Salomona (oziroma Ramira) in izporoči tujčev dohod kraljici; to vlogo sprejme Zora sama. Sploh odpadejo vse le količkaj nepotrebne osebe, kakor tudi vojno spremstvo Salomonovo. Ostanejo samo glavne osebe in glavni momenti dejanja.

Opomniti pa se mora še, da se razvija dejanje od v. 104 nadalje nekoliko drugače kakor v legendah o Salomonu. V teh namreč ne odvede Salomon svoje žene précej svojemu sovražniku Kitovrasu ali Poru, ampak je najprej sam njun jetnik; potem se pa po zvijači oprusti, da nato kaznuje ženo in njega, ki mu jo je ugrabil. A v naši pesmi ugrabita brata Zoro précej, ko sta jo spoznala, kraljevič hiti za njima, jo hoče dobiti nazaj, a pade sam v boju, nakar umre tudi Zora. To dejanje kaže mnogo podobnosti z drugim delom pripoved o Rasu (Gualterus Mapes, Nugae Curialium, Distinctio III, Cap. IV). V drugem delu te povesti namreč res uvede Raso svojo ženo namesto poganskega viteza, s katerim se je dogovorila, da ž njim ubeži. A žena ga spozna, sovražni vitez ga dohiti, nato pride do boja, v katerem Raso zmaga s pomočjo svojega sina, ki je bil v bližini skrit. Sledi smrt viteza in žene (Prim. Felix Liebrecht v »Germania« XXV [XIII], str. 37). Ta skladnost je dokaz temu, da je pripoved o Rasu res vplivala na pripovedke o Salomonu in sicer ne samo v prvem delu na nemški »spielmannsep«, kakor to dokazujeta Fr. Vogt (o. c., str. LXV nasl.) in Veselovskij (o. c., str. 287), ampak tudi v drugem delu, ki misli o njem Vogt, »da je za nas brez pomena«.

Odkod pa je prišla ta snov v slovensko narodno pesem, ali z vzhoda ali z zapada? Razrešitev tega vprašanja nam nudi pesem sama. Pri »dveh bratih« v naši pesmi moramo nehote misliti na Salomona in njegovega brata Morolfa, ki mu pomore v nemski strofiški redakciji in v spruchgedichtu (samo tu ni brat) do žene in do maščevanja. V ruski pripovedi o Salomonu in Kitovrasu (Veselovskij 220 sl.; Arch. I. 107. sl.) je pač Kitovras Salomonov brat, a je obenem njegov sovražnik, v nemškem spielmannsepu (Salman und

Morolf) pa je Morolf njegov pomočnik; Marolf (Markolf) v spruchgedichtu je tudi Salomonov pomočnik, a brat njegov ni. Vogt (o. c., str. LX) misli, da je za rusko pripovedko o Salomonu in Poru, za biline in za nemško tradicijo treba misliti na bizantinsko recenzijo, ki je drugačna od one, ki je vir za ostale oblike te pripovedke in jo je rekonstruiral v uvodu svoje izdaje na str. LVIII. V tej recenziji bi bil Salomonov brat njegov pomočnik in ne sovražnik, kralj Pharao-Por pa Salomonov nasprotnik. Bilo bi tedaj mogoče misliti, da smo dobili to snov z vzhoda. A proti temu govori dejstvo, ki jo povdarja tudi Vogt, da so se ruske biline in pripovedka o Poru oddaljile od te vsekako samo posredne podlage v toliko, da so popolnoma opustile Salomonovega brata. Nemška tradicija je pa v tem oziru ostala zvesta viru (Vogt, o. c., str. LX). To kaže tedaj na zapad. Še bolj pa kaže na zapad norec. Grajski norec naše pesmi je prevzel vlogo Morolfa v spielmannsepu in Marolfa v spruchgedichtu. Sicer poskusa z raztopljenim zlatom ne izvrši v naši pesmi norec, kakor Morolf ali Marolf (s svincem), a vendar je on povzročitelj tega poskusa. V ruski redakciji o Salomonu in Poru povzroči podoben poskus David, oče Salomonov (Veselovskij, str. 233). Iz njega pa bi ne bil mogel postati brat Salomonov, še manj pa — norec. V nemških redakcijah pa dvomi Morolf — kakor naš norec — ali je Salma res že mrtva:

ez ist der kuniginne
der dôt mit zouber hie getân. (Salman und Morolf, kit. 129. in 126.)

Morolf vlije Salmi raztopljeno zlato skozi dlan, naš norec pa je vzrok, da se stori isto Zori. In kar je glavno, tudi vloga dvornega norca je Morolfu nemške tradicije zelo primerna, saj igra v spielmannsepu kot spielmann, še bolj pa v spruchgedichtu (v prvem delu) popolnoma vlogo norčavega človeka (Glej o tem: Vogt, Salman und Morolf, str. CXXI sl.).

Slovenska pesem o mladi Zori ima tedaj namesto enega Morolfa dve osebi, »mlajšega brata« in »grajskega norca«. Vzrok te razdelitve ni težko najti. Narodnemu pesniku se je zdelo nedostojno, da bi igral brat plemenitnika vlogo norca, in je zato razdelil lastnosti Morolfove kot brata in kot norca med dve osebi¹⁾. Pri vsem tem bi se mogli čuditi samo temu, da imenuje pesem mlajšega brata, ki spozna Zoro po rani na dlani — tedaj Morolfa = Marolfa — Zorinega »ljubšega

¹⁾ To je torej ravno nasprotno temu, kar je napravil pesnik »Salmana in Morolfa«, ki je zvaril osebo burkastega kmeta Marolfa, Salomonovega nasprotnika v dialogu, in resnega junaka Morolfa, Salomonovega brata, v eno osebnost. Gl. Vogt, o. c., str. CXXI—CXXII.

brata«. A tudi to se nam ne bo zdelo več tako čudno, ako pomislimo, da je on v naši pesmi Zorin brat in ne — svak.

Izmed nemških redakcij nobena popolnoma ne odgovarja naši pesmi, akoprav kaže tradicija, iz katere je izšla »Mlada Zora«, z vse verjetnostjo na zapad, na nemško predlogo. A tudi obe nemški pesmi sta izšli iz neke skupne tradicije, ki ji pa ni enaka ne ta ne ona pesem, ki se je pa tudi že v marsičem razločevala od starejše, bizantinske tradicije (Vogt, o. c., str. LXV). In nekako tako tradicijo sredi med spruchgedichtom in spielmannsepom si moramo misliti tudi za podlago in vir naše pesmi, samo da je moral biti v tej tradiciji konec bolj podoben oni epizodi v pripovedki o Rasu, nego je to v skupnem viru nemških pesmi.

V Kranju, 14. III. 1907.

Ivan Grafenauer.

Puškin in der schwedischen Literatur.

[Als mein zu dieser Festschrift beizutragendes Scherflein hatte ich ursprünglich beabsichtigt, eine bibliographische Übersicht der russischen Literatur in Schweden zu geben. Obgleich ich das Material bis zum Jahre 1900 vollständig gesammelt habe, muß ich mich doch hier — mit Rücksicht auf den beschränkten Raum — auf Puškin beschränken und behalte mir vor, die Fortsetzung dieser Studie an geeignetem Platz weiter zu veröffentlichen. Eine detaillierte Kritik der schwedischen Puškin-Übersetzungen liegt um so weniger im Bereiche dieser Untersuchungen, weil ich selbst als einer der fleißigsten schwedischen Übersetzer aus dem Russischen in dieser Hinsicht gewissermaßen partiisch bin.]

Als der schwedische Schriftsteller Dr. Arvid Ahnfelt in dem ersten, 1874—1875 publizierten Bande seiner »Verldslitterurens historia« auch der slavischen Welt einen recht bescheidenen Platz einräumte, war die oberflächliche Ungenauigkeit dieser Darstellung nur ein schlagender Beweis dafür, wie wenig man in Schweden von der slavischen Welt damals wußte. Auf 16 Seiten wurden »Czekien(!), Serbien, Polen und Rußland« nach den damaligen Autoritäten (Šafařík, Talvj, Wiszniewski, Jordan, Courrière usw.) ganz unkritisch, oft fehlerhaft abgefertigt. Daß z. B. Karamzin oder Dostoevskij gar nicht erwähnt waren, wohl aber ein Podolinskij oder Ušakov (wahrscheinlich der Belletrist Vasilij Apollonovič U.) oder sogar Helena Hahn (Elena Gan), gehört zu den komischen Verkehrtheiten, die unvermeidlich sind, wenn ein Verfasser von dem zu behandelnden Gegenstande keine leise Ahnung hat. Und was da von Puškin gesagt wird, ist nur eine verkürzte Abschrift von Scherr.

Seitdem sind drei Jahrzehnte verflossen, und obgleich die sprachlichen Kenntnisse beiderseits sich in der letzten Zeit bedeutend gebessert haben, besonders nach der Errichtung einer Professur für Slavistik in Upsala und durch die Gründung der slavischen Nobel-Bibliothek in Stockholm, fehlt es uns noch immer an systematischen Darstellungen

der russischen Literaturgeschichte, und wir sind leider heute noch auf ausländische, nicht immer zuverlässige Gewährsleute angewiesen¹⁾. Ob diese Tatsache lediglich von Mangel einheimischer Literaturkräfte abhängt, soll hier nicht näher untersucht werden. Jedenfalls besitzt die schwedische Literatur weder eine Übersetzung von dem Slovo o polku Igorev²⁾ noch eine so eingehende literaturwissenschaftliche Leistung wie C. W. Smiths »Russisk Literaturhistorie« (København 1882). Und erst in der letzteren Zeit ist die russische Volkspoesie³⁾ etwas berücksichtigt worden, teils durch die treffliche Anthologie »Ur Rysslands sång« von Rafael Lindquist (Helsingfors 1904), teils durch meine bescheidenen diesbezüglichen Studien (»Om rysk folkpoesi«, Ny svensk tidskrift 1884 und »Sverige i Rysslands historiska folkvisor«, Nordisk tidskrift 1907).

Das erste Mal, wo Puškin und die russische Dichtkunst überhaupt den Schweden bekannt wurden, war im J. 1825: damals publizierte Fredrik August v. Platen in Åbo eine Übersetzung von dem *Kavkazskij plënnik*. Der Übersetzer, ehemaliger Beamter der Kommission für finnländische Staatsgeschäfte in St. Petersburg, geb. 1790, gest. 1868, gab der romantischen Erzählung den willkürlichen Namen »*Minne af Kaukasien*«. In der zweiten Hälfte der 30er Jahre plante er eine neue, verbesserte Auflage derselben. Sie wurde nicht zu Stande gebracht, aber die Korrekturbogen blieben in der Universitätsbibliothek in Helsingfors aufbewahrt und dann in Finsk tidskrift 1882 abgedruckt, nicht ohne eine gewisse Retouchierung. Leider fehlt nicht nur das einleitende *posvjaščenie*, sondern auch der *epilog* (beide sind in meine handschriftliche Übersetzung des »Kavk. plënnik« aufgenommen).

1) Im J. 1906 erschienen in schwedischer Übersetzung sowohl »Geschichte der russischen Literatur« von Georg Polonskij (in der Sammlung Göschen) wie des Fürsten P. Krapotkin in Amerika gehaltene Vorlesungen über die russische Literatur, ein sehr interessantes, aber in wissenschaftlicher Hinsicht recht schwaches Werk, das durch eine unzulängliche Übersetzung noch mehr verschlechtert wurde.

2) Eine dänische Übersetzung von Dr. Thor Lange, Konsul in Moskva, einem feinfühlenden Dichter und sehr talentvollen Übersetzer aus dem Russischen: »Kvadet om Igors Fylke. Oldrussisk Heltedigt fra det 12. Aarhundrede« (København 1888). Dr. Thor Lange verfaßte auch im J. 1894 eine dänisch geschriebene Studie über den Dichter Aleksěj Tolstoj.

3) Im J. 1840 erschien in Stockholm, nach einer deutschen Ausgabe in Moskva, eine von anonymen Feder gemachte Auswahl russischer Volksepik: »Förest Wladimir och hans kumpar. Ryska fornsågor«. Es sind 12 epische Lieder, mit »Rogdai« anfangend und mit »Fürst Wladimirs Tafel« schließend, ohne wissenschaftlichen Wert und in einer sehr willkürlichen Übersetzung.

men¹⁾. Der prachtvolle Epilog ist ja besonders wertvoll und charakteristisch für Puškin, weil er deutlich zeigt, wie der verummte Byronist in der Tat ein patriotisch nationaler, von Tsarismus und Chauvinismus etwas angesteckter Dichter war, denn Zeilen wie z. B. »Na negodujuščij Kavkaz podjalsja naš orel dvuglavyj« hätte der echte Byron nie schreiben können. — Was die Übersetzung von Platen betrifft, ist sie im großen ganzen recht treu und leicht fließend, wenn auch Notreime unvermeidlich sind, und nimmt man auf die Zeitzustände gebührende Rücksicht, muß es unbedingt anerkannt werden, daß das Debut F. A. v. Platens ein sehr gelungenes war.

Daß man in dem schwedischen Finnland einer literarischen Annäherung zu den Russen nicht ganz abgeneigt war, geht auch aus der Tatsache hervor, daß der Orientalist Gabriel Geitlin († 1871), Verfasser eines russ.-schwedischen Handwörterbuches, schon im J. 1829 eine akademische, lateinisch geschriebene Dissertation »*De meritis litterariis Lomonossowii*«, die von guten Kenntnissen zeugt, herausgab.

Als Vorläufer der Puškin-Forschung im eigentlichen Schweden ist der vielseitige Gelehrte Karl Julius Lénström († 1893 als Pfarrer) zu bezeichnen. In seinem »*Handbok i Poesiens historia*«, Örebro 1841, behandelte der damalige Univ.-Dozent in Upsala auch die slavischen Literaturen, allerdings sehr flüchtig, verworren und unrichtig, z. B. wenn es behauptet wird: »Die slavische Sprache ähnelt dem Sanskrit« (das war das Ergebnis der schwedischen Slavistik vom Jahre 1841!). Von Puškin heißt es hier: »Alex. Puschkin, geb. 1799, von Alexander nach Odessa wegen Jakobinismus verbannt, von Nikolaus freigelassen, 1837 in einem Duell getötet, ist ein ausgezeichnete Dichter erster Reihe, voll Kraft und Geist, eine byronische Natur. Man lese: Russlan und Ludmilla in 6 Ges. im Geiste Ariostos, Den Gefangenen am Kaukasus, Die Quelle Batschi Saräi in 600 Versen 1824, Den Zigeuner ein originelles Gedicht, Eugen Onigin, Byrons Don Juan nachgebildet, die frivole Lebensweise eines jungen Mannes in Petersburg schildernd; das Drama Boris Gudonov ein meisterhaftes Zeitgemälde und Poltawa über Mazepa. Der Kaiser läßt seine Gedichte herausgeben; soeben 1840 wurden sie deutsch in zwei Bänden übersetzt.«

Lénström begnügte sich aber nicht mit diesen allgemeinen Andeutungen, sondern verfaßte sogar eine akademische Abhandlung 1841:

1) Der Epilog ist in meinen »*Ryska skaldeporträtt*« (Stockholm 1898) abgedruckt. — Eine von mir ausgeführte Übersetzung der *Rusalka* ist ebenfalls noch ungedruckt geblieben.

Alex. Puschkin, *Rysslands Byron. Ett skaldeporträtt*. Seine spärlichen Quellen waren Brockhaus Lex., Rob. Lipperts Puškin-Dichtungen (Leipzig 1840) und eine kleine dänische Studie über Puškin von dem damaligen Studenten P. L. Møller, der in »Brage og Idun« B. 1, H. 1 (1839) seine bescheidenen *Digtorskildringer* publizierte. Unter den poetischen Werken Puškins erwähnt Møller »Rußlanda (!) und Ludmilla (»wo der Schauplatz zu dem Hofe Vladimirs, des russischen Königs von der Tafelrunde, verlegt ist«), Boris Godunof, Den kaukasischen Gefangenen und die Quelle bei Bachtshisarai«, aber von 'Evgenij Onëgin' keine Spur! Außer einigen biographischen Notizen und Auszügen aus den Erinnerungs-Skizzen aus Rußland des österreichischen Legationsrates Tietz (persönliche Begegnung mit Puškin auf der Krestovschen Nevainsel), enthält die dänische Skizze Übersetzungen von den Gedichten *Černaja šal'*, *Klevetnikam Rossii* und *Ex ungue leonem*.

Lénström gibt ziemlich korrekte Inhaltserklärungen von *Kavkazskij plënnik*, *Bachšisarajskij fontan*, *Cygany*, *Bratja razbojniki*, *Poltava*, *Graf Nulin* und *Kamennyj gost*. Wenn er aber von *Ruslan i Ljudmila* behauptet, es behandle »die Tafelrunde Vladimirs und die Heldenzeit des kievischen Rußlands«, läßt diese schwebende Beschreibung kaum vermuten, daß er den Inhalt des schalkhaften, »romantischen« Märchens kannte, und wenn er, nach Møller, das unbedeutende Gedicht *Černaja šal'* erwähnt, aber *sjul* (Seele) statt *sjal* (*shawl*) schreibt, weiß man nicht, ob der Verfasser oder der Setzer diesen komischen Fehler verschuldet. Indem Lénström aber den dem Møller gänzlich unbekanntem *Evgenij Onëgin* bespricht, verrät er eine ganz verkehrte, ungerechte und oberflächliche Auffassung des russischen Meisterwerkes. Es wird als ein »humoristisches Konversations-epos« abgefertigt, und als eines der »wenigen (!), ziemlich interessanten Gemälde« wird der Anfang des V. Gesanges bezeichnet, wo von den abergläubischen, volkstümlichen Sitten in Rußland die Rede ist. Übrigens wird es hier auf einen recht oberflächlichen, einseitig lobenden Artikel über »Russisk kultur og Bogvæsen« von R. in *Nordisk Ugeskrift* (København 1837—38) hingewiesen.

Von metrischen Übersetzungen (nach Lippert) kommen nur einige Bruchstücke aus dem *Boris Godunov* und *Kavkazskij plënnik* vor, darunter *Čerkeskaja pësna* (*čëčenec* = tscherkesse wird hier mit *Tscheschkinen* wiedergegeben), ebenso die *Tatarskaja pësna* im »Bachč. fontan« und das dialogisierte Reflexionspoem *Razgovor knigoprodavca s poetom*.

Ungefähr gleichzeitig mit diesem dilettantischen Versuche wurde die schwedische Puškin-Literatur durch einen neuen Beitrag von finn-

ländischer Seite bereichert und zwar durch die Übersetzung von der historischen Novelle *Kapitanskaja dočka* (Samml. VI der Kabinettsbibliothek af den nyaste litteraturen, Stockholm 1841). Dieselbe Novelle aus der Zeit der Pugačevschen Unruhen wurde später zweimal wieder übersetzt, teils in einer durch deutsche Zwischenhand hergestellten Novellensammlung (1885)¹⁾, teils in direkter Übersetzung von Fredrique Paijkull, geb. Broström, unter dem Titel *Hårda tider* (als Romanbeilage zu dem »Familienjournal Svea« 1894).

Der erste Übersetzer der oben erwähnten Novelle war Otto Adolf Daniel Meurman, Bruder des hervorragenden politischen Schriftstellers Agathon M., Beamter der K. Kanzlei für Finnland und Herausgeber eines schwedisch-russ. Wörterbuches, gest. 1850. Außerdem übersetzte er in den Jahren 1840—42 in Stockholm die damals beliebten Romane von Bestužev-Marlinskij: »Ammalat-bek«, »Mulla-Nur« und noch zwei mit den schwedischen Titeln »Pansarriddaren« und »Roman och Olga«. Vielleicht ist Meurman auch identisch mit dem anonymen Übersetzer zwei kurz vorher erschienener Romane aus dem Russischen: »Dmitrij Samozvanec« von Bulgarin (1838) und »Ledjanov dom« (»Käjsarinnan Annas gunstlingar«) von Lažečnikov (1840). Der literarisch unbedeutende und politisch verdächtige Bulgarin war überhaupt der erste russische Erzähler, der in Schweden bekannt wurde, denn sein Roman »Ivan Vyžigin« wurde schon 1830 durch deutsche Vermittlung nach Schweden importiert.

Dann folgten zwei Jahrzehnte, wo man sich in Schweden um russische Literatur gar nicht kümmerte, und weder der Krimkrieg noch die Aufhebung der Leibeigenschaft vermochte die Schweden aus ihrer apathischen Unwissenheit von russischen Zuständen aufzurütteln. Im J. 1866 erschien allerdings in »Ny Illustrerad Tidning« Puškins *Pikovaja dama*, es war aber nur eine Übersetzung der von Mérimée, und als dieselbe Wochenschrift im J. 1880 eine kurze Biographie über den »neuentdeckten« Dichter brachte, wurde er als Graf A. S. Mussin-Puschkin vorgestellt!

Eine rühmliche Ausnahme von der damaligen Sterilität auf dem slavischen Literaturgebiete bilden die puškinschen Gedichte, die unter dem Titel »*Sänger af Puschkin*« von Dr. V. E. Öman in Örebro 1871

1) *Noveller af Alex. Pusckin*. Öfvers. af —A—H— [= Adèle Willman, geb. Hermelin], Upsala 1885. Außer der *Kapitanskaja dočka* enthält diese Sammlung *Pikovaja dama* und *Pověstí pokojného Ivana Petroviča Bělkina* mit Ausnahme der Erzählung *Grobovčik*. — *Metel'* (»*Snöstormen*«) wurde später direkt aus dem Russischen von Paul Gustafsson (Helsingfors 1889) übersetzt.

herausgegeben wurden. Es sind 34 lyrische Gedichte in guter Auswahl nebst 7 Seiten biographischen und ästhetischen Inhalts. Der Übersetzer († 1904), auch als Vermittler von Milton, Kraszewski und Petöfi bekannt, hat in dieser kleinen, wenig beachteten Sammlung eine schöne Probe seiner nachbildenden Dichtertätigkeit gegeben, und einige dieser Poeme, z. B. die Lieder »*Čto v imeni tebë moem?*«, »*Ne poj, krasavica, pri mnë*«, »*Poslanie v Sibir'*« oder das wunderschöne Gedicht an Anna Petrovna Kern (»*Ja pomnju čudnoe mgnovenie*«) sind Perlen von poetischer Übersetzungskunst.

Die nächsten Puškin-Imitationen gingen wieder von Finnland aus, wo Carl Gustaf Mortimer v. Kræmer (geb. 1817, gest. 1898), ehem. Oberst, Gouverneur in Kuopio und Senator, im J. 1883 in Kuopio eine metrische Übersetzung des *Bachčisarajskij fontan* unter der Signatur *K* veröffentlichte. Sie ist recht treu und der Vers fließt leicht. Seine kleine Puškin-Anthologie »*Några dikter af Puschkin*« (Helsingfors 1890) ist dagegen ein recht verfehltes Unternehmen. Sie enthält: »*Cygany*«; 3 von den *pěsni zapadnych slavjan* (*Bonapart i černogorcy, Pochoron-naja pěsnja Iakinfa Maglanoviča, Vurdalak* und *Solovej*); weiter 3 »morgensländische Lieder«: *Prorok, Angel* und *Tri ključa*; dann 5 »Balladen«: *Rusalka, Budrys i ego synovja, Utoplennik, Běsy* und *Černaja šaľ* und schließlich 21 gemischte Gedichte, recht willkürlich ausgewählt und schlecht ausgeführt. Rhythmische Fehler und falsche Reime kommen unverzeihlich oft vor und trüben den ohnehin sehr schwachen poetischen Eindruck. Die Sonette »*Madona*« in dieser schwedischen Tracht ist ein abschreckendes Beispiel dafür, wie ein großer Dichter von dem gutgemeinten Dilettantismus entstellt werden kann. Einige gute Ausnahmen kommen doch vor. Als vergleichende Beispiele mit der Sammlung von Öman führe ich hier die beiden Übersetzungen vom *Monastyr' na Kazbekë* an:

V. E. Öman:

Högt öfver fjällarne de sju
Kasbek, ett riks-tält ståndar du,
der evigt ljus omkring dig bäfvar.
Ditt kloster bortom molnen sväfvar,
likt arken i det rena blå,
så högt att dit knapt blicken sträfvar.

Du fjärran strand, hur ljuf att nå!
Dit upp, från dälдер och från dimma,
jag ville ställa glad min flykt
och undangömd, der skyar glimma.
i Herrans närhet lefva tryggt!

C. G. M. v. Kræmer.

Kasbëk! högt upp i bergens krets
omkring din furstligt krönta spets
en evigt klar solstråle hoppar.
Ditt kloster sig i molnen doppar,
likt en mot himlen lyftad ark,
knappt synlig öfver fjellens toppar.

Aflägsna, höga himlapark!
Till dig från klyftans låga ställen
att lyftad bli, jag vore nöjd —
nöjd att i molnomböjljda cellen
blott af Guds öga få bli röjd.

Ein Ehrenplatz in der schwedischen Puškin-Literatur gebührt G. Aminoff, mit dem im J. 1899 verstorbenen Gouverneur von Kuopio Freiherr Johan Fredrik Gustaf Aminoff identisch. Im J. 1887 erschien in Borgå-Helsingfors seine Sammlung »*Ryska skalden*«, die, außer Gedichten von Lermontov und Nekrasov, eine kleine Puškin-Anthologie nebst einer biographischen, auf Polevojs russischer Literaturgeschichte basierten Einleitung enthält. Das Buch bringt vor allem eine vorzügliche Übersetzung von dem *Médnyj vsadnik*, dann aber einige kleinere Gedichte: »*Ja pamjatnik vozvoig*« . . ., *Desjataja zapověd'*, *Talisman* und die Elegie: »*Prostiš' li mně revnivuju mečty*«. Und im folgenden Jahre veröffentlichte Finsk Tidskrift seine Übersetzung von *Poltava*, ebenfalls einen Gewinn für die Literatur.

Im J. 1889 kam die Reihe an *Evoenij Onëgin* und *Bachëisarajskij fontan* (der letztere in Svensk Kalender), beide in meiner Übersetzung. Leider muß ich darauf verzichten, eine Kritik auf den schwedischen Onëgin zu üben, wie gerne ich es selbst möchte. So viel darf ich doch hier sagen, daß ich mit der poetischen Treue nicht ganz unzufrieden bin, daß ich aber bei einer event. neuen Auflage die literaturgeschichtliche Bedeutung des großartigen Gedichtes vielleicht könnte besser zu ihrem Recht kommen lassen. Ein Irrtum meinerseits mag auch hier nicht verschwiegen werden. Wo es im I. Gesang (Str. XXXV) von dem Bäcker »*akkuratnyj nëmec*« heißt, daß er »*ne raz už otvorjal svoj vasisdas*«, hatte ich damals die Bedeutung des sonderbaren *vasisdas* nicht gekannt, und deshalb in meiner Verlegenheit geglaubt, der deutsche Bäcker in St. Petersburg hätte die stehende Frage: »Was ist das?«, weil er der russischen Sprache nicht mächtig wäre!! Jedenfalls dürfte der pünktliche Bäcker das Russische besser beherrscht haben als ich damals. . . .

Vorzügliche Beiträge zu unserer poetischen Puškin-Literatur leistete der schon erwähnte Rafael Lindquist, Amanuensis an der russischen Bibliothek in Helsingfors. Seine umfangreiche, sehr wertvolle Anthologie *Ur Rysslands sång* (1904) enthält 18 Gedichtproben von Puškin, darunter Tatjanas berühmten Brief an Onëgin (im III. Gesang) und die *Čerkeskaja pësna* des »Kavk. plënnik«. Die Wiedergabe des mächtigen *Klevetnikam Rossii* ist ein glänzender Beweis für die meisterhafte Virtuosität, die er auf diesem Gebiete besitzt. Außerdem hat er in dem finnländischen »Ateneum« (1900) *Roslavlev* in schwedischer Übersetzung mitgeteilt.

Schließlich sind einige jüngere Kräfte zu erwähnen, die sich zufällig mit Puškins Lyrik beschäftigt haben: *Ty i vy* wurde von dem

Journalisten Hakon Wigert-Lundström in der Zeitschrift »Ord och Bild« 1897 übersetzt; der als Dichter bekannte Konsul Graf Birger Mörner übersetzte *Prorok* in der Wochenschrift »Idun« 1901, und — last but not least — der junge, feinfühlende Dichter Sigurd Agrell (geb. 1881, Phil. Cand. in Upsala), ein hervorragender Kenner der slavischen Sprachen, besonders der russischen, hat sich als Puškin-Übersetzer dokumentiert, indem er die kleinen lyrischen Gedichte wiedergab: »*Ja vas ljubil; ljubov' ešče byt' mozet V dušě moej ugasla ne sovsëm*« und »*Brošu li ja vdol' ulic šumnych*« (in der Zeitschrift »Varia« 1905).

Was das literaturgeschichtliche Puškin-Studium in Schweden betrifft, kann es selbstverständlich bis jetzt keinen originalen Wert beanspruchen. Der fleißige und literarisch interessierte, aber wissenschaftlich gänzlich ungeschulte Gardescapitain und Gutsbesitzer von Imatra, Georg Fraser, schrieb allerdings schon im J. 1880 in *Finsk Tidskrift* einen kleineren Artikel zum »*Puschkin-Jubileum*«, derselbe ist aber nur ein Auszug aus russischen Schriften, besonders Bëlorussovs Studie in den *Filologičeskija Zapiski* vom J. 1880, ebenso wie Frasers in *Finsk Tidskrift* 1883 erschienene Studie »*Sjoukovskis minne*« aus A. Galachovs russischer Literaturgeschichte abgeschrieben ist. Und wenn Fraser in der Vorrede zu seinem literaturgeschichtlichen Handbuch »*Vitterheten under nittonde seklets reformtid i Ryssland*« [Helsingfors 1888], die russische Belletristik der 50er bis 80er Jahre behandelnd, zu behaupten wagt, daß »Frug ein Byron en miniature sei und daß Nadson (man bedenke: der sanfte, kränkliche und als Dichter überschätzte Nadson!) ein neuer Lermontov«, dann muß man gegen die literarische Urteilsfähigkeit Frasers mißtrauisch werden.

Einen übersichtlichen Artikel über Puschkin verfaßte Prof. J. A. Lundell für *Nordisk Familjebok* (B. XIII, 1889), und der Professor der russischen Sprache und Literatur an der Universität zu Helsingfors, Dr. Josef Mandelstam, der hervorragende Gogol'-Forscher, hat auch in der schwedischen Sprache die puškinsche Epoche behandelt, teils in einer Studie über *Bëlinskij* (»*Ateneum*« 1898) und in einem Essay: »*Die Auffassung der russischen Dichter von der Macht des freien Wortes*«¹⁾ (»*Ateneum*« 1899). Das umfangreichste und in Details ausführlichste, was über Puškin schwedisch geschrieben worden ist, sind wohl meine, auf neueren russischen Quellen begründeten Studien: teils in »*Ryska skaldeporträtt*« (Stockholm 1898), die ganze Epoche von

¹⁾ »*De ryska skaldernas uppfatning om det fria ordets makt*«.

Žukovskij bis incl. Gogol' in zerstreuten Zügen behandelnd, nebst kleineren Gedichtproben aus Puškin, teils in einigen Zeitschriftabhandlungen: *Dekabristerna i ryska vitterheten* (Svensk Tidskrift 1893) und *Alex. Pusjkin, ett sekularminne* (Finsk Tidskrift 1899). Die Beziehungen zwischen Puškin und Mickiewicz mit literarischen Vergleichen zwischen dem polnischen »Pomnik Piotra Wielkiego« und dem russischen »Mědnyj vsadnik« wurden von mir in einem für Finsk Tidskrift 1892 bestimmten Artikel *En polsk skald i Ryssland* eingehend erörtert. Aber — die damalige russische Zensur in Helsingfors konfiszierte die ganze Auflage des betreffenden Zeitschriftsheftes, so daß nur zwei Exemplare des Druckes dieser Sindflut entrückt werden konnten. Der hauptsächliche Inhalt dieser »gefährlichen« Literaturstudie wurde doch im J. 1906 unter dem Titel *Tsardömets apoteos* (im Kalender »Nornan«) der Öffentlichkeit bekannt.

* * *

Als Resultat dieser übersichtlichen Darstellung ergibt sich die für uns Schweden nicht beschämende Tatsache, daß wir, nach Kräften, recht viel dazu beigetragen haben, Puškin in die s. g. Weltliteratur einzuführen — die dänisch-norwegische Literatur hat, so viel ich habe erforschen können, von Puškin nur drei Übersetzungen und zwar sämtliche von der *Kapitanskaja dočka*, nebst einer kleinen Sammlung anderer Novellen.

Wenn früher die Wahl des zu übersetzenden Stoffes etwas willkürlich war und die Ausführung nicht immer philologisch befriedigend, darf es wohl aber gesagt werden, daß die Verhältnisse sich in der letzteren Zeit bedeutend gebessert haben. Nur in der Transskription der russischen Namen herrscht leider noch immer ein chaotischer Zustand vor, der teils von der alten Abhängigkeit von deutschen, französischen und englischen Zwischenhänden, teils von der totalen Unbekanntschaft mit den übrigen slavischen Sprachen und ihrer Orthographie herrührt. So z. B. scheint die französisch-englische Bezeichnung Leo Tolstoy (statt des richtigen, schwedisch zu bezeichnenden Tolstoj) ganz unmöglich auszurotten. Und wenn Fraser in seiner russischen Literaturgeschichte solche Formen wie Gläbb oder Ästrowskij braucht, kann das einen slavischen Bibliographen in Verzweiflung bringen.

Als ein Bahnbrecher der wissenschaftlich geschulten Übersetzungskunst in Bezug auf das Russische muß schließlich der hervorragende Orientalist, Professor Herman Napoleon Almkvist († 1904) rühmlich genannt werden, der im J. 1872 mit der Übersetzung von »Susanna

Ivanovna« die glänzende Übersetzungsreihe von Turgenevs Romanen eröffnete. Ihm folgten jüngere Kräfte (die Offiziere K. E. Peterson, P. Tersmeden und E. Nordenström, Herr R. Lindquist in Finnland und die Damen Walborg Hedberg und E(llen) We(st)er). Was von ihnen geleistet worden ist, gehört aber zu einer Fortsetzung dieser russisch-schwedischen Bibliographie.

Mögen diese Zeilen dem Jubilar, dem Herausgeber von »*A. S. Puškin v' južnoslavjanskich literaturach*«, einen warmen Gruß von dem germanischen Norden und von einem seiner bescheidensten Schüler und dankbarsten Verehrer bringen!

Alfred Jensen.

Бѣлѣжки по компиляцията на отдавания хрисовуль на Ивана Калимана I, даденъ на Зографския ма- настиръ (1192 г.).

I.

Българската книжнина още нѣма критично издание на познатитѣ до сега въ науката стари български хрисовули, нито пъкъ има такъво за тѣхъ въ чуждитѣ литератури, като изключимъ недавнашното хубаво издание отъ г. Г. А. Ильинскій на хрисовула отъ Ивана Асѣня II (около 1218 г.)¹⁾. Наистина, г. проф. Л. Милетичъ обѣща да издаде »одно специално издание на българскитѣ грамоти«²⁾, ала до сега това не е изпльнилъ. Прѣди четири години г. С. С. Бобчевъ прѣиздаде съ гражданска транскрипция познатитѣ български хрисовули въ книгата си »Старобългарски правни паметници«³⁾ по изданията на Г. А. Ильинскій⁴⁾, И. И. Срезневскій⁵⁾, В. Априловъ⁶⁾, П. И. Шафарикъ⁷⁾ и Л. Миле-

1) Грамота царя Иоанна Асѣня II. Въ »Извѣстія Русскаго Археологическаго Института« въ Константинополѣ. Томъ VII, вып. I. Соція 1901 г., 25.—39. стр.

2) »Библиотека«. Приложение на »Църковенъ Вѣстникъ«, IV.—VI. кн., 1902 г., стр. 118. — Ср. »Сборникъ за нар. ум., наука и книжнина«, кн. XVI—XVII. 498 стр.

3) Соція, 1903 г. 147.—170. стр.

4) Op. cit.

5) Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. Приложение къ XXXIV тому »Записокъ Импер. Академіи Наукъ«, No. 4. СПб. 1879 г., а именно: 1) Хрисовуль на Константина Тиха, даденъ на Вирпиския манастиръ »Св. Георги«, 14.—22. стр.; 2) Зографския хрисовуль, даденъ отъ Ивана Александра на Зографския манастиръ (1342 г.), 24.—28. стр.; 3) Орѣховския хрисовуль, даденъ отъ Ивана Александра на манастира »Св. Никола« (1348 г.), 31.—34. стр.

6) Болгарскія грамоты, собранныя, переведенныя на русскій языкъ и объясненныя. Одесса, 1845 г., 31.—35. стр.: Хрисовуль отъ Ивана Калимана I, даденъ на Зографския манастиръ (1192 г.).

7) Památky dřevního písemnictví Jihoslovanův. V Praze, 1851 г., 2 изд. отъ 1873 г., 108.—109. стр.: Витоски хрисовуль, даденъ отъ Ив. Шишмана на манастира »Св. Богородица« (безъ дата).

гичъ⁸⁾, ала съ това издание г. Бобчевъ не е искалъ да ни даде точно възпроизвеждане на оригиналния имъ правописъ, на палеографичнитѣ и лингвистични особености, а само да спази съдържанieto на текстоветѣ⁹⁾. А знайно е, цѣнецъ е единъ паметникъ, или частъ отъ него, за каквато и цѣль да се подбира, ако му се запазва напълно възпроизвеждането до толкова, до колкото е това възможно. Тѣй щото, такъво едно издание ни най-малко ще ползува науката; напротивъ то е и вредно, защото, ако изслѣдвателтъ, въ която и да е областъ, обуславява умуването си по тѣхъ, сигурно ще изпадне въ груби погрѣшки. Крайно врѣме е вече »археографската комисия« при Министерството за Народна Просвѣта въ София въ най-близката книга на изданията ѝ, »Български Старини«, да видимъ критично издание на българскитѣ хрисовули.

Отъ какъ се появиха нови издания на три български хрисовули, а именно: на хрисовула отъ Ив. Асѣна II отъ г. Ильинскій¹⁰⁾, на Ив. Александра (1348 г.) отъ г. К. Звънчаровъ¹¹⁾ и на хрисовула отъ Ив. Шишмана (1378 г. 21. сеп. 7.) отъ г. проф. Милетичъ¹²⁾, г. Бобчевъ въ три статии¹³⁾ изтъкна, какво голѣмо значение иматъ тѣ за археологията, филологията, историята, правнитѣ науки и пр., и същеврѣменно използва нѣколко юридически термини отъ тѣхъ за старобългарското държавно право, като черпи свѣдѣния отъ всички споменати по-горѣ подълния хрисовули. Едно обаче не трѣба да се изпуска отъ прѣдъ очи, а именно: г. Бобчевъ, като борави съ българскитѣ хрисовули, намѣрилъ е за добръ да изброи, колко съ досега отъ познатитѣ истински, безъ да спомена за нѣкои подложни, като напр., за хрисовула отъ Левъ Философъ, даденъ на Зографския манастиръ¹⁴⁾, а само отхвърля миѣнieto на г. проф. К. Иречекъ, който ги изброява на 7 — безъ хрисовула отъ Ив. Калимана и отъ Ив. Шишмана, даденъ на Витошкия манастиръ, — и причисля къмъ останалитѣ хрисовули (вж. по-долу) двѣ писма: 1) отъ

8) Op. cit. 117.—123. стр.: хрисовулъ на царъ Ив. Шишманъ, даденъ на Рилския манастиръ (1378 г., 21. септ.).

9) Op. cit. 147 стр.

10) Op. cit.

11) Грамота на царъ Иванъ Александъръ (1348 г.), спета отъ текста, наиденъ въ Хилендарския манастиръ отъ В. Калчовъ. Сислъ отъ текста К. Звънчаровъ. Литография на Лука Х. Павловъ и Сие, София.

12) Op. cit.

13) а) Три нововздадени български хрисовули, въ »Пер. Списание« на Бълг. ки. дружество въ София, LXIII :63; кн., 450—458; б) хрисовули, въ »Старобългарски правни паметници«, кн. I. (София 1903 г., 57.—63. стр.; и в) Значение на старобългарскитѣ хрисовули за историко-правната наука, София, 1906 г. 11. стр., отп. отъ »Юрид. Прѣгледъ«, IV кн., 1906 г.

14) В. Априловъ, op. cit. 19—20 стр.

Якова Владисловъ до архиепископа Кирила Киевски и 2) отъ Ив. Асѣня II. Дубровничкия договоръ¹⁵⁾, като казва за послѣднитѣ: »Писмото нѣма нито формата, нито саществуото, съдържанието на хрисовулъ«¹⁶⁾. Сащо отхвърля и числото имъ 9, споредъ Н. Ястребовъ¹⁷⁾. Споредъ него, познати, истински хрисовули има 7; тѣ са: 1) Дубровничкия отъ Ив. Асѣня II, 2) Върпския отъ Константина Тиха, 3) Орѣховския отъ Ив. Александра, 4) Зографския (компиляция) отъ Ив. Калимана, 5) Зографския отъ Ив. Александра, 6) Витошкия отъ Ив. Шишмана и 7) Рилския — отъ сация¹⁸⁾.

Дали къмъ хрисовулитѣ трѣба да бронимъ и двѣтѣ писма, за които говори г. проф. Иречекъ, мисля, г. Бобчевъ е справедливъ, като ги не брой между тѣхъ, защото хрисовулитѣ са издавани по волята на самитѣ господари и са опредѣляли нѣкои имотни или други правоотношения, дарявани са извѣстни права и привилегии на извѣстни юридически колективни или частни личности, когато писмата иматъ другъ характеръ. Сащественна грѣшка на г. Бобчева е, че между истинскитѣ хрисовули брой и единъ прѣправенъ хрисовулъ. Това е хрисовулътъ отъ Иоана Калимана I, даденъ на Зографския манастиръ (1192 г.).

II.

Пѣшеходецътъ Василий Гр. Барски, който споходилъ Св.-Гора въ 1744 год., въ своя патописъ, като говори за Зографския манастиръ, ето какво пише буквально за хрисовула отъ Ив. Калимана: »Хрисовулъ Болгарскій, на пергаментѣ, данъ года 6700 (1192), съ подписаніемъ червленнымъ сицевымъ: Іо. Калиманъ во Христѣ Бозѣ вѣрный Царь и Самодержецъ всѣмъ Болгарамъ и Грекамъ, Асѣнъ. Имѣяше же и печать висящи позлащенну, съ подписаніемъ сицевымъ: Іо. Асѣнъ Царь Болгаромъ и Грекомъ«¹⁹⁾. Въ 1845 год. В. Априловъ напечата тоя хрисовулъ въ »Болгарскія громоты«²⁰⁾ съ коментарии и прѣводъ на руски езикъ, безъ да се договѣде, че той е прѣправенъ, както спра-

15) С. С. Бобчевъ, Три новонаддени познати български хрисовули. »Пер. сп.« LXIII кн. 451—362 стр.; Ср. отъ сация »Старобългарски правни паметници«, I ч. 62—63 стр.

16) Исторія болгаръ, Одеского издание, 485 стр.

17) ЖМНПр. за 1902 г. м. юний.

18) С. С. Бобчевъ, *op. cit.* »Пер. спис.« LXIII кн. 452 стр., и въ другитѣ му двѣ статии.

19) Путешествіе къ Святимъ мѣстамъ въ Европѣ, Азін и Аѳриктѣ находящияся, предприятое въ 1723, и окончанное въ 1747 году, имъ самимъ писанное. СПб. 1819 г., 6 изд. II. часть, 265 стр.

20) 51—46 стр.

ведиво изтъкна неистинността на другъ хрисовулъ — хрисовула отъ Лева Философъ²¹⁾. Архимандритъ, послѣ епископъ, Порфирій Успенскій въ указателя на намѣрващитѣ се актове въ светогорскитѣ манастири отнася нашия хрисовулъ къмъ съмнителнитѣ²²⁾. Архимандритъ Леонидъ прѣзъ врѣме на обиколката си по Св.-Гора въ Зографъ не намѣрилъ тоя хрисовулъ между другитѣ²³⁾. Вѣроятно, тогава той е билъ изпратенъ съ прѣводъ на руски езикъ на руския посланикъ въ Цариградъ, А. П. Озеровъ, както става явно отъ черновкитѣ на съпроводителното писмо и на прѣвода, намѣрващи се въ архивата на Зографския манастиръ, които разгледахъ, и отъ които си спехъ прѣписи прѣзъ врѣме на миналогодшната си научна екскурсия.

Ето въ прѣписъ съпроводителното писмо:

Его Высокопревосходительству Господину Россійско-Императорскому повѣренному въ дѣлахъ при Оттоманской портѣ — Александру Петровичу Озерову

Аѳоно-Зографской Словено-Болгарской Общежительной Обители Игумена и всего Братства.

Покорнѣйшее прошеніе.

Отъ древнихъ временъ, когда благочестіе въ Греческомъ и Болгарскомъ царствахъ возсіяло, Боговѣнчальные Цари ихъ, начали устроятъ во Святой Аѳонской Горѣ священныя лавры и монастыри, обезпечивая благосостояніе оныхъ, своими щедрыми приношеніями, — тогда и нашъ Зографскій Словено-Болгарскій монастырь сооруженный въ 898 году²⁴⁾, тремя царскаго рода братьями, неменѣе другихъ былъ облагодѣтельствованъ дарованіемъ различныхъ мѣстъ и угодій отъ приснопамятнаго Болгарскаго царя Иоанна Калимана Ассеня, какъ значитая въ Его, данной Монастырю Царской грамотѣ; по все то съ паденіемъ упомянутыхъ царствъ — Агарянскою рукой восхищено. Поэтомуже въ число тѣхъ награжденій, одна рыболовня, дарованная отъ царя Ассеня на Дунай-

21) Op. cit. 19—20 стр.

22) Указатель Актовъ, хранящихся въ обителяхъ Св.-Горы Аѳонской. СПб. 1847 г., 61—62 стр.

23) Историческое обозрѣніе Аѳонскихъ славянскихъ обителей: Болгарской—Зографъ, Русскій—Русика, Сербской—Хилендаря. 1867 г., 24 стр.

24) Интересно е, че и въ едно друго писмо, отправено отъ манастира до Генералъ графъ Иванъ Петровичъ Салтиковъ на 3. януарий 1793 год., като му се иска помощъ за съграждане черква, защото старата черква, на името на Св. Георгия, се съборила отъ земетръсъ, като е съществували 877 години, отнася се основаването на Зографъ въ IX. вѣкъ. Знае се обаче положително, че Зографъ е билъ заселенъ отъ българимонаси въ XI. в., защото въ една достоверна слѣбна грамота отъ 1058 год. се спомена Зографски игуменъ Йованъ като българинъ (Вж. Сава Хилендарецъ, Историчонъ очеркъ на Св.-Гора Аѳонска. Отд. отп. отъ »Пер. Списание«. 21 стр.).

скомъ устіцъ — гдѣ ловится бѣлуга — нынѣ смотрѣніемъ Божиємъ находится подѣ властію благочестіемъ паче солнца сіяющей Россійско-Императорской Державы: то соборъ нашего братства всемирнѣйше и благоговѣйнѣйше припадая къ стопамъ Всеавгустѣйшаго Боговѣнчаннаго Монарха, чрезъ посредство Вашего Высокопревосходительства осмѣливается богомольчески просить Всемилостивѣйшаго благоволенію на отдачу Обители нашей прежде принадлежавшей Ей Дунайской рыболовни, — въ которой имѣется великая нужда, особенно при нынѣ вновь учрежденномъ въ Обители общежитію²⁵⁾. Поднася у сего подлинную Царя Ассеня грамоту, снятый съ нея списокъ и переводъ на русское нарѣчіе, просимъ первую изъ нихъ, по окончаніи въ ней надобности, Обители нашей возвратить. (под.) Игуменъ Иларіонъ со всего о Христѣ братію.

Августъ, 10 дня 1852 года.

Св.-Аеонской Горѣ М-рь Зографъ.

Надолу прѣвеждамъ и прѣвода да хрисовула.

Благочестивый и Христоробивый Царь Асѣнъ, Самодержецъ Терновскій и всей Вселенной, Болгарскій, Греческій, при томъ Молдавовлахтскій и Венгерской земли и Будина до самой Вѣны, имѣющій по всему свѣту данную Богомъ царству Моему власть. Не столько драгоценныя каменя, бисеры и тканія многоцѣнныя возшедшаго на высоту Царскую украшаютъ, сколько Благочестіе къ Богу, усердіе къ благосостоянію Божественныхъ храмовъ и священныхъ Монастырей, и попеченіе о содержаніи ихъ; ибо въ нихъ Божество благоразумно и тщательно почитается. По сему, для сохраненія въ нихъ непрестаннаго славословія всѣхъ Царя Христа Бога, подается имъ, отъ благочестивыхъ и присноблаженныхъ Царей богатое милостынное подаваніе. Слѣдуя сему примѣру, и Отецъ Царства Моего присноблаженный Царь Асѣнъ, и ревнуя болѣе всѣхъ иныхъ, прежде Его бывшимъ православнымъ Царямъ — дарилъ богатыми припошеніями Божественные храмы и священные монастыри, а наипаче находящіеся во Свѣтой Горѣ, въ конхъ ни чѣмъ другимъ не занимаютъ, только Божиимъ славословіемъ и поученіемъ. Простеръ же свое благое дарованіе, Блаженный Отецъ Царства Моего Царь Асѣнъ, и къ находящемуся въ числѣ сихъ Монастырей, честному Монастырю почитаемому во имя святаго славнаго Великомученика Георгія, въ коемъ на Болгарскомъ языкѣ православное Божіе пѣніе совершается. Помыслилъ и Я дати сему Моему Монастырю много земли во святой Горѣ, но убоился имѣющейся клятвы отъ Собора священныхъ Патріарховъ, и Благочестивыхъ Царей, и отъ прадѣда Нашего Іоанна

²⁵⁾ Какъ е въведено общожитіе въ Зографъ на 24. авг. 1849 г., разправа подробно Святогорець (Вж. Письма съ Востока, СПб. 1851 г. I. ч. 252 вт.).

Царя Великаго Болгарскаго. По сему Я дамъ Моему Монастырю въ Аѳонской Горы, сколько Богъ внушилъ Миѣ, — и дамъ ему во первыхъ: землю, называемую Правица, гдѣ селеніе и подворье — со всѣми его людьми, правами, прибытками и со всѣми священно-служителями, находящимися въ ономъ; съ тѣмъ, что бы всякій доходъ съ сего селенія приносили — въ Монастырь, куда должна бысть доставляема и прибыльъ съ озера, и отъ Хапдака, и мельницы, и мрамора, и все то, что добывается изъ рыболовней, — на содержаніе и пропитаніе подвижающимся монахамъ, для поминовенія Меня и прочихъ присноблаженныхъ Царей. — Золотая печать. Въ городѣ Серессѣ далъ Я оному монастырю подворье, въ коемъ храмъ св. Николая, близъ жилищъ церковныхъ служителей: Калояна, Манойла и Константина, — и въ Калояновомъ кварталѣ 18 лавокъ. Онъ Калоянъ долженъ настоять, что бы доходъ съ оныхъ былъ доставляемъ монастырю. На Дунайскомъ устьѣ далъ Я оному же Монастырю рыболоню, гдѣ ловится бѣлуга. А на пристани города Никополя въ кварталахъ Якова, Феодора и Петра Логоѳея — 15 лавокъ. Петръ Логоѳей долженъ настоять, что бы доставляемъ былъ въ Монастырь весь доходъ съ лавокъ, съ пристани и съ рыболовни. Повелѣніе Царское. Золотая печать. Въ городѣ Сардикій, иначе называемомъ Софія, далъ Я оному Монастырю Митрополию — храмъ святаго Великомученика Георгія, и святаго Николая, что выше мѣднаго ряда; въ кварталъ-же мяснаго рынка — еже 20 лавокъ. Г. Г. Валчо и Стоянъ должны настоять, чтобы весь доходъ съ Митрополіи, и съ лавокъ, доставляемъ былъ Монастырю. Еще селеніе Челопачапи далъ Я оному Монастырю и подворье въ Ономъ, чтобы доходъ съ селенія и подворья доставляемъ былъ въ Монастырь. Еще далъ Я опомуже Монастырю селеніе Горпелозенъ вмѣстѣ съ подворьемъ и храмомъ Святаго Николая; Г-нъ Владиславъ долженъ настоять, чтобы доходъ отъ подворья и селенія отсылаемъ былъ въ Монастырь. Царское повелѣніе. Золотая печать. Чтобы никто не имѣлъ власти надъ сими мѣстами, данными Мною оному Монастырю. — Тому же Монастырю далъ Я городъ Лихнидонъ или Охридъ. И тутъ Я далъ власть: Архіепископъ Макарій и церковно-служители Манойлъ и Стамати да настоять, чтобы весь доходъ съ города, и озера, и съ рыболовни Струги, отсылаемъ былъ въ Монастырь. Царское повелѣніе. Золотая печать. Въ городѣ Солунъ далъ Я оному Монастырю кварталы: Клирика, Дуки, Скарлата и Г. Константина, и въ каждомъ кварталѣ по 10 лавокъ, а въ послѣднемъ — подворье и храмъ Св. Георгія, — весь доходъ съ лавокъ и кварталовъ имѣеть отсылать въ Монастырь Г. Константинъ. Царское повелѣніе. Золотая печать. Кромѣ сего подарихъ Я оному Монастырю землю Ормилиа, гдѣ

бы Монастырь соградилъ подворье во имя Св. Николая при селѣ. Доходъ съ подворья и села посылать въ Монастырь. Я же Благочестивый Царь Асѣнъ Божию помощію Самодержецъ Всеболгарскій и Греческій, повелѣваю, чтобы Монастырь святаго Великомученика Христова Георгія на Аѳонской Горѣ, Зографъ именуемый, соорудилъ башню, которую и казалъ бы именемъ Сына Моего — Михаила, то сеть: Михайловскою Башнею. Повелѣніе Царское. Золотая печать. Я думалъ дать оному Монастырю много земли, но побоялся клятвы, ибо это съ давняго еще времени постановлено, и запрещено соборовъ священныхъ Патріарховъ и Благочестивыхъ Царей; посему далъ Я ему земли на вѣи святой Горы — сколько Богу угодно было, и повелѣлъ перегородить мѣсто именуемое Иоанно-Селимова рѣка, что на краю моря при колодцѣ, гдѣ есть знакъ Святаго Георгія; а отсѣлъ надъ Филиповымъ винограднымъ садомъ, на верхъ горы, гдѣ есть крестъ съ тремя печатами: Св. Георгія, Пимена и Филиппа. Оттуда же въ верхъ къ большой дорогѣ по восточной сторонѣ, подъ дорою есть камень, на немъ знакъ Св. Георгія и Пимена. Отсѣлъ по дорогѣ къ черѣшѣ Моисеевай, потомъ на Иоаннову Камару, и по пути къ старой Башнѣ, не доходя до крутаго мѣста и тутъ есть знакъ. А отсѣлъ вершиною горы и спускомъ въ низъ, гдѣ она пресѣкается и тутъ крестъ. Отсюда по долині къ большой рѣкѣ, и къ мельницѣ Св. Георгія. А отсѣлъ къ морю. Царское повелѣніе. Золотая печать. И Я такъ повелѣваю, какъ Мною обрѣтено, и аще кто преступитъ сію Мою заповѣдь, или кто свидѣтельствовать будетъ ложно, таковой да не получитъ въ день судный милости Господа Бога и Спаса Нашего Иисуса Христа, и да наслѣдуетъ клятву трехъ сотъ осемнадцати Св. Отцевъ Никейскаго Собора, и да будетъ сопричисленъ къ Іудѣ предателю. По благочестію же скрѣпилъ Мое Царское Величество сію грамоту красною подписью, приложилъ для удостовѣренія Своя Золотую печать.

Февраля мѣсяца въ 2^{іа} день, индикта 1^{го}, въ 6700^о лѣто отъ сотворенія Мира (1192).

Иоаннъ Калиманъ во Христа Бога вѣренъ Царь и Самодержецъ Всеболгарскій и Греческій Асѣнъ.

Кога е възвѣрнатъ оригиналтъ на хрисовула въ Зографъ, не можахъ да намѣря писмо въ архивата.

III.

Оригиналтъ на хрисовула отъ Ивана Калимана и донесъ се съхранява при другитѣ хрисовули въ Зографския манастиръ. Въ споменатата си обиколка цѣли два дена (5. и 6. августъ 1906 г.) прѣписвахъ и описвахъ тоя хрисовулъ. Той е на пергаментъ отъ срѣдня дебелина; дългъ е

83 см., широкъ — 24 см.; състои отъ двѣ части: началната е дълга 64 см., а крайната — 19 см. Последнята е зашита и залѣпена за първата така, щото образува едно цѣло. Слѣдъ подписа пергаментътъ е завитъ на двѣ и прѣшиенъ. На завитата частъ е прѣкарана зелена копринена лента, на която е прѣкаранъ златенъ печатъ, състоещъ отъ двѣ пластинки, издигнати прѣзъ сръдята, дѣто е прокарана лентата. Ето въ истинската голѣмина печатътъ, рисуванъ съ най-малкитѣ подробности:



Отъ десна страна на пергаментъ е оставено празно мѣсто 3 см., а отъ лѣва — 2.6 см.

Текстътъ на хрисовула съдържа 90 реда безъ подписа, който е на два реда. Писмото е уставно и буквитѣ високи 2.5—3 мм. Многото съкращения съ титли и надредни букви, придихания, ударения, некрасиви букви съ маниеръ отъ XVII. вѣкъ, изобилнитѣ точки и запетии — всичко туй издава паметникътъ за не отъ XII. вѣкъ, както е датиранъ, а отъ новитѣ врѣмена. Важно е, че тамъ, дѣто части или цѣли букви са съ подебело мастило, още не са пожълтели. Безъ да се взиматъ подъ внимание палеографичнитѣ и фонетични особености — едни отъ сѣществениитѣ признаци, по които се опрѣдѣля старината на единъ паметникъ, — едно по-внимателно разглеждане на тоя хрисовулъ, — всѣки ще се убѣди, че пергаментътъ му е палимпсестъ: точици, остатъци отъ букви, прѣчертани редове, по-дълбоко изличване на първия текстъ — всичко това повече отъ всичко друго ни показва, че тоя хрисовулъ е мистификация, положена на пергаментъ съ приблизително такъво съдържание, съ такъвъ характеръ, но издаденъ отъ другъ български царъ. Прѣди обаче да посоча други съображения за неговата прѣправка, нека кажа още нѣщо за сѣдбата му.

Пръвъ издаде тая компилация съ много погрѣшки В. Априловъ²⁶⁾, като я прие за истински хрисовулъ, и се възхищаваше, че въ нѣколко думи се срѣща ж: прѣлѣжжѣ 11 р., рѣвнжжѣ 14 р., нж 17 р., лждми 28 р., златож сѣж пачатнж 89 р., докато тоя отъ Левъ Философъ смѣта подложенъ. За послѣдния въ такъвъ смисълъ се изказа и проф. Н. Gelzer недавно само по прѣвода му на грѣцки езикъ, смѣтайки го за фалсификатъ на нѣкой славянинъ отъ късно врѣме²⁷⁾, докато Архимандритъ Леонидъ го отнася за съставенъ прѣзъ XIII. в.²⁸⁾ И наистина, тия два хрисовула толкова си приличатъ помежду си, щото и отъ повърхното имъ прѣглеждане всѣки ще разбере, че отъ едно и също лице едновременно са написани. Палеографичнитѣ особености и на единия и на другия са еднакви; правописътъ имъ почти въ нищо не се различава, само че въ първия е употребенъ въ седемъ думи ж, докато въ втория никакъ не се срѣща. Както ще се види отъ текста на компилацията на нашия хрисовулъ, чудна е употребата на точката и запетаята, а още по-чудна и безсистемна е употребата на двойния и простия грависъ (‘, ’), вѣроятно, модификация на скратителния паерчикъ (‘)²⁹⁾, употребявани наистина въ старитѣ ни паметници, било намѣсто паерчикъ (‘), апострофъ, или намѣсто ударение въ кратки думици. Понеже и двата хрисовула са написани отъ едно и също лице, а за това ни най-малко се съмнѣваме, защото не само палеографичнитѣ и правописнитѣ имъ особености са еднакви, но и езикътъ имъ е еднакъвъ, и то такъвъ, на какъвто са писали нашитѣ книжовници не по-рано отъ XVII. вѣкъ, защото той прѣдставя неумѣло и безграмотно смѣшение на църковнославянския съ говоримия народенъ езикъ. Вънъ отъ това, хрисовулътъ отъ Ив. Калимана е датиранъ отъ 1192 г. 2. февруарий, а пъкъ знайно е, че прѣзъ тая година на Българското търновско царство е царувалъ Асѣнъ I (1186—1195). Ако писецътъ е приписвалъ хрисовула на сина на Ивана Асѣня II (1218—1241), Калимана I, който царувалъ само петъ години (1241—1246), тогава датата трѣбаше да носи една отъ годинитѣ, презъ които е царувалъ, а не — 1192 г. Отъ самия текстъ на хрисовула се вижда, че подправячътъ — писецъ погрѣшно приписва тая грамота ужъ издадена отъ Ив. Калимана, вмѣсто да е приписана на Ивана Асѣня II, защото из-

26) Op. cit. 31—35 стр. (Ср. текста подъ линия въ края на тая студия).

27) Sechs Urkunden des Georgsklosters Zograf, въ »Byzantinische Zeitschrift«, Red. Karl Krumbacher, XII. B. 3. u. 4. H., 528 стр.; Ср. моя рефератъ въ »Българска Сбирка«, XII г. (1905 г.) 172—3 стр.

28) Op. cit. 11—18 стр.

29) Д-ръ Б. Цоневъ, Кюстендилско четвороевангеле. Отд. отп. отъ »Пер. Спис.«. LXVI кн., 14 стр.; Ср. отъ Самция »Добрѣйшово четвороевангело«, въ »Български Старини«, кн. I. София, 1906 г. 17 стр.

рично е казано: [68] . . . дѣ съградѣтъ пирѡ и данарѣтѣ въ нѣмѣ [69] моѣмъ снѡу михайлѣ сѣречѣ михайловѣ пирѡ, повѣла црѣкаѣ [70] златѣ пѣчатѣ; а знае се, че слѣдъ Калимана I дойде на прѣстола пѡ-малкия му братъ, Михаилъ Асѣнъ (1246—1257). Явно е отъ това, че компилаторътъ на тоя хрисовулъ е ималъ прѣдъ себе копие отъ дѣйствителенъ, истински хрисовулъ, издаденъ отъ Ивана Асѣня II, по което изглежда да се е ръководилъ, като притурялъ нѣкои нѣща, съ цѣлъ да увеличи правдинитѣ на манастиря. Казвамъ копие, защото допустимо е отъ сѣщия пергаментъ да е прѣписалъ текста отъ истински хрисовулъ отъ Ив. Асѣня II, даденъ на сѣщия манастиръ съ горѣ-долѣ сѣщо съдържание, и слѣдъ това на сѣщия пергаментъ написалъ своя текстъ. До тая мисълъ дохождамъ не само по казаното съображение, но още и по окачения печатъ, който е истински, нефалсифициранъ, съ лика на едната страна Иванъ Асѣнъ II съ надписъ *ѡ асѣнь црѣ Българѡмъ и Гръкъмъ*, а отъ другата — Св. Димитрия — *сѣмъ димитриѣ* (ср. рисунката). Не трѣба обаче да се изпуска отъ прѣдъ очи, че Ив. Асѣнъ II, най-силенъ господаръ на Балкански полуостровъ прѣзъ XIII в., като е облагодѣтелствувалъ светогорскитѣ манастири, не ще да не е далъ хрисовулъ на Зографския манастиръ, толкозъ повече че зографскитѣ монаси, както е извѣстно, ползували се съ голѣми правдини, а именно: приемали милостини отъ цѣлото българско царство, имали свободенъ риболовъ както на Дунава, така и въ Охридското езеро, и голѣмъ брой метоси въ тоговашнитѣ пѡ-голѣми български градове³⁰). Не ще и дума, че тия правдини били санкционирани съ хрисовулъ, който до насъ не е достигналъ, не защото е изгубенъ, но защото прѣкаленъ монахъ отъ Зографъ, по всеѣка вѣроятность, да увеличи правдинитѣ му, безвъзвратно е изтрилъ писмото на истинския хрисовулъ отъ Ив. Асѣня II и го замѣнилъ съ свой текстъ отъ пѡ-късно врѣме, не пѡ-рано отъ XVII в. и нѣ пѡ-късно отъ началото на XVIII в. Тая компилация на хрисовула спада тѣкмо отъ онова врѣме, когато Зографъ е водилъ дългодишни процеси сѣдебни за владѣнията си съ други светогорски манастири или съ частни лица.

IV.

И тѣй компилацията на хрисовула отъ Ивана Калимана I, даденъ на Зографския манастиръ (1192 г.), както се приемаше до сега, не е компилация на неговъ хрисовулъ, а на такъвъ отъ Ивана Асѣня II. Вѣроятно, компилаторътъ е искалъ да припише хрисовула на царъ Калояна, именуванъ и Калиманъ, споредъ »Словѣнобългарската история«

³⁰ Сава Хилсндарецъ, *op. cit.* 21 стр.

отъ О. Пансий³¹⁾, но погрѣшно го датира отъ 1192 г., защото той е царувалъ между 1196—1207 г.

V.

Надолу прѣвеждамъ текста на тая компиляция, като го довеждамъ въ паралелъ подъ линия по изданието на В. Априловъ въ »Болгарскіе грамоты«, Одесса 1845 г. Заграденитѣ въ () цифри въ това издание означаватъ броя на редоветѣ.

(1) † Бл̄гочт̄вн̄и *) и х̄олюбн̄ивн̄и ц̄р̄ь ас̄ен̄ь самодр̄ьжц̄ь тр̄ьновск̄ь, и вс̄ей (2) вс̄сланн̄и бл̄гарѣм̄ и гр̄към̄. и пр̄ѣкк̄ молд̄овл̄ах̄іа, и оӯгрьскои (3) земл̄и, и боудинаа, даже и до в̄кн̄ет̄іа, и б̄гом̄ дан̄ом̄ ц̄р̄т̄воӯ вла(4)сть¹⁾ имоӯщаа вс̄ей вс̄сланн̄и. Н**)²⁾ камен̄іа ны бис̄ера, теч̄лн̄(5)н̄іа мног̄щ̄кн̄н̄а, іже на ц̄рк̄вѣ вис̄от̄вн̄и в̄шьд̄ша оукрасовати, (6) іак̄о іже о б̄жст̄вен̄ьм̄ бл̄гочт̄н̄ь, іже о б̄жт̄вен̄ьн̄и и с̄щ̄ен̄н̄ьн̄и (7) храм̄ѣ, и о бл̄гопр̄ѣкн̄ен̄ьн̄и монастир̄ѣ. прил̄ежан̄іе и поп̄е(8)чен̄іе къ състав̄кн̄н̄ю и, и непр̄ѣстан̄н̄ьм̄ славослов̄ію, вс̄с̄к̄ (9) ц̄ра х̄а б̄а. О бл̄гочт̄вн̄ь и пр̄но бл̄жен̄н̄ь ц̄р̄ь и проишл̄аем̄., (10) въ ны же бо б̄жт̄во бл̄горазум̄н̄ь и т̄щ̄н̄ь почит̄ае̄т̄е, с̄и и мл̄тн̄(11)н̄ь подает̄е б̄гати и д̄л̄н̄іем̄. ѡбраз̄м̄ с̄и пр̄к̄л̄ѣж̄ж̄, (12) іак̄о же ш̄ц̄ь ц̄р̄т̄ва моє̄го пр̄но бл̄жен̄и ц̄р̄ь ас̄ен̄ь, и пр̄ж̄і се(13)го ц̄р̄т̄вав̄ш̄н̄и православно̄ ц̄р̄н̄. пача вс̄ь с̄к̄ и н̄н̄ь въ

31) Исторія Словено-Болгарская, изд. А. В. Лонгиновъ, Люблинъ, 1885 г. 37 стр. Много ми се иска да вѣрвамъ, че о. Пансий възможно е по тая компиляция да пише въ исторіята си: »По Петра восприялъ царство Калиманъ Иоаннъ: сынъ Асѣновъ некоего писали Калоіоанъ, но ся онъ самъ пописуе въ превелегии златопечатаніе: Иоаннъ Асѣнъ Калиманъ« (ор. сит.).

*) Въ тая дума първата буква е голѣма, писана съ киноваръ.

***) Разреденитѣ думи въ текста сѣ писани съ киноваръ.

У Априлова, 31 стр.: † Благочестивій и Христолюбивій царь Асенъ самодръжець тръновскы, и всей въселяней, Болгаромъ, и гръкомъ, и прѣко молдовлахія и оугрьской земли, и Будимаа, даже и до Біетіа, и Богомъ даному царству власть имушаа всей въселяннй. Не каменіа ны бысера течлннїа много цѣнна, еже на царство висотство въшьдша въшьдша оукрасовати яко еже о божествѣн̄ьм̄ благочестіи, и еже о божественныхъ и священныхъ храмѣхъ и о благопробываныхъ монастырѣхъ. прилѣжаніе и попеченіе къ въставлѣнію ихъ, и непрестанному славословію. въ сѣхъ цара Христа Бога, отъ благочестивѣхъ и присноблаженныхъ царь и проишляемое въ ныхъ же бо божество благоразумн̄ь. и тѣщн̄ь почитается сн̄ь и милостивн̄ь подается. благодатнымъ даян̄іем̄. образомъ сн̄ь прѣдл̄ѣжа якоже

сѣщенны̄ (14) и чѣтны̄. попеченіе съ ставленію излиха рѣвнѣя, свой даро(15)ваніи бѣгатнѣ бжтвеннѣ бжїамъ црквамъ. и блго-
стоинныи (16) монастирѣмъ дарова, и паче излиха въ горѣ
сѣтѣи соуции (17), въ ны̄ же нѣ иншдѣнствѣ., нѣ на бжїе сло-
вословіе излиха поуче(18)ніе ѿ. Ѡ ны̄ же естъ єдинъ чѣтны̄ мо-
настирь, въ ѿме вѣлан(19)каго и славнаго мѣника георгїа почи-
таемъ. въ нѣмже и блга(20)рскыи языкѣ, православное бжїе
пѣніе постсе. прѣстрѣ(21)тже и къ сѣмѣ свое блгое дарованіе,
блженны̄ Ѡць цртвами (22) прнблженны̄ црѣ дѣкны, помисли
изъ моимъ монастирѣ мно(23)гаа мѣста дати въ сѣтѣи горѣ нѣ
оубоисѣ Ѡ клетва занѣ (24) вѣше прѣже заклатѣ тѣ Ѡ съборѣ
Ѡ сѣщенны̄ патрїархы и блго(25)чтвїи црѣ, и Ѡ прѣдѣлаа на-
шего іоанна црѣ великѣ въ бл(26)гарѣ нѣ азъ дамъ многаа
мѣста надворѣ моимъ монастирѣ еже хѣ(27)ци бжїемъ изволе-
ніемъ, и дадохъ и прѣво мѣсто нарицаемъ при(28)вица мѣтѣ и
селѣ, съ вѣсѣми лѣдми, и съвѣсѣми правннми (29),, и кори-
стни селѣ того, и съ пошвѣ соуциимъ еже ѿ въ сѣло тѣ,, (30)
да Ѡ сѣло прѣбитѣкъ вѣсѣкыи въ монастирѣ приносите., и
Ѡ езерѣ(31)цо исходитъ и Ѡ хандакѣ водѣници и мрамарѣ
ловица, цѣ исходитъ, (32) вѣсѣ въ монастирѣ да се даватъ.,
и иже въ намѣ постажимсѣ, инакѣ, (33) насѣтавлѣніе и сѣщен-

(стр. 32) отецъ царства моего пресноблаженн царь Асѣвъ, и прѣжде сего царствовав-
шимъ православныхъ царей, пачя въ сѣхъ ихъ, въ священныхъ и честныхъ
попеченіе съ ставленію излиха рѣвнѣя, своихъ даровани богатнѣ божественнымъ
божїамъ церквамъ, и благосостоинимъ монастирѣмъ дарова и паче излиха въ горѣ
святѣи сущимъ въ нихъ же и естъ ино дѣнство на на Божїе славословіе излиха
поученіе естъ. отъ нихъ же естъ єдинъ. честныхъ монастырь, въ ѿме великаго и
славнаго мученика георгїа почитаемый, въ ѿмже и блгарскимъ языкомъ право-
славное божїе пѣніе постсе. простретже и къ сѣму свое благое дарованіе, блаженны
отецъ царствами присноблаженны царь Асѣвъ, помислихъ и азъ моему монастиру
многаа мѣстаа дати въ Святѣи горѣ нѣ убоихсе о клетва занѣ прѣжде заклато
отъ съборѣ отъ освяченны патрїархы и благонестивни цари, и отъ прѣдѣлаа нашего
Іоанна царя великѣ въ Блгарѣхъ. нѣ азъ дамъ многаа мѣста на дворѣ моему
монастиру еже хочу Божїемъ изволеніемъ, и дадохъ имъ прѣво мѣсто нарицаемъ
Привица мятохъ и село, съ вѣсѣми лѣдми. и съ вѣсѣми правннми, и користми
сѣла того, и съ пошвѣ сущими еже естъ въ сѣло томъ, да о сѣло прѣбитокъ вѣсѣ-
кыи въ монастирѣ приносите, и отъ езерѣцо и сходитъ и отъ хандакѣ водѣници
и мрамарѣ ловица, що исходитъ вѣсе въ монастирѣ да се даватъ, и иже въ намѣ

вѣсе (52) да прати оу манастирѣ и ѿ селѣ долнилозанѣ цѣ
 приходитъ и вѣсе въкупѣ, (53) да прататѣ оу манастирѣ повѣла
 црѣкаа да никто нѣиматѣ власть на (54) сѣа места еже азѣ дадохъ
 нѣ. злато пачатию., и дадохъ нѣ лихидѣмъ мѣстѣ (55) глѣши гра
 ѿхридѣ, и тоу дадохъ нѣ властѣ да настоитѣ архієписѣпъ мака-
 (56)рїа и клирикѣ манонлѣ, и клирикѣ стамати цѣ приходитъ ѿ
 гра и ѿ ѣзарѣ (57) ѿ ловища стругѣ вѣсѣ да прататѣ оу
 манастирѣ, повѣла црѣкаа, (58) златѣ пачатѣ. и дадохъ нѣ въ солѣ
 гра махала клирикадѣка и дѣга (59) нн. і. и сарлѣтова махала и
 тоу. і. дѣганѣ, и кѣ константиновѣ (60) махала и тоу. і. дѣганѣ,
 и тоу матѣ хрѣ стѣ георгїа, и цѣ приходитъ (61) дѣга нѣ
 ѿ махалѣ, вѣсѣ да пратитѣ оу манастирѣ. кѣ констан(62)тинѣ.,
 повѣла црѣка, златѣ пачатѣ., и па дадохъ нѣ мѣстѣ на (63) ѿр-
 милїа и тоу дадохъ матѣ съградити и село въ ідинѣ и цѣ
 (64) приходитъ ѿ матѣ и ѿ село вѣсе да прататѣ оу манастирѣ,
 и тоу (65) храмѣ стѣ николѣе., іазѣ бл҃гочтѣвн црѣ іскнѣ само-
 дръжицѣ (66) вѣсѣмъ бѣлгарѣмъ и грѣкомъ, и повѣла нѣ божию помощію
 еже е въ (67) стѣнѣ горѣ аеоиа манастирѣ глѣши ізѣграфѣ хрѣ
 стѣго вѣклѣ(68)ко меника хѣва георгїа, да съградѣтъ пирѣ и да
 нарѣте въ нѣмѣ (69) моему снѣу михайлѣ сырѣчѣ михайловѣ пирѣ,
 повѣла црѣкаа (70) златѣ пачатѣ., іазѣ помисли нѣ много мѣсто

и отъ метохъ, и онъ въ се да прати у монастырь и отъ село долнилозанъ, що
 приходитъ и въ се въкупѣ да прататъ у монастырь. повѣла царская да никто
 на имать власть на сѣа места еже азѣ дадохъ имъ Злато нячатию и дадохъ имъ.
 Лихидонъ (34 стр.) място глаголемы градъ охридъ, и ту дадохъ имъ власть
 да настоитъ архієписѣпъ макарія и клирикѣ манонлѣ, и клирикѣ стамати що
 приходитъ отъ градъ и сѣро отъ ловища стругы въ са да прататъ у монастырь,
 повѣла царская, златя пачатя, и дадохъ имъ въ Солушь градъ махала клирика-
 дука, и дуганы, 10. и сарлѣтова махала. и ту 10. дуганы, и ту матохъ храмъ святы
 георгїа, и що приходитъ, отъ дуганы и отъ махалѣ, вѣсѣ да пратитъ у монастырь,
 кѣ константинь, повѣла царская, златя пачатя, и пакъ дадохъ имъ място на
 ормилїа и ту дадохъ имъ мятохъ съградити и село во єдино и що приходитъ отъ
 мятохъ и отъ село вѣсе да прататъ у монастырь, и ту храмъ святы николѣе. іазѣ
 бл҃гочестивн царь Асѣнъ самодръжець вѣсѣмъ бѣлгаромъ и грѣкомъ, и повѣла нѣ
 божию помощію, еже естъ въ стѣнѣ горѣ Аеоиа манастирь глаголемы Ізуграць
 храмъ Святаго великомученика Христова Георгїа, да съградѣтъ пиргосъ и да
 наречетсе въ нѣмѣ моему снѣу Михайлу сырѣчѣ михайловъ пиргосъ, повѣла царская,
 Златя пачатя. Іазѣ помислихъ много място дати моему монастыру въ убожѣхъ

вѣнимже (89) пѣсанїемъ. ѿ злато ж сѣжъ пачати жъ. въ вѣрѣ, мѣца.
Ф. в. днѣ., (90) ѿндиктѣ. ѿ. въ лѣтѣ: ѿ. ѿ.

(1) † ѿ калїманъ въ хъ ба вѣрѣнь црѣ ѿ самѣ (2) дръ-
жцѣ въ сѣ блѣгарѣ і грѣкѣ, ѿсѣнѣ*),???,

Сѣрѣ, 12. мартѣ 1907.

А. П. Стоиловъ,

Директоръ на Сѣрското блѣгарско педагогическо училище.

Мѣсяца февруарїа. 2. день. ѿндиктѣ. 1. въ лѣто 6700 (отъ Р. X. 1192).

† Іоаннъ Калманъ въ Христа Бога вѣренъ Царь и Самодржець въ сѣмъ Блѣгаромъ і Грѣкомъ, ѿсѣнѣ.

*) Подписътъ е съ голѣми киноарни букви.

Къмъ стр. 89. Студията ми бѣше вече отпечатена, когато разгледахъ съчиненїето на П. А. Сырку, Къ исторїи исправленїа книгъ въ Болгарїи въ XIV вѣкѣ, I. т., вып. I, 1899 г., СПб. 164—156 стр., Заб. 6, въ което изказва мнѣние, не хрисовультъ е компиляция отъ XVII в. и дѣло, както и тоя отъ Левъ Философъ, на едно и също лице.

Поправката, която прѣдлага проф. К. Иречекъ (Исторїа болгаръ, 350 стр., Заб. 3; Ср. Сырку, ор. сїт. 166), за годината на хрисовула 1192, споредъ ѿндикта I, 2 февр., на 1243, ми се вижда неприемлива.

Der aristotelische Abschnitt im Hexaemeron des Exarchen Johannes.

In dem Sammelsurium aus griechischen Kirchenschriftstellern, das der Exarch zu seinem Hexaemeron zusammengestellt hat (vgl. ASPh. XXVI, 1 fg.), befindet sich auch ein Stück (in Bodjanskijs Ausgabe von S. скѣ б 2 Z. 7—ска а 1 Z. 8), das ich in der Überschrift kurz als aristotelisch bezeichnet habe, weil ein beträchtlicher Teil seines Inhalts mittelbar oder unmittelbar beruht auf Teilen des ersten Buches von Aristoteles Tierkunde (*Περὶ τὰ ζῷα ἱστορίαι*, unten zitiert als AH nach Bekkers Aristoteles I mit Angabe von Buch, Kapitel, Seiten- und Zeilenzahl). Darauf haben schon Gorskij und Nevostruev, Описание слав. рукоп. Московской синодальной библ. II, 17 fg. hingewiesen, auch eine Anzahl Stellen herausgehoben und teils längere Sätze teils einzelne Ausdrücke aus dem aristotelischen Text danebengesetzt. Die Auswahl ist ziemlich willkürlich und macht, da keine andern Quellen des Exarchen genannt werden, leicht den Eindruck, es wären die Proben aus dem Abschnitt als einem in seiner Gesamtheit aristotelischen gegeben. Aber der Exarch hat sehr stark auch benutzt die Kompilation des Mönches Meletios (s. über ihn Krumbacher Byz. Litt.² S. 614, 617 [7]) *Περὶ φύσεως ἀνθρώπου* (unten zitiert nach der Ausgabe bei Migne, Patr. graeca B. 64, als M mit Beifügung der dortigen Seitenzahl). Stellen aus Aristoteles und aus Meletios laufen durcheinander, und in die daraus zusammengestellte Beschreibung des menschlichen Körpers sind wieder teils erbauliche Betrachtungen, teils andre nicht in den Zusammenhang gehörende, ihn vielmehr zuweilen willkürlich zerreißende Stücke eingeschoben, deren Quelle ich nicht gefunden habe. Ich habe nun unten neben den slavischen Text den entsprechenden griechischen gesetzt, soweit ich ihn auffinden konnte. Dem slavischen, der, wie er vorliegt, eine äußerst ungeschickte Serbisierung einer mittelbulgarischen Vorlage darstellt (s. ASPh. a. O. S. 2), habe ich in altbulgarische Lautform umgesetzt, um ihn verständlich zu machen; seine überlieferte Form ist eine

ganz unmögliche. Dabei habe ich die zahlreichen kleinen Verderbnisse stillschweigend verbessert, nur bei stärkeren Änderungen eine Anmerkung beigegeben. Freilich in höherem Sinne verständlich und lesbar wird der Text dadurch nicht und kann es nicht werden, dazu ist der Exarch viel zu willkürlich mit seinen griechischen Vorlagen umgesprungen und seine Übersetzungskunst zu gering (vgl. darüber auch ASPH. XXV, 48 u. 64).

Die Frage, ob der Exarch Aristoteles und Meletios unmittelbar benutzt oder schon eine Kompilation vorgefunden und diese übertragen habe, vermag ich nicht sicher zu beantworten; gefunden habe ich keine ähnliche Zusammenarbeit in der byzantinischen Literatur. Es will mir nach der zuweilen buchstäblich stimmenden Übersetzung scheinen, als seien die Stellen aus Meletios unmittelbar dessen Schrift entnommen. Dagegen sind die Stellen, die im letzten Grunde jedenfalls auf Aristoteles zurückgehen, öfters so willkürlich und zusammenhangslos aus einzelnen Sätzen des griechischen Textes, bisweilen in verkehrter Ordnung, zusammengeklittert, daß es schwer begreiflich ist, wie jemand, der den zusammenhängenden aristotelischen Text vor sich hatte, so damit verfahren konnte. Ich vermute daher, daß dem Exarchen kleine und größere Excerpte aus der Tierkunde vorgelegen haben, die er wohl oder übel verarbeitet hat.

ЮСТЪ ОУБО ЧЛОВѢКЪ, ИКОЖЕ ПОВѢДАЮТЪ, НА ГЛАВѢ ИМЪ ТРИ ШЕВЪ НА ЖГЛЪ СЪСТАВЛЕНЪ — (ἔχει) τὸ ἄρρεν τρεῖς ῥαφὰς ἄνωθεν συναπτούσας τριγωνοειδεῖς, AH 3. 7 = 516 a 18.

ЖЕНЬСКАЯ ЖЕ ГЛАВА ИМАТЪ ЮДННЪ ШЕВЪ КРЖГОМЪ ОБЪХОДА ГЛАВЪ, ПО СЕМОУ БО ЗНАМЕНИЮ И ВЪ ГРОБЪХЪ МОГЪТЪ РАЗЛЖЧАТИ, КОЮ ЮСТЪ МЖЖЬСКА ГЛАВА, КОЮ ЛИ ЖЕНЬСКА — τὸ δὲ θῆλυ μίαν ἔχει καὶ μόνην ῥαφήν κυκλωτῆρως περιγεομένην καὶ περιγράφουσαν τὸ κρανίον· ἐκ τούτου γὰρ τοῦ σημείου ἐν ταῖς τάφοις τὰ τῶν ἀνδρῶν καὶ γυναικῶν διακρίνεται κρανία, M 1149 C. — AH 1. 7 = 491 b 2 hat für die beiden eben behandelten Stellen nur ἔχει δὲ ῥαφὰς (sc. τὸ κρανίον) τῶν μὲν γυναικῶν μίαν κύκλω, τῶν δ' ἀνδρῶν τρεῖς εἰς ἓν συναπτούσας ὡς ἐπὶ τὸ πολὺ; 3. 7 = 516 a 18 τούτου (τοῦ ἀνθρώπου) τὸ μὲν θῆλυ κύκλω ἔχει τὴν ῥαφήν, τὸ δ' ἄρρεν τρεῖς ῥαφὰς ἄνωθεν συναπτούσας τριγωνοειδεῖς. Sicher stammt das Slavische nicht unmittelbar aus Aristoteles; der Zusatz ἐν τάφοις κὲν γροβѣхъ spricht dafür, daß die zweite Stelle aus Meletios stammt oder mit ihm gleiche Quelle hat.

АШТЕ И ДРОУГОИЦИ, ИКОЖЕ ГЛАГОЛЮТЪ ДРОУЗИИ, РѢДЪКЪ-ЖЕДЪ СЪ ОБРѢТАЮТЪ ГЛАВА МЖЖЬСКА, ИЖЕ СЪ ПРОСТА НЕ ИМАТЪ

НИ ЕДИННОГО ШЪВА ВЪ СЕБѢ — ἤδη δ' ὠμμένη ἐστὶ κεφαλὴ ἀνδρὸς οὐδεμίαν ἔχουσα ῥαφήν, АН 1. 7 = 491 b 4.

КЕСТЪ ЖЕ, ШКОЖЕ ГЛАГОЛАХЪ, ВЪСѢХЪ ОУДОВЪ ВЪШЪШН, А НИИ ОУДОВЕ ПО НИИ СВОЕ МѢСТО КЪЖДО ДРЪЖИТЪ ПО КЕСТЪ-СТВОУ. Einigermassen entspricht: πρώτη τῶν ἐν ἡμῖν μελῶν ἡ κεφαλὴ ἐστὶν . . . καὶ τὸ ὑψηλότατον καὶ ὑπερεξέχον μέρος τοῦ σώματος, М 1148 В С.

ТРЪМН ЖЕ СЪЛЖАШТИ СЯ ЧАСТЪМН ГЛАВА ДА СЪ ПРѢЖДА ИИ ЛЕЖИТЪ ТЪМА· ЧАН ПОСАѢЖДЪ МѢНАТЪ КЕ БЪВАИШТЕ ПО ИИХЪ ЧАСТЪХЪ· СЪ ЗАЖДА ЖЕ ЗОВОМОЕ НИИЕ, КЕЖЕ КЕСТЪ ТЪМАТЪ· МЕЖДОУ ЖЕ ТЪМОМЪ И ТЪМЕНЪМЪ КЕСТЪ КОРИФИ, КЕЖЕ КЕСТЪ ВРЪХЪ. — Vgl. κεφαλῆς μὲν οὖν μέρη, τὸ μὲν τριχωτὸν κρανίον καλεῖται· τούτου δὲ μέρη, τὸ μὲν πρόσθιον βρέγμα (wiedergegeben durch ТЪМА), ὑστερογενές (τελευταῖον γὰρ τῶν ἐν τῷ σώματι πηγνυται ὀστέων), τὸ δ' ὀπίσθιον ἰνίον (unübersetzt НИИЕ, erläutert durch ТЪМАТЪ); μέσον δ' ἰνίου καὶ βρέγματος κορυφή (unübersetzt КОРИФИ, erläutert durch ВРЪХЪ), АН 1. 7 = 491 a 30—34.

СНИЖ ЖЕ ЧАСТЪ И СКРАНИА ЗОВЖТЪ, КЕЖЕ КЕСТЪ ЛЪБЪ = »dieser Teil nennt man auch die Schläfen, was die Stirn ist«, an dieser Stelle ein sinnloses Einschiesel.

НЪ НИИЕ КЕСТЪ СЪ ПРОСТА КЪСЕ ТЪШТЕ НИЕСОЖЕ НЕ НИТЪ ВЪ СЕБѢ· А ТЪМА ИМАТЪ МОЖДЕНИ КОЖЕЖ ОБЪДРЪЖИМЪ; beruht auf АН 1. 7 = 491 a 34—491 b 2, doch nicht genau: τὸ δ' ἰνίον κενόν· ἐστὶ δὲ τὸ κρανίον ἄπαν ἀραιὸν ὀστοῦν, στρουγγύλον, ἀσάρκω δέρματι περιεχόμενον.

ПРИЛЕЖИТЪ ЖЕ ПРИ МОЖДЕНЪХЪ ОУ КОНЪЧЪНЪМА СТРАНЪ, КЖЕ ЗОВЖТЪ ПРИГЛАВЪНИЦА, КЖЕ МѢНАТЪ НЕ НИЖШТЪ НИКОЮГОЖЕ ЖИВОТА РАЗВѢ ЧЛОВѢКА ЕДИННОГО. Diese wie die vorhergehende Stelle können z. T. auch angeknüpft werden an АН 1. 16, nur stehen die entsprechenden Sätze dort in umgekehrter Ordnung und in andern Verbindungen. Am ähnlichsten ist der zweiten slav. Stelle Aristophanis Hist. An. epitome (Suppl. Aristotelicum Berol. I S 37 Z. 11): ἔχει δὲ τὴν λεγομένην παρεγκεφαλίδα (wiedergegeben mit ПРИГЛАВЪНИЦА) μόνος ὁ ἄνθρωπος, ἥτις ἐσχάτη (оу КОНЪЧЪНЪМА СТРАНЪ) τοῦ ἐγκεφάλου κεῖται. Dazu möchte ich bemerken, daß sonst keine besonderen Übereinstimmungen des slav. Textes mit diesen Excerpten wahrnehmbar sind. Vgl. noch: ἡ παρεγκεφαλὶς, ἣν καὶ παρακρανίδα καλοῦσιν· ἣν μόνην ἔχειν τὸν ἄνθρωπον λέγουσιν ὑπὲρ πάντα τὰ ζῶα, М 1152 С.

ВЕЗЪ КРЪВИ ЖЕ СЖШТА МОЖДЕНИ, ШКОЖЕ И СЪ ГОЛА НЕ НИЖТЪ КРЪВАВЪНХЪ ЖИЛЪ· ДА ТЪМА И ПРИСНО СТОУДЕНЪ КЕСТЪ И ТО-

ПЛОТЪ ПАЧЕ ЛЮБИТЪ А НЕ СТОУДЕНЪ. — Vgl. *ἀναιμος δ' ὁ ἐγκέφαλος ἄπασι καὶ οὐδεμίαν ἔχων ἐν αὐτῷ φλέβα* (крѣв. ж.), *καὶ θυγανόμενος κατὰ φύσιν ψυχρός*, АН 1. 16 = 495 а 4.

ВЪ НИЕМЪЖЕ И ОУМОУ МѢСТО МѢНАТЪ СЖШТЕ ИЕТЕРН, ohne Entsprechung.

БРОДИ ЖЕ ТРИЕ ОТЪ КОЕГОЖДО ОЧЕСЕ ВЪ МОЖДЕНИ ГРАДЖТЪ, ВЕЛИКЪИ ИЕДИНЪ И СРѢДЪНИИ, СЕЮ ЖЕ КЪИИЖДО КОНЕЦЪ ДОХОДИТЪ ДО ПРИГЛАВЪНИЦА, А ТРЕТНИ, ИЖЕ И МЪНИИ ИЕСТЪ, ВЪ САИЪ ВЪХОДИТЪ МОЖДЕНЪ, СЪ ЖЕ ИЕСТЪ, ИЖЕ ПАЧЕ И СТЪИИИКЪИ КЪ НОЗДРЪМА ПРИХОДИТЪ. — *φέρουσι δ' ἐκ τοῦ ὀφθαλμοῦ τρεῖς πόροι εἰς τὸν ἐγκέφαλον, ὁ μὲν μέγιστος καὶ ὁ μέσος εἰς τὴν παρεγκεφαλίδα, ὁ δ' ἐλάχιστος εἰς αὐτὸν τὸν ἐγκέφαλον· ἐλάχιστος δ' ἐστὶν ὁ πρὸς τῷ μυκτῆρι μάλιστα*, АН 1. 16 = 495 а 11—14.

ДОКЛАНИИЕТЪ ЖЕ СЪ ДО ТЪМЕНЕ АКЪ КЪ ЛИЦОУ, ohne Beziehung.

МЕЖДОУ БО ОКОЮ ОЧИЮ ИЕСТЪ ЧЕЛО, ИЕЖЕ АИШТЕ ВЕЛИКО ИЕСТЪ, ТО НАЗНАМЕНОИЕТЪ, ИКОЖЕ МЪДЪЛЪНЪ¹⁾ РАЗОУИЪ ИИАТЪ ИМОУЖЕ ТАКО ЧЕЛО ИЕСТЪ. ИИЪЖЕ ЛИ МАЛО ИЕСТЪ, ТО ОСТРЪИШИ СЖТЪ МЪСАИИЖ И СКОРО СЛОВЕСА И ДѢЛА РАЗОУИМЪВАИЖТЪ. ЧЕЛО ЖЕ, ИЕЖЕ НА ШИРОКЪ СЪ ОБРАЗЪ РАСХОДИТЪ, ОУЖАСТИВА ЧЛОВѢКА ПОДОБИЕ И ЗНАМЕННИЕ МѢНАТЪ СЖШТЕ. А КРЪГОВАТО ИЕСТЪ СЪТАЖИВА И ТЪШТИВА И ГИКЪВАИИКА. — Erweiterung von *προσώπου δὲ τὸ μὲν ὑπὸ τὸ βρέγμα* (vielleicht steckt dies in dem vorangehenden ДОКЛАНИИЕТЪ usw.) *μεταξὺ τῶν ὀμμάτων μέτωπον· τοῦτο δ' οἷς μὲν μέγα βραδυτέροι, οἷς δὲ μικρὸν εὐκίνητοι· καὶ οἷς μὲν πλατὺ ἑκστατικοί, οἷς δὲ περιφερές θυμικοί*, АН 1. 8 = 491 b 10—14.

НА КОНЕЦИ ЧЕЛОУ БО ПРѢЖДОУ БРѢВИ СЖТЪ ДВОИЧЪИИЪ. ИЪ ИЕЖЕ ПРАВЪ ЛЕЖАТЪ, ВЛАГОДАТЪНА И КРОТЪКА И ИИЛОСРЪДА НАЗНАМЕНОИИЖТЪ. А ИЕЖЕ ПРѢККЛОИЕНЪИ И ПРѢККЛАИИИЖШТЕ СЪ НОСЪК [И ПРѢККЛОИЕНЪИ], ТО ТЪ ИРЪ И ВЪСОРИИКЪ И ОУЖАСТИИВЪ. А ИЕЖЕ ПАЧЕ ПРѢККЛОИЕНЪИ КЪ СКРАИИИИМЪ РЖГАТЕМА ОБАВЛИИИЖТЪ И ИЪРИИВА И ПРОКАИИИКА. Es entspricht — mit Erweiterungen — *ὑπὸ δὲ τῷ μετώπῳ ὀφρῦες διφυεῖς· ὧν αἱ μὲν εὐθείαι μαλακοῦ ἤθους σημεῖον, αἱ δὲ πρὸς τὴν ῥίνα τὴν καμπυλότητ' ἔχουσαι στρυφνοῦ, αἱ δὲ πρὸς τοὺς κροτάφους μωκοῦ καὶ εἴρωνος, αἱ δὲ κατεσπασμένα φθόνου*, АН 1. 9 = 491 b 14—18. Dann folgt: тако бо прѣвни отъ физикъ, иеже сжтъ иестъствъници, нарѣковаша се зѣло съмотринъши, aufgenommen aus einer nicht aristotelischen Vorlage.

ПОДЪ БРѢВИИЖ ЖЕ КОИИИЖДО ИЕСТЪ — НА СКОИИИ СТРАИИЪ

1) So zu l. für мюдрънъ des Textes.

КОЕЖЬДО — ОКО, ИМЪ СВОЯ ЧАСТИ, ВЪЖДЖ ГОРѢ И ДОЛОУ¹⁾, ВЛАСЪ КАИЖЬДО ИЗНОСАШТИ СЪ СОБОЖ, ЯЖЕ РАСЪНОВЕ ЗОВЖТЪ. КЕСТЪ ЖЕ ОКОУ ВЪНЖТРЪНІКІЕ ВЪСЕ ВОДЬНО, ИМЪЖЕ ВИДАШТЕ КЕСТЪ. ЗЪНИЦЪ ЖЕ ТО ЗОВЖТЪ. А ІЕЖЕ ОБЪДРЪЖИТЪ КЕС ПОСРѢДІА, КЕСТЪ ЧРЪНО КРЖГОМЪ. А ІЕЖЕ ПО ТОМЪ, КЪЛООБРАЗЬНО. КЕСТЪ ЖЕ ОБОЧИКІЕ И ГОРЬНЬАА И ДОЛНЬАА ВЪЖДА. — *ὑφ' αἷς (ὀφρύσι) ὀφθαλμοί. οὗτοι κατὰ φύσιν δύο· τούτων μέρη ἑκατέρου βλέφαρον τὸ ἄνω καὶ κάτω. τούτου τρίχες αἱ ἔσχαται βλεφαρίδες. τὸ δ' ἐντὸς τοῦ ὀφθαλμοῦ τὸ μὲν ὑγρόν, ἢ βλέπει, κόρη, τὸ δὲ περὶ τούτου μέλαν, τὸ δ' ἐκτὸς τούτου λευκόν. κοινὸν δὲ τῆς βλεφαρίδος μέρος τῆς ἄνω καὶ κάτω κανθοῦ δύο, ὃ μὲν πρὸς τῇ ξινί, ὃ δὲ πρὸς τοῖς κροτάφοις,* АН 1. 9 = 491 b 18—24. Es scheint, daß mit *обочикіе* die *κανθοί* (Augenwinkel) wiedergegeben werden sollen.

ИЪНОГА ЖЕ РАЗЛИЧНИ ОЧИМА БЪВЛАЖТЪ, ОБЪ КО ИЗЪКРЪ БЪВЛАЖЕТЕ, А ДРОУЗЪН ПРОПЕЛЪСЪ И ДРОУЗЪН ЧРЪНЪ И ДРОУЗЪН КЕСЕЛЪ. Geht wohl im letzten Grunde zurück auf АН 1. 10 = 492 a 2: *τοῖς μὲν γὰρ ἐστι μέλαν, τοῖς δὲ σφόδρα γλαυκόν, τοῖς δὲ χαροπόν;* wenigstens deutet das *кеселъ* auf ein, freilich falsch verstandenes *χαροпός*. Unmittelbar aus Aristoteles ist es nicht, die gleichen Wendungen kommen auch sonst vor, z. B. М 1164 В: *δρωμεν γὰρ τοὺς μὲν μέλανας ἔχοντας ὀφθαλμούς, τοὺς δὲ γλαυκοὺς, τοὺς δὲ χαροπούς.*

ИЪ И ПРИ ВЕЛНЧЪСТВЪ. ДРОУЗЪН ДРОУГОЮ БОЛЪШИ КЕСТЕ, ДА ИИЪ ВЕЛНЦЪ КЕСТЕ ЗЪЛО, ИИЪ ПАКЪ МАЛЪ, ИИЪ СРЪДЪНН. ТО ТЪ МЪНАТЪ ОУНЪШИ СЖШТИ. ПАКЪ БЖДЕТЕ ОЧИ ВЪНЖТРЪ ВЪПАЛЪ ЗЪЛО, БОЛІЕ СВОКІА ЖДОЛИ ОКРЖГНІКІЕ НИЖШТИ, А ДРОУЗЪН ВЪНЪ ЗЪЛО НАПРЖЕНЪ, АКЪ ИСКОЧИТИ ХОТЪШТИ, А ДРОУЗЪН НИ СЪМО НИ СЪМО²⁾ ПОДОБНЪ ИЪ СРЪДЪНН КЕСТЕ, ИЖЕ МЪНАТЪ ДОБРА НРАВА ЗНАМЕНИКІЕ СЖШТЕ (auf очн bezogen besser сжшти, kann indeß auf знаменникіе bezogen sein), КЪ ИИХЪЖЕ ТАЦЪ КЕСТЕ. А ИЖЕ ВЪНЖТРЪ НИЖТЪ ОЧИ ЗЪЛО, ТО ТЪ МЪНАТЪ ОСТРЪКІЕ ВИДАШТА ВЪ ВЪСЪКОМЪ ЖИВОТЪ. Fast genaue Wiedergabe von М 1176 А—В: *περὶ δὲ τοῦ μεγέθους νῦν ἐστὶν εἰπεῖν. Οἱ μὲν γὰρ μείζους εἰσὶν, οἱ δὲ ἐλάττωτες, οἱ δὲ σύμμετροι, τὴν ἑκατέρων ἀμετρίαν ἐκπεφυγότες, οὓς καὶ βελτίστους εἶναι φασί. Πάλιν οἱ μὲν πεπλήννται πρὸς τὰ ἐντὸς καὶ μείζονα τὴν περιφέρειαν τῆς αὐτῶν κοιλότητος διαγράφουσιν· οἱ δὲ πρὸς τὰ ἐκτὸς ἐξώγκωνται καὶ ἐξαλλεσθαι θέλουσιν· ἄλλοι*

1) So habe ich versucht den handschriftlichen Text lesbar zu machen, er lautet: подъ бръвню же кождо кестъ на свои странѣ коежедо шко имн свои честивѣ вѣждоу горѣ и долоу.

2) тамо?

δὲ πρὸς οὐδέτερον τούτων ἐκκλίνουσιν, ἀλλὰ τὴν μέσην ἔχουσι χώραν, οἱ καὶ βέλτιστον ἦθος διασημαίνουσιν τῶν ὁσπερ εἰσι. Τοὺς μέντοι διακειμένους μᾶλλον πρὸς τὰ ἐντὸς ὑξωλευστάτους εἶναι φασιν. Nur dem letzten Satz a иже — животѣ entspricht genauer AH 1. 10 (492 a 9): τούτων οἱ ἐντὸς μάλιστα ὑξωλευστάτοι ἐπὶ παντὸς ζῆρον (= въ вѣсѣкомъ животѣ).

иже есте очи скоро мижашти, то тѣ мѣнатъ оумъ мижашти на единомъ мѣстѣ не стоиаште нѣ часто сѧ прѣмѣнныи и вѣсѣмо прѣмѣштѧ сѧ (dem стоиаште entsprechend wäre zu erwarten прѣмѣнныи мѣштѣ und прѣмѣштѣштѣ). а иже есте очи дълго не мѣгнашти, то того мѣнатъ знати ке-срама сѣштѣ и вѣстоудѧ. а иже междуѣ тацѣхъ срдѣлнн есте ни мижашти часто ни дълго мѣгнашти, то тѣ нрава добра знаменнѣ. Ist eine Ausführung von AH 1. 10 = 492 a 10—12: καὶ ἡ σαρχοδαμνητικοὶ ἢ ἀτενεῖς ἢ μέσοι, βέλτιστον δὲ ἦθους οἱ μέσοι, ἐχείνων δ' ὁ μὲν ἀνωδῆς ὁ δ' ἀβέβαιος.

Es folgt ein die anatomisch-physiologischen Angaben unterbrechendes erbauliches Stück: нѣ чесо дълма оумѣножнхомъ о сѣмь рѣчь, нѣ да и нашего сѣтворѣнныи и оумѣжденныи¹⁾ чѣсть и оудовѣ имена почитающннннѣ обавннѣ, и икоже сѧ сѣлежатъ дроугѣ съ дроугомъ, и нравы назнаменуѣмъ, икоже есте слышали отъ хумтрннхъ, коюгождо образъ какъ есте, добръ ли или зѣлъ, да сѧ вѣдатъ и дроужни како бѣлостн: тѣмн бо знаменнн, мѣнатъ, богъ милостннѣ съ далъ есте разоумѣважштемъ зѣлонравлаго оукланнати сѧ а къ добронравооумоу приближати: икоже и о слышннцн и о мѣсаци далъ есте знаменнн, ииже разоумѣвати оутншеннѣ и топлотѣ, и пакы боурѣж и зннж и вѣздѣжднѣ и вѣтрѣ, и ино мѣного, да того зѣраштю и(ли) прнготовннн сѧ на дълго или оубовѣштемъ сѧ²⁾ оуклонннн³⁾ того, и отъ сѣго славннн бога, иже то есте оустронѣтъ тако сконнѣ рабомъ. нѣ мы по прокою сѧ ннѣмъ, да паче вожнн слѣк невѣдннѣнн чюдннѣ сѧ и славннѣ ѣ.

Darauf setzt die Beschreibung des Körpers wieder ein: есте и ннѣ оудѣ главнннн, ииже слышннѣ, съ проста вѣзѣ днѣхннн: прѣкѣстнѣ къ сѧ онѣ старннн Пѣкмонѣ⁴⁾ не по нннннѣ глаголакъ козѣ днѣшннннн оушннн, икоже фнлософѣ Пнрнсто-

1) = κατασκευί, vgl. оумѣжати Cloz. Z. 654 (ed. Vondrák) κατασκευάζειν.

2) зѣраштю und оубовѣштемъ сѧ laufen parallel, es wechselt nur der Numerus.

3) Zu оукл. ist das сѧ bei оубовѣ. mit zu beziehen.

4) Н. алы.

TEΛΕΡ ΡΕЧЕ. — ἔτι δὲ κεφαλῆς μέρος, δι' οὗ ἀκούει (sc. ἄνθρωπος oder ζῷον), ἄπνουν, τὸ οὖς· Ἀλκιμαίων γὰρ οὐκ ἀληθῆ λέγει, φάμενος ἀναπνεῖν τὰς αἰγὰς κατὰ τὰ ὦτα, AH 1. 11 = 492 a 13—15.

И СЕ ДА КЕСТЪ ЗНАМЕНАНО, ИКО ЧЛОВѢКЪ ТЪЧНИЖ ОУХОМЪ НЕ ДВИЖЕТЪ. — μόνον ἄνθρωπος οὐ κινεῖ, ib. 492 a 28, oder ἀκίνητον δὲ τὸ οὖς ἄνθρωπος ἔχει μόνος ib. 22.

ОУХОВЫМЪ ЖЕ КЕСТЪ ЧАСТЪ ЗНАЕМА, КЕЖЕ КЕСТЪ ГРЪЧЬСКЪ ЛОВОСЪ, А СЛОВЪНЬСКЪ КРАН ОУШЕСЕ, ВЪ НИЕМЪЖЕ ОУСЕРАЗА ПОВЪШАЖТЪ· ДРОУГЪЖЕ ЖЕ ЧАСТЪ ОСТАВИХОМЪ АКЪ ВЕЗ ИМЕНН¹⁾ СЖШТЖ, d. i. es gibt einen bekannten Ohrenteil, der auf griechisch λοβός heißt, auf slavisch Rand des Ohres, in dem man die Ohringe anhängt; den andern Teil als einen ohne Namen haben wir weggelassen· — entspricht einer weiteren Ausführung von: ὠτός δὲ μέρος τὸ μὲν ἀνώνυμον, τὸ δὲ λοβός, AH 1. 11 = 492 a 15.

КЕСТЪ ЖЕ ОУХО ВЪНЖТРЪЖДОУ КРЖГОВАТО, ИМАТЪ ЖЕ НАПОСЛѢДЪ И КОСТЪ ТЪМЪЖДЕ ОБРАЗОМЪ ИКОЖЕ И САМО, ВЪ НЪЖЕ АКЪ ВЪ СЪСЪДЪ ТЪШТЪ ВЪСАКЪ ГЛАСЪ ВЪЖЧЪНЪИ КЛЮКАЛА И ТЪПАЛА ПРОХОДИТЪ· ТИ ИМЪЖЕ СЕ КЪ МОЖДЕНЪМЪ НЕ ИМАТЪ БРОДА НИ ПРОХОДА, ТО ТЪМЪ НСХОДИТЪ КЪ ОУСТЪНЪИ ЛАЛОЦЪ· ОТЪ ТЪДОУ ЖЕ ПРОТАЖИТЪ СЖ ЖИЛА ВЪ МОЖДЕНИ, И ОУДОБЪ ЗЪЛО КЪ НИМЪ ДОВОДИТЪ ГЛАСЪ И ПЛЮСКЪ — genau entsprechend M 1181 D: ἔστι δὲ τὸ οὖς κατὰ μὲν τὸ εἶδος (der Exarch muß hier etwa κατὰ τὰ εἶσω gelesen haben, daher ВЪНЖТРЪЖДОУ) στρογγυλοειδές, ἔχον ἑσχάτως ὁστοῦν ὁμοιοσχημον ἑαυτῷ, ἐν ἕπερ ὡς ἐν ἀγγελίῳ κενῷ πάσης φωνῆς ὁ ψόφος εἰσέρχεται· καὶ ἐπειδὴ τοῦτο τὸ ὁστοῦν πρὸς τὸν ἐγκέφαλον οὐκ ἔχει πόρον, ἀποδίδωσιν εἰς τὸν τοῦ στόματος οὐρανὸν κακεῖθεν τεινομένη φλὲψ εἰς τὸν ἐγκέφαλον πρὸς αὐτὸν διαβιβάζει τὸν ψόφον. Im slav. Text folgt noch пакы же отъ тѣдоу оумъ, wie es scheint überleitend zu dem gleich zu erwähnenden psychologischen Stück. — Vergleicht man die aristotelische, dem Sinne nach hierher gehörige Stelle AH 1. 11 = 492 a 16—21, so sieht man sofort, daß sie dem Text des Exarchen nicht zu Grunde liegen kann: εἶσω δὲ τὴν μὲν φύσιν (τὸ οὖς) ἔχει οἶον οἱ στρόμβοι, τὸ δ' ἑσχάτον ὁστοῦν ὅμοιον τῷ ὠτί, εἰς δ' ὡσπερ ἀγγεῖον ἑσχάτον ἀφικνεῖται ὁ ψόφος. τοῦτο δ' εἰς μὲν τὸν ἐγκέφαλον οὐκ ἔχει πόρον, εἰς δὲ τὸν τοῦ στόματος οὐρανόν· καὶ ἐκ τοῦ ἐγκεφάλου φλὲψ τείνει εἰς αὐτό.

Die Beschreibung des Ohres, deren oben gegebener Teil bis сие a 2 Z. 4 v. u. reicht, wird nun unterbrochen durch eine lange Auseinander-

1) Н. знамени.

setzung über die Stellung der Seele, ihr Verhältnis zur Sinnentätigkeit u. a. (bis сиз b 1 Z. 8 v. u., schließend mit нъ се довольно). Deren Quelle habe ich nicht finden können, und an dem z. T. sehr verwirrten Text ohne die griechische Vorlage herumzuarbeiten, kann zu nichts führen. An der eben bezeichneten Stelle setzt die Beschreibung der Ohren wieder ein: оуши же различаютьсѣ ¹⁾ въ голѣ ²⁾ и гажбоуѣ и срѣдѣннѣ. нже срѣдѣннѣ юсте оуши, то тѣ оуһншн ³⁾ юсте на слышанинѣ. нравѣ же никакогоже нѣстѣ знати отѣ того, развѣ аште да не велицѣ юсте ни малѣ ни пакы въдвиглѣ са зѣло ни пакы ⁴⁾ да нже тацѣ еждете, то тѣ добръ нравѣ назнамѣноујете. а велицѣ и нже зѣло въздвиглшнн са жродослобнѣю и праздѣнословнѣю чрѣстро юстѣ знаменнѣ. Genau entspricht M 1184 B—C: *διαίρουνται δὲ τὰ ὅτα εἰς ψιλὰ καὶ βαθέα* ⁵⁾ καὶ μέσα. ἡθροῦ δὲ οὐδὲν τούτοις χαρακτηρίζεται, εἰ μὴ τι τῶν μικρῶν ἢ μεγάλων, μήτε τῶν σφόδρα ἐπανεστηκότων ἢ τῶν πάντη συμπεπτωκότων· τὰ μέντοι μεγάλα καὶ ἐπανεστηκότα μωρολογίας λέγουσι καὶ ἀδολεσχίας σημαντικά. Es ist dies ein Paraphrase von AH 1. 11 = 492 a 32—b 3: *ὧτων δὲ τὰ μὲν ψιλὰ, τὰ δὲ δασέα, τὰ δὲ μέσα· βέλτιστα δὲ τὰ μέσα πρὸς τὴν ἀκοήν· ἡθροῦ δ' οὐδὲν σημαίνει· καὶ ἡ μεγάλα ἢ μικρὰ ἢ μέσα, ἢ ἐπανεστηκότα σφόδρα ἢ οὐθὲν ἢ μέσον· τὰ δὲ μέσα βελτίστου ἡθροῦς σημεῖον, τὰ δὲ μεγάλα καὶ ἐπανεστηκότα μωρολογίας καὶ ἀδολεσχίας.*

Юште же личнаи часть юстѣ носѣ, ннѣже въздѣхаетѣ и въдѣхаетѣ вѣнжтрѣ. (irgendwie zu Grunde liegt *ἔτι προσώπου μέρος τὸ μὲν ὄν τῷ πνεύματι πόρος εἷς· καὶ γὰρ ἀναπνεῖ καὶ ἐκπνεῖ ταύτῃ*, AH 1. 11 = 492 b 5—6) отѣ сѣкровншта бо срѣдѣчннлаго пакштанн въспоуштаннмо ⁶⁾ вѣ прѣси и вѣ грѣтанѣ прннѣмлетѣ ноздрн въздоуханнѣ, тѣмѣ бо сопете, и вѣнѣ провѣждајете и пакы вѣспатѣ въздоухѣ тждоу възвѣлчнтѣ и вѣ

1) Vielleicht ist das h. различающе verderbt aus различають са, vgl. *διαίρουνται*.

2) Für голѣмѣ der H. nach *ψιλὰ*.

3) H. оуши, s. u. *βέλτιστα*.

4) H. verderbtes *πρῆτῆς* an Stelle des gr. *συμπεπτωκότα* (»eingefallen, eingeschrumpft«, im Gegensatz zu »weit abstehend« oder »hoch aufgerichtet«); etwa *πρῆτῆς* »schr stumpf« zu lesen?

5) Das auffallende *βαθέα*, das keinen Gegensatz zu *ψιλὰ* bildet, beruht auf einer falschen Lesung von AH 1. 11 (= 492 a 1 Z. 32) *ὧτων δὲ τὰ μὲν ψιλὰ, τὰ δὲ δασέα, τὰ δὲ μέσα*. Die Abhängigkeit des Exarchen von Meletios geht aus dem *γλᾶβοῦς* = *βαθία* ohne weiteres hervor.

6) Zu beziehen auf *въздоуханнѣ*.

ВЪНЖТРЪННІЕ КЕСТЪСТВОУ ПРЪΠΟΥΣΤΑΙΕΤΕ ΤΤΚΜΙЖДЕ ЧАСТЪМНІ¹⁾. НЪ Н ОБОИМЪШТЖЖ СЛЖ НМАТЕ НОЗДРН· СИ²⁾ ЖЕ КЕСТЪ ОУСТРЪМЛІЕННІЕ НЪКАКОГО КЕСТЪСТВЕНА ЧЮВЪСТВА РАЗΟΥМЪВЕЛЪА Н ДОБРОВОННІЕ Н СИРАДЪ. Stimmt ziemlich genau zu M 1180 A—B: ἀπὸ γὰρ τῶν ταμείων καὶ τῶν τῆς καρδίας θαλάμων διὰ τοῦ πνεύμονος ἀναπεμπομένην δέχονται τὴν ἀναπνοὴν οἱ μυκτῆρες καὶ πρὸς τὰ ἔξωθεν ἀποκρίνουσι, καὶ τὴν εἰσπνοὴν ἐφελκόμενοι θύραθεν πρὸς τὰ ἔσωθεν παραπέμπουσιν. Ἔστι δὲ ὄσφρησις ὀσμὴ τινος ἐνεργείας φυσικῆς; die letzten Worte *разоум.* fg. haben hier keine Entsprechung, aber kurz vorher steht, die *μυκτῆρες* seien *ἀντιληπτικοὶ ὀσμῶν καὶ τῶν ἐν αὐταῖς διαφορῶν, τουτέστιν ἐωδίας καὶ δυσωδίας.*

НА ДЪВОЕ ЖЕ СМ ПРЪДЪКЛИТЪ НОСЪ· ПО СРЪДЪ НМАТЪ ПРЪГРАДЪ, ХРАСТАВЪКЪ³⁾, КЕМОУЖЕ ОБА ПОЛЪ⁴⁾, РЕКЪШЕ ПО СТРАНАМЪ, ТЪШТЕ, КОЕЖЕДО АКЪ СОПЪ· — es entspricht wieder einigermaßen M 1180 B: διχότομος δὲ περὶκῶς ὁ μυκτῆρ ἀνὰ μέσον ἔχει διάφραγμα χόνδρον· ἐκατέρωθεν ὑπάρχων κενός. Wenn der slav. Text richtig ist, müßte man übersetzen: »sie (die Nase) hat an den Seiten ein Leeres, jedes wie ein Flötenrohr«, und das hängt wieder irgendwie zusammen mit der dem Sinne nach entsprechenden Stelle AH 1. 11 = 492 b 15: μέρος δὲ αὐτοῦ (τοῦ μυκτῆρος) τὸ μὲν διάφραγμα χόνδρος, τὸ δ' ὀξετευμα κενόν — *НМЪЖЕ ДЪХАННІЕ ВЪНЕМАІЕТЪ Н ВЪЗДОУХАІЕТЪ Н КЕСТЪСТВЕНЪНМЪ СЪКРОВИШТЕМЪ РАБОТОУІЕТЪ*, ohne Entsprechung.

ОБА ПОЛЪ ОУЕО ЛИЦА ЧЕЛЮСТН КЕСТЕ ДЪВЪ, ВРЪХНИИ Н ДОЛНИИ· ВРЪХНИИ ЖЕ ЖСЪ СМ НАРИЧЕТЪ, А НИЖНИИ БРАДА. ОБЪШТЕ ЖЕ СЪ ВЪСЪМН ЖИВОТЪ ЧЛОВЪКЪ НМАТЪ КЕЖЕ⁵⁾ НИЖНИКЪЖ ЧЕЛЮСТНИЖ КРАТАТИ КАМО ЛЮБО, ТЪЧНИЖ ЖЕ РЕЧЕНЪН КОРКОДИЛЪ МЪНАТЪ ВЪШЪНІКЪЖ ЧЕЛЮСТНИЖ ДВИЖЖШТЪ. — Vgl. *ἔτι δὲ σιαγόνες δύο· τούτων τὸ πρόσθιον γένειον, τὸ δ' ὀπίσθιον γένυς. κινεῖ δὲ πάντα τὰ ζῷα τὴν κάτωθεν γένυ, πλὴν τοῦ ποταμίου χροκοδείλου· οὗτος δὲ τὴν ἄνω μόνον*, AH 1. 11 = 492 b 22—24, entspricht dem Inhalt nach, der Wortlaut rührt vielleicht anderswoher; die inhaltlich gleiche Stelle M 1182 B—C deckt sich auch nicht mit dem Slavischen.

Н ПО НОСОМЪ ЖЕ КЕСТЕ ДЪВЪ ОУСТЪНЪ, НИЖШТИ ПЛЪТЪ МАКЪКЪ, ДА ТЪМЪ Н ОУДОБЪ НМА КЕСТЪ ДВИЗАТИ — vgl. *μετὰ δὲ τὴν ῥίνα*

1) т. ч. eher zum folgenden zu ziehen? vgl. AH 1. 11 = 492 b 13 ἡ δ' ὄσφρησις γίνεται δια τούτου τοῦ μέρους.

2) Sc. сила, Н. силн же кста оустрѣмленни.

3) Subst. *χόνδρος* Knorpel, vielleicht zu lesen *храставъцъ*, das sonst so gebraucht wird.

4) о. п. adverb. ell.

5) *нже* кратати (то *κινεῖν*) ist Objekt zu *имаѣ*.

χείλη δύο, σὰρξ ἐγκίνητος, АН 1. 11 = 492 b 24 (das *πλῆτῃ μακρὰ* steht an der sonst abweichenden Stelle M 1184 D: *μαλακόσαρχά εἰσι [τὰ χείλη]*). Nun wird auf einmal die Beschreibung von Lippen und Mund unterbrochen durch etwas gar nicht in den Zusammenhang gehöriges: *ИСТИННѢНЪИШЕ ЧЮТНІЕ ВЪСЕГО ЖИВОТА ЧЛОВѢКЪ ИМАТЪ ІЕЖЕ ПОСАЗАТИ И РАЗΟΥМѢТИ ОΥΤЪ ПОСАЗАНИИ, ПАЧЕ ПО ТОМЪ И ВЪКОУСЪ, ПРИ ДРОУГЪИХЪ ЧЮВѢСТРѢХЪ ХΟΥЖДИИ ІЕСТЪ ЧЛОВѢКЪ МЪНОГА ЖИВОТА*, aus АН 1. 15 = 494 b 16—18: *ἔχει δὲ ἀκριβεστάτην ἄνθρωπος τῶν αἰσθήσεων τὴν ἀφίην, δευτέραν δὲ τὴν γεῦσιν, ἐν δὲ ταῖς ἄλλαις λείπεται πολλῶν*. Wunderlich ist, daß *τῶν αἰσθήσεων* durch *всего живота* ersetzt ist und nun der sonderbare Sinn herauskommt: »der Mensch hat eine wahrere« (ungeschickte Übersetzung von *ἀκριβεστάτος*) »Empfindung als jedes Tier was betrifft das Tasten« usw.

Darauf setzt wieder die Beschreibung des Mundes ein in unmittelbarer Fortsetzung der oben zitierten Stelle АН 1. 11 = 492 b 25 fg. Ich setze die griechischen Wendungen hier voran: *τὸ δ' ἐντὸς στόμα σιαγόων καὶ χειλῶν* — *вѢНЖТРЪНЪИША ЖЕ ОУСТЪНОУ И ЧЕЛЮСТНЮ СЖТЪ ОУСТА. τούτου μέρη τὸ μὲν ὑπερῶα, τὸ δὲ φάρυγξ*; an dessen Stelle: *припрѣвѣныа же части нмѣ сжтѣ на вѣшнѣню страну. нпероа словетѣ юлинѣскы, еже сѣ речетѣ горьница* »weine (des Mundes) vorderen Teile sind an den beiden oberen Seiten; *ὑπερῶα* heißt es auf griechisch, was Obergemach bedeutet«. Wenn das на вѣшнѣню страну richtig überliefert ist, kann es nur Lok. dual. sein; gelesen werden kann es freilich auch на вѣшнѣнѣхъ странѣхъ, aber das на mit Akk. gibt hier kaum einen Sinn. Der Übersetzer hat wohl mit в. стр. das griech. *ὑπερῶα* (hier = Gaumen) wiedergeben wollen, fügt dem noch das griech. Wort hinzu und übersetzt es wieder, als wenn *ὑπερῶον* (= Obergemach) dastünde, mit *горьница*. *τὸ δ' αἰσθητικὸν χυμοῦ γλῶττα· ἢ δ' αἰθήσις ἐν τῇ ἄκρῳ* — по срѣдѣ же оустѣ ѡзвѣкъ, чютнѣ нмѣ и расжжданиѣ коньцѣмъ, паче же хнмосомъ, еже сжтѣ соци вѣсего овошта. Die Sonderbarkeit des *хнмосомъ* wird darauf beruhen, daß der Exarch *χυμῶ* gelesen hat. Die Stelle könnte eher anderswo herrühren als unmittelbar aus Aristoteles, ich weiß aber nicht woher. — *αἰθάνεται δὲ καὶ ὄν ἢ ἄλλη σὰρξ πάντων, οἷον σκληροῦ θερμοῦ καὶ ψυχροῦ*; nur ungefähr entspricht сѣ проста же и вѣсѣхъ качѣствѣ, топлотѣ мѣнѣ и стюдѣни и макости и жестости и еже вѣскран того. *αὐτὴ δὲ* (die Zunge) *ἢ πλατεῖα ἢ στενὴ ἢ μέση· ἢ μέση δὲ βελτίστη* — ти аште нѣстѣ шири и жни, то оуто срѣдѣнѣи ѡстѣ величѣствомъ, то того цѣшта доврѣн.

Der slav. Text geht fort: **ѡзъѡчънаѡ плѣтъ рѣдѣка ѡстѣ и кѡпра акѡ гжаѡ да тогѡ цѣшта и скоро разоѡмѣѡтъ вѣкоѡшала кѡсѣцѣхѣ сокѣ оѡштѣнѡнхѣ нного сѣмене** = *τῆς δὲ γλώττης ἢ σὰρξ μανὴ πέφυκε καὶ στομφώδης, καὶ διὰ τοῦτο θᾶττον ἀντιλαμβάνεται τῆς γεύσεως τῶν χυμῶν*, M 1189 C, nur hat der Exarch die richtigere Lesart *σομφώδης* (schwammig, vgl. AH 1. 11 = 492 b 34 *ἔστι δ' ἡ γλῶττα σὰρξ μανὴ καὶ σομφή*) statt *στομφώδης* (hart) gehabt und richtig mit **кѡпра акѡ гжаѡ** übersetzt.

нѣ и зѡкомаѡ приѡзъѡчънница, ѡже ѡстѣ лалока, тогѡ (sc. ѡзъѡка) чѡстѣ ѡстѣ. нмѡтъ же и та приѡчетана зѡѡмаѡго нсоѡфага ¹⁾, ἡ δὲ ἐπιγλωττὶς ταύτης μέρος ἐστὶ τὸ ὑπερθεῖν (AH 1. 11 = 492 Z. 34 *nur ταύτης τι μέρος ἐπιγλωττὶς*)· ἔχει δὲ αὕτη προσπεφυκότα τὸν καλούμενον οἰσοφάγον, M 1192 A. — **ѡгоже сѣ прѣжда арѣтρηн лежашти** ²⁾, **ѡкоже начѡло нмѡшти** ²⁾ **отѣ лалокаѡ, и паче вѣскланѡнѡшти сѡ кѣ скѡжнѡма ноздрѣнѡнѡма, ѡгда пнѡмѣ, мѣногажди напрасно вѣсхѡштѡкѡмѣ водѡноѡ нма и тоѡ скоро нзѡнѡѡкѡмѣ**; beruht irgendwie auf AH 1. 16 = 495 a 20—27 = *πρότερον δὲ τῇ θέσει ἡ ἀρτηρία κεῖται τοῦ οἰσοφάγου . . . κεῖται δ' ἐπὶ μὲν τὰ ἄνω πρὸς τὸ στόμα κατὰ τὴν ἕκ τῶν μυκτήρων σύντηρσιν εἰς τὸ στόμα, ἥ καὶ ὅταν πίνοντες ἀνασπάσωσι τι τοῦ ποτοῦ, χωρεῖ ἐκ τοῦ στόματος διὰ τῶν μυκτήρων ἕξω*. Man sieht aber, daß der slav. Text, wenn er wirklich unmittelbar darauf zurückgehen sollte, stark und bis zur Unverständlichkeit zusammengezogen ist.

оѡста же соѡгоѡѡ сѡшта гѡрѣ и дологѣ сѣ прѣжда и сѣ странѡѡ нсплѣнѣ зжеѣ сѡтъ. рѣдозѡѡѡма же мѣнѡмѣ фнѡкн маѡ жнѡштѡ; der letzte Satz geht zurück auf *οἱ . . ἀραιόδοτες ὡς ἐπὶ τὸ πολὺ βραχυβιώτεροι*, AH 2. 3 = 501 b 23.

Für das unmittelbar folgende stelle ich die griechische Entsprechung voran: *ἔσω δ' ἄλλο μόριον σταφυλοφόρον, κίων ἐπίφλεβος· ὅς ἐάν ἐξυγρανθεῖς φλεγμῆνῃ, σταφυλὴ καλεῖται καὶ πνίγει*, AH 1. 11 = 493 a 2, d. h. »einwärts (im Munde) noch ein anderer Traube tragender Teil (Aubert-Wimmer übersetzen: Teil von traubenförmiger Gestalt), das mit Adern versehene (aderreiche) Zäpfchen; wenn dies stark feucht geworden sich entzündet, wird es ‚Traube‘ genannt und würgt« (macht Erstickungsanfalle) — **а вѣнѡтрѣнѡѡ нмѡтъ чѡстѣ лежаштѡ на крѣ-вѡнѡнѡ** (hier ist *σταφυλοφόρον* nicht wiedergegeben, das *κίων ἐπίφλεβος* in sonderbarer Weise mißverstanden, als wenn dastünde *κείμενον ἐπὶ*

1) Der Genitiv als Objekt ist auffallend, als wäre *οἰσοφάγος* ein lebendiges Wesen.

2) Н. лежѡщѡ, нмоущѡ.

φλεβὸς лежаштъ на кръвавици; hat der Exarch *κίων* als eine Abbreviatur von *κείμενον* gelesen?) на въшльнннмь оуѣкснн, im Griechischen entspricht nichts und die Bedeutung von ουѣксннє ist unbekannt (aus einer bei Mikl.LP zitierten Stelle könnte man vermuten, es bedeute »die äußerste Spitze« oder »die äußerste Oberfläche«) — ѡже мокроты нанмъши сѧ не вѣнезапъ (не zu streichen?) дроуѣонци обаштрѣетъ сѧ ти акъ заданнн хощетъ чловѣка заграждаа (richtiger -дажшнн) бродъ дъханию· зовѣтъ же то лнстъ (dies scheint volkstümliche Bezeichnung für das Zäpfchen, uvula, zu sein; Sreznevskij Slov. dr.-r. jaz. zitiert s. v. лнстъ eine Stelle aus einer Palaea, die z. T. die obigen Worte des Exarchen enthält).

родомъ же оубо артериѧ жестока естъ, обьдръжннѧ кръвавицимаи мѣногаи, и того цѣшнѧ олнѣмъ, югоже междю и нсофага прнмъзъчъннѧ лежнтъ· — soll wiedergeben oder beruht auf: *ἔστι δ' ἡ μὲν ἀρτηρία χονδρώδης τὴν φύσιν καὶ ὀλίγαιμος, πολλοῖς λεπτοῖς φλεβοῖς περιεχομένη . . . μεταξὺ δ' ἔχει τῶν τροφῶων (der Luft- und der Speiseröhre) τὴν ἐπιγλωττίδα καλουμένην, AH 1. 16 = 495 a 23—28. Да югда соухъ ѡдъ раждъваеъше тннѣко зѣло прѣпоустннмъ ѡ въ жтробѣ, занваеътъ и ставашеътъ артернѣ своѧ юн дѣнствовати = »wenn wir eine trockne Speise sehr fein zerkaut habend sie in den Bauch befördern, so übergießt sie (прнмъзъчъннѧ, ἐπιγλωττίς) und hindert die Luftröhre, das ihrige zu tun«; gibt ziemlich getreu wieder: *καὶ όταν διαμασησάμενοι καὶ καταλεήσαντες παραπέμπωμεν τὴν τροφήν εἰς τὰ ἔσω, ἐπιπωματίζει ἡ ἐπιγλωττίς τὴν ἀρτηρίαν καὶ κωλύει αὐτὴν ἐνεργεῖν, M 1192 B. Daß das kaum verständliche занваеътъ für ἐπιπωματίζει steht, kann darauf beruhen, daß der Exarch ein ἐπιποτίζει gelesen hat; natürlich läßt es sich leicht in закръваеътъ verbessern.**

о ннѣмъже прнлоуѣаеътъ сѧ, вѣздоуханнн не прнѣмъшнн ар'тернн¹⁾ вѣнжтрънннмь доухомъ, ставннн сѧ и плюштѧмъ леннє, небонъ дѣмомъ артернн вѣваеътъ проходъ сквозѣ плюштѧ въ скважннѧ²⁾ частн плюштѣннѧ· ннжтъ бо пролжкы³⁾ и проходъ плюштѧ и сѣвнражшѧ, ннн же вѣходнтъ вѣздоухъ въ доупннѧ и въ скважннѧ тѧ, и плюштѧ пакы прѣпоуштажтъ къ срѣдъцю. Wiedergabe von M 1192 B, freilich eine sehr unvollkommene und vielleicht auch in unserm Text entstellte: *ἐφ' οἷς συμβαίνει, μὴ κινουμένης τῆς ἀρτηρίας ὑπὸ τοῦ*

1) Н. въздоухннѣ (bei Gorski-Nev. въздоуханннє) прнѣмъшнн.

2) Н. сквозънатѣѧ.

3) Н. пролукы; vgl. bulg. *proluka* Lücke.

ἐντὸς πνεύματος, ἴστασθαι καὶ τὸν πνεύμονα παρευθής· διὸ φουσωμένης τῆς ἀρτηρίας διάδοσις γίνεται πνεύματος εἰς τὰ κοῖλα μέρη τοῦ πνεύμονος· ἔχει γὰρ διαφύσεις χονδρώδεις ὁ πνεύμων εἰς δξὺ διηκούσας καὶ συνηγμένας· δι' ὧν εἴσεισι τὸ πνεῦμα εἰς τὰς ὀπὰς αὐτοῦ, κάκειθεν αὔθεις εἰς τὴν καρδίαν ἐνίησιν. Die Stelle ἔχει — *συνηγμένας* entspricht den slav. Worten *нижтѣ во пролжкѣ* — *съвнраѣштѣ*, eine Wiedergabe des *χονδρώδεις* und des *εἰς δξὺ* fehlt, in dem *προχодѣ* steckt offenbar *διηκούσας*, in *съвнраѣштѣ* (Н. *съвнраѣшѣ*) *συνηγμένας*, das aktiv verstanden wäre; man kann dem abhelfen, wenn man *съвнраѣштѣ* *са* verbessert.

*יעטѣ же между лицемъ и торакомъ между нѣкака, ѡже вѣнѣ зовѣтѣ, ѡже прѣждѣ грѣтанъ са зовѣтѣ а заждѣ оуста сѣриштѣнаи· сего же χρѣстакъчѣноиѣ (сѣ. ѡстѣ) и прѣдѣниѣ, ниѣже вѣзглашаѣмъ и дѣшѣмъ, а маѣноиѣ вѣсѣ вѣнѣтрьѣдоу прѣдѣ хрѣбѣтомъ· а вѣн (рѣс. Dat.) задѣниѣ частѣ ѡстѣ оплѣштѣнѣ; aus AH 1. 12 = 493 a 5—9: *αὐχὴν δὲ τὸ μεταξὺ προσώπου καὶ θώρακος. καὶ τούτου τὸ μὲν πρόσθιον μέρος λάρυγξ, τὸ δ' ὀπίσθιον στόμαχος. τούτου δὲ τὸ μὲν χονδρώδες καὶ πρόσθιον, δι' οὗ ἡ φωνὴ καὶ ἡ ἀναπνοή, ἀρτηρία· τὸ δὲ σαρκῶδες στόμαχος, ἐντὸς πρὸς τῆς ῥάχεως. τὸ δ' ὀπίσθιον αὐχένος μόριον ἐπωμίς.**

отъ главѣ же до торака части и оудовѣ така имена ниѣтѣ и сѣлогѣ· а торакѣ по вѣн по прѣдѣниѣ иматѣ странѣ прѣвоѣ грѣди, тачѣ по томъ жѣтребѣ, жѣтребѣ же корѣнѣ ѡстѣ пѣпѣ· отъ тѣхѣ же ѡстѣ зовомѣ итронѣ· срѣдѣце же вѣчѣниѣно ѡстѣ и лежитѣ на послѣдѣниѣниѣ мѣстѣ торакоу вѣшириѣнахѣ, обѣдрѣжѣно и храниѣно окрѣгѣ плѣштѣми, ѡкоже обѣѣмѣшамѣ ѡ и ѡкоже акѣ прѣстѣи своимѣи оушѣици обѣдрѣжѣштѣмъ. Die Stelle erinnert in einigen Einzelheiten an AH 1. 13, z. B. vgl. жѣтребѣ же корѣнѣ ѡстѣ пѣпѣ *ταύτης (τῆς γαστροῦ) ῥίζα διφραλός* (493 a 18), weicht aber sonst ab. Andres erinnert wieder an M 1212 B, doch auch nur entfernt.

Darauf folgt eine erbauliche Betrachtung (сѣ b 2 Z. 2—сѣ a 1 Z. 17), z. T. verderbt und unverständlich; ich lasse sie daher weg. Dann geht die Beschreibung des Herzens weiter: *лежитѣ же оубо срѣдѣце и вѣчѣниѣно ѡстѣ творѣцѣмъ акѣ кѣнаѣзѣ и владѣтѣка ѡстѣствоу вѣ сѣкровѣнѣшѣниѣхѣ мѣстѣхѣ, ѡкоже и вѣше глаголахѣомъ* (Wiederaufnahme eines Teils der eben genannten erbaulichen Stelle). *иматѣ же родомъ жестоѣкѣ плѣтѣ тѣниѣи мѣногѣобразѣнѣниѣниѣ сѣлеѣа са· ти сего цѣшта тѣпанѣиѣ ѡго ѡкѣ назнаѣноуѣѣтѣ (са). ѡкоже прѣкланиѣѣтѣ са пачѣ на лѣѣѣѣѣ странѣ.*

дѣвою виноу цѣшта, имѣже на тѣхъ мѣстѣхъ вѣчинниено странж животу глаголюемоу въздоушьноу чрѣво и вѣтрноу, и мкоже паче трѣбоуютъ юго лѣваа страна, имѣже немоштѣнѣши мѣстѣхъ, мкоже и дроузни сѣказаютъ о деснѣи странѣ и отъ ѡатрѣхъ приѣмляшти нехоудажъ помоштѣ¹⁾. Für die ganze Stelle kann ich keine entsprechende griechische Quelle nachweisen. Dann folgt von ск а 2 Z. 10 v. u. — ск б 1 Z. 12 v. u. мѣстѣхъ же оубо прѣклонѣно — послѣднѣни коньць юго eine Stelle, die Anklänge an AH 1. 17 = 496 a 14—19 hat, aber so verwirrt ist, daß ich nichts damit anfangen kann. Das noch verbleibende Stück bis zum Ende des ganzen Abschnittes (ска а 2 Z. 8) stammt aus AH 1. 17 (496 a 19 — b 35) mit vielen Anlassungen, die den Zusammenhang zerreißen und den Sinn verdunkeln: иматъ же (Subjekt срѣдѣце) три чрѣвеса, о деснѣихъ вѣштѣшею, мнѣшею же о лѣвѣихъ странж, междю же тѣма срѣдѣнию = *ἔχει δὲ κοιλίας τρεῖς, μέγιστην μὲν τὴν ἐν τοῖς δεξιоῖς, ἐλάχιστην δὲ τὴν ἐν τοῖς ἀριστεροῖς, μέσην δὲ μεγέθει τὴν ἀνὰ μέσον* = 496 a 19—22. Weggelassen sind darauf Z. 22—25; folgt: юже по великому чрѣвоу обѣшена мѣстѣхъ крѣваваа жила великаа, сѣниѣ же мѣстѣхъ зовомю срѣдѣнию чрѣво (μεσεντέριον)· градятъ бо и къ плюштамъ броди нѣкаци отъ срѣдѣца, и расходатъ сѣ такожде ѡко и ар'тириа по вѣсѣмъ плюштамъ отъ ар'тириа вѣслѣдствоужште, vgl. *κατὰ μὲν τὴν μέγιστην κοιλίαν ἐξήρτηται τῆι μέγιστηι φλεβί, πρὸς ἣν καὶ τὸ μεσεντέριον ἔστι· κατὰ δὲ τὴν μέσην τῆι ἀορτῆι (κατὰ — ἀορτῆ fehlt im Slav.). φέρουσι δὲ καὶ εἰς τὸν πλεύμονα πόροι ἀπὸ τῆς καρδίας, καὶ σχίζονται τὸν αὐτὸν τρόπον ὑπερ ἢ ἀρτηρία, κατὰ πάντα τὸν πλεύμονα παρακολουθοῦντες τοῖς ἀπὸ τῆς ἀρτηρίας, 496 a 25—30; das τοῖς ἀπὸ τῆς ἀρτηρίας ist durch das bloße отъ ар'тириа gegeben, was man so nicht verstehen kann. Im Griechischen folgt: *ἐπάνω δ' εἰσὶν οἱ ἀπὸ τῆς καρδίας πόροι· οὐδεὶς δ' ἔστι κοινὸς πόρος, ἀλλὰ διὰ τὴν σύναψιν δέχονται τὸ πνεῦμα καὶ τῆι καρδίᾳ διαπέμπουσιν* (496 a 30—32); statt dessen wird nur der Passus von *δέχονται* an dem Vorhergehenden relativisch angeknüpft: *нже приѣмляштъ въздоухъ, рекъше вѣтръ, и къ срѣдѣцю прѣпровождатъ*. Die Zeilen 496 a 33—35 sind ausgelassen, der slav. Text geht fort mit: *крѣвѣ же мѣнатъ ништѣа плюштѣа паче инѣхъ частии* (vgl. *αἷμα δὲ πλείστον μὲν ὁ πλεύμων**

1) о—помощь; richtig wird sein nach сѣказатъ zu interpungieren, und мкоже —сѣк. zum vorhergehenden zu ziehen, dann zu lesen деснѣи странѣ отъ ѡатрѣхъ приѣмляшти нехоудѣа помоштѣ als dat. abs. = während die rechte Seite von der Leber (die nämlich rechts liegt) eine nicht geringe Hilfe erhält.

ἔχει τῶν ἐν τοῖς ζῴοις μορίων 496 a 35 — b 1, darauf fehlen 496 b 1—7),
 не вѣ себѣ лежатъ нѣ вѣ крѣвакицахъ· нматъ же и срѣдѣ
 крѣкѣ, нѣ вѣ себѣ тѣчнѣ, vgl. (τῶν δ' ἄλλων σπλάγγων) ἡ καρ-
 δία μόνον ἔχει αἷμα. καὶ ὁ μὲν πλεύμων οὐκ ἐν αὐτῷ ἀλλ' ἐν ταῖς
 φλεβίν, ἡ δὲ καρδία ἐν αὐτῇ, 496 b 7—9. Für das dann folgende: ἐν
 ἐκάστη γὰρ ἔχει αἷμα τῶν κοιλιῶν, λεπτότατον δ' ἐστὶ τὸ ἐν τῇ μέσῃ,
 steht ѡко же нна оутрѡба нматъ, тѣнѣка же кестъ и ч'та соу-
 щина вѣ велицѣмъ чрѣвѣси, unverständlich, wahrscheinlich verderbt.
 Daran schließt sich: зовомою же прѣпоисаннѣ, рекъше прѣграда
 торачьската, подъ плюштами кестъ, кже и наричжтъ¹⁾ френѣсъ,
 рекъше мѣсли; vgl. ὑπὸ δὲ τὸν πνεύμονά ἐστι τὸ διάζωμα τὸ τοῦ
 θώρακος, αἱ καλούμεναι φρένες, 496 b 10—11. Darauf Unterbrechung
 des griech. Textes bis Z. 15, der slavische geht fort: вѣшѣ²⁾ же прѣ-
 поисаннѣ о деснѣж странѣ лежатъ ѡтра акъ кржговатомъ
 образомъ сжшта, а о лѣвѣж слѣзѣна длѣга и жѣка сжшти;
 vgl. ὑπὸ δὲ τὸ διάζωμα ἐν μὲν τοῖς δεξιῶις κείται τὸ ἦπαρ, ἐν δὲ τοῖς
 ἀριστεροῖς δ σπλήν, 496 b 15—17, die Epitheta aus Z. 23 στρογγύλον
 δ' ἐστὶ τὸ τοῦ ἀνθρώπου ἦπαρ und Z. 21 ὁ τοῦ ἀνθρώπου σπλήν
 στενός καὶ μακρός. Überschlagen ist 496 b 17—29; der slav. Text geht
 fort: къ велицѣн же и къ³⁾ крѣвавѣн жилѣ прилежатъ ѡтра,
 прикѣшѣна же кестъ къ ниѣн [и] слѣзѣна, vgl. προσπέφυκε δὲ τῇ
 μεγάλῃ φλεβὶ τὸ ἦπαρ Z. 29, συνήρτηται δὲ καὶ ὁ σπλήν τῇ μεγάλῃ
 φλεβὶ Z. 32. Das anschließende нмжтъ же ѡтра и слѣзѣна своѣж
 кѣждо крѣвакицж прострѣтъ отъ великѣмъ крѣвакѣмъ жилѣмъ
 и крѣкѣ прѣпрокаждажштъ hat keine Entsprechung. Folgt лежѣте
 же по [снхъ] нстесѣ оу самого хрибѣта (vgl. μετὰ δὲ ταῦτα οἱ
 νεφροὶ πρὸς αὐτῇ τῇ ῥάχει κείνται, 496 b 34), бродѣмъ нмжшти отъ
 великѣмъ и⁴⁾ крѣвакѣмъ жилѣмъ (vgl. φέρουσι δὲ εἰς αὐτοὺς πόροι
 ἐκ τῆς μεγάλης φλεβός, 497 a 4) вѣчиннажштѣ⁵⁾ до самою нстесѣ,
 ннжѣ бродѣмъ приѣмляѣте крѣки поданнѣ.

1) Н. кже са и н. фр., was sich rechtfertigen läßt.

2) Wohl Verderbnis für ннже (= ὑπό).

3) и къ wahrscheinlich zu streichen, vgl. gleich darauf великѣмъ крѣвакѣмъ жилѣмъ.

4) и wohl zu streichen (s. o.).

5) Auf akk. бродѣмъ bezogen, Н. бродѣ und вѣчиннѣющи.

Georges d'Esclavonie, Chanoine pénitencier de la cathédrale de Tours au XIV—XV^m siècles.

Il y a une trentaine d'années M. Dorange bibliothécaire de la ville de Tours auquel on doit un Catalogue des manuscrits de cette bibliothèque ¹⁾ appela mon attention sur les gloses slaves de certains de ces manuscrits. Ces manuscrits avaient pour auteur un personnage appelé Georges d'Esclavonie, auquel le *Grand Dictionnaire historique* de Moreri ²⁾ consacre une notice ainsi conçue: »Georges d'Esclavonie maître es arts, docteur en théologie, chanoine et pénitencier de l'Eglise de Tours vivait dans le quinzième siècle et au commencement du seizième (ces dates sont erronées ainsi que je le montrerai tout à l'heure). La Croix du Maine dans la Bibliothèque française dit qu'il a écrit en français un livre intitulé: *La Vierge sacrée* imprimé à Paris chez Simon Vostre. Cela n'est pas exact. Le titre de ce livre est: *Le Château de la Virginité*. Il est en prose divisé en huit chapitres, suivis d'une exhortation. Le tout est adressé à Isabelle de Villeblanche, d'une noble famille, qui venait de faire profession dans l'abbaye de Beaumont près de Tours entre les mains de l'archevêque de Tours. Je n'ai vu qu'une édition de ce livre, in 4^o gothique à Paris par Jean Tiepperel: le 10 Juin 1506.«

L'ouvrage auquel Moreri fait allusion est bien connu des bibliophiles. Il est signalé par Brunet, *Manuel du libraire* (à l'article *Esclavonie*). La Bibliothèque nationale en possède deux exemplaires, dont l'un est incomplet. Ce qui nous intéresse ici, ce n'est pas ce volume, ce sont les manuscrits accompagnés de gloses slaves conservés à la bibliothèque de Tours et que nous allons examiner d'après la description qu'en a donnée

1) Un vol. in 4^o. Tours 1875.

2) Ce Dictionnaire a eu plusieurs éditions. J'ai sous les yeux l'édition de Paris 1759.

le bibliothécaire actuel, M. Collon dans le récent *Catalogue des manuscrits de la Bibliothèque de Tours*¹⁾. Ce catalogue n'est pas à la portée de la plupart des érudits slaves et les compatriotes de Georges d'Esclavonie seront bien aises sans doute d'être édifiés sur la féconde activité de ce prêtre français qui resta toujours fidèle au souvenir de son pays d'origine.

MS. No. 39 Compendium literalis sensus totius divine scripture signé en latin :

Scriptum Turonis anno D. 1404 per manum Georgii de Sclavonia Canonici et penitentiarii ecclesie Turonensis.

La date de ce ms. nous permet de rectifier tout d'abord une erreur de Moreri. Le chanoine qui l'a écrit en 1404 n'a pu vivre au seizième siècle. Le manuscrit dont nous allons parler maintenant semble indiquer que Georges d'Esclavonie était établi à Tours dans les dernières années du XIV^{me} siècle. MS. No. 79. Lectura magistri Georgii de Sclavonia super Danielelem, 1391, 18 die julii. Cependant il est possible qu'il ait été copié à Paris et apporté plus tard à Tours par le scribe.

Le MS. 95 est un recueil de différents textes religieux. Un certain nombre de feuillets portent des notes qui ont pour le lecteur slave un intérêt tout particulier et qui mériteraient peut-être d'être publiés à part en facsimile. Elles attestent l'érudition polyglotte de l'auteur, elles attestent aussi que malgré son long séjour dans cette France où il avait été naturalisé, et où il est mort, il n'avait point oublié la langue dans laquelle il avait fait ses premières prières. Elles nous montrent que dans cette langue il connaissait les deux alphabets sacrés, le cyrillique et le glagolitique. Ce détail mérite d'être relevé.

Le Folio 75 de ce ms. nous présente un alphabet hébreu, un alphabet cyrillique, un alphabet glagolitique précédé de cette mention: Istud alphabetum est chravaticum. Au dessous de chaque lettre le scribe a marqué en caractères latins, le nom du caractère glagolitique *az*, *bouki* etc. Vient ensuite l'oraison dominicale en langue slave en caractères latins :

Otse nas ise etc.

On peut supposer qu'en écrivant le pater en caractères latins le chanoine slave a voulu satisfaire la curiosité de quelque confrère français désireux d'avoir une idée de cette langue slave alors si peu connue en occident. Ce qui me paraît confirmer cette hypothèse ce sont les textes que nous allons trouver aux feuillets suivants.

Fol. 76. Salutation angélique et symbole des apôtes en caractères

1) 2 vol. in 8°. Paris, librairie Plon 1900.

glagolitiques avec une transcription en caractères latins. Les caractères glagolitiques sont tracés avec beaucoup de soin et d'une main qui s'est évidemment appliquée. M. Dorange avait bien voulu autrefois prendre pour moi des facsimile de ces deux feuillets. J'en ai conservé et un exposé l'autre au Congrès archéologique de Kiev en 1874. Il doit, s'il n'a pas été perdu, figurer aujourd'hui dans les collections de l'Université de Kiev. Il serait, je crois, intéressant de publier ce facsimile.

Fol. 77. Le passage qui suit semble avoir été écrit, soit comme aide mémoire, soit, ainsi que je le supposais tout à l'heure, pour expliquer à quelque étranger les pays où se pratiquait alors la liturgie slave dite glagolitique. Je transcris en essayant d'interpréter.

Istria eadem patria Chravat. (Il veut dire je crois que l'Istrie c'est au point de vue de la langue un pays slave comme la Croatie.) Primus episcopus Chravacie qui scit utrumque ydioma, tam latinum quam cravaticum et celebrat missam in altero istorum ydiomatum quocumque sibi placet (il s'agit d'un diocèse où la liturgie se célèbre à volonté en latin ou en slavon, glagolitique, mais je ne sais quel est cet évêché). On lit ensuite en caractères latins Pavel dyak z Krbava. Nous reviendrons tout à l'heure sur ce Paul. Dlgouschanin plemeniti routsanin Krisanits¹⁾ drasecin sin Krbavski. La Krbava en latin Corbavia est une région de la Croatie sur les frontières de la Dalmatie. Elle a eu de 1185 à 1460 un évêché dont le siège était à Udbina. Je ne suis pas assez documenté sur les généalogies et la toponomastique croates pour identifier les personnages dont il est question ici et sur lesquels leurs compatriotes n'ont peut-être eux-mêmes aucun documents.

De ista diocesi est Coplice — Episcopus de Kerbavia — Episcopus Kninski — Episcopus Krxski²⁾ — Episcopus Split. Quasi archiepiscopus. Episcopus Troguier. — Episcopus Schibenik. — Archiepiscopus Zadrski (noter ici le mélange du latin et du croate). — Episcopus Nenski. Episcopus Kabsk. Episcopus Osorski. Episcopus Senski.

Nous avons ici, si je ne me trompe, l'énumération complète de tous les évêchés où se pratiquait seule ou conjointement avec la liturgie latine la liturgie glagolitique.

Au bas de ce feuillet se retrouve un alphabet slave glagolitique un peu plus cursif que celui du feuillet 75.

1) M. Collon lit Trisanits. Il faut évidemment lire krisanits = Križanić, de même que plus loin Kninski du lieu de Tninski.

2) Je redresse ici les lectures antérieures.

Le folio 78^{mo} verso porte des mots slaves qui donnent le nom des jours de la semaine et des mois en caractères latins: Nedila, prvedan (et non pas *day* comme ont lu les éditeurs antérieurs), etc.

Ici encore on peut supposer à bon droit que le scribe a voulu se remémorer des mots usuels de sa langue maternelle ou plutôt, comme je le disais tout à l'heure, donner à quelque collègue français une idée de cette langue.

Le manuscrit qui renferme ces textes slaves, fait remarquer M. Collon, est écrit sur un papier exactement semblable, de la même main que deux autres Mss. de la bibliothèque de Tours (No. 79 et 552) que nous savons être de la main de Georges d'Esclavonie.

Plusieurs autres Mss. de la bibliothèque de Tours qui ne renferment pas de gloses slaves nous donnent quelques indications sur la vie et les œuvres du chanoine pénitencier.

P. 277 il est question d'un ms. donné en gage, *datus pignori magistro Georgeo de Rayn canonico turonensi pro duobus scudis auri.*

P. 286. *Ex libris. Ista est summa Georgii de Rayn Aquilegiensis diocesis.* Ces deux mentions nous apprennent le lieu de naissance du chanoine Georges. Sa ville natale appartenait au diocèse d'Aquilée. Nous reviendrons tout à l'heure sur la ville de Rayn. Dans le ms. 444 (Guillaume Peraud, *Summa de viciis et virtutibus*) au verso du folio N. 18 à la date: *Die prima mensis julii anno M^o CCCC^{mo} XVI^{mo}* il est question de la vente dudit manuscrit qui avait été faite per magistrum Georgium de Rain magistro Petro de Castanea. J'ignore qui est ce personnage.

Un manuscrit renfermant des extraits de la seconde Somme de Saint Thomas d'Aquin porte cette note: *Extracta finita in vigilia Sancti Mathei apostoli et evangeliste anno domini 1413, scripta per manum magistri Georgii de Sclavonia canonici et penitentiarii.*

Au milieu du fol. 16^{vo} du ms. 337 (recueil fact . . .) on lit la signature G de Rayn et au bas du fol. 17 la date de 1387. Ce ms. date probablement de l'époque où le scribe étudiait à Paris.

Georges d'Esclavonie ne fut pas à Tours le seul représentant des Slaves méridionaux. Il y attira un de ses parents, son neveu Ulric.

Le ms. 469, recueil de textes à l'usage des prédicateurs porte cette mention: *Istum librum scripsit Parisius Ulricus nepos magistri Georgii (de Rayn) anno domini 1398.*

A côté de cet Ulric figure encore un autre Slave. C'est celui dont nous avons relevé le nom tout à l'heure, Paul de Krbava.

Sur un ms. qui porte la cote 95 du catalogue Dorange j'ai relevé autrefois pendant un séjour à Tours une glose Cyrillique ainsi conçue: То писа Павлаъ дѣккъ ис Кръвава како се Ѣчилъ. (Illud scripsit Paulus Diaconus e Krbava sicut didicit.) Je n'ai rien découvert sur la personnalité de ce Paul de Krbava; ce qui est intéressant, c'est de le voir donner ici un specimen d'écriture en alphabet cyrillique, probablement pour satisfaire la curiosité de quelque Tourangeau. Ce qui semble probable c'est que ce Paul vint visiter le chanoine Georges à Tours ou à Paris peut-être en compagnie de deux autres personnages dont était question plus haut¹).

Tels sont les documents que nous fournissent les manuscrits actuels de la Bibliothèque de Tours. Mais tous les mss. tourangeaux ne sont pas restés dans leur pays d'origine. Il en est qui ont émigré à l'étranger. Un savant archéologue, bien connu par des travaux sur l'histoire de la Touraine, l'abbé Bourrassé, a découvert à Londres au British Museum (ms. No. 11, 443) l'Obituaire de l'Eglise Métropolitaine de Tours.

Voici le passage qui concerne Georges d'Esclavonie:

V Maii (1416) obiit recolendæ memoriæ magister Georgius Henrici de Rahyn presbyter de Slavonia Aquileiensis diocesis, magister in artibus et in theologia, canonicus et pœnitentiarius hujus ecclesiæ, qui multos libros manu propria ad usum dictæ ecclesiæ scripsit et notavit in cantu; et in ultima sua voluntate reliquit residuum bonorum suorum mobiliū ecclesiæ prefatæ, executione sua completa, pro faciundo anniversarium suum solenne anno quolibet in crastino sancti Hieronymi: Cujus anima requiescat in gaudium.

A la date du 1^o Octobre figure une mention qui confirme le texte précédent.

Anniversarium bonæ memoriæ venerabilis viri Georgii Henrici de Rayn, presbyteri de Slavonia Aquileiensis diocesis, magistri in artibus et in theologia, canonici et pœnitentiarri hujus ecclesiæ, qui residuum suorum nobiliū reliquit . . . et cujus anima requiescat in pace.

Je relève dans les deux textes précédents un détail particulièrement intéressant. Bien que devenu très français de cœur et très dévoué à son église métropolitaine à laquelle il lègue ses biens mobiliers, George d'Esclavonie qui se plait toujours à associer à son nom celui

1) Au IV^me volume du Chartularium je vois encore mentionné un Croate, Paulus Nicolaus Zagrabienis (anno 1421).

de sa province et de sa cité natale tient à évoquer à l'instant de sa mort les traditions ecclésiastiques qui ont bercé sa jeunesse. Il prescrit que son service anniversaire aura lieu le lendemain de la fête de Saint Jérôme. Or Saint Jérôme né à Stridon était considéré par les Slaves de Dalmatie comme leur compatriote et leur patron et une tradition très répandue chez les Slaves méridionaux lui attribuait l'invention de l'alphabet glagolitique. Il était pour le pieux chanoine, un saint national, un compatriote et il tenait à placer sous ses auspices les prières qu'il demandait pour son âme au clergé de la métropole de Tours.

C'est dans le diocèse d'Aquilée que se trouvait le pays natal du chanoine Georges, ce pays qu'il désigne sous le nom de Rayna. Il s'agit très probablement de bourg de Rain situé sur la Save, chef lieu de cercle de la Styrie (1164 habitants, d'après la dernière édition du Brockhaus. C'est, dit le Brockhaus, la ville allemande la plus méridionale de la Styrie, mais le cercle de Rain est surtout habité par des Slovènes). Au quatorzième siècle on ne percevait guère de différence entre les Slovènes et leurs voisins les Croates. Il y a lieu de croire que notre chanoine vécut quelques années dans un diocèse croate où la liturgie glagolitique était en vogue. Où fit-il ses études? Passa-t-il en France par l'Italie? Etudia-t-il d'abord à l'université récemment fondée de Prague qui attirait certainement les Slaves méridionaux? Nous ne savons actuellement rien de positif à ce sujet.

En tout cas pour arriver jusqu'à Tours il devait nécessairement avoir passé par Paris.

J'ai eu la curiosité de rechercher sa trace dans la belle publication de M. M. Deniffe et Chatelain: *Chartularium Universitatis Parisiensis*¹⁾ et *Auctuarium Universitatis Parisiensis*²⁾ qui reproduit les plus vieux registres de la nation allemande à l'Université de Paris.

Dans ces deux publications revient à diverses reprises le nom de Georges d'Esclavonie. Il figure sous les nos. 1355, 1408, 1569, 1570 du Chartulaire.

Une note de l'Auctuarium nom apprend que Georgius de Sclavonia a été boursier ou hospes de la Sorbonne à l'époque où le proviseur était Johannes Diodona évêque de Senlis, c'est à dire entre les années 1388 et 1409.

1) Paris, Delalain, 1887 et s.

2) Ibid. 1894 et s.

Le 13 Février 1389 il écrit de Paris à un ami de Vienne¹⁾ à propos d'une querelle entre l'Université de Paris et les Prêcheurs. Il se recommande au souvenir de quelques amis, Henricus de Hassia, Henricus de Oytten, et le maître Frédéric. Étaient-ce d'anciens collègues de Paris ou les avait-il connus en Allemagne? Je ne sais. Il signe Georgius de Rain, magister in artibus, canonicus ecclesie Altissiodorensis. Il est donc à ce moment chanoine de l'église d'Auxerre, ce qui semble indiquer qu'il réside en France depuis assez longtemps. Je n'ai rien trouvé à son sujet dans le catalogue des manuscrits de la Bibliothèque d'Auxerre et j'ignore dans quelles circonstances il reçut ce canonicat qui était peut-être purement honorifique.

Une autre lettre qui figure à Vienne sous la même cote est encore relative aux débats de l'Université et des Prêcheurs. Georges d'Esclavonie déclare que l'ordre des Prêcheurs lui paraît entièrement détruit en France et qu'il ne pourra jamais se réhabiliter.

Voici d'autres documents fournis par l'*Auctuarium*.

Le 5 Avril 1392 maître Georgius de Sorbona est désigné par la nation allemande (à laquelle se rattachaient aussi les Slaves) pour s'occuper de la location de trois maisons appartenant à cette nation et devenus sans objet par ce que les étudiants étaient moins nombreux. Ce détail est en lui-même assez insignifiant, mais il nous prouve que Georges était dès cette époque bien au courant de la langue française et de la coutume de Paris. Le 1^{er} avril 1393 le maître Georges est encore chargé par la nation allemande de constater les dégradations de la maison à l'image de Notre Dame et de les faire réparer, si besoin est. Cette maison était située rue Bruneau, à deux pas de l'endroit où est aujourd'hui le Collège de France.

Plusieurs autres documents nous font voir le rôle considérable que jouait maître Georges parmi les membres de la nation allemande.

En 1399, le 3 avril, nous le voyons nommé membre d'une sorte de jury d'honneur chargé de régler un conflit qui s'était engagé entre deux sorbonnistes. La même année (le 5 mai) il est un des députés de la nation allemande dans une commission chargée de construire des écoles à l'usage de cette nation. En 1393 il contribue par une somme de deux francs à la fête annuelle de la nation qui avait lieu le 18 novembre, le jour de la Saint Edouard. En 1401 la nation essaye d'obtenir une subvention de la reine Ysabeau de Bavière pour la construction d'une école des Sept Arts. Plusieurs démarches restent sans résultat. La nation adresse

1) L'original est à la Bibliothèque impériale de Vienne (4 384, fol. 269).

à la reine Georgius de Sorbona. Évidemment il était considéré comme l'un des plus éloquents et des plus habiles parmi les membres de la colonie germanique. En 1403 il figure pour la dernière fois parmi les *magistri non legentes*, c'est à dire qui ne font pas de cours.

Assurément ce Georges d'Esclavonie n'était pas le premier venu, ainsi que le prouve le rôle joué par lui dans le monde académique et la situation acquise dans le clergé tourangeau. Il ne faut donc pas nous étonner s'il fit dans notre pays une si belle carrière. Je serais heureux si ce petit travail pouvait susciter de nouvelles recherches et nous valoir une biographie complète de cet énigmatique personnage qui, après un très long séjour en France, resta toujours fidèle aux souvenirs de sa jeunesse et qui, sous le beau ciel de la Touraine, se plaisait à invoquer le nom de Saint Jérôme et associait à son nom celui de sa province natale l'Esclavonie.

Louis Leger.

Etymologie von ЗѦДѦ .

Miklosich leitet bekanntlich ЗѦДѦ her von сѦ und ДѦ , da man das, was er von ЗѦДѦ sagt, notwendig auch auf jenes beziehen müssen. Darnach entspräche es einem samskr̥tischen *samdhi* (gen. mask. wie alle dergleichen Bildungen. Die abstrakte Möglichkeit dieser Etymologie wird man zugeben können, ohne von derselben erbaut oder gar überzeugt zu sein. Zunächst ist das fem. genus von *zed'* bedenklich, dann die Bedeutung von ЗѦДѦ *κέρραμος* *materia*. Man kann nun einwenden, daß eine andere Etymologie nicht ersichtlich ist; in der Tat leidet die einzige andere, die wir im folgenden vorschlagen wollen, auch an einer Schwierigkeit, und es fragt sich, ob man dieselbe angesichts des großen Vorteiles, den sie bietet, in den Kauf nehmen darf.

Um nämlich zu einer andern Etymologie zu gelangen, müssen wir eine Versetzung der Buchstaben annehmen, daß ЗѦДѦ aus ДѦЗѦ entstanden ist. Dadurch tritt das Wort als simplex in Beziehung zu der Wurzel ind. *dih*, ir. *diz* (*dižh*), welcher wir in *τείχος τοίχος* in ind. *dêhi dêha*, ir. *daêza*, arm. *dêz* (*դէզ* *dizan dizang* etc.) begegnen. Dehl ist vedisch und bedeutet etwa Umwallung. Direkt zu ЗѦДѦ gehört pers. *diz* دز (od. auch *diž* دژ), welches in der alten Literatur (Firdausi) gewöhnlich ist und »Burg« bedeutet; im modernen Pers. ist es durch arabische Wörter verdrängt¹⁾, hat sich jedoch merkwürdigerweise im zigeunerischen *diz* erhalten, wo es neben *burkos* und andern Wörtern noch heutzutage Burg, Feste, Kerker u. ä. bedeutet.

Die älteste (etwa altpersische) Form muß gewesen sein *dizi*, dann *dizi diz*. Die unbequeme Folge von *d-z* war wohl der Grund, daß man in den obliquen casibus zuerst die bequemere Aussprache *z-d* wählte, die dann auch in den Nominativ sing. überging und die allgemeine ward. Das Wort ist ein uraltes und ähnelt dem slav. ЗѦСѦ , altpers. *vithi* = ind. *viç*, dessen ursprünglich vokalischer Auslaut aus

1) Im modernen Stadtnamen Diz-fül noch erhalten.

viçpati erhellt, welches nur aus allmählicher Verschmelzung des *ç* mit dem *p* : *viçi-pati* sich erklärt, da *ç* und *p* incompatibel sind, und das Compositum *viçpati* lauten mußte, welches auch tatsächlich in besonderer Bedeutung vorkommt.

Wie *вѣдь* ist auch *вѣдь* generis feminini.

So käme *вѣдь* = *дѣдь* in Zusammenhang mit einer Reihe von Wörtern, welche auf der Wurzel *dižh diž diz dih* basieren, mit der Vorstellung des Aufhäufens, Umwallens, altbaktr. *pairidaēza ohrada*; ind. *dēhah* Leib als Umwallung, Anwurf der Seele etc.

Für Miklosich mag *сѣдь* maßgebend gewesen sein.

A. Ludwig.

Dubrovački pjesnik Nikola Marci.

Baš je prošlo sto godina kako je sklopio oči dubrovački pjesnik Nikola Marci¹⁾, pa su ga Dubrovčani već davno zaboravili, a literarna ga historija jedva spomiñe, premda spada meñu one rijetke pisce druge polovine XVIII. vijeka koji su u Dubrovniku još pisali narodnim jezikom. Koliko su ga Dubrovčani zaboravili, vidi se po tome, što ga nikako nema u popisu znatnijih Dubrovčana što su umrli tijekom XIX. vijeka, koji je popis prvi put izdan u dubrovačkome kalendaru *L'Epidauritano* za god. 1896, pa opet u istome kalendaru za god. 1901. A literarni historici, ako ga uopće spomiñu, kažu samo ime ñegovo i djela mu što je napisao; još najviše zna o ñemu Šafařik, jer je u svojoj *Geschichte der südslavischen Literatur*, u II. kniži na str. 84, barem zabilježio, da je još godine 1803 bio svećenikom u Dubrovniku i da je umro godine 1806 u 88. godini života. Onu je prvu vijest Šafařik uzeo u Fr. M. Appendini (iz II. kniže na str. 215), kojega i cituje, a bez sumñe od ñega je i obznao i godinu smrti; prema tome dakle izlazi da se je D^{nm} Nikola Marci rodio godine 1718. I to je sve što se je do sada o ñemu znalo; zamolio sam zato grackoga kapelana u Dubrovniku, D^{nm} Nika Givanovića, da potraži, ne bi li se što našlo u aktima dubrovačke kurije; to je on i učinio, na čemu mu od srca hvala, pa je našao, da je bio rodom iz dubrovačke Rijeke (de Umbla)²⁾ i da se je zapopio 8. juna 1743; zatim je 11. decembra 1744 imenovan za župnika u Luci Šipanskoj, pa pošto se je godine 1772 odrekao te župe, opet je 12. decembra iste godine imenovan za župnika u Banićima kod Slanoga, gdje je bio sve do 24. jula 1786, kada se je i te župe odrekao »ob varias

1) Prezime mu pišem ovako sa c (*Marci*), jer mislim, da je možebit sam pjesnik ili ko od ñegovijeh starijih ovako prekrojio prema talijanskome izgovoru ime *Marčić*, kako se je valda ova porodica uprav zvala; ime *Marčić* još i dandanas ima u Hercegovini, pa zato ne vjerujem, da je naprotiv *Marčić* postalo od *Marci*; svakako ime se izgovara *Marči*, pa ga zato u naše vrijeme neki tako i pišu.

2) Nema dakle pravo D^{nm} Ivan Stojanović što ga zove »Marči, pop s Mleta« (Dubrov. kniževnost, str. 32).

quibus afflicatur corporis infirmitates; umro je doista godine 1806 30. augusta »aetatis suae annorum 88«.

Još se je maie znalo za njegovo djelo, jer se je dosada naprosto samo natpis kazivao, dok ga je u naučne svrhe upotrijebio tek Pero Budmani za rječnik Jugoslavenske akademije (isp. riječ *Evrijen*). Ali nije čudo što se o N. Marci tako malo govorilo, jer je njegovo djelo postalo već bibliografskom rijetkosti; osim mojega egzemplara ja znam još samo za dva: jedan je u zagrebačkoj sveučilišnoj biblioteci (pod signaturom 13. E. 27) a drugi je u biblioteci dominikanskoga manastira u Dubrovniku (isp. *Starine XXVIII*, str. 36). Knižica je štampana na 12ⁿⁱ i broji 115 stranica (a ne 111 kako stoji u *Starinama*), a natpis joj je: »*Scivot i Pokora Svete Marie Egipkigne Slofцени u sces Pjesni Jezika Slavinskoga po Niccoli Marci Popu Dubrovčaninu. U Dubrovniku G. G. 1791 Dopustienjem Stariescinâ*«. Poslije natpisnoga lista ide na str. 3 i 4 posveta »*Prisvietl. i Priisvaršn. Gosp. D. Bernardu Zamagni Vlustelinu Dubrovackomu*« — to je poznati latinski pjesnik, prevodilac Homerove Odiseje itd. —, pa na str. 5—9 »*Pridgovor Mudromu Sciozu*«. Na str. 11—113 smještena je sama pjesma, a pri kraju je na str. 114 i 115 »*U pohvalu Gos. Niccole Marci, Pjevoaza scivota Svete Marie Egipkigne Pjesan*« s potpisom »*Gio: Salatich Jun.*«; pjesmu u pohvalu piščevu sastavio je dakle mladi od dva D^{nm} Ivana Salatića što su živjeli u Dubrovniku u to doba i radili na literarnom polju; ovaj »mladi« je bio »starijemu« sinovac, rodio se je godine 1759 a umro je godine 1829 (isp. za ova dva dubrovačka književnika, što su imali isto ime i prezime, s čega su ih među sobom miješali, članak D^{nm} Nika Givanovića u fejetonu dubrovačkoga lista *Prava Crovena Hrvatska* god. I, br. 31 od 14. X. 1905).

U predgovoru pisac nam priča nešto o sebi, na žalost malo, a nešto više o svojem djelu. Za sebe spomiue, da je bio župnikom, ali ne govori gdje, pa da je »nazad godište« došao »u ovu pustiinu Gospe od Milosrdja«. Kako ni posveta ni predgovor nemaju zabilježene godine, tako ne možemo sigurno kazati, kada su pisani, ali baš s toga, što se ne spomiue osobita godina, možemo slobodno uzeti, da je to bilo one iste godine, kada je kniiga bila štampana, dakle godine 1791, a onda izlazi, da je D^{nm} Nikola Marci godine 1790, to jest u svojoj 72^{oj} godini života došao u crkvu »Gospe od milosrda« blizu Dubrovnika, dakle u onu crkvu koju su dubrovački mornari iz topova pozdravljali, kada su se srećno s dugog puta kući vraćali i u koju su prilagali svoje »zavjete«, kojim su se zavjetovali u strašnijem časovima, kad im je more prijetilo da će ih proždrijeti. Tu u miru i dokolici osamljene crkve podaje od grada i od svagdašnjega općeua s ljudima D^{nm} Nikola svršši svoje djelo,

koje je mnogo prije započeo: »ja u mlada ljeta šteći ne (t. j. Marije Egipkiñe) onaku ostru pokoru, uhiti me tolika bogoljubnos, da odredih pisat ne život i složit ga u pjesni slavinske, i tako sam u onoj vrućini od moga uma upiso dvije pjesni; i ovo je bilo nazad tries godišta, ali paka, ne znam zašto, ne slijedih . . . (str. 5)«. Ako je dakle dobar račun, da je predgovor pisan godine 1791 (ili 1790), onda je D^{um} Nikola te dvije pjesme napisao negdje oko godine 1760, dakle za vrijeme, kada je bio župnikom u Luci Šipanskoj i kada su mu bile već 42 godine, tako da se ona »mlada ljeta« imaju uprav uzeti kako »mlada leta«. Zatim (nastavlja pisac u predgovoru) »kako sam došo paka u ovu pustiñu Gospe od milosrdja, nazad godište, dodoše u mene neki moji prijatelji znani i razborni i među ostalijem razgovorom uzeli smo govorit od pjesni i pjesnikâ slavinskih, i ja nekako nehoteci ispustih riječ, da sam bio u moju mlados i ja pjesnik više razlikijeh stvari³⁾ i da sam bio počeo pisat u pjesni život Marije Egipkiñe (str. 5)«. Na njihovo navaljivanje morade im D^{um} Nikola pročitati te dvije pjesme a pak obećati, da će djelo dovršiti, što je i učinio, i to dosta brzo — najdale za godinu dana, jer ma kada bio predgovor pisan, on je pisan, kada je već cijelo djelo bilo gotovo, a one dvije prve pjesme čitao je prijateljima pošto je »nazad godište« došao u crkvu Gospe od milosrda.

Nego D^{um} Nikola u predgovoru nije nam samo kazao, što ga je potaklo da počne pa da dovrši svoju pjesmu, već nam je tačno naznačio i izvor, po kojemu ju je izradio: »mnozi pisaoi govore od ne životu . . .; ja sam se služio Petrom Ribadeneirom, pomnivijem pisaoem (str. 8)«; njegov je izvor dakle djelo španolskoga isusovca Petra Ribadineira o životima svetaca, koje D^{um} Nikola bez sumne nije poznavao u španolskom originalu već u latinskome prijevodu isusovca Jakoba Canisius; u tom djelu »Flos Sanctorum« nalazi se doista u II. knizi i »Vita S. Mariae Aegyptiacae⁴⁾«. Nameće nam se dakle prije svega pitanje: kako je D^{um} Nikola obradio život Sv. Marije Egipkiñe što ga je našao u Ribadineire. U ovoga pričanje ide ovijem redom: pobožni opat Zozim, koji je živio u doba cara Justina I (518—527) u nekom palestinskom manastiru, pođe jednom preko Jordana u pustiñu i tu nađe pokornicu, koja mu na njegovu molbu ispriповjedi svoj život: bila je rodом iz Egipta i postala javna bludnica u Aleksandriji, odatle je prešla u Jerusolim; tu, kad joj

3) Kakve su te pjesme mogle biti, ne može se znati; sačuvano regbi da nije ništa ni u rukopisu, barem katalog biblioteke Male Braće u Dubrovniku ne spominje imena D^{um} Nikolina.

4) Meni je bilo pri ruci izdanje štampano u Köln-u godine 1700, gdje se ovaj život nalazi na str. 135—138 druge kniige.

jednom neka viša sila ne dade da uđe u božji hram, razumje svoj grijeh, pokaja se i ode preko Jordana u pustinju, da tamo okaje svoje dotadašnje grešno življenje; u neprestanoj pokori proživje 47 godina, kad je nade Zozim. Poslije godine on se opet povrati i donese joj svetu pričest, a kad do godine još jednom dođe da je vidi, nade neno mrtvo tijelo a do nje pismo za nje određeno, kojim mu je javljala svoje ime i molila ga, da je pokopa, što stari opat i učini s pomoću jednoga lava, koji mu na njegovu zapovijed iskopa jamu. — Ovu je pobožnu legendu D^m Nikola Marci obradio u svojoj pjesmi, i to tako, da je u zadnjem — šestom — pjevaću u stihove pretočio sadržaj legende, kakva je u Ribadeneire, dok je u prvijeh pet pjevaća prikazao život pokorničin do časa, kada se je sastala s opatom Zozimom. Ali ne mislim, da je pjesnik tijekom redom i sastavio cijelu pjesmu, nego je bez sumnje odmah u početku naumio da prikaže život Marije Egipkiće svojim prirodnijem redom od rođenja do smrti, tako da je negdje oko godine 1760 ispjevao prva dva pjevaća, a trideset godišta kasnije ostala četiri, a to mislim zato, što pjesnik na jednom mjestu šestoga pjevaća veli: »Egipkića dovelk zbori; | red života ne ostali | jest u pjesnim prednjem gori | — sve smo poprav spoviedali (str. 100)«, već ako bi ko htio kazati, da je ove riječi pjesnik dočnije umetnuo!

Šesto pjevanje nije dakle ništa drugo nego verzifikovana legenda ove svetice; tu D^m Nikola nije gotovo ništa sâm dodavao, niti je što ispuštao ili mijenjao, već je sasvim vjerno prepjevao sadržaj svojega izvora, samo što je ovdje izostavio obraćenje Marije Egipkiće, jer ga je bio već potanko ispričao u trećemu pjevaću; uopće u cijeloj pjesmi opazio sam u jednoj jedinoj stvari, da se pričanje D^m Nikolino ne slaže s njegovijem izvorom: gdje se priča kako je Egipkiću neka viša sila odbijala od hrama, legenda za nju govori »itaque tertium magna vi repulsam . . . (str. 136^b)«, dok D^m Nikola ima »ter bi ona *čet* puta | s svetieh vrata porinuta (str. 43)«, ali to je taka sitnica, da gotovo nije vrijedno ni da se spominje. Drukčije se pak ima tumačiti, što D^m Nikola uzimlje, da Marija Egipkića zbog pokore ode »u pustošne Tebaide (str. 100)«; legenda naime govori samo, da je pošla iz Jerusolima s onu stranu Jordana, a tek je D^m Nikola tako pobliže odredio mjesto, kamo se je zavukla, pa je pri tome — u čudnom neznaću geografskijeh prilika — uzeo, da je Tebaida t. j. gornji (južni) Egipat blizu Jerusolima!! A da to nije slučajna pogreška, vidi se po tome, što u napomeni na str. 78 (koja je kako i sve ostale napomene napisana talijanski) uzimlje, da je pokornica živjela u špiji »nelle Tebaidi d'Egitto«, premda se on inače i u ovome povodi za latinskom legendom, pa i on misli, da je

pokornica pošla iz Jerusolima s onu stranu Jordana! Zato je mislio da je i potrebno da opravda što je kazao za goru, pod kojom je špija, da je »po vrsijeh svakolika | često sniegom pokrivena (str. 78)«, ali u toj istoj napomeni on umuje ovako: sama je pokornica kazala Zozimu, da je patila zimu, a zime bez snijega i leda ne može da bude, već ako se hoće misliti na čudo (»sembrarà cosa strana che nelle Tebaidi d'Egitto, dove è il clima caldo, fosse neve; ma la stessa Penitente . . disse . . che pativa il freddo, perciò ho arguito, che il freddo non può esser senza neve o ghiaccio, se altrimenti non vogliamo attribuir al miracolo«); kad bi ostavio špiju, gdje je po pričađu imala biti, to jest u Palestini, ne bi mu trebalo ni čudeña ni čuda, jer tamo zimi može biti i po gorama snijega i po vodama leda! Uopće naš D^m Nikola nije bio jak u geografiji, jer se opet i u napomeni na str. 38 ispričava što je kazao, da se je Marija Egipkiña, putujući iz Aleksandrije put Jerusolima, iskrcala u Jafi, jer — veli — tamo su se iskrcavali putnici iz Evrope, dok su se putnici iz doñega Egipta iskrcavali »in Damietta, antico Pelusio«, dok uistinu niti je Damietta stari Pelusium niti je ona putnicima iz doñega Egipta luka za Jerusolim!

Šesto je pjevanje dakle parafraza u stihovima latinske legende, dok je u prvijeh pet pjevanja Marci slobodno prikazao život Marijin do časa, kada se susretne u pustiñi s opatom Zozimom. Navešću im prije svega sadržaj, kako ga je sâm pisac naznačio u početku svakoga pjevanja: »*Pjevanje prvo.* Bježanje Marije Egipkiñe iz kuće očine i iz mjesta rodnoga; ñe put do Alesandrije. — *Pjevanje drugo.* U komu se pripovijeda, kako Egipkiña otide u Jeruzalem s pukom od Alesandrije i kako dođe u Jeruzalem i koji je život činila u Alesandriji. — *Pjevanje treće.* U komu se pripovijeda obraćene Egipkiñe u Jeruzalemu i nakon obraćena ñe bogoljubnos. — *Pjevanje četvrto.* U komu se pripovijeda, kako Azmodeo, videći obraćene Egipkiñe, otide i podbuni vaskolik pakô. — *Pjevanje peto.* U komu se pripovijeda prohod Marije Egipkiñe priko Jordana, ñe pustiña i pokora.« Kao osnov za prvo pjevanje služilo je dakle D^m Nikoli Marijino pričađe, da je u 12^{oj} godini života još za živog oca i najke pobjegla iz očeve kuće i pošla u Aleksandriju, gdje je 17 godina živjela kao javna bludnica ne tražeći zato platu već samo tjelesno uživanje a hraneći se nešto preslicom a nešto prosjačinom. Da bi dakle napunio prvo pjevanje, D^m Nicola je prije svega poslije kratke ekspozicije na neobičan naćin izveo invokaciju: opisuje Pindo i Parnas, gdje su živjele poganske božice (muze), pa njihovo igranje i pjevanje, ali » . . pomoć ja ne želim | parnasovieh taštieh vila — | tebe, sveta diklo, molim, | da bi mene prosvietlila . . .«, zatim opisuje ukratko

Egipat i njegovo bogastvo, pa pripovijeda, kako »plam ljuveni« otjera Mariju iz očeve kuće, kako je cijeli dan lutala, dok je pod večer stigla u šumu, gdje je slušala pjesmu pastirice što je hvalila pastirski život, pa zaspala, a u snu joj se prikazala Venera i nagovarala je da izvrši, što je naumila, a zatim »... u krilo | podmetnu jom jedno diete | prižestoko, ali milo | veoma milo, al' otrovno | kê raniva srca skrovno«. I tako probudivši se u jutru još većma raspažena, uđe u Aleksandriju, da se tamo nastani. U drugom pjevaću opisan je najprije bludni život Marijin u Aleksandriji, pa nezino putovanje do Jerusolima, ali za to Marci nije ovdje upotrijebio ni ono malo, što o tome ima u legendi, ne spominje naime, zašto se je podala bludničkomu životu niti da je svojim tijelom platila vozarinu (to je po legendi kazano tek u VI. pjevaću), već s nekoliko općenitih rečenica opisuje njen život u Aleksandriji, jer »stid mi ne da, ah ne mogu | glasit veće djela huda«, ali zato potanko opisuje putovanje do Jafe: »Plavi tihe jašu vale; | Nercide s liepom Teti | i sve morske vile ostale | tance vode, staše pjeti; | čjuć Netun tad oholi, | navrh mora pokomoli«, pa putnici pjevaju pjesme o Aleksandru Velikom i o Rimljanima, ali obnoć boga hvale i razgovaraju se o pobožnim predmetima; u zoru ugledaše obalu (odakle vide cijelu Palestinu!), pa »neki pješe, neki jašu« i srećno udoše u Jerusolim. Za prvu polovicu III. pjevaća, gdje se pripovijeda obraćene Marijino, naš je pjesnik naprosto prepričao, s nešto više riječi, ono što je našao u legendi, dok je drugu polovicu sâm dodao, gdje nam prikazuje, kako je Egipkiña obašla svako mjesto po Jerusolimu i okolo nega što ga je Isus posvetio svojom mukom. Sasvim je originalno IV. pjevaće: Azmodeo vraća se u pakao, da javi, da se je Egipkiña obratila, na što »strašnodržac mrkle tmine« sazivlje vijeće paklenijeh duhova te im naređuje, da idu napastovati Egipkiñu, ne bi li je odvratili od nene namjere. I za V. pjevaće, gdje se opisuje pokornički život Marijin, mogao je D^{nm} Nikola slabo što uzeti iz legende, jer se tamo samo kaže u malo riječi, da je za 47 godina živjela u teškoj pokori, pošto se je za 17 godina borila s napastima; Marci je dakle tu morao gotovo sve sam izmisliti: opisao nam je zato najprije mjesto i špiću, gdje je Marija sebi našla stan, pa nenu tešku pokoru i glasno kajaće, zatim je opisao (u obliku dijaloga), koji je »teški boj imala | s nakaznima vječne noći«, pak je završio podužim monologom Marijinim, kojim izražuje svoja čuvstva vjere, ljubavi i ufaña u boga. Kako je sastavljeno završno, šesto pjevaće, već je kazano.

D^{nm} Nikola Marci morao je dakle suhoparnomu sadržaju latinske legende koješta dodavati, da mu ispod pera izade pjesma od šest pjevaća

s gotovo 3100 stihova, dakle više nego li dvaput tolika kolike su Gundulićeve *Suze sina razmetnoga*. Čini se da su mu stoga i prigovarali, osobito za to, što je u ona prva dva pjevaña (što ih je bez sumnje ispjevao prije ostalih četiriju) smiješao i nešto mitološkog i svjetovnog elementa, pa se od toga u predgovoru ovako brani: »Jes koji huli i govori, da sam u prve dvije pjesni umiješô i neke pričice, koje u italijanski jezik zovu se *favole*, i da sam stavio nekoliko pripovijesti od zгода svjetovnijeh. Istina je: to sam sve učinio u ñe dva puta, koja je učinila, prvi bježeći iz doma u Alesandriju, drugi iz Alesandrije u Jeruzalem. Nijesam mogô od mañe nego napunit pjesni s pričicam i zgodam svjetovnijem, koje bi mogle dat kojugod nasladu štioocu, da ští dobrovoljno. A kad bih rekô samo: otišla je Marija u Alesandriju, a iz Alesandrije u Jeruzalem, — to bi sve dospjelo u malo riječi. Što sam stavio, da jom se Venere prikazala u snu, to razumijem one sne, koji nam dohode od prijašnjega zamišljena oli od napasnika općenoga i zovemo ih *illusioni*; također što sam rekô od Nereida, Teti i Netuna, sve su to kite pjesničke, a ja vjerujem sve što vjeruje sveta crkva rimska (str. 7)«. Vidi se dakle da je D^{um} Nikoli bilo do toga da opravda mitološke i svjetovne umetke, ali time nije stvar svršena, jer je on dodavao i dodao još koješta, tako cijelo četvrto pjevañe, pa drugu polovicu trećega, a napokon i peto je pjevañe izveo iz malo riječi latin-skoga teksta. Nego ove zadñe umetke D^{um} Nikola nije mislio da mu ih treba braniti, jer su u okviru pobožne legende a u duhu i prema vjerovañu katoličke crkve.

D^{um} Nikola Marci htio je da sastavi i jest sastavio epsku pjesmu o životu i pokori sv. Marije Egipkiñe; to se vidi odmah po prvijem riječima: »Pjevam život od prikora | glasovite Egipkiñe, | koju oštra jur pokora | s bogom smiri sred pustiñe, | gdje za mnogo ljetâ i danâ | grieh proplaka pokajana«, ali glavno je to, da je zbiļa gotovo cijela pjesma epskog karaktera, tako da pjesnik rijetko gdje upliće svoje misli i osjećaje; samo gdje gdje biva i to: tako u I. pjevañu odmah poslije invokacije pjesnik stavlja Egipkiñu kao izgled neposlušnijem kćerima i pozivlje roditelje da nauče »kô se porod pomno vlada« (str. 16—17), a II. pjevañe počinje podužom refleksijom o tome, kako bog dugo trpi, ali i strašno kazni grijeh (str. 28—32); III. pjevañu pak na čelu je razmišljanje o nedohitnosti božjih sudova (str. 41—42), a gdje u IV. pjevañu priča, kako je Azmodeo sašao u pakao, da po mogućnosti osvijeti obraćene Marijino, tu je opet umetnuo refleksiju o »paklenoj čudi hudoj« (str. 62—63) — i to će biti od prilike sve što je pjesnik nekako u svoje ime u pjesmu umetnuo. Marcijeva Marija Egipkiña ima dakle mnogo čišći

epski karakter nego li Đorđićeva *Marija Mandalijena*, a pogotovu nego li Gundulićev *sin razmetni*, gdje odlučno prevladuje lirski elemenat u okviru epske pripovijesti. Tu je razliku vrlo dobro osjećao sam pjesnik, pa zato i govori u predgovoru: »Čuo sam da ko govori: Nijesu njegove pjesni kako znanoga opata Inacija Giorgi — istina je, ja se ne mogu ujednačit š nime u znañu, svijem tijekom varaju se, erbo je razliko djelo opata Giorgi od ovega moga djela. On je pisô uzdahe Mandalijene pokornice i obukô se je u ne biće pokorno i mogô je namišljat što je hotio i govorit, kako mu se boje vidjelo; ali moje djelo Egipkiñe u svemu je razliko, erbo sam ja imô pripovijedat ne život i pokoru i trebovalo je da stojim prilijepjen na ne životu i pokori, kako su drugi upisali i pripovijedali, i ne inako, i nijesam mogô izmišljat, er bih lagô i negovorio istinu. Zasve sam i ja izmislio četvrtu pjesan od pakla, koja ne ima česa činit š ne životom i pokorom. I jes koji huli, da sam vele izrekô, a mogô sam vele veće, er je to u meni stalo i ne bih prošô red od pjesnika. Ovo sam rekô za moje opravdañe, a veće volim da govore o meni, neg da muče.« S ovom vještom i opravdanom obranom kompozicije svoje pjesme završava D^m Nikola svoj interesantni predgovor.

Pored toga što se je D^m Nikola htio čvrsto držati svojega izvora, on ga je opet tako obradio i raširio, da je zbilja od proste svetačke legende načinio epsku pjesmu dosta velikog opsega. Naravski, ako je htio — a to dabome jest hotio — da u glavnome stvar ostane što je i bila u latinskoj legendi, to jest život i pokora grešnice, koju je katolička crkva ubrojila među svetice, on — katolički svećenik — nije smio mnogo dalje ići; zato smo i vidjeli, kako je živo branio što je u prve dvije pjesme uzeo nešto mitološkog elementa, ali — ja barem mislim da je tako bilo — kad je prijateljima poslije trideset godina čitao te prve dvije pjesme, oni su mu zbog toga prigovarali, pa zato u zadña četiri pjevaña nije više toga činio (premda se i u četvrtome nalaze neki tragovi klasičke mitologije n. pr. što se spominje Cerber kao čuvar paklenijeh vrata [str. 38]), ali opet nije ni dirao u ono što je već napisao, nego je ostavio kako je bilo. Inače ti su mitološki umeci sasvim sporedna stvar osim onoga sna mlade Egipkiñe u I. pjevañu, dakle u momentu koji nema realnog temelja, gdje dakle nije sapeta fantazija ni najprostijemu čovjeku nekmoli pjesniku! Mitološki elemenat, koji je D^m Nikola tako umjereno upotrijebio, nije dakle pjesmi na štetu, dok je svakako dobra ñena strana što pjesnik nije uzeo život Marije Egipkiñe u glavnome kao osnovu za svoja razmišljaña i za moralnu pouku čitalaca, jer niti je on imao prirodni talenat Gundulićev niti fino

osjećane i veliku učenost Đorđićevu, pa kad bi se poveo za jednim ili za drugim, negova bi Marija Egipkiña postala vrlo pobožnom ali i vrlo dosadnom propovijedi ili teološkom raspravom. Naprotiv ovaka kakva je, Marcijeva Marija ima prije svega ugladenu spojašnu formu: lijep jezik i tečan stih, tako da se i dandanas može ugodno čitati. Ali i unutrašnja joj vrijednost nije baš mala: Marci nije bio pjesnički talenat prvoga reda — to se vidi po banalnom opisu bježanja Marijinog od očeve kuće u Aleksandriju, pa po još banalnijemu opisu putovanja od Aleksandrije do Jerusolima, ali nije bio bez pjesničke snage i fantazije, naprotiv, da je bilo oboga u nega, dokazao je četvrtim pjevanjem, koje je ne samo najljepši dio u cijeloj pjesmi nego uopće najljepši prizor ovake vrste što je meni poznat u našoj literaturi. To je vrlo plastična slika i — koliko ja znam — sasvim originalna: čim se Marija obratila, napasnik Azmodeo »sramotan se k paklu vrati | i za vratim vječne peći | počne mukat i revati; | gvozdevitim on tadara | maļem vrata teško udara«. Na tu buku uzrujao se sav pakao, »pas troglavi za vratima reži, laje, pak zavija | i verige svē zubima | snažno glode i izvija; | u rasržbi grize okoli | sve što hita pas oholi«; ali najviše se uznemiri »strašnodržac mrkle tmine«: »naježi se vas i strese | i krvave silnik oči | tad izbeći, pak diže se | i s ognēna stola skoči; | pjeni ustim, zubim škripa, | huće, laje, broće i hripa. || Iz glave mu kroz kočeti | ognēvita iskra udara, | dim mu crni paha i leti | nesmotrnieh iz nozđara; | u čadavu kaže obrazu | silnos, sržbu i porazu. || Kroz čeljusti krive zmija | ļutica mu proljeta se, | a kravošac krug mu izvija | priko oči niz obraze; | zmaj mu ļuti grlo tište, | kroz uši mu plami pište...«. Na negovo zapomagane »razgorje se jaz pakļeni | tmastiem ognem tad odviše, | mrkli dimi zameteni | crniem maglam sve prikriše, | ter se od pakla veći i gori | časom drugi pakō stvori. || Iz spilina, iz jazova | provre rieka veća i gora | rastopļena od olova, | smrdećega od sumpora, | pak nadmeniem tiem valima | silni pakō vas oplima.« Čuvši od Azmodea, o čemu se radi, pakleni kralj vraća se na svoj prijesto, koji se ovako opisuje: »gorucijeh od uglēna | zajedno zmijam ļutijeme | sto od kraļa nesmilēna | stoji u tminam gustijeme, | koga obstire i obgrada | crni zastor davnieh čada. | ... Kod nega se s desna i s lieva | sve, što može bit smrdeće, | jed čemerni toći i sļieva, | koga zmijâ množ izmeće, | ter ga kruže s svake strane | gnusne rieke i pogane.« Stražari su paklenoga prijestola »sedam zloba poglavitieh«, koje Marci jednu po jednu vješto opisuje; pa u takom mjestu i u takom društvu pakleni kralj drži vijee, kako će odvratiti Mariju od nene namjere. Ali petim pjevanjem pjesma opet opada: za pokoru Marijinu Marci opet nije

našao ništa drugo do stereotipnih fraza, dok šesto pjevanje — kako je već kazano — nije ništa drugo do verzifikovana parafraza suboparne latinske legende.

Osim sadržajem IV. pjevanja Marcijeva se Marija Egipkiña ističe osobito spojašnom formom. Dikcija je jednostavna, ali opet nije nikad prosta; svakako nije gotovo nimalo natruđena talijanskijem sejčentizmima, kojim se ni Gundulić nije mogao a Đorđić nije hotio oteti; samo u opisu lijenosti potkrala se i D^{um} Nikoli igra u riječima: »... ta je miš grize i vrti, | s tega umire sved bez smrti (str. 69)«. Jezik mu je obični dubrovački književni jezik XVIII. vijeka — pravilan i gladak; ima i interesnih riječi n. pr. na str. 51 *probugari* u smislu »procvili«. Malo se gdje može pak opaziti da je što u jeziku zbog metra iskrivljeno, ali opet ima: »*pri križ* pribi množ ohola (str. 53)« i »*pri križ* tebe tvrd pribiše (str. 55)«; u rimu pak stoji »*smucaše se koļenime* (str. 55)« i »... ide *k nime*« (mjesto *k niemu*, str. 95); čista je pogreška vokativ *lašce* ('lašce') od *lažac* (str. 87). — Metar mu je poznata strofa od šest osmeraca s rimom *a b a b c c*, koju ima i Gundulić u *Suzama* i Đorđić u *Uzdasima*. Stih mu je vrlo tečan, ali to u Dubrovčanina sasvim je obična stvar; svakako treba istaći da u Marcija ima dosta rijetko elizija, tako da i s te strane stih mu za naše uho glatko teče. Dabome držana je bez izuzetka cezura poslije četvrtoga sloga, a nema jednosložnih akcentovanih riječi na kraju prve ili druge polovice stiha; opazio sam samo ova dva stiha »*k tebi ako hōc da pritečem* (str. 95)« i »*do godišta, bog ako dā*«, ali u oba slučaja pred jednosložnom riječi stoji riječ, koja može biti proklitika, tako da je Marci bez sumnje htio da se izgovara »... *akò-hoc*« i »... bog *akò-dā*«. Pogrešni su samo ova dva stiha: »*moli je on: blagoslovi me* (str. 96)« i »*sedamnēs ljetā ja nikada* (str. 99)«; možebit da je na drugome mjestu pjesnik bio napisao: »*sedamnēs ja ljetā ikada*«, pa da je tako slagar izmijenio, ali u prvome slučaju pogreška je svakako pjesnikova, jer taj stih rimuje s ovijem: »*za božije sveto ime*«, tako da se ne može promisliti, da je D^{um} Nikola bio napisao: »*moli je on: blagosov' me*«, nego treba uzeti, da je Marci sasvim iznimice zanemario cezuru u ovom stihu, koji se dakle ima čitati ovako: »*moli je on bla|goslovi me*«. Nego to mu možemo oprostiti, jer je inače svuda Marija Egipkiña vrlo ugladena pjesma, koja, i ako nema bog zna kolike unutrašnje vrijednosti, opet je jedan od boljih proizvoda dubrovačke literature uopće, a svakako jedan od najboljih iz vremena poslije Đorđića, pa zato potpuno zaslužuje da se izvuče iz zaborava u kojemu je preko stotinu godina čamala.

U Beču 31. marta 1907.

Milan Rešetar.

Roty sądowe polskie XV. wieku.

Czym chata bogata, tym rada.

Jak wiadomo, nie odpowiada wcale dawna, średniowieczna, literatura polska, szczególnie z wieku XV, ani liczbą ani znaczeniem pomników, liczbie narodowej, znaczeniu państwowemu, kulturze miejskiej i szlacheckiej, wiedzy mistrzów krakowskich. Brak źródeł literackich, licznych a różnorodnych, dzieł wartości artystycznej, a choćby treści jakiejś żywotnej, formy bogatszej albo myśli oryginalnej, brak jednym słowem literatury zastępujemy jej surogatem, przekładami lichymi, rzeczami — prócz pieśni religijnej — marnymi, nikłymi, zapiskami drobnymi, rzucającymi przeciw światłu, choćby tylko na język. U innych Słowian, co prawda, nie bywało lepiej, chyba gorzej — prócz Czechów samych.

Do rzędu takich zapisek polskich należą roty sądowe z XIV. i XV. wieku. Gdzie indziej ogłaszają zabytki dawnego sądownictwa, aby pokazać, jaką była praktyka sądowa; aby wydobywać z sporów cywilnych i kryminalnych świadectwa obyczajowości i życia potocznego. Chyba jedyni czerpiemy z tych zapisek, głównie zaś z wpłatanych w nie (polskich) rot przysięg, i materiał językowy. Te rot polskie wpisywano bardzo starannie, gdyż należało je za woźnym bez opuszczenia słówka jednego powtórzyć i sprawę przegrywał, kto uchybił. Jak przytym postępowano, pokażę na przykładzie.

Czytamy w księdze sądowej pyzdrowskiej pod rokiem 1403, f. 282: Quando testes circa crucem constituti fuerunt, tunc primus iuravit; secundus geniculavit ante crucem et digitos posuit super crucem . . . tertius vero testis ponens digitos super crucem eciam iuravit post ministerialem. Exinde stans Petrassius (procurator partis alterius) dixit: unum verbum in rota non dixisti. Tunc secundario volens iuramentum renovare ibidem testis, quando posuit digitos super crucem, tunc idem testis dixit ministeriali: dicas mihi altius, quia non bene audio *abo zabit bęc abo cze pesz huchłosc* (t. z. albo niech cię pies uchłości; cza-

sownika tego późniejszy język już nie zna, ale jeszcze w Terencjuszu polskim z r. 1545 czytamy: *wy sie stąd chłóście vos hinc amolimini, wchłószczę cie w rynsztok in mediam viam provolvam, ta niech sie stąd chłóści haec hinc facessat itd.*).

W tych tak dla przewodu procesowego ważnych rotach posiadamy więc teksty polskie, nie jak niemal wszystkie inne średniowieczne, tłumaczone, lecz oryginalne — co bardzo dla nas ważne; dalej, teksty te, urzędowe, są zarazem oznaczone jak najdokładniej i co do roku i co do miejsca; stają się jednak mniej ciekawymi przez to, że powtarzają nadto często formułki obrzędowe, że mało się odmieniają, dalej, że bywają zbyt lakoniczne, w treść niebogate.

Żeby z tych rot należycie korzystać, żeby je rozumieć dokładnie, na to trzeba wprawy, wyszkolenia filologicznego; nie wystarczy samo choćby najdokładniejsze ich przepisanie. Samo odczytanie zresztą i przepisanie, bywa wcale nie łatwe: zniszczony rękopis, wyblakłe czerńdło, urywkowość tekstu tworzą najrozmaitsze przeszkody. Dokładną znajomość staropolskiego języka, baczną na każdy, najdrobniejszy szczegółlik uwagę, pewną domyślność wreszcie musi posiadać, kto z tych okrucich wnioski o języku i słowniku, o formach i brzmieniach, chce wyprowadzać. A ktoż inny na tym polu nie szedł nam zawsze najlepszym wodzem, przykładem, nauczycielem, niż Jagić? Rzadko tylko, raczej przygodnie, w rozmaitych recenzjach znakomitych, rozwijał jubilat swoje na staropolszczyznę poglądy, ale ktokolwiek znał jego metodę, mógł ją i do starej polszczyzny stosować samoistnie. Nauczysz się od Jagića filologicznego traktowania przedmiotu, krytyki Jego filologicznej, o którą Mikłosich jeszcze nie dbał, przystępujemy śmiało do roztrząsania najzawilszych zagadnień filologii słowiańskiej. W szkole Jagića, za jego wzorem włożyliśmy się w szermierkę filologiczną, w krytykę tekstów, w ustalanie poprawnego ich brzmienia, w wydobywanie właściwego ich znaczenia — dla języka czy dla kultury.

Uczeń tej szkoły i metody, przystępuję do omowienia najnowszych publikacji wymienionego wyżej materiału. Ostatnie lata przyniosły nam go sporo, zarówno w wydawnictwach akademickich, krakowskich, w Starodawnych Prawa Polskiego Pomnikach, u Piekosińskiego, jak i w warszawskich, w takzwanych »Tekach Pawińskiego«. Z wszystkich tych wydawnictw uwzględnię tu tylko dwa najnowsze. Historyk warszawski, J. K. Kochanowski, wydał r. 1905, jako VII tom »Tek Pawińskiego«, odpis ksiąg sądowych brzeskokujawskich z 1418—1424 r., 4072 zapisek, na 426 str.; dodał 200 str. indeksu: praca jego wzorowa, bo nie szczędził żadnego trudu i dopiął, że indeks nazw i rzeczy objął

istotnie wszystko i wyczerpał wszystko — nie spotykaliśmy się dotąd po polskich wydawnictwach z równie doskonałym; indices Piekosińskiego, acz bardzo dobre, z tym równać się nie mogą. Powtore wydał prof. Baudouin de Courtenay w drugim tomie *Materiałów i Prac Komisji Językowej (krakowskiej)* 91 rot polskich z księgi sądowej radomskiej z lat 1414—1432 (str. 295—309): wydanie, ciekawe nie liczbą ani znaczeniem rot, lecz tym, że wydawca do tekstu oryginalnego dołączył przepis jego, pisownią dzisiejszą, czego dawniejsi wydawcy nigdy nie czynili. O obu publikacjach, czego się z nich (dla języka) dowiedzieć można, o sposobie ich odczytania i zrozumienia, pomowimy; uwagi dotkną i całokształtu polszczyzny.

Przypuszczamy, że obu odpisów z fotograficzną dokonano wiernością, że zastępują oryginały. Tym kończy się zadanie i zasługa płyty fotograficznej, nie wydawcy: owszem, dla niego zaczyna się właściwa praca. Wspomnę najpierw o tekstach radomskich, jako krotszych; wydawca nieraz ich nie rozumiał albo nie odczytał należycie — nie dziw, skoro przed 36 lat je odpisywał, sam wtedy poczynając studja, i nie myślę mu z tego robić zarzutu. A więc np. nr. 50 *yez lunke possal y las porambyl* odczytał: *łękę posiał i las porąbił*, ale to niemożliwe, nikt łąki nie sieje; czytaj *possecl = posiekl* t. j. skosił. Również niema żadnej spojki *cze* (wiemy, *cze* itd.); czytaj wszędzie *eze*. W nr. 9 *nezapowudał chodicz kmethom*, wydawca przepisał *kmietom*, ależ to forma niemożliwa, czytamy *kmechom* t. j. *kmieciom*, bo w tych rotach znajdujemy jeszcze nieraz starożytne *ch* w znaczeniu *ć, c*, np. *zaplachil = zapłacił*, *pancznache = 15 i i*. *Za dwie szrigincy* w nr. 5. należy z pewnością czytać *za dwie grzywnie*; w nr. 20 *agyda piecz poloził goscine* nie jest *a jidę pięć położył gościnie*, lecz: *a idę precz położył gościnie* (taka oplata!); w nr. 35 *polancze* jest *po łące*, nie (w) *polance*; *Gotard bonda sluga* (nr. 39) jest *G. będą sluga* (nie *sluga Bonda*!); *wanzanye* należy czytać *wwiązanie* *intromissio*, *w*, toż pierwotnie zamiast *w*, *wu*, *uw*, np. w nr. 2 *czinicz praw* znaczy *czynić prawnu* (nie *praw*); *obstul* nr. 52, jest *obstał*; *poluyebka* nr. 19 czytaj *połużrebka* (*żreb mansus*); *sZRaku newichauala*, czytaj *niewychadzala* (nr. 13); *rakoyma swogo* nr. 7 czytaj *rękojmię swego* (nie *swoje!*), *uigisal* będzie chyba *wyścił* itd.; inne rzeczy wątpliwe, np. *naszatawa* nr. 5 będzie może *nazastawę* itp. Najciekawsze są w tych rotach formy imiesłowowe, np. *nedadza* i *nedadzan* (*niedadzę*) = nie dawszy, *nedoszedzą casw* (nie dosiedziawszy, czasu), por. rosyjskie *dosidja*; *oyasth* czytaj *o jasch = o jąż*, taksamo *yakosth = jakoż*, *gemusth = jemuż*. Zwracamy uwagę na formę *nietu*, *yescze roku nethu* nr. 46; na pisownię

h przed samogłoskami, *poħorał, zahoracz hyzakopacz*; samo s (sz) obok cz, *stirzy weprze obok czithirzi woły (czy- myłka)*; w tejże rocie (nr. 28) czytaj *nigednim* = nijednym, nie *niegodnym*.

Przechodzimy do rot brzeskokujawskich, liczniejszych i dokładniej odpisanych, skoro tekst wydawca coraz z oryginałem porównywał. Mimo to nie ustrzegł się błędów w ich zrozumieniu. Ciekawe one dla nas, choćby dlatego, że pochodzą z samej głębi Polski, z ziemi Kujawskiej, dokąd obce wpływy najmniej sięgały. Pięćset lat dobiega tej polszczyźnie i ani się chce temu wierzyć, taki język jasny, zrozumiały, gładki; należy tylko zapiskę dobrze odczytać. Oto np. nr. 314 z r. 1418: *Tako nam etc., jako to soltystwo staromesczskie s szwymi czanstniki dzirszij stara korzenya iako dawno dzirszano niczsz wyssschey ani niszey*. Wydawca dopatrył się w *korzenya* jakiejś nazwy żeńskiej i w indeksie czytamy o jakiejś *»sculletissa Korzenya«*, której jednak nigdy na świecie nie było. Rzecz ma się inaczej: Szymun Szczecina, zamożny mieszczanin Brzeski, soltystwo staromiejskie dzierżał podzielnie z innymi, z *częstniki* swoimi (*divisores* albo *participes*), i przysięga przeciw Jandrowskiemu, że *»to soltystwo dzirzjy z stara korzenia (ex prisca institutione), jako dawno dzirzżano, nie wyszej ani niżej«*, por. rotę 430, wedle której ten sam *»staromieścki cum suis divisoribus evaserunt Jandrowski pro eo eż tako mają groblę mieć, jako dawno dzirżżano«* (*grobla*, nie *l* wstawne, lecz sufiksalne, jak w *przerębla* itp.). Wydawcę omyliło, że napisano *stara*, ale przyimka przed *s*, z nie wyrażano osobno; *stara* znaczy więc z *stara*, z rzadką w polszczyźnie formą rzeczownikowego genetivu u przymiotnika.

Tu wydawca pozbawił nas ciekawej formy; częściej nabawiał nas mylnej. Weźmy rzeczownik *szkoda*; pomijamy, że wypisał go w nagłówku *škoda*, ale dorobił doń *»ablativ škodzey«*. Taka forma jednak niemożliwa, formy *ławkiej* itp. zachodzą dopiero w XVII wieku; w nr. 600 przysięga F., *czsom oħo strauil geszm škodzey tako vele iako dwie grzywone* — ależ to znaczy: *com o to strawił (expensavi), jeśm škodzien* (czytaj więc *škodzen!*) *tako wiele jako dwie grzywne*. Pod tą samą *škodą* czytamy jeszcze, że jej gen. plur. *škodow, čtyr škodow* — i to znowu rzecz niemożliwa przed czasami saskimi, przed XVIII wiekiem! W rocie 278 stoi: *jakom nie miał čtyr škodow s tobą dzielić, tako dobrych jako ośm kop*, więc o szkodziu nie może tu być mowy, czy to nie raczej *skotow* = bydła, czworga skotu? prawda, że i forma nie najlepsza i cena trochę wysoka, woł albo krowa kosztują połkopy, ale konie np. są i po dwie kopy.

W rocie 600 zaszła jeszcze inna myłka: przysięga ow F., że w

zastawie, co od Piotrasza ma, jego »przedanym y *gazdamy*« poniosł szkody na dwie grzywnie. Wydawca przeczytał tu *gazdami* i uznał to za »ablativ« do »*gazda* kmeto (gospodarz, kmieć)«. Ależ *gazda* jest słowo węgierskie i jak nas pouczył Ásboth, Węgrzy z *gospoda gazda* zrobili, jak *wajda* z *wojewoda*. Jakim cudem mogłby się więc węgierski termin do Kujaw w r. 1418 dostać, przecież to nie Spiż ani Podgorze? Należy po prostu czytać *jazdami*; F. naraził się na *jazdy* z powodu tej zastawy i o to na 2 grzywny uszkodzen został.

Wybrałem na chybi trafi parę rot na dowod, że nie wystarcza sumienny, staranny odpis, ręką historyka dokonany, że potrzeba filologicznej wprawy czy przygotowania, aby nie zawadzić o byle sęk, aby wybrnąć z trudności rozmaitych, niespodzianych nieraz, dawnej pisowni. Kto więc z tych rot dla języka korzysta, musi sam krytycznie tekst zbadać. Więc jak wdzięczniśmy za dostarczenie nowego, cennego, pewnego materiału, taksamo zastrzegamy sobie właściwe jego obrobienie z strony językowej; na dowod przytoczę i inne rot, wyławiając z nich, co ciekawsze.

Nr. 36 »ad ferendam sententiam Kuskoszany« — wydawca szuka jakiejś nieistniejącej miejscowości, Kuskowo itd., ale to glosa *polska* do łacińskiego tekstu: *ku skazaniu* (zawsze tak!).

Nr. 42 i częściej uderza nas *wianny list* (literae dotis), zamiast *wienny*, porównaj podobną nieprawidłowość w *zamyanne* nr. 2044.

Rota 91 i 129, obie najobszerniejsze, wypisane znakomitym istic językiem. Uderza jedna rzecz, formy *trzi grziwne* i trzykrotne *oty dziedzine*, zamiast *grzywny*, *dziedziny*; możnaby porównać w rocie 423 *mey zone* (żony?), a w rocie 1117, *thy vandole*, zamiast *wądoły* (por. rotę 1284 *wandolow*): jak należy te mylnie *e* rozumieć? W rocie 129 obok listu sądowego mamy i *twardość* t. j. Urkunde = Handfeste, z czego Czesi *hamfešt* zrobili; to *twardość* więc jest ukryty germanizm (jak *jutrzyna* Morgen, *pokoj* Gemach, *gaić* hügen itp.). Ciekawe part. praes. *byerzą* (biorąc, wedle praes. *bierzę!*).

W rocie 222 czytamy *do gey braczy ot ney* — czy taka forma możliwa, czy nie należy czytać *braczyey*? *Ot* zawsze jeszcze przez *t* pisz, wyjątkowo *od* mianowicie po złożeniach: *oddać* itp.

W rocie 274 czytamy *nerosdzielil saniną dzesyancy kop pyenandzi*, należy czytać *szemuą* albo *sznią* — myłki pisowni, powtarzanie liter itp. wcale nie tak rzadkie, żeby się na nie niemożna powoływać, np. *dandzą* zamiast *dadzą* 265 i i.

Ponieważ czas i miejscowość ściśle określone, możemy pytać, jak się zachowywał pisarz wobec różnych zjawisk, przeważnie formalnych;

widzimy, że daleki on od wszelkiej jednostajności, że może takich i owakich form używać. Np. co do *ow* i (*j*)*ew*. W nazwach miejscowych *-ew* do dzisiaj zachowano, więc np. *Drwalewo*, *Niemojewo*, *Nieśluszewo* itd.; w nazwach osobowych również przeważa, więc *Piotraszewi*, *Andrzejewi*, *Przedwojewi*, *Maciejewi*, *Mikołajewi*, *Jakuszewi*, *Grzegorzewi* (w rocie 357 *Andrzejewi* czytaj również *Andrzejewi*), *Łaszczewi*, ale już i *Boguszowi*, *Gręboszowi* 2264 i 2798, *Bartoszowa* obok *Bartoszew*, a szczególnie u nazw pospolitych, np. w rocie 2681 obok siebie *Andrzejewi* *zięciowi!* *stryjowi* 3738, *oćcowi* 589, *kmieciowi* 519 i 661, *kosincow* 592, *kopcowi* i *gajow* 3925, chociaż i tu jeszcze znajdziemy *dosucie kopcew* 470, *palew* 1710, *pnew* 290, *iscew* 828.

Ten brak jedostajności uderza nieraz, np. part. praes. kończy się już na *-ac*, *przyjdc* itd., ale są i formy na *-e*, *siedzę* 599, *przyjdcę* 3185, *wymknę* 362 (naturalnie w znaczeniu dokonanym t. j. *wymknąwszy*, *przyszedszy*; co do *wymknąć*, dziś mówi się *dobyć*, np. *wymknę siekierkę*, *pilatykę nań pomknął* t. j. *dobył*; *pilatyka* albo *pilatyk* *cultellum*, np. w aktach poznańskich konsystorskich XV wieku *pilatico percutere* t. j. *cultello* — może od *Pilata* przezwana?).

Podobnie w gen. sing. mamy obok *brodu*, *roku*, *postu*, *gaju*, *posagu*, *plātu*, *pozwu*, *długu* (raz i *dulgu* 1963 omyłką): *lista*, *przywileja*, *skota*, *morga karczu* itd. Więc u tego samego pisarza w tym samym czasie znajdujemy starsze i młodsze formy obok siebie; podobnie dat. *parobku*, *mężu* itd. obok *-owi* i *i*. Zachował np. starszą, rzeczownikową odmianę u przymiotników dzierżawczych na *-ow*, np. *macierze* (gen. consonant. *matere!*) *Mikołajewy*, *Panowu kmieciu*, *w pana Stanisławowie gaju* (nieraz pisze *Stanisławi* itp. wedle łacińskiego wzoru!, *Roslawowi* = *Roslao*, zamiast *Roslawowi* itp.), *na Przedpełkowie łące*, *ku Michałowie ręce*, *Adamowa skota*, *Adamowa* (mylnie *Adamowo!*) *żyta*, *po Margorzancinie mężu* itd. Gen. plur. jest *trzy* i *trzech*: *nie wziął trzy set złotych* 1184, *nie dał trzech ran*, *wyszej trzech lat i trzech miesięcy* itd. Używa stale *mieć*, *ma*, ale są i formy z *i*, np. *imam* itd. Tym bardziej uderza, że 1. praeter. urabia na jeden tylko sposób, bez *śm*, lub *śmy*, a więc tylko *dałem*, nigdy *dałemś*, np. *jakom nie biegał*, *anim wyganiał*, *jakom przytem był* albo *byli!* I to uwagi godne, że względność oznacza przez *co* lub *jenże* itp., nigdy przez *ktory*, tak częste w społecznych rotach radomskich, np. radomskie nr. 57 *o tę drogę o którą Warsz pozwał koraż droga bieży* itd. W rotach brzeskich z tych samych lat niema tego ani śladu, zawsze tylko np. *jakom ja niemiał przypisać tu dwu kopu na tę zastawę*, *cso ją dzirżę* (ktorą dzirżę!); *jedno ten csoż mu ji moj brat wrocił* (ktory mu b. w.); raz tylko przychodzi *ktory*, w

znaczeniu jakikolwiek, którykolwiek: *acz się przygodziły ktore rany, to są za jego początkiem.*

Wspomnijmyż jeszcze dawne sien: *jakom niemiał dać pieniędzy na ty gody* (Nativitas Dominica) *co minęli ale na sie gody, co mają przyć;* por. *dosichmiast, dosiego roku* (archaizm!). Pisarz stale dzieli: *a on, a oni*, nie (jak Czesi a czasem i Polacy), *an, ani*; ale raz, zdaje mi się, *any* zamiast *a ony* położył: 2614 przysięga Embrich za Adamem przeciw Dzierzkowi: *jakom widział Dzierzkowy świnię bieżąc s Adamowa żyta any mu uczinili škodi pro 2 marcis, ani* niemiałoby tu dobrego sensu, więc czytaj *any* = *a ony*, chociaż szkodę bardzo wysoko oznaczono.

Po tych uwagach o różnaitości form, o braku jednostajności, wracam do poprawek sensu i tekstu.

Rota 1025: *esz* (*eż*, wszędzie; wydawca dwa razy po naszymu *sze* pisze, 1759 i 2196, *jakom przytem był eż kmiemie wczynali że panowie* itd.; *ręczył nam za Annę że nam miała wzdac*, czy nie zamiast *eże?* por. *esze* 3947) *Przedpek w tej zwadzie nie był bo wtenczas własny był anyiego zabicz caszal*; wydawca czyta *własny*, zamiast *w łaźni*; co do pisowni *yi*, to nieraz ją spotykamy, np. w końcówkach *-yil* (*zapłacyil* 681 i i.), bez żadnego znaczenia.

1522 całkiem dobrze napisano, *jakom Thomkowa gaju dwu stu drzewa nieporębił*, wydawca wstawia mylnie *w przed Thomkowa!* Można by tylko zapytać, czy nie należy czytać *drzewia* (collectivum)? W rocie 1515 czytamy, *eż Falibog tę pięć grzywien jest przycisnął, eż ty pieniądze mają być sgnynń zastawą płacony to jest cum 70 marcis a jego otec w zastawie nie dzirzał*: wydawca przypuszcza tu nom. propr., z *Gnina*; myślę że należy czytać z *jina zastawą*, *n* fałszywie powtorzono. Taksamo domyślono się mylnie nom. propr. w rocie 2124: *jakom przytem byli eż Stanisław ręczył 20 kop a gdy by mu jich nie zapłacił, tedy miał mu dać w Rzescheuye* (intromissionem) *we dwa źrzebia na gody*. Tu nie ma nieistniejącego Rzeszewa, jest tylko wrzeszenie intromissio, zwykły termin prawny; nawet w dalszym ciągu: *a stich osyadli kaszdego kopa grosschy platu* czytałbym dosłownie: *a z tych osiedli każdego k. gr. p.*, wydawca domyśla się: *a z tych osiadłych z każdego* itd., co niepotrzebne.

Wymienię kilka dawnych form i znaczeń lub słów. Od szesnastego wieku używa się rzeczownika *kopja* (rodzaj żeński, może według *włocznia* itp.), ale tu mamy jeszcze pierwotne neutrum, *kopje*, 1071 *eż przydąc na Tworzyjanowę dziedzinę kmięcia jego kopjem (copigem!) zakłot*; dodaję, że końcówki równe odmiennie wypisano: *Tworzianowo (!)*

dziedzina, ten błąd powtarza się nieraz. *Tworzycjan* tłumaczy *Florjana*; oczekiwilibyśmy raczej *Kwieciana*; niewiem, czy tu nie wpłynął i termin bartniczy o *tworzeniu* (pszczoł z kwieciana!).

Co znaczy *przepite* w r. 984? M. procurator tenetur penam *niestane* contra G. kmethonem pro $\frac{1}{2}$ sexagena *przepitego*, porównać można r. 517 S. debet statuere duos *arbitros* contra J. cmethonem pro $\frac{1}{2}$ sexagena quam *perbitit*. Myślałem z początku, że to polska (nieznana dotąd) nazwa Leihkauf'u, litkupu (mercipotus, na Rusi mohoryczem i baryszem nazywanego), ale prawdopodobniej twierdzi Dr. Przem. Dąbkowski, Litkup, studjum z prawa polskiego, Lwow 1906, str. 8, z powodu zapiski łączyckiej z r. 1398 (mihi tenetur 6 grossos *przepitego*), i kościańskiej z r. 1375 (pro $1\frac{1}{2}$ marca bibalibus vulgariter *przepite*), że to tylko »wartość tego, co się przepiło«, chociaż *bibaliu* i *bibitio* przy mercipotus właśnie używano i nie o karczmach ani karczmarzu, u których chyba najłatwiej by przepić, mowi się w wszystkich tych zapiskach.

Z nazw pokrewieństwa wypada wymienić *swatones* (!) *rivali* (!); *swieść*, *socrus*; najciekawsza, to acc. sing. *obsyłał swoją jątry* (*yantri*), nie *jątrewo!*; dalej mniej zwykłe *s szwymi siostrzanięty* (inne rzeczowniki na -ę mają zwykłą odmianę, *dzeczyacyó!* 3651, z podobnym błędem pisowni *bidlancyó* 3586 t. j. *dziecięcia*, *bydlęcia*) — inne są zwykłe, np. *swak*, *oczczym* itd. Przy nazwach tych można przytoczyć i odojcowskie na -ic, w polszczyźnie XIII wieku ogólne, w XIV w. gubiące się stanowczo; o toż ciekawa rzecz, że na Kujawach istnieją jeszcze w XV, np. tylko w dwu rotach, 3740 i 3741, czytamy N. *Andrzychowic*, N. *Latalic*, N. *Kolankowic*, N. *Więcewic*, N. *Brończyc*, N. *Swinczyc*, i N. *Krolewic* (filius Regis, jako nomen proprium! Stanisław i Thomas Krolewie de Lekarzewice); jedno nazwisko tu nie należy, w rocie 1288 przysięga P., *jakom Falowyczoui lank ne posyekł*, wydawca wymienia tu jakiegoś *Falowica*, chociaż nigdzie po nim śladu niema; należy czytać: *Falowych i żony łak nie posiekł*, bo zaraz dalej czytamy: *jakom nie porębił Falowa gaju i jego żony!*

Z innych rzeczowników wymieniam: *dworznik*, nie *dwornik*, podobnie w dawniejszych tekstach *Jaworznik*, później *Jawornik* itp.; *stabularium konica* (w tekście *koncza?*); *płosy* *merulae*, zamiast czego i *nivy*; *forwark* jeszcze, nie *folwarek*; acc. jak nom., a więc o *chart czyrniwy*, nie o *charta czerniawego*; gen: plur. *kmiot* (wedle *przyjaciol* itp.); dat. *dzieciem*, *ludziem*, ale *pieniądzom*; instr. późniejszy *rzeczami*, nie *rzeczmi!*; *w tych pieniądzech!*; *rządca* pisze się stale bez *d*, *rzancza*. Jedna forma niby kaszubska: *przidatk* rota 2749, ale czy to nie pomyłka, np. zawsze czytamy *pomiarek*, *Wicher* (nom. propr.) itd., więc

czyż nie i *przydatek*? Co do nom. propr. wyliczam jeszcze ciekawsze: *Kolibaba, Poziemichod, Wircikij, Wielguch* (ale *Cienkusz*), *Czystopłowy, Pizdzimęka, Ornaf* (t. j. rogalek, niemieckie!), *Pirdziączka, Kosnababka* (?), *Żyzno* forma neutrius, taksamo *Tłusto*. Słowa *kopiniec* w opisanu granic, rota 3755, nierozumiem: czy to nie nom. propr.?

Z przymiotników warto przypomnieć, że na *-ski* urabiane odrzucają od rzeczownika te przyrostki, co już relację oznaczają, a więc od *Osięcin* (czy nie to samo co *Oświęcim*? jest i forma *Osięcim!*), brzmi przymiotnik *osięcki*, nie **osięciński!* (por. *lubelski* od *Lublin, gdański* od *Gdańsk* itp.); w rocie 1378 czytałbym: *jako nie kazala swemu posłowi w Osięc(inach) nijednej szkody uczynić*, w rękopisie jest *wszyancz*, niby *wziąć*, ale to sensu dobrego nie daje a i inne nazwy miejscowe skraca pisarz w podobny sposób. Przymiotnikowe nazwy dygnitarzy itd. tracą już dawne neutrum, a więc *łowcze* całkiem wyjątkowe, zwykle *łowczy*, por. *podkonie*.

Z zaimków, liczebników itd. zwracam uwagę na zmianę konstrukcji w rocie 1108: F. przysięga, że wrocił dziedzinę *s tele żyta i s tele nasieniem i stą połowicą siana* itd. (nie *isca połowicza*). Nie *poki*, lecz *poko* 1832. Z liczebników warto wymienić, że w złożeniach liczby pojedyncze kładą naprzód, jak w niemieckim, jak po narzeczach polskich, np. w kaszubskim itd., a więc *nie dał pięci dwudzieści grzywien*, por. 1895: *siedmiorga była i siedmidziesiąt* (77!). U przyimków *e* wsuwnie, nie tylko *we dwa, we młyn, ze młyna, we młyńc*, ale nawet *ke tey!* 3789, co chyba fałszywe, i *przeze szkody* 1950 (bez szkody). *Niżli* bez poprzedzającego comparativu (prędzej, bardziej itp.), np. *tom pociądzal ji o czynsz* (pirwej) *niżli mi ji dał*, por. 291: *wyszła ziemska dawność* (przedawnienie), *niżli żałowano*, ale 298 *eż dawność ziemska* (uważaj na szyk przymiotnikowy!) *wyszła pirwej niżli pozwali*; podobnie i w późniejszej polszczyźnie, np. u W. Potockiego: *szczęście za bękartem niżli za poczcivym chodzi, błazeństwa poptłacają niż ewangelija* (t. j. więcej, lepiej, niż), *więc niż mej rady ich słuchać nauki* itd.; my dziś tylko przy czasowym stosunku *niż* używać możemy samego, bez *pierwej* itp.

Z czasowników wymieniamy rzadsze *wściagnąć* *arrestare*, *fantować*, dla częstotliwego i wyłącznie jako termin prawniczy używanego *ciądnąć* *pignorari* (rosyjskie *iz-tjazat*), *ciądza* *pignoracio*, np. *csom wściagnął Wroca, tom ji wściagnął w mego pana gaju a on jego gaj rąbi* 2060. *Obligavit polucyil* Piechnam *Przedwojo do pozicu* tłumacząc: *połączył* (włączył do pozwu), *u* zamiast *nosowki*, chociaż drugiego przykładu na to niemam: o pisowni *yi* zamiast *i* wspominaliśmy wyżej. *Pożyczyć* z gen., *jakom ja pożyczył kopy* (nie *kopę!*) *groszy* (zawsze taki gen. plur.,

taksamo *pieniędzy* itd.). Dawny czasownik *przyjać* i *przyjachać* zachowany, wydawca zbytecznie poprawiał, *jakom ja nie przyjał na Dzirżkowę dziedzinę*; w rocie 3294 pisze wydawca: *kiedy gechano na Brodnicką wojnę* — czy tak w oryginale, czy nie *gachano*? Part. praet. ma już zbyt -w, *zaszedo*, ale *wzią* pomyłono zamiast *wziął* (rota 1829); w tejże rocie zamiast *srzedł przecz sze mlyna* czytaj *szczedł* (*szcz* zamiast *ssz!* staropolskie) *przech ze m*. Dawne częstotliwe *zaimać* i *przyimać* (zajmywać, przyjmować dziś): *jako przyimał na się ale nie na swą macierz, gdy bydło zaimał wtedy je odbijał*. Rząd w dawnej polszczyźnie, myto, najem, a więc: *jakom Łaszczewi zapłacił jego myto, cso na mnie był wyrządził* t. j. zamowił, się najął, narządzone = najęty.

Wydawcy zapisek sądowych XV wieku nigdy ich dotąd w całości nie drukowali, od Helcla począwszy dawano tylko ich wybor; nasz wydawca odstąpił od tego wzoru i wydał całkowitą księgę. Można to raz, dla przykładu, uczynić; nie życzyłbym, żeby z tego regułę robiono — dokąd bowiem zaszlibyśmy, gdyby te liczne księgi in extenso ogłaszać! Przez takie całkowite wydanie napływa jednak olbrzymi materiał onomastyczny: wyżej dałem kilkanaście przykładów imion osobowych, należałoby jeszcze o miejscowych wspomnieć, nieraz ciekawych. Pomijam fakt ogólnie znany, że np. neutra rodzaj mieniają powszechnie, a więc *Smolsk* dziś, dawniej *Smolsko* (por. *Śląsk* zamiast dawniejszego *Śląsko*); *Żegocin*, dawniej *Żegocino*; *Zięmięcín*, dawniej *Zięmięcino* i tak ciągle — najciekawszy *Koneck*, ściągnięty z dawnego *Konojecko* = *Konojady*, znany ślad pogaństwa upornego, konie najmilsza bogom ofiara i dlatego ich księża zakazują; mniej mają z mitologją *Strzygi* (czarownice), do czynienia. Albo *Zgłowiączka*, nazywa się pierwotnie *Zgowiątka*, deminit. do *Zgowieudy*, a więc od *gowędo* pochodzi, z *głową* nic niema spólnego! Jeszcze bardziej odchylił się *Sadług*, niby z *sadłem* w związku, ale dawna forma brzmi *Sablog*, *Seblog*, *pani Sabloska* i *Selloska* (!); *blog* istnieje w *Osobloga* i i. Jeszcze ciekawszy dzisiejszy *Zbłag*, dawniej *Śbłładz*! Temat *Rp*, częsty w dawnych nazwach, *Rpisz*, *Rpik* (por. ruskie *Irpeń*), powtarza się w *Rpikowo*, dzisiejszym *Orpikowo* (z przystawką!). Lecz to temat osobnej rozprawy.

Oto więc probka polszczyzny kujawskiej zprzed pięćuset laty, typowa dla całego języka, najbardziej odbiegającego od normy prasłowiańskiej. Nic w tym dziwnego: zajęta przecież polszczyzna albo raczej została w samym środku pierwotnej słowiańszczyzny a właśnie języki ludow, nie zmieniających sadyb pierwotnych, same największym ulegają zmianom, rozwijają się najdalej; narzecza na peryferji, oddalone najbardziej od prarodziny, zachowują przeciwnie najbardziej

archaistyczne znamiona. Dawno to już zauważyli Ratzel, Hirth, Wilser; ostatni Albr. Wirth, Zur Geschichte Asiens und Osteuropas, Halle 1905, str. 31, najliczniejszymi to poparł przykładami. Najwyraźniejszego może dostarcza właśnie słowiańszczyzna: w dziewiątym stuleciu najbardziej starożytnym, najbliżej ku prasłowiańskiemu przedstawiał się język owej placówki na najdalsze południe wysuniętej, ow djałekt z nad morza egejskiego aż, z południowej Macedonji, około Solunia, i dziwnym trafem właśnie ten djałekt pierwszy na piśmie ustalono, czym uratowano nam niemal pierwotny wzor słowiański, z ktorego wtedy w polskim języku, w IX. wieku, nieraz już i śladu nie-zostało, np. co do półsamogłosek! Niegdyś twierdzono przeciwnie, jakoby języki, czym bliższe prarodziny, kolebki, tym pierwotniejsze były; wywodząco nawet z tego punktu starożytność sanskrytu! Dziś wiemy przeciwnie, że sanskryt dla tego właśnie tak starożytny, że najdalej odbiegł od kolebki Arjow europejskiej. Podobnie ma się rzecz na gruncie słowiańskim i języki słowiańskie nie od polskiego, ale polski od nich tłumaczyć i objaśniać należy — gramatyka umiejętna polska dopiero wtedy pierwszymi krokami naprzód postąpiła, kiedy z słowiańską się sprzegła. Więc wyjaśnienie zagadnień gramatyki słowiańskiej wprost polskie tłumaczy; stosunku np.: *mądry-mędrszy*, t. j. przyczyn jego, z samej polszczyzny nigdybyśmy ani się domyślili. Chociaż najsubtelniejsze i najliczniejsze prace Jagića gramatyki południowej słowiańskiej, a w niej w pierwszym rzędzie »starosłowiańskiej«, dotyczą, pada od nich światło, wprost czy pośrednio, i na nasze własne poszukiwania i zawsze owe prace z szczerą wdzięcznością uznawać, zawsze z nich korzystać będziemy; one to przyswiecają nam przykładem, jaki zawsze naśladować należy, jeżeli naukę o języku polskim posuwać i pogłębiać mamy.

A. Brückner.

Слѣды богатырскаго эпоса въ бѣлорусской народной поэзіи.

»Старины«, или какъ обыкновенно называютъ ихъ »былины«, совершенно неизвѣстны бѣлоруссамъ; въ многочисленныхъ сборникахъ народныхъ произведеній этого племени, какъ уже неоднократно отмѣчалось разными учеными (ср. напр. Всев. Миллера »Очерки русск. нар. словесности. Былины«. Москва 1897, стр. 68), напрасно было бы искать старины. Лишь въ записяхъ, сдѣланныхъ въ мѣстностяхъ, пограничныхъ съ великорусскими, въ послѣднее время отмѣчены кой-какіе остатки историческихъ пѣсенъ.

Но не слѣдуетъ думать, чтобы сказанія о богатыряхъ никогда не были извѣстны бѣлоруссамъ. Мы имѣемъ нѣсколько несомнѣнныхъ свидѣтельствъ, начиная съ конца XV вѣка, говорящихъ о томъ, что бѣлоруссы знали рассказы о богатыряхъ, какъ представителей сверхъестественной силы и народныхъ герояхъ, и даже помнили имя главнѣйшаго изъ нихъ. Всѣ эти мѣста уже отмѣчены разными учеными (П. В. Владимировымъ, А. И. Соболевскимъ, А. Н. Веселовскимъ). Мы ихъ напомнимъ. Въ западнорусской Четвѣ 1489 г., писанной поповичемъ Березкой изъ Навагородка литовскаго, въ одной передѣлкѣ слова Іоанна Златоуста говорится о »храборахъ«, которые дѣлають »добрая дѣла богатырская« на осподарскомъ дворѣ (Владим. Обзоръ южно-русс. и западнорусскихъ памятниковъ письмен. Кіевъ. 1890, стр. 19). Извѣстный западнорусскій ученый начала XVI в., докторъ Францискъ Скорина изъ Полоцка, переводчикъ Библии 1517—1525 г., также зналъ о богатыряхъ и съ ихъ подвигами сравнивалъ дѣянія судей и героевъ израильскихъ. Такъ въ предисловіи къ переводу онъ говоритъ: »Аще ли же коханіе имаши ведати о военныхъ а о богатырскихъ делехъ чти книги судей, или книги Махавеевъ. Более и справедливее в нихъ знадеш нежели во алеѣандрии или во трои«. Въ предисловіи къ книгѣ Судей о Сампсонѣ сказано: »и иныи богатырскіи многіи дѣла чинилъ« (Владим. Докт. Фр. Скорина. Спб. 1888, стр. 116). Слово »богатыр« у него же въ

Бытїи, 4 б. Въ бѣлорусскомъ сборникѣ Моск. Публ. и Рум. муз. No. 358 (описанномъ Востоковымъ) въ одномъ лѣтописномъ разсказѣ: »о начальствѣ рускыя земля«, написанномъ въ началѣ XVI в., читаемъ: »У князя Володимера было храбрыхъ богатыровъ много; и начатъ ихъ посылати по всѣмъ градомъ и странамъ«. Акад. А. И. Соболевскій, обратившій вниманіе на это мѣсто (ЖМНПр. 1889, июль, »Къ исторіи русск. былинъ«), полагаетъ, что это извѣстіе о »богатыряхъ« Владимира Святого взято авторомъ статьи изъ бѣлорусскихъ народныхъ пѣсенъ его времени (стр. 17). Наконецъ проф. Первольфъ обратилъ въ свое время вниманіе акад. А. Н. Веселовскаго (Южнорусскія былины. Спб. 1881, стр. 16 sq.) на сатирико-юмористическое письмо 1574 г. оршанскаго старосты Кмита къ Остафію Воловичу, кастеляну Троцкому. Жалуюсь на свое тяжелое положеніе, Кмита между прочимъ говоритъ: »*Pomsti Boże hosudariu hrechopadenije, chto rozumiejet, bo prijdet czas, koli budiet nadobie Ilii Murawlenina i Sołowia Budimirowicza, prijdet czas, koli budiet służb naszymъ potreba*« (стр. 64). Здѣсь главный русскій богатырь названъ даже по имени.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ старину у русскихъ племенъ, легшихъ въ послѣдствіи въ основу бѣлорусской народности, сохранялись сказанія о богатыряхъ: кромѣ близости Кіева, этому содѣйствовали и мѣстные эпическіе разказы о такихъ князьяхъ-герояхъ, какъ напр. Всеславъ Полоцкій, о которомъ даже авторъ »Слова о полку Игоревѣ« нашель необходимымъ упомянуть: »самъ въ ночь влѣкомъ рыскаше; изъ Кыева дорискаше до Куръ Тмутороканя; великому хрѣсови влѣкомъ путь прерыскаше. Тому въ Полотскѣ позвониша заутреню рано у Святыя Софен въ колоколы: а онъ въ Кыевѣ звань слыша«. Какъ этотъ князь напоминаетъ былиннаго Волха Всеславьевича!

Разореніе Кіева послѣ татарскаго нашествія, съ одной стороны, объединеніе западнорусскихъ племенъ подъ властью Литвы — съ другой, наконецъ, установленіе болѣе тѣснаго общенія съ Польшей, начиная уже съ конца XIV вѣка, и особенно соединеніе Западной Руси съ послѣдней въ XVI вѣкѣ, несомнѣнно, повліяли на постепенную утрату былинной поэзіи у бѣлоруссовъ. Разказы о богатырскихъ подвигахъ смѣняются сильно распространяющимся при посредствѣ Запада и отчасти Юга Александріями, Троянскими сказаніями, западными рыцарскими повѣстями, которыя, насколько можно суждать хотя бы по сохранившимся до нашего времени рукописнымъ остаткамъ, въ большемъ изобиліи шли къ бѣлоруссамъ черезъ Польшу. Въ позднѣйшее время паденію былиннаго преданія содѣйствовали разные искусственные юмористическіе стихотворные разказы, охотно разучиваемые наизусть, въ родѣ Энеиды Ровинскаго,

Тараса Полѣсовщика и др. произведеній начала XIX вѣка. Самое слово >богатырь<, въ смыслѣ силача, вышло изъ употребленія, а стало обозначать человѣка >богатаго и уважаемаго<. Въ этомъ значеніи оно повсемѣстно употребляется въ Бѣлоруссіи.

Сила народнаго преданія однако такъ велика и консервативна, что обломки богатырскаго эпоса, хотя и не въ формѣ мѣрныхъ >старинъ<, а въ болѣе легкой для устной передачи формѣ сказокъ, сохранились до нашего времени. Если могло бы быть нѣкоторое подозрѣніе о заимствованіи такихъ сказокъ у сосѣдей великоруссовъ въ восточныхъ областяхъ Бѣлоруссіи, то о западныхъ, гдѣ въ послѣднее время сдѣланы любопытныя открытія въ этомъ родѣ, о великорусскихъ заимствованіяхъ, мнѣ кажется, не можетъ быть и рѣчи. Нельзя говорить здѣсь и о книжномъ влияніи, такъ какъ записи сдѣланы со словъ лицъ, вѣроятно, незнакомыхъ съ русской грамотой.

Извѣстные намъ у бѣлоруссовъ обрывки богатырскаго эпоса расположимъ по сюжетамъ, дѣлая вездѣ ссылки на соответствующія страницы сборниковъ народныхъ произведеній и мѣсто записей, если таковое указано¹⁾. Болѣе цѣльную картину представляютъ сюжеты, изображающіе подвиги Ильи Муромца, хотя иногда онъ и не выступаетъ подъ своимъ именемъ. Таковы:

1. Чудесное полученіе силы.

Лицо, чудеснымъ образомъ получающее силу, называется разнo: Ильей (Ильюща Ром. III, 259, Быхов. у., Илья Ром. IV, 17, Гом. у., Илья Добров. I, 397), рыцаремъ (Feder. II, 82, Сокольск. у.), Иваномъ (Ром. VI, 401). Богатырь сиднемъ сидитъ 30 лѣтъ (или лежитъ на одномъ боку 23 года, Ром. III, 259). Въ отсутствіе родителей къ нему приходитъ Господь въ видѣ старичка (Ром. и Добров.), или *utroch ludzi staryje* (Feder. II, 82) и просятъ дать имъ напитокъ. Богатырь готовъ ихъ напоить, но не можетъ влѣдствіе невладѣнія руками и ногами. Странники приказываютъ ему подать имъ напитокъ и предлагаютъ вы-

1) Именно: Ром. = Е. Р. Романовъ. Бѣлорусскій сборникъ. Вып. III — 1887 г., IV — 1891 г., VI — 1901 г.; Добров. = В. Н. Добровольскій. Смоленскій этнографическій сборникъ. Ч. I — 1891 г., IV — 1903 г.; Шеймъ = П. В. Шейнъ. Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-Западнаго края. Т. II — 1893 г.; Feder. = Federowski. Lud białoruski na Rusi Litewskiej. Т. I — 1897, II — 1902 (Матеріалы собраны въ 1877—1893 годахъ). На другіе источники ссылки будутъ дѣлаться полныя. Нѣкоторыя изъ приводимыхъ здѣсь сказокъ Романова и Добровольскаго уже отчасти привлекались къ исследованію А. Н. Веселовскимъ (Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха, XXII, 153 sq.) и В. О. Миллеромъ (Очерки, 68, 376, 387 и др.), который вообще не допускаетъ существованія когда бы то ни было быливъ у бѣлоруссовъ.

пить самому. Онъ выпиваетъ сразу ведро воды (Ром. III, 259), или вина (Feder. II, 82, причемъ пьетъ три раза), или кружку квасу (Добров. I, 397) и чувствуетъ страшную силу: »могу отъ земли неба достаць, а отъ неба земли« (Ром. III, 259); »колибъ хто поставивъ слупъ, у зѣмлю конецъ и ў небо конецъ, и ўбивъ колцо у слупъ, увесъ бы свѣтъ оборотивъ« (Ром. VI, 401); »*czuju takuju silu, co tycioby cisiu ziemi pieruicernuc, zeb tylo dali mnie taki stoup*« (Feder.). Богъ или старцы находятъ, что силы дано слишкомъ много и предлагаютъ ему еще выпить того же напитка. Послѣ этого силы становится вдвое меньше: »*teraz tylo polowa zastaloscie silu*« (Feder.). На прощанье Господь говоритъ ему: »живи жъ, Ильяша, на здоровья и очищуй свѣтъ« (Ром. III, 259).

2. Очистка поля отъ лѣса.

Родители богатыря были въ полѣ: очищали землю подъ пашню (пошли »лядо сѣчь, копать« Ром. III, 259, IV, 17), или по западной версиі: »*paszli џ pole zac*« (Feder.). Почувствовавъ въ себѣ огромную силу, богатырь снялъ ворота, поставилъ на нихъ бочку воды и 12 булокъ хлѣба и понесъ на головѣ къ родителямъ (Ром.). »*Zebу zaraz tylos na pole radzicam abid*« — побуждаютъ его старцы и у Федеровскаго (II, 83). Когда они ѣли, а затѣмъ отдыхали, богатырь занялся очисткой лѣса: деревья (дубы Добров. I, 397, 398) вырывалъ съ корнями и забросалъ ими мѣстность ва 7 верстъ (25 десятинъ Добров.), причемъ запрудилъ рѣку Дунай (Десну Добров.). Вода начала затоплять прилегающія мѣстности, такъ что пришлось и рѣку расчищать (Ром. III, 259).

3. Покупка паршиваго жеребчика.

За пять золотыхъ Илья покупаетъ у попа »коросыливаго« жеребчика и пускаетъ его на 12 сутокъ въ поле откармливаться (Ром. III, 260). Подобнымъ образомъ поступаютъ и другіе герои въ разныхъ сказкахъ (Ром. VI, 520, указатель: »конь«). По другому варианту (Добров. I, 398) Илья покупаетъ у сосѣда кобылу, которая 30 лѣтъ лежала, не двигая ногами. И она откармливается въ полѣ на свободѣ. Интересно описаніе въ нѣкоторыхъ сказкахъ упряжи богатырскаго коня: »Тяперь«, говорятъ одна такая лошадь, »мяне сѣдай: клади на мяне сядло чаркѣсьская, и войлокѣ-бухарочки, потпружи мяне дванадцатимы потпругамы! Тяперь садись на мяне лѣпко и дяржись крѣпко, и узнимемя вышы лѣсовъ стоячихъ, вышы воболокъ ходячихъ!« (Ром. VI, 363, 377).

4. Встрѣча съ разбойниками-станишниками.

На этотъ эпизодъ имѣется лишь краткое указаніе у Федеровскаго (II, 83): »*jedz prdsto na schyod stynka bez* (= черезъ) *hetyje lesè, to jeduczny napatkajesz zaraz dwanascie razbujniki, to zaraz kladzi џ tuk kuli (i) bij*«.

5. Борьба съ Соловьемъ Разбойникомъ.

Разсказъ объ этой борьбѣ имѣется у Романова (III, 260), гдѣ вмѣсто Соловья выступаетъ Соколъ («И сядѣвъ тѣй нягідный Соколъ на двананцати дубахъ одзинъ, и у яго двананцаць роговъ»; разсказъ о сраженіи извращенъ), Добровольскаго (I, 399), передающаго эпизодъ примѣрно такъ же, какъ въ былинахъ, и у Федеровскаго (II, 83). У послѣдняго старцы говорятъ рыцарю: *»jędz dąleĵ ۽ lesę, znąjdziesĵ tam dwanąście dębę agrómnnych, a na ich hniezdę, a ۽ tęom hniezdzię zmiej będzie z adnajeĵu haławęju. Jak będziesĵ radjędzđac, to ĵyon świsnie«*. Свистъ не повредитъ рыцарю, и онъ пусть стрѣляетъ *»۽ prąwaje óko«*; змѣй упадетъ; *»tedy bierę ĵehę, przywieżę da siedłą i jedz z ĵim pręsto da króla«*.

6. Приѣздъ Ильи къ князю.

О пирѣ у князя говоритъ только западно-бѣлорусская сказка (Feder. II, 83): *»u króla będzie więłki bal«*, на которомъ будутъ отовсюду богатыри *»i kążun będzie chwalcęsie, a jak będuć pytąć, chto ty ĵest, to ty skążę: co ĵa najsilnięjszy z was ۽sich«*. Далѣ казнь Соловья, послѣ его страшнаго свиста, изображается, согласно съ былиннымъ разсказомъ, у Добровольскаго (I, 400) и у Федеровскаго (II, 84).

7. Идолище Поганое.

Въ сказкѣ у Романова (III, 261) Соколъ (Соловей Разбойникъ) доставляетъ пищу царю Прожору. Узнавъ о смерти своего вѣрнаго слуги, Прожоръ предлагаетъ угощеніе Ильѣ, но послѣдній «схавивъ зъ головы свою шапку — двананцаць пудовъ» и убилъ Прожора. Подобное же лицо — Обжора выступаетъ въ сказкѣ собранія Добровольскаго (I, 401); и его убиваетъ Илья своею шапкой. Въ параллель былинной «шапкѣ земли греческой» или извѣстному колоколу на головѣ старчища-пилигримища можно указать богатырскую шапку въ 500 пудовъ, которая давитъ людей: «быгытырскыя шапка дужа тѣжолыя, дыкъ ина зыдавила яго» (Ром. VI, 147, ср. еще 118).

8. Смерть Ильи.

Только въ одной сказкѣ Романова (III, 262) говорится о смерти Ильи и о погребеніи его въ пещерахъ кievскихъ.

Что касается другихъ богатырей, то въ бѣлорусскихъ сказкахъ имѣются лишь сходные эпизоды, которые можно сравнивать съ тѣми или другими былинными сюжетами. Такъ

а) Мотивъ похоронъ живого мужа съ притворницей женой въ одной могилѣ, какъ въ былинѣ о Потокѣ, находимъ въ сказкѣ «Дѣдъ и баба» (Ром. III, 358—359, запис. въ Сѣннен. у.). Когда дѣдъ живой легъ въ

гробъ съ женой, около полуночи вползла туда змѣя и нарожала дѣтей. Такъ какъ послѣднія оказались мертвыми, то змѣя принесла травы, отъ прикосновенія которой дѣти ожили. Этой травой дѣдъ оживилъ и свою жену.

б) Въ нѣкоторыхъ былинахъ разсказывается про Илью, что онъ получаетъ силу отъ умирающаго богатыря. Тотъ же мотивъ и въ нѣкоторыхъ сказкахъ (Ром. VI, 468).

в) Отсутствовавшій богатырь подаётъ о себѣ вѣсть на свадьбѣ, опуская кольцо въ поднесенный ему невѣстой стаканъ вина (Ром. VI, 376), или чаю (Feder. II, 89). Самъ онъ выдаетъ себя за музыканта (скомо-рошина въ былинахъ) (Feder. ib.).

г) Оборотничество Волха Всеславьевича (Вольги) находитъ въ сказкахъ также не мало параллелей, хотя бы въ слѣдующемъ мѣстѣ (Ром. VI, 489): »Пиридо мной стоявъ добрымъ молодцомъ, по двору бѣхъ чернымъ сободемъ, подъ ворота лѣзъ бѣлымъ горностаемъ, по полю бѣхъ шѣрымъ зайцемъ.«

д) Въ былинахъ про Ваську Буслаевича сказывается о шуточкахъ богатырскихъ, стоившихъ уродства и смерти его товарищей. То же приписывается и нѣкоторымъ героямъ бѣлорусскихъ сказокъ (Feder. I, 112): *U siem dzion paszycy da dzieciuj zabulácsie: jak katòro uchòpić za hòłac, to hòłac adarwiè, a jak za rùku, to rùku.*

е) Есть сказочные герои, которые даже изображаются стихійными чертами старшихъ богатырей. Таковы разсказы о разныхъ великанахъ. Напр. (Feder. I, 201), шелъ однажды великанъ, »ažnò spatykàje nàszàho szùławièka kycònno jèduczy . . . ycziàcy jehò z kaniòm na rùku«, принесъ къ своей матери и спрашиваетъ, что это за червячокъ. Такими же чертами изображаются разные осёлки (ср. Н. Я. Никифоровскій: Простонародныя примѣты и повѣрья. Витебскъ. 1897 г., No. 2289 и 2291).

Былинныя мотивы очень распространены въ бѣлорусскихъ колыбельныхъ и волочебныхъ пѣсняхъ. Разсмотрѣніе ихъ потребовало бы большаго изслѣдованія, такъ какъ сходство въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ содержаніи, а иногда и въ формѣ доходитъ до буквальности. Отмѣчу для примѣра одну такую пѣсню, въ первый разъ напечатанную Чечотомъ (*Piosnki wieśniacze znad Niemna i Dźwiny. Wilno 1846, No. 83*), а затѣмъ перепечатанную Дмитріевымъ и Шейномъ съ ссылкой на Дисненскій и Виленскій уѣзды:

Nia doraha piwa pjanaja,
Dy doraha pasiadenika,
Muskaja pahukanika . . .
A u biasiedzie ludzi dobryje
Nukajuc janu muskoje . . .

Эта заповѣдка очень напоминаетъ, напр., слѣдующее мѣсто изъ былины (ср. Кирѣев. I, 19, 20, 31):

Намъ не жалко пива пьянаго,
Намъ не жалко зелена вина,
Только жалко смиренной бесѣдушки;
Во бесѣдѣ сидятъ люди добрые,
Говорятъ они рѣчи хорошія...

Былинныя мотивы можно найти и въ другихъ пѣсняхъ, напр. въ бесѣдныхъ. Такъ проф. Владимировъ (Введение, 207) въ пѣснѣ »У Тлущку на рынку | Хвалилися два братца | Своєю сестрою . . . « (Шейнъ I, 1, 428) видитъ эпизодъ отношеній Алеши Поповича къ братьямъ Збродовичамъ и ихъ сострѣ.

Въ мѣстностяхъ, пограничныхъ съ великорусскими, былинное преданіе несомнѣнно сильнѣе. Въ II-мъ т. собранія Шейна мы имѣемъ двѣ записи изъ села Денисовичъ Новозыбковскаго уѣзда Черниг. г. Въ одной изъ нихъ »Иванъ прекрасный и князь Ладимырь« (168—170) отголосокъ былины про князя Владимира и Ивана Годиновича. Въ другой »Сяврукъ« (178—179) передается историческая пѣсня »Маструкъ Темрюковичъ«. Она даже изложена мѣрной рѣчью. Вотъ ея начало:

Ой хто жъ того ня знавъ,
Якъ бѣлый свѣтъ наставъ?
Якъ и солнушко взошло;
Якъ и яркія мѣсячка,
Якъ и частыя звѣздочки,
Якъ и темныя хмарычки,
Якъ и сильныя дѣжчачки?
Якъ царь да сыновъ пожанивъ,
Якъ царь дочарей поодававъ?

Далѣе разсказывается, что на свадебномъ пирѣ былъ Сяврукъ; но онъ ничего не ѣсть, не пьетъ, а вызываетъ борцовъ-бойцовъ для состязанія съ ними въ силѣ. Долго не находилось охотниковъ; наконецъ вызвались удалые Калужанцы, по батюшкѣ Микитовичи, по матушкѣ Маринины сыны. Сяврукъ схватилъ старшаго брата за лѣвое плечо, поднялъ выше себя и ударилъ о сыру землю:

Земля стряхнулася,
Вода спляснулася,
Москва улякнулася.

Такимъ образомъ Сяврукъ убитъ. Но

Охъ што жана яго, Сяврушаница,
Бѣло-удалая Черкашаница,
Яна по двору ходзя,
Бѣды ручаньки ломя...

Какъ видно изъ послѣднихъ стиховъ, Сяврушаница могла плакать только по своемъ мужѣ; значитъ, въ былинѣ произошла какая-то путаница.

Мало помогаетъ выясненію содержанія и записъ »Темрюкъ-Кастрюкъ«, сдѣланная въ с. Данковѣ Смол. у., приведенная у Добровольскаго (IV, 609). Недостающія звенья восстанавливаются лишь при сравненіи съ извѣстной исторической пѣснью »Мастрюкъ Темрюковичъ«. Кстати замѣчу, что фамиліи Сѣврукъ или Сяврѹкъ до сихъ поръ очень часто попадаются среди бѣлоруссовъ; можетъ быть эта пѣсня и самостоятельное бѣлорусское произведеніе, и лишь случайно совпадаютъ нѣкоторыя детали пѣсенъ великорусскихъ и бѣлорусской.

Варшава, 1907 г. апрѣль.

Е. Карскій.

O místě attributivního adjektiva a substantivního genitivu ve větě.

Dle I. Kozlovského mělo attrib. adjektivum v staré ruštině své místo před substantivem jako v indoevr. prajazyku. Dokazoval to na základě přísloví, stálých epithet (epitetha ornantia) jako ku př. *sěryj volkъ, černyj voronъ* atd., a zeměpisných jmen jako *Novъ gorodъ, Nová goroda* atd. Mimo to následovalo již v prajazyku adj. za substantivem, šlo-li o nějaký výčet, kde bylo třeba vytknouti především předmět, potom teprv jeho vlastnost. Zde upozornil Kozlovskij na některé zdánlivé odchylky. Mimo to vytknul zálibu v chiastickém slovosledu jako: Edinъ že Izjaslavъ synъ Vasильkovъ pozvoni svoimi *ostrymi meči o šelomi Litovskija*, Slovo o p. Igor. str. 33 (AfsIPhil. XXIII, S. 95—103).

K jinému výsledku dospěl E. Berneker: »man wird wohl oder übel annehmen müssen, daß im Urslav. beide Stellungsarten des Attributs (totiž před subst. a po subst.) üblich waren; daß im Russ. die Nachstellung verallgemeinert wurde, in den übrigen slav. Sprachen die Voranstellung; das Poln. ist auf der Stufe des Schwankens stehen geblieben« (Die Wortfolge in den slav. Spr. str. 146). Předpokládá, že nemáme samostatných ekslov. textů, srovnal jen text ev. Marci s řeckým originalem a shledal, že slovanský text je i co do místa attributivního adj. ve větě závislý na řeckém originalu (str. 125). Avšak máme přece více méně samostatné eksl. texty. Jest to Zpovědní řád Euchologia sinajského, jenž bezpochyby pochází od Klimenta bulharského. Některé modlitby jsou ovšem přeloženy z řečtiny, jedna i ze staré němčiny, úvod a předposlední modlitba jsou však dle všeho samostatny a snad i závěrečná modlitba (srovn. autor. Studie z oboru ekslov. písemn. str. 29). K těmto textům třeba tedy též přihlížeti. Berneker přehledl dále důležité texty jako ku př. stě. Knihu Rožmberskon. Na základě takových textů třeba tu a tam poopravit jeho vývody.

Tak především co se týče possess. zájmena a Adj. O těchto praví: »Die possessiven Pron. und Adj. stehen im Ar. ganz regelmäÙig nach;

im Poln. noch heute ungemein häufig nach; in allen anderen Sprachen, das Sorb. etwa ausgenommen, herrscht bis heute Schwanken. So wird man sagen dürfen, daß die Nachstellung bei diesen Pron. und Adj. ursprünglich gewesen sein muß. (str. 146). Avšak tomu tak není; v uvedených ekslov. textech nalézáme sice atribut většinou za subst. avšak dosti často ještě před subst. Tak zde máme v textu I. za subst.: *pokaaniě našego* 66 b 11; *strastech našich* 67 a 22; *tegoty naše* 67 b 18; *g(ospod)ě naš* 69 b 14; *grěchov našich* 71 a 9; *o d(u)šach vašich* 67 b 19; *vě obliči svoem* 67 a 8; *vrědě svoi* 68 a 8; *vrědu svoemu* 68 a 11; *gospoda svoego* 68 b 17; *iměnija svoego* 70 b 11; *o(tě)ca svoego* 71 a 13; *s(dě)aniem moim* 67 b 24; *v sr(ěd)ci moem* 68 a 1; *protivo z(lom)ě moim* 68 b 26; *bezakonei moich* 69 a 3; *ne dadíte světaago moego* 69 b 19.

Naproti tomu: *našego radi s(v)p(as)eniě* 67 a 16; *svoe b(o)ž(t)stvo* 67 a 17; *svoemu gospodinu* 68 b 20; *na svoe blīvotiny* 70 a 10; *v'sěch beštislъnych moich grěch* 68 a 15.

V II: *grěšnaago raba tvoego* 77 a 20; *volě tvoejě* 78 a 18; *povelěnei tvoich* 78 a 19; *světs tvoi* 78 a 18; *na štedroty tvoje* 77 a 22; *lica tvoego* 77 a 23; *ot raba tvoego* 78 a 1; *ěrostь tvoja* 78 a 3; 79 a 7; *eststva tvoego* 78 b 9; *stadě tvoem* 78 b 13; *strachь tvoi* 78 b 22; *oči tvoi* 79 a 18; *uši tvoi* 79 a 19; *za pravověrnyje raby tvoje* 79 b 6; *v pravdě tvoei* 79 b 7; *v věrę tvoja* 79 b 10; *sr(ěd)ce moe* 78 a 6; *ot d(u)šę moejě* 78 a 14; *ot plti moejě* 78 a 15; *z(l)ě moich* 78 b 26; *sr(ěd)ca moego* 79 a 10; *molitvy moejě* 79 a 20; *uprvanie moe* 79 a 21.

Naproti tomu: *vlagę tvoich štedrot* 78 a 4; *iskrę tvoego m(i)l(osr)diě* 78 a 8; *čestnъję tvoja ožědę* 78 a 25; *tvoim m(i)l(osr)diem* 78 b 5; *s(vě)tych tvoich povelěnei* 88 b 11; *tvoě blagoděť* 79 a 16; *tvoi strachь i trepetь* 79 a 24; *umalenoє se moe molenie* 79 b 4.

V III: *raba tvoego sego* 80 a 10; *c(ě)s(a)r(t)stva tvoego* 80 a 18; *v'sěch s(vě)t(y)ch tvoich* 80 a 21; *bogь naš* 80 a 23.

Proti: *tvoei slavě* 80 a 8; *prěčistych tvoich taim* 80 a 11; *tvoeję pomoštiję* 80 a 13. Případy s postpositivním atributem mají zde tedy značnou převahu (46 proti 16), ale praepositivní je přece dosti četně zastoupen.

V částech přeložených z řeckého orig. shoduje se místo attr. s řeckým slovosledem. Totéž shledáváme obdobně i v modlitbě přeložené ze staré němčiny. *Jen tím se stalo, že v této má praepositivní atribut rozhodnou převahu nad postpositivním*; je zde jen: *bože moi* 72 a 21 (v zachovaných něm. textech chybí); *sъ mnoję rabomъ tvoimъ* 72 b 15 '*pi mih scall dinan*'; dvakrát i proti německému slovosledu: *prědě očima*

tvoima 'fora dīnen ougun' 72 a 23; *тв мнѣ грѣшнѣ рабѣ твоимѣ* 'uper mih (jiný t. 'in mir') suntigan dīnan scalh' 72 b 25. *Jinde všude zde máme praepos. attr. jako v němčině a sice as 16 krát, jako: v'sěchъ moichъ грѣchъ* 72 a 6; *moego lichosъtooreniē* 7; *moichъ грѣchъ* 72 b 1 a t. d.

Co však nalézáme v *KnRožm.*? Zde je pravidelně praepositivní attr. a jen výjimkou: *vlož ve dsky prieteli svému dědiny své nebo svým dětem* 96; *svědky svými* 115, 134; *ve dsky naše* 38; *pán můj* 226; *v s(v)ém domu hosté svého* 232. Pochopitelně jest dále: *že to dědina má není* 100; *to je dědina má* 252; *že to dědina má* 252; *to je dědina má poslůpná* 282. Zde je *má* téměř praedikatem, jakoby se řeklo: *dědina ta je má*; na základě toho vzniklo: *to je dědina má*, odtud pak i *jinde dědina má* vedle *má dědina* (zde ještě ku př. v kap. 43, *tvá dědina* 97 atd.). *Jinde všude je zde possessivní zájmeno před subst. a sice asi 73 krát.*

nemůže tedy býti o tom pochyby, že v praslovanštině byla tato possessiva pravidelně před substantivem.

V západní slovanštině vyvinula se pak na základě uvedených rčení jako ku př. *to je dědina má* též variace postpositivního possess. zájmena, avšak případy ty zůstaly v menšině.

Jinak se měla věc v jihoslovanštině a ruštině. Praslovanské adnominalní tvary *mi, ti, si* nabyly zde širšího rozsahu. Že se jich užívalo i v staré rustině, o tom nám svědčí doklady jako: *I ta vse polagaja na sr(b)dcī si* Jak. Bor. Gl. 63; *sberi si umъ* Pat. Peč. (Srezn. Mat. III str. 319); *i ne ištets svoichъ si*. Jak. Bor. i Gl. 72 (ib. str. 283). Tvary ty byly enklitické a následkem toho postpositivní, srovn. *svoja si*. Z případů jako *čestnaago ti znamenīē* Euch. sin. 78 b 1; *prěčestnymъ ti pečatemъ* ib. 78 b 19 mohl pak vzniknouti i pořad slov jako *ti pečatъ*, srovn. staror. *sberi si umъ*. Původně byly to však jen enklitické tvary, tedy postpositivní. *Pod jich vlivem stalo se očsem zájmeno poss. v jihoslov. a v ruštině postpositioním.* Tak jsme shledali ve většině případů i v církevní slovanštině.

Pod vlivem poss. zájmena mohla se státi postpositivními i *poss. adjektiva*. V uvedených kusech Euch. sin. máme ovšem jen: *otъ v'sěchъ prilogъ nepriēzninъ* 80 a 12; poss. adjektiv na *-ovъ* zde není. Jsou zde však jiná adjektiva, která jsou jim dosti blízká, jako *božbi: zakonu b(o)žbyu* 66 b 24; *prědъ očima b(o)žīima* 68 a 7; *c(ě)s(ar)(v)stvo b(o)žīe* 69 b 15; *tělo b(o)žīe* 69 a 15; naopak zde nikdy. Dále: *lica č(lově)ča* 68 a 5; *krvī g(ospodb)ni* 69 a 13; *tělu g(ospodb)ně* 69 a 18 a t. d.

V staré češtině zůstalo však poss. adj. pravidelně na svém místě jako i zájmeno poss. Tak máme v *KnRožmb.*: *na otcovo zbožie* 52; *otcōv*

společník 52; *za otcov dluh* 123; *na královu škodu* 124; *bez hospodářovy vůle* 232; *v hospodářové ruce* 234; *naproti tomu jen: služebníka králova* 58.

Z toho vidíme, že i poss. adj. bylo v praslov. před svým subst.

Tím jsme se dostali zároveň k adjektivu vůbec. Zde jest nám souhlasiti s Kozlovským, že adjektivum bylo v praslov. pravidelně před subst. V I. máme 18 případů, kde adj. následuje za subst. Odečteme-li od nich 7 již uvedených, zbývá nám 11 následujících: *slovo svedznačelbno* 67 a 7; *v igri zoly* 68 a 24; *v prisegy nepravedny* 68 b 4; *vréd tělesny* 69 b 25; *plač očesny* 70 a 2; *c(ěs)rstvo nebeskoe* 69 b 13; *den smrtěny* 71 a 4; *o(t)čju i d(u)chu přés(ve)tumu* 67 a 11; *v děv přés(ve)těi* 67 a 18; *part. čzvė gnijštii* 67 b 26; mimo to: *mky ty strašnyjė* 67 b 6 proti *strašny tš sčd* 67 b 4 a: *istinyjė věry krestěnsky* 67 a 1. 6 adj. má zde koncovku *-bno-*, čímž se vůbec blíží k poss. adjektivům. Dvakrát zde máme též koncovku *-tsko-*.

Naproti tomu vyskytuje se zde 33 krát *praepositivní adj.*: *čestnym pokaaniem* 66 b 5; *cr(b)kčnym svěštenikom* 67 b 16; *v sčch beštěnych moich grčch* 68 a 15; *ličojč edijč* 68 a 18; *pochotnaa vzbrėniė* 68 b 3; *na stužde lice* 68 b 3; *tuždego imėniė* 68 b 5; *v malo vrėmė* 69 a 7; *ot př(po)d(o)bnych o(t)č* 69 a 10; *črėvnym pochotem* 69 a 21; *v s(ve)tajč troicč* 66 b 18; *pr(š)čtao troica* 67 a 12; *s(ve)ty d(u)ch* 67 a 13; *s(ve)ty m d(u)chom* 67 a 19; *v s(ve)tajč troicjč* 67 b 8; *s(ve)taago ducha* 67 b 9; *ot s(ve)tych ap(osto)l* 69 a 9; *s(ve)ty pavel* 69 a 13; *s(ve)ty m d(u)chom* 71 a 19; *d(u)ševnyjė podvivy* 69 a 21; *tělesnym laskrdem* 69 b 24; *radostnyjė plody* 69 b 10; *těsnymi vraty* 69 b 17; *strašny tš sčd* 67 b 4; *těsnych že tčch vrat* 69 b 20; *skrčnaago pčti* 69 b 21; *sr(b)čbnoe rydanie* 70 a 1; *dobraa dčla* 70 a 14; *drevlnjumu blčdčnumu synu* 70 a 15; *drevlnjumu razboiniku* 70 a 19; *drevlnni blčdčnici* 70 a 19; *drevlnjumu mytarju* 70 a 20; *dobro brašno* 70 a 24.

Ještě nepřiznivěji jeví se poměr postpositivních adjektiv v II., kde máme jen: *mrač grčhovny* 78 a 7; *v razbojč d(u)šegubnyjė* 78 a 20; *v se dychanie blago* 79 b 1; *vst dar svrčšen* 79 b 1; a jednou *praed. part.*: *da bčdete na mę prizirajšti oči tvoi vl(ad)ko i uši tvoi včnemljšti glasa molitvy moejč* 79 a 17—20.

Naproti tomu zde máme 26 krát *praep. adj.*: *umalenoe se ispoždanie* 77 b 19; *grčšnaago raba* 77 b 20; *izgorėvšee grčchy sr(b)čce moe* 78 a 5; *milosrčdnama očima* 78 a 10; *grčšnyma mi očima* 78 a 11; *v nepravedněm sčpani* 78 a 17; *lčkčnym ograždeniem* 78 a 22; *čestnájč tvojč odeždč* 78 a 25; *čestnaago ti znamenie* 78 b 1; *s(ve)tych tvoich povelėnei* 78 b 12; *pronyrivy vrag* 78 b 15; *čestnym ti kr(b)stom*

78 b 18; *i přecestným ti pečetem* 78 b 19; *tainěi trapezě* 78 b 21; *drevlněago blādna* 79 a 1; *prěžděnéago razboinika* 79 a 2; *drevlnnjaja blādnicā* 79 a 4; *prěčistiję ti materi radi* 79 a 12; *s(ve)tychъ anđ(e)lъ* 79 a 14; *s(ve)tychъ p(ro)r(o)kъ* 79 a 15; *sr(ъ)d(ъ)čnēi oči* 79 a 22; *umalenoę se moe molenie* 79 b 4; *za pravověronnyę raby tvoję* 79 b 6; *grěšnaago si raba* 79 b 8; *съ beznačelbnymъ ti o(tb)cemъ* 79 b 20; *prěsvětymъ d(u)chomъ* 79 b 21.

Týž poměr v III: více predikatem se zde jeví *položei ispovědanie kaměno* 80 a 5 a *sochranitъ ispovědanie čisto* 80 a 14. O *otъ v'sěchъ prilogъ nepričinnъ* 80 a 12 stala se již zmínka nahoře. Naproti tomu zde máme: *s(ve)tumu obštěnyju* 79 b 24; *v'semogy i milosrōdn(y) b(o)že* 80 a 2; *prěčistychъ tvoichъ tainъ* 80 a 11; *světyję b(ogo)r(od)icę* 80 a 20.

vsъ pravidelně předchází: *v'sjā tvarъ* 67 a 4; *v'sě slava* 71 a 17; *otъ v'sěchъ zъlъ* 79 a 3; *v'se dychanie blago* 79 b 1; *v(ъ)sъ darъ* 79 b 1; *otъ v'seję napasti* 79 b 13; *v'sěmъ pribėgajāštīmъ kъ tebě* 79 b 17; v III: *otъ vsěchъ prilogъ* 80 a 12; *съ v'sěmi ugožděšiiimi* 80 a 18; *v'sěchъ s(ve)tychъ tvoichъ* 80 a 21.

Výjimkou jen: *pomyšleniě v'sě* 67 b 15. *Číslovky řadové* předcházejí též: *prvoaago oteč(ъ)stva* 66 b 6; *vъ tret(ъ)ei denъ* 67 a 24. Srovn. též: *vъ edinomъ b(o)žtstvě* 67 a 15 a *mnozěmi skrъbimi* 69 b 11.

Demonstr. zájmena mohou předcházeti: *umalenoę se ispovědanie* 77 b 19; *umalenoę se moe molenie* 79 b 4; ale též následovati: *m(o)l(itv)a sijā* 77 b 18 a *raba tvoego sego* 80 a 10.

Taktéž: *māky ty strašnyję proti strašny tъ sādъ* 67 b 4. V kijevských listech máme *darъ sъ* a pod. proti *svi darъ* a pod. (v. autor. spis: O původu Kijevských listů, str. 102).

V ekslov. evangeliu jeví se zcela jiný poměr mezi postpositivním a praepositivním adj.: toto vyskytuje se zde řidčeji nežli ono, jak právě v řeckém originale. Naopak zase i v ostatních spisech Klimentových.

Též v *KnRožmb.* jsou případy s postpositivním adjektivem v nápadné menšině; jsou to: *komornika prazského* 1; *jedniem komornikem prazským* 2; *komorniku prazskému* 4; *komornik prazský* 4; *jedniem komornikem prazským* 13; 16; dále 196 (dvakrát); 197; 198 (2 krát); 204; *komornik najvyšší* 32; *kmetem zemským* 61; *sněm zemský* 206; *dokládá se desk zemských* 296; *z hanby ženské* 74; *právo sirotčie* 117; 118 (2 krát); 126; 129; 141; 164; 165; 166; 167; 168; *odpověď taká* 144; *z sirotka přivuzného* 188; *rány modré i krvavé i všelikaké* 212; *úředníka nového* 220; *na třech trzích okolních* 295; o *služebníka králova* jsme se již zmínili. *Případů těchto jest něco přes třicet, případů však s praepositivními adjektivy jest něco přes dvě stě.* Mezi nimi nalézáme: *prazskému komorniku* 5; *hrazský komornik* 17; 18 (2 krát); 29 (4 krát); 33;

47 (2 krát); 48 (2 krát); 196 (2 krát); 197; 295; *sirotčie právo* 123; 125; 126; 127; 129; 138; 140; vždy jest zde *jiný* před subst., taktéž *každý*, *cizí* (29; 30; zde 2 krát; 36; 45; 46); *veš a svatý: ot svatého Havla . . . do svatého Juřie . . . od svatého Juřie do svatého Havla . . .* 274; některé ustrnulé výrazy jako; *kobylé pole* 209; 271; 272; 273; 292, zde 3 krát; 293 dvakrát; 294 čtyřikrát; 295 třikrát; 296 dvakrát.

Stará čeština shoduje se zde tedy ještě více s církevní slov., pokud se tato jeví samostatně v některých památkách. Můžeme předpokládati, že se teprv i v staré češtině vyvinul pořad postpositivních adjektiv, jen že jiným způsobem nežli v jihoslovanštině a v ruštině. Poněvadž nebylo v češtině postpositivního zájmena poss. v značné míře a následkem toho ani postpos. adjektiva, jak jsme viděli, třeba zde pomýšleti na jiné příčiny. Na základě rčení jako: *ten dům je panský* (některá adjektiva měla ve výroku v historické češtině odevždy jen sklonění složené) vzniklo: *to je dům panský* a potom vůbec *dům panský* vedle *panský dům*. Mohly zde ovšem ještě i jiné okolnosti působiti.

Třeba ještě dodati, že *číslovky základní a řadové* i v češtině pravidelně předchazejí; jen výjimkou nalézáme zde: *trhy trmi* 59; 60; *pak: trhem prvním* 59; *pohon prvý* 193; jinak zde máme velmi mnoho dokladů pro praepositivní pořad. Slovo *sám* též předchází: *samého pána* 25; *sám otec* 52; *sám pšovod* 107, ale 2 krát též: *hraszký komorník sám* 17 a 47.

Případy jako *z ran z modrých* 73; 171; *z ran z otevřených* 172; *z ran z siných* 173; *z ran z krvavých* 174; *na cestě na bezprávnej* 277 ano i: *protože je ho z hospody z jeho nepohnal za časa* 208, v nichž se při následujícím attributu předložka opakuje, jsou praslovanské, neboť je nalézáme též v staré ruštině (srovn. Kozlovskij v AfslPhil. XII str 103), ano i v lit. nár. písních jakož i v českých atd.

Co se týče *attributivního genitivu*, bylo jeho místo v praslovanštině pravidelně též před subst., jak některé ustrnulé výrazy ještě pro to svědčí. V uvedených kusech Euch. sin. však již pravidelně následuje: *въ всчыštenіе туздего імєніе* 68 b 5; *ізъ глѣбны безаконеі моічѣ* 69 a 2; *брѣменъ грѣховъ нашѣхъ* 71 a 8; *въ славі о(т)са своего* 71 a 13; *раздавникѣ імєніе своего* 70 b 10; v II: *ісповѣданіе грѣшѣнааго рѣба твоего* 77 b 20; *влага твоічѣ шѣдротѣ* 78 a 4; *іскра твоего м(ѣ)л(оср)діе* 78 a 8; *істоѣбникѣ слезъ* 78 a 12; *плѣтї і крѣве естѣства твоего* 78 b 8; *ізъ глѣбны зѣл моічѣ* 78 b 26; *колѣнѣ ср(ѣд)са моего* 79 a 10; v III: *на раздрѣшеніе поста* 79 b 22; *прїчѣстникѣ с(ѣсу)рства твоего* 80 a 18; *молїтвami с(вѣ)тѣжѣ б(ого)р(одї)чѣ* 80 a 20.

Původní místo attr. genitivu zachovalo se zde jen v případech, kde předcházela předložka: *въ добро брашѣно ѣденіе мѣсто . . .*, *въ виноградїи*

město vodopiica, v smécha město . . ., v veličie město . . ., v měkoko léganié město . . ., v svoadníka město . . ., v svaronika město . . ., v chyštonika město . . ., v obidblivostva město; v tatoby město; v bládo-ljubié město . . ., v skvorn'nojubié i v vlbchvoljubié město . . . 70 a 24—70 b 17.

Nové místo za subst. zaujal zde gen. pod vlivem adnominalního dativu jako *bádeši čedo světu* 70 b 19; *u tebe estě istočovníkž životu* 79 a 25 atd. Tento se zase rozšířil pod vlivem possessivně užívaných tvarů *mi, ti, si* (*bratrě mi*). Tím se stalo, že zde i poss. genitivu *jego* atd. vždycky následují: *da pokrjyžt se emu děla ego* 68 b 21; *protivo dělomž ego* 67 b 3; 71 a 16 atd., s čímž se jinde neshledáváme. V textech přeložených z řeckých originalů nalézáme jednou i proti řeckému originalu: *prégréšenié ego autóū tà plijmēlēmata* 75 b 16.

Obdobně nalézáme i v staré ruštině: *v gordago bo serdci; v otca město* Nest. Mikl. 44 (Kozlovskij AfslPhil. XXIII str. 103); jinak již všude postpositivně: *zakonž otčv svojčv* Nest. 6 (Berneker str. 100). Possess. genitivu *ego, ichž* atd. jsou v staré ruštině praepositivní i postpositivní, nyní obyčejně praepositivní: *v ichž domě, ego synž*.

V *KnRožmb.* máme ještě mnoho *praeupos.* genitivů attrib., zvláště zase po předložce: *ot jeho otčv dvora* 52; *z lesa poséčenie* 69; 158; *z (š)čépóv uškozenie* 178; *z oči vynětie* 181; *z jazyka urězanie* 181; *z děvojtva odjětie* 183; *z dědiny vázanie* 186; *z děvojtva odjětie* 212; 225; *z ženy podávenie* 225; *v hostě rucě* 235. Mimo to: *přimiřie pán* 126; *kurvy syn* 134 (2 krát); *viechóv zavinutie* 162; *póhonu rok* 193; 194; *menšieho úřada komorníka* 199. Máme zde však již as o jednu třetinu více genitivů *postpositivních*: *z podávenie dievky* 74; *svědčenie póhona* 76; *od vysvědčenie póhona prvého* 82; 87; *až do vysvědčenie póhona druhého* 82; 83; *do vysvědčenie prvého póhona* 86; (*rok póhonu ukládal* 105 je dat); *svého tovarišě své popravy* 142; *v zebranie úrokóv* 159; *v zoranie dědiny* 169; *z podávenie ženy* 182; *z ssutie dědiny* 187; *z vyplacenie dědin* 187; *z opravy dědiny* 192; *rok póhonu* 193; *k roku póhona druhého nebo třetieho* 201; *ot vysvědčenie póhona* 201; *o rozličném běhu řěči* 209; *o jeti koně* 209; *o jeti svého člověka* 209; *o správcu dědin* 209; *o zavržení svědka* 209; *o jeti svědka* 209; *vzebranie úrokóv* 210; *z podávenie ženy* 212; *po komorníka pócodu* 237; *na ukázanie škody nebo dědiny* 239; *z hlavy komorníka* 246; *na rov komorníka* 246; *ukázanie škody* 260.

Jinak se má zase věc s poss. gen. *jeho, jich* atd. Gen. tento má zde své místo před subst.: *za jeho chodbu* 4; 5; *za jeho stravu* 5; *na jejie zboží* 16; *na jich vieru i na jich dušu* 20; *jeho žena* 23; *jeho zboží*

25; *s jeho zboží* 31, podobně i 44; 48; 61; 68; 114; 124; 126; 207; 245; 275. Pak ještě: *že je to jeho dědina* 285. Jen výjimkou: *u dvora jeho* 54; *starosté jeho v jeho dvoré* 62.

Nalezli jsme zde pravidelně possess. zájmeno *můj, tvůj* atd. *před* substantivem; taktéž shledáváme i u possess. genitivů *jeho, její* atd. Slova tato zachovala tedy zde ještě své místo z praslovanštiny. Vysvětliti si to můžeme zase tím, že poss. dativy *mi, ti, si* a dále pod jich vlivem adnominalní dativy nenabýly v západní slovanštině takového rozsahu jako v jihoslovanštině a ruštině. Nemohly tedy působiti na jiná slova v podobné funkci, aby se stala též postpositivními. Pak ale třeba rozšíření postpositivních genitivů atributivních v češtině jinak vyložiti nežli v církevní slovanštině. Mezi substantivy, na nichž je závislý postpositivní gen., vidíme mnohá, která jsou utvořená od participia transitivních sloves, jako *z podávenie dievky*. U nich mohla vždy ještě působiti jakási verbalnost původního participia, následkem kteréž přibírala k sobě postpositivní genitiv jakož přibíralo příslušné verbum k sobě obyčejně postpositivní akkusativ. V druhé řadě teprv mohly působiti i genitivy partitivní, jež ovšem následovaly původně vždy po subst. jako ku př. v *KuRožmь.: málo dědiny* 96.

Ve Vídni, dne 16. května 1907.

Václ. Vondrák.

Отголоски славянской пороты въ обычномъ правѣ у румынъ XV—XVII вв.

Въ числѣ характерныхъ чертъ славянскаго обычнаго права, разбросанныхъ въ изданномъ В. И. Ягичемъ »Винодольскомъ Статутѣ«, одними изъ наиболее интересныхъ являются касающіяся пороты и поротниковъ. Нѣсколько устарѣлое изслѣдованіе І. Авакумовича »Енгелска, французска и српска порота«¹⁾, а также болѣе новыя работы, которыми могъ воспользоваться для своего »Историческаго Словаря слав. права« Г. Иречекъ, правда, работы незначительныя, — даютъ картину широкаго при-мѣненія этого юридическаго института у славянъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, для сравнительнаго изученія его, заставляютъ обратиться къ старымъ сосѣдямъ славянъ.

На первомъ мѣстѣ будутъ румыны. Ихъ старая культура настолько насыщена славянскимъ вліяніемъ, притомъ рѣшительно во всѣхъ областяхъ, что можно уже а priori было бы утверждать, что порота извѣстна и румынамъ, а изученіе славяно-румынскихъ документовъ XV—XVII вв. приводитъ къ совершенно неожиданнымъ результатамъ. Оказывается, что нѣсколько десятковъ господарскихъ грамотъ сообщаютъ такія подробности пороты, которыя не засвидѣтельствованы документами другихъ славянскихъ народовъ, хотя никоимъ образомъ нельзя говорить о непосредственномъ заимствованіи ея румынами отъ народовъ германскихъ. У валаховъ поротники носили названіе клетовци, у молдованъ — присѣжници; румынскій терминъ — *conjugătorii*, самый актъ назывался *conjugămintul*, — и въ настоящемъ очеркѣ мы познакомимся съ этимъ обычаемъ на основаніи данныхъ документальныхъ.

Прежде всего, поротниковъ румынскаго обычнаго права надо отличать отъ свидѣтелей (рум. *șator*), такъ какъ въ то время, какъ послѣдніе говорили по существу дѣла, подтверждая или отвергая извѣстный фактъ, — первые только присоединялись къ показаніямъ или при-

1) Гласник кн. 60, 62, 69—71.

знаніямъ заинтересованнаго лица, одного изъ представителей тяжущихся сторонъ, и своей присягой какъ бы усиляли авторитетность индивидуальнаго показанія. Свидѣтель (ротникъ, *juratus*) показываетъ только то, что онъ самъ видѣлъ и о чемъ слышалъ. Онъ можетъ даже не знать обвиняемаго или же относиться къ нему враждебно. Совсѣмъ иное дѣло — «соклятвенникъ» (поротникъ, *conjungatus*). Онъ — сосѣдъ, товарищъ истца или отвѣтчика и только поддерживаетъ показанія своего кліента, усиливая въ судьяхъ убѣжденіе, что кліентъ не можетъ говорить неправду. Поэтому къ этому обычаю румыны прибѣгали или въ наиболѣе важныхъ дѣлахъ какъ уголовныхъ, такъ и гражданскихъ, или же когда это являлось единственнымъ юридическимъ доказательствомъ, при отсутствіи всякихъ иныхъ.

Ввиду того, что мы не располагаемъ писаннымъ законодательнымъ кодексомъ у румынъ раньше половины XVII в., а въ Сиптагмѣ Матвѣя Властаря, которая одна фигурируетъ въ юридической практикѣ Валахіи и Молдавіи XIV—XVII вв., о поротѣ не упоминается, — приходится выводить правила примѣненія этого института на основаніи текста грамотъ, изрѣдка пользуясь сербскими аналогіями.

I. Однимъ изъ главныхъ требованій для законности клятвенной присяги поротниковъ у румынъ была *одинаковость социальнаго положенія поротниковъ и представителя заинтересованной стороны*. То же самое мы находимъ и въ Душановомъ Законникѣ, въ главѣ 152: како *ѣсть бнль законъ . . . оу дѣда царства ми, оу свѣтаго краля: да соу велнмъ властѣломъ велн властале поротъ(ни)ци, а средннмъ людемъ — протнкоу нхъ дроужина, а сѣрьдѣамъ — нхъ дроужина да соу поротъ(ни)ци, и да нѣсть оу поротѣ рвднма ни пнзмннка (вар. пнзматора)*¹⁾. Впрочемъ, румынская практика въ данномъ случаѣ оказывается болѣе аристократической, и крестьяне совершенно не пользовались поротой. Большинство документовъ говорятъ о боярахъ, меньшая часть — о духовенствѣ. За нѣсколько лѣтъ до вступленія на престолъ, валашскій господарь Михайлъ Витязь, или Храбрый (*Viteazul*), былъ изгнанъ воеводой Александромъ III. вслѣдствіе того, что въ Валахіи распространились слухи, будто (?) онъ — господарскаго происхожденія и желаетъ смѣстить законнаго господаря. Михайлъ бѣжалъ въ Трансильванію и нашелъ защиту у Стефана Батори, а впоследствии могъ снять возведенное слухами обвиненіе въ «государственной измѣнѣ», только «покаявшись съ 12 боярами въ томъ,

1) Т. Флоринскій, Законодательная дѣятельность и т. д., II, стр. 11; Ст. Новаковић, Законикъ Стефана Душана. Бѣлградъ 1898, стр. 119—120.

что онъ не — сынъ господаря¹⁾. Замѣтимъ, впрочемъ, что на самомъ дѣлѣ Михайлъ былъ сыномъ господаря Петрашка Добраго (1554—1557) и братомъ Петра Черчела (1583—1585), принадлежа такимъ образомъ къ династїи Дракулешти. Опуская нѣсколько случаевъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о монастыряхъ и ихъ представителяхъ-игуменахъ, укажемъ на валашскую грамоту 1571 года. Господарь Владъ предоставляетъ право монахамъ выставить 12 соклятвенниковъ изъ поповъ (въ документѣ слѣдуетъ перечисленіе сельскихъ священниковъ); дѣло касалось монастырскихъ имѣній²⁾. Психологическимъ отличіемъ пороты отъ свидѣтельствъ и объясняется указанное выше, какъ одно изъ главныхъ условій изучаемаго юридическаго института, равенство социальнаго положенія всѣхъ участниковъ присяги. Обыкновенные истецъ и жалобщикъ не присягаютъ, а при поротѣ происходитъ *коллективная присяга*, почему при ложной присягѣ налагалось одинаковое наказаніе всѣмъ ея участникамъ. Этимъ достигался классовый характеръ института, такъ какъ индивидуальныя интересы могли поддерживать только тѣ лица, которыя принадлежали къ тому же классу. Въ этомъ отношеніи латинско-румынскій терминъ *conjugați*, или *conjugațiunii*, вполне соответствуетъ слав. по-ротнѣнцѣ, такъ какъ понятіемъ »со-клятвенники«³⁾ лучше всего опредѣляется коллективный, въ данномъ случаѣ классовый, характеръ присяги.

Въ связи съ этимъ находится одна подробность румынской практики, которой не знаютъ документы сербскіе, именно, если возникало дѣло, касающееся женщинъ (точнѣе — женской чести), то поротниками могли быть только женщины, конечно, одного же съ обвиняемой социальнаго положенія. Мы имѣемъ документъ времени Матвѣя Басараба 1633 года, гдѣ подробно описано судебное дѣло между Василюмъ спатаремъ и женою его Маріей, съ которой онъ хотѣлъ развестись, и которую гдѣ-то назвалъ »женщиной дурной и глупой«. И вотъ, чтобы реабилитировать поруганную атестаціей мужа честь, она просила еще у покойнаго Леона воеводы »земскую закона, дабы оправдаться«. Но тогда Василюмъ спатарь пустилъ въ ходъ подкупъ, съ цѣлью не дать ей возможности оправдаться, и даже заручился актомъ на разводъ. И только по вступленіи на престолъ господаря Матвѣя, Марія рѣшила отправиться въ столицу ко дню Благовѣщенія. »И не могъ я, — говоритъ въ указанномъ документѣ господарь, — запретить жупынась (— боярынь) Маріи воспользоваться *закономъ о двѣнадцати жупынасяхъ*

1) A. Xenopol, Istoria rominilor din Dacia Trajana. Iași 1896, vol. VI, pp. 6—10.

2) Ib., vol. VII, p. 99.

Festschrift für Jagić.

на основаніи *господарскихъ грамотъ*, чтобы поклялись онѣ чистосердечно (— »по душамъ ихъ«) предъ святымъ Евангелиемъ, предъ отцомъ нашимъ митрополитомъ киръ владыкой Григоріемъ въ томъ, что жупыняса Марія не виновата ни въ чемъ изъ возведенныхъ на нее наговоровъ и подозрѣній«. Тогда Марія сейчасъ же отыскала подругъ, которыя согласились защитить женщину отъ грубыхъ обвиненій Василія спатаря, — и она присягнула вмѣстѣ съ 12 жупынясами въ томъ, что она не виновна¹⁾.

II. Вторымъ существеннымъ отличіемъ поротниковъ отъ свидѣтелей является то, что первые могли говорить не по существу дѣла, а только *реабилитировать репутацію одной изъ сторонъ*. Одинъ изъ такихъ примѣровъ мы только-что привели. Въ виду отсутствія въ валашскомъ правѣ писанныхъ законовъ, которые замѣнялись »земскимъ обычаемъ«, — мы не располагаемъ юридической формулировкой правъ поротниковъ и можемъ составить представление о ней только на основаніи практики. Изъ нея опредѣляемъ прежде всего то, что въ извѣстныхъ случаяхъ поротники даже не имѣли права говорить по существу дѣла и давать какія либо подробныя показанія: они могли только подтверждать что-нибудь или отвергать, притомъ самый фактъ присутствія ихъ на судѣ былъ равносильнъ подтвержденію; если же они не являлись, то это уже означало, что они не присоединяются къ истцу или отвѣтчику. Однимъ словомъ, они говорили только »да«, въ рѣдкихъ случаяхъ — »нѣтъ«, и принципъ *tertium non datur* проводится въ румынской практикѣ вполне последовательно. Поэтому приведемъ соответствующую формулу изъ Законника Стефана Душана, который, ксати, извѣстенъ и въ валашскихъ копіяхъ: *и тнзи поротъ(ни)ци да нѣ соу кольни никога оумнрити развѣ да опраке, нан пакы да окрине, и дальше: и оу поротъ како се вѣкы кальноу, и кога вѣкы да опраке, — тнзи да соу вѣрванѣн*²⁾. Изъ этого видно, что въ то время, какъ свидѣтели могли показывать совершенно различно, даже противорѣчить другъ другу, и дѣло суда было найти среди нихъ истину, — »соклятвенники« отвѣчали точно такъ же, какъ современные присяжные засѣдатели. Такимъ образомъ, ихъ судъ былъ *единогласный* и, въ общемъ, безапелляціонный. Кромѣ приведеннаго раньше дѣла жены спатаря Маріи, къ числу случаевъ, когда поротники реабилитировали репутацію, относится дѣло 1561 года. Валашскій господарь Петръ Хромой (1559—1567) долженъ былъ рѣшить споръ о принадлежности имѣнія одному

1) А. Хенорол, *Istoria romînilor*, vol. VII, p. 96.

2) Т. Флоринскій, *Памятники и т. д.*, ч. II, стр. 11; Ст. Новаковић, стр. 118—119.

молодому боярину. За дурное поведеніе онъ былъ лишенъ отцомъ наслѣдства; и вотъ, когда ему пришлось вступать въ наслѣдственные права, — онъ привелъ съ собой въ господарскій диванъ 12 бояръ, которые своей присягой, по выраженію документа, »очистили его репутацію«. Особенно ярко выступаетъ этотъ оттѣнокъ пороты въ дѣлахъ деликатнаго свойства, когда обычные свидѣтельства были бы безсильны. Въ своихъ »Влахо-болгарскихъ грамотахъ« Ю. Венелинъ передаетъ содержаніе валашской грамоты 11 февраля 1586 года, гдѣ описывается тяжба между Деспотомъ и сестрами его Станой, Някшей, Радой и Предой о вотчинѣ Берилещи, »изъ коей братъ хотѣлъ выгнать сестеръ, а сестры доказывали, что онъ имъ не братъ. Дѣло шло о чести матери. Александръ (дѣло производилось еще при отцѣ Михни) »далъ имъ законъ«, т. е. нарядилъ для слѣдствія (?) къ матери Войкѣ 12 бояръ, долженствовавшихъ узнать истину отъ нея самой. Дѣло кончилось тѣмъ, что имѣніе поровну раздѣлено на 5 деловъ¹⁾ т. е. участковъ. Другая подобная же грамота относится къ 1573 году²⁾.

III. Число поротниковъ колебалось въ зависимости отъ важности дѣла; поэтому мы имѣемъ документы, въ которыхъ фигурируютъ 6, 12 и 24 поротниковъ. Въ валашской грамотѣ 1591 года читаемъ слѣдующую резолюцію господара: а господство ми съмъ гледалъ и сѣднлъ по правдѣ и по законѣ божію и истинствовахомъ редѣ имъ всьма добро, и дадохомъ господство ми ѣ колѣри, икоже да съгледате и обрѣтати редѣ имъ по правду съ ннхнимъ дүшкнмъ; и тако сведѣтельствоуютъ предъ господство ми те ѣ колѣри³⁾. Грамота господара Радула 1499 года нѣсколькимъ чиновникамъ (слоугамъ) формулируетъ рѣшеніе суда: понеже закळेше предъ господство ми съ ѣ колѣри, како имъ естъ стара и права шчина и гѣра (-устье) Жилцулуй Ш полъ Түрцемъ въса⁴⁾.

И въ этой подробности нетрудно найти разницу между поротой и свидѣтельствомъ. Число свидѣтелей могло быть неограниченнымъ, все зависѣло здѣсь отъ степени огласки извѣстнаго факта, а иногда достаточно было одного свидѣтеля. Число же поротниковъ — почти эпическое, постоянное: ихъ количествомъ измѣрялось уваженіе къ данному лицу цѣлаго класса, цѣлой корпорации, потому что представившій 24 соклятвенника, вполне естественно, пользовался въ глазахъ суда бль-

1) Влахо-болгарскія грамоты, стр. 228—229.

2) Тамъ стр. 203. Издатель, по всей вѣроятности, невѣрно прочиталъ слово *вса служарь* вм. *сѣлжеръ*.

3) Тамъ же, стр. 232.

4) Сборникъ болг. минист. проsv., т. IX, стр. 348.

шимъ авторитетомъ со стороны общества или класса, чѣмъ тотъ, который могъ представить лишь половину. О значеніи большаго числа поротниковъ ясно говоритъ Винодольскій Статутъ: *И ошѣ од Укойства ако нисѣ сведоци, осканени од неѣа нма се очистити само петдесет, найдутъ своихъ поротники, како найболе ен и шоре. Ико поротники нма, присези он сам толико крат, бала за онух ки мѣ манкаю.* Смыслъ этого мѣста таковъ: что же касается убійства, гдѣ нѣтъ свидѣтелей, то обвиняемый долженъ себя оправдать самъ—пятьдесятъ, для чего долженъ найти за себя поротниковъ *возможно побольше числомъ и получше.* Если же онъ не имѣетъ поротцевъ, то пусть самъ присягнетъ столько же разъ вмѣсто тѣхъ, которыхъ у него недостаетъ ¹⁾. Были ли случаи, когда число румынскихъ поротниковъ доходило до 48 — неизвѣстно; по крайней мѣрѣ, въ документахъ такихъ фактовъ не находимъ.

Число поротниковъ въ румынской практикѣ находитъ себѣ полную аналогію и въ законодательствѣ сербскомъ, кодифицированномъ Стефаномъ Душаномъ. Въ специальной 151 главѣ о поротцахъ читаемъ: *повелѣва царство ми Усѣда напрѣда, да несть порота и за много и за мало; и за велико дѣло да соу кѣ порот(ни)ци, а за помьни дѣлгъ вѣ поротникъ (-тъць), а за мало дѣло ѣ поротъць ²⁾.* Изъ первой общей части узаконенія видно, что различались дѣла только значительныя и малыя, а въ части исполнительной къ нимъ прибавлены дѣла «поменьше», причемъ кромѣ 24 и 6 поротниковъ вводится еще новое число — 12. Въ византийско-сербской компиляціи, въ такъ-называемомъ «Законникѣ царя Юстиніана», слѣдующемъ довольно близко за Раваннскимъ спискомъ —, читается почти такое же мѣсто, и разница падаетъ только на число поротниковъ въ дѣлахъ маловажныхъ, когда можно было проводить только троихъ: *кѣ властѣнна, и за поманѣ вѣ, а за малѣхно г ³⁾.* Последняя цифра была извѣстна, повидимому, и румынской практикѣ, если только въ документѣ 1637 года, на который ссылается А. Д. Ксенополъ, шла рѣчь о поротѣ: въ господарскій диванъ истецъ представилъ 3 купцовъ въ виду незначительности дѣла ⁴⁾. Аналогичная же градація проводится и въ Винодольскомъ Статутѣ. Девятая статья его гласитъ: если предъ дворомъ будетъ разбираться дѣло о насиліи или о кражѣ, и сторона обвиненія не распо-

1) В. Ягичъ, Винодольскій Законъ, стр. 92; другое подобное же мѣсто на стр. 25—26.

2) Т. Флоринскій, Памятники и т. д., стр. 11; Ст. Новаковић, стр. 118—119.

3) *Ib.*, Тамъ же, стр. 90.

4) *Istoria românilor din Dacia Trajana*, vol. VII, p. 91.

лагаетъ уликами, то обвиняемый имѣеть право присягать, именно, онъ долженъ доставить для присяги 25 поротниковъ въ уголовномъ дѣлѣ и 20 при обвиненіи въ кражѣ, наконецъ, по дѣлу о кражѣ сѣна изъ копны ночью можно ограничиться 6-ю поротниками ¹⁾.

IV. *Дѣло проиhrивалось, если сторона, получившая отъ господаря »законъ«, вообще не могла представить поротниковъ.* Объ этомъ говорить цѣлый рядъ документовъ, напримѣръ, судное дѣло относительно помѣстій 1542 года между Даномъ съ сыновьями и Анкой: и дадѣхъ господство ми законъ вѣ болѣри, да заклетъ, како имать и она очинѣ. И она никакоже възмогше взети законъ, нѣ оставиѣ ѿ законъ ѿ предъ господство ми, како еке да не имать Пнка метехъ (— не должна вмѣшиваться) надъ вышеречену очинѣ ²⁾. О противной сторонѣ въ приведенномъ документѣ не говорится. О ней говорится въ другомъ документѣ, 1590 года, явившемся по поводу суднаго дѣла между братьями относительно цыганки Дафиня. Господарь Михня судилъ »по правдѣ и по закону« и сначала избралъ особую комиссію изъ четырехъ бояръ, икоже да имъ сѣгледаетъ редѣ, како хощетъ. Но, когда эта комиссія нашла, что вѣ платежѣ за коллективную покупку постельникъ Жюржіу не участвовалъ, то господарь далъ ему законъ вѣ болѣри ѿ предъ господства ми, да заклетъ, како естъ покѣпилъ самъ си ѿчини надъ спензѣ имѣ (т. е. за свои расходы, на свои деньги) безъ брата си. Жюржіу не могъ представить ихъ и проигралъ дѣло ³⁾. Не менѣе интересно другое дѣло, изъ молдавской практики, гдѣ противная сторона также не могла представить поротниковъ. Это — грамота молдавскаго господаря Стефана Великаго, признающая законнымъ право на владѣніе помѣстьями покойнаго Ивана Купчича за дочерью его Марушкой, отъ 26 августа 1474 года. Противная сторона была представлена внуками Купчича по матери. Того ради ми есми смотрили и судили ис нашими бояры и дали есми Иванови и братіамъ его, како естъ право и законъ по шобычу, ави пошилъ Иванъ самъ съ кдъ присѣжници и цоби присѣгнулъ ис ними, аже Иванъ исъ своимъ братіамъ соуть оунуки Купчичевни по нхъ матери, такожде аже суть и Марушки и Михнови тѣжъ оунуки. Но Иванъ съ братьями отказался отъ присяги (съ ѿметали ѿ свою присѣгү), а Марушка присягнула въ назначенный день предъ господаремъ и боярами и выиграла процессъ ⁴⁾.

1) В. Ягичъ, Винодольскій Законъ, стр. 22—23.

2) Сборникъ болг. Мин., т. IX, стр. 367.

3) *Revista p. istorie, archeologie* etc., vol. I, pp. 189—190.

4) Грамота въ собраніи Лукашевича (Румянцевскаго музея въ Москвѣ), №г. 12.

V. Въ большинствѣ случаевъ (было ли это обязательно — положительныхъ данныхъ не имѣется) для *приведенія* въ господарскій диванъ *поротниковъ назначался срокъ*, и отсутствіе ихъ въ опредѣленный день влекло за собой проигрышъ дѣла. Такой случай описывается въ валахской грамотѣ 1548 года. Происходить тяжба (пра) между Иваномъ и Станчоломъ изъ за наслѣдства, и 8 темъ 83е Иванъ отъ предъ господство ми кѣ болѣри законъ, како да закле они, како есть било дадено тая дѣль (— та часть, участокъ) очинѣ Иванѣ. Тако, кѣда бысть на днь сьрокомъ на свети Димитріе, а Иванъ никакоже не може донести законъ предъ господство ми, анѣ остана Иванъ Ѡ закона Ѡ предъ господства ми ¹⁾. Грамота 1579 года говоритъ о томъ же: сторона, получившая »законъ«, не могла доставить 12 бояръ кѣда есть било на днь и на срокъ ²⁾. Наконецъ, подобный случай упоминается въ грамотѣ логовету Пырвугу господаря Радула, сына Михни, отъ 1611 года. Боярыня Анна съ сыномъ не могли доставить въ диванъ къ назначенному сроку извѣстное число поротниковъ и проиграли дѣло ³⁾.

Назначеніе близкаго срока для явки поротниковъ стоитъ, надо думать, въ связи съ тѣмъ же различіемъ между поротой и свидѣтельствомъ: болѣе авторитетное въ своемъ классѣ лицо нисколько не затруднится представить въ диванъ 12 или 24 поротниковъ черезъ нѣсколько дней, въ то время какъ для менѣе авторитетнаго это сопряжено съ большими препятствіями и во всякомъ случаѣ — болѣе продолжительнымъ срокомъ.

VI. Съ назначеніемъ опредѣленнаго срока для приведенія въ диванъ поротниковъ, притомъ срока довольно близкаго отъ полученія самаго »закона«, стояло въ связи *обязательство привести непременно число ихъ*. Поэтому, если истецъ или отвѣтчикъ приводилъ не полное число поротниковъ, и изъ нихъ недоставало хотя бы одного, то 5, 11 или 23 человекъ все-равно не имѣли права присягать, и такимъ образомъ дѣло проигрывалось точно такъ же, какъ если бы не пришелъ ни одинъ изъ нихъ. Въ грамотѣ господаря Мирчи III Чѣбана отъ 1559 года право воспользоваться поротой дано было Рошкѣ и сыну его Рысипѣ: 24 боярина должны были присягнуть въ томъ, что истцы имѣли право на унаслѣдованіе села Басны. Но »не могли привести этихъ бояръ ко дню и къ сроку, и проиграли дѣло предъ господаремъ Рошка и сынъ его Рысипа«. А. Ксенополь отказывается допустить, чтобы въ этомъ и во всѣхъ

1) Сборникъ болг. Мин. Просв., т. IX, стр. 359.

2) Тамъ же, стр. 363.

3) Венелинъ, Влахо-болгарскія грамоты, стр. 267—269.

приведенныхъ ранше случаяхъ заинтересованныя въ дѣлѣ стороны не могли найти *хотя-бы одного* поротника; но въ виду того, что они не доставили полного числа поротниковъ, — въ документѣ говорятъ лишь о томъ, что «не могли они присягнуть»¹⁾. Мы могли бы дать по этому поводу болѣе опредѣленное указаніе, именно, въ документѣ 1600 года говорится, что къ опредѣленному сроку изъ назначенныхъ 12 бояръ явились только четверо, и тѣмъ не менѣе, они свидѣтельствовали предъ господаремъ, но очевидно, уже не какъ поротники, а какъ обыкновенные свидѣтели.

VII. Разъ институтъ поротниковъ отличался отъ обычныхъ свидѣтельскихъ показаній, и въ основѣ его лежала такъ-сказать моральная авторизація одной изъ сторонъ, то естественнымъ выводомъ получается слѣдующее наблюденіе: *выигрываетъ та сторона, которая представляла большее число поротниковъ*, конечно, въ «канонизованныхъ» обычаяхъ цифрахъ, обыкновенно 12 или 24. При этомъ между первымъ и вторымъ процессомъ могло пройти довольно продолжительное время. Изъ грамоты валашскаго господаря Влада Монаха 7 января 1490 года мы узнаемъ, что бояринъ Петръ судился съ игуменомъ монастыря Тисманы Матвѣемъ относительно нижней части села Чяурій въ округѣ Горжъ, и выигралъ игумень, доставивъ большее число поротниковъ: тако се подиже Петръ, тако се закле съ кѣ болѣри, та им үзе долги хотар. Потом пакн се подиже старецъ Матю та се закле съ кд болѣри, тако им дадоше хотар Ѡ здола Ѡ где излѣзе Рѣ-цина и т. д.²⁾ Аналогичное дѣло и точно съ такимъ же исходомъ происходило въ Валахїи въ 1630 году, при Матвѣѣ Басарабѣ³⁾. Въ 1505 году господарь Радулъ выдалъ грамоту жупану Арку, который судился съ Стоясой, женой Стоевой изъ Копачани, и ея сыповьями. Тако извади Арка предъ господство ми със кѣ болѣри, та заклаше и свѣдѣтельствоваше предъ господство ми, како нмъ есть стара и права очина. Я потомъ Стоисы Ѡ неини синови они үхватнше кд болѣри, како да нхъ донесеть Ѡ господство ми на въскресеиѣ. Я они не могоше донести болѣри, анѣ осташе отъ два (д. б. сва) закона. Поэтому дѣло выиграла Арка⁴⁾. Въ правленіе господаря Петрашки, въ 1558 году, возникло дѣло изъ за правъ на владѣніе помѣстьемъ Вульпещи и тянулось, повидимому, долго, потому что въ грамотѣ, изъ которой мы знаемъ о дѣлѣ, говорится, что

1) *Istoria rominilor*, vol. VII, p. 98.

2) *Arhiva istorică a României*, t. I, p. 66.

3) А. Хенорол, *Istoria rominilor*, vol. VII, p. 102.

4) Сборникъ болг. мин., т. IX, стр. 353—354.

»поклонились 12 бояръ предъ покойнымъ Владомъ воеводой въ томъ, что Станколъ владѣлъ своимъ наследственнымъ помѣстьемъ издавна и по праву«. »Но Пырвулъ и Станъ, — читаемъ дальше, — не оставили дѣла, а привели предъ Мирчей воеводой 24 бояръ, чтобы тѣ поклонились; а они никакимъ образомъ не могли этого сдѣлать, и тѣ (т. е. Пырвулъ и Станъ) проиграли процессъ«¹⁾. Подобное по обстоятельствамъ и по результатамъ дѣло имѣло мѣсто въ Валахїи и въ 1639 году, когда одна сторона представила 12 поротцевъ, а противная 24 и, конечно, выиграла дѣло. Приведа грамоту, Венелипъ возмущается этимъ дикимъ обычаемъ²⁾.

VIII. Въ связи съ правомъ поротниковъ говорить только въ пользу или не въ пользу истца находятся, какъ мы видѣли, такіе случаи, *когда рѣчь шла о реабилитаціи, о возстановленіи честнаго имени и т. п., и объ стороны могли привести съ собой одинаковое высшее число поротниковъ, вполне присоединявшихся къ нимъ. Какъ поступалъ въ такихъ случаяхъ господарскій диванъ? Какъ рѣшались недоразумѣнія по тѣмъ дѣламъ, въ которыхъ и истецъ, и отвѣтчикъ могли представить и представляли каждый съ своей стороны по удвоенному количеству поротниковъ? Припомнимъ, что послѣдніе не выясняли обстоятельствъ самаго дѣла. Они только подтверждали, что данное лицо, по ихъ глубокому убѣжденію, говоритъ правду и достойно вѣры. Поэтому могли быть — и на самомъ дѣлѣ были — случаи, когда диванъ былъ поставленъ втупикъ. Обыкновенно *судебная практика назначала дополнительное свидѣствіе и опиралась уже не на поротниковъ, а на существо дѣла.* Въ грамотѣ 1560 года, данной митр. Ефрему господаремъ Петромъ, говорится: а господство ми гледахъ и сдихъ по правдѣ съ вѣси честннн ми правнтеліе господство ми, и үзѣше Хамза и зеть его законъ кд болѣри ѿ предъ господства ми заклетн, како нмъ есть село Янноаса дѣднна (— наследство). Таже потомъ данеси Хамза и зеть его кд предъ господство ми. Также господство ми пакн гледахъ редѣ томѣ селѣ за єдино ми съ онои кд болѣри, и прочнтохъ господство ми кннги (— документы) всемъ господармн енншнхъ прежде господство ми, и видѣхъ истнннствовахъ господство ми, какъ дѣдъ Хамза загѣннлъ село Янноаса съ зла хнтлѣнство (— измѣна) ѿ покойнаго Блада воевод Калѣгера³⁾. Такимъ образомъ, при вторичномъ слѣдствіи, когда къ*

1) A. Xenopol, Istoria romînilor, vol. VII, p. 98.

2) Влахо-болгарскія грамоты, стр. 312—313 и слѣд.

3) Тамъ же, стр. 175—178.

дѣлу были привлечены старыя грамоты, — господарь выяснилъ измѣну одного изъ предковъ Хамзы и рѣшилъ дѣло не въ его пользу. Другой случай пересказываетъ Ю. Венелинъ на основаніи почему-то не изданной имъ грамоты 1584 года. »Еще во время Александра воеводы жупанъ Кръстіанъ сѣтворилъ тѣкмежіе съ митрополитомъ Евтимиємъ въ томъ, что село Бънещи уступаетъ онъ митрополю за 7000 аспровъ, и сверхъ сего, чтобъ митрополитъ внесъ въ сѣй великинъ Помѣникъ имя жупана Кръстіана и другихъ 24 лицъ, коихъ онъ, Кръстіанъ, пожелаетъ. Спустя нѣсколько времени жупаница Станка завела съ нимъ, Кръстіаномъ, тяжбу о семъ селѣ, доказуя, что отецъ его, Кръстіана, продавъ было ей сіе село за 18000 аспровъ еще въ дни Петрашки воеводы. Это она доказала, говоритъ грамота, »ибо и заклѣлася предъ 12 болѣри«. Но жупанъ Кръстіанъ не утерпѣлъ и присягнулъ предъ 24 боярами въ томъ, что отецъ его никогда не продавалъ сего села, но что Винтила дворникъ притѣснилъ было его за 7000 аспровъ. Сверхъ сего, видѣлъ и господство ему (Александръ, во-время коего рѣшался споръ съ Винтилою), купно съ владыкой Евтимиємъ, и книгѣ, т. е. грамоту, еже имала жупаница Станка за покупеніе; она (книга) естъ была исхавена и острѣжена (замарана и скоблена въ томъ мѣстѣ), гдѣ сѣтъ были писани 7000 аспри, теже сѣтъ — поставлани 18000 аспри. Такимъ образомъ обманъ замѣченъ, и Кръстіанъ жупанъ и митрополитъ выиграли тяжбу«¹⁾.

IX. »Соклятвенникъ« какъ бы сливается со своимъ клиентомъ, почему, *если оказывалось, что заинтересованное лицо говоритъ неправду, — то поротники несли наказаніе* и такимъ образомъ вполне раздѣляли его участь. Въ документѣ Константина Шербана отъ 1654 года говорится, что господарь »оштрафовалъ этихъ 12 соклятвенниковъ и взялъ поэтому отъ каждаго изъ нихъ по шести воловъ, какъ и слѣдуетъ по закону, за то, что присягали криво«²⁾. Такой же штрафъ полагался и подставнымъ свидѣтелямъ. То же самое находимъ и въ Законникѣ Стефана Душана, въ 154 главѣ: *Кон се поротъ(ни)ци кльноу и оправе оногази по законуу, и ако се по тонзи оправѣ обрѣте полничіе истинно оу онога си оправачіе, кога-но је оправила порота, да оузме царство ми на теузи поротцѣхъ (враждоу) по тисоуцоу перперь, а векие потомъ да не соу тизи поротъ(ни)ци вѣровани, ни да се кто ѿ нихъ, ни моужн, ни жени. А въ спискахъ XV вѣка (Аеономскоу и Быстричкомъ) прибавлено: и ако се изнагие јере оуз-*

1) Тамъ же, стр. 227—228.

2) А. Xenopol, Istoria românilor, vol. VII, p. 99.

наюѣе криво оправдали или Щдали, или нѣкла мнта оузидали, плативше вышереченное, и да се заточе оу иноу землю незнаюмоу¹⁾.

Х. Мы не располагаемъ данными о той обстановкѣ, среди которой происходила клятва: изъ грамотъ видно, что *поротники клялись или предъ господаремъ въ диванъ, или же стороны представляли въ диванъ готовые письменныя свидѣтельства*. Во второмъ случаѣ *клятва происходила »на святомъ Евангелии и на святомъ крестѣ, въ святой церкви*», какъ говорится въ документѣ сочавскаго паркалаба по дѣлу бояръ Муржещи²⁾. На это же указываетъ и аналогія: въ Душановомъ Законникѣ читаемъ: и да юсть всака порота оу цркъке, и попь оу рнзахъ (вар. да шблечетьсе въ шдежде) да нхъ закльне; въ Раваничскомъ спискѣ, гдѣ терминъ *поротъ(ни)ци* замѣненъ чрезъ влестеле, объ этомъ обрядѣ говорится нѣсколько подробнѣе: и тѣн влестеле пръвѣе да ндоу оу цркъкоу, и да се шбоучи попь одеждоу, да нхъ закоуне, да чинне право³⁾. Припомнимъ еще упомянутый выше документъ 1633 года, который говоритъ о томъ, что жена спатаря Марія съ боярынями клялась предъ святымъ Евангелиемъ въ митрополичей церкви.

Таковы главныя черты румынской пороты. Этотъ институтъ, составлявшій у румынъ привилегію высшихъ сословій, является слѣдомъ не только славянскаго вліянія на старую румынскую культуру, но и памятью тѣхъ давнихъ привилегій, которыми пользовались высшія румынскія сословія (*kepезii, pobiles* и т. д.) въ южной Венгріи до основанія господарствъ. Въ каждомъ румынскомъ округѣ (*districtus olachalis*) былъ свой судъ, состоявшій изъ 12, 8 или 6 присяжныхъ, которые въ латинскихъ документахъ назывались *jurati, seniores olachales* или *jurati boerones*⁴⁾, и судили они по *lex antiqua* или *consuetudo terrae* (въ славянскихъ грамотахъ *обичанъ зѣмскій* или *зѣмскій законъ*, въ румынскихъ *обичюлъ цържи*). Документъ 1398 года начинается формулой: *»Nos Stiborius de Dobusky castellanus ac duodecim jurati provincie Haczak notum facimus uniuersis presentem paginam inspecturis, quod*» и т. д., т. е. *»Мы Штиборъ Добускій кастелянъ и 12 журатовъ округа Хацегъ извѣщаемъ всѣхъ, кто увидитъ этотъ документъ, что*» и т. д.«⁵⁾. Послѣ основанія Валахія, когда власть сосредоточилась въ

1) Т. Флоринскій, ч. II, стр. 31; Ст. Новаковнѣ, стр. 121.

2) А. Xenopol, Istoria rominilor, vol. VII, p. 99.

3) Ст. Новаковнѣ, стр. 118—119.

4) Повидимому, въ отличіе отъ *duodecim jurati accessores, per nobiles ipsius comitatus* (scil. de Crassou) assignati и т. д. — въ документѣ 1366 года. См. *»Documente*», culese de E. Hurmuzaki, vol. I, partea 2, p. 137.

5) *»Documente*», culese de E. Hurmuzaki, vol. II, partea 2, p. 397; *Revista*

рукахъ національнаго правителя и его совѣта, — пережитки собственнаго «боярскаго суда» могли сохраниться въ институтѣ поротниковъ, главный принципъ котораго — одинаковое социальное положеніе и всѣхъ участниковъ пороты, и заинтересованнаго лица. Такимъ образомъ, румынская порота была аристократична и болѣе національна, чѣмъ сербская, которая знала пороту **иновѣрцамъ или тръговцамъ**, требовавшую, чтобы была половина сръбль (вар. хрестіанъ), а половина ихъ дружиннѣ по законуу святаго краля.

p. istorie, archeologie și filologie, vol. VIII, pp. 63—66, со снимкомъ съ документа (статья Н. Денсушяну). Специальная статья о древней поротѣ у румынъ Трансильваніи помѣщена А. Ксенополомъ въ *Convorbire Literare* за 1874 г. (ап. VIII), и кое что изъ нея повторено въ его же изслѣдованіи «Teoria lui Rössler» въ *Revista p. istorie, archeologie etc.*, vol. III, pp. 117—118.

С.-Петербургъ.

А. И. Яцимирскій.

Сказаніе о преложеніи книгъ на словѣнскій языкъ.

Въ Повѣсти временныхъ лѣтъ — лѣтописномъ сводѣ, составленномъ въ 1116 году въ Кіевѣ игуменомъ Михайловскаго Златоверхаго монастыря Сильвестромъ — помѣщено сказаніе о преложеніи книгъ на словѣнскій языкъ св. Кирилломъ и Меѳодіемъ. Сказаніе это читается подъ 6406 (898) годомъ, послѣ извѣстія о прохожденіи Угровъ (Мадьяръ) мимо Кіева и сообщенія о враждебныхъ дѣйствіяхъ Угровъ противъ жившихъ по Дунаю Словѣнъ. Лѣтописная статья о дѣятельности Кирилла и Меѳодія обратила на себя вниманіе изслѣдователей, посвятившихъ ей, начиная съ А. В. Горскаго, болѣе или менѣе обширныя замѣчанія, которыя опредѣлили отношеніе ея къ прочимъ памятникамъ кирилло-меѳодіевской литературы. Настоящая работа, предлагаемая на судъ великаго знатока и неутомимаго изслѣдователя этой литературы И. В. Ягича, имѣетъ цѣлью выяснить, въ какомъ видѣ Сказаніе стало извѣстно русскому лѣтописцу и что именно внесъ въ него самъ лѣтописецъ. Я исхожу изъ мысли, что Сказаніе не было составлено самимъ лѣтописцемъ, а стало ему извѣстнымъ уже въ готовомъ видѣ: составитель Повѣсти вр. лѣтъ былъ сводчикомъ, компиляторомъ, и конечно, онъ не нашелъ бы для себя досуга составлять статью о преложеніи книгъ; присутствіе ея въ его компиляціи доказываетъ, что такая статья существовала въ отдѣльномъ видѣ или въ составѣ другого памятника.

Замѣчу еще, что въ настоящее время мы можемъ съ увѣренностью говорить о лѣтописномъ сводѣ, предшествовавшемъ Повѣсти вр. лѣтъ: этотъ сводъ возстанавливается путемъ сравнительнаго изученія списковъ, содержащихъ Повѣсть вр. лѣтъ (напр. Лаврентьевскаго, Ипатьевскаго и др.), со списками, содержащими Новгородскую 1-ю лѣтопись (Комиссіоннымъ, Толстовскимъ и др.). Въ этомъ Начальномъ Кіевскомъ сводѣ, составленномъ въ концѣ XI или самомъ началѣ XII столѣтія, не было лѣтописной статьи 6406 года, равно какъ и цѣлаго ряда другихъ статей, предшествующихъ въ Повѣсти вр. лѣтъ 6453 (945) году, съ котораго Начальный сводъ и Повѣсть вр. лѣтъ въ общемъ между собою то же-

ственны. Слѣдовательно, Сказаніе о преложеніи книгъ внесено въ составъ лѣтописнаго свода въ 1116 году игуменомъ Сильвестромъ.

Вниманіе наше отстанавливаютъ на себя прежде всего слѣдующіе два вопроса: 1) почему Сказаніе о преложеніи книгъ занесено въ Повѣсть вр. лѣтъ подь 6406 (898) годъ? 2) почему ему предшествуетъ сообщеніе объ Уграхъ? Второй вопросъ представляется особенно существеннымъ при возстановленіи первоначальнаго вида Сказанія, но и первый вопросъ не безразличенъ при рѣшеніи вопроса объ отношеніи лѣтописца къ первоначальному виду Сказанія.

Итакъ: почему Сильвестръ помѣстилъ Сказаніе подь 6406 годъ? Я знаю три отвѣта на этотъ вопросъ, но ни одинъ изъ нихъ не представляется мнѣ убѣдительнымъ.

Одни изслѣдователи утверждаютъ, что лѣтописцу былъ извѣстенъ годъ прохожденія Угровъ мимо Кіева и что этимъ годомъ былъ 6406-й. Въ связь съ этимъ ставится отмѣченное лѣтописцемъ преданіе, что урочище Угорское подь Кіевомъ получило свое названіе отъ стоянки Угровъ. Кромѣ того указаніе на прохожденіе Угровъ въ 6406 году согласовано съ приведеннымъ лѣтописцемъ выше сообщеніемъ, по которому Угры Черныя проходили мимо Кіева при Олегѣ (см. вводныя къ лѣтописи статья). Не отрицая того, что Угры шли въ З. Европу именно мимо Кіева, причѣмъ стоянка ихъ близъ Кіева сообщила названіе «Угорское» одному изъ кіевскихъ урочищъ, мы рѣшительно не можемъ допустить, чтобы лѣтописцу былъ извѣстенъ годъ прохожденія Угровъ мимо Кіева. Древнѣйшія лѣтописныя записи ведутъ насъ уже ко времени Владиміра и Ярослава; хронологія лѣтописца до 6453 (945) оказывается частью искусственною, частью же основанною на греческихъ данныхъ (не всегда при томъ вѣрно понятыхъ); до 6453 года достовѣрными датами можно признать только 6415 (907), 6420 (912) и 6453 (945) гг., даты, извлеченныя изъ договоровъ съ Греками, а также 6449 (941) г., годъ нападенія Руси на Царьградъ, извлеченный изъ продолжателя Амартола. Мы не признаемъ 6406-й годъ за годъ прохожденія Угровъ еще и потому, что Угры совершили свое передвиженіе въ Западную Европу раньше, а именно въ восьмидесятихъ годахъ IX вѣка¹⁾. Наконецъ, если бы даже 6406-й годъ означалъ дѣйствительно годъ прохожденія Угровъ, то все таки было бы неясно, почему Сказаніе о преложеніи книгъ помѣщено подь этимъ годомъ, — а мы ищемъ отвѣта именно на этотъ вопросъ.

1) К. Гротъ, «Моравія и мадьяры», стр. 250, 262.

К. К. Гротъ въ только что названной книгѣ, содержащей весьма основательныя замѣчанія относительно нѣкоторыхъ мѣстъ Повѣсти вр. лѣтъ, которыхъ намъ придется коснуться ниже, признаетъ, что 6406 годъ »у Нестора« означаетъ годъ прохожденія Угровъ мимо Кіева, но считаетъ, что Несторъ въ своемъ сообщеніи сдѣлалъ два промаха: »совершенно неосновательно приписалъ Мадырямъ путь въ Угрію *черезъ горы великія* (Карпаты), тогда какъ всѣ историческія и этнографическія данныя наши и соображенія говорятъ противъ этого, и невѣрно отнесъ ихъ движеніе мимо Кіева къ 898 году«¹⁾. Обративъ вниманіе на то, что и изъ показаній Константина Багрянороднаго (*De administr. imp.*), утверждающаго, что Мадыряры были вытѣснены изъ Лебедіи Печенѣгами за 55 лѣтъ (до 953-го года, когда было написано сочиненіе *De administr. imp.*), можно заключить, что Мадыряры двинулись въ Западную Европу въ 898 году, Гротъ такое совпаденіе между Несторомъ и Константиномъ Багрянороднымъ не рѣшается приписать случайности и допускаетъ, »что оба историка воспользовались въ этомъ случаѣ какимъ-нибудь общимъ источникомъ, который или самъ не отличался точностью, или былъ неправильно понятъ«²⁾. Рѣшительно высказываюсь за случайность въ совпаденіи показаній нашей лѣтописи и труда Багрянороднаго, тѣмъ болѣе, что необходимо еще доказать, что 6406 годъ означаетъ годъ прохожденія Угровъ мимо Кіева, а не годъ преложенія книгъ на Словѣнскій языкъ. Продолжительная литературная традиція (по крайней мѣрѣ съ XIII в.) оправдываетъ отнесеніе 6406 года къ самому событію преложенія книгъ³⁾.

Е. Е. Голубинскій въ своемъ »Краткомъ очеркѣ исторіи правосл. церквей« (М. 1871) высказалъ предположеніе, что 6406-й годъ заимствованъ въ лѣтопись изъ записи къ переводу толковаго евангелія, совершенному епископомъ болгарскимъ Константиномъ, въ которой дѣйствительно читается 6406-й годъ⁴⁾. Подъ преложеніемъ книгъ въ Никифоровомъ лѣтописцѣ⁵⁾ разумѣлся будто не переводъ богослужебныхъ книгъ, совершенный Константиномъ и Меодіемъ, а переводъ толковаго евангелія, совершенный ихъ ученикомъ, Константиномъ епископомъ. Пови-

1) Тамъ же, стр. 262.

2) Тамъ же, стр. 263.

3) Такъ въ русской обработкѣ XIII в. Никифорова лѣтописца читаемъ: »а отъ 7-го сбора до преложенія книгъ лѣтъ 77, а отъ Адама 6406«. Въ краткомъ лѣтописчикѣ передъ хронографомъ 1512 г.: »отъ крещенія до преложенія книгъ лѣтъ 30 на Словенскій языкъ святымъ Кирилломъ, а отъ Адама 6407«.

4) Ср. эту записъ въ »Опис. синод. рукописей« Горскаго и Невоструева, II, 1, No. 163, стр. 421.

5) См. одно изъ предыдущихъ примѣчаній.

димому, изъ Никифорова лѣтописца та же нелѣпость перешла въ Повѣсть вр. лѣтъ. Объясненіе Голубинскаго не можетъ быть признано состоятельнымъ: во-первыхъ, въ концѣ Константинова труда мы не читаемъ записи, изъ которой бы слѣдовало, что переводъ толковаго евангелія совершонъ имъ въ 6406 году, а находимъ краткую хронологію отъ Адама »до настоящааго«, оканчивающуюся словами »всѣхъ же лѣтъ отъ пропятія Христова до Льва царя нынѣшняаго девять сѣтъ 18, а отъ Адама до настоящааго въ 12 индикта есть лѣтъ 6406«; во-вторыхъ, какъ отмѣчено составителями »Описанія синодальныхъ рукописей« и повторено самимъ Голубинскимъ, 6406 замѣнило цифру 6402 первоначальнаго оригинала, ибо и 12-й индиктъ и 7-й годъ царя Льва (указанный тамъ выше) падаютъ именно на 6402-й годъ; слѣдовательно, 6406-й годъ, по объясненію Голубинскаго, замѣнившій 6402-й годъ случайно, не былъ годомъ, когда Константинъ совершилъ свой трудъ¹⁾. По этимъ соображеніямъ мы рѣшительно отвергаемъ объясненіе Голубинскаго²⁾.

При разрѣшеніи вопроса, чтѣ же означаетъ 6406 годъ, мы считаемся прежде всего съ указанною литературною традиціей, признавшею его за годъ предложенія книгъ. Мы принимаемъ во вниманіе еще другую традицію: годъ предложенія книгъ въ очень давнее время поставленъ въ связь съ хронологіей вселенскихъ соборовъ. Такъ, въ русской обработкѣ Никифорова лѣтописца (Кормчая XIII в.) мы находимъ вставленными въ текстъ Никифора показанія времени вселенскихъ соборовъ, а годъ предложенія книгъ опредѣляется въ отношеніи къ году седьмого собора (ср. выше, примѣчаніе 3 на стр. 174). Такъ же точно во многихъ сербскихъ лѣтописцахъ извѣстіе о предложеніи книгъ Кирилломъ философомъ читается въ концѣ статьи »Оуказъ о седми съборѣхъ«, а именно послѣ сообщенія о седьмомъ соборѣ (ср. лѣтописцы, изданные Стояновичемъ въ Споменик, III, стр. 137, 144, 148). Думаю, что и цифра 6406 получилась въ связи съ данными по хронологіи соборовъ, въ частности же седьмого собора.

Упорная традиція русскихъ хронологическихъ выкладокъ полагаетъ 77 лѣтъ между седьмымъ соборомъ и предложеніемъ книгъ. Ср., съ

1) Думаю, что вся краткая хронологія переведена Константиномъ съ греческаго; она была доведена до седьмого года царя Льва и оканчивалась словами »всѣхъ же лѣтъ отъ пропятія Христова до Льва царя нынѣшняаго осмь сѣтъ 14, а отъ Адама до настоящааго 12 индикта есть лѣтъ 6402«. Славянскій переводчикъ, работавшій въ 6406 году, замѣнилъ цифру 814 цифрой 818, а 6402 цифрой 6406. Последняя цифра является суммой 5555 (это число въ хронологіи показываетъ лѣта отъ С. М. до Р. Х.) + 33 (отъ Р. Х. до пропятія Христова) + 818. Въ синод. спискѣ »девятъ сѣтъ 18« ошибочно вм. »осмь сѣтъ 18«.

2) Въ послѣднее время оно было повторено А. Н. Петровымъ, ср. Отчеты о заведеніяхъ И. Общ. Люб. др. писъм. въ 1897—1898, стр. 27.

одной стороны, послѣдовательныя обработки Никифорова лѣтописца; съ другой стороны, краткія хронологическія таблицы, подобныя той, которая предшествуетъ хронографу 1512 года. Какъ получилась эта цифра 77? Древнѣйшее и вмѣстѣ съ тѣмъ достовѣрнѣйшее показаніе времени предложенія книгъ находимъ у черноризца Храбра — это 6363 годъ. Дату эту находимъ и въ нашей Палей (хроногр. редакція). Между 6296 годомъ, когда былъ седьмой соборъ, и 6363-мъ разница 67. Какъ понять 77 вмѣсто 67, неясно: быть можетъ, въ томъ или другомъ памятникѣ былъ неправильно показанъ годъ седьмого собора: ср. въ Чудовскомъ и Пискаревскомъ спискахъ Еллинскаго лѣтописца 2-го вида — 6286, вм. 6296 (то же въ вводныхъ статьяхъ къ т. н. Львовской лѣтописи, которая печатается теперь Археогр. Коммиссіей). Быть можетъ, что годъ предложенія книгъ по той или иной причинѣ былъ показанъ неправильно, какъ 6373 вм. 6363, ср. въ спискѣ XVII в. хронографа Рум. Музея No. 456 (Оп. Востокова, с. 758; Бодянской, О вр. происхожденія слав. писменъ, с. 111). Важно отмѣтить, что лѣтописчикъ, предшествующій Хронографу 1512 г., полагаетъ между предложеніемъ книгъ и крещеніемъ русской земли 123 года, указывая этимъ, что предложеніе книгъ было въ 6373 году¹). Въ всякомъ случаѣ вѣроятно, что цифра 77 уже изстари въ русскихъ хронологическихъ выкладкахъ опредѣляла время отъ седьмого собора до предложенія книгъ; это вѣроятно въ особенности потому, что цифра 77 продолжала сохраняться и послѣ проникновенія въ эти выкладки иныхъ данныхъ о времени того и другого событія.

Итакъ, русскому книжнику для опредѣленія года предложенія книгъ, надо было узнать годъ седьмого собора. Прямѣ всего его можно было высчитать по упомянутому выше «Указу о седми съборѣхъ», гдѣ сообщались данныя, которыми опредѣлялись разстояніе между Р.Х. и первымъ соборомъ и разстоянія между послѣдующими соборами. Какъ кажется, и въ русскихъ и сербскихъ памятникахъ данныя эти являлись въ двухъ видахъ. Наиболѣе распространенны тѣ таблицы, гдѣ время отъ вознесенія Христова до перваго собора опредѣляется 318, отъ перваго собора до втораго — 60, отъ втораго до третьяго — 50, отъ третьяго до четвертаго — 10, отъ четвертаго до пятаго — 100, отъ пятаго до шестого — 130, отъ шестого до седьмого — 122²). Менѣе часты та-

1) То же въ вводныхъ статьяхъ къ Хроногр. списку Новгородской 4-й (Синод. No. 280): «отъ седмаго собора до предложенія книгъ лѣтъ 77, отъ предложенія книжнаго до крещенія Рускіа земли лѣтъ 123». Также въ Никифор. лѣтописцѣ (въ конечномъ итогѣ лѣтъ), помѣщенномъ въ Погод. No. 577 (Бычковъ, Описаніе рук. сборниковъ, стр. 181).

2) Ср. разные изводы Никифорова лѣтописца, гдѣ эти цифры вошли въ текстъ лѣтописца, а также и древнѣйшій изводъ его (напр. въ Кормчей Публ. библ. F II 250),

блицы, гдѣ время отъ Христа до перваго собора опредѣляется — 318, отъ перваго до втораго собора — 52, отъ втораго до третьяго 41, отъ третьяго до четвертаго — 30, отъ четвертаго до пятаго 102, отъ пятаго до шестого — 149, отъ шестого до седьмого — 120¹⁾.

Я думаю, что лицо, желавшее снабдить Сказаніе о предложеніи книгъ годомъ, прибѣгло къ первой таблицѣ. По ней оно высчитало, что отъ вознесенія до седьмого собора прошло 790 лѣтъ; слѣдовательно, отъ Р. Х. 823 года. Чтобы узнать годъ отъ С. М. по наиболѣе распространенному въ древней Руси и Византіи счету, надо было прибавить 5500; ср. такой счетъ отъ С. М. до Р. Х. въ Никифоровомъ лѣтописцѣ, а также въ Повѣсти вр. лѣтъ (какъ видно изъ хронологической выкладки подъ 6360 годомъ). Но лицу, которому принадлежитъ датировка Сказанія о предложеніи книгъ, по той или иной причинѣ прибѣгло въ другому счету, и именно къ тому, по которому отъ С. М. до Р. Х. прошло 5506 лѣтъ²⁾. Такимъ образомъ получены были три слагаемыя: 5506 (лѣта отъ С. М. до Р. Х.), 823 (лѣта отъ Р. Х. до седьмого собора) и 77 (лѣта отъ седьмого собора до предложенія книгъ). Сумма трехъ этихъ чиселъ составила 6406³⁾.

Если предложенное нами объясненіе 6406 года при статьѣ о предло-

гдѣ къ Никифорову лѣтописцу присоединенъ, въ видѣ особой статьи, »Разумъ 7 съборъ, колко лѣтъ отъ коегождо скончяся«. Изъ сербскихъ лѣтописцевъ ср. Григоровичевъ (Стояновичъ, Споменик, III, стр. 111).

1) Ср. хронографическія статьи, предшествующія т. н. Лѣтописи Авраамки (П. С. Р. Л., XVI, 28—29), и рук. Синод. библ. XV в. № 154. Изъ сербскихъ лѣтописцевъ ср. Цетинскій (Стояновичъ, тамъ же, стр. 120—121). Ср. то же въ »Словѣ отвѣтномъ на Латину«, изданномъ А. Н. Поповымъ въ »Историко-литер. обзорѣ полем. соч.«, стр. 156 и сл. (но отъ 1-го до 2-го тамъ не 52, а 56, а отъ 5-го до 6-го — 109, а не 149).

2) Ср. въ вводныхъ статьяхъ къ т. н. лѣтописи Авраамки (П. С. Р. Л. XVI, стр. 28) и въ рукописи Синод. библ. XV в. № 154: »вкупѣ же 5000 и 500 и 6«. То же въ Толст. I № 189 (гдѣ на л. 164 об. и другой счетъ). То же въ греческой рукописи XVII в. Синод. библ. № 443 (ср. арх. Владиміръ, »Сист. оп. греч. рук. Синод. библ.« подъ этимъ N).

3) Отмѣчу здѣсь, что и позже русскимъ людямъ съ трудомъ удавалось устанавливать годъ седьмого собора. Въ Едл. лѣтописцѣ Толст. F I 91 онъ отнесенъ къ 6306 году. Составитель хронографа относилъ седьмой соборъ къ 6320 году, какъ видно изъ статьи объ отложеніи мясъ. Въ лѣтописчикѣ, предшествующемъ хронографу, седьмой соборъ отнесенъ къ 6296 г., но при этомъ прибавлено: »а отъ Рождества Христова лѣтъ 806« (ошибка произошла изъ списка Никк. лѣтописца, гдѣ 806 г., означающій годъ убіенія Константина, принятъ за годъ седьмого собора). По Палеевѣ, а также по лѣтописчику въ Синод. рук. XIV в. (Оп. Г. и Нев. № 117) отъ седьмого собора до смерти Михаила царя прошло 64 г. и 9 мѣсяцевъ, но Михаилъ убитъ въ 6376 году, слѣдовательно, соборъ былъ въ 6312 (что, повидимому, согласовано со вторымъ видомъ Указа о семи соборѣхъ, по которому отъ Р. Х. до седьмого собора 812 лѣтъ, см. выше), между тѣмъ выше Палея указываетъ на 6296-й годъ.

женіи книгъ вѣрно, то мы должны заключить, что годъ этотъ высчитанъ не составителемъ Повѣсти въ лѣтъ, ибо онъ считалъ отъ С. М. до Р. Х. не 5506, а 5500 лѣтъ; кромѣ того онъ не могъ отнести преложеніе книгъ, бывшее при царѣ Михаилѣ, на 6406 годъ уже потому, что зналъ, что царь Михаилъ скончался въ 6376 году. Итакъ 6406 годъ перенесенъ въ Повѣсть въ лѣтъ вмѣстѣ со Сказаніемъ о преложеніи книгъ изъ другого памятника.

Мы переходимъ къ разсмотрѣнію второго поставленнаго нами выше вопроса: почему Сказанію о преложеніи книгъ предшествуетъ сообщеніе объ Уграхъ?

Вопросъ этотъ не разрѣшится простой ссылкой на то, что это сообщеніе оказывается сходнымъ съ тѣмъ, что лѣтописецъ выше, въ вводныхъ къ Повѣсти временныхъ лѣтъ статьяхъ, говоритъ о разселеніи Славянъ и о нашествіи на Славянъ сначала Волоховъ, а потомъ Угровъ. Если подобная ссылка имѣетъ цѣлью доказать, что означенное сообщеніе заимствовано изъ предшествующихъ статей лѣтописца, то она не объяснить, зачѣмъ понадобилось такое заимствованіе. Кромѣ того, признавъ источникомъ нѣкоторыхъ частей этого сообщенія вводныя статьи къ Повѣсти въ лѣтъ, подобная ссылка не разъяснитъ, откуда попало въ него напр. извѣстіе о томъ, что Угры поплѣнили «землю Фрачьску и Макидоньску доже и до Селуня» и что они начали воевать «на Мораву и на Чехи». Оставляя поэтому пока въ сторонѣ вопросъ о сходныхъ фразахъ и извѣстіяхъ въ сообщеніи передъ Сказаніемъ о преложеніи книгъ и въ вводныхъ къ Повѣсти въ лѣтъ статьяхъ, я обращаю сначала вниманіе на вопросъ, почему Сказанію о преложеніи книгъ предпослано сообщеніе объ Уграхъ.

Преложеніе книгъ совершилось задолго до нашествія Угровъ. Правда, въ житіи Меѳодія упоминается король Угорскій («пришьдышу на страны Доунайскыя королю Оугърьскомоу, въсхотѣ и видѣти»), но конечно, это не могло быть достаточнымъ для появленія сообщенія объ Уграхъ передъ Сказаніемъ, въ значительной части своей восходящимъ къ памятнику, сходному съ Меѳодіевымъ житіемъ. Прямого отношенія къ преложенію книгъ Угры имѣть не могли. Но косвенное отношеніе къ созданному дѣятельностью славянскихъ первоучителей положенію вещей они, конечно, имѣли. Самое сообщеніе намекаетъ на это значеніе Угровъ словами: «и начаша воевати на Моравы и на Чехи», а изъ Сказанія ясно, что дѣятельность Меѳодія протекала въ Моравіи, — передъ самымъ Сказаніемъ читаемъ, что книги были преложены для Моравы. Итакъ, мы находимъ въ сообщеніи намекъ на то, что составитель его

желалъ сообщить о послѣдовавшихъ за кончиною Меодія обстоятель-ствахъ, когда рушилось его дѣло частью вслѣдствіе вновь возникшихъ политическихъ отношеній. А быть можетъ, составитель Сказанія не только пожелалъ это сдѣлать, но и исполнилъ свое желаніе?

Я обращаю вниманіе на двѣ слѣдующія одна за другой фразы: *»и начаши воевати Угри ни Греки, и поплѣниша землю Фрачьску и Макидоньску доже и до Селуня; и начаши воевати на Мораву и на Чехи«*. Для меня ясно, что такое чтеніе не можетъ быть первоначальнымъ. Послѣ первой фразы выпущенъ отрывокъ, признанный составителемъ Повѣсти не относящимся къ дѣлу. Что же могло быть въ этомъ отрывкѣ? Думаю, здѣсь повѣствовалось объ обращеніи Угровъ въ христіанство и о подчиненіи ихъ греческой духовной власти (ср. крещеніе около 950 г. двухъ мадыарскихъ воеводъ и присылку греками въ Венгрію духовной миссіи). Если такая догадка вѣрна, то и за рассказомъ о войнахъ Угровъ съ Моравой и Чехами слѣдовало сообщеніе о покореніи ими Морави, а засимъ о появленіи латинскаго духовенства, о проповѣди Войтѣха (св. Адалберта), обратившаго венгерскаго главнаго вождя Стефана, крещеннаго по восточному обряду, въ лоно римской церкви (ок. 995 года), а также объ изгнаніи Войтѣхомъ словѣнскаго богослуженія и словѣнской грамоты изъ Морави и Чехи.

Не слишкомъ ли однако поспѣшно наше заключеніе? Думаю, что нѣтъ. И вотъ прежде всего на какомъ основаніи. До насъ дошелъ въ спискахъ XV и сл. вѣковъ памятникъ, содержащій краткій рассказъ о крещеніи Владиміра и изобрѣтеніи русской грамоты. Этотъ памятникъ, начинающійся словами *»Се же боуди вѣдомо всеми языки и людами, яко Роускии языкъ ни отъкоудуже пріять вѣры сея святыя«*, напечатанъ Ягичемъ въ *»Разсужденіяхъ старины о церковно-славянскомъ языкѣ«*¹⁾. Тѣсно связанное съ памятниками кирилло-меѳодіевской литературы, такъ какъ содержитъ заимствованіе изъ Житія св. Кирилла, *»Слово о крещеніи Владиміра и обрѣтеніи русской грамоты«* заключаетъ въ себѣ слѣдующее интересное мѣсто, давно остановившее на себя вниманіе изслѣдователей: *»Потомъ же многимъ лѣтомъ миноувшемъ, пришедеъ Воитѣхъ в Мораву и в Чехи и в Ляхи, разруши вѣру правую и Роускую грамоту отверже, а Латыньскую вѣру и грамоту постави, и правыя вѣры епископы посече, а другія разгна, і иде въ Проускую землю, хотя и тѣхъ въ вѣру Латыньскую привести, и тамо оубіенъ Воитѣхъ Латыньскими пискупъ«*. Откуда попалъ въ *»Слово о крещеніи Владиміра и обрѣтеніи*

1) Встрѣчается также въ концѣ нѣкоторыхъ списковъ Кириллова житія (ср. изд. Бодянскаго въ Чт. Общ. и. и др., 1863, кн. 2, стр. 32).

русской грамоты « этотъ отрывокъ? Не свидѣтельствуетъ ли Слово о существованіи въ нашей письменности такого памятника, гдѣ излагались судьбы словѣнскаго богослуженія въ Моравіи и Чехіи послѣ смерти Мееодія? Обратимъ вниманіе на слова »в Мораву и в Чехи и в Ляхи« и сравнимъ ихъ съ упоминаемыми въ томъ же порядкѣ въ сообщеніи передъ Сказаніемъ о предложеніи книгъ: »Морава и Чеси и Ляхове«.

Не подлежитъ сомнѣнію, что памятникъ, излагавшій судьбы словѣнскаго богослуженія въ Моравіи и Чехіи, былъ происхожденія западно-славянскаго. Но не имѣемъ ли мы основаніе признать именно западно-славянскимъ, хотя и составленнымъ въ школѣ слав. первоучителей, наше Сказаніе о предложеніи книгъ? Въ концѣ его мы читаемъ, что апостолъ Павелъ, доходившій до Илирика ¹⁾, былъ такимъ образомъ учителемъ Словѣнскому языку, ибо въ Илирикѣ жили первоначально Словѣне. Притязанію на то, чтобы Павла назвать учителемъ Словѣнъ, естественнѣе всего было явиться на Западѣ, въ пограничной области, гдѣ происходила борьба греческаго и латинскаго вліянія. Вспомнимъ, что нѣсколько ниже лѣтопись подъ 6494 (986) годомъ влагаетъ въ уста нѣмецкихъ проповѣдниковъ, приходившихъ къ Владиміру, слова: »аще кто петь или ясть, то все въ славу Божью, рече учитель *нашъ* Павелъ« ²⁾.

Наконецъ, въ пользу нашего заключенія о томъ, что сообщеніе, предшествующее Сказанію о предложеніи книгъ и содержащее рассказъ о нашествіи Угровъ, ставило въ тѣсную связь это нашествіе съ предложеніемъ книгъ, слѣдовательно съ судьбой Словѣнской грамоты послѣ смерти Мееодія, говоритъ то обстоятельство, что сообщеніе это тѣснѣйшимъ образомъ связано со Сказаніемъ, ибо въ немъ проводится мысль о единствѣ Словѣнскаго племени и о единствѣ Словѣнской грамоты: кому же было упомянуть о томъ, что грамота прозвалась словѣнской потому, что книги были предложены Моравѣ, Чехамъ и Ляхамъ, исконнымъ Словѣнамъ, какъ не самому составителю Сказанія о предложеніи книгъ? кому же, какъ не ему, было настаивать на словѣнскомъ единствѣ? Я весьма сомнѣваюсь въ томъ, чтобы русскій лѣтописецъ могъ дойти до мысли объ единствѣ Словѣнъ, объ общемъ ихъ происхожденіи. Напротивъ, этой мысли вполне естественно было возникнуть въ средѣ учениковъ св. Кирилла и Мееодія и ихъ послѣдователей: ихъ труды стремились объединить западныхъ и южныхъ Словѣнъ въ одну литературную

1) Ср. »святѣи Павелъ . . . отъ Іерусалима даждь и до Лирика Христа проповѣдавъ« въ южнорусск. апостолѣ XV в. (І. Франко, Апокріѣи і легенди, т. III, с. 273).

2) Въ позднѣйшихъ спискахъ: Петръ и Павелъ (Тверск., Никон.).

семью, а это, конечно, имѣло неминуемымъ слѣдствіемъ теорію объ общемъ происхожденіи Словѣнъ.

Предполагая такимъ образомъ, что сообщеніе объ Уграхъ и о единствѣ Словѣнскаго племени составляло одно цѣлое со Сказаніемъ о предложеніи книгъ, мы думаемъ, что въ первоначальномъ своемъ видѣ это Сказаніе читалось не такъ, какъ оно занесено въ Повѣсть вр. лѣтъ. Сначала говорилось о единствѣ Словѣнъ и о ихъ разселеніи, засимъ излагались труды первоучителей и, наконецъ, сообщалось о нашествіи Угровъ на Словѣнъ, о ихъ крещеніи, объ отпаденіи въ латынство и объ изгнаніи Словѣнской грамоты Войтѣхомъ изъ области Моравы, Чеховъ и Ляховъ. Впрочемъ, къ возстановленію первоначальнаго вида Сказанія перейдемъ ниже.

Установивъ, что Сказаніе о предложеніи книгъ, съ сопровождавшимъ его сообщеніемъ объ единствѣ Словѣнъ и ихъ разселеніи, а также о нашествіи Угровъ, было извѣстно составителю Повѣсти вр. лѣтъ въ отдѣльномъ видѣ, мы займемся теперь изслѣдованіемъ о томъ, не сказалось ли знакомство его со Сказаніемъ и на другихъ частяхъ его лѣтописнаго свода.

Мы говорили уже, что въ вводныхъ статьяхъ къ Повѣсти вр. лѣтъ имѣются мѣста, сходныя со Сказаніемъ. Приведемъ эти мѣста:

Въ началѣ Пов. вр. лѣтъ:

По мнозѣхъ же времянѣхъ сѣли суть Словѣни по Дунаеви, где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. И отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ . . . и прозвашася Морава, а друзии Чеси нарекошася.

Словѣни же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове . . .

И тако разидеся Словѣнскій языкъ, тѣмже и грамота прозвася Словѣнская.

Волохомъ бо нашедшемъ на Словѣни на Дунайскія и сѣдшемъ в нихъ и насилящемъ имъ . . .

Посемъ придоша Угри Бѣлии, и

Ср. въ сказаніи:

Иѣ единъ языкъ Словѣнскъ: Словѣни, иже сѣдаху по Дунаеви, ихже пріиша Угри, и Морава, и Чеси, и Ляхове.

Симъ бо первое предложены книги Моравѣ, яже прозвася грамота Словѣнская . . .

И Волохове пріиша землю Словенску.

Посемъ же Угри погнаша Во-

наслѣдиша землю Словѣнску, про- лохи²⁾ и наслѣдиша землю ту и гнавши Волохи, иже бѣша преже сѣдоша съ Словѣны, покоривше и прияхи землю Словенску¹⁾. подъ ся.

Кромѣ того нельзя не сопоставить сдѣланную въ текстѣ, заимствованный изъ Амартола, вставку имени Словѣнъ послѣ »Илюрика«, замѣнившаго »Илюриі« славянскаго перевода Амартола, со словами Сказанія: »Ту бо есть Илюрикъ, его же доходилъ апостолъ Павелъ, ту бо бѣша Словѣне первое«. Наконецъ, появленіе Прусовъ послѣ Ляховъ въ перечнѣ племенъ, сидящихъ въ Аѳетовѣ части, я сближаю съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Сказаніи упоминалась Прусская земля, гдѣ былъ убитъ Войтѣхъ послѣ изгнанія словѣнскаго обряда изъ Моравы, Чеховъ и Ляховъ (ср. приведенную выше выписку).

Отиѣчу теперь же, что общія фразы между разсказомъ о разселеніи Словѣнъ и Сказаніемъ о преложеніи книгъ не ускользнули отъ вниманія редакторовъ лѣтописныхъ сводовъ: нѣкоторые изъ нихъ во избѣжаніе повторенія исключили эти общія фразы. Такъ составитель Лаврентьевской лѣтописи выпустилъ въ вводныхъ статьяхъ слова »прогнавши Волохи, иже бѣша преже прияхи землю Словѣнску«, найдя сходную фразу въ Сказаніи; напротивъ, составитель протографа Радзивиловской лѣтописи опустилъ по той же причинѣ слова »по семъ же Угри погнаша Волохи« въ Сказаніи и допустилъ, благодаря этому, явную бессмыслицу: »и Волохове прѣяша землю Словенскую и наслѣдиша землю тоу и сѣдоша со Словѣны, покоривше а подъ ся, и оттоле прозвася земля Оугорская«. Итакъ, позднѣйшая исторія лѣтописнаго текста не свидѣтельствуетъ о сближеніи обоихъ сходныхъ мѣстъ Повѣсти вр. лѣтъ; думаю, что такого сближенія не было и при установленіи текста Повѣсти, т. е. иначе, что общія мѣста въ вводной части Повѣсти и въ лѣтописной статьѣ 6406 года зависѣли не отъ заимствованія изъ одной части лѣтописи въ другую, а отъ пользованія однимъ общимъ источникомъ, каковымъ было Сказаніе о преложеніи книгъ въ отдѣльномъ отъ лѣтописи видѣ.

Дѣйствительно, врядъ ли мы рѣшимся возвести фразу лѣтописной статьи 6406 года »посемъ же Угри погнаша Волохи и наслѣдиша

1) Слозь »прогнавши Волохи, иже бѣша преже прияхи землю Словенску« нѣтъ въ спискахъ Лаврентьевскомъ и Троицкомъ, а также въ Софійской 1-й и зависѣвшихъ отъ нея. Эти слова сохранились въ Ипатьевскомъ, Хлѣбниковскомъ, Радзивиловскомъ, также въ т. и. Лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго и другихъ.

2) Слозь »по семъ же Угри погнаша Волохи« нѣтъ въ спискахъ Радзивиловскомъ и Моск.-Академическомъ.

землю ту« къ фразѣ, читающейся въ вводной части Повѣсти вр. лѣтъ: »Посемь придоша Угри Бѣли и наслѣдиша землю Словѣнску, прогнавши Волохы«; мы не рѣшимся на это въ особенности, если сообразимъ, что лѣтописецъ относитъ Бѣлыхъ Угровъ ко временамъ царя Ираклія, а въ статьѣ 6406 года дѣло идетъ объ Уграхъ, появившихся въ Западной Европѣ въ концѣ IX столѣтія. Сопоставленіе обѣихъ этихъ фразъ, первой — въ лѣтописной статьѣ 6406 года, второй — въ вводной части къ Повѣсти вр. лѣтъ, дѣлаетъ до очевидности яснымъ выставленное выше положеніе о томъ, что обѣ онѣ попали въ лѣтопись изъ одного общаго источника, потерпѣвшаго при этомъ, при внесеніи въ вводную часть лѣтописи, существенное измѣненіе. К. К. Гроту принадлежитъ заслуга выясненія того, что такое »Бѣли Угри« Повѣсти вр. лѣтъ: онъ доказалъ, что лѣтописецъ, встрѣтивъ у Амртола *Toŭrhoi* (переданное въ славянскомъ переводѣ »Оугри«)¹⁾ въ разсказѣ о царствованіи имп. Ираклія, отождествилъ ихъ съ извѣстными ему Уграми, скажемъ, въ виду предыдущаго, съ тѣми Уграми, о которыхъ бывший въ распоряженіи его письменный источникъ сообщалъ, что они завладѣли землею Словѣнъ, прогнавъ Волоховъ. При этомъ онъ попалъ въ затруднительное положеніе: онъ зналъ, что о нашествіи Угровъ сообщается въ источникѣ подъ 6406 годомъ; слѣдовательно, это не тѣ Угры, которые проходили мимо Кіева при Олегѣ; надо отличить Угровъ времени Ираклія отъ Угровъ времени Олега; первыхъ лѣтописецъ назвалъ Бѣлыми, а вторыхъ Черными Уграми²⁾, воспользовавшись тѣмъ, что въ его время Бѣлою Угріею называлась главная и центральная Угрія, а Черною Угріею Трансильванія, Седмиградія³⁾. Итакъ, ясно, что въ источникѣ лѣтописной статьи объ Уграхъ читалась фраза, что они »наслѣдиша землю, прогнавши Волохы«, но не сообщалось, что это были Бѣлые Угры. Комбинація предполагаемаго источника съ славянскимъ переводомъ Амртола вызвала ту путаницу, которую такъ удачно разъяснилъ К. К. Гротъ.

Итакъ, при возстановленіи первоначальнаго вида Сказанія о преложеніи книгъ, мы должны принять во вниманіе и показанія вводной части къ Повѣсти вр. лѣтъ, ибо и въ ней сказалось вліяніе этого Сказанія.

1) »Царь же Иракліи . . . на Персы исполчися. Еще же призвавъ Оугры на помощь, приде ихъ же и князь, и мнози Оугры понимъ, нзиде на Персы« (Ундольск. No. 286, л. 303 об.).

2) Ср. ниже: »пакѣ идоша Угри Чернии мимо Кіевъ, послѣже при Олѣѣ«.

3) Моравія и Малъяры, стр. 236—246. Ср. Hunfalvy, Die Ungern oder Magyarer (1881), S. 73.

Внося Сказаніе въ сводъ подъ 6406 годъ, составитель Повѣсти вр. лѣтъ допустилъ рядъ отступленій при передачѣ текста Сказанія. Прежде всего 6406 годъ онъ понялъ (и это вопреки послѣдующей литер. традиціи) какъ годъ прохожденія Угровъ мимо Кіева. Поэтому непосредственно послѣ названія 6406 года онъ сообщилъ о прохожденіи Угровъ мимо Кіева (»идоша Угри мимо Киевъ горою«). Это имѣло слѣдствіемъ перестановку всѣхъ частей Сказанія: послѣ указаннаго сообщенія, расширеннаго еще замѣчаніемъ относительно дальнѣйшаго пути Угровъ (замѣчаніе это вызвано этимологіей названія Угорскихъ горъ), составитель Повѣсти вр. лѣтъ рассказываетъ о нападеніи Угровъ на Словѣнъ и Волоховъ уже по Сказанію, переходитъ затѣмъ ко времени болѣе раннему, о которомъ говорилось въ началѣ Сказанія (покореніе Словѣнъ Волохами), говоритъ потомъ о войнахъ Угровъ съ Греками. Опустивъ эпизодъ принятія Уграми христіанства, составитель переходитъ къ войнамъ ихъ съ Моравой и Чехами, а засимъ, прервавъ ходъ разсказа своего источника, сообщаетъ, возвращаясь къ начальнымъ строкамъ его, объ единствѣ Словѣнскаго племени. При этомъ слова: »и Поляне, яже нынѣ зовомае Русь« представляются вставкой составителя Повѣсти вр. лѣтъ: автора вставки отличаетъ особенно указаніе на то, что Поляне прозвались потомъ Русью; это ведетъ насъ къ своеобразному изложенію составителемъ Повѣсти вр. лѣтъ призванія Варягорусовъ; ср. подъ 6370: »и отъ тѣхъ Варягъ прозвася Руская земля«, подъ 6390: »и бѣша у него Варязи и Словѣни и прочи прозвашася Русью«¹⁾. Сходную вставку находимъ выше въ разсказѣ о разселеніи Словенскаго племени, основанномъ на томъ же источникѣ — Сказаніи о преложеніи книгъ: »Словѣни же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляхове друзии Лутичи, ини Мазовшане, ини Поморяне«: ясно, что слова »а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляхове« вставлены и что первоначально (въ источникѣ Пов. вр. лѣтъ) читалось: »и прозвашася Ляхове, друзии Лутичи« и т. д. Равнымъ образомъ вставкой представляются слова »яже грамота есть в Руси и в Болгарѣхъ Дунайскихъ«. Вставкой же составителя Повѣсти вр. лѣтъ представляется и окончаніе лѣтописной статьи 6406 года: сюда относится, во-первыхъ, фраза »отъ него же языка и мы есмо, Русь, тѣмъ же и намъ Руси учитель есть Павель«; во-вторыхъ, слова »а Словенскій языкъ и Рускій одно есть, отъ Варягъ бо прозвашася Русью, а первое бѣша Словене; аще и Поляне звахуся, по Словенскаяа рѣчь бѣ;

1) А въ древнемъ сводѣ, сохранившемся въ соединеніи съ Новгород. 1-ю лѣтописью (Комм. списокъ) нѣтъ слова прочи: »и бѣша у него Варязи и Словѣни и прозвашася Русью« (очевидно, передвинувшись изъ Новгорода въ Кіевскую Русь).

Полями же прозвани быша, зане в поли сѣдаху, а языкъ Словенски единъ«. Первая изъ этихъ фразъ составлена, очевидно, въ распространеніе высказаннаго выше заключенія: »тѣмъ же и Словенску языку учитель есть Павелъ« и такимъ образомъ весьма искусственно утверждаетъ, что апостолъ Павелъ учитель Руси; а вторая фраза несомнѣнно принадлежитъ составителю теоріи о призваніи Варягуровъ, ср. сдѣланныя выше замѣчанія.

Быть можетъ, составителю Повѣсти вр. лѣтъ принадлежитъ еще нѣсколько редакціонныхъ поправокъ и измѣненій въ самомъ текстѣ Сказанія.

Обращаю вниманіе на нѣкоторую связь Сказанія о преложеніи книгъ съ извѣстною статьей, носящею заглавіе »Повѣсть о Латынѣхъ, когда отлоучишяся отъ Грекъ и святаго Божія церкви« и т. д. (См. текстъ этой статьи у Попова въ »Историко-литер. обзоръ древне-русскаго полем. соч. пр. латынянъ«, стр. 178 и сл.). Здѣсь мы находимъ между прочимъ краткія сообщенія объ обращеніи въ христіанство болгаръ, русовъ и угровъ. О болгаряхъ читаемъ: »и отъ сихъ оубо Скиѣхъ маюлемии Болгаре, иже по Истроу живоуть, обѣими странами, его же ти языкомъ своимъ Дунавъ нарицають, иже и сии глаголемии Болгаре бѣша и врази Греческаго царства на лѣта многа, тѣмъ же и многу соущоу языкоу томоу, тѣмъ же и обладааша всю землю Мисинскоую и населишася родове ихъ дажде до Илирика к западоу«. Ср. въ вводныхъ статьяхъ къ Повѣсти вр. лѣтъ: »придоша отъ Скуфъ, рекше отъ Козаръ, рекомии Болгаре и сѣдоша по Дунаеву¹⁾. Объ уграхъ читаемъ: »сія же вся языки видѣвъше Пеони глаголемѣи Оугри, иже и сами нарицаются Магерѣ . . . абие мановеніемъ Божиимъ въздвигошася два князя Пеонскаго языка и тако съ всею силою своею снѣдоша ити дажде и до самаго Константина града съ всяцѣмъ смиреніемъ и любовію, и сии ищоуще святое крещеніе прияти и просяща слова божественаго разуума, емоу же и сподобшася и примѣшмъ святое крещеніе и евангеліе Христово и възвратишася въ свояси, и еще не добрѣ доспѣвъше Гречьстии архиереи вѣнати въ землю ихъ и наказати ихъ словеса книжными, и абие единъ отъ князь ихъ, емоу же имя Стефанъ, преставися въ благочестнои вѣрѣ Христовѣ . . . и оуже многы мѣлвы и пагоубы оттолѣ насташа на Грецкое царство и не възмогаша въскорѣ потвердити языка сего Пеонскаго на вѣроу, понеже по языкоу своему книгъ не имѣхоу, се

1) Слова »рекше отъ Козаръ« восходятъ къ Славянскому переводу Амартала, ср. въ статьѣ о Сесострѣ: »такъ же и Асию и Европю и Скоуѣню, рекше Козары«.

же видѣвъше Латыни изънеможеніе Гречское оудобно Пеони глаголемья Оугрѣ и прочия языки ближняя симъ и Оуны и Ипиды отъ Рима изъшедше своими книгами и писанми обратиша на свою злочѣстивоую вѣроу«.

По мнѣнію А. Н. Попова (тамъ же, стр. 176), не опровергаемому и рецензентомъ его труда А. С. Павловымъ, который однако опредѣленно при этомъ не высказывается ¹⁾, Повѣсть составлена въ XIV вѣкѣ. На основаніи того, что Повѣсть читается въ спискахъ 2-го вида Елл. лѣтописца, появленіе котораго относится едва ли не къ XIII в., я призналъ бы временемъ составленія Повѣсти XII в. Несомнѣнно, что, сообщая о крещеніи Владиміра, составитель Повѣсти руководствовался русскимъ источникомъ: такъ на основаніи русскаго источника императорами, при которыхъ крестился Владиміръ, названы Константинъ и Василій (а не Василій и Константинъ); ср. такой порядокъ въ уставѣ св. Владиміра, а также въ нѣкоторыхъ видахъ житія его; такъ на основаніи именно русскаго источника могло явиться сообщеніе, что Владиміръ со всею силою своею великою, пойдя на царство Греческое, дошелъ до самаго Царяграда. Сообщая о крещеніи Бориса Болгарскаго, составитель Повѣсти, повидимому, также руководствовался славянскимъ источникомъ: по крайней мѣрѣ продолжатель Амартола и многіе другіе греческіе источники не имѣютъ имени Бориса. Все это даетъ намъ основаніе думать, что и повѣствуя объ Уграхъ, составитель имѣлъ передъ собою также славянскій источникъ, а таковымъ могло быть »Сказаніе о предложеніи книгъ«, гдѣ, какъ мы предположили выше, такъ же какъ въ Повѣсти, вслѣдъ за сообщеніемъ о крещеніи Угровъ, говорилось о разрушеніи въ области ихъ правой вѣры и введеніи у нихъ злочестивой вѣры латынской. Въ приведенныхъ выше словахъ о Болгарахъ мы видимъ подтвержденіе высказанной мысли о вліяніи Сказанія о предложеніи книгъ на Повѣсть о Латынѣхъ.

Послѣ всѣхъ этихъ замѣчаній рѣшаемся представить схему, по которой должно быть возстановлено »Сказаніе о предложеніи книгъ«.

Въ первой части излагалось разселеніе Славянскихъ языковъ. Эта часть можетъ быть возстановлена: а) по вводнымъ статьямъ къ Повѣсти вр. лѣтъ, б) по лѣтописной статьѣ 6406 года. Вотъ какой приблизительно видъ могла имѣть эта первая часть Сказанія.

»Бысть языкъ Словѣньскъ отъ племени Афетова, нарицаемии Норци, иже суть Словѣне. По мнозѣхъ же временѣхъ сѣли суть

1) Отчетъ о 19 присужденіи наградъ гр. А. С. Уварова, стр. 264 и сл.

Словѣне по Дунаевѣ, идеже нынѣ есть Угърська земля и Българьска. И отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по земли и прозъвашася имены свои, гдѣ сѣдѣше на которомъ мѣстѣ. Волохомъ бо нашдѣшемъ на Словѣны на Дунаискыя и сѣдѣшемъ въ нихъ и насилящемъ имъ, Словѣне же ови прешдѣше сѣдоша на рѣцѣ именовъ Морава и прозъвашася Морава, а друзии Чеси нарекошася; ови же прешдѣше сѣдоша на Вислѣ и прозъвашася Ляхове, друзии Лутичи, инии Мазовшане, инии Поморяне. Словѣнску же языку живуцю на Дунаи, придоша отъ Скуфъ рекомии Българе и сѣдоша по Дунаевѣ и насельници Словѣномъ быша, и прияша землю Словѣнску, яже прозъвася земля Българьска. И тако разыдеся Словѣнскыи языкъ; бѣша бо единъ языкъ: Словѣне, иже сѣдяху по Дунаевѣ, ихъ же прияша Българе, Хървати Бѣли и Сърбъ и Хорутане, Морава и Чеси и Ляхове. Симъ бо первое предложены кнѣигы, яже прозъвася грамота Словѣнская.

Вторая часть Сказанія содержала самый разсказъ о предложеніи книгъ и начиналась словами: »Словѣномъ живуцимъ крещенымъ и княземъ ихъ, Ростиславъ и Святопѣлкъ и Къцѣль послаша къ царю Михаилу, глаголюще«. Разсказъ основывался частью на устныхъ преданіяхъ, частью же на тѣхъ самыхъ матеріалахъ, которые легли въ основаніе житія Мееодія. Сомнѣваюсь въ томъ, чтобы составитель Сказанія былъ знакомъ съ этимъ житіемъ. Общими съ нимъ оказываются только: текстъ возраженій противниковъ словѣнскаго перевода (»яко не достоинъ . . . еже на крестѣ Господни написа«), выдержки изъ посланія папы (»да ся исполнить книжное слово . . . и не отрините наказанья церковнаго«), извѣстіе о поставленіи Мееодія епископомъ въ Паноніи, на столѣ св. Андроника апостола, единаго отъ 70, наконецъ, свѣдѣнія о самомъ ходѣ работъ Мееодія по переводу писанія (»посади 2 попа . . . славу Богу въздасть, дающему таку благодать«). Эта вторая и главная часть Сказанія оканчивалась разсужденіемъ, доказывавшимъ, что первоучителемъ Словѣнъ былъ апостолъ Павелъ.

Третья часть Сказанія сообщала о нашествіи Угровъ, ихъ крещеніи, послѣдовавшемъ затѣмъ отпаденіи ихъ и объ изгнаніи словѣнскаго обряда изъ Моравіи, Чехіи и Польши. Нѣкоторыя мѣста этой части Сказанія могутъ быть возстановлены приблизительно въ слѣдующемъ видѣ.

»Посемъ же Угри, пришьдѣше съ вѣстока, наслѣдиша землю Словѣнску, прогнавшѣ Волохы, иже бѣша преже прияли землю Словѣнску, и сѣдоша съ Словѣны, покоривъше я подъ ся, и оттолѣ прозъвася земля Угърска. И начаша воевати Угри на Гръкы и поплѣниша землю Фрачьску и Макидоньску доже и до Селуня«.

Далѣе сообщалось о крещеніи Угровъ по греческому обряду, быть можетъ, также о смерти Стефана; объ усиленной проповѣди Латынянъ и объ отпаденіи Угровъ въ злочестивую вѣру латынскую.

»Потомъ многымъ лѣтомъ минуемъ, пришьде Воитѣхъ въ Мораву и въ Чехы и въ Ляхы, раздружи вѣру православную и Словѣнскую грамоту отъверже, а Латынскую грамоту и вѣру постави, правыя вѣры иконы пожже, а епископы посѣче, а другыя разгна, и иде въ Прусскую землю, хотя и тѣхъ въ свою вѣру привести и тамо побіенъ бысть Воитѣхъ Латынскими пискупъ«.

С.-Петербургъ, апрѣль 1907 г.

А. Шахматовъ.

Изъ первыхъ лѣтъ новоболгарскаго литературнаго возрожденія: первый болгарскій календарь-альма- нахъ и первый альманахъ-забавникъ.

Много вѣковъ тяготѣлъ мракъ культурной отсталости и суроваго турецкаго произвола надъ страной, подарившей въ древности славянству и человѣчеству старославянскую письменность, литературу и зарекомендовавшей себя съ выгодной стороны въ культурномъ отношеніи на зарѣ своего историческаго существованія. Выступившая въ старину раньше всѣхъ другихъ славянъ на путь національнаго просвѣщенія Болгарія вынуждена была въ новое время въ силу тяжелыхъ историческихъ условій позже всѣхъ другихъ славянскихъ странъ начать свое культурно-національное возрожденіе. Лишенная своей родовой аристократіи, безправная и экономически разоренная, эксплуатируемая и турецкими чиновниками, и фанаріотскимъ духовенствомъ несчастная страна даровитаго болгарскаго народа обречена была на жалкое прозябаніе, пока въ ея борющійся между жизнью и смертью юный еще организмъ не влилась живительная струя, возродившая его къ новой жизни. Этой живительной струей было воздѣйствіе на Болгарію со стороны національно окрѣпнувшихъ и шедшихъ по пути культурнаго прогресса ея славянскихъ сестеръ, особенно Россіи и Сербіи, а также и со стороны Румыніи. Съ Россіей связывали Болгарію не только старыя традиціи культурнаго общенія, не только племенные и религіозныя узы: двѣ молодыя страны сближались между собою благодаря сильной эмиграціи болгаръ въ Россію, благодаря обилію болгарской молодежи въ русскихъ школахъ, благодаря наконецъ торговымъ сношеніямъ. Съ Сербіей и Румыніей соединяли Болгарію общія страданія отъ турецкаго гнета, общая борьба »за крестъ святой и золотую свободу«, наконецъ добрососѣдскія отношенія. Извѣстный трудъ на русскомъ языкѣ Венелина о болгарахъ, патріотическая дѣятельность болгаръ изъ Россіи, какъ то Априлова, Палаузова, Денкоглу и т. д. вмѣстѣ съ энергичной работой на пользу

отчины со стороны болгарскихъ патриотовъ въ Румыніи и Сербіи дали могучій толчокъ болгарскому національному возрожденію: благодаря школъ и книгъ національное самосознаніе болгаръ стало расти; память о былой славѣ и примѣръ другихъ независимыхъ политически или культурно-самостоятельныхъ славянъ стали питать надежды на возвращеніе къ завѣтамъ старины, на политическое и культурное освобожденіе отъ турокъ и греческихъ фанаріотовъ; памятники національнаго прошлаго, исторія родной страны, народный языкъ и народное творчество стали и у болгаръ, какъ и у другихъ славянъ, все болѣе и болѣе культивироваться, и ко времени освободительной войны 1877—78 г. г. Болгарія не была уже той слабой національнымъ сознаніемъ страной, какою являлось она за нѣсколько десятилѣтій передъ тѣмъ. Наряду съ высокой и благотворной дѣятельностью болгарскихъ школъ и учителей, болгарскихъ меценатовъ и четниковъ великую услугу дѣлу болгарскаго возрожденія оказали молодая болгарская литература и журналистика — эта вторая школа народа. Когда быстро двигающаяся по пути культурнаго прогресса Болгарія праздновала недавно юбилей своей журналистики, болгарскіе ученые, литераторы и публицисты оцѣнили по достоинству значеніе своей прессы и въ рядѣ трудовъ нарисовали картину ея роста отъ «Любословія» и «Мірозрѣнія» до журналовъ и газетъ нашего времени. Не было обращено однако достаточнаго и необходимаго, на нашъ взглядъ, вниманія при этой оцѣнкѣ національно-культурнаго значенія болгарской періодической печати на одинъ изъ видовъ послѣдней, сыгравшей, несомнѣнно, важную національно-воспитательную роль особенно для широкихъ массъ болгарскаго народа; мы имѣемъ въ виду пользовавшуюся въ свое время широкимъ распространеніемъ и составлявшую предметъ любимаго и всемъ доступнаго чтенія литературу календарей-альманаховъ. Первый болгарскій календарь-альманахъ, не только написанный на типичномъ для своего времени болгарскомъ языкѣ, но и проникнутый національно-славянскимъ духомъ, предшествовалъ по времени своего появленія въ свѣтъ извѣстному Фотиповскому журналу, ставимому въ челѣ болгарской прессы; по степени распространенности, а слѣдовательно и по воспитательному вліянію на массы календарь-альманахъ С. Николова, разсматриваемый нами ниже, несомнѣнно, имѣетъ, какъ и по старшинству, преимущество передъ старѣйшимъ болгарскимъ журналомъ.

«Мѣсецословъ или календарь вѣчный, собранъ отъ различны дръги, оукрашенъ сосѣ многъ назначенія потребны секомъ челоуѣкъ, и издавъ на Болгарски за потреба на единорѣдныте отъ Христѣдъла к: х: Сичанъ Николовъ, въ Бзкрѣщъ, 1840» — таково полное заглавіе старѣйшаго

изъ болгарскихъ календарей-альманаховъ. Представляя собою справочникъ, въ которомъ содержатся святцы, пасхалія, »годишно предзнаніе или пророчество на двадесетьте и осмь кругове солнечны« и т. д. разсматриваемый мѣсяцесловъ вызываетъ особый интересъ благодаря предпосланному святцамъ предисловію и ряду имѣющихъ отношеніе къ Россіи замѣтокъ въ текстѣ. Уже при посвященіи своего календаря »почтеннородному господину Петру Христову« авторъ даетъ нѣкоторыя важныя указанія, какъ напримѣръ засвидѣтельствованіе, что его календарь является въ свѣтъ какъ »первый Болгарскій«, или же напр. показаніе, что побудительной причиной къ составленію и изданію »Мѣсецослова« явилось желаніе С. Николова не только прославить имя лица, которому »Мѣсецословъ« посвящается, но и желаніе опровергнуть обвиненія, ставимыя болгарамъ за ихъ якобы нерасположеніе къ духовной работѣ и просвѣщенію. Наличие на зарѣ болгарскаго національнаго Возрожденія тѣхъ упрековъ, которые неоднократно повторялись въ послѣдующее время гл. обр. врагами болгарскаго народа, старавшимися убѣдить Европу въ неспособности сильнаго физически болгарскаго народа къ духовной культурѣ, и горячее желаніе оскорбленнаго въ лучшихъ своихъ чувствахъ болгарскаго патріота опровергнуть незаслуженное его народомъ обвиненіе являются типичными. »Да престанать«, говоритъ С. Николовъ, объясняя задачу своего изданія, »сосѣдыте ни (комшійте) инбродны, и да ны не оукоравать повечъ, защѣ нашю родъ не обѣча оученіе, и не предстоава отнюдъ за таквѣя работы, от коѣто избѣратъ сѣчките благополѣчѣя (късметѣ) и добрий: но да размѣютъ зацо и Болгарія начѣ да рѣжда сѣнове, коѣто ревнѣватъ на просвѣщеніето, и предстоаватъ сосѣ прилѣжаніе за наказаніето на нашите младенцы«. Поставленные въ невыносимыя условія турками, дѣлавшими свою рапю козломъ отпущенія за русскія побѣды, болгары первой половины XIX вѣка принуждены были бороться за примитивныя права существованія; когда ни личность, ни имущество, ни самая жизнь не были застрахованы отъ грубаго турецкаго произвола, потрясающія картины котораго рисуешь намъ напр. Софроній Врачанскій и другіе изобразители предосвободительной эпохи, когда болгарскій народъ, мучимый своими деспотическими мусульманскими эксплуататорами и тѣснимый фанариотскимъ духовенствомъ, былъ вынуждаемъ или къ массовому выселенію въ Россію и Румынію, или къ эмиграціи въ Сербію и въ Западную Европу, трудно было, конечно, ожидать роста духовной культуры и національнаго самосознанія у оставшихся у себя на родинѣ и влачащихъ тяжелое существованіе болгаръ. Но какъ только сыны той же угнетенной и якобы не способной къ духовной работѣ Болгаріи попадали въ инны болѣе благо-

пріятныя условія жизни; лишь только они приходили, пользуясь безопасностью существованія, въ соприкосновеніе съ міромъ новыхъ идей въ Западной Европѣ и гл. обр. въ Россіи и Румыніи, они стали выдвигать одного за другимъ Априловыхъ, Палаузовыхъ, Денкоглу, Фотиновыхъ и т. д., и т. д., клавшихъ основы и болгарской школы, и книги, и прессы; а за ними пошли Катрановы, послужившіе прототипомъ знаменитаго Тургеевскаго Инсарова, Цанковы, Славейковы, Бурмовы, Каравеловы, Вазовы, Займовы, Бобчевы, Левскіе и др., дѣйствовавшіе на разныхъ поприщахъ и шедшіе разными путями, но къ одной великой цѣли — къ освобожденію своей угнетенной родины. Среди такихъ то безсмертныхъ по своему значенію дѣятелей и возродителей теперешней юной Болгаріи долженъ быть поставленъ и тотъ скромный и, къ сожалѣнію, остававшійся до сихъ поръ въ тѣни С. Николовъ который издалъ на 4 года раньше считаемаго отцомъ Болгарской журналистики Фотинова, свой »Вѣчный календарь«, »первый календарь Болгарскій«, »первородіе (тѣрѣанта) от Българската градина«, какъ онъ самъ говоритъ. Не говоря уже о томъ, что доступный по цѣнѣ, имѣвшій практическое значеніе благодаря даваемымъ справкамъ »вѣчный календарь« С. Николова былъ, какъ видно изъ поразительно большого для своего времени числа подписчиковъ — 2182, весьма распространенною среди болгаръ книгою, онъ кромѣ того былъ и книгою важною въ дѣлѣ пробужденія національнаго самосознанія и любви къ просвѣщенію. Помимо указаннаго уже выше свидѣтельства относительно ревности автора къ чести своей родины и своего народа, мы находимъ въ »вѣчномъ календарѣ С. Николова поучительное обращеніе къ своимъ читателямъ« къ лѣбченнымъ«. Эта статья выясняетъ взглядъ автора на свое изданіе, даетъ указаніе обязанностей »всякаго сына отечества« по отношенію къ своей родинѣ, содержитъ замѣтку объ языкѣ и правописаніи, представляетъ разсужденіе на тему о вредѣ всякаго рода забавныхъ прибавленій, предсказывающихъ судьбу человѣка и ставящихъ его благополучіе въ связь съ тѣмъ »кой въ коѣ збдіа се є родилъ«. Эта нападка на подобнаго рода« забавленія (егленжета), засмѣшка на читателите«, служащая, по миѣнію автора лишь къ соблазну народа, даетъ ему случай обратиться къ читателямъ съ поучительнымъ разсужденіемъ на тему о зависимости благополучія человѣка отъ хорошаго воспитанія. Въ чемъ заключается хорошее и дурное воспитаніе и каковы послѣдствія того и другого, С. Николовъ рисуеъ довольно подробно, при чемъ и въ данномъ случаѣ, какъ и во всемъ его изложеніи не послѣднюю роль играютъ ссылки на священное писаніе. Энергичное осужденіе всякаго рода гадательныхъ книгъ, громовниковъ, которые, по словамъ автора, порождаютъ »суетвѣрство, а отъ суетвѣрството се

раждать различныя злополучія и вредове (зараре) междѣ челоувѣцѣте, свидѣтельствуеть о наклонности соотечественниковъ автора къ чтенію подобныхъ книгъ, что въ свою очередь является естественнымъ для народа, поставленнаго въ тяжелыя житейскія условія и охотно стремящагося къ всему сверхъестественному. Нападки автора на эти суевѣрія настроеніе къ таинственному, сверхъестественному обнаруживаютъ въ немъ здравое пониманіе всей опасности, могущей произойти отъ указаннаго, для нуждающагося въ самодѣятельности и интенсивной работѣ народа. О своей личности въ разсматриваемомъ вступленіи авторъ говоритъ очень мало: называя себя »азъ грѣбый и мѣншій паче всѣхъ единородныхъ моихъ«, прося снисхожденія къ своему изданію, такъ какъ »всаго начало неудобно« и »никтоже совершенъ токми единъ богъ«, С. Николовъ указываетъ, что »рѣвность отѣчества снѣсть ма«, и потому желая быть ему полезнымъ, какъ и чѣмъ можетъ, не желая зарывать въ землю свой »единъ талантъ«, онъ воспользовался свѣдѣніями, пріобрѣтенными, какъ онъ говоритъ, за »6 лѣтъ въ странствіи« и рѣшилъ издать свой календарь, »хотѣ подати винѣ могъщымъ бѣже ѿ нашихъ наипаче же оучительствующымъ издавати потребнѣйшіа и изжднѣйшіа книги ко шбзчѣню и просвѣщенію нашего юношества«. Въ вышеприведенныхъ выраженіяхъ самоуничиженія, просьбы снисхожденія, въ ссылкахъ на Св. Писаніе для подтвержденія своихъ мыслей мы ясно видимъ слѣды традиціи, столь знакомой намъ изъ древнихъ русскихъ »Хожденій«, »Наставленій«, »Поученій« и т. д. Самый языкъ и слогъ разсматриваемаго »Вѣчнаго календаря« является смѣсью старо-славянскаго книжнаго и живого болгарскаго языка, напоминая и этимъ памятники русской средневѣковой церковной литературы. Разсматриваемый »Мѣсецословъ«, имѣя въ виду расширеніе свѣдѣній своихъ читателей въ области историко-хронологической и географическо-статистической, даетъ между прочимъ обзоръ важнѣйшихъ, по мнѣнію издателя, событій всемірной исторіи, предлагаетъ »расписаніе на нѣкои по прочѣты градѣща Български, по колѣкъ часове сѣ далѣкъ отъ Цариградъ и отъ Свящѣвъ, сосѣ азбучно нарѣжденіе«, и сообщаетъ свѣдѣнія о количествѣ населенія, столицахъ, торговлѣ и промышленности, количествѣ войскъ и суммѣ приходоу и расходоу Англии, Австріи, Галліи (Франціи), Брусіи (Пруссіи), Россіи, Турціи. Обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что въ хронологическомъ обзорѣніи С. Николовъ останавливается, помимо обычныхъ въ календаряхъ сербскихъ хорватскихъ, чешскихъ и др., указаній времени, прошедшаго отъ сотворенія міра, отъ Рожд. Хр., отъ разныхъ открытій и изобрѣтеній и т. д., на рядѣ событій изъ болгарской исторіи, какъ то принятіе христіанства, гибель болгарскаго

царства, »отъ ка вовѣдоха Болгарыте Аллилодидактическо оучѣніе въ Болгаріа« и др. Отмѣчаетъ авторъ и рядъ событій изъ русской исторіи, какъ то основаніе Москвы, основаніе Петербурга, заключеніе русско-турецкаго торговаго договора (Комѣрческію Трактатъ — Гюмрѣчко согласіе) (1784 г.), заключеніе мира между Россіей и Турціей 1829 г. Черты греческаго вліянія на составленіе издателемъ хронологическаго обзора могутъ быть усмотрѣны между прочимъ въ томъ, что, говоря объ освобожденіи Греціи, С. Николовъ отмѣчаетъ это событіе въ слѣдующей формѣ »отъ независимството«, »отъ ка соживиха Грѣцыте Царството си« (1840—19 = 1821). Россіи удѣляется авторомъ всюду исключительное вниманіе; такъ, въ указанномъ »лѣтосчисленіи« ей одной лишь отведено мѣсто на ряду съ Болгаріей, Греціей и Турецкой имперіей; въ »родословіе« упоминается, помимо Турецкаго султана, лишь императоръ Николай Павловичъ, наименованный »Покровитель Болгарскій«; достаточно подробно дается и статистическій обзоръ Россійской имперіи; въ стихотвореніи же »похвалѣ на дрѣвныте бѣлгаре и на отѣчеството имъ« мы находимъ такія слова о Россіи:

»На сіте Славѣне зарождѣніето,
Отъ Россіа висѣ и множеніето.«

Эта пѣсня »Похвала на древныти бѣлгаре«, проникнутая горячимъ патріотизмомъ и чувствомъ всеславянской взаимности, не только была распространена среди тѣхъ 2182 подписчиковъ на »Мѣсяцословъ«, имена которыхъ исчисляются на 52 страницахъ (100—152) разсматриваемаго изданія, но по свидѣтельству старожиловъ, охотно дѣлящихся своими воспоминаніями о разсматриваемой эпохѣ, будучи принесена въ 1844 г. И. Н. Момчиловымъ въ основанное въ Еленѣ училище, она заучивалась наизусть, распѣвалась учениками и такъ запечатлѣвалась въ памяти населенія, что еще до сихъ поръ можно найти въ Еленѣ старушку, которая знаетъ ее всю наизусть, научившись ей со словъ учениковъ. Болгаре и славяне, не раздѣляемые въ сознаніи автора пѣсни, характеризуются между прочимъ слѣдующимъ образомъ:

»Опѣ се прострѣха по січка Еврѡпа,
Въ слѣдъ многъ годѣны свѣтскаго потѡпа.
Старото си ѣме не го изгубѣха,
Ко вкѣпѣ сосъ него собственны добѣха,
Именѣ отъ многъ и рѣзны причѣны,
До дванѣсетъ сѣ каквѡ ми се чѣни.
Сѣчки мѣжественны и великодѣшны,
Знѣатъ ги защѡ с' и сѣмите бездѣшны.

Но най преклѣпены каде добры дѣла,
 На нашите бащы вишната, е дала.
 Прѣмисль Бѣжіа, коѣ е избрала,
 Нихъ начинатели на добрѣ и дала.
 Понѣже оны сѣ найнапредъ пріѣли,
 Христіанска вѣра, и са показали
 Путь и на родѣ си, за да се оставають,
 Отъ таквы бѣзи, който се правать.
 Като истребиха многобѣжіето,
 Начѣха да искать просвѣщеніето.
 За да го воведатъ по своите мѣста,
 Мъсите викнаха отъ нѣхныте оуста,
 На Славянскій языкъ бѣквы сочиниха,
 Книги превѣдоха, школы соградиха.
 На землі безсмѣртна слава оставиха
 Отъ Бога нетлѣнны вѣнцы придобиха.

Приведенное стихотвореніе, будя народное самосознаніе указаніемъ заслугъ древнихъ славянъ и идеальнымъ представленіемъ славянскаго характера, поддерживало въ читателяхъ бодрость обрисовкой величія и пространности славянскаго міра. Помимо ярко проведенной въ »вѣчномъ календарѣ« С. Николова идеи русско-болгарскаго и славяно-болгарскаго единства, мы встрѣчаемся и съ тенденціей представить болгарскому читателю значительность его собственной земли; интересны въ данномъ случаѣ перечни городовъ, признаваемыхъ болгарскими; таковыми именуются слѣдующія, »градыщата«: 1) Битола, 2) Берковица, 3) Видинъ, 4) Велесъ, 5) Враца, 6) Врана, 7) Габрово, 8) Дѣппица, 9) Едренѣ, 10) Ескі-Захара, 11) Карнабатъ, 12) Казанлікъ, 13) Карлово, 14) Кюстендилъ, 15) Куманово, 16) Лѣвечъ, 17) Ломъ, 18) Неврокопъ, 19) Нишъ, 20) Орѣхово, 21) Охрида, 22) Плевенъ, 23) Прищина, 24) Прилепъ, 25) Разлокъ, 26) Рухчукъ, 27) Сѣмоковъ, 28) Свицовъ, 29) Севліово, 30) Сливенъ, 31) Скопіе, 32) Софіа, 33) Свата гора, 34) Сересъ, 35) Силистра, 36) Татаръ.-Пазарчикъ, 37) Терново, 38) Оузунчеова, 39) Філіббе, 40) Шѣмень, 41) Щипъ, 42) Япболъ, при чемъ, какъ видимъ, въ болгарскій перечень входятъ многіе изъ такихъ пунктовъ, которые впоследствии таковыми не были признаны при выработкѣ европейскимъ концертомъ картъ балканскихъ государствъ. Болгаро-славянское самосознаніе автора побуждаетъ его стремиться къ исправленію родного языка въ смыслѣ очищенія его отъ варваризмовъ, преимущественно отъ турцизмовъ; употребляя однако то или иное славянское слово, С. Николовъ сплошь и рядомъ даетъ въ скобкахъ его поясненіе черезъ усвоенный народомъ варваризмъ, напр. иждівувате (харчите), сосѣдите

(комшійте), благополѣчіа (късмѣте), первородіе (тѣрфантá) (стр. 3), забавленіа (егленжета), щастіе (късмѣтъ) (стр. 7), злополѣчіата (злыте късмѣте), шипокъ (тріантáфилъ), польза (файда), зиманѣ и даванѣ (алгышь вергышь) (8 г.) вредове (зараре) (10 стр.) и т. д. Въ качествѣ справочной книги, удовлетворяющей практическимъ потребностямъ, и въ качествѣ книги для чтенія, имѣющей національно-воспитательное значеніе, календарь-альманахъ С. Николова заслуживаетъ, несомнѣнно, серьезнаго вниманія при изученіи эпохи болгарскаго національнаго возрожденія, представляетъ интересъ съ точки зрѣнія языка и даетъ матеріалы для выясненія русской струи въ литературѣ болгарскаго возрожденія.

Той же цѣли пробужденія національнаго самознанія у болгаръ служилъ и первый болгарскій альманахъ-забавникъ, о которомъ рѣчь дальше. Этими то двумя старѣйшими болгарскими альманахами С. Николова и К. Огняновича мы и ограничиваемся въ настоящей статьѣ.

Отмѣтимъ, что вслѣдъ за разсмотрѣннымъ первымъ болгарскимъ »вѣчнымъ календаремъ«, представляющимъ интересъ и съ литературной, и съ историко-культурной точки зрѣнія, начинаютъ появляться одно за другимъ произведенія указанного типа. Мѣстомъ изданія этихъ »мѣсяцеслововъ«, »вѣчныхъ календарей« и т. д. являются въ силу условій, въ которыхъ находилась Болгарія, не собственно болгарскіе центры, а тѣ заграничные центры, въ Румыніи, Россіи, Сербіи, Франціи, Саксоніи, въ которыхъ живущимъ тамъ болгарамъ дышалось вольнѣе и было безопаснѣе, чѣмъ у себя на родинѣ.

Первымъ по времени послѣ разсмотрѣннаго »вѣчнаго календаря« С. Николова является изъ извѣстныхъ намъ изданій типа календарей-альманаховъ появившійся въ 1845 году въ Парижѣ »Забавникъ« К. Огняновича. Составивши свой »Забавникъ« въ Цариградѣ въ 1844 г. съ тѣмъ, чтобы напечатать его въ Парижѣ, авторъ старается въ обращенномъ къ болгарскимъ читателямъ введеніи угодить и французамъ, заботу которыхъ о просвѣщеніи и свободѣ онъ превозноситъ¹⁾, и Турецкому Султану Абдуль-Меджиду, котораго онъ старается выставить покровителемъ просвѣщенія²⁾, благодѣтелемъ своихъ подданныхъ: »мудролюбивый Царь, говоритъ Огняновичъ, ще приведе всичките науки въ совершенство, защото подражава сосѣ голема ревность на дѣла Французовъ³⁾«. Проявляя много лести, низкопоклонства и приниженности, развитыхъ годами рабства, авторъ неоднократно обнаруживаетъ однако чувства глубокаго славянина-патріота, скорбящаго о безотрадномъ положеніи Болгаріи, о невѣжествѣ и суевѣріяхъ ея населенія, о пренебреженіи къ болгарамъ

1) Забавникъ, 1845, 5—7.

2) Тамъ же, 7—11.

3) Тамъ же, 12.

со стороны иностранцевъ; стараясь пробудить въ болгаряхъ національное самосознаніе, напоминаетъ имъ авторъ »Забавника« ихъ славное прошлое и ихъ принадлежность къ великой славянской семьѣ. »Болгарете, говоритъ онъ¹⁾ не са части разсѣяннаго и неизвѣстнаго нѣкоего народа, но са самый оный народъ, който е съ крѣпка мишца тіа Болгарските предѣли прежде одного тысяцолѣтія отъ римската держава завладѣлъ, удержалъ и на высочайшій степенъ славы и достоинства возвелъ«. Указывая на заслуги болгарь-патріотовъ, стремящихся получить образованіе и ознакомить Европу съ своей родиной, авторъ съ удовольствіемъ отмѣчаетъ, что благодаря этому за послѣднее время »иностранцы сосъ други духъ, и сосъ друго вниманіе путешествовать, и проминуватъ презъ Болгаріа, сега не тражатъ мертвыте каменія и надписы, за да имъ покажатъ величеството болгарскаго народа, защото че виждатъ въ самыя той народъ, който е истинный образъ на древныте Славенски племена, на коихъ то се дѣла и завладѣніята и днесъ удивляватъ«. Ставя особенно высоко значеніе просвѣщенія, Огняновичъ призываетъ болгарь къ »благообразованію ума и сердца« посредствомъ наукъ, предостерегая въ то же время отъ довѣрія многочисленнымъ врагамъ народа, старающимся несбыточными обѣщаніями отвратить его отъ мирной работы, отъ повиновенія властямъ, отъ вѣрж въ попеченіе Султана. Содѣйствіе просвѣщенію имѣетъ въ виду и издаваемый Огняновичемъ »Забавникъ«, въ которомъ литературная часть значительно превосходитъ календарную, такъ что разсматриваемое изданіе является прототипомъ болгарскихъ альманаховъ-ежегодниковъ. Календарная часть содержитъ: святцы; обзоръ »памятодостойны приключенія«, въ исчисленіи которыхъ отмѣчаются между прочимъ событія, касающіяся Болгаріи, Греціи и Турціи, но нѣтъ имѣющихся у Николова упоминаній о Россіи; различныя астрономическія показанія и предсказанія; индиктъ; стихи на старый и новый годъ; перечень европейскихъ »владѣтелей«, восточныхъ православныхъ патріарховъ; указаніе пароходовъ отъ Цареграда и ярмарокъ (панигиры) въ Болгаріи и Македоніи. Литературная же часть, обнимающая 53—177 стр., даетъ цѣлый рядъ нравоучительныхъ изреченій философовъ, нравоучительныхъ повѣстей и стихотворныхъ произведеній; въ этой литературной части обращаетъ на себя вниманіе, помимо поучительно просвѣтительной тенденціи, стремленіе будить въ читателяхъ славянское самосознаніе и рисовать картины болгарской жизни. Такъ, помѣщаетъ Огняновичъ въ своемъ »Забавникѣ« извѣстное въ свое время »Завѣщаніе Великаго Александра, дадено отъ него самого на народъ

1) Тамъ же, стр. 3.

Славянскій зарадъ храбрость-та му« (63—5), статью, рисующую гостепрѣимство славянъ, какъ ихъ отличительную черту; особенно имѣетъ въ виду составитель возбудить въ читателяхъ болгарское самосознаніе рядомъ произведеній, касающихся болгаро-греческихъ церковныхъ отношеній; этому вопросу посвящены и »Писмо отъ Липиско или Жалоба, и ревность къ Родолюбію одного младаго Болгарина, къ своему Пріятелю въ Паризъ«, гдѣ, какъ и въ замѣчаніяхъ на это письмо, содержится цѣлый рядъ обвиненій противъ греческаго духовенства, и особенно интересное съ бытовой точки зрѣнія стихотворное произведеніе »Болгарско-то попетво«. Въ формѣ разговора между »попъ Иванъ« и »киръ Парванъ« изображается безотрадное положеніе болгарскихъ священниковъ, стѣсненныхъ нуждой, угнетаемыхъ и Турками и греческими владыками. На вопросъ киръ-Парвана попъ Иванъ такъ изображаетъ свое положеніе:

»Хадамъ, хадамъ що да кажа
 Що перво да ти прикажа,
 Мъки тѣ пи ежедневны
 Скорби тѣ ни горк' и бѣдны?
 То таково, Брате, попетво
 Е голѣмо, сѣкамъ, робство!«

Обрисовавши вѣчный страхъ и нужду болгарскаго духовенства, попъ Иванъ живо набрасываетъ картину, какъ архіерейскій посолъ требуетъ взятки »три агнета« и угрожаетъ:

»Инакъ, попе, хей горко ти!
 Бѣди' Пване, хей тятко ти!
 Бомбаширипъ ще новыкна
 Далекo ще тя изтикна!
 Далекo отъ папада-та
 Далекo и отъ дѣчя-та.«

Эта картинка нравовъ является набросанной и живо, и правдиво, какъ можно судить по свидѣтельствамъ и болгарской журналистики, и полемической литературы по церковному вопросу вплоть до учрежденія самостоятельнаго болгарскаго экзархата. Что касается поэтическаго отдѣла »Забавника«, то, за исключеніемъ разсмотрѣннаго стихотворнаго произведенія, выдѣляющагося и по содержанію, и по формѣ, почти все остальные стихотворенія носятъ въ духѣ времени сентиментально-любовный характеръ и отличаются напыщеннымъ тономъ, въ родѣ напр.:

Отиде ми душица та,
 О мило мое либе¹⁾.

1. Забавникъ 1845, стр. 163.

Цѣлувамъ ти ръчица та,
О сладко мое пиле и т. п.

Интересъ для характеристики современности представляетъ »Состояніе-то на нѣкои болгарски училища«; здѣсь рисуются отрицательныя стороны греческаго обученія въ »аллилодидактическихъ« школахъ; болгарскія дѣти, по словамъ автора

»Хленчатъ, плачатъ
Отъ сколю-то се боятъ,
Даскалатъ защо то псува
Кой то български хортува
И біля чемъ дарпа бой.

Обрисовка въ яркой формѣ бѣдствій болгарскаго народа, терпѣвшаго отъ греческихъ »даскаловъ«, отъ владыкъ и т. п., несомнѣнно, имѣла важное для болгарскихъ читателей воспитательно-патріотическое значеніе; у болгаръ, живущихъ за границей, подобная обрисовка вызывала боевое настроеніе и желаніе облегчать положеніе своихъ оставшихся на родинѣ соотечественниковъ. Съ нашей же современной точки зрѣнія подобныя произведенія важны, какъ дающія матеріалъ для оцѣнки положенія болгарскаго народа въ эпоху начала освободительнаго сначала церковно-культурнаго, потомъ политическаго движенія.

»Забавникъ« Огняновича, имѣвшій успѣхъ въ первый годъ своего изданія, выходитъ въ свѣтъ и въ слѣдующемъ году »приумноженъ на конецъ съ Анекдоты, Пѣсни и Загадки«. Вступительная, календарная и литературная части остаются и въ »Забавникѣ за лѣто 1846« безъ измѣненій по сравненію съ изданіемъ предшествующаго года, и различіе между обоими изданіями заключается лишь въ прибавленіи на стр. 178—212 ряда анекдотовъ, загадокъ и пѣсенъ въ »Забавникѣ« 1846 г. Анекдоты носятъ интернаціональный характеръ, отличаются поучительнымъ направленіемъ и обыкновенно начинаются словами »нѣкой«, »единъ« и т. д.; въ нѣкоторыхъ анекдотахъ наблюдается юмористическій элементъ и осмѣиваются »тупоуміе«, »краткоуміе«, »несмысленность« и т. д. Подъ наименованіемъ загадокъ приводятся загадки въ собственномъ смыслѣ и шарады, при чемъ и тѣ и другія — искусственныя, а не народныя. Также псевдонародными являются и тѣ любовныя и элегическія пѣсни, которыя обозначены наименованіемъ »пѣсни народны«, но которыя также народны, какъ извѣстныя русскія пѣсни Нелединскаго-Мелецкаго, Мерзлякова и т. д. Во всякомъ случаѣ знаменительнымъ является уже самый интересъ къ народности, хотя и неправильно еще понимаемой.

Насколько въ первомъ болгарскомъ »вѣчномъ календарѣ« С. Николава является ярко отмѣченнымъ интересъ къ Россіи, настолько въ

разсматриваемомъ первомъ болгарскомъ ›альманахъ-забавникѣ‹ К. Огняновича этотъ элементъ является ничтожнымъ: о русскихъ упоминается лишь постольку, поскольку они являются частью славянства; спеціально же русское отмѣчается лишь одно имя ›Императора Всероссійскаго Николая Павловича I‹ въ ›родословіе владѣтелей въ Европа!

Первые болгарскіе календарь-альманахъ и альманахъ-забавникъ опредѣлили тотъ путь, по которому пошли позднѣйшія болгарскія изданія того же рода; это былъ путь развитія въ читателяхъ національнаго и славянскаго самосознанія съ крупной дозой морально-поучительнаго элемента. Съ теченіемъ времени, при развитіи въ Болгаріи періодической печати, изящной и научной литературы, календари-альманахи утратили свое первоначальное значеніе, снизойдя на степень простыхъ справочниковъ практическаго характера, разбавленныхъ статьями, имѣющими цѣль дать матеріалъ для легкаго чтенія. Что же касается первыхъ болгарскихъ альманаховъ, о которыхъ была рѣчь, то они занимаютъ почетное мѣсто въ литературѣ начальныхъ лѣтъ болгарскаго Возрожденія.

П. Заболотскій.

Sur les désinences de 2° et 3° personnes du duel en slave.

Le sanskrit a des désinences distinctes pour chacune des séries de formes de l'actif au duel:

	dés. prim.	dés. second.	parf.
2° pers.	- <i>thaḥ</i>	- <i>tam</i>	- <i>athuḥ</i>
3° pers.	- <i>taḥ</i>	- <i>tām</i>	- <i>atuḥ</i>

Le grec a beaucoup moins de formes. D'abord, le parfait, qui n'a conservé des désinences particulières qu'au singulier, a les désinences primaires, comme au pluriel. En second lieu, comme le grec ne distingue pas en principe *th* de *t* (ainsi gr. *πλατύς* = skr. *pr̥thúḥ*, gr. *φέρετε* = skr. *bh̥ratha*), la différence entre skr. *-thaḥ* et *-taḥ* ne saurait avoir de correspondant hellénique. Enfin, de même qu'à la 1^{re} personne du pluriel, le grec a pour finale de la désinence une nasale, tandis que le sanskrit a une sifflante: gr. *-τον*, primaire, en face de skr. *-thaḥ* et *-taḥ*, comme *-μεν*, en face de skr. *-maḥ*, lat. *-mus*; dès lors la désinence primaire de 2° et 3° personnes se confond avec la désinence secondaire de 2° personne, gr. *-τον*, cf. skr. *-tam*. — La 3° personne a une désinence propre dor. *-τᾶν*, att. *-την*; mais l'ambiguïté de la forme primaire *-τον* a entraîné de bonne heure un flottement. La langue homérique, où le duel n'était employé que par tradition littéraire (v. Cuny, *Le nombre duel en grec*, p. 487 et suiv.), emploie *-τον* à la 3° personne secondaire, notamment dans les cas où la désinence *-την* aurait donné une forme inadmissible dans l'hexamètre, ainsi *διώκετον*, *ἐτεύχετον*, *λαϊφύσσετον*. En attique, le flottement est plus grand: *-την* se rencontre assez souvent pour la 2° personne secondaire (sauf à l'optatif où il en serait résulté des formes rythmiques trop lourdes), et *-τον* parfois à la 3° secondaire (v. Kühner-Blaß, *Griech. Gramm.*, I, 2^s, p. 69, § 213, 8, et G. Meyer, *Griech. Gramm.*³, p. 548).

Pour l'Avesta, les textes ne fournissent que la 3° personne, la 2° personne du duel n'étant pas attestée par hasard. La forme primaire est indifféremment: *-θō* (= skr. *-thaḥ*) et *-tō* (= skr. *-taḥ*); la confusion

des valeurs de $-θō$ et $-tō$ a été facilitée par ceci que la confusion était phonétique dans quelques cas, dont le principal est 2° pers. $stō = skr. sthāḥ$, à côté de 3° pers. $stō = skr. stāḥ$ (v. Bartholomae, *Grundr. d. iran. Phil.*, I, 1, p. 62). Il y a eu aussi sans doute confusion dans la série secondaire, car $-tam = skr. -tam$, gr. $-τον$ y est la seule forme attestée de 3° personne.

Le $-ts$ gotique, qui répond à skr. $-thaḥ$ et $-taḥ$, zd $-θō$ et $-tō$, n'enseigne rien, parcequ'il est à la fois primaire et secondaire, et que le gotique n'a pas de forme du duel à la 3° personne.

Tels sont les éléments de comparaison dont on dispose pour expliquer les formes slaves et lituaniennes.

Le lituanien, qui n'a plus de formes de pluriel ou de duel à la 3° personne, et qui a perdu la distinction des désinences primaires et secondaires, a, pour la 2° personne, $-ta$, réfléchi $-to-s(i)$; de plus, il existe dialectalement une forme énigmatique $-tau$ (v. Поржезинский, *Къ исто-риу формъ спряжения въ балт. яз.*, p. 55).

Pour le duel, pas plus que pour les deux premières personnes du pluriel, le slave ne fait de distinction entre désinences primaires et secondaires.

La désinence slave de 2° personne est $-ta$ dans tous les textes vieux slaves, comme en vieux serbe, en slovène, en vieux tchèque, en vieux polonais, en slovence, en vieux russe.

A la 3° personne, le vieux slave a $-te$ et $-ta$; $-te$ est normal dans les manuscrits glagolitiques, et se rencontre sporadiquement dans Supr. et Sav.; $-ta$ est normal dans les manuscrits cyrilliques, et a été introduit parfois par les copistes dans Zogr. et Ass. Sous l'influence des démonstratifs ta masc., $tě$ fém. neut., et aussi des participes en $-lŭ$ qui ont genre et nombre, il a été créé une désinence $-tě$, qui est réservée au féminin; cette forme, qui est sans doute une adaptation de $-te$, est à peu près propre à Sav.; l'innovation est très singulière, puisque les formes personnelles du verbe indo-européen ignorent les distinctions de genre grammatical. On trouvera le détail de ces faits chez Wiedemann, *Beitr. z. altbulg. Conjug.*, p. 25 et suiv. Ceux des dialectes slaves qui ont le duel ne présentent en général que $-ta$ à la 3° personne, comme à la 2°; toutefois, on rencontre $-tě$ pour le féminin en vieux serbe et en slovène.

Ceci posé, il y a trois choses à expliquer: la désinence $-te$, la désinence $-ta$, et la répartition de $-te$ et $-ta$ entre la 2° et la 3° personne.

La désinence $-te$ présente par rapport à gr. $-τον$ une alternance vocalique pareille à celle que l'on observe dans les dialectes slaves, à la 1° personne du pluriel, entre $-mŭ$ et $-mo$ (cf. lat. $-mus$) d'une part, et $-me$ (cf. ion. att. $-μεν$, dor. $-μες$) de l'autre. Il est oiseux de

rechercher s'il est tombé après *-e* un *-s* (cf. skr. *-thaḥ*, *-taḥ*) ou un *-n* (cf. skr. *-tam*, gr. *-rov*).

La désinence *-ta* (cf. lit. *-ta*, *-to-si*) est à skr. *-tām*, dor. *-rāv* ce que v. sl. *-ma* et zd *-bya* sont à skr. *-bhyām*, zd *-byam* du datif-instrumental duel.

Dès lors *-te* a dû être, à l'origine, une désinence primaire de 2^e—3^e personne, et une désinence secondaire de 2^e, et *-ta* (= lit. *-ta*) une désinence secondaire de 3^e personne. Comme en grec et en iranien, l'ambiguïté de l'une des formes, la forme *-te*, a entraîné des confusions; de là l'emploi de *-ta* à la 2^e personne, qui trouve en grec un pendant exact; et, comme *-te* était déjà la désinence de 2^e personne du pluriel, la désinence sl. *-ta*, lit. *-ta*, qui caractérisait le duel, est demeurée la seule employée à la 2^e personne du duel. On voit par là que l'emploi lituanien et slave n'autorise pas à conclure que l'original indo-européen de sl. *-ta*, lit. *-ta* fût une désinence de 2^e personne. — A la 3^e personne, *-te* caractérisait suffisamment le duel et s'est maintenu plus longtemps, jusqu'en pleine période historique. Néanmoins la désinence *-ta*, strictement propre au duel, et qui rappelait la finale de *vlika*, a fini par subsister seule. Il se trouve ainsi que, par une suite d'actions analogiques très simples, la seule désinence de 2^e—3^e personne du duel qui ait survécu en slave et la désinence de 2^e personne du duel du lituanien reposent sur une désinence indo-européenne de 3^e personne seulement, et de la série secondaire.

Au point de vue slave, il est intéressant de remarquer que les manuscrits glagolitiques sont à peu près seuls à conserver la désinence *-te* qui a, il est vrai, perdu sa valeur ancienne, mais dont l'existence permet d'entrevoir la série des innovations analogiques; les manuscrits cyrilliques présentent déjà l'aspect des dialectes modernes. A cet égard comme à tant d'autres, l'archaïsme des manuscrits glagolitiques est très instructif.

Paris.

A. Meillet.

Одинъ изъ законовъ церк.-славянскаго языка.

Какъ извѣстно, церк.-славянскій языкъ нерѣдко имѣетъ *a* тамъ, гдѣ другіе славянскіе языки имѣютъ *ja*: авити, при др.-русск. *јавити* и т. п.

При разсмотрѣніи, въ церк.-славянскомъ языкѣ древнѣйшихъ церк.-славянскихъ текстовъ и ихъ древне-русскихъ списковъ, тѣхъ словъ, гдѣ *a* находится на мѣстѣ *ja* другихъ славянскихъ языковъ, а иногда и церк.-славянскаго языка, мы пришли къ заключенію, что во всѣхъ этихъ словахъ *a* восходитъ къ праславянскому *ā* или *ja* и что такимъ образомъ нѣтъ случаевъ, гдѣ бы церк.-слав. *a* восходило къ праславянскому *ъ* или *jъ*.

Мы видимъ:

- 1) акы, амо, аблѣко, авити, агньць, азъ, аице, моа (формы имен. ед. женск. р., имен. мн. ср. р.), вънезаапа и т. п.
- 2) идро (при нюдра), издити, ихати (при ѣздити, ѣхати), имь (при ѣмь), идъ вепешш (при др.-русск. ѣдъ), изва (при др.-русск. ѣзва), изъ *στόμαχος* (при русск. ѣзь) и т. п.

Рядомъ нѣтъ: съ одной стороны ѣкы, ѣблѣко, ѣице и т. п. ни въ древне-русскомъ, ни въ чешскомъ, ни вообще въ какихъ-либо славянскихъ языкахъ (церк.-славянскія написанія ѣкы, ѣзь Мар. Ев. и т. п. имѣютъ *ъ* съ значеніемъ *ja*), — съ другой стороны ахати, адъ и т. п.

Въ виду этого мы можемъ рѣшительно высказываться относительно нѣсколькихъ спорныхъ случаевъ:

въ формахъ имперфекта несѣахъ и т. п. *a* не можетъ восходить къ праславянскому *ъ* или *jъ*;

въ мѣстоименіи азъ *a* также не имѣетъ отношенія къ *ъ* и эта форма не можетъ быть связываема сколько-нибудь тѣсно съ греч. *ἐγώ*, лат. *ego* и проч.

Такъ какъ въ обще-славянскихъ именахъ има, иръ, иенъ, ирьмъ мы всегда видимъ въ древнѣйшихъ церк.-славянскихъ текстахъ только *ъ* (или его графическій вариантъ *ъ*) и никогда не встрѣчаемъ *a*, — нѣтъ основанія возводить *a* этихъ словъ къ праславянскому *ā* или *ja*; здѣсь

и восходить къ праславянскому њ или јњ; сравни обще-славянское исли, гдѣ корень несомнѣнно ѣд.

Необходимо помнить, что въ средне-болгарскихъ, старо-сербскихъ и позднихъ (съ конца XIV вѣка) русскихъ текстахъ, съ искусственною церк.-славянскою орфографіею, можетъ встрѣчаться *a* вмѣсто и въ началѣ и срединѣ словъ во всякихъ словахъ и формахъ. Такъ, въ русскихъ текстахъ обычны формы род. ед. женск. р. моя = ц.-слав. моею и т. п. Конечно, данныя этихъ текстовъ не должны быть принимаемы во вниманіе.

С.-Петербургъ, 16 мая 1907.

Академикъ А. И. Соболевскій.

Zur Erklärung des Skazanie izjavlenno o pismenech von Konstantin Kostenski.

Unter den Texten, deren Herausgabe die Wissenschaft Herrn V. Jagić verdankt, nehmen die Werke Konstantins sicher nicht den letzten Platz ein. Daß Konstantin einen schwer verständlichen Stil schreibt, ist allgemein anerkannt. Der Herr Herausgeber hat deshalb die Mühe nicht gescheut, dem Skazanie (Codex slovenicus rerum grammaticarum S. 95 ff.) eine russische Paraphrase beizufügen, welche seinen Inhalt im ganzen getreu wiedergibt. Nur für einige Stellen möchte ich eine andere Deutung vorschlagen:

S. 200 Z. 15: Всякая буква или надстрочный знакъ, поставленные не на своемъ мѣстѣ, какъ будто бы живутъ не въ домѣ ›владыки‹ — Konstantin schwebt S. 95 Z. 11 die Bibelstelle Markus 3, 25 vor: καὶ ἐὰν οἴκῳ ἐφ' ἐαυτὴν μερισθῆ, οὐ δύνησεται ἡ οἴκῳ ἐκείνῃ στῆναι, er will sagen, jedes Zeichen, das nicht an seiner rechten Stelle steht, ist gleichsam ein fremdes, den Hausfrieden störendes und den Sinn des Wortganzen zerstörendes Element, ›es gehört nicht dem Hausherrn an‹, ›нѣ́ до́моу влѣ́кы‹. ›Im Hause‹ gibt Konstantin dagegen überall durch вѣ́ домоу, vgl. S. 156, 25 und Glasnik 42 S. 292, 1.

S. 200 Z. 6 v. u.: Если самодержцы принимаютъ мѣры для соблюденія исправности въ божественныхъ писаніяхъ, то тѣмъ паче необходимо поставить предѣлъ всѣмъ неисправностямъ въ письмѣ такъ какъ черезъ него вторгаются несправности также въ тексты св. писанія — ich möchte die betreffende Stelle bei Konstantin S. 95 Z. 16 als rhetorische Frage fassen und übersetzen: Wie sollen die Herrscher fortgesetzt dem Übersetzen ihre Fürsorge zuwenden, wenn sie finden, daß die göttlichen Schriften verderbt werden?! Ist es nicht besser, durch ein einziges [sc. korrektes Buch] die zerrissenen Herzen zu festigen, als daß eine Menge von Übersetzern sie fortwährend aus dem Griechischen übersetzt, damit sie von uns verderbt werden?!

S. 201 Z. 13: она посвящена державному помазаннику; который могуществом своимъ можетъ приказать возстановить вѣрное учение, womit Stefan Lazarević gemeint sein soll; die von Konstantin gewählten Ausdrücke gehen aber weit über das hinaus, was etwa von Stefan gesagt werden könnte. Ich schlage vor ἡσ'κροϋ S. 99 Z. 22 mit Titla zu versehen und zu übersetzen: Um des Wortes des Herrn willen, der da befiehlt, zu dem Talent Hinzuverworbenes zu bringen und den Reichtum seines Herrn zu mehren (Lukas 19, 12 ff.), habe ich Mut gefaßt, — mit Zittern aber gehe ich an das Werk; denn nicht bloß irgend welchen Vätern und Lehrern oder Bischöfen und Fürsten von Städten oder Ländern, oder wegen irgend einer kleinen Schuld, sondern dem, der allein Herrscher ist, der die Salbung zum Königtum von dem Höchsten hat und weit glänzender ist als irgend einer jener alten Monarchen, bringe ich dies, Jesu Christo, der allein vermag durch sein Machtgebot die rechte Lehre einzugeben und alles in seine natürliche Ordnung zu bringen.

S. 202 Z. 4: портять тексты церковныхъ книгъ превратнымъ употребленіемъ письменъ, что въ концѣ концовъ еще хуже отдѣльныхъ описокъ или неисправностей, такъ какъ послѣднія легче исправить чѣмъ всю письменность сбившуюся съ дороги — съ вѣсѣмъ листъ погрѣшити S. 102 Z. 7 steht in Parallele mit οὐλινθίνι, bedeutet also die gänzliche Verfehlung, d. h. Auslassung eines Blattes, im Gegensatz zu der Falschschreibung eines Wortes, die leicht eine Lästerung enthalten kann. Konstantin sagt: Ich spreche nicht von Auslassung, denn besser ist es, ein Blatt ganz auszulassen, als in den Buchstaben eine einzige Lästerung zu verüben, da die Auslassung [nur] eine Verminderung des göttlichen Weizens ist, eine Lästerung in den Buchstaben aber — ein Feind Gottes.

Derselbe Gedanke kehrt S. 108, 19 wieder: Nützlicher ist es, nicht ein Wort zu jemandem zu sprechen, als eine Menge guter durch ein lästerliches insgesamt zu verderben.

S. 205 Z. 8: языкъ же сталъ »тяжко слышателенъ«, was wohl nicht auf die serbische, sondern auf die griechische Sprache zu beziehen ist. Die Stelle lautet . . . wie bei den Griechen, wenn diese Sprache aber auch [dem Auge] scharf erkennbar ist, so ist sie doch mit dem Ohre schwer aufzufassen. Konstantin will sagen, wenn auch die griechische Schrift nach den Regeln der Orthographie gesetzt, alle Zweifel ausschließt, so hat doch die griechische Sprache den Nachteil, daß beim Hören [infolge des Zusammenfallens vieler Vokale und

Diphthonge in dem Laute i u. dgl.] Verwechselungen leicht vorkommen können.

S. 206 Z. 12: такъ что >вѣнѣ оуповахъ< значить >въ него<, >вѣнѣжѣ<: >вонѣ< — es handelt sich hier aber nicht um das zweite, sondern um das erste ѣ von вѣнѣ. Konstantin sagt S. 116 Z. 5: Du wirst doch nicht mit ѣ sprechen вѣнѣ оуповахъ, vielmehr sprichst du es mit ѣ [also вѣнѣ = *vŕže*]; wenn du es aber mit ѣ sprichst oder schreibst [also вѣнѣжѣ = *vonže*], so sagst du nicht >auf Gott [resp. >auf ihn<] vertrauen<, sondern >draußen<, d. i. aus dem Hofe, draußen, zum Hinauswerfen.

S. 208 Z. 14: Переписчики же текстовъ, если они уже стараются подражать своимъ подлинникамъ въ почеркѣ, то тѣмъ паче должны соблюдать все то, что важнѣе и существеннѣе (>по плоду сѣянiя<) — Konstantin sagt hier (S. 120 Z. 20) doch etwas anderes, nämlich: Du, o Schreiber, wo du siehst, daß es am Platze ist, für etwas rote Schrift anzubringen, da schreibst du [’s so] und machst, daß die göttlichen Bücher in Anbetracht der Schönheit deiner Handschrift Königinnen gleichen, durch die Frucht deiner Saat [d. i. durch deine sinnentstellenden und lästerlichen Fehler] aber sind sie schlimmer als Buhlerinnen.

Der Mangel an Raum zwingt mich hier abzubrechen.

Ich schließe meine Anmerkungen mit dem Ausdruck der Verehrung für den hochverdienten Jubilar, auf dessen reichem Erntefelde ich versucht habe eine kleine Nachlese zu halten.

Rudolf Abicht.

Pergošićův překlad Verbóczyova Tripartita.

Jest známo, že Chorvaté mají starý překlad proslulého díla uherského právníka Štěpána z Vrbovce čili Verbóczya: *Opus Tripartitum juris consuetudinarii regni Hungariae*. O překladě tomto vědělo se dosud málo více, než že posel z protestantské tiskárny v Nedelišci (v Mezimuří) r. 1574. a že byl katolíky ničen podobně jako jiné tisky této tiskárny, tak že se stal vzácnějším než mnohé staré rukopisy. Vědělo se i to, že chorvatský překladatel Ivan Pergošić řídil se při své práci o málo starším překladem maďarským Blažeje Veresse, jak ostatně na konci svého překladu sám podotýká. V čem se však jeví závislost jeho na maďarském překladě, nebylo dosud náležitě vyšetřeno. O otázku tuto zavádil jen nepatrně nadaný mladý slavista uherský, bohužel předčasně zesnulý Martin Hajnal v krátkém článku Ivan Pergošić (Nastavni Vjesnik, knj. XV., sv. V., str. 321—327, Záhřeb, 1907). Dosud nebylo také zjištěno, jaké změny učinil Pergošić ve svém překladě vzhledem k latinskému originálu, z něhož leckde některé části vynechával nebo zkračoval. A nebyl ovšem ani prostudován jazyk Pergošićův, který jest velice zajímavý, podáváje ukázkou nejen literárního jazyka Horní Slavonie ze XVI. stol. (kolem Varaždína), nýbrž i ukázkou lidového hovoru.

Vzhledem ke všemu tomu pojala nás touha prostudovati důkladně Pergošićův překlad, vyšetřiti jeho poměr k latinskému originálu i maďarskému překladu a vydati jej společně s nějakým filologem. Ačkoli jsme si poříдили již před sedmi roky opis Pergošićova překladu, mohli jsme pro nával jiných prací teprve letos za pobytu v Záhřebě srovnati svou kopii s tištěným exemplářem záhřebským. A co jsme při srovnávání zpozorovali? Kopie naše, pořízená podle exempláře budapeštské universitní knihovny, vykazuje ve srovnání s exemplářem universitní knihovny záhřebské hned na samém počátku textu četné varianty! Tištěná kniha, a ve dvou redakcích! A jaké jsou tu varianty? Jeden text jest více kajkavský, druhý zase štokavský, ač důslednost zachována není. A co jest nejzajímavějšího: jeden a týž text, který jest s počátku většinou

kajkavský, obrací najednou do štokavštiny, a naopak. Ale divergence textů netrvá dlouho, ani ne do polovice I. dílu práce Verbóczyovy, která jest rozdělena, jak známo, na tři díly. Najednou oba texty stále se shodují.

Důležitý tento objev přiměl nás k tomu, abychom s kopíí svou srovnali i druhé dva exempláře Pergošićova překladu, jež se nalézají v knihovně Nemzeti Muzeum v Budapešti, jichž jsme za pobytu v Budapešti nechtěli používat, poněvadž jsou poněkud defektní. Jeden z nich, v celokoženné vazbě (s tenkými deskami, barva kůže žlutá) nema titulního listu a posledního listu indexu. Obé jest doplněno rukopisně (opsáno). Kromě toho scházejí a jsou opsány listy 75 a 46 (konec I dílu, část tit. 133, a začátek II dílu, tit. 1 a část 2 tit. spisu Verbóczyova). Nahore na opsaném titulním listě jest poznámka: Possidet Bibliotheca Regni ex dono Excell. D. Eppi. Zagrab. Maximiliani Werhowacz, 1812. — Druhý exemplář rovněž v celokoženné vazbě se silnými deskami (barva kůže bílá) nemá rovněž titulního listu (a tento není ani opsán); dále schází za úvodem jeden list, podávající přehled chorvatské právní terminologie, jak jí užívá Pergošić. Vlastníkem tohoto zachovalejšího exempláře byl na konci XVI a na poč. XVII stol. jakýsi I. Pohakoczy, jak viděti z poznámek jeho na poslední straně knihy a na konci II dílu.

Že by se byly kromě uvedených exemplářů Pergošićova překladu zachovaly ještě nějaké jiné výtisky, není nám známo, a také ne pravděpodobno. Jediný úplný výtisk, který náležival kdysi slavnému právníku chorv. Janu Kitonićovi, jest nyní v universitní knihovně v Budapešti. Exemplář univ. knihovny záhřebské, někdy majetek I. Kukuljeviće-Sakcinského, zaujímá co do úplnosti místo druhé. Scházíť mu konec rejstříku, ač jinak jest úplný. Teprve na třetím a čtvrtém místě stojí popsané shora výtisky knihovny Nemzeti Muzeum.

Prvá naše myšlenka po shledání variantů v Záhřebě byla: zjistiti, nemají-li snad exempláře v Nemzeti Muzeum další divergence. Po ohledání jich v Praze, kamž laskavostí biblioteční správy Nemzeti Muzeum současně byly poslány, seznali jsme, že defektnější exemplář shoduje se úplně s výtiskem budapeštské universitní knihovny, kdežto zachovalejší (shora na druhém místě uvedený) jest opět shodný s exemplářem záhřebským.

Mohla by nastati domněnka, že běží snad o dvě různá vydání jednoho a téhož překladu, totiž dvě vydání z nestejně doby. A tomu by se zdála nasvědčovati i okolnost, že v Kukuljevićově bibliografii chorvatské z r. 1860 uvádí se překlad Pergošićův na dvou místech, jednou pod č. 1457 s titulem Decretum, koteroga je Verbewczy Istvan diački popisal

....., podruhé pod č. 2440 s tit. Trojstrančni pismotvor navadneh pravic..... Okolnost tato však nic neznamená. Jak jsme se přesvědčili, mají oba divergující výtisky stejný titul: Decretum, kteroga je..... atd. Záhloví druhé, Kukuljevićem uváděné, zdá se, pochází z druhé ruky. Některý ze starších spisovatelů (Domin?) citoval asi Pergošićův překlad z paměti podle lat. originálu (Opus Tripartitum), a Kukuljević, resp. Ant. Mažuranić, podle jehož poznámek Kukuljevićova bibliografie byla sestavena, použil tohoto nesprávného názvu.

Máme neklamné známky toho, že dvojí výtisky překladu Pergošićova pocházejí z jednoho a téhož vydání. Především jest paginace obou výtisků totožná, a sice i s tiskovými chybami. Jak ve výtisku univerzitní knihovny budapeštské, tak v exempláři záhřebském, jež představují různé redakce, jest list XIX. nesprávně označen jako XV., za listem L následuje list označený jako LII., za listem LXXII. jest opět nesprávně označeno pokračování: LXXIV, list LXXVIII pak očíslován nesprávně jako LXXIX, načež znova následuje číslo LXXIX; za listem LXXXV jest následující list chybně označen jako LXXIX, za listem LXXXVI pak jest pokračování LXXXX, načež následují ještě čtyry listy textu (91.—93.), až konečně dva poslední listy před indexem označeny jsou stejným číslem: LXXXIII. Oba výtisky mají po 178 stranách. Avšak i jiné chyby tisku prozrazují, že běží o jedno a totéž vydání. Tak na př. stojí v obou výtiscích v tit. 45, II dílu uhciniti místo uchiniti, v tit. 65, II dílu ghalunoga místo ghlaunoga, v tit. 5, III dílu chloneku místo chloueku, v tit. 29, III dílu gdledy místo ghledy atd.

Záhadou jest arci, proč jeden výtisk má s počátku formy více kajkavské a pak štokavské a naopak.

Hodlajíce s prof. Jiřím Polívkou opatřiti nové vydání Pergošićova překladu s potřebným vědeckým aparátém, přestáváme tu na podané zprávě, jež nemá býti ničím jiným než upozorněním vědeckých kruhů na zajímavou právní památku chorvatskou ze XVI stol.

Praha.

Karel Kadlec.

Die Namen der Wochentage im Slavischen.

Schöne und lehrreiche Abhandlungen sind in der »Zeitschrift für deutsche Wortforschung« (Bd. I, redig. von Fr. Kluge) über die Namen der Wochentage in den verschiedensten Sprachen erschienen, allein unter diesen befindet sich keine, welche sich die Benennungen der Wochentage im Slavischen zu untersuchen zur Aufgabe genommen hätte. Da ich über die slavischen Namen der Wochentage in meinem ungarisch geschriebenen Buche »Über die christliche Terminologie der ungarischen Sprache« ausführlich gehandelt habe¹⁾, will ich einige Resultate meiner Untersuchungen hier mitteilen.

»Von welchem Volke wurde die Woche bei den Slaven eingeführt?«, fragt Miklosich (Die christl. Terminologie der slavischen Sprachen S. 19). »Nach meiner Ansicht« — setzt er fort — »von demjenigen Volke, dem die Slaven die Bekanntschaft mit dem Christentume verdanken, von den Deutschen. Die Aufnahme dieser Zeiteinteilung geschah durch die Slovenen in Pannonien«. Der schlagendste Beweis für diese Lehre sei nach Miklosich der gemein-slavische Name des Mittwochs (vgl. Christl. Term. S. 20), nämlich der Ausdruck *srěda*, welcher eine aus dem Hochdeutschen erfolgte Übersetzung sei.

Über den Wochentagsnamen *srěda* äußerte sich auch Hofrat Prof. Jagić (Archiv XXIII, 537). Er meint, *srěda* sei eine echt slavische Benennung, da sie denjenigen Tag bezeichne, der bei der slavischen Benennung nach Zahlen (ponedělnikъ, vъtorъnikъ — četvrtъkъ, pětъkъ) auf die Mitte fällt. Dieser Erklärung kann ich aus folgenden Gründen nicht beipflichten: a) Unwahrscheinlich erscheint die Erklärung, wenn man die Sache psychologisch nimmt. Die Wochen-Einheit besteht aus *sieben*, und nicht aus *fünf* Tagen; b) Wie fremd die slavische Bezeichnung *srěda* ist, zeigt auch der Umstand, daß im Kirchenslavischen

1) Der Titel meines Werkes lautet: »Szláv jüvevényiszavaink, irta Melich János Bpest 1902—5«, I. Bd., 1., 2. Teil; über die Namen der Wochentage siehe Bd. I. 2: 265 ff.

für »dies Mercurii« auch der Ausdruck *tretijnikъ* vorkommt; c) Außer Deutschen und Slaven finden sich auch andere christliche Völker, welche den Mittwoch als Mitte der Woche bezeichnen (darüber siehe unten).

Ich stimme also Miklosich bei, *srědu* sei eine Übersetzung. Nach meiner Ansicht ist aber *srěda* keine aus dem Hochdeutschen gemachte Übersetzung, wie überhaupt nicht die Deutschen jenes Volk sind, dem die Slaven ihre Wochen-Zeiteinteilung verdanken. Dies zu beweisen führe ich folgendes an:

a) Diejenigen Deutschen, die hier in Betracht kommen, nämlich die Österreicher und die Bayern nennen den Donnerstag *pfinztag* (vgl. Lexer, KärnWb., Schmeller, Bay. Wb.). Daß dieser *pfinztag* dem griechischen *πέμπτη* (vgl. Paul, Grundriß I² 359; auch neugriech. *πέμπτη* = Donnerstag) entlehnt ist, ist längst bekannt. Ein Volk, welches den Donnerstag den fünften (griech. *πέμπτη* = pfinztag) nennt, kann die Namen der Wochentage einem anderen Volke, bei welchem der Donnerstag (*τέτρωτοκὸς*) der vierte heißt, nicht übergeben haben.

b) Diejenigen Deutschen, bei welchen *pfinztag* für Donnerstag verwendet wird, nennen den Sonnabend *sambaz-tac* (ahd.), *samstag* (nhd.), gebrauchen also ein Wort, dessen unverschobene Form **sambat*, **sambata* wäre (vgl. Paul, Grundriß I² 360, über die *-mb-* Form vgl. noch Kluge, Zeitschrift f. d. Wf. I, 163, 192). Nun aber haben die Slaven, die mit den Österreichern und den Bayern seit dem VIII. Jahrhunderte in kultureller Berührung stehen, wie überhaupt alle Slaven römischen Ritus das Wort *sobota* (sorb. *sobota*, poln. *sobota*, böhm. *sobota*, slovak. *sobota*, sloven. *sobota*, kaj-kroat. *sobota*, in Dalmatien: nördlich *sobota*, südlich *subota*, Rad 118 : 15, 124 : 113, 124, 136 : 186).

Daß das Wort *sobota* gerade so alte Entlehnung ist, wie das griechisch-orientale *sqbota*, dafür spricht der Codex Marianus (vgl. in der Ausgabe von Jagić, Index) und das Psalterium Sinaiticum (vgl. Seite 100: Psalm XLVII, 1, Seite 180: Psalm LXXX, 1, Seite 207: XCII, 1, Seite 208: Psalm XCIII, 1), wo statt des erwarteten *сѣбота: собота* steht. Aus alle dem ziehe ich den Schluß, daß *sqbota* in Mähren, in Pannonien, ja überhaupt bei den röm.-kath. Slaven immer ein fremder Name gewesen sei, der einheimisch *sobota* lautete. Die *sobota* kann aber nicht dem Bayer.-Österr. (*sambaz-tac*, *samstag*), sondern nur dem Lat.-Ital. (*sabbatum*, *sabbato*, *sabato*) entlehnt sein.

c) Außer den Deutschen bezeichnen den »dies Mercurii« auch andere Völker als Mitte der Woche, so z. B. die romanischen Völker. Meyer-Lübke schreibt folgendes (vgl. Kluge, Zeitschrift für d. Wf. I, 192): »Eine erste Abweichung von dem obigen Schema zeigt Toskana mit *mezzedima*

(vgl. auch Gröber, Grundriß I, 514, 527, Paoli, Lat. Paleogr. III₂: 277) neben mercoledì, entstanden aus *mediu hebdomas*, heute nur noch einzelnen Mundarten angehörig, früher auch der Schriftsprache nicht fremd. Dieselbe Bildung kennt der seit zwei oder drei Jahren erloschene Dialekt der Insel Veglia im adriatischen Meere mit *missédma*, das Obwaldische und Engadinische mit *meziamna*, *mezemna*, *mezeivna* (vgl. Gröber, Grundriß I, 465). Aber Tirol, Friaul, Istrien, Venezien wissen nichts davon, sodaß also jeder geographische Zusammenhang fehlt. In Graubünden kann natürlich ein Germanismus vorliegen.◀

Die röm.-kath. slavische Bezeichnung *sobota* und die gemeinslav. *srěda* (Mittwoch) sprechen also viel eher für einen lateinisch-romanischen, als für einen deutschen Ursprung der Wochen-Zeiteinteilung bei den Slaven. Zu diesem lat.-romanischen Einflusse könnte man auch *nedělja* (sonntag) rechnen, welche eine Umdeutung der lateinischen *feria* (ursprünglich ›ruhe‹, dann *feria prima* oder *dominica* ›sonntag‹, vgl. Kluge, Zeitschrift f. d. Wf. I, 186) zu sein scheint.

Wie verhalten sich nun diese Resultate meiner Untersuchungen zu Cyrill's und Method's Wirksamkeit? Ich bin der Ansicht, daß die slavischen Namen der Wochentage keines einheitlichen Ursprungs sind. Wir haben gesehen, daß der Ausdruck *sobota* lat.-romanischen Ursprungs ist, und bei den röm.-kath. Slaven gebraucht wird. Die Slaven griechischen Ritus haben das Wort *sabota* (altbulg. *sabota*, bulg. *sabota*, serb. *subota*, russ. *subbota*; hierher gehört das ung. *szombat* und das rumän. *sâmbătă*), welches aus einem nicht nachgewiesenen griech. *σάββατον (vgl. Paul, Grundriß I², 360, pers. *samba*, christl. abess. *sambata*, Kluge, Zeitschrift f. d. Wf. I, 163) entstanden ist. Auch der Name der Woche bei den röm.-kath. Slaven spricht für zweifachen Ursprung; der Name **tv-jv-dvnb* (urspr. ›derselbe Tag, der wiederkehrende Tag‹, heute ›Woche‹, Archiv XXIV, 248, vgl. lauz. sorb. *tydžen*, *tyžen*, poln. *tydzien*, slovak. *týdeň*, *týždeň*, böhm. *týden*, sloven. *tjedan*, *teiden*, *teden*, *kedon*, kaj-kroat. *tjeden*, *tijeden*, ča-kroat. *tjedan*) ist nur röm.-kath., dagegen *nedělja* (: woche) und *sedmica* sind nur griech.-orientalisch.

Die angeführten Tatsachen beweisen, daß die Woche bei den Slaven keinen einheitlichen Ursprung hat. Nun fragen wir, welche Namen der Wochentage waren in Cyrill's und Method's Sprache vor ihrer Ankunft in Mähren vorhanden? Meine Überzeugung ist, daß Cyrill und Method die Wochentage entweder mit griechischen Namen oder mit Übersetzungen nach griechischem Vorbild bezeichnet haben. Meiner Meinung nach hatten Cyrill und Method folgende Ausdrücke:

1. **СЪБОТА**, entstanden aus einem griech. **σάββατον* (siehe oben); das Wort bedeutete: *α*) Woche, *β*) Samstag;

2. **ПАРАСКЕВЪКНИ**, **ПАРАСКЕВЪКНИ**, entstanden aus dem griech. *παρασκευή*; bedeutete: *α*) Freitag überhaupt, wie im Neugriechischen (Kluge, Zeitschrift f. d. Wf. I, 167). Für diese Bedeutung des Wortes im Slavischen vgl. Cod. Assem., Mar., Zogr. Joannes XIX, 14, 31 *paraskevĭii* = Sav. kni. *πετὸκῶ*; ebenso Glag. Cloz. 78 ed. Vondrák = Cod. Supr. 320); *β*) Charfreitag, lat. *parasceve* (vgl. Jagić, Zur Entstehungsg. II, 70, Starine XXIX, 179).

3. **ЧЕТВРЪТОКЪ** = Mittwoch, dies Mercurii. Im Psalt. Sinaiticum (XCIII. Psalm 1. Vers) lesen wir: **ПЪСАМЪ ДАВНДОВЪ ВЪ ЧЕТВРЪТОКЪ СОБОТЪ** = *ψαλμὸς . . . τετράδι σαββάτου* = lat. *psalmus . . . quarta sabbati*. Die altungarischen Psalmübersetzungen, nämlich der sogenannte Apocodex übersetzt den lateinischen Psalm: *Dauid enekenek diczerete zeredam valo*. Hier wird *quarta sabbati* mit *szerda* (Mittwoch) übersetzt. Die slavische Übersetzung (**четврѣтокъ**) stimmt mit dem griechischen *τετράς* überein, im Neugriechischen wird der Mittwoch *τετράς, τετάρτη* genannt.

4. Nach Psalterium Sinait. (Psalm XLVII Vers 1) heißt der *Montag* im Altkirchenslavischen **вѣторѣжъ** (vgl. **ПСАМЪ ПЪСНИ СИНОВЪ КОРЪКОВЪ ВО ВѢТОРЪЖЪ СОБОТЪ** = *ψαλμὸς ᾠδῆς τοῖς υἱοῖς Κορὴ δευτέρα σαββάτου*), welcher Ausdruck aus dem griech. *δευτέρα* (= Montag) übersetzt ist.

5. Von Sonntag ist die Rede bei Matt. XXVIII, 1, Marc. XVI, 2, 9, Luc. XXIV, 3, Joan. XX, 1, 19, Psalm XXIII, 1. In den altkirchensl. Evangelien und Psalterien findet man *прѣв* (*прѣваја*), *единъ*, *јединъ* (*edinaja, jedinjaja*), welche Übersetzungen aus dem griech. *πρώτη* (*σαββάτου*), *ἡ μία* (*τῶν σαββάτων*) sind.

Ich glaube, mit den angeführten Belegen bewiesen zu haben, daß Cyrill und Method eine, nach griechischem Vorbilde benannte Terminologie für die Wochentage bereits hatten, als sie nach Mähren und Pannonien kamen. Für die Richtigkeit meiner Resultate spricht neben *sqbota* und *paraskevĭii* in erster Reihe der Name *četvrtokŭ* (= Mittwoch, siehe oben).

In Mähren und Pannonien fanden die Brüder-Apostel andere Benennungen der Wochentage vor. Sie fanden hier den Namen *sobota*, und die Zählung, wonach Donnerstag der vierte, Freitag der fünfte Tag der Woche ist.

Ich nehme als bewiesen an, daß ein Teil des Psalteriums aus dem Lateinischen übersetzt wurde. Nun haben wir im Psalterium Sinaiticum

(Psalm LXXX Vers 1) folgendes: ВЪ КОНЕЦЪ ПЪСАЛОМЪ О ТОЧИЛЪХЪ АСАФОВЪ ВЪ ПЯТЬ СОКОТЪ. Im griechischen Psalter (*ψαλμὸς εἰς τὸ τέλος ὑπὲρ τοῦ ληνῶν τῷ Δαύιδ*) ist keine Rede von irgendeinem Tage (vgl. auch Psalt. Bonon. ed. Jagić), dagegen im Lateinischen heißt es: »Feria sexta. Psalmus LXXX«. Die ungarische Psalmübersetzung, der sogenannte Döbrentei-Codex schreibt hier: »Exultate deo: pénteki nocturnos«. Hier wird der Freitag als der fünfte (*pjety*: im Ung. *péntek*) Tag der Woche (*sobota*) bezeichnet. Nun fragt es sich, woher diese Zählungsweise, nach welcher Freitag der fünfte Tag der Woche ist, stammt. Griechisch oder hochdeutsch kann sie nicht sein, da hier Donnerstag der fünfte Tag ist.

Bevor ich diese Frage beantworte, will ich bemerken, daß die Woche seit dem 4. Jahrhundert nicht mit Samstag, sondern mit Sonntag begonnen hat. »Die Änderung führt man auf christlichen Einfluß unter Konstantin zurück: die Christen hätten den dies Saturni nach dem Vorbild des jüdischen Sabbat als letzten Tag der planetarischen Woche genommen, aber ihren Feiertag auf den dies Solis verlegt, um sich von den Juden zu unterscheiden und in Erinnerung an den Auferstehungstag« (Kluge, Zeitschrift f. d. Wf. I, 180). Mit dieser Verlegung des Feiertags mußte hier und da bei den Christen unter dem Einflusse der Bibel jene Vorstellung entstehen, daß der Ruhetag der Woche eigentlich der letzte Tag der Woche sei, mit anderen Worten, daß die Woche mit Montag als dem ersten Tage beginne. Diese volkstümliche Anschauung findet man im Friaulischen, also in einer neulateinischen Sprache, wo der Montag *prindi* (= erster Tag, *prima dies*) heißt (vgl. Kluge, Zeitschrift I, 193).

Wir haben gesehen, daß die slav. Benennungen *sobota*, *sréda* lateinisch-romanischen Ursprungs sind; mit dem Belege *prindi* glaube ich bewiesen zu haben, daß die Bezeichnung der Tage: Dienstag, Donnerstag, Freitag als zweiter, vierter, fünfter Tag ebenfalls lateinisch-romanischen Ursprungs sein können. — Diese Benennungen verbreiteten sich zuerst unter denjenigen Slaven (Kroaten, hier nach Stulli Montag auch *previ dan* genannt, Miklosich Christ. Term. 20, Slovenen, Böhmen-Slowaken, Polen, Sorben), welche röm.-lateinischen Ritus waren. In der christl. Terminologie dieser Slaven findet man auch sonst viel lateinisch-romanisches; wichtig ist z. B., daß das lat. *ce* hier als *ze* vertreten ist, oder daß das lat. *s*, *ss* als *ś*, *ź* wiederkehrt (vgl. *križ* < *cruce*. schon *Jircček*, Die Romanen in den Städten Dalmatiens I, 37, 42, *kalež* < *calice*, böhm. *komže* < *camice* »chorhemd«; *mša*, *miša*, *maša*, *mše*, *omša* etc. < lat. *missa* etc.). Auf diese Frage, welche ich in meinem Buche ausführlich

besprochen habe, will ich hier nicht näher eingehen. Ich wollte nur andeuten, daß in der slav. christlichen Terminologie vieles aus dem Lat.-romanischen herrührt.

Als Cyrill und Method nach Mähren und Pannonien kamen, fanden sie diese lateinisch-romanische Terminologie bereits vor, in welcher freilich auch deutsche Elemente vorhanden waren (vgl. *popъ*: phaffo). Aus dieser gemischten Terminologie schöpften nun die beiden Slavenapostel.

Aus den obigen Erörterungen ergibt sich mit Entschiedenheit, daß sie aus dieser Terminologie unter anderem entnommen haben: a) die Benennung der Tage durch Zahlen (Dienstag, Donnerstag, Freitag); b) den Namen *srěda*, welcher eine aus dem lat.-rom. *media hebdomas* erfolgte Übersetzung ist; c) den Namen *nedělja*, welcher dem lat. »feria« nachgebildet wurde. Aus ihrer ursprünglichen, nach griechischem Vorbilde geschaffenen Terminologie behielten sie nur einen Ausdruck bei, nämlich den Namen *sabota*.

Budapest, den 4. Juni 1907.

Johann Melich.

Litauisch *skujà*.

R. хво́й masc., хво́я 'die Nadeln der Bäume', serb. *hvója*, č. *chvíj* fem. gehört selbstverständlich zunächst zu dem gleichbedeutenden lit. *skujà*, Plur. *skujos*. Die slavischen Formen setzen eine Wurzelsilbe **qhwoj-* voraus, das litauische Wort läßt sich auf **sqhwiã* zurückführen. Bei dieser Deutung gehört unser Fall zu den zahlreichen Belegen für das bewegliche *s-* des Indogermanischen und weiterhin zu den gleichfalls zahlreichen Belegen für das Auftreten einer Tenuis aspirata nach *s*. Die Vokalalternation *-uo-* : *-u-* muß ursprünglich auf einer Akzentverschiedenheit beruhen, die aber nicht mehr vorhanden ist. Das litauische *skujà* zeigt Betonung der ersten Silbe (Gen. Sing. *skujos*), und dem widerspricht das Slavische nicht; r. хво́й hat feste Anfangsbetonung (Gen. Pl. хво́евъ), und auch die femininische Form wird хво́я betont; daneben steht allerdings хво́я und serb. *hvója*, die aber für die ursprüngliche Akzentuation nichts beweisen. Bekanntlich haben die ursprünglich wurzelbetonten *-ã*-Stämme im Slavischen vielfach, wenn der Nominativ des Sing. nach dem Saureschen Gesetz endbetont werden sollte, das Betonungsschema der urspr. endbetonten Stämme angenommen: r. pyká Gen. pykú neben lit. *rankà* Gen. *raũkos*. Gerade das Nebeneinander von хво́я und хво́я, serb. *hvója* ist ebenso wie die entsprechende Doppelheit bei serb. *kòra* r. ко́ра ein Beweis dafür, daß ursprünglich das Wurzelbetonungsschema in der aus dem Litauischen bekannten Gestalt vorgelegen hat. Das Litauische stimmt mit dem Slavischen im femininischen Genus überein. Der Nominativ lautete im Slavischen auf *-ã* aus: **xvojã*; im Neuslavischen mußte das auslautende *-ã* nach dem *j* schwinden; die lautgesetzliche Entwicklung liegt aber nur im Čechischen ungestört vor; im Russischen ist die endungslose Form maskulinisch geworden oder ist durch eine Form auf *-ã* ersetzt worden; im Serbischen beweist nur die Dehnung in *hvója* das einstige Vorhandensein einer Form mit geschwundener Endung. Die Form **xvojã* kann gewiß keine altererbte idg. Form sein; im Slavischen hat sie aber gute Analogien (abulg. *ludiji* 'Schiff' usw.).

Dem slavischen **xvojì* *(*s*)*ql̥uoi̯i* und dem litauischen **sqhũiã* entspricht im Keltischen ein nur in einer Weiterbildung vorliegender Stamm, dessen Grundform als **sq(h)u̯iã-* angesetzt werden kann (der Anlaut ist ir. *sc-* d. h. *sk-*, britannisch *sp-*, woraus neucymrisch *ysb-*), und der die Bedeutung 'Dorn' gehabt haben muß. Mit einem Suffix *-t*, das auch sonst im Keltischen mit derselben Funktion wie das lat. *-t* in *ãles* Gen. *ãlitis* 'beflügelt' (von *ãla* 'Flügel'), *eques* 'Reiter' (*equus* 'Pferd') usw. vorkommt, ist von diesem Stamme abgeleitet ir. *scé* 'Hagedorn' (**sq(h)u̯iãts* mit abgefallenem Auslaut), Gen. Plur. *sciad*, cymr. *ysbyddad* 'hawthorn', corn. *spethes* 'briars, brambles', breton. *spezad* 'groseille à maquereau' (zum Verständnis bemerke ich, daß in den britannischen Sprachen der im Nominativ lautgesetzlich geschwundene Auslaut nach den anderen Kasus restituiert ist; das *-i-* schwindet im Irischen intervokalisch, im Britannischen wird es nach *i* zu *ð*, das im Cymrischen *dd*, im Cornischen *th* geschrieben wird, im Bretonischen aber zu *z* weiterschreitet; das irische *-d*, cymr. *-d*, corn. *-s*, br. *d* vertreten regelmäßig ein *-t-*).

Wie der aus dieser Weiterbildung zu erschließende Stamm als selbständiges Wort flektiert wurde, ist unsicher (Nom. **sqhũiã?*). Auch ist es mir nicht gelungen, das Wort **sqhũiã*, **sqhuĩã*, *(*s*)*ql̥uoiã* mit irgendwelcher Sicherheit anderswo als im Slavischen und Keltischen zu finden.

Verwandt könnte vielleicht russ. und bulg. хуї 'penis' *(*s*)*ql̥uoi̯o-s* sein. Die Vokalalternation wäre wie bei lat. *divu-s* skr. *dēva-s* (**deĩu-o-s*) neben lat. *Jovis* (**d̥i̯u-*) gr. *Διός*, d. h. хуї würde die erste Vollstufe, хвоя die zweite Vollstufe, lit. *skujà* die Schwundstufe vertreten. Der russische Akzent (Gen. Sing. хýя, Nom. Plur. ху́и) deutet auf alte Endbetonung, kann aber eine Analogiebildung nach бої, рої, слої, строї, край, паї, раї Pl. бо́и usw. sein. Für die Bedeutungsentwicklung gibt es Parallelen genug, u. a. alb. *hu* 'Pfahl, männliches Glied', das schließlich als **sqhuĩo-s* mit russ. und bulg. хуї verwandt sein könnte (die Flexion ist analogisch: *hu-r-i*, nordalb. *hu-n-i* 'der Pfahl, penis').

Kopenhagen.

Holger Pedersen.

Западнобълг. вишел-вишъл в м. видѣлъ.

Въ пѣкон западнобългарски говори формата на миналото дѣйстви-телно причастие отъ стб. **ВИДѢТИ** гласи вишел или вишъл, ж. р. вишла, ср. р. вишло, мн. ч. вишли (-е). Ала редомъ съ тая форма въ единъ и същи говоръ се срѣща и правилното видеел, което ще трѣба да се смѣта или за архаизмъ, неизтиканъ още напълно отъ новата форма, или за резултатъ на вънкашно влияние. Така въ образаца, приложенъ къмъ »Очертаише на Софийския говоръ« отъ Ст. Костовъ, (вж. Годишникъ на II-та Софийска Държавна Мажка Гимназия за 1904/05 уч. год., неофиц. отд. стр. I.—XVI.) имаме: »вишла низ зъбите му сип'и конци от сукмано«; »вишла, какво он има саде една дупка наместо две на носо си« о. с. стр. XVI, а въ една приказка пакъ отъ Софийско (Сбм. VIII, 175) четемъ: »вишелъ една колиба« и »виделъ едни старец« съ бѣлѣжка: »Тази дума се изговаря: ту видѣл, ту вишелъ (п. т.), сетнѣ Сбм. X, 145: вишелъ, Сбм. XV, 137: видѣл и т. п. — все въ записваното отъ Д. Стойковъ (Вукадиновъ). Въ материяли изъ Дупнишко срѣщаме редовно вишелъ (вишелъ Сбм. VII, 28; X, 162; XII, 226, 231 и мн. др.; вишли X, 163—164; вишло X, 164), но и »да бѣ мирно седѣло, не бѣ чѣдо видѣло« (Сбм. XI, 156). И въ една не особено грамотна книжка, която съдържа прѣдимно на мѣстенъ диалектъ разправени случки изъ обществения и училищесъ животъ въ Радомирско и Кюстендилско (»Писма изъ живота« отъ А. п. Михайловъ. Изд. на автора — с. Дебелилакъ, Радомирско. Кюстендилъ, печатн. »Изгрѣвъ« 1902, год. 8°, стр. 58) намираме на стр. 14 слѣдното: »нищо лошо не самъ вишелъ отъ него.« Въ народнитѣ приказки изъ Горно-Джумайско се употрѣбя и вишелъ¹⁾ и видѣл (Сбм. VII, 176, 178, 180: вишелъ; VII, 180: вишла, но пакъ VII, 178, 180: видѣл и VII, 177: видѣла), а въ Леринскитѣ приказки, записани отъ Н. Настевъ, имаме редовно вишъл (писано по-рѣдко вишал), а като изключение май видеел (Сбм. III, 153; V, 144—145;

1) Отъ устата на интеллигентенъ горноджумасецъ съмъ чувалъ »вишел«.

VI, 164, 168 и др.: вишѣлъ; V, 145; VI, 164, 167: вишла, но IV, 142: видѣлъ; VI, 164: видѣла¹⁾).

Като започнемъ, значи, отъ София и вървимъ на югозападъ къмъ Леринъ, намираме поясъ български говори (Софийски, Радомирски, Дупнишки, Горно-Джумайски, Лерински), въ които вишел (само Лер. вишѣлъ) виѣсто или покрай видѣлъ е твърдѣ обикновена форма. Дали трѣба това причастие да се обяснява чисто фонетически или ще има да търсимъ тукъ нѣкакво новообразуване по аналогия? Звукословнитѣ закони на българския езикъ не позволяватъ да говоримъ за прѣходъ на междугласно *д* въ *ш*. А формитѣ вишла, вишло, вишли показватъ, че звукътъ (*e* гевр. *э*), що стои слѣдъ *ш* въ м. р., не е отъ нѣкогашно *ѣ*. Единичното обяснение, което остава, е морфологичното. Че вишел се е явило по аналогия, ще ни стане ясно, като узнаемъ, каква е сѣдбата на аориста видѣхъ въ западно-българскитѣ говори, и като знаемъ, въ каква връзка стоятъ формитѣ на втория сложенъ аористъ съ миналото дѣйствително причастие на -лъ. Въ източнобълг. говори, дѣто аористната форма и днесъ гласи правилно видѣхъ (вид'ах, вид'ѣх), не са станали никакви промѣни съ причастието, а въ западнобълг. говори, които речи навсѣкъдѣ иматъ нова аористна форма²⁾ (видох, видоѣ), явява се вече и новообразувано причастие Появата на прич. вишел стои тѣкмо въ зависимостъ отъ аор. видох. Въ психологичния процесъ, който е докаралъ създаването на вишел, най-главна роля е изиграло отношението: отидох / отишел или просто: идох / ишел. Както срещу отидох стои отишел, така срещу видох може да се образува вишел споредъ пропорцията

$$\begin{aligned} \text{отидох} : \text{отишел} &= \text{видох} : \text{х}, \\ &= \text{видох} : \text{вишел}. \end{aligned}$$

Че това е приемливо, показва костурското *iaшле* (вм. *iaле* Сбм. VI, 11), което ще има да тълкуваме пакъ тѣй:

1) »Видѣла« ще да се дължи на записвача, който е вмѣкналъ въ тѣзи приказки доста книжовни изрази: »ама ка вишла настоiаваието на вoишио мил годеник«; »царицата, ка се научила за погубванието на сина си, му казада« и под. Сбм. V, 144 и др.

2) Щомъ 1. л. ед. ч. гласи видох (вм. видех), и въ мн. ч. ще имаме: видохме, видохте, видоха, та по този начинъ аористътъ на видѣти по окончания нѣма да се отличава отъ аориста на отити. Тия форми са толкова разпространени, че се чуватъ въ говора на много »образовани«, на проникватъ и въ литературата. Въ прѣвода (прозаически) на Гетевия »Фаустъ« (София, 1906) четемъ »видохъ« на стр. 34, 160, 166, а въ некритичнитѣ издирвания на Д-ръ Г. Цѣповъ (»Праотечеството и празникътъ на българитѣ« София, 1907) редовно стои »видохме« (стр. 82, 90, 101, 109, 117 и т. п.).

(от)идох : (от)ишел = іадох : х,
= іадох : *іашел, мн. ч. іашле.

За влияние на повелителната форма (Лавровъ, Обзоръ 211) **ИЖДЪ** (фонет. іаш) не може да се говори, толкозъ повече че въ македонскитѣ говори, както е извѣстно, в.м. іаждъ имаме іади и в.м. виждъ — види. Кост. *іашел напомня леринск. дашал (по ради дадохъ) въ Сбм. V, 145.

Отъ друга страна ни освѣтляватъ това явление нѣкои новообразуванія въ кукушко-воденския и щипския говоръ. Вмѣсто старобълг. 2. сложенъ аористъ плетохъ, прадохъ, рекохъ, пасохъ, сѣкохъ и под. въ кук.-вод. имаме: плитѣх, придѣх, ричѣх, пѣсѣх, сичѣх и под., па споредъ тѣхъ и мин. дѣйств. прич.: плитѣл, придѣл, ричѣл (покрай старото рѣкъл), пѣсѣл, сичѣл (покрай старото сѣкъл) и т. н. Описвачтъ на този говоръ (Д. Мирчевъ, »Бѣлѣжки по кукушко-воденския говоръ« Сбм. XVIII, 426—470) привежда като стари форми душѣл, утишѣл (стр. 466), безъ да казва, дали срещу дуидех (в.м. старото доидох) има ново причастие *дуидел, ала възъ основа на думитѣ: »за образуване на това причастие се зима мин. свѣрш. врѣме на глагола, както си е съ ударението, и вмѣсто мѣнитва -х се турятъ л, ла, ло, ли или ле« ние можемъ да прѣдполагаме, че покрай архаичнитѣ душел, утишѣл ще да съществуватъ и новообразувани дуидѣл, утидѣл споредъ дуидех, утидех. Това прѣдположение се потвърдява отъ щипскитѣ материяли на А. Костенцева въ Сбм. Тамъ намираме: »отидѣле на кáро... и ѣв ти чо гáволо дошѣл при нѣх« Сбм. X, 140; или: »Добро-úтро, цáрче«, му речѣл старѣцо. — »Дáи Бóг добро, дѣдо«, рѣкал му Соломóн X, 146; така доидѣл Сбм. X, 138—139, но и (д)ошѣл X, 139 и т. н. Щипското доидел покрай дошел прѣдставя явление право противоположно на западнобълг. вишел покрай видел, ала причината на двѣтѣ новообразуванія е все пакъ една и съща.

София, май 1907.

Ст. Младеновъ.

Сочиненія П. И. Мельникова (Андрея Печерскаго), какъ лексическій матеріалъ русскаго литератур- наго языка.

Павель Ивановичъ Мельниковъ, извѣстный въ русской литературѣ болѣе подъ своимъ псевдонимомъ Андрея Печерскаго (1819—1883 г.), можетъ по справедливости считаться беллетристомъ-этнографомъ за свои крупнѣйшіе два романа: »Въ Лѣсахъ« (1875 г.)¹⁾ и »На Горахъ« (1877 г.). Эти два романа составили литературную славу талантливаго автора-художника и вызвали собой подробную оцѣнку творческой дѣятельности Печерскаго въ русской критикѣ, вошедшую въ общіе обзоры исторіи русской литературы. Но не со всѣхъ сторонъ еще использованъ матеріалъ, внесенный произведеніями А. Печерскаго въ русское самосознаніе: отношеніе вышеназванныхъ двухъ романовъ, въ которыхъ авторъ ихъ является крупнымъ этнографомъ-художникомъ русскаго при-Волжскаго края и его поселенія, къ лексическому составу литературнаго русскаго языка еще не служило предметомъ особаго научнаго изслѣдованія, и съ этой стороны матеріалъ, собранный въ наблюденіяхъ Печерскаго и обработанный имъ въ его художественныхъ и крупнѣйшихъ двухъ романахъ, еще не использованъ наукой, не смотря на то, что этотъ матеріалъ вполне заслуживаетъ вниманія русскихъ ученыхъ лингвистовъ. Въ самомъ дѣлѣ, всякій, кто читалъ эти романы Печерскаго, восхищался художественностью и образностью ихъ языка, такъ сказать, чувствовалъ особенность этого языка и практически ощущалъ прелесть этой особенности. Такъ мало-по-малу это пріятное чувство стало всеобщимъ чувствомъ читателя: русская читающая интеллигентная публика въ этомъ чувствѣ художественнаго и образнаго языка сливалась въ одно цѣлое. Но дать себѣ отчетъ въ составѣ элементовъ этого языка; указать, на какихъ основахъ покоится языкъ этнографическаго романа А. Печерскаго; и какими связями онъ связанъ съ языкомъ русскаго народа, выразителемъ какого быта и какого населенія, какой опредѣленной мѣстности

1) Появляясь сначала въ журналѣ: »Русскій Вѣстникъ«.

служитъ этотъ языкъ по своему лексическому составу, все это является уже не областью чувства изящнаго, а областью лингвистической науки. Въ самомъ дѣлѣ, отвѣтъ на все эти вопросы относительно языка Печерскаго можетъ дать не безпринципная эстетика, руководящаяся субъективными требованіями вкуса, а лингвистическій научный анализъ состава языка романа »Въ Лѣсахъ« или »На Горахъ«. Такой анализъ прежде всего укажетъ намъ, что въ языкѣ этихъ романовъ Печерскаго сохраненъ полностью мѣстный колоритъ (*couleur locale*) народной русской рѣчи Заволжья въ той его части, гдѣ русскія поселенія сидятъ чуть не тысячу лѣтъ, укрывшись въ Керженскихъ и Чернораменскихъ лѣсахъ и тѣмъ уберегшись отъ разложенія, отъ потери своего этнографическаго типа благодаря ассимиляціи съ насельниками и заимствованіямъ иноплеменной и чуждой культуры. Тотъ уголокъ русской земли, который изображенъ со всею его населеніемъ и бытомъ у Печерскаго въ романѣ »Въ Лѣсахъ«, который описанъ авторомъ во всей полнотѣ этнографическихъ подробностей, называется въ романѣ Заволжьемъ, а обитатели его — »Заволжане«: это — мѣстность по среднему и верхнему теченію р. Ветлуги, притока Волги съ лѣвой стороны, рѣки, протекающей по Костромской и частью по Нижегородской губерніи. Въ Макарьевскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи, въ шести верстахъ отъ Лыскова, впадаетъ въ Волгу съ лѣвой же стороны, низменной, рѣка Керженецъ. Вотъ это-то пространство между Ветлугой и Керженцемъ и есть арена наиболѣе интересныхъ наблюденій П. И. Мельникова. Это — край финскаго племени (Мери?), который сталъ постепенно колонизоваться новгородцами чуть не съ XI^{го} вѣка, когда можно указать уже отдѣльныя попытки ихъ проникнуть къ восточнымъ финнамъ. Интересно, что въ этомъ краю болѣе удержалось старины и въ бытѣ и въ языкѣ, чѣмъ собственно въ Новгородской области, т. к. край этотъ былъ вдали отъ боевого пути и главнаго района дѣйствій русскихъ племенъ до — Московскаго періода. Интересно, между прочимъ, что въ Кинешемскомъ уѣздѣ (напр., с. Волскѣ-Волжское (?) и въ другихъ) донныя сохранились, по монимъ наблюденіемъ, все шипящія (*ж, ч, ш, щ*) мягкими, а самое названіе Кинешма (финск.) перешло въ »Кимешна«. Вотъ, еслибы у А. Печерскаго былъ сохраненъ и звуковой обликъ языка Ветлужскаго и Керженскаго края, то мы имѣли бы въ своемъ распоряженіи и этотъ матеріалъ, дополняющій картину быта и типъ жителя данной мѣстности, но, конечно, въ художественномъ романѣ сохранить полностью звуковую сторону мѣстнаго говора нельзя. Зато отраженіе древности въ лексикѣ, въ тонической сторонѣ языка и въ формальныхъ нѣкоторыхъ особенностяхъ его представляетъ само по себѣ глубокой интересъ для лингвиста, и при

сопоставленіи словарнаго матеріала, извѣстнаго въ русскихъ говорахъ этого края, съ словарнымъ матеріаломъ южновеликорусскихъ говоровъ проливаетъ яркій свѣтъ на происхожденіе двухъ главныхъ нарѣчій »великорусскаго« племена отъ разныхъ русскихъ племенъ. Собравши весь лексическій матеріалъ изъ романовъ: »Въ Лѣсахъ« и »На Горахъ«, мы должны бы были подвергнуть его тщательной обработкѣ, освѣтивъ его данными русской діалектологіи въ связи съ данными исторіи русскихъ племенъ, — и эта паша работа еще ждетъ своей очереди. Въ настоящей же статьѣ своей мы, вслѣдствіе объявленныхъ намъ условій въ печатномъ приглашеніи участвовать въ Юбилейномъ Сборникѣ въ честь маститаго ученаго, патріарха славянской филологіи, глубокоуважаемаго учителя многихъ поколѣній славистовъ, И. В. Ягича, по необходимости должны ограничиться лишь указаніемъ на нѣкоторые вопросы, связанные съ нашей будущей работой по языку романовъ Андрея Печерскаго.

Для того, чтобы показать въ небольшой статьѣ, въ самыхъ общихъ чертахъ, то значеніе, которое представляла бы собой научная работа по языку романовъ Печерскаго, и дать хоть нѣкоторое понятіе объ обиліи лексическаго матеріала этого языка, мы приводимъ ниже для примѣра небольшую часть списка словъ, расположенныхъ въ алфавитномъ порядкѣ, словъ, извѣстныхъ по преимуществу въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ (частью даже діалектически) и неупотребительныхъ въ южновеликорусскихъ говорахъ. Возьмемъ нѣкоторыя мѣста изъ романа »Въ Лѣсахъ«. Съ самаго же начала романа мы узнаемъ особый складъ жизни »Заволжѣнъ«, знакомимся съ вопросомъ о географическихъ и природныхъ условіяхъ, которые наложили неизгладимую печать на характеръ, бытъ, занятія и языкъ жителя »Лѣсовъ« Ветлужскаго края. »Верховое Заволжье« — это старая, исконная Русь, »кондѣвая«, т. е. хвойно-лѣсистая. (»Кѣнда« — слово неизвѣстное ювр. говорамъ.)

Готовый лѣсъ, удобный для всякаго древодѣлія, обусловилъ собой занятіе »заволжѣнина« среди чернаго и краснаго »раменья« (= лѣса; слово это извѣстно только въ лѣсномъ пространствѣ влкр. губерній съ переселенцами изъ сѣвера). Лѣса »Чернорамѣнскіе« (лиственныхъ породъ) давали Костромичу и Нижегородцу Семеновскаго уѣзда, рядомъ со строевымъ матеріаломъ лѣса »кондѣваго«, еще и матеріалъ для всевозможныхъ деревянныхъ издѣлій, которые называются »горѣнщиной« (по преимуществу деревянная посуда и утварь. См. ниже); а развившаяся при мѣстныхъ природныхъ условіяхъ (среди лѣсовъ и »чарусь«. См. ниже) предприимчивость костромича сдѣлала изъ него и шаповала и сукновала: онъ валетъ »поѣрокъ«, вяжетъ вѣреги и дѣлаетъ чуть не на всю Россію »вѣсовыя коромысла«. Словомъ,

извѣстенъ, какъ мужикъ »досу́жій«: »Заволжа́нипъ — не лежебокъ, чело́вкъ досу́жій: чего земля не дала, умѣнемъ за дѣло взятыя беретъ«. Срв. слова: ва́режка, поярковая шляпа, дося- гать-досу́жій и современное литературное значеніе послѣдняго слова: »празднѣй«, »свободнѣй«: досу́гъ = свободное время. Лѣса́ заволжа- нина кормятъ: живетъ заволжанинъ хотъ въ трудѣ, да въ достаткѣ. Съ изстари за Волгой мужики въ сапогахъ, бабы въ котáхъ. »Лаптей ви- дѣмъ не видано, хотъ слыхѣмъ про нихъ и слыхано«. Срв. литературное произношеніе: видѣ - ви́да - ви́ду - ви́дамъ. Но: »въ видѣ« и »въ видѣ«; а во мн. числѣ діалект. (свр.): виды́-видѣвъ-ви́дамъ и т. д. при литературномъ: ви́ды - ви́довъ - ви́дамъ и проч. Срв. серб. (съ сокращеніемъ?): ви́д-ви́да, при діалект. ви́д-ви́да. Быть можетъ, рус. діалект. ви́дъ - ви́да - ви́домъ - ви́ды́ - ви́дахъ и под. при сравненіи съ рус. литературнымъ ви́да-ви́домъ и под. окажется болѣе древнимъ по ударенію. Срв. болг. ви́дѣт. Срв. выше: слыхѣмъ. Вообще, особыя названія частей избы, утвари, кушаньевъ, красокъ, рыбъ, костюмовъ, вѣтровъ и прочихъ подробностей быта и мѣстной природы у костромичей въ связи съ особыми удареніями во многихъ словахъ (Напр., серебро, Пони́зовье, краси́тъ, крашѣннѣй, тѣбло, работáтъ, зáразъ и мн. др.) могли бы во многихъ отношеніяхъ пополнить знаменитый Сло- варь Даля и содѣйствовать опредѣленію взаимоотношеній великорусскихъ говоровъ по даннымъ ударенія и лексики. Срв. »крашѣная посуда«; крыша краси́тся краснымъ »червлякѣмъ«. »Намѣлвка« = молва. »Припѣнъ« = (пена?) = барышъ. »Пѣставка«, »дѣставка« (такъ и въ Каз. губерніи). »Скѣбленнѣй«, »спáсееньє« и мн. др.

Вотъ эта задача и будетъ занимать насъ въ особомъ подготовляе- момъ нами трудѣ. Теперь же въ видѣ примѣра я прилагаю ниже часть списка словъ съ ихъ объясненіями и указаніемъ мѣстности употребленія ихъ, кромѣ Ветлужскаго края.

А.

Азѣмъ-пальто валеное (Каз. губ.).

Б.

»Рѣзалъ изъ баклушъ ложки«. Баклуша — чурка, приготовленная для точенія. Негодная часть дерева-зѣболонь — не идетъ для вы- дѣлки. Срв. »бить баклуши« = бездѣльничать, бесполезно тратить время. Въ Костр. и Нижегород. губ. = зѣболонь, горбылі́ и болванъ, приготовленный для выдѣлки на токарномъ станкѣ.

Болотистый. Сѣв.-вост. Въ литер. болѣтистый.

- ›Живу я ровно божедѣмъ въ скудельницѣ‹ = призраваемый ради Бога для работъ на кладбищѣ изъ милости въ сторожкѣ. Сѣв.-вост.
›Бужепіны косякъ сварить‹ = свинины. Костр. Ниж.

В.

- ›Вари большія: ведеръ по сороку‹ = мѣры большой вмѣстимости, жбаны, въ которыхъ варятъ пиво или чиб. другое. Сѣв.
›Вожжи ворбвинныя‹. Срв. веревка. Арх. Олон. Костр. Ниж.

Г.

- Горѣнщина — деревянная посуда и утварь. Костр. Ниж.
Головщица — главное лицо на клиросѣ. Сѣв.-вост.
›Одно гребтѣтъ на умѣ‹ — вертится на умѣ, залегло.
›Спокойнѣй спитса, какъ ни по комъ не гребтѣтся‹ = не думается, не грезится. Сѣв. Костр.

Д.

- ›Довѣдится‹ = приходится. Каз.
›Поѣхали путники въ двойхъ саняхъ‹.

Ж.

- ›Жемкѣвъ (= пряниковъ прессованныхъ) купить‹. Сѣв.-вост.

З.

- ›Денегъ ни у кого не займовалъ‹. Срв. ›работниковъ наймѣете‹.
›Мнѣ нельзя этимъ займоваться‹. Сѣв.-восточн. губ.
›Мужикъ занѣсливый‹ = горделивый, горячій. Литер. занѣсчивый.
Срв. ›онъ занѣсится‹, ›занѣсса‹. Сѣв.
›Лѣсники въ зимницы ѣздятъ‹ = зимнее пристанище лѣсныхъ промышленниковъ. Костр.

И.

- ›Заревѣла въ источникъ голосъ‹ = отчаянный, безнадежный, послѣдній. Свр.

К.

- ›Въ кѣзны игралъ да въ городкѣ‹ = бабки. Сиб. Казан.
›Кѣндѣвые пріятели‹ = крѣпкіе, исконные, коренные. Срв. выше.
Арх. Влгд. Вят. Сиб. — кѣнда, кѣндовый.
›(По)кѣчиться бы тебѣ у Карпа‹ = попросить, толкнуться, попробовать попросить. Сѣв.-вост.
›Книгѣчѣй‹. Срв. др. рус. книгѣчин.

Л.

Ложки деревянные. Ихъ названія: боская, носітая, крестбвая, тбнкая, межеумокъ. Кстр. Ниж.-Сем.

»Ложкарить« = дѣлать ложки, заниматься этимъ ремесломъ. Кстр.-Нижегр.-Семен.

М.

»Манатю падѣну«. Манатя = мантия. Срв. харатя — хартія. Прил. харатѣйный, манатѣйный.

»Мшенпикъ«. Ряз. амшаник. Клѣтъ, теплый амбаръ, проконопаченный лехомъ.

»Въ мѣжень курица не напьется« = средній уровень воды. Середина какого-нб. времени года. Др. р.

Н.

»Земля неродимая тамъ: холодная, песчаная«. Срв. »родимый« = способный къ рожденію. Родимчикъ — болѣзнь отъ роду у дѣтей. Сѣв.-вост.

О.

»Облѣжится какъ-нибудь, и худая слава пойдетъ«. »Обложиться« въ сѣв.-вост. Россіи (и въ Казани) означаетъ: ошибиться, обмануться, запутаться въ дурныхъ дѣлахъ.

»Отятой«: »Сбилъ съ пути: совсѣмъ отятой«. Арх. отверженный, отъявленный. Срв. стрел. тати, тнж.

П.

»Подклѣтъ« — Нижняя часть избы, нижняя изба для рабочихъ, подъ хлѣвъ, для ложа новобрачныхъ. Сѣв.

»На плѣча кладу«. Срв. двойств. число плѣчи (ѣ) и мн. ч. плечя.

»Перестарка« — вышедшая изъ лѣтъ для замужества дѣвка. Сѣв.

»Молодецъ ты, паря!« Срв. парень; коря-корень и под. Сѣв.

Р.

»Рамѣнь« (красная, черная. Срв. выше: »Чернораменскіе лѣса«. Окрайна лѣса около чащи). Сѣв.-вост. губерніи. Срв. названія селъ и деревень въ лѣсистой части Россіи: Раменское, Рамѣнье и под.

С.

»Отъ сброка. недуговъ лѣчить«. Срв. им. п. ед. ч. сброкъ; по сороку и проч.

»Стброжкимъ быть«. Срв. стброжъ, на-стброжѣ быть и под. Сѣв.

»Супрядки начнутся«. — Посидѣлки, вечерипки, совмѣстное пряденье. Сѣв.-вост.

»Отточивая ставешокъ«. Кстр. губ. точеная чашка, миска, жбанъ.

У Даля слова въ этой формѣ нѣтъ в. в. ставить.

»Суковатка« = суковатая вѣтвь для развѣски валенокъ. Сѣв.

»Соробчины справимъ по покойникъ« = сорокоустъ, сороковой день послѣ кончины. Срв. по ударенію: сорокъ — сорока и сорока, но соробчины.

Т.

»Помочь, иначе тблока« — собраніе къ хозяину для дружной совмѣстной работы за угощеніе. У Даля — другое удареніе.

У.

»Урюкъ« — шептала, сушеный абрикосъ. Казань.

Х.

»Хизнулъ« = чахнулъ, увядалъ, сохъ, убывалъ (заволжскій промыселъ). Вят. Ниж.

Ч.

»Трясины съ окнами, вадьями и чарусами« — топь, болото. Арх. чарусá. Срв. въ Ряз.-Касим. село »Чáрусъ«.

Ш.

»Въ шабрáхъ проживемъ« = въ друзьяхъ, въ сосѣдяхъ. Ряз. »въ сябрáхъ«.

Шляпы (ихъ названія: »шляпóкъ«, »шпилéкъ«, »кашникъ«, »гречúшникъ«, »верхóвка«. У Даля в. в. не всё названія).

Щ.

»Щадровítъ« (-оспа побила) — рябой отъ оспы. Сѣв.-вост.

»Щепляной рядъ« = щепной (литерат.). Щепяную работу зовутъ »горинщиной« жители низкаго берега Волги. См. выше.

Этотъ списокъ, конечно, примѣрный: его можно было бы увеличить въ нѣсколько разъ, но и отсюда видно богатство лексическаго и діалектческаго матеріала въ романѣ Печерскаго »Въ Лѣсахъ«, и легко можно замѣтить, что словарь Касимовскаго говора (Рязанск. губ.) во многихъ отношеніяхъ ближе къ словарю сѣверно-русскихъ говоровъ, чѣмъ къ словарю средне-русскихъ (центральныхъ) говоровъ, — это новое доказательство заселенія сѣверной части нынѣшней Рязанской губерніи сѣвернорусскими племенами и сѣвернорусскаго происхожденія племени, населяющаго нынѣшній Касимовскій, за-Окскій край.

Казань, 17 мая 1907.

Евгеній Будде.

Co značí slova: »по закону римского двора« в надписех hlaholských breviářů chrvatských.

Jakkoli chudé a sporé jsou zprávy o podobě církevního Officia diocese Methodovy jakož i o knihách sv. Bratry k tomu konci pořizovaných¹⁾, poměrně velmi četné zachovaly se nám památky chrvatsko-hlaholské toho obsahu ze stol. XIII a násl. t. j. z doby rozkvětu církevního písemnictví hlaholského v Charvátech rozvinuvšího se po vydání dekretů papeže Innocence IV. (1243—1254), jimiž dovoluje užívati jazyka slovanského v liturgii biskupu Senjskému Filipovi, r. 1248 a Fruktuosovi biskupu Krěskému r. 1252 ve prospěch benediktinů Omišaljských na ostrově Krku.

Řečené knihy mívají rozličný nadpis; bývají nadepsány: Брѣвнѣль (Breviarium), матотиналь (Matutinale), псалтирь (Psalterium) podle rozličného obsahu: shodují se však v dodatku: »по закону римского двора«. Zdálo by se, že tato slova nevyjadřují jiného, leč že jde o knihy obřadu Římského-Západního; uvedený dodatek však určuje povahu našich knih mnohem blíže: i bude úkolem tohoto příspěvku k dějinám liturgických knih hlaholských vysvětliti smysl slov: »*secundum consuetudinem* (usum, ordinem) *Romanae Curiae*,« jimž odpovídá výše řečený nadpis slovanský.

První (nejstarší) breviář Vrbnický z konce stol. XIII neb počátku XIV jest nadepsán: Почет' чин' матотинала по закону римско-моу ежноу аплоу птра и павла цркве римскаго двора.

Hlaholský breviář v knihovně Vatikánské (sig. Illyr. 5): Почеткь чина бр'внѣла по зкноу римском ежноу птра и пела цркве римскаго двора.

Tamže kodex sign. Illyr. 6: Почетне салтира(!) по закону римскаго двора.

1) Srov. Legenda o Konstantinovi kap. XV. Fr. Pastrnek Dějiny slovanských Apoštolů Cyrilla a Methoda; str. 201.

Kodex Jihoslov. akademie Záhřebské (Kukuljevićovy sbírky č. 1): **Почетне чинь (!) брѣв'ѣла по зкноу римскаго двора бжнго птра и пѣла цркве.**

Tamže kodex Pažmanský sign. III b. 10: **Початне брѣв'ѣла по законъ римскаго двора. и бжнаго птра и пѣла цркве.**

Hlaholský kodex Národní knih. Pařížské (č. 11): **Почетне сал'тѣра (!) по закон римскаго двора (list 7 a).**

Breviář Baromićův: **Почетне брѣв'ѣла по зкноу римскаго двора (str. 65 a paginace hlaholské); podobně kodex Brozićův na l. 71: Почетне брѣв'ѣла по зкноу римскаго двора; atd.**

K uvedeným nadpisům sluší poznamenati, že vyjma dva poslední, jež odnáší se k prvotisku Baromićovu a kodexu Brozićovu, nespokojují se s pouhým přídavkem по закону римскаго двора, ale že přičiňují i slova бжнго птра и пѣла цркве a pod. Mám za to, že příčinu toho sluší hledati v okolnosti, že tyto knihy pocházejí z přechodní doby, ve které officium kurialní, o němž bude níže řeč, dosud neustálilo se zcela na úkor starého officia římských basilik sv. Petra a Pavla, tak že některé knihy spojují v jedno oba tituly officia basilikálního i kurialního, byť ne právem.

Podobně mimochodem připomínám, že přídavek по закону римскаго двора vyskytuje se i v nadpisech chrvat.-hlaholských misálů; tak na př. v kod. dvor. knih. Vídeňské č. 4; lycejni Lublaňské sign. C 162; knih. Vatikánské sign. Illyr. 8, v kod. Hervojevě a p. Zkoumati, na jakém základě dostala se tato slova i sem, vymyká se z mezí našeho pojednání; jest možno, že jde o pouhé mechanické napodobování titulů v breviářích. O slově breviář viz poznámku níže.

Předem sluší připomenouti, že církevní officium Římské, upravené papežem Řehořem I. Velkým (590—604) na základě muišského officia Benediktinského¹⁾, ve stol. XII bylo značně změnčno-zkráceno²⁾.

1) Sv. Benedikt (+ 543) patriarcha mnišstva na Západě vybudoval Officium pro své mnichy na těchto zásadách: 1. aby každý týden vyřikali všecek žaltář, a 2. každý rok přečetli celé Písmo sv. s výklady Oteů. Vedle officia nočního (*O. nocturnum*) rozdělil žalmy na sedmero hodin (*Horae*): *Laudes, Prima, Tertia, Sexta, Nona, Vesperae a Completorium*. Srov. Řeholi sv. Bened. Kap. 9, 16, 18.

2) Asi z této doby pochází obyčej označovati jménem *Breviarium* to, čemu dříve říkali *Ordo Officii* t. j. knihu obsahující všecek text Officia, ovšem že zkrácený. Dříve slovem *Breviarium* (*Breviarius*) rozuměli pouhý seznam či ukazatel textů, jež sluší říkati v určité dny — tedy asi to, čemu dnes na Západě říkáme *Directorium Officii*, kdežto text sám byl obsažen v knize: *Ordo officiorum per totam anni decursionem (Cursus)*. Srov. *Baümer Suibert, Geschichte des Breviers*, Freiburg 1895, str. 337, 599 a násled.

Někteří liturgisté (Gueranger, Thalhofer) připisují toto zkrácení starého officia Římského papeži Řehoři VII (1073—1085)¹); jiní však (Battmer) právem s tím nesouhlasí, přisuzující papeži Řehořovi VII. snahy zcela opačné t. j. návrat k officiu starému, jež bylo mnohem delší. Jakkoli však věci se mají, jisto jest, že ve XII století dle svědectví Abaelardova (1140) jediná lateranská basilika zachovávala staré officium Římské, kdežto ostatní chrámy řídily se novým officiem opraveným. Abaelard staví zřejmě Officium Basilicae Romani Palatii (t. j. papežské kaple uvnitř paláce lateranského) proti officiu Basilicae Lateranensis (S. Salvatoris) t. j. patriarchální basiliky lateránské sv. Spasitele²). Opat Battmer uvádí příčiny, pro které došlo k změnám a zkrácení officia i přese vsi snahu Řehoře VII., obnovitele starých tradic ctihodných, jež mnoho utrpěly ve stol. X a XI za vlády slabých papežů papežskému stolci vnucených vládci německého původu.

Obřad římských pobožností totiž měl povahu více méně *místní*, vázán jsa na tu neb onu basiliku dle ceremonialu přesně sestaveného, kterýžto ráz tak hluboko zasahoval do pobožností samých, že na mnohých místech na př. v Mohuči, Trevíře, Besançoně a j. stavěny byly chrámy z úmyslu tak, aby v nich mohly býti pobožnosti římské *nápodobovány*. Avšak od času papeže Eugena III. (1145—1153) ve 42 létech strávili papežové v Římě pouze as 7¹/₂ roku; papežský dvůr neměl stálého sídla zdržuje se brzy v tom, brzy v onom městě francouzském neb italském, čehož přirozený následek byl, *že sám papežský dvůr byl nacen opustiti staré tradice v příčině officia, a že se vyvinul poněkud nový řád, nový obyčej či ritus (consuetudo) Capellae Papalis*. A jestliže officium dvorní kaple papežské lišilo se od officia patriarchální basiliky lateránské již před papežským exilem, za těchto okolností rozdíl čím dále rostl a se utužoval; ostatně i v Římě samém nepřítomností papežovou staré tradice v téže příčině velice as ochably (Battmer l. c. str. 316 a násl.).

Teprvé za nástupce Klimenta III. (1187—1191) t. j. za papeže Coelestina III. (1191—1198) staly se opět pokusy navrátiti officiu bývalou podobu, *avšak marné*. Dlouhou řadou let ustálený obřad papežské

1) V. Thalhofer, Handbuch der kath. Liturgik; Freiburg 1890. Díl II, str. 371. — Gueranger ve svých Instit. liturg. I, 288 ss. (2. vyd.) tvrdí: Saint Grégoire VII. abrégé l'ordre des prières et simplifia la Liturgie pour l'usage de la Cour Romaine . . . La réduction de l'Office divin, accomplie par saint Grégoire VII., n'était destinée, dans le principe, qu'à la seule Chapelle du Pape. U Battmera l. c. str. 304.

2) „Antiquam certe Romanae Sedis consuetudinem nec ipsa civitas (Romae) tenet, sed sola Ecclesia lateranensis, quae est mater omnium, antiquum tenet officium, nulla filiarum suarum in hoc eam sequente, nec ipsa etiam Romani Palatii Basilica.“ Migne P. L. CLXXVIII, 340 B. C.

kaple stal se rozhodujícím a směrودavným činitelem v dějinách officia Západní církve, *officium Capellare* čili *Consuetudo Capellae Papalis*, kteréž bylo kratší nežli officia ostatních Římských basilik — *Officium Romanum abbreviatum* — pomenáhu opranovalo, a my se s ním setkáváme i v našich památkách *chroatsko-hlaholských*, jež nesou nadpis по закону римского двора. Z nařízení papeže Mikuláše III. (1277—1280) přijaly Breviarium Curiae i ostatní chrámy Římské, a když papež Řehoř XI. (1370—1378) zavázal i kanovníky basiliky lateranské, která houževnatě lpěla na svém starobylém obřadu, aby i oni k vůli jednotě přijali a zachovávali ordinem Capellae papalis, tento *ordo Curiae sive Capellae papalis* stal se zároveň *mos Sanctae Romanae Ecclesiae* a tím i vzorem ostatním¹⁾.

K doplnění této stati nezbyvá leč podati obraz takového breviáře Římské kurie, ku kterémuž konci vyvolil jsem kodex Pažmanský ze stol. XIV, jehož rozdělení a uspořádání úplně srovnává se s popisem latinských kurialních breviářů nesoucích nadpis: *Incipit Breviarium secundum consuetudinem (usum, ordinem) Romanae Curiae*²⁾.

Jakož pověděno, jest nadepsán tento kodex: Початие бривіала по законъ римскаго двора. и бжнаго птра и пела цркве. (1 b); na l. 1 a čteme některé obecné texty, často opakující se Absoluce a Responsoria při Čteních a p. pod záhlavím: Б^г и мѣ бжне я мнѣ. Поченемо (!) ѿрѣшениа к' чтениѣмъ (!) кже сице држет се чркѣ' в'се лѣто.

Vlastní text počíná listem 1 b tak zvaným *Propriet de Tempore* od první neděle adventní do poslední po sv. Duchu, a nese nadpis Б' првоу соботоу ѿ пришаства (l. 1 b—179 b).

Od l. 179 b—181 b čteme *rubriky* — Сказ' ѿ чина по законъ римски како е држати.

Následuje *Proprium Sanctorum* od l. 181 b—284 b nadepsané: Б^г и мѣ исхво я мнѣ (!) Почетие слоужабѣ ѿ стцѣ по все лѣто.

Dále: *Psalterium dispositum per hebdomadam* s písněmi a hymnami, většinou z Písma sv., počínajíc hodinou Jitřní v neděli: Ютрна в ндлю; l. 285 a—358 b.

Od l. 359 a—361 b jest tu úplné *Calendarium* s některými záznamy, jež k vlastnímu textu nepatří, na l. 362.

1) Ut membra capiti se conforment, praesenti institutione decernimus, quod tam nocturnum, quam diurnum in Lateranensi Ecclesia cum nota dicatur iuxta rubricam, ordinem sive morem sanctae Romanae ecclesiae seu capellae domini nostri Papae. (*Constitutiones Lateranenses cap. 1*) Ballmer l. c. str. 321.

2) Srov. Ballmer l. c. str. 331.

Poslední část tvoří *Commune Sanctorum* od l. 363—401 b od officia Apoštolů — На рождѣннѣ апам' — obvyklým pořadem do off. sv. děv a žen. Dodatek novějších officí (l. 402—411) ukončuje knihu.

Na konci budiž připomenuto, že kodex Pažmanský odpovídá latinským breviářům Římské kurie nejen co do rozčlenění, ale i co do obsahu; dovolím si doložit toto tvrzení několika příklady.

Kdežto ještě mnohé kodexy blaholské i ty, které nesou nadpis по закону римского двора, obsahují bohatá čtení z knih Písma sv. (na př. Novljanský celou knihu Jobovu, Vidův celou Ruth, Vrbnické téměř celého Ecclesiasta a p.), podává kodex Pažmanský čtení velice stručná. Tak na př: z knihy *Prísloví* toliko 26 veršů první hlavy (l. 163 b—164 a), kdežto v kodexe dvorní knih. Vídeňské (č. 3) čteme až na malé mezery více než 14 hlav z téže knihy (l. 350 b—361 a); z knihy *Ecclesiasta* jest tu pouze 13 veršů první kapit. (l. 164 b—165 a), v kodexe Vidově hl. I.—XI. (l. 361 a—368 b); z knihy *Moudrosti* 16 veršů hlavy I. na l. 165 a—b, kdežto u Vida jakož i v brev. Vrbnických máme celých šest kapitol; z *Ecclesiastika* konečně pouze 15 veršů hlavy první (l. 165 b—166 a) a u Vida více než 5 hlav. Z uvedených příkladů jest na jevě, že kodex Pažmanský jest mezi chrvatsko-hlaholskými breviáři *ezor breviáře kurialního* s officii velice zkrácenými, v kteréž příčině nevyrovnejí se mu z ostatních, pokud mi známo, leč kodex Baromicův a Brozicův.

Josef Vajs.

Die Reflexe von ϵ a in den slavischen Lehnwörtern der ungarischen Sprache.

Als ich nachzuweisen suchte, daß das ung. *zabola* »Gebiß« aus einem **zobalo* stamme, also nicht auf eine Bildung aus *zabъ* zurückgehen könne, hatte ich Verlassung darüber zu sprechen, was wir einem slav. a gegenüber im Ung. zu erwarten haben. Bei dieser Gelegenheit berührte ich auch schon ganz kurz, daß ich in Fällen wie *szűszék* »Kornkammer«, *gűzs* »Wiede, Weidenband«, *pók* »Spinne«, *pözna* »große Stange, Wiesenbaum« Verlust eines Nasals im Ung. annehme, bei Erklärung dieser Wörter also von *sűszékъ*, **gűzъ*, *paqkъ*, *paqzina* ausgehe, s. Arch. 25:572¹). Ob diese meine Auffassung richtig ist oder nicht, war in dem Zusammenhang, in welchem ich die Sache damals berührte, ganz gleichgiltig, nunmehr komme ich darauf wieder zurück und suche meine Ansicht im Zusammenhang mit den Reflexen von ϵ näher zu begründen. Ich fange mit dem bei der Besprechung von *zabola* nicht erwähnten Reflexe von ϵ an, einmal um das dort gebotene Material nach dieser Seite hin zu ergänzen, vor allem aber, um einen sichern Ausgangspunkt für den Verlust des Nasalen im Ung. selbst zu gewinnen.

Als Reflex von ϵ ist im Ung. zunächst *-en-* zu erwarten, so heißt es denn noch heute *gerenda* »Balken« < *gręda*, *lencse* »Linse« < *lęsta*²), *rend* »Ordnung« < *ređъ*, *szent* »heilig« < *svęto*, *szerencse* »Glück« < *sъrešta*. Isoliert steht *péntek* »Freitag« < *peťokъ* da mit seinem *én*; denn das von Miklosich angeführte (offizinelle) *męnta* »Krausemünze, das übrigens mit *męnta* (\ddot{u} Bezeichnung für geschlossenes e) wechselt, ist nicht slavisch, sondern lateinisch, und ob die mit *bledъ* zusammen-

1) In dem Zitat Zeile 9 bitte ich »S. 227« in S. 277 zu korrigieren!

2) Auf die Frage, ob sich das ung. *cs* in *lencse*, *szerencse* durch Metathesis aus bulg. *st* erklären läßt, oder ob von einem sloven. *lęca*, *sręca* (mit Nasalvokal!) ausgegangen werden muß und ob im Sloven. in diesen Fällen von Alters her ein \acute{c} gelautet haben kann, gehe ich nicht ein, sondern verweise auf meine Ausführungen in *Nęskoljko zamęč.* 4 ff. = *Izv.* VII: 4: 249 ff.

hängenden, nunmehr ausgestorbenen Wörter *beléndes* luscivus, luxuriosus, *beléndesség* libido fornicatio *beléndezkedik* fornicatur, moechatur mit Recht so gelesen werden, ist sehr fraglich, überdies konnte das auf **bléne* zurückgehende, noch heute lebendige *belénd*¹⁾ »hyoscyamus niger, Bilsenkraut« leicht umgestaltend auf diese Wörter gewirkt haben²⁾.

Wenn wir nun an Stelle eines *e* an und für sich schon im Ung. in erster Linie ein *-en-* zu erwarten haben, um wie viel mehr haben wir Ursache einem **mésarə* gegenüber *-en-* mit kurzem *e* zu erwarten, gibt uns doch keine einzige slav. Sprache ein Recht anzunehmen, daß im Slavischen gerade in diesem Worte das vokalische Element von *e* gedehnt gesprochen worden wäre. Man darf demnach mit voller Sicherheit behaupten, daß das ung. *mészár-* (noch erhalten in *mészárszék* »Fleischbank«) resp. das mit einer ung. Bildungssilbe versehene *mészáros* zu dem gedehnten *é* erst durch einen im Ung. selbst abgelaufenen lautlichen Vorgang gelangt ist. Daran aber, daß das ung. *mészár-*, *mészáros* ursprünglich mit einem Nasal gelautet hat, also auf eine mit *e* gesprochenen slav. Form zurückgeht, kann man vernünftigerweise nicht zweifeln, haben wir doch zahlreiche Belege dafür, wenn auch nicht in dem Appellativum, so doch in dem überaus häufigen Namen *Mészáros*, dessen Identität mit dem gleichlautenden Appellativum natürlich nicht weiter bewiesen zu werden braucht (vgl. den deutschen Namen *Fleischer*). In diesem Namen kommt bis auf den heutigen Tag die Schreibung mit *n* vor: 1438 Johannes *Menzaros*, 1453 und 1457 Georgius *Menzarus*, 1520 Luca *Menzaros*, kürzlich ist nicht bloß aus 1809, sondern sogar aus einem Adressenbuch von 1900 die Schreibung *Menszáros* nachgewiesen worden, s. Magyar Nyelvőr 35: 485 f. Nun haben wir es hier allerdings zunächst überall nur mit einer Schreibung zu tun, doch wenn der Ausgangspunkt und der Endpunkt sichergestellt werden kann, so dürfte es nicht schwer fallen zu ahnen, was für einen lautlichen Vorgang wir hier vor uns haben. Die alten Schreibungen *Menzaros*, *Menzarus* lassen sich allerdings ebensowohl *Ménszáros* als *Menszáros* lesen, auf die Aufzeichnungen von 1809 und 1900 aber läßt sich gar nichts aufbauen: eine altertümliche Schreibung erhält sich eben sehr leicht in Familiennamen selbst bei teilweiser Modernisierung derselben;

1) Melius Herb. 64 noch *belén*.

2) Unter den 11 Belegen, welche wir in dem hist. Wtb. finden, werden diese Wörter zehnmal mit einfachem *e* ohne jedwede Bezeichnung der gedehnten Aussprache geschrieben, nur einmal finden wir *belyndes* d. i. *belindes*, was sich wohl daraus erklärt, daß das Bilsenkraut *belénd* und *belind* heißt und gerade diese Adjektivbildung auch aus dem Pflanzennamen vorkommt: *beléndes* »hyoscyaminus« resp. »aus Bilsenkraut« in den alten Wörterbüchern.

für die Wissenschaft ist das auch ganz gleichgültig, wie die aus 1900 erwähnte Familie »Menzáros« das -en- in ihrem Namen spricht, wer bürgt uns denn dafür, daß die Aussprache auf einer ungetrübten Tradition beruht. Den sicheren Ausgangspunkt bieten uns aber im Zusammenhang mit der vielfach beglaubigten ung. Überlieferung, wonach das ung. *mészáros* ursprünglich mit einem Nasal gesprochen wurde, die slavischen Sprachen, die auch nicht den geringsten Zweifel daran übrig lassen, daß die Form im Ung. ursprünglich nur *menszáros* mit kurzem *e* vor *n* gewesen sein konnte. Ebenso sicher ist der Endpunkt: das kurze *e* ist, sei es nun noch bei deutlich gesprochenem *n* oder bei schon unvollkommen gebildetem Nasal oder als Ersatz des vernachlässigten Nasals im Moment der Vernachlässigung, im Ungarischen zu *é* gedehnt worden! Wer eine andere Erklärung für möglich hält, kennt eben die slavischen Sprachen nicht, von denen doch ausgegangen werden muß und ohne deren Kenntnis man sich überhaupt nicht an die Lösung der Fragen wagen sollte. Keine sehr glückliche Idee war es, die neulich ein junger ung. Forscher vortrug: »Ich glaube, meinte er, es ist auch gar nicht im Ung. aus *menszáros* *mészáros* geworden, sondern die zwei Formen sind zwei verschiedene Entlehnungen aus slovenischen Mundarten«. Magyar Nyelvőr 35 : 486. Die übertriebene Betonung des Slovenischen, die bei uns seit einigen Jahren geradezu Mode geworden ist, seit Melich möglichst viel aus dem Slovenischen erklärt, unter dem er ohne weiteres auch das ganze Kajkavische versteht, wird, ich bin davon fest überzeugt, auch für die Slavistik ihre guten Früchte tragen; man wird sich um das Slovenische, in erster Linie um die noch so gut wie gar nicht erforschte Sprache der ungarischen Slovenen, dann aber auch um das Kajkavische mehr als bisher kümmern müssen, und manche Lücke in unserm Wissen wird dabei nicht nur bloßgelegt, sondern, so hoffe ich, mit der Zeit auch ausgefüllt werden; denn bei all den Fragen handelt es sich um so feine Unterschiede, besonders auch um Quantitätsunterschiede, daß wir mit unsern gewöhnlichen Hilfsmitteln schlechterdings nicht mehr auskommen. Aber wenn jemand eine solche Behauptung, wie die obige, aufstellt, so sollte er sich doch erst nach den »slovenischen Mundarten« umsehen, aus denen einerseits ein ung. *menszáros*, andererseits ein *mészáros* erklärt werden kann. Ich kenne keine slovenische Mundart, überhaupt keine slavische Sprache, aus der die Form *mészáros* direkt hätte entlehnt werden können und ich halte das für ein wahres Glück, sonst kämen wir zu einem ganz seltsamen Schluß, der leicht den ganzen Ernst unserer Forschung gefährden könnte. Denn was mutet uns eigentlich der junge Mann zu, welcher *menszáros* und

mészáros für zwei vollkommen verschiedene, seltsamerweise aber doch immer noch slovenische Entlehnungen erklärt? Nichts Geringeres, als daß die Ungarn von den Slovenen die eine Form entlehnt hätten, um sie als Personennamen zu verwenden, die andere aber, um sie als Appellativum zu gebrauchen, und das zu einer Zeit, wo Personennamen und Appellativa noch in einer ganz andern Weise identisch waren als heutzutage!

Aus der ung. Lautgeschichte läßt sich nicht mit Bestimmtheit entnehmen, ob *mészáros* aus einem noch mit deutlichem *n* aber schon gedehnten *é* gesprochenen *ménszáros* entstanden ist oder ob die Dehnung auf irgendeiner Stufe der Verflüchtigung des Nasals stattgefunden hat, wir können nur konstatieren, daß im Ung. *n* sehr wohl auch erst nach einem schon deutlich vernehmbaren langen *é* verloren gehen konnte: *pénz* Geld (< *pénezb*) wird vielfach *péz* oder *piz* gesprochen, *kénszerít* »zwingt« erscheint in den alten Sprachdenkmälern häufig in der Form *készerít*, aus *tekintetes úr* »wohlgeborener Herr« wird *tens téns* und *tés úr*.

Ich gehe zu einem andern Worte über, aus dem sich meiner Überzeugung nach ebenso zwingend der Schluß ergibt, daß im Ung. slavische Lehnwörter den Nasal mit Dehnung des vorhergehenden Vokals verlieren können, ich meine das dialektische *tézsola-tézsola*, womit man die Ziehstange am Pfluge und Egge oder aber die an die Deichsel gehängte Stange benennt, woran das vordere Paar Ochsen zieht. Die ungarischen Formen lassen im Lichte der aus den slavischen Sprachen uns bekannten Tatsachen gar keinen Zweifel darüber übrig, daß das Wort nur aus einem **težalo* entstanden sein kann, und wir können auch hier wieder mit vollkommener Sicherheit feststellen, daß dem slav. *ę* im Ung. zunächst *en* entsprach und daß das am häufigsten belegte *tézsola-tézsola*, mit *é*, durchaus nicht etwa aus einer slav. Form ohne nasalen Nachklang zu erklären ist, sondern erst auf ung. Boden entstanden ist¹⁾. Das nur dem Landwirt bekannte Wort hat sich einer allmählichen Ausgleichung über das ganze Land, wie wir sie bei *mészáros* zu beobachten Gelegenheit hatten, glücklich entzogen, die verschiedenen Stufen der Entwicklung leben noch heute in verschiedenen Gegenden nebeneinander: das älteste *tenzsola*, das schon die Dehnung zeigende *ténzsola* und das aus letzterem entstandene *tézsola-tézsola*. Zu der Annahme eines aus *težati* (mit der ursprünglichen Bedeutung: »ziehen«) gebildeten ab. **težalo*

1) Ich verfolge hier bloß die lautliche Entwicklung der ersten Silbe, über slav. *-alo* > ung. *-ola -la* verweise ich auf das im Arch. 25: 570 Gesagte.

in der Bedeutung des ung. Wortes gäbe schon die Übereinstimmung von p. *ciężadło* »Deichsel«, böhm. *tězadlo* »Ziehstange am Pfluge« und slovak. *ťažadlo* (nach Mičátek: дышло у плýга; дышло перéднее (для перéдней páры лошаде́й) nach Bernolák: temo, pertica, iugalis, temosula, histo-boë: Jochdeichsel, Jochstange: *tésla*, *tésla-rúd*¹⁾) im Verein mit den ung. Formen eine sichere Grundlage, aber schwerwiegender als alles das ist rumänisch *tinjeálă-tinjală* (*j = ž!*) »Vorderdeichsel, Deichselansatz«. Daß aber das ung. *tészla-tézsola* nicht etwa aus einer slav. Form ohne nasalen Nachklang erklärt werden kann, daß es nur als eine Weiterentwicklung von *tenzsola-ténzsola* betrachtet werden darf, also auch auf **težalo* zurückgehen muß, ist leicht nachzuweisen, obwohl wir in den slavischen Sprachen, welche hier in Betracht kommen können, nichts Entsprechendes finden. Nur im Slovenischen kommt in Obersteiermark dieselbe Bildung aus *težati* vor; *težalo* (bei unsern Slovenen würde das Wort *težalo* lauten, es scheint aber nur *težilo* — vgl. bei Pleteršnik *težilo* — üblich zu sein) »dasjenige, womit man etwas beschwert, das Gewicht«; dem Ursprung nach ist dies Wort natürlich genau dasselbe (der Begriff »schwer« wird ja im Slavischen als das, was »zieht« aufgefaßt) und beweist wenigstens soviel, daß das ung. *tészla* mit seinem langen *é* nimmermehr aus einer slovenischen Form hätte werden können. Ebenso gut ist die Länge des *e* im Kroato-Serbischen ausgeschlossen, wir haben nur das Recht ein **težalo* resp. im Štokavischen ein **těžalo* voranzusetzen, vgl. Leskien, Arch. 21: 330 und *Quantität und Betonung* 91—93. Es liegt also gar keine Möglichkeit vor *tészla-tézsola* anders als aus einem älteren *tenzsola* resp. aus einem daraus entstandenen *ténzsola* zu erklären und wir gewinnen hiermit abermals einen unumstößlichen Beweis dafür, daß aus einem noch erhaltenen slav. Nasalvokal im Ung. selbst sehr wohl ein langer Vokal sich entwickeln konnte mit allmählichem Verlust des ursprünglich die nasale Expiration ersetzenden nasalen Konsonanten.

Bisher haben wir einen derartigen Verlust und zwar den Verlust eines *n* an je einem slavischen Lehnworte vor *sz* (alter Personennamen *Menzáros: mézáros*) *z* (Schriftsprache *pénz*: weit verbreitete Aussprache *péz* und *píz*) und *zs* (vereinzelt *tenzsola* und *ténzsola*: gewöhnlich *tészla-tészla*) beobachtet. Gestützt nun auf die unleugbare Tatsache, daß ein Nasal vor einem *sz*, *z*, *zs* mit Dehnung des vorhergehenden Vokals

1) Bernolák identifiziert also die Bedeutung des slk. Wortes mit der des ung.: *tésla* ist veraltete Schreibung für *tészla*, *rúd* »Stange, Deichsel« (vgl. auch *kocsirúd* »Wagenstange, Deichsel«) ist in der speziellen Bedeutung auch in einige slav. Sprachen übergegangen.

schwinden konnte, hatte ich behauptet, daß ung. *szűszék* ›Kornkammer‹, *gűzs* ›Wiede, Weidenband‹, *pűzna* ›große Stange, Wiesenbaum‹ auf slavische Formen mit *q* zurückgehen können. Dagegen bemerkt Melich: ›Daß auch *szu-szék* nicht aus ursprünglichem ung. **szomszék* entstanden ist, dafür ist der beste Beweis *szomszéd*, aus welchem nicht **szuszéd* geworden ist, und doch haben die beiden Wörter in beiden Sprachen in genau ein und dieselbe Ideenassoziationsgruppe gehört.‹ S. *Szláv jövevényszavaink* I : 1 : 180. So ausgedrückt hat der Satz natürlich überhaupt keinen Sinn. Wie kann slav. *sąsédъ* mit *sąsékъ* oder gar ung. *szuszék* mit *szomszéd* in ein und dieselbe Ideenassoziationsgruppe gehören (›egy és ugyanazon képzettársulási csoportba‹)? Der Verfasser kann schlechterdings nichts anderes damit gemeint haben, als daß die lautliche Umgebung, in welcher sich hier *q* in beiden Wörtern befand, auf das allgeringste übereinstimmt und da muß man schon sagen, daß die Identität der Fälle gar nichts zu wünschen übrig läßt: in beiden Wörtern stand *q* zwischen zwei *s* und, um das Maß voll zu machen, folgte in beiden Fällen dem zweiten *s* ein *é*! Haben wir aber das Recht eine so überraschende Übereinstimmung der lautlichen Bedingungen auch für die ung. Wörter anzunehmen? Ich müßte lebhaft bedauern, falls ich selbst schuld daran sein sollte, daß Melich zu dieser durch nichts berechtigten Voraussetzung gekommen wäre. In meinem Aufsatz über ung. *zabola* ist allerdings zu lesen: ›*szűszék* und *gűzs* hätten demnach ebensogut aus einem alten **szomszék* und **gonzs* als aus einem **szumszék* und *gunzs* werden können.‹ Arch. 25 : 572, doch hätte M. leicht darauf kommen können, daß hier ein offener Druck- oder Schreibfehler vorliegt, hatte ich doch in einem gerade ihm gewidmeten Aufsatz kurz vorher geschrieben: ›So konnte aus asl. **sąsékъ* (wenn wir diesmal die strittige Frage, ob in dem von den Ungarn gehörten *q* nicht vielmehr ein *u-* als ein *o-*Element tönte, ganz bei Seite lassen) im Ungarischen **szonszék* — **szónszék* und nach dem häufigen Wandel von *ó* zu *ű* *szűnszék*, schließlich mit Verlust des *n* das heutige *szűszék* werden.‹ S. Magyar Nyelvőr 31 : 189. Dagegen könnte nun M. freilich einwenden, es sei ganz willkürlich anzunehmen, daß *sąsékъ* im Ung. durch die Form **szonszék* zu *szűszék* gelangt sei, wenn doch das ganz gleichartige *sąsédъ* zu *szomszéd* wurde. Man darf jedoch nicht vergessen, daß weder das vorausgesetzte **szonszék* das von den Ungarn gehörte slav. *sąsékъ* noch das wirklich gesprochene *szomszéd* das slav. *sąsédъ* genau wiedergibt, daß es sich hierbei um Aufnahme von Wörtern handelt, die einen der ung. Sprache fremden Laut enthielten, dessen Wiedergabe sehr wohl schwanken konnte, schwanken nach Zeit, Ort, individueller Disposition,

Anklang an dieses oder jenes einheimische Wort. Und da muß ich schon sagen, daß es ungleich schwerer halten dürfte zu erklären, wie aus einem slav. *sqsédv szomszéd* geworden ist, als wie *sqsékv* zu *szúszék* geworden ist. Denn im letzteren Falle kann ich mir Schritt für Schritt die Entwicklung erklären, *szomszéd* mit seinem *m* ist mir ein Rätsel! In den 20 Fällen, die ich Arch. 25 : 571 angeführt habe, finden wir dem slav. *q* gegenüber 14mal *on*, nur vor Labialen (*gorombu gomba szombat tompa csombor*) und in dem seltsamen *szomszéd* begegnen wir statt dessen einem *om*. Lautphysiologisch läßt sich die Sache kaum erklären; wir würden vor *sz* jedenfalls *on* erwarten, wie ja auch der Reflex von *hqsv* zunächst wahrscheinlich **konsz* lautete und dann erst zu *konc* wurde, und wie dem slav. *męsarv* zunächst *męszáros* entspricht. Wenn uns Melich hier von »Ideenassoziation« spräche, wenn er uns sagte, daß in dem *m* vielleicht Beeinflussung des fremden Wortes durch ein uns allerdings unbekanntes, verloren gegangenes einheimisches Wort vorliegen könne, so liebe sich das hören; ja er könnte sogar einen Schritt weiter gehen und uns sagen, daß auch die Umgestaltung von **szonszék* zu **szószék szúszék* durch »Ideenassoziation« beschleunigt worden sein mochte, klingt doch *szúszék* (*szú* »Holzwurm«, *szék* »Sessel, Stuhl«) so ganz ungarisch. Doch von »Ideenassoziation« mag ich überhaupt nicht reden, da ich ja überzeugt bin, daß sich M. nur ungeschickt ausgedrückt hat und daran gar nicht gedacht hat, und dann ist es auch eine mißliche Sache um solche Ideenassoziationen, wer kann ihnen folgen, und für *szomszéd* liegt ja auch gar kein greifbarer Anhaltspunkt vor. Aber daran halte ich fest, daß *sqsédv* und *sqsékv* von verschiedenen Individuen perzipiert, sehr wohl von Anfang an im Ungarischen in der ersten Silbe verschieden gelautet haben konnten, und daß diese Verschiedenheit bei vollkommen unabhängiger Weiterentwicklung zu dem uns nunmehr vorliegenden Resultat führen konnte. Wie *sqsév* zu der Gestalt *szomszéd* gelangt ist, wissen wir nicht, sie ist jedenfalls im höchsten Grad auffallend; denn das *m* können wir uns nicht recht erklären. Daß dagegen aus einem **szonszék* **szószék* werden konnte, das beweist das aus *męsarv* gewordene *Męszáros*: *mészáros*, und für den Übergang des *ó* in *ú* haben wir im Ungarischen einen Haufen Belege, ganz abgesehen davon, daß wir ja gar nicht wissen, ob der *o*-Laut in diesen Fällen nicht von Haus aus ein so geschlossener war, daß er im Falle der Dehnung, welche die geschlossene Aussprache steigerte, unmittelbar in *ú* überging, wissen wir doch, daß dem slav. *o* im Ung. *u* gegenüberzustehen pflegt und daß ung. *o* vielfach auf slav. *u* beruht, vgl. Arch. 25 : 571. Es ist demnach durchaus nicht notwendig, *szúszék*

resp. das daneben vorkommende *szuszek* aus dem Slovakischen zu erklären, wie es Melich tut¹⁾, ja rein lautlich ist das nicht einmal möglich; denn dem slk. *súsek* könnte nicht *szúszék* mit langem *é* entsprechen, während dies *é* der regelrechte Reflex von ablg. *é* ist. M. tut übrigens den Tatsachen Gewalt an, wenn er sagt: »Angesichts dessen, daß das Wort im Ung. in den mit den nördlichen slav. Sprachen sich berührenden Dialekten vorkommt, ist es wahrscheinlich, daß es aus irgendeiner dieser Sprachen her stammt.« Magyar Nyelvőr 31 : 102: diese Angabe betreffs der Verbreitung des ung. Wortes ist einfach falsch, wie sich jeder durch einen Blick in das von ihm genannte dial. Wörterbuch überzeugen kann.

Wenn nach den obigen Ausführungen es möglich ist, *szúszék* aus *sqsékó* mit noch erhaltenem Nasalvokal zu erklären, so liegt gar keine Schwierigkeit vor, auch *gúzs* »Wiede, Weidenband« aus **gqžb* (vgl. bg. *gqžb* und rm. *gínj* [*j* = *ž*!]) »Bastseil, Seil aus Ruten« zu erklären, da, wie *težalo*: (*tenzola*, *ténzola*) *tézsola* beweist, der Nasal auch vor *zs* verloren gehen konnte.

So wie für *pénz* »Geld« der Schriftsprache die Aussprache ohne *n* (*péz* und *píz*) weit verbreitet ist, so läßt sich auch *pózna* »große Stange, Wiesenbaum« sehr wohl auf ein **paqzina* zurückführen, und wir könnten versucht sein vermutungsweise als Zwischenstufen **páonzina* . . . **páúzina* **páuzina* **páyuzina* anzusetzen — *áy* wird stets zu *ó*. Freilich wenn wir die bunten Gestalten überblicken, die in den Dialekten neben *pók* »Spinne« der Schriftsprache erscheinen: *pank pánk ponk punk puk* und die doch alle auf ein *paqkó* werden zurückgeführt werden müssen und zu der eben aufgestellten Entwicklungsweise gar nicht stimmen wollen, so verliert man alle Lust in die Einzelheiten der uns sich entziehenden Lautentwicklung eindringen zu wollen.

Doch mit *pók* sind wir schon auf ein neues Gebiet getreten: wenn die fast über die ganze östliche Hälfte des Landes verstreuten Formen mit *n* die Erinnerung daran bewahren, daß das Wort von den Ungarn mit Nasalvokal gehört worden ist, wenn *pók* selbst kaum anders erklärt werden darf als aus *paqkó*, so finden wir hier den Schwund des Nasals unter uns bisher fremden Bedingungen, in der Stellung vor *k*. Daß wir *pók* deshalb nicht loszureißen brauchen von den Formen mit *n*, daß wir nicht etwa *pók* aus kr.-sb. *pauk* zu erklären und die so zahlreichen Belege mit *n* im Osten etwa für abgesonderte Entlehnung aus dem Bulg. zu halten haben, dafür spricht der Umstand, daß *n* auch vor *k* leicht

1) Er spricht allerdings nur im allgemeinen von den nördlichen slav. Sprachen, aber an eine andere Sprache als das Slovakische, kann dabei gar nicht gedacht werden.

unvollständig gebildet wird, ja ganz verloren geht. Ein schöner Beleg dafür ist das Wort *inkább* ›vielmehr, eher‹, das gerade in der westlichen Hälfte Ungarns, wo der Name der Spinne kein *n* enthält, in der Aussprache *ikább* bald hier bald dort auftaucht. Man könnte sich auch auf *munka* ›Arbeit‹ (< *mąka*) berufen, neben dem die Form *múka* dialektisch noch heute vorkommt und uns in einigen unserer Sprachdenkmäler konsequent entgegentritt, doch hat man sich auch da wieder dadurch zu helfen gesucht, daß man ohne Grund *múka* aus einer andern slav. Sprache ableitet als *munka*, vgl. Magyar Nyelvőr 35 : 486. Wenn man *múka* noch heute an der untern Drau findet und auch die Sprachdenkmäler, welche konsequent diese Form bieten, in diese Gegend weisen, so weiß ich nicht, ob man mit der kroato-serb. Nachbarschaft, wo doch *múka* resp. *mùka* gesprochen wird, viel gewinnt, auch verstehe ich nicht, wie die in der Nachbarschaft der Slovaken wohnenden ›Palócen‹ dem slk. *muka* ›Pein, Qual, Folter, Plage‹ zulieb aus einem *munka* ›Arbeit‹, das doch auch in der Bedeutung einigermaßen abweicht, hätten *múka* machen können, welches im Slovakischen ›Mehl‹ bedeuten würde¹⁾. Die einfachste, ja die einzig mögliche Erklärung scheint mir auch hier die zu sein, daß die Form ohne *n* sich im Ung. selbst aus *munka* entwickelt hat.

Ich will schließlich noch eine dritte Möglichkeit erwähnen für den Schwund eines *n* im Ungarischen: ich glaube sie für das vielumworbene *rocška* ›Holzgefäß mit einem Griff, einem Henkel (Milch-, Wasserkanne usw.)‹ annehmen zu dürfen. Neben dieser noch heute lebendigen und weit verbreiteten Form findet sich in zwei alten Denkmälern eine Form mit einem Nasal: neben *ronchyca*, einer Randglosse vom J. 1470, die Jagić in seinem grundlegenden Werke Zur Entst. u. Gesch. der ksl. Spr. II¹ erwähnt, finden wir auch in dem noch etwas ältern Schlägler Vocabular unter lat. *urna* ein *ronchica* verzeichnet. Zu derselben Zeit, wo ich darauf hinwies, daß wir gar kein Recht haben die beiden Formen voneinander zu trennen und darin zwei verschiedene Entlehnungen zu suchen, s. Nêsk. Zaměč. 19—21 = Izv. VII : 4 : 274—276, hat Melich die Form *rocška* für zweifellos slovenische Entlehnung erklärt: ›Das heutige *rocšku*, sagt er, kann wegen seines *o* statt des zu erwartenden *u* nur slovenisch sein.‹ Szláv jüvevényiszavak I : 1 : 7. Ich will mich nicht weiter darum kümmern, daß er dabei auch auf das ›*roncsika*‹ der zufällig in der Nähe der Slovenen gefundenen Németsjvárer Glossen hinüberschiebt und von dem *ronchica* des gewiß nicht in der Nähe der

8) Vgl. auch im Kajkavischen *múka* ›Pein‹, *múka* ›Mehl‹!

Slovenen geschriebenen Schlägler Vocabulars vorsichtig schweigt, sondern beschränke mich darauf noch einmal zu zeigen, wie wenig wir ein Recht haben zu behaupten, *rocska* könne nur slovenisch sein. Der Weg, den ich diesmal gehe, ist einfacher, als der in Néskolьko zaméčanj; ich bin nämlich seither darauf gekommen, daß wir dem slav. *račьka* gegenüber im Ung. *roncska* nicht bloß zu erwarten haben (vgl. *kričьma* < *kočьma*), sondern daß uns diese Form in den oben angeführten Aufzeichnungen *ronchya* resp. *ronchica* tatsächlich vorliegt. Daß dem »schwachen« ь gegenüber im Ung. kein Vokal zu erwarten sei, hatte ich zwar schon damals betont, doch irreführt durch eine langjährige Tradition las ich die betreffende Aufzeichnung, so wie sie bisher alle ung. Forscher gelesen hatten, *roncsika* und dachte in dem *i* einen Hilfslaut suchen zu müssen, der das schwer sprechbare *roncska* den Ungarn mundgerecht machen sollte. Nun ist es aber eine allbekannte Tatsache, daß der *č*-Laut in den alten ung. Sprachdenkmälern sehr häufig mittelst *chi* — *chy* bezeichnet wird, *ronchya* resp. *ronchica* kann also ohne weiteres auch *roncska* gelesen werden¹⁾ und da dies gerade die Form ist, welche zu erwarten ist, da die Erklärung eines **roncsika* Schwierigkeiten macht, da weiterhin das heutige *rocska* so in den allernatürlichsten Zusammenhang mit den beiden alten Aufzeichnungen gebracht werden kann, muß es so gelesen werden. Da nun aber *roncska* eine für den Ungarn etwas schwierige Konsonantenhäufung enthielt, so entstand daraus leicht *rocska*, so wie ja das Diminutivum von *ponty* »Karpfen« nirgends in einer andern Form belegt ist als *potyka*²⁾, obwohl kein Mensch bisher gewagt hat zu behaupten, *potyka* sei nicht aus **pontyka* rein lautlich

1) *Nyelvtudomány* I: 15 [1906], wo ich diese Ansicht zuerst ausgeführt habe, habe ich erwähnt, daß in dem Schlägler Vocabular, in dem wir die Aufzeichnung *ronchica* finden, das Wort *kecske* »Ziege«, das gewöhnlich (dreimal) *kechke* geschrieben ist, einmal als *kechya*(?) erscheint; daß in dem der Ausgabe des Schl. Voc. beigegebenen, fast gleichzeitigen Hortularium das Wort *vasmac-la* »Anker« (wörtlich: Eisenkatze) *vasmachya* geschrieben wird (das Schl. Voc. schreibt *machka* und *machca*). Einen weiteren Beweis hielt ich ung. Philologen gegenüber, denen solche Schreibungen zur Genüge bekannt sind, für überflüssig, hier will ich nur noch darauf hinweisen, daß in einem von Melich herausgegebenen alten Kronstädter (Kronstadt in Siebenbürgen = ung. Brassó) lat. ung. Wörterbuchfragment der *č*-Laut überaus oft mit *chi* — *chy* geschrieben wird, in einer einzigen Spalte lesen wir folgende Beispiele: *chyalardsagh* zweimal (l. csalárdság) astus, *chyatorna* (l. csatorna) canalis, *chyesze* (l. csésze) patera, *chionok* (l. csónak) barca, *chionokochyka* (l. csónakocska) barcella, *chyefol* (l. csűfol) alludo, s. Melich A brassói latin-magyar szótártörődék S. 12.

2) *Potyka* ist eine Bildung wie z. B. *lányka* aus *lány* »Mädchen, Tochter«. Daß *potyka* nicht mehr als Dem. empfunden wird, sondern dort, wo man es gebraucht, einfach das Stammwort ablöst, erklärt sich aus der veränderten Form.

entstanden. Ich habe mich, *Něsk. z.m.čt.*, noch auf die über das ganze Land verbreitete Aussprache *kocma* ›Wirtshaus‹ statt des steifen *korcsma* (< *króčma*) und auf das Nebeneinander von rumänisch *gînsac* (< *gînsak*) ›Gänserich‹ und *gîska* (< *gîsbka*) ›Gans‹ beruhen, neben welchen *gînsca* nur noch dialektisch vorkommt. Zu behaupten, daß *rocska* aus *roncska* lautlich nicht entstanden sein könne und slovenisch sein müsse, das geht absolut nicht an; zu behaupten, daß *rocska* aus dem Slovenischen stammen müsse, aber sehr wohl auch lautlich aus *roncska* hätte entstehen können, aber nicht entstanden sei, wäre ebenso gewalttätig als widersinnig, wird doch auch in dem Gebiet, wo das Schlägler Vocabular mit seinem *ronchica* doch wohl geschrieben worden ist, im Nordosten des Landes in slovakischer Umgebung, heute überall *rocska* gesagt und die nasale Form taucht überhaupt nirgends wieder auf, was auffallend wäre, wenn tatsächlich zwei verschiedene Formen, eine mit dem Nasallaut und eine ohne denselben entlehnt worden wären und wenn wir *rocska* nicht rein lautlich aus einem ältern *roncska* erklären sollen. Die einzige ungezwungene Erklärung der uns vorliegenden Tatsachen ist meiner Überzeugung nach die, daß *rqčbka* in der Gestalt *roncska* aufgenommen wurde und daß dies *roncska* uns in zwei Aufzeichnungen aus dem XV. Jahrh. noch tatsächlich vorliegt, daß sich aber daraus in sehr begreiflicher Weise das bequemere *rocska* entwickelte, welches sich bis auf den heutigen Tag erhalten hat. Da wir einem ab. *q* gegenüber in den slav. Lehnwörtern der ung. Sprache fast ausschließlich *on* resp. *om* finden (ich hatte Arch. 25 : 571 20 derartige Fälle verzeichnet!) und *rocska* ausgenommen nie wieder ein *o*, da wir neben diesem, auf den ersten Blick vielleicht überraschenden, weil ganz isolierten *rocska* in älterer Zeit ein *roncska* noch nachweisen können, aus welchem jenes *rocska* lautlich sehr leicht entstehen konnte; da wir es ferner durchaus nicht mit einem auf einem kleinen Gebiet, etwa in der Nähe der Slovenen, üblichen Ausdruck zu tun haben, so führen die Gesetze der Logik unerbittlich zu dem Schlusse, daß *rocska* gar nicht slovenisch sein könne, wenigstens gewiß nicht in dem Sinne, daß es mit *o* ohne Nasallaut in die ung. Sprache aufgenommen worden wäre, daß es vielmehr ohne weiteres in die ansehnliche Gruppe der zweifellos mit *q* aufgenommenen slav. Lehnwörter einzureihen ist.

Und nun sei mir gestattet, daß ich mein Wort direkt an den Mann richte, dem ja auch mein bescheidener Beitrag gewidmet ist und zu dem immer wieder meine Gedanken voll Liebe und grenzenloser Hochachtung hinüberflogen, während ich diese Zeilen niederschrieb. Verehrter Meister und teurer Freund! Ich habe in dieser kleinen Studie

abermals zu zeigen gesucht, wie wenig doch eigentlich die Slavisten ohne sehr eingehende Kenntnis der Geschichte der ungarischen Sprache den großen Schatz von Belehrung, der in den slav. Lehnwörtern unserer Sprache verborgen liegt, zu heben imstande sind. Wir ung. Sprachforscher sind nun in der allerletzten Zeit an einem Punkt angelangt, wo uns alle Weisheit, die in Büchern niedergelegt ist, nicht mehr recht genügen will, wir stehen vor einer Reihe von Fragen, die ohne eine lebendige Kenntnis des ung. Slovenischen und des Kajkavischen, des Kajkavischen, das in Ihrem lieben Hause Muttersprache ist, schlechterdings nicht gelöst werden können, und da liegt der Gedanke, der sehnsüchtige Wunsch nahe, möchte doch auch drüben, im kroatischen Lager sich das Bedürfnis regen nach einer lebendigen, bis in die feinsten Einzelheiten gehenden Erkenntnis unserer Sprache, die doch so viele Beziehungen zur kroatischen hat. Vielleicht daß auf diese Weise, durch gemeinsame Arbeit an wissenschaftlichen Problemen und die dadurch allmählich herbeigeführten persönlichen innigen Beziehungen auch der Weg zu einem gegenseitigen Verständnis auf politischen Gebieten angebahnt würde!

Budapest, den 24. Mai 1907.

Oskar Asbóth.

О вліяніи на ударяемые гласныя твердости и мягкости сосѣднихъ согласныхъ въ общерусскомъ языкѣ.

Желая рассмотреть ударяемые гласныя со стороны вліянія на нихъ твердости и мягкости сосѣднихъ согласныхъ, мы расположимъ ихъ для своего изслѣдованія въ слѣдующемъ порядкѣ по степени открытости: **а** — наиболѣе открытый гласный, **о** и **ѡ** — средніе по открытости и, наконецъ, **у**, **і**, **ы** — узкіе гласныя.

А (Я).

Вслушиваясь въ произношеніе гласнаго **а** въ словахъ **мáт** || **мáт'**, мы замѣчаемъ, что во второмъ случаѣ гласный **а** мягче, нежели въ первомъ случаѣ; другими словами, гласный **а** при слѣдующемъ твердомъ согласномъ звучитъ твердо, при слѣдующемъ же согласномъ мягкомъ принимаетъ особую окраску, наклоняясь къ **і**, иначе выражаясь — принимаетъ небный оттѣнокъ (**а^і**). Другіе примѣры: **слáф** || **слá'ф'**, **удáр** || **удá'р'**, **дáн** || **дá'н'** . . . ; **рáну** || **рá'н'у**, **жáлу** || **жá'л'у** и т. д. Такъ какъ мы имѣемъ здѣсь два сосуществующихъ явленія — смягченіе согласнаго и небный оттѣнокъ предшествующаго гласнаго, то возникаетъ вопросъ, какое изъ этихъ явленій должно считаться причиною и какое слѣдствіемъ другаго. Исторія звуковъ русскаго языка показываетъ, что мягкость согласныхъ могла быть вызвана слѣдующимъ палатальнымъ гласнымъ или же звукомъ **ј**, частію имѣющимися на лицо, частію же исчезающими. Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ смягченіе согласныхъ, какъ имѣющее уже свою причину, никакъ не можетъ быть слѣдствіемъ небнаго оттѣнка предшествующаго гласнаго. Что же касается происхожденія названнаго оттѣнка, то, за отсутствіемъ какой-либо другой причины, мы должны считать его обусловленнымъ мягкостью послѣдующаго согласнаго. Онъ не можетъ имѣть какого-либо самостоятельнаго происхожденія, ибо при отсутствіи послѣдующаго согласнаго, какъ это бываетъ на концѣ слова (срв. напр. **тудá** и т. п.), нашъ гласный

звучить какъ á ; но стоитъ присоединить частичку *-ли*, начинающуюся мягкимъ согласнымъ, и гласный **а** принимаетъ слегка небный оттѣнокъ. Зависимость небнаго оттѣнка гласнаго отъ мягкости послѣдующаго согласнаго можетъ быть подтверждена также при помощи слѣдующихъ наблюдений. Мы можемъ *взрывной согласный* (твердый или же мягкій), которымъ замыкается изслѣдуемый гласный, сдѣлать *неслышимымъ* искусственно, произведя требующійся для этого согласнаго затворъ или смычку, но безъ взрыва; чрезъ это достигается изолированность гласнаго звука отъ слѣдующаго согласнаго элемента, благодаря чему легче, вслушиваясь, опредѣлить, различается ли самый гласный передъ твердымъ и мягкимъ согласнымъ. Опытъ показываетъ, что гласный въ томъ и другомъ случаѣ различается по оттѣнку какъ лицомъ произносящимъ, такъ и слушающимъ. Далѣе, посредствомъ *мышечнаго чувства* замѣчаемъ, что при энергичномъ произношеніи a^1 между прочимъ углы губъ слегка оттягиваются въ стороны, между тѣмъ какъ при a^2 этого не замѣчается. Наконецъ, если сочетаніе изъ $\text{a} + \text{C}'$ *повторять ускоряя*, то **а** болѣе и болѣе принимаетъ окраску *i*. Въ томъ случаѣ, когда гласный **а** находится *между мягкими согласными*, то онъ обнаруживаетъ наибольшую степень небнаго оттѣнка, такъ какъ имѣетъ мягкими какъ экскурсію, такъ и рекурсію.

Подводя итогъ вышеизложенному, я прихожу къ слѣдующему заключенію. Не подлежитъ сомнѣнію, что гласный **а** (какъ и всякій другой гласный) не одинаковъ по своей рекурсіи передъ твердымъ и мягкимъ согласнымъ, а также по своей экскурсіи послѣ такихъ же согласныхъ, что должно обуславливать соотвѣтствующее различіе въ звуковомъ оттѣнкѣ. Но вопросъ въ томъ, различается ли, кромѣ рекурсіи и экскурсіи, хотя нѣсколько средня (главная) часть гласнаго звука **а** при указанномъ различіи условій? Я думаю, что болѣе чѣмъ вѣроятно такое различіе гласнаго **а** между твердыми и между мягкими согласными, напр. $\text{mát} \parallel \text{m}'\text{át}'$. Что же касается такихъ случаевъ, какъ $\text{mát}'$, то труднѣе рѣшить, зависитъ ли небный оттѣнокъ гласнаго только отъ мягкой рекурсіи, или же вмѣстѣ съ тѣмъ и средняя часть гласнаго звука уже нѣсколько затронута (аффицирована) небностью. Последнее мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ въ виду того, что гласный слова $\text{m}'\text{át}'$ производитъ на слухъ особенное впечатлѣніе не только своимъ небнымъ оттѣнкомъ, но еще и большею краткостью по сравненію съ гласнымъ слова mát ; эту, послѣднюю можно понять такимъ образомъ, что въ первомъ случаѣ раскрытость рта нѣсколько меньше, чѣмъ во второмъ, а потому и среднюю часть гласнаго можно признать слегка измененною. Укажемъ еще на одно обстоятельство. Когда мы произносимъ a^2 въ

отдѣльности, наложивъ при этомъ большой и указательный пальцы руки съ боковъ на подъязычную кость, то замѣчаемъ самое легкое движеніе послѣдней книзу, между тѣмъ какъ при произношеніи *a*¹ — такое же движеніе кверху; при мягкихъ согласныхъ движеніе кверху болѣе значительно, такъ что *a*¹ представляетъ въ этомъ отношеніи нѣкоторое соотвѣтствіе къ произведенію мягкости согласныхъ и во всякомъ случаѣ нѣсколько отличается отъ *a*^a въ артикуляціонномъ отношеніи. Артикуляціонная сторона *a*^a и *a*¹ можетъ быть изслѣдуема и приборами, что относится къ области экспериментальной фонетики.

Е (Э, Ъ).

Обыкновенно принимаютъ, что гласный *э* является въ двухъ разновидностяхъ: *э* (*широкое*) — передъ твердымъ согласнымъ и *э* (*узкое*) — передъ согласнымъ мягкимъ, напр. *п'ѣт* || *п'ѣт'*, *м'ѣры* || *м'ѣр'їт'* и т. п. Но при болѣе внимательномъ изслѣдованіи произношенія этого гласнаго можно установить большее число оттѣнковъ въ зависимости отъ частныхъ различій сосѣднихъ согласныхъ. Такъ, гласному *э*, какъ палятальному, обыкновенно предшествуетъ мягкій согласный, соотвѣтственно чему экскурсія *э* бываетъ мягкой; но въ тѣхъ случаяхъ, когда разсматриваемому гласному предшествуютъ отвердѣвшіе согласные (*ш*, *ж*, *ц*), то гласный *э*, имѣя уже твердую экскурсію, получаетъ соотвѣтственное отличіе нюанса въ началѣ своего звука, срв. *п'ѣт* (= ор. пѣтъ) и *ш'ѣст* (= ор. шестъ), *п'ѣт'* (ор. пѣтъ) и *ш'ѣс'т'* (ор. шестъ). Надо указать еще тотъ случай, когда гласному *э* не предшествуетъ никакой согласный, какъ напр. въ словахъ: *это*, *эхъ*, *эти* и т. п.; такое *э* представляетъ нѣсколько болѣе открытую по сравненію съ предъидущими примѣрами въ положеніи передъ твердымъ и мягкимъ согласными. Что касается рекурсіи гласнаго, то кромѣ обычнаго различія широкаго и узкаго *э* передъ твердыми и мягкими согласными (широкое *э* слышится также въ концѣ словъ, напр. *тѣбъ*, *ужѣ*) можно еще различить среднее *э* (обозначаемое нами въ научно-фонетическомъ письмѣ начертаніемъ *e*) передъ группою согласныхъ, изъ которыхъ только второй имѣетъ полную мягкость, а предшествующій ему — лишь среднюю степень смягченія, напр. *зѣмл'ѣ* (ор. землю), *гр'ѣбн'ї* (ор. гребни). Кромѣ указанныхъ болѣе замѣтныхъ вариаций гласнаго *э* можно найти и болѣе мелкія, изъ которыхъ остановимся на одномъ случаѣ. Изъ мягкихъ согласныхъ, оказывающихъ влияніе на *э*, нужно выдѣлитель согласный *й*, такъ какъ подъ влияніемъ его этотъ гласный имѣетъ нѣсколько болѣе открытую, чѣмъ при другихъ мягкихъ согласныхъ, срв.: *п'ѣл* и *й'ѣл*; *п'ѣл'ї* и *й'ѣл'ї*; *с'ѣт'* и *с'ѣй*; *й'ѣй*.

Изъ всего предшествующаго разсмотрѣнія варіацій гласнаго *э* слѣдуетъ тотъ выводъ, что гласный этотъ болѣе чутокъ къ вліянію твердости и мягкости сосѣднихъ согласныхъ по сравненію съ гласнымъ *а* и, какъ увидимъ ниже, со всѣми другими гласными. При опытахъ замѣчается, что главныя варіаціи гласнаго *э* легче улавливаются слухомъ, чѣмъ варіаціи другихъ гласныхъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что разновидности гласнаго *э* касаются не только экскурсіи и рекурсіи, но и средней или основной части звука.

О (*Ė*).

Гласный *о* не особенно богатъ оттѣнками палятальности, приближаясь въ этомъ отношеніи къ гласному *а*. Онъ также различается по оттѣнку передъ слѣдующими твердыми и мягкими согласными, напр. *стѣл* || *стѣл'* и т. д. Мы не будемъ здѣсь повторять тѣхъ доказательствъ, съ помощью которыхъ можемъ убѣдиться въ томъ, что небный оттѣнокъ принадлежитъ гласному *о*, а не перенесенъ на него съ сосѣдняго мягкаго согласнаго; мы постараемся по возможности разъяснить вопросъ, зависитъ ли небный оттѣнокъ разсматриваемаго гласнаго отъ мягкой рекурсіи, или же вмѣстѣ съ этимъ болѣе или менѣе аффицирована небностью и средняя часть гласнаго звука.

Какъ показываетъ опытъ, мы можемъ искусственно выдѣлять обѣ варіаціи гласнаго *о* (*o^a* и *oⁱ*); наблюденіе надъ ихъ артикуляціями убѣждаетъ насъ, что эти артикуляціонныя уклады не вполнѣ одинаковы, а именно: *мышечное чувство* въ губахъ показываетъ, что при *oⁱ* губы не выдвигаются впередъ въ такой степени, какъ при *o^a*, но имѣютъ тенденцію удерживаться нѣсколько ближе къ зубамъ; это чувство особенно замѣтно въ верхней половинѣ нижней губы; съ другой стороны, и въ области языка артикуляціонныя уклады не тождественны при произнесеніи того и другаго *о*: при *oⁱ* чувствуется движеніе не задней части языка (какъ при *o^a*), но средне-задней, и такимъ образомъ при *oⁱ* одновременно происходитъ какъ бы легкое взаимное сближеніе губной и язычной артикуляціи. Указанная разница въ мышечномъ чувствѣ замѣчается не только при произнесеніи варіаціи *о* въ отдѣльности, но и въ сочетаніи съ слѣдующимъ твердымъ или же мягкимъ согласнымъ, напр. *ѣт* || *ѣт'*, *мѣл* || *мѣл'* и т. п. Такъ какъ подобное же мышечное чувство въ губахъ замѣчается и при произнесеніи мягкихъ согласныхъ, особенно губныхъ (срв. *м'* || *м* и проч.), то слѣдуетъ признать, что гласный *oⁱ* получилъ свою палятальность отъ приноровленія своего произношенія къ укладу слѣдующаго мягкаго согласнаго. Замѣтимъ еще, что различіе оттѣнка и соответствующаго мышечнаго чувства является также въ

томъ случаѣ, когда слѣдующій согласный принадлежитъ другому слогу. Наибольшая степень палятальности оказывается тогда, когда гласный находится между двумя мягкими согласными, напр. м'б^ід'ѣ (срв. произношеніе м'б^ід'ѣ); здѣсь произношеніе о^і почти уже приближается къ французскому или нѣмецкому ѳ; при постепенномъ ускореніи произношенія этотъ оттѣнокъ еще болѣе замѣтенъ.

Послѣ всего изложеннаго мы заключаемъ, что различіе разсматриваемыхъ оттѣнковъ гласнаго о касается въ той или другой степени также и средней части звука.

У (Ю).

Сказанное нами о разновидностяхъ гласнаго о распространяется и на гласный у, который по своей артикуляціи однороденъ съ гласнымъ о, представляя лишь узкую ступень этого гласнаго. Въ существованіи двухъ оттѣнковъ гласнаго у передъ твердымъ и мягкимъ согласнымъ, т. е. у и у^і, можно убѣдиться изъ сравненія произношенія и соответствующаго акустическаго эффекта такихъ словъ, какъ напр. д'ул || ду^іл', д'ут || ду^іт', п'ут || пу^іт', р'уп || ру^іп' и пр. Со стороны *физиологической*, въ случаѣ у^і мы можемъ констатировать большее движеніе впередъ артикулирующей массы языка, чѣмъ при у; эта разница артикуляцій, благодаря болѣе узкому раствору рта, здѣсь становится болѣе замѣтною, нежели въ соответствующемъ среднемъ гласномъ (о), въ чемъ не трудно убѣдиться, наложивъ палецъ на поверхность языка и одновременно произнося тѣ и другіе звуки. Что касается губной артикуляціи, то мышечное чувство указываетъ на тенденцію болѣе приблизить внутреннюю часть губъ къ зубамъ, между тѣмъ какъ внѣшнее устье ихъ стремится выдвинуться впередъ, чтобы образовать надлежащее суженіе; благодаря такому контрасту иногда можетъ казаться, что при у^і губы болѣе выдвигаются впередъ, чѣмъ при простомъ у. Со стороны *акустической* нужно отмѣтить особенно сильный оттѣнокъ палятальности въ томъ случаѣ, когда гласный у находится между палятальными согласными, напр. въ сочетаніи м'уп' и т. п.; здѣсь наблюдается то же явленіе, что и при гласномъ о, т. е. гласный у^і въ такихъ сочетаніяхъ напоминаетъ иностранное ѱ (ÿ), особенно если производить опытъ съ постепеннымъ ускореніемъ произношенія. Замѣтимъ еще, что акустическая разница того и другаго оттѣнка гласнаго легче улавливается при *шепотномъ* произношеніи, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ сочетаніяхъ (срв. р'уп и ру^іп').

I.

Этотъ гласный представляетъ только двѣ вариации въ зависимости отъ твердости или мягкости слѣдующаго согласнаго; что же касается предшествующаго согласнаго, то онъ въ положеніи передъ *і* можетъ быть только мягкимъ, почему и экскурсія гласнаго можетъ являться только въ этой мягкой вариации. Если будемъ сравнивать произношеніе *п'іт'* и *п'іт*, то во второмъ случаѣ мы замѣчаемъ при помощи *мышечнаго чувства* тенденцію языка быть дальше отъ небнаго свода, тогда какъ въ первомъ случаѣ замѣчается противоположное стремленіе къ большому сближенію между языкомъ и небомъ; этому различію соответствуетъ въ первомъ случаѣ болѣе узкое раскрытіе рта по сравненію со вторымъ. Обратимъ вниманіе еще на одну вариацию гласнаго *і*, именно въ сочетаніи *чі*: здѣсь гласный *і* не имѣетъ своей обычной узкости вслѣдствіе того, что предшествующій согласный *ч* не является вполне мягкимъ; но и эта разновидность *і* въ свою очередь варьируетъ въ зависимости отъ твердости и мягкости послѣдующаго согласнаго, срв. *чін* || *чін'*. Вообще же можно сказать, что разсмотрѣнныя вариации гласнаго *і*, вслѣдствіе незначительности въ перемѣщеніи укладовъ, менѣе явственны для слуха, чѣмъ вариации всѣхъ другихъ гласныхъ.

Ы.

Гласный *ы* по своей физиологической природѣ занимаетъ промежуточное положеніе между гласными *у* и *і*: подобно гласному *у* для произнесенія разсматриваемаго гласнаго требуется также участіе задней части языка, съ той лишь разницей, что мѣсто артикуляціи при *ы* не такъ глубоко, какъ при *у*; въ то же время губы, не образуя суженія, остаются индифферентными и соответствуютъ укладу губъ для *і*. Такимъ образомъ гласный *ы* представляетъ собою какъ бы задне-язычнос *і*. Въ зависимости отъ твердости и мягкости слѣдующаго согласнаго гласный *ы* имѣетъ двѣ вариации, при чемъ для мягкой вариации укладъ задней части языка становится еще менѣе глубокимъ, а раскрытіе рта болѣе узкимъ, срв. *быт* || *быт'*, *пыл* || *пыл'*. Что касается начальной части гласнаго или экскурсіи его, то она обычно бываетъ твердою, такъ какъ слѣдуетъ лишь за твердыми согласными. Особую вариацию гласнаго *ы* представляетъ произношеніе ореографическихъ сочетаній *шм* и *жм*: въ нихъ гласный *ы* не имѣетъ своей обычной твердости, являясь какъ бы нѣсколько суженнымъ (будемъ обозначать такое *ы* съ точкою внизу); но и въ этомъ случаѣ гласный подчиняется обычной модификаціи отгѣнка передъ слѣдующими твердыми и мягкими согласными, срв. *шѣт* || *шѣт'*, *жѣт* || *жѣт'*. Припимая во вниманіе, что въ нѣкоторыхъ

народныхъ говорахъ сочетанія *ши* и *жи* выговариваются тверже по сравненію съ указаннымъ произношеніемъ литературной рѣчи, можно думать, что это послѣднее еще не достигло предѣльной твердости въ процессѣ отвердѣнія шипящихъ, если не обязано книжному вліянію.

Разсматривая всю серію ударяемыхъ гласныхъ звуковъ со стороны вліянія на нихъ сосѣднихъ согласныхъ, подведемъ итогъ сдѣланнымъ нами наблюденіямъ:

1) Дѣйствіе на ударяемыя гласныя мягкихъ сосѣднихъ согласныхъ, особенно послѣдующихъ, выражается въ томъ, что гласныя пріобрѣтаютъ узко-печный оттѣнокъ; послѣдній зависитъ отъ того, что въ артикуляціяхъ языка принимаетъ большее или меньшее участіе средняя его часть при одновременной тенденціи губъ приблизиться къ зубамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько уменьшается раскрытость рта; короче — при палытальномъ оттѣнкѣ гласныхъ разстоянія между всѣми артикулирующими частями полости рта болѣе или менѣе сокращаются какъ въ горизонтальномъ (передне-заднемъ), такъ и въ вертикальномъ направленіи.

2) Не всѣ гласныя одинаково легко поддаются указанному вліянію согласныхъ, представляя слѣдующую послѣдовательность по убывающему вліянію мягкости послѣднихъ: *э, а, о, у, ы, і*.

3) Въ виду того, что въ нѣкоторыхъ народныхъ говорахъ русскаго языка процессъ вліянія мягкихъ сосѣднихъ согласныхъ представляетъ собою дальнѣйшее развитіе по сравненію съ литературнымъ произношеніемъ, мы вправѣ заключить о томъ пути, которому будетъ слѣдовать и это послѣднее. Примѣромъ того, какъ далеко можетъ идти палытализация гласныхъ, служитъ хотя бы чешскій языкъ, далеко оставившій за собою въ данномъ отношеніи остальные славянскіе языки.

Въ заключеніе замѣтимъ, что разсмотрѣнные нами оттѣнки гласныхъ звуковъ наблюдаются также въ нѣкоторыхъ неударяемыхъ положеніяхъ, но этотъ вопросъ уже выходитъ за предѣлы настоящей статьи.

Казань, 6 (19) мая 1907 г.

В. Богородицкій.

Иноязычное происхождение црк.-слав. словъ **ИНОГЪ** = *ꙗꙗѡ*, **чрътогъ** и **Сварогъ**.

Хотя Миклошичъ въ своей *Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen* (II 283 подъ No. 137) рассматриваетъ »Suffix **огъ**«, тѣмъ не менѣе изо всѣхъ приведенныхъ тамъ примѣровъ этого окончанія оно можетъ быть безспорно почтено за живую славянскую наставку чуть-ли не въ одномъ малорусскомъ »*шигôh rasenplatz*« (отъ $\sqrt{\text{мур}}$ - въ *мурава*, лит. *murai*), такъ какъ прочіе представляютъ собою или еще индоевропейскія образованія или заимствованія или темны по происхожденію. Первые — **иногъ** и **многъ** — выдѣлены самимъ Миклошичемъ, но црк.-слав. **ИНОГЪ** или **ИНЕГЪ** въ значеніи *ꙗꙗѡ* можетъ быть и заимствованіемъ: ср. арабское 'anqā (انقا) грифонъ, сказочная птица въ родѣ орла.

Относительно слова **чрътогъ**, свойственнаго, кажется, только церковно-славянскому языку, Миклошичъ колебался. Въ грамматикѣ (1875) онъ пишетъ: »*črtogъ cubiculum: črt: vgl. oğışta tentorium*«, къ которому въ црк.-слав. словарь прибавляетъ Др.-р. *череша* или *кереша* = куща, а въ словарь турецкихъ заимствованій (*Die türkischen Elemente in den südost- und osteuropäischen Sprachen*. 1884) считаетъ его занесеннымъ Болгарами турецкимъ *čartak, čardak*, которое позже еще разъ было усвоено Славянами въ видѣ *чардакъ, чердакъ*. Производство отъ $\sqrt{\text{чрт}}$, пожалуй, можно было-бы принять, если-бы существованіе древней славянской наставки *-огъ* или хоть *-ь* не подлежало спору; но приведенные Миклошичемъ примѣры — не только подъ »Suffix **огъ**«, а и подъ »Suffix **гъ**« (стр. 280, 132) — мало располагаютъ къ такому допущенію. Нѣсколько лучше, по видимому, дѣло обстоитъ съ производствомъ отъ тур. *čardak* (точнѣе *čardaq*) или, можетъ быть, *čartak* (по правописанію *čartāq*), если это слово въ такомъ видѣ не есть выдумка турецкихъ грамотѣевъ, считающихъ его сложенымъ изъ перс. *čār* четыре и ар. *tāq* сводъ, слой. Но *четыре* не только въ среднеперсидскомъ языкѣ, а даже въ наши дни звучитъ у Персіянъ *čāhār* и лишь въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ стянулось въ *čār*. Слово *tāq*, правда,

употребляется Арабами, но заимствовано, вѣроятно, у Персовъ: по крайней мѣрѣ, въ ср.-п. языкѣ есть *tāk*, хотя значило оно отдѣльный предметъ изъ разряда ему подобныхъ »(ein Stück, что теперь *tā*) и, по видимому, вѣтвь (позже *tāi*). И такъ, если такое сложное было, существовало-ли оно у Персовъ уже тогда, когда Болгаре могли его заимствовать, т. е., примѣрно, въ V—VI в.? И тѣмъ не менѣе возможно предположить, что у какихъ-то Турокъ (хоть и не у Болгаръ, которые едва-ли и были когда-нибудь Турками) или, что вѣроятнѣе, у какихъ-то Иранцевъ существовало слово *čartaq*, и что къ нему-то и восходитъ славянское чрътогъ. Такое предположеніе ведетъ насъ въ область гаданій; но такова участь всякаго изслѣдованія, связаннаго съ прошлымъ любога иранскаго языка кромѣ персидскаго, который намъ болѣе или менѣе извѣстенъ съ V в. до Р. X. Поле догадокъ еще расширяется въ ниже слѣдующихъ разясканіяхъ примѣненіемъ финно-угорскихъ языковъ, изъ которыхъ лишь очень немногіе являются въ записяхъ ранѣе XVIII в. Во всѣхъ этихъ языкахъ, кромѣ черемисскаго (такъ какъ *kertül'ni* »околица« отъ тат. *kirtülü*- огораживать), есть слово, предполагающее основной видъ **karta*, **karda* или **garda* и означающее дворъ или огороженное мѣсто (сосв.-вог. *kärtü*, сѣв.-ост. *karta*, финнмарк.-лап. *kiürdü*, *gardem*, эрз.-морд. *kardas*), дворъ съ постройками или усадьбу (сум.¹⁾ *kartano*, лив. *kārand*), изгородь (шв.-лап. *keürëta*), садъ (мад. *kert*), хлѣвъ (мокш.-морд. *kardā*, эрз.-морд. *kardo*) и т. п., откуда и чув. *kardá*, каз.-тат. *kirtü* околица (см. O. Donner, Vergleichendes Wörterbuch der Finnisch-Ugrischen Sprachen No. 175 и Munkácsi B., Árja és kaukázusi elemek a finn-magyar nyelvekben. I. kötet. Magyar szójegyzék No. 204). Въ признаніи индо-европейскаго происхожденія этихъ словъ финнологи согласны между собою, и споръ идетъ лишь объ опредѣленіи источниковъ заимствованія (см. Munkácsi тамъ-же и J. Nikkola, Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen стр. 8—9, гдѣ названы образцовыя изслѣдованія В. Томсена, и 19—20). Во всякомъ случаѣ рѣчь можетъ быть здѣсь только о языкахъ славянскихъ, балтійскихъ, германскихъ (*ǵgard*) и иранскихъ (осет. *kürt* »дворъ«). Впрочемъ осетинское (т. е., вѣроятно, еще скиское, сарматское и аланское) слово у иранистовъ считается зашедшимъ отъ Финновъ (см. Ws. Miller, Die Sprache der Osseten стр. 8 и 11, гдѣ указаны труды Гюбшмана и барона Р. Р. Штакельберга по этому вопросу). Есть, по видимому, индо-евр. *ǵqert* или *qurt* »плести, гнуть«, но тѣсно ограниченный по

1) Т. е. »сумское« *vuomalainen*, такъ какъ племя *Suomi* называлось иѣкогда по-русски Сумью.

значенію и мало распространенный. За то именно среди тѣхъ индо-европейскихъ народовъ, которые находились въ наиболѣе близкихъ отношеніяхъ къ финнамъ, пользовался широкимъ распространіемъ $\sqrt{g}era^c$; откуда гот. *gards* ›домъ‹, слав. **gordŭ* ›крѣпость, городъ‹, лит. (если не заимствовано) *gàrdas* ›хлѣвъ‹ и, можетъ быть, скр. *gřhá-s* или *gřhá-m* домъ съ авестійскихъ *geređa-* ›пещера‹ (для перехода значеній ср. иранское *kata-* ›яма, жилище‹ — сум. *kota*, ост. *xāt*, мад. *ház* и другія финскія слова того-же происхожденія въ смыслѣ жилья, перечисленные у Мункачи тамъ-же подъ No. 155).

Измѣненіе индо-евр. **gordo-*, **garda-* или **gřđa-* въ *karta* у Финновъ такъ естественно, особенно въ древнихъ заимствованіяхъ, что лопарскія и мордовскія *g* и *d* въ этомъ словѣ кажутся слѣдствіемъ или вторичнаго заимствованія или подновленія; а это слово должно было зайти къ Финномъ въ очень отдаленныя времена. Если такъ, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что финское *karta* (въ смыслѣ изгороди) въ свою очередь перебралось къ Пруссамъ, гдѣ измѣнилось въ *korto*, и точно такъ-же могло проникнуть къ Аланамъ, откуда осет. *kürt* ›дворъ‹ и далѣе — чеч. *kert* или *kari* ›плетень‹. У Аланъ же, судя какъ по ихъ личнымъ именамъ, такъ и по осетинскому языку, была въ большомъ ходу общая всѣмъ Индо-европейцамъ наставка *-aka-*, весьма употребительная впрочемъ у Иранцевъ вообще. Само собою разумѣется, что аланское **karta-* могло значить не просто дворъ, а дворъ со всѣми постройками, обнесенными тѣмъ-же заборомъ (ср. сум. *kartano*). При этомъ **karta-* вполне легко допустить **kartaka-* въ значеніи болѣе узкомъ, какъ н.-перс. *xānū* (изъ *xānak*) ›домъ‹ при *xān* ›постоялый дворъ, гостиница‹. Изъ такихъ колебаній въ греческой передачѣ аланскихъ именъ, какъ *Σπάδαχος* и *Σπαδάχης* (изъ **spāđuka-* отъ авест. *spāđa-* ›войско‹ — ср. кумыцкое *israhe* ›щеголь‹ при н.-перс. *širāh* = *spāđa*), *Φάρναχος* при древнѣйшемъ *Φαρνάχης* (изъ **farnaka-* отъ *farna-* ›блескъ, величіе‹, осет. *farn* ›миръ‹) и т. п., позволительно заключить, что въ аланскомъ языкѣ той поры, когда эти имена попали въ греческія надписи, окончаніе им. п. *-a(h)*, если еще не совсѣмъ отпало, то уже утратило первоначальную длительность и ясность и стало подобно славянскому конечному *ъ*. Это подозрѣніе, само по себѣ не достаточно обоснованное смѣною окончаній *-ος* и *-ης*, значительно подтверждается колебаніемъ иного рода — *Νάδαχος* и *Νάδαγος* (**nada-ka-* — отъ *nava-* ›новый‹ — ос. *niväg*), *Κάσαχος* и *Κάσαγος* (**kasāka-* — ос. *kūsag* ›зрячій‹) и т. п. (ср. др.-перс. **rapāka* ›ходокъ‹ — ср.-перс. *rapāk*, позже **rapāg*, откуда ар. *rapāg* ›ambulatio, галлерей‹ и *rapāg*, потомъ *rapāg* ›сбытъ, курсъ товара‹ — н.-п. *rāvā* ›дозволенный‹). Объясненіе имени *Κάσαχος* или *Κάσαγος*

посредствомъ ос. *kūsag* »ein guter Seher« (ср. чеш. *divák*), а не *kūsüg* »Черкесь«, принадлежит проф. В. Θ. Миллеру (такъ-же стр. 6); и, какъ сейчасъ увидимъ, оно едва-ли ошибочно. Откуда имя *kūsüg*? Оно употребительно, кажется, только у Осетинъ, отъ которыхъ перешло къ Русскимъ въ видѣ *касогъ*; сами себя Черкесы называютъ Адыгами, а прежде назывались, можетъ быть, Зыгами (*Zyvoi, Zbyioi*), т. е. просто людьми, Греки звали ихъ Керкетами или Керкитами (*Κερκέται, Κερκέτιοι, Κερκεταίοι, Κερκίται*), другіе народы — именами, болѣе или менѣе близкими къ русскому Черкесь или Черкасъ: тур. *çerkes*, ар. *jar-kāsī*, лат. *Cercetici*, позже *Circassii*, фр. *Circassiens* и т. д. Имя *Κερκέτης* сильно напоминаетъ собою авест. *kahrkatās* »коршунъ или какая-то другая крупная птица изъ денныхъ хищниковъ«¹⁾, а Черкесь, *jar-kāsī* и т. п. — ос. *cürgüs* (изъ **çarkas*) »орелъ«, которое есть не что иное, какъ авест. *kahrkāsa* = *kahrkatās*, ср.-перс. *kahrkās*, н.-перс. *kārkās*, *kürgüs*. Шипящее или свистящее смягченіе перваго *k* этого слова наблюдается и въ финскихъ его отраженіяхъ: вог. *čargeš*, *s'ärkēs'i*, вост. *juges*, гдѣ эта замѣна получена, по видимому, изъ источника. Изъ этихъ сопоставленій можно заключить, что Аланы называли Черкесовъ **çürkāsag*, откуда ос. *(*cür*)/*kasüg* (ср. др.-рус. *касогъ*, а не **косогъ*) — *kūsüg*. Устраненіе перваго слога могло быть вызвано смѣшеніемъ съ корнемъ глагола (зап.) *cürun* или (вост.) *cürin* »жить«, если не съ *car(m)* »кожа« или *carn* »жиръ«, какъ напр. Кумыки передѣляли русское бумажникъ въ *müžnik* вслѣдствіе звукового совпаденія перваго слога съ ихъ мѣстоименіемъ *bu* »этотъ«. Это сравненіе тѣмъ умѣстнѣе, что, если Осетины когда-нибудь называли Черкесовъ **çürkāsüg* или **çürkūsüg*, то это названіе, какъ и слово *cürgüs*, они заимствовали у какихъ-то другихъ Иранцевъ, которые впрочемъ могли быть ихъ самыми близкими родственниками, также Аланами, отличавшимися отъ нихъ языкомъ, примѣрно, на столько-же, на сколько теперь восточные, Осетины (Иронцы) отличаются отъ западныхъ (Дигорцевъ). Дѣло въ томъ, что Осетины не смягчаютъ *ka* въ *ca* (*ča*), и напр. то слово, которое входитъ въ составъ слова *kahrkāsa* — *cürgüs* (буквально »куроѣдъ«), звучитъ у нихъ такъ-же, какъ въ средне-персидскомъ языкѣ — *kark* (курица, что по-афгански *çirk*, по-мадарски *csirke*). Но вслѣдствіе распространенной между Иранцами склонности къ умягченію звука *k* и къ выговору *a* за *ü* смягченіе слога *ka* въ *ca* (не говоря уже о *ci* вмѣсто *ki*, не чуждомъ и Осетинамъ) свойственно въ значительной степени нарѣчію Татовъ, живущихъ отчасти на Кавказѣ, какъ Осетины, а

1) Не сюда-ли относится срб. крстѣш драо и тур. *qartal* »орелъ«?

въ сарыкольскомъ языкѣ проведено, по видимому, вполне и послѣдовательно, напр. *čāram* »сѣю« — н.-перс. *kārūm*, *čabaud* »голубь« — н.-перс. *kūbūtūr*, *čéd* »домъ« — н.-перс. *kūd* (въ *kūd-xudā* »домохозяинъ«) и т. д. Въ такомъ иранскомъ языкѣ или, можетъ быть, говорѣ аланскаго языка **hartaka*- должно было измѣниться въ **čürtak*, **čürtag* съ такими-же отгѣнками въ звукѣ *a* послѣ различнымъ согласныхъ, какіе представляются во фр. *cheval* изъ лат. *caballus*. Отсюда тур. *čartaq*, *čardaq* и црк.-сл. чрътогъ. Удареніе въ этомъ аланскомъ словѣ падало, вѣроятно, на послѣдній слогъ, какъ въ осетинскихъ словахъ того-же образованія, и таково удареніе слова чрътогъ (по-русски чертѣгъ), какъ впрочемъ всѣхъ словъ на -огъ. Почему же -огъ, а не -агъ? ср. сотонá (срб. сотѣна) изъ гр. *σάτανᾶς*, пономáрь изъ гр. *παρομόναριος*, когáнъ изъ тур. *qayán* и т. п. Но примѣры передачи всякаго иноязычнаго ударяемаго *a*, долгаго или короткаго, славянскимъ ударяемымъ *a* извѣстны только съ IX в., а раньше, въ VII—VIII в., когда исконная долгота звука *a* у Славянъ, какъ доказалъ I. Миккола (*Verhungen* и пр. стр. 50 слѣд.), сохранялась въ бѣльшемъ количествѣ случаевъ, *o* и *a* въ заимствуемыхъ Славянами извнѣ словахъ распредѣлялись, вѣроятно, сообразнѣе съ относительною длительною соотвѣствующихъ подлинныхъ гласныхъ, чѣмъ объясняется совмѣстная наличность обоихъ звуковъ безъ связи съ удареніемъ напр. въ словахъ сапѣгъ и батѣгъ.

Сварогъ сближено Буслаевымъ (О вліяніи Христіанства на славянскій языкъ стр. 49) съ скр. *svarga-s* »небо«. Противъ этого сближенія возсталъ академикъ Ягичъ (*Mythologische Skizzen I. Svarog und Svarožić* въ *Archiv f. sl. Phil.* 412—427): ссылаясь на отсутствіе этого имени въ лѣтописи подъ годами 907, 945, 971, 980 и 988, гдѣ его можно было-бы ожидать, онъ, на основаніи брачнаго закона, приписаннаго Феостѣ-Сварогу въ Ипатской лѣтописи подъ 1114 (6622) г., считаетъ это имя искусственно произведеннымъ отъ съ-варити, сварьба = свадьба. Съ такимъ-же недоумѣемъ къ существованію божества Сварога отнесся Т. Маретичъ (*Archiv X 139* въ статьѣ *Zu den Götternamen der baltischen Slaven*), но онъ думаетъ, что, такъ какъ, по той-же лѣтописи, этотъ божественный царь установилъ за прелюбодѣйство суровую кару, источникомъ имени Сварогъ послужили сваръ, сварити са и т. п. Къ этому мнѣнію, по видимому, примкнулъ и Миклошичъ (*Vergl. Gr. II 283, 137*: »svarogъ *deus lucis*: *svaгъ). Однако свáривать въ смыслѣ сведенія двухъ людей, особенно для вступленія въ бракъ, и новгородское сварьба вмѣсто общерусскаго свадьба изъ сватьба едва-ли можно отнести хотя-бы лишь ко времени возникновенія

Ипатской лѣтописи или ея источника въ этомъ мѣстѣ, славянскаго перевода хроники Малалы¹⁾, а отъ свара даже въ словѣнскомъ смыслѣ этого слова, будь то хоть самый строгій, длинный и скучный *vavilni govor*, до сожженія живьемъ въ раскаленной печи довольно далеко. Еще болѣе затрудняетъ при обоихъ производствахъ образованіе этого имени, такъ-же мало правдоподобное, какъ *сватогъ отъ сватать или *бранѣгъ отъ бранить. Но обратимся къ источникамъ. Малала повѣствуетъ, что послѣ потопа въ Египтѣ воцарился *ὁ Μεστράτιμ* (евр. *Misraim* »Египетъ«), за нимъ Египтяне провозгласили царемъ *τὸν Ἐρμηῖν*, потомъ вступилъ на престолъ *ὁ Ἡφαιστος*, котораго называли богомъ (*τὸν δὲ αὐτὸν Ἡφαιστον θεὸν ἐκάλονον*) — какъ можно заключить изъ связи — за то, что онъ *νόμον ἔθηκε τὰς Αἰγυπτίας γυναῖκας μοναδρεῖν καὶ σωφρόνως διαύειν, τὰς δὲ ἐπὶ μοιχείαν* (вм. *μοιχείαν*) *εὐρισκομένας τιμωρεῖσθαι*; Гефесту наследовалъ сынъ его, *ὁ Ἥλιος*, соблюдавшій законъ своего отца, на чтѣ приведенъ примѣръ (см. послѣднюю главу 1-ой книги и первую 2-ой по Боннскому изданію). Въ славянскомъ переводѣ (В. М. Истригъ, »Первая книга Хроники Іоанна Малалы« въ Зап. Имп. Ак. Н. по историко-филол. отдѣл. VIII серія, т. I No. 3. С.-Петербург. 1897; его-же »Хроника I. М. въ слав. переводѣ. Книга вторая« въ Лѣтописи Историко-филол. Общества при Имп. Новоросс. Университетѣ, т. X, отд. VII. Одесса 1902; ср. его-же »Александрія русскихъ хронографовъ« въ концѣ) первый царь Египетскій названъ Местромомъ, второй — Ерміемъ, третій — Феостомъ. »Сего же Феста (sic) бога нарицааху«. Этотъ царь »законъ оуставилъ женамъ за единъ мужъ посягати и ходити говѣючи, а юже прелюбодѣюще обрѣсти, то тую казнити«. Далѣе: »По оумрътви же Феостовѣ, его же и Сварога наричить, и царствова Египтяномъ сынъ его Солнце именемъ, его же наричють Дажьбогъ«. Еще далѣе: »Солнце же царь, сынъ Свароговъ, еже есть Дажьбогъ, бѣ мужъ силенъ; слышавъ же нѣ отъ коего жену нѣкую Египтяниную, богатоу въ сану соуцю, нѣкомуу въсхотѣвшу блoudити с нею, искаше ся яти ю, (не) хотя Свароже отца своего закона рассыпати« и т. д. Въ Ипатской лѣтописи первые три царя названы такъ: Местромъ, Ермѣя, Феоста (ниже и Феостъ), »иже и Саварога« (въ Хлѣбниковскомъ спискѣ »зварога«). Разсказъ въ общемъ тотъ-же, но за словами »а иже прелюбы дѣючи казнити повелѣваша« слѣдуетъ нѣчто, не находящееся не только у Малалы, но и въ Архивскомъ хронографѣ, который, помимо этого отличія, слѣдуетъ здѣсь изводу Ипатской

1) Этими и другими указаніями на памятники русской письменности по вопросу о Сварогѣ я обязанъ любезности академика А. А. Шахматова.

лѣтописи. Вотъ это загадочное мѣсто: »сего ради прозваше и богъ Сварогъ; преже бо сего жены блудяху, къ нему же хотяше, и бяху акы скоть блудяще; аще родяшеть дѣтищъ, который ѣй любовь бываше, дашеть: се твое дѣтя; онъ же створяше празднество, принимаше. Феостъ же сий законъ расыпа, и вѣстави единому мужю едину жену имѣти, и женѣ за одинъ мужъ посагати; аще ли кто переступитъ, да ввергнуть и въ печь огнену. Сего ради и прозваша и Сварогомъ и блажиша и Егуптяне«. Послѣднія слова есть уже у Малалы: »и блажахуть его Егуптяне« = καὶ εὐχαρίστησαν αὐτῷ οἱ Αἰγύπτιοι. Дальше упоминаются, какъ въ переводѣ Малалы, и »сынъ его, именемъ Солнце, его же наричють Дажьбогъ«, »Солнце царь, сынъ Свароговъ, еже есть Дажьбогъ«, есть и »не хотя отца своего закона расыпати Сварожа«. Это мѣсто написано такъ, что его легко перевести чуть не дословно на греческій языкъ V—VII вѣка, и содержитъ въ себѣ одну подробность, безъ которой причина прозванія Феоста Сварогомъ — если судить безпристрастно — просто непонятна. Эта подробность есть вверженіе любодѣицы въ печь огненную: это не только τιωρεῖν, а и ἀπολλύειν. При этомъ само собою приходитъ на память старинное производство имени Ἀπόλλων отъ ἀπολλύειν, извѣстное ужъ Платону (Statyl. p. 405а и 406а). Въ такомъ случаѣ имя Сварогъ послужило славянскому переводчику Малалы для передачи греческаго Ἀπόλλων. Правда, у Малалы этого имени нѣтъ, а есть *Ἥφαιστος*, котораго онъ не могъ отождествить съ Аполлономъ; но въ какомъ видѣ дошла до насъ его Хроника? Конечно, Славянамъ IX—XI вѣка она была извѣстна въ нѣсколькихъ изводахъ, откуда, вѣроятно, и разница въ этомъ мѣстѣ между Ипатской лѣтописью и Архивскимъ хронографомъ. Иначе трудно объяснить не только внесеніе Сварога въ переводъ, но и замѣну Гефеста какимъ-то Феостой или Феостомъ, Феостомъ. Феопомпомъ (у Сикелла p. 262) упоминается Македонскій царевичъ Θεόστιος, но онъ здѣсь, очевидно, не при чемъ, и кромѣ того Феоста предполагаетъ греческое Θεόστις, которое можетъ въ концѣ концовъ оказаться не чѣмъ инымъ, какъ Θεός τις, а къ Гефесту-ли его приравнять или къ Аполлону — это уже дѣло личнаго усмотрѣнія. Но если Ἀπόλλων = ἀπολλύων читалось въ греческомъ подлинникѣ, то Сварогъ, отецъ Дажьбога, иначе Сварожича, т. е. солнца, не выдуманъ хитроумнымъ русскимъ лѣтописцемъ, а былъ въ самомъ дѣлѣ славянскимъ божествомъ, родственнымъ индѣйскому *Svarga (Suarga)-s*. Сближеніе съ нимъ Аполлона вполне понятно; но въ »Словѣ о томъ, како крестися Владиміръ, возня Корсунъ«, составленномъ тѣмъ Феодосіемъ, которому принадлежитъ особый изводъ Печерскаго патерика (см. А. А. Шахматовъ, »Корсунская

легенда о крещеніи Владиміра« въ »Сборникѣ статей въ честь В. И. Ламанскаго«, гл. VI = стр. 36—44 отд. оттиска), съ Аполлономъ отождествляется Перунъ, именемъ котораго въ Александріи (гл. III, 13) передано греческое *Ζεύς*. Такъ, по крайней мѣрѣ, въ первой редакціи, а во второй вмѣсто »Перунъ« читается »се рука«, что можетъ быть искаженіемъ имени Сварогъ. Сопоставленіе Аполлона, солнечнаго божества, съ Перуномъ, богомъ неба и наблюдаемыхъ на немъ метеорологическихъ явленій, объясняется едва-ли невѣжествомъ Θεодосія, а скорѣе тѣмъ, что Перунъ въ понятіяхъ русскихъ язычниковъ подавилъ собою не только почти однозначашаго съ нимъ Сварога, но и прочія небесныя божества до низведенія ихъ на степень второстепенныхъ носителей божескаго достоинства, которые по этому и упоминаются въ лѣтописи рѣдко и какъ-бы случайно, безъ замѣтнаго выбора того или другаго изъ нихъ по его важности или соотвѣтствію даннымъ обстоятельствамъ. У Литвы преобладаніе Перкуна выразилось, кажется, еще рѣшительнѣе. Иной вопросъ, попало-ли имя Сварогъ къ Русскимъ прямо отъ ихъ индоевропейскихъ предковъ: такъ какъ оно нигдѣ не является въ видѣ *сварогъ или *сврагъ, остается считать его заимствованнымъ, но не у Иранцевъ, а у какого-то другаго арійскаго племени, — можетъ быть, у того-же, которое передало и Финнамъ слова съ *s* = скр. *s* = ир. *h* (см. *Munkácsi* NNo. 150, 159 и 160).

Θ. Коршъ.

О певању „Јеђупке“ у Дубровнику.

На крају својих песама о »девет разбоја од Турака«, у »књизи« (писму) којом те песме пропраћа, познати дубровачки песник Антун Сасин каже ово:

- »Овеј пјесни да се даду
- »Марку славну властелину,
- »Басељева Тома сину,
- »У Корчули, славну граду.

Тај Марко је, наставља он:

- ». слава и дика
- »од славнога Дубровника,

и он сад на Корчули:

- »у весељу данке траје, —
- »слатке пјесни туј спјеваје.

Не пева сам Марко те »слатке пјесни«, него ето и

- »Вапђелистин гди Мароје
- »с њим у дружби слатко поје
- »од горуће теј љувезни.

Они певају и »воде танце« у исто доба; певају обично

- »под сјеницом на крај мора,
- »од Пељешца поврх гора,

и на певање њихово одговара »слатки жамор од птичица«, а и саме »лијепе виле« остају свезане »на врх горе теј камене« кад чују тако лепе гласове¹⁾. Марко Томов Басељић, властелин, и Мароје Вапђелистин, пучанин, пријатељи су, дакле, Антуна Сасина, и, како је овај дубровачки песник живео при крају 16 века (поменуте песме његове су из 1593—4), то су и они грађани дубровачки тога времена. Марко је, то знамо с друге стране, био рођен јамачно 1554, ушао у »велико вијеће« 8 јануара 1574, постајао један од тројице »advocati del commun«

1) A. Sasin, Djela (Stari pisci, XVI, 196—197).

три пута, и то 24 маја 1577, 13 јуна 1582 и 26 октобра 1584, и умро 1625 ¹⁾.

Ова два пријатеља Сасинова, чије лепо певање он толико хвали (држим да је у наведеним стиховима реч о њиховим певачким а не песничким способностима), долазе пред дубровачки суд 1 августа 1580, као кривци у једној кривичној парници, и то, као што ће се одмах видети, баш због тога свога лепог певања. Некакав Андрија Галиотовић (*Andrea di Nico deto Galatouich; Galiotouich*), грађанин дубровачки, тужи Марка Томова Баселића (*Ser Marco Thomaso de Basaglio*) да га је напао и тукао, и пребио му ногу; уз Марка се у овој парници помиње, као његов пријатељ и саучесник, и Мароје Ванђелистин (*Magino di Uangelista*), као и неки други, непознати. На ову тужбу, суд испитује сведоке и кривце, света једанаест на број, и из тог испитивања, које траје 1, 9 и 11 августа и 4 новембра те године, види се да је ствар текла овако.

У златарској улици на Пријекому (*calle di oreffici a prieschi put*), познатом крају града Дубровника, у којем су се у 16 веку сваке ноћи одигравале разне »сцене љубави и мржње«, са веселим младим људима као јунацима; у тој улици, на неколико месеци пре ове парнице Галиотовића, стално се ноћу виђао и чуо неки Никола Ивановић златар (*Nicola Juanouich, или Juanoc, или di Giouanni, ogese*), како води собом неке другове, и како, с њима заједно, свира у цитру, виолину и друге инструменте, и пева, кажу, непристојне песме (*sonando de citara et uiolone et molti altri instrumentj et cantando uersi lassinj et dishonesti*), те узнемирује ноћу поштене грађане златарске улице. Његово друштво сачињавао је најпре Тројан Матијин, опет златар (*Troian di Matteo, hogese*), а после, и нарочито, Јаков златар (*Jacomo battiogo*), Никола Ненко (*Nic° di Steph° Nencho*), Марко Баселић и Мароје Ванђелистин. Становници улице опомињали су их да то више не чине, јављали за то старијима (тако је јављено Ванђелисти, оцу Маројеву), нарочито кад су та долажења и узнемиравања постајала све чешћа, скоро свако друго вече (*squasi ogni seconda sera*), али весели млади људи нису се обазирали на то, чак ни Мароје, којег је отац за то опоменуо. Једну ноћ, пред 1 августом, деси им се нешто непријатно. Тога пута, Јаков (који ту ствар најопширније прича у свом исказу пред судом) није мислио ни на уобичајено певање и свирање, него је раније легао и спавао, кад

1) *Specchio* (рп. у држ. архиву дубровачком), под »*Consiglieri del maggior consiglio*« и »*Advocati III del comun*«. — Отац Марков *Thomas Marc(i) de Basilio* рођен је 1514, ушао је у »велико виђење« између 10 априла и 24 новембра 1534, апгогит XX; умро је 1590 (в. *Specchio*).

му одједанпут дођоше Марко и Мароје и Никола Ненко, и позваше га да иду да певају (>venite che cantiamo«, говорили су му). Он се обуче и пође с њима. Они оду најпре у улицу >Лучарицу« (*verso luza-giza*), где, на жељу Маркову, отпевају најпре једну серенаду његовој млади (*alla sua pouizza*), а после, као и обично, оду у златарску улицу. Јакову се није певало, и, кад је чуо како Марко и Мароје говоре о неким каменицама које их могу ударити за време певања, он изјави да неће ту ни да остане, ни да пева (>poiche si tirrà de sassate, io non uoglio star qua, ne cantar«, рекао им је он), али га Марко задржа, уверавајући га да неће бити ништа од тога. Тако Јаков остане, и свирка и песма почне; Никола Ненко је свирао у лаут (*ha sonato del lauto*). Стајали су баш пред кућом где је становао Галиотовић, и изгледа да су ту ради његове жене, а можда и слушкиње, долазили; то нарочито изгледа по исказу сведока Бољојевића и Николе Ивановића. Одједанпут, са прозора једног би бачена једна саксија (*una grasta, una pignata*) међу певаче. Јаков не зна ко ју је бацао и одакле, и не зна ништа даље, пошто је утекао одмах чим је саксија бачена (>doppo che fu tirrata, io me ne partiti subito« каже он), али други су видели, и ти што су видели кажу да је то учињено с прозора Галиотовића, управо да је то сам Андрија учинио. После тога, певачи, пењући и грдећи (како један сведок каже), разиђу се. Али се разиђу мислећи да се освете зато Андрији; нарочито је Марку криво било, јер је саксија пала баш крај њега (*poso a largo da Ser Marco*). У јутро 1 августа Марко и изврши што је мислио. Стојећи са Николом Ивановићем на Пласти (*in piazza*), и видевши Галиотовића како пролази недалеко од њега (Никола му је показао овога), Марко потрчи за њим, и удари га два пут (*e li dette dua bastonate*) штапом (*col bastone*). Андрија нагне бежати, а Марко за њим, ударајући га једнако по глави и по погама, док овај, најзад, вичући једнако што га бије кад му он ништа није радио (>gentil-homo, io non ui o fatto niente; perche me batete? . . . me hanete amazzato; che cosa ui o fatto io?«, говорио је он), не паде на земљу, и остаде тако пола сата (*mezza ora*), а после би одиет кући (*et poj lo portorno a chasa*). Мароје, тога јутра, није био с Марком, него га је само био видео пред кнежевим двором (>uidi ananti el palazzo el d° Ser Marco . . . et li dissi: bon di, ne alt° ho parlato con lui«, каже он); с Марком је био тада Јаков и неки други.

Тако се заврши овај догађај; архивске књиге не говоре више о њему, и ми не знамо н. пр. колико је Марко био кажњен, колико други, итд.¹⁾.

1) *Lamenta de intus*, 1580, под 1 авг., стр. 176—179, 188—189.

Све ово што смо испричали није ништа особито. Млади Дубровчани 16 века, властела или уопште господичићи, често су се забављали као Марко Басељић и његово друштво, и тукли немилостиво свакога који им је сметао у забављању, нарочито ако је тај био простога рода. Случај Андрије Галиотовића није по себи ништа интересантан, и ми га не бисмо ни причали да се случајно, у протоколу у којем је забележен, не налази узгред казан и један леп податак за књижевну историју дубровачку. Видели смо да је Марко Басељић са својим друштвом био оптужен ради певања непристојних песама; они, бранећи се од те оптужбе, изјављују да то није истина, него да су они певали Јеђупку и друге пристојне песме. Марков исказ на суду није забележен у архивским књигама, ни исказ Николе Ненка, али Мароје Ванђелистин и Јаков златар то казују. На питање судија какве су песме певали (*che sorte di sanzoni haavete cantato?*), Мароје одговара: »певали смо разне обичне песме и Јеђупку« (*habb^{mo} canto diversi uersi communi et li uersi di Jegurcha*), и додаје да је саксија пала баш кад су певали другу станцу (*nel cantar della 2^{da} stanza ci uene . . . gettata . . . una grasta*); реч је овде јамачно о »стапцама« Јеђупке. Јаков то исто каже, т. ј. да су певали Јеђупку, итд (*nel cantar che facess^{mo} di uersi communi honesti et della Jegurcha, ci fu tirrata una grasta*). И један сведок (*Ant^o ferro*) долази им донекле у помоћ, казујући како су последњих ноћи певали неке нове песме (*comenzogno certi moderni cantj et uonj*).

Јеђупка се, дакле, певала. Ми смо досада знали да се она (н. пр. Чубрановићева) јавно говорила: ево сад имамо доказа и да се певала.

Неколико речи још. О чијој је Јеђупци овде реч? О Пелегриновићеву није јамачно, јер тек ваљда се неће у Дубровнику певати хварска Јеђупка; Мажибрадићева је познија од времена о којем говоримо, а тако исто, по општем мишљењу, и она непознатог песника: остају Чубрановићева и Бобаљевићева које су могле бити певане у ноћи пред 1 августом 1580. Чија пре? Бобаљевићева је у времену дошла после Чубрановићеве, и могла је ваљда заменити већ застарелу песму »славног Андрије златара«, али је песма овог последњег била јамачно популарнија од Бобаљевићеве; интересантно је приметити да су неколико оптужених певача Јеђупке по занимању златари, исто као и песник ове чувене песме. У осталом, нека је н. пр. о Чубрановићеву овде реч, то значи да су се вероватно и друге певале, јер су те друге ваљда постале у свему по угледу на прву. — Важно је овде још питање да ли се цела Јеђупка певала. Ако је Чубрановићева, сувише

је дуга. Можда су се само извесни делови певали, н. пр. песма »шестој госпођи«, која и јесте главно у Јеђупци и која је у ствари права љубавна песма; можда су се певали и сато делови шесте песме. — Са изразом »друга станца« на које се место мислило у Јеђупци? — Важно је и питање о мелодији, о музици Јеђупке. Занимљиво је да је више њих певало и свирало, и да је више разних инструмената било, ако се т. ј. помен о томе односи баш на свирање и певање Јеђупке а не оних других »*certi communi honesti*«.

Павле Поповић.

Wspomnienie o wzajemnych między Kroatami i Polakami stósunkach.

Związki duchowe między Kroatami a Polakami sięgają zamierchłej przeszłości. Już owa stara baśń o wyjściu trzech braci, Czecha, Lecha i Rusa (Mocha) z Kroacyi, z pod stóp góry Krapiny (Kawanin, którego ona jeszcze zachwycała, mówi z Dałmacyi) jest jakby zawiązkiem poczucia ścisłego pobratymstwa narodów słowiańskich, jakoby idealnego panslawizmu, którego kolebką Kroacya. U Polaków spisane były te padania nie tak rychło, jak u Czechów przez t. n. Dalimila, ale pamięć o nich, schowana w zakątkach kronik, odżyła na nowo w całej pełni, w pamiętnych latach ok. 1840, kiedy ruch umysłów u Słowian rozbudził się ogromnie, kiedy Ljudewit Gaj głosił ideę illyryzmu, kiedy Mickiewicz z katedry Paryskiej przedstawiał rozwój kultury słowiańskiej, kiedy w Poznaniu, »polskich Atenach«, było ognisko krytyki, a w Pradze siedziba nauk słowiańskich. Wtedy to w Poznańskim *Oređowniku* ukazał się artykuł Maciejowskiego, przystany z Warszawy, o podaniu z pod Krapiny. W historycznych czasach nastaly związki między Kroatami a Polską dopiero za króla Ludwika węgierskiego, któremu do Polski towarzyszyli nie tylko Węgrzy, ale zapewne i Kroaci. Nie kto inny upowszechnił w Polsce imię Władysław, jak Kroaci, u których ono było w powszechnem użyciu: Wladislaw albo Ladislaw, wreszcie Laislaw; po polsku zaś imię to dotąd zawsze brzmiało Włodzisław, podobnie jak włódz, włodarz, włosć, włosny; jeszcze dotąd ślad tego na górnym Szląsku w nazwie Loslau, po pol. Włodzisław, zwykle Wodzisław, z wyrzuceniem ł, bo polski szlązak wymawia zgłoskę *wło* bez ł, n. p. wodarz, ale ł przechowało się w niemieckiem Loslau. Od Kroatów weszły do języka polskiego i inne imiona i wyrazy, przede-wszystkiem Rzym za pośrednictwem czeskiego Řim, bo nazwa ta z wielu kościelnymi wyrazami wędrowała przez Czechy do Polski, ale zmiana formy Roma na Rim wyszła z kroackich okolic, tak jak Ancona na Jakin. Ale to nie jedyne wpływy kroackiego języka na polski: w starożytniej pieśni

Bogurodzica zachodzi miejsce »swe niebieskie siły« (omnes vires), i ten zaimek zachodzi jeszcze w ps. flor. w formie swytki omnis, a w kaz. Gniez. swyciek, a potem znika.

Ożywiły się stosunki wzajemne, kiedy Władysław Jagiełło powołał mnichów słowiańskich do Krakowa, zapewne z Krocacyi, tak jak Karol IV do Emaus. Wr. 1444 znalazły się oba narody obok siebie pod przewodem wspólnego króla Władysława Warneńczyka, koronowanego w Budzimie na króla węgierskiego i chorwackiego, przeciw Turkom. W bitwie pod Warną zmieszala się krew kroacka i polska, obok Władysława zginął także ban Matko Talović.

Wiek 16-ty był wiekiem największego zbliżenia między Kroatami a Polakami. Już w 15-tym wieku zawieżywały się stósunki więcej ożywione: t. n. Janczar Polak, Michał Konstantynowicz, który rodził się w Ostrowicy (1430), żył później w Polsce. J. Jireček twierdzi, że kronikę pisał po polsku, mnie się zdaje, że pisał ją po — łacinie. W Ostrowicy była łacińska szkoła, a znany Maciejowski opowiada w *Piśmiennictwie*, że jeden rękopis kroniki miał napis »kroniczka przełożona z łacińskiego«, przecież przeznaczona była dla Europy, jak rozmaite »*Turcyki*« (zob. *Orędownik* 346). W 16-tym wieku jeden z najznakomitszych uczonych swego czasu, humanista Dudycz (Dudithius) przeżył wiele lat w Polsce i osiedlił się tutaj. Urodził się w ziemi chorwackiej pomiędzy Zagrzebiem, Krzyżem a Warazdynem, więc w ojczyźnie Jagića; w epoce zawichrzeń religijnych złożył sukienkę kapłańską i godność biskupa Pięciukościołów, udał się do Polski jako agent polityczny Maksymiliana II; tutaj powitany serdecznie przez uczonych polskich, Kochanowskiego, Górnickiego, Nideckiego i. i., tak bardzo upodobał sobie życie polskie, że ożenił się z Reginą Straszowną, później, już jako właściciel Śmigła, z Elżbietą Zborowską, córką Marcina Zborowskiego a wdową po Janie Tarnowskim. Jeden z przyjaciół Dudyc’a, Jan Kochanowski, wielbił go wierszami, inny, Nidecki, naukowe z nim miewał biesiady, jeszcze inny, zapewne także kolega z Padwy, Łukasz Górnicki, dzielił z nim poglądy na słowiaństwo w naukowych względach, i z pewnością w myśl uczo nego Słowianina w *Dworzaniu* 1566 pisał, że język polski tak jak inne pobratymcze wyrosły z jednego t. j. słowiańskiego, i niejednokrotnie powtarzał, że język kroacki, podobnie jak czeski i ruski, mają zasoby wyrazów, które godzi się Polakowi przejmować, kiedy własnych nie ma. — W wieku też 16-tym było wielkie zbliżenie Kroatów i Polaków w Padwie, bo uniwersytet w Padwie był w równej mierze uniwersytetem dla Polaków, jak dla Kroatów. Tu polska młodzież dowiedziała się o kwitnącej poezyi kroackiej rozwiniętej na wzór włoski, i przypuścić się

godzi, że ta kroacka poezya Marulićów, Držićów, Menčetićów i. i. była podnieta i wzorem dla poezyi polskiej 16-go wieka podobnie jak poezya Ronsarda, nie może to być przypadkiem, że niektóre temata poezyi kroackiej: psalmy, Zuzanna, Broda, liryki, mianowicie niektóre ich motywy, były także upodobane w polskiej poezyi złotego wieku. Wznawiali też pamięć o Serbach i Kroatach i wtedy i w 17-tym wieku wędrujący po dworach polskich muzycy, o czem świadczy poeta Kasper Miaskowski i Hieronim Morsztyn: ów w wierszu *Mięsopust polski* wspomina »serbskie skrzypki« na uczcie zapustnej, ten zaś w *Światowej rozkoszy* śpiewa:

Przy nim Serbin żałosny długi smyczek wlecze
(i śpiewa) . . . jak przed laty

Turków bili Polacy — i mężne Chorwaty

Ów Serb grajek na mięsopustnej uczcie (u Miaskowskiego) grał na skrzypcach do tańca, ów zaś drugi »żałosny« z długim smyczkiem był widocznie Kroatą, bo śpiewał o mężnych Chorwatach, a grał na gęśli (gusli), tutaj obrazowo poćią nazwanej.

W wieku 17-tym, r. 1621, była walka Polaków z Turkami pod Chocimem, a kroacki poeta Gundulić wielbił sławne czyny wojenne Polaków w poemacie *Osman*, który Pavić wolałby zatytułować *Vladislav*, bo poeta głównie podnosi chwałę królewicza Władysława i przewagi Polaków. — W wieku 17-tym wędrował też Kroat Jerzy Križanić, »pierwszy panslawista«, po polskich ziemiach i wsłuchiwał się we wdzięki mowy polskiej, ale w Polsce nie podobało mu się, ciągnęło go do potężnej Rosyi.

Potem w Polsce nastaly czasy straszne i burzliwe: furja wojenna szalała ogniem i mieczem, jęzda nietolerancyi nienawiścią; stósunki sąsiedzkie i pobratymcze poszły w ponierkę i ustały zupełnie. Dopiero w czasie wojen Napoleońskich i w epoce odrodzenia, zawierują się znowu ożywione stósunki między narodami słowiańskimi; poczucie pobratymstwa budzi się i potężnieje; powstają pisma z celem wzajemnego poznania się, w języku narodowym albo niemieckim: *Slavin*, *Slovanka*, *Časopis č. M.*, *Jordan*, *Slav. Jahrb.*, *Smoler-Schmaler*, *Zeitschr. f. slav. Liter.*, *Lukšić Slav. Blätter* i. i.; przewodnicy ruchu umysłowego u Słowian zwiedzają kraje pobratymcze; zawiera się pomiędzy nimi ożywiona korespondencya, której ogłoszenie winniśmy Jagićowi; rządy europejskie zakładają katedry filologii słowiańskiej i starożytności: we Wiedniu, w Paryżu, w Wrocławiu, rząd rosyjski wysyła kandydatów takich katedr do Pragi i za granicę.

Rząd rosyjski dawał takim kandydatom dokładne instrukcyje na podróż naukową z marszrutą do siedlisk życia naukowego w krajach

słowiańskich, w której zawsze obok Pragi była Kroacya jako stacya bardzo ważna dla studyowania ruchu narodowego. Śladem tych młodych slawistów, jak Bodjanskij, Sreznewskij, Preis i. i., wędrowali także polscy młodzi uczeni, że wymienię tybko Kucharskiego, ktorego także rząd rosyjski wysłał z Warszawy w podróż po Słowiańszczyźnie, i Wojciecha Cybulskiego, który przed habilitacją w Berlinie odbywał podróż naukową i chętnie przebywał w Kroacyi, gdzie zawiązał ścisłe stosunki z przewodnikami ruchu narodowego »illyryjskiego«, ze Stan-kiem Vraz, z Mażuranićami i wieli innymi.

W. Nehring.

Къ вопросу о заимствованныхъ словахъ въ славянскихъ языкахъ.

1. Словинск. *čamer*.

Словинское *čamer* sm. gen. s. *čamra* ›Pelzmütze‹, также *čamar* ›kosmata kara za zimo‹ Ahacel 26, ›kara od zajčjih kožic kakor polhovka‹ Letopis 1895, 5 и *čamra* sf. ›idem‹ — Štrekelj Lehnwörterkunde 13 выводитъ изъ средневерх.-нѣм. *schabernac*, *schavernac* ›gauhaartige Pelzmütze, grober Winterhut‹. — Съ точки зрѣнія семасіологій эта этимологія — безукоризненна, но фонетическихъ затрудненій, возникающихъ при такомъ толкованіи не рѣшилъ и нашъ этимологъ (с. I.) указаніемъ на возможность контаминаціи двухъ словъ: *Schauber* и *Schabernac* уже на почвѣ средневерхненѣмецкаго языка. Вѣдь если бы, Štrekelj былъ правъ, то слѣды контаминаціи должны были бы сохраниться въ германскихъ діалектахъ, чего мы однако не замѣчаемъ.

Между тѣмъ всѣ затрудненія, связанныя съ толкованіемъ этого слова, рѣшаются, коль скоро мы обратимся къ языкамъ Балканскаго Полуострова. Здѣсь всюду распространено слово, котораго нельзя отдѣлить отъ указаннаго словинскаго: новогреч. *τσεμβέρι* ›Frauenturban‹, см. Kogaís *Ἰταχτα* IV 595; idem Смирна, *Δελτίον* VI 179, Аркадія, *Δελτίον* VI 270, *τσιβέρ* ›мужская шапка, обыкновенно краснаго или чернаго цвѣта, напоминающая древне-фригійскую шапку‹ Лесбосъ, Kretschmer, Lesb. Dialekt 460; серб. чѣмбер ›velum feminarum Turcicarum‹, Караинѣ 850; румынск. *džimbir* ›rotes schwarzpunktiertes Kopftuch‹ мадыарск. *gyömber* id. (см. Stinghe, Jahresb. Instit. f. rum. Spr. VIII 82), болг. *čumber* ›bëla ženska krūpa‹, русск. чѣмбур ›веревка, тесьма‹ (см. Miklošić Türk. Elem. Nachtr. I 95), алб. *tšembër*, *tšimbër* ›velum‹ (см. G. Meyer Alb. Wb. 446). — Всѣ перечисленные нами формы, вмѣстѣ со словинск. *čamer* заимствованы изъ османск. *čember*, въ народномъ произношеніи: *čember* ›обручъ¹⁾›, головная

1) Первое значеніе османскаго слова уцѣлѣло въ болг. чѣмбѣр ›обручъ‹ см. Геровъ Рѣчникъ V 540.

повязка, шапка« (о которомъ Miklošić Türk. Elem. I 39)¹⁾. Образование словинской формы правильно объяснено и Štrekelj'емъ (с. l.): ном. sing. *čamber*, ген. *čambra* и проч; отсюда ген. sing. *čamra*, по фонетическимъ причинамъ, а отъ него образованъ новый ном. sing. *čamer*.

2. Слово корыць въ славянскихъ языкахъ.

Подъ словомъ корыць Miklošić Et. Wb. 133 сопоставляетъ цѣлый рядъ славянскихъ словъ со значеніемъ »мѣры сыпучихъ тѣлъ« — съ одной, и »черпального сосуда, ковша« съ другой стороны, повидимому выводя эти слова изъ греч. *κόρος*, но вмѣстѣ съ тѣмъ связывая ихъ съ кора и корыто и этимъ вводя читателя въ полное заблужденіе. Этотъ недостатокъ справедливо подчеркнуть Štrekelj'емъ Lehnwörterk. 34, но и онъ не указываетъ въ подробности этимологическаго взаимоотношенія словъ, приведенныхъ М^с. Именно поэтому новое сопоставленіе всего матеріала намъ кажется далеко не излишнимъ; принимаясь за него мы постараемся руководиться при этомъ фактами семасіологическими.

Прежде всего необходимо выдѣлить слова со значеніемъ »ковшъ изъ коры« или »корзина«; сюда относятся: словацк. *korec* »nadoba z kúry na jahody« см. Kott I 750, словинск. *kórec* 1) »iz skorje napravljena posoda«, 2) »nádoba k čerpaní vody«, 3) желобоватая черепица, 4) водочерпальное колесо, см. Pleteršnik I 437; чешск. *korec* 1) *nálevka v dlouhým držadlem*, 2) водочерпальное колесо, см. Kott I 750, польск. *korzec* »ковшъ для черпанья воды«, см. Słownik języka polskiego II 484, русск. корецъ 1) »мельничный ковшъ, куда идетъ засыпка хлѣба«, 2) »поперечный брусъ (у сохи), за который обжи протягиваются вичьемъ, закрутками«, Тамбовъ, Даль II³ 416; затѣмъ: »ковшъ« Калуга, Сб. отд. русск. яз. LXXVI 54; Кашинъ, Сб. LXX 75; Область Донск. Каз., Сб. LXVIII 34. — Значеніе всѣхъ этихъ словъ позволяетъ намъ установить связь ихъ со словомъ кор-а (о кот. Miklošić Et. Wb. 129), которое такъ относится къ корню *ker-* въ литовск. *kertu*, греч. *κείρω* и проч. (см. Walde Et. Wb. 99 sq., Hirt, ВВ. XXIV 261, Prellwitz² 214), какъ высшая ступень къ низшей²⁾. Отъ значенія »ковшъ изъ коры« не

1) Въ тюркскихъ языкахъ мы находимъ османск, джагат., тар. *čämbür*, со значеніемъ 1) (Осм.) тар. обручъ, кругъ бубна, рѣшета, кругъ изъ веревки. *bojuñ čämbürü* (осм.) шейный платокъ, *čämbür kajuk* (осм.), лодка сзади круглая, *čämbür diräji* (осм.), бизань; *vraläkin čämbürindän gästmäk* (осм.), испытать удары судьбы. 2) (осм. джаг. тар.) длинная женская повязка на лбу. см. В. Радловъ, Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій III 2002—2003, который источникомъ тюркскихъ словъ считаетъ персидск. *čämbür* (на это обратилъ наше вниманіе А. Н. Самойловичъ).

2) Балканскія заимствованія изъ ст.-слав. кора, см. G. Meyer Ngr. Stud. II 33 sq. Кстати замѣчу, что алб. *korë'e* »кора« заимствовано не съ лат. *corticem*, какъ предполагаютъ G. Meyer Alb. Wb. 200, а изъ ст.-слав. корка : кора.

далеко до значенія: »ковшъ вообще«. Такъ я объясняю русск. корѣцъ »железный ковшъ для черпанья воды, кваса, чумичка« Тамбовъ, Даль II³ 416. —

Кромѣ перечисленныхъ сейчасъ словъ въ славянскихъ языкахъ встрѣчается цѣлый рядъ вполне сходныхъ съ ними фонетически словъ со значеніемъ: »мѣры, главнымъ образомъ, сыпучихъ тѣлъ«: малорусск. кбрѣць »Schüttmaß« Żelechowski 366; польск. *korzec* 1) *miara ciat sypkich*, 2) *hektolitr*, см. *Słownik jęz. polsk.* II 484; *Karłowicz Słownik wyrazów obcego a mniej jasnego pochodz.* II 303, чешск. *korec* »мѣра« Kott I 750, помор. *korček* »Scheffel« (см. *Pfuhl Wend. Wb.* 273), словинск. *lórec* »Getreidemaß«, *Pleteršnik* I 437, др.-русск. корьць »*vas quoddam*« Mikl. Lex. Palaeosl. 304. »хлѣбная мѣра, кобель, около гарница«, Срезневскій I 1293, русск. корѣцъ, »мѣра сыпучихъ тѣлъ«, Павловскій 575. — Относительно этихъ словъ на первый взглядъ можетъ возникнуть сомнѣніе связать ли ихъ съ разсмотрѣнной выше группой или нѣтъ; но принимая во вниманія старо-слав. **КОРЬ** »хлѣбная мѣра« *Cod. Zograph.* 192, 7 (ed. Jagić p. 116) и рядомъ ст.-сл. **КОРЬЦЬ**, *id.* *Cod. Marian.* 271, 24 (ed. Jagić) мы только и можемъ рѣшить, что имѣемъ дѣло съ греческимъ заимствованіемъ. Источникомъ его является греч. *κόρος*, въ свою очередь восходящее къ еврейск. **כֹּר** *kōr* (см. *Thumb Hellenismus* 113 и 117). Греческое слово со значеніемъ 1) мѣры для вина, 2) четверикъ, встрѣчается въ греческой литературѣ послѣ классическаго времени въ Нов. Завѣтѣ, у Іосифа Флавія и др. (ошибочно *Matzenauer Cizl slova* 45, перѣшительно *Meillet Etudes* 343). Изъ славянскихъ языковъ слово уже перешло къ мадьярамъ: *korocz*, а отсюда обратно заимствовано словинск. *koruš* »хлѣбная мѣра«; только такъ и можетъ быть понято конечное *š* этого послѣдняго, которое невозможно объяснить, принимая толкованіе *Štrekelj*'а, *Lehnw.* 34, такъ какъ греч. *s* всегда передается славянами черезъ *s* (см. Соболевскій, Извѣстія отд. р. яз. X, 2, 140—145). Широкое распространеніе нашего слова въ славянскихъ языкахъ свидѣтельствуетъ о древности его заимствованія. Въ настоящее время народно-этимологическое чутье совершенно соединило обѣ группы словъ, первую — исконнославянскую, и вторую — заимствованную. Контаминаціей обѣихъ объясняется значеніе слѣдующихъ словъ: русск. корѣцъ, »мѣра при продажѣ молока, равняющаяся небольшому чайному стакану«, Донец. Обл. Сб. LXVIII, 34, лужицк. *korc*, »*gindenes Maß*«, см. *Pfuhl Wend. Wb.* 273.

3. *košulja* : *kačula*.

Miklošić Et. Wb. 134 подъ словомъ *košulja* говоритъ: »*košulja* aksl. ,Hemd', nsl. bulg. serb. *košulja*, č. *košile*, poln. *koszula*, osorb. *košula*,

košla, nsorb. *košulja*, klr. *košula*, *košela*, wr. *košula* ‚idem‘, russ. *košulja* ‚Art Pelz‘, dial. ‚Hemd‘ — alb. *kesulë*. Man vergleicht lat. *casula*«. — Этими словами совершенно не рѣшенъ вопросъ о происхожденіи нашихъ словъ; вѣдь алб. *kesulë* ›головкой уборъ, чепчикъ, шапка« въ этомъ языкѣ само не имѣетъ этимологической ›семьи« и должно быть признано заимствованнымъ (см. G. Meyer Alb. St. V 85, Alb. Wb. 190 sq.). Но такимъ образомъ рушится и все этимологическое зданіе, построенное на столь шаткихъ основаніяхъ. Попытаемся изъ указанныхъ матеріаловъ создать что нибудь новое: прежде всего несомнѣнно, что всѣ славянскія формы восходятъ къ одному источнику. Сюда же слѣдуетъ присоединить русск. кошúля sf. ›сорочка, рубашка« Западн.; ›женская рубаха съ широкими рукавами«, Курск.; ›убранный воротъ у женскихъ сорочекъ, Смолен.; ›короткій крытый тулупъ«, Кострома; ›овчинная шуба съ борами, крытая китайкою, крашениною или сукномъ« Ярославск. Вологодск.; ›мужской или женскій поддевокъ на мѣху«, родъ верхней рабочей рубахи«, см. Даль I³ 470.

Несомнѣнна и связь съ этими словами средне-греческаго *κασούλα* ›простая рубашка« встрѣчающагося у Прокопія Кесарійскаго (Bell. Vandal. 522, 2 ed. Naury, Opera Procopii I 539, 10—15)¹⁾. Но славянскія формы не могутъ непосредственно быть заимствованы изъ греческой, такъ какъ греческое *s* всегда передается слав. *s* (см. Соболевскій, Извѣстія X, 2, 140—145). Самъ Прокопій указываетъ намъ источникъ греческаго и славянскихъ словъ: вульг.-лат. *cāsūlā* ›плащъ съ капюшономъ«²⁾, откуда, со введеніемъ суфф. *-ullus* — исп. *casulla* ›Meßgewand der Priester« (см. Diez-Scheler⁵ 91, ошибочно Körting 180, Storm Romania V 174). Изъ этого вульгарнолатинскаго слова заимствованы съ одной стороны славянскія формы, съ другой — греч. *κασούλα*. Удареніе этихъ заимствованій интересно и для романистовъ, ибо указываетъ, что отмѣченное нами введеніе суфф. *-ullus* нѣкогда было распространено болѣе, чѣмъ заставляють подозрѣвать современные свидѣтельства романскихъ языковъ. Уже изъ греч. *κασούλα* заимствовано алб. *kesulë* (см. G. Meyer Alb. Wb. 190 sq.); прямое заимствованіе съ латинск. яз. заста-

1) Въ виду важности этого мѣста, приводимъ его цѣликомъ: *Ἀρεόβινδος δὲ αὐτὸν τι μελλίσσας εὐτὴν εἶπετο, ἰμάτιον ἀμπεχόμενος οὐτε στρατηγῶν οὐτε ἄλλων στρατιωμένων ἀνδρῶν ἐπιτηδείως ἔχον, ἀλλὰ δοῦλον ἢ ἰδιώτη παντάπασι πρέπον· κασούλαν αὐτὸ ἐν ταῖς λατίνων φωνῇ καλοῦσι Ῥωμαῖοι.*

2) Изъ *cāsūlā*: *casa* ›домъ, хижина«; съ значеніемъ ›плащъ« уже Ven. Fort. Vita S. Medardi 2, Isid. 19, 24, 17; отсюда слово перешло и въ германскія нарѣчія; съ одной стороны: англ.-сакс. *casul* ›Priestermantel«, съ другой — др.-англ. *cesol*, *ceosol* ›избушка«, Pogatscher, Zur Lautl. d. Lehnw. im Altengl. 118, наконецъ и алб. *kesulë*, *ksulë*, *kusulë*, *katsulë* ›домъ, хлѣвокъ«, неточно G. Meyer Alb. Wb. 190.

видо бы и здѣсь ожидать не *s*, а *š* (см. G. Meyer, Gröbers Grundr. d. rom. Phil. I 804 sq.). Со стороны семасіологической нѣтъ никакихъ затрудненій: для перехода значенія: плащъ > шапка имѣются параллели, въ родѣ греч. *κουκούλλι* 1) шапка, 2) плащъ (см. G. Meyer Ngr. Stud. III 29), *κάππα* 1) шапка, 2) плащъ (см. G. Meyer Ngr. Stud. III 25), вульг.-лат. *capra*, см. Kluge Et. Wb.⁶ 149 sq. Затѣмъ нѣм. *Mütze*, см. Kluge 277 и проч.

Въ то же время вульг.-лат. *casula*, уже путемъ народнаго заимствованія, попало въ греческій языкъ, въ видѣ *κατσούλα*¹⁾ «шапка, чепчикъ», Эпиръ, Syllogos XIV 220, «капюшонъ» Морей, Παρραζαφροπούλος 436, *κατσούλι* «пѣтушій гребень», *κατσουλιέρα* sf. «хохлатый жаворонокъ», *ibid.*; *ἀνεκατσουλώνω* «ерошиться» Фира, *Πεταλᾶς* 16, ошибочно G. Meyer Ngr. Stud. III 29. Уже изъ греческаго заимствовано рум. *căciulă* «шапка», которое Ruşcariu, Et. Wb. d. rum. Spr. I 21 ошибочно выводитъ изъ латинскаго языка²⁾, макед.-рум. *са̀тула* (см. Weigand Argmunen 110), алб. *katsurëts* m. «капюшонъ» (со славянскимъ суффиксомъ, см. G. Meyer Alb. Wb. 191), *katsul* m. «хохолъ у птицъ», *katsuler* m. «хохлатый жаворонокъ», греко-алб. *katsule* f. «хохолъ у птицъ», *katsulos* «опускать уши на подобіе шапки» (о животныхъ), см. G. Meyer Alb. Stud. V 85; наконецъ болг. качулка, качула «головная повязка», которое Mikl. Et. Wb. 108 выводитъ изъ румынскаго языка, а Štrekelj 29 сопоставляетъ съ обширнымъ классомъ словъ, выводимыхъ изъ романск. *cochlea*, изъ котораго онъ, также ошибочно выводитъ и сербск. кукулица «косичка», см. М. Фасмеръ Живая Старина XV, 3. 50 сл.

4. Названія Мула и Осла.

Сербск. мусј, мусјо въ Черногоріи употребительно со значеніемъ: «вох *alliciendo asino*», затѣмъ въ выраженіяхъ въ родѣ: «седлахъ коня добра мусја», очевидно какъ прозвище коня, см. Караѣић 388. Въ истро-чакавск. нарѣчій *тис* «*asinus*» см. Nemanic I 9. Всѣ эти формы Štrekelj 41 выводитъ изъ триест.-ит. *mus asino, somago*, фриульск. *muss asino*, *musse asina*, ломб. *müssa*, ит. *miccio* «оседъ». Что касается этихъ послѣднихъ, то самъ Štrekelj (с. l.) указываетъ на два объясненія, уже не опредѣляя своего отношенія къ нимъ и ни одному не оказывая предпочтенія: этимологія Caix, Studi di et. ital. 415, выводящаго

1) Относительно соответствія лат. *s* — греч. *σ* въ народныхъ заимствованіяхъ см. Thumb IF. XIV 354 sq.

2) Фонетически производство этого слова изъ вульг.-лат. **catteulla* (отъ **catta* «кошка») безукоризненно, но затрудненіе: 1) формальное — полная проблематичность вульгарно-латинской формы и даже мнимаго ея прототипа; 2) семасіологическое — отъ «кошки» никогда не получается своего названія «шапка». Все это заставляетъ насъ скептически относиться и къ доводамъ Ruşcariu, *Ti* и *ki* im Roman. 53—54.

всѣ романскія формы изъ лат. *mūsīmo*, Plin. VIII 199 »ein sardinisches Tier, vermutlich der Muflone«, — невѣроятна по семасіологическимъ и фонетическимъ соображеніямъ. Этимологія Schuchardt'a Rom. Etym. I 60, считающаго источникомъ этихъ словъ ит. *mogio*, *muso* »вляль« изъ лат. *musteus* »толстоногий«, хотя и принята Körting'омъ Lat.-rom. Wb.² 607, въ семасіологическомъ отношеніи также крайне невѣроятна: вѣдь характернымъ признакомъ осла вовсе нельзя признать »толщину ногъ« и пр. (о подобныхъ толкованіяхъ см. Bartholomae IF. Anz. XII 24).

Между тѣмъ всѣ эти изслѣдователи не обратили вниманія на то, что подобное же слово имѣется въ албанскомъ языкѣ, гдѣ оно объяснено весьма удовлетворительно: въ алб. *mušk* m., *muške*, *mutške* f. »мулъ«, G. Meyer Alb. Wb. 293 sq. видитъ указаніе на происхожденіе этого животнаго изъ Мисин (М. Азіи), что подтверждается данными культурно-историческими (см. цитаты изъ древне-греческихъ авторовъ къ этому вопросу Pehn-Schrader Kulturpf.⁷ 132 sq., G. Meyer IF. I 322 sq., Schrader Reallexikon 533 sq.). Такимъ образомъ въ древнее время въ албанскомъ (илирійскомъ) языкѣ существовали названія мула: *muso-*, *musko-*, *muslo-*¹⁾. Изъ послѣдняго заимствовано лат. *mulus*, изъ *musko-* — лат. *muscellus*, *muscella*²⁾. Далѣе, то же слово попало въ славянскіе языки, когда здѣсь еще существовали глухіе гласные, въ формѣ *мъскъ, откуда мъскъ и, чрезъ ассимиляцію гласныхъ, мъскъ (см. примѣры Miklošić L. P. 388), отсюда ст.-серб. мъскъ, мъзгъ »mulus«, мъска, мъска »mula«, др.-русск. мъскъ (примѣры Срезневскій II 213) и мъска, мъска »mula« (см. Срезневскій II 213; къ его примѣрамъ прибавимъ: мъска »mula« Новгород. I лѣтоп. 96, 6), чешск. *mez*, *mesk*, серб. мѣзга, мѣска »mula«, мѣзгѣв, мѣсак, см. Караѣи 353 и 358 словинск. *mezg*, *mëzg*, *mezgica*³⁾, рядомъ съ *mazg*, *mazginja*, которое заимствовано съ сербскаго языка. Наконецъ, къ тому же илирійскому источнику восходятъ указанные выше романскія формы и румынск. *mușcoiu*, см. G. Meyer IF. I 322 sq.⁴⁾. Что касается славянскаго мъзгъ рядомъ съ мъскъ, то здѣсь мы имѣемъ дѣло съ вліяніемъ слова мозгъ (о кот. Mikl. Et. Wb. 203), или же съ измѣненіемъ конечныхъ согласныхъ по

1) При чемъ *-ko* и *-lo* должны быть признаны уменьшительными суффиксами. См. G. Meyer IF. I 322 sq., Alb. Wb. 293 sq.

2) Значитъ излишне предположеніе формы **mușcellus* изъ **muğh-slos* съ »переставкой« см. Walde Et. Wb. 399. Невѣроятно Brugmann Gr. Gr.³ 97 соединяетъ греч. *μυχλός* съ лат. *mūlus*. См. Bartholomae Wochschr. f. kl. Phil. XV 1060 sq. Pehn-Schrader Kulturpf.⁷ 136.

3) Derivata: *mezgár* »Maultierreiber« etc. см. Pleteršnik I 579.

4) Другія названія осла въ балканскихъ языкахъ, въ связи съ названіями товара, бремени и рыбы *oniscus*, нами рассмотрены въ Byz. Zeitsch. XVII 1—2.

аналогіи отношеній: моск : мозга, виск : визга и пр. уже послѣ исчезновенія конечныхъ глухихъ гласныхъ, примѣры Соболевскій Лекціи ³ 118 сл.

Рядомъ съ мѣскъ: мы отмѣтили форму мѣськъ: известно, что въ заимствованныхъ словахъ въ сочетаніяхъ нѣсколькихъ согласныхъ въ славянскихъ языкахъ появляются ирраціональные гласные (см. М. Фасмеръ Извѣстія XII, 2, 201), причемъ характеръ этихъ глухихъ зависитъ отъ окружающихъ согласныхъ; поэтому, въ виду предшествующаго *z*, второй гласный въ мѣськъ не представляетъ ничего удивительнаго; но подъ его вліяніемъ произошла перегласовка перваго *ъ* > *ь* (объ этомъ явленіи Vondrák Vergl. Gr. I 150 sq.); такъ изъ мѣськъ получилось мѣськъ¹⁾. Впрочемъ, не исключена возможность, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ діалектической албанской формой, но пока данныхъ для этого нѣтъ на лицо (см. G. Meyer Alb. Stud. III 70 sq.)²⁾. Изъ мѣськъ на русской почвѣ получилось: мѣскъ *sm.* »ублюдокъ, выродокъ, тумакъ особ. отъ лошади; мулъ« Даль II³ 837 сл. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ обобщеніемъ формы косвенныхъ падежей меска, меску и проч. изъ мѣска, мѣську, ибо пош. *sing.* слѣдовало бы ожидать *мсек изъ мѣськ(ъ) (см. законы исчезновенія глухихъ Шахматовъ, Новг. грам. 182 сл. Ляпуновъ, Изсл. 86 сл. Соболевскій Лекціи ³ 53 сл.)³⁾.

5. болг. *spuga*.

Болг. *spuga* »пепель«, малорусск. спуга, спудза »горячая зола« Mikl. Et. Wb. 318 выводитъ изъ рум. *spuză*, *id.* Онъ же Beitr. z. Lautlehre d. rum. Dial. II 5 румынское слово признаетъ необъясненнымъ. Послѣ этого Štrekelj 59 правильно установилъ связь рум. *spuză* (такъ, а не *spuze*, какъ онъ пишетъ) съ греч. *σποδιά*. Но при такомъ толкованіи остается невыясненнымъ удареніе славянскихъ и румынской формъ, а также и звукъ *z*. Первое затрудненіе Štrekelj (с. 1.) обходитъ молчаніемъ, второе онъ разрѣшаетъ словами: »*di ward über dj zu ζ; über dj > ζ im Agr. vgl. G. Meyer Gr. Gr. ³ § 283«.* Это объясне-

1) G. Meyer IF. I 323, старался объяснить мѣскъ и не принимал во вниманіе другихъ формъ, ссылается на бѣтарь изъ лат. *butarium*; но здѣсь онъ забываетъ форму бѣтарь, см. Mikl. Lex. Pal. 49, показывающую, что въ бѣтарь мы имѣемъ дѣло съ среднеболгарскимъ совпаденіемъ глухихъ, см. Лавровъ, Обзоръ 34 сл.

2) Такъ какъ въ фригійскомъ языкѣ имѣется измѣненіе *o > i* (см. Thumb Hellenismus 140 сл.), то мы могли бы объяснить форму мѣскъ прямо заимствованіемъ изъ этого языка, если бы имѣлись данныя позволяющія предположить существованіе нашего слова именно въ такомъ видѣ въ фригійско-оракійскихъ нарѣчіяхъ; но такъ какъ такихъ данныхъ пока еще нѣтъ, то мы здѣсь ограничимся указаніемъ на эту возможность.

3) Аналогичный случай: русск. сонмъ, отъ *gen. sing.* сонма, *vm.* *сиемъ изъ съпемъ.

ніе, впрочемъ, можетъ показаться излишнимъ, ибо мы имѣемъ дѣло съ новогреческой формой, а явленіе, отмѣченное Г. Мейеромъ относится къ прагреческому періоду. Для объясненія румынскаго слова М. Фасмеръ Жив. Стар. XV, 3, 50, уже обратилъ вниманіе на измѣненіе $\delta > \tau\zeta$ въ нѣкоторыхъ дзекующихъ новогреческихъ говорахъ: локридскихъ, цаконскихъ и др. (см. Fou Lautsystem 55); но и это указаніе не рѣшаетъ вопроса: въ сѣверногреческихъ говорахъ, которые только и могутъ быть приняты во вниманіе въ нашемъ случаѣ, дзеканье отсутствуетъ. Значитъ необходимо подыскать другой источникъ: алб. *šprize* sf. »горячая зола« заимствовано изъ лат. *spodium* (см. G. Meyer Alb. Wb. 415), далѣе слово попало въ румынскій языкъ, отсюда въ болгарскій и малорусскій. Изъ румынскаго же языка путемъ контаминаціи словъ *șpriză* + *sprună* (последнее изъ лат. *prūnă* см. Weigand, Olympro-walachen 59) ¹⁾ получилось новогреч. *σπρωῦζα* sf. »горячіе уголья« Эпиръ, *Μυρμεῖα* I 54, отсюда при дальнѣйшей контаминаціи *σποδιά* + *σπρωῦζα* получилось новогреч. *σπρωῦζια* »зола, смѣшанная съ угольями« Загори (Эпиръ), *Syllogos* XIV 229, неточно G. Meyer Ngr. St. II 72 sq.

1) Рум. *șpriză* употребительно въ сосѣднихъ говорахъ см. Dalametra, *Dicționar macedo-român* 195. Другія румынскія формы *Rușcașu Et. Wb. I 149 s. v. sprună*.

Einige verkannte slavische Lehnwörter der baltischen Sprachen.

Es gibt im Litauischen mehrere Wörter, in denen, wie Brückner sich ausdrückt, »*ui* aus *ai* verschoben scheint« (Lituslav. Stud. I 42 Anm., vgl. Vf. GGA. 1875 S. 273, H. Weber Archiv f. slav. Phil. III 193). Allein Hervorgehen von *ui* aus lit. *ai* würde nur bei Entlehnungen aus litauischen Mundarten, die *ai* in *oi* verwandeln (BB. IX 287, XX 108), nicht ganz unbegreiflich sein¹⁾, und die Annahme einer solchen Entlehnung stößt in jedem der betr. Fälle auf Schwierigkeiten. Bei *guinioti* wird sie sogar durch seine Verbreitung und das Fehlen von **goinioti* geradezu abgewiesen. — Ebenso wenig aber lassen sich *pūszinas* : *pašzinas* »rußig«, *ruinas* (wo?) : *rainas* (so Kurschat, Stallupönen, Memel) »grau« (nur von Erbsen gebraucht) nebst *rainotas* »(grau) gestreift« (Ostlitauen: Birsen, Poswol), *ruiszas* : *rūszas* »lahm« (hinkend), *guinioti* : *gainioti* »hin und her jagen« ohne Willkürlichkeit als Ablautsformen hinstellen, und eine weitere theoretische Möglichkeit, ihr Lautverhältnis einheitlich zu erklären, vermag ich nicht zu erkennen. Dies Verhältnis scheint mir daher in jedem Falle besonders untersucht werden zu müssen, und deshalb kann mich an den nachstehenden Erklärungen von *guinioti* : *guinioti* und *stainūs* : *stūinūs* der Umstand nicht irre machen, daß ich andere ähnliche Wortpaare vorläufig nicht verstehe.

gainioti ist schon von Bretken gebraucht (Beitr. z. Gesch. d. lit. Sprache S. 65), von Geitler Stud. S. 83 aus russ.-lit. Texten nachgewiesen (*gajniota* Iwiński Kalendorius ant. . . 1846 S. 19) und findet sich in den Wörterbüchern von Juškevič und Miežinys (in letzterem auch *gainiosena*, *gainiotojas*). Jener übersetzt es mit russ. *gonjati* »treiben«, dieser mit poln. *ganiać* (vgl. o-, od-*ganiać*), russ. *raz-vy-gonjati*. Die

1) Vgl. z. B. *rūszas* »lahm« Kurschat (*rayszas* Szyrwid), *rūszas* »hinkend« (neben *kūšis* »Eber«, *puikus* »hübsch«; also *oi* nicht aus *ui*) Kissinnen (Kreis Memel), *rūszis* »Hinker« in der Mundart Gaigalats. Aber *rūszti* »hinken« Prūkuls.

Betonung schwankt: *gainóti* und *gáimoti* Juškevič S. 401, 696, *gáinioti* H. Weber a. O. Ganz genau entspricht ihm lett. *gainát* »abwehren, durch Fechten in der Luft von sich abtreiben«. — In der Memeler Mundart braucht man dafür *gaināti* »herumjagen«, vgl. *pragainóti* »vertreiben« Mittel. d. lit. liter. Ges. I 65.

guinióti kennt man aus den Wörterbüchern von Kurschat (»fortgesetzt hin- und herjagen«) und Juškevič (»gonjāts, gonjatsja«), sowie aus Donalitius. Ruhig, Mieleke, Nesselmann bieten dafür *quinóti*, und dies ist nicht etwa nachlässige Schreibung, sondern mir aus der Stallpöner Gegend (»mutwillig und zwecklos umherjagen«) und durch Gaigalat als Aussprache seiner Mundart (Kreis Ragnit) bekannt. — So ergeben sich die litauischen Formenpaare *gainióti, gainóti*: *guinióti, quinóti*. Dem ersteren stellt das Lettische außer *gainát* auch *gainít* »treiben, verfolgen, wehren« zur Seite, während es dem zweiten keinen, oder doch keinen unmittelbaren Anschluß bietet. Im Litauischen dagegen reiht sich dieses anerkanntermaßen eng an das Verbum *gūiti* »schnell jagen«, »treiben«, das J. Schmidt Vokal. I 175 zu preuß. *guntcei* »treiben« und lett. *gūt* gestellt hat (vgl. Leskien Ablaut S. 297 und S. 326). Die erste Kombination halte ich für richtig (s. unten), nicht aber die zweite, denn *gūt*¹⁾ bedeutet »haschen, fangen, greifen«, »bekommen« und schließt die Vorstellung des Treibens, Jagens im allgemeinen nicht in sich. Es steht in regelrechtem Ablaut zu lit. *gūiti* »bekommen«, mit dem sich der Begriff »erjagen« auch nicht mit Notwendigkeit verbindet.

Ebensowenig wie *gainít, gūiti* und *guntcei* lassen sich aber von den Dubletten *gainióti*: *guinióti, gainóti*: *quinóti* die Verben *gainióti, genióti* trennen, die Juškevič Slovarь S. 696 als Nebenformen von *gainióti* aufführt²⁾, und die vollkommen klar sind. Unverkennbar ist nämlich *genióti* unter dem Eindruck des lit. Präsens *genù* »ich jage, treibe« = lett. *dfenu* (vgl. *dfenát* »sehr treiben, jagen, verfolgen« neben z. B. *métát: metu*) für *gainióti* eingetreten, und dieses ist das entlehnte russ. *gonjāts* (wruss. *o-, po-gonjác*). Hierdurch ist aber die Erklärung zunächst von *gainióti, gainóti* an die Hand gegeben. Man braucht sich nur an die Lehnwörter lit. *dainyczà* (poln. *donica* »Napf«³⁾) und *kuīnas* (poln. *koń, kón*, wruss. *konь* »Pferd«) zu erinnern, um einzusehen, daß *gainióti* (lett.

1) Im poln. Livland hat es das Präsens *gyunu*: *gyunames, gyunates* Kossowski Mocibas (Rygā 1852) I 124, 341. Vgl. Bielenstein Lett. Spr. I 355.

2) Fern zu halten ist dagegen, wie mir scheint, *ginioti* bei Miežinys. Ich sehe darin *gynioti* (Juškevič), abgeleitet von *ginù*: *gyniau, ginti* »wehren«.

3) Sein *i* muß von den Entlehnern als geschleiftes *ī* aufgefaßt sein, da sonst *dainyčza* betont werden würde. Vgl. die slavischen Fremdwörter *alyvā, baravýkas, czyštas* usw. neben den deutschen z. B. *akečýžia, liūpa, scrūbas*, worüber ein andermal.

gainát), *gainóti* durch *i* = Epenthese aus *gonjáts* erwachsen sind und sich hinsichtlich der Wirkung der Epenthese ebenso unterscheiden, wie z. B. avest. *mainyañti* von gr. *μαίνομαι*, während *gainóti* beinahe neben *gainóti* steht, wie att. *ἄλλων* neben kypr. *ἄλων*. In einer Sprache, welche die Epenthese nur beiläufig zeigt, kann diese verschiedene Behandlung nicht befremden.

Aus derselben Grundlage (russ. *gonjáts*), durch denselben lautlichen Vorgang sind aber, wenn mich nicht alles täuscht, auch *guinióti* und *guinóti* erwachsen. Man kann diese Verben lautlich freilich auch aus poln. *ganiać* ableiten (vermittelt **gonioli* > **goinioli*, vgl. *stoinè* und *stainè* Leskien und Brugmann Lit. Volkslieder usw. S. 282, *zūkis* »Hase« aus wruss. *zajka*, *buidokélis* aus russ. *bajdák* Brückner a. O. S. 156, Arch. f. slav. Phil. VI 605), und wenn *gainioli* nicht schon im XVI. Jahrh. vorkäme, ließe sich auch dieses auf *ganiać* beziehen (vgl. z. B. *danēlis* poln. *daniel*, *baiku* poln. *bajka* Brückner Lituslav. Stud. I 71, 79). Allein dies poln. Verbum scheint weder als Simplex gebraucht zu werden, noch — im Gegensatz zu *gonjáts* — in reiner, d. h. durch Epenthese unberührter Gestalt in die baltischen Sprachen aufgenommen zu sein, und die Betonung von *guinióti*, *guinóti* spricht für Entlehnung nicht aus dem Polnischen, sondern dem Russischen. Wenn dem gegenüber die Betonung *gáinioli* polnischen Einfluß auf dies Wort erweist, so halte ich sie bei der Übereinstimmung der Betonungen *gainioli*, *gainóti*, *guinióti*, *guinóti* für nur sekundär, d. h. *gáinioli* für die grammatische Schreibung des von polnischem Munde gesprochenen *gáiniól'*. Man vgl. die Akzentverschiebung in lett. *lākérét* »lackieren«, *prāwītis* »Prophét« u. dgl.

Die Verschiedenheit von *gainioli* (*gainóti*) und *guinióti* (*guinóti*) beruht darin, daß dort slav. *o* der Regel nach zu *a*, hier aber zu *u* geworden ist. Derselbe Übergang von *o* in *u* hat sich außer in mehreren von Brückner a. O. S. 40 f. angeführten Wörtern gerade in einigen zu *gonjáts* gehörigen Bildungen vollzogen, nämlich in den oben erwähnten Verben *gūti* und *guntwei*, sowie in *gūnyti* (Juškevič) und dem Substantiv *pagunikis*. Ich werde diese Wörter in umgekehrter Reihenfolge behandeln.

pa-gunikis »Laufbursche« (Kurschat) = *pa-ganikkis* »Hilfsjunge für den Viehhirten« (Nesselmann) und *pa-guniks*, *põ-gunèks* »Hirtsjunge« (Lit. Forsch. S. 149) sind Entlehnungen aus russ. *pogónok* »Viehtreiber« (Brückner Archiv f. slav. Phil. VI 605). (*pa*-)*ganikkis* kann sein *a* dem Einfluß von lit. *ganai* : *ganýti* »hüten, weiden« (*gānas* »Hirt«, *gāniawa* »Weide«, *ganōwas* »Treiber«), und das von Juškevič gebrauchte *pa*-

gónas ›Hirt‹ (Lit. Forsch. a. O., im Reime auf *pónas*) sein o dem von lit. *nakti-gonė* ›Nachthut‹ (*góna* ›Herde‹, *gōniawa* ›Schar‹, *gonjczya* ›Verbannter‹) verdanken. Man kann aber auch dort slav. o und hier slav. a (vgl. poln. *poganiacz* ›Treiber, Viehtreiber‹) zugrunde legen.

gūnyti, *guntwei* und *gūiti*, außerdem aber auch lett. *gainīt* (s. oben) halte ich sämtlich für nichts anderes als poln. *gonić* ›jagen, nachjagen, nachsetzen‹.

gūnyti (-*niju*, -*nijau*) ist mir nur aus Juškevič' Slovarz̄ bekannt, wo es S. 492 mit russ. *gnaty*, *vygonját̄*, poln. *gnać*, *wypędzać* übersetzt und S. 715 frageweise durch zem. **gūnyti* (aus **gūnyti*) erklärt wird, was ich nicht für nötig, auch nicht für richtig halte. Seine finiten Formen sind Neubildungen aus dem Infinitiv.

Preuß. *guntwei* (I. Pl. *gunnimai*) in ein Ablautsverhältnis zu lit. *genù*: *giñti* zu bringen, ist trotz ksl. *gnati* ebenso gewagt¹⁾, wie seine Verbindung mit ved. *junāti* ›antreiben, scheuchen‹ (avest zu; J. Schmidt KZ. XXV 149). Ganz unbedenklich ist dagegen die Annahme, daß *gunnimai* das poln. *gonimy* wiedergibt, und der Infin. *guntwei* zu ihm neu gebildet ist (vgl. z. B. *po-gaunimai*: *po-gaūt*). Preuß. u = poln. o bieten auch *mufingis*, *mufilai*, *gurins* (Brückner Arch. f. slav. Phil. XX 490, 493).

gūiti ›schnell jagen‹ (nach Juškevič auch *gūiti*) tritt in klare Beleuchtung, sobald *quinù* (Juškevič, Nesselmann; nach Kurschat bei Memel, wo ich es nicht habe ermitteln können) als sein rechtes Präsens angesehen wird. Dies ist entweder russ. *gonjū* ›ich treibe, jage‹ (Infin. *gnaty*), oder — was ich vorziehe — poln. *gonię* mit litauischer Endung (vgl. lit. *kuñnai*: poln. *konię*), ist aber von dem lit. Sprachgefühl ebenso falsch aufgefaßt, wie *gunnimai* von dem preußischen. Daher stellte man ihm den Infinitiv *gūiti* zur Seite, und diese singuläre Form führte zur Bildung der Präsensien *guijū* (Kurschat, Nesselmann, Stallupönen) und *gūjū* (Ruhig, Mielcke, Nesselmann, Schleicher Gram. S. 82, Gaigalat, Juškevič).

Lett. *gainīt* endlich halte ich selbstverständlich für eine durch i-Epenthese beeinflusste Umwandlung von *gonić*. Sein Präsens (*gainu*) ver-

1) Grundspr. *ḡ* und *ḡ̄* sind im Preußischen nur durch *in* vertreten (BB. XVII 221, Berneker Preuß. Sprache S. 156 ff.). Steht *gnati* für *gnāti*, wie Vondrák Vergl. Grammatik S. 38, 160, 336 meines Erachtens mit Recht annimmt, so wäre also dafür — da hier an Entlehnung nicht zu denken ist — preuß. *ginn*^o zu erwarten. — Vgl. preuß. *winna* ›heraus‹, ksl. *čъъ* ›hinaus‹ (KZ. XLI 89 Anm. 2), wo möglicherweise auch *ḡn* vorauszusetzen ist (vgl. Stokes Urkelt. Sprachschatz S. 263 unter *vento-* und Solmsen *Χαριστήριον* [Moskau 1896] S. 163 ff.).

dankt es seinem Anschluß an die XI. Konjug.-Klasse (*darit, prasit: daru, prasu*).

Die obigen Erklärungen von *gūiti, guiniōti* sind so verschieden von denjenigen, die diese Wörter früher durch mich selbst und andere erfahren haben (Geras S. 198, Fick Wbch.⁴ I 408, Lorentz IF. VIII 104, H. Weber a. O. u. a.), daß es hier keinen Zweck haben würde, auf dieselben einzugehen. Wenn *gūiti, guiniōti* Lehnwörter sind, brechen sie von selbst zusammen.

Sehr viel kürzer kann ich mich über *stainus: stuinus* fassen. In *stainus*, das Mielcke nur aus *pri-stainus* erschlossen zu haben scheint und Nesselmann als Simplex nicht kennt, während es Kurschat in Klammer als žemaitisch mit der Bedeutung ›ansehnlich, stattlich‹ auführt, sowie in *pri-stainus* ›ansehnlich‹, ›stattlich, angesehen, geehrt‹ (Kurschat in Klammern; Mielcke, Nesselmann, die auch *pri-stainus* haben) und in dem dazu gehörigen *dastainei* ›würdiglich‹ ist, wie man längst weiß (Nesselmann unter *dastainey*, Brückner a. O. S. 79, 136), *ai* = slav. *oi*: russ. *stojnyj* ›wertvoll, würdig, achtungswert‹, *pri-stójnyj* ›ehrbar, anständig, schicklich‹ = poln. *przy-stojny* ›geziemend, anständig‹, poln. *do-stojny* ›würdig‹. Dieselbe Vertretung zeigt sich z. B. in dem häufigen, aber in den Wörterbüchern fehlenden žem. *straine*[t] ›fein, zierlich‹ aus poln. *strojnie*. Dagegen ist in *stuinus* — dem Brückner mit ›(V/sta)‹. (a. O. S. 43) heute gewiß selbst nicht mehr gerecht zu werden meint — *oi* zu *ui* geworden, falls dies Adjektiv überhaupt anzuerkennen ist. Meines Wissens kommt es nicht in Texten, sondern nur in Lexicis vor, zuerst in Ruhigs Wörterbuch, aber nicht im litauischen, sondern nur im deutschen Teil und zwar in dem Artikel: ›strebicht Kind, *wikrus kūdikis, stuinus*‹. Ebenso steht es um sein Vorkommen im Mielckeschen Wörterbuch, und da ferner Nesselmann nur bietet: ›*stuinus, i*, kräftig, strebig, von Kindern‹, Kurschat aber s. v. Mielcke als Quelle nennt, so halte ich es nicht für ausgeschlossen, daß *stuinus* bloß ein Druckfehler (für *stainus*) ist. Seine Bedeutung würde nicht hiergegen sprechen, denn ein ›strebiges‹ Kind ist ein kräftiges, starkes, also ansehnliches Kind (s. Frischbier Preuß. Wörterbuch).

A. Bezenberger.

Opusculum contra Francos.

Od mnohých let prázdne svoje chvíle věnovav studiu dějin cyrillo-methodějských, důkladněji jsem rozebíral staroslovanské legendy, které věda dosud ještě považuje za nejspolehlivější pramen dějin slovanských apoštolův. Odprvu je uznávám za tendenční¹⁾; i pokoušel jsem se provésti důkaz toho alespoň částečně pomocí vědy theologické, zejména pak církevního práva platného ve století devátém.

Ujav se poznámky A. D. Voronova²⁾ snažil jsem se dokázati, že *pannských legend nese psal nikdo jiný nežli autor statě o písmenech slovanských mnich Chrabr*. Když pak D^r Václav Vondrák důvody filologickými duchaplně dovozoval, že jsou dílem Klimenta biskupa slovanského, který prý byl učenníkem Methodějovým³⁾, prohloubil jsem svoje studium poněkud, a shledav, že mnohé důvody českého učence kryjí se s mými o autorství Chrabrově, *prohlásil jsem jej s biskupem Klimentem za osobu jednu*, uvedl některé důvody niterné a objasnil jsem co nejdůkladněji bylo možno zvláště dogmatické stanovisko Methodějovo i jeho učňův na základě listin na důkaz, že *nemohl býti Kliment biskup slovanský učenníkem slovanského apoštola*⁴⁾. Nedávno pak D^r Alexander Brückner uveřejnil studii o slovanských legendách⁵⁾; souhlasím s ním, uznávaje je spisy tendenčními v celém jejich rozsahu; o ostatních věcech dovolím si podati svoje poznámky.

Dokud se mi podařily moje průvody, o tom rozhodne budoucnost'. Za svou snahu jsem dosti odměněn, zavedl-li jsem podnět k hlubšímu studiu našeho předmětu.

1) Pannonské legendy a mnich Chrabr. Sborník historický. Red. Ant. Rezek. Ročn. IV. str. 134.

2) Главнѣйшіе источники для исторіи свв. Кирилла и Меѳодія. Кіевъ 1877, стр. 102 слѣд.

3) Studie z oboru církevněslovanského písemnictví. Rozpravy České akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění. Třída III. Č. 20. V Praze 1903.

4) Studie cyrillo-methodějské. Hlídky 1904—1906. Rozšířený otisk z Hlídky v Brně 1906, str. 25—45 a 57—166.

5) Thesen zur Cyrillo-Methodianischen Frage. Archiv für slavische Philologie. Herausgegeben von V. Jagic. Achtundzwanzigster Band. Berlin 1906, S. 186—229.

S pannonskými legendami souvisí, jak uvidíme, poněkud i Opusculum contra Francos, připisované v rukopisech cařihradskému patriarchovi Fotiovi, o kterém zde míním stručně promluvit. Vydal je z kodexu vatikanského č. 1011 slovatný církevní historik Josef kardinal Hergenröther v doplňku⁶⁾ k svému třísvazkovému dílu o Fotiovi⁷⁾; šíře o něm pojednal v III svazku str. 172—224.

Spis proti Frankům obsahuje řadu výtek činěných Frankům a ostatním Latinům. Z výtky 19, že nedovolují Boha ctít leč jazykem židovským, řeckým a latinským, *Ἀέγουσι (Φράγγοι) μὴ δεῖν ἄλλαις γλώσσαις τὸ θεῖον γεραίρεσθαι, εἰ μὴ ταῖς τρισὶ ταύταις διαλέκτοις· ἔβραιοῖσι ἑλληνοῖσι ῥωμαίοισι*, professor Anton Semenovič Budilovič vyvozuje, že Fotius skutečně byl duchem spřízněn s našimi Soluňany⁸⁾ a připisuje mu dílko alespoň co do § 19, dovolávaje se svědectva Hergenrötherova, že § 19 a 21 se hodí velmi dobře do doby Fotiovy, ano lépe než do kterékoliv jiné⁹⁾. Ale učenec později nachem ozdobený nevěděl, že v první polovici desátého věku mnichu Chrabrovi brániti bylo písmo slovanské proti kněžím sloužícím řecky v Bulharech stať o písmenech s jedné a pannonskými životy slovanských věrozvěstův s druhé strany, čehož učenec ruský se jistě dočetl u Voronova. K tomu si Budilovič nevšímá, co Hergenröther dále napsal: *Daher schien vorerst nur so viel behauptet werden zu können, daß das Opusculum contra Francos in der Gestalt, wie es uns vorliegt, keineswegs als eine Arbeit des Photius betrachtet werden kann, schwerlich aber überhaupt vor Caerularius verfaßt ward¹⁰⁾*; a prozkoumaj jednotlivé výtky, soudí: *viele der angeführten Punkte sind von der Art, daß sie schwerlich in dieser detaillierten Weise vor dem eilften Jahrhundert besprochen worden sind¹¹⁾*. Mně se zdá, že opusculum contra Francos samo a zejména onen § 19 výborně nám poslouží k bližšímu určení doby, kdy, krajiny, kde, ba i osoby, kým bylo sepsáno.

S mnohými výtkami, jež činil Fotius latinské církvi ve své pověstné encyklice z roku 867, shledáváme se v poněkud pozměněném způsobě i ve spise proti Frankům (sr. §§ 1, 4, 7, 18); z ostatních jeho pravých

6) Monumenta Graeca ad Photium eiusque historiam pertinentia. Ratisbonae 1869 pag. 62—67.

7) Photius, Patriarch von Constantinopel. Sein Leben, seine Schriften und das griechische Schisma. I.—III. Band. Regensburg 1867—1869.

8) Несколько мыслей о греко-славянскомъ характерѣ дѣятельности св. Кирилла и Меѳодія стр. 35. Меѳодіевскій юбилейный сборникъ. Варшава 1885.

9) Uv. spis str. 44.

10) Photius III 174.

11) ibid. III 224.

spisův užito jenom v § 21 pojednání, jehož zlomek objevil kardinal Hergenröther a s nadsísem de liturgia uveřejnil ve svých Monumenta Graeca ad Photium¹²⁾. Západ'anův nikde Franky nenazývá Fotij, ovšem pak Lev ochridský arcibiskup a jemu soudobý antiochijský patriarcha Petr III. Fotius se dále dovolával autority papežovy ještě i v pozdním díle svém de Spiritus sancti mystagogia, neboť se všemožně zasazoval o to, aby ho papež uznal; Fotius také skutečně s ním po nějaký čas obcoval: nemohl tedy býti sám proti sobě, nemohl odsuzovati, oč sám tolik byl stál, aniž vzmohl se tak velice jeho hněv a rozhořčenost' proti papeži, by tvrdil, že již od mnohých časův, *πρὸ πολλῶν χρόνων* západní národové i s papežem jsou mimo církev katolickou (*τῆς καθολικῆς ἐκκλησίας ἐκτός εἰσι*) a vzdáleni nauky (podání) evangelia apoštolův a otcův (*καὶ τῶν εὐαγγελικῶν καὶ ἀποστολικῶν καὶ πατριστικῶν παραδόσεων ἀλλότριτοι*). Mnohem více se hodí řečené v dobu Kerulariovu, který neostýchal se vysloviti nemalý anachronismus, že papežové z diptych církve východní škrtnuti jsou již od Vigilia za času šesté synody¹⁴⁾, což Petr III antiochijský patriarcha opravuje řka, že Vigilius žil za pátého sněmu obecného a za šestého papežem byl Agathon, muž ctihodný a božských věcí znalý, ježž také sněm velice oslavuje¹⁵⁾.

K tomu nemohl Fotius ještě vytýkati Latinům, co obsahem jest §§ 7—9, 11, 13c, 14a, c, 15, 16, 19—22, 24—26.

Nejsou li, jak dovozuje kardinal Hergenröther, tyto články spisu našeho sestaveny před jedenáctým věkem, není alespoň v nynějším textě z dřívějších dob ani jediný z ostatních. Vyjímám pouze § 19, který není než bezmála doslovný překlad výtky, kterou písecc pannonské legendy v ústa klade duchovenstvu benátskému: **Μη̅ι̅ γε̅ τρι̅ ι̅ε̅ρι̅κι̅**

12) Monumenta Graeca pag. 11 sequ.

13) ibidem pag. 63.

14) Dr Cornelius Will, Acta et scripta, quae de controversiis ecclesiae Graecae et Latinae composita extant Lipsiae et Marburgi 1861 pag. 178 sequ. Michaelis Caerularii ad Petrum patriarcham epist. cap. 9. Migne Patrologia Graeca 120, 788. *Οἶδας γὰρ οἱ ἀπὸ τῆς ἁγίας καὶ οἰκουμενικῆς ἔκκλησις συνόδου καὶ ἐπὶ ταύτῃ ἢ ἐν τοῖς ἱεροῖς διπτύχοις ἀναφορὰ ταῖς καθ' ἡμᾶς δηλαδὴ ἁγίας ἐκκλησίας ἐξεκόπη τοῦ πάπα διὰ τὸν τρικαῖτα πάπαν Ρώμης Βιγίλλιον μὴ ἀπαντήσαι κατὰ ταύτην τὴν σύνοδον, μήτε μὴ ἀναθεματίζσαι τὴ παρὰ Θεοδορίτου κατὰ τῆς ὁρθῆς πίστεως καὶ τῶν δώδεκα κεφαλαίων τοῦ ἁγίου Κυρίλλου γραφένια, εἰ δὲ καὶ τὴν τοῦ Ἰβη ἐπιστολὴν καὶ ἕκαστε καὶ μεχρὶ τοῦ νῦν ἀποτιμηθῆναι τῆς καθ' ἡμᾶς ἁγιωτάτης καὶ καθολικῆς ἐκκλησίας τὸν πάπαν.*

15) l. c. pag. 192 ep. Petri cap. 4. Migne l. c. col. 797 ὁ Βιγίλλιος γὰρ ἐπὶ τῆς πέμπτης ἦν . . . ἐπὶ δὲ τῆς ἕκτης τῆς ἁγίας συνόδου ὁ ἱερός ἦν πάπας Ἀγάθων, ἀνήρ τίμιος καὶ τὰ θεῖα σοφός . . . ἐφόρσεις γὰρ τὸν εἰρημένον Ἀγάθωνα εὐκλειῶς ἐπὶ τῆς ἁγίας ταύτης συνόδου ἀνεκηρυγτόμενον.

ТОКМО ВЪМЪ, НИИ ЖЕ ДОСТОНТЪ СЛАВИТИ БОГА, ЕВРЪНСКЫ, ЕЛЛИНЬСКЫ, ЛАТИНЬСКЫ¹⁶⁾.

Na základě dat obsažených ve spise mnicha Chrabra o písmenech jsem konstatoval, že duchovenstvo v Bulharech řecky sloužící tehda, když se tam zaváděla slovanská bohoslužba, nikterak se k ní nechovalo přátelsky, nýbrž naopak všelikým způsobem se jí snažilo zameziti. Když potom roku 1019 Řeci dobyli oblasti Bogorův a Symeonův, dali Bulharům ještě jednoho arcibiskupa z jejich národa Jana z Deby. Jeho však nástupcem byl chartofylax veliké církve (cařilhradské) Lev úhlavní to nenávislník Latinův¹⁷⁾ a horlivý pomocník patriarchy Michala Kerularia, se kterým byl z církve vyloučen roku 1054 od vyslancův papežových¹⁸⁾.

Arcibiskup Lev napsal několik polemických pojednání proti Latinům¹⁹⁾. Zvláště pamětihodný jest jeho list Janovi arcibiskupovi transkému, kterým dáno bylo heslo k boji s Římem. Psal jej, vyzván jsa k tomu Kerulariem a určil, aby sdělen byl se všemi biskupy Frankův i se samým nejctihodnějším papežem²⁰⁾, aby napravili nepřislusnosti a bludy (kacířstva, *αἱρέσεις*) počtem čtyři. Vytýká jim totiž, že židují, zachovávajíce nekvašené chleby a sobotu, zvláště;

1. že užívají nekvašeného chleba (který se prý ničím neliší od bezduchého kamene a od hlíny cihelné a od slínu), který sám Mojžíš jednou pouze v roce požívati nařídil Židům;

2. zachovávají sobotu čtyřicetidenního postu, t. j. světí ji, dle citatův Mat. 12, 1—4, Mar. 2, 27, Luk. 6, 1—4, 12, 15, Jan 9, 16 rozuměj: postí se ten den. Fotius v encyklice z roku 867 mluví o postě v sobotu vůbec.

Pro tyto dvě věci Latini, ač křesťany se nazývají, nejsou prý ani

16) Dle Perwolfova vydání v Pramenech dějin českých sv. I.

17) Konstantin Josef Jireček, Dějiny národa bulharského V Praze 1876 str. 176, Hergenröther III. 736.

18) Will, Acta et scripta pag. 154 Michael . . . atque cum eo Leo Achridanus episcopus dictus et sacellarius ipsius Michaelis . . . sint anathema Maranatha.

19) E. Голубинский Краткий очерк истории православныхъ церквей болгарской сербской и румынской. Москва 1871. Онъ принадлежитъ къ числу греческихъ церковныхъ писателей (известно въ настоящее время нѣсколько полемическихъ сочиненій противъ латинянъ, и одно — 50 главъ о невольныхъ ускушеніяхъ — аскетическо-правоучительное, см. Удина Comment. de scriptoribus ecclesias. t. II p. 604 Lequien'-a Oriens II. 292) и извѣстенъ какъ самый ревностный помощникъ патриарха Михаила Керилларія въ его борьбѣ съ латинской церковью и сл.

20) Will l. c. pag. 56. Migne 120, 836. *Ἡ τοῦ Θεοῦ μεγάλη ἀγάπη καὶ τὰ χρησιὰ τῆς συμπαιδείας αὐτοῦ σπλάγχνα ἔπεισαν ἡμᾶς γράψαι πρὸς τὴν σὴν ἀγιότητα καὶ διὰ σοῦ πρὸς πάντας τοὺς ἀρχιερεῖς τῶν Φράγγων καὶ πρὸς αὐτὸν τὸν ἀιδεσιμώτατον πάπαν.* Conf. et p. 60.

Židy ani křestany, alebrž podobni levhartům, jejichž s:st' dle sv. Basilia není ani černá ani zcela bílá.

3. požívají zadávenin, v nichž jest krev, proti zákazu božimu (Levit. 17, 14);

4. opomíjejí ve čtyřicetidenním postě zpívati alleluja²¹⁾.

Ku konci připovídá v jiném spise větší věci a obsírnější, pakli že tyto zlořády budou odstraněny²²⁾. Zdá se, připomíná Hergenröther, že Lev z Ochridy dostal svému slovu²³⁾.

Výtky, jež činil ochridský arcibiskup církvi latinské, opakuje, byt' i stručněji a s části bez dokladův pisatel Opusculi contra Francos všechny: prvou v § 2, druhou v § 4 (jenom že zde mluví zřetelně o postě v sobotu vůbec právě jako Fotius ve své encyklice), třetí v § 12, čtvrtou v § 17²⁴⁾.

Již celý úvod spisu proti Frankům, jeho shoda s listem arcibiskupa ochridského a konečně slib posledně jmenovaného, že v jiném spise pojedná šíře na důkaz pravé božské víry k boží oslavě a ke spáse pravověrných, nasvědčuje, že nikdo jiný nesestavil toho spisu než ochridský arcibiskup Lev. Netřeba dokládati, že žádný jiný z biskupův byzantských nemohl snáze míti vědomí o výtce v životě Konstantinově-Cyryllově jemu samému prý činěné jakožto původci slovanské bohoslužby, žádnému jinému nebyla by snadno padla do očí, žádnému jinému by nebylo tolik na ní záleželo, jako právě některému biskupovi

21) l. c. pag. 57 sequ. Migne l. et col. cit. et sequ. 1. ἐπομνήσαι περὶ τε τῶν ἀζύμων καὶ τῶν σαββάτων ἢ Μωσαϊκῶς ἀσυντηρήτως ἐπιτελοῦντες συγκοινωνεῖτε τοῖς Ἰουδαίοις . . . τὰ δὲ ἄζυμα οὐδὲν διαφέρει λίθου ἀψύχου καὶ πηλοῦ πλινθίνου καὶ κηράμου . . . 2. καὶ τὸ σάββατον πῶς κατὰ τὴν ἁγίαν τεσσαρακοστὴν Ἰουδαϊκῶς φυλάττετε; ἢ οὐκ ἀκούετε τοῦ εὐαγγελίου λέγοντος, ὅτι ἐρχόμενοι οἱ μαθηταὶ ἐν τοῖς σάββασιν ἤρξαντο ὄδον ποιεῖν τίλλοντας τοὺς στάχυας καὶ ἐσθίουσιν; (Matth. 12, 1) κτῆ. 3. Πῶς δὲ καὶ πνικτὰ οἱ τοιοῦτοι ἐσθίουσιν, οἷς τὸ αἷμα αὐτοῦ συγκέκραται; 4. Ὅτι δὲ καὶ τὸ Ἀλληλουῖα κατὰ τὴν τεσσαρακοστὴν οὐ ψάλλετε, ἀλλὰ κατὰ τὸ πάσχα μόνον . . . κατὰ τοῦτο οὐκ μὲν τὸ θεὸς κύριος καὶ ἐπεφάνη ἡμῖν, μὲν δὲ τὸ εὐλογημένος ὁ ἐρχόμενος ψάλλετε, καὶ τοῦτο γὰρ Ἀλληλουῖα ἐστί (sic).

22) l. c. pag. 60. εἰ τοῦτο ποιήσης, προσθήσω καὶ διὰ δευτέρας γραφῆς τὰ μείζω καὶ πλατύτερα τούτων εἰς ἐνδειξιν πρότερον τῆς ἀληθοῦς καὶ θείας πίστεως καὶ δόξαν θεοῦ καὶ σωτηρίαν τῶν καλῶς καὶ ὀρθοδόξως πιστεύειν αἰρουμένων.

23) Hergenröther III 737.

24) Ku přirovnání podávám ony §§ spisu proti Frankům z Hergenrötherových Monumenta Graeca pag. 64 sequ. § 2. Ἐντὶ ἄριου ἄζυμα προσφέρουσι καὶ συγκοφαντοῦσι τὸν ἀπόστολον Πέτρον καὶ τοὺς ἐν ἁγίοις πατέρας ὡς ἐκεῖθεν ἔχοντες τὴν τοιαύτην παράδοσιν. § 4. Νηστεύουσι τὰ σάββατα, καὶ ἐὰν τύχη ἐν σαββάτῳ ἑορτὴ τῆς Χριστοῦ γεννήσεως ἢ τῶν φωτῶν, οὐ λύουσι τὴν νηστείαν. § 12. Τὰ πνικτὰ ἐσθίουσι καὶ τα θρηιάλωτα καὶ θνησιμῖα καὶ τὸ αἷμα καὶ τοὺς ἄρτους καὶ τοὺς κυνοποτάμους καὶ τσακάλεις καὶ τὰ ἐν τούτων μισαρώτερα καὶ μαιρώτερα. § 17. Ἀπο τῆς τετραδός τῆς πρώτης ἐβδομάδος καὶ μεχρὶ τοῦ πάσχα τὸ Ἀλληλουῖα οὐ ψάλλουσιν.

bulharskému Řeku rodem, jehož kněžstvo velikou většinou sloužíc jazykem slovanským užívalo onoho životopisu a který snad nucen byl sám pro sebe si poříditi nějaký z něho výtah jazykem řeckým. *Všecky okolnosti poukazují na prvého Řeka na arcibiskupském stolci ochridském, urputného a zapřísáhlého protivníka Latinův Lva.*

Konečně mám za to, že nejsem dalek pravdy, tvrdím-li, že *Michal Kerularius měl náš spis proti Frankům před očima*, když psal brzo po smrti Lva IX. papeže svůj list prvý Petrovi III. patriarchovi anti-ochijskému.

Inkriminace Latinův dělí Kerularius ve dvě v listě tomto.

V oddíle prvém uvádí, v čem prý židují: 1. užívají [ve mši svaté] nekvašeného chleba; 2. jedí zadáveniny, 3. holí brady, 4. zachovávají sobotu, 5. jedí pokrmy nečisté a poskvrněné, 6. mniši požívají sádlá vepřového a kůže sáhající až k masu, 7. v prvním postním konají zároveň týden masopostu a týden sýropostu, 8. jedí ve středu maso a 9. v pátek sýr a vejce ale za to 10. v sobotu se postí celý den.

V oddíle druhém vyčítá 11. přídavek Filioque, 12. že v Gloria říkají: Unus sanctus, unus Dominus Jesus Christus in gloria Dei Patris per Spiritum sanctum, 13. zapovídají manželství kněží, 14. dva bratři berou si dvě sestry, 15. ve mši svaté jeden z přísluhujících přijímaje [ve způsobě] nekvašeného chleba, ostatní objímá, 16. biskupové nosí prsteny a 17. jdouce do boje poskvřňují ruce své krví, 18. udělujíce křest kněží jenom jednou ponořují a 19. ústa křestěncova naplňují solí, 20. porušují (falšují) slova apoštolova (I. Kor. 5, 6, Gal. 5, 9) o kvase, 21. neuctívají svatých ostatkův, někteří ani svatých obrazův a konečně nepočítají k velikým svatým otcům řeckým učitele a biskupy Řehoře Bohoslovce, Basilia Velikého a Jana Zlatoušce aniž přijímají jejich učení²⁵⁾.

Michal Kerularius jenom zběžně, *κατὰ πάροδον* dotýká se toho, v čem bloudí Latini, pro kteréžto «bludy» třeba se jich varovati: Slůvko *κατὰ πάροδον* zdá se poukazovati, že obšírněji již předem o nich bylo mluveno.

Zcela nového vypovídá velmi málo, co uvedeno zde pod číslly 12., 20., 21., 22. Číslo 4., 7., 11., 14. vytýkal už Fotius v encyklice z roku 867 a v listě knížeti bulharskému, č. 3 v listě právě uvedeném. Výtky Kerulariovy 1., 2., 5., 7., 10., 11., 13., 14., 15., 16., 17. 18., 19. odpovídají v Opusculum §§ 2, 12, opět 12, 5 a zároveň 6, 4, 15, 3,

25) Epistola Michaelis Caerularii ad Petrum num. 12—14 apud Will Acta et scripta pag. 180—183. Migne 120, col. 789—793.

22, 27, 3, 14a, 14b. Výtkám 6 a 9 přirovnati dlužno § 23 a § 7. Číslo 4 opakováno jest z listu Lva arcibiskupa Janovi Transkému, jenom že Lev dokládá se uvedených výše textův na rozum dává, že právě půst v sobotu vybral si zábarkou své výtky: Latiníci židují zachovávané půst v soboty postu čtyřicetidenního.

Celé rozdělení inkriminací Kerulariových na takové, čím se Latini přizpůsobují Židům a na ostatní připomíná taktéž dotčený list Lva arcibiskupa. V prvním oddíle mimo číslo 3 není nic, co by nebyl uvedl autor spisu proti Frankům. Rovněž i ve výtce 15 Kerularius brevis fuit, obscurus factus est, nemáme-li zření na § 27 polemiky proti Frankům.

Však nemůže Kerularius ukončiti výčet »bludův« latinských, anižby se alespoň summárně nedotekl i ostatních, které tu byly opominuty: I jiné však některé věci činí, kteréž nesnadno vypočítávati dopodrobna²⁶⁾.

Zavírám: *Opusculum contra Francos* věrojatno sestavil ochridský arcibiskup Lev. Brzo potom s encyklikou Fotiovou z roku 867 a s písemnostmi téhož roku odevzdanými poslům Borisovi určeným sloužilo pramenem Michalu Kerulariovi, když psal první svůj list Petrovi III. patriarchovi antiochijskému. V pozdější době byl mnoho užíván, častěji opisován, doplňován, načež některý opisovač podle mravu tehdy zavládlého, aby větší ještě nabyl váhy, připsal k záhlaví jméno původce rozkolu Fotia patriarchy.

Chrabrovy-Klimentovy klevety (tendenční lži) o římské církvi, z nichž jednu našli jsme i v *Opusculum contra Francos*, se udržovaly v písních sestavených na základě pannonských legend, jež zavedeny v liturgii na počest' svatých Soluňanův vytiskly úplně staré a, pokud možno souditi podle jediného zbylého troparu, básnicky dokonalejší a proto také daleko cennější²⁷⁾. Tak byl uměle pěstován odpor a nechuť proti Římu.

Však Lev Ochridský přijav ze zášti a nenávisti k západu dotčenou výtku z Chrabrova-Klimentova životopisu Konstantinova Cyrillova, nikterak neosvědčil, že by sám a vůbec řečtí hierarchové v Bulharech před ním a po něm žijící byli přáteli a příznivci slovanské bohoslužby a jejich šířitelův a obhájcův. Dějiny aspoň dokazují opak toho.

26) Will l. c. 183, Migne l. c. 793. *Και άλλα δέ τινα δρωσιν, ἃ ἐργῶδες ἔστι κατὰ μέρος ἀπαριθμεῖσθαι.*

27) Srovn. Hlídku 1902 str. 662 a moje Studie cyrillomethodějské str. 127.

Славянскія этимологіи.

I. Прасл. **bystrъ* > *citus*.

Это слово оставлено Миклошичемъ EtWb. 27 безъ объясненія, да и теперь, како вѣрно указалъ Meillet Études 402, оно не пользуется достовѣрной этимологіей. Между тѣмъ еще въ 1880 г. чешскій лингвистъ Matzenauer LF. VII 19—20 предложилъ ему, по моему мнѣнію, совершенно правильное объясненіе, сближая его съ извѣстнымъ корнемъ **bheudh-* >бодрствовать«. Къ сожалѣнію, Matzenauer обосновалъ свою этимологію слишкомъ кратко и бѣгло, и потому, я надѣюсь, не будутъ лишними нижеслѣдующія сопоставленія, которыя я сдѣлалъ, не зная еще ничего объ этимологіи чешскаго ученаго.

Когда этимологу приходится имѣть дѣло со словомъ, которое, на первый взглядъ, стоитъ совершенно изолированно отъ другихъ образованийъ, то первымъ и необходимымъ условіемъ его изслѣдованія долженъ быть такой анализъ его значенія, который установилъ бы врядю его различныхъ оттѣнковъ первоначальный и главный. И вотъ, если мы приложимъ это правило къ праслав. **bystrъ*, то сразу убѣдимся, что значеніе >скорый«, которое имѣетъ, напр., дцел., не можетъ считаться первичнымъ. Болгарскому и сербскому языкамъ это значеніе даже совсѣмъ не извѣстно, и замѣнено значеніемъ >ясный, прозрачный«: >бистра (вода) като слъза«, говорятъ болгаринъ; >бистра (вода) као ракија«, говоритъ сербъ. Конечно, значеніе >ясности« и >чистоты« (которое, кстати сказать, переносится и на духовныя способности, — ср. сербское выраженіе у њега је бистра глава >у него ясная голова«) могло легко развиться изъ понятія >быстроты«, но какой быстроты, — быстроты болѣе или менѣе механической (значеніе которой лежитъ въ основѣ, напр., прасл. **skorъ* >seleg«) или той быстроты, которая является результатомъ извѣстнаго напряженія воли, энергіи и вообще нѣкоторой духовной работы? Даже самый бѣглый обзоръ значеній, которыя имѣетъ **bystrъ* въ другихъ славянскихъ языкахъ, позволяетъ намъ отвѣтить на этотъ вопросъ лишь въ послѣднемъ смыслѣ. Такъ, въ словенскомъ языкѣ *bister* имѣетъ значеніе не только >ясный, прозрачный« (**klar, hell*),

но и »бодрый« (»wachsam«) и, напр., *bister konj* означает не только »быстрого коня«, но и »горячаго«, »рѣзваго« (»wachsam«, »munter«). Значеніе »wach, wachsam, aufmerksam« единственно въ чш. *bystrnýj* и, во всякомъ случаѣ, является первымъ въ чш. *bystrýj: bystré oko na někoho míti* значить по-чешски »наблюдать за кѣмъ«. Не случайно поэтому и Гусь употребляетъ иногда *bystrýj* въ значеніи »энергичный«, »energisch«: »*Protivie sé taci lenochové bystrému životu pána Ježiše* (Gebauer, *Slovník staročeský*), что значить: »такимъ лѣнтяемъ не правится полная дѣятельности жизнь Христа«. Подобнымъ образомъ въ пл. яз. *bystry* значить не только »скорый, ясный, проникательный«, но и »дѣльный«, »дѣловитый«, а въ русскомъ быстрый весьма часто употребляется въ значеніи »бойкаго«, »рѣзваго«. Ср. вишь ребятишки какъ быстрятся (Влдм. губ.). А значеніе »бодраго, энергичнаго« является даже единственнымъ для такихъ глаголовъ, какъ *быстровать* (Арх. губ.) »выдерживать тяжкіе труды«, *быстрога* (т. ж.) »неутомимый рабочий« и т. д.

Изъ этого краткаго обзора значеній нашего слова съ очевидностью вытекаетъ, что первоначальнымъ изъ нихъ было не »скорый«, а »бодрый, энергичный«: изъ этого значенія одинаково легко могло развиться сначала значеніе »живой« (ср. срб. бѣдар »lebhaft«), а потомъ »скорый« (ср. русс. живо = скоро), а изъ обоихъ вмѣстѣ — значеніе »ясный, прозрачный, проникательный«.

До сихъ поръ семасіологія. А что говоритъ морфологія?

Въ славянскихъ языкахъ, какъ и въ другихъ индо-европейскихъ, широко распространенъ корень **bheudh-* »erwachen«. Ср. дцсл. *коудити* блюсти *къдѣти*, лт. *baūsti* »züchtigen«, *būsti* »erwachen«, *būdýnė* »Nachtwache«, гот. *biudan*, двн. *biotan*, гр. *πεύθουσαι*, др.-инд. *bódhati* »erwacht«, *bodha-s* »das Wachsein, Erkenntniss, Einsicht«. Fick I⁴ 89, Br. Gr. I² S. 213, KVG. S. 145, Uhlenbeck Ai. EtWb. 192, Prellwitz² 365, Hirt Ablaut S. 459, Bernecker IF. X 151. Отъ разновидности этого корня **bhūdh-* съ помощью известнаго суффикса сравнительной степени *-tro-* и могло быть образовано прилаг. **byd-trь*, изъ котораго, по законамъ славянской фонетики, и возникло далѣе **bystrь*.

Такимъ образомъ, съ морфологической точки зрѣнія прилаг. **bystrь* представляетъ прилаг. не въ положительной степени, а въ сравнительной. Оно означало, слѣдовательно, не »бодраго вообще«, а »бодраго болѣе, чѣмъ обыкновенно«, »бодраго *par excellence*«, ergo »энергичнаго« и формально вполне аналогично русс. матерый и лат. *maturus*, о которыхъ ср. Покровскаго KZ. XXXV 233, Prellwitz BB. XXIV 105, Meillet *Études* 407.

II. Чешское *stěhovati* »переселяться«.

Чш. *stěhovati*, *přestěhovati*, *přestěžiti* »übersiedeln«, Mikl. EtWb. 323 оставилъ безъ объясненія. А между тѣмъ едва-ли можно сомнѣваться, что корень этихъ словъ представляетъ высшую ступень извѣстнаго и-е корня **stigh-*, котораго низшая ступень заключается, напр., въ лтш. *stiga* »Pfad«, гр. *στῖχος*, др.-инд. *stighnutē* »springt auf«, слав. *stodža*, а средняя — въ лт. *steigtis* »eilen«, гот. *steigan*, гр. *στειχω* »иду«. Ср. Fick I⁴ 144, 568, Br. Gr. I² S. 590, 632, Uhlenbeck Ai. EtWb. 344, Prellwitz² 431, Walde, Lat. EtWb. 402, 666, Zupitza, Germ. Gutt. 180. Изъ значенія »идти по дорогѣ« легко могло развиться значеніе »übersiedeln« чш. глаголъ. Ср. чш. *cestovati*, *cestiti* »путешествовать, странствовать«, образованныя отъ *cesta* »дорога«.

Изъ другихъ славянскихъ языковъ корень **stěg-* извѣстенъ только верхнелужицкому. Ср. *sčehowac* »слѣдовать«, *sčeha* и *sčeh* »слѣдованіе«, »Folge«. Последнее имя не только по звукамъ, но и по формѣ и значенію совершенно тождественно съ гр. *στοῖχος* »Reihe«.

III. Русс. сусликъ »*mus citellus*«.

Кромѣ русскаго языка, это слово извѣстно еще въ словенскомъ: *sûslík*. Оба эти имени представляютъ *Deminutiva* отъ прасл. **susъlb*, которое сохранилось въ русс. діал. *сусоль*. Съ другой вокализацией корня и въ другомъ значеніи это слово употребляется въ болгарскомъ языкѣ: *съселя* »крыса«; тождественно съ русскимъ по значенію, но также отлично отъ него по вокализму чешское *sysel* и его *deminutivum* *syslík* »Zieselmaus«.

Такъ какъ животныя, которыя въ славянскихъ языкахъ обозначаются этими названіями, принадлежатъ къ отряду грызуновъ, то я не вижу основаній отдѣлять отъ этихъ словъ извѣстный корень **ъs-* »сосать« (дцл. *съсати*, срб. *сѣти*, слв. *sesáti*, чш. *sesáti*, русс. сосать), какъ это дѣлаетъ Mikl. EtWb. 335: вѣдь »сосаніе« и »грызеніе« на практикѣ перѣдко бываютъ невозможны одно безъ другого, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что славяне назвали »суслика« по первому изъ этихъ двухъ характерныхъ признаковъ. До извѣстной степени эта этимологія подтверждается бѣлорусскимъ сусликъ »сосущее дитя«, рядомъ съ которымъ употребляется и глаголъ суслиць »сосать«.

Что касается до корня **ъs-*, то онъ спорнаго происхожденія: въ то время какъ одни этимологи возводятъ его къ корню *suĕ-* (Pedersen IF. V 39), другіе возводятъ его къ **sup-s-* (Persson, Zur Lehre 176, Zupitza, Germ. Gutt. 29, Walde, Lat. EtWb. 607). Но предлагаемая этимологія прасл. **susъlíkъ* сохраняетъ свое значеніе независимо отъ

той или иной этимологіи *szs-, такъ какъ его значеніе ›впитывать жидкость‹, повидимому, также древне, какъ древне само слово.

IV. Сербское дѣба ›время‹.

Сербское дѣба отличается отъ соответствующей формы другихъ славянскихъ языковъ (болг. доба, слв. *doba*, чш. *doba*, пл. *doba*, русс. діал. доба) въ трехъ отношеніяхъ: 1. оно представляетъ форму не женскаго рода, а средняго; 2. оно потеряло способность измѣняться по падежамъ, т. е. стало несклоняемымъ и 3. имѣетъ не то удареніе, которое мы ожидали бы для него, какъ для слова съ основой -ā, -удареніе не ` , а ` , ср. чак. *dobà*.

Такъ какъ ни одинъ изъ славянскихъ языковъ не имѣетъ почти ничего похожаго на то, что показываетъ серб. дѣба, то его акцентуальную и синтаксическія особенности приходится считать новообразованіемъ. Какъ же оно возникло?

Что бы отвѣтить на этотъ вопросъ, обратимъ вниманіе, что въ одномъ изъ славянскихъ языковъ, именно въ верхнедужицкомъ, вмѣсто доба ж. р., употребляется *dobo* ср. р. Ср. *jene dobo* ›auf einmal‹, *z dobot* ›mit einem Male‹, *na dobo* ›zusammen, auf einmal‹ (См. словарь Пфуля). Нѣтъ никакихъ основаній полагать, что это *dobo* возникло изъ *doba*: повидимому, и то и другое слово представляютъ субстантивированныя формы прилаг. **dobъ* ›пригодный‹, которое въ соединеніи съ суфф. сравнит. степ. -го- болѣе распространено въ слав. язз. въ видѣ **dobъ* Ср. Fick, KZ. XIX 260, Vgl. Wörb. I⁴ 462, Bezzenberger, GGA. 1898, 554, Walde, Lat. EtWb. 201, Meillet, Études 115. Еслибы можно было теперь доказать, что сербскому языку также было извѣстно *dobo*, то, быть можетъ, оно объяснило бы, по крайней мѣрѣ, перемѣну грамматическаго рода у имени *doba*; эта перемѣна могла совершиться подъ его вліяніемъ.

И дѣйствительно, въ черногорскихъ говорахъ сербскаго языка, недавно съ большою подробностью описанныхъ П. А. Ровинскимъ (Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ, III, Спб. 1905), имя *dobo* употребляется наряду съ *doba*, и притомъ въ одинаковомъ съ нимъ значеніи (ib. 511). И въ высшей степени интересно и важно то обстоятельство, что родъ того-и другого слова ›иногда не соотнобразяется съ окончаніемъ: у та добо и у то доба‹ (Ровинскій ib.).

На первый взглядъ, можетъ показаться правдоподобнымъ объясненіе, что смѣшеніе грамматическихъ родовъ у *dobo* и *doba* произошло именно вслѣдствіе сосуществованія обѣихъ формъ въ одномъ и томъ же языкѣ, но только на первый взглядъ. Какъ ни велико сходство значенія и

формъ *dobo* и *doba*, всеже различіе между ихъ окончаніями настолько рѣзко и настолько тѣсно ассоціровано въ сербскомъ языкѣ (какъ и вообще въ славянскихъ) съ функціями грамматическаго рода, что смѣшеніе ихъ было бы совершенно невозможно безъ помощи какого-нибудь внѣшняго фактора или причины.

И по счастью, эту причину указать нетрудно!

Если дѣйствительно въ сербскомъ яз. слышалось одно время имя *dobo*, — а мы видѣли, что соврем. черног. *dobo* тому служить неопровержимымъ доказательствомъ, — то отъ него сербы могли образовать Ablativus temporis *dōba* (ср. серб. *jūčera* — Abl. temp. отъ *jūčer* «вчера»). Этотъ Ablativus и по звукамъ, и по формѣ, и по значенію вполне совпадалъ съ N¹ имени **dōba* и отличался отъ него только удареніемъ. Пока Abl. *dōba* не окаменѣлъ, и пока языкъ помнилъ его этимологическую связь съ *dobo*, это совпаденіе не могло оказать существеннаго вліянія ни на ту, ни на другую форму. Но когда съ теченіемъ времени форма *dobo* стала выходить изъ употребленія, и когда, вслѣдствіе этого, его Abl. *dōba* сталъ стремиться къ кристаллизаци, смѣшеніе между нимъ и N¹ **dōba* стало неизбежнымъ. Это смѣшеніе могло произойти или такъ, что Abl. *dōba*, совпавъ формально и семасіологически съ N¹ **dōba*, не успѣлъ закончить процесса своей постепенной кристаллизаци, а остановился, такъ сказать, на полъ-пути къ ней, сохранивъ свой прежній (т. е. средний) родъ и функціи существительнаго, хотя и несклоняемаго; или же — такъ, что N¹ **dōba* подъ вліяніемъ тождественнаго по значенію Abl. *dōba* перемѣнилъ свой родъ на средний, а затѣмъ, когда послѣдній окаменѣлъ окончательно, заимствовалъ отъ него его удареніе и несклоняемость, и такимъ образомъ отождествился съ нимъ почти совсѣмъ. Съ другой стороны, черног. *dobo* могло получить значеніе ж. р. въ то время, когда Abl. отъ *dobo* *dōba* еще не превратился въ нарѣчіе, и потому могъ легко подвергнуться вліянію **dōba*.

Но какимъ бы путемъ смѣшеніе всѣхъ трехъ формъ ни происходило, несомнѣнно одно, что современное сербское *dōba* представляетъ синтаксическій и акцентуальный компромиссъ двухъ праслав. падежей Abl. *doba* (отъ *dobo*) и N¹ *doba*.

V. Древне-церковно-славянское ГЪНАГН.

Звукъ ѣ, герм. ѣн въ этомъ словѣ обыкновенно (послѣдніе, напр., Vondrák Vergl. Gr. 38, 160 и Meillet, Alternances 365) объясняютъ какъ прасл. рефлексъ и.-е. *ǵ*, герм. *gn*, и, слѣдовательно, въ корнѣ ГЪН-видятъ низшую ступень корня **ghen-*, которая въ славянскихъ языкахъ

имѣеть представителемъ глаголь **жѣнж**. Это объясненіе, конечно, возможно: разъ въ праслав. языкѣ и.-е. *gr* или *ll* можетъ отражаться черезъ *gr* или *zl*, то почему же и индо-европ. *gn* или *nt* не можетъ давать въ томъ же языкѣ *zn* или *zt*?

Однако, существуетъ одно обстоятельство, на которое изслѣдователи до сихъ поръ не обращали вниманія, но которое заставляетъ относиться съ нѣкоторымъ скептицизмомъ къ господствующему мнѣнію. Дѣло въ томъ, что въ славянскихъ языкахъ отъ глагольныхъ корней на низшей ступени вокализации образуются обыкновенно *iterativa*, которыхъ коренная гласная представляетъ обыкновенно удлинненіе коренной гласной первыхъ. Такъ при *brati* въ слав. яз. употребляется *-birati*, при *drati* — *-dirati*, при *stlati* — *-stilati*, при *sylati* — *-sylati*, при *sypati* — *-sypati* и т. д. Между тѣмъ, ни въ одномъ изъ славянскихъ языковъ нѣтъ образованія, которое можно было бы объяснить изъ *iterativum* **gynati*! Явленіе довольно странное!

Но оно не будетъ такимъ, если мы вспомнимъ теперь, что *Präsens* къ *Inf. gynati* въ дусл. яз. звучитъ **жѣнж**, котораго начальныя звуки не имѣютъ ничего общаго съ зачиномъ слова **ГЪНАТИ**. Вслѣдствіе этого, форма **gnati*, гдѣ *gn* представлялъ нулевую ступень корня **ghen-*, не могло особенно тѣсно ассоціироваться съ формой *Präs. ženq*. При такихъ обстоятельствахъ, этимологическая связь между обѣими основами могла легко порваться, и одна изъ нихъ (въ данномъ случаѣ **gnati*), если не вполне смѣшаться, то, по крайней мѣрѣ, подвергнуться морфологическому вліянію или контаминаціи съ какой-нибудь другой формой, этимологически съ ней ничего общаго не имѣвшей, но близкой къ ней по звукамъ, функціи и значенію.

Какъ извѣстно, слав. *ženq* въ лт. яз. соответствуетъ *geni ginti* ›гнать скоть‹. Еще Шмидтъ, *Zur Geschichte des idg. Voc. I 175—176* сопоставлялъ съ этими словами лт. *gujù, quinóti* ›jagen, treiben‹, причѣмъ объяснял ихъ изъ первыхъ фонетически. Это, конечно, не вѣрно, но, во всякомъ случаѣ, интересно констатировать фактъ, что въ лт. яз. существуетъ форма, вокализмъ и значеніе которой вполне совпадаютъ съ вокализмомъ и значеніемъ дцсл. **ГЪНАТИ**. Это сходство покажется еще болѣе замѣчательнымъ, если мы вспомнимъ, что лт. *gujù* нельзя отдѣлять отъ лт. же *gáuti* ›erlangen, bekommen‹ и лтш. *gūti* ›hasche‹ (ср. Leskien, *Ablaut 35*), а эти послѣднія родственны, по всей вѣроятности, — съ др.-инд. *jñáti* ›гоню‹. Ср. *Wiedemann, Lit. Prät. 55*. Принимая во вниманіе глубокое органическое родство балтійскихъ и славянскихъ языковъ, довольно естественно предположить, что и въ праслав. яз. употреблялся глаголь **gynati* (отъ к. *gou-* ›fangen, jagen‹),

который, совнавѣ по формѣ и значенію съ глаголомъ **gnati* (отъ корня **ghen-*), или сталъ на его мѣсто, или повліялъ въ извѣстномъ намъ смыслѣ на его вокализмъ. Какъ бы то ни было, но форму **gnati* слѣдуетъ читать, по нашему мнѣнію, не какъ **gn-ati*, а какъ **gn-na-ti*.

VI. Древне-церковно-славянскія дѣвашды и дѣвашди.

Этимъ нарѣчіямъ, которыя приводятся здѣсь только въ качествѣ примѣровъ многочисленныхъ *multiplicativa* въ древне-церковно-славянскомъ языкѣ на -шды и -шди (ср. тришды и тришди, четыришды и четыришди, патишды и патишди и т. д.), посвятилъ недавно небольшую этимологическую замѣтку Wiedemann ВВ. XXX 219. Исходя изъ мысли Лескина (*Handbuch* 4 104), что древнѣйшая форма суффикса была -шды, онъ предложилъ гипотезу, что -шды есть не что иное, какъ Instr. pl. отъ имени **šьdъ* >Gang<, причемъ въ качествѣ семасиологическаго подтвержденія этой гипотезы указалъ, что >schwed. *Gång*, dän. *gang* haben nicht nur die Bedeutung >Gang<, sondern auch die Bedeutung >Mal<.

Какъ бы мы ни относились къ этой этимологіи, слѣдуетъ признать, что она, во всякомъ случаѣ, правдоподобнѣе объясненія Johann'a Schmidt'a KZ. XVI 439, который выводилъ дцсл. -*šdy* изъ дцсл. *djo-*, или гипотезы Ягича (*Das Leben der Wurzel de* 57—58), сопоставлявшаго -*šdy* съ -*šdo* въ кѣждо, кѣниждо и т. п. Оба этихъ ученыхъ забываютъ, что -*šdy* и -*šdi* суть только продукты ассимиляціи согласныхъ въ болѣе древнихъ формахъ шды и шди¹⁾; въ частности, противъ этимологіи Schmidt'a можно возразить, что ѡ въ дѣвашды не могло сохраниться послѣ жд, а Ягичу можно указать, что въ древнѣйшихъ памятникахъ между ж и д никогда не ставится ѡ, чего не было бы, если -жды нашихъ нарѣчій было того же происхожденія, что и ждо въ кѣждо.

Отъ всѣхъ этихъ недостатковъ свободна гипотеза Видеманна, но зато она имѣетъ другой, именно тотъ, что она не объясняетъ отношенія нарѣчій на -шды къ нарѣчіямъ на -шди. Ибо если даже признать вмѣстѣ съ Лескинымъ, что послѣднія нарѣчія возникли позже первыхъ, — для чего, въ сущности, нѣтъ никакихъ оснований, такъ какъ нарѣчій на шди встрѣчаются уже въ древнѣйшихъ церковнославянскихъ памятникахъ, напр., въ Супрасльской рукописи, — то все же Видеманнъ

1) Весьма интересно, что въ церковнославянскихъ памятникахъ болѣе поздней поры (напр. во многихъ средноболгарскихъ) встрѣчаются нарѣчія на -шти : дѣвашти, тришти и т. п.; въ этомъ шти мы наблюдаемъ прогрессивную ассимиляцію ш и д въ противоположность регрессивной въ дѣвашды, трижды.

не долженъ былъ бы оставлять открытымъ вопросъ, какъ же -ШЪДИ возникло изъ -ШЪДЫ: вѣдь иначе каждый читатель будетъ имѣть логическое право предполагать, что не -ШЪДИ возникло изъ -ШЪДЫ, а, наоборотъ, -ШЪДЫ произошло изъ -ШЪДИ.

Но такъ какъ и въ последнемъ случаѣ невозможно указать какой-либо фонетической или психологической причины образованія одной формы изъ другой, то едва-ли не правильнѣе всего было бы допустить, что наши формы не связаны одна съ другой отношеніемъ причинности, но представляютъ совершенно-самостоятельныя, параллельныя образованія. Это значитъ, что, если -ШЪДЫ есть форма основы на -о-, какъ думаетъ Видеманнъ, то -ШЪДИ, какъ форма ей параллельная, должна быть той же формой отъ другой основы, напр., на -і-. Въ такомъ случаѣ, -ШЪДИ такъ относилось бы къ -ШЪДЫ, какъ прасл. **chodъ* (въ **inochodъ* и т. п.) — къ прасл. **chodъ*.

Но если такъ, то форма -ШЪДЫ не можетъ быть Instr. pl., какъ думаетъ Видеманнъ: вѣдь въ такомъ случаѣ и -ШЪДИ должна была бы быть тѣмъ же падежомъ, но І³ отъ основы на -і- могъ звучать въ дцсл. яз. только какъ *ШЪДЫМИ, а потому и вмѣсто, напр., нарѣчій ТРИШЪДИ мы должны были бы ожидать *ТРИШЪДЫМИ.

Всѣхъ этихъ противорѣчій Видеманнъ могъ бы легко избѣжать, если бы онъ форму -ШЪДЫ морфологически квалифицировалъ не какъ форму І³, а какъ форму Acc³: и параллельная ей форма -ШЪДИ была бы въ такомъ случаѣ тѣмъ же падежомъ. А если такъ, то нарѣчіе, напр., ТРИШЪДЫ такъ относилось бы къ нар. ТРИШЪДИ, какъ дцсл. ТРИКРАТЫ, гдѣ КРАТЫ представляетъ Acc³ имени на -и- или на -о- (последнее предполагаетъ довольно убѣдительно Беличъ въ Изв. IV 4 1157), — къ *ТРИКРАТЬ, гдѣ -КРАТЬ представляетъ основу на -і- (ср. пл. *dwakroć, trzykroć* и т. п.). Въ последнемъ -КРАТЬ есть NAcc¹, соединившейся съ ТРИ по образцу *ЮДИНЪ КРАТЬ, подобно тому какъ въ серб. яз. двапут двѣред образовались по образцу једанпут једанред.

Аналогично возникли, вѣроятно, и **dvāšedъ*, **trišedъ* въ черпог. двѣш, трѣш. Напротивъ, черпог. двѣжде вполне соответствуетъ дцсл. ДЪКАШЪДЫ именно какъ соврем. серб. форма Accusativi pl. (ср. пакѣ = дцсл. ПАКЪ (но ни въ какомъ случаѣ не какъ Instrumentalis).

Харьковъ.

Г. Ильинскій.

Слово Ильи трудолюбиваго.

Въ церковной славянской православной литературѣ десь 8 ноябри отмѣченъ цѣлымъ рядомъ оригинальныхъ и переводныхъ памятниковъ, посвящаемыхъ т. н. »Собору арханг. Михаила и прочихъ силъ бесплотныхъ«: на этотъ день мы находимъ слова и поученія: Климента словѣнскаго ¹⁾, проложное сказаніе ²⁾, Сказаніе о чудесахъ великаго Божіаго архистратига Михаила »сведено въ кратцѣ« (начало: »Многихъ и великихъ благодѣяній«), Пандолея пресвитера — о томъ же (нач.: »Велія и преславна«) ³⁾. Сюда же можно присоединить и извѣстное »Видѣніе Архипа пономаря« (чудо въ Хонахъ-Тераполѣ), относимое иногда (напр. Минеей Макарія) не только на 6 сентября, а также и на 8 ноября ⁴⁾. Т. о. около этого популярнаго праздника находимъ цѣлый циклъ сказаній и поученій.

Мнѣ представилась возможность еще увеличить этотъ циклъ однимъ памятникомъ, посвященнымъ тому же событію, при томъ памятникомъ, какъ я надѣюсь доказать, не переводнымъ, а югославянскимъ по происхожденію, представляющимъ пѣкоторый интересъ и въ другихъ отношеніяхъ. Въ довольно извѣстномъ сербскомъ сборникѣ Гѣлградской Народной бібліотеки No. 104 ⁵⁾ конца XIV в., л. 254—256, находимъ: »Слво Иліе трудолюбиваго въ .й. днь ноѣбра. о сборѣ Михаила архгла.« (начало: »Хотен прѣблѣгы члвколюбивыи бѣ всего мира сѣтворити ѿ небытти прѣвѣк помысли«) ⁶⁾.

1) Издана Похвала, напр., въ Библиогр. мат. А. Попова XX, 39.

2) Напр., въ рук. Югослов. Акад. III. с. 6, f. 58 (XIII в.); Моск. Синод. Типогр. библ. No. 162 (XIV в.).

3) Оба напечатаны въ Минееѣ митр. Макарія, ноябрь, стл. 234—236, 243—282; тамъ же (237—241) и »Похвала« Климента.

4) Напечатано въ Библиогр. мат. А. Попова XX, 6, также Минееѣ Макарія, септ., стлб. 293—299.

5) Составъ сборника и литература о немъ — Љ. Стојановић, Каталог Народне Библиотеке, IV (Беогр. 1903), 295 сл.

6) Тоже находимъ въ сборникѣ XVII в. Инст. въ Нѣжинѣ No. 28 (л. 216), но съ инымъ заглавіемъ: »Слово похвальное на соборъ архангела Божіа Михаила«.

Содержаніе этого Слова очень не сложно и въ общемъ напоминаетъ знакомыя намъ (и упомянутыя выше) »Сказаніе — въ кратцѣ« и »Сказаніе Пандолея«, отчасти »Похвалу« Климента, именно: разъяснивши слушателямъ поводъ къ уставленію празднованія, объяснивши, что значитъ »соборъ«⁷⁾, ораторъ, пригласивъ слушателей похвалить »всѣхъ владыку« архангела Михаила, »исполнившаго чудесами весь миръ своими явленіями«, перечисляетъ эти явленія арх. Михаила, а также Гавріила, и заканчиваетъ отъ себя похвалою этимъ архангеламъ.

Но сходство съ указанными »Сказаніями« и »Похвалою« на первый взглядъ лишь общее: перечень явленій архангела, находимый въ »Сказаніяхъ« значительно обширнѣе; у Ильи упомянуты только: 1) Явленіе Іисусу Навину, 2) Гедеону (на Ефратѣ), 3) Трехъ отрокамъ (Ананіи, Азаріи и Мисаилу) въ Вавилонѣ, 4) Даниилу прор. (на рѣкѣ Тигрѣ), 5) Валааму, 6) женамъ мирносицамъ, 7) Архипу попомарю (въ Гераполѣ), тогда какъ въ »Сказаніи — въ кратцѣ« такихъ явленій перечислено до 15, а въ »Сказаніи Пандолея« еще гораздо болѣе; но въ нихъ въ тоже время не находимъ, нашихъ явленій: четвертаго, шестаго и седьмаго; а въ тѣхъ, которыя по темѣ совпадаютъ, находимъ совершенно иной текстъ. Явленій же архангела Гавріила (сошествіе Христа въ адъ, благовѣщеніе Іоакиму и Аннѣ, благовѣщеніе Захаріи и Елизаветѣ, Богородицѣ) совершенно нѣтъ въ »Сказаніяхъ«. Что же касается аналогіи къ »Похвалѣ Климента«, то она ограничивается общимъ риторическимъ приемомъ: Климентъ (во второй части Слова) послѣ словъ: »радостно съ похвалою возпіемъ«, даетъ радъ восхваленій, изъ коихъ каждое начинается словами: »радуйся, архистратиге«; тоже и Ілія, только обращаясь къ Михаилу и Гавріилу: »прославимъ же светый праздникъ великаго Михаила и Гавриила, сице глаголюще: радуйте се«⁸⁾.

Ясно, что въ интересующемъ насъ Словѣ, мы имѣемъ нѣчто своеобразное, при чемъ мы, пожалуй, можемъ видѣть нѣкоторое вліяніе указанныхъ »Словъ«, но въ тоже время обязаны признать и самостоятельное, своеобразное пользованіе источниками, разъ ими могли быть указанные »Сказанія« и »Похвала«. И дѣйствительно, присматриваясь внимательнѣе къ »Слову« Іліи трудолюбиваго, мы можемъ указать одни источники, предположить иные, наконецъ установить личность самого Іліи, до сихъ поръ не встрѣчавшагося въ качествѣ автора

7) »рекше вниманіе, вѣдннженіе и съвѣкоупленіе«.

8) Какъ у того, такъ и у другаго этотъ приемъ восходитъ навѣрно къ церковнымъ канонамъ (напр., Іисусу Сладчайшему).

Слова на соборъ бесплотныхъ силъ. Изъ подобнаго анализа Слова Иліи выясняется прежде всего, что мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло съ компиляціей изъ различныхъ источниковъ, притомъ такихъ, которые известны уже въ славянскихъ текстахъ, т. е. компиляцію славянскую, а не переводную. Такъ: начало Слова, объясняющее фактъ, послужившій поводомъ къ «собору» (возмущеніе Сатанаила, его паденіе, призывъ Михаила чинамъ ангельскимъ), есть ничто иное, какъ дословно приведенная статья старославянскаго переводнаго Пролога старшей редакціи: оно буквально совпадаетъ съ переводомъ, читаемымъ въ Прологѣ XIII в. (сербскомъ) Югослав. Академіи (III. с. 6) л. 58^a, въ русскомъ Прологѣ XIV в. Моск. Синод. Типогр. библ. No. 162 и въ массѣ другихъ Прологовъ старшей редакціи; переводъ Пролога (не извѣстно пока, гдѣ сдѣланный) не моложе XII столѣтія.

Вторымъ несомнѣннымъ источникомъ автора нашего Слова было «Сказанье чудеси преподобнаго Архипа пустынника пономаря великаго архангела Михаила бывшаго въ Хонѣхъ»⁹⁾. Пользованіе этимъ «Сказаньемъ» и, несомнѣнно, въ готовомъ славянскомъ переводѣ, доказывается текстуальными совпаденіями между нашимъ текстомъ и текстомъ «Сказанья»; сравнимъ:

видиши ли, преподобниче, воду,
сходящую отъ высоты.

видиши ли, прѣподобниче, мко води
гредуть на те съ высоты.

Въздвигнуже гласъ свой, глаголя
святый архистратигъ къ рѣкама:
въсуетася въ тѣсноту сию и бу-
дета мулимѣ и поничющи до кон-
чины бѣка. (по Миней Макарія,
сентябрь, стлб. 292).

тогда глаголаа рѣкама соунѣтѣсе
въ сию пропасть и будите мулимѣ
до скончании вѣка.

Текстуальная связь несомнѣнна. Также весьма вѣроятна текстуальная связь у Ильи и съ Климентомъ, что общій риторическій приѣмъ превращаетъ въ указаніе вліянія именно Климента; это указаніе — въ одинаковости эпитетовъ, придаваемыхъ архангеламъ:

радуитасе, скуфроносца пръваа не-
беснаго цара

радуиса, архистратиге Михаиле,
единосущнымъ и неразлучнымъ Тро-
ица первы скинетроносце¹⁰⁾

9) Текстъ XIV в., б. Моск. Чудова мон. No. 20, л. 86. — см. Матеріалы А. Попова, XX, 6—7; греч. текстъ — Acta SS., september, VIII, 38).

10) Не имѣя подъ рукой сербскаго текста «Похвалы» (изд. въ Опис. рук. Хлудова, стр. 53—56), цитирую по русскому XIV в. (Библ. мат. А. Попова, XX, 44 и сл.).

<p>радуитасе небеснаа воєводы пръваа прѣдстатели и теплаа за- стоупника наша прѣдстоюще прѣстолу божию.</p>	<p>первыи воєвода бесплотнымъ си- ламъ радуетася съгласно тепламъ защит- ника всѣмъ прибѣгающимъ и престолу божию предѣстом.</p>
---	--

Связь съ »Похвалой« Климента простирается и далѣе — на подборъ мыслей: Климентъ приписываетъ Михаилу и Гавріилу возвѣщеніе о сшествіи Христа въ адъ: »вы бо съкрушиста предѣтекша въ адъ, съ-
мрътныи верем адовныи силы съкрушыша и възпявша: възмѣте
врата князи ваши« Тоже, но короче, говоритъ и Илья: »ангеломъ
прѣди текоущимъ и выпиющимъ: възмѣте врата възмѣте« Подобно
Клименту, архангеламъ приписываетъ и Илья свидѣтельство о воскресе-
сеніи — мирносицамъ, о вознесеніи Господа, но лишь сокращая: »ра-
дующеее выпихоу видеще владыку възсходяща къ отцоу«.

Тоже замѣтимъ и по отношенію къ благовѣщенію Захаріи и Елиза-
ветѣ, Богородицѣ: это упоминаніе также отраженіе того, что у Кли-
мента: а этихъ то моментовъ мы не нашли ни въ »Сказаньи въ
кратцѣ«, ни у Пандолея. Илья, т. о., ясно, имѣлъ »Похвалу« Климента
и похвальной ея частью воспользовался для своей похвалы же, частью
для исторической части: »ангели бо благовѣстоуютъ радующеее отъ
Бога посилаеми« (далѣе перечень); отчасти же въ этой части
воспользовался онъ заключеніемъ Климента, слѣдующимъ за похвалой.

При такомъ свободномъ пользованіи источниками, допускающемъ
перифразъ, изложеніе своими словами ¹¹⁾, можемъ и мы допустить, что
Илья, сильно сокращая, черпалъ и изъ Пандолея пресвитера: на такую
мысль наводитъ аналогичность плана (перечень) и своеобразность въ
этомъ отношеніи Климента. Утверждать же такую зависимость осно-
ваній прочныхъ пока нѣтъ: при общности мысли, восходящей къ библей-
ской реминисценціи (напр., о Валаамѣ ср. Числа XXII, 22 и сл., о
Гедеонѣ — Судей VI, 20 сл., о трехъ отрокахъ — Даниилъ III, 49),
различія настолько велики, что заставляютъ предполагать либо иной
источникъ (напр., помѣщеніе явленія Гедеону на Ефратѣ, Даниилу на р.
Тигрѣ), либо то, что авторъ Слова писалъ по воспоминанію о какихъ
либо эпизодахъ, дошедшихъ въ иныхъ мнѣ неизвѣстныхъ текстахъ.

Какъ бы то ни было въ Словѣ Ильи мы имѣемъ передъ собой
славянскую компиляцію, стоящую въ зависимости отъ Климента и
Пролога. Этотъ послѣдній источникъ даетъ возможность предположительно
рѣшить, кто же былъ этотъ Илья? Онъ названъ не преподобнымъ,

11) Особенно поучительно сокращеніе большаго видѣнія Архипа въ десятокъ
— полтора строкъ.

святымъ и т. п., а оригинально: »трудолюбивымъ«; его Слово начинается буквальной выпиской изъ Пролога. Все это говоритъ за то, что этотъ Илья одно и тоже лицо съ тѣмъ Ильей трудолюбивымъ, котораго предисловіе къ Прологу считаетъ однимъ изъ его редакторовъ. Вотъ выписка изъ этого предисловія¹²⁾: »Нъ трудолюбивы илии. многы сы рвеньемъ и бголюбиемъ. многуо бдрость и лѣнотыныи подвигы положивъ и всакого прилежании мѣ вышыши убщепользуюу вещь уставити тамо бо соушимъ дългому оучению себе и трудоу мвдвѣ¹³⁾ . . . = Ἀλλ' ὁ φιλοπονῶτατος Ἠλίας πολὺς ὦν καὶ τὸν ζῆλον καὶ τὸ φιλόθεον, πολὺς τὸ φρόνιμόν τε καὶ ἄοικνον, ἀγώνισμα θέμενος πάσης ἀσχολίας ὑπέρτερον, κοινοφελές τι χρῆμα καταλιπεῖν τοῖς ἐν χρονίᾳ μελέτῃ ἑαυτὸν πολλοῖς λόγοις ἐκδέδωκεν . . .¹⁴⁾. Т. о. нашъ Илья оказывается грекомъ; но это невозможно, если не допустить едва-ли возможное: грекъ (при томъ жившій едва-ли позднѣ конца XI или начала XII в., когда создалась эта редакція греческаго Синаксарія, оригинала нашего Пролога, переведеннаго едва-ли позднѣ XII в.) составилъ компилятивное Слово на готовымъ уже славянскимъ переводамъ (а текстуальная связь автора Слова съ »Видѣниемъ« Архипа и переводомъ Пролога несомнѣнна) и »Похвалѣ« Климента словѣнскаго. Единственное, кажется, правильное рѣшеніе вопроса будетъ таково: неизвѣстный авторъ — славянинъ, составляя свое Слово на основаніи готовыхъ источниковъ, имѣлъ въ рукахъ славянскій переводъ Пролога съ обычнымъ предисловіемъ и, исходя изъ проложной статьи на 8 ноября, взявъ ее цѣлкомъ и въ заглавіи поставилъ имя Ильи, котораго онъ считалъ (и не безъ основанія) почти авторомъ Пролога: не даромъ ему предисловіе расточаетъ такіа похвалы, оставляя въ тѣни втораго (м. б. болѣе поздняго) редактора и автора предисловія — Константина Мокисійскаго. Чтобы закончить характеристику анонимаго автора Слова на 8 ноября, добавлю одну подробность о немъ: м. б. она вызоветъ дальнѣйшія разысканія и приблизитъ насъ къ болѣе отчетливому рѣшенію вопроса объ авторѣ Слова: авторъ, выписавши статью изъ Пролога, говоритъ: »мы же, братиѣ, подражающе того ангельскаго събора, събравшесе въ храмѣ светаго архангела Михаила, похвалимъ всѣхъ владыку«. Итакъ, Слово произнесено въ церкви въ честь архангела Михаила: гдѣ этотъ былъ храмъ? Миѣ установить не удалось.

12) По Прологу Югосл. Акад. III. с. 6. f. 16.

13) Рук. трудовавъ; исправляю по Синод. Типогр. No. 162.

14) Propylaeum ad Acta SS. novembris. Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae. — Нур. Delehaye (Brux. 1902). Prolegg. p. XXXV.

Słow. *osoje* itd.

1. Słow. *sojo-* (→ *soje-*) = awest. *saja-*¹⁾:

Temat *sojo-* resp. *soje-* mamy w następujących dwóch resp. trzech starych złożeniach: czak. *osój* (G. -*sója*)²⁾ = słowiń. *osòj* (G. -*sója*) = bułg. *osój* = małorus. *ósój* obok neutr. (coll.) serb. *òsoje* (czak. *osòje*) = słowiń. *osòje* = bułg. *osòje* — wszystkie ze znaczeniem 'miejsce cieniste, strona cieniasta (zasłonięta od słońca)' z tym dodatkiem, że małorus. *ósój* zachowane jest już tylko jako nazwa miejscowości (góry)³⁾ i że w staroserb. występuje również *осонне* jako nazwa geograficzna⁴⁾; drugie złożenie, pendant pierwszego, jest czak. *prīsój* (G. -*sója*) = słowiń. *prisòj* = bułg. *prisój* obok neutr. (coll.) serb. *prisoje* (czak. *prīsòje*) = słowiń. *prisòje* — wszystkie ze znaczeniem 'miejsce, strona słoneczna'; trzecie złożenie, zdaje się wyłącznie bułgarskiemu właściwe⁵⁾, jest bułg. *usój*, *usòje* (znaczenie = *osój*, *osòje*) i dlatego niezupełnie pewne, bo bardzo łatwo może być ← *osój*, *osòje*. Mamy zatem temat *sojo-* resp. *soje-* i pochodne neutrum **sojòje* (*sojje*), które zresztą trudno oddzielić od możliwego pierwszorzędnego neutrum **soje*. Pytanie, jak pojmować skład wyrazu *osoj(e)*, stoi po części w związku z etymologją, dlatego je na razie odsuwam na bok.

Temat nasz jest identyczny z tematem wyrazu awest. *a-saja-*, który tylko dwa razy się spotyka, raz Jasna 57, 27 jako przydomek boskich rumaków bóstwa Sraoša w znaczeniu 'bez cienia (adject.) t. j. nie rzucający cienia'⁶⁾, drugi raz w Jašt 19, 4 jako imię własne góry lub gór

1) przez *j* piszę — za przykładem coraz liczniejszych językoznawców — głoskę, dotąd zwykle w aryjskich językach przez *y* pisaną; dlatego też *ǰ* = *j* (*ǰ* = *c*).

2) akcent według NEMANIĆA.

3) przynajmniej wedle ŹELECHOWSKIEGO.

4) p. MIKLOSICHA Lexicon palaeoslov.

5) MIKLOSICH Et. Wb. podaje wprawdzie serb. *usoj*, ale niema tego wyrazu ani DANIĆIĆ (Osnove 81, gdzie *osoj*, *prisoj* podane jako nieużywane; Korijeni 45), ani VUK; staroserb. słownika Danićića niema pod ręką.

6) w przeciwieństwie do istot śmiertelnych.

(Dual. neutr.), pr. JACKSON *Avesta Reader* ad l. (i w słowniczku) oraz przedewszystkiem BARTHOLOMAE Altiran. Wtb. s. v. Temat *saja-* zawarty w tem złożeniu stoi oczywiście w najściślejszym związku z nowopers. *sāja* 'cień; ochrona' (pehl. *sājak* itd., HORN Grd. der neupers. Et. nr. 695) oraz staroind. *śhājā* f. 'cień; obraz (odblask, odbicie); blask', ale pod względem iloczasu zgadza się ten izolowany zresztą awestyjski wyraz (*asaja-*) tylko ze słow. *osojb* (*osoje* resp. *osoije*) i *prisojb* (*prisoje* resp. *prisoije*), a dalej z gr. *σκιός* 'cienisty'¹⁾, albań. *hē* (← **hajā*) 'cień; wdzięk (Anmut)' pr. G. MEYER Et. Wtb. alb. Spr. 149 nst., a także z jeszcze jednym słow. wyrazem, mianowicie *soja* (*sojčka*) 'corvus glandarius', znanym wszystkim słowiańskim językom: ptak został tak nazwany od swego świetnego upierzenia i słusznie też MIKLOSICH Et. Wtb. 313 (s. v.) *sojkę* łączy etymologicznie ze swoją grupą *si* -1. A mianowicie już z samych dotąd przytoczonych wyrazów wynika, że pozornie przeciwne znaczenia 'cień' i 'blask' łączą się w tym jednym temacie, a i teoretyczne zrozumienie semazjologicznego związku nie jest trudne, boć cień padający od przedmiotu jest jego odblaskiem, możliwym tylko w blasku, świetle.

Trzymając się wyłącznie w granicach słowiańszczyzny i istniejącego tu przeciwieństwa *osoje* 'strona lub miejsce cieniste' || *prisoje* 'strona lub miejsce słoneczne' odrazu wpada się na myśl, którą też już i MIKLOSICH Et. Wtb. wyraził, że *osoje* jest złożone z prepozycją *ot*(*o*) jako jeden z nielicznych już przykładów stojących na równi n. p. ze starocerk. *ošbda*²⁾ i że znaczy zatem mniejwięcej to samo co *u-soje* t. j. 'odsunięcie od słońca resp. światła, jego brak'. I pojmowanie takie jest zupełnie możliwe. Wolałbym jednak oba te odosobnione i widocznie prastare złożenia słow. *osojb* (*osoje*) i awest. *asaja-* zrównać, a w takim razie ani pojmowanie słowiańskiego jako złożonego z *ot*(*o*), ani awestyjskiego jako złożonego z *a* privativum (p. wyżej) nie byłoby możliwym. Nasuwa się wtedy inna analiza, godna prastarego wyrazu, a mianowicie można w słow. *o-* = awest. *a-* widzieć indoeurop. prepozycję *o-*³⁾: jeżeli

1) gr. *σκιός* oczywiście o tyle tylko nie jest wprost identyczne z aw. *saja-*, słow. *sojb*, alb. *hē*, że jego *-ios* zostało odświeżone analogicznie (wedle przymiotników na *-ios*), bo pragr. **skajos* dałoby naturalnie **skooos*.

2) gdzie zatem już w prasłow. było *ot-* (a nie *otb*); objaw znany; obocznie formy takie utrzymały się w bułg. do dziś n. p. maced. *ošla* || *otšol* (Prilep), *ošel* || *otšel* 'przyszedeł' (Sofijsko), *ošəl* (Caribrodsko — C6MHII. XIV^c).

3) ta prepozycja w formach alternujących i apofonicznych *o* || *ō* : *e* || *ē* zachowała się w dosyć licznych zresztą śladach w językach ideur.; co do języków słowiańskich, to na innem miejscu wkażę na kilka jej resztek — tutaj przypominam tylko n. p. greckie *δ-φλισκάρω*, *δ-τρώω* i odsyłam czytelnika do ostatniego znanego mi miejsca, na którym o niej mowa, mianowicie do LIDÉNA Armen. Studien 77.

słusznie, to ideur. **o-sojo-* mogło zarówno znaczyć coś mającego z cieniem jak i blaskiem do czynienia (p. wyżej), a więc awest. *asaja-* jako nazwę góry możemy i formalnie i znaczeniowo zupełnie zrównać ze słow. *osojb*, zaś awest. *asaja-* jako przydomek rumaków bóstwa Sraoša — a właśnie! pomyśli czytelnik, jakże to pogodzić z wyżej statuowanem znaczeniem 'nie mający cienia'? Ale to nie sprawia trudności, bo mamy dwa wyjścia: 1. możnaby doskonale epitet ten przełożyć przez 'błyszczący, świetny, obdarzony blaskiem'; wprawdzie tradycja jest za pojmowaniem 'bez cienia'¹⁾, ale to jeszcze nie jest decydujące, a 2. możnaby się zgodzić na istnienie w aweście także złożenia z *a* privativum. W każdym razie awest. nazwy góry niepodobna pojmować ani tak (*a* privativum), ani tak jak ewentualnie słowiańskiego *osoje* (o[ʃe]), zatem w pewnej przynajmniej mierze złożenie z *o-* nie da się ominąć.

Uwaga 1. Tensam temat mamy prawdopodobnie jeszcze w staroisł. *skegg* (← **skaiġa-*) 'broda' (NOREEN, Ugerm. Lantlehre 117, 161); pr. śgn. *scheme* 'cień, larwa, maska', *schemebart* 'Schönbart, maska'.

Uwaga 2. Inne, ale fałszywe, etymologiczne zestawienie wyrazów *prisoje* (oraz *sijati*) u TRAUTMANN, Germ. Lautgesetze 47.

Uwaga 3. O ugrofińskich wyrazach, które tu ewentualnie — w tym lub owym pojmowaniu rzeczy — należą p. SETÄLÄ, Finnisch-ugrische Forsch. II 251 i MUNKÁCSI, Árja es kaukázusi elemek 226.

Uwaga 4. Małorus. *osónje* i czak. *prisùnac*, oba 'miejsce (położenie) słoneczne' wykazują wpływ wyrazu 'słońce'.

2. Staroind. *ḥavi-* || *ḥājā* : słow. *o-sov-* || *o-soj-*:

W staroind. *ḥavi-*, *ḥāvī-* 'skóra, cera, barwa, blask, piękność' mamy niewątpliwie oboczną formę pierwiastka, występującego w *ḥājā* i otóż, rzecz ciekawa, tęsamą oboczność spotykamy w słowiańskich językach: słowiń. *osōnje*, *osovina*, *osóvan* znaczących to samo co *osōje*, *osójen*, serb. *osóvstiv* 'cienisty', małorus. *osóvnja* 'słoneczna, południowa strona góry'. O zasadniczej, ogólnej stronie tej alternacji niemam się tu co rozwódzić, jako o fakcie dobrze znanym, przypomnę tylko tęsamą alternację w pokrewnych *skeir-* || *skeur-* (staroisł. *skirr* ← **skeiris* obok *skýrr* ← **skeuris* 'jasny' itd., p. NOREEN, Ugerm. Lautl. 67; dalsze etymologiczne zestawienia dla staroind. wyrazów p. WALDE, Latein. Et. Wtb. pod *obscurus*, gdzie literatura.

3. Słow. *sénb* : *ténb* 'cień':

Znanej oboczności *sénb* || *sténb* || *ténb* poświęcił jak wiadomo VONDRÁK

1) i tak ogólnie przyjęto, pr. wyżej cytowane miejsca u Jacksona i Bartholomaeo oraz podaną tam (nieдостаpną mi zresztą), inną literaturę.

niedawno osobną rozprawkę w BB. XXIX 173 nstt. (pr. także Vgl. Gram. I 349) i usunął szczęśliwie i stanowczo trudności, jakie ta oboczność sprawiała oraz nieprawdopodobny a rozpowszechniony do ostatnich czasów sposób ich usunięcia¹⁾. Nie ulega wątpliwości, że mamy tu do czynienia z dwoma pierwotnie różnymi wyrazami, z których jeden, t. j. *sěnb* ← **soi-ni-* łączy się najściślej z *soj-* (p. wyżej), drugi, t. j. **tenb* (p. niżej) należy do pierwiastka *tem-*, a oba razem dały nowy produkt t. j. mieszańca *stěnb*. Ja osobiście tem bardziej jestem za wywodem Vondráka, że od dawna sam w ten sposób tę oboczność pojmowałem. Nie uważałbym jednak za potrzebne zawiadamiać świata o tem i jeżeli wogóle o tem piszę, to dlatego żeby zrobić parę uwag.

Przedewszystkiem dodam, że obok słowin. *zatón* (G. -*tóna*) = czak. *zātón* 'zachód (słońca)', serb. *sūton* 'głęboki zmierzch' = czak. *sūtón* 'tosamo, loca umbrosa', rosyj. *pritón*²⁾, oraz słowac. *toňa, tóna, tón* 'cień' mamy tensam temat także w dawniejszej polszczyźnie w wyrazie *potonicé -nieję* 'deficere'³⁾; dalej że oboczną formę tego tematu z wokalizmem *e* spotyka się w małorus. *sutenity* 'zmierzchać się', *sutenyjna* 'zmierzch'. Wiadomo oddawna, że *ton-* || *ten-* w tych wyrazach rozwinęły się fonetycznie z **tom-* resp. *tem-*, form znanego pierwiastka *tem-* 'być ciemnym', rozszerzonych sufiksem *-no-*, przyczem *-mn-* → *-n-*. Jednakowoż dzieje grupy *-mn-* w słowiańskich językach nie są jeszcze całkiem jasne; mówił o nich ostatni raz VONDRAK prócz przytoczonych miejsc także jeszcze w Vgl. Gr. I 117, 322 nst., gdzie podana ważniejsza literatura. Z przytoczonych dotąd przykładów dla pierwotnej grupy *-mn-* w słowiańskich językach, które można za całkiem pewne uważać, wynika w każdym razie tyle, że na gruncie słowiańskim *-mn-* przeszło w *-n-* bez względu na miejsce akcentu, jak to już sformułował PEDERSEN, KZ. XXXVIII 351 (§ 61)⁴⁾, a powtóre że niema mowy o wzdłużeniu zastępczem⁵⁾; zatem (wbrew temu, co przyjmuje Vondrák) *těnb* nie kontynuuje ściśle fonetycznie dawnego **temnb*, bo to mogło dać tylko **teub*

1) MIKLOSICH Vgl. Gr. I² 288. BRUGMANN Grdr. I² 177, 546 itd.

2) w tym wyrazie tkwi jednak może także *pritón* ← **pritojms* (cf. *zatón*).

3) wydobyte przez BRÜCKNERA Rozpr. Wydz. filolog. Ak. Um. XXV 191, gdzie jednak niesłusznie odniesione do *top-* resp. *tonqč*.

4) do przykładów tego przejścia dodaję czak. *dinjav* 'tumidus' ← **dymnjav* (może taksamo ogólnieśłow. *dynja* ← **dymnja*). Alternację zawartą w *tina* || *timěno* uważam za bardzo starą — mówię o tym w swych dotąd nieogłoszonych studjach nad nazwami wód słowiańskich, ale może niema ona nic z *-mn-* do czynienia, pr. LIDÉN IF. XIX 356 nst. Armen. Studien 109. Przejścia *-mn-* w *-n-* w dawniejszej epoce słow. nie uważam za pewne mimo **termb* : *тѣрмвор*.

5) wypadki *-mėniti* || *-mėnqti* itd. stanowią osobną kategorię i na ich podstawie nie można przyjmować **těnb*. Zresztą *mėniti* samo zawiera dyftong.

(pr. przytoczone małorus. *sutenity* itd.), ale dostało *é* pod wpływem wyrazu *sěnb*; **těmnb* jest mało prawdopodobne, ale możliwe.

Uwaga. Wyraz *tělo* (MIKLOSICH, Et. Wtb. s. v., VONDRÁK, BB. l. c.) tutaj z pewnością nie należy.

4. Ogólne uwagi o pierwiastku wyrazów *osoje* itd., *soja*, *sěnb*.

MIKLOSICH Et. Wtb. słusznie postawił *osoje*, *prisoje* pod *si*-1 łącząc je przede wszystkim ze znanym czasownikiem *sijati* resp. *sjati*, *sinąti* i dodając do tego *soja*. Że należy tu i *sěnb*, to także rzecz oddawna uznana, chociaż M. nie był tego zdania: trudności pozorne wynikające z pojmowania formy *stěnb* jako **skěnb* zostały szczęśliwie przez Vondráka usunięte (p. wyżej). Teraz kilka uwag dodatkowych do pierwiastka.

Przedewszystkiem wypada zaznaczyć, że nie wszyscy łączą grupę *sti. čhājǎ-* (*oxiá*, *oxoiós* . . ., ags. *scima*, śgn. *schemc* 'cien' . . ., słow. *sojo-*) z grupą goc. *skeinan* 'świecić' (sts. *scimo* 'blask' . . ., słow. *sinąti* . . .), jak to jest prawie powszechnie przyjęte. Mianowicie MÖLLER, Semit. und Indogerm. I § 48 str. 61/62 (§ 69, § 206 str. 225, § 275 str. 349 nst.) rozróżnia na podstawie języków semickich dwa pierwiastki, mianowicie (w formie już indoeuropejskiej) *s-k₁h-ǝ-* ze znaczeniem 'szarej barwy, cienia' itp. oraz *sk₁eǝ-* ze znaczeniem 'świecenia, blasku'. I trzeba przyznać, że rodzina językowa semicka rzeczywiście wykazuje różnicę, ale nie przypisywałbym temu zasadniczego znaczenia, t. j. sądzę, że i tak obie grupy są pierwotnie w ten czy inny sposób pokrewne. Zresztą, chociaż jestem zdania, że Möller dowiódł pokrewieństwa języków semickich i indoeuropejskich i dzieło jego wypada postawić w rzędzie niewielu rzeczywiście genialnych, to i tak w szczegółowych problemach, zwłaszcza zaś etymologicznych, zawsze przede wszystkim trzeba będzie się oglądać na bliższe pokrewieństwo. W naszym wypadku są zresztą jeszcze inne trudności. Ponieważ zaś znaczeniowo i gienetycznie nie podobna rozbijać n. p. staroind. *čhājǎ* albo słow. *osoje*, *prisoje* na dwa źródła, przeto uważam i nadal obie grupy w zasadzie za jednolitą.

Zgoła nieprawdopodobnie rozerwał DANIELSSON słow. *sijati* od *sinąti* łącząc je (t. j. *sijati*) z staroind. *śjājati* 'krzepnie, zsiada się, marznie' itd. Powtarza to HIRT, Idg. Ablaut § 353 (idg. *keǵā* 'gerinnen': *sijati*, ai. *śjājati*, *śjāna-s* 'dūrr', *śitā-s* 'kühl', *śinā-s*) i tylko ztamtąd znam miejsce Danielssona (Gram. Anm. I 15⁴); nie wiem też, jak D. uzasadnia swoje zapatrywanie. Wątpię jednak z góry, czy nawet znając odnośną uwagę Danielssona, mógłbym się zdecydować na rozerwanie *sijati* od *sinąti*, chyba żeby oddzielić *sijati* w znaczeniu 'płonać' od *sijati* 'błyszczyć', ale i to mało prawdopodobne, bo znaczenie 'płonać' rozwinęło się z 'zarzyć się, być rozpalonym do białości', jak to wykazuje

jeszcze kasz. *séjac* (RAMULT) oraz pol. *sijać* BRÜCKNER Rozpr. Wydz. filol. Ak. Um. XXXIII, 171¹⁾, serb. *úsjati* itd. Dlatego z powyżej przytoczonymi wyrazami staroindyjskimi łączyłbym może stgn. *hei* 'suchy, wyschnięty' itd. (pr. literaturę do tego u TRAUTMANN, Germ. Lautges. 47). W drugim dopiero rzędzie nasuwałoby się pytanie, czy to stoi wszystko w dalszym związku etymologicznym z naszym *skei-*, czy nie. Tęsamą stopę co *sjati sjati* zawiera alb. *hie* ← **hijā* 'cień, pl. widziadła' (G. MEYER l. c.).

Natomiast nie stoją w związku — przynajmniej bezpośrednim — z *sjati* itd. znane przymiotniki *sirb* itd., które MIKLOSICH l. c. tu umieszcza. Odpowiada im jak wiadomo stind. *šjāvā-s* obok *šjāmā-s* = lit. *šēmas*, a pr. wogóle MÖLLER l. c. 61, § 47. ZUPITZA, Germ. Gutturale 185 itd.

Uwaga. Trudność w całej naszej grupie etymologicznej, o ile istnieje w językach słowiańskich, sprawia tylko rosyj. *zástitb*, *zástovatb* = małorus. *zástuvaty*. W każdym razie forma to drugorzędna, a mogła powstać rozmaicie. Albo jestto denomin. od *zástb* (Imperat. do *zástitb*, używany także prawie przysłówkowo; prócz tego *zastb* adv. w zwrocie ~ *ot svéta*, p. Słownik akadem.), a to może przedstawiać fonetyczny rezultat z dawniejszego **zasnb* ← ewent. **zasni* (pr. do tego czasownik *zasnitbšja* w smoleń. *sólmyško zasniłost*, Słownik akadem. — zatem *sn-*); albo jestto kontaminacja **zásnitb* z *zasténitb*; albo wreszcie mamy tu wpływ języków ugrofińskich, pr. zyrj. *saštyny* 'zacieniać', czerem. *šojštem*, *šöštem* 'zasłaniać światło, zacieniać': naturalnie mogły się te wszystkie przyczyny także złożyć.

1) obu tych wyrazów niema u Miklosicha.

Die postlabialen und -gutturalen Diphthongierungen des Pomoranischen.

Die bekannte Diphthongierung des *o* nach Labialen und Gutturalen im Pomoranischen zu erklären ist bisher, so weit mir bekannt ist, nur ein Versuch gemacht worden: von K. Nitsch in seiner Beschreibung des Lusiner Dialekts Mat. i pr. I 232. Nitsch meint, daß es sich hier um eine allgemeine Verschiebung des *o* handelt, wodurch dieses in *e* überging, und daß sich dabei nach Labialen und Gutturalen als Übergangslaut ein *ʒ*, sonst ein *ʒ̣* eingestellt habe. Diese Annahme scheidet aber daran, daß das *o* nach nichtlabialen und -gutturalen Lauten im Lusiner Dialekt nicht als *ʒ̣e* (d. i. *ʒ̣e*), sondern als *ʒ̣e* erscheint, dies *ʒ̣e* ist durch eine Reihe von Zwischenstufen, welche sämtlich in den benachbarten Dialekten erhalten sind, aus *ʒ̣o* hervorgegangen, welches seinerseits ein geschlossenes *ö* voraussetzt. Auch abgesehen davon würde Nitschs Erklärung nur für den Lusiner und einige benachbarte Dialekte möglich sein: in allen andern Dialekten, welche nach nichtlabialen und -gutturalen Konsonanten das *o* als gerundeten gutturalen Vokal erhalten, würde diese Nichtverschiebung einfach unverständlich sein.

Für die richtige Erklärung der Erscheinung gibt ein Vorgang im Schwornigatzer Dialekt einen beachtenswerten Fingerzeig. In diesem Dialekt, welcher die Diphthongierung des *o* nach Labialen und Gutturalen nicht kennt, hat das *o* nach den nichtlabialen und -gutturalen Konsonanten einen Vorschlag von *ʒ̣* erfahren, nach diesem *ʒ̣* und ebenso nach dem alten im Wortanlaut vorgeschlagenen und dem aus *ʒ̣* entstandenen *ʒ̣* ist das *o* zu *ö* geworden, während es nach Gutturalen und Labialen, wo der *ʒ̣*-Vorschlag nicht existiert, als *o* geblieben ist. Nitsch in seiner Beschreibung des Schwornigatzer Dialekts Mat. i pr. III 115 erwähnt dies Lautgesetz nicht, ich habe mich jedoch bei mehrmaligem Aufenthalt in Schwornigatz von seinem allgemeinen Vorhandensein überzeugt.

In diesem Schwornigatzer Lautgesetz haben wir es nun ebenfalls mit einer Verschiebung des *o* nach vorn zu tun, wir erkennen aber auch den Anlaß zu dieser Verschiebung: die Dissimilation gegen das vorhergehende *ɥ*. Nach Labialen und Gutturalen, wo das *ɥ* nicht vorhanden war — vielleicht existierte es auch hier einmal, ist aber später wieder geschwunden —, konnte eine Dissimilation nicht eintreten, infolgedessen blieb das *o* erhalten.

Daß sich ein solches *ɥ* als Übergangslaut zwischen Labialen und Gutturalen und *o* sehr leicht einstellen konnte, bedarf keines Beweises. Gehen wir von einem *k^ho* aus, so kommen wir durch eine vollständige Dissimilation (in Schwornigatz ist dieselbe nur unvollständig ausgeführt, da die Lippenrundung geblieben ist) zu *k^he* und hierin haben wir tatsächlich den Vorfahren aller heutigen Vertreter des postlabialen und -gutturalen *o* erreicht. Dies sind nämlich sämtlich »steigende« Diphthonge, in allen ist der erste, halbvokalische Komponent ein gerundeter gutturaler Vokal, meistens *ɥ*, bisweilen einem *ɔ* nahe stehend, der zweite, vokalische Komponent ist mehr oder weniger palatal, meistens der mittleren, bisweilen auch — durch Annäherung an das *ɥ* — der hohen Zungenlage angehörig, in der Regel ungerundet, doch unter besonderen Umständen auch gerundet. In den Einzelheiten ergibt sich hier ein sehr buntes Bild, da die umgebenden Laute von großem Einfluß gewesen sind, überall aber kann man von einem *ɥe* ausgehen.

Nun wäre es allerdings nicht unerklärlich, aber doch recht auffällig, wenn sich nicht auch anderweitig Spuren eines Übergangslautes nach Labialen und Gutturalen finden sollten. Tatsächlich ist der Übergangslaut vor allen gerundeten gutturalen Vokalen nachweisbar, vielleicht ist er einst überall hier vorhanden gewesen, dann aber größtenteils wieder geschwunden ohne irgend eine Wirkung auszuüben.

Es kommt hier zunächst das ursprünglich lange, später geschlossene *o* in Betracht, welches im Südkaschubischen, Westsaborischen und einem Teil des Lesnoer Dialekts als *ɥy* erscheint. Da nun *y* in diesen Dialekten das ursprünglich lange, später geschlossene *e* vertritt, so wird auch *ɥy* aus *ɥē* hervorgegangen sein. Dies *ɥē* steht zu dem alten *ō* in demselben Verhältnis, in dem *ɥe* zu *o* steht: es ist aus **ō* durch eine infolge der Dissimilationsneigung eingetretene Verschiebung nach vorn entstanden.

In dem Teil des Lesnoer Dialekts, welcher das *ɥy* nicht besitzt, hat sich das *ɥ* nach Labialen und Gutturalen erhalten: *b^hük*, *v^hüs*, *g^hùra*. Sonst ist es überall geschwunden.

Auch für kurzes und langes *u* nach Labialen und Gutturalen ist der Vorschlag eines *ɥ* nachweisbar und zwar für ersteres im ganzen Kaschubischen mit Ausnahme des Nordwest- und Südkaschubischen, für letzteres in denselben Dialekten mit der weiteren Ausnahme des Nordostkaschubischen. Die beiden *u*-Laute erscheinen hier in einer dem diphthongierten *o* sehr ähnlichen Form: es sind »steigende« Diphthonge, deren erster, halbvokalischer Komponent ein gerundeter, gutturaler Vokal — und zwar immer *ɥ* — ist, während der zweite, vokalische Komponent mehr oder weniger palatal ist, nur hat er, im Gegensatz zu dem aus *o* entstandenen, immer die hohe Zungenlage und ist, doch ist dies wohl sekundär, häufiger gerundet. Wenn nun auch die meisten dieser Dialekte auch in den übrigen Stellungen das *u* nach vorn verschoben haben, so beweisen doch die Dialekte, welche, wie der Heisternecker, das *ū* als gutturalen Vokal erhalten haben, daß es sich hier nicht um einen sporadischen Lautwandel handelt. Auch hier ist anzunehmen, daß *ku* zunächst zu *k^hu* geworden und dies durch vollständige Dissimilation in *k^hi* übergegangen ist, auf *ɥi* lassen sich die sämtlichen heutigen Vertreter der *u*-Laute in den genannten Dialekten zwanglos zurückführen.

Vor andern als den *o*- und *u*-Lauten ist das Eintreten des Übergangslauts nicht nachweisbar. Erwarten dürfte man ihn höchstens noch vor dem aus langem *a* entstandenen *o*-Laut, tatsächlich wird auch individuell im Zentralkaschubischen *g^hódl^ac*, *p^hóra* gesprochen, doch ist hier das *ɥ* sicher späteren Ursprungs, da sein Schwinden in andern Dialekten, z. B. im Westkaschubischen mit seinem *gédész*, *péra*, nicht zu erklären wäre. Wahrscheinlich aber war, als *o* und *u* den *ɥ*-Vorschlag erhielten, das lange *a* noch gar nicht gerundet, *o* und *u* waren also die einzigen vorhandenen gerundeten Vokale mit gutturaler Artikulation.

Auf eine andere Entstehungsweise der besprochenen Diphthonge — falls man sie überhaupt noch Diphthonge nennen darf — könnte das von K. Nitsch Mat. i pr. III 115 erwähnte Lautgesetz des Schwornigatzer Dialekts, nach welchem die auslautenden *o* und *u* nach Labialen und Gutturalen in *oɣ* und *uɣ* übergegangen sind, hinweisen, indem man annehmen könnte, daß nach einem allerdings unklaren phonetischen Prinzip *o* und *u* zunächst in *oɣ* und *uɣ* übergegangen und diese in *oε* und *uε* umgesprungen wären. In Wirklichkeit hat aber das Schwornigatzer *oε* — das von Nitsch behauptete *uɣ* habe ich nicht bestätigt gefunden, ich habe im Auslaut immer reines geschlossenes *u* gehört — mit den vorhergehenden Labialen und Gutturalen gar nichts zu tun, vielmehr ist dies ein sporadischer Lautwandel des auslautenden *o*, der sich nach andern

Konsonanten deshalb nicht einstellen konnte, weil hier nach dem oben erwähnten Lautgesetz *o* über *ʷo* in *ʷö* übergegangen war. Daß dies wirklich der Fall ist, zeigt die gleiche Erscheinung im Brußer und Lesnoer Dialekt, wo das auslautende *o* nach allen Konsonanten zu *oɣ* geworden ist, vgl. Nitsch Mat. i pr. III 161 f., in diesen Dialekten existiert ein dem Schwornigatzer entsprechendes Lautgesetz über den Übergang von *o* in ein *ʷö* nicht.

Es bleibt also dabei, daß die sogenannte Diphthongierung der *o*- und *u*-Laute nach Labialen und Gutturalen in Wirklichkeit gar keine Diphthongierung ist, sondern eine Dissimilation gegen das als Übergangslaut eingeschobene *ɣ*.

Karthus, Westpr.

F. Lorentz.

Końcowe *oN, ot, oj* w polszczyźnie literackiej i ludowej.

Kwestja wzdłużania w językach polskim i czeskim samogłosek krótkich w zgłoskach zamkniętych stała się w ostatnich czasach kilka razy przedmiotem badań. Pisali o niej: Lorentz w Arch. f. sl. Ph. XIX 163 (odnośnik), Pedersen w KZ. XXXVIII 305, Kul'bakin w Sborniku otd. russk. jaz. i sl. LXXIII nr. IV 154—186 i w Izv. XI ks. IV 303—5, Vondrák w BB. XXX 101 un., Porzeziński w Sborniku LXXXI nr. IV 101—8, posługując się w objaśnianiu więcej lub mniej zależnością tych głosek od pierwotnego akcentu i intonacji. Z żadnym z wymienionych autorów nie mogę się zgodzić bez zastrzeżeń, a w szczególności sądzę, że dzisiejszy stan zgłosek końcowych w języku polskim najlepiej jeszcze da się wytłumaczyć starą hipotezą Boudouina de Courtenay (O drevnepolskom jaz. 78). Odkładając uzasadnienie tej opinii do innej sposobności (na razie zob. Prace filologiczne VI 288), tutaj chcę zwrócić uwagę na jeden tylko szczegół i wykazać, że gdy nie starczą choćby subtelne spekulacje historyczne, objaśnienie znaleźć można czasem w dzisiejszym stanie języka, zwłaszcza ludowego.

Idzie mi o te przypadki, w których *o* zamknięte jest końcówką płynną *m, n,ń, r, ł, l, j*. Według zgodnej opinii piszących o tym autorów za fonetyczne uważać tu należy formy ze ścieśnionym *ó* bez względu na pochodzenie dźwięku (z **ö, ě* samodzielnych, czy też stanowiących składnik grup **or, er, ol, el*). Jedynie tylko Pedersen sądzi, że wzdłużenie następowało tylko przy intonacji rosnącej, w którym to razie za prawidłowe uważałoby należało *sróm* (r. *sórom*, s. *srâm*) ale *prom* (r. *poróm*, s. *prâm*), rzecz tę jednak pomijam, bo hipotezy tej nie uważam za słuszną, a gdyby nią nawet była, nie objaśni odstępstw, o których chcę mówić. Tymczasem w rzeczywistości stosunki nie są tak proste: gdy przed *l, j, r* mamy istotnie prawie bez wyjątku *ó*: *król, ból, wól, rój, krój, mój, zbiór, zbór, dwór* (jeżeli się pominie nowe wyrazy przyswojone jak *autor, mentol, goj*, to bez zwężenia zostanie tylko kilka

na *r* jak *tor, zator*, powstałych pewnie drogą analogji), to przed *ł* odstępstwa są znacznie częstsze, np. *anioł, chochoł, warchoł*, często *mozoł*, a przed nosowymi *m, n, ń* (w dalszym ciągu oznaczam je symbolicznie przez *N*) zwężenia niema nigdy: *dom, grom, dzwon, gon, on, koń, słoń, poziom, prom, srom, broń, skroń, dłoń, człon, plon, trzon*. Odstępstwa te objaśniano dotąd jedynie ryczałtowym przypuszczeniem działania analogji przypadków zależnych. Zobaczmy, czy nie rzuci tu nieco światła zachowanie się tych grup w dzisiejszych dialektach ludowych.

Zaczynając od spółgłosek nosowych, zwracam uwagę na fakt, że brak zwężenia istnieje w języku literackim tylko przed nimi ze wszystkich dźwięcznych i płynnych i że rozciąga się on na cały język. Prócz bowiem przytoczonych mianowników l. p. występuje on w dop. l. mn. rzeczowników *ż. i n.*, gdzie zawsze jest *żon, nasion, wron, bron, stron* bez względu na pierwotny akcent i intonację, mimo że pochylenie przed innymi spółgłoskami, nie tylko dźwięcznymi, jest tu tak częste (*cnót, kóp*), że aż skłoniło Vondrąka do przypuszczenia wzdłużenia samogłoski tematowej specjalnie w tym przypadku, a Porzezińskiego do słusznej zresztą opinji, że »samogłoska długa stała się formalną przynależnością bezkońcówkowego dop. l. mn.«. To samo wreszcie mamy w środku wyrazów, np. w zdrobnieniach. Gdybyśmy nawet przypuścili z Pedersenem fonetyczność niektórych z tych form, np. *wronka* przez wzgląd na czeskie *vranka* (dla pewnej odległej epoki byłoby to możliwe, skoro do *bloto*, r. *boloto*, mamy *blotko*, a do *zloto*, r. *zóloto* — *pozłotka*, ale kto wie, czy różnica między tymi dwoma zdrobnieniami nie leży po prostu w różnej epoce ich powstania; podobnie *wronka* nie doszła chyba do nas tradycyjnie, każdy z nas sam sobie ten wyraz tworzy w razie rzadkiej zresztą bardzo potrzeby), to i tak trudnoby przyjąć, by analogja ogarnęła wszystkie bez wyjątku przykłady. Mamy zaś: *nagonka, dzwonka, domki, poziomka*, z innych pochodnych *konny, obronny* i t. d. — Z tego przeglądu okazuje się, że połączenie *oN* w języku literackim zupełnie nie istnieje bez względu na pozycję i etymologję. Spotyka się je czasem w ustach inteligencji polskiej z prowincji ruskich, zwłaszcza w Galicji wschodniej. Wymowa ta w zdrobniących, jak *poziomka, pierściónki, ogónka* (nawet *pierściónek, ogónek*) zaraz zwraca uwagę np. Krakowianina, ale jeszcze nie razi, nie uchodzi za gminną; taką jest dopiero *oN* kończące wyraz, np. *ón, dóm, kón*. Skłonność ta z pewnością pozostaje w związku z bezwzględny wzdłużaniem tej pozycji w języku małoruskim: *win, dim, kii*. W wymowie krakowskiej znam jeden tylko przykład ścieśnienia: *jednokónka* obok *jednokonka*. — Taka jedno-

stajność nie może oczywiście powstać drogą analogji, że zaś jest to prawidłowość dzisiejsza, zawarunkowana wyraźnie dzisiejszym stanem języka, przeto nie trzeba jej objaśnienia szukać w przeszłości, przynajmniej nie w bardzo odległej. Kiedyż więc i pod jakim wpływem zrodziło się to literackie prawidło, mocą którego każde *óN* przeszło w *oN*? Sądzę, że zawdzięcza ono swe powstanie dążności do usunięcia z języka postaci, uchodzących za ludowe, gminne. Dziś tendencje takie obserwować można zwłaszcza u osobników, bezpośrednio wychodzących z ludu i pragnących pozbyć się cech nieliterackich języka często z przesadą, znaną pod nazwą »szadzenia«. Polega ono, jak wiadomo, na tym, że usuwa się z wymowy nie tylko takie *s*, *z*, *c*, *dz*, którym odpowiadają literackie *sz*, *ź*, *cz*, *dź*, ale także i pierwotne, ogólnopolskie. Otóż jest rzeczą bardzo możliwą, że w epoce powstawania dopiero języka piśmiennego i wymowy t. zw. poprawnej objawy takie były częstsze, ogarniały szersze kręgi i odbijały się na piśmie. Aby się tak stać mogło, musiały już oczywiście istnieć dwie różne wymowy, z których jedna uchodziła za lepszą. Zdaje mi się, że właśnie coś podobnego dałoby się wykazać dla grupy *oN*.

W dzisiejszym języku ludowym grupa ta na bardzo znacznym obszarze ulega zmianie na *óN* nie tylko w zgłoskach zamkniętych: *dóm*, *dómu*, *słóma*, *zielóny*, *krowóm*, *kónie* i t. d., z *ó* zupełnie równym *o* powstałemu przez wzdłużenie z **ö*: *góra*, *król*. Tak jest w całej prawie Wielkopolsce i Śląsku, gdzie to *ó* jest dźwiękiem różnym od *u* (zob. np. Rozprawy filol. IX 120, XII 16, Malinowskiego Oppelnsche mundart 15; mowę ludową tych dzielnic znam zresztą z własnych badań), a także na Kujawach i w Ziemi Chełmińskiej, gdzie są one sobie równe (*kuńe*, *gura*, *kura*, zob. Mat i Pr. III 313 i 319). Zamiana *oN* w *óN* istnieje wprawdzie i w Małopolsce (np. koło Opoczna Rozpr. fil. XI 156, w gwarze lasowskiej Rozpr. VIII 89), ale po większej części pozostało ono bez zmiany lub przeszło w *oN*: tak np. koło Tarnowa (M. i P. I 11, III 76), nad Rabą (M. i P. II 364), w Zebrzydowicach (Rozpr. IX 163), w pasie podgórskim (Rozpr. VIII 242, M. i P. I 58); ten ostatni jest zapewne nieco późniejszego pochodzenia, ale bądź co bądź kolonizowano go z Małopolski, a wiadomo, że okolice zaludnione później zachowują czasem nawet dawniejsze cechy językowe. Nie znaczy to jednak, by w tych wszystkich gwarach połączenie *óN* było zupełnie nieznanne: w wymienionych wyżej nadrabskich, należących do najdawniejszych małopolskich, obok zwykłych *słóma*, *zwónek*, *dóm*, *ludzióm*, *on*, *ogon* zanotowałem też *kón*, *kónie*, *gónić*, polegające z pewnością przynajmniej częściowo na pierwotnym wzdłużeniu. Że zaś tych przykładów jest

tak mało, to pozostaje zapewne w związku z istniejącą w Małopolsce silną tendencją do rozszerzania artykulacji tylnojęzykowej przed *N*: formy *łóna, strona* (= stsl. *struna*), *pieron, tromna, fortona, podaronek* są tam zjawiskiem zwykłym (zob. np. Rozpr. VIII 76 i 186, IX 152, XXVI 337, M. i P. I 58 i t. d.). — Jest więc rzeczą zupełnie możliwą, że dopóki język literacki rozwijał się w Wielkopolsce, wzdłużenia czy zwięzienia *o* przed *N* stosowały się do tychże praw, co zwięzienia przed innymi tegoż rodzaju spółgłoskami (sonantami); jeżeli podane w Gramatyce Franciszka Malinowskiego (Poznań 1869, str. 171) formy dop. l. mn. *brón, wrón* nie są skutkiem sztucznej poprawności (wyliczone są pomiędzy innymi dopełniaczami, jak *cnót, robót, kóp, stóp, ócz*), to połączenie *óN* do dziś tam w pewnych razach istnieje. Gdy zaś punkt ciężkości języka literackiego przeniósł się do Krakowa i gdy wielkopolskie *wróna, konie, domy* zaczęły razić i uchodzić za niepoprawne, wtedy wraz z nimi zaczęło znikać z języka klas wykształconych także i uprawnione pierwotnie *óN* w formach jak *kón, brón, zónka*. Skoro zaś w Małopolsce nawet *uN* przechodziło w *óN* i *oN*, przeto poczęły się i w piśmie zjawiać postaci jak *słońce, strona* (chorda), panujące np. już w pierwszych wydaniach Kochanowskiego (w Psalterzu Florjańskim lub Biblii królowej Zofji zawsze *śluńce, struna*) mimo że tamże spotyka się jeszcze *kón, ón, działkóm* obok *konie, dom, onéy*. Że tendencja ta działała i później, świadczą dzisiejsze wahania w wyrazach *tłumaczyć, tłumok*, pisanych często przez *o*, świadczy zdarzająca się, choć nie uchodząca za poprawną forma *bronet* i inne. Został jednak *tłum*. Godny wreszcie uwagi wyraz *sum*, występujący w tejże postaci i w języku czeskim, gdy w innych, np. w rosyjskim i serbskim mamy *som*, widocznie pierwotne, skoro spotyka się i w stpol. (Piekosiński, Studja . . . z dziedziny historii polskiej, t. VI Wybór zapisek sądowych . . . wielkopolskich z XV w., str. 201) i skoro *u* mamy właśnie w tych dwu językach, w których może ono być rezultatem wzdłużenia *o*; tego samego dowodzi zresztą litewskie *szāmas*, którego niema powodu uważać za przyswojenie z ruskiego, jak to przypuszcza Brückner (Litu-slawische Studien, I 140). Widocznie więc mamy tu do czynienia ze zjawiskiem odwrotnym omawianemu powyżej, mianowicie z przejściem do języka literackiego formy ludowej; skoro przejście *óN* albo i *uN* w *oN* nie odbyło się w języku literackim drogą właściwego nieświadomego prawa głosowego, lecz przez przejście z dialektu i przez sztuczny dobór, przeto ten jeden fakt odwrotny nie pozostaje z nim w sprzeczności, zwłaszcza że to wyraz rzadko używany, a tendencja do zamiany *u* na *o* znacznie słabsza jest przed *m* niż przed *n*, zwykle np. ludowe *rozum*.

Trudniejsze do objaśnienia są przykłady nieścieśnionego *o* przed *ł*. Wyrazy z pierwotnymi *o*, *e* mają tu systematycznie *ó*: *dół*, *kół*, *pół*, *stół*, *wół*, *popiół*, *wesół* i t. d., z obcych zupełnie na ich wzór *kościół*, *rosół*. W wyrazie *aniół* *o* powstało później, w Kazaniach świętokrzyskich pisze się jeszcze *angel*, w Ps. Fl. *angel* i *angol*; nadto przytaczam dzisiejsze literackie *chochoł*, *warchoł*, często *mozoł*. Przyczyną braku ścieśnienia mogło być wyrównanie do innych przypadków, ale z pewnością nie samo ono tylko: z pewnością współdziałał przedostający się z gwar nowy typ zakończony na *ol*: *kocioł*, *koziół*, *osioł*. Pojawia się on w literaturze już w w. XVII, ale w gwarach był z pewnością już dawniej, skoro dziś panuje w nich bardzo silnie, obejmując np. w całej Wielkopolsce, a także indziej, nie tylko *eł* z *e* ruchomym podniebiennym (z **r̄*), ale i z niepodniebiennym (**ü*), np. *posół*, *Pawół*, *poł* (czas przeszły do *piele*), a nawet *orzoł*, gdzie rychle odpodniebiennienie *rz* jest przyczyną pozornej niekonsekwencji między literackimi *osioł* a *orzeł*. Proces ten, odbywający się przedewszystkiem, choć nie wyłącznie, w gwarach wymawiających *ł* jak *u*, pojmuje się zwykle jako przejście *eł* w *oł*, niezupełnie jednak słusznie, to *o* bowiem, nie mając przed sobą nigdy labjalizacji *u*, typowej, choćby w słabym stopniu, dla większości rdzennych gwar polskich, nie da się sprowadzić do **ö* lecz do **ū*. Widać to doskonale z zestawienia wielkopolskich *śwostra*, *czotka*, *pyole* z *kyoocy*, *Pavou*, *pudoukyo* i *trouva*, *bouy*, *plyk*. Że przyczyną braku *u* przed *o* nie jest tu dyssymilacja do następującego *u* z **ł*, wykażę zaraz poniżej. Przedtym jednak zwrócę uwagę, że dopiero takie postawienie kwestji tłumaczy nam, dlaczego to *o* nie ulega zwężeniu na *ó*, chociaż w tychże gwarach mamy zwykle *aniół*, *chochoł*. Wogóle co do zwężania w grupie *ól* można zauważyć ciekawy paralelizm między mową literacką a ludową, przyczym jednak pierwsza stale się niejako opóźnia. I tak (pomijam warstwę wyrazów najdawniejszą): gdzie lud przeprowadził już przeważnie zwężenie (*aniół*, *chochoł*) — tam klasy wykształcone mają prawie wyłącznie *o*, gdzie lud ma stale *o*, czasem nawet już zamieniane na *ó* (*osioł* i *osiół*) — język literacki zachowuje jeszcze resztki *e*, gdzie ludowy, na znacznym obszarze, ma *o* nigdy nie ścieśniane (*Pawół*; jedynym pozornym wyjątkiem jest *djabel*, występujący w gwarach jako *dziaból* lub *dziaból*, dla drugiej z tych form można jednak wychodzić z łacińskiego *o*) — literacki zna tylko *e*.

Jest jednak jeszcze drugie zjawisko gwarowe, dotyczące grupy *ól*. Jeżeli w typowych gwarach wielkopolskich, a także czasem na Śląsku, spotyka się *ko^o*, *do^o* obok *kyoza*, *czotka*, to możnaby przypuścić, że labjalizacja, poprzedzająca zwykle *o*, zginęła tu wskutek dyssymilacji

do następującego *u*. Jeżeli jednak na Krajnie obok *koęł, soęstra* słyszy się *kóyek, pścôya, vesôyi* (M. i P. III 183, 189, 193) i zestawia się z tym tamtejsze *prôvda, trôva*, to musi się przyjąć zasadę, że **ól* przeszło tam w **ał*. Podobnie na Śląsku notowałem: w Dobrzniu lub Siolkowicach pod Opolem *pole, koza* ale *côyo, kôyo* z *ó* jak w *trôvva, ptôyk*, w innych jego częściach, np. w Piekarach pod Bytomiem: *kot, polúk, kovál* obok *cáyo, páyova, gáymyp*, a nawet *máva* (= *gátka*, a więc z **molva*). Widac stąd jasno, że ma się tu do czynienia nie z dyssymilacją, ale istotnie z przejściem **ól* w **ał*. O dawności tego zjawiska trudno coś pewnego powiedzieć; wprawdzie *mowa* obok *molva* spotyka się już w Ps. Fl., ale *ł* w tym wyrazie mogło się na Śląsku utrzymać dłużej. Rozpowszechnienie jego terytorjalne jest prawdopodobnie większe, niżby można wnosić z nieuwydatniania tego faktu w dotychczasowych opracowaniach gwarowych. Istnieje on czasem, przez badającego niedostrzeżony: tak np. pod Tarnowem zanotowano *coue, koue, choúeto* obok *cefiúva še, uókyó* (M. i P. I 11; co do *o* i *á* zob. tam str. 2) lub *gouy* obok *gúplec* (M. i P. III 76). Nie ulega oczywiście wątpliwości, że bardzo wiele gwar zjawiska tego nie zna zupełnie, tak np. w Zebrzydowicach *k_uöyo, m_uöva, p_uöle* bez różnicy (Rozpr. IX 154). — Kto wie, czy nie pozostaje z tym w związku *warchoł*, obok którego istnieją nazwiska *Warchał* i *Warchałowski*. Chyba zaś tylko za pośrednictwem tego zjawiska dadzą się objaśnić zachodnio-pruskie *žalty, žalnierz, szalty, ni wiérzchatku* (M. i P. III 239 n.). Istnieją one na niewielkiej przestrzeni, gdzie graniczą z sobą dialekty zachowujące odrębność **ā: ptūk, tráva* (kaszubskie i tucholskie) i dialekty równające je z **ā: ptak, trawa* (kociewskie); sam obchodzący nas tu pas graniczny należy dziś językowo do Kociewia, mógł jednak niegdyś należeć do typu z *ā* (l. c. 267 n.), że zaś także na Kociewiu dawne *ā* ulegało przynajmniej w niektórych pozycjach zwężeniu, dowodzi jego zachowanie się dziś przed *N: zómek, boción*. Otóż można tu przyjąć dwie epoki: 1. *oł* \Rightarrow *ál*: *práwda, žalty* (na całym Kociewiu mówi się *žolty*, nie *žólty*), *žalnierz*, 2. *á* \Rightarrow *a*: *prawda, žalty, žalnierz*. W przypadku tym idzie co prawda tylko o *oł* w zgłosce zamkniętej (toż samo w niektórych gwarach południowo-kaszubskich, np. w Boryszkowach: *káyo* obok *žouñér, žouñi* z *ö* jak w *prôvda*, M. i P. III 142), ale tendencja jest ta sama. — Koniec końców, jakkolwiek pojmovać te fakty, nie ulega wątpliwości, że zmiana następuje tu nie w kierunku zwężenia lecz rozszerzenia artykulacji *o* przed *ł*.

Całkiem odwrotnie ma się rzecz w grupie *oj*. Z istniejącego bodaj czy nie na całym obszarze Polski ludowego *pudzie* lub *pudzie* (w dja-

lektach, zachowujących zresztą odrębność *ó* od *u*) można by wnosić, że jednozłotkowe *oj* miało tendencję do przejścia w *uj* przynajmniej w pewnych razach (zwykle bowiem równorzędnie z nim rozkaznik *podź*, nawet *podź*). Że obok tego mamy zwykle *dójdzie* lub *dojdzie* (i literackie *pójdzie* — *dojdzie*), to rzecz inna: tutaj działało poczucie związku z przyimkiem *do*, następującym prawie zawsze po tym słowie, np. *dojdzie do miasta*, gdy tymczasem *po* w *pójdzie* zupełnie zatraciło znaczenie przyimka *po*, służąc tu jedynie do nadania słowu niedokonanemu znaczenia dokonanego. Dlatego ta odosobniona, niewystawiona na wpływy analogji forma może mieć większe znaczenie, niż mianowniki typu *rój*, *bój*, *gnój*, zostające pod silnym wpływem innych przypadków. Że i tu jednak tendencja ta istnieje, dowodem gwary południowo-kaszubskie ze swoimi konsekwentnymi *muj*, *stuj*, *gnuj*, *chujna* (M. i P. III 121 i 142) obok *bór*, *król*, *aniól*. Paralelnie do tej dążności do zwężania język literacki, przeciwnie niż w grupach *oN*, *oł*, ma bezwyjątkowe *ój*.

Kraków.

Kazimierz Nitsch.

Westbulgarische Dialekte in Ostbulgarien.

Nach der Aussprache des alten z -Lautes zerfällt die bulgarische Sprache, wie bekannt, in zwei Hälften: ostbulgarisch, wo der alte Laut des z noch bewahrt ist, und westbulgarisch — mit einer umgelauteten e -Aussprache desselben Vokals. Die Grenzlinie dieser zwei Hälften des bulgarischen Sprachgebiets ist auch schon festgestellt; sie geht, von der Mündung des Vit-Flusses an der Donau an, in ziemlich gerader Richtung bis nach Saloniki hin, mit einer kleinen Biegung nach Osten im Bezirke Tatar-Pazardžik. Vgl. mein *Uvod* im Сборн. за нар. Уморв. etc. X, S. 366. Hier eine kleine Korrektur eben dieser Biegung der z -Grenze. Bei Miletić (Das Ostbulgarische, S. 8) sind die Orte *Čangarlii*, *Eši-Kašli*, *Kösse-Muratovo*, *L'ahovo* und *Elli-Dere* (alle im Bezirk Tatar-Pazardžik) irrtümlich in die östliche Hälfte gesetzt, während sie in die westliche fallen sollten, weil sie e -Aussprache des z aufweisen.

Durch die genannte Grenzlinie sind die beiden Teile des bulgarischen Sprachgebiets so streng voneinander geschieden, daß wir immer, wo wir im Westbulgarischen eine e -Aussprache des z treffen, sicher sein können, daß diese Eigenschaft aus dem ostbulgarischen Gebiete her stammt — und umgekehrt. Ostbulgarische Aussprache des z in Westbulgarien weisen auf die Orte: *Staro-Selo* und *Vluško-Selo* (Bezirk von Vraca), dann im Bezirk Kula (Kreis Viddin) die Stadt *Kula* (*Adlië*) selbst und die Dörfer: *Gulemanovo*, *Bojnica*, *Šišenci*, *Poletkovci*, *Izvor-mahala*; und dann weiter hinter der serbischen Grenze: *Zajčar* und *Veliki-izvor*. In der Tat sind das alles Kolonisten aus Ostbulgarien.

In Ostbulgarien waren bis jest nur die sogenannten *arnauti* in *Bracigovo*, *Peštera* (Bezirk T.-Pazardžik), dann im Dorfe *Ajdemir* (Bezirk Silistria) bekannt. Diese »arnauti« sind keine Albanesen, wie man dem Namen nach urteilen könnte, sondern mazedonische Bulgaren aus der Umgebung von Kastoria, die noch ziemlich gut die Haupteigenschaften ihres Heimatsdialekts (Nasalismus und Betonung) bewahrt haben. Solche

»arnauti« habe ich noch in *Patelenica*, *Crnča* und *Debrštica* (Bezirk T.-Pazardžik) entdeckt, die aber alle aus Bračigovo stammen¹⁾.

Aus Westbulgarien stammen auch die sogenannten *tronkovci* oder *tronki*, welche, aus dem Vilayet Adrianopel herkommend, hier und da im Kreis Burgas angesiedelt sind. Ihre eigentliche Heimat ist aber nicht Adrianopel, sondern Mazedonien, was aus ihrer Sprache klar wird. Diese *tronki* aber erkannte ich nicht an der Aussprache des *ѣ*-Lautes, welcher bei ihnen wie *'a* lautet, sondern an andern westbulgarischen Merkmalen, wie: *o*-Artikel anstatt *ъ* oder *a*, *k'e*-Partikel zur Bildung des Futurum, sowie an einzelnen westbulgarischen Ausdrücken, die ich mir im Dorfe Paša-köj (Bezirk Kazyl-Agač) notiert habe: *ručok*, *briga*, *benga*, *enza*, *harno*, *dzviska*, *nerez*, *bizaje*, *niti*, *tronka* (= *trohinka*) anstatt *malko* — woher auch ihre Benennung — *kuk'a*, *hug'e*, *orejk'a* etc.

Miletič vermischt diese *tronki* eigentümlicherweise mit den *zagorci*, d. h. mit jenen nordbulgarischen Kolonisten in Südbulgarien, welche den *o*-Artikel gebrauchen. Vgl. Das Ostbulgarische S. 33 und 208, Старото бълг. население S. 34. Vgl. meine Bemerkung dazu in Дialectни студии I, Сборн. за нар. умотв. etc. S. 76—77. Zwar gebrauchen auch die *tronki* denselben *o*-Artikel, aber sonst ist ihre Mundart nach oben erwähnten Merkmalen streng zu scheiden. Außerdem sprechen die *tronki* das *ѣ* überall ohne Umlaut aus: *l'ato* — *l'aten*, wogegen die *Zagorci* denselben Vokal nach nordostbulgarischer Weise vor weichen Silben umlauten lassen: *l'ato* — *leten*.

Die alte *'a*-Aussprache des *ѣ* haben sich die *tronki* entweder von den benachbarten südöstlichen Mundarten angeeignet, oder aber haben sie diese Eigenschaft aus ihrer früheren Heimat mitgebracht in einer Zeit, wo die *'a*-Aussprache des *ѣ* noch allgemein bulgarisch war.

Nun gibt es noch eine westbulgarische Mundart im Osten, und zwar wieder im Bezirke von *Kazyl-Agač*, über welche ich bisher noch keine Erwähnung in der bulgarischen Dialektologie gefunden habe. Auf meiner Studienreise durch Südbulgarien (Ostrumelien) im Sommer 1905 hörte ich im Bezirksorte Kazyl-Agač, daß man im Dorfe *Dere-köj* in demselben Bezirke *šopski* sprechen sollte. Ich schickte mich daher mit großer Neugier an zum genannten Dorfe, um diese *šopi*, fast an der türkischen Grenze, kennen zu lernen. Als ich mich nun diesem Dorfe nahte, hörte ich in der Rede eines Hirten manche Worte, die nach Aussprache und Betonung in der Tat eine westbulgarische Mundart

1) Über die »Arnauten«-Kolonien in Ostbulgarien vergl. Miletič, Арнаутитѣ въ Силистренско, Сер. Сп. LXI, 623—666; M. Georgiev, Арнаутитѣ и мървацитѣ въ с. Брацигово, Изв. на Сл. сем. при Соф. Унив. I, 117—140.

verrieten: *žen'ta, pòtišta, kučèta, bìdli, šarèno* anstatt: *ženàta, pòtišta, kùčeta, šàreno, bìvolì*. Gleich erinnerte ich mich an die Betonung von Kostur (Kastoria) und dachte schon an neue »Arnauten«, d. h. an Kolonisten aus dem Kastoria-Gebiete. Als ich aber im Dorfe selbst diese Aussprache und Betonung näher studierte, erkannte ich sogleich in der Sprache der Bewohner Dere-köj's eine mazedonische Mundart, die sehr nahe der Mundart von Vodena steht.

Die Hauptmerkmale und zugleich die Unterschiede dieser Mundart von Dere-köj gegenüber den andern ostbulgarischen Dialekten sind folgende:

1. Die Aussprache ist viel energischer und rascher, als sonst der Fall ist bei den südöstlichen Mundarten; daher werden viele Vokale synkopiert — gerade so wie im Vodenaer Dialekte: *žen'tă, tël'tu, kùč'tu, kučèt'ta, dët'tu, vìn'tu, tilèt'tă, kɤ kùp'me, kɤ kùp'te, met'me, mèt'te* etc.

2. Die Reduktion mancher Vokale geschieht viel öfter und trifft nicht immer dieselben Fälle wie im Ostbulgarischen; man spricht z. B. *ɤɤ nàd'me, pɤɤčnik* anstatt *palečnik* oder *palešnik* (Pflugeisen), *pɤɤnàjme* (*padnahme*), *iribica* (*jarebica*), *nɤ vɤ vîdeh' (ne vi videh), nɤ nɤ vîdèja ki! (ne nu videha ki), slàv'ɤk, slɤv'áci (slavej)*. Die Reduktion aber trifft nie das auslautende *e* — gerade so wie in Vodena: *tèle, mète, mèt'me, drugàre, pupòve, jɤdène, pijène* etc.

3. Die Aussprache des *ɤ* ist nicht *á*, sondern *e*: *sènk'a, plèvn'a, strèja* (*streha*), *lèja* (*leha*), *metèh', metèjme, tudèva*. Zugleich hörte ich auch ein breites *è* für *ɤ*, welches mir wie Annäherung zum ostbulgarischen *á* vorkommt: *dète, mèur (mehur), rèka, vèra, drèniki, stèna*.

4. Der *h*-Laut hat (abgesehen von den Fällen, wo er schwindet) doppelten Wert: im Auslaute wie *h'* (weich): *urèh', prah', kùpilh'* — im Inlaute wie *j*: *strèja, lèja, kupìjme, kupìjte, bɤjla* (*бъѣла*).

5. Die Betonung in der Mundart von Dere-köj weicht die letzte Silbe und behält fast immer die vorletzte; nur einige Verbalformen oxytonieren. Daher haben wir: *žèna, stèna, s'rna, rìžda, mɤgla, sènu, sèdlu, brášnu; sòl-ta, svèš-ta, gràd-u, vràt-u, dèn-u; mɤštèa, vɤglène, gɤsenica, kɤklica, kulèda, čubrika, bɤlgàre, kučèta, imèta, gledàne, imàne, kupuvàne; òrel, òves, òcet, òven, òsten; èðvek — čovèci, dèver — devèri, mèsec — mesèci, biul — bìðle, kùče — kučèta, čoban — čòbàne, ìme — imèta, zàlăk — zalădzi, pòvul' — puvòle (povoj), pòklun — puklòne, ràzbul' — razbòle (razboj), òreh' — urèsi, kvàsnik — kvasnici, prèsnik — presnici, sàpun — sapùne, sòdžuk — sudžùci, òbrăč — ubràče — rikaf — rɤkàve, gɤɤp — gɤɤbe, òčar — ofčàre, gòlem —*

gulèmi, dǎlbuk — dǎlbòki, šàren — šàrèno etc. Aber: metèh', metè, metè; mulih', muli; kupuvàh', kupuvà etc.

6. Für die Bildung des Futurum gebraucht man die Partikel *ki* oder *kъ*: *ki jǎ*, *ki zèma*, *kъ pùp'me*, *kъ dàd'me*. Sonst aber habe ich keine Spuren von *k'* — *g'* anstatt *št* — *žd* gefunden, außer im Worte *vreka*. *ш* und *ж*, *д* lauten immer *št* und *žd*, nicht *šč* und *ždž* wie sonst in der heutigen Mundart von Vodena.

Es unterliegt also keinem Zweifel, daß die Bewohner von Dere-köj Mazedonier sind. Auf die Frage aber, wann und woher sie gekommen sind, konnte ich keine Antwort bekommen. Sie nennen sich selbst *šopi* und waren sehr überrascht, als ich ihnen gesagt habe, daß sie aus Mazedonien stammen. Einer dunklen Überlieferung nach sollen sie früher *harbalii* gewesen sein, d. h. »Spießbürger« im echten Sinne des Wortes, welche die türkische Regierung von jeder Steuer befreit und beauftragt haben soll, den benachbarten Engpaß zu bewachen. Mit gewissem Stolz haben sie mir das materielle Zeugnis ihres getreuen Dienstes gezeigt, nämlich eine alte *harbija* (Lanze) — ihre zuversichtliche Waffe aus jener guten alten Zeit, als sie gestrenge Wächter des Weges nach Konstantinopel waren. Ein 80jähriger Greis unter ihnen hat mir dazu noch erzählt, daß sie aus *Ćirmen* (Bezirk Mustafa-Paša in der Türkei) stammen, woher sie ein Paša vor 400 Jahren in das jetzige Dorf übersiedeln ließ und mit dem Wachdienst beauftragt hat. Derselbe Greis erinnerte sich noch der drei Wachthäuser oder Wachttürme im Engpaß in der Nähe des Dorfes.

Es mag wahr sein, daß die Bewohner von Dere-köj aus *Ćirmen* oder aus irgend welchem Orte im Osten hergekommen sind, aber ursprünglich stammen sie sicher aus dem Westen, aus Mazedonien, und zwar aus der Vodena-Gegend, was aus ihrer Sprache ganz klar erleuchtet.

Sofia, 12. VI. 1907.

B. Conev.

O pravopisu i jeziku Vida Došena.

Ocejujući Jagić g. 1865. u »Književniku« (god. II., str. 572—574) Starčevićovo izdanje Došenove »Aždaje sedmoglave« pozdravlja ovu knjigu kao dobru i korisnu, jer joj je sadržaj moralan, a jezik krasan. Narod će iz ne naučiti, kako da se čuva od sedam glavnih grijeha, a rado će je čitati, jer pjesnikovi stihovi teku glatko. Ali što se tiče novoga izdanja, Jagić nije nime zadovoljan. On zamjerava Starčeviću, što je nedosljedno mijenao Došenov pravopis i na više mjesta ispravljao jezik te na taj način izopačio tekst. Tom prilikom ističe Jagić ljepotu Došenova jezika i dosljednost njegova pisača.

Pokušat ćemo ovdje, da se upoznamo s Došenovim pravopisom i jezikom i to na temelju prvoga izdanja njegove »Aždaje«.

Vid Došen (1720—1778) rodom je iz Like, kao što i Joso Krmpotić, ali svojim književnim radom idu obojica među slavonske pisce 18. vijeka. Došen je naime 22 godine svojega života proveo u Slavoniji kao župnik dubovički te je u Duboviku i umro. Poznata su nam dva njegova djela: »Jeka planine, koja na pisme Satira i tamburaša slavonskoga odjekuje i odgovara« (U Zagrebu 1767, II. izd. 1780), napisana u obranu pjesnika »Satira«, M. A. Relkovića, i »Aždaja sedmoglava bojnim kopjem udarena i nagrđena iliti . . . Ukor malovridnosti čovičanski . . . (U Zagrebu 1768, II. izd. 1792, III. izd., što ga je priredio David Starčević, 1865; osim toga izišla je g. 1803. »Aždaja« u Budimu na »slaveno-srpskom« od Georgija Mihajevića, koji Došena kao autora ni ne spominje). Došen se naziva »Dalmatin od mora velebitskoga«, a »Aždaju« svoju »blagosiva puku iliričkom«.

I.

Najprije da ogledamo spojašne lice Došenova pisača, njegov pravopis. Pravopis mu je slavonski, kao što je i u njegova zemljaka Krmpotića, ali se ne podudara uvijek s Krmpotićevim. Evo kako Došen piše pojedina slova:

č = *cf*: *cfinit* (1^b), *cfoviku* (2^a); = *cs*: *csovika* (2^b), — dakle bez razlike *cf* i *cs*.

ć = *chj*: *sazivajuchja* (1); = *ch* (na kraju sloga ili riječi i ispred *z*): *pomoch* (1^a), *dárchjuch* (144^a), *frichnog* (7^b), *rechi* (1^a); = *tj*: *bratja* (36^b, 109^b), *bratje* (211^a), *bratjo* (123^a), *pitje* (148^a, ^b), *pitja* (148^a, 176^b), *nagnutje* (189^a), *ganutja* (267^a), *kárstjana* (94^a). Ove riječi imaju *tj* = *ć* prema riječima: *brat*, *piti*, *nagnuti*, *ganuti*, *krst*.

đ = *gy* (obično): *nagargyena* (naslovni list), *nagye* (9^b); = *dj*: *orudje* (69^b).

ǰ = *cs*: *fárcsba* (199^b).

h piše Došen dosta nedosljedno, a to znači, da ga nije izgovarao. U 1. sing. aorista nema ga: *reko* (56^b, 59^b, 68^b i t. d.), *zađo* — *nađo* (23^a, 198^b, 199^a), *znado* (235^a), *počinu* (127^b), *spomenu* — *krenu* (269^b), *zaludi* (126^a) i t. d. U 3. sing. aor., gdje mu mjesta nije, piše ga više puta: *naduh* (12^b), *čuh* (35^b). Ne piše ga u gen. plur. pridjeva: *kriposni* (1^a), *I skup božjt svi kriposti* (3^b). Nema ga ni u plur. zamjenice *on*: *Da ni* (= *ni*) *ľudi ne pogube* (15^b), *Jerbo i* (= *ih*) *je odhrala* (15^b). Izostavlja ga u imenici *hlad* i u riječima od *ne* izvedenim: u *ladu* (228^a), *ladna voda* (208^a) *oladi* (184^b, 207^a), *olade* (172^b), *razladilo* (137^b). Nema ga ni u: *rom* (91^b), *odma* (141^a) *grnuti* (27^b), *ali odahnuti* (27^a). — Kao što Krmpotić piše i *on*: *hol*, *-a*, *-o* (4^a, 5^b i t. d.), *holost* (12 i t. d.), *pridjev holit* (13^b i t. d.), *glagol holiti se* (50^b, 51^b). — Zališno je *h* u: *hambar* (18^b, 58^b, 214^a), *hrđa* (57^b), *hrđav* (137^b i t. d.), *hrže* (64^b), *hržuci* (64^b), *hum* (= *um*). Ova posljednja riječ dolazi veoma često i to uvijek sa *h*: *hum* (26^a, 131^b), *na hum* (19^b, 65^b, 75^b, 82^b, 95^b, 122^a, 127^b, 132^b, 133^a, 217^a, 242^a, 256^b), isto tako u: *dvohumu* (42^a, 138^a, 200^a), *nahumila* (99^a). Vidimo, da ova riječ dolazi najviše s prijedlogom *na*, a *h* će biti umetnuto radi ukidaña *zijeva*. Tako možemo rastumačiti *h* i u *dvohumiti*. I u oblicima glagola *smijati se* nalazimo *h*: *nek se smihe* (133^a), *smihu se* (26^b, 71^a), *nasmihat se* (70^b), *kako ne bi one ľude osmihali* (72^a), ali uz to i *sc smie* u sroku sa *nie* (56^b). Morat ćemo i ovom *h* tražiti razlog u ukidañu *zijeva*, a na to je utjecala i imenica *smijeh* sa svojim *h*. Krmpotić također piše ovako ovaj glagol. — *th* dolazi u tuđim riječima: *Athena* (31^b), *Loth* (148^a), *Sabaoth* (13^a) i u prilogu *thia* (82^a, 123^b, 187^a, 226^b, *thja* 66^a). Došen je ovim *h* htio valjda naznačiti, da se *tj* (*ti*) ovdje ne izgovara *ć* (kao što u *bratja*).

j uz i ponajviše se izostavlja: *ne boim (se)* — *dvoim* (1^a), *pustaiu* (57^b), *najtriznii* (128^b); *rjeđe se piše*: sličnija je (129^a); *katkada vrijedi j za ji*: *broj* (= *broji* u sroku sa *postoi* (= *postoji* 155^a).

ž = *ly*: trublya (1), valya (valet 2^a, 204^b, volutat 204^b); *lj* (rjeđe): valja (volutat 2^a).

ń = *ny*: nyu (1^b), nyima (1^b), sužany (9^b).

ř = *ar*: gardi (2^a, 5^a); *àr*: sàrce (1^a), gàrdi (2^a); *ár*: gárđi (4^a), — akcenat na *a* ne čini dakle nikakve razlike; *ra*: satrao (128^b).

s = *s* i *f* bez razlike: nebesa i nebefim (2^a); *f* obično ispred *t*, a i inače: strane (1), fablafti (1), fve (1), bifan (2); jednom *fz*: kad fze (23^a).

š = *sh*; viteshki (1^a), dushmanina (10^a); *fh*: duřhmanina (2^a), — dakle bez razlike; *ss*: Dossen (naslovni list).

ž = *x*: uzdixe, axdaji (1^a).

Za čudo je, da Došen ne udvaja slova, kao što to rade drugi slavonski pisci n. pr. Kanižlić i Krmpotić. Dvostruki suglasnik nalazimo jedino u glagolima: *podati se* (Dal se ženi ti poddade 107^a, Kad se smradu već poddade 148^b) i *podavati se* (Pak se ženi poddavati 107^b), gdje je pisac htio naznačiti, da je ovaj glagol složen s prijedlogom *pod* (subdo), a ne *po*; zatim u prijedlogu *pod* ispred *se*: podda se (42^a), ali i poda se (124^b). Inače piše Došen i etimologički i fonetički, kao što svi naši stari pisci. Ŋegove konsonantske kombinacije pobiležio je Maretić (Istorija hrvatskoga pravopisa latinskijem slovima. U Zagrebu 1889, str. 253—256).

Došen stavja rado na riječi akcente. Poznaje tri znaka: ^, ` i ´, ali ovi znaci obično ne stoje na naglašenom slogu, nego ili služe drugoj svrsi ili nemaju nikakvo značenje. Znak ^ nalazimo na dugim samoglasnicima: u gen. plur. I skup božji svi kriposti (3^b), ñi (1^b, 3^b), iz ti tmina (260^a), do nebesâ (2^a), zapovidi (246^b), otácâ (119^a), očiû (228^a); pô dne (248^b), ali stoji i na: oni (nom. plur. 246^b), dolazeçê (grihe, ak. plur. 186^b), život vâš (269^b i bez akcenta u istom stupcu), môš (= možeš 22^a i t. d.). — Druga dva znaka dolaze veoma često. Pravila im ne možemo postaviti. ` stoji na vezniku *dà* i na krajnem *o* i *e* od prislova: hitrò (1^a), mnogò (13^a), tamnò (115^a) i t. d. (ali i kripko 1^a), cinè (120^b), ničicè (4^b), mùcè, múcè i muçè (118^{a, b}) i t. d., zatim obično na jednoslovčanim riječima: stàn (imperativ, 1^b), sàd (1^b i sàda 3^b), vâs (= sav, 2^a), bòg (2^b, ali i bóg 2^a), na prijedlogu pò i t. d. — ´ imamo u: dâde (1^a), poznâde (2^a), vâla (volutat, 2^a), što éé (1^a) i t. d. Akcente ´ i ` nalazimo veoma često na homonimnim riječima za razliku značenja, osobito u sroku, na pr. drúgi (dat. od drúga, socia) i drúgi (alter, 120^a) drúgo (vok. od drúga) i drúgo (prilog, 121^b), blâgò (prilog) i blágo (imenica, 119^a), gòri (pejor) i góri (3 sg. prez. od gorjeti, 116^b, 219^b), ali i gòri (supra) i góri (pejor 205^a), móre (mare) i mòre (= može, 191^b,

194^b, 199^a), propást (imenica) i propást (glagol, 173^b), svíta (gen., mundus) i svíta (gen., consilium, 201^b), vâja (valet) i vâja (volutat, 204^b).

II.

Došen je štokavac, a narječje mu je ikavsko. Ijekavskih oblika nema. Ekavski je: ovde (1^a, 161^a), na obedu (131^b), obedi (150^a), pod obedom (u sroku sa: redom, 151^a). Ikavske oblike vidimo i u: brize (gen. sing. = breze, 92^b), jelin (178^b), jeline (u sroku sa: planine, 72^a, 151^a), jelinskim skokom (124^a), korin (238^a, ali i koren 84^a), korina (gen. sing. u sroku sa: starinâ 30^b, 36^a, 247^a), melim (250^b), ciriti se (I u zboru da se ciri 95^a, ijekavski: cjeriti se i ceriti se).

Što se tiče glasova, treba primijetiti, da piše f mjesto hv: fala (115^a), fale (3. plur. prez. 115^a), pofali (115^a), pofaliti (156^b); fatale (131^a), ufati (163^a) i t. d. — l-epentheticum ne dolazi uvijek. Nalazimo ga u: ljubljena (157^b), spravlat (52^b), zadobljeno (59^a), življena (7^a) i t. d., ali ga nema u: divieg (251^b), diviu (217^a), diviaše (= divjaše, 97^a), divjaka (15^b), kopje (1^a), kopja (1^a), kopjem (naslovni list), rohje (148^b), zdravje (8^a), i t. d. — Mjesto mn piše ml u: mlim (7^a), mliš (25^a), mli (10^b), mlite (55^a), mliđâ[h] (167^b), mliđahu (79^a), ali uvijek: mnogi (31^b), mnogo (40^a). mt > nt: pantiti (110^b, 131^a, 188^b i t. d.). zu > zl: zlamene (112^b), zlamenuje (110^b). — U riječi *paun* umeće v: pavun (65^b). Početno p odbacuje u: šenica (128^a), tica (65^b). — 2. sing. prez. od moći: možeš stegnuto je u moš (19^b, 22^a, 37^b, 43^b, 127^a, 257^a); 3. sing. može (39^b) i more (13^a).

Imenice i pridjevi. *otrov* je ženskoga roda (73^b više puta, 90^a, 97^a, 103^b, 110^b). Vuk Karadžić veli, da je ova riječ u Crnoj Gori ženskoga roda, u Lici i Slavoniji je, koliko mi je poznato, samo muškoga roda. — *hum* = um dolazi jednom u ženskom rodu i to u sroku: Jer na moru od poslova uvik pliva hum njihova (26^a), a iz drugih primjera ne da se razabrati, kojega je roda. U akademijском rječniku stoji: ›hum (ili um?) f. oholost(?)‹, a kao primjeri navode se spomenuti Došenov i dva od Đ. Rapića. Medutim ›hum‹ je ovdje samo ›um‹: to se vidi jasno iz spomenutoga mjesta u ›Aždaji‹, gdje se veli, da velika gospoda imadu mnogo briga, da su uvijek zamišljeni, čelo im je ›oblačno‹, i misle uvijek na poslove; a vidi se i iz izraza: pada (pane) mu na hum (19^b, 65^b, 75^b i t. d.). — *mladež* je jedanput mušk. roda i to u sredini stiha: O mladežu! nu pogledaj! (103^b). — Od nom. *muško* glasi dat. *mušku*: Žena kad se mušku nudi (96^b), Da se mušku opreglača k bedri vrže misto mača (162^a). — Došen upotrebljava rado imenice na -ća na pr. ciloća (cjeloća, 152^b), čistoća (87^a), kratkoća (51^b), lasnoća

(132^b), slaboća (105^a), slatkoća (25^a), teškoća (27^a) i t. d., zatim nekoliko, kojih nema u Iveković-Brozovu rječniku: goloća (24^a), gorkoća (104^a), sitoća (201^b), tamnoća (86^a), truloća (242^b), velikoća (3^a). — Ima mnogo pridjeva na -it na pr. jadovit (73^b), potribit (potrebit, 149^a), silovit (4^b) strahovit (36^a), šarovit (24^a), zamašit (217^b) i t. d., u Iveković-Broza nema: čudnovit (224^b), holit (16^a), zazorit (31^b). — Došen slaže često pridjeve s prijedlogom *po*: pojut (81^a), pojući (66^a), ponečist (76^b), poširok (119^b, i u Iveković-Broza), potvrđi (160^a) i t. d.

Glagoli. Prezent. *prèti*, Došen *pri*ti (90^a): 1. sing. priem (62^a); 3. sing. prie (38^a, 61^b, 173^a), saprie (12^a); 3. plur. priu (90^a); part. prez. priuć (27^a). — *smjeti*: 3. sing. smide (34^a, 94^a, 129^b i t. d.), 3. plur. smidu (56^b), i to uvijek u sroku (ne smi 160^a, izvan sroka). Isto tako od *mñiti* 3. sing. mlide (123^a, 129^b) u sroku. — *primiti*: 2. sing. primeš (51^b); 3. sing. prime (10^a, 12^a, 146^a, 248^a; u sroku 10^b, 25^b, 139^a, ali i primi 91^b, izvan sroka); 3. plur. primu (110^b). — Po prvom razredu mjesto po drugom V. vrste glase oblici: 1. sing. doumiram (47^a), zakliñam (52^b); 3. sing. umira (45^a, 73^b, u sroku), doumira (183^a, u sroku), spomiña u sroku sa opomiña (159^b); 1. plur. spomiñamo (26^b, u sroku), umiramo (47^a, 49^a, izvan sroka), umiramo u sroku sa udiramo (47^b); 3. plur. spomiñaju (222^b). — Part. pas. na -t (oblik slavonski) dolazi veoma rijetko i to ponajviše u sroku: dato (13^b, 70^a), data (62^b, 70^b, 147^a), načinite (79^a), čifuti okoliti (= opkoñeni, 58^b), pripravitu (144^a); u sredini stiha: zadata (91^b), nepridobit (86^b), uzajmitog (151^b). — U infinitivu ne širi se osnova u glagola: drti (73^a), mrti (47^b, 183^a), umrti (73^b), podaprti (228^a), ždrti (73^b, 94^b). Ovi infinitivi dolaze obično u sroku, jedanput u sredini stiha (mrti 47^b). — Mjesto s nalazimo š u *pustiti* i složenima: pušte (225^a), dopušti (223^a), upušti (223^a), zapušte (237^b), ali i pusti (86^b) i t. d.

Jedna je osobina Došenova pisaña, da rado slaže glagole s prijedlogom *po*, kao što smo to vidjeli i za pridjeve. Spomenut ću najprije nekoliko glagola, koji su složeni samo s prijedlogom *po*, a zatim s dva prijedloga, od kojih je prvi *po*. (Uz glagole, koji se nalaze u Iveković-Brozovu rječniku, stoji I.-B.): pobesjediti (98^b), pogamizati i pogmizati (4^b, 18^b, 150^b, 192^a), pojekivati (118^a, I.-B.), popijevati (165^a, I.-B.), pozlobiti (57^a, I.-B.); s dva prijedloga: poiz: poistresti se (158^b), poišetiti se (50^b), poizvući (122^b, 210^b); — pona: ponabiti (184^b), ponadignuti se (211^b), ponamamiti (103^b), ponapariti se (209^b), ponapiti se (184^b, I.-B.), ponapojiti se (21^b), ponasrkati se (165^a), ponategnuti se (168^b), ponavabiti (59^b, 99^b); — poo: pookidati (205^b), poostaviti (119^a, 261^b); — poob: poobladati (84^a); — pood: poodjačati (192^a), poodmeknuti (188^a),

poodstidjeti se (157^b), pootkinuti (251^a); — popo: popokiniti (197^b), popopupati (157^b), popoňušiti (84^b), poposlaviti (204^a), popostajati (21^b); — popre: poprestati (popristati 101^b); — popri: poprihvatiti se (165^a), popri-leći (176^b, 187^a), popritužiti se (66^a); — poraz: porashladiti (89^b), porazdražiti (251^a), porazmetnuti (104^a); — pos: posadirati (198^b), posaznati se (97^a), posmaći (124^b), pozgrčiti se (163^a); — pou: poustati (113^a), puteći (50^b, 104^a, 108^a), pouvući se (39^b), pouzuriti (210^b); — pouz: pouzaći (18^a), pouzdati se (159^b, 229^a, I.-B.), pouzdignuti se (114^b, 129^a, 161^b, 208^a, 235^a), poušpariti se (81^a, 158^a, 160^b, 163^a), poušpeti se (155^b), poušpjeniti se (158^a); — poza: pozabaviti se (261^b), pozačiniti (161^b), pozahvatiti (167^a), pozakinuti (166^a), pozaložiti se (166^a), pozamazati (104^a), pozamjeriti se (168^a), pozažmiriti (250^b), pozažvaliti (35^a).

Iz sintakse. Poput naših starijih pisaca upotrebljava i Došen konstrukciju: *za s inf.*: Uzdignuti svoju glavu *za* nacrniti božju slavu (2^a), I pokazat kripost zrilu *za* ukinut bisnu silu (10^b). Neobičnije su konstrukcije *sa*: *za da*: I s crnim se paklom diže, *za da s krajem na visini rat* zametne i boj čini (5^a), Svak nek svoga mista pazi, *za da na zlo ne nagazi* (18^a): *za neka*: *Za nek* odsad barem pazi, *da već prazan ne dolazi* (67^b); *da neka*: Na sve strane sunce siva, *da neka ga svit uživa* (230^b), Nek pakleni kamen bude, *da nek* krive žeže Jude (251^b); *za da neka*: Još nek linac k tome znađe, *za da nek* se ličit dade (251^a).

Jezično blago. Došenov jezik obiluje složenicama. Već smo vidjeli, kako rado slaže pridjeve i glagole s prijedlogom *po*, ali ćemo naći kod ņega i drugih složenih pridjeva, imenica i glagola. On je te složenice ponajviše sam napravio, zato sam i pridržao ikavski im oblik. U akademijски rječnik (kojega imamo dosada 25 svezaka, do riječi ljuboviđa) unesene su sve osim: lažoričan. Onih složenica, koje dolaze i u Iveković-Brozovu rječniku, ni ne spominem. Evo Došenovih složenica: *Blagober* (55^b, 60^a, 72^a, 74^b), *blagorad* (76^a, 77^b, 80^a), *blagozob* (55^a, 61^b, 63^b), *blagožder* (63^b), *bludnoričan* (93^b, 97^b), *bludnorička* (97^b, 98^a), *bogodojla* (104^b), *bogoneć* (263^a), *bogonećan* (259^b); *divomužna* (žena 91^a), *dobropiran* (167^b), *dobroradan* (73^b), *domodičan* (33^b), *domoglasan* (32^a), *domumužnica* (snašica 96^b); *golopršan* (105^b); *hololaža* (38^b, 40^a), *hololud* (35^a), *holoslava* (42^a); *jatovođan* (106^b); *krivobožac* (79^a), *krivobožan* (104^b, 229^a), *krivokletan* (142^b, 143^a), *krvoločan* (70^a, 264^b); *lažoričan* (36^b), *ležorad* (220^b), *linovlad* (229^a, ^b, 230^a); *malovridan* (67^b, 115^b, 133^b, 134^b, 223^b, 240^b), *malovridnost* (naslovni list), *maslonoša* (65^b), *miloričan* (99^a), *miloričiti* (glagol, 99^a), *mitorad* (64^a), *mitozob* (68^b), *mitozoban* (68^b), *mnogomužna* (snaša 32^a, 100^a), *mnogovrstan* (70^b, 259^a), *mudropisan* (211^b), *mudroznan* (101^b, 242^a), *mudroznanac* (44^a); *neznabožan* (170^b), *noktograd* (zvijer u

Africi, 71^b), *nosoriz* (240^b), *novomil* (146^a), *novosel* (lupež, 211^a); *pak'obog* (79^b), *paravrag* (235^a), *pitolud* (80^b), *potoplac* (26^a, 175^b, 194^b), *pravdonoša* (63^a), *pravdoznanac* (62^a), *pravoričan* (131^a), *psoglav* (zmiija 72^b); *sedlonoša* (68^b), *sisonosna* (božica, 105^a), *sličnorično* (naslovni list), *sridoneban* (265^b), *stosotona* (235^a), *svevlad* (80^a), *svitlonoša* (41^b), *scrhmaravan* (266^{a, b}, I.-B. svrhunaravan kod riječi: vrhunaravan); *tuđoličje* (139^b); *vucidar* (62^b); *zlatokov* (79^a), *zlatoľuban* (77^b), *zlatomil* (219^a), *zlatorodan* (77^b), *zlokuća* (40^b, 169^b), *zlostalović* (169^b); *žderoľub* (176^b), *žderorad* (149^b, 170^a).

Najzad nabrojiti ću još i druge riječi iz »Aždaje«, kojih nema u Iveković-Brozovu (a po tome ni u Vuka Karadžića) rječniku, da upoznamo čitavu leksikalnu stranu Došenova jezika: *Babaľko* (35^b, I.-B.: babajko), *biserkiña* (Biserkiñe iz dubine 101^a), *bója* (gelat, krvnik, s epitetom »strašni« ili »božji« 110^b, 129^b, 130^a, 146^{a, b}, 179^a); *čajer* (50^a, I.-B.; čajir); *čuteñe* (Pet čuteña čovik ima 136^a); *doštrapati* (I do dvora doštrapše 157^a), *dotočiti* (u značenju »doći«: Dok do kraja dotočimo 47^b, 226^b), *draguša* (kaže se ženskom čeladetu, 169^a); *glotan* (u znač. »nečist«: Odovud se indi svisti, zašto glotnog ja navisti[h], zato neka čisti sinu 127^a), *groбина* (165^b); *hator* (75^b, 185^a, 224^a, 225^b, 251^b, I.-B.: hater); *isporučiti* (u znač. »osloboditi«: Da se zemļa s vami muči, smrt dokle ju izporuči 233^b); *jatan* (Da je svaka jatna žena jurve bludno okužena 94^b), *jatnicu* (Kad do ruke dođe tica lovcu, koja bi jatnica 94^b), *japaga* (planinske japage 191^a), *jaran* (jarna vatra, 137^b); *kaľčina* (II kaľčina zabačena 38^a), *kina* (Koja li je zemļe kina? 241^a, 251^b), *kupra* (psovka za babu, 125^b, 126^a, 129^a, 131^a, 157^b, 235^a), *klapićati* (Jer tkogodi rad klapiće, rad izmišļa i namiće 132^b, 153^a), *klapot* (Stoji klapot, stoji zveka 173^a), *kolarica* (koja igra u kolu 101^a), *kopilešce* (119^a), *krman* (= korman, kormilo, 194^b); *lašćina* (136^a, 137^a, 138^b, 141^b, 143^a), *lava* (= lavež, 82^a, 133^a, 136^b), *laz* (u znač. »prolazak«: Gdi bak laza ne opazi, odma pod plast ne ulazi 91^a), *lazo* (Tko na svome vinogradu lazo prodre kroz ogradu, on lupeže . . . diže 91^a), *ľipak* (ľepak: Ľipkom konac on [lovac] nateže pak za nogu tici veže 94^b), *lovñina* (= lovina, 95^a, 128^b); *mamenik* (Idi odtud mameniče! razlog na te da ne više . . . kad pomamu tvoju vidi 24^b), *meštrica* (Da meštrica svaka bude za naučit širom ľude 102^b), *mrvoľak* (I mrvoľke sve pokupi 166^a), *muće* (= mućeci, mučke, 118^a, 137^a, 159^b i t. d.), *mudran* (243^a); *nadvrci* (Sve li indi on živine . . . nadvrc radi s opačinom? 44^a), *napengan* (I sadani jošter dana pravica je napengana 69^a), *našast* (našasto blago 76^a), *nedosežnost* (Kad se kini ludujući nedosežnost dosižući 3^a), *nišñaniti* (= nišñaniti, 99^b, 114^b, 127^a, 196^b); *obramba* (Nek ni[h] rani svega vika brez obrambe i brez

lika 1^b), *obuzročiti* (u znač. »pozvati za svjedoka«: I kad Boga obuzroči, da š ním tamnu laž svidoči 143^b, 141^a, 141^b, 265^b), *očice* (adv. Za da bistro i očice vidit može božje lice 268^b), *odapet* (Zvir je takva bludna žena, odapeta i puštena 95^b, A bludnici odapeti 112^b, Tilo trizno nek je sveto, pijano je odapeto 148^a; mjesto »odapet« dolazi u istom značenju i »razapet«: A škodljivo zvire žena, razapeta i puštena 105^b), *odmužen* (O muževi odmuženi 107^b), *odsegnuti* (Malo iz ne [dižve s vinom] da potegne, podlanicu dok odsegne 166^a), *odumiliti* (A kad drugi pun je duga, odumili niemu tuga 115^a), *odvitak* (Kad odvitak starca Noja bisno nadu holost svoja 12^b), *okoračiti* (Dal kada ga okorači, s težinom ga samo tlači 149^b), *onemiliti* (Kada Bogu onemili 7^a), *oplaza* (Jer naravnu tu nakazu [zmiju] narav ima za oplazu 180^a), *osrdaše* (Kada sudca dar ufati za lakomo osrdaše 62^b), *otajan* (Otajnu ti sad stvar kažem 257^a); *pengati se* (Pengala se, znam, pravica zavezana negda lica, . . . pengala se i brez ruku 69^a), *plañati* (Da se smradu uvik klaña i u bludnoj vatri plaña 88^a, Srce tvoje srčbom plaña 196^b, 89^a, 105^a, 108^a, 196^a, 239^a), *počelo* (= početak, 185^b, 200^a, 230^a, 269^b), *podapirati se* (= podupirati se 129^a, 150^b), *podaprti* (= poduprijeti, 228^a, 249^b), *podmuče* (A kada se gdi podmuče izmed društva poizvuče 122^b, 106^a), *pokripno* (To jest milost od visine, koja s duše nemoć skine i pokripno nu uzdigne 266^b), *potrošan* (Kad potrošne ručke daju 150^b, 152^a), *pravden* (69^b tri puta: pravdene vage, mač pravdeni, pravdene ruke), *priľubodno* (Priľubodno tko propane, brez očiju da ostane 222^b), *primotali* (Morebit smo primotali i već na kraj vika stali 45^b), *priobraz* (krvnik meće na se: Tuđoličje il priobraz 139^b), *pripregnuti* (Ženski zapreg da pripregne 107^a), *pritrstručiti se* (Kad se sidec [lijenac] pritrstručiti 220^b), *privlaziti* (Da dan za dan privlazi 210^b), *protrsiti* (Dokle smuti i zamrsi, da se već put ne protrsiti 27^a, 261^b), *proždoran* (A proždornoj lakomosti još ni blizu nije dosti 74^b, 60^a, 150^a, 177^a); *rasapan* (I razsapnu čini škodu 136^a), *rasapnik* (= rasipnik 167^b, *raspasa* (Bosa trune i raspasa, brez zaprega i haljine 208^a), *rastrsiti* (Dal stvar dobro nek razmrsi i istini put raztrsi (132^b), *rasutak* (Svako dilo brez svog reda na razsutak sebi gleda 244^a, 202^a), *razapliti se* (Da neka se sruši prije i u zemľu razapljuje 177^a); *skitarica* (I ovakve skitarice nisu skrovne . . . 94^b), *skitarina* (Skitarinu kad obľubi 93^a, 95^a), *skitľiv* (skitľive žene 94^a, 95^b), *smajiti* (= smazati: Koji [kúcu] kada svati smaje, rugajuć se čauš laje 158^a), *smličan* (kaže se za kravu i za ženu, da je »smlična«, 90^b, 104^b, 106^b, 119^b, 164^a), *smutno* (Da se smutno ne zastidi 85^b), *sputan* (Na priliku sputne gušte, gdi se svaki smrad zaleže 237^b), *srđan* (onaj, koji se srđi, 188^b, 199^a, ^b), *strostručiti* (Da biľade tko biľadi i strostručiti vas

vik radi, da s tim božji vik izpiše, ne b' kazao ništa više 3^a), *sveščénica* (Nego da ste zavitnice, sveščénice i divice 92^b); *šešljuga* (neka trava: Cvit podkaša i šešljuga 50^a), *štecati* (= štehtati, štektati: Pod kalpakom gledaj zeca, mli da vas svit za nim šteca 127^a, 131^a), *štrapati* (Da na nemu (k]usetu) doma štrapam 155^b, dakle u značenju »trapati«, a i ovaj glagol dolazi na istoj strani 155^a i složeni »natrapati« 155^a i »dotrapati« 155^b, vidi i doštrapati); *tegliti* (u znač. »téžiti«: Holi tegli biti prvi 8^b, 12^b, 84^a, 97^a, 145^b, 225^b); *umića* (Drugim više služi srića nego pamet i umića 99^b, 47^b), *uoglaviti* (Da linčinu uoglati i izvede na put pravi 266^a, 108^b, 254^a), *usilnik* (Usilnike čini dične 164^a), *uzmožan* (Rimski negda puk uzmožni 104^b, kraļ uzmožni 229^a, 147^b, Kako kripko i uzmožno . . . stvori stvari Bog iz ništa 185^b), *uzmnožan* (Da je mudar il pobožan il u blagu svom uzmožan 114^b), *uzmnožiti* (Da uzmože griha jato 94^b, 199^b, 211^b, 219^b); *varkati se* (Kad virovat nemu ne ćeš, dal se varkaš i izmećeš 257^b), *vežani* (= okovi, 86^a, 95^a), *vlaše* (Smrt kad svojom kosom maše, ne udara nikog vlašé 50^a), *vrsta* (u znač. »red, čin«: Ľudma svima vrsta dade, da zapovid svak poznade 145^b, Što dobave vrstu ovu, gospodari da se zovu 238^a); *zadobaviti* (8^a, 9^b, 12^a, 20^a, 34^b, 52^b, 96^a, 112^b, 183^b, 186^a, 199^b, 200^b, 204^b, Pak i tuđe stvari mnoge zadobave š nime noge 211^a), *zajer* (= zar, 1^b, 9^b i t. d.), *zamužen* (žene zamužene 107^b), *zaobiliti se* (od »obil, obilan«: Da se smrada zaobili 98^b), *zapreg* (= opregača, 107^a, 208^a), *zasidnik* (zasjednik: (Zasidnike i lupeže fali 164^b), *zavitnica* (zavjetnica, 92^b, vidi sveščénica), *zazorit* (= uzorit: Steći pravo blago svita stvar je sobom zazorita, i onom je lipa fala, kom je srića ta zapala 183^a, 31^b, 113^b, 164^a), *zvizden* (= zvjezdan: zvizdeno jato 18^a i 133^b, zvizdenog kraļa = sunce, 133^b); *ženurda* (= ženetina, 121^b), *žugati* (Tako stara kuca žuga, kad ju kipra sluša druga 129^a), *žutov* (Kroz kapu mu perčin gleda brez svakoga čupav reda, jerbo linac neg timari kao ćurak žutov stari 205^b).

Krapina.

Dr. Konstantin Draganić.

Ziemia — ziemię. Wolą — wola.

Oddawna już zwrócono uwagę na to, że polskie imiona rzeczowne na -a mają w końcówce mianownika l. p. a czyste lub też á ścieśnione; odpowiednio też do tego pierwsze kończą się w bierniku na -ę, drugie zaś na -ą. Do pierwszej grupy należą przedewszystkiem te, których końcowa spółgłoska tematowa jest niepalatalna; natomiast rzeczowniki z końcową spółgłoską palatalną lub dyspalatalizowaną kończą się w mianowniku l. p. na -a lub na -á, w bierniku zaś na -ę lub na -ą.

Dotychczasowe objaśnienia tej niejednostajności nie są zadawalniające: ks. Fr. Malinowski (Krytyczno-porównawcza gramatyka języka polskiego, § 34) pisze, że zawsze końcówka -á powstała z kontrakcji np. wolá z *wolija. A. Małecki (Gramatyka historyczno-porównawcza języka polskiego, I, § 134) ścieśnienie końcowego -á przypisuje albo kontrakcji, albo też »wyjątkowym, późniejszym i niejako lokalnym przyczynom«. Kryński (Gramatyka języka polskiego, wyd. IV, r. 1907 § 104) mówi ogólnie, że »reczowniki, zakończone na -a z poprzedzającą spółgłoską miękką lub powstałą ze zmiękczenia (pierwotne osnowy na -ja) miały w dawnej polszczyźnie á pochylone czyli ścieśnione np. rolá, wolá . . . Znaczna część tych rzeczowników kończyła się pierwotnie na -ija np. rolija, wolija . . .« Tenże autor w § 107 pisze, że »wszystkie rzeczowniki, mające w mianowniku á ścieśnione (pochylone), kończyły się dawniej w bierniku l. p. na -ą«, zarazem jednakże zaznacza, że z rzeczowników ze spółgłoską tematową miękką miały w dawnej polszczyźnie końcówkę biernika -ę: szyję, zmiję, nadzieję, ziemię, duszę. Kalina (Historya języka polskiego, I, 147) na podstawie ortografji XV w. widzi á ścieśnione w takich nawet formach jak: prawieć, nadzieję, ziemię, a z drugiej strony tam, gdzie w w. XVI i XVII oznaczano á ścieśnione, upatruje »prostą omyłkę drukarską«. Na str. 167 Kalina wylicza imiona, które w starych zabytkach mają końcówkę -ę, lub -ą w bierniku l. p., dodając do tego na str. 169 niejasne i nic nie mówiące objaśnienia. Lorentz (Arch. XIX, 144) pisze: »Unaufgeklärt bleibt hierbei nur das -ą, das sich im Akkus. Sing. einiger j̄a-Stämme findet«.

Kulbakin (Къ исторiя и диалектологiя польскаго языка, Санктпетербургъ 1903, str. 142) powołuje się na wyjaśnienie Baudouina de Courtenay (Beitr. IV, 25—26), według którego końcówce -á powstało ze ściągnięcia -ija, a potem ta końcówka przeniesiona została i do innych rzeczowników ze spalatalizowaną spółgłoską tematową np. rolá, nędzá, pod wpływem analogji.

Rzecz domaga się rewizji na podstawie danych historycznych, które możemy wyciągnąć z zabytków XV i XVI wieku. Zabytki dawniejsze nie nam pod tym względem dać nie mogą, gdyż nie oznaczają konsekwentnie ścieśnienia (czy też długości) samogłosek, oraz nie rozróżniają samogłosek nosowych. Nawet zabytki rękopiśmienne wieku XV, oraz pierwszej połowy w. XVI mogą nam być o tyle tylko w tym względzie użyteczne, o ile wykazują -ę w bierniku, gdyż znak -ą ma tam wartość wątpliwą, a nadto niema tam odróżnienia dla a czystego i pochyłonego czyli ścieśnionego. Dopiero druki wieku XVI dają nam tu wskazówki pewne, z których można wyciągnąć następujące wnioski:

1. W wieku XVI już ustaliły się pewne typy deklinacyjne w ten sposób, że imiona, kończące się w mianowniku l. p. na -a czyste, mają stale końcówkę biernika na -ę a nadto w dopełniaczu kończą się wyłącznie na -e. Natomiast rzeczowniki na -á mają ac. sg. na -ą, oraz najczęściej gen. sg. na -ej.

2. Do typu deklinacyjnego na -a czyste należą:

- a) Wszystkie rzeczowniki ze spółgłoską tematową niepalatalną.
- b) Wszystkie rzeczowniki na -ca, -dza, w których c, dz niegdyś powstało z k, g pod wpływem poprzedzającej samogłoski palatalnej: owca, ac. sg. owcę; jędza, ac. sg. jędzę.
- c) Wszystkie rzeczowniki rodzime polskie na -ja: szyja ac. sg. szyję, źmija — źmiję, nadzieja — nadzieję.

3. Do typu deklinacyjnego na -á (ścieśnione) należą:

- a) Wszystkie rzeczowniki, w których końcowej zgłosce zaszła kontrakcja: braciá — bracią, sędziá — sędzią; mogą mieć one gen. sg. na -ej: braciej, sędziej.

b) Wszystkie rzeczowniki zapożyczone na -ja np. w »Wizerunku« Reja z r. 1560: bestyá, rozdział II, wiersz 73, również VI, 178; melankoliá VIII, 617; melankoliá VIII, 610; parachiá XI, 116; komediá V, 107; w szatwiá I, 43; lekcjiá VI, 241 i t. p.

4. Wyrazy na -a z ostatnią tematową spółgłoską palatalną lub dyspalatalizowaną, nie wchodzące do żadnej z powyższych kategorii, należą to do jednego, to do drugiego typu deklinacyjnego, zależnie od dawnego akcentu:

a) do typu deklinacyjnego na -á należą rzeczowniki, niegdyś akcentowane na zgłosce przedostatniej: Wolá Wizerunk IV, 321 i złożone: swáwola ib. IV, 232; IV, 252; na swáwola ib. III, 150; w niewola ib. IV, 445. Por. rus. воля. Burzá ib. VIII, 124 rus. бѣра. Kupiá ac. sg. kupiá ib. XI, 906, rus. купля. Żądzá ac. sg. Leopolda 2. Cor. 7, 7, rus. жа́жда. Do tegoż typu należą jeszcze: Rolá Wizer. IV, 303; IV, 332; tę rolá ib. V, 320; Leop. Mat. 13, 24. Szarańcza Wiz. XI, 173. Głębiá, ac. sg. na głębiá ib. I, 458; III, 759; Jaskiniá, ac. sg. jaskiniá ib. X, 833. Stajniá ib. X, 643. Szpiżarniá, gen. sg. do szpiżarniej ib. X, 919. Tarczá, ac. sg. tarczą Leop. Mat. 6, 16; gen. sg. tarczej Wiz. XII, 466. Sukniá, ac. sg. suknią Wiz. XII, 1027. Studniá, ac. sg. studniá ib. V, 23. Kielniá ib. VI, 620. Karmiá ib. V, 185. Pieczá, ac. sg. pieczą ib. VI, 664. Pracá, ac. sg. pracą Leop. 1 The. 1, 3 por. łac. pórtio. Tłuszczá, ac. sg. tłuszczą ib. Mat. 14, 14. Niektóre z nich mogą zresztą mieć á wskutek kontrakcji.

b) Do typu deklinacyjnego na -a czyste należą rzeczowniki niegdyś akcentowane w mianowniku l. p. na zgłosce ostatniej; Ziemia Wiz. II, 61; II, 93; ac. sg. ziemię ib. I, 369; II, 97, także w Psalterzu Puławskim, w Modlitwach Wacława i innych wielu zabytkach; por. rus. земля. Zárza Wiz. IV, 103; VIII, 25; XI, 14, także: zorza u Knapskiego, por. russ. заря́. Świeca u Knapskiego, ac. sg. świecę Wiz. X, 741, por. rus. свѣча́. Dusza ib. IV, 687; IV, 690 etc., ac. sg. duszę ib. XI, 807. Leop. Mat. 10, 28; por. rus. душа́. Nędza Wiz. VI, 542; XI, 772; ac. sg. nędzę VI, 515; Leop. Mach. II, 6, 9 i t. d. por. rus. нужда́. Tu także należą następujące: wieża, ac. sg. wieżę Leop. Mat. 21, 33; ib. Luc. 14, 28. Kropia Wiz. XII, 315; kania, ac. sg. kanię ib. II, 146; skrzynia ib. IV, 85, ac. sg. skrzynię ib. IX, 939; zapożyczone: koszula ib. IV, 406; VII, 356; krotochwila ib. II, 487; V, 483. Niektóre mają tę samą końcówkę, choć w jęz. rus. nie są akcentowane na ostatniej zgłosce: tęcza Wiz. VIII, 31 por. rus. тѣча; niedziela ac. sg. niedzielę Wiz. II, 343; V, 1001 por. rus. недѣля, ale tu można przypuścić albo zmianę akcentu w języku ruskim, albo wpływ analogji oboczno-go typu imion w języku polskim.

Zgodność niewątpliwych czterech przykładów polskich z ruskimi dla typu na -á, oraz pięciu takichże przykładów typu na -a nie może być tylko przypadkową i zdaje się dowodzić, że prastowiańska samogłoska długa w końcowej zgłosce otwartej skracała się na gruncie polskim pod akcentem, pozostawała zaś długa po akcencie. Jeżeli przeto mamy bierniki już w XVI wieku: nędzę, duszę i t. p. zamiast:

nędzą, duszą, to tu już przypuścić musimy wpływ analogji do mianownika.

Przypuszczenie o wpływie akcentu na iloczasy samogłoski *ŵ* w ostatniej zgłosce otwartej może być jeszcze poparte jednym przykładem: w zabytkach wieku XVI występuje stale forma ac. sg. *ją* (np. *Wiz. IV, 461*) ale w połączeniu z przyimkami kończy się ona na *-ę*: pod nią *Wiz. IV, 446*; w nią *ib. IX, 324* a tak samo i w innych zabytkach. Mamy tu prawdopodobnie wynik tych samych stosunków, które wywołały oboczność form: *mie, cie, sie*, występujących po czasownikach, oraz *mię, cię, się*, używanych z przyimkami. Formy bez przyimka używano enklitycznie, zaimek zaś w połączeniu z przyimkiem akcentowano.

Przykładów popierających tę teorię przytoczyłem niewiele, sądząc jednakże, iż szczegółowsze zbadanie pod tym względem zabytków staropolskich stwierdzi słuszność mego poglądu przynajmniej dla wieku XVI. O ile można sądzić z przykładów przytoczonych przez Kalinę (choć niezupełnie im dowierzam), już w wieku XVII zaczęło się wyrównywanie obu typów deklinacyjnych w ten sposób, że wtedy już występują też same wyrazy z końcówką *-ę*, lub *-ą*. Fr. Malinowski przytacza nawet przepis Knapskiego, aby pisać wyraz *roża* dwojako: *roża = kwiat, rożá = choroba skóry*. Ten proces mieszania form mógł się już rozpocząć wcześniej, np. w w. XVI, ale tu jeszcze nie zdołał zatrzeć śladów stanu pierwotniejszego, normowanego przez stosunki akcentowe.

Jan Łoś.

Nepoznati Dubrovčanin o smrti Petra Zrinskoga.

Daleko od krajeva gdje je živio Petar Zrinski, u Dubrovniku u knjižnici Male braće, sačuvala nam se u poznatom rukopisu *Kuženu* (str. 307.) pjesma neznanoga dubrovačkoga pjesnika o zadnim časovima banovim. Sitna je pjesmica, a spjevana u obliku monologa Petra Zrinskoga na stratištu, gdje gorkim riječima prigovara svojoj supruzi Katarini, što ga je zavela s pravoga puta.

Tu pjesmu spominje Kaznačić u Kukujevićevoj *Arhivu* (sv. V., str. 151., pod br. 71.), a zabilježena je i u katalogu Čulićeve knjižnice (str. 25., pod br. 74.), pa jer je ona zanimivo sitno zrnce, pripućujem je u cjelini prema prijepisu g. P. Kolendića:

Ban Petar Zrinski, doveden gdje mu se imaše glava
odsjeći po zapovijedi Leopolda prvoga, česara rimskoga,
scijenim da ovako govoraše:

Dođi, o ljubimče ma ljubjena,
dođi vidjet draga tvoga
ponosito uzvišena
vrh pristoja krajevskoga!

Nu ne, vajmeh! Bježi veće!
Eto istinu znam očitom,
udesno je mjesto od sreće,
gdje smrt čekam strahovitu.

Onu vjeru, u mē prsi
ku udjelah čistom krvi,
ti rastrese, ti zamrsi,
ti iskorijepi, ti izmrvi.

Čuj, česare, riječi moje:
tko oholne veličine
ženske ne tre, pravedno je,
da ko i tamna žena izgine;

da se mē smrt čas ne dijeji,
tko s privarom živje mnogom,
živjet ne ima. Prijatelji,
ženo, sinci, družbo, s Bogom!

Osim te pjesme spomiñe Kaznačić u *Male braće* (I. c., str. 143., pod br. 27.) još jednu o istom predmetu, a znade za ñu i katalog Čulićeve knižnice (str. 9., pod br. 28.), no sada joj se, na žalost, zameo trag.

Zrinski su bili u opće dobro poznati Dubrovčanima, te su dapače neke pjesnike dubrovačke vezale s članovima porodice Zrinskih i lične veze. Dinko Zlatarić je svoju *Elektru* prikazao Jurju Zrinskomu, a Juraj mu se posebnim pismom zahvalio (cf. *Stari pisci XXI.*, str. XXV. i 3.). Braća Nikola i Petar, vjerni tradicijama svoje porodice, istakli su se u borbi s Turčinom, a Petar je uz to bio i pjesnik hrvatski, pa je Dubrovčanin Vladislav Menčetić svoju *Trublju slovinsku* namijenio upravo »u pohvalu . . . Adrijanske Sirene spjevaoca«. Dubrovački je pjesnik dapače vidio već u duhu, gdje zapada turski mjesec:

Zriñsko sunce ñega tjera,
u iztoku da pogine,
da se utopi š ñim nevjera
Crna mora srjed pućine.
Vidim, bojne srjed potjere
gdi steg carski po tleh pada,
gde se drugi s križem stere
vrh bijeloga Carigrada.
Cesarovijem tu pod krilom
ban će čestit stolovati,
ban imenom, a kralj dilom
podložni će puk vladati.

Zadñi dani Petra Zrinskoga, ñegovo ugovarañe s Turčinom i smrt mu na stratištu odjeknuli su Evropom onoga doba, a u nas ostalo im je tragova i podaje od buke svjetske, gdje bismo im se jedva nadali. U glagolskom rukopisu prikazañâ *Muke Spasiteļa našega* i *Mišterija vele lipa i slavna od Isusa kako je s križa snet, za tim u grob postavljen* pripisala je neznana ruka latinskim pismenima, da »1671-oga leta bihu velike smućne meju gospodu kršćansku, kako Ugri hotihu po starem zakonu postaviti svoga krala ugarskoga, i kako bihu si se dovićili, da postave Petra Zrinskoga. I na to se sažalihu Nemci . . . i tako cesarova voska podignu se i zavje vse Zrinskoga ladanje i markezovo ali Frankopansko, a nim glavi čini poseći 1671 aprila dan 29.« (*Stari pisci XX.*, str. VI).

Nije dakle čudo, što se našao suvremenik Dubrovčanin pa kazao i on svoju o katastrofi porodice Zrinskih. No karakteristično je, da je osnovna misao ñegova izrećena također u kajkavskim pjesmama onoga doba: i u ñima prokliñe ban Katarinu, i u ñima je ženska taština glavnim, da ne rećem jedinim motivom cijeloj uroti, koja se krvavo završila na stratištu u Wiener-Neustadtu.

Kukušević je priopćio najprije u *Arhivu za povjesnicu jugoslavensku*, a kasnije prešampao u knjizi *Književnici u Hrvata iz prve polovine XVII. vijeka s ove strane Velebita* (Zagreb 1869.) odlomke poduže epske hrvatske pjesme o uroti i smrti Petra Zrinskoga: *Cantio de Zriny Petro ili plačna pesma Petra Zrinskoga, kojega žena njegova Katarina Tržaćka radi ponosite svoje lepote, zbog koje kračicom je postati hotila, sa sveta ovoga s mnogim drugovom žalostno je spravila*. Varijantu iste pjesme *Od Petra Zrina, bana horvatskog* štampao je Šrepel u *Građi za povjest književnosti hrvatske* (II. sv., str. 191.) po rukopisu kajkavskih pjesama, što se nalazi u arhivu Jugoslavenske akademije. Očito je, da obje pjesme potječu iz istoga vrela, no kolajući od ruke do ruke, od usta do usta, na gdje kojim su se mjestima dosta udajile jedna od druge. Pjesnik je bio bez sumnje suvremenik Zrinskoga, i to suvremenik, koji je bio dobro upućen i u sitnice iz urote hrvatskih velikaša. Ne samo što se zbilo u Hrvatskoj do polaska Zrinskoga i Frankopana u Beč, nego pjesnik spominje u tančine također momente iz zadnjih im časova u tamnici i na stratištu: on znade, da je osuđenim velikašima bilo dopušteno sastati se prije smrti, eda se jedan od drugoga oproste, pa da je Frankopan prije, nego je pošao na stratište, pisao svojoj ženi pismo, gdje ju je molio, neka mu oprosti »ako ju zbantuval vu svojoj mladosti«, a zna i to, da je Frankopan na samom stratištu »govoril dosta od vernosti; koj' su ondi bili, čuli su zadosti«¹⁾. Kroz cijelu pjesmu provlači se kao crvena nit misao, da je svemu zlu i propasti Zrinskoga i Frankopana kriva ženska taština: Katarina, supruga Petrova, »želejuć i hlepeč na krajevsku diku« nagovorila je muža svojeg, da se odmetne od cara i uteče pod okrije Turčinu. Kad je ban vidio, da ga je urota u zlo uvalila, stao je proklinjati Katarinu:

»O prokleta vura, da si me spoznala
i tolač ovakov kada si mi dala!
Siromaka mene jesi vučinila,
sina takaj moga, koga si rodila;
boje, da ga nesi nigdar zanosila,
vu vremenu svojem kada otkojila.
Ti nesrečna žena, zakaj si me vzela? . . .

1) Građa II., 195. i 196. — Isporedi s time list Frankopanov supruzi mu Juliji i izvještaj o smaknuću Zrinskoga i Frankopana sačuvan u mletačkom arhivu: »Il Frangipani fece l'ultimo atto con generosità et con corraggio. Parlò al popolo con energia, con espressioni devote verso il cielo, humilissime verso l'imperatore, senz' incolpar alcuno che la propria malitia e contraria fortuna. Aggiunse, che per suggestione altrui entrato nell' operationi cattive meritava a ogni modo il castigo et il suplizio« (Rački, *Isprave o uroti bana P. Zrinskoga i kneza Fr. Frankopana*, Zagreb 1873., pod br. 631. i 635.).

Kak Adama Eva jesi me vkanila,
iz bana petlara jesi me vćinila¹⁾.«

Ovakove pjesme prigodnice zanimive su, jer ako nam uvijek i ne kazuju historijske istine, one su nam svjedoci, kako su suvremenici sudili o događajima svojega doba. Kada nije bilo novina, bile su te pjesme jedinim glasnikom onoga, što danas zovemo javnim mišljenem. Naravno, nijesu one bile uvijek odjekom općega mišleña svojega doba. Pjesnici, što su ih mogućnici imali uza se po dvorovima, veoma su često vršili zadaću današnje službene štampe. No sudeći po svem, pjesme u Kukuļevića i Šrepela pa pjesmica nepoznatoga Dubrovćanina nijesu bile tek osamļen glas pojedinaca.

Historijski je sasvim zajamćeno, da je Katarina Frankopanka, žena Petrova, zbiļa aktivno sudjelovala u pripravama za urotu. Još za života Nikole Zrinskoga n. pr. pregovarala je ona u rujnu 1664. s franceskim poslanikom u Mlecima, biskupom bézierskim Bonsyem, u ime braće Zrinskih. Nema sumne ni o tom, da je Zrinski želio, da s pomoću franceskoga kralja Ludevita XIV., a kasnije s pomoću sultanovom zavlada u Hrvatskoj nezavisno od Habzburgovaca. No u ćijoj je duši ta misao najprije nikla, teško je reći. Kada se otkrila urota i kada su glave vođā nézinih pale od maća krvnićkoga, bilo je u opće otelo mah mišleñe, da je Katarina bila duša urote, a i u tuđem svijetu su to mnijene raširili poslanici stranih država u izvještajima, što su ih iz Beća slali svojim vladama. Gremonville javļa 18. lipña 1671. Ludevitu XIV., da dvor misli u buduće blago postupati s onima »qui ont eu part dans les affaires passées« i tim ublažiti uzrujanost radi smaknuća vođā urote, no ipak da su dopremljene u Beč u zatvor udova Vesselenyeva i Katarina Zrinska²⁾. Mnogo su obilatija izvješća mletaćkoga poslanika Zorzija. U travñu 1670. piše on svojoj vladi, da je dvor osobito ļut na Frankopana, jer je on bio »il primo ad istigare la sorella a superbi cattivi pensieri«. A u izvještaju 31. svibña 1670., govoreći o bolesti grofice Zrinske, veli Zorzi izriješkom: »Non dispiacerà la morte di donna sì inquieta, origine delli mali alla sua casa, et che per giusto giuditio di Dio viene punita dalle machine contro la christianità a prò degl' infedeli«³⁾.

I naš kajkavac dakle i nepoznati nam Dubrovćanin, pjevajući o Petrovoj uroti i sudeći onako oštro Katarini, bili su

1) *Grada* II., 193.

2) Bogišić, *Acta coniurationem Petri a Zrinio et Francisci de Frankopan nec non Francisci Nadasdy illustrantia, Zagrabiae 1888.*, str. 214.

3) Raćki o. c., str. 173. i 268.

tek odjek mišljenja svojega doba. Bez sumnje je među motivima urote bilo povrijeđenoga ličnoga ponosa, a bit će i žede za vladom, no u drugu ruku je historijska istina, da je ustanak Zrinskoga bio naperen protiv one struje, koja je, šaluci Herbersteina u Karlovac za generala, imala na umu »la separazione di Schiavonia, Croazia e Dalmazia dall' Ungheria e riduzione degli Stati medessimi in ereditarie provincie della casa d' Austria.«¹⁾ Oprijeti se toj struji bila je bez sumnje misao velika, ma da nezini začetnici nijesu bili dorasli, da je izvedu, i ma da se kasnije, kada se nesreća sorila na njihovu glavu, nijesu u istrazi ponijeli onako, kako bi čovjek očekivao od zastupnikâ velike misli.

Između domaćih suvremenih pjesnika čini se da ih je ponajbolje shvatio Spječanin Kavašin. Do njea nije doduše dosizala ruka nemačka, no on je osjećao, da Hrvate u živac vrijeđaju, te nema sumnje, da je u prvom redu mislio na naše urotnike, kad je pjevao²⁾:

Ali Nijemac sve to veće
na gospodu sile pridie
svoe zancice stere i meće
neprijateljske, nenavidne,
da sinovi kuća stari'
držani su ko oslari.

Pa onda dakako da se »svjetla vlastelinstva, videći se uhijena«
odmeću i »na svo'u pomoć Turke zovu«.

Nu nitkor se ne odruži
od vlastita gospodara,
kraju nohti jesu duži,
kim dosiže i obara
glave i uzimlje još živote
sramotnije srjed sramote.

U Kavašina nema nijedne žalne ni prijekorne protiv urotnikâ. Dok su kajkavac i Dubrovčanin mehanički i bez saučešća ponovili ono, što su čuli da govore drugi, Spječanin je s više razumijevanja i dublje proniknuo u jezgru događajâ svojega vremena.

1) Iz Herbersteinova lista knezu Lobkovicu od 20. siječnja 1671. (Rački o. c. str. 436.).

2) Bogatstvo i ubožtvo, Zagreb 1861., str. 262.

Vom idg. /-Suffix.

Im Griechischen ergänzen sich die Stämme *μέγα-* und *μεγάλο-*, *πολύ-* und *πολλό-* [aus **πολυλό-* nach Thurneysens evidenten Deutung¹⁾] zur Einheit des Paradigmas. Im Litauischen wird *didis* 'groß' durch *didelis* verdrängt²⁾, während *daūg* und *daūgel* 'viel' seit alters synonym gebraucht werden, grade so wie im Altindischen *bahū* und *bahulam*³⁾. Daß der Typus der Weiterbildung alt ist, beweist die Übereinstimmung des Germanischen und des Griechischen in *mikila*-⁴⁾ und *μεγάλο-*.

Die Slaven nennen den Adler, den König der Vögel,

*ѡс Ѣ ѡма къртиѡтѡс те кал ѡкисѡс пет еρνѡн*⁵⁾,

orolъ (lit. *erēlis*) — verwandt mit *ύρνις* —, die Inder den wilden Büffel *gavala-* — abgeleitet von *gav-* 'Rind'; beide Worte enthalten dasselbe Suffix, das wir soeben in *μεγάλο-* und *mikila-*, der gr. und der germ. Bezeichnung des Begriffes 'groß', konstatiert haben.

1) IF. 21, 176 unter Hinweis auf die bekannte Verkürzung der Präposition *κατά* vor Dentalen (vgl. Berl. Philolog. Wochenschrift 1890, 1474 und jetzt Solmsen Rhein. Mus. 62, 331). Aber auch an die lautliche Verwandtschaft von *λ* und *ν* muß man denken, die in *ιλιθειν* [aus **ιλιθειν*] die unter anderen Bedingungen unerhörte Aufsaugung des Vokals begünstigt zu haben scheint. *πέρσν* [aus *πέρσσι*] Monatsberichte der Berliner Akademie 1874, 16 Z. 6 (Kyzikos, Zeit des Tiberius) ist viel jünger (vgl. KDieterich Untersuch. zur Geschichte der griech. Sprache 37).

2) Schleicher Lit. Gr. 204.

3) Auch an die Prakrit-Form *mahalla* = *mahat* 'groß' darf in diesem Zusammenhange vielleicht erinnert werden. Pischel Grammatik der Prakrit-Sprachen 404 § 595.

4) Die einfache Form ist erhalten in dem an. Adverbium *mjrk* (aus **megu*), das seine Endung von dem synonymen *ffjrl* (aus **felu*) bezogen haben wird. *ffjrl* existiert nur noch in Kompositen, sonst ist es durch *mjrk* verdrängt und ersetzt worden.

5) *φ* 253. *αιφετός* aus **áfj-ετός*, zu lat. *avis*. Joh. Schmidt KZ. 32, 374. Sitzungsberichte der Berliner Akademie 1899, 305. Vergleiche damit lit. *wilkatas* 'Werwolf'. Szyrwid Dictionarium trium linguarum (4 Wilna 1677), 340 s. v. *wilkotek*, Lycanthropus, lycan. *wilkatas* [angeführt von Leskien Bildung der Nomina im Litauischen 418 = 568]. Das Suffix *-eto-* charakterisiert offenbar den Adler als großen Vogel, den Werwolf als ein besonders furchtbares Wesen.

Ai. *sūkará-* 'Eber' gehört zum Femininum ags. *sugu* = mnd. *soge* [idg. **suká*] 'Sau', ist also *sūk-ará-* zu teilen; vielleicht darf man *-ará-* als masc. Genuszeichen betrachten¹⁾.

Im Lateinischen gehören *caprea* und das ganz selten belegte Deminutivum *capreola*²⁾ in üblicher Weise zusammen³⁾, aber *capreolus* scheint abseits zu stehen, da ihm ein gleichgeschlechtiges Grundwort fehlt. Priscian 1, 112₁₆ H: *capreolus videtur a nominativo capreus esse, cuius femininum in usu est*. Im Rumänischen, Italienischen und Französischen lebt dies *capreolus* fort als Name des Rehbockes⁴⁾. Es läßt sich beweisen, daß man die Form einfach als Maskulinum zu *caprea* aufgefaßt hat: CGL. 5, 404₅₃ [ebenso im sog. Keronischen Glossar Ahd. Gl. 1, 114₁] *damma · caprioli similis, capra agrestis* verglichen mit 4, 225₁₂ *damma · genus capreae similis*; Ahd. Gl. 3, 674₃ *capreolus · reh-poc*, 7 *caprea · rehcaiz*⁵⁾; Wright-Wülcker Anglo-Saxon and Old-English Vocabularies 1, 320₃₇ *capreolus · rahdeor*, 38 *caprea · ræge* (vgl. 543_{36a.})⁶⁾. Es stehen also hier *capreolus* und *caprea* nebeneinander als Maskulinum und Femininum, ebenso wie im Französischen *chevreuil* 'Rehbock' und *chevrette* 'Rehgeiß', das zum Ersatz für *caprea* geschaffen wurde, vermutlich um ein von *chèvre* 'Ziege' deutlich unterschiedenes Wort zu gewinnen, oder wie im Altfranzösischen, Altprovenzalischen, Italienischen und Rumänischen, wo sich die Feminina im Suffix den Maskulinformen assimiliert haben, die gleichbedeutenden *chevol* und *chevreule*, *cabirol* und *cabirola*, *capriuolo* und *capriuola*, *căpriór* und *căprioárá*. Die übertragenen Bedeutungen, in denen *capreolus* gewöhnlich gebraucht wird⁷⁾, beruhen auf einem Vergleiche mit den Stangen oder Zinken des Reh-

1) Die besondere Funktion des Suffixes in ai. *chagalá-* 'Bock' weiß ich nicht zu bestimmen. Ohne das *l*-Suffix bezeichnet *chága-* den 'Bock', *chágā* die 'Ziege'.

2) Nur als Eigennamen ist *Capriola* (*Capreola*) häufiger, wie die Indices zu CIL. IX und X ausweisen.

3) *caprea* zu *capra* ganz wie ai. *gavayú-* zu *gav-*.

4) Puşcariu Etym. Wörterbuch der rumänischen Sprache I Lat. Element 24 s. vv. *căpră căpriór*.

5) Mehr bei HPalander Althochdeutsche Tiernamen 1, 110 s.

6) RJordan Altenglische Säugetiernamen 188 s. *ræge* ist das weibliche Tier, *rúhdéor* allgemein 'Reh, Rehwild', engl. *roedeer*. Auch das it. *cavriuolo* hat diese allgemeine Bedeutung. Boccaccio Decam. giorn. 9 introd.: *videro gli animali, si come cavriuoli, cervi et altri, quasi sicuri da' cacciatori per la soprastante pistolenza, non altramente aspettargli che se senza tema o dimestichi fossero divenuti*.

7) Rich Dictionnaire des antiquités romaines et grecques (Übersetzung von Chéruel, Paris 1873), 109. Olek in Pauly-Wissowas Real-Encyclopädie 3, 1548 ss. (1. 'Weinrebenranke' wie it. *capriuolo*, afrz. *chevrole*; 2. 'zweizinkige Hacke'; 3. 'Dachsparren' wie rum. *căpriór*, sp. *cabrio cabriúl*, aprov. *cabrion cabron*, frz. *chevron*).

geweihs, zeigen also, daß *capreolus* nicht bloß das männliche Tier bezeichnet, sondern zugleich auch sein Geweih, etwa wie die indischen Lexikographen für *gavala-* 'Büffel' auch die Bedeutung 'Büffelhorn' angeben. Darnach wird man *capreolinum* · *δόρυχειον* CGL. 3, 187⁴⁸, 255⁷⁰ nicht von *capreola*, dem Deminutivum von *caprea* — beide Worte werden in den bilinguen Glossaren durch *δορυκάς* übersetzt —, sondern von dem im Grunde mit *caprea* gleichbedeutenden Maskulinum *capreolus* ableiten müssen. An ein Muster wie *caprea* : *capreolus* mag die Volkssprache angeknüpft haben, als sie zu *avia* 'Großmutter' nicht bloß ein Maskulinum *avius* [prov. *avis*], sondern auch *aviolus* [prov. *aviols*] schuf¹⁾. Ob wirklich die technische Sprache des Landmanns und des Jägers *caprea* und *capreolus* als Bezeichnungen verschiedener Arten auseinandergehalten hat, vermag ich nicht zu entscheiden. Zu Columella 9 c. 1 in. sagt Schneiders Kommentar scr. r. 2, 2, 468: *distinxit capreolum veluti maiorem a caprea Praef. 1 memorata*. Jedenfalls gehört *capreolus* viel eher in die Klasse der Augmentative als der gewöhnlichen Deminutive²⁾. Im Altfranzösischen steht neben *chevol* in gleicher Bedeutung *chevrion*, eine unverkennbare Augmentativform³⁾. — Das Litauische gewinnt das Femininum von *tar̃nas* 'Diener' durch Deminution [*tarnaitė*]⁴⁾, die Maskulina aber zu *ántis* 'Ente' *awis* 'Schaf' *katė* 'Katze' u. a. durch Augmentation [*añtinas* *āwinas* *kātinas*]. Vgl. *añginas* 'große, besonders giftig gedachte Schlange' zu *angis* 'Schlange' und mehr dergleichen bei Leskien

1) Tappolet Über die romanischen Verwandtschaftsnamen 64. Zu frz. *aieul* hat sich dann auch ein Femininum *aieule* hinzugefunden. Auf mechanischer Nachahmung des Musters beruhen vielleicht die bekannten Bildungen vom Typus des it. *Spagnuolo* (zu *Spagna*).

2) Zugleich freilich dient *capreolus* als sein eigenes Deminutiv und entspricht dann in der Bedeutung dem aprov. *cabrolet* und dem frz. *chevillard*. Vergil egl. 2, 40

*praeterea duo nec tuta mihi valle reperti
capreoli, sparsis etiam nunc pellibus albo;
bina die siccant ovis ubera: quos tibi servo*

verglichen mit Boccaccio Decam. giorn. 2 nov. 6: per che ella, levatasi, là entrò donde uscita era la cavriuola, e videvi due cavriuoli, forse il di medesimo nati; e, non essendolesi ancora del nuovo parto rasciutto il latte del petto, quegli teneramente prese, et al petto gli si pose. Li quali, non rifiutando il servizio, così lei poppavano, come la madre avrebber fatto (s. dazu die S. 344 Anm. 6 angeführte Stelle). — Wer *capreolus* für ein gewöhnliches Deminutivum von *caprea* hält, kann zur Rechtfertigung des Geschlechtswechsels wenigstens aus dem von AWeinhold im Archiv für latein. Lexikographie 4, 184 s. gesammelten Material keine wirklich genügende Analogie beibringen, was ich mit Rücksicht auf Brugmanns allgemeine Bemerkung IF. 19, 216 Anm. betonen möchte.

3) Vgl. aprov. *cabrion* 'Sparren'.

4) Zur Geschichte lateinischer Eigennamen 136. 418.

a. a. O. 254 = 404 s. 1). Die Lateiner, die zu *caprea* das Maskulinum *capreolus* geschaffen, lassen das Deminutivum *capella* (neben *capra*) als Femininum von *caper* fungieren: man lese Ovid fast. 1, 354. 361, wo in dem gleichen Zusammenhange-zuerst *caper*, dann *capella* erscheint²⁾:

Sus dederat poenas: exemplo territus huius
palmitē debueras abstinuisse, caper.

Culpa sui nocuit, nocuit quoque culpa capellae.

Der Gruppe *caprea capreola capreolus* fehlt das masc. *capreus*, der verwandten *caper capra capella* umgekehrt das masc. *capellus*, aus keinem anderen Grunde, als weil hier *capella* das Femininum von *caper*, dort *capreolus* das Maskulinum von *caprea* vertritt: es handelt sich um Erscheinungen der sog. grammatischen Motion, in deren Dienst die Bildungsmittel der Augmentation und der Deminution gestellt werden³⁾. — Auch bei *simiolus* Cic. ad fam. 7, 2, 3 wird man fragen dürfen, ob Cicero durch das *l*-Suffix die Form wirklich als Deminutivum und nicht vielmehr als Maskulinum hat charakterisieren wollen: *simius* und *simiolus* können sich zueinander verhalten wie prov. *avis* und *aviols*⁴⁾.

Die 'Witwe' ist, wenn man so sagen darf, eine uralte Institution, der 'Witwer' dagegen überall bei den Indogermanen die Erfindung eines viel jüngeren Zeitalters⁵⁾. So ist aus und zu aisl. *ekkja* [dän. *enke* schw. *enka*] 'Witwe' ein Maskulinum *ekkill* neugebildet, für das Cleasby-Vigfusson überhaupt keinen älteren Beleg kennen⁶⁾, das aber nach ihrem Zeugnisse 'frequent in modern use' ist. Auch hier ist eins

1) Portug. *cabrão* 'Ziegenbock', Maskulinum zu *cabra*, = sp. *cabron* it. *caprone* 'alter oder großer Ziegenbock'.

2) Vgl. aus der Terminologie des Würfelspiels *damnosi canes* Properz 5, 8, 46 Ovid a. a. 2, 206 trist. 2. 474: *damnosa canicula* Persius 3, 49 (s. OJahns Ausgabe S. 153). Portug. heißt die Hündin *cadella*. *cabrão* und *cadella* können recht gut als Illustration für *capreolus* und *capella* dienen.

3) Diez Grammatik der roman. Sprachen⁵ 622. Meyer-Lübke Grammatik der roman. Sprachen 2, 415. Brugmann Grundriß II² 1, 601. Brugmann gebraucht den Terminus 'Amplificativum', wohl nach dem Vorgange der Slavisten. Ich ziehe das kürzere und vermutlich ältere Wort 'Augmentativum' vor, das aus dem Sprachgebrauch der romanischen Grammatik stammt. Goethe Ital. Reise 1 (Weim. Ausg. 30), 92: »der Audienzsaal des Rathauses, mit Recht durch das Augmentativum *Salone* betitelt«.

4) AWeinhold Archiv für latein. Lexikographie 4, 184. It. *caprio* 'Rehbock' (= sp. *cabrio* 'Dachsparren') wie *simius* und *avis*.

5) Delbrück Indogerm. Verwandtschaftsnamen 64 = 442 ss. unter Verweis auf JGrimm [DG 3, 338 n. Abdr.].

6) Fritzners Ordbog verzeichnet infolgedessen die Form gar nicht. — Wie alt das bei Falk-Torp Etym. Ordbog 1, 140 angeführte schw. *enkil* [Axel Kock Svensk Ijudhistoria 1, 197] ist, weiß ich nicht. Heute heißt es *enkling*.

der für die Neubildung maßgebenden Muster noch erhalten: *gymbill* 'a he-lamb' zu *gymbr* 'a ewe lamb' 1).

An den Schluß der Reihe stelle ich das sl. *kozelo* [nsl. č. *kozel* r. *kozěl*] 'Ziegenbock', das sich zum Femininum *koza* 'Ziege' verhält wie lat. *capreolus aviolus* zu *caprea avia*, isl. *gymbill ekkill* zu *gymbr ekkja* und das durch den Nachweis dieser Parallelen aus seiner bisherigen Isoliertheit 2) erlöst, durch ai. *gavala*- und sl. *orvo* im Verein mit den durch *l*-Suffix erweiterten Bezeichnungen für die Begriffe 'groß' und 'viel' zugleich auch erklärt wird.

Irre ich mich nicht, so ist hier eine idg. Augmentativbildung gewonnen, die wir in die Urzeit zurückzudatieren berechtigt sind. Daß dasselbe *l*-Suffix, wie bekannt, auch der Deminution dient, ist nur in der Ordnung. Lit. *didelis* hat die Endung der Deminutive angenommen, *erėlis* dazu auch ihre Akzentuation; got. *mikils* 'groß' reimt auf *leitils* 'klein'; die deminierten Adjektive *δριμύλος ἡδύλος παχυλῶς* zeigen das Suffix von ai. *bahulá*- und *πολλό*-; prakt. *mahālayā* (fem. *mahāliyā*) 'groß' 3) stimmt zu ai. *ambālikā*, der Verkleinerungsform von *ambā* 'Mutter'. Man vergleiche außer dem, was ich schon Quaest. ep. 301. 308 4) zitiert habe (Bezenberger BB. 5, 98), Belić Arch. für slav. Philologie 23, 144. 26, 329 und Brugmann Grundriß II² 1, 679.

1) Noreen Altisländische Grammatik³ 131 § 167, 1. *Agnus dei* heißt im Stockholmer Homilienbuch *guðs gymbill*.

2) Miklosich Stammbildungslehre 94. Weshalb er die von ihm im Lex. palaeoslov. 305 nach Vostokov angeführten Pluralformen *kotelja koteljamъ* auf ein m. *ko-telъ* statt auf das f. *kotelja* bezieht, ist mir unklar.

3) Fischele a. a. O. 402 § 595.

4) Dem hom. *μελάντερος* *Δ* 277 darf man als Parallelen beischreiben die Frauennamen *Μικοίτρα* [Bechtel Att. Frauennamen 42] und *Σιμοίτρα* [z. B. Michel Recueil d'inscriptions grecques 667 A 35].

Золѡвка.

В своём подробном разборѣ Миклошичева корнеслова¹⁾, гдѣ я имѣл в виду снабдить оговорками и дополнительными замѣтками всё слова, которыя в том по моему мнѣнію нуждались, я не коснулся реченія, кое там является как праславянское *zely*, а в »Старословенском« словарѣ (также в соотвѣтственной строкѣ корнеслова) — как **Зѡлка**. Теперь однако мнѣ кажется, что на этом словѣ стоит нѣсколько остановиться.

Прежде всего не мѣшает присмотрѣться поближе к тѣм разновидности, в коих оно употребляется в разных славянских языках.

»Старословенское« Зѡлка взято Миклошичем из рукописи болгарскаго извода, XVI вѣка (*Gregorii papae et Petri diaconi dialogi*), которая конечно не доказывает староцерковности даннаго слова и не может служить для опредѣленья правильнаго его написанія. Тѣм менѣе в этом смыслѣ даёт чисто-русское золѡвка, приводимое тут же из Лексикона трехязычнаго Фёдора Поликарпова, 1704 года. К счастью, в староцерковности, или по крайней мѣрѣ в праславянскости, в данном случаѣ сомнѣваться не приходится. **Зѡлка** можно считать разновидностью, или даже лишь другим написаніем приводимаго и Миклошичем новоболгарскаго зѣлка, и его западнаго видоизмѣненія зѡлка. Зѣлка имѣется в словарикѣ при Цанковской грамматикѣ, и оттуда, надо полагать, в написаніи зѡлка, вошло в словарь Дювернуа; примѣры послѣдняго всё три — македонскіе, с чистою огласовкой, взятыя из Пѣсень Миладиновых, на каковыя пѣсни ссылается и М-ч, а именно на пѣсню из Прилѣпа (No. 7, стран. 6) и на описанье свадебныхъ обычаев в Кукушѣ (стран. 517). Стихи, кои приводит Дювернуа, одни (No. 558) — из Велеса, другіе — безъ обозначенія мѣста. Чистую-же огласовку представляют примѣры, которые я могу привести из одной самоковской пѣсни (Сборникъ за умотворенія, XI, Пѣсни из челядния живот. От

1) Об Этимологическомъ словарѣ Миклошича. Русскій Филологическій Вѣстникъ, томы XVIII—XXV, Варшава 1887—1891.

Самоков, 1): »Седна́ли ми са, седна́ли Сна́а и зб́лва на́едно, Зб́лвица т́ио гово́ри«, »Зб́лвице, м́ила едн́ичка«.

Для словенскаго языка М-чев корнеслов и Плетыршников словарь (показанья которых я свожу здѣсь в одно) указывают цѣлый ряд разновидностей нашего слова, отчасти усложнённых производками -па и -па, из коих вторая м. б. лишь звуковое измѣненіе первой. В корнѣ мы здѣсь видим колебаніе между гласными *a, e, o*, и глухим или же отсутствіем гласнаго, а также между сохраненіем группы *lv* и утратою звука *l*. Выпаду перед *v* звука *l* (надо полагать, твёрдаго, давшаго сначала чисто-губное *w*), равно как и различному измѣненью первоначальнаго глухого удивляться нечего; хотя болѣе точное освѣщеніе этих явленій, предоставляемое мной лучшим знатокам словенской рѣчи, м. б. было бы не лишним. Указаны первичныя формы с *l*: *zǎlva*, *zǎlva*, и *zǒlva*; затѣм первичныя беззвѣныя: *zǎva* и *zeva*; далѣе, производныя злвья: *zǎlvica* и *zolvícina*, производныя беззвѣныя: *zavícina*, *zavícna*, и наконец производныя безгласнаго корня: *zvíćina* и *zvíćna*¹⁾.

По сербски имѣется *zǎva*, ближайше предполагающее *zǎlǎka*, и стяжонная фонема *zǎva*, приводимая Вуком, как воеводинская.

По чешски, встарину, указывают формы *zelva* и *zelvice*: первая отмѣчена в старинных словарях — в Райградском (»Клена Роскоханаго«) и Номенклаторѣ (есть и в *Mater verborum*, но как глосса подложная), притом со значеніем снохи, каковое значеніе является и в примѣрах из старинных библій: »*Zelva povstává proti těci své*« *Bibli olomoucká* (очевидно — Лук. XII, 53) и »*test zelvu svau*« Музейская библія, Езекил XXII, 11. Было ли это слово также равносильно русскому золовка — нѣсколько сомнительно: Юнгманн скрѣпляет такое значеніе лишь ссылкой на слова Добровскаго: »*zǎlka Bohemis olim quod Russis zolǒbka mariti soror*« *Institutiones*, стран. 139, а Котт даёт слѣдующія, несомнѣн-

1) *Zǎlva* приводится как нижнекарпатское (Миклошичем) и как бѣлокарпатское; *zǎlva* — со ссылкой на рукописный словенско-нѣмецкій словарь Залокоря; при *zǒlva* указывается на Цигалетов словарь (*Cigale, Deutsch-slovenisches Wörterbuch*), на Левстикovy приписки к Миклошичеву рукописному словарю и на Цафовы выписки из Блейвейсовых »Новиц«; при *zǎva* находим ссылку на Янежича (глухую), на Цигалета, помѣчающаго его Красом (Крав-Сиг.), и на рѣчь бѣлокарпатцев; при *zeva* имѣются помѣтки М. (т. е. Миклошичевы словарные материалы) и Вл. Кг., т. е. Бѣлые кравцы. (У послѣдних таким образомъ отмѣчены три разновидности нашего слова.) При *zǎlvica* является ссылка на Цафовы выписки изъ Новиц, при *zvíćna* — на »разные труды Миклошича« (в данномъ случаѣ м. б. на тот-же корнеслов) и на Крестьянскую химію Вертовца (*Vrtovec, Kmetška kemija*); *zvíćina* выставлено как венецянско-словенское, по Эрвавцевой Путевой сумѣ (*Iz potne torbe*). Форм *zavícina* и *zolvícina* мы въ Плетыршниковомъ словарѣ не находим. На иныхъ формах не отмѣчено ударенія.

ясныя указанія: *Zelva*, у, *zelvice*, е f. — *sestra mužova, die Schwägerin*. D. (Dobrowsky), Mus. (Časopis Českého Musea), Lex. vet. Z., — *žena synova, die Schwiegertochter*. Gl. 385. Последняя ссылка значит: Brandl, *Glossarium illustrans bohemico-moravicae historiae fontes*, Brunn 1876, в коем читается: *Zelva, Zelvice die Schwägerin (auch Schwiegertochter)* — выписок или ссылок нѣт. Примѣр на *zelvice* у Юнгманна новый и подозрительный: »*Ohledni se, lépa Květo, sestra tě volá. Nemohu se ohlednouti, ani ozvati: K zelvicem mne sivý koník tryskem unáší*« — это вѣдь ничто иное, как перевод сербской народной пѣсни (Караџић I, 82)¹⁾, и самое слово *zelvice* здѣсь могло бы быть перекроено из сербскаго зѣова. Впрочем *želvice* (со звуком ж) приводится Коттом, как »бескидское«. В качествѣ словацких форм у Котта приведены: *zolva, zolvica, zolo-* и *žol-*, с примѣрами на вторую форму из Словенских поглядов (*Slovenské pohľady na literaturu, umenie a život*), III, 2, 201, 3, 251 и V, 58: *Mužova sestra pre ženu je zolvica; Nemaš svokry, nemaš ani len zolvice*. Шембера — *Základové dialektologie československé. Ve Vídni 1864*, стр. 74 — отмѣчает это слово, как оравское (верхневажское): *zolvica (sestra mužova jest zolvica jeho manželky)*; не как олавское, т. е. не в сѣверовосточной Морави: у Котта здѣсь недосмотр.

Из польскаго языка М-ч приводит »*želwa, żelw, żelwica* и отсюда *żolwica*«. Первой формы нѣту в липдевском словарѣ, а прочія, как устарѣвшія, снабжены звѣздочками. Вот липдевскіе примѣры и ссылки, послѣднія с раскрытіем сокращеній: *świeść, żolwica glos, sorog mariti* Ян Тухольчик, словарик при латинской грамматикѣ 1533 года; *Gregorii Snapii* (Кнапскаго) *Thesaurus Polono-latino-graecus*, 1090 et 1418; *glos, żolwica Ioannis Ursini* (Недзвѣдскаго) *Grammatica, Zamość*, 168; *świeść, mężowa siostra, żelw, żelwica Dasypodius Catholicus, hoc est Dictionarium latino-germanico-polonicum, germanico-polono-latinum et polono-latino-germanicum. Dantisci 1642* (передѣлка латиночешскаго словаря Вацлава Дасиподія — *Dasypodius* или *Dasypus*, т. е. вѣроятно *Zajíc: Λαούπος* погречески космоног, заяц); *Volckm.*, 371 (*Nicolaus Volckmar, Dictionarium quadrilingue. Pars I. Latino-germanico-polonico-graeca. Pars II. Polonico-latina. Pars III. Germanico-latina*. 2-ое изд., во Гданскѣ 1605; *glos, żelw abo żelwica, też niewiastką niektóry zowią, t. j. mężowa siostra. Mączynski, Lexicon*

1) Справка по юнгманновской ссылкѣ выяснила, что тут разумѣются *Svatební srbské písně*, в переводѣ Челяковскаго (*Časopis Českého Musea, šestý roční běh*, 1832, svazek I, str. 142).

latino-polonicum 1564, w Królewcu; Bracia Władys'awa II głową rad sobie szkodliwych Krystynę żelwicę swoją być powiedzieli. Kromer, Kronika, tłumaczenie Błażewskiego, 165, bratową; Żolwice i bratowe u jednego stołu, I świekry i niewiasty jadają pospołu. Simonides-Szymonowicz, Sielanki, 56 (по Варшавскому изданію в 8); Jan Kochanowski, Dzieła, w Krakowie 1639, 77 zgoda rodzinna. Последняя ссылка, кажется, ошибочна: я не знаю стихотворенья Кохановскаго под таким заглавіем (оно д. б. относится к только что приведённым стихам Шимоповича); зато могу привести, вѣроятно и соответствующій линдевскому указанію, примѣр из Отсылки греческихъ послгов: »Coś to Żolwicom za bratową . . . przyniosła« Odprawa posłów greckich, 431 (Chorus: »O białoskrzydła morska pławaczko!«) — Jan Kochanowski, w Krakowie 1629, str. 77, гдѣ имѣется Z вм. Ż, по может-быть лишь потому, что над большим Z вообще точки встарину часто (или никогда?) не ставилось: в Юбилейном изданіи (Wydanie romnikowe, tom II, w Warszawie 1884), страи. 114, напечатано Żolwicom.

В русском языкѣ, велико-русское нарѣчіе, кромѣ общеизвѣстнаго золѡвка, представляет (по Далю): зѡлва, зѡлвица тверское, сѣверное, сибирское, причом в олопецкомъ зовут так и братнину жену, невѣстку. В малорусскомъ нарѣчій мы находим формы зѡлвица, зѡвица и зѡвухна.

В польскихъ формах, и в нѣкоторыхъ чешско-словацкихъ, затрудненье представляетъ появленіе ж вм. з, да в польскомъ еще и о вм. е — трудно придумать для этого иное объясненіе, кромѣ пріурочки к слову ЖАЛЪЖАЛЪВѢ черепаха: это было бы первоначально выраженіемъ непріязни со стороны молодухи, вродѣ русскихъ выраженій »золовка — зловка«, »золовка — колотовка«, »золовка — мутовка«. Впрочемъ польское ж могло бы, пожалуй, быть лишь невѣрною передачей стариннаго прописнаго Z; хотя самая огласовка через о говоритъ впользу шипящаго — сравнимъ żółty и т. п. (mówić, mówić — единично).

Несмотря на неясность нѣкоторыхъ форм, мы, сопоставивъ первичныя (конечно, относительно первичныя) формы зѡлва, золва, zelwa, заова, и zelw, представляющія в окончаніи то же колебаніе, какъ церковь, црѣква и т. д., при староцерковномъ црѣкы, можемъ с полнымъ правомъ предположить праславянское (вѣроятно, и староцерковное) слово ЗЪЛЪ, рѡдникъ — ЗЪЛЪВѢ. Это в сущности уже и сдѣлалъ М-ч, прописавши в своёмъ корнесловѣ праславянское zelу¹⁾. Звук ѣ мы, ввиду давно от-

1) О миклошичскомъ е, явно неумѣствомъ, не считаю нужнымъ распространяться.

мѣченного сродства греческаго *γάλος* и латинскаго *glos*, будем выводить из *o* с двуверхою (по Фортунатовской терминологіи — прерывистою) долготой, как *ы* в *камы* при литовском акціи. Вѣдоевое склоненіе нашего слова, надо думать, исходит от назывнаго падежа, и возникло по образцу *свѣкры-свѣкрѣкѣ*. Также и латинскіе косвенники: *glogis* и т. д., вдобавок не опримѣренные, а указываемые лишь грамматистами¹⁾, могли возникнуть по примѣру *flor-floris* и е. п., что высказал уже Асколи²⁾; греческое же *γάλος* естественно считать основой на *-ōi, -ōi*, как *αἰδώς*, каковую основу можно признать и праязычною. Мысль, что второй частью двугласнаго здѣсь было *и*, и что строить его слѣдует ввидѣ *-ōи, -ōи*, причом можно бы перекинуть к нашему *зѣлы* фонетическій мост — довольно таки сложнаго построенія, — мнѣ, как и Бругманну, кажется невѣроятною. Сравним также утверженіе Льва Мейера и Преллвица, что слово это содержало звук *v*³⁾.

Что касается внутренней огласовки, то мы уже у Бругманна, во 2-м изданіи его Очерка и в Краткой сравнительной грамматикѣ, а также у Дельбрюка, в его Индоевропейских названіях родства⁴⁾, находим два глухих, очевидно на основаньи сербскаго *зѣова* (вѣдъ *зѣва* дало бы *зува*)⁵⁾; требованье сербской фонетики поддерживается и русскою: русское *золѣвка* — в старинных текстах это слово, к сожалѣнью, не отмѣчено — приходится объяснять из болѣе ранняго **зловка*, вышедшаго фонетически из *зѣлѣвѣка*, и усвоившаго себѣ первое *o* от первичницы **злы-золви*, каковая притом могла долго держаться в языкѣ: вѣдъ *свѣкры*, как областная форма, живѣт и понынѣ⁶⁾. Конечно русскій язык, подтверждая присутствіе еще одного глухого, вмѣстѣ с тѣм заставляет нас предполагать не *ь*, как Бругманн, пишущій *зѣва*, а —

1) Neue, Friedrich, Formenlehre der lateinischen Sprache. Dritte sehr vermehrte Auflage von C. Wegner, Leipzig 1901. S. 262.

2) Miscellen, 1. K.Z., XII, 319.

3) Brugmann, Grundriß der vergleichenden Grammatik, том I, изд. 2-е, стр. 204, пункт 3. Leo Meyer, Handbuch der griechischen Etymologie, III. B., Leipzig 1901. Prellwitz, Walter, Etymologisches Wörterbuch, 2. Aufl. Göttingen 1905.

4) Brugmann, Grundriß, в указ. м.; Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen, S. 138. Delbrück, Die indogermanischen Verwandtschaftsnamen, S. 583 (155).

5) На это давно указал Пётр Алексѣевич Лавровскій (Коренное значеніе в названіях родства у Славян), Сборник II. Отдѣленія Императорской Академіи Наук, т. II, стр. 75; только его староцерковное *зѣва* — поправка неудачная.

6) Даль (под словомъ *Свѣкор*) говорит, что форма *свѣкры* встрѣчается въ губерніях повгородской, московской, воронежской и других; Буде отмѣтил ее в Рязанской, в Скопинском уѣздѣ.

ъ, который и является у Дельбрюка, говорящаго: »altslovenisch zľuva, oder vielmehr zľľuva«. Иной первое *o* м. б. захотѣл бы объяснить при-мѣненіем к прикладку *зол*, однако такое сближеніе (вѣроятности котораго я уже касался и опять коснусь ниже), при бѣглости звука *o* в данном прикладкѣ (зла, зло; злой, злая, злое), думается мнѣ, напротив того под-держало бы самородный выговор *зловка. Предполагать, вмѣстѣ с Бругманном, *ь*, с языковѣдной точки зрѣнія удобнѣе (М-ч не даром затруднялся — *Etymol. Wört.* — примирить славянскій вид корня с греческим): сравним *мрѣкти-мърши*, *влѣчиши-влѣклъ*; впрочем Фор-тунатов полагает, по справкѣ любезно сообщенной мнѣ Поржезинским¹⁾, что минимальный гласник (по его пониманью и терминологіи: ирраціональ-ное, при плавных ктому и неслоговое *a*) мог давать также *ъ*.

Строя праязычное слово с минимальным и бѣглым гласным, вродѣ *g^olōs* (древнѣе *g^olōis*), рѣдник *gloies*, и предполагая, значит, для корня болѣе полный вид *gel*, мы могли бы принять Асколіевскую этимологію (в выше указанном мѣстѣ), по коей *γάλος* сродни словам *γαλερός*, *γαληνής* спокойный, тихій, *γέλωс* смѣх, *γέλω* смѣюсь, *γαλλομαι* красуюсь, ра-дуюсь — »золовка« была бы свѣтлою, радостною, пріятною. Правда, это только возможность²⁾: вспомним, что можно сдѣлать весьма заман-чивыя по звукам и по смыслу, но безусловно невѣрныя сближенія слов, как *худѣжество* (*художество*) и *худѣй*, *мицѣта* и *миноваты*! Еще смѣлѣе Асколіевской этимологіи, приводимая и отвергаемая Лавров-ским Аксаковская, и русская народная, — от *зол*, *злой*³⁾, заставляющая нас возводить, безо всякаго основанія, славянское значеніе послѣдняго слова к праязыку. (Что бы молодухи праязычной поры никак не могли, — сперва напр. между собой, потом в шутку, а наконец и в серъез, не думая уже о первоначальном значеніи, — называть мужниных сестѣр »злюками« — мнѣ кажется соображеніем невѣским). Не годится, разу-мѣется, и толкованье самого Лавровскаго, который, положим, для своего времени не особенно прегрѣшил, сблизивши своё *зѣлка* с санскритским *gurvī* (мужескій род — *gurū*), в значеніи »почтенная«; но всёж без основанія призналъ санскритское переносное значеніе этого прикладка также и праязычным и пренебрѣг рѣшающим для нас свидѣтельством греческаго *βαρός* о присутствіи здѣсь лабьяльности и настоящаго *г*, за-

1) Лекціи по сравнительной фonetикѣ 1902 года, стр. 65. *Χαριστήρια* (Сборникъ в честь Корша), стр. 487—488.

2) Дельбрюк — *Verwandtschaftsnamen*, 535 (157) — предпочитает говорить, что праформы нельзя построить с достовѣрностью, и что этимологія неясна.

3) В указ. м., стр. 77.

ставляющих нас считать славянским видом привлекаемого корня не зъл, а гър или жър.

В заключение этой замѣтки, подчеркну, как достовѣрные положенія о словѣ »зюловка«, что староцерковнаго ЗЛЪКА не существует, и что, в качествѣ праславянской, вмѣстѣ с тѣм по всей вѣроятности и староцерковной, формы этого слова, надо строить ЗЪЛЪ-ЗЪЛЪКЪ.

Москва 31. мая (13. июня) 1907 года.

Роман Брандт.

Къ вопросу о времени изобрѣтенія письменъ и перевода священнаго писанія.

Въ богатой рукописями библиотекѣ знаменитаго сербскаго монастыря Хиландаря есть сборникъ, въ описаніи отца Саввы значащійся подъ No. 329, теперъ же въ приготавливаемомъ отцомъ Саввою второмъ изданіи Описанія подъ No. 482.

Въ этомъ сборникѣ на л. 225 помѣщены сіа словеса въ кратцѣ избранна отъ книги Константина кирила философа и оучителѣ сръпскаго бывшаго при блѣгочѣстивѣ деспотѣ стѣфану снѣ стѣго княза лазару. Судя по заглавію, мы имѣемъ здѣсь дѣло со спискомъ извлеченія изъ грамматическаго труда извѣстнаго въ юго-слав. письменности Константина Костеньскаго. Отлагая оцѣнку всего списка до поѣздки на Аѳонъ въ настоящемъ году, мы сообщимъ теперъ сдѣланную нами въ прошломъ году выписку изъ этого текста, оказавшуюся весьма интересной.

А именно на л. 246 читается слѣдующее заглавіе: скáзаніе Шкѣдоу и въ кое врѣмѣ прѣвѣдеса бжтѣвное писаніе. Ш грѣскаго азѣка въ блѣгарскѣ и аще кто хоще писати. съмотри здѣ ошїе и варїе. и намѣшанїе слóва и пишнї ами: шкѣ шко при пѣоломеа црѣкѣ ѣллинскаго. бѣ по съмотрѣніе бжїе. преведеса Ш еврѣнско писаніе на ѣллинско. Ш прѣвѣннї, прѣжѣ съшѣствїа хѣва. та, лѣ. по съшѣствїе въплѣщенїа гѣ нашего іѣ хѣ. въ напокóне врѣмѣ в лѣтѣ хѣ стѣо при блѣговѣрнѣ црѣкѣ іѣванна аскнѣ. Ш бѣгпосланїнї мжїн. исповѣннї и равнóапльннѣ, кѣрнї, меѣвдїе, климентѣ, наоу, гѣврасдо, аггеларїе. лаврентїе, з чїслашѣ. по съмотрѣніе бжїе. шкѣ, о. при црѣкѣ пѣоломеа: + прѣвѣса Ш прѣвѣннї. Ш грѣска азѣка въ блѣгарскѣ, в лѣтѣ стѣо. и сіа шврѣтѣшѣ словеса протнѣвѣ азѣкоу нашѣм. в с ж ш ц ц ч ѣ ѣ ю ю и сѣмѣ снѣ

Было бы интересно знать, откуда взята эта дата, которая расходуется съ датой Храбра 855 г. Какъ извѣстно, въ краткихъ сербскихъ лѣтописяхъ указывается точно также особая дата 6360 г., но она отодвигаетъ время изобрѣтенія письменъ и перевода свящ. писанія еще далѣе. Дата же настоящей статьи интересна совпаденіемъ съ вычисляемой по источникамъ датой моравской миссіи. Насколько намъ извѣстно, въ другихъ источникахъ этого года не указано.

Далѣе любопытно указаніе числа буквъ, не достающихъ въ греческомъ алфавитѣ, для передачи звуковъ слав. яз. Этотъ перечень у Константина находится въ 6 главѣ см. 399 изданія проф. И. В. Ягича. Въ настоящемъ списокѣ все соотвѣтствующее мѣсто приходится на конецъ статьи. Только подробное сличеніе Хиландарскаго текста съ изданнымъ въ Разсужденіяхъ старины выяснитъ ихъ взаимное отношеніе.

Кстати прибавимъ, что въ настоящемъ сборникѣ есть интересный списокъ сказанія о письменахъ черноризца Храбра. Его заглавіе: *сказаніе како състави сѣмь крѣпкихъ словѣнскихъ писмена противуоу азъбукоу* сближаетъ этотъ списокъ съ бреславльскимъ. Списокъ заслуживаетъ особеннаго вниманія по соединенію въ немъ нѣсколькихъ весьма важныхъ чтеній. Мѣсто, въ которомъ перечисляются буквы алфавита св. Кирилла, читается такъ: *сѣ сѣ сѣ писмена словѣнска. сѣце иѣ побѣкаѣ писати и глашати а, в, в да до а и Ѡ сѣ сѣ четыре междѣ дѣсѣма. побѣна грѣкскѣ писменѣ. сѣ же сѣ. а б в г д е з н ѣ к л м н ѡ о р с т у ф х ѣ ш а четырнадѣсѣ по словѣнскоу азъбукоу и сѣ сѣ. в ж з ц ч ш щ ѣ ы ѣ ю ж ж.* Здѣсь исчисляются буквы, сходныя съ греческими, и затѣмъ буквы, которыхъ соотвѣтствующихъ нѣтъ въ греческомъ алфавитѣ. При этомъ, какъ и въ Бреславльскомъ списокѣ, употреблено выраженіе *четыре междѣ дѣсѣма*. Но сверхъ того въ этомъ списокѣ, какъ и въ списокѣ Московской духовной Академіи, есть замѣчательная вставка: *сѣ бѣ ѣце живы иже сѣ видѣли (и хъ)*, въ оригиналѣ послѣдняго слова нѣтъ. При перечисленіи государей современныхъ изобрѣтенію письменъ названо имя *растица моравска*.

Такимъ образомъ настоящій списокъ даетъ указаніе на извѣстность доселѣ стоявшей одиноко прибавки о близости Храбра къ святымъ Кириллу и Меѳодію, а въ то же время заключаетъ и важную особенность языка текста, какъ отмѣченное выше обозначеніе 24. Если принять во вниманіе еще во всякомъ случаѣ старую форму Растаца, югослав.

характеръ которой вполне убѣдительно установленъ въ статьѣ Б. М. Ляпунова, то выяснится весь интересъ, представляемый настоящимъ спискомъ сказанья о письменахъ.

Мы постараемся въ виду всего этого снять полную копію Хиландарскаго списка, а настоящей замѣткой, являющейся нѣкоторымъ дополненіемъ къ одному изъ обширнѣйшихъ трудовъ И. В. Ягича Разсужденіямъ старины о церковно-славянскомъ языкѣ, рады засвидѣтельствовать глубокое почтеніе къ чествуемому нынѣ знаменитому юбиляру, трудами котораго оказаны такія выдающіяся услуги изученію славяновѣдѣнія.

4 Іюня 1907 г.

Еще разъ разсмотрѣвъ хиландарскую рукопись, мы должны прибавить, что съ л. 225 по 246 въ ней находится списокъ Словесъ впрятцѣ, весьма близкій къ изданному И. В. Ягичемъ. На л. 246 начинается лишняя статья, выше нами напечатанная, вслѣдъ за которой идетъ алфавитъ, сопровождаемый фразами на каждую букву, близкій къ напечатанному по Берлинскому сборнику В. С. Караджичемъ въ Примѣри српско-славенскога језика стр. 8—9. Затѣмъ съ л. 248 слѣдуетъ Сказаніе о письменахъ.

Что касается даты, то всего ближе къ указанному въ нашей статьѣ году будетъ 863 г. въ одномъ русскомъ спискѣ Пчелы см. стр. 137 сочиненія Бодянскаго о происхожденіи славянскихъ письменъ.

22 Октября 1907.

П. А. Лавровъ.

Zur slavischen Wortkunde.

1. *Napъ* 'mercenarius'.

Das kirchenslavische *napъ* 'mercenarius' ist meines Wissens nicht etymologisch erklärt worden. Es ist das althochdeutsche *chnappo*, jetzt *Knappe*. Da das Slavische kein anlautendes *chn* kennt, so wurde *chn* nur durch *n* substituiert. Außerdem kommt in derselben Bedeutung *напъты*, *напты* in *Житіе Нифонта* zweimal vor (Sreznevskij, *Слов. др.-русск. яз.*), wozu Nom. sg. wahrscheinlich *напътъ* (**napътъ*?) und nicht *напъта*, wie bei Sreznevskij, anzusetzen ist. Dieses **napътъ* ist irgendeine auf althochdeutschem Boden entstandene Weiterbildung zu *chnappo*, ebenso wie *Knecht* eine mit *t*-Suffix erweiterte zu derselben Sippe gehörende Bildung ist. Außer *napъ* und *напъты* existiert noch *напъда*, *nabda* 'merces'. Auch dieses enthält kaum das slav. Suffix *-da*.

2. Slov. *lava* 'sumpfige Stelle neben einem Flusse'.

Pleteršnik hat in seinem slovenischen Wörterbuch *lava* 'tiefe, sumpfige Stelle neben einem Flusse oder in einem vertrockneten Flußbette' aus Steiermark angeführt. Diesem Wort sind schon zwei etymologische Erklärungen zuteil geworden. Torbiörnsson *Slav. Liquidametathese I*, 69 verbindet es mit lat. *alveus*. Lidén *Blandade språkhist. bidrag* (Göteborgs Högskolas Årsskrift 1904, I) S. 32 f. dagegen stellt es zusammen mit lat. *ulua* (aus **olua*) 'Sumpfgas, Schilfgras'. Entlehnung aus einem romanischen Ableger von lat. *ulua* hält Lidén für unwahrscheinlich. Beide, Torbiörnsson und Lidén, gehen also von einer Urform **olvā* aus. In der Tat haben beide unrecht, denn slov. *lava* in oben angeführter Bedeutung ist ein deutsches Lehnwort. Die nächste Quelle ist kärntnisches *laue* 'kleine Lache, wie sie sich namentlich an den Ufern eines Baches oder Flusses bildet'. Weiteres von derselben Sippe findet man in Grimms *Deutschem Wörterbuch* sub voce *Loh* f., so: *lau* 'palus, labina', *laug* 'sumpfige Bodenstelle'. Besonders ist bayr. *löh* oder *löhen*, *lögen* (*lou*) 'nasse sumpfige Stelle im Boden; Sumpf-

wiese' zu merken. Schmeller in seinem bayrischen Wörterbuch I, 1466 f. fügt noch hinzu: 'Die ganze Gegend um den ehemaligen, jetzt zum Torfmoor gewordenen Fichtelsee besteht aus *Lóhen*, den nie versiegenden Quellen der Flüsse, die von diesem Punkt aus nach allen Weltgegenden herabströmen.' Hier paßt sowohl Form als Bedeutung gut mit kärntn. *laue* und sloven. *lava* zusammen. Zugrunde liegt idg. *louko-*, *loukā*, das im Germanischen **lauhō* gegeben und sich in ahd. *lōh*, ags. *leah*, aisl. *ló* (besonders in Ortsnamen) und zwar in der Bedeutung 'niedriges, feuchtes Land' widerspiegelt. So wird *lo* im Norwegischen gerade von niedrig liegenden Wiesenstücken, die sich längs der Wasserkante strecken, gebraucht. Einige deutsche Formen und auch die ags. Dativform *leage* (zu N. sgl. *leah* 'Wiese') könnten auf grammatischem Wechsel beruhen.

3. *Lěto* 'Sommer'.

Nach der landläufigen Etymologie soll *lěto* mit lit. *lytus*, *lētus*, lett. *leetus* 'Regen' zusammenhängen und somit ursprünglich 'Regenzeit' bedeutet haben. Da nun in den indogermanischen Sprachen Europas der Sommer entweder 'die warme Zeit' oder mit demselben Namen wie der Frühling, nirgends aber, nicht einmal im Gebiete des reichlichsten Sommerregens, 'Regenzeit', wie *varšā* bei den Indern, genannt wird, so wäre eine solche Benennung des Sommers im Slavischen recht auffallend. Aber auch von lautlicher Seite ist diese Etymologie nicht einwandfrei. Man würde nämlich, wenn *lěto* mit *lētus* zusammengehörte, im Slavischen nicht *lěto*, sondern **lito* erwarten, ganz wie im Slavischen *sito* gegenüber lit. *sėtas* steht. Dem lit. *lētus* und *sėtas* liegen nämlich beiden gleichartige zweisilbige Basen zugrunde und *lěto* und *sito* sind ihrer Suffixbildung nach ganz auf einer Reihe. Dagegen kann slav. *lěto* sehr gut mit folgendem schwedischen Worte zusammengestellt werden. Im Altgutnischen heißt *lapigs* 'im Frühling'. Für die Länge des *a* sprechen die neuschwed. Dialektformen *lädning*, *läing*, *läig* 'Frühling', *i lädigs* 'im vorigen Frühjahr' (Rietz, Sv. dialektlexikon 387*). Trennen wir das Suffix ab, so kommen wir auf urgerm. *lēþ-* zurück, das vortrefflich mit slav. *lěto* stimmt. Wenn das aus diesen gewonnene uridg. *lěto-* zu einer ursprünglich zweisilbigen Basis (*lejet-*) gehört, so könnte ags. *lifa* 'Juni — Juli', das von ags. *līþe* 'mild, sanft' nicht getrennt werden kann, damit verwandt sein. Die Reduktionsstufe zu derselben Basis bildet altir. *lath* 'Tag' (aus *lati-*). Zur Bedeutungsentwicklung vergleiche man got. *dags*, d. *Tag* und preuß. *dagis* 'Sommer' zu idg. *dhegh* 'brennen'.

4. *Jedlb* 'Tanne'.

Urslav. *jedlb*, das sich aus čech., poln. *jedl*, russ. ель 'Tanne' ergibt, ist meines Wissens noch nicht mit dem entsprechenden Baumnamen im Keltischen verglichen worden. Nach Stokes in Kuhn-Schleichers Beiträgen V, 445 findet sich im Altir. *aidlen*, das mit 'abies' glossiert wird, und ihm entspricht im Bretonischen *aedlen* oder *édlen* 'sapin'. Das keltische Wort weist auf eine Form mit anlautendem *a* hin, so daß von idg. *adli-* auszugehen ist. Der slav. Anlaut *je* ist also hier aus *jo* entstanden, ganz wie in *jesenb* und *jelbcha*, denn für diese Ablautsformen mit *e* anzusetzen ist nur ein Notbehelf. Man mag sich nicht auf entsprechende litauische mit *e* anlautende Formen berufen, denn im Litauischen und Lettischen kommt vielfach durch palatale Vokale bewirkte Umlauterscheinung von *a* zu *e* vor.

5. Poln. *duńczyk* 'Däne', *duński* 'dänisch'.

'Dänemark' heißt polnisch *Danya*, aber 'Däne' und 'dänisch' heißen *duńczyk* und *duński*. Woher dieser Unterschied im Vokalismus der ersten Silbe? *Danya* ist eine neuere Form und zwar der lateinische Name Dänemarks, *duński* dagegen eine alte Form, deren *u* sicher aus *ó* entstanden, weshalb vom etymologischen Standpunkte aus *dónski* zu schreiben wäre. Der letztgenannten Form muß ein **dón* zugrunde gelegen haben. Die entsprechenden Formen sind aus dem Altrussischen belegt. ДОНЬ 'Dänemark' hat schon Kunik in Bulletin hist.-phil. de l'Acad. VII, 279 f. aus der ersten Novgorodschen Chronik zweimal (unter Jahren 1130 und 1134) und das dazu gebildete Adjektiv (въ доньскую землю unter Jahr 1302) einmal nachgewiesen. Донь weist wieder auf germ. *dani-*, aisl. *danir* 'Dänen', zurück.

6. Ab. *žrěbbъ*, *žrěbij* 'sors'.

Miklosich sagt von diesem Wort und seinen Entsprechungen in anderen slavischen Sprachen unter dem Artikel *žerbü*: »Man vergleiche preuß. *girbin* sing. acc. zahl.« Will man aber nach einem verwandten Wort im Germanischen suchen, so liegt der Vergleich mit d. *Kerb* nah an der Hand. D. *Kerbe* 'Einschnitt' (weiter im *Kerbholz*, *-stock* und auch ins Polnische und Čechische entlehnt: *karb*) kommt bekanntlich vom germ. Verb, das 'ritzen, einschneiden' bedeutet: d. *kerben*, ags. *ceorfan* usw. In diesem germanischen, slavischen und wahrscheinlich daraus geliehenen preußischen Worte, dem idg. Basis *gerbh-* zugrunde liegt, haben wir den Bedeutungswandel von 'Einschnitt' zu 'Loos' und

'Zahl'. Die aus d. *Kerb* mahnende ursprüngliche Bedeutung kommt noch in russ. жеребей zum Vorschein. So erklärt Dal dieses Wort zuerst mit »кусочекъ, отрубочекъ, отрѣзокъ, частица крошеного, рубленого; иверень, отломокъ,« und aus dem XVI. Jahrh. führt Sreznevskij in seinem altruss. Wörterbuch: Рѣзаны кости жеребьемъ, wo das letztgenannte Wort 'ein geschnittenes Muster' bedeutet.

Ein Pendant haben wir im südslavischen *broj* 'numerus'. Es steht nämlich im Ablautsverhältnis zu *briti* 'rasieren', ursprünglich 'schneiden', vgl. *bridokъ* 'schneidig, scharf': slov. *bridek*, čech. *brídový* 'scharf'. Die Basis ist ursprünglich zweisilbig (*bherej*) und so gehört dazu lit. *burisù* 'wahrsagen, zaubern', *birtas* 'Loos'. Die ursprüngliche Bedeutung 'Kerbe' finden wir aber im Lettischen: *burtas-kohks* 'Kerbstock', *burta* 'Verzeichnis'. Die Bedeutung 'Einschnitt' steckt auch in ar. *brts* 'alveus apium', neuruss. борть, čech. *brť*, poln. *barć*, vgl. r. пасѣка 'Bienenstock' von сѣчь 'hauen'.

Helsingfors.

Joos. J. Mikkola.

O wpływie języka łacińskiego na polski.

W rozwoju języka polskiego uwydatniły się w wiekach średnich silne na niego wpływy przedewszystkim języków sąsiednich: niemieckiego i czeskiego, oraz łaciny. Rozmiary tych wpływów i ich skutki były niejednakowe.

Wpływ języka niemieckiego dotyczy wyłącznie dziedziny leksykalnej czyli słowozbioru: język polski przyswoił sobie mnóstwo wyrazów niemieckich wskutek stosunków, jakie wynikały z osadnictwa niemieckiego w Polsce od wieku XII-go, jako też wskutek stałego sąsiedztwa geograficznego z Niemcami.

Wpływy ze strony czeskiej odnoszą się również do samego tylko słowozbioru polskiego. Z przyjęciem przez Polaków chrześcijaństwa w wieku X-ym przybywały nowe pojęcia oderwane, religijne i etyczne, a z nimi nowe wyrazy, służące do ich oznaczania. Wyrazy te przejęliśmy od Czechów; do języka zaś czeskiego dostały się one z Rzymu za pośrednictwem starogórnoniemczyzny.

Silniejszy od czeskiego wpływ na mowę polską wywarł język łaciński. Złożyły się na to dwie głównie okoliczności. Naprzód znaczenie uprzywilejowane języka łacińskiego w rozwoju kultury europejskiej, i powtórne znaczny okres czasu, w ciągu którego wpływ ten oddziaływał na życie umysłowe społeczeństwa polskiego. Łacina była językiem kościoła, językiem prawodawstwa, sądu, sejmu i szkoły, językiem książkowym i naukowym, językiem wyłącznym uczonych. Tak było w całej Europie zachodniej, tak było i w Polsce. Łacina oddziaływała na nasz język stale w ciągu wieków średnich do wieku XII-go przez chrześcijaństwo i instytucje kościelne; silniejszy jeszcze był jej wpływ w okresie humanizmu od końca wieku XV-go przez wiek XVI-ty aż do połowy w. XVII-go. Pierwsze utwory piśmiennictwa polskiego w końcu wieku XIII-go i na początku XIV-go powstały pod bezpośrednim wpływem wzorów łacińskich; są to przekłady pisma ś-go, kazania kościelne i zabytki języka prawnego i sądowego. Pisano

je po polsku, wzorowano się jednak na tekstach łacińskich, łamiąc się z trudnościami przy oddawaniu pojęć nowych odpowiednimi wyrazami polskimi. Z konieczności przeto do języka tych pierwszych utworów piśmiennictwa polskiego wciskać się musiały wyrazy łacińskie i niejedno wyrażenie wprost na wzór łacińskiego utworzone. Przykłady takich latynizmów są dosyć częste nie tylko w najstarszych zabytkach piśmiennictwa wieku XIV i XV-go, ale i w okresie złotego wieku literatury polskiej, a nawet i później. Są one trojakiemu rodzaju: 1. czysto wyrazowe czyli leksykalne, polegające na wcielaniu wyrazów łacińskich do tekstu polskiego; 2. słowotwórcze, tj. dotyczące formy wyrazów o przyrostkach pochodzenia łacińskiego, i 3. składniowe czyli syntaktyczne, odnoszące się do pewnych wyrażen i zwrotów, w których konstrukcję łacińską zbyt dosłownie, nieraz wprost niewolniczo wprowadzano do wystąpienia polskiego.

1. W dziedzinie słowozbioru czyli leksykalnej język polski przyswoił sobie mnóstwo wyrazów łacińskich (bądź rodzimych, bądź wziętych z greckiego), podobnie jak i sąsiednie Niemcy i inne narody germańskie, wyrazów, jako nazw rzeczy i pojęć oderwanych, z zakresu życia prywatnego i politycznego, przedtym nieznanych, a przejętych pod bezpośrednim wpływem cywilizacji romańskiej. Nabytki te, znane powszechnie, są istotnym wzbogaceniem każdego języka; zrosły się one zupełnie z myślą i mową narodu, który przez szereg stuleci rozwoju kulturalnego stale się niemi posługiwał.

2. Wpływ łaciny w zakresie słowotwórstwa (słoworodu) odbił się na niektórych formach przymiotników i rzeczowników, utworzonych bądź to w zależności od formy i brzmienia przyrostków łacińskich, bądź też wprost za pomocą przyrostka łacińskiego. Do kategorii pierwszej należą pewne przymiotniki, pochodzące od nazw geograficznych cudzoziemskich, jak: bizantyński, konstantynopoliński, florentyński, pompejański, afrykański, w staropols. indjański i t. p. Postaci tych przymiotników nie zostały utworzone drogą zwykłą od osnów rzeczownikowych, lecz wprowadzone do polskiego wskutek tłumaczenia bezpośredniego przymiotników łacińskich (byzantinus, florentinus, pompeianus, africanus . . .) o przyrostkach *-inus*, *-anus*; formy właściwie polskie są: bizantyjski, konstantynopolski, florencki, podobnie jak w staropolskim używane: afrycki, amerykański. Na wzór też łaciński stworzono w wieku XVI-ym formę atenjeński (atheniensis); postać ta jednak, jako też i druga atenijski (Solon atenjeński filozof; atenijska pani, Rej) ustąpiły prostszej atenijski, opartej na osnowie rzeczownikowej.

Wszakże wzór łacińskich przymiotników na *-ensis* sprawił, że od wieków używamy formy przymiotnika gnieźnienski zamiast gniezienski, od Gniezno, dzięki tylko formie łacińskiej *gnesnensis*, którą wyłącznie się posługiwano w okresie przewagi łaciny kościelnej w Polsce. Nazwy prawidłowej gniezienski użył dopiero prof. Nehring w nagłówku zabytku starej polszczyzny »Kazania gniezienskie«, przez siebie wydanego w r. 1896 w Krakowie. Obok tego przymiotnika mamy szereg innych, podobnych mu, z okresu późniejszego, jak: grodzienski, kowienski, wileński, od nazw Grodno, Kowno, Wilno . . ., które nie są już przekładem form łacińskich na *-ensis*, lecz powstały drogą zwykłą od osnów tych imion za pomocą przyrostka *-ski*: grodz-e-ń-ski, ko-wi-e-ń-ski, wil-e-ń-ski . . .

Drugą kategorię wyrazów z piętnem łacińskim stanowią rzeczowniki, utworzone od osnów rodzimych za pomocą przyrostka łacińskiego *-us*, tj. liz-us, sług-us, oberw-us, obdart-us, pij-us, nag-us, łg-us, wis-us, der-us, zdzier-us (zdzierca), łajd-us (łagodniejsze niż łajdak), dwor-us, dzik-us, garb-us, wiar-us, cał-us; po części też: rapt-us, nyg-us i andr-us (z gwary złodziejskiej). Wyrazy te powstały w języku w nowszych czasach; wszystkie, z wyjątkiem cał-us, są nazwami osób i używają się w znaczeniu ironicznym lub pogardliwym, oprócz rzeczownika wiarus, do którego przywiązane jest znaczenie dodatne: stary, dzielny żołnierz.

3. Inaczej przedstawia się wpływ łaciny na język polski w zakresie składni. Wpływ ten był istotnie dosyć znaczny w pierwszych wiekach rozwijania się piśmiennictwa polskiego; granicę jednak jego nie były zbyt rozległe, jak nieraz głośiły twierdzenia gołosłowne; nie był on ani tak trwały, ani tak dalece silny, ażeby mógł zasadniczo zmienić w pewnym zakresie właściwości przyrodzone mowy polskiej. Miał znaczenie przemijające i dotyczył kilku zaledwie zwrotów właściwych składni łacińskiej, które tłumacze tekstów łacińskich w wieku XIV i XV-ym przenosili do przekładów polskich; za nimi zaś poszli i inni pisarze.

Najbardziej rozpowszechniony w rękopisach i drukach staropolskich był zwrot skrócony, polegający na użyciu biernika z bezokolicznikiem (accusat. c. infinitivo), zamiast osobnego zdania pobocznego (ze spónikiem *że*), zwrot, niezgodny z naturą polszczyzny i innych języków słowiańskich. Spotykamy się z nim w zabytkach w. XV-go i późniejszych; np. w wyrażeniach: Przerzeczonego Idzika skazaliśmy być ku przysiędze dopuszczonego, Świąt. z. Wociesz. r. 1449; kiedy uźrzysz tego cierpieć, tedy twoję duszę miecz boleści przejdzie, Opec 1522; Powiadała być dobre pijaństwo, Sąd Parysa 1542; Wyznam go być boga mego,

J. Kochan.; A tak odwołali sądy do Kalisza, gdzie się spodziewali biskupa samego przybyć, M. Biels. i t. p.

Używano także na wzór łaciny zwrotu, złożonego z podwójnego biernika; posiadają go już najstarsze zabytki języka; np. Zbawiona mię uczyni, boże mój, Psal. flor. (*salvum me fac*); Pan bóg, któryż cię dostojnego uczynił bojaźni, Żyw. Eufr. r. 1524; Powstań Panie, zbawionego mię uczyni, Psal. r. 1532; Bóg nawyszy mnie krolewica objawił, Sąd Parysa (*me regem declaravit*), i t. p.

Probowano prócz tego i wyrażen, zawierających podwójny mianownik; jak np. aby ona rada, którąś ty umyślił, nie była należona nienżyteczna, Żyw. Eufr. (*ut non illud consilium . . . inveniatur infructuosum*); Wspomniał, że są ciało i duch niewrócony, J. Kochan.; lub zwrotów, polegających na użyciu bezokolicznika z mianownikiem, np. Te gwiazdy zdadzą się tam być rozsadzone, J. Kochan., Zdali się sobie obadwa już być gotowi, J. Kochan., i t. p. Wnowszej polszczyźnie pozostałością po tego rodzaju zwrotach łacińskich jest wyrażenie po słowie *zdaje się*, złożone z bezokolicznika i mianownika, albo też z bezokolicznika i narzędnika, lub wreszcie z samego bezokolicznika; np. skutek zdaje się być wątpliwy (zamiast: zdaje się że jest wątpliwy, albo: że będzie wątpliwy); Jan zdaje się być smutnym (zam. Jan, zdaje się, smutny); Zdaje się o tym wcale nie wiedzieć (zam. zdaje się, że o tym wcale nie wie, lub: zdaje się, wcale o tym nie wie) itp.

Pod wpływem wzorów łacińskich pisarze tekstów staropolskich począwszy od wieku XIV-go przy łączeniu dwu zdań, względnego z głównym, najczęściej opuszczali w zdaniu głównym zaimek wskazujący *ten, taki . . .* przed następnym zdaniem względnym, zaczynającym się od zaimka względnego *jen, jenże, który, kto . . .* albo od przysłówka *gdzie*; np. A w myślach twoich nie jest, ktoby był równiennik tobie, Psal. flor. 39 (*non est, qui similis sit tibi*); Zamątek blizu jest, a nie jest, jenżeby pomógł, Ps. fl. 21 (*non est, qui adiuvet*); Toć ubogi królewic był, iże nie miał, gdzieby swoją głowę podkłonił, Kaz. śwkrz. (*non habet, ubi caput suum reclinet*); Najdą się krom wątpienia, którym ku twej ozdobie wymowy dostanie, J. Kochan., itp.

Innym wynikiem wpływu języka łacińskiego na składnię staropolską jest opuszczanie przeczenia *nie* przy łączeniu dwóch zdań przeczących za pomocą spójnika *ani*. Zarówno pisarze tekstów najstarszych jak i późniejsi nie powtarzają przeczenia nie przed orzeczeniem drugiego zdania przeczącego równorzędnego; np. Zapowiadamy, aby dziewczki w dziedzinach, co puścizna rzeczony, nie wstępowały, ani namiestniczkami były, Święt. z Woć; Owoca z drzewa przykazał nam bog, abychem

nie jedli, ani się jego dotykali, Bib. szar.; Jako to świadcę, iże Mikołaj nie szedł gwałtem ze dwiema paniczoma a dwiema podlejszyma w dom do Domienika, ani miecza dobył, ani zabić chciał. Rota Ks. kościań. r. 1424; Wzgardzili przymierzem pańskim, ani praw postuszni byli, J. Kochan.; Nie się na żadnego stanu człowieka nie oglądasz, ani o to dbasz, jako kto przyjmie, Orzech. i t. p. Jest to oczywiście naśladowanie wyrażen łacińskich, zaczynających się od spójnika *neque*. W nowszej polszczyźnie tego rodzaju sposób łączenia nie jest w użyciu: spójnik łączący *ani* przed drugim zdaniem przeczącym ma tylko znaczenie spójnika i wzmocnione, po którym właściwe przeczenie *nie* wyrażone być winno (np. Ani osobiście nie przybył, ani odpowiedzi nie przysłał).

Pod wpływem składni łacińskiej przekształceniu także uległy pewne wyrażenia polskie, właściwe staropolszczyźnie i innym językom słowiańskim, polegające na użyciu narzędnika osoby działającej. W dawnym języku polskim przy słowach o formie biernej wyrażano narzędnikiem imię osoby działającej, podobnie jak dodziś wyrażamy nazwę wszelkiego narzędzia, którym się czynność wykonywa. W najstarszych zabytkach mamy wyrażenia takie, jak: Ta ista słowa zmwionia oćcem świętym, jemuż biesze imię Symeon, Kaz. śwkrz.; Pismo tego krolewica dziewicą porodzonego nazywa krolew ludu żydowskiego, Kaz. śwkrz., Bogiem sławiona Maryja, Pś. Bogar.; Zdrowa bądź gospodze angiołem zawitana, gospodze, ogarniona duchem świętym, Mod. Nawoj.; Przeto ja jeśm posłana bogiem ty rzeczy zwiastować tobie, Bibl. szar., Tako nam był otworzył duchem świętym oczy na przyszły upadek nasz, Orzech.; Cesarz, obrażony Sobiesławem, synem Sobiesławowym, a bratem stryjecznym Władysławowym . . . stolicę osadził, Błażow. r. 1611 i t. p. Właściwość ta sięga jeszcze epoki prasłowiańskiej, a w języku starosłowiańskim mamy również przykłady podobne, jak: iskušajemъ sotonoją; nareče sę přeprostryj vŕsejā bratijā, Supr. (dictus est simplex ab omnibus fratribus) i t. p. Otóż użycie tego rodzaju narzędnika w nowszej polszczyźnie nie utrzymało się; bardzo wczesnie bowiem, bo już od początku piśmiennictwa narzędnik w tych wyrażeniach stopniowo ustępuje miejsca wyrażeniom z przyimkiem *od* lub z przyim. *przez* na podobieństwo łacińskich: *a v. ab aliquo, per aliquem*. W ciągu kilku wieków pospolite jest tu użycie *od* z dopełniaczem (np. Złodziejstwo jest tak srogo od nas skarano, Orzech. Quinc.; Rozmowy Sokratyczne przetłumaczone od J. P. Zabłockiego, Warszawa 1775, i t. p.), ale i ono w końcu ustało; natomiast weszło w użycie wyrażenie z przyimkiem *przez*, które w polszczyźnie wieku XIX-go w tych razach wyłącznie się ustaliło.

Pomijając przykłady pojedynczych zastosowań rzędu niektórych wyrazów na sposób łaciński, spotykane w tekstach staropolskich, pomijając również pewien wpływ zewnętrznej formy okresów łacińskich na tok wysłowienia dawnych prozaików naszych, musimy wkońcu choć krótką uwagą dotknąć t. zw. makaronizmów w języku polskim.

Zwykle w życiu umysłowym Polski całe stulecie, od połowy wieku XVII do połowy XVIII-go uważa się za okres upadku piśmiennictwa, zepsucia smaku w dziedzinie poezji i krasomówstwa. Historia też stwierdza w okresie tym i niezwykle zaniedbanie języka pod względem formy i jednocześnie towarzyszącą mu dążność wśród piszących do rzekomego przyozdabiania wysłowienia polskiego barbaryzmami. Przy zaniku poczucia dobrego smaku stało się niemal prawidłem obowiązującym używanie w mowie i piśmie wyrazów łacińskich naprzemian z ojczystemi. Szczególnie zaś tej modzie makaronicznej hołdowali napuszeni krasomówcy, panegiryci i rymotwórcy *minorum gentium*. Przeszła ona jednak nad językiem i minęła bezpowrotnie, jak lekka epidemia, choroba nagminna, nie sięgnąwszy głębi jego ustroju, nie zrządziwszy w jego rodzimej budowie żadnej szkody poważnej; nie była też przeszkodą silną do dalszego rozwoju i tego wydoskonalenia, do jakiego język polski doszedł pod piórem wielkich poetów i prozaików wieku XIX-go.

Warszawa, w czerwcu 1907.

Adam Ant. Kryński.

Über die Sprache der ältesten moldauischen Urkunden.

Es sind beinahe achtzig Jahre verflossen, seitdem J. Venelin in der Vorrede seiner ›Влахоболгарскія или дакославянскія граматы‹ (St.-Petersburg 1840; die Vorrede wurde 1832 geschrieben) die Meinung ausgesprochen hat, daß die Sprache der alten moldauischen Urkunden russisch sei; nur hat er diese Sprache nicht ganz richtig ›süd-russisch‹ (южно-русское нарѣчје) genannt. Seitdem wurde dieses auch von rumänischen Gelehrten, Historikern und Philologen, die moldauische Urkunden herausgegeben haben, stillschweigend anerkannt, obgleich die meisten unter ihnen die Sprache dieser Urkunden schlechtweg slavisch ›slavică, slavă‹ genannt haben; siehe Melchisedek, *Chronica Huşilor, Bucuresci* 1869, Anhang, S. 2—3; Hasden, *Archiva istorică a României, Bucuresci* 1865, Vorrede, und desselben Abhandlung ›Negru-Vodă‹ (als Einleitung zum IV. Bde des ›Etymologicum Magnum Romaniae‹ gedruckt), *Bucuresci* 1898, S. XCVI. Die fremden Gelehrten, zumeist Slavisten, die gelegentlich moldauische Urkunden zu ihren Untersuchungen benutzt oder herausgegeben haben, haben daran nie gezweifelt. So Emil Kałużniacki, der im VII. Bande der *Akta grodzkie i ziemskie, Lwów* 1878, einige moldauische und walachische Urkunden des Lemberger Stadtarchivs herausgab, erkennt, S. 7 Anm. 25, daß bis zur Mitte des XVI. Jahrh. die Urkunden der moldauisch-fürstlichen Kanzlei, ›wie allgemein bekannt‹, russisch verfaßt seien. Derselben Meinung ist auch Prof. C. Jireček. In der Besprechung meiner Ausgabe der alten moldauischen Chroniken (*Arch. f. slav. Phil.* Bd. XV, S. 81 ff.) behauptet er, daß die Sprache der moldauischen Urkunden ›meist entschieden russischen Typus‹ habe, ja diejenigen die E. Kałużniacki in *Hurmuzakis Documente* Bd. I, 2 (1890) veröffentlicht hat und meist die Beziehungen zu Polen betreffen, ›von ganz russischer Art‹ seien¹⁾.

1) Es sind dieselben, die 1887 V. A. Uljanickij, mit geringerer Genauigkeit und mit teilweiser Vernachlässigung der ursprünglichen Orthographie, in ›Матеріалы для исторіи взаимныхъ отношеній Россіи, Польши usw. въ XIV—XV вв.‹ herausgegeben hat: Auszug aus den Чтенія имп. общества ист. и древ. рос. при московскомъ университетѣ.

Derselben Überzeugung hat auch der Unterzeichnete in verschiedenen Abhandlungen und in seinen Vorlesungen über ältere rumänische Diplomatie, die er seit 1894 mehrmals an der Bukarester Universität gehalten hat, Ausdruck gegeben.

Wenn aber über den allgemeinen Charakter dieser diplomatischen Sprache, die seit dem XVIII. Jahrh. bei den Rumänen nicht mehr im Gebrauche ist, keine Meinungsverschiedenheit bestehen kann, ist ihre nähere Charakterisierung nur durch ein eingehendes Studium aller Bestandteile, die sich in diese Sprache eingeschlichen haben, möglich. Es ist das Verdienst A. J. Sobolevskijs, dieses Studium eingeleitet zu haben, zuerst in den *Очерки изъ исторіи русскаго языка, Кіевъ 1884*, S. 59—64, wo er sich mit der Sprache der galizisch-volhynischen Urkunden befaßt, dann in den *Лекціи по исторіи русскаго языка, I. Ausg. Кіевъ 1888, II. Ausg. С.-Петербургъ 1891*, wo er auch auf moldauische Urkunden Bezug nimmt, allerdings nur nach der Ausgabe Uljanickijs. Sobolevskij behauptet S. 16, daß die Sprache dieser Urkunden im Grunde weiß- oder westrussisch (бѣлорусскій, западнорусскій) sei, aber eine ziemlich starke Mischung mit südrussischen Elementen (съ южно-русскою примѣсью) aufweise, und beweist das gelegentlich der Beschreibung aller phonetischen und morphologischen Eigentümlichkeiten der weiß- und südrussischen Dialekte in ihrer historischen Entwicklung. Das hat einen jungen rumänischen Slavisten, Herrn Ilie Bărbulescu, nicht gehindert, die Behauptung aufzustellen, daß »die Sprache und die Orthographie der moldauisch-slavischen Texte bulgaro-slavisch seien, kombiniert mit Serbo-slavischem und Russisch-slavischem«: *Cercetări istorico-filologice, București 1900*, S. 67. Ebenda S. 59 wird gesagt, daß die slavische »lebende Sprache« in der Moldau »ein dreifaches literarisches Konglomerat (»compromis«) aus dem Bulgaro-serbischen als Fundament und mit Einschaltungen russischer Elemente« sei. Die Russismen der moldauischen inneren Urkunden sind für ihn »anorganische, hie und da auftauchende Elemente«, während diejenigen Urkunden, die die Beziehungen des Fürstentums Moldau zu Polen betreffen, in einer »russisch-polnischen« Sprache verfaßt seien und eine »russische Orthographie besitzen« (S. 60): diese Sprache und diese Orthographie wurden von den moldauischen Herrschern als eine »Kondeszendenz Polen gegenüber« aufgefaßt und in ihre Kanzlei eingeführt (S. 63). »Die diplomatisch-politische Sprache war, dem polnischen Königreiche gegenüber, neben der polnischen auch die kleinrussisch-slavische« (S. 64). Um dieser heillosen Begriffsverwirrung, die einen gänzlichen Mangel an historischem Sinn beweist, ein Ende zu machen, sind diese Zeilen

geschrieben. Der Charakter der betreffenden Sprache wurde von Sobolevskij ganz richtig erkannt; die Aufgabe weiterer Forschung ist es ihn näher zu bestimmen. Seit 1887 ist viel neues Material hinzugekommen; in den Staatsarchiven des Königreichs Rumänien, in Privatarchiven und in der Bibliothek der rumänischen Akademie befinden sich ganze Schätze urkundlichen Materials, die sprachlich noch gar nicht verwertet wurden. Ich werde hier nur kurz und zusammenfassend die Resultate meiner Auslese geben, da ich anderswo diesen Gegenstand vollständiger behandeln werde.

Man kann das ganze urkundliche Material der moldauischen Kanzlei in zwei Teile sondern: a) innere Urkunden, meistens fürstliche Schenkungen an Bojaren (жалованія) und Klöster (данія) und Bestätigungen aller Art Abmachungen unter den Bojaren und deren Nachkömmlingen, betreffend den ländlichen Grundbesitz¹⁾; b) äußere Urkunden, meistens Huldigungsakten und Allianzverträge mit den polnischen und ungarischen Königen und mit den litauischen Fürsten, Privilegien an polnische und siebenbürgische Kaufleute (z. B. an die Lemberger und Kronstädter), politische und Handels-Korrespondenzen, Missiven usw.²⁾.

Diese Urkunden sind in russischer Sprache verfaßt, denn man kann eine Sprache, die in phonetischer und morphologischer Hinsicht alle Eigentümlichkeiten besitzt, die den russischen Dialekten (groß-

1) Am besten sind Urkunden solcher Art von Hasdeu, *Archiva istorică a României*, 4 Bde (Bucureşti 1865—67) herausgegeben; einige auch in Hurmuzakis *Documente*, Bd. I, 2 (1890) und Bd. II, 2 (1891) von E. Kałuźniacki. Weniger brauchbar sind Golovackijs *Грамоты угровлахійскія и молдавскія in der Лѣтопись занятій археогр. комисіи*, IV (1868); Melchisedeks *Chronica Huşilor* (1869) und *Chronica Romanului*, 2 Bde (Bucureşti 1874—75); Ghibănescus »Uricariul« Bd. XIV (1889) und XVIII (1892): die früheren Bände dieser großen aber unkritischen Sammlung wurden von Th. Codrescu besorgt; desselben »Surete şi izvoade« und »Ispisoace şi zapise« (bis jetzt je ein Band, Jaşi 1906); Orest Popesculs »Câteva documente moldovene« (Cernăuţi 1895) und andere kleinere Sammlungen. Die Zeitschriften zitiere ich nicht.

2) Außer in den bereits erwähnten Ausgaben Hasdeus, Uljanickijs und Kałuźniackis, befinden sich solche Urkunden in meinen »Cinci documente slavoromâne din archiva curţii imperiale dela Viena«, Bucureşti 1889 (Huldigungsakte der moldauischen Herrscher an Joh. Hunyadi); »Documente moldoveneşti din sec. XV şi XVI în arhivul Braşovului«, Bucureşti 1905 (Handelsprivilegien und politische Korrespondenzen mit den Bürgern von Kronstadt in Siebenbürgen, Briefe einiger Bojaren und Stadtbehörden); »Contribuţii la istoria Moldovei între anii 1448—1458«, Bucureşti 1907 (Verträge moldauischer Herrscher mit Mitgliedern der Familie Buczacki aus Galizien) und bei St. Nicolaescu, »Documente slavoromâne«, Bucureşti 1905, S. 86—165 (Kronstädter Urkunden) und S. 167—206 (Bistritzer Urkunden): über dieses Machwerk siehe meine Kritik in den »Analele Academiei Române« für das Jahr 1906/07. — Einige Verträge mit den litauischen Fürsten sind in *Акты западной Россіи*, Bd. I, gedruckt: für Sprachstudien unbrauchbar.

klein- und weißrussisch) gemeinsam sind, wohl nicht anders als russisch nennen. Der einzige Unterschied, der zwischen inneren und äußeren Urkunden besteht, ist, daß die letzteren viele polnische Elemente aufweisen, die sich teilweise durch ihren Inhalt, teilweise durch den Einfluß der polnischen Bevollmächtigten auf ihre Abfassung erklären. Manche wurden sogar auf polnischem Gebiet, in Sniatyń, Kolomyja, Lwów niedergeschrieben. Keine ist rein polnisch. Es läßt sich auch bemerken, daß die kleinrussischen Bestandteile ebenso in den inneren wie in den äußeren Urkunden auftreten und desto reicher sind, je mehr sich die Sprache von den ältesten Vorlagen der litauisch-russischen Kanzlei entfernt. Mit der kleinrussischen Aussprache waren die Moldauer, besonders in den nördlichen Teilen des Fürstentums, wo die Hauptstadt Suceava lag, ziemlich vertraut, während das Weißrussische ihnen ferner lag. Die ältesten inneren Urkunden sind ganz frei von polnischen Elementen.

Ich werde nun im Folgenden unter drei Gruppen die wichtigsten Merkmale dieser diplomatischen Sprache, soweit sie in den ältesten auf moldauischem Gebiete geschriebenen Urkunden¹⁾ auftreten und mit besonderer Berücksichtigung der phonetischen, zusammenstellen: a) die gemeinrussischen, b) die weiß- und kleinrussischen, c) die speziell kleinrussischen; in der Anordnung schließe ich mich an die Klassifizierung Jagićs an (Arch. f. slav. Phil. Bd. XX, S. 33—34), die mir die zweckmäßigste erscheint. Die Beispiele sind nur aus solchen Urkunden des XIV. und XV. Jahrh. entnommen, die ich im Original kenne; der Kürze wegen zitiere ich Daten, Ausstellungsorte und Ausgaben nicht, bemerke nur daß die Zitate aus den oben Anmerkung 1 und 2 angeführten Werken alle nach den Originalen richtiggestellt wurden und daß die ursprüngliche Orthographie immer beibehalten wurde.

a) Im Vergleiche mit der mittelbulgarischen Sprache der walachischen Urkunden, haben die moldauischen folgende gemeinrussische Merkmale: *e = o*: *ѡднѣ* (*ѡдина, ѡдна, ѡдно*), *ѡжѣ, ѡзеро* (einmal *ѡжеромѣ* Ulj. S. 84). *ѡ, ѡ = o, e*: *ѡзметѣ, ѡзритѣ, посол*; *ѡ, ко, со*; *ѡзо* *лсти, ѡдо мною*; *ѡстатокѣ, початокѣ, пѡтокѣ*; *ѡугорскѣ*; *pl. gen. ѡчокѣ, сотѣ*; *ѡсѣ, дѣнь, почѣнше*; *pl. gen. ѡвѣць, sg. nom. ѡвѣль*. *ѣ + cons. = or*; *ѡr = er*; *ѡr, ѡb = ro, re*: *ѡрло, ѡршнтѣ, ѡрчѣма, ѡргѣ* (*ѡргѣвати*), *ѡрнець* (= *ѡрнець*, altbulg. *ѡрънѣць*); *ѡрѣва, ѡрѣхѣ, ѡжѣрствѣло, ѡнѣрѡѡѣ*, *pl. gen. ѡѣршѣн, sg.*

1) Ich schließe absichtlich die auf galizischem Gebiete gegebenen Urkunden aus, denn man kann nicht leicht feststellen, ob sie von polnischen oder von moldauischen Schreibern herrühren.

gen. **сѣрдца, твердо** (потвердити, потверженіе), **терпѣти**; **кровь, крестъ** (-тъ). $l + \text{совн.} = ol$; $lv, lb = lo, le$: sg. gen. **долгополѣ, должник, молвити, молчати, полнити, столпъ**; **вѣз лѣсти, слѣза**; für *lo* habe ich kein Beispiel verzeichnet. **oro, olo**: **воронити, воротити сѣ, городъ** (городище, загородити), **дорога** (дороха), **король, сторона; болото, володиславъ, волость, голова** (головное, голшваты), **золотыи, pl. gen. колод, sg. loc. колодѣзи, молодъ, sg. nom. солод, ac. солодкоу (солоткѣ), холопъ. ere, olo**: **березникъ, время** (sg. instr. временимъ), **перевозъ, перед, переже, поперекъ** (-къ), **серебро, череваты, черезъ** (чересъ); für *olo* = *лѣ* habe ich kein Beispiel gefunden. $\acute{z}d, \acute{z}t = \acute{z}, \acute{c}$: **принуженъ** (принуженіе), **прѣже, рожество** (рожество), **чѣжѣи** (sg. gen. f. чѣжѣи); sg. dat. **дчѣри, pl. gen. кошаричъ, мочъ** (помочъ), inf. **мочи, gerundia auf -чи: обѣчаючи сѣ, слюбѣючи, чтѣчи, хотѣчи usw.** Daß *л* als *ja* gelesen wurde, unterliegt keinem Zweifel, vgl. **мом = f. мом** 1400 und die rumänischen Wörter **внтѣзь, грозѣ, костѣ, нѣтедѣл = viteaz, Grozea, Costea, Neatedul** (heute Netedul) 1395, **Яцько, ѡцко** und **ѡцкова** 1374, 1400, 1409; **попшѣ, нѣлѣшъ = Popşa, Пѣша (Pişaş)** 1423 usw. Dem Schwunde des *g* vor *n*, des *l* nach *k, g, (z)* begegnete ich nicht: **потагнути, оутѣклъ, моглъ**. Was die Formenlehre anbelangt, so finden wir regelmäÙig **-ого** im sg. gen. des zusammengesetzten Adj.: **вѣлого, иного, нѣного, красного, рѣского, сочавьского, шер[ь]евьского**; **-тъ** in der 3. sg. und pl.: **ѣсть (ѣсть), сѣтъ, нѣтъ usw.**, aber auch **ѣстъ usw.**; **-амъ** in pl. dat. der *o*-Stämme: sehr oft **селамъ**, selten **городамъ, панствамъ, сѣлицамъ**, vgl. **селѣхъ** und **селѣх** nebeneinander 1472, **мѣстах** 1499; und das Pronomen **тотъ, тото, тота** statt **той**.

b) Von den dem Weiß- und Kleinrussischen gemeinsamen Merkmalen kommen in den moldauischen Urkunden **or = ir, ro = ri, ž = dž** nicht vor. Die Endung der zusammengesetzten Adj. ist, mit wenigen Ausnahmen¹⁾, **-ий, -ій**, geschrieben **-ыи, -ыи, -ни, -їи**, einige male **-ъи²⁾**, kontrahiert **-ы, -и**: **вѣвѣныи, вѣчныи, написаныи, молдавьскии, полскии, молдавскы, цѣциньскы, хорловскы, вѣлѣски; вѣдѣшчи, нынѣшни, послѣдни usw.** **Шии** (шїа), die ziemlich oft vorkommt, lautet nie **шѣи** (шѣя). *g* ist manchmal durch

1) Sg. nom. **ѣvernoi** 1374 (wahrscheinlich ein Fehler des Abschreibers), **коломынскои** 1457, **староста подолскои посполитон** 1458; **вѣвѣда вѣлѣнкои** in einer russisch verfaßten Urkunde vom J. 1408 des walachischen Wododen Mircea (Uj. No. 16).

2) **Гамодѣржавѣнъи** 1392, **роженъи** 1458.

h, v sehr oft durch *u* ersetzt: sg. gen. долѣа (nom. propr.), мохила, оуѣорскыи, подлѣх, холдѣ (холдовати) statt des öfteren голдѣ (голдовати, голдованіе), похрѣкѣ, с хорницом, бохѣшъ (rum. Buhuş) und богѣшъ, дорохѣи und дорогѣнскы, хринковичъ und гринко, хоѣдичъ und гоѣдичъ — *h* fällt aus in вшподарѣ, олдѣ (олдовати) —; оѣ (= вѣ), оѣноѣкѣ (оѣноѣчатомѣ, прооѣноѣчатомѣ), оѣсе (оѣси, оѣсѣхѣ, оѣсѣмѣ usw.), оѣсѣкого, оѣздадѣтѣ, оѣздержати, на оѣзлѣсіе, оѣзмогѣтѣ, оѣзнаменати, оѣзнесніе, оѣзритѣ, оѣзати, оѣспоминати, оѣстат(и) usw., sogar оѣлада, оѣладова (= sg. gen. влада, sg. nom. владова, von владѣ). Statt *vesь* kommt einigemale *ѣves* vor (pl. gen. ѣвсих, dat. ѣвсим). Der Übergang von *k, g, h* in der Flexion in *c, z (dz), s* wird regelmäßig bewahrt: pl. nom. велици, предци, рѣсци, молдавсѣи (auch брашовстѣи, оѣгорѣстѣи), sg. dat. васѣтци (von васѣтка), пасицѣ (= -цѣ), рѣцѣ, слѣзѣ (слѣзи, слѣси), loc. дорозѣ, aber auch оѣ лоѣцки 1388, pl. nom. молдавскѣи 1462, 1466. Die Dativendung *-ovi -evi* wird sehr oft angewendet: господарѣви, декѣханышѣви (decanus, Dechant), дидови, диеви, королѣви, монастырѣви, родови, владиславови, владови, неанови, нѣгоѣви, петрови, строеви usw., geschrieben auch -овѣ -евѣ, -овы -евы: казмирѣвѣ, королѣвѣ, штѣевѣ, шѣцковы. Ebenso die Endung *-ove -ovъ* im pl. nom. und gen.: кошовѣ, козовѣ, домовѣ (als pl. ac.), пановѣ, писарѣвѣ, предковѣ, прѣателѣвѣ (-евѣ), свѣдковѣ, сасовѣ, татаровѣ usw.; возовѣ, короговѣ, городовѣ, пановѣ, перевозовѣ, передковѣ, селовѣ, господарѣвѣ, злодѣевѣ usw. Die Endung *-mo* vertritt oft in der 1. pl. die Endung *-mъ*, aber es wird, unter polnischem Einfluß, auch *-my (-мы, -мы) -mi* gebraucht: єсмо, чинимо neben єсмъ (єси), чинимъ, вѣправимъ, вѣзнавѣмъ (-ми), нѣмамъ usw. Seltner ist das Futurum mit *иму, ми*: имѣтѣ дати oder дати имѣтѣ, имѣтѣ жити, — погнати, — повѣсти; имѣтѣ кѣпити, — понти, сѣ имѣтѣ коротити; нѣ мочи ѣмѣтѣ, ѣко мочи мѣшѣ.

e) Von den phonetischen Eigentümlichkeiten der kleinrussischen Sprache kommen in den moldauischen Urkunden, wie in den galizischen des XIV. und XV. Jahrh., *o = i* und *e (russ. ѣ) = i* nicht vor; es sind jüngere Lauterscheinungen. Alle anderen sind reichlich vorhanden. *e* und *i* sind durchgängig hart; ich brauche dafür keine Beispiele anzuführen. *ь* wird sehr oft durch *i* (geschrieben и), und *ѣ* durch *u* ersetzt: вѣлыи (вѣлогородскыи), вѣданіе, вѣра (adj. вѣрнии), гнѣвѣ, дѣдѣ, дѣло, того дѣлѣ (-ла), злодѣи, измѣна, лѣсѣ, мѣна, мѣсто (мѣстѣ), мѣсѣць, нѣдѣлѣ, пасѣка, пѣназѣ, привѣсити, роздѣлати, сѣати (= сѣити), сѣно (сѣножать), слѣдѣ, оѣдилати, хо-

ТИТИ, ЦИЛОВАТИ, ЦИНА ЦШВ.; ВИСОКЪ, ВИШЕ, ДОСИТЬ (= ДОСЫТЬ), МИ, НИНЪ (НИНѢШНИ), ОУМИСЛЪ, ОУСЛИШИТИ, ПУСТИНИ, РИБА, ТИСАЧА, ВЕЛИКИ, ВЕЛКИХ, МАЛИХ, ВЪРНИИ, МАЛИИ, ГОТОВИИ, pl. ас. ЗЛАТИ, ДАЛЕКИЪ, aber ДОБУВАТИ, ДОБУВАЛЪ, wie heute im Klr. *u* statt *и* ist entweder als hartes klr. *y* oder als Resultat der Vermischung von *и* und *ы* aufzufassen: ВЪТЪЗЪ, inf. ЗАПЛАТИТЬ, КРЫВЕДА (gewöhnlich КРИВЕДА), МЫХАНАЛЪ, НИКЫТА, dat. ИЦЬКОВЫ, ДО ОУСТЫА (= -тіа, -тіа), на ОУСТЫОУ, ШЕРЪШЫЕ (= ШЕРШІЕ). Das Suffix -иць (-иця, -иця) ist weich: sg. gen. ГРАНИЦИ, dat. ВОЛУХОВЦЮ (nom. ВОЛУХОВЕЦЬ), МИСТЦЮ, nom. БОГОРОДИЦА, КРЪНИЦА, РЪДЦЪ (poln. radca), СЪПОРНИЦЪ, gen. ВОЛЧИЦА (nom. ВОЛЧИЦЕЦЬ), ЗРАДЦЪ, ШТЦЪ, СЪРДЦА, СЪДЦЪ, ШЛОВЦЪ ЦШВ.; vgl. ДВУХНАДЦАТ. Das Inf. endet regelmäßig in -ти, sehr selten in -тъ (-тъ): СЛЮБИМЪ ВЪПРАВИТЬ ЕГО 1433—43; ѣ der Originale ist in -ити aufzulösen, nicht in ит, wie einige Herausgeber es getan haben.

Selbstverständlich finden wir in der moldauischen Urkundensprache außer den bereits angeführten, auch andere Eigentümlichkeiten der russischen Dialekte, diejenigen ausgenommen, die sich erst später, etwa im XVI. Jahrh., entwickelt haben (wr. *dž* = *ž*, *dz* = *d*, *c* = *t*, u. a.). So gehen die Finalen *o*, *e* in *ъ*, *ь* über und die letzteren schwinden gänzlich: adv. ТУТЪ, как, инак aus ТУТО, како, инако; ажъ, ижъ (аж, иж, ажъ, ижъ), гдеж, заноуж, шпрочъ (шпроч) aus аже, иже, гдеже, заноуже, шпроче, die neben den verkürzten Formen gebraucht werden; das finale *i* geht in *ь* über und *ь* schwindet dann gänzlich: БЪДЪ, БЪД (БЪД цю, — кто, — какіи, — где) aus БЪДИ; ѣ wird durch *e* vertreten, das im r. und wr. so geläufig ist: pl. ВЪКИ, ВЪРА, ВЪРЕНЪ, loc. ВЪРЕ, ВЪНИИ, sg. gen. БРЕГУ, ДЕЛО, НЕДЕЛЯ, КРЕПОСТЬ, НЕМЕЦЪ (pl. dat. НЕМЪЦЕМЪ), ПРЕД, ПРЕДКОВЪ, ПОДЛЕ, ПОУХАТИ, ПРИВЕСТИ, ХОТЕ (= ХОТЪ, ХОТЬ) usw.; *e* wird *o* nach palatalen Konsonanten: ЗАЧО[А], НИЧОГО, ЧОЛОВЪКЪ, НИ Ш ЧОМ, ЧОРНИИ, ЧОРТОРИНСКИИ, ЧОГЫРИ; ВЪШОЛЪ, ПРИШОЛЪ, НАШОМУ, НАШОИ, НАШОЮ, ШОЛКЪ; ЖОНА; *e* wird *ѣ*: loc. ВСОМЪ, ДНОУХЪ. Sogar dem Übergange der akzentlosen *a*, *o*, *e* in *e*, *a* (dem sogenannten Akanje der weißrussischen und großrussischen Dialekte) begegnen wir einigemale: adj. КНЕГИНИИЪ, ас. МЕРЗЕЧКУ, УЧЕСТІЕ, ОУНОУЧЕТОМЪ, ПРАШНИЧЕТОМ, neben КНАГИНИИЪ, МЕРЗАЧКЫМЪ, УЧАСТІЕ, ОУНОУЧАТОМЪ, ПРАОУНОУЧАТОМЪ; sg. instr. СУМАЮ statt СУМОЮ 1388 (Uj. Nr. 3)¹⁾; к НАМУ 1434 (= к НЕМУ). Spuren des Akanje zu Ende des XIV. Jahrh. wurden auch in russischen

1) Im Науковий Сборникъ I (1865), S. 192: СЪМОЮ.

Denkmälern von E. Th. Karskij und A. I. Sobolevskij konstatiert¹⁾. Außerdem sind viele kleinrussische Lauterscheinungen die in den galizischen, volhynischen und podolischen Urkunden des XIV. und XV. Jahrhunderts vorkommen, auch in den moldauischen reichlich vorhanden. So *e* = *ю*: **вѣзнакаюмъ, знаюмъ, слюбѣюмъ**, sg. gen. **королюекъства**, sg. dat. **тютки, юн**, pl. dat. **дѣдичоумъ**; *o* = *у*, wo das heutige Kleinrussische *i* hat: **броуд, бѣлшеѣ (нанебѣлшеѣ), докѣл, дрѣвнын, кѣлако**, sg. loc. **кѣмъ, тоулако**, auch **корѣна** (poln. **korona**), **скѣзѣ** (= **сквозѣ**); *e* = *ѣ*, *i* in pl. gen. **зѣмль** (siehe Sobolevskij, Очерки, S. 60) und besonders im Suffix **-енѣ**: sg. gen. **кр(ѣ)сшчѣннѣл**, **порѣшчѣннѣл**, **шлѣннѣл**, instr. **приволѣннѣмъ**, sogar **потѣвржннѣл** (vgl. **потѣвржѣннѣ** in der Urk. Mirceas v. 1403, Uj. No. 16), **прнрожннѣ**, gen. **оумшлнннѣл**; **нсъ, нс, н** oder **нзѣ, нз, з** = **сѣ, нлвѣ**, **нлвѣскѣн**, **нскладѣ** (**нскладати**), **ншкѣда** (**ншкѣдннѣл**) = **лъвѣ**, **лъвѣскѣн**, **сѣкладѣ** (**сѣкладати**), **шкѣда** (**шкѣдннѣл**); sg. gen. **чѣстн** und **чѣтн** = **чѣстн**, **розѣства**, **розѣтѣл**, **роѣтѣл** = **роѣжѣства**, und vieles andere.

Wenn wir uns die angeführten sprachlichen Eigentümlichkeiten der ältesten moldauischen Urkunden vergegenwärtigen, so müssen wir unbedingt zu dem Schlusse gelangen, daß die Sprache dieser Urkunden identisch ist mit derjenigen, die von den litauischen Fürsten in den russischen Ländern gebraucht wurde und mit Władysław Jagiełło in die polnische Kanzlei Eingang fand und für russische Angelegenheiten daselbst lange Zeit im Gebrauche blieb. Die westrussische Sprache konnte in der Moldau nicht denselben Entwicklungsgang haben wie in Polen und Litauen. In diesen Ländern hat sie desto mehr kirchenslavische und polnische Bestandteile, je älter sie ist; den reinen Volksdialekt gab sie nie wieder; zuletzt entwickelte sich die bekannte, durch das litauische Statut charakterisierte offizielle Sprache (vgl. Jagić, Arch. f. slav. Phil. XIX, S. 291). In den moldauischen Urkunden dagegen überwuchern die kleinrussischen Elemente; hier und da treten auch kirchenslavische (mittelbulgarische) vor, ganz besonders in den Klosterurkunden. Die polnischen Elemente beschränken sich auf einige phonetische Eigentümlichkeiten, die meistens in polnischen Wörtern vorkommen, **ц** statt **ч** (**щ**), **ѣ** statt **оѣ, ро, ло** statt **оро, оло**, **л**, **л** statt **л, ѣ**, **ан** statt **а, е**: sing. dat. f. **вскѣценѣи**, m. **оскѣченѣомѣ**, **прѣмогѣцѣмѣ**, pl. dat. **бѣдѣцннѣл** neben **оскѣченнѣомѣ, бѣдѣцннѣл** (**бѣдѣ-**

1) Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусскогъ рѣчи, S. 39, 43, 46; Лекціи по исторіи русскаго языка, 2. Aufl., S. 80 ff.

циниѣ), sg. gen. u. instr. **моци** (= мочи, мочью); adj. **оусердечне** (= -ое); **бронити, владислав, кроль, кролица, кролова, крольвѣ-ство, вѣрна служба служити, добра рада радити** = wierną służbę służyć, dobrą radę radzić; **выѣвѣши, княжата** = wyjąwszy, książęta; **андровашу** (neben **вндровошѣ**), **танчина** = *Adrowažu, s Tęczyna*. Allerdings haben die Huldigungsakten der Woewoden und Bojaren und die Verträge mit den polnischen Königen und den litauischen Großfürsten sehr viele polnische Wörter, polnische Redewendungen und ganze polnische Sätze, die von den moldauischen Schreibern nach dem Diktate der königlichen Bevollmächtigten einfach so wiedergegeben sind, wie sie gesprochen wurden. In den inneren Urkunden ist das polnische Element sehr schwach vertreten. An seine Stelle tritt das mittelbulgarische, das aber nie so reichhaltig ist, um die russische Physiognomie der Sprache zu verdecken. Das schließt nicht aus, daß es auch rein mittelbulgarische Urkunden gibt, wie z. B. die vom Metropolit Josif für die Klöster Neamţ und Bistriţa im Jahre 1407 ausgestellte¹⁾, die auch hinsichtlich der Schriftgattung sich von den fürstlichen gleichzeitigen Urkunden unterscheidet: jene ist in der Halbunziale der kirchlichen Handschriften, diese meistens kursiv geschrieben. Die Zahl solcher Urkunden, meist von kirchlichen, selten von Stadtbehörden oder Privatleuten ausgehend, ist unbedeutend²⁾. Damit ist aber nicht gesagt, daß in der fürstlichen Kanzlei die Urkunden oder Briefe in mittelbulgarischer oder serbischer Sprache verfaßt wurden³⁾. Die offizielle Sprache der moldauischen Kanzlei blieb aber dennoch immer die russische.

1) Das Original im Bukarester Staatsarchiv; gedruckt bei Hasden, Arch. ist. I, 1, S. 140.

2) Siehe z. B. einen Brief des Richters und der Bürger von Vaslui an die Kronstädter c. 1450—1500, in meinen »Documente moldovenesti în arhivul Braşovului«, S. 61.

3) Siehe die moldauischen Briefe aus dem XV. und XVI. Jahrh. an die Kronstädter in meiner oben zitierten Schrift und Miklosich, Monumenta serbica S. 557, Spomenik XI, S. 90.

Bukarest, Juni 1907.

J. Bogdan.

Lidové pověsti o původu tabáku

hojně rozšířené zvláště na ruském východě jsou zajímavé s dvojího hlediska, jednak, že se v nich zračí mínění lidu o této požívatině, jednak že jsou poměrně mladého věku, nezasahující původem svým za XVII st. Tím jsou důležité pro dějiny vývoje tradic lidových.

V ruských tradicích lidových došel výrazu silný odpor proti užívání nové této zámořské byliny, které kladli zvláště kruhové církevní, po případě rozkolníci velký odpor. Akademik Ozereckovskij sděluje mimo jiné různé své spory s rozkolníky, na př. výklady proti holení vousů, také co odpovídali, když jim dovozoval prospěšnost šňupavého tabáku; vypravovali jemu zvláště, že tabák vznikl ze smilnice, odvolávající se na rukopis, kde byla hrubě vykreslena ženština, ze které vycházel tabák¹⁾. To byla legenda oblíbená a silně rozšířená, i literární formou svou zajímavá, původem svým dosud záhadná, neb aspoň nevysvětlená. Toto «сказаніе отъ книги, глаголемыя Пандокъ, о хранительномъ быліи, мерзкомъ зелии, еже есть табацѣ» jest v literaturě již dlouho známo. Vydal je nejdříve N. Kostomarov²⁾, několik slov promluvil o něm také akademik A. N. Veselovskij³⁾. Děj klade se do doby pohanského krále Anepsia. Jistá jeptiška, jménem Jezavel propadla smilstvu a porodila dceru. I tu rozpálil Satanáš na smilství. Bůh jí sice poskytl čas dáti se na pokání, ale marně, a tak poslal anděla a dal zemi rozestoupiti se: země rozestoupila se na třicet loket a pohltila smilnici živou. Satanáš načerpal v jejích útrobách «чашу полную мерзости и скверности любодѣлнїя ея» i vykropil na zemi nad její mrtvolou: i vzrostla bylina, a tu pohané na rozkaz satanášův pro radost rozsadili a nazvali tabák. To slyšel všecko král Anepsij od anděla, když byl, postrašen hrozným snem, utekl ze svého sídla. Potom pak na domluvy andělovy vrátil se na svůj

1) М. И. Сухомлиновъ Исторія російской академіи II, 332.

2) Памятники старинной русской литературы II (1860), 427—434. Srv. ještě Д. Ровинскій Русскія народныя картинки IV, 266 sl.

3) Исторія русской словесности А. Галахова³ I, 462.

stolec. V téže době šel lékař Tremikur hledat bylin léčivých a našel na poli nad nějakou propastí, kde anděl Hospodinův byl smilnici srazil, jakousi bylinu. Satanáš vnukl mu myšlenku, aby bylinu tu utrhl a k ní přivoněl. Pokochal se jí, neb zapomněl na strasti pozemské. Vzal bylinu i semeno, zasadil do své zahrady, začal ji trhati a k ní voněti, i vesel choditi, jako opilý, a rozplodilo se velké množství této byliny. Lidé divili se, jak se tento člověk opíjel. Ukázal jim bylinu, prodal ji. A tak rozšířila se bylina, a tak začali opíjeti se lidé; mnozí kladli ji na oheň a dým její vdychovali do úst dýmkami. Opilí a omráčení lidé přicházeli před palác královský, a tu na mnoze dokonce mrtvi klesali. Viděl to kral Anepsij a divil se, odkud to. Mučením vyzvěděl na pohanech, že mají v sadech jakousi podivnou bylinu a tou že se opájají, že ji koupili od lékaře Tremikura. Zavolan Tremikur před krále a ten ukázal králi místo, kde našel bylinu. Dal král na místě tom kopati i vykopali jámu hlubokou přes třicet loket, našli pak mrtvolu smradlivou (трупъ мерзокъ и смрадь, и зловоненъ, смердящъ), pouhé kosti, tělo všecko setlelo. Vyzkoumal pak král, že jsou to pozůstatky smilnice, která v jich městě před dvanácti lety žila, seznal bližší její život i konec její za hrozné bouře, která se byla tehdy nad jich městem rozpoutala. I vzpomněl král Anepsij na onoho anděla božeho a jeho zjevení. Dal se pak král Anepsij pokřtiti a přijal jméno Aleksij, a s ním zároveň množství knížat a pánů a lidu obecného přijalo křest. Bůh pak poslal svého anděla, aby prokrel tuto bylinu, plod hříchů. Prokrel ji z návodu andělova biskup, a lidé pobožní vytrhli ji ze sadů svých. Jen ti, kteří se nedali pokřtiti, rozvezli tuto bylinu po dalekých krajích pohanských, nekřtěných. Tam pohané tutu bylinu rozplodili a všude rozvozili i do Němec, mezi Turky, Tatary, Čerkasy, a odtud opět se rozšířila »k nám křest'anům«.

Původ této pozoruhodné legendy jest temný, dosud pokud vím není odhalen. A. N. Veselovskij na uv. m. nemohl říci o tom nic určitého a zůstavil otevřené otázky, možno li v této zajímavé legendě shledávati zpracování nějaké starší apokryfické látky upravené podle potřeb časových, aneb nějaké samostatnější dílko ve slohu a směru známých legend církevních a asketických. V zakončení jejím lze zajisté shledávati jistý vliv rozšířené stati asketické »listu s nebe« čili t. ř. epištoly o svěcení neděle.

Do lidu nezdá se že tato legenda hluboce pronikla. Připomíná se bohužel příliš povrchně, že ve Vjatské gub. se vypravuje, jak tabák vzrostl z hrobu krvosmilníků (sestry a bratra) aneb z hlavy smilnice, o které vypravuje evangelium, aneb z těla zbloudivší jeptišky zabitě od hromu, aneb konečně z hrobu jakéhos nezvěstného člověka (Simbir.

gub)¹⁾. Patrně jen pověst na třetím místě připomenutá souvisí s naší knižnou legendou. Podobná verze byla zapsána pokud vím pouze v Terské oblasti²⁾: Dívku shřešivší zabili, a zakopali daleko od vesnice u cesty, neboť byla toho nehodna, aby byla pochována na svatém poli. Po čase vyrostla tu bylina širokolistá. Pocestnému vnukl čert, aby list s té byliny utrhl, stočil, zapálil. Našel v tom zalíbení a chtěl bylinu vytrhnouti. Začal rýti, ryl, ryl, až viděl, že kořen byliny vycházel zrovna »изъ с... ля«. »Takhle odkud jest tato prašivá bylina.«

Poněkud příbuzná jest legenda zapsaná v Homelském okr. Mohylevské gub³⁾. Dívka brávala k sobě do postele psa, až ním shřešila a porodila štěně. Otec ji zabil a zakopal. Na hrobě vyrostl za nějaký čas tabák. Dívali se lidé, jaká to je bylina, odkud jdou její kořeny, kopali a poznali, že kořen jde »чаразъ тютюку съ самаго пуса дэвкі тых« (skrže štěně ze samého břicha této dívky). A tak pojmenovali bylinu tjutjun. Jest to očividně etymologická povídka, a patrně byla za tím účelem etymologisačním přepracována známá látka knižná.

Mimo to rozšířeny jsou různé pověsti o původu tabáku. V jedněch vyrostl tabák z těla Jidášova. Tak vypravuje legenda východohaličská⁴⁾: Jidáš oběsil se a visel, až se provaz přetrhl. Tělo spadlo na zemi a shnilo tak, že od toho pták letící nad ním spadl a zahynul. Na tom těle vyrostl tabák. Legenda ta ví dokonce, kde vyrostly různé druhy tabáku: »Kruhlan« na tváři, silnější »margotka« na břiše, a nejostřejší »kolozdra« na zadnici. V litevské⁵⁾ verzi byl původ tabáku spojen ještě s čertem: Když puklo tělo oběšeného Jidáše a vypadla střeva, litoval čert, že by taková zloba měla vymizeti ze světa, a proto vysel střeva se vši jeho zlobou po zemi. Z nich vyrostl tabák bylina se vši hořkostí a špatností, jako byl Jidáš. Připojena ona mravoučná tendence, která jest vlastníruské legendě: kdo užívá tabáku, dostane jakoby špatného ducha Jidášova; kdo jej semletý cpe do nosu, zahání tím svatého ducha, kterého bůh nám vdechl nosem. Jest to proto velký hřích kouřiti z dýmky aneb šňupati.

Ještě v Bosně⁶⁾ jest známa tako legenda, leč v podání mnohem prostším

1) С. Максимовъ Нечистая, невѣдомая и крестная сила str. 9.

2) Г. Малавкннъ Станица Червѣная Князярскаго Оудѣла Терскої области Этнограф. Обзорѣніе X, str. 58, č. 4.

3) Е. Романовъ Бѣлорусскій Сборникъ IV, str. 23 č. 19.

4) Володимир Гнатюк Галицько-руські народні Легенди II (Етн. Збірн. XIII), str. 298 č. 415.

5) С. Jurkschat Litauische Märchen und Erzählungen str. 50 č. 15.

6) Босанска Вила VIII (1893), str. 174.

•Nečist• se ze střev Jidášových vysypala na zemi, a z ní po nějakém čase vzrostla jakási bylinka—tabák.

Jiné legendy kladou vznik tabáku do mnohem starších dob. Legenda zapsaná v Černigovské gub.¹⁾ dává vznikati tabáku podobně jako právě uvedená o Jidáši. Když Bůh se rozhněval na čerty, začal je shazovati s nebe; jeden z nich narazil se na uschlý dub a visel tam, až se začala z něho sypati hniloba. Ta spadla na zem a z ní vyrostl tabák. Lidé začali pak tabák šňupati a kouřiti.

Jiná maloruská legenda²⁾ klade vznik tabáku do doby krále Davida, ne starozákonního, než nějakého jiného, jehož dobu a kraj neudává. Jediný syn toho krále svedl krasavici zaměstnanou v službách královských, a byl za to od soudců podle přísných trestů této země odsouzen a štat. Dívka denně chodila na jeho hrob a prolévala hořké slzy. Z nich vyrostla krásná, zelená, vysoká bylina. A dívka modlila se k Bohu, aby na důkaz odpuštění způsobil, aby lidé celého světa si zamilovali tuto bylinu. I Bůh učinil jí po vůli. Připojena etymologická povídka o původu jména tabáku »ťuťun«. Za dívkou chodil všude i na hrob její psík. Dívka odháněla ho, aby bylinu nepoškodil, a volala naň tu-tu-tu-tu... Podle toho byla pojmenována ťuťun.

Jiná zase jest polská povídka, která byla zapsána ve Varšavě podle vypravování lodníka rodilého z Haliče³⁾. Vypravuje jak ošklivá a hodná dcera kovářova obsloužila Ježíše vodou, utřela mu vlastním šátkem bradu. Ale hezká sestra její zošklivila si, vyplivla a vysmála se. Ježíš chtěje se odvděčiti učinil ošklivou dívku v peci hezkou. Jest tu sled známé a rozšířené látky o omlazování stařen a p. Kovář chce pak sám učiniti hezkou dceru ještě hezčí: než upálil ji na prach. Na radu Ježíšovu rozsel potom tento prach po poli. Za krátko vyrostla z něho bujná bylina. Lidé začali sušiti a kouřiti její listí, ale vždy musí plivati po zlé kovářově dceři, která plivla na Pána Ježíše.

U Mohamedánů spojena pověst o vzniku tabáku, již nikoliv tak tendenčně upravená, s Mohamedem. V Alžíru vypravuje se⁴⁾: za dob Mohamedových mluvili ještě hadi. Jednou v zimě našel Mohamed zmrzlou zmiji a soustrastí jat strčil ji do svého rukávu. Když jí teplo vrátilo život, vystrčila nevděčná hlavu a řekla proroku, že ho kousne, neboť jeho lid stále pobíjí její lid, jeho plémě jest ve válce s jejím plemenem, a přisahal pomstu jménem Allahovým. Nečinil prorok

1) Гринченко Этнографические материалы I, стр. 10 č. 17.

2) Киевская Старина 1890, sv. XXX, str. 326.

3) Wisła XIV (1900), str. 68.

4) Revue des traditions populaires III, 385.

námítek, než prosil ji jen, aby ho kousla jménem Allahovým. Kousla ho zmije do ruky, a prorok pustil ji, aniž by jí byl způsobil zlo. Mohamed vyssál jed z rány, a vyplil jej na zemi. Z toho vzrostl tabák, tato podivuhodná rostlina, a tak má i hořkost jedu zmijina, i sladkost sliny prorokovy. Tato legenda jest podle všeho dosti rozšířena po mohamedanském světě, nebot byla nalezena také bulharská její verse v okrese Tulčanském¹⁾.

Jinde v Bulharsku byla pověst o vzniku tabáku upravena se stanoviska protitureckého. Aspoň v Sofijském kraji byla zapsána taková verse²⁾: Sázeli se jednou Mohamed a sv. Ilija, kdo jest z nich větší junák, kdo z nich více umí křičeti. Mohamed vylezl na velký strom, křičel, křičel co mohl, ale na Iliju dojmu neučinil. Potom zdvihl se Ilija až do oblak a rozkřičel se, až se země zachvěla a Mohamed se pos . . . Z toho lejna vznikl tabák. Turci z úcty ke svému svěťci řekli si, že třeba byliny té k něčemu užítí, začali ji sušiti a kouřiti. Proto mají Turci tabák za svatý a nejvíce ho požívají.

Habešští kněží³⁾ rozšířili tradici, že tabák vyrostl z hrobu Arioiva, který má u Habešanů úlohu zlého ducha. Tabák přísně se zapovídal. Jinde zase jako na ostrově S. Vincentu věří, že zapovězené ovoce v ráji byl právě tabák, a jeho listy zakryli si Adam i Eva svou nahotu⁴⁾.

Ku podivu řídká jest pověst odvozující vznik tabáku ze samého čerta. Vypravuje se vlastně jen na Ukrajině, mimo versi nahoře uvedenou ještě následující⁵⁾: Čerti dlouho, všemi možnými způsoby zkoušeli bohabojného mnicha, ale marně. Na konec zapálili dub před jeho poustevnou, myslíce, že ho tím vylákají ven, že totiž půjde hasit. Mnich zaklel čerta v tomto dubě, dub začal srůstati a čert byl v dubu tak roztláčen, až krev z něho vytekla. Aby krev tato nepropadla, začali pohrabáči rozhrnovati list na dvě strany. Tak vyrostla tam bujná, listnatá tráva. Pricházejí páni, trhají listí, a to zdá se jim býti tak libovonným. Tak začali je rozkrajovati, kouřiti, šhupati. Nevyrostl tu tabák všude jednaký, tam lehký a tam silnější, horší »korinci«, »marchotka«, »lystatyj«. Jelikož tedy tabák vzešel z krve čertovy, nehodí se kouřiti.

Ruští starověrci, filiponi, usedlí ve východním Prusku⁶⁾, kladou vznik

1) Сборникъ за народни умотворения II, одл. 3, стр. 166.

2) Ib. VII, одл. 3, стр. 138.

3) Revue des trad. popul. III, 484.

4) Ib. 484.

5) Б. Гринченко Этнограф. Матеріалы III, стр. 11 è. 17.

6) Oskar Dähnhardt Natursagen I, 55.

tabáku až ke stvoření světa: Anděl, který měl Bohu přinésti z hlubin mořských hrst země, ponechal si také něco v ústech. Když Bůh rozsy-pal zemi a řekl »Staniž se«, rostla také země v ústech andělových. Anděl volal o pomoc, na přání boží vyplil zemi, a z té vyrostl tabák a chmel.

Čert naučil člověka tabák sázeti, tabáku užívat. O tom jest zvláštní rozkolnický verš z doby novější¹⁾, výtvar čistě knižní, který není v žádné souvislosti s lidovými tradicemi. Pověst v Kurské gub.²⁾ zapsaná vypravuje, jak člověk na svých cestách po kláštorech uviděl na jednom místě tabák. Zdálo se: hle brambůrek kvete, natrhej jablíček s něho, zakopej je do horkého hnoje; tu pusť odnože, ty zasaď, zalévej, zalévej ... Udělal tak člověk, jak mu sen kázal. Chodil denně dohlížet, až dva-náctého dne spatřil, jak tam seděl žid. Ten mu pověděl, aby po šest dní tam nechodil, že vzejdou samy. Tak se i stalo. Nakopal hrádečku, zasadil a opět pilně zaléval. Dívala se na to také sv. Neděle a řekla mu »dal Bůh? či ne dal Bůh? jakému Bohu jsi se modlil, ten i dal« a poradila mu, chce li spasení své duše, aby se zřekl, ale chce li býti bohatcem, ať dělá, »koho jsi prosil, ten ti dá . . . Bůh nedal, Bůh jest na nebi a tvůj v svinském chlévě«. Podíval se člověk do chléva a tam viděl čerta ve zlatě. Čert řekl mu, že i on bude ve zlatě. »Čeho jsem si přál, to dal mi Bůh — »Tu není Boha, buď mým soudruhem!« odpověděl mu čert a poradil mu, aby nikoho neposlouchal, jen zaléval, a jak vyroste, aby lístečky olamoval a semeno schovával, pak bude bohatcem.

Tabákem i kořalkou sváděl čert nejraději muže bohobojné, mnichy, poustevníky. Tak vypravuje jiná maloruská legenda z Jekaterinoslavské gub.³⁾ o nějakém poustevníkovi v záporožských lesích divokých, jak si začal stýskati, nemodlil se, nejedl. Tu přišel k němu čert a přinesl mu nádobku s práškem »šňupej, a budeš jako o dvou«. Poustevník šňupl, jednou, po druhé, po třetí, kýchl a bylo mu veselo. Druhý den zjevil se opět čert a přinesl mu trávu a dýmku, i řekl mu »zakuř si, a bude ti jako o třech«. Zakouřil si poustevník a rozveselil se ještě více. Konečně přišel čert ještě třetí den a přinesl mu nádobku s kapkami, »jak vypiješ, bude ti jak o desíti«. A tak bylo nyní poustevní-kovi veselo, vypil, zazpíval si, zatancoval . . . O jakýchsi zhoubnějších následcích tabáku, kořalky tato povídka neví.

1) Лѣтописи русской литературы и древности V (1863), отд. 3, стр. 108.

2) Киевская Старина 1898, sv. XL, стр. 547.

3) Ib. 1898, sv. XXI, стр. 20.

Ve Vologdě vypravuje se zcela prostě, že jakýsi neznámý černý myslivce naučil statkáře pěstovati tabák¹⁾. U Malorusů haličských²⁾ vypravuje se, že čerti v začarovaném mlýně o půlnoci melou tabák, ve mlýně, jehož mlynář chtěl, pod mostem ukryt, zařvav jako medvěd, postrašiti Krista a Petra Pavla, a byl za to v medvěda přeměněn.

Legenda o původu tabáku spojila se místy s látkou o závodě čerta a sedláka, tak v povídce, zapsané v severovýchodních Pomořanech³⁾: Tabák vynášel čert a nikdo neznal jméno této byliny. Jednoho dne viděl sedlák, jak čert vysázel velké pole bylinami. Neznal jich, byl zvědav a ptal se čerta, co tu sází. Pohádali se a vsadili se: uhodneli sedlák do tří dnů, jak se bylina ta jmenuje, případně mu celé to pole se vším, co na něm je; neuhodneli, propadne jemu duší a tělem. Sedláku pomohla, jak se ve versích této povídkové látky zhusta vypravuje, selka se svou lstí. Svlékla se do naha, vlezla do bečky dehtové a vyválela se v peří, tak že byla jím pokryta po celém těle. Šla pak na ono pole čertovo, pobíhala mezi brázdami a místy skláněla se k zemi, jakoly listy chtěla ožírati. Sotva ji čert spatřil, vyběhl z domu, aby velkého toho ptáka zaplašil, tleskal do rukou a volal »Pšš . . pšš — ty velký ptáku! Půjdešli z mého tabáku! Pšš! — Pšš!«. Žena věděla dost, utekla domu a pověděla muži jméno byliny. Tak tedy řekl sedlák třetí den jméno čertovi, vyhrál sázku, dostal pole s tabákem a od té doby začali sázeti tabák.

Podobně se vypravuje též u Maďarů⁴⁾, že čert dal sedlákovu semeno tabákové, aby je vysel, a polhrozil mu, nebude-li věděti jméno jeho, až se vrátí, že zahyne. Další průběh jest stejný jako v pomořanské versi.

Ještě v Chrvatsku v okolí Karlovce⁵⁾ byla zapsána zpřízněná verze: Čert smluvil s hrabětem, že bude mu sloužiti celý rok za 40 zl. a kousek země v jeho zahradě, kde by vysel svoje čertovo semínko. Až vyprší rok, musí hrabě uhodnouti, jaké je to semeno; neuhodne-li, bude on muset sloužiti mu celý rok. O tomto čertově semínku nebylo ničeho v hraběcích knihách a marné bylo všecko jeho študování. Pomohla mu z nesnází jakási cizí žena, nikoliv manželka jeho. Nevystrojila se tak jako ve versi zapsané od Ul. Jahnna, než šla přímo tak, jak byla, k té bylině; a obcházela stále, nevšímajíc se nijak, že se čert zle na ni osopoval, do konce holfi ji hrozil. Rozhněvala ho konečně tak, že se

1) С. Максимовъ op. cit. str. 9.

2) Твори Степана Руданського II, 197.

3) Ulrich Jahn Volksmärchen aus Pommern und Rügen I, sr. 265 č. 51.

4) Oskar Dähnhardt Natursagen I, 194.

5) R. Strohal Hrvatskih narodnih pripovijedaka kú. I, str. 180 č. 53.

zapomněl a ve své zlosti vyřkl slovo »tabák«: »Kaj češ mi ti gad stari gadit *tabak*, odhajaj sada valja iz vrta«. Hrabě ukryt zaslechl slovo, a tak vyhrál sázku.

Čert naučil lidi kouřiti z dýmek, jakož i šňupati, o čemž jest řada maloruských povídek v různých obměnách. Čert sedí ve svých bažinách, jde cestou a kouří z dýmky. Potká ho člověk a požádá ho, aby mu dal aspoň jednou potáhnouti si. Čert dal. Člověk vykouřil dýmku a ještě poprosil na cestu, i řekl, znamenitá to věc tabák, i sílu udržuje i zahřívá. Vyprosil si semena a začal pěstovati tabák ve své zahradě. Tato v Jekaterinoslavské gub. zapsaná pověst¹⁾ nemá jak viděti žádné tendence nepřátelské tabáku.

Velice jest rozšířena následující pověst od východní Haliče až do gub. Smolenské, Kalužské, ba až na Kavkaz ovšem s různými dosti nepatrnými obměnami. V Sambor. okr. v Haliči²⁾ byla již před dvaceti lety zapsána povídka vypravující o pohřebních slavnostech, které vystrojil čert své matce. Čert sezval mnoho lidí, také popy ke pohřbu své matky a po pohřbu pohostil lidi ve svém domě. Lidé neoplakávali čertovu matku, a čert těžce to nesl. Po hostině natřel čert tabáku a pobízel své hosty »dosud jedla ústa, nechať nyní jí nos«. Lily se nyní slzy z očí čertových hostů. Spatřil to moudrý Šalomon, šel k Bohu a vyložil mu, že jest potřeba dáti lidem tabák a dýmky, aby kouřili a plivali na čertovu matku. Svopil Bůh, a tak začali lidé kouřiti a plivati a říkati »fuj na čertovu matku«. Vítr roznesl tabák po světě. Lidé rozešli se s tabákem a dýmkami domů: a tak nyní jedni šňupají a pláčí nad čertovou matkou, druzí kouří z dýmek a plivají na ni. Ve versích z Bučac. okr.³⁾ vých. Haliče přinesl místo Šalomouna Kristus a ne Bůh lidem dýmky. Podobně vypravuje se v Homel. okr. Mohylevské gub.⁴⁾ a v Smolenské gub.⁵⁾ V jiné versi z Jekaterinoslav. gub.⁶⁾, patrně pokažené, nevypravuje se více, že čert naučil své hosty šňupati a Bůh pak kouřiti. Vypravuje se tu jen, že čert sehnal všechny čerty, když jeho matka zemřela. Sebrali se kuřáci s dýmkami a šňupáci se svými růžky, a rozesedli se do dvou řad. Kuřáci vytáhli z dýmky dým a

1) Манжура Сказки, пословицы и т. п. str. 145.

2) Данило Лепкій Чортъ після понятій и вѣрованя люду — Зоря VIII, 44. Житє і Слово III (1895), str. 374 č. 35. Етнограф. Збірник V, 169. Český překlad od Fr. Řehoře: Zlatá Praha 1891, č. 44 str. 522.

3) Етнограф. Збірник XII, str. 72 č. 77, 78.

4) Романовъ Бѣлорусскій Сборникъ IV, str. 23 č. 16 pozn.

5) Добровольскій Смоленскій Етногр. Сборн. I, str. 282 č. 47.

6) Драгомановъ Малорусскія народныя преданія str. 13 č. 38.

plivali čertově matce mezi oči, až ji celou poplivali. Šňupáci seděli tiše, natáhli tabáku z růžků do nosů, a slzy jim tekly, jakoby plakali. Pochválil je čert, že sebe rozveselí i po nebožce pláčí. Lidé dověděli se, že čert pochválil šňupáky, začali samí tlouci tabák a potahovati z růžků, jako ti čerti, kteří plakali nad čertovou matkou.

Něco obměněna byla povídka ta v Kalužské gub.¹⁾ Čert sezval na pohřební slavnosti své nebožky tchýně kuřáky a šňupáky. Kuřáci kouřili, kouřili a plivali, všecky oči jeho tchýně poplivali. Rozhněval se čert a vyhnal je všecky. Ale šňupáky nechal u sebe, šňupali a slzy tryskaly jim z očí. Podobně vypravuje se v Terské oblasti²⁾, že proto si čert nejvíce váží šňupáků.

V těchto versích nejví se tedy tendence proti tabáku vůbec, než jen spor mezi šňupáky a kuřáky. Šňupání bylo do nedávné doby mezi lidem běloruským a velkoruským silněji rozšířeno než kouření³⁾, než i tu jevil se odpor proti šňupání, jak viděti z uvedených versí. Že se pak kouření považovalo aspoň za menší hřích než šňupání, jest ještě viděti z legendy zapsané u staroobrjadců Kijevské gub.⁴⁾ Jidáš prodával šňupavý tabák o něco levněji, než kuřlavý, jen proto, aby uvedl v hřích a zahubil více lidu.

Ostatně podle jiné maloruské pověsti z vých. Haliče⁵⁾ nenaučil právě Bůh aneb jeho vyslanec, Šalomoun, lidi kouřiti z dýmek, než čert: Od dávných dob byl tabák, ale páni neuměli ho užívatí. Sypali na plechovou mísku tabák, kladli naň žhavé uhlí, a dým pak lapali otevřenými ústy. Kdysi o půlnoci, když se odbyval panský ples, přišel čert do svinského chléva, nabral svinského lejna, z toho nadělal dýmky a ty podal pánům, aby z nich kouřili. Pokud byl s nimi čert, dotud měli dýmky, ale jak čert zmizel, zmizely i dýmky. Páni potom poručili hrnčiči, jak jim má udělati hlíněné dýmky. Od té doby tedy vešly dýmky v užívání.

Vášnivý odpor proti čertovské trávě, který jsme shledali v knižní legendě, připomenuté na počátku toho našeho článku, projevil se zvláště v některých povídkách zapsaných v Samarské gub. a na Kavkaze. V nich spojil se tento motiv s rozšířenou látkou o kajícím zbojníku, kde na důkaz odpuštění ne jabloň rozkvete a libé ovoce ponese, než tři černá

1) Максимовъ op. cit. str. 10.

2) Этнограф. обозрѣніе. X, str. 58 č. 3.

3) П. В. Шейнъ Приговоры или причеты о табакѣ. Труды Этнограф. отд. Импер. Общ. люб. естествозн., антрополог. и этногр. VII, 183.

4) Ib. 180.

5) Этнограф. Збірник VI, str. 283 č. 597.

jehňata zbělejí. U kozáků Slěpcovské stanice Sunženského oddílu Terské oblasti¹⁾ vypravuje se, jak vrah a loupežník Trofim Bezštannyj dvacet let již pásl tři černá jehňata, modlil se dvacet let, ale jehňata nezbělela. Nicméně nereptal, než stále pásl. Konečně přece opouštěla ho trpělivost, a když jednou se zastavila blízko cesty velká karavana čumáků, zoufal si, že si již nevymodlí spásu, že všecko jest marné, a tak všecky čumáky ve spánku zabil. Prohlížel pak zboží, a všude byl tabák, který byl mu zcela neznám. Rozhněval se, že ničeho ne-našel pro sebe a tak rozhodl se, že všecko spálí: mrtvoly, vozy i všecek tabák. Když to vše shořelo, zpozoroval, že jeho černá jehňata zbělela jako sníh. Zaradoval se a pověděl to onomu kouzelníku starci, který mu byl tuto pokutu uložil. Pověděl mu stařec, že nyní jest sňat hřích s jeho duše; třeba že mnoho lidí zabil, ale ten hřích se mu odpustí, protože spálil tu čertovskou bylinu tabák. Neboť jinak by se byla rozlezla po světě mezi lidmi, a kolik by lidí pokálelo se touto nečistou bylinou, přijalo by hřích na svou duši. Tou vraždou zachránil mnohem více lidí od hřichu, než jich zabil, a tak jest duše jeho čistá. Šel Trofim se starcem do své vesnice, zval ho do své chaty, a tam slyšel nárek ženin nad jeho mrtvolou. Stařec poučil ho, že nyní již jen duše jeho mluví s ním, mrtvola pak jeho leží na lavici. Ospravedlněná duše jeho odešla se starcem do ráje. Podobně vypravuje se v Samarské gub.²⁾ — Zcela téměř stejná jest verše ze Stavropolské gub.³⁾ Tu patrně jest pochybeno, že hřichy rozbojníku budou odpuštěny, až jeho tři bílé ovce zčernají. Dodáno mimo to, že zabil čumáky vlastně proto, že místo vody podali mu kořalky, vodky. Tento motiv protitabákový byl do těchto versi o kajícím zbojníku vsunut místo jiného motivu. Když podle jedné verše ruské⁴⁾ nebyl rozbojníkovi odpuštěn třetí hřích, uložil mu poustevník stejnou pokutu, pásti stádo černých ovec a modliti se, až všecky zbělejí. Tři leta plnil rozkaz přísně, ale ovce stále byly černé. Tu začal jezdit tudy jakýsi člověk a prozpěvovati veselé písničky. Zbojník zeptal se, proč veselé písničky zpívá, a když slyšel jeho odpověď, že tím veselejší píseň zpívá, čím více lidí pobije, zabil ho svou dubinou. Když se vrátil k ovcím, viděl, že všecky zbělely. Tato povídka jest také známá na ruském jihu, pokažená verše její zapsána byla v Jekaterinoslavské gub.: Poslední hřích zbojníkův od-

1) Сборникъ матеріаловъ Кавказ. XVI, одд. 1, стр. 202.

2) Садовниковъ Сказки и преданія самарскаго края стр. 299.

3) Wisła V, стр. 57. Сборникъ матер. Кавказ. VII, одд. 2, стр. 51 сл. Ю. Яворскій Очерки по исторіи рус. нар. слов. I, 15.

4) Аванасьевъ Нар. русскія легенды стр. 94.

puštěn, když zabil člověka, který holí tloukl po hrobech volaje: »vstávejte, psi synkové, a jděte na robotu«. Toho člověka ani země nepřijme, řekl zbojníkovi pop, neboť jak panský dohlížitel nad robotníky tak je urážel, že není na světě hříšnějšího člověka. Zde tedy byla vnesena tendence socialní¹⁾. Na zbělení černých ovec pak zapomenuto. Zachováno jen tolik, že pásal ovce, ale nepřipomenuto, jaké byly barvy. Souvisí pak tato verše s látkou dosti rozšířenou zvláště od východní Haliče dále na východ²⁾.

Velmi řídké jsou povídky, v nichž dochází výrazu jiné mínění, tabáku daleko příznivější. Nalezli jsme je u Malorusů a na slovanském jihu, kde jest tabák ve veliké oblibě. V Kurské gub. zapsána byla pověst³⁾, jak Matku Boží přestala hlava boleti, jakmile si šňupla, a proto tabáku žehnala. Srbská legenda⁴⁾ zase ví o tom, že byl tabák posvěcen od sv. Sávy, a že čertu se naopak zošklivuje dým tabáčný; když ústa zavánějí tabákem, pustí čert člověka.

1) Драгомановъ Малорусскія нар. преданія str. 131 č. 2.

2) Ю. А. Яворскій оп. cit. I, str. 4 sl.

3) Кіевская старина 1893, XL, str. 548.

4) Босанска Вила XVI (1902), str. 95.

J. Polívka.

Матеріалы къ познанію русскихъ говоровъ Лифляндской губерніи.

Предлагаемые нами скромные матеріалы представляютъ извлеченіе изъ многочисленныхъ нашихъ записей и наблюденій, начатыхъ нами около 1893 года. Наблюденія производились нами не только въ городахъ (Ригѣ и Юрьевѣ), но, преимущественно, въ селахъ и деревняхъ, гдѣ русскіе живутъ либо отдѣльно, либо въ перемежку съ мѣстными племенами, эстами и латышами.

Исторія русской колонизаціи въ Лифляндской губерніи — дѣло не совсѣмъ ясное. Къ сожалѣнію, и матеріалы для рѣшенія относящихся сюда задачъ рѣдки и трудно находимы. Можно сказать лишь, что русскіе попадали въ этотъ край въ разное время (начиная съ очень древняго періода) различными дорогами и изъ различныхъ мѣстъ. Вотъ почему и лингвистическій матеріалъ, собираемый здѣсь, отличается пестротой, трудно поддается единообразной характеристикѣ и указываетъ на разнообразіе своего происхожденія и источниковъ. То же разнообразіе кидается въ глаза наблюдателю и въ отношеніи этнографическомъ, при изученіи обрядовъ, одежды и пр.

Мужское населеніе, приписанное къ деревнямъ, живетъ по преимуществу въ городахъ, а потому языкъ у нихъ сбивается и не надеженъ для изслѣдователя, желающаго опредѣлить именно мѣстныя особенности. Въ виду этого я старался записывать произношеніе и діалектологическія особенности, главнымъ образомъ, женщинъ и дѣвушекъ — и притомъ такихъ, которыя не покидали никогда своихъ родныхъ мѣстъ и не утратили діалектическихъ особенностей.

Я счелъ болѣе осторожнымъ не давать никакихъ общихъ выводовъ и характеристикъ, предпочитая выждать мнѣнія лицъ, болѣе меня компетентныхъ въ общихъ вопросахъ русской діалектологіи. Пускай они выскажутся по поводу собранныхъ нами матеріаловъ; наше дѣло будетъ либо подтвердить ихъ заключенія новыми соответствующими данными,

либо отвергнуть ихъ мнѣніе на основаніи собранныхъ нами фактовъ живой дѣйствительности.

Въ расположеніи матеріала мы держались порядка академической программы.

Гласные звуки.

Вмѣсто *a—я*: Якулинушка, Якимъ, во сняхъ, обоссѣлся, святовъѣ и т. д.

Вм. *o—a*: злавѣла, спарадѣла, вазьмѣтя, хадѣтя, паднасиѣтъ, калѣчка, таргѣи, палавѣнки, славѣчекъ, три съ палтѣной, въ агародѣ, подѣ акѣшичкомъ, хаспадѣнѣ, сакалѣ, залѣи, марѣзъ, папѣдѣя, залатѣи, Пскавскѣи, Пскавскѣя и т. д.

Въ родит. пад. един. числа прилагат. муж. рода обыкновенно слышится вм. *ю—ва*.

Въ изглашеніи вм. *o—a*: нѣжна.

Вмѣсто *e—a*: тапѣрь, жанѣлъ, съ шастѣ до шастѣ часовъ, расчашѣте, чатыре, Афремъ, карасинъ и т. д.

Вм. *e—я*: лящѣи, запрѣтили, на вярхѣ, привляѣи, въ сялѣ, мяжевскѣихъ, бярутъ, пярѣину, сястрѣицы, чясалѣ, въ сямѣю, на бярегѣ, пякѣ, ня слышѣ, вазьмѣтя, увидѣтя.

Послѣ шипящихъ звуковъ вм. *e—o*: щоголѣхи, стражѣи (твор. п. ед. ч.). Обратное явленіе я встрѣтилъ только въ словѣ: крожѣвникъ.

Вм. *e—и*: Фидосѣи, зилѣная, зилѣзной, типло, стикляночка, беришкѣ, сивѣдне, виздѣ, привосхѣдная и т. д.

Въ изглашеніи *и*: нискѣльки, тѣльки, бѣдѣтъ, румяницѣ и т. д.

Вм. *и—ы*: крѣикъ, грѣмитъ, капрызнѣи, на крѣлосу.

Обратно: омѣивать.

Вм. *y—o*: только въ словѣ: крожѣвникъ.

Вм. *y—ю*: рѣссѣка, ютро, по чюхѣнѣски, скупѣи.

Обратно: панухаешъ, брунетка.

Вм. *y—ы*: только въ словѣ: сыхарѣи.

Вм. *ь—a*: цаловѣла.

Вм. *ь—я*: вянокъ, бядѣ, бягѣи, сняты, лянѣи (лѣнивые), сляпѣи, мясиѣтъ, перемянѣтъ и т. д.

Обратно: сѣдѣтъ (сядутъ).

Вм. *ь—и*: билаярова, дѣвкой-то, смѣивать (мѣнять), обѣдѣтъ, мѣсѣца, софсимъ, фси, фсѣихъ и т. д.

Вм. *я—e*: везѣи (вяжѣи), везѣтъ (вяжутъ), сивѣдне.

Вм. *я—и*: свѣта (недѣля) блѣзка, дѣсѣтъ.

Обратно: кто-нябудѣ, ня ошной.

- Сохраненіе бѣглой гласной: вѣши, лѣбы.
 Приставка гласной: они ишли.
 Отпаденіе начальной гласной: спѣлнлось.
 Стяженіе гласныхъ: чичась, Маринска.

Согласные звуки.

Звукъ *з* въ большинствѣ случаевъ произносится средне между *з* (= лат. *g*) и нѣмецкимъ *h*. Этотъ звукъ я обозначу черезъ *ж*: гжорамъ, гжрѣзной, гжлубкое. Но въ слѣдующихъ словахъ *з* произносится, какъ *ж*: жаспадинъ, пжрохъ, ржхъ и т. д.

Въ родит. пад. един. числа прилагат. мужескаго рода в. *з*—*в*.

- Вмѣсто *з*—*ж*: испужалась.
 Вм. *к*—*ж*: перехрястилась, дѣхтырь, хто и т. д.
 Вм. *ку*—*кю* только въ словѣ: сахаркю.
 Вм. *с*—*ш*: заштрахована, штатный (статный).
 Вм. *с*—*ч*: чичась.
 Вм. *с*—*х*: хвищете, хвистокъ.
 Вм. *зн*—*ст*: съ болести.
 Вм. *ц*—*ч* только въ словѣ: половничі.
 Вм. *ж*—*з*: жилезной, вези (вяжн), порозный.
 Вм. *ш*—*ши* только въ ишшо.
 Вм. *ш*—*х*: слухать.
 Вм. *ч*—*ш*: капешно, машта.
 Вм. *б*—*м*: омманѣлъ.
 Вм. *б*—*п*: рапской вѣры.
 Вм. *в*—*м*: испугамшись.
 Вм. *в*—*л*: не осталяйся (не оставайся).
 Вм. *в*—*к*: кукшинъ.
 Вм. *в*—*с*: скусно.
 Вм. *в*—*ф*: софсимъ, фси.
 Вм. *у*—*в*: вдѣрить.

Выпаденіе согласныхъ: оказываюсь (отказываюсь), пробужайся, позно, легость, замнутый, замните, за макушу, сняты, рлпуша.

Уподобленіе согласнаго *д* слѣдующему за нимъ звуку *н*: моннѣй, на-
 мѣнни, роннѣй, послѣннее, оннѣю, въ занпей.

Вставка согласныхъ: куплѣтъ, охвѣты.

Перестановка согласныхъ: маркота.

Звукосочетаніе *цѣя* произносится, какъ *цѣя*: палѣцця.

Въ прилагательныхъ на нскій звукъ *н* произносится очень мягко:
чюхонскій.

Особенности въ удареніи.

Сперва, частенько, пападья, магазина такая, цѣльная, толстая, зановиски, заголосила, оголошанье, понялъ, взяла, возьмутъ, все ровно, смѣшно, никому, глаза, плотичка, на дочкахъ, надъ мой дочкой, онному, за князя выходи, воши, нкуды, лггла, мальцовъ, учать.

Склоненіе.

Смѣшеніе склоненій именъ существительныхъ всѣхъ родовъ: абѣи Бѣлоусовы (мужики), бѣки, роды (род. п. ед. ч.), ничей заводы (род. п. ед. ч.), съ дитѣмъ.

Родит. пад. ед. ч. именъ существит. муж. рода *вм. а-у*: съ рынку.

Мѣстный падежъ ед. ч. > > > *вм. ъ-у*: на крылосу.

Именительный пад. множеств. числа:

вм. а-ы: глаза.

вм. ы-а: волоса.

вм. а-и: бѣки.

на ѣя: святовѣй, пузѣвья.

Родит. падежъ множеств. числа: курѣй, угрѣвъ.

Смѣшеніе падежей един. числа именъ существит. женскаго рода: въ комнаты, въ сковороды, къ Мины, въ ванны, плакала по косы, въ воды мыть, на работы (род. п. ед. ч.), на охвоты, на ковраы, по головы, по моды, во второмъ этажу, къ сестры, на горы, въ Нарвы, на Мажй, на щекй и т. д.

Прилагательныя.

Употребленіе прилагательныхъ опредѣлит. въ сокращенной формѣ: свитѣ (недѣля), Маринска нѣмецка больница, красны волоса, буйну галѣвушку, бѣла курица и т. д.

Въ именит. пад. множеств. числа прилагательныхъ полныхъ всѣхъ родовъ чаще слышится *я*, нежели *с* и *и*: сляпыя, лянныя.

Вмѣсто мѣстнаго падежа един. числа прилагательныхъ мужскаго и средняго родовъ употребляется творит. падежъ: въ высокимъ домѣ.

Мѣстоименія.

Вмѣсто въ немъ говорятъ: въ ѣмъ много динехъ.

Вм. у нея говорятъ: у ей галова заболѣ.

Вм. тѣмъ — тымъ: подъ тымъ-то краемъ.

Вм. тѣ (именит. множ.) — тыи: тѣи дивки.

Вм. съ тѣмъ — тыимъ: съ тѣимъ и кончилась.

Вм. сами (именит. множест.) — самы.

Вм. въ этомъ — въ этимъ платъи.

Вм. его — яво, явоново кальцо.

Вм. ея—ейная: поихала ейная и явоная рода.

Вм. ихъ—ейныхъ: въ сыновьяхъ ейныхъ ключито.

Кромѣ упомянутыхъ выше формъ отъ личнаго мѣстоименія 3-ьяго лица, существуютъ еще слѣдующія: јонъ (им. ед.), јона (им. ед. ж. р.) аны, яны (им. мн. ч.).

Вм. оба и обѣ (именит. множест. жен. рода) — абѣи: въ насъ абѣи дьячки халастыя.

Спряженіе.

Въ 3-ьемъ лицѣ единств. и множеств. чиселъ отъ глаголовъ въ настоящемъ времени чаще всего встрѣчаются формы безъ окончанія *тъ* и *тъ*: торгѹе, не пойдѣ, заболя, съ ума сходи, сама сиди; но встрѣчаются также слова и съ окончаніемъ *тъ*: мѹгитъ, учатъ, бѹдйтъ.

3-ье лицо ед. числа отъ ѣсть: ясти, ѣсти: сама сиди да ѣсти.

2-ое лицо единств. числа отъ глаголовъ: дать, ѣсть: дастишь, ѣстишь.

Вмѣсто есть употребляются слѣдующія формы: ёсти, ёсте, ёстя.

Встрѣтились еще и такія формы: скакаютъ, содержае.

Неопредѣленное наклоненіе.

Куда ихъ снести? Нестъ самоваръ? Вясть (вязать)?

Причастія.

Омманилъ, накладено, убѣгъ.

Повелительное наклоненіе.

Вм. поѣзжай — поѣды.

Синтаксическія особенности.

Употребленіе нѣкоторыхъ словъ въ множест. числѣ вм. единств. числа: во снѣхъ, на изгнанья, поѣду въ Валкъ на ярманки.

Употребленіе именит. падежа вм. винит.: два дяди видала.

Употребленіе родит. падежа вм. винит. отъ именъ существительныхъ мужскаго и средняго родовъ: терпи горюшка, кружевъ везутъ (вяжутъ кружева), яна собирае крожевнику.

Замѣна творит. падежа — родит. съ предлогомъ: онъ красивъ съ лица.

Весьма часто употребляется дательный падежъ вм. творит.: съ дровамъ, со слязамъ; онъ сняткамъ и пильсинамъ торгѹе.

Согласованіе съ числительнымъ два: въ насъ два дяди, два кѣты да кошка и два голуба.

Вм. слова: лѣтъ употребляется очень часто слово: годъ; десять годъ.

Замѣна одного предлога — другимъ:

Вм. *за*—*по*: по воду, по капусту.

Вм. *отъ*—*съ*: съ бодѣсти.

Вм. *на*—*въ*: я иду въ рынокъ.

Вм. *у*—*въ* (очень часто): въ Ѳеклы, въ Палаши, конецъ въ иголки.

Сравнительная степень: гораздъ лутше, дылше (длиннѣе).

Употребленіе безличнаго оборота вм. личнаго: въ Ѳеклы и въ Палаши взято было.

Употребленіе причастія вм. личной формы глаголовъ: Она замерши, я испугамшись, я таперь не привыкши сидѣтъ въ наклонку, онъ шодцы, гдѣ ты съ голосу сминивши, онъ красиво надѣвши.

Слышанныя мною характерныя выраженія: я сиводне не шьюся, за что сломала (зачѣмъ сломала?), я иссорила пять рублей, јонъ на десять тысячъ богатъ, аны идутъ въ середку, не могу никакова луковѣства соблюдать при сибѣ, мы любимъ гораздъ, дай миѣ ожихариться (обжиться), мы маладыхъ отпивали (пѣли пѣсни на свадьбѣ), јона пйше только крестивши, я надѣлась (одѣлась), бѣси — это, а не народъ, я такой роды ни читаю (не признаю), та улица фсихъ поправилась, торговки не онны не знаютъ, пить злой, фся деревня до чиста все щоголихи, фси чисто ругали, я не знаю, что тамъ дѣлаются фсяво, тамъ бдѣши нѣмецкомъ языкомъ говорѣ, всяка миня сміется, будемъ двончкою хли-бать, какъ хайне плакать (какъ начнетъ плакать).

Пословицы, поговорки и стишки.

Пирохъ, какъ рохъ, начинка, какъ плѣшь,

Подскакивай да ѣшь.

Деньги въ устахъ, а не въ кустахъ.

Святымъ кулакомъ да по праклятой шеи.

Вѣкъ жить, не михъ шить.

Скупю не жить, ничего не быть.

Всякъ по своему съ ума сходи.

Стои дѣдъ на мосту

И крычѣ: »фсихъ обоссю!«

Хто табакъ куритъ,

Тѣхъ во адъ турятъ;

А хто нѣхае,

Тотъ сзати трѣхае.

Словарь.

Ахвота, ахвотникъ, алебардовъ (оплеухъ), асѣдѣть (тонуть), болотникъ (бранное слово), вербница (Вербное воскресеніе), вперезѣ (впередѣ), гальтись (смотрите), глазырь (вѣтеръ, дующій въ глаза), грабить (грести, напр., сѣно), дегѣется (насмѣхается), дружникъ (другъ дѣвицы, а также шаферъ), ебятина (дѣти), жихыри (жители), загнѣтѣть, загнѣжѣть (напр., самоваръ), здѣннуться (подняться), иишій (иной), клещица (игла, которой вяжутъ рыболовныя сѣти), конецъ въ смыслѣ начала (какъ Вы съ конца заливали?), крошево, курва, лахтѣпа (много крупныхъ рыбъ), ловчѣха (женщина или дѣвушка, занимающаяся рыбной ловлей), лѣбѣя (лодка, на которой привозятъ въ Юрьевъ дрова), лязгавка (мелкій лещъ), мѣлецъ (неженатый, парень), масенькія (маленькія), наволожимъ (напр. масломъ кашу), нарумянятся (безразлично: быть набѣленнымъ или нарумяненнымъ), недовижу (ненавижу), нетѣльки (бабочки), нечестивикъ (чортъ, бранное слово), нечистикъ (тоже), ожихариться (обжиться), окрутиться (нарядиться, одѣться), окрутнѣй (наряднѣй), окрылась платкомъ (накрылась платкомъ), оголошанье (опѣваніе жениха), отпѣвать, опѣвать жениха, оставляйся (оставайся), отложить дверь (отворить), окрѣнуть (откашлянуть), паршивикъ (бранное слово), пахать (мести), побранка (брань), посудникъ (шкафъ для посуды), пражаждайка (проходимка), прѣпередокъ (передбанникъ), приплодъ сдѣлать (навязать нѣсколько петелъ лишнѣхъ въ сѣти), прѣсты двери (отворены), русманка, русманочка (русская изъ внутреннихъ губерній), разколонуться (разхолодиться), свольничили дивку (избаловали), скѣпаться (собраться), сняты (снѣтки), сорѣку, сорочку загнѣть (значить при вязаніи сѣтей сплести двѣ петли вмѣстѣ), стыръ (мачта), сроцинища (воспитанница), старецъ (нишій), стукатѣться (стучаться), страдать (играть, заигрывать съ дѣвками), сутѣга (провода), тарелка въ значеніи блюдечка, торпуть ножикомъ, тягѣхи (рукавицы), халудара (бранное слово), хламотѣть (стучаться), читать въ значеніи признавать, шалѣвая галова (ругательное слово), шематокъ, шматокъ, шмать (кусокъ), щибѣръ (большой лещъ), щуплѣй, щупленькій (худой, тошенькій), ѣчка (петля въ сѣти), ярить (щипать, напр., руки, смазанныя масломъ, ярили), щщирка (крышка).

Искаженіе иностранныхъ словъ.

Адрессъ, ниферштетъ (университетъ), небель (мебель), карасинъ, корфикъ (корзина), шафрейка (чулантъ), трепка (лѣстница).

Владимиръ Бобровъ.

Slov. vьně, vьпъ.

Skupina slov, o kterých vykládá Miklosich Etymol. Wtb. 396 s. v. *vьnъ*, pojívá se v jazykozpytné literatuře s různými slovy jiných jazyků idvr. Miklosich sám ukazuje na stind. *vinā* ›bez‹, se kterým hláskově na pohled skoro totožno je prus. *winna* ›ven‹ (*winna peréimai* ›heraufkommen‹, tvarem 1. os. pl., Will 31); srv. Per Persson IF. II 213, kde citováni J. Schmidt KZ. XXVII 286 a Pott Etymol. Forsch. I² 718. Jinde se pomýšlivá na příbuzenství s ř. *ἄνευ*, při čem ovšem bývá řeč především o málo rozšířeném csl. *izvьnu* ›z venčí‹ (Miklosich Lexicon 98 s. v. вьнъ: извьноу antch. prol.-mih. kruš. men.-vuk. pat.-mih., извьноу града men.-leop.), na př. Brugmann Grdr. II¹ 615, Per Persson l. l. 203/4². V novější době vykládá kmen **vьno-* Meillet Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave I 154 z **ud-no-*, ze staré idvr. předložky *ud!*/*ūd* v stind. *ūt*, ř. *ύσ-τερος*, sthněm. *ūz*, sl. *vy-* atd., rozšířené příponou *-n-ovou* (srv. sthněm. *ūzana* nněm. *aussen*, stind. *vinā* ›bez‹ vedle *vi-* ›roz-‹ a pod.); s tím srv. Brugmann Kurze vgl. Gramm. 463, Die Demonstr. der idg. Spr. (Abh. der phil.-hist. Kl. der Sächs. Ges. d. W. XXII, VI) 110¹, kde se s náležitou opatrností připouští možnost vzniku slv. *vьnъ* z **ud-no* nebo z **us-no-* (k tomuto srv. got. *us uz-*, sthněm. *ur-*).

Tyto výklady mají jeden rys společný: hledají pro adverbia významu ›ven, venku‹ původ a příbuzenství v slovích významu podobně formálního, jaký mají ona adverbia. A to je aspoň zbytečno: právě adverbia významu onoho pocházejí i ze slov významu původně věcnějšího. Srv. na př. lat. *foris*, *forās*, ř. *θύραζε* (již u Homera na př. i o moři, *ἐκ βασις οὐπηραινεῖ ἄλλος πολιοῖο θύραζε* ε 410, o ráně, *ἐκ μηροῦ δόρυ ὡσε θύραζε* E 694 a pod.), *θύρασι*, *θύραθεν*; lit. *laukè*, vlastně ›na poli‹, znamená ›venku, vně‹, a *laukan*, vlastně ›na pole‹, znamená ›ven‹; původního významu v polské Litvě běžnějších synonym *orè*, *orun* (lot. *áran*, *ará*:

stind. *ārē* ›v dáli‹ ald., Johansson BB. XV 315, Zubatý IF. VI 278) bohužel neznáme (lit. *oras* znamená ›vzduch, povětrí‹ a pod.), ale patrně byl také věcnější než formální ›venku, ven‹ [srv. И. Эндзелинъ Лат. предлоги I 52 n.]. Zvláště budiž připomenuto, že při těchto zde uvedených slovích se význam ›venku, vně‹ vyvinul, ač jejich význam etymologický v jazycích o něž jde není zatemněn, t. j., ač se vedle nich užívá slov týchže nebo příbuzných i u významě původnějším: připustíme-li možnost podobného původně věcnějšího významu i při slov. *vanē, vanz*, byl vývoj podobný při nich tím možnější, že vedle nich zanikla slova původního významu věcného. A o výklad podobný se zde chci pokusiti.

Výkladu podobnému se zdá svědčiti především okolnost, že slova *vanē* ›venku‹, *vanz* ›ven‹ docela mají ráz lokalu a akkusativu nějakého jména **vanz*. O hláskovém rozdíle mezi *v* ve *vanē* a mezi *z* ve *vanz* (r. *вонъ*) snad mluvíti ani netřeba: srv. Jagić Arch. I 17. Ani by nevadilo esl. **нзвъноу*, které koncovkou se zdá odporovati souvislosti s nějakým kmenem na -o-: bud' máme před sebou lokální tvar na -u jako v slov. *tu, onu-de* a pod. (Hirt IF. I 30 n.), anebo vzniklo **jz vanu* vedle *vanz* prostým napodobením poměru **jz domu* ›z domu‹ vedle *domz* ›do domu, domů‹¹⁾; je přirozeno, že pojmy ›venku‹, ›ven‹ se týkaly odjakživa v první řadě rozdílu mezi domem a prostorem mimo dům. A ohlížíme-li se v příbuzných jazycích po přibuzenství k slov. *vanē, vanz*, mimoděk vzpomínáme stind. jména *vanam* ›les‹ (a vedle toho střídáním významovým i odjinud známým též ›strom‹, ›dřevo‹ a pod.). Slov. *vanē, vanz*, pův. ›v lese‹, ›do lesa‹ by mělo mezi slovy nahoře uvedenými nejbližší obdobu v lit. *laukē, laūkan*, pův. ›na poli‹, ›na pole‹; a s prus. *winna* ›ven‹ by doplňovalo Meringerovy etymologie IF. XVI 179 nn. i příslušníky baltsko-slovanskými, jichž postrádá Meringer na str. 183.

Slov. *vanē* by mohlo býti hláskově i historicky totožno se stind. *vanē* ›v lese‹, jako *vanz* s *vanam* ›do lesa‹, protože stind. -an- může býti, zvláště v počáteční slabice slova, i střídnicí původního slabého stupně **-an-* (anebo, chceme-li, -*an-*); měli bychom zde týž hláskový poměr co mezi slov. *manja, manēti* a stind. *mányē, ř. malvoimai *manjoimai*. Ale nemám tuto možnost za nepochybnou. V jazycích stind. a avest. nalézáme i tvary, které nám dávají tušiti staré jednoslabičné neutrum,

1) Po případě (v srbském území) vedle *z domu, na domz*; prostý akkus. cílový *domz* jak se zdá není pro jižní část slovanských jazyků zaručen, ač jej aspoň pro starší dobu lze s velikou podobností předpokládati.

jehož tvary mohly mívati kmenostup **ven-* : *ven-*; tvary kmene na *-o-* by mohly v slovanštině i v jaz. stind. býti novotvary od sebe navzájem neodvislými, a stind. *van-* by mohlo býti i pův. stupněm *ven-*, a snad jím i jest podle okolnosti, že první slabika jeho různých tvarů tak důsledně mívá přízvuk. Tvary kmene souhláskového jsou na př. v starém lokale **vanar* (*vanar-gúh* »v lese chodící«; *vanar-šád* »v dřevě sedící«; **vanar-jaḥ* »v lese zrozený«, jméno nějaké rostliny; odvozenina *vānaraḥ* »opice«, vl. »lesní«, Uhlenbeck Ned. Taal- en Letterk. XIII 210 n., Etymol. Wtb. s. v.), v gen. sg. **vānas* ve *vānas-pātīḥ* »lesa pán, strom«, v Rgvédě i v gen. pl. *vanām*, v lok. pl. *vāsu*¹⁾; v Avestě je vedle ženského (nepůvodního) kmene na *-ā-* (*vana* »strom«) i gen. pl. *vanam*, ukazující též ke kmeni souhláskovému. Co je prus. *winna* sluší-li spíše ke kmeni souhláskovému či samohláskovému, jsou otázky, vůči nimž nedostatečná známost pruštiny nedopouští bezpečné odpovědi (*iswinadu* v *aina kanxta iswinadu kanxtinsna* »eine feine eußerliche zucht« Will 44 je mechanickou napodobeninou poměru *stoen* »tam«: *is stwendau*, *stwendau* »odtamtud«, a snad pochází přímo od Willa).

Po stránce hláskoslovné ani tvaroslovné nic nevádí domněnce, že slov. *veně*, *veně* je příbuzno se stind. *vānam* »les«. Po stránce semasiologické bychom museli předpokládati, že slov. *veně*, *veně* vzniklo — jakož z předu pravdě podobno — na vyjádření pojmů protivných pojmu domova, a že vzniklo v době, kdy mimo domov s jeho příslušenstvím (dvorem, rolí atd.) byly hlavně lesy. A uvážíme-li vysoké stáří slov *veně*, *veně*, plynoucí z okolnosti, že jsou všeslovanská, nic nevádí ani takovýmto domněnkám. I zde lze nám uvéstí rozličné analogie na podporu našeho výkladu. Stind. *áranah* znamená »cizí«, *áranjam* pak »cizinu, vzdálenost«, ale i »les, pustinu« (les i v pozdějších dobách je Indovi v první řadě pustinou, jíž se strachuje, v níž snadno zabloudí, v níž na něj číhají zákeřní lupiči a pod.); *aranya-* v přední části složenin i adjektivum *āranjah* slouží za označení rostlin a zvířat nedomácích, divokých proti domácím (v starší době se tak objevují často zvláště *aranyāḥ pásavaḥ* »lesní zvířata« na rozdíl od domácích, zvaných *grāmyāḥ pasávaḥ* »osadní, v osadě žijící zvířata«). Právě tak stává i adj. *vānyah* »lesní«, nebo *vana-* v složeninách; srv. petrohradský slovník s. v. *vānya-* (doklady z Rámájana), nebo jména jako **vana-kaṇā* »divoký pepř«, *vana-puṣpam* »lesní, polní květ«, *vana-makṣikā* »ovad«, vlastně »lesní moucha«, *vana-mālā* »věvec z divokých, nezahradních květin« (srv. Meringer l. l. 180) a pod.

1) Přízvukem a z části snad i stupněm kmenovým jsou tyto tvary docela shodny s tvary kmene *nar-* »muž«: gen. sg. *nārah*, gen. pl. *narām*, lok. pl. *nāsu*.

Podobně užívá latina výrazů jako na př. *silvestres tauri* (Plinius), *gallinae, arietes* (Columella), *silvestris rosa, faba, cicer cucumis, prunus* (Plinius) a pod. (docela jako řečtina, výrazů s ἄγριος) i o rostlinách a zvířatech nedomácích, která v dobách pokročilejších ani v lesích nebývají. Ulmann vykládá s. v. *mežs* takto: »Alles was im Deutschen mit *wild* im Gegensatz zum Zahmen bezeichnet wird, bekommt im Lettischen den Genit. *meža* [»Waldes-«] vorgesetzt, also *meža cūka* »das wilde Schwein«, ebenso *meža pīle* [»divoká kachna«,], *meža zūss* [»divoká husa«,], *meža zirgs* [»divoký kůň«] usw. *Mežā ēt* [»do lesa jítí«] = *sevis péc ēt* [»pro sebe jítí«] »seine Notdurft verrichten«. Významné je též spojení slov *dāmē* — *vānē* v modlitbě k Agniovi RV. VII 1, 19 (srv. Meringer l. l.) *mā nō dāmē mā vāna ā juhūrthāḥ* »neublížuj nám v domě, ne v lese«, kde po způsobě ve védské poesii tak obvyklém antithesí *dāmē* »v domě« — *vānē* »v lese« se má vystihnouti pojem vše zahrnující (asi »všude«, »kdekoli«); petrohradské slovníky zde přímo hledají význam »das dem Menschen nicht gehörige, fremde Land«, »Ferne, Fremde«. Máme-li zde před sebou dvojici antithetických pojmů »domov« — »les«, tak hojně a nepochybně doloženou, vznikají v nás ovšem mimoděk pochybnosti o správnosti všech jednotlivostí, o nichž vykládá Meringer IF. XVI str. 179 a n. Zejmena je nám pro stind. *vānam* význam »les« starší, než význam »pole« (v složeninách jako *vana-mālā*), ač ovšem připouštíme, že asi pojem »lesa« původně zahrnoval všecku nevzdělanou půdu vůbec, vyplněnou obyčejně z největší části lesem ve dnešním smysle slova, ale po případě i jinými útvary nevzdělaného povrchu zemského (takovýto širší význam sluší patrně zvláště stind. jménu *aranyam* i v době pozdější).

Co by mohlo se stind. *vānam*, slov. *vānē* atd. býti příbuzno v jiných jazycích idvr., nebudeme shledávati. Odkazujeme čtenáře na výklad Uhlenbeckův, Kurzgefaßtes etym. Wtb. der altind. Sprache s. v. *vānam*, Meringerův v pojednání Wörter und Sachen l. l., na kritiku Uhlenbeckovu PBB. XXX 325 a odpověď Meringerovu KZ. XL 232. Narážíme zde v jednotlivostech na otázky, o nichž si zatím neosobíme soudu. Výklady Meringerovy zasluhují všecku pozornost, ale tato pozornost stále musí býti provázena i opatrností. A to opatrností na všecky strany. Hledá-li na př. Meringer l. l. 187 význam »orati«, »Ackererwerb, . . . aber jämmerlicher, mit den Mitteln der Vorzeit erungener, wie es ärmlichen Verhältnissen entspricht« pro sloveso *vanutē* AV. XII 2 36 *yāt kṣātē, yād vanutē, yāc ca vāsnēna vindātē, | sārvaṃ mārtyasya tān nāsti (na-asti) kravyāc cēd ānirāhitāḥ*, najde sotva souhlas sanskrtistů (Ludwig na př. překládá: »was einer erackert, was er er-

*wirbt [erkämpft?], was mit der hand er sich verdient¹⁾, | all das hat der mensch verloren, wenn der Kravyát nicht beseitigt ist, Rigveda III 481): a přece kdo ví, nemohl-li by se konec konců dovolávat inchoativního slovesa *uñcháti* »sbírá klasy« (:něm. *wünschen*) na podporu svého mínění?*

1) Ludwig patrně čte *hástēna* místo *castēna* vydání Rothova-Whitneyova; čísti jest *vanēna*, v. BÜhtlingk-Roth VI 868, Whitney Index verborum 263, Harvard Oriental Series VIII 679 (zde překládá Whitney »and what one gains by pay«).

Josef Zubatý.

Berichtigungen zu ›Kalina. Jana Parum Szulcego słownik języka połabskiego‹.

Der erste Teil der Abhandlung von Kalina, die in den Krakauer ›Rozprawy i Sprawozdania‹ B. XVIII und XXI erschienen ist, enthält bekanntlich den Abdruck des sogenannten Wörterbuchs von Parum Schulze nach der Abschrift des Originals, die im Lemberger Ossolineum aufbewahrt wird. Bei der Kollation dieser Ausgabe mit der Handschrift, die ich vor einigen Jahren vorgenommen habe, hat sich herausgestellt, daß nur einige Versehen und Fehler von Kalina selbst korrigiert worden sind (vgl. S. 80, die ›Sprostowania i Uzupełnienia‹ enthält). Deswegen wird es hoffentlich nicht überflüssig sein, wenn ich ein ausführliches Verzeichnis all der Stellen zu geben versuche, die ich am Rande meines Handexemplars vermerkt habe, soweit die Nachträge des Herausgebers die nötige Korrektur nicht bringen. Solche Abweichungen von der Handschrift, die von keiner Bedeutung sind und folgerichtig durch den ganzen Text gehen, werden selbstverständlich nicht mit aufgenommen (z. B. der Unterschied zwischen langem und kurzem *S*). Andererseits können diejenigen Fälle nicht übergangen werden, wo Kalina nur gelegentlich vom Original abweicht, z. T. seine Schreibungen verbessernd, z. T. sie genau nachahmend, da man dadurch nur eine ungenaue Vorstellung vom Wert der Überlieferung bekommen könnte. Bei der sehr weit gehenden Ungenauigkeit unserer Quellen in der Wiedergabe der wirklich gesprochenen Laute der polabischen Sprache ist ungemein wichtig jedesmal genau zu wissen, in welchem Grade der gedruckte vorliegende Text die Handschrift ersetzen kann.

S. 18 *Lejseyjnung* statt *Leyseyjnung*.

S. 19 *Mühsz dine* statt *Mühszdiene*.

S. 20 *Cessat* statt *Sessah*.

S. 21 *Johii* statt *Johü*.

Tühlne statt *Thülne*.

S. 23 Anm. ¹⁾ gehört zu *Baddaja* Betten.

- S. 24 *Pejje* statt *Peyje*.
Pej john statt *Pejjohn*.
Heyde statt *Heyde*.
Krejwe statt *Kreywe*.
- S. 25 *Schmj jsza* statt *Schmijjsza*.
Lejsa statt *Leysa*.
- S. 26 *Po Züubee* statt *Pozüubee*.
- S. 28 *Grot jo je* statt *Grotjoje*.
De taa statt *Detaa*.
- S. 29 s. v. *Mahmmah* : *mohjtj mamu* statt *mohty mama*.
Streujah fehlt in 2.
Wanklang ze (*vanklangza 2*) statt *Vun klangze* (*klangza 2*).
- S. 30 *Kuzej* statt *Kuzey*.
Liefung statt *Liestung*.
Ta Ja dahl statt *Tajadahl*.
Nach *Runckawicz* fehlt *Dweyse bähret 2*.
- S. 31 *Dveyse* statt *Dveyse*.
Preytöhr statt *Preythör*.
Pühtzehm statt *Püht zehm*.
Zart Jüw statt *Zartjüw*.
- S. 32 *Prach od Stäuhl* (*Pragodtstüuhl 2*) statt *Prachod Stäuhl*
(*Pragodt stüuhl 2*).
Heiddin Kammei statt *Heidin Kammeis*.
- S. 33 S. v. *Johwahraa* fehlt : (*Jahwaraa 2*).
- S. 34 *Sti Jöht* statt *Stijöht*.
T. Jühn statt *Tjühn*.
- S. 35 *Srybang* statt *Srybang*.
Schweinu (*Schweinü* in »Uzupelnienia« ist falsch).
Schweinjuh statt *Schweinjah*.
- S. 36 *Tejwack* statt *Teywack*.
Deywa statt *Deywa*.
Gunss Jahr statt *Gunssjahr*.
Pyjahngley statt *Pujahngtey*.
Strids jar statt *Stridsjar*.
- S. 37 *Tehl ja* statt *Tehlja*.
Männs statt *Manns*.
- S. 38 *Saap ca* statt *Saapca*.
Sopeytje statt *Sopeytje*.
- S. 39 *Jang Ejm Jaacke* statt *Jang Eymjaacke*.
Tung Pijahss statt *Tung Pijahs*.

- S. 40 *Mih lolja un motej* statt *mohtey*.
 Z. 6 v. u. *Dieb brasehna* statt *Diebra sehna*.
- S. 41 Z. 5 v. u. *jehm* statt *sehm*.
- S. 42 *Mi Jang* statt *Mijang*.
- S. 45 Z. 20 v. o. *pej* statt *pey*.
 Z. 8 v. u. *veilje* statt *veitje*.
 Z. 7 v. u. *Krejw* statt *Kreyw*.
- S. 46 Z. 4 lies: *Johs zanj (kaa) veitje heit (nimmer) minne tock*
pejohñ peit Tid jesehna (das in Klammern gesetzte
 ist durchstrichen).
- S. 46 Z. 13 v. u. *wilt je* statt *wiltje*.
 Z. 8 v. u. *ländej* statt *lündey*.
- S. 47 *Wist jahn* statt *Wistjahn*.
Leids zaar statt *Leidsszaar*.
Neyw statt *Neyw*.
- S. 48 *Ej vlatzon* statt *Eyvatzon*.
Li john statt *Lijohn*.
W. jungse statt *Wjungse*.
T Jüpitz statt *Tjüpitz*.
Eysaggohn statt *Eysaggohn*.
Dan wa wiest statt *Danwawiest*.
- S. 49 *T. Jösöhr* statt *Tjösöhr*.
Wejse statt *Weyse*.
Po Jüuber statt *Posüuber*.
So bahlsah statt *Sobahlsah*.
- S. 50 *So wäusneitz* statt *Sowäusneitz*.
Prüh wesel statt *Prühwesel*.
- S. 51 Z. 12 v. u. *T. Jübahl* statt *Tjübahl*. Am Rande steht noch:
 Ohrfeigen *Scrohseil*.
 Z. 10 v. u. *wissej* statt *wissey*.
- S. 52 *T. Jäupal* statt *Tjäupal*.
Wej Parrin statt *Weyparrin*.
Wangzohl statt *Wangjohl*.
Zeywe statt *Zeywe*.
B. Johl statt *Bjohl*.
T. Jantige statt *Tjantige*.
- S. 53 *Jang eymerson* statt *Jang eymerson*.
- S. 54 *Heide* od. *Püdo* statt *Püde*.
- S. 55 *Wan jinneh* statt *jineh*.
Brest Joje statt *Brestjoje*.

- T. Jüsac* statt *Tjüsac*.
- S. 56 *T Jama* statt *Tjama*, *T Tejammi* statt *Tejammi*.
Po Zanch statt *Pozanck*.
Po Zangscin statt *Pozangsein*.
Eÿsassern statt *Eysassern*.
Clangseÿ statt *Clangsey*.
- S. 57 Z. 12 v. o. *de ta* statt *deta*.
Z. 15 v. o. *P. Jungsat* statt *Pjungsat*.
Z. 20 v. o. *Kryjoht* statt *Kryjoht*.
Z. 26 v. o. *T. Jösör* statt *Tjösör*.
Z. 3 v. u. *Tungglad* statt *Tung glad*.
- S. 58 Z. 1 v. o. *T. Jessey* statt *Tjessey*.
Z. 3 v. u. *Medün* statt *Medüu*.
- S. 59 *Pan Tijüh* statt *Pantijüh*.
Kreydel statt *Kreydel*.
- S. 60 *Wieneitz* statt *Vieneitz*.
Pleess neÿve statt *Plessneyve*.
Kasseÿve statt *Kasseÿve*.
T. Jeddre Je statt *Tjeddroje*.
- S. 61 *Zir Tijur* statt *Zirtijur*.
Bordeÿnung statt *Bordeÿnung*.
T Jüpal statt *Tjüpal*.
Zeyen statt *Zeyen*.
Wass Tijej statt *Wastijey*.
Streÿsin statt *Streÿsin*.
Moss Eÿ-treÿsohn statt *Moss Eystreÿsohn*.
- S. 62 *Püun* statt *Püün*.
Bugheÿbarro statt *Bugheybarro*.
V. Jungsat statt *Vjungsat*.
- S. 63 Z. 1 v. o. *Meÿsah* statt *Meÿsah*.
Pi Jossic statt *Pjossic*.
Mohss Tibe wessd Jat statt *wessdjat*.
Jiss wessd Jova statt *wessdjova*.
Wannÿ statt *Wanny*.
De ta qveÿle statt *Deta qveÿle*.
De ta vühtze statt *Deta vühtze*.
- S. 64 *De ta* statt *Deta*.
Dannüü statt *Dannüu*.
Seÿde statt *Seyde*.
Sode wen statt *Sodewen*.

Jaa mart statt *Jaamart*.

Nitutizsa statt *Ni tutizsa*.

S. 66 *Mjcrarindsa* statt *Mycrarindsa*.

Klejb statt *Kleyb*.

S. 67 *Mohla Wadjuhl* statt *Mohla Wadsuhl*.

S. 68 *Ey da wig* statt *Ey dawig*.

S. 69 S. 18 v. o. *Jey* statt *Jey*.

S. 71 ff. enthält die Abhandlung von Kalina ein Verzeichnis der Eigennamen, die in der Chronik vorkommen. Dasselbe ist leider unvollständig, es hat aber keinen Zweck, Nachträge dazu zu liefern, denn ich hoffe in nicht allzu entfernter Zukunft die Möglichkeit zu bekommen, mein ausführliches Wörterbuch des ganzen polabischen Sprachschatzes zu veröffentlichen.

Moskau.

W. Porzeziński.

Херцег Стипан Вукчић Косача и породица му у историји и народној традицији.

У својој књизи »Западна Европа и Балкански Народи према Турцима у првој половини XV. века« (Нови Сад 1905) стр. 267 sqq. истакао сам да је узрок рату између Дубровчана и херцега Стипана Вукчића Косаче 1451—1453 био чисто економне природе, али сам у нап. 2 на стр. 273 рекао и то, да је народ сасма друкчије објашњавао ово ратовање између два најближа суседа. Један случај, који се десно у породици херцеговој баш у очи рата са Дубровником, био је толико занимљив по народну машту, да га је она тесно везала са читавим ратовањем, тумачећи тим случајем и узроке ратовања.

Ја ћу у овом чланчићу, на основу казивања хроничара у XV., XVI. и XVII. в., показати како се та традиција развијала, и напосле покушаћу да утврдим да ли се та народна традиција очувала у нар. песмама и причама и како се очувала.

Из архивалне дубровачке грађе¹⁾ види се, да су скоро одмах у почетку рата најстарији син херцегов Владислав и мати му Јелена, која је била кћи последњег Баошића а праунука кнеза Лазара, прешли на страну Дубровника. У марту 1452 преотео је Владислав од оца скоро читаву територију северно од Неретве, потпомогнут Иванишем Влатковићем, Петром Војсалићем и другима²⁾. Из архивалних података не види се зашто су Владислав и мати му Јелена устали на херцега Стипана, али грчки писац Лаоник Халкондил, који је писао на 10—15 година после овога ратовања, каже, да је у херцегову земљу са флорентинским трговцима дошла једна веома лепа и раскалашна Флорентинка, у коју се херцег загледа и задржа је код себе. Херцегова жена напусти га због тога, те са сином одбегне у Дубровник. Херцег јој је поручивао

1) Jos. Gelcich, *Diplomatarium reipublicae Ragusanae cum regno Hungariae*, Budapest 1887. N. Jorga, *Notes et extraits pour servir à l'histoire des croisades au XV-e siècle*, Paris 1899. II.

2) N. Jorga, *op. cit.* 465.

да се врати дома и да га не ружи у страном свету, али пошто херцег не хте отпустити младу Флорентинку, како је херцезица захтевала, то херцег, љут на Дубровник, зарати са њиме, у коме је рату учествовао и син херцегов на страни Дубровчана³⁾. Овај детаљ могао је Халкондил чути од дубровачких трговаца у Цариграду, како је добро опазио В. Макушев у Изслѣдованія обѣ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника⁴⁾.

Да је раздор у херцеговој породици избио због неке младе женске, како прича Халкондил, потврђује једна белешка у дубровачком архиву из априла 1451 дакле пре него што је рат избио. Херцег Стипан тражио је на име од републике да му изда поклад стрица Сандаља у износу од 12000 дуката, који се по завештају Сандаљевоу после херцегове смрти имао разделити међу његове синове. Но република не хте издати тај поклад јер је херцег у животу те *pro haver altri fioli che quelli chi sono al presente o de la madre de li detti fioli, o di altre donne, perchè, vivando essa ha preso un'altra zoveneta, et po cum essa haver de li fioli*⁵⁾. У протоколу дубровачког већа умољених спомиње се у јулу 1451 код херцега *domina Helisabeta*, и то ће по свој прилици бити та Флорентинка, тим пре што је херцег имао трговачких веза са Флоренцијом⁶⁾.

Констатујући истинитост Халкондиле прелазимо на друге писце. Док Јаков Гобелин или боље папа Пије II. прича само да је Стипана син му истиснуо с помоћу Турака на далматинска острва, не могући подносити његову власт⁷⁾, дотле Теодор Спандуцино, који је писао негде на поч. XVI. в., прича, независно од Халкондиле, у главном исту причу, само нешто детаљније говори о приликама у породици херцеговој⁸⁾. Спандуцино не приказује рат Дубровчана са херцегом, него, говорећи о намери султ. Мухамеда II. да освоји Босну, спомиње, како је херцег од св. Саве имао најстаријега сина Владислава *che avea per moglie una sorella de mio avo pomata Anna*, и како су Владислав и жена му Ана много били љути на херцега, који *essendo vecchio et havendo poco rispetto al figlio et alla nora, prese una meretrice per concubina et menossola in palazzo*. Пошто отац не хте напустити

3) Laonici Chalc. De rebus Turcicis. Bonnae 1843, lib. X. 540—542.

4) Записки Имп. Акад. Наукъ т. XI. No. 5. СПб. 1867. 282.

5) J. Gelcich, op. cit. 508.

6) N. Jorga, II. 418. n. 5. 456. n. 3.

7) Gobellinus. Commentarii rerum memorabilium, Romae 1584. 573.

8) Teodoro Spandugnino, De la origine deli imperatori Ottomani (Sathas, Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce au moyen âge. T. IX. Paris 1890. 162).

конкубину дигне се Владислав у споразуму са неколицином великаша, те истисне херцега из земље, нашто се овај обрати султ. Мухамеду II., давши му за таоца млађега сина који се потурчи и назва кашње »*Sinap bassa Chertzecogli*«. Мухамед II. уђе с војском у Босну, али херцег беше за то време умро, а Владислав се са женом и децом склони у Млетке »*et stette a casa nostra alcuni giorni*«, па одатле у Угарску, где је и умро. Други син херцегов Влатко доби од султ. Мухамеда II. на уживање град Нови са још неколико места, али га кашње истисну оданде султ. Бајазет II. те умре »*in Arbe città di Dalmatia*«.

Спандуцино, који је преко Ане био у неком сродству са херцеговом фамилијом, прича ствар онако, како се у истину десила и како ју је он могао чути од старијих чланова своје породице. Нарочито истичем казивање Спандуцина да се Владислав у споразуму са неколико угледнијих људи у Херцеговини подигао против оца, што потврђују архивални подаци. Спандуцино једино греша када смрт херцега Стипана ставља за читавих 15 година раније и што турчење најмлађега сина херцегова Стевана, кашњега великога везира Ахмеда Херцеговића, ставља половином XV. века, називајући га погрешно Синаном. Халкондил опет брка херцега Стипана са стрицем му Сандаљем а узрок рата између Стипана и Дубровника погрешно тумачи овим случајем у херцеговој породици. Но крај свих тих омашака и код Халкондילה а и код Спандуцина имамо, независно једно од друго, забележену причу у њеном првобитном облику, онако како она највише одговара истини.

Али љубав старога херцега према младој Флорентинци, због које кида са члановима своје породице, интересовала је народну машту и после 1453, када се херцег измирио са женом Јеленом и сином Владиславом⁹⁾. У току од четири до пет деценија почело се у народу забрављати право стање ствари, те се причало како је та млада Флорентинка замакла била за око сину херцегову, али ју је стари херцег себи присвојио, што је, наравно, изазвало срибу жене и сина херцегова. Ову, нешто преиначену версију, налазимо већ код млетачкога историчара Марка Антонија Сабелика, који је писао пред крај XV. века. Немам при руци Сабелика, али у Растића или боље у аналитичној компилацији оба Гундулића у XVI. и XVII. в. каже се: »*Et io mi riduco a credere esser vero quello che dice Sabellico, che la concubina fiorentina sia stata di Vladislavo, e che il padre volendola per sè ancora, il figliuolo si fosse sdegnato contro il padre, così pure la moglie*«¹⁰⁾.

9) Miklosich, Mon. Serb. 457—463.

10) Monum. spect. hist. slavorum merid. XXV. Scriptorum II. 325.

Првих година XVI. в. пак причало се, а можда и певало, у народу већ друкчије. Алојзије Цријевић Туберо, који је писао у првој четврти XVI. в.¹¹⁾, каже, како је херцег најстаријем сину преотео невесту (*erat Stephano Cosacio filius natu maximus patri, ob egerptam sibi sponsam, valde infensus . . .*), због чега син, љут на оца, послуша Дубровчане, те с помоћу Турака нападне на оца. Туберо прича даље да се овај син херцегов кашње потурчио¹²⁾. Сличну причу читамо и код Корнелија Дуплицција Шепера, који је 1533 пропутовао кроз Херцеговину као посланик Фердинанда I. Он прича да је на том путу слушао како је херцег хтео оженити сина Владислава некаквом хришћанком, коју је херцег преварио и оскврнио. Због тога се жена херцегова и син дижу на њ, те му с помоћу Турака преотму земљу, коју предаду Турцима, а херцег се повуче у Нови. Шепер прича даље да се херцег кашње измирио с Турцима и умро у Цариграду, а син му Владислав да се потурчио, те се као Махмуд бег оженио са једном ћерком султ. Бајазета II.¹³⁾ Народна традиција, како су је забележили Туберо и Шепер, уноси у првобитну причу нов елеменат. У народној машти некадашња милошница старог херцега преобразила се поч. XVI. в. у невесту Владислава, у причу се уноси родоскрвни елеменат. Но тим уношењем новог елемента и проширењем ремети се знатно првобитни поредак ствари, а нарочито се личности у тој породичној драми бркају једна с другом. Најстарији херцегов син Владислав брка се са најмлађим Стеваном, који се кашње потурчио, а који, када је избио раздор у породици због Флорентинке, тешко да је био рођен, јер се у листинама, којима се утврђује мир у херцеговој породици, не спомиње¹⁴⁾. Он је по свој прилици херцегов син из брака му са Цецилијом. Но необична појава турчења пред крај XV. в. стала се тумачити тешком увредом, коју је, тобоже, син претрпео од оца.

Павле Јовије, бискуп Ноћере, који је писао око половине XVI. в., ставља овај догађај много кашње, у доба владе султ. Бајазета II. И он везује погрешно читаву причу за најмлађег сина херцегова. »Costui, veldi on, figliuol di Cherseogle signore in Ischiauonia di monte Nero, essendogli data per moglie et già menata alla nozze, apparecchiato una fanciulla, ch' era del sangue del despoto della Servia, incontanente lo

11) Archiv für sl. Phil. XIX. 51—52.

12) Lud. Tuberonis Commentariorum de rebus quae temporibus eius in illa Europae parte, quam Pannonii et Turcae eorumque finitimi incolunt, gestae sunt. Francofurti 1603. 114—115.

13) Rad jugosl. akad. LXII. 65—66.

14) Miklosich, Mon. Serb. 457—465.

scelerato padre, perciocche ella marauigliosamente bella, postole adosso l'occhio, fieramente se n' accese et uincendo la lussuria ogni uergogna, subito insolentemente escluso il figlio celebrò le nozze, противно родбини, која истицаше да тиме срамоти сина и читаву фамилију. Сии огорчен на оца одбегне султану Бајазету »et lasciato il nome di Stefano, chiamato Acomate, Cherseogle fu fatto genero di Baiazete«¹⁵⁾. Не знам од куда је Павле Јавије могао дознати и забележити да је вереница херцегова сина била из породице српскога деспота. Но како је жена херцега Стипана, Јелена, била кћи последњег Баошића, брата од тетке деспота Ђурђа Вуковића, могуће је да је Јовије начуо нешто о сродству херцегове породице са породицом српскога деспота, те је, не знајући добро право стање ствари, могао написати оно о пореклу веренице херцегова сина. Мавро Орбини, који је читао ову причу код Јовија, како ћемо одмах видети, био је боље обавештен о везама ове две породице, па је стога и одбацио ово казивање Јовијево.

Ову причу налазимо забележену и у Пандектама Јована Левенклава с краја XVI. в. Но Левенклав није забележио ову причу по слушању, него по Спандуцину и Јовију »Diversa vero, каже он, тумачећи зашто се Стеван потурчио, referuntur a duobus auctoribus, Spandugino et Jovio«. Занимљиво је међу тим да Левенклав, излажући причу Спандуцинову, подмеће овом и такве детаље, којих код Спандуцина нема. Он је, што се јасно види, причу Спандуцина проширио казивањем из Халкондиде, кога исписује скоро дословце, и ако не налази за вредно да то спомене. Овако проширену причу обогатио је са још неким детаљем о најмлађем херцеговом сину Стевану из Јовија, па је све то приписао Спандуцину. Нашавши код Јовија причу да се Стеван потурчио поглавито стога што му је отац протео невесту, није знао да има пред собом две версије о једном истом догађају, старију и млађу, него их без икакве критике обе усваја: »Dux Stephanus . . . non modo Florentiae mulieris adulterio se polluit, verum etiam deinceps sub Baiasitis imperio sponsam Stephano filio secundogenito per scelus eripuit«¹⁶⁾.

Мавро Орбини, с краја XVI. в., има такођер старију и млађу версију. То долази отуда, што се, пишући о овоме, служио Халкондидом, Тубероном и Павлом Јовијем. Али и он, као и Левенклав, прича доста збркано. Пошто је по Халкондиди испричао како је херцежица са једним сином због Флорентинке избегла у Дубровник, додаје, да пије

15) La prima parte dell' istorie del suo tempo di monsignor Paolo Giovio da Como, vescovo di Nocera. In Venetia 1555. 337—338.

16) Joannes Leunclavius, Annales sultanorum othomanidarum. Pandectes. Francofurti ap. Andreae Wecheli heredes 185/6.

због тога избио рат него због питања о царини, коју је херцег тражио од дубровачких трговаца. Исправивши тако Халкондила, прича, како је почело ратовање, за време кога се подигао на херцега син му Владислав и утврдио се у Благају. Одатле је прешао у Дубровник, где је пред сенатом: *»accusò il padre, che sendogli stata apparecchiata et già menata (изрази узети из Јовија) da Vulatko figliuolo d' Juan Catunar di Cianaglina (questa terra è in Popovo) per moglie la figliuola di Marino Martiano principe di Russano, egli incontanente (percio che era molto bella) vincendo la lussuria ogni vergogna (из Јовија), gli l' haeu tolta«.* После тога *»Vladislavo disse tanto mal di costumi del padre, che fece stupire quel senato«*¹⁷⁾. Према оваком причању изгледа да је Орбини замишљао да је са херцезицом пребегао у Дубровник други син херцегов (Влатко), а Владислав да је нешто кашње због преотете веренице устао на оца. Орбини је знао и за трећег херцегова сина Стевана, за кога по Јовију каже да је, за време побуне Владислава, дат од стране херцега као талац султ. Мухамеду II. Он сасма добро опажа да није тачно оно што кажу Павле Јовије и Луд. Туберон *»che Vuladislavo, per far vendetta dell' onta ricevuta dal padre, sia statto quello, che rinego la fede christiana«*¹⁸⁾. Орбини прича по Јовију да се најмлађи син херцегов Стеван потурчио, па шта више зна чак и име кхери Баја-зетове, која је потурчењаку Стевану дата за жену, док Јовије не спомиње име Фатиме. Од куда је Орбини знао за ово име? Ја држим да не ћу бити далеко од истине ако узмем да је име Фатима унесено у Орбинијево причање из народне традиције. Споменућу још да Орбини овај случај у херцеговој породици упоређује са сличним случајем у царској фамилији Палеолога, који је детаљ узео из Халкондילה¹⁹⁾. Исто то понавља и Јаков Лукарић на поч. XVII. в., који је у опше читаву ову причу исписао из Орбинија. Једино је Лукарић проширио оно место код Орбинија, где је говор о херцегову неморалном животу. Он каже за херцега да је *»dato tutto in preda alla colera et al vino et risoluto alla pratica delle serue et meretrici«*²⁰⁾.

Пре него што пређем на турскога путописца Евлију Челебију рећи ћу да ову причу налазимо забележену и у једном изводу из млетачких анала. Ту се каже како је херцег *»aveva fatto venire una tedesca per moglie al suo figlio, ma vistala molto bella, disse: »quella*

17) M. Orbini, Il regno degli Slavi Pesaro 1601. 383—4.

18) Op. cit. 387.

19) Chalc. op. cit. lib. II. 81.

20) Giacomo Luccari, Copioso ristretto degli annali di Rausa. In Venezia 1605. 97—98.

non era da fantolini, et volle quella nel suo letto«²¹). Како Љубић ништа не каже о времену постанка ових анала, не могу се дубље упуштати у оцену ове приче. Види се само да је у њој забележена млађа версија.

На поч. друге половине XVII. в. пропутовао је кроз Херцеговину Евлија Челебија. Говорећи о томе како је султ. Мухамед II. освојио Јосну, каже, да је то учинио с помоћу Ахмед бега, херцегова сина. По грчким писцима, нејасно каже Евлија, тај Ахмед, који је освојио Милешево, још док је био неверник, верио се са ћерком шпањолскога краља. Али херцег, његов отац, коме се невеста допадне, преоте је сину баш на дан свадбе, због чега сип, љут на рца, пребегне Мухамеду II. Пошто је примио ислам, добије од султана 50 хиљада војника са неколико топова, те из Сокопља крене на Милешево и освоји га, а стари херцег избегне у Благај. Султан у радости покљони Ахмеду Милешево с правом, да све, што од оца освоји, буде његово. Ахмед бег освоји целу Херцеговину, те после неколико година умре и буде сахрањен у Милешеву, у близини цамије²²). Евлија тачно везује турчење за најмлађега сина херцегова само греша и он што турчење доводи у везу са вереницом и што, према томе, турчење ставља много раније него што се у истини десило. Како то да Евлија зна да је вереница херцегова сина била кћи шпањолскога краља а не зна ништа о Ахмедовој женидби са ћерком султ. Бајазета II.? Није ли он можда какав податак о кћери шпањолскога краља могао наћи код познијих грчких писаца, који друкијје причају од Халкондиле? Све су то питања на која не узем да одговорим.

Види се дакле да се о љубави херцега према Флорентинци причало и да су ту причу марљиво записивали кашњи хроничари и путници сем папе Пија II. који бележи ратовање, не залазећи детаљније у ствар. Неки од тих писаца забележили су ту причу онако како су је чули (Халкондил, Спандулин, Сабелико, Јовије па донекле Орбини и Евлија) док други ову причу у своје радове не уносе као одјек народнога причања, него је та прича код њих литерарна порекла.

Погледајмо сада да ли се очувала каква успомена на овај догађај у познијој народној традицији.

У женским песмама из Херцеговине код Вука²³) бр. 13. налазимо песму »Владислав се потурчио«. У песми дознаје херцегова љуба од

21) S. Ljubić, Commissiones et relationes venetae I. Zagrabiae 1876. 5.

22) Evlia Cselebi türk vilâgutazó magyarországî utazásai 1660—1664. fordította Dr. Karácson Imre. Budapest 1904. 408—409.

23) Срп. нар. пјесме из Херцеговине (женске). У Бечу 1866.

звезде Данице да се Владислав потурчио и постао Смаил пашом, и да са снагом турском војском полази на херцега. Она јавља то херцегу, а овај скупи благо и одлази у Дубровник, да га онде остави у поклад. Дубровчани примају благо на оставу под условом, да херцег напише на градска врата: »Прође херцег и пронесе благо, и проведе вјереницу љубу«. За херцегом стиже пред Дубровник потурчењак Смаил паша, но пошто га Дубровчани упозорише на запис на градским вратима, враћа се натраг. Херцег Стипан тражи по том благо од Дубровчана, али га не добива, јер и њега лукави Дубровчани отправише празних руку на основу записа на градским вратима. Херцег Стипан умире од муке.

У овој песми код Вука, као што видимо, сачувала се прилично тамна успомена на тај догађај. Оно што би требало да буде главно губи се у позадини а на први план истиче се мудрост и лукавство Дубровчана. Једино из речи херцежице: »О ти Шћепе, зао сан заспао! а у з'о час разљутио сина« види се, да је дошло до неких диференција између сина и херцега, али певач већ ништа детаљније није умео да каже о узроку те свађе. Но у стиховима: »Прође херцег и пронесе благо, и проведе вјереницу љубу«, где је то сасма немотивирано, сачуван је, и ако нехотице, веома важан елемент старије народне традиције. Као што видимо у овој песми код Вука обрађена је, и ако веома непотпуно, млађа версија, она, коју сретамо код Шепера, Јовија и Евлије Челебије. За то што се у овој песми код Вука сачувала два главна елемента ове традиције: свађа између оца и сина и тамна успомена на женску, због које је дошло до раздора, стављам ја ову песму испред раније забележеног варијанта код В. Богишића под бр. 119. »Херцег Стјепан и благо му у Дубровник донесено«²⁴). У овој се песми, као и код Вука, пева како Мехмед паша, пређе Владислав, полази са турском војском против херцега. Но у овој песми недостатак она два главна елемента раније народне традиције надокнађује се детаљнијим топографским подацима. Тако Мехмед паша полази на Благај, који спомиње и Шепер, да га освоји и однесе херцегово благо. Мајка Владиславлева полази преда њ и јавља, да му не може предати кључеве од града, јер их је херцег понео собом у Мостар, на што се Мехмед повлачи. Херцег Стипан за тим сакупи до три турме коња, те побегне с благом из Благаја: »Прва турма низ Попово иде, друга турма низ Видово поље, трећа турма низ Дубраве равне«. Дубровчани, као и у песми код Вука, преварише херцега, те му не хтедохе издати благо, него »Њиме

24; В. Богишић, Нар. пјесме из старијих највише приморских записа. Београд 1878.

хране сироте девојке«. Чудноват је овај стих којим се песма завршује. И ако се ту најпре мора мислити на дело милосрђа републике према сиротим а неудатим девојкама, како је то било у истину у Дубровнику, ипак је чудно да се у песми херцегово благо употребљава баш на ту сврху. Зар се не би смело помислити да је ту, наравно несвесно, сачувана тамна успомена о неком делу херцегову, којим је повредио чистоту девојачку, због чега тај грех помагањем сиротих девојака треба колико толико да се ублажи?

Сем песме »Златарић Стеван«, у којој се сачувала само веома тамна успомена на турчеће најмлађег сина херцегова Стевана ²⁵⁾, знам још две песме код Вука, у којима се пева о херцегу Стипану и његовој заручници ²⁶⁾. У песми под бр. 727. пева се како је херцег Стипан испросио лепу Мару и даривао, али она не ће да пође за њ, јер »Ерцег, кажу, да је пијаница, да је ерцег много Турком дужан«. Да би избегла удају са херцегом, Мара се начини мртвом. Херцег долази са сватима по невесту, коју затиче на носилима. Но он не верује да је Мара умрла. Он јој меће жеравицу у недра, па онда пушта змију присојкињу, али се Мара не миче. Када је протрља брадом по образу, Мара се с муком уздржи да се не насмеје. Херцег са сватима одлази а Мара здрава и весела скаче са носила.

У овој песми, која би се могла назвати женским Малм Радојицом, нарочито се истиче издржљивост давојчина а појентира се особито снага мушкога миловања. Но по нас је интересно то, што се ту херцег приказује као пијаница. Ту је дакле тај мотив једини остатак старије народне традиције, који је истакнут код Орбинија, а још више код Лукарја.

У сасма позној песми код Вука »Опет заручница ерцега Стипана« (бр. 728) пева се, како херцег напушта вереницу, коју су му покудили: »Једни кажу, ода зла си рода, други кажу љута као гуја, трећи кажу сипљива, дремљива«. Није ли оно »ода зла си рода« веома мутан и таман остатак од врло старе традиције о везма херцеговим са девојком незнапога порекла?

25) Босанска Вила за г. 1887. 360—362.

26) Срп. нар. пјесме. Књига прва, у којој су различне женске пјесме. У Бечу 1841. Бр. 727 и 728. Пријатељ мој проф. Павле Поповић саопштио ми је почетне стихове једне песме о херцегу Стипану, коју је пре неколико година слушао у Шапцу Судећи по тим стиховима, држим, да ће то бити варијанат Вукове песме под бр. 728.

Опытъ указанія литературныхъ параллелей къ „плачу Ярославны“ въ „Словѣ о полку Игоревѣ“.

Крайне скудно поэтическое наследіе, завѣщанное древнею, до-татарскою, Русью, но за то немногіе поэтическіе отголоски ея, уцѣлѣвшіе въ вѣка невгодъ, бурь, сумятицъ и тяжкихъ несчастій, удручавшихъ русскую землю въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій начиная со смерти Ярослава I. и въ особенности со второй четверти XIII-го вѣка, сохранили до нашихъ дней почти всю поэтическую прелесть, которая была присуща имъ и въ моментъ появленія ихъ на свѣтъ, если оставить въ сторонѣ неизбѣжную устарѣлость языка.

Всѣми признано, что въ ряду такихъ высоко поэтическихъ литературныхъ памятниковъ древней Руси на первомъ мѣстѣ должно быть поставлено »Слово о полку Игоревѣ« какъ по основной идѣ, выражающей общерусское народное самосознаніе, такъ и по красотѣ выраженія ея.

Эстетическія достоинства »Слова« свидѣтельствуютъ о полной уже выработкѣ русскаго художественно-поэтическаго стиля въ то время и о доведеніи его до значительнаго совершенства.

Можетъ быть ставимъ и не разъ уже ставился вопросъ лишь о томъ, какъ произошла эта выработка, другими словами — была ли она послѣдствіемъ самобытнаго развитія древне-русской дворцовой и дружинной поэзіи, или же была обязана отчасти иноземному вліянію?

Послѣднее врядъ ли можетъ подлежать сомнѣнію, но признаніе того нисколько не подорвало бы высокой оцѣнки творчества пѣвца Игорева похода.

Во всякомъ случаѣ, кажется, можно установить интересныя параллели къ »Слову« не только въ его цѣломъ (издавна уже намѣчавшіяся въ русской и иностранной научной литературѣ путемъ сравненія русской поэмы съ »Пѣснью о Роландѣ« и древне-сѣверными и вообще германскими памятниками), но и въ частностяхъ, что также можетъ

имѣть нѣкоторое значеніе въ рѣшеніи давно уже поставленнаго вопроса объ оригинальности ›Слова‹, — разумѣется подь условіемъ устраненія произвола въ догадкахъ, которымъ нерѣдко погрѣшали сопоставленія ›Слова‹ съ иноземными произведеніями.

Уже давно указывали на аналогію въ рыцарской поэзіи къ нѣкоторымъ выраженіямъ ›Слова‹. На одно изъ частныхъ совпаденій его съ близкими къ нему по времени произведеніями западной поэзіи я рѣшаюсь обратить вниманіе читателей настоящей замѣтки.

Предметомъ ея послужить одинъ изъ поэтичѣйшихъ эпизодовъ ›Слова‹, — такъ наз. ›Плачь Ярославны‹. Его уже сопоставляли съ народными заплачками, и изъ этого сравненія были выведены интересныя наблюденія надъ отношеніемъ плача Ярославны къ русскому народнопоэтическому творчеству. Не подлежитъ сомнѣнію такое соотношеніе въ содержаніи, образахъ и стилѣ, но не менѣе интересна и общая схема этого плача, его форма.

Приглядимся къ ней повнимательнѣе.

Въ плачѣ Ярославны особенно замѣтно дѣленіе повѣствованія на части, хотя стихотворный складъ рѣчи въ этомъ эпизодѣ ›Слова‹ не такъ ясенъ, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ, въ коихъ открываютъ даже слѣды то аллитераціи, то рифмы. Передъ нами несомнѣнно четыре скорбныхъ воззванія Ярославны, изъ которыхъ каждое начинается изображеніемъ situacii лица, въ уста которому влагается сѣтованіе. Первое воззваніе открывается словами: ›Ярославнынь гласъ (ся) слышитъ‹, а слѣдующимъ тремъ предшествуетъ одинаковое начало, разъ только слегка видоизмѣненное, именно дважды повторяется выраженіе: ›Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ аркучи‹, а въ третій разъ слышимъ маленькую перестановку: ›Путивлю городу на заборолѣ‹. Эти запѣвы составляютъ не просто лишь эпическій приѣмъ повторенія, а начала отдѣльныхъ тирадъ неравной длины, въ родѣ старо-французскихъ *laissez*. Каждая изъ отдѣльныхъ строфъ не повторяетъ только одинъ и тотъ же мотивъ, но даетъ ему новое содержаніе. Такимъ образомъ, быть можетъ въ плачѣ Ярославны сохранился слѣдъ определенной формы эпико-лирическихъ произведеній, достигшей замѣчательной художественной выработки.

Она могла явиться не въ пору начальнаго развитія, а вѣрнѣе во время расцвѣта нашей старой пѣсенной поэзіи¹⁾, — расцвѣта, озареннаго

1) Подобно М. Погодину и другимъ, и А. И. Соболевскій, нѣсколько мыслей объ древней русской литературѣ. Спб. 1903, 15, не сомнѣвается, что ›произведеній однородныхъ съ Словомъ въ до-монгольской Руси было много‹.

яркимъ блежомъ »свѣтлаго и тресвѣтлаго солнца«, подѣ »горячими лучами« котораго »всѣмъ тепло и красно« было въ Руси до-татарской. Правда, тогда »сѣяшется и растяшеть усобицами; погибашеть жизнь Даждожа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣщи челоувѣкомъ скратишася«, »князи сами на себе крамолу коваху, а поганіи сами побѣдами нарицюще на Рускую землю, емляху дань«, но, по словамъ другого также въ высокой степени патріотическаго памятника того времени, земля русская была тогда »свѣтло свѣтлая и красно украшена и многими красотами удивлена« Авторъ этого »Слова о погибели русскія земли« не называетъ поэзіи въ числѣ тѣхъ красотъ, но ея вѣяніе слышится не разъ въ литературѣ до-татарской Руси, и не будетъ слишкомъ смѣлымъ домысломъ признать, что у русскихъ, какъ и на Западѣ, достигла тогда высокаго подъема идеалистическая свѣтская поэзія въ формѣ былевыхъ и хвалебныхъ пѣсней и также изящной дворской лирики. Вмѣстѣ съ тѣмъ подобно тробадорамъ дворскіе пѣвцы могли быть выразителями общественнаго мнѣнія и самосознанія; по крайней мѣрѣ таковымъ является и пѣвецъ »Слова о полку Игоревѣ«.

Именно не только къ народной причетіи или заклятію (заговору), но и къ дворской лирикѣ того времени²⁾, кажется, слѣдуетъ причислить плачь Ярославны, уроженки Галича, который изъ древне-русскихъ центровъ былъ наиблизе къ Западу. На ряду съ народно-поэтическими образами и выраженіями³⁾ пѣсня Ярославны полна интересами княжеско-дружиннаго быта.

Основною ситуаціею горюющей эта пѣсня нѣсколько напоминаетъ соотвѣтственныя произведенія романскаго Запада, и, для сравненія, я охарактеризую теперь вкратцѣ три извѣстные въ наукѣ вида этихъ романскихъ пѣсней, нѣсколько напоминающихъ плачь Ярославны, именно французскіе романсы, или *chansons d'histoire*, XII-го и предшествовавшихъ вѣковъ, провансальскія пѣсни сѣтованія въ разлукѣ съ милымъ, отправившимся во св. землю, и такія же жалостныя итальянскія пѣсни XIII-го в. Что до нѣмецкой поэзіи, то въ ней извѣстны позднѣйшія *Reuterliedlein*. Одна изъ нихъ содержитъ весьма сердечное и вмѣстѣ художественное выраженіе заботливости дѣвушки объ ея миломъ, но сохранилась въ передачѣ XVI-го вѣка и потому не можетъ такъ интересовать насъ здѣсь, какъ болѣе древнія романскія произведенія.

2) Быть можетъ — къ женской, образцы каковой дошли до насъ въ западно-европейскихъ памлникахъ.

3) Зегзица, Дунай, синее море, Днѣпръ Словутичъ, ковыль, красное солнце, — все это образы и эпитеты, встрѣчающіеся и въ народной поэзіи. См. Потебни Слово о полку Игоревѣ, текстъ и примѣчанія, Ворон. 1878, 135—140; Огоновскаго Слово о пльку Игоревѣ, Льв. 1876, 114—116.

Въ *chansons de toile* или *d'histoire*, какъ ихъ называютъ, изображаются королевны или другія знатныя дамы и дѣвушки, горюющія и тоскующія въ замкѣ по отсутствующемъ миломъ, мужѣ или женихѣ. Эти романсы находятся въ соотношеніи и съ народными пѣснями. Въ нихъ, какъ и въ народныхъ произведеніяхъ, обнаруженіе сильнаго чувства наивно, и мысль не нуждается въ изысканной формѣ для усиленія впечатлѣнія. Это одни изъ лучшихъ цвѣтковъ средневѣковой западно-европейской лирики. Строфы этихъ пѣсней иногда не равны. Стихъ ихъ эпическій 10-ти сложный съ цезурою, имѣющею иногда мѣсто послѣ 6-го слога. Въмѣсто рѣмы въ древнѣйшихъ пѣсняхъ — ассонансъ, который связываетъ въ одну тираду рядъ стиховъ, одинаково оканчивающихся.

Болѣе искусственны провансальскія пѣсни о разлукѣ, но и онѣ проникнуты иногда особою теплотою и мягкостію чувства.

Въ особенности интересны для насъ здѣсь итальянскія произведенія, носящія названіе *Lai* или *Lamenti*. Они позднѣе соответствующихъ французскихъ, но не надо забывать, что въ Итальянской поэзіи уцѣлѣли нѣкоторыя архаическія формы лиризма, которыхъ уже не найти во французской литературѣ и которыя возводятся къ общему источнику. Въ *Lamenti* выражалась скорбь по поводу разлуки или разрыва съ милымъ. Извѣстна скорбная пѣсня возлюбленной крестоносца, приписываемая *Rinaldo d'Aquino*⁴⁾ и приурочиваемая одними къ крестовому походу 1188 г., а другими къ походу Фридриха II. Она содержитъ воздыханіе и молитву и превосходна по изяществу и чистосердечной простотѣ выраженія чувства. Есть далѣе плачь, извѣстный въ исторіи литературы подъ названіемъ *il lamento della sposa radovana*, сочиненный въ половинѣ XIII-го в. на Венеціанскомъ нарѣчійи и найденный въ бумагахъ, датованныхъ 1277-мъ годомъ⁵⁾. Уже *Caix* сближалъ эту пѣсню съ французскими героическими романсами, или *chansons d'histoire*. Авторъ специальной монографіи о происхожденіи старо-французской лирики *Jeanrou* также думаетъ, что какъ *Rinaldo d'Aquino* въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего произведенія подражалъ *Маркабру* и *Guiot de Dijon* безъ отношенія въ какому-нибудь историческому событію, такъ и авторъ стихотворенія, найденнаго въ бумагахъ 1277 г., постоянно слѣдовалъ стилю французской повѣствовательной поэзіи⁶⁾. Наконецъ,

4) См. *Monaci, Crestomazia italiana dei primi secoli, fasc. primo, Città di Castello, MDCCCLXXXIX, p. 82—83.* О *Rinaldo d'Aquino* см. въ *F. Torraca, Studi su la lirica italiana del duecento, Bol. 1902, pp. 185—203.* См. еще *D'Ancona, La poesia popolare italiana, 18—19.*

5) *Monaci, Crest., fasc. secondo, MDCCCLXXXVII, p. 386—387.*

6) *Les origines de la poésie lyrique en France au moyen age, deux. éd., Par. 1904, p. 240—241.*

Novati высказалъ предположеніе, что il frammento Parafava принадлежалъ не къ лирическимъ или повѣствовательнымъ произведеніямъ, а къ дидактическому, по всей вѣроятности аллегорическому эпосу въ родѣ Романа Розы, вообще не къ народной, а къ дворцовой поэзіи 7).

Здѣсь не мѣсто вдаваться въ провѣрку этихъ предположеній. Для нашей цѣли достаточно отмѣтить, что въ XIII в. на Западѣ установилась уже традиція составленія пѣсенъ разлуки и въ главнѣйшихъ романсахъ литературахъ XII и XIII вв. существовалъ, хотя и съ различными видоизмѣненіями, но въ сущности одинъ особый видъ лирическаго сѣтованія женщины, находящейся въ разлукѣ съ милымъ, отправившимся въ походъ противъ враговъ христіанства.

Этотъ видъ скорбной лирики, повторяю, представляетъ нѣкоторую параллель плачу Ярославны, который также, быть можетъ, надо считать одною изъ разновидностей цѣлаго разряда подобныхъ произведеній. Вспомнимъ, что тема о женѣ, оставленной мужемъ, уѣхавшимъ въ дальнюю сторону, несомнѣнно навѣянная соответственными произведеніями западно-европейской поэзіи, была разработана въ былинѣ о Добрынѣ въ отъѣздѣ. Ставить съ полною увѣренностію и плачъ Ярославны со стороны его схемы въ связь съ западною лирикою рыцарскаго времени пока мѣтъ преждевременно, но позволительно, думаю, поднять вопросъ по поводу интереснаго совпаденія между древне-русскою поэзіею и западною въ обработкѣ одной и той же темы.

Во-1^ю, въ плачѣ Ярославны и въ западно-европейскихъ скорбныхъ пѣсняхъ женщинъ, находящихся въ разлукѣ со своими милыми, видимъ одну и ту же ситуацію женщины, одиноко тоскующей въ замкѣ, причемъ и въ романсахъ, какъ и въ плачѣ Ярославны, иногда имя горюющей повторяется въ началѣ почти каждой строфы, напр.:

Bele Doëtte as fenestres se siet . . .

Bele Doëtte tantost li demanda

Bele Doëtte s'est en estant drecie . . .

Bele Doëtte li prist a demander . . . и т. д.

Въ II lamento читаемъ:

eo sto en la çambra,

eo men sto sola en camerela . . .

Signor этой тоскующей находится въ Pagania.

Во-2^ю, въ передачѣ этой ситуаціи находимъ одну и ту же эпико-лирическую форму съ дѣленіемъ на строфы.

7) F. Novati, Attraverso il medio evo, Bari 1906, 211—233: Il frammento Parafava.

Лишь въ частностяхъ содержанія сѣтованій русской княгини и западныхъ *grandes-dames* усматривается различіе: Ярославна взываетъ къ сочувствію силъ природы и, по мнѣнію нѣкоторыхъ, какъ бы производитъ заклинаніе, западныя же пѣсни излагаютъ сѣтованія безъ такого воззванія и выраженія народныхъ вѣрованій.

Это различіе не исключаетъ, конечно, возможности заимствованія одного изъ приемовъ техники западно-европейскаго лиризма русскимъ пѣвцомъ.

Такое заимствованіе было возможно, потому что западные пѣвцы бывали, повидимому, въ то время на Руси и въ частности въ Кіевѣ, который издавна былъ самымъ крупнымъ городомъ восточной Европы и былъ наполненъ иностранцами, какъ то показываютъ извѣстія Адама Бременскаго и Титмара Мерзебургскаго. Съ далекаго юго-запада въ Кіевъ вель черезъ Польшу хорошо извѣстный въ XII-мъ стол. торговый путь, а купцамъ не разъ сопутствовали въ средніе вѣка и пѣвцы.

Какъ бы то ни было, о пребываніи иностранныхъ пѣвцовъ въ Кіевѣ говоритъ само Слово о полку Игоревѣ. Вспомнимъ эпизодъ о томъ, какъ »падаея Кобякъ въ градъ Кіевъ, въ гриднищѣ« »Святослава, грознаго великаго Кіевскаго« князя XII-го вѣка: »ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поють славу Святъславлю, кають князя Игоря . . .« »Пѣть славу« — весьма распространенное тогда и обычное обозначеніе, равнозначашее съ выраженіемъ: слагать хвалебную пѣсню, — пѣсню, которая являлась спеціальностію эпическихъ пѣвцовъ того времени.

Что вмѣстѣ съ иностранными гостями, т. е. купцами, перечисленными въ приведенномъ мѣстѣ »Слова«, могли прибывать въ русскую землю и ихъ пѣвцы, довольно вѣроятно. Правда, упоминанія о шпильманахъ относятся къ позднѣйшему времени, но и *spilleute* и переходіе пѣвцы другихъ народностей издавна могли выступать на Руси на ряду съ мѣстными пѣвцами подъ общимъ наименованіемъ *скомороховъ*, упоминающихся въ начальной лѣтописи уже во второй половинѣ XII-го вѣка. Давно уже отмѣчено, что слово *скоморохъ* или *скомрахъ* въ нашихъ старыхъ рукописяхъ замѣняло греческія обозначенія *μῦθος* и — что важнѣе — *λωγαῖς*⁸⁾. Русскіе могли быть знакомы также и съ западными представителями того же типа переходжихъ пѣвцовъ, если извѣстное упоминаніе т. наз. лѣтописца Переяславля Суздальскаго о короткомъ платьѣ Латинъ и узкихъ панталонахъ съ нашивкою приурочивать вслѣдъ за Бѣляевымъ и Веселовскимъ къ западнымъ *скоморохамъ* болѣе древняго

8) Бѣляевъ, О *скоморохахъ* — Временникъ Общ. Ист. и Древн., стр. 69—70.

времени⁹⁾. Нѣкоторые относятъ это опредѣленное свидѣтельство къ болѣе позднему времени — къ XIV-му вѣку, но знакомство съ подобными западно-европейскими правами и обычаями въ костюмировкѣ могло возникнуть и раньше. Вспомнимъ раннія сношенія Кіевской Руси съ Франціею: дочь Ярослава Мудраго Анна была французскою королевою, а затѣмъ, овдовѣвъ, стала женою одного изъ видныхъ французскихъ феодаловъ¹⁰⁾. Повидимому и потомъ продолжались сношенія Франціи съ Русью. По крайней мѣрѣ, во французскомъ эпосѣ сохранилось немало упоминаній о Руси, указывающихъ на разныя связи, въ томъ числѣ и на торговыя¹¹⁾. Въ годы, когда Анна Ярославна прибыла во Францію, тамъ уже знали провансальскихъ гистріоновъ. Упоминаніе о нихъ, какъ о спутникахъ южной знати, относящееся къ началу XI-го вѣка, сохранилось у лѣтописца Rud. Glaber-a въ описаніи прибытія въ Парижъ дочери Раймунда Тулузскаго для бракосочетанія съ французскимъ королемъ Робертомъ. Вслѣдъ за нею, по словамъ Glaber-a, «начали стекаться во Францію и Бургундію изъ Оверни и Аквитаніи люди пустѣйшіе и легкомысленнѣйшіе, въ одеждѣ и правахъ распущенные, въ вооруженіи и сбруѣ нестройные, до половины головы остриженные, бритые подобно фиглярямъ, въ обуви неприличнѣйшей, правды и чести не знающіе». Это описаніе приводитъ на мысль отмѣченныя Переяславскимъ лѣтописцемъ подробности костюма Латыны и его негодование на «безстудіе» послѣдней. — Не слѣдуетъ упускать изъ виду также частыя сношенія древне-русскихъ князей съ Западомъ и продолжительное пребываніе тамъ нѣкоторыхъ изъ нихъ начиная со второй половины XI-го в., когда, быть можетъ, жилъ и Боянъ, «пѣснотворецъ стараго времени Ярославля»¹²⁾. — Вспомнимъ, наконецъ, что «москоудство» упоминается въ такомъ раннемъ памятникѣ, какъ поученіе Луки Жидяты, относимое теперь ко второй половинѣ XI-го вѣка, а москоудство съ значительною долею вѣроятности можетъ быть причислено къ слѣдамъ проникновенія въ Русь обычаевъ, распространявшихся при посредствѣ скомороховъ, тѣхъ же гистріоновъ.

Но и помимо признанія возможности появленія западныхъ переходныхъ пѣвцовъ (въ частности нѣмецкихъ *fahrende Leute*, чешскихъ пѣв-

9) Мое возраженіе см. въ брошюрѣ: Рыцарство на Руси, стр. 14.

10) Н. Мелл, *La Russie et le pays Rémois 1048—1893*, Reims 1893; А. Н. Воротниковъ, Анна Ярославна, Королева Франціи, М. 1902; А. В. Половцовъ, Анна Ярославна и Роймское евангеліе — Моск. Вѣд. 1901, N. 247; и др.

11) E. Langlois, *Table des noms propres de toute nature compris dans les chansons de geste imprimés*, Par. 1904, pp. 576—577.

12) См. А. С. Петрушевича, Кто былъ вѣщій Боянъ, упоминаемый въ «Словѣ о полку Игоревѣ»? — Приложеніе къ «Вѣстнику Народнаго Дома» 1897, ч. 172.

цовъ и сѣверно-итальянскихъ) на Руси уже въ до-татарское время, отмѣченное выше сходство въ темѣ и основномъ построеніи плача Ярославны и западныхъ скорбныхъ пѣсенъ разлуки не лишено, думаю, нѣкотораго интереса. Быть можетъ, эта параллель слишкомъ отдаленна и недостаточна для подтвержденія домысла о нѣкоторомъ литературномъ родствѣ съ западною рыцарскою поэзію художественнѣйшаго изъ эпизодовъ лучшаго памятника древне-русской литературы; но все-же она не безынтересна, и освѣщаемый ею плачь Ярославны можетъ только выиграть въ поэтической задушевности и прелести.

Кіевъ.

Н. Дашкевичъ.

Дещо до говору Буковинсько-руського.

Русини Буковинсько-руські, в числі 268.000, діляться на властиві Руснаки с. є. жителі переважно долів і горбів і Гуцули або жителі гірські. Під зглядом язовим становлять они часть говора Русинів званого покутским і можуть поділити ся на північно-покутський (часом невластиво називаний також ополянський) і полуднево-покутський або гуцульський. Оба тоті підговори (північно- і полуднево-покутський) суть з собою так споріднені, що їх годі різко відділити; від галицьких різнять ся головно тим, що посідають більше елементів румунських в своїй бесіді. Підговор гуцульський відзначає ся сильнішим змягченем шиплячих пр. хбчю, ч'абан, ч'ервак, дуже твердим с пр. в словах свіжий, співати, частим переходом с в ц і не змягченем с пр. цес, ца, це, сцати місто сесь, ся, се, ссати. Різко відзначають ся Гуцули своєю ношею, котра єсть коротша від убраня звичайних Руснаків.

Говір покутський (іменно полудневий) одмічає ся такими прикметами: 1) в назвуді преїотоване а переходить в е пр. євір, єма, єцє (вйцє), єгода, єблоко, єсний, єкій, єк. 2) є місто загальноруского я: стоєти, боєти сн м. стояти, бояти ся. 3) Міна а в є як понайбільше в говорах галицькоруских: шєпка, чєс, шєнувати, тєлє, в горах однакж найчастійше удержалось а: шапка, час, тєля. 4) о переходить в у, потом у в, місто она, онб, оні часто уна, унб, уні, а наконецно вна, вно, вни. 5) і місто и (= ы) в невіддільнім применнику ви: вінести, вівести, вігудувати, віпрати; також вімне місто вімя рsl. вѣмя. 6) и місто о: блиха, ліжка м. блоха, ложка. 7) шиплячі вгворюються дуже мягко: чюжій, ночювати, хбчю, вчєра, чюти, качька; шьо. 8) перед окінчанем -ський (наросток -ськѣ) н і л не змягчать ся: панський, сілський, гуцульський, соклський, так само л перед ній (-нь): вблний, дблний, влний. 9) с вимовляє ся твердо: снѣг, сїяти (попри сїяти, рsl. сѣяти; нато-

міст сніяти *psl.* *снѣти*), слідно, пбслі, снѣдати, сміяти се, співати, свіжий; то само: ходіў се, ходілиси (*ходили-м*), ходилисте; часто се (*си*) місто ся: рббит се (*си*), йіст се. — судá м. сюда, сюди; шьос м. щось; *скѹс* чюти повинбньку = якусь чути новиньку. 10) мягка вимова суголосоки р: косáрь, боннаръ *genit.* косарá, боннаря; тепёръ; цёрьков, червьáк *psl.* чрѣвь. чрѣвь; верх, *psl.* врѣхъ; вьрѣхъ; терьх *opus cf. psl.* трѣхътъ. трѣхътъ. 11) В *popinat.* єсть наросток -ец (-ьць), в *genitiv-i* явить ся в (*я*) сліпец *genit.* сліпецé, гребінец *genit.* гребінцé. 12) Окінченє -ица *ass.* -ицу: молодица, молодицу, копíца, копíцу *plur. genit.* молодíц, копíц, перепелíц. 13) ц виступає часто місто с. *цес. ца. це.* 14) Відпад окінчаня в третім лиці мног. числа часу теперішного: хбде, нбсе, сидé м. хбдять, нбсять, сидáть; також в єдиничнім числі иноді т відкидає ся: хбди, нбси; иноді удержує ся т в третім лиці єд. ч., коли в інших галицкоруских говорах оно відкидує ся: бёрет, нбсет, хбчет, здбймет, трівáет, мáет м. бере, несе, хоче, здбйме, трівáе, мáе. 15) ж місто дж: вíжю м. виджу. 16) місто: блўджу, рáджу, прбшу говорять декуда: блўдю, радю, прбсю. 17) к місто т: кьісто, кьімене м. тїсто, тїмя. 18) черлєний м. червоний *psl.* чрѣвлєнъ. чрѣвлєнъ; декуди пр. Гуцули в Жабю говорять також червбнний м. червоний. 19) вставне н місто загальноруского л. земнá м. земля. 20) бж або бдж місто загальноруского пч. бжолá м. пчола. 21) частий заник назвучного в або г: бзме, ольїти, брон, орбх, брлиця м. возьме, вольїти, ворон, горбх, гбрлице. 22) Описана форма часу будущего через *infinit.* з *praes.* глагола яти т. є. му (з иму), причім му кладе ся вперед: му писати. му косити (в старосл. від *имѣти. имамъ писати*; в українськ. му кладе ся після *infinit.* і з ним спливає: писáтиму, косíтиму. 23) ід або д з *dativ.* в случаях, в котрих у інших говорах кладе ся до з *genit.* д хáты, ід хáты = до-хати. ід дьївчиньї = до дївчини. д котрїй дьївцьї = до котрої дївки. 24) ф м. хв. фатити, фоя м. хватити, хвоя. 25) переставка в словах: колбпньї м. конбплї, жбнва м. жовна *Grünspecht.* 26) м. ходилисмо (*сми*), робилисмо, косилисмо часто ходили-м, робили-м, косили-м *psl.* хóдили ѳсмъ etc. 27) декотрі яко вєувки або причіпки уживанї частицї н. пр. сме (форма *енклїт. м. ѳсми, ѳсмъ*) пр. колисме ти нелюба, було ня не брати; в сполуцї з *part. praet. act. II.* також до утвореня *perfectum*: ходіў сме до міста. — — мой! н. пр. товáришу, мой, ци чьбеш? — частиця ко причіпляє ся до форми *imperat.*: ході-ко! озмі-ко! ходыт ко! озміт ко! властивість, котра тут і там також у Вбйків стрічає ся.

В остатних днях серпня 1904 р. був я на Буковині, іменно в Кимполунці, в рускій Молдавици, в Рус Бовл, а з поворотом в Глбокій. Також принагідно бесідовав я з селянами з Жидові (недалеко Бергомета). Тут подаю короткі мої записки з тих околиць.

Г. = Глбока. — Ж. = Жадовá недалеко Бергомета. — К. = Кимполунка. — РБ. = Рус Бовл. — РМ. = Руска Молдавица.

Граматика.

До звучні (Lautlehre).

Голосівочня (Vokalismus).

о, е або ѣ стісняє ся в і, як загально в малорускім пр. в словах: стіў, genit. столá (psl. столъ), віў, genit. волá (psl. волъ), кінъ genit. коня́ (psl. конь), рілá (psl. ролни в. рални); мід genit. меду (psl. мѣдъ), я ніс, неслá, неслб́ (psl. неслъ ѳсмы, несла ѳсмы, несло ѳсмы); сніг (psl. смѣгъ).

а місто і (= ѣ) виступає в словах: цілий Г. м. цілій (psl. цѣлъ), цілком Г. м. цілком, pol. *cały, całkiem*.

є місто и в 1. 4 і 5. падежи многого числа: пр. чайкѣ РМ. м. чайкі, пом. sing. чайка; певкѣ РМ. м. пявкі; тернівкѣ РМ. огиркѣ РМ. пливткѣ Г. куропаткѣ Г. м. тернівкі, огиркі, пливткі, куропаткі.

є місто я (а). пѣвка РМ. м. пявка; бодѣк РБ. м. бодяк; джеворонок РБ. жѣворонок Г. м. жаворонок, жайворонок; жѣба РМ. м. жаба; чирѣк Г. м. чырак, чирак, *Geschwür*; барабѣле РМ. бараболя *Kartoffel*; шѣпка Г. *Mütze*, шапка; меска́ Г. мяска, *Mark*; хрещ Г. хрящ, *Knorpel*; прѣжка Г. пряхка, *Schnalle*; потѣ РМ. plur. потѣта *Vogel, kleiner Vogel*, пѣтя; миѣсо і мѣсо РБ. *Fleisch*; ягнѣ Г. *Lamm*, ягніá; прѣдиво Г. прядиво; свечѣний ВМ. свячений; ребій Г. рябий; товáречий К. *Vieh-*, товарячий. товáрече мѣсо; в свінскім мѣсі; мекій Г. *weich*, мягкий; горѣчий Г. *heiß*; усѣкий РМ. всякий; Богу дѣкувати Г. Богу дякувати; стѣти Г. стати; взѣти Г. взяти.

є місто назвукового я. єйцѣ К.РМ.Г. м. яйце, *Ei*; єзік РМ. м. язык, *Zunge*; єма РМ. м. яма *Grube* (але в Г. яма); єшірка РМ. (йѣшірка), *Eidechse*, яшірка; єшюр РМ. ящур, *Erdmoleh, Salamandra*; єк РМ. як, *als*; єгода РМ. ягода *Beere, Erdbeere*; євір РМ. явір, *Bergahorn*, psl. яворъ; єсінь РМ. genit. єсеня *Esche*; єблоко РМ. яблоко; psl. яблѣко; єблінка РМ. *Apfelbaum*; єсна РМ. *Zahnfleisch*, ясна; єчмінъ РБ.Ж. ячмінъ.

ица місто иця.

пѣтница Г. Ж. м. пятница, psl. пѣтъница; пше́ница Г. Ж. м. пше́ница, psl. пше́ница; лѣсица Г. Wiesel, м. лѣсица, psl. ласница; перепеліца Г. Wachtel, перепелица psl. пѣпеліца; куніца Г. Marder, куніца, psl. коуница; біліца Г. Eichhorn, білиця; пуголовица Г. Kaulquarre, пуголовица; осьліница Г. м. усліница, гусеница, psl. жсѣница; попеліца Г. Blattlaus, Arhis, попелица; мотиліца Г. Leberfäule, мотилица; одовіца Г. м. вдовица, psl. въдовица; кертіца Г. Maulwurf, psl. крѣтъ; дійница Г. дійница, Milchgelte, psl. доинница; китіца Г. китица, Quaste; гергеліца Г. гергелица, Calandra granaria.

е місто а. вечѣре Г. м. вечера. іду на вечѣру.

а місто е. подѣколи К. м. подеколи, подѣколи залѣтают гблубцы; здѣлеку Г. м. здалеку; делѣко Г. м. далеко.

випад и. доста РМ. (з-до-сита) genug, досить.

у місто і. рѣжний Г. місто ріжний, psl. разѣнѣ. ружне дерево; кукѣль Ж. м. кукіль, psl. кжколь.

а місто о. багѣто Г. м. богато. багѣто мѣху.

я місто е. гадѣ К. Reptilien; трамѣ К. Balken; —але: колбсе Г., лісте Г., здорѣве Г. (в Кучерові великім: здорѣвля).

і місто я. свѣтій Г. м. святий; склівинній Г. м. скляний.

перед стѣсненім о завжди в. вѣвца Г. genit. вѣвці, nom. plur. вѣвци genit. plur. овѣц psl. овѣца; вѣльха Г. Erle, genit. sing. вѣльхи genit. plur. вѣльхив, psl. ольха; вѣсь genit. осн, psl. ось; віспа Г. Pocken; він, она, онѣ Г.

перед о стоїт г. горіх Г. оріх psl. орѣхѣ; горобѣц Г. Ж. воробѣць psl. крабий; але: отѣва, осѣнь Г.

і місто у. дѣбрѣва Г. місто: дубрѣва, psl. джѣрава; глібккій (глібокий) Г. м. глубокий, psl. глѣбокѣ; зѣміж Г. м. замуж (за муж = за мужа; іти заміж = psl. ити замжжѣ).

ю місто у. чѣти Г. м. чути.

у місто ю. судѣ Г. м. сюда.

перед назвуковим у завжди в. вѣхо Г. місто ухо; вѣлица Г. м. улица; вус Г. plur. вуси м. ус; вѣйко Г. м. уйко.

а часто місто і побіч у. дѣлѣ бѣря велика Г. = дѣла бѣря велика; вітер дѣу Г. м. вітер дув.

і місто и. вѣпутати си Г. м. вѣпутати ся; вѣбрати Г. м. вибрати; вѣполокати РМ. м. вѣполокати; вѣвести РМ. м. вивести.

о не зміняє ся найчастійше. ключом К. ключом летé журавлі;
ковальом і ковалем Г.

і найчастійше приставляє ся: ішбў, ішла, ішлб Г. рsl. шьлть,
шьла, шьло.

й випадає. вбсько Г. м. войско.

назвучне є зникає. шье Г. м. еще.

назвўчне і зникає. гла Г. игла, Nadel, рsl. игла; мнє Г. м. імя,
рsl. имя.

Наголос.

з наголосів одмінні: човен Г. genit. човна́ в укр. човен, genit.
човна; орé Г. = брe; орé Г. = брять; дешевій Г. feile = дешевий;
копитб Г. genit. копитá Huf = копита́.

Суголосня. Konsonantismus.

плавні л, р.

ў місто л. віў К. genit. вол'á, загальнор. вил.; стіў К.Г. стол'á;
загальноруск. стіл.

середнє л' місто твердого л. забўл'а Г. м. забўла, забўл'о м. за-
було; ходіл'а К. м. ходила; ходіл'о м. ходило; ходіл'и м. ходили;
л'áвка Г. лавка.

л' місто ль. сил'ній Г. сільний stark; сил'на́ грушка = рясна
грушка; гуцўл'ський Г. гуцул'ський.

н місто л. земнá РМ. м. земля; в земні.

в наростку -арйъ звучить р мягко: косарь Г. . . genit. косаря́
(косарé).

випад р. ганчёр Г. із горничар genit. ганчеря́ (ганчерé) рsl.
гр'ньчарь.

сичачі с, з, ц. с м. сь. дес Г. (з де-ся) м. десь.

старославянськ. ѡскъ одвічає ск. рўский рsl. роўськъ; пánский
Г. пánський; пбл'ский Г. рsl. польськъ.

ц місто с. цес Г. РМ. м. сесь; ца, це, цецá, цецé РМ. Г. м. ся,
се, сеся, сесе; до цього року = до сего року; цу дьвичину = сю дів-
чину; кліюцкі Г, KlöBe, клюски; сцáти Г. ссати. вўж сце корбву Г.
= уж ссе корову, die Natter saugt die Kuh (nach dem Aberglauben
des Volkes); трійцет Г. із: тридєсять, рsl. трндєсатє.

ш місто с. шкіра Г. м. скіра рsl. скора; шерсть Г. м. серсть рsl.
ср'сть.

старосл. наросткови -ць одвічає -ец. одовець Г. genit. одовця рsl. вдовьць; отец Г. genit. отця; пан-отець genit. пан-отца; горобец Ж. genit. горобця; гугурец РМ. Eule, genit. гугурця.

шиплячі й, ж, ч, ш.

після й стоїть часом о: йогó, йому́, до нйóго, побіч звичайного: йегó, йему́, до нéго (егó, ему́).

шиплячі ж, ч, ш вимовляють ся почайбільше магко: чоловічок Г. Pupille, чоловічок, зріниця; -шьо Г. м. що; йéш'ур РМ.

ш місто ч. рушнік Г. м. ручник; нéшта Г. м. нешта, нечесна особа.

шь місто щ. горшьóк Г. м. горщок, Torf; шье Г. м. еще, noch; шьо Г. місто і побіч що; скаралу́ше РМ. Г. м. скаралуца, Schale. скаралу́ше з ейця́.

жь місто щ. дожь РМ. Г. genit. дощу. загально руск. і в nominat. дощ.

Зубні т, д, н.

дь в й. два́йцетъ Г. РМ. із двадсять рsl. два́дцатѣ; трийцетъ із тридсять.

ц місто т. цма К. м. тьма, phalaena.

д втручене. подрухати си Г. із: прорухати са; він подрухав си. — уздріти Г. м. узріти.

перед середзвучне в часто н. мнéсо Г. побіч месо; мнéтица Ж. Schwanzwirbel.

Гортанні к, г, г', х.

г місто г. ро́гіз Г. м. ро́гіз, Turpha, Rohrkolben; Гавріло Г. м. Гаврило; Грегóрий Г. м. Григорий.

Губні п, б, в, м.

к наголосове зникає. струг К. Forelle м. петруг (від пестръ bunt; проте петруг = bunter Fisch).

б всуває ся. камбра́те Г. Kameraden, камрате collect., камеради.

бж місто пч. бжолá К. м. пчола рsl. къчела et пьчела vel пчела.

н місто м. порóн Г. м. пором.

в місто м. пбловінь gen. половени gen. fem. місто: поломінь, Flamme.

о місто в. одовець Г. м. вдовець; одові́ца Г. м. вдовица рsl. вдови́ца.

у місто в. усей. Г. м. всей рsl. вьсь. усей овес.

переставка. л-н місто н-л.

колóпня РМ. Г. м. конóпля рlug. колопны м. конóплі. льтні колопны Staubhanf; осьінні колопны Samenhanf.

здовоєне суголосок.

ляляти Г. м. ляяти. наляляти воді; діляляти Г. = доляяти;
скляінній Г. м. скляній; зьзієсти Г. м. зйїсти.

До пнетвору (Stammbildungslehre).

З замітнійших наростків сущників женьского рода згадаємо лиш:
-оля: тарбля Г. корова тарчаста; марцбля Г. корова звичайно поло-
васта (рбдіть ся в матрі). — -аня: голубаня Г. голубосива корбва. —
-уля. красуля Г. корова краса.

з наростків сущників середного рода: є (старосл. ииє): бодече РБ.
бодяки, Disteln; трепете Ж. Zitterpappeln.

З пнів глагольних згадаєм:

плі-ти РМ. праєв. плію, плієш, пліє; — плівати РМ. schwimmen.

До словотвору (Wortbildungslehre).

Склонене сущників.

лев Г. genit. лєва; лен genit. лєну; орєв Г. genit. орєва; plur.
орєві. орєл РМ. plur. вірлі.

віў К. Г. genit. волá; стиў К. Г. genit. столá.

блынь К. genit. оленє.

тхір' genit. тхорá. — понедылнок Г. genit. понедылка. — ві-
втрок Г. genit. вівтрка. — четвєрь Г. genit. четвєрьгá.

горобіц (горобец) Ж. Г. genit. горобцá; — хлбпц (хлопец) Г.
genit. хлбпца.

косарь К. genit. косаря (косарє); мулєрь Г. genit. мулєря Maurer;
комарь genit. комаря plur. ном. комарі Г. малєрь Г. genit. малєря
Maler. —

бвад Ж. Tabanus Viehbreme plur. ном. бвади і овади Ж.; гріш
Г. plur. грбши, грбший.

ріг Г. genit. plur. мієто рогів. вівцá не має ріг Г. = вівца не
має рогів.

гблов Г. РМ. гблову (accus. sing.).

ablat. сущників і приложників женьского рода на оў: водбў, ко-
сбў, горбў, рікбў; зелєноў, красноў = водбю, косбю, горбю, рі-
кбю; зелєною, красною.

вівцá Г. genit. вівці; genit. plur. овєц = овєць.

перепеліца Г. genit. перепеліци, genit. plur. перепеліц.

genit. plur. сущників женьского рода звичайно уживає ся на -ів.
хáтів Г. = хат; вільхів Г. = вільх; багáто крупів Г. = багато

круп; до бжблів Г. = до пчл; гбловів Г. = голов; паниів Г. = паний, der Fäulein; таньістрів Г. = таньістр; одна пісня. багáто пісньів Г. = багáто пісень; кбзів Г. = кіз; вбдів Г. = від. — вбшів Г. = вбшей; брбвів Г. = бров; — цёрква Г. gen. plur. цёрквів = цёрквей, цёрков. —

ів стрічає ся і у сущників середного рода: сёлів Г. = сел, сіл; гнбздів Ж. = гнзд; подвірів Г. подвірій; до небесів Г. = до небес; але: весілё genit. весілія genit. plur. весіль Г. — мнїв Г. = імен.

також говорять: Чернівцьї, до Чернівцьїв Г. м. до Черновець.

копитó Ж. genit. копитá, Нuf, копіто.

дривá Г. plur. tant. genit. дров.

людём Г. = людам; людех Г. = людях.

двёрем Г. = дверям; двёрех Г. = дверях.

вімне Г. genit. вімне = вімя, genit. вімени; — 1. 4. 5. мнє: 2. мня. 3. мню. 6. мням. 7. мню. = імя, імени, імени, імепем, імени.

1. телє Г. 2. телєти. 3. телєти (телєтю). 6. телєтем (телєм).

7. телєтю (телю). plur. 1. телєта. 2. телєт. 3. телєтам.

6. телєтами. 7. телєтах. лбше.

1. небо. 2. неба. plur. 1. небесá. 2. небесів.

двійне число (dualis) в цілости зникло, лише тут і там лишили ся ще давні форми. дві сёлї Ж. дві слбві Ж.

Приложники.

до порівнальника (comparativus) нераз приставляє ся май пр. чайкє май менші від ворони РМ.

одличник (superlativus) иноді творить ся через приставленє най (на) до рядовика (positivus): пугáч найвеликий.

Займенники.

форми до мєне, до тєбе, до сєбе скрізь уживають ся.

місто мною, тобою, собою говорять: мноў, тоббў, соббў.

єго, єму, до нєго, в нїм, в нїй.

мбго, твбго, свбго; мому, твому, свому місто: мовго, твовго, свовго; мовму, твовму, свовму.

моєў, твоєў, своєў м. моєю, твоєю, своєю.

Зложене склонєнє.

ablativus plur. завсїгда на -ими. велїкими лысами, сївими ко-
ровами, черлєними єблоками.

Числівники.

одён, одна, одно́ (також: едён, една́, еднó); штіри = чотири; дёсать (десыт); петьна́йцеть (петна́йцыт), рsl. пать на дёсать; двацеть, рsl. два дёсать; тры́цеть, рsl. три дёсать; петьдёсеть (педесеть), рsl. пать дёсать; съ́мдесеть, рsl. сьдмь дёсать; деветь дёсеть, рsl. девать дёсать. двасто; тристо; штириста; петь сот; деветь сот.

трётий, трéта, трéте. шéстий, шéста, шéсте.

двóе телёт, дво́их телёт, дво́йм телéтам, двóе телет, двóе телёт, дво́ими телéтами, у дво́их телéтах.

Глаголи.

нёсти. несú. принесé Г. (в Дрогобичи: принёсу, принёсеш, принёсе). потáти Ж. потаé в вóду er sinkt im Wasser.

плáти RM. schwimmen. плию́ пато пр. пліє кáчка по воды́.

вídьити Г. ргаев. віжу (віжю) = виджу, рsl. виждж.

держáти Г. держú, держіш, держіт, рsl. дръжати, дръжж, дръжиши, дръжитъ. в 3. лиці мног. числа теперішника глаголів з III, відпадає т (ть): держé Г., віде Г., летé Г., вісе Г.

блудáти Г. блúдю = блúджу, рsl. блжждж. блúдю по лысы.

мастáти Г. мастю = машу, рsl. маштж.

просíти Г. прбсю = прощу, рsl. прошж.

пустáти Г. пúстю = пущу, рsl. поұштж.

рáдити Г. рáдю = раджу, рsl. раждж.

любáти Г. лúбю (часом: люблю), лúбиш, рsl. любьж, любіши, у глаголів IV. кл. в 3. лиці ед. числа теперішника найчастіше відпадає т (ть):

гóни водá Г. а також: гóнит вода = гóнить в.

жéли Г. кропíва жéли = кропíва жаліть die Nessel brennt.

прбси Г. і прбсит = просят.

рбби Г. і рббит = робить.

в 3. лиці многого числа теперішника тих глаголів завсiгда відпадає т (ть):

говбрé Г. = говорятъ (ед. ч. 1. лице: я говорю).

лúбе Г. = люблять.

молбте Г. = молють.

світе Г. = світять. світе збрі.

також у декотрих глаголів V. кл. т відпадає.

ббрé си Г. = борять ся. боре си барани. —

ірзати Г. wiehern = ірзати. кінь іржé das Pferd wiehert, рsl. ръзати. ръжж, ръжши.

ткати Г. weben. я тчу, ты тчеш; оні тчут, рsl. тькати, тькж, тьчши.

гнати, жену́, женéш. рsl. гнати, жнж, жнши. part. праet. гнат, гнáта, гнáто. зáгната коро́ва Г.

вікрутовати Г. викручувати. вікрутою, вікрутоєш, вікрутоє.

вічистювати Ж. вічищувати. вічистою, вічистоєш, вічистоє.

му відьіти Г. = буду відьіти; му сто́яти Г. = буду стояти.

ходили-м Г. ходили-смо; косили-м Г. косили-смо; що-м відда-
вали Г. = щосмо віддавали.

ест і в. пр. багáто ест жблода з дуба Г. грушки в Г.

йім, йіш, йіст. йід' = ідять. — дад'ут Г.

Іван Верхратскій.

Kad su počele da ulaze u rumunjski jezik najstarije njegove slavenske riječi.

Zna se, da je rumunjski jezik vrlo našaran svakakovim slavenskim riječima; između njih jedne su starije a druge mlađe. Ove zadnje, to jest mlađe, kojih je broj najmanji, misli se u današnjoj nauci, da su nam počele dolaziti ne prije IX. stoljeća, a to literarnim radom Ćirila i Metodija, koji bi bili uveli među Rumunje slavenski crkveni obred, slavenski jezik i slavensku azbuku; dočim one starije, kojih je broj najveći, tvrdi se, da su ušle u rumunjski jezik u Jordanovo doba, naime u VI. i VII. vijeku.

Tako misli čitava današnja nauka, koja se bavi rumunjskim stvarima, počevši bar s Miklošićem, koji se posebno bavio slavenskim elementima u rumunjskom jeziku, i svršivši sa svim rumunjskim filolozima kao što su Čihak, Hasdeu, Tiktin, Philippide, O. Densusianu, i s historičarima, kao što je naš slavista J. Bogdan, koji, da pravo rečemo, u tom pitanju ne donose ništa novoga već se svi drže samo Miklošićevih studija i zaključaka¹⁾.

Mi se ovdje ne ćemo baviti mlađim slavenskim elementima u rumunjskom jeziku i kulturi. Spomenućemo samo da — kako sam dokazao već u »Fonetici ćirilske Azbuke u pisanju rumunjskog jezika« (Zagreb 1899), pa opširnije još u »Fonetica alfabetului Ćirilic« (București 1904) — literarni i crkveni slavenski rad nastao je među Rumunjima ne u vrijeme Ćirila i Metodija, kako se mislilo u nauci prije, već nekako u XII. vijeku.

Ali zadatak ove radnje je da pokušam dokazati, da Miklošić, a dakle i svi rumunjski učenjaci (jer svi se drže samo njegovih studija

1) U tom pogledu teško mogu i da spominjem djelo prof. N. Jorga: »Geschichte des rumänischen Volkes«, Gotha 1905; jer ovo ne odgovara današnjemu stadiju nauke (već njezinom stadiju od prije 20 godina), ne samo u onom, što se bizantinistike tiče (kako je pokazao K. Dietrich u »Byzantinische Zeitschrift« od 31 Jan. 1907 g.), već osobito i glede slavistike.

i zaključaka) griješe i kad kažu, da su najstarije slavenske riječi ušle u rumunjski jezik u Jordanovo doba, to jest u VI. i VII. vijeku.

Pokušaću ovdje da dokažem, da su nam ove najstarije slavenske riječi počele dolaziti ne u to doba, čak niti u staroslovenskoj periodu, već poslije IX. vijeka. A i o ovom pitanju neću sada raspravljati opširno, već ću *samo temelje* staviti, rezervirajući sebi da (u većoj radnji, što upravo pripremavam pod naslovom »Najstariji etnički i kulturni dodiri Rumunja sa Slavenima«) dokažem, sa čitavim naučnim aparatom, ovu svoju novu teoriju.

*

I Miklošić i svi oni, koji se drže njegovih zaključaka i teorija, ne primaju Röslerovu teoriju glede Rumunja. Oni dakle tvrde — što je bez sumnje jedino historično — da su Rumunji uvijek živjeli u Dakiji, od Trajanovog doba do danas.

Ali s druge strane isti učenjaci konstatiraju, na temelju starih historičkih izvora, osobito na temelju poznatog spisa Jordana, da su u VI. i VII. vijeku živjeli u Dakiji — to jest u Moldavskoj, Vlaškoj i Erdelju — i Slaveni.

Ali ovi učenjaci ne pitaju sebe, da li na odnosnome mjestu Jordanes hoće da kaže ono, što oni na prvi pogled razumiju: naime da su, faktično po *čitavoj* Dakiji, živjeli onda Slaveni, ili samo u *jednom* njezinom kraju? Već, bez dalje kritike, uzimlju za neosporno, da Jordanes hoće da kaže, da su po *čitavoj* Dakiji bili onda Slaveni, a budući da su i Rumunji onda živjeli u Dakiji, ti učenjaci tvrde dalje, da onda, to jest u VI. i VII. vijeku, Slaveni su dali rumunjskom jeziku one najstarije slavenske riječi, jer su onda ova dva naroda živjela skupa.

Prema tome i budući da se pristaje, da su dakijski Jordanovi Slaveni, koji su živjeli onda smiješani s Rumunjima, govorili, sa kakvim dialektičkim niansama, tako zvani staroslovenski jezik, koji je danas u nauci smatran za starobugarski, zato oni učenjaci tvrde, da su one slavenske riječi rumunjskog jezika staroslovenske.

Tako misli Miklošić, koji na pr. u svojoj raspravi »Die slavischen Elemente im Rumunischen« str. 12 kaže: »eine nicht unbedeutende Anzahl von slavischen, namentlich altslovenischen Wörtern in das Rumunische aufgenommen worden ist.«

A isto tako misle svi rumunjski učenjaci; tako Čihak u svojem »Dictionnaire d'Etymologie daco-romane« I, str. VIII, piše, da: »c'est surtout au *vieux slave* (slavon) ou *vieux bulgare*, comme on l'appelle même de préférence, avec plus ou moins de raison, que le roumain doit

Kad su počele da ulaze u rumunjski jezik najstarije njegove slavenske riječi. 435

le plus grand nombre de ses emprunts.« Ov. Densusianu, u svojoj »Histoire de la langue roumaine«, 240 kaže po Miklošiću i Čihaku, da: »la plupart des éléments slaves pénétrèrent en roumain aux V., VI. et VII. siècles. Ils forment la couche la plus ancienne et la plus importante.« Dočim profesor Bogdan ide i dalje od ovoga, kad kaže, što je Miklošić naročito zanijekao, da: »ne može da bude ni riječi o rumunjskom narodu prije nego što je rumunjsko pučanstvo apsorбирало slavenske elemente tokom VI.—X. vijeka¹⁾«.

Ali svi, prevareni nerazumijevanjem Jordanova teksta, nijesu dalje opazili, da slavenske riječi rumunjskog jezika nemaju u sebi fonetičke karaktere staroslovenske već mlađe od staroslovenskih, a naime više ili manje srednjobugarske, koji su se počeli razvijati u bugarskom jeziku poslije IX. stoljeća.

Inače, Miklošić je zanemario *historičku* gramatiku slavenskih riječi i kad je proučavao slavenske elemente u madjarskom; jer već prije mene, premda samo mimogred, prof. Asbóth mu predbaci, da »Миклошич не различаетъ стараго отъ новаго« (»Извѣстія отдѣл. русск. яз. и словест. Императ. Академ. Наукъ, 1902«. Тома VII-го книжка 4-я. Санктпетерб. 1902, str. 290). Dočim prof. W. Vondrák, u svojoj »Altkirchensl. Grammatik«, na str. 374, iskaže takodjer nekakvu sumnju, kad piše, da: »auf die slav. Lehnwörter im Magyarischen, Rumänischen usw. kann man sich nicht berufen, wie es Miklosich tat, weil es sich nicht beweisen läßt, daß diese Worte nur aus dem Aksl. Eingang ins Magyarische fanden.«

Da dokažemo svoju tvrdnju, mi ćemo sad samo ove četiri karakteristične pojave istaknuti.

I. Slavenske riječi sa њ, њ u staroslovenskom.

Ima u rumunjskom jeziku mnogo slavenskih riječi, koje su u staroslovenskom imale *zvukove* њ i њ. Ali u rumunjskom ove riječi predstavljaju se pod oblikom drugih četiriju kategorija: naime ili nemaju nikako њ i њ, ili imaju *e* namjesto њ i *o* namjesto њ, ili imaju *i* (= *y*, rusko *ы*) ili *ä* (= novobugarsko *ъ*) namjesto њ.

Tako *prva kategorija* ima: sdravän, pričë, sfadă, denie, beznă, praznik, zglobiü, näting, oblink, stinjen, prund, dîmb, stilp, rînd, sfint,

1) J. Bogdan: *Istorigrafia romînă și problemele ei actuale*, București 1905, str. 21: »nici nu poate fi vorba de popor romîn înainte de absorbirea elementelor slave de către populația băștinașe romînă în cursul sec. VI—X«. Niti Miklošić: *Die slav. Elem. im Rum.*, 12, niti Šafarik u *Slov. Starož.* I, 268 nijesu toliko pretjerivali, jer obojica misle o eksistenciji rumunjskoga naroda već u V i VI stoljeću.

poting, päing (ili päianžen, päiažen), puška, duhovnik, pírník, rímník (iz ríbník), pívníča, poftă (iz pohtă), răpștesc i t. d., koje su u staroslovenskom glasilu: СЪДРАВЪ, ПРНТЪЧА, СЪВАДА, БЪДІННІЕ, БІЗДЪНО, ПРАЗДЪННІКЪ, ЗЪЛОВНІВЪ, НІТАГЪ, ОБАЖКЪ, САЖЪНЪ, ПРЖДЪ, ДЖЕЪ, СТАПЪ, РАДЪ, СВАТЪ, ПОТАГЪ, ПАЖКЪ, ПОУШКА, ДОУХОВЪННІКЪ, ПРННІКЪ, РЫБНІКЪ, ПНВЪННІЦА, ПОХЪТЪННІЕ, РЪПЪЦІЖ.

Druga kategorija: stinžen, stekla (i stikla), temniča, prekupeț, koteț, stareț (i stariț), șugubeț, oțet, sprinten, u starim tekstovima: smîren, pîvetz, pa veste, poveste, lene, melitza i t. d., koje su u staroslovenskom glasilu: САЖЪНЪ, СЪКЛО, ТЪМЪННІЦА, ПРЪКОУПЪЦЪ, КОТЪЦЪ, СТАРЪЦЪ, *СОУГОУБЪЦЪ, ОЦЪТЪ, СПРАТЪНЪ, СЪМЪРЪНЪ, ПЪВЪЦЪ, ВЪСТЪ, ПОВЪСТЪ, ЛЪНЪ, МЪЛНЦА i t. d.

Treća kategorija: dobitok, virtop, svitok, năpirstok, vînzok, prilostesk, tokma, moždai: șoptesk i t. d., koje su u staroslovenskom glasilu: ДОБЪТЪКЪ, ВРЪТЪПЪ, СЪВНТЪКЪ, НАПРОСТЪКЪ, СЪВАЗЪКЪ, ШЪПЪТАТИ, ТЪКМО, ПРЪЛЪСТІТИ.

Četvrta kategorija: rîvna, píra i pírník, păstrăv, pikla, mîșkoï, mîzda, ovăz, ime jednog posjeda: Tîmna, pa dira, tirăsc, možda i: văduva, stiklă, prizărit, zăresc, pa skîrbă, i u starim tekstovima: dveară, sineată i t. d., koje su u staroslovenskom glasilu: РЪВЪНЪ, ПЪРИ, ПЪРННІКЪ, ПЪСТРЪ, ПЪКЛЪ, МЪСКЪ, МЪЗДА, ОВЪСЪ, ТЪМЪНА, СЪДЪРАТИ, ТЪРАТИ, ВЪДОВА, СЪКЛО, СКРЪВЪ, ПРНЗЪРЪТИ, ЗЪРЪТИ, ДЪВЪРЪ, СВННЦА i t. d.

I Miklošić i svi naši filolozi tvrde, da su ove četiri kategorije riječi ušle u rumunjski jezik u Jordanovo doba, to jest u VI. i VII. vijeku, iz staroslovenskoga; samo je Miklošić one iz treće kategorije smatrao staroslovenskim u »Die slav. Elem. im Rumun.«, dočim ih kasnije, u »Beiträge zur Lautl. der rumun. Dial. Vocal. II« str. 17 smatra riječima ruskog izvora u rumunjskom. Ali, po današnjoj nauci, one ne mogu biti smatrane za staroslovenske, budući da je njihova fonetika mlađja od staroslovenske. A evo zašto. Današnja nauka, nekako razlikujući se od Miklošića, tvrdi, da ѣ je glasilo kako ä (to jest današnje bugarsko ѣ) a ѡ kako ě (to jest »ein geschlossenes, kurzes« e nagnuto k i; kao što je i u njemačkom bitte); a ona tvrdi još i da ne samo u VI. i VII. vijeku već jamačno i u Ćirilo-Methodijevo doba, to jest bar u IX. ako ne i u X. vijeku, i ѣ i ѡ su se izgovarali svagdje, gdje su se pisali u staroslovenskim spomenicima. A to, odnoseći se na dakijске Slavene, znači, da su se ѣ i ѡ izgovarali i u njihovom jeziku, i to ne samo u IX. već i u VI. i VII. vijeku Jordanova doba.

Tako kaže današnja nauka, predstavljena u tom Jagićem, Solbojevskim, Leskienom, Vondrákom i t. d.

Ali prema tome, kad bi riječi prve kategorije bile došle u rumunjski jezik u staroslovensko doba, to jest između VI. i IX. vijeka, one bi glasile i u nas kao što u staroslovenštini sa onim *ǣ* (ъ) ili *č* (ь) na koncu i u njihovoj sredini; dakle bi bile glasile, bar nekad, *sǎdravǎn* a ne *sdravǎn*; *pritičǎ* a ne *priča*, i t. d. kako što sada glase. Ali one riječi nijesu nikad glasile tako u rumunjštini, što nam i stari tekstovi dokazuju. A kad bi nam došle iz staroslovenskog, bile bi morale da tako glase i u nas, zato što u organizmu rumunjskoga jezika uopće ne postoji fenomen da se gubi ovakovo *ъ* = *ǣ* ili *ь* = *č*, dakle ono *ъ* i *ь* ne bi se bilo moglo izgubiti na zemljištu našem.

Ako dakle one riječi nijesu mogle izgubiti ono *ъ* i *ь* na zemljištu rumunjskog jezika, slijedi da su one došle u ovaj jezik upravo bez *ъ* i *ь*, dakle da su došle ne u staroslovenskom stadiju već u drugom stadiju bugarskog jezika, došle su naime u jednom njegovom stadiju, u kojem je ovaj sam jezik po svojoj organičnoj fonetici bio izgubio *ъ* = *ǣ* i *ь* = *č*.

Isto tako, kad bi riječi druge kategorije došle u rumunjski jezik u staroslovensko doba, one bi glasile i u nas sa jednim *ь* = *č* na koncu i u njihovoj sredini. A kad bi ovako prešle u rumunjski jezik, morale bi da se isto tako i sačuvaju, zato što, u organizmu našeg jezika, uopće nema te pojave da *ь* prelazi u *e* ili da se gubi.

Isto tako kad bi riječi treće kategorije došle u rumunjski jezik u staroslovensko doba, one bi glasile i u nas sa jednim *ǣ* = *ъ* na koncu i u njihovoj sredini.

A kad bi ovako prešle u rumunjski jezik, morale bi da se tako i sačuvaju, zato što u organizmu našeg jezika ne mora da u ovakovim pozicijama *ǣ* prelazi u *o*.

Napokon kad bi riječi četvrte kategorije došle u rumunjski jezik u staroslovensko doba, one bi glasile i u nas uopće sa jednim *ь* = *č*; a kad bi ovako prešle u rumunjski jezik, one bi morale da se tako i sačuvaju, zato što, u organizmu našeg jezika, ne mora da na ovakovim mjestima jedno *č* prelazi u *i*.

Ali koji je bio ovaj drugi stadij bugarskog jezika, u kojem su one riječi, na tlu ovog jezika, počele da imaju one fenomene onih četiriju kategorija? Staroslovenski tekstovi su prijepisi iz X. ili XI. vijeka. Ako se promatra jezik ovih tekstova, vidi se, da se u njima pojavljuju kao nešto nenormalno i neobično, dakle kao nešto odaljeno od običnog njihovog jezika, upravo one četiri fonetičke pojave. Ove četiri pojave, koje se pojavljuju kao nešto *novo* u jeziku, odgovaraju onim četirima kategorijama, na koje smo razdijelili u rumunjskom jeziku slavenske

riječi, koje u staroslovenskom imaju *ъ* i *ь*. Naime kao nešto novo pojavljuje se u staroslovenskim tekstovima gubljenje onog *ъ* i *ь*, budi na koncu riječi, budi u njihovoj sredini, pa zamjenjivanje jednog *ъ* sa *e* a jednog *ь* sa *o* i napokon zamjenjivanje jednog *ъ* sa *ъ*.

A naučna daljnja istraživanja današnje slavistike pokazuju, da ove četiri pojave, koje su samo nešto nenormalno i novo u staroslovenskim tekstovima, sastavljaju upravo individualnost bugarskog jezika u XII. vijeku, to jest u srednjobugarskom stadiju ovog jezika. A opet one se pojave rasprostanjuju u onom jeziku neprestano u sljedećim vijekovima sve do današnjega dana. To znači dakle, da počevši od X. ili XI. vijeka riječi iz onih četiriju kategorija glasile su u dalnjem razvitku bugarskog (t. j. srednjobugarskog) jezika *upravo kao što u rumunjskom*.

Istina je s druge strane da su neke između riječi druge i četvrte kategorije mogle dobiti svoje *e* i *i* i na tlu rumunjskog jezika, isto tako kako n. pr. iz latinskog *titionem* imamo rum. *tăciune*. Ali to niti mora niti može da bude ovako, jer i onima manjka staroslov. *ъ* i *ь*: rum. *Timna*, starosl. *тъмна*, ali srednjobug. *тъмна*; rum. *pirnik*, starosl. *пърникъ*, ali srednjobug. *пърник* i t. d. A kad im manjka *ъ* i *ь*, to je znak da se one nijesu stvorile na rumunjskom zemljištu, već da su nam došle ovakove, kakove su, to jest i sa *e*, *ă*, *i* namjesto *ъ* i bez *ъ* i *ь*.

II. Slavenske riječi sa *ж* i *л* u staroslovenskom.

Ima u rumunjskom jeziku slavenskih riječi, koje sadržavaju u sebi nazalizam *in* (*im*) i *un* (*um*). Između ovih *in* odgovara staroslovenskomu *ж* ili *л*, ali *un* odgovara samo *ж*. — Tako za *in* imamo a) prema *ж*: *dîmb*, *gingav*, *oblink*, *osindi*, *pîndi* i *pindar*, *trimbă*, *tingui* i *tinži*, *mîndru*, *kring*, *gînska*, *dobinda*, *krinčen*, u Banatu: *golîmb* i t. d.; b) prema *л*: *sfint*, *năting*, *zvikni*, *îmbrînci*, *rînži*, *vinzok*, *rînd*, *tinžală*, *înstîngăni*, *smîntînă*, *potîng*, *rinza*, možda i *pălanžen* ili *păîng*, pa *stînžen* i t. d. A za drugu pojavu, kad *un* odgov. staroslov. *ж*: *skump*, *munka*, *prund*, *lunka*, *undîța*, *kumpăna*, *dunga*, *dumbrava* i t. d.

Treba da unaprijed primijetimo, da je u rumunjskom jeziku broj riječi sa *in* najveći, dočim ih je sa *un* mnogo manje. Sam Tiktin mora da donekle to prizna, kad u *Zeitschr. für roman. Phil.* XII, 236, kaže: »ksl. *q* wird nach Kóns. bald durch *in*, bald — doch weniger häufig — durch *un* dargestellt.«

Ali svakako i ne obaziruci se na to, i Miklošić i svi rumunjski filolozi rekli su, da su sve riječi ove vrste ušle u rumunjski jezik u Jordanovo doba, a prema tome izvodili su ih iz staroslovenskoga. Samo što su napravili razliku, da riječi sa *un* imaju u ovom »den älteren

Reflex des ж< (Miklosich: Beiträge, Voc. III, Cons. I, 24, a po njemu Ov. Densusianu: *Histoire de la langue roumaine*, 270¹⁾). Ali svi, prevareni nerazumijevanjem onoga Jordanova mjesta, nijesu opazili, da ove riječi nijesu nam mogle doći iz staroslovenskoga iz dva razloga: prvo, jer one nemaju glasa *ǎ* ili *ě*, što bi odgovarao staroslov. ѣ i ѧ, a drugo, jer — pazeći na činjenicu, da su riječi sa *in* u velikoj većini a one sa *un* u maloj manjini — ж i ж bi morali da imaju u rumunjskom jeziku drugi refleks a ne *in*.

Današnja je slavistika dokazala, da je staroslovensko ж glasilo kao francuski *on* (i to samo tako, a ne još kao *un*, kako je mislio Miletić), a da je ж glasilo kao što franc. *in*. Prema tome one su riječi glasile u staroslovenskom, to jest bar od VI. do IX. vijeka: ДЖЕЪ, ГЖГЪНАВЪ, ОБАЖКЪ, ОСЖДИТИ, ПЖДИТИ i ПЖДАРЪ, ТРЖБА, ТЖГОВАТИ i ТЖЖИТИ, МЖДРЪ, КРЖГЪ, ГЖСКА, ДОБЖДА, КРЖЧИНА, ГОЛЖЕЪ; ili: СВѦТЪ, НЕТАГЪ, ЗВѦКНЖТИ, БРАКНЖТИ, РАГНЖТИ, ВѦЗЪКЪ, (glagol ВѦЗАТИ), РАДЪ, ТАЖАЛО, ВЪСТАГНЖТИ, СЪМАТАНА, ПОТАГЪ, РАСА, ПАЖКЪ i ПАЖЧИНА, САЖЪНЪ; i: СКЖПЪ, МЖКА, ПРЖДЪ, ЛЖКА, ЖДИЦА, КЖПОНА, ДЖГА, ДЖЕРАВА.

Ali najprije činjenica da ove riječi nemaju ѣ = *ǎ* ili ѧ = *ě* u rumunjskom jeziku, kako ga imaju u staroslovenskom: starosl. *dǎbǎ* rumunjski *dimb*, staroslov. *reďǎ* rum. *rind* i t. d., — to nam dokazuje (prema rezultatu *predidućega paragrafa* o ѣ i ѧ), da ove riječi, koje imaju nazalizam *in* ili *un*, nijesu nikako došle u rumunjski jezik prije X. vijeka; jer, kad bi prije došle, trebalo bi da imaju i u rumunjskom izgovoru ono finalno *ǎ* ili *ě*, što su ga imale u staroslovenskom prije X. vijeka.

Ali osim toga i nazalno *in*, *un*, prema staroslov. ж = *on*, а, dokazuje nam istu stvar. Ako se promatraju latinske riječi u rumunjskom jeziku, vidi se, da je latinsko *on* uopće prelazilo po pravilu u *un*, a da samo iznimice imamo i *in* namjesto latinskoga *on*. Toga radi najviše latinskih riječi ima *un* a najmanje ih *in*. To je fakt, što se ne može poreći, a što je priznao i Tiktin u *Zeitschrift für rom. Phil.* XII. To znači dakle, da se za ostvarenje onog izuzetka (*on* = *in*) umiješala kakva druga okolnost; ta su okolnost, kako ja mislim, upravo slavenske riječi sa nazalizmom, o kojim ćemo govoriti odmah i koje imaju nasuprot u većini *in*. Isto tako vidimo, da je latinsko *en* u rumunjskom jeziku uopće prelazilo po pravilu u *in*, a da samo iznimice imamo *in*

1) Izpor. i Tiktina, u *Zeitschr. für roman. Phil.* XII, 220, da: »Manches heute durch *in* reflektierte ksl. *a* mag ebenfalls die Stufen *on*, *un* durchgemacht haben«, — što je svakako pogrešno.

namjesto lat. *en*, i to po mojemu mišljenju s razloga, s kojega je i lat. *on* izminice prelazilo u *in*.

Ali, ako se promatraju slavenske riječi u rumunjskom jeziku, vidi se, da staroslovenskomu *ж* odgovara uopće po pravilu *in*, a da mu samo iznimice odgovara *un*. Dakle upravo protivno onomu, što smo opazili za latinske riječi. Toga radi, opet protivno, najviše slavenskih riječi ima *in* a najmanje ih *un*. To je fakt, što se ne može da poriče, a koji nam pokazuje, da je on bio ona okolnost, koja je prouzrokovala onaj izuzetak (*in* namjesto *un*) u latinskim riječima rumunjskog jezika. S druge strane u slavenskim riječima našeg jezika, kao što i u latinskim, staroslovenskomu *ж* odgovara uopće po pravilu *in* a samo iznimice *in*. Bar za slavenske riječi uzrokom je ovom izuzetku bio vlastiti fonetizam bugarskog jezika.

U VI. i VII. vijeku rumunjski je jezik imao i razvio u svojem organizmu fonetičko pretvaranje *on* latinskih riječi u *un*: munte lat. montem, punte lat. pontem, kumpār lat. comparo, kumpāt lat. computo. Upravo tada staroslovensko je *ж* — kako dokazuje dananšja slavistika — glasilo kao *on*. Kad bi naše slavenske riječi tada ušle u rumunjski jezik, one bi morale da slijede onaj opći fonetizam našeg jezika, dakle bi morale da i one uopće, najviše njih, pretvore slavensko *on* (kao što i latinsko) u *un*. Ali, kako je poznato i očividno, slavenske riječi imaju u našem jeziku upravo naopako: manji njihov broj ima *un* a najveći *in*. To je dokaz da slavenske riječi sa nazalizmom, kojemu odgovara staroslov. *ж*, nijesu došle u rumunjski jezik u VI. i VII. vijeku. Dakle ove slavenske riječi sa *in* nijesu došle u rumunjski jezik u stadiju staroslovenskom već u drugom stadiju bugarskog jezika. To izlazi isto tako i za one sa *un*: munka, prund, dumbrava, dunga i t. d., kojih je broj mnogo manji.

Može li da se misli, da su nam u staroslovenskom stadiju došle riječi, koje imaju u rumunjskom *in* namjesto staroslov. *ж*: sfint, nāting, zvikni, brinči, vīnzok, rīnd, tinžalā, smīntina i t. d.? Jamačno da ne može, jer se to ne može misliti za one, kojim odgovara staroslov. *ж*, a osobito kad i ove nemaju staroslovenskih glasova *ѣ* i *ѝ*: sfint ne sfentā kao starosl. сѣлѣ, rīnd ne rendā kao staroslov. рѣдѣ i t. d.

Iz toga svega izlazi dakle, da ove sve tri kategorije slavenskih riječi rumunjskog jezika, — to jest one sa *in* namj. starosl. *ж* (dīmb i t. d.), one sa *un* namj. staroslov. *ж* (munka i t. d.) i one sa *in* namj. staroslov. *ж* (rīnd i t. d.) — nijesu mogle doći u naš jezik u staroslovenskom stadiju, to jest u Jordanovo doba, već u drugom stadiju bugarskog jezika. Koji je taj drugi stadij?

Ako se uopće prima, da je u Ćirilo-Methodijevo doba staroslov. ж glasilo kao nazalno *on*, prima se također, da poslije toga doba, to jest u X. ili XI. vijeku do XIV., ono je *on* počelo da se mijenja u bugarskom jeziku: najviše u *ün* (= ѳн) sa dialektičkom niansom *an*, ali, dakako isto dialektički, i u *un*.

Dakle od toga doba bugarski je jezik mogao imati one riječi, o kojim govorimo u rumunjskom jeziku, sa fonetizmom: *dъmb*, *oblъnk*, *osъnditi* i t. d., to jest sa ѳн mj. starosl. ж; ili i: *skump*, *munka* i t. d., to jest sa *un* mj. staroslov. ж. Ali ovaj mlađji fonetizam bugarskog jezika upravo je onaj isti, sa kojim se one slavenske riječi pokazuju i u rumunjskom jeziku. To znači dakle, da su one riječi — koje nam nijesu došle u staroslovensko doba — počele da dolaze poslije staroslovenskoga doba, to jest u X. ili XI. vijeku.

Isto tako je i sa slavenskim riječima, koje u rumunjskom jeziku imaju *in* (a ne, kako bi trebalo i kako bi bilo pravilno, *in*) namjesto starosl. ѳ, ali o kojima su i Miklošić i svi naši filolozi rekli, kao što Tiktin u *Zeitschrift für roman. Phil.* XI, 60, da imaju *in* iz starosl. ѳ, — a da se nijesu ni sjetili srednjobugarskoga miješanja jusova. Poznato je naime, da u doba poslije staroslovenskoga, u njekim krajevima bugarskog jezika i u naročitim mjestima riječi, jusovi ж i ѳ su se počeli miješati medju sobom. Tim miješanjem došlo se do toga, da se u njekim riječima već u srednjobugarsko doba izgovaralo *ün*, to jest izgovarao se fonetizam, što odgovara staroslovenskomu ж, a ne, kako bi pravilno trebalo: *en* ili *in*, to jest: nije se izgovarao fonetizam, što odgovara staroslovenskomu ѳ. Ali srednjobugarske forme, upravo sa ovakim fonetizmom, nalaze se i u onim nekim slavenskim riječima rumunjskog jezika, koje imaju *in* namjesto pravilnoga *in*: *sfint*, *nătng* i t. d., a to dokazuje, da i ove riječi nijesu se modelirale na rumunjskom zemljištu i u ovom jeziku već da su nam upravo tako modelirane došle od Bugara u doba poslije staroslovenskog, to jest počevši negdje od X. ili XI. vijeka.

III. Slavenske riječi sa ѳ u staroslovenskom.

Ima u rumunjskom jeziku mnogo slavenskih riječi, koje u staroslovenskom obliku sadržavaju u sebi glas ѳ = *í*, dočim u rumunjskom imaju *i* namjesto onog ѳ = *í*.

Tako rumunjski: *vídra*, *bívol*, *mítă*, *vládícă*, *pelín*, *smokín*, *moghíla*, *običei*, *kobíla*, *rakíta*, *dobítok*, *ispíta* i *ispítesk*, *kopíta*, *strívesk*, *zămí-slesk*, *răsípesk*, *tkva*, *pustínik* i *pustíie*, *gríža*, *prostíie*, *díhaniie*, *năsíp*,

odihnesk, poticnesk, dhor, pir, kiselita, kitesk, ogrinži, okoliš, skitači, sporiš, ribita, i t. d.

Za ovakove riječi i Miklošić i svi rumunjski filolozi (kao što na primjer Ov. Densusianu: *Histoire de la langue roumaine*, 273) misle, da su nam došle u rumunjski jezik za vrijeme Jordanovo, dakle u staroslovenskom obliku.

Ali učenjaci nijesu opazili niti za ove riječi (kao što nijesu za one sa ѡ, ѡ ili ѡ, ѡ), da se historička fonetika bugarskog i rumunjskog jezika protivi ovakovomu zaključku. Jer u istini u jeziku i stadiju staroslovenskom, i u IX. vijeku, dakle tim više u VI. i VII., ove su riječi imale glas ѡ = *i* namjesto *i* rumunjskog: starosl. вѡдра, izgov. vidra, dočim rumunjski vidra; starosl. бѡволѡ, izgov. bivolă, dočim rum. bivol; stslav. мѡто, izgov. mto, dočim rum. mită i t. d.

Kad bi ove riječi došle u rumunjski jezik u VI. i VII. vijeku, tim više bi ušle u nj sa *i* = ѡ, čim čak i u Ćirilo-Methodijevo doba one imaju ono *i* u staroslovenskom. A u tom slučaju one bi morale biti i danas sa *i*, a ne sa *i*, u rumunjskom jeziku; jer toliko *stari rumunjski spomenici* koliko i *današnji naš jezik* pokazuju, da fonetika rumunjskog jezika ne dopušta da se misli, da su nam one došle iz staroslovenskoga sa *i*, pa da bi se na rumunjskom zemljištu pretvorilo *i* u *i*. Organizam rumunjskog jezika naprotiv naginje uprav na to, da pretvara *i* u *i*: n. pr. prije ziua pa poslije ziuă, prije zik pa poslije zik, prije strik pa poslije strik, prije sting pa poslije sting, sin pa sin, singur pa singur, tzine pa tzine, pa čak prije sită (staroslov. сѡто) a poslije sită, tzigla pa poslije tzigla. Dakle, prema ovome nagnuću rumunjskog jezika da pretvara *i* u *i*, one riječi, kad bi ušle u nj sa *i*, isto tako bi i ostale, a ne bi pretvorile *i* u *i*, jer ne bi imale nikakog povoda za to; one bi dakle morale da i u rumunjskom glase kao u staroslovenskom: vidra, bivolă, mîtă, vlădîkă i t. d.

Ako ih nemamo ovako, sa *i*, to je dokaz da ove riječi nijesu nam došle niti u VI. i VII., a niti u Ćirilo-Methodijevo doba (IX. v.), već u drugom stadiju bugarskog jezika, naime u jednom njegovom stadiju, u kojem na bugarskom zemljištu staroslov. *i* bilo se pretvorilo u *i*. A koji je taj drugi stadij?

U staroslovenskim spomenicima nalazi se, kao rijedak izuzetak, glas и = *i* namjesto ѡ = *i*, kad je ovaj zadnji glas bio iza р = *r*, tako u Codex Zograph. рѡка pored običnoga рѡка; u Savinoj Knjizi: рѡница, рѡнѡ, i покѡнѡ pored običnoga покрѡнѡ i t. d. Rijetkost ove fonetičke pojave pokazuje nam, da je ona nešto novo u općem jeziku staroslovenskom. Ćinjenica, da se ta pojava javlja samo iza р,

pokazuje, da je ovo pretvaranje glasa ѡ u и počelo prije uz konzont r; ali, kako se zna, ovo se poslije rasprostranilo dalje i uz druge konzontane. U spomenicima srednjo-bugarskim XII. vijeka ovo и namj. staroslovenskoga ѡ gotovo je svuda provedeno. To dokazuje — a slavistika to priznaje —, da se u to doba staro ѡ = *i* već bilo pretvorilo u и = *i* u bugarskom jeziku. A bugarski spomenici sljedećih vijekova, koji svuda miješaju и sa ѡ, pokazuju, da je ova pojava pretvaranja ѡ u и bila počela u vijeku staroslovenskih tekstova, a da se neprestano razvijala, tako da današnji bugarski jezik gotovo nema glasa *i*, nego vrlo rijetko i nenormalno, već gotovo svuda ima *i* namjesto staroslov. ѡ = *i*.

Ali upravo to nam pokazuje, da su one slavenske riječi u rumunjskom jeziku, o kojima govorimo, da imaju *i* namj. staroslov. ѡ = *i*, glasile u bugarskom u vijeku, iz kojega imamo staroslovenskih tekstova, sa *i*, dakle ne više sa staroslov. ѡ = *i*: naime вѡдра, вѡвол, мѡто i t. d. Ali isto sa *i*, a ne sa *í*, ima ih i rumunjski jezik: vidra, bivol, mită i t. d.

Ali sada još jedno pitanje u svezi sa ovim. Osim ove velike većine slavenskih riječi u rumunjskom jeziku, koje imaju *i* namj. starosl. ѡ, ima u našem jeziku još *nekoliko* slavenskih riječi, koje se izgovaraju i sa *i* kao što u staroslovenskom. Tako je: rígăesk, hírleț, rís, ríbița, Rímnik, ríknesk, țígan (premda izmedju njih se jedne izgovaraju i sa *i*: ris, ribița, țigan).

I za ove, kako za one sa *i*, o kojim smo dosad govorili, misle i Miklošić i svi naši filolozi¹⁾, da su nam došle u Jordanovo doba. Samo, kažu oni, da su ove sa *i* starije (uralte Entlehnungen)²⁾ nego li one sa *í*. — Je li to tako? Mi odgovaramo, da nije, već da su nam i ove, kako one sa *i*, došle u istoj periodi poslije staroslovenskog doba. A evo zašto.

Istina je da početak pretvaranja staroslovenskoga ѡ u и spada već u X. ili XI. vijek. Istina je s druge strane da se u XII. stoljeću ѡ bilo većim dijelom pretvorilo u *i*. Ali pored toga istina je još i to, da ѡ se očuvalo dalje, gdjegdje na zemljištu bugarskog jezika, poslije XII. vijeka i do današnjeg dana. Glas *i* naime se nalazi i u srednjo-bugarskim spomenicima; a današnji bugarski jezik, uz opće *i* namjesto staroslov. ѡ, ima rjedje i *í* sačuvano u jednom malom broju riječi, tako u nekim selima Maćedonije (Ispor. Miletič, Arch. für slav. Phil.

1) Ovid Densusianu: *Histoire de la langue roumaine*. Tiktin, u *Zeitschrift für romanische Philologie* X, XI, XII.

2) Miklosich: *Beiträge*, Vocal. III. Conson. I, str. 18.

XX, 586). Što više u današnjem bugarskom jeziku, takodjer kao rjedja fonetička pojava, ima (čega nema i u staroslovenskom) i *í* namj. etimolog. *í* (Miletič, *Das Ostbulgarische* str. 74—75). To znači dakle isto tako, da uz obične riječi sa *í* namj. staroslov. ѡ mogle su biti u srednjobugarskom, i u XI. i XII. vijeku i kasnije do danas, još riječi sa *í*: рѣмник, цыганин i t. d. Dakle poslije IX. vijeka, to jest u doba poslije staroslovenskog, bugarski jezik, koji je imao riječi i sa *í* i sa *í* namj. starosl. ѡ, mogao je da daje rumunjskomu i riječi sa *í* i riječi sa *í*. Premda se može da pretpostavlja њi to da je ova manjina riječi sa *í* došla u rumunjski jezik isto sa *í*, kao što i ona većina iz srednjobugarskoga, ali da se na zemljištu našeg jezika *í* pretvorilo u *í*, kako se uopće i pravilno dešava u nas. A to bi se moglo tim više pretpostaviti, što se ove riječi pojavljuju u rumunjskom jeziku i sa *í* i sa *í*: țigan i țigan, Rimnik i Rimnik, ris i ris, ribița i ribița. Pa rîgăesk nalazi se i sa *í* već u XVI. vijeku u Skejanskom psaltiru pod oblikom ригѣн, a Rimnik je sa *í*: РИМНИК u jednom Liturgijaru naštampanom god. 1733 i u jednom Katavasijaru naštam. god. 1744 (I. Bianu și Nerva Hodoș: *Bibliografia românească veche*, tom II, fasc. 1, str. 48—49). Može dakle biti da su nam ove riječi sa *í*: Rimnik, ris, rîgăesk i t. d. došle isto sa *í*, kao što i one sa *í*: vidra, pelin i t. d., ali da su, iz kakovih god razloga, ove zadnje ostale dalje sa *í*, dočim su one prve pretvorile *í* u *í* na zemljištu rumunjskog jezika, po jednom organičnom pravilu ovog jezika, po kojemu se pretvorilo na primjer i *sîta* u *sîta* (stsl. снто) ili țigla u țigla (stsl. цггла).

IV. Slavenske riječi sa ѣ u staroslovenskom.

Ima u rumunjskom jeziku mnogo slavenskih riječi sa *diftongom* *ea*. Tako: treabă, leak, leat, smead, deal, leasă, mreaza, breaz, țgheab, Neamț, hrean, pribeag, teask, steag, peaveț i t. d. O njima i Miklošić (Die slav. Elem. im Rum., 5, 12 i Beiträge 19) i naši su rumunjski filolozi (Čihak u *Dictionnaire* I; Tiktin u *Studien*, 10; Ov. Densusianu u *Histoire de la langue roumaine*, 241, 273) rekli, da su došle u rumunjski jezik — skupa sa onim, koje imaju nazalizam ili ѣ, ѣ ili ѣ u starosl. — u Jordanovo doba. Ali ove riječi imaju u staroslovensko doba jedno ѣ prema našem diftongu *ea*: тѣка, лѣкѣ, лѣто i t. d. Premda jedni filolozi tvrde, da je staroslov. ѣ glasilo kao *ja* ili *jă*, drugi kao *'a*, treći (Geitler i Tiktin) kao *ea*, ipak najtemeljitiije je mišljenje Miklošićevo, Soboljevskoga, Leskinovo, Miletičevog i Vondrákovo: da je staroslov. ѣ glasilo kao meko *e*, koje se približalo k *a*, kao što na primjer njemačko *ä* u riječi *Bür*. Prema tome i po Miklošiću one

riječi su u staroslovensko doba glasile: *trība, lūkā, lūto* i t. d. A tim više su one tako glasile u Jordanovo doba.

Niti u starim rumunjskim spomenicima niti u današnjem rumunjskom jeziku ne vidi se, da je nekad egzistirao glas *ü* u nas. Dakle niti ove riječi nijesmo izgovarali sa *ü*. Ali se ne može niti tvrditi, da smo ih mi primili u staroslovenskoj fazi, to jest sa *ü*, pa da smo na zemljištu našeg jezika pretvorili staroslovensko *ü* u današnje *ea*. A to nije moguće bilo za to, što rumunjsko uho i danas — kao što jamačno i onda — ne shvata *ü* kao diftong *ea* već kao *e*. To se može vidjeti na njemačkim ili francuskim riječima, koje imaju *ü* i koje su ušle u rumunjski jezik, ili kad Rumunji izgovaraju danas francusko ili njemačko *ü*. Tako, osobito u Erdelju, Rumunji izgovaraju: *treger* (njem. *Träger*), *briftregār* (njem. *Briefträger*), *chemfār* (germ. *Kämpfer*), *gheşeft* (njem. *Geschäft*) i t. d.¹⁾ A kad Rumunj govori francuski uopće ne shvaća i ne izgovara različno *é, è, ai*, nego sve kao jednostavno *e*: *mer* franc. *mère*, *per* franc. *père*; *epe* franc. *épée*, ili *mezon* franc. *maison*, *men* franc. *main*. A to opet pokazuje, da Rumunj svako *ü* shvaća kao jednostavno *e*. Ako dakle rumunjski jezik nije nikad imao i uopće nema glasa *ü*, pa ako danas Rumunj shvaća kao jednostavno *e* svako strano *ü*, onda mora da je u duši rumunjskog jezika uvijek živjelo isto današnje nagnuće da bi se primilo kao *e* i slavensko *ü*. Tako da, kad bi one slavenske riječi, o kojima govorimo i koje u staroslovenskom imaju *ṛ* namjesto rumunjskoga *ea*, bile došle u rumunjski jezik u *staroslovenskom* obliku, onda one bi morale da glase u rumunjskom sa *e* a ne sa *ea*; jer starosl. *ṛ* = *ü* bilo bi shvaćeno rumunjskim uhom kao *e*. U tome slučaju naravno Rumunji bi izgovarali *smed* (na pr. kao: *sek*) a ne *smead*, *pribeḡ* (na pr. kao: *intreg*) a ne *pribeag* i t. d.

Činjenica dakle, da ih imamo sa *ea* a ne sa *e*, pokazuje, da smo mi primili ove riječi ne u staroslovenskom stadiju već u drugom stadiju bugarskog jezika, u jednom stadiju naime, kad je sam bugarski jezik izgovarao diftong *ea* na onim mjestima namjesto staroslov. *ṛ*. — A koji je ovaj stadij? Kao nešto anormalno javlja se u *Codex Zograph.* i *Codex Marianus* pored *сѣноѣ* još *саноѣ* i *сѣаноѣ*, što znači, valjda, da je onda, to jest u X. ili XI. vijeku, staroslov. *ṛ* bilo već počelo da se pretvara u *ea* (ili *ea*). Tako misli Jagić (već u *Arch. für slav. Phil.* VI, 78). Kasnije javlja se to dalje kadikad, premda je literarna tradicija zahtijevala, da se piše redovito *ṛ* (Vidi to u mojoj knjizi:

1) Ispor. Simion C. Mindrescu: *Influența culturii germane asupra noastră*. Iași 1904.

Fonetika Alfabetului cirilic, str. 129). A današnji bugarski jezik, koji ima *ü*, možda kao staroslov. ostanak, ima još i *ea*. Nenormalnost ove pojave u staroslov. spomenicima, što imamo, i njezina današnja normalnost u bugarskom jeziku, pokazuje, da u X. ili XI. vijeku u njemu se počelo pretvarati staroslov. *ü* u *ea*, a da se ovo pretvaranje raširilo od onda dalje do danas.

Prema tome dakle u X. ili XI. vijeku one riječi slavenske, koje su imale **ѣ** u staroslov., glasile su uopće sa *ea* u bugarskom (to jest u više ili manje srednjobugarskom) jeziku: **ѣРАСА**, **ѣСАК**, **ѣСАТО** i t. d. Ali upravo tako glase ove riječi i u rumunjskom jeziku. Ako dakle ove riječi nijesu mogle dobiti ovo *ea* iz staroslov. *ü* na zemljištu rumunjskog jezika, slijedi da su nam one došle iz bugarskog jezika, upravo sa *ea*, počevši negdje sa X. ili XI. vijekom, to jest u više ili manje srednjobugarskom stadiju.

Iz toga svega slijedi da i ove riječi sa *ea* namjesto staroslov. **ѣ** — kao što i one sa nazalizmom, sa **ѣ**, **ѣ** ili sa *i* namj. starosl. **ѣ** — nijesu nam nikako došle prije X. vijeka, dakle niti u Jordanovo doba već samo poslije IX. stoljeća.

*

Ima još i drugih karaktera u slavenskim riječima rumunjskoga jezika, koji se isto tako nalaze ne u staroslovenskom već samo u srednjobugarskom jeziku. Ovi karakteri bi nam još više potvrdili ovu našu antistaroslovensku teoriju. Ali za sada, zato što ću to pitanje mnogo opširnije razložiti u knjizi, što pripremjam, ograničujem se samo na ova četiri karaktera, o kojima sam dosad — i o njima ukratko — raspravljao.

Inače bar jedan izmedju ovih četiriju karaktera nalazi se u *stakoj slavenskoj riječi rumunjskoga jezika*. To znači, da ovaj naš antistaroslovenski zaključak može da se odnosi apsolutno na sve naše slavenske riječi, dakle da (relativno) nijedna nije nam došla prije X. već samo poslije IX. vijeka.

Ali ako je to tako, kako ima da se razumije ono Jordanovo mjesto? Očividno je da, na temelju ovih mojih antistaroslovenskih zaključaka — ako su oni dobro izvodjeni — ne može više da se drži, da su Rumunji živjeli skupa sa Slavenima u Jordanovo doba (u VI. i VII. v.), već da su skupa s njima živjeli samo poslije IX. vijeka, to jest samo u perijodi više ili manje srednjobugarskoj. To znači dakle, da su u Jordanovo doba Slaveni i Rumunji živjeli u Dakiji, ali ne skupa smiješani, kako se misli, već jedni na jednoj a drugi na drugoj njezinoj strani. Ovaj naš antistaroslovenski zaključak, utemeljen na historičkoj fonetici slaven-

skih riječi u rumunjskom jeziku, ruši dosadašnje Šafařikovo i Miklošićevo mnijenje (koje je i Niederle prihvatio), da su Slaveni stanovali po *čitavoj* Dakiji, smiješani s Rumunjima, počevši od VI. vijeka dalje k našem vremenu, kako su ovi učenjaci razumjeli ono mjesto u Jordana. Ali naš zaključak potvrđuje — filološkim putem — Zeussov zaključak, koji je u svojoj knjizi: »Die Deutschen und die Nachbarstämme« izrekao, da ono poznato Jordanovo mjesto treba da bude rekonstituirano ne kako ga je razumio Šafařik (i Miklošić), to jest ne u smislu da su Jordanovi Slaveni živjeli po *cijeloj* Dakiji, već tako, kako to mjesto glasi u starim Jordanovim izdanjima i u jednom rukopisu, naime, da su Slaveni u Jordanovo doba živjeli: »a civitate novi et Sclavino Rumunnensi et lacu qui appellatur Musianus«. A, prema tome zaključku, Zeuss, — i ne sumnjajući, da bi mogli egzistirati ovakovi filološki razlozi, kao što su ovi moji, no samo svojom genijalnom intuicijom — kaže, da ono Jordanovo mjesto treba da se razumije u smislu da: »die nördlichen Grenzen der Sklawenen lägen so am Dniester und an der Weichsel, die südlichen an der Donaumündung und der Aluta«. Aluta je rumunjska rijeka Olt. Dakle, prema tome Zeussovom rekonstituiranju, Slaveni su živjeli u Jordanovo doba u istini u Erdelju, Vlaškoj i Moldavskoj, ali samo u istočnom njihovom kraju — do Olta prema zapadu, a od ove rijeke na zapad nijesu živjeli Slaveni.

A budući da slavenske riječi rumunjskog jezika nijesu nam došle prije već poslije IX. vijeka, kako smo dokazali, slijedi da su u Jordanovo doba i do X. vijeka Rumunji živjeli u Dakiji *na zapad od Olta*, to jest na zapad od onog Sclavinum Rumunnense, koji je bio položen na Oltu, *na granici* izmedju Rumunjâ i Slavenâ.

To se inače potvrđuje i činjenicom, da jedni rumunjski filolozi — kao što izmedju starijih Hasdeu u »Strat și Substrat«, București 1892¹⁾, a izmedju mlađjih profesor A. Candrea u »Buletinul Societății Filologice«, București 1905 — i ne znajući o ovim mojim argumentima, već samo proučavajući rumunjske govore u njihovom latinskom elementu, dolaze do zaključka, da se rumunjski jezik stvorio u Olteniji, jugozapadnom uglu Erdelja i u Banatu, dakle upravo u kraju Dakije na zapadu od Olta; a odavle, — kažu oni, — rumunjski se jezik, tečajem vijekova, rumunjskim migracijama rasprostrani dalje po čitavoj Dakiji, u Istru, češku Moravu, preko Dunava na Balkan i t. d.

Dakle po ovoj mojoj teoriji Rumunji su živjeli do X. vijeka, isto kao što i Slaveni, u Dakiji, ali odjelito od ovih, naime Slaveni na istok

1) Ispor. još Hasdeu: *Românii Bănățeni*, u *Analele Academ. Romîne*, vol. XVIII.

od rijeke Olt: u većem dijelu Erdelja, Vlaške i Moldavske, a Rumunji od Olta na zapad, u Olteniji, južno zapadnom Erdelju i Banatu. Ali nekako u X. vijeku ekspanzivni pokret treba da je počeo da se pokazuje i medju Rumunjima i medju Slavenima, — kod prvih sa nagnućem da prelaze preko Olta, gdje su se nastanili medju Slavene, u one krajeve, u kojima *su do onda samo Slaveni živjeli*, a kod drugih (kod Slavena) sa nagnućem da prelaze preko Olta na zapad, gdje su se nastanili u onim krajevima, u kojima *do onda su samo Rumunji živjeli*. Tim pokretom i procesom asimilacije Rumunji su počeli *onda*, to jest poslije IX. vijeka, da primaju od Slavena, s kojim su počeli živjeti skupa, svakakva topografska imena i riječi, što imamo u našem jeziku. Dokazom, da su se samo poslije IX. vijeka Rumunji i Slaveni počeli miješati i živjeti skupa, jest činjenica, da slavenske riječi rumunjskog jezika imaju fonetiku ne staroslovensku već srednjobugarsku.

Jași, maja mjeseca 1907.

Ilie Bărbulescu.

О чакавскоме '.

О њему су исказивана различна мишљења. Неки га доводе из заједнице словенске (Шахматов¹⁾), други пак (Решетар²⁾) сумњају у његову дубоку старину уопште. У ствари, како се мени чини, истина је — по средини. И ако се не може доказати да је постао у заједници словенској, ипак његове карактеристичне црте јасно показују да је он могао постати и пре српскохрватске заједнице. Његово је јављање условљено специјалним приликама, које су створене изменама заједничкословенских акцената после заједнице словенске. Баш зато што се тачно не зна, када су се те измене извршиле, да ли у јужнословенском, српкословеначком или заједничкосрпском, не може се ни увек с поузданошћу рећи, шта је све утицало на његово образовање. Не улазаћи у детаљна питања о његовој хронологији, изнећу овде само своје мисли о његову постанку.

Све примере³⁾ у којима се данас у чакавскоме дијалекту налазу ' можемо поделити на две групе: на примере у којима се тај акценат развио независно од полугласника и на такве за које је непосредно или посредно везано губљење полугласника.

Да узмемо прво прву групу примера.

1. чак. *mlátiš* = шт. млѣтиш. Ако се претпостави да је мишљење Шахматовљево⁴⁾ о постанку и значају рускога молѣтишь и тачно, ипак ми ни по чему не морамо претпоставити да се стари заједничкословенски дуги слаби акценат ту сачувао до данашњег дана. Он објашњава то дужином потоњег слога; али се нигде, ни у једној више

1) Къ исторіи удареній въ славянскихъ языкахъ (Изв. III кн. 1), стр. 3 и даље.

2) Die serbokroatische Betonung südwestlicher Mundarten, 25 стр.; исп. и оцѣну тога дела од А. Шахматова, Изв. Отд. р. яз. и сл. VI. 1 кн. 345 и даље.

3) Материјал узимам из Мажураничеве *Slovnica Hrvatska* (Zagreb 1859), Неманичевих *Čakavisch-kroatische Studien I—III* (Wien 1883—1885) и Решетарева чланка »Alter steigender Accent im Serbischen«, *Archiv* XVII 192 и даље.

4) Къ исторіи 23.

категорији (исп. ниже) примера, не види такав утицај дужине. Зато ја и мислим да се дуги акут и ту скратио исто онако као и свугде другде: **mlātīšb*. Под утицајем дужине у инфинитиву и другим облицима (*mlātīti*) тај је облик добио поново дужину, која је са овако скраћеним слогом дала поново ´, који се тако у чак. дијалекту сачувао до данас, а у штокавском се, по познатом правилу, претворио у ˆ.

2. Као потврду своје мишљењу, да се у горњем примеру заједничко-словенски слаби дуги акценат сачувао пред дужином потоњег слога, Шахматов ⁵⁾ наводи ове речи: чак. *stráza* : шт. стрáжа; чак. *súša* : шт. сѹша; чак. *grája* : шт. грађа; чак. *žéja* : шт. жѣја, шт. лађа и сл. Али вероватност да у тим примерима имамо такав случај још је мања него у горњем, јер се овде — као што је тачно приметио Куљбакин ⁶⁾ — не може констатовати никаква нарочита дужина која се не би морала скратити онако као и у другим сличним случајевима (т. ј. код *a* основа). Шахматов мисли да се као траг те дужине сачувао дуги слог у *геп. vīng*. код данашњих *a* основа у шток. говорима: вòдѣ, слáвѣ; али, прво, у чак. дијалекту имамо ту и *i* које је такође дуго: *vodi* (исп. ниже); друго, тај се падеж завршавао сугласником у заједничкослов., па се, на неки начин, можда, ту дужина дуже сачувала него на апсолутном крају речи ⁷⁾, и, треће, има доста именица са таквим (т. ј. *ja*) наставком код којих је дуги слог основе правилно скраћен (прѣђа, тѹча, мрѣжа, свàђа и мн. др.). Зато ја и мислим да је и у свима горњим случајевима (исп. руско сторóжа, горóжа и сл.) стари дуги слаби акценат првобитно скраћен, па да је тек доцније, са стране, унесена поново дужина у тако скраћен слог, који је са дужином дао ´. Вежа међу глаголима *strāžiti* : **strāžim*, *grāditi* : **grādim*, *sūšiti* : **sūšim* и овим именицама тако је блиска да је сасвим природно, као што је учинио и Лескин ⁸⁾, претпоставити да је дужина из тих глагола поново унесена у ове именице. Именица жѣја, која гласи у чакавскоме ⁹⁾ и *žéja*, могла је добити дужину од жѣј : жѣји, жѣдан, жѣднѣ и сл. Именица лађа тросложна је по пореклу (**oldhja*), па према томе овакво

5) Къ исторіи 19—23; спом. оцена, стр. 353 (nota).

6) Замѣтки о словянскомъ количествѣ и удареніи (СПб. 1907), стр. 66 (Засебно одшт. из Изв. Отд. IX књ. 4).

7) Meillet, *Mém. de la Soc. de Lingu.* XI 348 мисли да су те именице имале циркумфлекс на крајњем слогу (исп. *garbē* у лит.) и да зато нису проносили акцента; али се томе противе именице са кратким слогом у корену које преносе родовно акценат на крај (зѣм.ла, мѣђа и сл.).

8) *Untersuchungen über Quantität und Betonung in den slavischen Sprachen* I В. С. (1893), стр. 33—34.

9) Исмених II 23; сличан сам облик чуо у Херцеговини.

чување споменутог акцента непосредно пред дугим слогом — за њу не вреди; чак кад бисмо и претпоставили¹⁰⁾ да је акценат првог слога у ње био стари циркумфлекс као у лѣкат, ипак би њена данашња дужина у српском језику потицала од губљења полугласника (као у грббље). — И све се друге именице оваква типа могу објаснити или овако или слично.

3. Такав акценат, опет у почетном слогу, находимо у одређеним придевским облицима¹¹⁾: чак. *stáři, lúdi* и сл. = шт. штáři, лúдї и сл. Однос међу неодређеном и одређеном придевском формом врло је карактеристичан. Слагање у томе правцу српскохрватског и рускога језика показује да је у њима старина. Основна црта њихова, с акценатске тачке гледишта, у томе је, што се акценат — тамо где има фонетске могућности — преноси у неодређеној форми на крај, а у одређеној остаје на корену: бѣлá, синí, желтá, цѣлá, глунá и т. д.: бѣлая, синяя, желтая, цѣлая, глупая и сл. = бѣла, жўта, цѣла, глўпа и сл.: бѣла, жўта, цѣла, глўпа и сл.¹²⁾. Последњим примерима одговарају у чакавском облици са ' на првом слогу. То исто имамо и у случајевима када је у корену кратак вокал: рус. босá, голá и сл.: босая, гóлая и сл. = срп. боса, гóла и сл.: босá, гóла и сл. При објашњавању ових облика не треба, као што многи чине¹³⁾, полазити, од српских облика, већ од руских. Однос бѣлá: бѣлая може се само тако разумети, ако се претпостави да је у првом примеру на почетном слогу циркумфлекс, а у другом акут¹⁴⁾. Да је то заиста тачно види се најбоље из облика са ' полногласјем: гóлоденъ: голóднѣй, хóлоденъ: холóднѣй и сл. Према овоме разлика између боса и босá није у томе што је у одређеног облика на крају дуг вокал, јер у руском облику нема контракције, па ипак имамо такав исти однос, већ у томе што је акценат првог слога друкчији. Сасвим је друго питање, зашто је у одређеној форми добивен друкчији акценат него у неодређеној; за нас је овде главно да је он у одређеној форми акут, када је у неодређеној циркумфлекс код дугих слогова у корену или слично код

10) Tore Torbiörnsson, Die gemeinslavische Liquidametathese I 7.

11) Решетар о. с. 197, Неманић III 11 и даље.

12) Види друге примере код Даничића, Аксенти и adjektiva, Rad XIV 88 и даље.

13) Куљбакин мисли да је контракција на крају у српском језику учинила да се ^ измени у ' ; тај се пак акценат чувао и даље пред дугим потоњим слогом (Замѣтки 66). Али, прво, у почетном слогу нисмо имали првобитно ^, а, друго, како би се тај ^ могао, ако се прими Шахматовљева хипотеза о скраћивању дугих слогова у првом слогу многосложних речи — као што чини Куљбакин —, могао сачувати на том месту до контракције у српском језику?

14) Meillet, op. cit. 349.

кратких. Према томе бисмо, место горњих облика, овде очекивали овакве облике ¹⁵⁾: **bēlā*, **žūtā*, **cēla* (т. ј. *бѣлā, *жѹтā, *цѣлā и сл.). Ти су облици, свакако врло рано, под утицајем паралелних неодређених облика, наново добили дужину, која је и овде са кратким slabим акцентом дала ´, који се тако сачувао у чакавском, а у штокавском је прешао у ˘. За то има и индиректних потврда: прво, у компаративу (бѣжѣ, блѣжѣ, млѣжѣ и сл., исп. рус. молбже, корбче и сл.), и, друго, у посесивним придевима на ји (врѣњѣ, гѹшчѣ, крѣвљѣ и сл., исп. рус. корбвѣя, ворбнѣя и сл.), код којих није било паралелних форми са циркумфлексом, а у којима је такође био — као што руске форме показују — слаби дуги акценат, имамо увек, и поред и контракције и дужине потоњег слога, слаби кратки акценат. Најзад, такав акценат имамо и у одређеној форми оних придева који у неодређеној форми имају слаби кратки акценат: дѹг : дѹгѣ и сл. Зашто се и овде стари ´ није сачувао пред дужином потоњег слога? На то би се питање, поуздано, одговорило да је то због тога, што је овде одређена форма стајала под утицајем неодређене; али то, према свему што је горе изнесено, није потребно ¹⁶⁾.

Сличнога су постанка и ови облици: чак. *devēti*, *desēti*, *pēti* (Неманић III 59), исп. шт. дѣвѣтѣ, дѣсѣтѣ, ѣѣтѣ, дѣвѣт, дѣсѣт, пѣт и руско дѣвѣтѣй, десѣтѣй, пѣтѣй; чак. *goriċa*, *bojċe se* (Решетар 197), *pisċi* (Мажурапић 24 и 102; код њега ˆ = ´) и шт. тѣнѹѣи, вѣдѣѣи и пѣкѹѣи, плѣтѹѣи ¹⁷⁾. У форме са првобитно скраћеним наглашеним вокалом унесена је дужина из паралелних образовања која су имала на томе слогу или дуги акценат који се не скраћује (или дужину иза акцента.

4. Досад смо преглѣдали облике у којима се ´ находи у првом слогу двосложних речи или у претпоследњем слогу уопште, и видели смо да се он нигде не може објаснити чувањем старога акцента. Свугде смо могли претпоставити скраћивање старог дугог акцента и уношење нове дужине из паралелних образовања. То исто вреди и за крај речи. Образовања те врсте чине *pendant* горњим. Овамо долазе многобројни примери типа *klecċiš* и сл. (шт. клѣчѣиш = клѣчѣиш) и *vodē*, *vodċi* gen. sing.

15) Сасвим са других разлога претпоставља скраћивање дужина у овим облицима Воштрак, В. В. XXX 133 и д.

16) Одступања од горњег има и у српском и у руском језику; али она, бар у српском језику, нису многобројна. Овамо долазе облици: стѣр и стѣрѣ. Такви се облици могу објаснити простим изједначавањем: **stār* : **stārċi* дало је поред *stārċi* и *stār*, па су се неке од тих форми сачувале, а неке су се изгубиле.

17) Тако треба објашњавати и ч. *tojċega*, *jednŏga* и сл. (Неманић III 7; Решетар 197 и др.) у којима је дужина из контраховане одређене придевске форме. Дужина пак у чак. *dobrċega* истога је порекла као и у дѣбрѣга.

(шт. водѣ = водѣ) 18). У оба случаја на крају је био стари дуги слаби акценат 19), који је морао бити скраћен. Из паралелних образовања (на пр. *vīdīs* и сл., *slāvě* или сл.) 20) добивена је наново дужина, која је, као и у свима другим случајевима, са старим кратким слабиим акцентом, дала ´.

5. У једносложним речима находимо врло често у чак. диј. ´. Од свих таквих образовања обично се одваја *gen. pl.* (на пр. *vlás, súd*), јер се за њ мисли да је, свакако, по постанку, врло стар. Међутим за нас овде он није од тако великог значаја, из престога разлога што је увек дуг, и што се на тај начин не могу тако лако одвојити примери са старом, основном дужином од оних који су је путем аналогije добили. А и иначе, ни у српском јез., ни у другим слов. језицима акценатске прилике *gen. plur.* нису испитане како ваља. И, што је овде најглавније, чакавски нам је материјал, баш у овоме провцу, врло мало познат. За сада се не може тачно рећи, какав је био основни акценат у *gen. plur.* у чак. у једносложним речима; ако се сложимо са мишљењем неких 21) лингвиста да је код именица са циркумфлексом у неким падежима у *gen. plur.* могао бити акут, онда чак. ´ у таквим случајевима можемо објаснити генерализацијом дужине у том падежу и дуљењем, на тај начин, старога краткога слабог акцента који је добивен скраћивањем првобитног дугог акцента на томе месту 22).

Да узмемо сада примере друге групе. Постанак у њима ´ јасан је; зато су они врло поучни за проучавање овога чакавског акцента. И они се могу поделити у неколико група: у једнима се акценат, због губљења крајњих полугласника или бар због губљења њихове пуније вокалности, преноси с краја на претходни слог, који, ако је дуг 23), са тим пренесеним акцентом даје ´, на пр.: *klobúk-úkù, táč, vác* и сл.

18) Примери у Решетара 196, Неманића II 27 и д.

19) Meillet op. c. 346—7.

20) Сви признају да је у водѣ дужина нова, само се не слажу у томе, како је добивена. Исп. горе тач. 2 и нап. 7.

21) Исп. Шахматова, Изв. VIII 2 књ. 309—310; Педерсона, K.Z. 38, 302 стр.; Вондрака В.В. XXX 141.

22) Шток. *жѣнѧ* и сл. облици (исп. Решетара Archiv XVII 192) ни у ком случају не представљају стари ´, исто онако као што тога акцента уопште, у употреби коју он има у чак. диј., нема у шток. говорима. Исп. Глас LXII 206 и д.; С. М. Куљбакина Замѣтки 52 и материјал у Решетара Die verbokroat. Betonung, особито 86 и даље.

23) Овако треба објашњавати и ´ пред новим енклитикама: и код њих имамо преношење акцента на претходну дужину, само са других разлога него у овим случајевима, на пр.: *ја' зан, ти би'д, рѣсѣ'д* (Решетар 197); можда се тако и може објаснити *ја, ти* и сл. у неким чакавским говорима.

(Мажуранић 18; Решетар 196); у другим се у самом кратком слогу развија дужина пред познатим сугласницима²⁴), када се њима завршује слог, на пр.: *rūkóm* (Маж. 23), *krālǰén* (Нем. I 16), *gospodín-ina* (Маж. 19. Реш. 196), *čàval-čavla* (Маж. 17), *divójka* (Нем. II 47), *glotúnac-glotúnca* (Нем. I 52), *dójde* (Реш. 197), *lišće, znáñe*²⁵ (Реш. 197. Нем. II 6) и мн. др. и даје са основним кратким акцентом опет ´; и, најзад, има и таквих случајева где се може претпоставити и једно и друго, на пр.: *bój-bojǎ* (Маж. 15), *ón* (Нем. III 7) и мн. др.

У свима овим примерима, у којима је у штокавском говору, ако је акценат на првом слогу, ^ а иначе ` —, може се констатовати постанак ´ слично његову постанку у примерима прве групе: или се ^ (´) преноси на дужину или он добија дужину. Према правилу о скраћивању заједничкословенских акцената у српском језику, сасвим је природно што је у старијим примерима заступљена, у главном, само друга половина овога правила.

Као што је познато, и у словеначком језику има појава, овима сличних²⁶): *mlátim, stráža, devéti, loviš, mogóč, zemlě, pekó* и т. д.; али су у њему дужине у претпоследњем слогу могле бити онако добивене како се у словеначком уопште добија нови ´; само за крајње слоге вреде горњи услови. И ако не би била немогућна претпоставка да су се сви ти појави развили у заједници српскохрватског и словеначког језика, јер и словеначки језик зна за скраћивање старог слабог дугог акцента као и српскохрватски, ипак ја остављам да се коначно мишљење о томе дâ тек онда када се боље испитају унутрашње родбинске везе међу тим блиским језицима.

За млађе појаве ове врсте од великог је значаја питање, да ли се у шток. и чак. дијалекту у њима ´ заједнички развио. Одговор на то питање наводи се у вези са тумачењем многих других појава. На првом месту, он зависи од тога, када је почело нестајати полугласника на крају, када се почео преносити акценат с краја речи на дужину пред њим и када се пред познатим сугласницима добијала дужина: да ли у заједници штокавског и чакавског језика или у посебном развоју свакога од њих. Па и ту, у посебном животу свакога од њих, није свеједно, када су се ти појави јавили. Ако је то било пре времена када је у шток. говору ´ у старијим примерима прешло у ^ и ` (од зајед-

24) Лескин, *Untersuchungen I* (1885) 8.

25) Разуме се да се за основну форму мора узети облик са скраћеним вокалом: **lišće, *znáñje* (исп. *lišće, smúlje* Нем. II 6 и сл.).

26) Исп. Ваљавцеве *Glavne točke o naglasu kniž. slovenštine* (Rad 132, стр. 116 и даље), стр. 159. 160. 176. 209.

ничнословенскога скраћенога ´), тамо где се чувало, у ˘, — онда се и у млађим примерима, и у штокавском говору, могао добити ´, који је после прешао у ˘; али ако се све то извршило после споменутих појава, као што је врло вероватно, онда је штокавски говор у тим примерима развио свој ˘ непосредно из ˘ (од ˘) који је добио дужину. Тада би то, посредно, сведочио да се у чакавскоме говору, још дуго после одвајања од штокавскога, чувала разлика међу старим кратким акценцима ˘ и ˘.

Све ово показује нам двоје:

1. Да нема потребе одступати од Лескинова правила о скраћивању старога слабог дугог акцента у српскоме језику; и

2. Да се стари слаби кратки акценат, добивши на неки начин дужину, претварао у српскохрватском у нови слаби дуги акценат.

Има још доста примера који би се могли претрести овом приликом, али ја сам се засада задовољио само оним који се обично тумаче на други начин.

Београд 23. V. 1907.

А. Белић.

Вук Караџић и Бечка полиција.

»Ја би радо био Српски повинар, — одговара Вук Копитару ¹⁾ — али засад није могуће: а) зато, што сам прије свега рад ове пјесме издати на свијет; б) ја и друкчије не би писао, до по мојој ортографији, а тако би врло мало пренумеранта било; зашто је Карловачки двор и онако свуда овуда разгласио, да сам ја рад Србе да пошокчим и да поунијатим, и да сам на то поткупљен од Нијемаца и преварен од Вас; и да ме митрополит тужио за оне пробе Бугарског језика, и да сам зато из Беча проћерат, и Новине Српске да су зато укинуте. То је све из овдашњег дворa владичина разгласено, и данас се разглашује (ономадне кад је овђе био Бранковић, сам је из своји уста људма ђе-којим говорио, да се са мном не мијешају и да ме се чувају). Но доћи ће Видов дан«.

Сиромах Вук! Он тада још није знао, да је против њега у исто доба пуштена и супротна клевета код Бечке полиције, да је непријатељ Аустријском царству.

И шта је више у то доба могло компромитовати једног Србина у очима народним од сумње, да хоће Србе да поунијати; шта ли је опасније тада могло бити за једног човека, који живи у Аустрији, од подозрења, да је туђински агенат?!

И обе те клевете, и ако оне једна другу искључују, прихваћене су као истиците: прва од гоњеног и на православље веома осетљивог народа Српског, друга од неповерљиве и веома опрезне Метернихове полиције. Оне су га пратиле целога живота, и не само што су њему лично донеле много тешких часова у животу, него су, без стварне потребе, једну чисто научну ствар пренеле на политички и религиозни терен, на коме се развила силна али узалудна борба, јер је унапред била осуђена да се сврши на штету његових противника, и која је апсорбовала многе снаге, које су се могле корисније употребити.

*

1) Из Темнишвара, 9. дец. по р. 1822 год. Вукова Преписка, I, 207.

Остављајући на страну клевету да је поткупљен од Аустријанаца да поунијати Србе, која се не може ничим ни доказивати ни опроргавати, јер никаквих трагова о томе нема, да прегледамо однос Аустријске полиције према Вуку, па ће се из тога најбоље видети сва апсурдност обе те клевете.

На жалост грађа коју би нам за то питање пружиле Бечке архиве (*geheime Hof- und Staatskanzlei, Kriegsarchiv* и *Polizey-Hofstelle*) великим делом је уништена. Али и оно што је очувано, и из регистара, довољно је, да се види, како га полиција није пуштала из очију. У протоколима од 1828.—1838. год. у свакој свесци на стр. 31. има његова рубрика, његово резервисано место. Био он у Земуну, Дубровнику, Црној Гори или ма где, свуда се о њему води рачуна, свуда га прати будно око полицијско.

Још 1820. године фелдмаршал-лајтнант Томашић јавља из Задра (31. марта¹⁾), да је Јеремија Гагић 21. марта послао преко Т. Тирке једно писмо Вуку. А о Гагићу и Павковићу као руским људма имају огромни списи у архивама. По овоме изгледа да је Вук од самога доласка у Беч због познанства с Гагићем био подозрив Бечкој полицији, а ако тад још и није био, оно јамачно постао је подозрив после његова пута у Русију 1818.—19. године. Та се сумња од стране полиције увеличала кад је Вук 1826. год. добио Руску пензију.

1828. године Вук је хтео да иде у Србију, и почетком августа молио је за пасош, а није га био добио ни почетком октобра (Вук. Преп. I, 328). Ту његову молбу послало је *Polizey-Hofstelle* председнику *Hofkriegsrath*-а принцу Хохенцолерну, који је 16 истог м. упутио одговор на *geheime Hof- u. Staatskanzlei*, у коме вели, и ако досадашњи полицијски надзор који се над њим води још ничега подозривога против њега није могао опазити, опет обраћа пажњу тајној канцеларији, да ли му се може допустити повратак у Србију према извештајима о њему Земунске војене команде, и због садашњег стања у Србији и у околним турским провинцијама, и што се полицијски надзор, ако би у Србују прешао, даље над њим не би могао водити. *Hofkriegsrath* нема никаквог одређеног мишљење о његову путу у Србију, и оставља тајној дворској и државној канцеларији и полицији да она реши. А ако би ипак његов прелаз био сумњив, могло би му се одобрити да може доћи до границе и. пр. до Земуна или Панчева, и предузеле би се мере да преко гренице не пређе, и по потреби да под надзором остане.

На основу овога акта Метерних је писао графу Седлицком (шефу

1) Датуми су сви новог стила, сем где стари стил изрично буде помнут.

Polizey-Hofstelle) под 31. авг., како се из акта види, тражилац пасоша бави се само филолошким радовима, а од политике је изгледа далеко, то му се пасош може издати, ако он не би имао каква основана разлога ди му то ускрати.

Тако је Вук отишао у Србију и око половине, или друге половине, јануара 1829. г. вратио се у Беч с намером да породицу пресели у Земун, а он опет да пређе у Србију.

Та његова намера позната је била још пре његова тражења Бечкој полицији. Зато 21. фебр. пише Седлнички Метерниху, да му се — ако устражи — не допусти пресељење у Земун, јер би то значило дати му могућност да српском обер-кнезу Милошу Обреновићу шаље извештаје с ове стране, и да му и иначе у другој од помоћи буде, а њему је од цара стављено у дужност да на њега брижљиво мотри. Ако његова светлост има друго мишљење из дипломатских и државних обзира, моли да га о томе извести. Метерних актом својим од 8. марта одговара, да се слаже о мишљењем Седлничког да Вуку у садашњим приликама не треба допустити пресељење у Земун.

Међу тим Вук је некако ипак добио пасош и дошао у Земун заједно с породицом. »Данас је 14^{та} дан — пише Копитару 8. јуна — како сам у Земун дошао, али Вам прије нијесам могао писати, јер нијесам знао, на чему сам. Једва сам добио допуштење, да оставим овђе жену и ђецу, и то само на мјесец дана, а међу тим да се старам добити им пасош из Беча, да могу у Земуну сједити«, и моли га да му то преко кога зна изрази. Он је међу тим прешао у Србију. Копитар му (21. јула) препоручује, да би можда најбоље било, кад би се отуда писало варошком команданту »да има изговора да је пусти на миру«. Вук му одговара (30. јула — 12. авг.) да је то већ учињено, али би боље било да она, као Бечкиња, има пасош из Беча. О томе је између њих вођена дуга преписка (Вук. Преп. I, 334, 336, 338, 339, 341, 343, 345, 347, 349), и Копитар му је једнако давао наде, да ће се повољно свршити, али од свега не би било ништа, да није било једнога писма Милошева.

Та је ствар, по службеним актима, ишла овако.

Polizei-Hofstelle добије од Hofkriegsrath-a акт од 2. јуна да је по извештају командата Славоније ђенерала кавалерије Сигентала Вук с породицом дошао у Земун 28. маја с пасошем од 29. априла бр. 18, али да му је Земунски командант ђенерал Фонт, у смислу ноте од 2. априла забрапио бављење у Земуну. Он је међутим 11. јуна отишао у Србију, а породицу је оставио. Како је пак жена Вукова Аустројски поданик, и не жели у Србију прелазити, и како се српски оберкнез

Милош Обреновић писмом својим од 8/20. јуна обратио ђенералу, да породици Вуковој допусти борављење у Земуну, то ђенерал пита, да ли то допуштење да изда. Не сумњиво је, вели се даље у акту, да ће кнез Милош употребити Вука као извештача, и да ће овај ради тога користити се и својом женом. Али једно што се на њу овде може лако пазити, а друго што кнез Милош може сем Вука и друге људе за своје послове употребити, то Hofkriegsrath мисли, да би ту услугу Кнезу Милошу могли учинити, тим пре што се и од њега сличне услуге траже, н. пр. сад издавање двојице криваца који су правили лажне банкноте. Граф Седњицки актом од 24. јуна, позивајући се на акте од 21. фебруара и 8. марта понавља кнезу Метерниху горњи акт, слаже се са предлогом и оставља њему да реши. Кнез Метерних одобрава бављење Вукове породице у Земуну (11. авг.). Седњици извештава о томе принца Хохенцолерна (8. нов.), и Хохенцолерн одговора Седњицком (14. нов.), да је издао наредбу у томе смислу ђенералу Сигенталу, али »да на ову породицу преко Земунске команде пажљиво мотри, и ако што сумњиво опази, одмах да га извести«. Седњицки је известно о томе Метерниха 31. децембра.

Вуку је саопштио 14/26. новембра ђенерал Фонт, да може у Земуну седети, и да му не треба пасош из Беча тражити (Вук. Преп. I, 349).

*

Али овим се још нису свршила митарства Вукова. Оно што је главно тек сад наступа.

Вук је пробавио у Србији — с кратким прелазима у Земун — до половине августа 1831. године, а тада је прешао у Земун опростивши се сасвим са Србијом. Сви позиви и од Кнези Милоша лично и преко других да се врати остали су безуспешни. Он је опет, како вели, постао српски књижевник.

23. авг. по ст. био је у Земунском контумацу, а 17/29. дец. већ се жали Копитару, како га узнемирују због пасоша: »опет су ме ономадне овђе закупили за пасош (будући да виде, да на ону страну за сад не мислим ићи); зато сам 26. о. м. по р. предао овдашњој милитаркоманди ону лањску моју тужбу и молбу на Polizey-Hofstelle, и мислим, да ће данас одавде добро испраћена тамо стићи«. — »Што се пасоша тиче — одговара му Копитар 20. јан. — можда би најбоље било да узмете Руски, ако Аустријска полиција продужи, да своју злу вољу на вама искаљује«. А Вук му на то одговора (18/30. јан.): »Што се мога пасоша тиче, ја сам прави мученик на све стране. Ја знам и сам, да би најбоље било, у оваким опстојатељствима да узмем Руски

пасош; али како ће ми Руси дати пасош, кад је митрополитова партија по Петербургу, као и по свему народу Српскоме у овоме царству, разгласила, да је двор Аустријски мене преко Вас поткупио да Србе унијатим и да шокчим? Опомињете ли се, како је Мушицки на наше очи код бијелога курјака говорио Меглицкоме: »ова два господина све, што у Славенскоме језику није по њиховој ћуди, вичу да је Руско«? А за нама Бог зна шта је говорио! — За то велим, да сам мученик, јер ме митрополит код полиције овога царства опада, да сам у тајним друштвима, и да сам опасан за ово царство; а код народне партије и код Руса опада ме, да сам од овога царства, поткупљен, да унијатим и шокчим. А полиција Бечка може бити да мисли, да и Ви са мнош против овога царства за Руски интерес интригирате! Ето како човека на правди Бога може биједа да пађе! Тако ми Бога, да имам куда би сам бјежао и из овога царства и из народа Српскога, само да се уклоним од оваки интрига«. Копитар му саветује (7. фебр.) да би најбоље било да дође у Беч да се лично објасно, а Вук одговара (8/20. фебр.): »Само да ми не забране тамо доћи! Милош Урошевић, овдашњи пропалица, којег сте Ви прије неколико година виђали ту код бијелога курјака, завадивши се нешто с овдашњим пургермајстором, капетан-авдитором Лазаревићем, тужно га је (мислим још љетос) самоме цару, да је он преко мене ћео Србима да изда Сријем, и да би га за цијело издао, да није њега (Урошевића) било! А и сад, како сам овђе из Србије дошао, мислим, да ме Урошевић у Беч тужно, да сам Милоша Обреновића шпијун. Као што и по бирцаузима и по сокацима јавно говори. Ово Вам само јављам да знате. А ја мислим за цијело, да овдашња милитар-команда (која се Урошевићевим плеткама — интригама — мора смијати) нема ништа против мене« (Вук. Преп. I, 408, 410, 412, 413).

Вукове жалбе и Копитарови одговори продужују се тако у сваком писму преко целе године (Вук. Преп. I, 416—448), од чега вадино само још ово. Марта 31. по ст. пише Вук: »Зло за мене! Није доста, што ми је Василија умрла и што сам и сам једнако слаб и болестан, него још дошло јуче од Hofkriegsratha да ми се не допушта ниђе у царству овоме сједити, него да морам ићи у Турску! Ето мога доласка у Беч! Сад управо не знам шта ћу радити. У Србију друкчије нијесам рад ићи, већ ако да ме предаду на силу, као каквога злочница, јер знам, да ме нема, ако онамо пређем. — Ја се ништа другог немам бојати, о в и непријатељи, који ме овђе овако гоне, доћи ће ми онамо ака главе. Ја за цијело знам да је митрополит још лани против мене онамо радио, а и овђе мислим, да је ово све његово масло,

јер не знам, зашто би ме друго полиција овако гонила. Чујем да стоји у *Verordnung*-у, да ја сам знам, зашто ми се не допушта у овом царству живити. То дакле мора бити превод Н. З. Да ми није жене и ђеце, Бога ми! би сам с радости ишао у Србију, да се прије избавим овакога живота«. — 25. јула (по ст.) пише: »Из Карловаца излазе гласови, да се мени ни на која начин неће допустити да седим у Бечу, него или да ћу бити протеран у Србији, или у Русији. И то би за Ча Ст. било врло добро, јер не само што ја више ништа не би писао, него би се он још могао надати, да ће ме у Србији убити, а у Русији (с помоћу Стојковића и други његови једномишљеника) у Сиберију послати. Јамачно је он о том у Беч писао, и још може бити преко Генералкоманде; него гледајте и Ви тамо те радите, што се може«. — 26. септ. (по ст.) пише, како га је кнез Милош због његових »*démagogische Umtriebe*« тужно Варадинској генералкоманди, и молио да га са границе удале.

Архивски материјал за ово друго гоњење мање је сачуван него за оно прво. Сем денунцијације Урошевићеве очувана су само 3—4 акта, а за све остало знамо само из регистра *Kriegsarchiv*-а.

14. априла 1831. обратио се Урошевић цару молбом за пасош да дође у Беч, и да своје извештаје лично поднесе. Седлицики, спроводећи ту молбу, дао је противно мишљење, карактеришући га као непоуздана човека, који ће за новце од сваког се дати употребити, и на чије извештаје се не може ослонити. Цар је ипак наредио, да Урошевић поднесе писмен извештај, што је овај 10. окт. и учинио.

Шеста тачка те денунцијације говори о Вуку. Урошевић тужи Лазаревића да је у врло сумњивом односу с Вуком, »српским списатељем и руским плаћеником, и ако је овај под сталним полицијским надзором. Он је не само имао чешће с њим разговоре у контумацу, него увек, кад год би Вук из Беча или из Србије дошао у Земун, он би имао с њим више састанака, а нарочито за време претпоследњег бављења његова овде био је Вук код Лазаревића више пута ноћу до 11—12 часова, и на послетку, водио је Лазаревић овога српског шпијуна у околне српске манастире, што је целом грађанству у очи пало«. Даље вели, како је Вук и сад у сталним односима с Лазаревићем и са зетом кнеза Милоша, Тодором Хаџи-Бајићем, како је с оне стране пуштена вест по Земуну и Панчеву да је пао у немилост, и да је из Србије протеран, а он сам код војничке команде да је изјавио, како је само на два месеца дошао к фамилији у Земун. Он држи да би Вука требало — ако му се неће у опште забранити бављење у Аустрији — уклонити с границе, јер и ако против њега нема за сад

ништи позитивно да изнесе, с временом ће се показати, да је он непријатељ ове, а пријатељ руске монархије.

Ова денунцијација, изгледа, није имала никаква дејства.

Из регистора Hofkriegsrath-а види се ово:

Фелдмаршаллајтнант Влашић шаље из Петроварадина 1. јан. 1832. молбу Вукову, помогнуту од Земунске војене команде, да се може преселити у Нови Сад. — 10. јан. послата је та молба на решење у Polizei-Hofstelle у вези с актима од 2. априла и 8. новембра 1829. г.

Реферат Седлницког Метерниху и Метернихова одлука очувани су. Седлницки је мишљења, да му то не треба допустити, јер сумња, која је о Вуку била 1829. г., постоји и сада, т. ј. да га кнез Милош употребљава за извештача, а у Н. Саду он би дошао у додир са још већим кругом Срба, и ту највише наређење о његову надзору не би с успехом могло бити вршено (акт од 10. марта). — Метерних актом од 21. марта усваја то мишљење Седлницког.

По регистру даље: 27 марта граф Седлницки извештава о томе Hofkriegsrath. — 2. априла извештава се о томе Славонска генерал-команда. — 26 априла ф. м. л. Абел шаље из Петроварадина молбу Вукову за пасош за Русију. — 2. маја послато на одлуку у Polizei-Hofstelle. — 31 јула генерална команда из Петроварадина шаље молбу Вукову за пасош да иде у Будим. — 8 августа послато на одлуку у Polizei-Hofstelle.

Одлука по овим молбама нема ни у регистрима. О свему се овоме говори и у кореспонденцији Вуковој с Копитарем.

23. септ. ф. м. л. барон Радошевић јавља, да је кнез Милош захтевао, да се Вук удали с границе, моли за одлуку, и за означење места његовог будућег бављења. — 3. окт. послат овај извештај графу von Rewitzky. — 15. окт. граф Седлницки пише, да се слаже с тим, да се Вуку за сад одреди Будим, с тим, да се непрестано држи на очима. — 21. окт. то је саопштено барону Радошевићу. — 22. окт. Седлницки пише, да се може Вуку допустити бављење у Будиму ради употребе бање, и да се после сме преселити у Беч. — 30. окт. извештен је о томе командант Славоније. — 8. нов. Радошевић јавља, да је извршио саопштење. — 15. нов. извештен је о томе Седлницки.

Од свега овога сачуван је само концепат Метернихов Седлницком (од 18. окт.), којим одобрава његов предлог, да се Вуку може допустити употреба бање у Будиму, и после одлазак у Беч, и акт председника Hofkriegsrath-а графа Хардега (од 23. окт.) којим извештава и Седлницког да је, по споразуму са тајном дворском и државном канцеларијом, даље бављење Вуково у Аустрија допуштено, и да се по жељи за сад може преселити у Будим, али да се и даље стално на њега

пази; ово је учињено нарочито и због тога, што је кнез Милош тражио, да се Вук с границе уклони »wegen angeblicher demagogischen Umtriebe gegen seine Regierung«.

9/21 нов. пише Вук Копитару из Пеште: »у овдашњем магистрату прочитан ми је Verordnung да ми је допуштено у Беч доћи и у овоме царству, где ми је воља, живети. Фала Богу и пријатељима!« — Он није знао да му пријатељи ништа нису могли помоћи, већ да му је помоћ дошла са стране, с које му се мислимо нашкодити, т. ј. захтев кнеза Милоша. У оба дакле случаја, и 1829. и 1832. помогла је Вуку само интервенција кнеза Милоша.

Као што се из ових оскудних података види, nigде се не помиње Стратимировић, и ако се Вук жали, да је то све његово масло. Па и опет с великом вероватношћу да се закључити, да је Вук имао право што се жалио. Треба се само сетити 1) да је Вук увек добро обавештен био ко га гони, јер у преписци с Копитаром говори и о Урошевићу, помиње речи из писма кнеза Милоша (demagogische Umtriebe), зна да је Земунска команда његову молбу поткрепила, и тд. а све се то потврђује и из горе приведених акта; 2) то потврђују и гласови из Карловаца, које Вук помиње, а нарочито хвала Стратимировићева, да се још није решио где ће га прогнати — у Турску или у Сибир; 3) Седњици на два места помиње да му је од самог цара наређено да на Вука пази, а то је лично могао цару рећи само Стратимировић.

✱

Могла би се даље ређати факта, да је Вук и даље, и после смрти Стратимировићеве, стално био на нишану Аустријске полиције, али је и ово довољно, да се јасно као дан види, да Вуков књижевни рад није имао никакве везе с политиком у опште, а с Аустријском најмање.

Дошао је Видов дан!

Београд, јула 1907.

Љуб. Стојановић.

Kopitar und Vuk.

Ich will die Beziehungen zwischen Kopitar und Vuk, dem Zensor und dem Schriftsteller einerseits, und die Beziehungen Vuks und Kopitars zu dem damaligen politischen Regime Österreichs näher schildern.

Materialien zu dieser Schilderung bieten mir die Dokumente der ehemaligen k. k. Zensur- und Polizei-Hofstelle in Wien, die heutzutage im Archiv des Ministeriums des Inneren aufbewahrt werden; es sind darunter die sehr interessanten Referate der Regierung (des Zentral-Bücher-Revisions-Amtes — Z.B.R.A. — und der Z. u. Pol. Hof Stelle. — Z.-P.H.St. —) zu finden, vor allem aber die Zensurbegutachtungen Kopitars. Auf Grund dieser Dokumente bietet sich uns die Möglichkeit, die Zensurgeschichte von beinahe den gesamten epochemachenden Schriften Vuks kennen zu lernen mit all' den Gefahren, denen sie ausgesetzt waren. Freilich die Zensurgeschichte der beiden ersten Werke Vuks bleibt uns auch weiter unbekannt; trotz des vielen Nachsuchens konnte ich leider auf die Spur der Verhandlungsakten, die »Песнарица« und »Писменица« betreffend, nicht kommen. Es ist aber mit Wahrscheinlichkeit anzunehmen, daß Vuk und Kopitar auf größere Schwierigkeiten seitens des Z.B.R.A. resp. seitens der Z.-P.H.St. nicht gestoßen sind. Aus den späteren Referaten Kopitars (vgl. seinen Bericht über Davidović, Supplent des serbischen Zeitungsschreibers vom 8/2. 1822, Arch. Min. d. Inn. No. 1305 ad 1204) erfahren wir wenigstens davon gar nichts. Erst später, etwa 1816 oder 1817, ist Kopitar eine unangenehme Überraschung seitens der Oberbehörde widerfahren. Zwei Artikel Vuks, die er als Zensor begutachtet und mit admittitur ad imprimendum erledigt hat, wurden von der Z.-P.H.St. verboten. Einen von diesen Artikeln nennt Kopitar selbst; es war die Biographie Miloschens, wahrscheinlich dieselbe, die in »Новине Србске« 1817, No. 97, S. 773—775 gedruckt wurde und gegen welche auch die Z.-P.H.St. nichts einzuwenden hatte, nachdem dieselbe früher in einer militärischen Zeitschrift gedruckt wurde (vgl. denselben Bericht wie oben).

Der zweite Artikel bleibt uns vorläufig unbekannt. In dem schon zitierten Berichte hat Kopitar den Verdacht geäußert, es sei die Denunziation eines jungen Walachen, eines gewissen Georgević, an diesem Mißgriffe der Z.-P.H.St. schuldig. Ob mit Recht, kann man nicht sicher behaupten; Kopitar mußte jedenfalls schon Gründe haben zu einem solchen Verdachte. Diese vermutliche Denunziation war aber erst der Anfang jener Schurkereien, gegen welche Kopitar in Verteidigung der Werke Vuks mit der Z.-P.H.St. die Lanze brechen mußte.

I.

Vuks ›Рјечник‹ (1817—1832) und ›Први србски бѹквар‹ (1825—1832).

Das erste größere Werk Vuks, dessen Zensurgeschichte wir nach den Dokumenten darlegen können, ist sein ›Lexikon‹. Eigentümliche Hindernisse wurden demselben in den Weg gelegt, nicht wegen der Polizei- oder Zensurrücksichten; es waren par excellence österreichische vorkonstitutionelle Schnörkel, die den Druck des ›Lexikon‹ auf Jahre hin verschieben konnten. Schnirer, der bisherige Drucker der Vuk-schen Werke in Wien, bekommt Angst vor dem Privilegium der Offner Universitäts-Buchdruckerei und schlägt rundweg ab, den Druck des Werkes anzufangen ohne die frühere Vergewisserung seitens der Regierung, er werde jede Kollision mit dem Offner Privilegium vermeiden. Vuk als Verfasser und Kopitar als Mitverfasser dürfen also ihr Werk nicht in Wien drucken lassen, sondern den schönen Augen der Offner dasselbe nach Offen schicken, um sich eine Metamorphose desselben zu einem Unding gefallen zu lassen.

Es hat eine interessante Bewandnis mit diesem Privilegium, aber die Regierung selbst weiß weder von der ganzen Tragweite der Offner Ansprüche, nach davon, ob sie begründet oder unbegründet sind. Kopitar hat noch keine Ahnung von dieser Ignoranz der Regierung, indem er sein erstes Zensur-Decisum der Z.-P.H.St. zusendet. Was er von den Offner Ansprüchen spricht, ist nur so nebenbei gesagt, er zweifelt keinen Augenblick an der günstigen Erledigung einer solchen technischen Kleinigkeit seitens der Regierung. ›Hohe k. k. Zensurhofstelle!‹ schreibt er in seinem Berichte vom 11. November 1817 (No. 970, fasc. 1259), ›1) Fünf Millionen sprechen serbisch, davon die Hälfte österreichische, die Hälfte türkische Untertanen. 2) Von den österreichischen sind über die Hälfte disuniert. 3) Die Disunierten sprechen es ganz so, wie die katholischen; aber in Büchern haben die Mönche ein Gemisch von dieser neuen Sprache und der alten der Kirchen-

bücher (die vor 1000 Jahren übersetzt sind) als Hofserbisch bisher protegirt. 4) So sehr auch die weltlich Disunierten allen Gedanken von der Union verabscheuen, so waren die besseren Köpfe unter ihnen doch so gescheit, um nicht die lebende Sprache, nach dem Muster aller heute aufgeklärten Nationen, einer toten, wie vielmehr einer so makkaronischen vorzuziehen.

5) Seit 1782 wird daher die gescheutere Partey, die zugleich politisch die patriotische ist, immer zahlreicher.

6) Die Mönchspartey hat daher dem Ofner Censor (er gesteht es selbst) aufs Gewissen verboten, die Schriften der Gegenpartey zu admittieren. Demzufolge ist z. B. einem Buche des Luka Milavanogo über serbische Sprache und Poesie, 1814, in Ofen bloß deswegen das admittitur versagt worden etc. etc. etc.

7) Die patriotische Partey suchte daher in Wien Zuflucht. Der Anhänger, Buchdrucker Schnirer, schaffte sich die Lettern an, druckte die serbische Zeitung, eine reformreiche serbische Grammatik, Nationalheldengesänge etc.

8) Die (russicirenden) Gegner übersahen die Folgen dieses Mittels und es glückte ihnen bisher es dadurch zu hintertreiben, daß auf eine Beschwerde der Ofner Universitäts-Druckerey seit 1816 in Wien nichts in illyrischer und walachischer Sprache gedruckt werden darf! Nur die bereits früher privilegirte serbische Zeitung ausgenommen. Der hohen Hofstelle sind die weiteren Verhandlungen in dieser Sache bekannt. Es ist dringend nöthig, daß die gute Partey nicht länger, zum großen finanziellen und politischen Schaden des Staates, aufgeopfert werde.

9) Der bekannte Vuk, der die oben genannte Grammatik etc. herausgegeben, hat auf meinen Vorschlag auch ein Lexicon seiner Sprache unternommen. Nach 4 Jahren ist es fertig geworden; ich habe die deutsche und lateinische Erklärung dazu beigetragen. Es ist dazu bestimmt und berechnet, der gemeinschaftlichen Redesprache den verdienten Sieg zu verschaffen. Zugleich ist durch eine reformierte Orthographie die künftige Sprachunion der katholischen und der disunierten Serben vorbereitet worden.

10) Da dieses Werk also zugleich deutsch und lateinisch ist, so hatte der Buchdrucker sowenig als der Verfasser die mindeste Besorgniß, daß die Ofner Druckerey etwa wegen des serbischen (illyrischen) Drittels Anstände erheben könnte. Der Autor nahm das nöthige Geld auf, um den Druck zu beginnen, accordierte mit dem Papier-

macher, Drucker etc. Der Druck sollte mit dem ersten Nov. d. J. anfangen.

11) Aber auf einmal bekommt der einzige Buchdrucker, der von seinem Versuche 1814 noch serbische Lettern hat, und mit dem Kontrakt auch allein angestoßen werden konnte und wurde, Skrupel, es könnten ihm die Ofner einen Prozeß anhängen. Er deutete daher der Regierung allhier vor 14 Tagen sein Vorhaben an und bat um Schutz gegen möglichen künftigen Schaden, mittels ihrer Erklärung, daß ein serbisch-deutsch-lateinisches Lexicon nicht unter das ausgesprochene Privilegium der Ofner falle, da es nicht einmal $\frac{1}{3}$ serbisch (und dieses nicht einmal in dem Serbisch der Ofner Bücher) sey. — Soeben erhalte ich eine walachisch-deutsche Grammatik vom Direktor Marki, die 1810 in Tschernowitz (Bukowina) gedruckt ist. Ihr Fall ist der unseres Lexicons; ja nicht einmal so viel, da kein Latein dabei ist. Und doch ist's ohne Anstand in der Bukowina gedruckt worden!

Es ist Hoffnung, daß die Entscheidung der Regierung billig ausfallen werde. Aber mittlerweile können Wochen und Monate vergehen, — während indessen Vuk von aufgenommenem Gelde lebt!

12) Der Unterzeichnete bittet daher als Mitautor und Leiter des Ganzen, eine hohe Hofstelle geruhe, nach Notiznehmung von allem bisher angeführten, vor der Hand entweder das Gesuch des Schnirer bei den untern Behörden schnell zur gewissen Entscheidung zu bringen, oder dem Unterzeichneten ein ostensibles Votum zu ertheilen, daß das Serbisch-deutsch-lateinische Lexicon nicht unter das Ofner Privilegium falle. Letzteres wäre das kürzeste.◀

Kopitar hat sich jedoch bald überzeugt, daß man sich mit der ganzen Geschichte nicht so leicht abfertigen läßt. Die Angelegenheit wurde der ungarischen Hofkanzlei zu ihrer Meinungsäußerung vorgelegt. Die letztere, wie es zu hoffen war, wollte von der günstigen Erledigung nichts hören. Diese unangenehme Wendung wurde am 23. Mai 1818 zur Kenntnis Kopitars gebracht, welcher gleich (23/7. 1818) in einem zweiten, sehr umfangreichen Berichte an die Z.-P.H.St. einen Widerpart gegen die Ofner Universitätsbuchdruckerei richtete. Es ist ganz unmöglich, diesen Bericht wegen der räumlichen Beschränkung diesorts anzuführen, wie interessant er auch für die Charakteristik Kopitars ist. Ich beschränke mich daher nur auf die kurze Inhaltsangabe. Kopitar wiederholt kurz die Ausführungen seines ersten Berichtes und schildert sodann sehr genau die Geschichte des Privilegiums von den Zeiten der Maria Theresia an bis auf seine Gegenwart. Er gedenkt sogar der Zeiten Cyrills und Methods; zu deren Tätigkeit in Pannonien und in

Mähren bemerkt er: »Der Pabst selbst bestellte den Method zum Erzbischof in Pannonien und Mähren. Während der 24 Jahre seines Lebens in Pannonien übersetzte er (oder ließ übersetzen) alle Kirchenbücher aus dem Griechischen in den slavischen Dialekt seiner Diöcese (denn die sechs slavischen Dialekte, die noch heute bestehen, hatten sich bereits damals abgesondert). Dieser Punkt ist wichtig für den österreichischen Patrioten, daß Method und die Kirchensprache nach Österreich gehören! Es wird eine Zeit kommen, wo der ungeneckte, politisch glückliche, wissenschaftlich gebildete österreichische Südslave mit gerechtem Nationalstolze auf die Russen herabsehen wird, zu denen er jetzt wie zu glücklichen und höhern mit Eifersucht heraufblickt! Da wird er auch seine Kirchenbücher von den durch russische Editionen eingeschlichenen Russismen reinigen und Methods Sprache wiederherstellen; da wird er nicht mehr den russischen Kalender bloß nachdrucken etc. etc.« Zu Ende seines Berichtes gibt Kopitar eine Reihe von Vorschlägen, die dahin zielen, der Offner Un.-Buchdruck. nur den Nachdruck der Kirchen- und der mit diesen im Zusammenhang stehenden Schulbücher zu belassen. Durch die genaue Schilderung der Geschichte des Privilegiums hat Kopitar klar an den Tag legen wollen, daß die Ansprüche der Offner Univ.-Buchdruckerei nur eine Anmaßung seien, daß sie jeder gesetzlichen Grundlage entbehren (wie er es an der Hand der diesbezüglichen Kaiserverordnungen bewiesen hat) und daß sie mit dem Wohl der serbischen Nation und somit auch mit dem Gedeihen der ganzen Monarchie im grellen Gegensatze stehen.

Die gründlichen und überzeugenden Ausführungen Kopitars haben bei der Z.-P.H.St. eine günstige Aufnahme gefunden. In seinem Referat an den Kaiser wiederholt Graf Sedlnitzky wörtlich die Argumente und die Schlüsse Kopitars, ja sogar die ganze Geschichte des Privilegiums. »Ich glaube hieraus folgern zu müssen«, schreibt unter anderem Graf Sedlnitzky am 8. Dezember 1818, »daß die Lage der inländischen Buchdruckereien, besonders jener in Pest, nicht wahrhaft dargestellt, sondern verheimlicht, und wenigstens die Erweiterung in dem neuen Privilegium auf alle Arten in Illyrisch und Walachischer Sprache erschlichen worden sey. Ich glaube ferner behaupten zu sollen, daß Eure Majestät allerdings befugt und ermächtigt sind, das auf diese Weise erschlichene Privilegium zu erläutern und auf den ursprünglichen Sinn, nach welchem es bloß die Schul- und Religionsbücher in sich faßte, zurückzuführen.

Es ist Tatsache, wie auch Kopitar in seinem Gesuch weitläufig anführt, daß die bisherigen Inhaber dieses Privilegiums, ungeachtet bis

jetzt ein Zeitraum von beinahe 50 Jahren verflossen ist, den Zweck, welchen sich der Staat bei Erteilung desselben vorstellte, bis jetzt noch nicht erreicht haben, daß, um ein Beispiel anzuführen, jene Illyrischen Kirchenbücher, worin die Geistlichkeit liturgiert, noch immer aus Rußland bezogen werden. Es ist ferner die Tatsache, daß die Pester Universität die bei ihr bestellten Druckarbeiten spät, meistens schlecht und sehr teuer liefert. Es ist endlich erwiesen, daß sich die Zensur der Illyrischen und Walachischen Bücher in keinen verlässigen Händen befindet und von der russisch gesinnten Partei influenziert werde, weswegen ich E. M. bereits mehrere a. u. Vorträge zu erstatten in dem Fall war. Ich kann überhaupt in Zensur- und P.-Rücksichten keine jener Gründe in Abrede stellen, welche Kopitar in seinem Gesuch für die Notwendigkeit einer Erläuterung des oft erwähnten Privilegiums anführt. Unter diesen Umständen bin ich der unmaßgeblichen Meinung, daß E. M. zu erklären sich bewogen finden sollten, daß

1. Bücher, wie Vuks serbisches Lexikon, welches zu diesem a. u. Vortrag die erste Veranlassung gab, in den Privilegien der Pester Universität nicht begriffen,

2. daß Bücher, welche serbische Redesprache zur Büchersprache erheben, folglich noch niemals existierten, gleichfalls nicht dahin zu zählen seyen,

3. endlich, daß überhaupt alle Bücher in Illyrischer und Walachischer Sprache, welche keine vorgeschriebene Schul- und Religionsbücher sind, ohne Anstand an jeden inländischen Buchdrucker nach vorläufiger Zensurbewilligung zu drucken erlaubt seyen.

E. M. würden durch diese allergnädigste Erläuterung der in Kultur noch so sehr zurückstehenden Illyrischen und Walachischen Nation eine große Wohlthat erweisen und ihr die Mittel zu ihrer besten Bildung erleichtern.

Trotz dieser günstigen Auspizien ist es nicht gelungen, die ganze Angelegenheit zu einem raschen und günstigen Abschluß zu bringen. Dank dem vorkonstitutionellen Schlendrian wurde sie erst Mitte des Jahres 1832 erledigt, in der Weise, daß Seine Majestät Kaiser Ferdinand der Offner Universitäts-Buchdruckerei »nur ein ausschließliches Privilegium auf den Druck der in illyrischer, wallachischer, russischer und in anderen orientalischen Sprachen erscheinenden Werke, insofern deren Inhalt die Lithurgie und den Ritus zum Gegenstande hat, und auch dieses Privilegium nur für den Umfang des Königreichs Ungarn und demselben einverleibten Provinzen, worunter jedoch das Großfürstentum Siebenbürgen

keineswegs begriffen ist, auf die Dauer von zehn Jahren a. g. zu verleihen geruht haben.« (Aus dem Dekret des Gr. Sedlnitzky, Präsidenten der Z.-P.H.St. an das B.R.A. Wien d. 31. Juli 1832 No. 6559 ad No. 26 ex 1832.)

Gleichzeitig wurde auch eine andere Handschrift Vuks von dem Kaiser zum Drucke in Wien zugelassen¹⁾, obwohl dieselbe schon Anfang 1825 in die Zensur eingereicht, von derselben mit admittitur erledigt und in Wirklichkeit schon längst, denn noch im Jahre 1827 in »Даница« und dann im Separatabdruck erschienen ist — »Први србски буквар«, dessen Zensurgeschichte ich jedoch bei der anderen Gelegenheit angeben werde.

Die kaiserliche Entscheidung, wie spät sie auch gekommen war, war doch für die serbische Literatur sehr günstig: von nun an durften die serbischen Handschriften in Wien nicht nur gedruckt, sondern auch zensuriert werden, was bei der bekannten Stellungnahme Kopitars und später Miklosichs zur serbischen Literatur für dieselbe von einer außerordentlichen Bedeutung war.

II.

Bibelübersetzung.

Es nimmt uns heutzutage nicht mehr Wunder, wenn ein Lexikon möglichst vollständig ist; ja, jedem gründlichen Verfasser wird von der Wissenschaft die Pflicht auferlegt, alle in der Volkssprache lebendigen Wörter in das Lexikon hineinzubringen und seien sie noch so unanständig. Kein wirklich sittenvoller Mann denkt sich dabei, die Moralität eines Individuums oder einer Nation könne durch das Vorhandensein solcher Wörter beeinträchtigt werden. Aber in den Zeiten des allmächtigen Klerikalismus in Österreich des XIX. Jahrhunderts und der alleinherrschenden Macht des serbischen Mönchtums war dies nicht der Fall. Vuk »qui se jam a Dictionario Serbico-Germanico verbis aequae non pure serbiis, sed in Servia usitatis vulgaribus conscripto, inter quae farrago exquisitorum obscenissimorum, et pro tenera iuventute (!) Scholastica, cuius usibus illud deservire deberet, periculosorum verborum continentur« (vgl. No. 2191 ad No. 1214 ex 14. Febr. 1822) hatte beschlossen, seine Landsleute noch mit einer Bibelübersetzung zu

1) »Caeterum manuscripto Abecedario praescriptis libris scholasticis haud adnumerato hujus impressionem litteris cyrillicis et russicis typographo Schmidt difficultari nequire«. Aus der Verordnung des Kaisers Ferdinand vom 28. April 1832. Als eine Beilage zu No. 6559, wie oben.

beschenken. Mušicki¹⁾, der über Vuk und Kopitar wegen des Lexikons auch entrüstet war, hat die Rache des Metropolitens richtig prophezeit.

Stratimivorić ließ auch nicht lange auf sich warten. Anfang des Jahres 1822 ist seitens des Feldzeugmeisters Bellegarde, Präsidenten des k. k. Hofkriegsrats an die Z.-P.H.St. die Anzeige folgenden Inhalts angelangt: »In Folge der geehrten Note vom 29. Dezember vorigen Jahres hat man den Gränz-General-Kommanden aufgetragen, mit der größten Sorgfalt darauf zu wachen, daß den von der Bibelgesellschaft ausgehenden Schriften der Eingang in die Gränze verwehrt und deren Verbreitung daselbst verhütet werde. Hiedurch hat sich der in Slavonien kommandirende General veranlaßt gesehen, mich in dem beigeschlossenen Berichte auf einen hier lebenden Serbier Namens Wuk Stephanovich aufmerksam zu machen, welcher sich mit Schriftstellerei in serbischer Sprache abgeben und damit umgehen soll, eine in die serbische Sprache übersetzte Bibel zum Gebrauch für den gemeinen Mann ins Publikum zu bringen. Stephanovich, vor dessen Arbeiten sich die serbische Geistlichkeit fürchte, soll hier mit einem anderen Gelehrten Namens Kopitar (wahrscheinlich derselbe, der als Kustos bei der k. k. Hofbibliothek angestellt und als ein großer Kenner und Beförderer der slavischen Sprachen bekannt ist) in Verbindung stehen und dieser den Buchdrucker Davidovich, von dessen Aufenthalt bei dem serbischen Oberknesen ich die Polizei Hofstelle am 29. vorigen Monats b. 4. zu verständigen die Ehre hatte, gleichfalls ermuntert haben, die Bibel in die serbische Sprache zu übersetzen« (vgl. No. 1214). Es ist klar, daß der eigentliche spiritus movens der Anzeige, welchem viel daran gelegen war, das Erscheinen der Bibelübersetzung schon frühzeitig unmöglich zu machen, — anderswo zu suchen ist. Wie kommt doch ein kommandierender General dazu, in die Geheimnisse der Vukschen schriftstellerischen Tätigkeit so tief eingeweiht zu sein, daß er schon im voraus

1) In dem Briefe an den Magarašević vom 30. Jänner 1819 (у »Голубици« ч. IV, стр. 308) schreibt er, was folgt: »Вукова Лексикона јоштъ не' маѣ, писао самъ Копытару, да ми мо скорѣ по Дилижансу пошлѣ. Жао ми е и Вука и Копытара, — највыше черезъ умалениѣ обще ползе, — што су се тако, као што ми пишете, осрамомили. Ја се чудимъ Копытару, ирдимъ се на њѣга, што е као цензоръ — оне свинярѣ или свинярства допустио. Такоѹ му и писати. У неговој е дужности, недопустати ништа contra bonos mores. Срѣнанъ не бити, ако га Митрополитъ неустужи Полициѹ Бечкомъ«. Vgl. »Утукъ« од М. Светића. III. S. 20. Веш. 4. — Der Verfasser des »Утукъ« spricht noch in den 40er Jahren mit Entrüstung von Vuks Lexikon. »Србљи су нарочито после изданогѹ Рѣчника (1818 г.) викали, да Вукъ у свому писаню непаблудава пристойности, да се безобразно и срамотно изражава, кое враћа чувство морално, и само приличи свинирима и говедарима, а не писателѣима, кои су учитељи народа« цшв. Vgl. »Утукъ« S. 19—20.

das Erscheinen der Bibel prophezeien kann? Heutzutage, wo wir von den damaligen Verhältnissen auch anderswo unterrichtet werden können, wissen wir, daß die Triebkraft dieser ganzen unterirdischen Arbeit der Metropolit Stratimirović war. Kopitar ist sich dessen auch bewußt und aus diesem Grunde führt er offen gegen den Metropolit das Wort, obgleich der Z.-P.H.St. selbst der Name des wirklichen Denunzianten nicht angegeben wurde.

Die Anzeige Bellegardes hat jedoch das ihrige gemacht. Die Z.-P.H.St. verliert das Gleichgewicht vor der Entrüstung gegen Kopitar. Der letztere erscheint ihr schon wenig zuverlässig; da sie aber noch nichts sicheres weiß, so bleibt vorläufig nur die Heuchelei: nur über zwei (nach der Anzeige Bellegardes) angeklagte Personen will sie von Kopitar Bescheid wissen — über Vuk und Davidović. Die dritte angeklagte Person, Kopitar selbst, wird von der Z.-P.H.St. verschwiegen, welche sich nur darauf beschränkt, ihr Mißtrauen ihm gegenüber zu markieren, gegen welches er sich zu verteidigen hat. Die verlangten Berichte über Davidović und Vuk erteilt Kopitar und fügt bei dieser Gelegenheit seine eigene Rechtfertigung hinzu, ohne aber zu ahnen, daß die Z.-P.H.St., mit der Erklärung ihres Mißtrauens allein nicht einverstanden, über ihn selbst und den ganzen Sachverhalt Erkundigungen bei der Wiener Polizeidirektion einzieht. Ich will jedoch nicht vorgehen und komme zu den beiden Berichten Kopitars zurück. Denjenigen über Davidović mit dem Datum des 8. Februar 1822 lassen wir jetzt unbehandelt, da er mit unserem Thema wenig zu tun hat. Dagegen ist für uns von einem hohen Interesse der 4 Tage später ausgearbeitete, ziemlich umfangreiche Bericht über Vuk. Kopitar äußert sich darin über Vuk als einen Schriftsteller und seinen Freund und aus diesem Grunde wird es sich lohnen, diese Äußerungen in ihrer ursprünglichen Form kennen zu lernen: »Vuk Stephanovitsch kam 1813 von Belgrad nach Wien. Ich erkannte an ihm den besten Kopf unter allen meinen serbischen Bekannten und unsere Unterredungen über serbische Literatur und Sprache führten ihn zu dem Entschluß, dem bisherigen Chaos derselben ein Ende zu machen. Um dies gehörig zu verstehen, muß man wissen, daß die Illyrier *graeci ritus* die nämliche Mundart sprechen, wie die katholischen; aber schreiben tun sie anders als die katholischen. Diese nämlich schreiben seit 300 Jahren wie sie sprechen; die *graeci ritus* aber, die in einer veralteten Sprache ihren Gottesdienst halten, mischen im Stil von dieser veralteten Sprache mehr und weniger in die heutige, je nachdem einer mehr oder weniger davon aus der Kirche oder aus der Schule im Kopfe behalten hat. So daß der

Katholik, wenn er auch ihre Schrift lesen kann, doch ihr Konzept nicht versteht, weil er von der veralteten Sprache (des 9. Seculi) keinen Gebrauch mehr macht und selbst diese chaotischen Konzipienten verstehen selten einer den anderen — das Volk sie noch weniger. Es versteht sich, daß die Mönche und der hohe griechische Klerus mit dieser Absonderung und Isolierung ihrer Schäflein von den katholischen Illyriern sehr zufrieden sind und daher bei jedem Anschein erleichteter Communication in Furcht geraten. A. 1783 hatte ein Exmönch selbst, Dositheus, in Leipzig Bücher in ungemischter, also gemeiner, von der katholischen nicht verschiedenen Sprache herauszugeben angefangen und gegen diese Absonderung geeifert. Er ward der Liebling der Nation, weil sie doch verstehen konnte, was er schrieb, aber die Mönche strebten ihm nach dem Leben. Daß diese Absonderung außer dem Standesinteresse der Mönche mittelbar auch dahin zielt, um die Nation immer den Russen näher und geneigter zu erhalten, springt in die Augen.

Vuk sollte ein veredelter Dositheus werden, seine reine Umgangssprache noch ungemischter schreiben usw. Ich munterte ihn auf, vor allem eine Grammatik seiner heutigen Sprache zu verfassen, damit auch andere sie im Notfall befragen könnten. Dann eine Sammlung von Nationalpoesien (deren er an 100 Stück auswendig wußte) drucken zu lassen, um die Redesprache in Büchern in nationaler Gesellschaft aufzusichern und so in den Herzen der Leser Schutz gegen die Schimpfreden der Mönche zu finden. Mittlerweile ward ich 1814, damals als der allerletzte Beamte an der Hofbibliothek, allein nach Paris gesandt, um die Schätze der Hofbibliothek zurückzubringen. Von allen Kommissären hatte ich allein meine Reklamationen vor Napoleons Wiedererscheinung errungen und in Sicherheit gebracht. Andere holten sie erst nach der zweiten Einnahme von Paris, erhielten dafür Auszeichnungen usw. Ich war und bin mit dem Zeugnisse meines Gewissens zufrieden, meine Schuldigkeit mit Liebe und Sorgfalt getan zu haben und diese mit dem besten Erfolg gekrönt zu wissen.

Bei meiner Rückkunft, Februar 1815, fand ich Vuks Grammatik und den ersten Band Nationalpoesien gedruckt. Der Metropolit Stratimirovitsch, der sich als den Chef der Nation betrachtet, verfolgt seitdem den Vuk; er hat z. B. dem Archimandriten Mushitzki im Kloster Shishatovatz, wo damals Vuk sich aufhielt und an seinem Lexikon sammelte, befohlen, diesem die Gastfreundschaft aufzukünden und ihn fortzuschaffen. Er glaubte ihm dadurch die Mittel zu entziehen, das Lexikon zu vollenden. Vuks Eifer mußte einerseits durch die Verfolgung, sowie andererseits durch den Anhang und Namen, den er

in der Nation als ein zweiter Dositheus sich gemacht hatte, nur wachsen. Er vollendete sein Lexikon in Wien und ließ mittlerweile den zweiten Teil der Nationalpoesien ausgehen. Die Grammatik und die zwei Bände waren Versuche gewesen.

Das Lexikon sollte die Orthographie definitiv festsetzen auf eine Art, die vor dem Kritiker überhaupt und zugleich vor dem österreichischen Patrioten, der davon zum lateinischen Alphabet den Übergang erleichtern sollte, die Probe aushalten sollte. Ersteres wegen Vuk, der als ein guter Kopf ihre Vorzüge erkennen mußte, der österreichische Patriot war ich. Auch ermangelten die Mönche nicht, den Vuk vor mir zu warnen; aber sein gesunder Kopf war dagegen gewaffnet.

In dieser Orthographie, die von der alten, aus der Kirchensprache zusammengestoppelten freilich stark abweicht, ist nebst vier neuen Zeichen auch das lateinische jod aufgenommen worden. Das war genug, um den Vuk zum Abtrünnigen, zum Katholiken zu machen.

Die Hofstelle erinnert sich vielleicht, daß, weil in Lexiko auch die Wörter podex, meretrix, cunnus und mentula an ihren Stellen vorkamen, wie in allen anderen Lexicis, die Mönche sich schmeichelten, unter dem Vorwande des Skandals, das Lexikon verbieten zu machen. Schon damals, als der Unterzeichnete sich über diese Verleumdung zu erklären hatte, bemerkte er, daß dieses der erste, aber nicht der letzte Angriff gegen ihn und Vuk wäre. Der Unterzeichnete glaubt nicht zu irren, wenn er in der Denunziation, worüber er eben jetzt sich zu äußern aufgefordert wird, den zweiten erkennt. Damit nun hat es folgende Bewandtniss. Kopitar erzählt nun von dem Antrage Pinkertons, des Agenten der englischen Bibelgesellschaft, Vuk, welcher dem letzten empfohlen wurde, möchte die serbische Bibelübersetzung besorgen. Da aber zu dieser Zeit Vuk von Wien ausblieb, so unterblieb dann auch die Sache. Der Hofstelle ist es crinnerlich, daß der Unterzeichnete infolge des h. Erlasses vom 7. Jän. 816 den Vuk zu einer Pension oder Anstellung empfohlen hatte. Da er keinen Bescheid erhalten, so konnte er 1818 den Vuk auch nicht zurtückhalten, als er nach vollendetem Lexico nach Petersburg reisen wollte, um dort eine Pension als serbischer Exulant zu suchen. Er hat, zum Glück vielleicht, dort auch keine erhalten. Vielleicht nicht deswegen, weil er eine Wienerin zur Frau hat und ich ihn ex hoc capite an unseren damaligen Gesandten, Graf Thurn, adressiert hatte. Bei dieser Gelegenheit habe die Bibelgesellschaft Vuk dort zur Übersetzung des neuen Testaments engagiert und ihm 100 Dukaten Vorschuß darauf gegeben; bei dem Abdruck des ersten Bogens sollte er andere 100, zu der Mitte des Werkes die dritten

100 und am Ende wieder 100, also im ganzen 400 Dukaten für die Übersetzung erhalten.

»Daß ich am Kontrakte keinen Anteil hatte, darf ich hoffentlich nicht erst versichern. Aber als alter Freund ging ich dabei dem Vuk mit Rat an die Hand und verglich am Ende seine Übersetzung mit dem griechischen Original. Denn immer das beste der illyrischen Sprache im Auge behaltend, war es offenbar, daß nach dem Lexico und den Nationalliedern noch ein Volksbuch, wie die Evangelien sind, einen Canon der gemeinen Sprache formieren würden, gegen den die Mönche mit allen ihren Schimpfereyen nichts ausrichten könnten. Man vergesse nicht, daß sich's hier nicht von einer Bibel für Katholiken handelt, sondern für Griechen, denen selbst der sardinische Minister Demaistre, der Verfasser des Buches du Pape, zum Besten der katholischen Kirche wünscht, daß sie die ganze Leiter der Aufklärung je eher je lieber durchlaufen mögen, weil sie dann um so leichter katholisch werden (Recht erwogen, wirklich sehr wahr!) wäre es auch aus Indifferentismus und Politik, bei der Majorität der Katholiken . . .

Die katholischen Illyrier lesen nicht cyrillisch. Und wenn selbst ein Katholik dann eine Bibel für Katholiken herausgeben wollte, so vergesse man nicht, daß nur die Bibelgesellschaft, nicht aber die Bibel in Österreich verboten ist. Übrigens ist Vuks Neues Testament zwar fertig, hat aber noch keinen Segen von einem Bischof. Daß diesen der Metropolit nicht geben werde, versteht sich. Da es nicht in Wien oder Ofen gedruckt werden kann, so habe ich, um Petersburg von diesem Verdienst um die Illyrier auszuschließen, auf Leipzig geraten. Und wenn man annimmt, daß jener Aufsatz durch die Bibelgesellschaft selbst in die allgemeine Zeitung gegeben wurde, so hätte ich meinen Zweck erreicht. Indessen weiß Vuk noch nichts davon; vielmehr suchten die Russen sein Manuskript auf Kredit von ihm herauszubekommen, was er aber wohl weislich verweigerte. So steht bis jetzt die Sache mit Vuks N. Testament.

Vuk ist übrigens, wie gesagt, der beste Kopf unter allen meinen serbischen Bekannten, mit einer katholischen Wienerin verheiratet, was ihm der Metropolit ebenfalls als Verbrechen gegen den Glauben rechnet, lahm, Vater eines Knaben, still und geachtet von allen seinen Umgebungen. Er kennt in Serbien das Land und die Leute, hohe und niedere, im größten Detail. Er war voriges Jahr 4—8 Monate bei Milosch in Kragujevatz, und ist dort beliebt. Er würde im Erforderungsfalle Österreich dort die ersprießlichsten Dienste leisten können und auch hier die verlässlichsten Anskünfte geben, wenn man sich seiner

Dienste bedienen wollte. Sein literarisches Treiben steht mit meinen Wünschen bei Dobrovskys Grammatik im genauen Zusammenhange. Beide wollen und werden die Illyrier von den Russen dauernd abziehen, indem sie ihnen ein vaterländisches Centrum geben.

Um die Wirkung seiner ersten mittels des Bellegarde gemachten Denunziation nicht fallen zu lassen, ließ Stratimirović dieselbe in einer neuen Auflage erscheinen, indem er sich selbst direkt an den »Celsissimum Principem Cancellariae Hungarico-Aulicae, Dominum gratiosissimum« mit der Beschwerde gegen Vuk wendete. Herr Metropolit hatte konstatiert, daß in der Beilage der in Wien erscheinenden serbischen Zeitung sowohl in religiöser als auch in sittlicher Hinsicht höchst anstößige Gegenstände vorkommen und zwar in rohen, bei den serbischen Bewohnern Ungarns nicht üblichen Ausdrücken. Durch solche Ausdrücke zeichne sich vor allem die Probe von einer ganz unrichtigen serbischen Übersetzung der bulgarischen Bibel, die dem No. 8 des Jahres 1822 dieser Zeitschrift beigelegt wurde und »vermutlich aus der Feder eines gewissen Vuk Stephanovics geflossen ist, von dem schon manches zur Allerhöchsten Kunde gekommen sein dürfte« (vide Anzeige Bellegardes) und dessen serbisch-deutsches Wörterbuch für die Schuljugend, für welche es bestimmt sei, sehr gefährliche Worte enthalte. Ihm, Vuk habe auch eine ausländische Gesellschaft den Auftrag gegeben, die ganze Bibel oder wenigstens das Neue Testament in die gemeine serbische Sprache zu übersetzen und nach der oben genannten Probe zu urteilen, wodurch der Verfasser wahrscheinlich seine Arbeit bei dem Publikum einführen wollte, werde die heil. Schrift wohl mehr entstellt und herabgemindert, als ausgelegt und erklärt werden. (Vgl. No. 2191.)

Stratimirović macht jetzt schon kein Geheimnis mehr, von Vuk »jam alia via Suae Mtti Stmae aliqua immotuisse«, weswegen wir den Verdacht Kopitars als berechtigt annehmen müssen. Das Streben des Metropoliten ist, Vuks Versuch, die Bibel zu übersetzen in, einem abscheulichen Lichte vorzustellen: dieser Versuch sei geeignet, die Bibel zu entstellen und ihre Bedeutung herabzumindern. Denn was kann man von einem Manne hoffen, »qui se jam a Dictionario Serbico-Germanico verbis aequae non pure serbiis, sed in Serbia usitatis vulgaribus conscripto, inter quae farrago exquisitorum obscenissimorum et pro tenera juventute (!) Scholastica, cuius usibus illud deservire deberet, periculosorum verborum continentur, notum reddidit?« Da man jedoch in den Händen keinen Beweis einer so großen Verschuldung hat, indem die Bibelübersetzung noch nicht erschienen ist, ersinnt man also einfach Lügen und

zitiert sogar die Stelle, wo die Probe von jener zu verdammen-
 Übersetzung erschienen ist, — »in appendice ad No. 8 Ephemeredum
 hujus anni«. Die Schuld war dadurch schon bewiesen. Die Z.-P.H.St.
 glaubte so fest an die Wahrheitsliebe des Kirchen-Oberhirten und war
 von der Gottlosigkeit des Vukschen Versuchs so stark überzeugt, daß
 sie ganz außer sich gebracht wurde: sie bestraft Kopitar als Zensor
 der »Новине«, ohne nachzuforschen, wie es dem eigentlich sei, und
 ohne ihn zu befragen, ob er was zu seiner Verteidigung einzuwenden
 habe. Es hilft auch nichts der mittlerweile angelangte Bericht des Wiener
 Polizeidirektors über den wahren Sachverhalt der Bibelübersetzung, wo
 die dem Kopitar zu Schulden kommende strafbare Teilnahme an dem
 Werke Vuks in Abrede gestellt wird. (Vgl. No. 3382.) Auf Befehl der
 Z.-P.H.St. ist seitens des B.R.A. Kopitar eine so strenge Rüge zuge-
 kommen (vgl. No. 2191 ad 1214), daß er jede Verteidigung seiner Person
 für nutzlos erklären mußte und sich nur erlaubte, die Handlung des
 Stratimirović bei ihrem Namen zu nennen. Den 18. April 1822 schreibt
 er an das B.R.A., was folgt: »Indem ich bei Rückstellung des hohen
 Dekretes die serbische Bibelübersetzung betreffend, den Inhalt desselben
 zur Nachachtung übernehme, wird es mir erlaubt seyn, die veranlas-
 senden Daten von Seite des Erzbischofs Stratimirovitsch für
 das, was sie sind, zu erklären, d. i. für falsch. Der fragliche Artikel
 der serbischen Zeitung war keine Probe, noch weniger Empfehlung,
 sondern eine streng literarische Abhandlung über die bisher ganz
 verkannte und so gut als unbekannt**e bulgarische** Mundart und nur
 das Bulgarische war als Hauptsache serbisch erläutert (in der ser-
 bischen Zeitung konnte das nicht deutsch geschehen). **Von der ser-
 bischen Bibelübersetzung war dabey keine Rede.** Da der hohen
 Hofstelle selbst daran liegen muß zu wissen, wiefern sie sich auf die
 Umsicht ihrer Untergebenen verlassen kann, da ihr daran liegen muß,
 ihre Untergebenen gegen Verleumdung zu schützen, so wird es mir er-
 laubt seyn, meine gerechte Reclamation gegen die unverdienten Ver-
 leumdungen des Erzbischofs Stratimirovitsch auf dem Wege zur
 Kenntniß zu bringen, auf welchem mir die dadurch veranlaßte, unver-
 diente Mißbilligung zugekommen ist.« (Vgl. No. 3624 ad 1214.)

Das Schicksal der Bibelübersetzung war dadurch beschieden; ihr
 Druck in Österreich war auf eine ganze Reihe von Jahren verhindert.
 Was von der Übersetzung 1824 in Leipzig erschien, das waren nur
 Bruchstücke. Eine sehr interessante Episode, die sich 1847 mit dem
 Neuen Testament ereignet hat, gehört schon in das Regime Miklosichs
 und davon werde ich ein andermal erzählen.

III.

»Народне пословице« (1833—1836).

Ganz eigentümlich ist die Zensurgeschichte dieses Denkmals. Ende September 1833 in die Zensur eingereicht, im Oktober mit dem imprimatur der Z.-P.H.St. versehen, wurden die serbischen Sprichwörter mit dem Wissen des B.R.A. den Mechitaristen zum Drucke übergeben. Während nun alles in der besten Ordnung war und man jedem Anscheine nach hoffen konnte, daß wenigstens diesmal die Sache ohne Hindernisse vor sich gehen wird, — da kommt 23. Jänner 1834 unversehens eine Attaque von der Seite »des Chefs der serbischen Nation«: »Von einem mir untergeordneten Geistlichen« schreibt der Karlowitzer Metropolit an den Grafen Sedlnitzky, »auf die von dem sich derzeit in Wien aufhaltenden serbischen Schriftsteller Wuk Stephan Karadzhits beabsichtigte Herausgabe der ‚serbischen Volks-Sprichwörter‘ aufmerksam gemacht und befürchtend, der Herausgeber, der schon durch sein »serbisch-deutsch-lateinisches Lexikon« zur Genüge bewies, daß ihm, was religiöse Gebräuche und gute Sitten anbelangt, nichts heilig sey, möchte auch in diesem Buche, welches sonst, wenn es mit Umsicht und sittlichem Gefühle gewählte Sprichwörter enthielte, wünschenswerth und nützlich wäre, den schamlosesten, unzüglichsten Zotten Raum geben, bin ich bemüßiget, Euer Excellenz um so dringender gehorsamst anzufragen, das gedachte Buch der strengsten Censur gnädigst unterwerfen zu lassen, als nach der Ankündigung der Pränumerationstermin mit diesem Monate zu Ende geht, somit das Werk sich entweder bereits unter der Presse befindet oder nächstens unter dieselbe kommen wird und wenn, wie ich ohnmaßgeblich glaube, der bisherige Censor der Wukischen Werke in Wien nicht dazu geeignet ist, das erwähnte Buch gehörig zu prüfen, so bitte ich Euer Excellenz zu veranstalten, daß dasselbe von dem Ofner Censor durchgesehen werde. Wobey ich mit ausgezeichnetster Hochachtung verbleibe Euer Excellenz gehorsamster Diener Stephan v. Stratimirovics.«

Es drängt sich gleich die Frage auf, wer ist der an der Spitze erwähnte »untergeordnete Geistliche«? Die Anzeige selbst gibt uns keinen Aufschluß darüber, einen solchen geben uns jedoch die Referate Kopitars an die Z.-P.H.St. Demgemäß verhielt sich die Sache folgendermaßen: »Der Karlstädter Bischof Muschitzky hat einen Hofkaplan Ilijich, vormals Schullehrer in Karlstadt, der auch eine ähnliche Sprichwörtersammlung vorhat! Und da war der Wunsch der Herren natürlich, dem Wuk solide Hindernisse in den Weg zu werfen als möglich, um

ihm zuvorzukommen, — ja, wenn es anginge, ihn auch zu plündern; letzteres wäre leicht, wenn man Vuks Ms. zur vorläufigen Censur in die Hände bekäme! Da könnte man sicher seyn, ihn nicht nur bequem plündern, sondern auch so lange zurückhalten zu können, bis man ihm mit dem Drucke der Sammlung des Karlstädter Hofkaplans zuvorgekommen wäre. Deswegen hat der Karlstädter Bischof dem Metropolit die präventive Denunziation insinuiert. (Kaiphaz und Annas waren sonst Feinde, aber hier glaubten sie sich wenigstens für diesen Fall aussöhnen zu können). (Aus dem Schreiben Kopitars an den Hofrat v. Ohms, v. 24. Februar 1834.)

Was macht nun die Z.-P.H.St.? Der Aufforderung des Stratimirović zufolge warnt sie Kopitar nachträglich »die weitere Revision der Bürstenabzüge mit Strenge vorzunehmen und alles Anstößige zu beseitigen, neue Aenderungen aber zu exhibiren.« Damit nun nichts im Unklaren bleibe, schreibt Kopitar an Hofrat v. Ohms die oben zitierte Vorstellung, wo er seiner Hoffnung den Ausdruck gibt, die Z.-P.H.St. werde sich von einem Verleumder doch nicht mißbrauchen lassen. »Sollte die Hofstelle sich zu solcher duperie mißbrauchen lassen, so bliebe dem Vuk nichts übrig, als sein Ms. zurückzunehmen! Aber ich hoffe, daß die Hofstelle ihren verantwortlichen und erprobten Censor das Unrecht nicht anthun wird, ihm zu seiner und ihrer eigenen Schande den lügenhaften Einflüsterungen zweyer Mönche *graecae fidei* aufzuopfern.« Auffallend, daß das Wort »erprobten« (in Bezug auf Kopitar) mit einem Ausrufungs- und einem Fragezeichen von der Hand des Referenten begleitet worden war. Vielbedeutende Zeichen, welche schwere Folgen nachgebracht hatten. Denn ungeachtet die Versicherung Kopitars, er werde das Werk Vuks ohne jede Rücksicht behandeln, ungeachtet ihre eigene Erteilung des imprimatur, kommt die Z.-P.H.St. den 1. März 1834 zur Einsicht: »Vuks Ms. in jedem Falle mit Gutachten wieder vorzulegen, damit solches, um alle Collisionen mit Behörden zu vermeiden, der ungar. Hofkanzley mitgetheilt werden könne.« Mit anderen Worten, der Sieg des Stratimirović, aber die Niederlage und mögliche »Plünderung« Vuks. Kopitar konnte auf einen solchen Ausgang nicht eingehen; den 11. März erklärte er in der Z.-P.H.St. mündlich, daß unter solchen Umständen Vuk seine Handschrift zurücknehme. Die »serbischen Sprichwörter« sind wie bekannt erst 1836 in der serbischen National-Buchdruckerei gedruckt worden.

Mit der Herausgabe der Sprichwörter ist die Richtung der serbischen Literatur ein für allemal festgesetzt worden. Was später von Vuk geschrieben, neu gesammelt oder neu redigiert wurde, das waren nur neue

Beiträge und neue Zusätze zu dem alten feststehenden Plane. Damit ist auch meine Schilderung der gegenseitigen Beziehungen Vuks zu Kopitar zu Ende. Meine Bemerkungen haben an den Vorstellungen von der in Rede stehenden Frage im wesentlichen nichts geändert, sie verfolgten nur das Ziel dieselben insofern zu vervollkommen, als wir Kopitar nicht nur als einen Freund und Meister Vuks, sondern auch als einen einflußreichen Gönner Vuks und der ganzen serbischen Literatur betrachten müssen. Das Lexikon hat nur mit Hilfe Kopitars das Tageslicht frühzeitig und in einer anständigen, wissenschaftlichen Form erblickt. Dasselbe gilt von dem »Буквар«. Seine Hand als eines Zensors mußte bei »Песнарица« und »Писменица« auch mit im Spiele gewesen sein. Daß die Sprichwörter erst 1836, die Bibelübersetzung aber erst 1847 gedruckt worden waren, das ändert an der bezeichneten Rolle gar nichts. Im Gegenteil, das Mißgeschick dieser zwei Denkmäler bestätigt diese Rolle um so kräftiger, als wir gesehen haben, daß Kopitar trotz Unannehmlichkeiten, mit denen die Regierung ihm zu oft entgegenkam, ein treuer Freund und Gönner Vuks und der serbisch-kroatischen Literatur geblieben ist.

In den 30 und 40er Jahren des XIX. Jahrhunderts hatte Kopitar die Idee gehabt, auch für die galizischen Ukrainer¹⁾ einen Vuk zu schaffen, er wollte nämlich die Rolle Vuks zwischen Joseph Levycky und Denys Zubrycky teilen. Sein Plan ist jedoch an dem Obskurantismus des ersten (ein Mann à la Stratimirović) und dem Renegatismus des zweiten zum Scheitern gekommen.

1) Eine Abhandlung über die Beziehungen Kopitars zur galizisch-ukrainischen Sprache und Literatur werde ich in der nächsten Zukunft veröffentlichen. Ich hoffe auch in der weiteren Folge zur Frage »Kopitar als Zensor graeco-slavicus ordinarius« zu kommen.

Mychajlo Teršakoveč.

Etymologisches.

Gem.-sl. *proso*, r. *prjáda*, *prudítb*, *prudb*, aksl. *prqdъ*,
slov. *préd*.

Die Hirse gehört neben dem Weizen und der Gerste zu den ältesten Halmfrüchten Europas (Schrader, Reallex. d. indog. Altertums. S. 374, Sprachvergl. u. Urgesch.³, II/2, S. 186, Buschan, Vorgesch. Botanik, S. 67, E. Hahn, Die Haustiere u. ihre Bezieh. z. wirtsch. Kult. S. 410, Hoops, Waldbäume u. Kulturpfl. S. 323). Speziell für die Slaven ist die Hirsekultur schon durch die ältesten Nachrichten bezeugt. So berichtet nicht nur Ibrâhîm-ibn-Ja'kub: »der größte Teil ihrer Ernte besteht aus Hirse« (Westberg, Zap. imp. ak. nauk, Ser. VIII, ist.-fil. otd. T. 3, Nr. 4, S. 59), sondern auch der um etwa 4 Jahrhunderte ältere Strategiker Maurikios weiß zu erzählen: *ὑπέστη δὲ αὐτοῖς πλῆθος ἀλόγων παντοίων καὶ γενημάτων, ἐν θημωνίαις ἀποκείμενον, καὶ μάλιστα κέγχρου καὶ ἔλυμου* (Ars milit. XI, 5, S. 273 der Schefferschen Ausgabe). Bestätigt werden diese Nachrichten über die uralte Hirsekultur in diesen Ländern durch die prähistorischen Funde, so durch den der jüngeren Steinzeit angehörigen Fund von Coucuteni in Rumänien (Buschan, l. c., S. 69) und die von Chvojka bloßgelegten, gleichfalls neolithischen Ansiedlungen am Dniepr (Schrader, Sprachvergl. u. Urgesch.³, II/2, S. 187). Die Nachricht des Maurikios erwähnt ausdrücklich zwei Hirsearten, *κέγχρος* und *ἔλυμος*, worunter die beiden Hauptspezies der Hirse: Rispen- u. Kolbenhirse zu verstehen sind (Fischer-Benzon, Altd. Gartenflora, S. 166, Hoops, a. a. O. S. 323). Daß diese beiden Hauptspezies immer nebeneinander hergehen, darüber vgl. man E. Hahn, l. c. S. 412. Buschans übrigens sich nur auf Deutschland beziehende Vermutung (l. c. S. 72), daß die Kolbenhirse im Gegensatze zur Rispenhirse erst durch Vermittlung der Römer eingeführt worden sei, wird jetzt durch die prähistorischen Funde hinfällig (Hoops, a. a. O., S. 395).

Trotz des hohen Alters des Hirsebaues bei den Slaven und der aus dieser Tatsache sich ergebenden Vermutung einer einheimischen Bezeichnung harrt gem.-sl. *proso* aber noch immer einer befriedigenden Erklärung. Die Literatur, soweit sie dem Schreiber dieser Zeilen be-

kannt wurde, weist nur zwei Deutungen von *proso* auf: Pictet, *Les origines indo-europ.* I, S. 281, 2. Aufl. I, S. 351, 352 (und mit ihm A. Kuhn, Kuhn u. Schleicher, *Beiträge*, II, 378) stellt *proso* zu ved. *prks*-Labung, Sättigung, Nahrung, Speise, *prc*, *parc* mengen, mischen, füllen, sättigen, in Fülle geben, mehren (die Bedeutungen nach Böhlingk-Roth). Da nun aber ai. *prc*, *prnakti* ohne Zweifel zu lat. *proximus* gehört, somit ursprüngliches *qu* aufweist (Fröhde, B.B. 7, 125, Walde, *Lt.Et.W.* 434), so ist die Zusammenstellung mit sl. *proso* nach dem heutigen Stande der Lautlehre ausgeschlossen. In der Tat ist sie auch aus der neueren Literatur völlig verschwunden (cf. Schrader, *Real-Lex.* I. c., der *proso* als dunkel bezeichnet). Prellwitz, *Et.W.* der gr. Spr.², 382, 383 (=1. Aufl. S. 262) vergleicht *proso* mit gr. *πράσον* Lauch, lt. *porrum*, was semasiologisch wenig befriedigt und im übrigen nicht nur von Walde, *Lt.Et.W.* S. 482, sondern auch von Prellwitz selber als ganz zweifelhaft bezeichnet wird. — Zur Deutung von *proso* wird es dienlich sein, sich zu vergegenwärtigen, daß r. und klr. *prjāda* die grüne Kolbenhirse, *Panicum viride*, *Setaria viridis* bedeutet. Es ist dies die über Europa bis nach Finnland hin verbreitete Stammform der Kolbenhirse, von der sie sich nur durch die Größenverhältnisse und das frühzeitige Abfallen der Fruchtlährchen unterscheidet (Buschan, I. c. S. 74). Es liegt daher — insbesondere nach dem einleitend Bemerkten — nahe, *proso* und *prjāda* etymologisch zu vereinigen. Danielsson, *Ait. Stud.* 4, 168 Anm. 1 (und mit ihm Persson, *Wurzelerweit.* S. 68 u. 217, Anm. 1) erklärt das Nebeneinander von lt. *premo*, *pressi* als eine ursprüngliche Doppelheit *pr-em-*, *pr-es-*, die der Doppelheit von gr. *τρέω-ω*, lt. *trem-o*: gr. *τρε(σ)ω*, ai. *tras-ati* ganz analog sei. Bei dieser Erklärung von *premo*, *pressi* fehlte es aber an weiterer Anknüpfung (Walde, *Lt.Et.W.* 489, Brugmann, *I.F.* 13, 87 ff.). Das Slav. bietet sie nun. *proso* steht im Ablautsverhältnis zur Wurzelform *pres-*. r. klr. *prjāda* < **prēda* gehört zu der mit (sl., also zweideutigem) *-d-* weitergebildeten Wurzel *prem-*. Die weitere Verzweigung der Wurzel *prem-d(h)-* im sl. wird sogleich zu erörtern sein. Hirse bedeutet also im sl. die »Quetschfrucht«, ganz ähnlich wie die sl. Bezeichnung der andern alten Ackerbaufrucht, des Weizens, *psēnica*: lt. *pinso*, aksl. *pschati* auf »Stampffrucht« hinausläuft. Im r. und älteren č. (Rešcl) heißt nun das von *psēnica* nur im Suffix verschiedene *pseno* tatsächlich (enthülste) Hirse. Dies ist also ein deutlicher Beweis mehr für die eben gegebene Erklärung von *proso*, *prjāda*. Die *d*-Erweiterung der Wurzel *prem-* zeigt sich noch in: r. *prudits* dämmen, hemmen, *prudě* Damm, Deich, slov. *prūd* Sand, sandiges Ufer, *prūdec* Schotter, aksl. *prūdō* ursprünglich wohl Sand (nach Ausweis der alten Lehnwörter:

magy. *porond* Sand, rum. *prund* Sand, Mikl. E.W. 265¹⁾. Russ. *pruditi* dämmen, hemmen und *prud* kamen zu ihrer Bedeutung gegenüber lat. *premere* in genau derselben Weise wie lit. *kamszà* Damm, mhd. nhd. *hemmen* gegenüber lit. *kamàti* zusammenpressen, stopfen (Zupitza, Gutt. 108). Die Bedeutungsentwicklung von aksl. und sw. *prqd* Sand aus *prem-* quetschen, drücken findet ein Analogon an r. *tolokónnyja góry* Sandhügel: *tolóčb* stampfen, zerstampfen, got. *malmu* Sand: *gamalujan* zermalmen, zerstoßen, nhd. *zermalmen*, Wz. *mel-* (Kluge, Et.W.⁶, 257, Walde, Lt.Et.W. 391), ferner an lt. *sabulum* Sand: gr. *ψαίω* malmen (Walde, l. c. 536). Des weiteren herrscht zwischen *proso*, *prjada* einerseits und aksl. *prqd*, slov. *prqd* andererseits wohl dasselbe begriffliche Verhältnis wie zwischen lt. *mīlium*, gr. *μείλινη*, lit. *malnos* Hirse und got. *malma* Sand. Denn daß die eben genannten Bezeichnungen der Hirse eher zur Wz. *mel-* malmen als zu lt. *mel*, gr. *μέλι* Honig gehören — und zwar wegen des lit. *malnos* gegenüber lit. *medūs* Honig — darüber vgl. man Schrader bei Hehn, Kulturpflanzen u. Haustiere⁶, 545. So auch jetzt Prellwitz, Et.W. der gr. Spr.², S. 288, während Walde, Lt.Et.W. S. 385 die Wahl zwischen beiden Etymologien von *mīlium* offen läßt. Gehören aber *mīlium*, *μείλινη*, *malnos* zur Wz. *mel-*, so ergibt sich vollständige Identität der ›inneren Wortform‹ zwischen *proso* und den genannten Hirsebezeichnungen des gr., lt. und lit., da ja das älteste Mahlen nichts anderes als ein Quetschen ist (Schrader, Real-Lex. 512). Doch stehe es um die Herleitung von *mīlium*, *μείλινη*, *malnos* wie immer, für jeden Fall findet die hier gegebene Erklärung von *proso* schon innerhalb des sl. selbst, und zwar durch *pšeno* ihre hinreichende

1) Daß aksl. *prqd* Sand und seine ebengenannten Verwandten mit *prqd* Strom nichts zu schaffen haben, sah Miklosich a. a. O. sehr wohl, während noch Potebnja, Russk. fil. věstn. 4, 218, die beiden Sippen für identisch gehalten hatte. — [Diese Bemerkungen waren bereits zum Druck eingeleistet, als mir aus I.F. 21, 173 Hirts Deutung von *proso* bekannt wurde. Hirt führt das Wort wegen lit. *sóra* Hirse, ai. *psaras* Schmaus, Mahl unter Annahme einer Metathese auf **psoro* zurück. Die ältere Deutung von lit. *sóra* (Schrader, R.L. 374) als ›Saatfrucht‹ sei kaum befriedigend. Allein die Frage nach der ursprünglichen Anlautsgestalt des slav. Wortes kann nicht außer Zusammenhang mit seinen nächsten slav. Sach- und Namensverwandten und d. *friesel* entschieden werden. Andererseits ist die Deutung von lit. *sóra* als ›Saatfrucht‹ semasiologisch durchaus nicht zu verwerfen. Man beachte deutsche Namen von Hirsearten wie luxemburg. *Fullesümchen* für *panicum miliaceum* (Körnicker, Getreidebau, I, 245), *Sorgsamen*, *Sorgsaat* für Mohrhirse (ib. 294), vergl. ferner r. *vorobínosé sémja*, s.-kr. *sjeme vrábče* Meerhirse (Šulek, imenik bilja 354) mit dem gleichbedeutenden s.-kr. *proso vrábče*, r. *próso vorobínosé*, p. *wróble proso* (ib. 314). So begreift man leicht, wie in einer Zeit mit bedeutendem Hirsebau die Hirse als ›Saate‹, Samen‹ schlechtweg bezeichnet werden konnte, ähnlich wie nach Pritzel u. Jessen, Die deutschen Volksnamen d. Pflanzen, 410 für d. Weizen ›Saate‹, ›Samen‹ gebraucht wird.]

semasiologische Stütze. Die Bedeutungsentwicklung von slov. *prjdec* Schotter aus der Wz. *prem-* ist ohne weiteres verständlich. Cf. lit. *melmiū* Steinkrankheit, Nierenstein: got. *malan*. In morphologischer Hinsicht verhält sich r., klr. *prjāda*: r. *prudits* ebenso wie r. (veraltet) *pjadā*, s.-kr. *pēda* (neben gleichbedeutendem aksl. u. sw. *pēdъ*) Spanne: *pqđiti* (Meillet, Études II, 264). r. *prudits* stellt sich ferner zur unerweiterten Wurzelform *prem-* in derselben Weise wie aksl. *pqđiti* zu der aus *pēti* zu abstrahierenden einfacheren Wurzel (Cf. Persson, De origine et vi gerundii 24 sammt Anm. 4 und Miklosich, Gr. II, 207). Demnach erweist sich r. *prudits* als eine Bildung mit sl. Determinativ *d-* (= idg. *d-*, *dh-*Determinativ). Analoge Bildungen innerhalb des sl. sind z. B.: aksl. *truditi* vexare — mit dem Subst. *trudъ* labor wie r. *prudits* mit r. *prudъ* usw. — zu gr. *τρώω*, aksl. *trovq*, *trujq*, *truti* (Persson, Wurzel-erweiterung 36, Prellwitz, Et. W. d. gr. Spr. 2, 456, Hirt, Abl. Nr. 223), aksl. *raditi* curare: lt. *rēri* (Persson, l. c. 46, Walde Lt. Et. W. 521). Cf. ferner č. *hyzditi* Ekel verursachen: klr. *hyd* Ekel (Walde, K. Z. 34, 509). — Von sl. *proso* ist pr. *prassan* Hirse nicht zu trennen. Ob Urverwandtschaft, wie dies Prellwitz, Et. W. d. gr. Spr. 2, 383 annimmt, oder Entlehnung des pr. aus dem sl. vorliegt (so Brückner, Arch. f. sl. Phil. 20, 496) ist schwer zu entscheiden. Ein sicheres Kriterium für die letztere Annahme ist jedoch kaum zu erbringen. — Zu *proso* gehört r. *prosjanica* außer »Hirsegrütze« auch »Frieselausschlag«, slov. *prosenice*, *prosenec* Frieselausschlag, klr. *prosjānicja* Art Hautausschlag bei Kindern (neben Hirsestroh). Sollte nicht nhd. *Frieseln* mit seinem slav. Äquivalent urverwandt sein? Auch die medizinische Bezeichnung *febris miliata* zeigt ja die Beziehung des Namens der Krankheit zum Hirsenamen *milium* (Das tertium comparationis ist die Ähnlichkeit der Bläschen mit Hirsekörnern). Cf. ferner gr. *κεγχρίας ἐρπης* »ein Ausschlag, der wie Hirsekörner aussieht«: *κέγχρος* Hirse. — Daß das *i* in *Friesel* ursprünglich kurz ist, zeigt das schweiz. *Fr̄isel* (Staub u. Tobler, Schweiz. Idiotikon I, 1329). Diese Kürze des *i* aber spricht gegen die ältere Zusammenstellung des Wortes mit *frieren*, ahd. *friosan* (so noch Franck Et. Woordenb. d. nederl. taal, Sp. 1115), eine Deutung, die daher von Kluge, Et. W. 6 126 mit Recht abgelehnt wird. Wenn aber Kluge a. a. O. etymologischen Zusammenhang von *Friesel* mit öst. *Riselausschlag* und dem älteren *Riseln*, *Rüsln*, »Sommersprossen« vermutet, demnach für den Anlaut die Gruppe *wr* ansetzt, so ist dagegen einzuwenden, daß das Wort auch im ndd. *fr̄isln* lautet (Kluge l. c.). In der anlautenden Gruppe *wr* wird aber das *w* bloß in den oberd. Mundarten beseitigt, während das ndd. *wr* bewahrt (Wilmanns, Deutsche Gr. 2, I, 149). Bei Zusammenhang unseres

Wortes mit *Riseln* wäre also für das nnd. *wrisln* zu erwarten. Beide Schwierigkeiten, nämlich sowohl die des anlautenden Konsonanten als die des inlautenden Vokals, schwinden bei der oben gegebenen Erklärung. Als Grundform ergäbe sich sohin germ. **fres-ila-* < **pres-ila-*. Über *Risel*, *Rüsel* Sommersprossen vgl. man die Erklärung bei Grimm, D.W. 8, 1538 u. 1181 (: *rosem*). Cf. auch frz. *rousseurs* Sommersprossen, *roussures* idem: *rousseur* Röte. Dialektisch konnten dann *Friesel* und *Risel* sich gegenseitig beeinflussen.

Ksl. *brošt* purpura.

Von andern sl. Dialekten besitzen das Wort: das s.-kr.: *broč*, das slov.: *broč*, das blg.: *brošt*, das klr.: *brič*, *broča*, endlich das p.: *brocz*, und zwar in einer von der ksl. etwas abweichenden Bedeutung, da in den genannten modernen Slavinen das Wort nicht den Purpur, sondern die Färberröte, den Krapp bezeichnet. Das ksl. *št* deutet im Verein mit blg. *št*, klr. *č*, slov. *č*, s.-kr. *č* mit Sicherheit auf *tj* oder *ktj* als zugrundeliegende Lautgruppe hin; poln. *brocz* erweist sich daher als Entlehnung aus dem klr., wie denn das Wort insbesondere in Kleinpolen verbreitet ist (Miklosich, Et.W. 22). Liegt aber die genannte Lautgruppe zugrunde, so haben wir in dem Worte eine Entlehnung aus lt. *brattea*, *bractea*, einer Nebenform zu *blattea purpura*, zu suchen. Bezeugt ist *brattea*, *bractea* als Nebenform von *blattea* durch Corp. gloss. lat. IV, 594, 15: *brattea tenuis auri lamina sive purpura sirici bis tinctum* und ib. IV, 602, 6: *bractea auri lamina sive purpura*. Nun tritt *blattea* in der Bedeutung Purpur erst in späterer Zeit auf (cf. W. A. Schmidt, Forschungen auf dem Geb. des Altertums I, 130). Nur in diese Zeit kann dann auch die sl. Entlehnung fallen, was sohin zu allgemeinen historischen Erwägungen über die lat.-sl. Berührungen gut stimmt. Entlehnung aus gr. *βλάττιον* anzunehmen, ist darum weniger ratsam, weil im gr. eine Form mit anlautendem *βρ* nicht bezeugt ist. Die abweichende Bedeutung des Wortes in den modernen sl. Dialekten beruht auf Bedeutungswandel. Daß ein ein Färbemittel bezeichnendes Wort sekundär auch von anderen, eine ähnliche Farbe liefernden Mitteln gebraucht wird, zeigt ngr. *κοκκινόχωμα*, das Mennig bedeutet, trotzdem *κόκκινος* seinem Ursprunge nach einem ksl. *črōmьnъ*, č. *červený* usw. entspricht, also die von der farbstoffhaltigen Schildlaus (*κόκκος*) gewonnene Farbe bezeichnet (cf. Schrader, Real-Lex. 420). Und in der Tat bietet auch *brošt* selbst einen Beleg für Bedeutungsübertragung von solcher Art, da es in glagolitischen Quellen auch *coccinum* wiedergibt (Miklosich, Lex. pal.-slov. 45).

Wien, Juli 1907.

Norbert Jokl.

Бѣлѣжка за бѣлгарската замѣна на Ж съ у.

Въ срѣднобѣлгарския литературенъ паметникъ — »Пчела« (ракописъ отъ XVI. в.)¹⁾, що отдавна съмъ приготвилъ да издамъ, прѣдставя интересъ замѣната на юсоветѣ Ж и Ѧ както единъ съ другъ взаимно, тѣй и съ други вокали. Ще се спра тукъ на замѣната на Ж (ѡж) съ оу (ю).

Отбѣлѣжвамъ слѣднитѣ примѣри отъ замѣната, за която е рѣчь: соуѣсѣда 7^о — сѡсѣда 5^о, 96^о (в. п.) — сѡсѣдѡ 129^а (д. мн.) = сѡсѣк (р. мн.) 131^а — сѡсѣды (в. п.) 131^а — сѡсѣдѡ 94^а, оуѣдож (тв. ед.) 8^о — ѡбоуѣдаватѣ 9^о = ѡбѡжѣдати 13^о, рѡгажѡсѡ 136^о = рѡгажѡсѡ 136^о, скѡпѣство 102^а — съ скоуѣствѡ 19^о, доуѡвѣ (в. п.) 24^а, лѡча (слѣнечпаа) 121^а, 126^о, покрай да ѡлжнѣ 142^о, зѡвы (в. п.) 119^о = зѡвы 116^о, рѡцѡк 53^о, 127^а — рѡкъ (р. мн.) 95^а = рѡцѡк 30^а, тѡгж (в. п.) 129^о = въ тѡгѡ 36^а, ю (д. м. 3. л. ж. ед.) 138^а (на 5—6 мѣста) = ж 47^о, 77^а, 108^а — ѡ 92^а, 93^о 94^а, ѡ 45^а, 47^о, 48^о — а 43^о, сѡтъ 55^а = сѡтъ 61^а; полѡноцѡ (им. п.) 95^о — въ полѡноци 130^о = въ полѡноци ib., до полѡ царѡтѡва 144^а, ѡбрѡчишѡ 135^а — къ ѡбрѡчници 137^а = ѡбрѡчници (нар. етим.) 135^а, сѡмѡщѡтъ (сег. 3 л. ед.) 105^о = сѡмѡщѡтъ 64^а, поноуѡдисѡ 16^а =

1) »Пчелата«, намѣрена въ гр. Шуменъ и чувана днесъ въ синодалната библиотека въ Софя, добива особна важность вече съ туй, че ни иде тѣкмо отъ най-тъмния периодъ (15.—16. вв.) отъ исторіята на бѣлг. езикъ и писменость, отъ който за сега имаме най-малко паметници. Езикътъ ѡ прѣдставя оригинални и твърдѣ интересни черти въ областъта на фонетиката и довѣйдѣ на морфологията. Взаимната замѣна на ѡ и ѡ, оправдана отъ изравняването на звуко-физиологичната стойность на двѣтъ носовки, се пѣстри тѣй, че не се подава напълно на извѣстното срѣднобѣлг. правило за нея, установено отъ Лескина. Голѣмата правописна непослѣдователность, която посочва, какъ писецътъ, отстъпващъ отъ традицията, се лута при изобразяването тоя или она звукъ, разклащането въ флексията, смѣсаното на падежнитѣ форми, отклоненията въ синтактичните конструкции, всичко туй са черти, въ които се изказва силна струя отъ народенъ елементъ. Паметникътъ употребява и ударения надъ думитѣ, макаръ не навсѣдѣ и не винаги сигурно. Той брои 153 листа (голѣмъ форматъ). Ималъ е връзка съ Тисменския манастиръ.

понѣдимъ себе 36° — нѣжж (в. п.) 34°, 117°, 149°, въ неѡу 27° = ѡ неѡжга (ib. слѣдъ 1 редъ); ногоу (в. п.) 24°, на ногоу 26°, 78°, 119°, 135°, до ногъ 125° (а по ногъ 25°), при ногъ 65°, 116°, ногъ твоѣж (р. дв.) 2°, ржкъ 54°, 71°, на ржкъ 121°, 139°, изржкъ 67°, ѡ ржкъ моѣж 125°, въ ржкъ и въ ногъ 108° (а за ржкж 66°), въ ржкъ моѣю 19°, въ факелъ 131°, въ темницу 65°, 141° = въ темницж 143°, въ ѡпамѣж сѣрѣнскѣю 123° = въ амелетѣнскѣя рѣкж 124°, въ лѡвдикію 136°, въ полатж црѣвоу 134°, на оу-тѣхъ 134°, на вечеръ 131°, въсѣ ноцъ 137° = въсѣ ноцъ 54°; красотоу 15° = красотж 38°, вѣръ 77°, похвалъ 72°, оу-търню и лито(у)ргію . . . прѣвѣю 129° (а литѣргѣж 81°), жалость неизмѣрнъ 129°, смъртѣ зѡ 130°, стѣкленицъ 131°, стекленицъ сію пѣнъ 132°, вѣію снѡ 132°, дрѡжж (трапезѡ) и третію 134°, въсѣ граматикію (и) црковнѣ исторію 135°, малъ помощъ 59° = малж любѡ ib., невѣстѣ 135°, хижницъ 136°, хартію 137°, 138° = хар-тѣж 138°, съпричастницъ 150° (всѣ в. п.), копрѣною (= копри-, тв. п.) 135°, смола вѣрѣцѣ (им. п.) 96°, гѣнъ страшномъ 97°; по-лоучю 24° покрай ѡмочж 27° — ѡмочѡ 31°, ищѣ 65°, а възыщж 4° и хощж 61°, рекъ 129°, пожегъ 130° = пожегж ib., не могъ 81°, 149° = не могж 92°, 150°, оуморъ 130°, не зрѣ 130° покр. сътворж 117°, напишъ 68°, попекѣтѣ 58° = попекжтѣ 59°, принесѣтъ 49°, сѡ дѣнъ (аор. 2. л. ед.) 136° покр. дѡнж 49° и иѣ-дѣхнж 3° (аор. 3. л. ед.). Наопаки ж си запазва етимологичното мѣсто въ думи, дѣто по-скоро би се очаквало оу: бѡж и бѡждникъ 19°, забѡжденіѡ (р. п.) 23°, жзы 21°, жтробж (в. п.) 5°, 110°, 153°, благожтробнѣ 30°, жханіемъ (тв. ед.) 13°, благожханіѣ 55°, грж-выѡ 153°, хждождѡствоу 40°, ржкождождникъ 65°, лжкѡвствѣ 10°, лжкѡви 19°, гнжшѡйтѣ 19°, гжсли 31°, въ пжчинж 30°, поржганъ 34°, поржганіѣ 12°, гждѣціихъ 35°, погржжѡимъ 128°, погржжитѣ 125°, вѣдржзитѣ 150°, въ тржсѣ 150°; срѣща се дори и неорганич. ж: велѣмжж (нар. етим.) 25°, пагжбника 140° (= пагѣбника 110° — пагѣбж (в. п.) 143°, погѣбленіѣ 3°, погоѣвиль 23°), къмжждо (= комоу-) 51°. Последнитѣ два примѣра, които на-вѣрно се дължатъ на грѣшки, сѡ интересни по туй, че посочватъ, какво за писеца на паметники ж и оу сѡ близки помежду си звукове.

Горнитѣ примѣри токо-речи изчерпватъ случаетѣ отъ занимаващото ни явление въ цѣлия текстъ. Тѣ сѡ, както виждаме, рѣдки, случайни

и за паметника не мѣродавни. За насъ тукъ иматъ значение, че засѣгатъ, покрай други, и коренни срички, па ни даватъ и паралелни двойствени форми (дублети), за каквито става рѣчь по-надолу.

Обикновено примѣри, като нашитѣ, въ сръднобългарскитѣ литературни паметници се обясняватъ съ книжовно влияние на сръбски езикъ или, по-точно, на сръбска графична школа. Не ще и дума, че въ конкретни случаи и за отдѣлни паметници явлението може да се дължи на тая причина. За примѣръ ще посоча само Почаевския Сборн. на Киевск. Дух. Акад. отъ молдаво-бълг. редакц. отъ XVI. в., дѣто примѣри съ **Ѣ** вм. **Ж** се срѣщатъ най-често въ статиитѣ, прѣписани по всичкия вѣроятностъ отъ сръбски оригиналъ, ала спорадично срѣщатъ се и въ другитѣ части на паметника (А. М. Лукьяненко, Новый Сб. по славяновѣд., сост. и изд. учен. В. И. Ламанскаго, СПб. 1905, стр. 432). Ала замѣната на **Ж** съ **Ѡ** въ сръдноб. лит. паметници да се тълкува изобщо съ сръбско влияние и да се смѣта за отличителна сръбска черта не е оправдано, защото прѣди всичко не навсѣкѣдъ въ България сръбската редакция е могла да проникне и да добие мѣродавно значение. За литературно влияние, щомъ се касяе до 16.—17. вв. и особено до паметници, чийто родина е източна България, по-скоро, чини ми се, трѣба да се допусне руско, отколкото сръбско, понеже отъ речената епоха ни идатъ изъ Русия ръкописи и книги, макаръ повечето богослужебни (М. Сперанскій, Дѣленіе истор. русск. лит.-ры на періоды и влияніе русск. лит. на югославянскую — РФВ. т. XXXVI, 211). Дири отъ руско влияние забѣлѣжихъ дори и въ »Тиквешкия ркп.« (отд. отпеч. 49₂). Б. М. Ляпуновъ напоследъкъ посочи ркп. (Еванг. четива), писанъ вѣйдѣ въ областъта на южноруск. говори въ XII. ст. и попадалъ въ България или поне въ бълг. рацѣ въ 16. и 19. вв., за което свѣдочатъ писани по него бѣлѣжки на български (Зап. Имп. Одесск. Общ. Ист. и Древн., т. XXVII, 1907, 81—82). И въ него **Ѡ** стои вм. **Ж** (парѣдко — и обратното), както и **Ю** вм. **Ѡ**, което, впрочемъ, лесно се обяснява съ руското потекло на паметника. А изобщо книжовнитѣ връзки между българи и сърби оставатъ безъ значение за народния езикъ (Цоневъ, МСб. XVIII, 362). — При това имаме, както посочи проф. Милетичъ (ПСп. XVII-годишн., 340) прѣходна редакция сръдноб. ръкописи, въ които, кога старата традиция почвала незабѣлѣзано да се разклаща, покрай редовното **Ж** тукъ-тамъ се е вмѣквало на негово мѣсто и **Ѣ**. Докато въ кореннитѣ срички, що били уцѣлѣли и въ живия езикъ, българинътъ прѣписвачъ все е могълъ да се води по своя езикъ, та да не смѣсва **Ж** съ **Ѡ**, за изчезналитѣ окончания на именната флексия, а така също за окончанията на тая флексия и на глаголната, въ които стрб.

ж и *л* размѣсено се прѣдавали, по известното и прѣзъ 15. в. вече неразбирано срѣдиб. правило, ту само съ *ж*, ту само съ *л*, той прѣдпочиталъ, по чуждо влияние (сръбско или руско), да пише *оу* или *ю*, за да избѣгне непонятнитѣ нему непослѣдователности. Разбира се, въ много случаи, и аналогията е вземала своето.

Ала замѣната на *ж* съ *оу* не се ограничава само съ срѣдб. текстове. Тя засѣга, както е известно, и стрб. книжовни пометници, дѣто не може да става дума за чуждо влияние. Проф. Соболевскій (Древн. церк.-слав. языкъ — Фонетика 37—38) посочи изъ стрб. текстове редица примѣри отъ занимаващата ни замѣна (прѣдимствено въ окопчан. на флексията), що напомнятъ нашитѣ въ »Пчелата«, ала ги смѣта за недописвания или просто грѣшки и, въ всѣки случай, лишени отъ всѣко значение. Примѣритѣ му, дѣйствително, сѣ подобрани за тая цѣль, ала не и за обяснение на замѣната, макаръ че дори измежду тѣхъ примѣрѣтъ изъ Синайския Псалтирь съ паучина не е грѣшка: паужина знаятъ и днесъ живитѣ бѣлг. говори (самоковския, копривщенския, калоферския и др.). Инакъ постапи въ случая проф. В. Вондракъ. Въ новия си трудъ (Vergleichende Slav. Gramm. I. В., 1906, 126—128), той се спира на замѣната между *ж* и *оу* въ праславянскитѣ звукофизиологични бѣлѣжки. Като изтъква, че въ стрб. (староцърковносл.) езикъ има много думи, въ които паралелно съ *ж* се срѣща и *оу*, авторътъ разглежда явлението като положителенъ езиковъ фактъ и се старае да го обясни надлежно. Той ни дава за примѣръ слѣднитѣ характерни дублети: **МЖДИТИ** и **МОУДИТИ** — бавя: Мат. 24. 48 въ Зографския и Асемановия кодекси, въ Савината Книга **МОУДИТЪ**, а Лук. 1. 21 въ Зогр. **МЖДАШЕ** (въ други текстове имаме още **ИЗМЪДЪТИ** — ослабвамъ, изнемощявамъ), въ паралелъ на които съноставямъ нвбѣлг. дублетъ: мѣден-бавенъ, мѣдно (Стара-Загора, Горна-Джумая) и мѣдо — слабина *testiculus* и измѣдам — осакащамъ нѣкого въ слабинитѣ. — Въ Супрас. код.: **ГНЖСИТИ СЛ**, **ГНЖСЪНЪ** и **ГНОУШАТИ СЛ**, **ГНОУСЪНЪ**, **ГНОУСЪ**, срѣщу които бѣлг. говори даватъ: гнѣсен и гнѣ ма е (Шументъ), гнѣсен (Охридъ-МСб. XVIII, 528), гнас (Прилѣпъ-МСб. XX, 7), гнѣсно (кукушк.-воденск. гов.-МСб. XVIII, 449), гнус и гнас (Г. Джумая-МСб. XX, 5) и гнѣсен, гнус (въ цѣлата бѣлг. гов. областъ). Любопитно е, че »Пчелата« дава само ф. **ГНЖШАТИ СЛ**. — **СЖМЪНЪТИ СЛ** и **СОУМЪНЪТИ СЛ** (въ Супр. к. **СОУМЪНИТЪ СЛ**) — не чужди и за нвб. ез. »Пчелата« тукъ ни дава **СОУСЪДЪ-СЖСЪДЪ-СЪСЪДЪ**. За *соу*- източ. и центр. говори прѣдставятъ примѣри: сѣкръвица (ср. сукрвица, р. сукровица, ч. soukrvice), сѣмрак (ср. сумрак, р. сумерки мн., ч. soumrak), сѣграшица; въ отдѣлни примѣри *сѣ*- се срѣща и въ полския ез. (Дръ В. Облакъ, Приносъ

къмъ бълг. грамат. МСб. XI, 536). — **Нждити** — **нжда** и **ноудити** — **ножда**, въ »Пчелата« **понждити** — **понуудити** и **нжда**, срѣщу които въ цѣлата говорна бълг. область срѣщаме само формата **ү**: **при- нудих**, **изнудих**, **пужда** и **нужба** (въ нар. пѣсн.), **понууда** (Прилѣпъ — **понада**, МСб. XX, 7), ако тукъ принадлежи. — Въ »Пчелата« срѣщаме още: **ржгати са** — **поржгание** и **роугати са**: **ругам** — **хокамъ** (Ст. Загора; Г. Джумая — МСб. XX, 5), **йзругаф** (Прилѣпъ — **ib.** 7); случай съ **ж**, до колкото зная, не се срѣща въ никой говоръ. — **Обоудавати** — **оуда** и **обждавати**, срѣщу който дублетъ днесъ имаме само **удà** (Г. Джумая), **йудà** и **обиудам** (»обиуди врани кони« въ пѣсн.). — **Съмжшати** и **смушати**: **мѣтен** — **мѣтѣк** и **смутнѣ** — **раздоръ** (Ст. Заг.), **смутен** (общобълг.). — **Лоча** и **отлажчание**: **луч** (Прилѣпъ), **луча** и **лѣча** — общеизвестни въ бълг. езикъ и първата форма дори надмощава втората. — **Неджгъ** и **недоугъ**: **недѣгаф** (изт. гов.) — **недугаф** (Прил.). — **Тжга** и **тоуга**: **тжжикъ** и **ту- жинъ** (Соф., Явашевъ МСб. XXI, 44, 1) — растения.

Паралелитѣ, що съпоставямъ съ горнитѣ примѣри, разкриватъ вече замѣната на **ж** съ **ү** и въ живата народна рѣчь. Отбѣлжвамъ още общобълг. **утроба**, **грубъ** (лице **грубѣ** — Разложко), **художество**, **лукавъ**, **гусла**, **трусъ**, **блудъ**, **зablуждение**, които въ »Пчелата« срѣщнахме съ застъпенъ стрб. **назалъ ж**; **трудна** (жена), **чубрица**, **да пукна**, **гүзен** (споредъ Цоневъ, може би отъ **гуз** = **безъ опашка** М. Търновско, МСб. XX, 81). Ще приведа и тукъ нѣкои двойни форми (а тѣзи могатъ да прѣдставятъ и повече видоизмѣнения), защото, на мой погледъ, тѣ въ говорятѣ, както и въ книжовнитѣ паметници, щомъ бѣде изключена възможността за чуждо влияние, съставятъ бълг. черта: **измүдрим** (= **измислямъ**, **скроявамъ**) **покрай мѣдри са**, **примѣдрил са** (Ст. Заг.), **мүдар** (Прил.), **приштунүлка** (Ст. Загора) и **пришта- пүлник** (В. Търново) = **процапалникъ** (у Дювернуа), **хруштылка**, **хруштѣ**, **хруска** (глагол.) и **хрѣскавица**, **хрѣска** (Ст. Заг.), **хрѣ- шт'елки** (череша — въ др. изт. гов.), **пүнка** и **панка** (Г. Джумая), **ручей** (Свищовъ) и **рѣчей** (Рѣсенско) **үам** (отъ **жүати** — Г. Джум.) и **вѣхам** (Котелъ — МСб. XVIII, 358), **рукобоі** = **награда** на овчари **врѣхъ** **платата имъ** (Срѣднородоп.) и **рѣкобѣл** = **облага** (Габрово — МСб. XX, 81), **хомѣт'** (= **ѣмот** — Прилѣпъ, **хомжтѣ**) и **хамүт'** (въ изт. гов.), **бубреци** (Срѣднородоп.), **бүбрак** (Г. Джум.), **бүбрѣк** (Прилѣпъ) и **бѣбр'ак** (Ст. Заг.). Отдѣлни думи още¹⁾: из-

1) Жалъ, че сега ни своита и други сборки и помагала, ни врѣме и мѣсто имамъ да разширя примѣритѣ и бѣлжжитѣ си.

штѹпна ми (отъ ума — Ст. Заг.) — штукна ми (Г. Джум., Разложко), ми штѹкна од глаа (Прилѣпъ), рѹзблуда (дѣте = немирно, Ст. Заг.), лугувѹчка (Чирпанско МСб. IX, 231 *Dipsacus sylvestris*) — лугачка (Добричко МСб. XXI, 51, ст. на Явашевъ) — луженица (ib.), дусѹш (досуць — общл.) суштие — сушто (Г. Джум.), сѹшти, суштото (Ахачелеб.), гѹжва (Прил., Г. Джум., Разложко), ѹтка (жтѹка — Прил.), желѹдок (Г. Джум.), жѣлудок (Прил.), кус = късь (Прил., Г. Джум., Ахачелеби), сѹпрук (сжпржгъ — Прил.), суд = съдъ и судник (Разложко), сѹт и судий (Г. Джум.), сѹт, сѹдам и прѣсѹдба (Прил.), оруѹже (Г. Джум.) и оруѹжеа (Ахачелеб.), ѹкус = закуса, понуда (Ахч.), скѹден (Прил.), оскуден (Разл., Г. Джум.), дрѹсам (Ст. Заг., Г. Джум.), трусам (Г. Джум., Разл.), феруглица (Хоржгы — Разл.), фрѹшко (ножче — фржжъскъ — Г. Джум.), сива голубице (Рупч.), дулбѹко, скупѹим (скапня), ѹструси (изтарси) и ѹспугѹи (помашк. гов. въ Чепинско ПСп. XVII-год., 206), ѹтрину (Ахачел. МСб. XI, 72), мѣст. название на планина Голубник (нѣйдѣ между Сѣботско и Мориховско). — Примѣри отъ замѣна на ж съ ѹ въ бълг. говори обнародваха Цоневъ и Теодоровъ (гл. П. А. Лавровъ, Обзоръ звук. и форм. особ. болг. яз. 22; Облакъ, пос. м. 536). Материялтѣ, обнародвани въ Мин. Сборн. по отдѣлни говори отъ Д. Мирчевъ (по кукушководенск. — кн. XVIII и по прилѣпския — кн. XX), Хр. П. Стоиловъ (по Горно-Джум. — кн. XX), Е. Спространовъ (по охридския — кн. XVIII), П. Габьовъ (по видинския — кн. XIX) и диалектичнитѣ студии на Милетича, Цоневъ и Теодоровъ разшириха много тѣхния кръгъ. Ала другитѣ български говори, най-вече источнитѣ и централнитѣ, чакатъ още описанието си. Не сѹ използувани за цѣльта и обнародванитѣ до сега словарни материяли. Кога стане всичко това, рѣчникътъ на българската замѣна на ж съ ѹ, нѣма съмнѣние, ще нарастне дотолкова, че не ще може вече да се занемаря, дори и ако се не смѣтатъ думи, чиято етимология не е ясна: напр., Кѣниѹ — Кѣниѹ — Кѹниѹ (Ст. Заг.-ско), Кѣне — Кѣнчо — Кѹнчо и Кѣна ж. — Кѹна (МСб. XV, 196) и Гѣрде — Грѹде (В. Търновско, Сб. на Книж. Друж. I, стр. 24), ако сѹ отъ едни корени; урбалець (устоболъ — Stomatitis) и урбаличе (*Glechoma hederacea*, Дрѣ Ватевъ, МСб. XXI, 11), усувиче (Явашевъ ib. 27) и др. — II по отношение къмъ живитѣ говори занимаващото ни явление, като се взематъ за изходище само западнобългарскитѣ, се обяснява съ влияние на сръбск. ез. или съ туй, че послѣднитѣ говори се броятъ за прѣходни между бълг. и сръбск. ез. Ала туй обяснение не се крѣпи прѣдъ факта, че същото явление се срѣща и въ источнитѣ и централнитѣ бълг. говори. Посочванитѣ ми по-горѣ при-

мѣря, нарочно черпени комахай все изъ тѣзи послѣднитѣ говори¹⁾, доказватъ това нагледно. А най-поучителното е, че явлението сѣществува и то съ свое диялектично развитие и въ помашкитѣ говори, дѣто не може да бѣде дума за чуждо етнично или какво и да било друго влияние. Сетиѣ, повечето отъ примѣритѣ ни, като измудрямъ, прищупулка, уамъ, лугувачка, луженица, утка, укусъ, друсамъ, трусамъ, феруглица и пр., тѣкмо не нами́рваме въ сръбск. езикъ (поне у Караджича ги нѣма). Видинскиятъ говоръ, който, като старозагорск., прѣдставя въ отдѣлни думи двойки форми (крѹгло—крѣгло, лубъ (на сито) = лѹба—лѹпа и лѹба—лѹпа (Габьовъ, пос. м. 5), дава негли пѹ-малко примѣри за ѡ = ѹ, отколкото старозагорскиятъ. Па и какъ ще се обясни туй вѣднообразно движение на сръбското влияние, дѣто въ Босилевградско, Царибродско и пр., досущъ така както въ Пиротъ, Вѣла-Паланка, Княжеваць и пр., стрб. Ж има изговоръ ѹ, а въ Видинско, Ломско, Софийско и др. в.м. Ж се чува ѡ (както въ повечето изт.-бѣлг. говори) и въ Вратчанско, Самоковско и др. = А (както въ Златишкия, Пирдонския и др. чисто-бѣлг. говори). Проф. Цоневъ сматра изговора ѹ за Ж свойственъ на крайнитѣ сѣверозападни бѣлг. говори и го брои за изговоръ явно чуждъ за бѣлг. езикъ (МСб. XIX, 57), ала, за жалость, не се изказва по-опредѣлено върху това.

Итака, бѣлг. замѣна на Ж съ ѹ се забѣлѣзва още въ стрб. книжовни паметници, уси́лва се въ срѣдноб. (гл. и Лавровъ, пос. м. 22), па и днесъ обхваща не само голѣмъ площадъ отъ бѣлг. езиковна областъ, както посочи Облакъ (ib. 533—34), а може се ре — спорадично — цѣлия ѡ просторъ. Едно такъво явление, що напомня за себе прѣзъ цѣлото историческо развитие на езика и живѣе и днесъ въ говоритѣ му, не се обяснява въ своята цѣлокупность така, както се е обяснявало донинѣ. То изисква пѹ-дълбоко проучване и всестранно освѣтление. Ето защо, докѣдъ не се събератъ и исторически освѣтлятъ всички данни изъ живитѣ бѣлг. говори, докѣдъ не станатъ, както прѣдложи и Облакъ, специални издирвания и обнародвания на текстове, най-вече за XVI.—XVIII. вв., когато явлението се уси́лва, та да се види, що може да се отдаде на чуждо литературно влияние или етнично взаимодействие и що си остава народно, въпросътъ за замѣната на Ж съ ѹ трѣба на най-малка страна да се счита отворенъ. Впрочемъ и това, що е обнародвано досега, не опровергава още миѣннието на Калина, да тълкува явлението като домашно, нито Дриновото становище, да изкарва ѹ отъ

1) По класификацията на проф. Цоневъ (МСб. XIX, 60), горно-джум., кукушко-воденския и прилѣнск. говори принадлежатъ къмъ централнитѣ.

неударено *о*. И сега дори могат се набѣлѣза нѣкои посоки въ развитието на замѣната:

1) Примѣри, като сукръвница, сумракъ, си идатъ съ своето *у* още отъ общосл. ез.

2) Унгаринъ (Жгринъ), отдѣто и ѳнгарче (стара унг. среб. монета 5 кр. — Ст. Загора), унгарци, намира за себе подкрѣпа въ гр. *οὐγγαροι, οὐγγροι*, лат. *ungari, hungari*. Срѣщу названието на р. Тунца имаме отъ една страна старото название *Tonsus*, а отъ друга — Тѧжа — име на единъ Тунжинъ притокъ — навѣрно пакъ отъ същото старо име *Tonsus*, само въ друго 'звучово развитие (Цоневъ, МСб. XX, 81), а негли и турско изговаряне на думата, въ което се сачувалъ назалниятъ остатѣкъ. Така сѧщо кондол (име на равнище на С. З. отъ с. Лѧжане, Чепино) иде, споредъ Цоневъ (пос. м.), сигурно отъ стрб. *ѧдолъ* (въ »Пчел.« *ѧдолъ* 101^о), изговоряно *ѧдолъ* = *нѧдол* и отпослѣ приведено въ връзка съ *юнъ* — младъ, отдѣто — *нѧндол*. Споредъ същия изслѣдвачъ, ако бихме искали да си обяснимъ тоя изговоръ като фонетично произлѣзълъ отъ *ѧдолъ*, бихме имали същия примѣръ, както съ Тѧнца. Последното ми се вижда пб-приемливо.

3) На църковно влияние се дължатъ сигурно примѣритѣ, като: мѳченици (Г. Джумая), св. великомученикъ Гѳорги, обручение и др. Види се, и писецѣтъ на »Пчела« не ще да е схващалъ вече добрѣ смисъла на *обручѣти—обручѣница*, та, по народно осмисляване, пише и *обручѣница* (= обречена). Ала църковното влияние, що се е отразило съ тѧй мощна струя въ книжовния езикъ, не с пуснало дълбокъ коренъ въ живитѣ говори. Рѣдкитѣ примѣри, що ни дава то въ последнитѣ, пѣматъ органично развитие и лесно се отличаватъ по своята прикованостъ къмъ формата и случая на употребата си. Така, напр., въ прилѣпск. говоръ (Мирчевъ, МСб. XX, 7) д. *мѧка* = мѳка само въ израза за клетва »вечна ти мука«, »во вечна_мука«, защото въ всички други случаи тя гласи *мака*.

4) Изслѣданията на Милетича ни даватъ дилектично развитие на замѣната *ж* съ *у* въ помашкитѣ говори въ Чепинско. Така, въ костандовския говоръ (сПсп. XVII-годишн., 206—8), ударено *ж* = *о* (широко *о* между *о* и *а*) и неудар. *ж* = *у*: зѳп (*зѧбъ*) — зѳбѳт, дѳп (*дѧбъ*) — дѳбѳт, мѳш (*мѧжъ*) — мѳжѳт; рѧка — рѧчѧца — мн. рѧцѣ, мѧйку (вм. мѧйко = маика, косв. п.). Тако сѧщо и въ глаголитѣ форми сег. врѣме 3. л. мн. ч. окончанието *о*, щомъ е безъ ударение, гласи *у*: плетѳт (стрб. -*жтъ*), мрѳт, ала ѳмрут, нѳсѳт.

Всичко изложено дотукъ дава, мисля, основание да се погледне на бѣлг. замѣна на Ж съ У като на явление самородно въ основата си и да се подири развитието и обяснението му въ даннитѣ на самия езикъ. На пб-нататъшнитѣ специални изслѣдвания въ тая посока остава да кажатъ думата си. Нѣма ли тѣ да ни доведатъ да допуснемъ въ стрб. Ж и гласежъ у^н (и) поне като промеждень? За това подсѣцатъ случантѣ въ гр. текстове, дѣто се прѣдава стрб. ж: *σοῦνδαριον* = **сждарь** (Собол., ib. 36), *σοῦνδιασχοῦ*, *σοῦνδέασχοῦ* = ***сжтѣска** (Вондр., ib. 114); обстоятелството, че и въ полск. ез. стрб. **ДЖЕЪ** нѣкога гласѣло *do^{mb}*, *da^{mb}*, *du^{mb}*, *de^{mb}* (Соб., ib. 91); примѣритѣ пб-горѣ съ юндоѡ и Тунца, па и рефлексътъ У (отъ коренн. Ж) въ бѣлг. говори. Отъ изучването на горѣ привиденитѣ дублети изъ стрб. текстове проф. Вондракъ (ib. 127) догажда до заключение, че Ж (а) е пб-старо и У (и) — пб-младо. Споредъ него, въ извѣстни думи вече твърдѣ рано се е показалъ отпадъкътъ на назализма, който (отпадъкъ) тогава настаналъ токо-речи въ всички слав. езици, и то за Ж пай-напрѣдъ въ срички, що съ съдържали още едно М или Н (случайно насловнието на пай-близката сричка). Тоя процесъ, види се, се е изразявалъ така, че Ж (а) се е доближилъ пай-напрѣдъ до едно У^н (и), отдѣто послѣ, слѣдъ изчезването на назализма, произлѣзло У (и).

Цариградъ 1907.

Н. А. Начовъ.

Словѣнското племе *Βαιουνηται*.

Словѣнското племе »бауните« се отнася къмъ онѣзи словѣни, които прѣзъ VII вѣкъ вече сѣ били установени въ центъра на Балканския полуостровъ на постоянно мѣстожителство. Тѣзи словѣни заедно сѣ прѣдприемали редъ обсаждания на градъ Солунъ; описателятъ на тѣзи обсади ни съобщава твърдѣ интересни свѣдѣния за тѣхното културно състояние. Така на примѣръ въ житието на Св. Димитри се говори, че тѣзи словѣни отдавна сѣ водили оседналъ животъ, че отъ прѣди дълго врѣме се било завършило заселяването имъ. Тѣзи съсъди и врагове на гр. Солунъ сѣ знаели всичкитѣ тайни отъ изкуството на засѣдналия животъ. Жизнеописателятъ на Св. Димитри разказва още, че тѣ знаели да строятъ еднодрѣвни ладии, съ които плавали надалечъ въ открито море. Освѣнъ това тѣ сѣ били доста добръ запознати съ римското военно изкуство, умѣли сѣ да строятъ огромни обсадни машини и пр.; при туй сѣ се занимавали и съ земледѣлие и скотовѣдство и съ произведенията си вършели търговия съ гр. Солунъ. Въ житието сѣщо се говори и за мирни договори между властитѣ на гр. Солунъ и князетѣ на околнитѣ словѣнски племена, както и за дохождането и прѣбиваннето на князетѣ въ града, било по дѣла чисто политически или отъ частенъ характеръ. Ето текстуално пасажътъ отъ туй житие, дѣто се споменува и името на словѣнското племе *Βαιουνηται*, което е прѣдметъ на нашитѣ излѣдвания: *Ἐγένετο τοίνυν, ὡς εἴρηται, ἐπὶ τῆς τοῦ ἐν δσίᾳ τῆ μνήμῃ ἐπισκοπῆς Ἰωάννου, τὸ τῶν Σκλαβίνων ἐπαρθῆναι ἔθνος, πλῆθος ἄπειρον συναχθὲν ἀπὸ τε τῶν Δρογοβιτῶν, Σαγουνδατῶν, Βελεγεζιτῶν, Βαιουνητῶν, Βερζητῶν καὶ λοιπῶν ἔθνῶν, πρώτως ἐφευρόντων ἐξ ἑνὸς ξύλου γλυπτὰς νῆας κατασκευάσαι, κατὰ θάλασσαν ὀπλισμένους, καὶ πᾶσαν τὴν Θετταλίαν καὶ τὰς περὶ αὐτὴν νήσους καὶ τῆς Ἑλλάδος, ἔτι μὴν καὶ τὰς Κυκλάδας νήσους καὶ τὴν Ἀχαΐαν πᾶσαν, τὴν τε ἡπειρον καὶ τὸ πλεῖστον τοῦ Ἰλλυρικοῦ, καὶ μέρος τῆς Ἀσίας*

ἐκπορθῆσαι καὶ διοικήτους πλείστας πόλεις καὶ ἐπαρχίας ποιῆσαι, βουλεύσασθαι τε δημοθυμαδὸν καὶ κατὰ τῆς εἰρημένης ἡμῶν φιλοχρίστου ταύτης πόλεως παρατάξασθαι, καὶ ταύτην ὡς τὰς λοιπὰς ἐκπορθῆσαι· εἶτα δὲ καὶ ἐπὶ τούτοις δημογνώμονες γενόμενοι, ὥσπερ κατεσκευάσαν ἐκ μονοδένδρων γλυπτὰς νῆας ἀπείρους τὸν ἀριθμὸν ὑπαρχούσας, κατὰ τὸ πρὸς θάλασσαν κατεστρατοπέδευσαν μέρος· τὸ δὲ λοιπὸν ἀναριθμητον πλῆθος διὰ τε ἀνατολῆς, ἄρκτου καὶ δύσεως, δι' ὄλων τῶν μερῶν τὴν θεοφρούρητον ταύτην περιστοιχίσαι πόλιν, μεθ' ἑαυτῶν ἐπιξύνας ἔχοντες τὰς ἑαυτῶν γενεᾶς μετὰ καὶ τῆς αὐτῶν ἀποσκευῆς, ὀφείλοντας ἐν τῇ πόλει μετὰ τὴν ἕλωσιν τούτους ἐγκαταστήσαι.

(A. Tougard, De l'Histoire profane dans les actes grecs des Bollandistes. Paris 1874. p. 118). Въ това извѣстие се илюстрира заселяването на словѣнитѣ въ Балканския полуостровъ. Тукъ сѣ наименовани названията на племената, а също се намира и най-старото и единичко извѣстие за племето *Βαιουνηται*. То, ако и да се срѣща въ житието на Св. Димитри, което носи профаненъ характеръ, все пакъ заслужва внимание и може да получи историческо значение, защото названията на нѣкои отъ останалитѣ словѣнски племена сѣ потвърдени и отъ други исторически паметници, въ чиято автентичностъ не може да се породни никакво съмнѣние. На примѣръ за словѣнскитѣ племена друговити и сагудати ни разправя и Иоанъ Камениатъ още прѣзъ 904 г., че сѣ живѣли въ солунското поле къмто града Веръ (*Joannes Cameniata, de execidio Thessalonicensi ed. Bon. p. 496*). Наполсѣдъкъ обърпахъ по-сериозно внимание на извѣстията въ житието и западноевропейскитѣ изслѣдователи. Н. Gelzer, *Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung*. Слѣдъ издаването на житието отъ Боландиститѣ прѣзъ 1780 год. II. Шафарикъ е пръвъ отъ ученитѣ, който си послужи съ него при изслѣдванята си. Така въ съчинението: *Über die Abkunft der Slawen* 1828 той говори за пръвъ патъ и за племето *Vajunitae*. Подиръ него споменува го *Tafel* въ съчинението си: *De Thessalonica eiusque argo* 1839 г. въ прѣдговора на страница 79 и го чете *Vajunitae*. Шафарикъ малко по-късно въ *Словѣнски Старожитности* нарича туй племе пакъ *Vajunitae* (Вайонити). *Βαιουνηται* т. е. военити или войничи, той казва, се споменуватъ единствено отъ жизнеописателя на Св. Димитрия 669—675 г. сѣ и били по моето миѣние най-вѣроятни обитатели на областта и града, които се наричали отъ византийскитѣ писатели Вайна (*Waina, Βαῖνά*), Вайми (*Waimi, Βαῖμί*) у Кантакузена (1334 г.), близо до града Радовишта въ Македония. Въ Русия се споменува община войничи подъ Волоко въ 1398 г. 1523* (Руско издание кн. III. стр. 370); а въ кн. V на стр. 215, Шафарикъ пакъ пише: *Вайонити (Βαιουνηται*

Vajunitae) на вѣрно войнички или воинички, вѣйка отъ македонскитѣ словѣни около 669—675 г. въ околността на едноименния градъ въ горна Македония, близо до Радовишта«. Подиръ Шафарика за нашето племе намираме споменъ у Филарета, Архиепископъ Черниговски, въ статията: »Святой Великомученикъ Димитрій и Солунскіе Славяне« въ »Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ« 1848 г. кн. VI. Архиепископъ Филаретъ, безъ да спомене за възгледа на Шафарика, пише: »Веунити (*Vaiouνῆται*) едвали не сѣ запазили старото име на всичкитѣ словѣни — венети; тѣ въ врѣме на третата война съ Солунъ сѣ живѣли, вѣроятно, на границата между Епиръ и Тесалия«. Почти оуквално сѣщото намираме и въ извлѣченіята на П. Р. Славейковъ, издадени подъ надсловъ: »Святій Димитрій Солунскій и македонскитѣ славене съ българитѣ 1868 г.« Венетитѣ (*Vaiouνῆται οἱ Βέητοι*) току рѣчи тѣ ся задръжали старото име на всички славяны. Въ третата Солунска война, Венетитѣ (Българитѣ) живѣли между Епиръ и Тесалия (стр. 67)«. П. Р. Славейковъ извлѣкълъ това отъ сръбския прѣводъ на П. Сречковича, който помѣстилъ статията на Филарета въ »Гласни Сръбског ученог Друштва« кн. 18, 1865 г. Отъ цитираното се види ясно, че Архиепископъ Филаретъ нарича племето веунити и го отождествява съ венети, като същеврѣменно поставя неговото мѣстожителство между Епиръ и Тесалия. Филаретъ, за да оправдае послѣдното, казва: »Нъ тѣй като солунскія историкъ посочва, че верзититѣ живѣли до белезититѣ, както драговититѣ до сагутатитѣ, стримонцитѣ къмъ рунхинитѣ, слѣдователно и берзититѣ сѣ живѣли тамъ, гдѣто и белезититѣ т. е. въ Тесалия«. Между туй М. Дриновъ въ съчинението си: »Заселеніе Балканскаго Полуострова Славянами« на стр. 162 нарича нашето племе веунити, а на 172 ваюнити (*Vaiouνῆται*): »Они упоминаются, какъ било уже замѣчено, въ числѣ славянь, осаждавшихъ въ 676 г. Солунъ. Въ договорѣ Генриха Дондола съ крестоносцами отъ 1204 г. упомянута и область Вагенетія (*Vagenetia Vagenetia*) между Яниной и Главиницей. Анна Комнина, повѣствуя о войнѣ Роберта Гюискара съ Византійцами 1081—1085), разказивае, что сынъ Роберта, Воемундъ, пройдя черезъ Вагенетию (*διὰ τῆς Βαγενετίας*), завоевалъ Янину 1082 г. Но самыя ясныя данныя для определения землеписнаго положенія этой области, прѣдлагае грамота Деспота Епирскаго, Симеона Палеолога, брата Стефана Душана (отъ 1361 г.). Въ ней исчисляются мѣстечка и села, лежавшія въ области Вагенетій (*ἐν τῇ Θέματι τῆς Βαγενετίας*) въз коихъ видно, что край Ваюнитовъ лежалъ въ прибрежій южнаго Епира къ сѣверу отъ залива Арти«. Отъ изложеното дотукъ се види, че М. Дриновъ напусналъ

Шафариковия възгледъ и приелъ она на Филарета за мѣстожителството на *Vagenetia*, усвоилъ двойното четение, нѣ прибавилъ още идентитета на *Vagenetia* съ отечеството на вауните и опрѣдѣлилъ мѣстожителството имъ въ Епиръ на сѣверъ отъ артенския заливъ. Подиръ Дринова писа г. Иречекъ въ »Историята на Българитѣ« за прѣдметното племе (виж. стр. 152, българ. издание). Той усвоява почти Дриновия възгледъ за отечеството на *Vagenetia*, нѣ приелъ и тождеството съ войничъ, както Шафарикъ, и прибавилъ, че населението на *Vagenetia* се наричало *Homines Vagenetis* въ срѣднитѣ вѣкове. Така че г. Иречекъ, може да се каже, отождествява *Homines Vagenetis* съ войничъ. Слѣдъ него писа и Проф. Д-ръ Крекъ въ съчинението си *Einleitung in die slavische Literaturgeschichte 1887* (второ издание) за нашето племе, както слѣдва: »In Epirus saßen die *Vagenetia* im Küstenstriche des südlichen Epirus nördlich der Bucht von Arta« съ забѣлжка, че названието на племето е тъмно (*dunkel*), а за тождеството съ войничъ казва *unmöglich Vojniči*. Значи и той се съгласилъ съ г. Иречека за мѣстожителството на *Vagenetia*, като ги отождествилъ съ *Homines Vageneti*. Сърбинътъ пѣкъ П. Срећковић въ »История Српскога Народа«, I. кн., стр. 66, пише буквално тѣй: »Бауните т. ј. Војѣ. Војѣ су населили Бојку или Бојемѣју на левој страни Вардара, а главни град овога племена био је Радовић. У њему је Душан закључио мир с Андроником млађим. И они су нападали на Солун са осталим нашим племенима«. Въ забѣлжка той навежда миѣнието на Шафарика, което ние по-горѣ цитирахме и прибавя още: »Према овоме не може бити ово име превађано са Војничъ, него са Војѣ т. ј. Војѣки, а земља Бојемѣја«. Подиръ Срећковића по дата писа по нашия въпросъ Ст. Новаковић въ съчинението си: »Први основи словенске книжевности међу балканским словенима« 1892 г. На стр. 72 пише: »Не знамо управо како да воспостављамо изговор словенски (на *Vagenetia*). М. Дриновъ узимље да их треба изговарати Вајините, а други-Војнићи. Вагенетѣ се спомиње при нападање словенском на Солун 676 (?)«. Новаковичъ се съмнѣва за произношението, но е наклоненъ да приеме тождеството на *Vagenetia* съ *Vagenetia*. Той даже измислилъ и отъ себе си, че *Vagenetia* се споменувала при нападанията на Солунъ отъ словѣнскитѣ племена, което не е вѣрно!

Отъ наведенитѣ дотукъ разни миѣния на изслѣдователитѣ относително тождеството на мѣстожителството на прѣдметното племе се види ясно, че въпросътъ е съвсѣмъ заплетенъ. Докато Шафарикъ чете ваунити и ги отождествява съ войничъ и поставя тѣхното мѣстожителство въ Македония, Филаретъ чете веунити, идентифицира ги съ

венети и търси тѣхното мѣстожителство между Епиръ и Тесалия. Дриновъ пѣкъ отождествилъ съ *Vagenetia* мѣстожителството на *Βαιουνηται*. Иречекъ съ помощта на свидѣнията на Хопфа отождествилъ ги съ *Nomines Vegeneti*, нъ приелъ и Шафариковото тождество войничъ. Сречковичъ ги отождествилъ съ боини и ги търси при Радовичъ, и то независимо отъ Шафарика, ако и да забѣлзва, че Войница се намирала налѣво отъ Вардаръ (!), когато тази мѣстность въ дѣйствителность се намира въ сѣверната часть отъ солунско поле въ Гевгелийско.

Както се вижда, въпросътъ за тождеството на нашето племе и оня на неговото мѣстожителство вървятъ нераздѣлно; затова и при нашия критически анализъ не ще можемъ да ги раздѣлимъ. И тѣй думата *Βαιουνηται* или *Βαιουνῖται* е име съществително, записано отъ грѣкъ, жизнеописателъ на Св. Димитрия. Тази дума означава названието на едно словѣнско племе, тѣй като авторътъ отначало казва, че срѣщу Солунъ се е опълчилъ словѣнскиятъ народъ и подирѣ изброява самитѣ племена. Такива съществителни имена въ грѣцки езикъ сѫ извѣстни подъ название *Ἐθνικά οὐσιαστικά* т. е. етнически или народни съществителни и означаватъ народа или отечеството, отдѣто произхожда той. Въ грѣцки езикъ подобни родни съществителни или *ἔθνικα* се образуватъ, като се прибавятъ къмъ основата разни суфикси, между които сѫ и слѣднитѣ: *ατης* — *ητης* — *ιτης* и *ωτης*. Примѣри могатъ да се наведатъ много: *πολίτης*, *Αἰγυινήτης*, *Σταυρηῆτης*, *Ζαγορήτης*. И въ дадения случай думата *Βαιουνητης*, понеже е съществителна, която означава родината на словѣнското племе, т. е. отдѣто произлизало племето, то и въ тази дума частицата *ητης* или *ιτης* — може и трѣбва да се смѣта, като суфиксъ, прибавенъ отъ византийския писателъ, за да значи отечеството или родината и на това племе, което взело участие при третата обсада на градъ Солунъ, заедно съ другитѣ друговити, сагудати, велегезити, верзити. По аналогия съ горнитѣ примѣри можемъ да приемемъ, че и тукъ суфиксътъ *ητης* е прибавенъ къмъ *Βαῖουου*, който трѣбва да се смѣта за словѣнско название на това племе или на страната, отдѣто произхождало племето. Аналогически старословѣнски названия имаме: **Бѣкоуѣнъ** (**иеретникъ нарицаюшихъ се бѣкоуѣнъ**), **Бѣгоуѣнъ**, **Пероуѣнъ** или **Перкоуѣнъ**, **Пѣстоуѣнъ** и пр. Следъ като знаемъ словѣнското название, имаме вече възможность да оперираме по-нататѣкъ. Първата съгласна отъ собственото име е В. Византийскитѣ писатели я употрѣбаватъ и за Б. и за В. Шафарикъ я чете като В, защото му трѣбвало В, за да го идентифицира съ войничъ; Филаретъ тоже я чете В, понеже той искалъ да сближи основата съ Венети. Също направилъ и Дриновъ, тѣй като той я отождествилъ

съ Вагенетия. Тафелъ я чете като Б, по общо правило; Срећковић — също Б, той я отождестви съ Бойки. Нъ за звукътъ Б византийцитѣ съ употрѣбяха и *ou* прѣдъ гласна. Напримѣръ у Птолемея *Οὐένετοι* = *Βένετοι*; *Γηουῖνοι* = *Gevini*, *Οὐάνδαλοι* = *Vandali*, *Οὐένδικος* = *Vendico* и пр. Остава ни да прослѣдимъ идѣщия звукъ, който е означенъ съ *ai*. Шафар. прѣдлага да се чете ай или ай; също и Тафелъ. Обаче Филаретъ го счита за дифтонгъ, и го чете като Е, както съ го произнасяли византийцитѣ прѣзъ това врѣме. Константин. патриархъ Никонъ, по произхождение словѣннитъ, билъ присмиваиъ въ Цариградъ, че чель тоя дифтонгъ като ай, което означава, че въ VIII вѣкъ не се чело вече като *ai*, а като *e*. Вѣрно е обаче въ този случай четенето на Шафарика и Тафеля, тъй като гърцитѣ не употрѣбяха двойна гласна за чужди думи, а тя се употрѣбяха изключително за чисто гръцки думи. Въ такъвъ случай трѣбва да се изхвърли начина на четенето споредъ Филарета, което единъ пътъ е употрѣбено и отъ Дринова. Тогавъ първиятъ слогъ отъ основата остава да се чете или като Ба или като Ва. Остатакътъ е *iouv*. Нъ ако и да имаме Ванунъ и Банунъ Шафарикъ и Пречекъ измѣниха основата и отождествиха го съ воиничи или войничи. Туѣ е, разбира се, съвършено произволно и неправилно, когато се отдалечаваме отъ самата основа. При туѣ нека заблѣжимъ, че византийскитѣ писатели тогавъ съ употрѣбяха *βοη* или *βοῖ*. Писвали съ напримѣръ *βοῖνός*, *βοηλάς*, *βοιλάδες*, *βόικι* (*εἰς τὸν παρ' αὐτοῖς Βόικι τόπον ἐπονομαζόμενον*), *Βαϊανός*. *Χοροβοή* (*Thema Patzinaciae*) и пр. Види се проф. Крекъ е отказалъ тождеството на *Βαιουνηται* съ войничи, като е ималъ прѣдъ видъ подобни примѣри; нъ той не навежда никакви доводи, а само казва *unmöglich*, т. е. невъзможно е тождеството. Що се отнася до идентитета на *Βαιουνηται* съ *Βόικι* = Бойки, сѣрбско племе, както прави Срећковић, то по сѣшитѣ горѣнаведени правила си остава невъзможно. При туѣ Константинъ Багрянородни писалъ го *βόικι* и ако бѣше същото произношение на *Βαιουνηται*, то подобно т. е. *βόικι* би го написалъ и жизнеописателятъ на житието или самъ Константинъ Багрянородни. Цѣльта въ този случай на Срећковића е била да докаже еродството на сѣрбскитѣ племена съ македонскитѣ, въ противоположность на Шафарика, който причисли всичкитѣ македонски словѣнски племена къмъ българскитѣ, както правятъ напоследъкъ и други.

Да разгледаме сега тождеството на *Βαιουνηται* съ *Ἐνέτ(οι)*, или *Οὐένετ(οι)*, или *Βενέτ(οι)*, понеже и тукъ, както виждаме, се промѣнява основата, а същеврѣменно не прѣдставлявало никакво затруднение да напише и жизнеописателя на Св. Димитрия вмѣсто *Βαιουνηται*, *Βενέτ*, то

и туй не почива на нѣкакво научно сближение. Нѣ най-важенъ остава идентитетътъ на *Baγevét(ia)* съ *Vaiouu*, който прокара М. Дриновъ и се прие почти отъ всички, които имаха случай да пишатъ по сѣщия въпросъ. Нѣ като имаме прѣдъ видъ, че и въ този случай се накрѣпватъ звуковетъ отъ самия коренъ, то мѣчно ще можемъ да се съгласимъ съ тождеството на *Beyevét* съ *Vaiouu*, което ни прѣдложи М. Дриновъ. Нѣкакви правила, за да се сближатъ гласнитѣ или съгласнитѣ отъ единия коренъ съ другия, не ми сѣ познати.

Слѣдъ като дойдохме до заключение, че е невъзможно да се приеме кое и да било тождество отъ тѣзи, които сѣ ни прѣдлагали ученитѣ за нашето племе, не ни остава друго, освѣнъ да отхвърлимъ туй и да се усѣмнимъ и за мѣстожителството, което, както наведохме, се поставяше въ Епиръ, при артенския заливъ. Първоизточникътъ, за да се търси мѣстожителството му въ Епиръ и Тесалия, е Архиеп. Филаретъ. Той разсѣждава тѣй: понеже племето берзити се поставя отъ жизнеописателя до велегезити, както драговити до сагудати, то и берзити сѣ живѣли до белегезити т. е. въ Тесалия. И понеже баунити се споменуватъ до берзити, то и тѣ сѣ живѣли до бързити. Обаче отъ извѣстнето въ житието не може да се заключи, че племената сѣ наредени по редъ съ далечината на тѣхното мѣстожителство. При туй не трѣбва да се забравя, че берзити се отождествяватъ правилно съ бързяци, които живѣятъ и сега въ Битолско. Като вземемъ въ съображение обстоятелството, че племето бързяци, което стои най-накрая между изброенитѣ словѣнски племена отъ жизнеописателя, е живѣло къмъ западъ отъ драговити и сагудати, на три до четири дена разстояние отъ тѣхъ и като незабравяме, че далечното разстояние, дори отъ артенския заливъ, би прѣдставлявало голѣми затруднения на една словѣнско племе да се опълчи и движи срѣщу Солунъ заедно съ близко до града поселени племена, опитахме се да подиримъ слѣди отъ словѣнски племена, които сѣ живѣли или сѣ се намирали по близко до Солунъ и които да съдържатъ въ основата си корена *Vaiouu*. И дѣйствително въ по-къснитѣ словѣнски паметници се срѣща споменъ за Бабуна, като рѣка и като планина и като мѣстность, която носи и до днесъ това си старо название; напримѣръ четемъ: >оу Богомили въ **Бакунѣ** (Гласник Друштва сръбске словесности XIII кн. стр. 371). Богомила е сега село, което се намира по горното течение на р. Бабуна въ богомилската долинка. Въ срѣднитѣ вѣкове богомилитѣ се наричали още и бабуни.

(>Еретики назоваляхъ още бабунами по горному хребету и по р. Бабунамъ изъ которыхъ тянется въ направлѣнии отъ сѣвера къ югу, на востокъ отъ городовъ Прилѣпа и Битоля, а вторая выходитъ изъ

сейчасъ названнаго хребета течетъ по направлениі на сѣверовостокъ и впадаетъ справа въ Вардаръ немного ниже Велеса (Крат. очер. Ист. Прав. Церкв. стр. 156; Горски и Невоструевъ, описаніе No. 391 л. 333 об., III 1 стр.; Калайдовичъ, въ Иоаннъ Екзархъ стр. 210. Лѣтописи занятій Археолог. комисіи выпускъ 1 стр. 38).

Значи планинската верига, и рѣката, които сѣ носили название Бабуна, били сѣ извѣстни още отъ срѣднитѣ вѣкове съ това име. Често пати словѣнскитѣ поселения сѣ се наричали по мѣстото, гдѣто сѣ живѣли. По аналогия съ мокрани, загоряни, струмци, ринхини, отъ Мокра, Загора, Струма, Ринхина, имаме въ дадения случай и бабуни отъ Бабуна рѣка и планина, а също и мѣстность. Като вземемъ въ съображение фактътъ, че въ срѣднитѣ вѣкове именно прѣзъ XIII и XIV в. се намирали люде, които се наричали бабуни и които сѣ живѣли недалечъ отъ гр. Солунъ, значи словѣнско племе; като имаме прѣдъ видъ още, че и племето дроговити се наричало еретици: напримѣръ, Димитри Хоматенъ въ писмата си споменува и > *Δρογούβιτινῆ ἑξουσία* < т. е. богомили, то неволно се питаеме, какъ щѣха да напишатъ названието на бабунитѣ византийскитѣ писатели било прѣзъ VII и VIII вѣкъ или даже въ XIII вѣкъ. Въ този случай трѣбва да прибѣгнемъ къмъ начина на писването на византийскитѣ писатели прѣзъ VII и VIII вѣкове. И дѣйствително, ако си послужимъ съ палеографията на същото врѣме, ще видимъ, че получаваме поразително сходство при написването на племето бабуни, както и на племето *Βαίουβιται*. Графиката е тази *каюуу* и *каюуу*. Както се види тукъ, не се забѣлѣзва особена разлика въ начина на писването основата на едното племе и другото. Виждаме само една липса (или отсъствие) на една *ι* до *ου*, за да се чете бабуни. А туй ни дава право да приемемъ, че прѣписвача на ръкописътъ или самия първоначаленъ авторъ, е пропусналъ единъ *ι*, вслѣдствие на което се появило неясното четене на текста и понататъшното невъзможно сближаваніе до самото правилно четене на названието на словѣнското племе бабуни, за съществуването на което, както казахме по-горѣ, споменуватъ сегизъ тогизъ южпословѣнскитѣ наметници. Че има нѣкаква погрѣшка въ написването на *Βαίουβιται* се вижда отъ натрупуването на редъ гласни, които правятъ трудно произношеніето на названието на племето. Въ този случай ние не можемъ да не съжалимъ, дѣто византийскитѣ писатели сѣ написали само единъ пать името на туй племе, та съ туй не сѣ ни дали възможность да направимъ сравненіе съ друго ръкописно написаніе на същото име. Че при прѣписването на чужди названия въ кодекситѣ ставали разни испуска-

ния и замѣнявания на звукове, не подлежи на никакво съмнѣние. При туй не трѣбва да прѣнебрѣгваме и обстоятелството, че, при обсадата на града Солунъ отъ словѣнитѣ, на първо мѣсто очаквало се съгласието на най-близкитѣ племена да взематъ участие, а по-послѣ оставало да се привличатъ къмъ обсадата племената, които се намирали на по-далечно разстояние, дори къмъ артенския заливъ. Нъ както и да е, ако нашия възгледъ може би не е съвсѣмъ убѣдителенъ въ това, че племето *Βαιοννῆται* е същото бабунитѣ, които живѣли и живѣятъ въ центъра на Балканския полуостровъ, три дена далечъ отъ Солунъ, смѣло можемъ да кажемъ, че тождествата, които съ ни прѣдставили ученитѣ, съ невъзможни, слѣдователно и неприемливи.

София.

Г. Баласчевъ.

Über Wesen und Bedeutung der volksetymologischen Attribute christlicher Heiliger.

Eines der geläufigsten Beispiele der Anwendung der Volksetymologie auf christliche Heilige stellt bekanntlich St. Valentin dar. Schon Martin Luther hat in einer seiner Erstlingsschriften, den »Decem praecepta Wittenbergensi praedicta populo« diesbezüglich die Überzeugung ausgesprochen, daß die Gepflogenheit des deutschen Volkes, in St. Valentin den Helfer gegen die fallende Krankheit zu verehren, keineswegs in seiner Lebensgeschichte, die nicht den geringsten Anhaltspunkt dafür bietet, sondern lediglich in der volkstümlichen Deutung des Namens dieses Heiligen mittels des Verbums fallen seinen Grund habe. »Quem cum nihil legimus egisse cum hoc morbo, prope iurarem ex allusione germanica in huius auxilii sortem venisse. Nam cadere vullen significat, quod ad Valentinum quam proxime alludit.« Und sieht man näher zu, so wird man zugeben müssen, daß vorstehende Erklärung eine vollkommen begründete ist. Da nämlich Valentin im Munde des deutschen Volkes wie Falentin klingt, so war in der Tat nichts leichter, als diesen Namen in Verbindung mit dem Verbum fallen zu bringen. In dem nämlichen Augenblicke, da dies geschehen war, ward aber auch das betreffende Attribut und gleichzeitig die Instanz fertig, an welche sich die von der fallenden Krankheit oder der Epilepsie Heimgesuchten um Schutz und Hilfe wenden konnten.

Auf analoge Weise, wie der soeben erwähnte, sind aber auch noch zahlreiche andere Heilige in den Ruf gekommen, in dieser oder jener Krankheit, dieser oder jener Lebensnot helfen zu können. So hat beispielsweise schon der rühmlichst bekannte französische Humanist Henricus Stephanus (Henri Estienne) im Kap. XXXVIII seines im Jahre 1566 erschienenen »Traité préparatif à l'Apologie pour Hérodote« nicht weniger als 9 Heilige genannt, die die ihnen im Volksglauben der Franzosen, beziehungsweise in dem der Italiener zugeschriebenen Funktionen ausschließlich der volksetymologischen Deutung

ihrer Namen verdanken. Zieht man dagegen auch die übrigen hierher gehörigen Beispiele, wie es derlei vor allem in den einschlägigen Arbeiten von Andresen, Nyrop, Gaidoz, Afanasjev, Maretić, Savinov, Rylov und Šišmanov, dann aber auch in den verschiedenen folkloristischen Sammlungen und sonstigen mit der Volkskunde oft nur ganz lose zusammenhängenden Publikationen gibt, zu Rate, so wird man jenen 9 und nach Einrechnung auch der beiden von Martin Luther präsentierten Beispiele¹⁾ jenen 11 noch weitere 68 Nummern hinzufügen dürfen, so daß die Gesamtzahl der bis zum Jahre 1907 bekannt gewordenen Heiligen dieser Kategorie sich faktisch auf 79 beläuft. Es sind die folgenden:

Acaire. Hat nach franz. Volksglauben die Aufgabe, widerhaarige Leute (*les acariastres*) zur Raison zu bringen. H. Estienne, *Traité prép. à l'Apologie p. Hérodote*, ed. Ristelhuber II, 311. Vgl. auch *Mélusine, recueil de mythol., littérature pop., traditions etc.* IV, 505.

Aegidius. Wird in den katholischen Ländern, insbesondere aber in Frankreich, als der Helfer in Sturmesnöten verehrt. Schon seine erste Tat, die er, im südlichen Gallien, einer damals noch von zahlreichen griechischen Kolonien besiedelten Landschaft, angelangt, vollführte, bestand der Überlieferung zufolge darin, daß er ein vom Sturme gefährdetes Schiff durch die Macht seines Gebetes errettete. Aber mehr als derlei Wunder, die vielleicht doch nur ätiologische Bedeutung haben, trug zur Einbürgerung jener Funktion zweifellos sein Name bei. Denn Aegidius, griech. *Αιγιδιος*, weist mit Evidenz auf *αίγίς* hin, worunter die Griechen bekanntlich sowohl den metallenen Schild, durch dessen Schütteln Zeus den Sturmwind erzeugte, als auch diesen Sturmwind selbst verstanden. Weiteres Detail bei E. Maass in den Jahresheften des österreich. archäolog. Instituts IX, S. 181.

Agatha. Wird von den Čechen volkstümlich *Háta* genannt und wohl nur mit Rücksicht auf diese letztere Namensform als die Heilige angesehen, die auch gegen den Biß der Schlange (*had*) schützt. Sonst gilt sie ihnen, wie den übrigen christlichen Völkern, als die Schutzpatronin des Herdfeuers. J. J. Hanuš, *Bájeslovní kalendář slovanský* 77.

Agnanus. Die franz. Form dieses Namens ist *Agnan* oder *Aignan*. Durch Verbindung mit *Saint* wurde daraus *Sain-Tagnan* bzw. *Sain-Taignan* und im Volksmunde, wie Estienne o. et l. c. vermutet, *Sain-Tignan*. Da nun *tigne*, *teigne* soviel wie *Grind* bedeutet, so wurde

1) Außer dem hl. Valentin hat er nämlich auch den hl. Vinzenz mit der Motivierung hierher gezogen: *Germanice enim invenire videntur, atque ideo Vincentium servum perditarum rerum et custodem constituerunt.*

der in Rede stehende Heilige von den Franzosen daraufhin zum Helfer gegen dieses letztere Übel avanciert. Ob er es auch heute ist, vermag ich leider auf Grund der verfügbaren Literatur nicht zu sagen.

Andreas. Gilt allgemein als der Heilige, der den Mädchen den künftigen Mann (*τὸν ἄνδρα*) zeigt. Von den Bulgaren, die ihn volkstümlich Jadrej bzw. Adrêaj und Edrej nennen, wird er dagegen in Beziehung zum Thema jadъгъ, edъгъ (= groß, zunehmend, anquillend) gebracht und demgemäß als der Heilige angesehen, der alles mehrt und größer macht. Darauf weist mit aller nur erdenklichen Deutlichkeit der Brauch hin, am St. Andreastage allerlei Sämereien abzukochen und, nachdem sie hierdurch an Umfang gewonnen haben, davon dann eine Anzahl in die rechte Hand zu nehmen und sie einzeln in die linke Hand hinüberschüttend, dazu die Worte zu sprechen: »Да едрѣ житото, да едрѣтъ царевидитѣ, да едрѣ просото, да едрѣ ячемикътъ, овесътъ, гъретницитѣ, кокошкитѣ, говедата« etc. Zu deutsch: »Es nehme zu das Getreide, es nehme zu der Mais, es nehme zu die Hirse, es nehme zu die Gerste, der Hafer, der Hanf, das Geflügel, das Vieh« etc. Weiteres Detail bei Šišmanov, Приносъ къмъ българската народна етимология, abgedruckt im Сборникъ за нар. умотворения etc. IX, 554 ff., und bei Gerov, Рѣчникъ на бълг. языкъ (1895—1904) sub v. Андрей und Едрей. Vgl. übrigens auch Родн. Старина S. 44.

Audoenus. Wird von den Franzosen St. Ouen genannt und auf Grund dieser letzteren Namensform als der Heilige angesehen, der Taube wieder hören (*ouïr*) macht. Kristoffer Nyrop, Ordenes Liv, deutsche Übersetzung von Rob. Vogt (Leipzig 1903), S. 225.

Augustinus. Gilt den Deutschen als Helfer gegen Augenkrankheiten. Hoefler in der Zeitschrift des Vereins f. Volksk. I, 300.

Avertinus. Heilt nach franz. Volksglauben die Querköpfigen (*les avertineaux*) und hilft auch sonst gegen Kopfkrankheiten. H. Estienne o. et l. c. und Mélusine IV, 505.

Barbara. Wird von den Slaven griech. Bekenntnisses Varvara oder, wie z. B. von den Serben, auch schlechtweg Vara, ihr Tag der Varindan genannt. Durch Annäherung an das Verbum *variti* (= kochen) entstand nun bei den Südslaven die Vorstellung, daß die hl. Barbara dem Kochen (*varenije*) vorstehe. Mit dieser Vorstellung dürfte es denn auch zusammenhängen, am St. Barbaratag aus verschiedenen Feldfrüchten einen Brei (*varica*) zu bereiten und mit diesem dann allerlei Divinationen anzustellen. Da jedoch *variti* auch schweißen bedeutet, so gilt Barbara der nämlichen Gruppe von Slaven außerdem als die Heilige, die die Macht besitzt, sowohl Wunden als Hautsprünge

aller Art zusammenschweißen, d. i. soviel als zu schließen. In betreff des Details vgl. Vuk Karadžić, Живот и обичаји нар. срп. 1 ff. und Српски Рјечник sub v. Вариндан; Hanuš, Bájėslov. kalendář slov. 18 und 227 ff.; S. Karavelov, Памятники нар. быта болгаръ I, 357; Fr. Kraus, Volksglaube u. relig. Brauch der Südslaven, 165 ff.; Šišmanov im a. W. 556 ff.; Gerov, Рѣчникъ sub v. Варвара und Варварица¹⁾.

Bartholomaeus. Wird von den Bulgaren *Vъrtołom* genannt und auf Grund dieser letzteren Namensform als der Heilige angesehen, der die Macht besitzt, zu bewirken, daß die Wolken sich nicht drehen und brechen (da se ne vъrtjat i ne łomjat oblacite) und nicht eintrete Hagelschlag (i da ne vali grad). Sehr interessant ist im vorliegenden Falle auch die Vorstellung, wonach am St. Bartholomäustage (d. i. am 11. Juni a. St.) die 12 Apostel selbst erscheinen, um die Sonne umzudrehen, d. i. um sie von ihrer Sommerbahn wieder auf die Winterbahn zu bringen. In Struga und Umgebung besteht sogar der Brauch, an diesem Tage früh morgens aufzustehen, um zu beobachten, wie die Sonne sich neuerdings dem Winter zuwendet. Slavejkov, Бълг. притчи 45; Сборникъ за нар. умотворения IV, 93 und IX, 557.

Basilios von Paros. Heißt auf russisch Vasilij Parijskij und gilt dortzulande als der Heilige, der die von Schnee und Winterfrösten erkaltete Erde wieder warm macht (parit). Afanasjev, Поэт. воззрѣнія славянъ на природу III, 673.

Basiliskos. Wird von den Angehörigen des russ. Sprachstammes Vasilisk, auch schlechtweg Vasilik genannt und in Übereinstimmung damit als der Heilige angesehen, der Macht über die Kornblumen (vasilki) hat. Afanasjev im a. W. 674.

Blasius. Ist einer der 14 Nothelfer und besitzt schon aus diesem Titel einen ziemlich ausgedehnten Kreis von Funktionen, wie z. B. den Schutz gegen Halsleiden, gegen entzündliche Wirkungen von Gift, gegen *la puce maligne*, gegen Tollwut, Kehlsucht und Pest. Auf Grund der Volksetymologie sind ihm aber noch einige weitere Funktionen hinzugewachsen. So gilt er den Deutschen als Helfer gegen die Erkrankungen der Blase und in einigen Ortschaften der Rheinprovinz überdies als der Schutzpatron der Hornbläser. Den Südslaven und Russen, von denen er *Vlasij* genannt wird, gilt er dagegen als Helfer

¹⁾ Bezüglich der übrigen Funktionen dieser Heiligen, die jedoch nicht in volksetymologischen Erwägungen, sondern in der hagiographischen Überlieferung ihren Grund haben, vgl. außer der einschlägigen deutschen, französischen und russ. Literatur ausdrücklich noch Karłowicz, Słownik gwar polskich, Kraków 1900 bis 1906, sub v. Barbara und Barbarka.

gegen die verschiedenen Erkrankungen der Haare (*vlas*, *vołos*) und gleichzeitig als der Schutzpatron der Rinder und der übrigen, Haare tragenden Haustiere. Auch eine eiternde Wunde bei Rindern, die von bulgarischen und kleinrussischen Bauern auf die Wirkung eines haarförmigen Wurmes zurückgeführt wird und darum bulg. *vlas*, kluss. *vołos* heißt, gehört zu denjenigen Krankheiten, gegen die der in Rede stehende Heilige hilft. Aus der ziemlich umfangreichen Literatur des Gegenstandes mögen erwähnt werden: Nyrop-Vogt 227; Sauvé in dem weiter unten sub v. Clara angez. Werke, S. 34; Hanuš 76 ff.; Hoefler in der Zeitschrift des Berliner Vereins für Volkskunde I, 294; Slavejkov, Бълг. притчи 45; А. Попов, Вліяніе церковнаго ученія и древнерусс. письменности на миросозерцаніе русс. народа etc. 113—115; Šišmanov im a. W. 520 ff.; Marinov in der Жива Старина I, 113; Геров, Рѣчникъ sub v. Велесовъ день und Мукровъ день; Karłowicz, Słownik gwar polskich sub v. Błazej.

Bonifacius. Nützt nach deutschem Volksglauben den Bohnen. Andresen, Über deutsche Volksetymologie ⁵, S. 112.

Boris. Wird von den Russen Baris ausgesprochen und auf Grund der hierdurch möglich gewordenen volksetymologischen Annäherung an *baryš* (= Gewinn, Vorteil) als der Förderer aller Kaufgeschäfte angesehen. Wer an seinem Tage, der sogar direkt der *baryšdenj* (= der Tag des Gewinnes) heißt, gut kauft oder verkauft, wird das ganze Jahr hindurch ebenso gut kaufen und verkaufen und umgekehrt. Afanasjev im a. W. III, 672; Savinov, Народная этимологія на почвѣ языка русскаго im Русс. филолог. Вѣстникъ XXI, 37.

Clara. Gilt den Franzosen, von denen sie Ste. Claire genannt wird, als die Heilige, die bewirkt, daß man wieder klar sieht (= *fait qu'on voit clair*). L. F. Sauvé, Le folklore des Hautes-Vosges in Les littératures populaires XXIX, 216; Andresen 51.

Claudius. Hilft nach franz. Volksglauben gegen das Hinken (*claudication*). Andresen 51; Nyrop-Vogt 225.

Clodoaldus. Wird von den Franzosen, die ihn St. Clou nennen, vor allem als Helfer gegen Brandgeschwüre (*les clous*) angerufen. Da und dort gilt er aber auch als Schutzpatron der Nagelschmiede (*les cloutieres*). Nyrop-Vogt 225; Gaidoz, Mélusine IV, 510.

Cornelius. Gilt in Frankreich als Beschützer des Hornviehes (*les bêtes à cornes*). Nyrop-Vogt 226.

Donatus. Schützt nach deutschem Volksglauben gegen den Donner. Andresen 112. Hinsichtlich des eventuellen Zusammenhanges dieses Heiligen mit dem epirotischen Aïdoneos vgl. dagegen die ein-

schlägige Studie von E. Gubernatis, sowie die *Légendes hagiographiques* von Delehaye, S. 198 ff.

Eleutherios. Der Sinn dieses Namens ist: der frei Machende, der Befreier. In Übereinstimmung damit wird denn Eleutherios auch an verschiedenen Orten Griechenlands als der spezielle Heilige angesehen, der schwangeren Frauen leichte Entbindung und implicite Befreiung von der sie bedrückenden Last gewährt. Auf der Insel Kreta sagen sie sogar direkt von ihm: *Ὁ θεσπιος Ἐλευθέριος ἐλευθερώνει τὰς γυναῖκες*. Bybilakis, Neugriech. Volksleben, S. 2; Bernh. Schmidt, Das Volksleben der Neugriechen, S. 38. Rodd, *The customs and lore of modern Greece*, S. 127; Basiner im *Rhein. Museum* pro 1905, S. 622.

Elias. Gilt auf Grund der alttestamentlichen Legende, die von einer Entrückung in vom Himmel herablangendem Flammenwagen berichtet, im Volksglauben sämtlicher christlicher Völker als der Heilige, der Macht über die himmlischen Flammen oder die Blitze besitzt. Auf Grund der volksetymolog. Deutung seines Namens, der eine Annäherung an das Verbum *lijati* (= gießen) gestattete, wird er dagegen von den zum griech. Ritus sich bekennenden Slaven hin und wieder auch als der Urheber der um den 20. Juli a. St. häufig eintretenden Regengüsse angesehen. Speziell die Kleinrussen haben in dieser Hinsicht sogar den Spruch: *»Илья паробитъ гнилья (= Elias richtet Fäulnis an)«*. Čubiński, *Труды статистическо-этнограф. экспедицији въ западно-русс. край III*, 223 und Karłowicz, *Słownik gwar pols. sub v. Eliasz*.

Elissäus. Ist den Südslaven sonst nur in dem Sinne geläufig, als sie die Zeit um den 14. Juni a. St. herum als den geeignetsten Termin ansehen, wann Hirse ausgesät werden darf. Speziell den Bulgaren, zumal jenen, die diesen Heiligen statt Elisej, bezw. Jelisej lieber Liseaj nennen, gilt er dagegen auch als Helfer gegen die Kahlheit, bulgarisch *lisò, lisàta* genannt. Vuk Karadžić, *Рјечник sub v. Виде; Šišmanov im a. W. 559*¹⁾.

Eutropius. Gemeint ist hier offenbar der erste Bischof von Saintes. Er wird, wie dies schon Estienne a. a. O. hervorhob und Stadler in seinem Heiligenlexikon II, 174 gleichfalls erwähnt, in Frank-

1) Nach Gerov, *Рѣчникъ sub v. Елисей* wird dieser Heilige von den Bulgaren auch darum gefeiert, daß Gott ihre Anwesen nicht dem Verderben preisgebe, was sie bildlich durch die Phrase ausdrücken: *»за да ги не залѣси (spr. zalèsi) господъ = auf daß Gott nicht Wald über ihnen wuchern lasse«*. Es ist offenbar, daß für diese letztere Vorstellung lediglich die volksetymologische Verwandtschaft zwischen dem Namen des Heiligen und dem bulg. Appellativum *lès* (= Wald) maßgebend gewesen ist.

reich allgemein als Fürbitter gegen die Wassersucht (hydropsie) angerufen. Speziell Estienne gibt hierzu die folgende Erklärung: »*Semblablement, quand on a fait S. Eutrope médecin des hydropiques, je croy qu'on a confundu Eutrope avec Hydrope*«. Vgl. übrigens auch Nyrop-Vogt 225.

Expeditus. Gilt auf Grund seines Namens, der offenbare Beziehung zum Verbum lat. *expedire* hat, französischen, wie deutschen Katholiken als der dienstbereite Förderer aller dringlichen Angelegenheiten und Wünsche. Speziell von den Franzosen wird er, wie zahlreiche Inschriften auf Statuen und Votivtafeln bekunden, sogar direkt als »*le patron des causes pressés*« bezeichnet. Und auf einem in den deutschen Provinzen Österreichs stark verbreiteten Bilde heißt er noch bestimmter: »*der besondere Patron um glückliche und fertige Ausrichtung aller Geschäfte, Amts-, Standes-, Hausverrichtungen und Reisen*«. Nyrop-Vogt 222 ff.; *Méline* IX, 169 ff.

Fiacre. Heilt nach franz. Volksglauben das unter dem Namen »*fic*« bekannte Geschwür und namentlich jenes, das auf dem Sitzfleisch erscheint (»*et de celui principalement qui vient au fondement*«). H. Estienne o. et l. c.

Fort (Fortis). Wird von den Franzosen, zumal denen in der Umgebung von Bordeaux, behufs Stärkung der Gliedmaßen (*pour fortifier les membres*) angerufen. Aber auch schwächliche Kinder werden zu demselben Zwecke in seine Obhut gestellt. *Abbé Bergier, Origine des dieux du paganisme* I, 304; *Broc de Segange, Les saints Patrons* I, 373; *Mgr. Cirot de la Ville, Les origines chrétiennes de Bordeaux*, S. 159 ff. Die letztere Schrift enthält zugleich eine sehr beachtenswerte Untersuchung zur Frage nach der Entstehung der Legende von dem hl. Fort.

Gallus. Wird von den Deutschen und den Schweden auf Halland als Helfer gegen die Gallsucht (schwed. *galdesyge*) der Schafe angesehen. Den Franzosen, die unter *la gale* einen juckenden Ausschlag verstehen, gilt er dagegen als Helfer gegen dies letztere Übel. Nyrop-Vogt 227.

Genulphus. Wird in Frankreich St. Genou genannt und im Einklang damit als Helfer gegen gichtische Schmerzen, zumal jene, die im Kniegelenk (*le genou*) erscheinen, angerufen. H. Estienne o. et l. c. und Nyrop-Vogt 225.

Germanos. Die bulgarische Form dieses Namens lautet *German*, beziehungsweise *Гѣрман*. Auf Grund dieser letzteren Namensform nun, die eine Annäherung an Thema *гѣрм*, *гѣрмѣт*

(= Donner) gestattete, wird der heil. Germanos von den Bulgaren allgemein als der Schutzpatron gegen das Gewitter (za da ne gъrmi) gefeiert. Durch Vermittlung der Bulgaren ist diese Vorstellung dann auch zu den Serben gedrungen, die, trotzdem sie den in Rede stehenden Heiligen Džerma nennen, sich an ihn dennoch um Abwendung des Gewitters und namentlich des Hagels wenden. »До међу Ђермо; од међу на овамо не дай, свети Ђермо, молим ти се«. In freier deutscher Übersetzung: »Wenn du schon Hagel senden willst, o Džerma, so sende ihn nur bis zu meinem Rain; von da an aber nicht, o heiliger Džerman, ich bitte dich darum«. Slavejkov, Бълг. притчи 45; Čolakov, Бълг. народенъ сборникъ 136; Miličević, Краљ. Србија 152 ff.; Šišmanov im a. W. 558 und Gerov, Рѣчникъ sub v. Германъ.

Glêb, kluss. Hlib. Gilt sowol Groß-, als Kleinrussen als der Schutzpatron der Brotfrucht (chlëb, kluss. chlib). Detail bei Afanasjev III, 674 und bei Savinov im a. W. 39.

Gregorios. Wird von den Bulgaren Grigorij genannt und volksetymologisch zum Verbum гъпрогъ (= ich zwitschere) gestellt. Auch besteht im Zusammenhange damit dortzulande der Glaube, daß Vögel erst von diesem Tage, d. i. vom 12. März a. St. an, zu zwitschern beginnen, um mit dem St. Johannistage (7. Juli a. St.) wieder damit aufzuhören. Šišmanov im a. W. 559¹⁾.

Hedwig. Ist den Franzosen unter dem Namen Ste. Avoye geläufiger. Da nun zu der Zeit, als sie mit dieser Heiligen bekannt wurden, noch ein Verbum avoyer in der Bedeutung »auf den rechten Weg weisen« bestand, so wurde sie von ihnen daraufhin zur Schutzpatronin verirrter Seelen bestellt. Wenigstens ist in einem aus dem XV. Jahrh. stammenden Gebetbuche noch ganz ausdrücklich zu lesen: »Orasion à Sainte Avoye qui les gens aide et avoye«. Nyrop-Vogt 224.

Helena. Wird von den Kleinrussen Ołena, von den Großrussen Alëna genannt und von den einen wie von den anderen als Spenderin guten, langen Leines (łen, lën) angesehen. Hie und da heißt sie sogar direkt lenosëjka (= Säerin des Leines). Man noticire übrigens auch die folgenden Sprüche: »Съянъ ленъ у семи Оленъ (= Gesäet wurde der Lein zu den sieben Helenen«. »Лены Оленѣ, огурцы Константину (= Den Lein der Helene, die Gurken dem Konstantin)«. Afanasjev III, 672; Šavinov 40; Čubinskij III, 184.

1) Bei den Polen und Čechen gilt er dagegen, wie Hanuš 95 ff. und Karłowicz in seinem Słownik gwar polskich sub v. Gregorjanek bezeugen, als der Patron der Schulknaben. Auch in Tirol pflegt man nach Mannhardt zu sagen: »Der Schulmeister geht in Gregory«.

Ignatius. Wird auf Grund der volksetymologischen Annäherung seines Namens an die Verbalformen *digam*, *dignat* (= heben, vom Platze rücken) von den Bulgaren in Makedonien als der Heilige angesehen, der sowohl den Tag um ein wenig (na Ignat denot ke se dignat), als auch jedwede Arbeit vorwärts bringt, sie fördert. Stellenweise, so namentlich in Orëchovo und Umgebung, wird er dagegen in Beziehung zum Thema *огнь*, *огньт* (= Feuer) gebracht und mit Rücksicht darauf unter die Heiligen gerechnet, die die Macht besitzen, Feuer sowohl abzuwehren, als es zu verursachen. Auf diese letztere Beziehung weist unter anderem auch der Brauch hin, an seinem Tage ein Feuer anzuzünden, darin, zwecks Erzeugung einer größeren Funkenzahl, mit einem Stäbchen herumzurühren und dazu die Worte zu sprechen: »Колкото искрици, толкова пиленца, шиленца, иренца, теленца, ждрѣбенца, прасенца, пловченца, бибенца, пупченца, дѣчица, а найвече медъ и масло и бѣла шпеница на съвъ народъ (= Wie viele Funken, so viele Küchlein, Lämmlein, Zicklein, Kälberchen, Pferdchen, Schweinchen, Gänslin, Entelein, Pfauchen, Kinderchen, vor allem aber Honig, Butter und weißer Weizen für das Volk)«. Šišmanov 561 ff.; Геров sub v. Игнатъ; Daskałow, Празници и обичаи въ Трѣвненско, S. 12—13.

Jakob. Wird im Wege volksetymologischer Annäherung an **Kobb** (= Kopf) von den Katholiken in Deutschland als der Heilige gefeiert, der zum Gedeihen der Kopf- oder Häuptelpflanzen beiträgt. Darauf weist mit aller Bestimmtheit die Beschwörungsformel hin, die an seinem Tage zwischen 11 und 12 Uhr mittags über den Krautblättern gesprochen wird und wörtlich also lautet: »Jakob, Dickkobb, werd so dick, wie mein Kobb, im Namen Gottes« etc. Meyer-Wuttke, Der deutsche Volksaberglaube der Gegenwart (Berlin 1900) § 665.

Jeremias. Wird zunächst auf Grund des bloßen Zusammenklanges, den sein Name mit slav. *zmija* (= Schlange) ergibt, von den Südslaven als der Schlangenvertreiber verehrt. In Rußland, wo der betreffende Heilige volkstümlich *Jarëma* (kluss. *Jarema*) heißt, gilt er dagegen als der Schutzpatron der Tiere, denen, wenn sie zur Arbeit gehen, ein Joch (*jarëm*, *jarmo*) angelegt wird. Hie und da wird er sogar direkt der *jaremnik* (= Jochanleger) genannt, und dauert diese seine Funktion in der Regel so lange, als das Frühjahrsackern dauert, also vom 1. Mai, als dem speziell dem hl. Jeremias geweihten Tage, bis ungefähr zum 31. Mai, an welchem Tage ein entfernter Namensverwandter des hl. Jeremias, der hl. *Ermij*, gefeiert wird. Vuk Karadžić, Рјечник sub v. Јеремјев дан; Miličević im Гласник српс. ученог

друштва XXXVII, 117; Čolakov im a. W. 116; Maretić, Studije iz pučkoga vjerovanja i pričanja u Hrvata i Srbâ im »Rad« der südslav. Akademie der Wiss. XL, 138; Šišmanov im a. W. 560—61; Afanasjev III, 673; Savinov 41; Геров, Рѣчникъ бѣлг. яз. sub v. Еремија und Благовѣць.

Justina. Ist den Bulgaren in der Form Ustina geläufiger und wird von ihnen als die Heilige verehrt, die wilden Tieren den Mund (usta-ta) schließen kann, sie solcherart für Haustiere unschädlich machend. Šišmanov im a. W. 568; Геров, Рѣчникъ sub v. Устина.

Kallinikos. Wird von den Russen in Beziehung zu »kalinniki«, worunter sie die um den 19. Juli herum besonders zahlreich auftretenden donnerlosen Blitze oder das sogenannte Wetterleuchten verstehen, gestellt. Afanasjev III, 675.

Kosmas und Damianos. Diese Heiligen werden auf Grund der hagiographischen Überlieferung allüberall als die unentgeltlichen Ärzte verehrt. In Rußland, wo der erstere von ihnen volkstümlich Кузьма (spr. Kuźma) heißt und infolge dessen sehr wohl in Beziehung zu kuzna, kuzniec (= die Schmiede, der Schmied) gebracht werden konnte, gelten sie dagegen auch als Eheschmiede. So lesen wir diesbezüglich in einem Liede: Тамъ шель самъ Кузьма-Демьянъ | На свадьбу Агафонича: | Ты святой-ли, ты Кузьма-Демьянычъ, | Да ты скуй-ли ка намъ свадебку | Вѣковѣчную, неразрывную. Zu deutsch: »Ging Kuźma-Demjan in eigener Person dort | Zur Hochzeit des Agafonič: | Du Heiliger, du Kuźma-Demjanič, | So schmiede uns ein Hochzeitlein, | Ein ewiges, ein unzertrennliches«. Savinov 42.

Lambertus. Heilt nach deutschem Volksglauben die Lahmheit. Nyrop-Vogt 227.

Lazarus. Wird von den Serben in Beziehung zum Verbum laziti (= gehen, sich langsam fortbewegen) gebracht und im Einklange damit als der Heilige angesehen, der kleinen Kindern bei den ersten Gehversuchen behilflich ist. Auch besteht in dieser Hinsicht der Brauch in Syrmien, wonach Mädchen am Vorabend des St. Lazarus-samstags einen Kreis bilden und, indem sie sich ein männliches Kind von Hand zu Hand reichen, dazu das Lied singen: »Lazi, lazi, Lazare, | Te dolazi do mene« etc. Zu deutsch: »Gehe, gehe, Lazar, | So gehe bis auf mich zu« usw. Vuk Karadžić, Рјечникъ sub v. Лазарице und Maretić im a. W. 138¹⁾.

1) Bei den Bulgaren wird der hl. Lazar zwar auch von Mädchen durch Lieder, die sie am Vorabend des St. Lazarussamstags von Haus zu Haus gehend vortragen,

Liénard (= Leonhard). Gilt den Katholiken in Frankreich als der Heilige, der sowohl die Fesseln der Gefangenen, als auch die aneinandergewachsenen Kinder löst (délié). Andresen 51.

Lucia. Macht nach franz. Volksglauben trübe Augen wieder hell (lucide). Andresen 51. Aber auch in Deutschland und den übrigen katholischen Ländern ist sie als Ärztin kranker Augen wohl bekannt. In Colle de Santa Lucia (Oberitalien) besteht sogar eine von Augenkranken aller Art stark besuchte Gnadenstätte dieser Heiligen. Man ist in den betreffenden Kreisen auch heute noch fest überzeugt davon, daß eine vor dem Bilde der Heiligen verrichtete Andacht in Verbindung mit darauf folgender Benetzung der Augen mit dem Wasser aus dem dort befindlichen Kirchenbrunnen genügt, um, wenn nicht volle Genesung, so mindestens einige Linderung des Leidens zu erlangen. Hoefler im a. W. 304; Usener, Götternamen 121: Archiv f. Religionswissenschaft IX, 253 ff.

Lukas der Evangelist. Nützt dem Volksglauben der Kleinarabier zufolge dem Knoblauch, der dortzulande лукъ (spr. luk) heißt. Kaindl in den Mitteilungen der geogr. Gesellschaft in Wien pro 1896, S. 438.

Lupus. Wehrt nach französischem und rumänischem Volksglauben den Wolf (loup, lupă) von den Herden ab. Durch Vermittlung der Rumänen hat dieser Glaube übrigens auch bei ihren slav. Nachbarn und insbesondere den Ruthenen der Bukowina Eingang gefunden. Mélusine IV, 510; Mitteilungen der geogr. Gesellschaft in Wien pro 1896, S. 439.

Maclovius. Steht namentlich in der Bretagne, wo er zu Hause war, in großem Ansehen und wird vom Volke, das ihn St. Maclou nennt, ebenso wie der hl. Clodoaldus (s. diesen) als Helfer gegen Brandgeschwüre (les clous) angerufen. Stadler, Heiligenlexikon sub voce Maclou; H. Gaidoz o. et l. c.

Makkabäer. Dieses Fest wird von den Angehörigen des russ. Sprachstammes »na svjatyh Makovëjev« oder auch »na svjatyh Makovej« genannt und allgemein in Beziehung zu Thema mak (= der Mohn) gebracht. Daher die Sitte, an diesem Tage (1. August a. St.) die Mohnernte vorzunehmen, jedenfalls aber irgend eine Mohnspeise herzurichten und zu Ehren des Festes zu verzehren. Speziell die Klein-

gefeiert, aber ob sich darunter auch das »Lazi, lazi, Lazare« befindet, ist aus dem, was Gerov in seinem Wörterbuch der bulg. Sprache sub v. Лазаръ darüber sagt, nicht ersichtlich.

russen lassen an diesem Tage überdies wilden Mohn weihen, darin das beste Mittel gegen allerlei Hexenspuk erblickend. Afanasjev III, 674; Čubinskij im angez. Werke und Bande S. 225; Savinov 44; Kozariščuk in der Zeitschrift »Наука« pro 1891, S. 660.

Makrina. Wird sowohl von Groß-, als Kleinrussen ¹⁾ zum Thema *mokr* (= feucht) gestellt und auf dieser Grundlage als Spenderin der Feuchtigkeit angesehen. Darauf weisen unter anderem schon die Sprüche hin: »Мокрина мокра и осень мокра (= Ist die Makrina feucht, wird auch der Herbst feucht sein)«. »Смотри осень по Мокринамъ (= Willst du wissen, wie der Herbst wird, achte auf die Makrinen)«. In noch viel augenfälligerer Weise kommt aber diese Funktion der hl. Makrina in nachstehendem Brauch zum Ausdruck: Hat die Dürre längere Zeit angehalten, so pflegen die Bewohner des Gouvernements Kursk, der bekannten Kornkammer Rußlands, sich zur Veranstaltung einer förmlichen Makrinafeier zusammenzutun. Weiber und Mädchen treten angekleidet ins Wasser und zerren da auch alle Vorübergehenden hinein. Afanasjev III, 674; Čubińskij III, 223; Savinov 45.

Mamertus. Wird von den Franzosen, die ihn St. Mamert, auch St. Mammair nennen, als Helfer bei Erkrankungen der Brüste (*les mammeles*) angesehen. Den Ammen ist er dortzulande überdies der selbstverständliche Schutzpatron. H. Estienne o. et l. c.; Andresen 51; Nyrop-Vogt 225.

Marcus. Macht nach deutschem Volksglauben die Erbse markig. Es ist daher vielfach Brauch in Deutschland, mit der Aussaat dieser Frucht bis zum St. Markustage zu warten. Meyer-Wuttke § 655.

Maturinus. Gilt den Italienern und durch deren Vermittlung auch den Franzosen als der Arzt der Irrsinnigen (*gli matti*). H. Estienne o. et l. c.

Maura (*Μαῦρα*). Wird auf Grund ihres Namens, der wörtlich die Mohrin, dann jede schwarz aussehende Person überhaupt bedeutet, von den Bewohnern der Insel Zakynthos als die Schutzpatronin und Helferin der an schwarzen Blattern Erkrankten verehrt. Nach der volkstümlichen Vorstellung der Athener vermag sie aber auch alle anderen Arten von Geschwüren zu heilen, eventuell damit heimzusuchen. Letzteres geschieht indes nur dann, wenn jemand durch Mißachtung ihres Festtages (3. Mai a. St.) sich deren Ungnade zugezogen hat. Mommsen, *Athenae christianae* 143; B. Schmidt im a. W. 38.

1) Die letzteren nennen sie sogar direkt *Mokryna* (= die Feuchte).

Mevennus. Wird von den Franzosen *St. Main* genannt und im Einklang damit als Helfer gegen beliebigen, auf der Hand (*la main*) erscheinenden Ausschlag und namentlich die Krätze verehrt. *H. Estienne o. et l. c.*; *Nyrop-Vogt 225.*

Michaël. Gilt an verschiedenen Orten Frankreichs als der Schutzpatron der Bäcker. Es ist evident, daß er diese seine Funktion lediglich dem Umstande zu danken hat, daß das Laib Brot französisch »*la miche*« heißt. *Nyrop-Vogt 225.*

Minas. Wird von den Bulgaren, die bei seinem Namen in erster Linie an das einheimische *minavam* (= ich gehe vortüber) dachten, als der Schutzpatron der Reisenden verehrt. In Panagjurište und Umgebung rufen sie ihn dagegen auch dann an, wenn es sich um die Wiedergewinnung eines abhanden gekommenen Gegenstandes handelt. »*Svcti Mina*« — sagen sie in einem solchen Falle — »*kaži, koj minà i zaminà, ta namèri edi što si* (folgt der Name des verlorenen Gegenstandes)«. *Šišmanov 565.*

Modestus. Wird in der Umgebung von Achä-Čelebijsko in Bulgarien *Mulešti* genannt und mit Rücksicht darauf als der Schutzpatron der Maultiere (*mułete*) verehrt. *Šišmanov 565.*

Mokios. In betreff dieses Heiligen besteht bei den Russen eine analoge Vorstellung, wie in betreff der hl. *Makrina*. Regen an seinem Tage (11. Mai a. St.) bedeutet, daß es den ganzen Sommer über naß (*mokro*) sein werde. *Hanuš 151: Afanasjev III, 674.*

Naum der Prophet. Leitet nach bulg. und russ. Volksglauben zur Vernunft (*na um*) an. Speziell in Rußland besteht in dieser Hinsicht sogar die Sitte, dem hl. *Naum* an dem Tage, an dem die Kinder zum erstenmale in die Schule geschickt werden sollen, eine Kerze zu widmen und vom Geistlichen eine entsprechende Andacht verrichten zu lassen. Auch pflegt man mit dem Beginn des ersten Unterrichts dort gewöhnlich bis zum 1. Dezember, als dem diesem Heiligen gewidmeten Tage, zu warten. *Afanasjev III, 675; Savinov 46; Ryłov, Очерки по изучению русс. нар. языка въ области великорусс. говора in den Ученныя Записки der Kasaner Universität pro 1892, Heft IV, S. 119; Šišmanov im a. W. 565.*

Pachomios. Zeigt nach russ. Volksglauben an, »wonach der Sommer riecht (*pachnët*)«. Ist nämlich der *St. Pachomiostag* (1. Mai a. St.) warm, so wird — dies ist der Sinn der Phrase — auch der Sommer warm sein und umgekehrt. *Afanasjev III, 674.*

Pantalemon. Seine ihm im Volksglauben der Bulgaren zukommende Funktion wird am deutlichsten durch seinen Beinamen, der bul-

garisch патникъ (spr. pătnik) lautet und deutsch durch ›der Reisende‹ zu übersetzen ist, bestimmt. Auch besteht im Zusammenhange damit der Brauch bei den Bulgaren, an dem dem hl. Pantalemon gewidmeten Tage (es ist der 27. Juli a. St.) sich auf die Straße zu begeben und dort wenigstens einige Augenblicke zu verweilen. Man wird wohl kaum fehlgehen, wenn man der Ansicht Ausdruck gibt; daß der Name des Heiligen, der eine Annäherung an bulg. пътъ (= der Weg) gestattete, hierzu den Anstoß gegeben hat. Was dagegen die ihm von den Kleinrussen zugeschriebene und durch die Epitheta Palij (= der Zünder) und Pałykopa (= Verbrenner der schockweise geschichteten Garbenhaufen) ausgedrückte Funktion anbelangt, so halte ich dafür, daß diese Epitheta nicht durch volksetymologische Erwägungen, sondern lediglich durch die Wahrnehmung, wonach um den 27. Juli a. St. herum die meisten Gewitter mit starken, auch Brände verursachenden elektrischen Entladungen stattfinden, veranlaßt worden ist. Karaveľov, Памятники 227; Šišmanov 566; Afanasjev III, 674; Čubinskij III, 224.

Phokas. Gilt den Rumänen und im Wege der Entlehnung auch ihren slavischen Nachbarn, den Ruthenen in der Bukowina, als der Schutzpatron des Feuers, das rumänisch focu heißt. Kaendl in den Mitteil. der geogr. Gesellschaft in Wien pro 1896, S. 438. In den Ländern des schwarzen und des östlichen Teils des mittelländischen Meeres bis zur Adria hin wird er dagegen als der Schutzgeist der Schiffer verehrt, und hat schon Radermacher im Archiv für Religionswissenschaft VII, S. 445 mit Rücksicht darauf die Vermutung ausgesprochen, daß vielleicht der Name des Heiligen, der an griech. φώκη (= Robbe) erinnert und vom gleichen Stamme abgeleitet ist, hierzu die Veranlassung bot. Weiteres, diese Vermutung erheblich unterstützendes Detail bei E. Maass in den Jahreshften des österreich. archäolog. Institus IX, 181, sowie bei Otto Kern im Archiv für Religionswissenschaft X, 82 ff.

Polychronia. Wird von den Bulgaren volkstümlich Poljaranija genannt und auf Grund dieser letzteren Namensform in einigen Gegenden, so z. B. in der Umgebung von Küstendzil, als die Heilige angesehen, die die Felder (poljata) schützt (chrani). Šišmanov im a. W. 567.

Prokopios. Wird, da sein Name sich sehr leicht in Beziehung zum Verbum prokopsam (= προκόπτω, bezw. πρόκοψα) bringen ließ, von den Bulgaren als der Heilige verehrt, der die Kinder in seiner speziellen Hut hat. Demgemäß sagen sie auch: ›Треба да го дрѣжме

Прокона за децата, да ня прокопсаат (= Es ist notwendig, daß wir den Prokop feiern der Kinder wegen, damit sie uns gedeihen)«. Von anderen slavischen Völkern, so z. B. von den Serben und den Čechen, wird sein Name dagegen mit dem Verbum kopati (= graben) in Verbindung gebracht und als der Schutzpatron alles dessen, was auf diesem letzteren Wege zustande kommt, gefeiert. Ein am St. Prokoptage (4. Juni) umgrabener Kohl wird nach čechischem Volksglauben besonders gut sein usw. Vuk Karadžić, Рјечник sub v. Прокопље; Hanuš 194; Maretić im a. W. 135; Šišmanov 505 u. 566 ff.; Геров, Рјчникъ sub v. Прокопий.

Rochus. Gilt, weil sein Name an la roche (= der Felsen) erinnert, in vielen Gegenden Frankreichs als der Schutzpatron aller jener Personen, die mit Steinen hantieren, also insbesondere auch als der Schutzpatron der Steinmetze und der Pflasterer. Mélusine IV, 510.

Rosa. Heilt nach deutschem Volksglauben den Rotlauf oder die sogenannte Rose. Nyrop-Vogt 227.

Stylianos. Dieser Heilige wird, wie Bybilakis, Neugriech. Volksleben, S. 4 bezeugt, von den heutigen Griechen als Spender leichter Entbindungen, bzw. als Pfleger und Beschützer der Neugeborenen verehrt. Den Bulgaren gilt er dagegen als der heilige Arzt überhaupt, der die Macht besitzt, Kranken aller Art Genesung zu verschaffen. Insbesondere halten aber an dieser Vorstellung jene Bulgaren fest, die, wie die Bewohner von Stara Zagora, die Lautgruppe st in ts, bzw. in e verwandeln und demgemäß auch nicht Stylian, bzw. Stilian, sondern Cilian sprechen. Von Cilian zu Cèlian (= der heil Machende) ist aber nur ein kleiner Schritt gewesen, und die Funktion, um die es sich hier handelt, war hergestellt. Šišmanov im a. W. 568.

Symeon Stylites. Die russ. Form dieses Namens ist Semen, und es hat sich wohl nur mit Rücksicht darauf dorthin die Vorstellung gebildet, daß es von diesem Tage an (1. September a. St.) nicht mehr ratsam sei, Sämereien (sèmena) auszusäen: »Семень день и сѣмена долой (= Ist einmal der hl. Semen da, dann fort mit den Sämereien)«. Afanasjev III, 675; Savinov 49.

Symeon Zelotes. Wird von den Kleinrussen schlechtweg Zilot genannt und in Übereinstimmung damit als der Heilige angesehen, der den Kräutern (zil'ja) ihre wundertätige Kraft verleiht. Da aber die kleinrussische Form dieses Heiligen ebenso gut auch eine Annäherung an Thema zołoto (= Gold) gestattet, so besteht der Brauch bei den Kleinrussen, an seinem Tage (10. Mai a. St.) nicht nur nach wundertätigen Kräutern, sondern mit deren Hilfe auch nach Gold zu suchen.

Desgleichen glaubt man, daß ein an diesem Tage ausgesäeter Weizen besonders schön und rein sein werde wie Gold. Afanasjev III, 674; Čubinskij III, 184; Savinov 49.

Theodoros Studites. Leitet nach russ. Volksglauben die Kälte (studenj) ein. Daher auch die Bauernregel: »Θεοδoρѣ Студитѣ землю студитѣ (= Theodoros Studites macht die Erde kalt)«. Afanasjev III, 675; Рылов a. a. O.

Theodulos. Die russ. Form dieses Namens lautet Feodul, auch kurzweg Fedul. Da nun diese letztere Form sehr wohl zu russ. dut' (= blasen, wehen) oder noch besser zu der davon gebildeten Partizipialform duł, poduł gestellt werden konnte, so hat sie dortzulande die Vorstellung veranlaßt, daß der in Rede stehende Heilige Macht über die warmen Frühjahrswinde besitzt. »Пришелъ Федулъ, теплякъ подулъ (= Kam Theodulos, begann der warme Wind zu blasen)«. Allerdings vermag der hl. Theodulos auch kalten und unfreundlichen Wind zu bringen, und heißt es dann von ihm: »Федулъ губы надулъ (= Theodulos blies die Backen auf)«. Afanasjev III, 673; Savinov 50.

Theophanes. Wird von den Russen Fofan genannt und im Einklang damit als der Schutzpatron der Einfältigen und Narren, die dort fofany heißen, verehrt. Savinov 52.

Therapon. Schon auf Grund der Legende, die von einer aus seinem Blute emporgewachsenen heilbringenden Eiche berichtet, durfte dieser Heilige von den Angehörigen der griechischen Kirche als der himmlische Arzt gefeiert werden. Speziell bei den Griechen trug aber hierzu gewiß nicht wenig auch sein Name bei, der, indem er sehr wohl zu θεραπεύω (= warte, pflege, heile) gestellt werden konnte, die nämliche Funktion wie die Legende begründete. Colnaghi in Newtons Travels and discoveries in the Levant I, 348; K. Jireček, Cesty po Bulharsku 13; Šišmanov 568.

Tychon. Wird von den Russen im Wege volksetymologischer Annäherung an Thema tich (= ruhig, still) als Spender ruhigen, klaren Wetters angesehen. An seinem Tage (16. Juni a. St.) ist — so sagen sie — die Erde still, auch die Sonne legt ihre Bahn stiller als sonst zurück und die Singvögel stellen von da an das Singen ein. Hanuš 192; Afanasjev III, 675; Savinov 50.

Valentinus. Über diesen Heiligen und seine ihm im Volksglauben der Deutschen zukommende Funktion war schon oben (S. 504) die Rede. Hier wäre nur noch nachzutragen, daß die Kunde von dieser Funktion sich im Wege der Entlehnung auch bei den Dänen, den röm.-kath. Slaven und selbst bei den Litauern verbreitete. Speziell bei den

Polen trug zur raschen Einbürgerung der betreffenden Vorstellung nach einer ganz richtigen Bemerkung Karłowicz's, *Słownik ludowy* S. 32 überdies der Umstand bei, daß hier zwischen Namen und Funktion eine analoge Beziehung hergestellt werden konnte, wie im Deutschen. Denn da Valentin polnisch Walenty, bezw. Walek heißt und das charakteristische Merkmal der Epilepsie durch das polnische walić (= fallen machen, niederwerfen) ebenso prägnant ausgedrückt werden konnte wie durch deutsches ›fallen‹, so war jene Vorstellung den Polen sofort klar und geläufig. Darauf weist unter anderem auch das Sprichwort hin: ›Święty Walek tych powali, co patronem go nie zwali (= Der hl. Valentin wird jene fallen machen, die ihn nicht zum Schutzpatron erkoren haben)‹. Zur Literatur des Gegenstandes wären außer den ›Decem praecepta‹ von Martin Luther und der soeben erwähnten Schrift von Karłowicz noch heranzuziehen: Wackernagel, *Kleine Schriften* III, 104; Nyrop-Vogt 226; Hoesler im a. W. 293; *Archiv für slav. Philol.* XII, 468 und XIII, 157.

Varnava (= Barnabas). Schützt dem Volksglauben der Bulgaren zufolge gegen das Gewitter, indem er bewirkt, daß die Wolken nicht wiederkehren (da se ne върнуват oblacitè), sondern ruhig weiter ziehen. Slavejkov, *Бълг. притчи* 45; Šišmanov im a. W. 557; Gerov, *Ръчникъ* sub v. Вартоломей, Врьтоламей und Вратоломей.

Vincentius. Wird von den Deutschen Vinzenz oder vielmehr Finzenz genannt und sowohl von ihnen selbst, als durch ihre Vermittlung auch von den röm.-kath. Slaven und Litauern als der Heilige angesehen, der Verlorenes wieder finden hilft. Von den Franzosen wird er dagegen in Verbindung mit vin (= Wein) gebracht und dementsprechend als der Schutzpatron der Weinbauer und aller derer, die damit so oder anders zu tun haben, verehrt. Auf diese letztere Funktion weisen insbesondere die nachstehenden zwei Bauernregeln hin: ›Quand Saint Vincent est clair et beau, | Il y a du vin comme de l'eau‹. || ›Si le jour de Saint Vincent est trouble, | Il met le vin au double‹. Man notiere übrigens auch eine analoge deutsche Bauernregel: ›Vinzenzi Sonnenschein | Bringt viel Korn und Wein‹. Martin Luther, *Decem praecepta* etc., in der neuesten Weimarer Ausgabe seiner Werke I, 412; Joh. Lascii Poloni de diis Samogitarum libellus, *Mannhardtsche Ausgabe* 95; K. Nyrop, *L'étymologie populaire et le folklore*, *Mélusine* IV, 518 und *Ordenes liv*, deutsche Übers. von R. Vogt 226.

Vitus. Wird von den Südslaven Vid, Vide, auch Vida (d. i. der Sehende) genannt und in Übereinstimmung damit als der Beschützer all' der Sachen betrachtet, die man seinen Blicken zugänglich gemacht

hat. Deswegen die Sitte, an seinem Tage (dem Vidov dan) fröhlich morgens alle Habseligkeiten, auch die etwa noch vorhandenen Sämereien, aus dem Hause zu tragen und wenigstens für einige Augenblicke in die Sonne zu stellen, damit sie sichtbar werden (da se vidi). Und in einem Liede heißt es diesbezüglich noch bestimmter: »Иваница лан сејала | На Иван вечеру: | Иде Вида, да га види | На Иван вечеру = Ivanica säete den Lein aus | Am St. Johannistage gegen Abend: | Kommt da Vitus, um zu sehen | Am St. Johannistage gegen Abend« etc. Vuk Karadžić, Рјечник sub v. Виде; Miličević im Glasnik XXII, 104; Maretić im Rad LX, 138; Šišmanov im a. W. 538; Геров, Рјчникъ sub v. Видовъ день. Hier und da, so z. B. in der Umgebung von Gabrovo, besteht nach Daskaļov (vgl. seine Празници и обичаи въ Трѣвненско, S. 10) übrigens auch die Sitte, sich zwecks Wahrung des Sehvermögens am St. Vitustage die Augen mit einem Wasser auszuspülen, in das man zuvor den ersten, im betreffenden Jahre erblickten und eingefangenen Johannismurm, der bulgarisch svètuka, d. i. »die Leuchtende« heißt, hineingetan hat. Es ist evident, daß auch hier wieder ein Fall der volksetymologischen Deutung des Namens des Heiligen, noch verstärkt durch den Sinn der bulgarischen Benennung des Johannismurmes, vorliegt.

Wolfgang. Gilt in Bayern als der Schutzpatron und Gebieter der Wölfe. Hoefler im a. W. 302.

Selbstredend ist auch mit den hier spezifizierten 79 Nummern die Liste der in Betracht kommenden Heiligen noch lange nicht als abgeschlossen zu bezeichnen. So war ich im vorigen Jahre bereits selbst in der Lage, im Archiv für slav. Philologie XXVIII, 84 ff. auf ein weiteres, in der einschlägigen Literatur, soweit sie mir eben bekannt und zugänglich war, nicht vermerktes Beispiel solcher Art hinzuweisen. Es betrifft den hl. Kyrikos und zeigt, wie dieser Tarsysche Märtyrer aus dem Anfang des IV. Jahrhunderts durch volksetymologische Annäherung seines Namens an Thema slav. kur (= Huhn) von den kleinrussischen Karpathenbewohnern, zumal den ostwärts wohnenden, nicht nur zum Schutzpatron der Hühner bestellt, sondern auch in den Mittelpunkt von allerlei Vorstellungen und Bräuchen gerückt wurde, die sich zu einem vollständig ausgebildeten und in sich abgerundeten Kyrikoskultus zusammenschließen. Mag es den Hühnern gut oder schlecht ergehen, beide Eventualitäten erscheinen darin als die legitimen Äußerungen einer speziell dem hl. Kyrikos zustehenden Machtbefugnis aufgefaßt, und haben diejenigen, denen es an dem Gedeihen ihres Hühnerstandes,

wie mittelbar auch an dem eigenen Wohlbefinden gelegen ist, kein anderes Mittel, dies Ziel zu erreichen, als nur, daß sie sich bestreben, durch schonende und sorgfältige Behandlung seiner Schützlinge das Wohlwollen dieses Heiligen zu gewinnen.

Zu den bislang nicht vermerkten Beispielen dieser Art gehört übrigens auch das folgende. In Prełuki und den anderen längs der Oslawa gelegenen Ortschaften des Bezirkes Sanok in Galizien pflegen Bäuerinnen, wenn sie daran gehen, Petersilie auszusäen, zuvor ein Gebet an den hl. Peter zu richten. Es ist klar, daß das geschieht, weil die Bäuerinnen des Glaubens sind, daß der Heilige, der einen mit der vorzunehmenden Aussaat verwandten Namen führt, sie auch in ihrem Wachstum fördern würde. Die Petersilie, kleinrussisch *petruška* genannt, ist sonach auf diesem Wege zu einem dem hl. Peter besonders genehmen Gewächs und er selbst zu ihrem rechtmäßigen Beschützer gestempelt worden.

Wenn aber der rege Anteil, den die Volksetymologie an der Bildung von volkstümlichen Attributen christlicher Heiliger hatte, den hier vorgeführten Beispielen zufolge außer allem Zweifel steht, so ist mit der Feststellung dieser Tatsache die in Rede stehende Angelegenheit keineswegs als erledigt zu betrachten. Es drängt sich nunmehr von selbst die Frage auf, wieso das komme, daß die Volksetymologie sich mit einer gewissen Vorliebe an die Namen christlicher Heiliger heftete und warum die unter ihrer Mitwirkung entstandenen Attribute den offenkundigen Zweck verfolgen, christliche Heilige mit Eigenschaften auszustatten, durch welche sie im Volksglauben die Fähigkeit erlangten, dem Menschen in den verschiedensten Notlagen seines Lebens, auch den allerspeziellsten, Schutz und Hilfe zu gewähren? Auf diese Frage läßt sich im Verfolg eines tatsächlich schon von Usener, Götternamen 116 ff. angeregten, von ihm selbst jedoch in minder zutreffender Weise auf eine andere, hierzu weniger geeignete Gruppe von Heiligen angewandten Gedankens Folgendes erwidern:

Es ist eine ständige Erscheinung in der Geschichte jedweden religiösen Lebens, daß die unmittelbar daran Beteiligten nur höchst ungerne aufgeben, was für ihre Vorfahren und noch für sie selbst den Gegenstand des Glaubens und des Kultus gebildet hat. Von diesem Standpunkte aus betrachtet, war es daher den zum Christentum bekehrten Heiden beim besten Willen nicht leicht möglich, sich sofort aller Beziehungen zur alten Religion zu entäußern. Es zog sie immer von neuem

zu den Vorstellungen und Bildern hin, die ihnen durch Jahrhunderte währende Übung wert und teuer geworden waren, und sie späheten unwillkürlich nach Mitteln aus, die es ihnen ermöglichen würden, wenigstens einen Teil dieser Vorstellungen und Bilder auch in die neue Religion hinüberzuretten. Als das geeignetste Instrument hierzu boten sich ihnen nun die christlichen Heiligen. Schon der Umstand, daß sich an die Person derselben mehr minder ausführliche, von allerlei Wundern und übernatürlichen Begebenheiten erfüllte Legenden knüpften, bewirkte, daß sie der religiösen Empfindung der gewesenen Heiden ungleich näher standen, als die mit den Sinnen unfaßbaren Repräsentanten der göttlichen Allmacht oder des ewigen, nicht Anfang noch Ende in sich schließenden Seins. In noch viel stärkerem Maße, als der soeben erwähnte, trug aber zur raschen Einbürgerung und der stets wachsenden Popularität der Heiligen zweifellos der Umstand bei, daß sie der von der christlichen Kirche selbst vertretenen Lehre zufolge als die berufensten Vermittler zwischen Gott und den Menschen galten und außerdem genau, wie einst die heidnischen Götter, durch Bild und Statue versinnlicht werden durften. Hiedurch wurden die Unterschiede, die zwischen den einen und den anderen bestanden, bis zur Unkenntlichkeit verwischt, und die religionsgeschichtliche Evolution, die die Einführung des Christentums bei den Heiden begleitete, endete damit, daß in die Funktionen, welche bis dahin heidnischen Göttern zukamen, allmählich christliche Heilige eintraten.

Doch dies ist eben erst die eine Seite der uns hier beschäftigenden Angelegenheit, und um zur Erkenntnis auch der anderen Seite zu gelangen, erscheint es notwendig, sich zuvor noch Folgendes zu vergegenwärtigen. Wie dies für die Römer seit Ambrosch¹⁾ feststeht und für die Griechen, sowie für die Angehörigen des preußisch-litauisch-lettischen Sprachstammes durch Usener, Götternamen S. 79 ff. und S. 122 ff. sehr wahrscheinlich gemacht worden ist, haben alle diese Völker außer den

1. Er ist nämlich der erste gewesen, der in seiner, in der Zeitschrift für Philos. u. kathol. Theol. pro 1842 unter dem Titel: »Über die Religionsbücher der Römer« veröffentlichten Abhandlung auf diese Eigentümlichkeit der röm. Religion aufmerksam machte. In betreff der übrigen hierher gehörigen Literatur, sowie der an die Frage nach echter und falschen »Sondergöttern« in der röm. Religion sich knüpfenden Kontroversen wäre dagegen vornehmlich auf den einschlägigen Artikel Wissowas in dessen »Gesammelten Abhandlungen z. röm. Religions- und Stadtgeschichte« (München 1904) S. 304—326 zu verweisen. Einige sehr beachtenswerte Bemerkungen zu diesem Gegenstande enthält übrigens auch der Artikel Domaszewski's, den er neulich unter dem Titel: »Dei certi et incerti« im Archiv für Religionswissenschaft X, 1—17 veröffentlichte.

sogenannten Kultusgottheiten auch noch zahlreiche **Vorstellungsgebilde** niederer Art verehrt, als deren hervorstechendstes **Merkmal die nachstehenden zwei Momente** erscheinen: 1. die **begriffliche Durchsichtigkeit** des Namens; 2. die **enge Begrenztheit** der Funktion. Speziell bei den Litauern und Letten scheint diese letztere Kategorie von **mythischen Vorstellungsgebilden** sogar noch im XVI. Jahrhundert, wo doch diese Völker längst christlich waren, in einer **Urwüchsigkeit und Fülle**¹⁾ lebendig gewesen zu sein, die die Missionäre ebenso wie die Gelehrten jener Zeit in gerechtes Erstannen versetzten. Und mag es auch richtig sein, daß sich unter diesen Vorstellungsgebilden, wie dies unter anderem schon die sprachliche Form mehrerer ihrer Namen²⁾ und in besonders augenfälliger Weise der Kriksthos³⁾ bekundet, auch **offenbare Neubildungen** befinden, so ändert dies an dem **Wesen der Sache** gar nichts. Gerade dieser letztere Umstand ist für uns um so wertvoller, als er uns an Beispielen aus einer nicht allzufernen Vergangenheit zeigt, daß das Bestreben, für alle Handlungen und Zustände, die für den Menschen von Bedeutung sein konnten, besondere, nach eben diesen Handlungen und Zuständen benannte Gottheiten männlichen oder weib-

1) Die einschlägigen Nachrichten am übersichtlichsten bei Brückner in der von ihm in der »Biblioteka Warszawska« pro 1897 und 1898 unter dem Titel: »Starożytna Litwa, ludy i bogi« publizierten Abhandlung. Zusammenstellung und Erklärungen von litauischen Götternamen überdies bei Bender, Schleicher (passim), Mannhardt, Mierzyński, Solmsen, Bezenberger (passim) und Grienberger. Hinsichtlich der »Baltica des libellus Łasicki« von Grienberger wäre jedoch auch das von Brückner im Archiv f. slav. Philol. XXII. S. 569 ff. Gesagte zu vergleichen.

2) Ich habe, wenn ich das behaupte, in erster Linie selbstredend die Namen im Auge, die durch die Suffixe *iczius* und *icza* oder durch Verbindung von *mate* und *patis* mit einem vorgesetzten Appellativum gebildet sind. Denn was zunächst die Namen der ersteren Art anbelangt, so können sie schon darum nicht alt sein, weil die betreffenden Suffixe den Litauern nachweislich erst durch slavische Vermittlung zukamen, die der anderen Art dagegen darum nicht, weil es in alter Zeit überhaupt nicht üblich war, Götterbegriffe durch Composita von der Art, wie die erwähnten, zu bezeichnen. Das Auftauchen von Verbindungen, wie die letzterwähnten, ist nach Useners ganz zutreffender Bemerkung gerade der sicherste Beweis dafür, daß wir es mit Neuschöpfungen zu tun haben. »Hier zeigt sich — so lautet die betreffende Bemerkung wörtlich — eine Erschlaffung der Vorstellungskraft, welche nicht mehr frisch ein neues Gebilde zu erzeugen vermag, um dem Gottesbegriff einen sinnlich faßbaren Ausdruck zu geben, sondern in bequemer Trägheit es vorzieht, ein gegebenes Wort durch Verbindung mit *patis* zu einem Gottesnamen zu machen«.

3) Unter Kriksthos wurde nämlich von den Litauern laut Łasicki das göttliche Wesen verstanden, dem die Aufgabe oblag, die Friedhofkreuze (*kriksztas'*) zu bewachen. Es liegt auf der Hand, daß ein derartiges Wesen erst möglich wurde, als die Litauer bereits Christen geworden waren, also nicht früher als im Laufe des XIII. oder vielleicht erst der beiden nachfolgenden Jahrhunderte.

lichen Geschlechts zu schaffen, einen tief eingewurzelten und, wo es die Verhältnisse nur irgendwie zuließen, immer von neuem durchbrechenden Trieb der religiösen Begriffsbildung darstelle.

Dies vorausgeschickt, wird man es nunmehr verstehen, weshalb die Volksetymologie sich mit solcher Beflissenheit an die Namen christlicher Heiliger heftete und gleichzeitig die Tendenz bekundete, die Träger dieser Namen mit Eigenschaften auszustatten, durch welche sie im religiösen Bewußtsein der Volksmassen die Fähigkeit erlangten, dem Einzelnen überall da, wo er es gerade nötig hatte, ihre hilfreiche Hand zu bieten. Während vieler Jahrhunderte an den Umgang mit begrifflich durchsichtigen Göttern gewöhnt, haben nämlich die gewesenen Heiden nach ihrer Bekehrung zum Christentume sich die Dienste dieser ihnen besonders werten, weil in den Bedürfnissen des alltäglichen Lebens fußenden Götterkategorie auf diese Weise zu erhalten versucht, daß sie sich bestrebten, deren Funktionen im Sinne der oben dargelegten religionsgeschichtlichen Evolution auf christliche Heilige zu übertragen. Da sie aber unter den ihnen durch das Wort der Priester und die Bildwerke der Kirchen vermittelten Heiligen nicht einen fanden¹⁾, der den beiden Hauptmerkmalen jener Götterkategorie vollkommen entsprochen hätte, so blieb ihnen unter so bewandten Umständen nichts anderes übrig, als diese Merkmale einzelnen christlichen Heiligen im Wege der Volksetymologie zu verschaffen. Und der Erfolg, den sie durch dieses

1) Unter den auf letzterem Wege vermittelten Heiligen waren höchstens solche zu finden, die dem an zweiter Stelle genannten Merkmale jener Götterkategorie, aber auch nur insofern entsprachen, als es auf Grund ihrer Legenden möglich war, ihnen ganz bestimmte Funktionen zuzuweisen. So konnte z. B. der hl. Joseph mit Rücksicht auf die ihm in den Evangelien zugeschriebene Beschäftigung sehr wohl zum Schutzpatron der Zimmerleute und Schreiner, der hl. Petrus zum Schutzpatron der Fischer, der hl. Lukas zum Schutzpatron der Maler bestellt werden. Ebenso konnte ferner auch der hl. Leonhard als der Schutzpatron der Krieger und der im Kriege Gefangenen, der hl. Nikolaus als Schutzpatron der Schiffer und insbesondere als Retter aus Sturmesnöten und die hl. Kosmas und Damianos als die unentgeltlichen Ärzte und Schutzpatrone des ärztlichen Standes fungieren. Im ganzen ist aber auch diese Gruppe von Heiligen in der ersten Zeit keine besonders zahlreiche gewesen, so daß sich die Kirche selbst veranlaßt sah, dem Wunsche der Gläubigen nach speziellen Helfern auf diese Weise entgegenzukommen, daß sie außer den in der Litanei anzurufenden noch weitere 14 Heilige statuierte, die sie als die »vierzehn Nothelfer« anzurufen gestattete. Es sind die folgenden: Achatius, Aegidius, Blasius, Christophorus, Dionysius, Erasmus, Eustachius (bezw. Hubertus), Georgius, Cyriacus, Pantaleon und Vitus und von den weiblichen: Barbara, Katharina und Margaretha.

naive Mittel erzielten, war in jedem Belang ein überraschender. Mit Hilfe der Volksetymologie wurden, wie obige, gewiß noch vielfach ergänzungsfähige Liste zeigt, einzelne christliche Heilige nicht nur begrifflich durchsichtig gemacht, sondern sie konnten daraufhin sehr wohl auch mit Attributen ausgestattet werden, durch welche sie die Eignung erhielten, analoge Funktionen auszuüben, wie früher die begrifflich durchsichtigen Götter.

Czernowitz im Juli 1907.

Kałuźniacki.

Dohodak stonski, koji su Dubrovčani davali srpskome manastiru sv. Arhangjela Mihajla u Jerusalimu i povelje o njemu cara Uroša (1358) i carice Mare (1479).

Općina dubrovačka bila je dužna svojim susjedima davati razne godišnje dohotke ili tribute (dohodak, lat. tributum, census, incensus, regalia).

Najveće je bilo »tributum Sancti Demetrii« od 2000 perpera, koje se od kraja 13. vijeka davalo svake godine na dan sv. Dimitra (26. oktobra). Kako se vidi iz povelje kralja Stefana Tvrtka od g. 1378, primao ga je onaj, koji je gospodovao »ovomzi zemljom primorskom, Trebinjem i Konavلامي i Dračevicom« (Mon. serb. str. 188). Ovaj dohodak su primali kraljevi i carevi srpski do g. 1371, poslije župan Nikola Altomanović, g. 1375—1377 Gjuragj Balšić kao gospodar na Trebinju i u Konavlima, najposlije kraljevi bosanski od g. 1378 do propasti države bosanske.

Kad su se Dubrovčani vješto poslužili borbom između Srba i Bošnjana, pa u svoje ruke dobili grad Ston i poluotok Stonski Rat (lat. Puncta Stagni), plaćali su od g. 1333 »tributum Stagni«, naime 500 perpera Bošnjanima, pa opet 500 perpera i Srbima. Rok tributa bosanskoga bio je dan sv. Vlaha (tributum S. Blasii), rok tributa srpskoga »Velik dan« ili »Vъskrêsenije« (tributum Pasche).

Tribut bosanski od Stona primali su vazda samo vladaoći bosanski. U knjigama arkiva dubrovačkoga čita se na pr. da je 14 februara 1349 Dubrovčanin »Junius de Calichio« kao poklisar »domini bani Bossine« od gradskoga kneza Petra Justiniana pred svjedocima primio 500 perpera »pro tributo in festo S. Blasii proxime preterito« (Div. Canc. 1348—9). Opet je taj tribut primio 27 marta 1354 Kraguj, poklisar bana bosanskoga, 19 februara 1356 pak magister Nicoletus Nigrellus i isti Kraguj (Div. Canc. 1354), 1366 mletački vlastelin Ser Marcus Bonçi, »nuntius et procurator domini Tuertehi, bani Bosnensis«, 2 marta 1371 poklisar banov Pripko Mirešić, 12 marta 1375 Dubrovčanin »presbyter Ratchus,

cappellanus et procurator ad infrascripta magnifici et potentis domini Tuertchi bani Bossine«, 4 februara 1376 jedan Sasin, koji se je onda iz Bosne preselio u Dubrovnik, Chanussius Saxinovich, 12 februara 1377 opet »presbiter Ratchus, cappellanus domini Tuertchi, incliti bani Bosne«. Medjutim se ban Tvrtko dao okruniti na kraljevstvo srpsko. Tada je došao u Dubrovnik 24 septembra 1378 onaj isti pop Ratko, ali već kao »prothovistarius et camerarius serenissimi domini, domini Tvertchi, dei gracia bani Bosne et regis Rascie«, pa je primio ne samo tribut od 500 perpera, »quod solvitur dominio Bosne pro Stagno et Punta Stagni«, za ovu godinu, koja će se navršiti »de mense februario proximo venturo«, nego za prvi put i tribut svetodimitarski, »quod solvitur regno Rascie« (Liber diversarum scripturarum 1377—1379).

Vara se dakle Lukarić (Copioso ristretto degli annali di Ragusa, 1. izd. 1605 str. 55, 2. izd. od 1790 str. 93), kad piše, da je car Stefan Dušan (1350) protjerao Stefana bana bosanskoga i odredio, neka Dubrovčani onaj tribut, što su ga davali banu, u naprijeda daju srpskome manastiru u Jerusalimu.

Drugi tribut stonski, koji su Dubrovčani plaćali Srbima, primao je Stefan Dušan preko raznih izaslanika. Za tribut svetodimitarski dolazili su u Dubrovnik kao poklisari kraljevski ali poslije carski takodjer razni ljudi: vlastela srpska ili kotorska, talijanski trgovci iz Mletaka ili Florencije, katkad i katolički biskupi ili opati iz Primorja. U subotu 10 decembra 1334 »Paulus habas (sic) S. Sergii (sv. Srgj na Bojani), nuntius serenissimi domini Stephani, dei gracia regis Raxie«, dobio je od dubrovačkih kamerlengâ pred knezom i svjedocima iz Kotora, Bara, Mletaka i Florencije tribut svetodimitarski i 250 dukata (onda 1 zlatni dukat = 2 yperpyri) »pro incensu, quem idem dominus rex debebat recipere a communi Ragusii in Pascate Resurrectionis Domini proxime preterito pro Punta, pro uno anno preterito et completo in dicto Pascate« (Div. Canc. 1334). G. 1342 javio se 25 aprila kao kraljevski izaslanik srpski kalugjer Gjerasim Prkosa, »Jerassinus Pricossa caloyrus, nuncijs domini regis Raxie«, pa je primio »in pecunia numerata de grossis de Ragusio vice et nomine domini regis Raxie« od općinskih kamerlengâ Matije Menčetića, Živete Crijevića i Živete Gučetića 500 perpera, »quos ipse dominus rex Raxie recipere debebat in Pascate Resurrectionis preterito a dicto communi pro tributo, quod solvitur pro Punta Stami« (Div. Canc. 1341). U knjizi »Diversa Cancellarie 1347—1348« zapis se o isplaćivanju tributa »domino imperatori« za prošasti Uskrs (Pascate preterito) u polovici mjeseca julija 1347 žalibože nalazi na gnjilom listu, tako da se mogu pročitati jedva imena svjedokâ. G. 1349, 7 junija javio

se za tribut stonski Marko, katolički biskup skadarski: »venerabilis in Xpo pater dominus Marcus episcopus Scutarensis in presencia domini Nicolay Georgio marchionis de Veneciis (markiz u Bodonici kod Termopila u Grčkoj), Ser Nicole de Lucari et dompni Michaelis de Bodacia, vigore litterarum domini imperatoris Slavonie, quas ipse presentavit nobili et potenti viro, domino Petro Justiniano, honorabili comiti Ragusii et suo minori consilio, fuit contentus et confessus habuisse et recepisse a dicto domino comite et suo minori consilio, dante et solvente nomine communis Ragusii pro tributo Punte Stagni yperpyros quingentos, qui solvi debebant in Paschate nuper preterito de anno domini MCCCXLVIII, indictione secunda, quibus literis domini imperatoris data fuit plena fides per dominum comitem et suum minus consilium« (Div. Canc. 1348—1349).

Idnuće godine 1350 car Stefan darova tribut stonski srpskomu manastiru sv. Arhangjela Mihajla i Gavrila u Jerusalemu¹⁾. O tome se nalaze u Miklošičevim »Monumenta« tri povelje:

1. Car Stefan odredjuje, crkva arhistratiga Mihajla u Jerusalemu »da si uzima u Dubrovnicê od dohotka carstva mi na vsako godište na Vьskrêsenije 5 sьt perper benetъčkih«. Povelja nije sačuvana u originalu, nego samo u dva prijepisa, koji se ne slažu ni u mjestu, ni u godini, ni u mjesecu (Mon. serb. str. 133—135). a) Po prijepisu 14. stoljeća izdana je »u Prizrêni« 29 aprila »вѣ лѣто ·жсѡ· (fale brojevi trećega i četvrtoga mjesta), indiktion 1., što bi po indikciji vodilo u g. 6856 = od 1 septembra 1347 do 31 augusta 1348, dakle bi bila izdana 29 aprila 1348. b) U kopijaru arkiva dubrovačkoga čita se godina ·жсѡни·, 6858 = od 1 sept. 1349 do 31 augusta 1350, »мнѣца маръта ва гради Мельницѣ 8 Грьцнѣхъ на Рѡманию«; po tome bi povelja bila izdana u martu 1350. Prva data svakako je kriva, jer je car, kako smo vidjeli, još 7 junija 1349 dao tribut stonski isplatiti sebi samome preko biskupa skadarskoga. Florinskij, Памятники законодательной дѣятельности Душана, царя Сербовъ и Грековъ (Kiev 1888) str. 114 riješio se za g. 1348. Archimandrit Ilarion Ruvarac u raspravi o manastiru sv. Nikole na Vranjini, što ga je car Stefan istom poveljom priložio manastiru jerusalimskomu, govori o nesuglasnosti u datiranju izmedju prvoga i drugoga prijepisa, pa misli, da se razlika može »izjasniti i tim, što je car Stjepan dva hrisovulja izdao srpskoj crkvi u Jerusalemu«; u prvom od 1348 zapisao je jerusalimskoj crkvi mali manastir na Vranjini, u drugom od 1350 priložio je istoj crkvi dohodak od 500 perpera u Dubrovniku, pa »od oba ta

1) O njegovim sudbinama piše arhimandrit Ničifor Dučić, Српски краљевски манастир у Јерусалиму, Godišnjica Nikole Čupića 9 (1887), 235—242.

zasebna hrisovulja, dana crkvi jerusalimskoj, napravio je pozdniji prepisivač jednu listinu« (Ruvarac, Камичци-прилошци за други зетски дом: Просвјета, год. II, на Цетињу 1894 свеска 10, стр. 533—534).

Ovo darovanje dohotka stonskoga manastiru jerusalimskom nije u nikakvoj svezi sa uvjetom, pod kojim je kralj Stefan g. 1334 Dubrovčanima potvrdio Ston i Rat Stonski: »i ješte su se zakleli kraljevstvu mi vlastele dubrovčeci, da prëbiva pop srbski i da poje u crkvah, koje su u Stonu i u Rëtu, kako jest povelëvalo kraljevstvo mi« (Mon. serb. 108). Srpski pop Bratoslav primio je od vlade dubrovačke oko 1339 kod diobe poluotoka stonskoga dva »soldi« zemlje u starom gradu sv. Mihajla kod samoga Stona i jedno zemljište kod crkve sv. Petra u malenom polju stonskom (»Bratosavo, presbitero Stagni«, zakonik »Liber Reformationum« XXXI, 3). Ali potomci popa Bratoslava, njegovi sinovi, unuci i praunuci nisu bili više popovi. Pribac, sin pokojnoga »Bratoslavo prete« spominje se 1394 (Libro Rosso f. 184). Kod revizije katastra u maju 1433 našlo se, da se ove zemlje u gradu sv. Mihajla i »in lo plan de Stagno« kod crkvicâ sv. Stefana, sv. Ivana, sv. Petra, sv. Martina i sv. Kozme i Damjana ne nalaze u duhovnim rukama, nego u rukama mirskih ljudi, nasljednikâ popa Bratoslava. Bila je to Živka, kći Ilije Pripčica (držala je polovicu zemljišta »sul monte de Sancto Michiel, la che fo castello antichamente«), Radovac Gjurgjević, koji je svoju zemlju (opet kod sv. Mihajla) dobio kao prćiju svoje žene, don Petar Stanjević iz Stona, Božičko Radniković, Radmilac Pantetić itd., koji su bili okupirali i sve zemljice rečenih crkvice, ali same crkve ostavili »desruinate e scoverte«. Oni su se branili: »noi tuti come successori de Bratosav prevede abbiamo posseduto i detti terreni et a esso Bratosavo forno concessi per la signoria de Ragusa«. Ali kod diobe zemljišta stonskoga govorilo se samo o Bratoslavu a nije o njegovim nasljednicima. Za to je vlada ove zemlje nasljednicima uzela i darovala crkvama stonskim (Libro Rosso f. 249 = Libro imperfetto dei decenni di Stagno f. 102, u arhivu dubr.).

Car Stefan je latinskom poveljom sa srpskim potpisom od 20 augusta 1346 u Skoplju darovao kapitolu crkve sv. Nikole u Baru u Pulji 200 perpera »de nostro tributo, quod habemus in dicta civitate Ragusii« (Furlati, Illyricum sacrum VI, 127; Makušev, Итал. архивы III, 11—12 u Записки имп. акад. наукъ 19 pril. 4, 1871; Rački, Rad 18, 229—230). Car Uroš je ovu darovnicu potvrdio, ali Dubrovčani su 1363 zahtjeve kapitula barskoga pismom pisanim »regine Apulie« odbili, budući da tribut davaju samo izaslanicima, koji »specialibus litteris sclavis et latinis« imadu punomoć od gospodara raškoga. K tomu dodaju, da bi

drugačije kanonicima barskim radje davali, »si venirent ad nos anno quolibet cum litteris regis Rassie«, nego »caloyaris scismaticis, quibus pro parte domini regis Rassie quidem damus omni anno tributii pecuniam supradictam« (Mon. Rag. 3, 297).

2. Car Uroš potvrđuje 24 aprila 1357 »pod Prizrenom na Ribnicê« zapisanje, što ga je dao »gospodin svetopočivši car, roditelj carstva mi«, »prečistoj vladici gospođi Bogorodici sinajskoj«, da se njoj dava »od Velika dñni do Velika dñne na vsako godište od Dubrovnika pet sýt perper benetsčkih od Stona« (Mon. serb. 159—160). Povelja se sačuvala, kako Miklošić kaže, samo u prijepisu 14. vijeka. Istijeh dana, 24 i 25 aprila datirane su ili »na Ribniku« ili »u Prizrêñê« još četiri druge povelje cara Uroša (ib. 157—165). Spominju se u njima isti poklisari dubrovački: Marin Bunić, Žive Nikole Gundulovića sin i Žive Crijević, samo što povelja izdana manastiru sinajskome piše Чнкѣ mj. Жнкѣ. Drugačije u pravopisu nema razlike. Čudnovato je samo, da za dohodak stonski nisu u vrijeme careva Stefana i Uroša nikada dolazili monasi sinajski, nego vazda jerusalimski. U knjigama dubrovačkim nalazi se samo 6 junija 1355 zabilježeno, da je »Nichodimus monacus de Synay S. Chatarine« pred knezom Nikolom Barbadikom i drugim svjedocima primio natrag svoj depozit (Div. Canc. 1354). Ne zna se, je li to bio isti Nikodim, koji je godinu ranije (1354) došao u Dubrovnik kao kalugjer jerusalimski, da uzme dohodak stonski.

3. Car Stefan Uroš potvrđuje u Prizrenu 2 junija 1358 zapisanje, koje je otac njegov, car Stefan priložio crkvi sv. Arhangjela u Jerusalemu. Sadržaj ove povelje priopćio je u kratko Grigorovič, Очеркъ путешествія по Европейской Турцији (2 izd., Moskva 1877, str. 45). Tekst je dva puta štampan: u Glasniku društva srpske slovesnosti 2 (1849) 197—199 i po ovome izdanju kod Miklošića, Mon. serb. 165—168. Po ovoj je povelji car Stefan odredio, da Dubrovčani svake godine davaju manastiru jerusalimskomu »tisuštu perper dubrovčkih«, to jest 500 perpera »na Velik dñn na Vьskrьsenije« i drugih 500 perpera »na Dmitrov dñn«, »do gdê godê Dubrovnik drži Ston grad«. Ako bi se slučajno »grêh radi naših« hramu u Jerusalemu »zapusteti«, neka se ta »tisušta perper« daje u Svetu Goru manastiru Hilandaru i »monastiru svetago velikomučenika Gjeorgija, glagoljemij svetyj Pavl«, što su sagradili »prêdêdi carstva mi« sv. Simeon, sv. Sava »i po njih roditelj carstva mi i my takođe«. Original na pergameni sa zlatnim pečatom čuvao se u Hilandaru, pa ga je 1848 jeromonah i bivši iguman hilandarski Serapion donio sa sobom u Biograd (Glasnik ib. str. 202).

Sumnjiv je na prvi pogled pravopis. U pravim listinama cara Uroša

nigdje nema *ī*, koje se javlja u srpskim pismima čak na kraju 14. vijeka, ali ova povelja ima: *ѡжїи, ѡжїа, ѡѡтїе, правѡвѣрїе, въ правѡславїи, прїеше, ꙗрсенїе, Марїа* itd. Čudno je, da se nekoliko puta piše u singularu *Ѣросолїиѡ* (listina cara Stefana ima *-салїиѡ*), pa jedan put u pluralu: *въ Ѣросолїиѡхъ*, po grčkom *ἐν Ἱεροσολύμοις*. Riječi, kojima se govori o ocu, ne slažu se sa stilizacijom nesumnjivih listina. Car Stefan se u ovoj povelji zove »trblažen«, »prismo pominajemi« i »car kyr Stefan«; u drugima se piše »gospodin i roditelj carstva mi, svetopočivši car« (Mon. serb. 155—156), »sveti car Stefan« (ib. 161, 164), »gospodin car, svetopočivši roditelj carstva mi« (ib. 163, 175). Ni potpis nije u redu. Obična formula je: »Stefan Uroš v Hrista boga blagovêrni car Srblijem i Grkom«, ali ova listina hilendarska ima: »Stefan v Hrista boga blagovêrni Uroš car Srblijem i Grkom«. Uroš je tu postavljeno daleko od Stefan, po primjeru grčkih listina, gdje *Κομνηνός* ili *Παλαιόλογος* dolazi gotovo na kraj carskoga potpisa. Još je više sumnjiv natpis na pečatu, koji je po Grigoroviču od pozlaćenog srebra: »*Степанъ въ х̄а̄ ба̄ благовѣрни младъ Урошъ*«; nema u njemu carskog naslova, ali ima riječ »mladi«, koja je imala smisla, dok je Uroš bio »mladi kralj« kraj svojega oca kralja, ali od kako je Stefan Dušan okrunjen na carstvo, izašla je iz običaja.

Najviše je sumnjivo darovanje i jedne četvrtine dohotka svetodimitarskoga manastiru jerusalimskomu.

Kako se vidi iz kancelarskih knjiga dubrovačkih (vidi u prilogima), carevi Stefan i Uroš svake su godine primali cijeli tribut svetodimitarski (2000 perpera) u punoj svoti sami za sebe, preko svojih poklisara, koji su bili mirski ljudi: mletački vlastelin Francesco Ruzzini 1351, kotorski vlastelin Luka Bučić 1355, knez Vojislav 1362 preko svojega poklisara Strijelca i udovica Vojislavova 1364 i 1366, knez Grgur Golubić 1365, čelnik Miloš 1368, Grgur Stechat 1370.

S druge strane znamo iz tih istih kancelarskih knjiga, da su kalugjeri (caloyari, calogeri) jerusalimski onda dobivali od Dubrovčana kao »dohodak« ili »tributum Stagni« svaki put samo 500 perpera na godište, nikada ni perpere više, vazda sa vjerovnim pismom od cara, poslije i od drugih gospodara u Srbiji. Dolazili su rijetko u proljeće odmah nakon Uskrsa, katkada (već 1355) u augustu, pa više puta u posljednjim mjesecima od godine. Slučavalo se, da su morali dugo čekati, dok se novci isplate, kao kalugjer Serapion 1366; za to su mu Dubrovčani dali na stan (pro afflictu domus) dar do dvije perpere (Mon. Rag. IV, 68). Isto se g. 1367 plaćanje vuklo od julija do decembra. U dvije polovice po 250 perpera je plaćen dohodak 1371. Poslije propasti

Nemanjićâ češće se događalo, da se je dohodak platio zajedno za dvije prošle godine, kao 1372, pa opet 1375. Vrlo je zapelo isplaćivanje u vrijeme velikoga rata između Mlečića i Gjenoveza (1378—1381). G. 1382 izravnali su Dubrovčani svoj dug samo do 1376, pa 1387 samo do Uskrša 1384. Napokon su po nastojanju srpskih gospodara, kneza Lazara, Vuka Brankovića i Gjurgja Balšića 1388 isplatiti tri godišnja obroka, do 1387.

Kalugjeri, »sindici« ili »ikonomi« jerusalimski dolazili su najprije po jedan, od 1367 katkada i dvojica ili trojica. Samo 1355 javljaju se kalugjeri sv. Nikole (na Vranjini), Mihajlo i Antonije. Svi drugi su bili Jerusalimci; dolazili su preko Carigrada, Modona u Grčkoj ili Manfredonie u Italiji. Među njima se spominju trojica sa prezimenom Prkosa: Gerasim Prkosa već 1342 prije darovanja dohotka Jerusalimcima i 1352, iguman Gervasije Prkosa 1370 i 1372 i kalugjer Roman Prkosa 1370, 1371, 1372, 1375, 1382, možda ti isti Roman, koji se spominje još 1386 i 1388. Drugi su bili: Nikodim 1354, Metodije 1362, 1367, 1369, Nikola 1365, Serapion 1366, 1367, Danilo 1375, Filip 1375, Makarije 1375, Sava 1386, 1387, 1390, Joasaf 1387, iguman Jovan 1388, mitropolit Mihajlo 1388, Gerasim 1388, Damjan 1390 itd.

U vrijeme despota, Stefana i Gjurgja, dohodak stonski isto se uvijek plaćao u svoti od 500 perpera. Tražilo se vazda vjerovno pismo gospodara srpskih; monasi su 1402 imali punomoć »per literas baronum et nobilium testimoniales«, 1424 »literas despoth de Sclavonia seu de Rassia et domini Georgii Volcovich secundum usum« (pismo »gospodina Gjurgja« vidi u Spomeniku XI, 76 br. 75), 1432 opet pismo despota Gjurgja. Ako nisu donijeli vjerovno pismo, Dubrovčani su se izgovarali pa tražili, neka se kalugjeri sami brinu za potrebnu punomoć. Tako su rekli 16 novembra 1422 kalugjerima, neka najprije jedan od njih trojice ide »ad dominos Sclavonie« za pismo; isto je 16 decembra 1427 zaključeno »excusandi isti calogero«, pa pisati »domino Georgio, domino Rassie et Sclavonie«; u zapisnicima od marta 1446 i od julija 1459 opet je zabilježena »excusatio« kalugjerima, jer su došli bez pisama. Dohodak se plaćao neredovno, katkada za dvije godine, kao 1402 i 1432, ili za tri godine, kao što 1422, 1442, 1446, pa i za četiri godine 11 julija 1448. Bilo je i toga, da su ga davali u obrocima; na pr. 1455 3 januara 150 perpera, 15 aprila 500, 18 juna opet 500. Plaćanje je ostajalo daleko za tekućom godinom; 1424 je svotom od 1200 perpera bio dohodak namiren samo do Uskrša 1419 (Spomenik XI, 76). Izaslanici su »calogeri Jerosolimitani«, »calogeri Sancti Michaelis Yerosolimitani«. Spominju se Josip i Gavrilo 1402, Gavrilo, Nikandar i Galaktion 1422,

opet Nikandar i Gavrilo 1424, Nikandar 1431. Ovaj »Nikandar starac jerusalimski« bio je duhovnik gospodje Jelene, kćeri kneza Lazara i udovice velikoga vojvode Sandalja; spominje se u njezinom testamentu i dolazio je poslije njezine smrti († 1443) u Dubrovnik, da primi njezinu ostavštinu (Mon. serb. 415—417; Pucić II, 121—123). Za dohodak stonski su se kašnje javili kalugjer Marko 1448 i iguman Gavrilo Novobrdjanin 1455 (frater Gabriel de Novoberdo, abbas Sancti Michaelis de Yherosolima, calogerus Jerosolimitanus). Iz Dubrovnika vraćali su se »starci Jerusalimljani« u Srbiju; 1429 dala je općina dubrovačka kalugjere na svojoj oružanoj ladji dovesti u Bar, koji je onda bio grad gospodina despota. Marko i njegov drug zapisani su 1448 kao »calogeri S. Michaelis de Monte Sinai«, što se ne slaže, je crkva sinajska nije se zvala sv. Mihajla. Vidi se, da je manastir u Jerusalimu propadao i da su srpski monasi Jerusalimci većinom boravili na Svetoj Gori Atonskoj: zovu se 17 decembra 1408 »caloieri de Sancta Gora de Sancto Monte« (Cons. minus), 17 junija 1424 »calogeri de Monte Sancto« (Cons. Rogatorum), pa malo dana poslije toga 23 junija »Nichandar et Gavril calogeri Jerosolimitani, habitantes in Monte Sancto in partibus Constanti-nopolitane civitatis« (Div. Canc. 1422).

Poslije propasti države srpske našle su stare zadužbine zaštitu kod potomaka domaćih kuća vladalačkih. Najprije kod kćeri despota Gjurgja, turske carice Mare, udovice sultana Murata II, koja je imala svoj dvor blizu Svete Gore, u Ježevu kod Sera. »Imperatrix Mara« bila je vazda u prijateljstvu s Dubrovčanima, s kojima je imala sveze od g. 1459. U svojim pismima piše im kao »našim dobrim i vele uzdanim prijateljem« (1474 Mon. serb. 535). U drugom listu kaže: »i naprijeda smo mi vaši prijatelje, kakono su naša gospoda bila vam prijatelje, takoj i mi držimo svako prijateljstvo k vam u svako vrijeme« (1475 ib. 537); u trećem se zahvaljuje i poklanja »kako našim bratjam i starim prijateljem« (1478 ib. 536).

G. 1462, 18 marta, dalo je vijeće umoljenijeh punu moć knezu i malomu vijeću odgovoriti »ambassiatori Mare imperatricis (poklisaru Novaku) pro tributo Hierosolimitano«; u zapisniku ne kaže se, u kojem smislu. Tri godine nakon toga došao je jedan kalugjer sa poklisarima carice Mare i s pismom cara turskoga za dohodak stonski. G. 1465 zaključeno je 11 maja u vijeću umoljenijeh: »Prima pars est de solvendo Thome calogero, qui venit cum duobus hominibus Mare imperatricis et cum literis imperatoris Turchorum et dicte Mare imperatricis de denariis tributis, quod tenemur monasterio Sancti Michaelis de Hierusalem pro Stagno iuxta scripturas inter commune nostrum et olim im-

peratorem Stephanum et Orosium filium suum. Per XXXV contra V. (drugi prijedlog, »secunda pars«, bio je: non dare, quia non venit cum contrasignis opportunis). Kalugjer Toma je onda dobio 1000 perpera za dvije godine. Još 21 oktobra iste godine opet bi zaključeno dati »ambassiatoribus imperatricis Mare et callogeris monacis Hierosolimitanis« 2000 perpera za 4 godine, »et hoc ad instantiam imperatricis Mare, que instanter de hoc requisivit« (Liber Rogatorum 1463—1466). Tijem je bilo isplaćeno g. 1465 svega 3000 perpera za 6 godina, po svoj prilici 1459—1465¹⁾. Isto je 19 junija 1469 riješeno dati »Nichiforo calogero, nuncio Mare imperatricis« 1000 perpera za 2 godine, za »monasterium S. Michaelis de Hierusalem«. U septembru 1469 javljaju se poklisari carice Mare²⁾ zajedno sa poklisarom Esebege, turskoga vojvode u Skoplju (u Maćedoniji), pa govore gospodi dubrovačkoj o tributu jerusalimskom. Istijeh dana javila se u gradu i gospodja Katakuzina, sestra carice Mare i udovica Ulrika grofa Celjskoga. Evo što se čita o tome u zapisniku vijeća umoljenijeh 13 septembra ov. g.: »Prima pars est de dando imperatrici Mare per manus ambassiatorum nostrorum id, quod sumus debitores pro tributo, quod tenemur dare monasterio de Hierusalem, faciente ipsa nobis fieri expeditorias opportunas. Per XXV contra VII«. Zajedno je knezu sa malim vijećem dana punomoć »respondere ambassiatori imperatricis Mare et ambassiatori Exebegh pro facto tributi de Hierusalem. Per omnes contra I«. Kod ovih se pregovora radilo i o starim poveljama o tome tributu, koje su imali i Dubrovčani i carica Mara; vijeće umoljenijeh 16 septembra je (sa 29 glasova protiv 3) zaključilo »de ostendendo ambassiatoribus Mare imperatricis scripturas, quas habemus cum imperatore Stiepano pro tributo de Hierusalem, si ipsi oratores volent ostendere eorum scripturas«. Još 22 septembra isto je vijeće riješilo, neka malo vijeće pokaže gospodji Katakuzini (D. Catacusine) »privilegium lectum in presenti consilio per Marinchum³⁾, in presentia duorum de minori consilio« (Liber Rogatorum 1468—1470). Vidi se, da se u listinama, što su imale obje stranke, nešto nije slagalo. Iduće godine 1470 slali su Dubrovčani

1) Na ovo mjesto u »libro di Pregati dell' anno 1465« pozivlje se Lukarić, kad piše, da su srpski kalugjeri u Jerusalimu pomrli od kuge i da je carica Mara s carom Mehmedom II. molila Dubrovčane, neka stari dohodak jerusalimski daju »alle badie di Santa Maria di Filandari e di San Paolo di Monte Santo in Macedonia« (Luccari, 1. izd. 55, 2. izd. 93).

2) Poslije se 7 okt. 1469 spominje »Nichoforus et socius, oratores domine Mare imperatricis«.

3) O Marinku Cvjetkoviću, djaku ili logofetu dubrovačkom, vidi Archiv ftr slav. Phil. XXV (1904), 207.

500 »perper dubrovčkih, što dava Dubrovnik dohodak od Stona na Jerusalem crkve svetomu Arhangelu na godište«, za ovu godinu preko svojih poklisara Jovana Bunića i Paladina Lukarevića, koji su pošli na portu, pravo »gospodji carici Mari«, koja je primanje potvrdila pismom od 4 novembra te iste godine (Mon. serb. 514).

Sačuvana gradja iz toga vremena dosta je oskudna. Znamo, da su Dubrovčani 28 decembra 1483 dali kalugjerima, koji su se javili sa pismom »Mare imperatricis«, tribut sv. Mihajla za dvije godine, isto 4 aprila 1486. Da su ti kalugjeri dolazili sigurno već ne iz Jerusalem, nego iz Svete Gore, vidi se 8 julija 1488, gdje je vijeće umoljenijeh riješilo primiti »expeditorias factas per chalogeros de Monte Sancto pro ypp. 1000 pro duobus annis, pro ecclesia S. Michaelis de Hierusalem«. Kad je umrla carica Mara († 1487), brinula se za taj posao njena sestra Katakuzina; 3 junija 1490 vijeće je zaključilo platiti »monacis missis per dominam Catacusinam id, quod debemus dare monasterio S. Michaelis de Hierusalem«.

I u to vrijeme vidi se svaki put, da godišnji dohodak stonski nije bio veći od 500 perpera, koje su se onda računale za 147 dukata (Mon. serb. 514). Ne slaže se s tim povelja, koju je izdala »carica i samodržica kyra Mara« u Ježevu 15 aprila 1479 (6987 ind. XII). U njoj kaže, kako je vidjela hrisovulje, zapisane carem Stefanom i sinom njegovim carem Stefanom Urošem manastiru sv. Arhangelja u Jerusalemu, Dubrovčani da mu davaju za Ston grad na godinu 1000 perpera, 500 na Uskrs i drugih 500 na Dmitrov dan. Vidjela je, da se u tim hrisovuljima piše, ako zapuste hram jerusalimski, da se taj dohodak daje manastirima svetogorskim, Hilandaru i sv. Pavlu. Sada je crkva u Jerusalemu pusta, pa je carica slala u Dubrovnik kalugjere Arsenija i Ćirila, koji su s Dubrovčanima sve dogovorili (Glasnik 2, 1849, 200—202; Mon. serb. 520—522). U arhivu dubrovačkom nema knjiga Rogatorum i Maioris Consilii za g. 1479—1480, tako da se po dubrovačkom materijalu za ovu povelju ne da ništa kazati. Znamenito je, da se u njoj spominje sadržaj spomenute već lažne listine cara Uroša od g. 1358, koja će biti falsifikat istoga vremena, naime od konca 15. stoljeća. Budući da je carica Mara vrlo dobro znala, koliko je bio Dubrovnik dužan na godinu platiti, biće i ova listina Marina patvorena. Sastavljači htjeli su monasima svetogorskim osigurati nasljedstvo jerusalimsko, pa kod toga i udvojiti dosadanji dohodak. Znali su možda za pregovore Mare s Dubrovnikom g. 1469, gdje su se obje stranke pozivale na svoje listine, pa su svoj sastavak grijeskom datirali za deset godina kašnje.

Listina carice Mare sastavljena je svakako prije g. 1501, kada je cijelo pitanje bilo konačno uredjeno.

Poslije smrti gospodje Katakuzine Dubrovčani nisu htjeli stonski dohodak dalje plaćati. U Carigradu se zauzimala za kalugjere nekakva »kraljica bosanska«, biće Katarina, sestra posljednjega kralja bosanskoga Stefana Tomaševića, koja je živjela u Turskoj. U napatku poklisarima k porti, Martolici Rastiću i Ivanu M. Kabužiću od 24 januara 1495 rečeno je: »Se per la regina de Bosna o per altri ve sera facto motto per quello che solemo dar in elemosina al monastero de Sancto Michiel de Hierusalem, direti che voi non haveti de questo alguna commissione, et chi ha a cerchar, vigna a Ragusa« (Lettere e commissioni di Levante 1493—1528). Isto je pisano u napatku za Petra Ciprijanova Lukarevića i Stjepka Marinova Vučinića (de Volzo) 17 januara 1498: »se alla porta ve fosse facto motto« za tribut monasima jerusalimskim, neka kažu, da o tome nemaju komisije.

Ali do skora su kalugjeri našli novoga pokrovitelja. Bio je to vezir sultana Bajezida II, Ahmet Hercegović, takodjer potomak starih kršćanskih gospodara, sin hercega Stjepana Vukčića. Kao zet sultana Mehmeda II imao je veliki upliv kod porte, pa je četiri puta bio veliki vezir († 1518). Pisao je g. 1500 Dubrovčanima, da su na portu gospodina cara došli kalugjeri od srpskih manastira Hilandara i sv. Pavla iz Svete Gore, pa su se njemu tužili, kako je car Stefan ostavio »jednoj crkvi na Jerusolimu njekoj dohodak i kako je onaj crkva pogibla, i poslije carica Mara s vami kako je načinila, da onaj dohodaćac dajete u ta dva manastira više rečena, i jeste davali za njekoliko godina, i paki jest njekoliko godina, jedna zla žena vuhovstvom jest toj smela, i nijeste im dali togaj dohodaćca od njekoliko godina«. Kalugjeri su htjeli o tome govoriti samome caru, ali Ahmet, prijatelj Dubrovnika, nije im dao, pa piše Dubrovčanima, neka se sa kalugjerima sporazume. Ako ne prime njegov savjet, da on drugi put neće kalugjere ustaviti od toga, da dodju do samoga cara (Mon. serb. 545—546). Ovo je pismo Ahmetov poklisar Radič Bogašinović prikazao gospodi dubrovačkoj. Vijeće umoljenijeh je 25 januara 1501 riješilo razmišljati (de induciendo) o tome pismu i »de petitione monacorum de Monte Sancto, videlicet de monasterio Chilindar et de monasterio Sancti Pauli«. Ali već 1 februara je sa 32 glasa protiv 15 zaključeno, da se 1500 perpera plati »callogeris, qui venerunt de Monte Sancto« (Cons. Rog. 1497—1501). Od toga vremena ne govori se više o monasima jerusalimskim, nego samo o »callogeri de Monte Sancto«. Primili su 6 aprila 1502 »pro uno anno yperpyros 500, facientibus ipsis expeditoriam opportunam«. Poslije

su dolazili svake druge godine, pa primali vazda dohodak za dvije godine zajedno; tako je bilo g. 1504, 1506, 1508 itd. Malo poslije toga počimlje niz namirnica kalugjera svetogorskih od g. 1520 do 1792, što su sačuvane u arhivu dubrovačkom; izdao ih je A. Vučetić u Starinama, knjiga 17 (1885) str. 1—48.

Prilozi.

A. Tribut svetodimitarski 1351—1378.

1351, 20 novembra, ind. 4. »Ser Franceschinus Ručini de Venetiis« primio je od commune Ragusii ypp. 2000 pro tributo, quod dominus Imperator Sclavonie habere debebat pro anno proxime preterito. Testes: Ser Paulus Querino de Veneciis, Ser Luca de Lucari, Luce de Gambe et mag. Antonius de Feraria (Div. Canc. 1351—1352).

1355, 8 januara, ind. 8. Luce de Buchia primio je od dubrovačkih kamerlengâ 2000 ypp. pro tributo anni preteriti domini Imperatoris Sclavonie, vice et nomine Çive fratris sui. Testes: Ser Andreas Memo et Franciscus Baldella Veneti (Div. Canc. 1354).

1362, ult. octobris. Consilium rogatorum je zaključilo »de dando Sreleç, nuncio comitis Voyslavi, perperos IIM tributi istius anni, secundum verba que dixit dominus imperator nostris ambaxatoribus« (Mon. Rag. 3, 234).

1364, 27 oktobra. Consilium rogatorum je odredilo, »de dando perperos IIM tributi domine comitisse (udovici kneza Vojislava), secundum quod scribit dominus imperator« (ib. 4, 33).

1365, 6 decembra. »Comes Gregorius Golubich, nuncius domini Imperatoris Sclavonie« primio je tribut »anni proxime preteriti de mense octobris yperpyros duo mille«. Između svjedoka: Pripchus Murisich et Radoc Posovcich, homines Senchi (Div. Canc. 1364).

1366, ult. novembris. »Crayssa Miroslavich, cephalia Canalis, et Utiessen Oehmuch, nuncii domine comitisse, uxoris quondam comitis Voyslavi«, primili su od rektora Joannes de Bona et parvo consilio 2000 ypp. pro tributo S. Demetrii anni elapsi, »quod solvitur a dicto communi domino Inperatori (sic) Rassie, donato a dicto Inperatore prefate domine comitisse, prout clare patet per literas autenticas ipsius domini Imperatoris, missas exinde communitati Ragusine« (Div. Canc. 1366—1368). — 1366, 23 nov. Consilium rogatorum je odlučilo »de respondendo ambaxiatori domini imperatoris Sclavonie« . . . »quod nos dedimus tributum istius anni domine comitisse, que nobis destinavit litteram domini imperatoris cum bulla leonis in die S. Demetrii«, isto »de ostendendo ambaxiatori domini imperatoris litteram, quam destinavit domina comitissa ex parte domini imperatoris« (Mon. Rag. 4, 69).

1368, 13 januara. Consilium rogatorum je riješilo, »quod proferatur et detur (prevučeno: nuncio domini) imperatoris Sclavonie tributum anni proxime preteriti de S. Dymitrio. Per omnes« (Fragmenta in Libro Reform. 1350, f. 7a; u Mon. Rag. 4, 97 stavljeno kod 13. julijsa 1367, v. Archiv für slav. Phil. XIX, 588). — 1368, 1 aprila. »Milos celnich, homo domini imperatoris Sclavonie et nuncius eiusdem, qui literas apportavit a dicto [gnjilo: domino imperatore] et a domina imperatrice, eius matre, pro tributo recipiendo istius anni proxime preteriti, fuit contentus et . . . (gnjilo) et recepit a domino rectore Ser Petro de Çereva (knez u aprilu 1368), dante et solvente vice et nomine communis [Ragusii], yperperos duo millia, in

presentia Volcoslavi Crudup (sic) et Priboe Ruye de Tribigna, Micaelis cyroici salariati communis Ragusii et Petri speciarii de Venetiis (Div. Canc. 1366—1368).

1370, 5 februara. »Gregorius Stechat, nuncius et procurator ad infrascripta domini Orossii, imperatoris Rassie« prima od rektora Grube de Mençe 2000 perpera tributū S. Demetrii proxime preteriti (Div. Canc. 1369).

1372, 27 oktobra. »Stepos Mesnovich de Draçeviça et Dobrovoy Subeç, homines çupanj Nicole, destinati per Obrad Siorcha, comitem dicti çupanj in Chanali«, primili su 2000 perpera kao tribut za prošastu godinu. Između svjedoka: Marinçe de Modroculo, Mençe frater eius de Antibaro, Johannes Lievor de Drivasto, Basse Tichoevich de Antibaro (Div. Canc. 1371).

1375, 3 decembra. »Nicha Pastrovich et Zannes Baçan de Antibaro, nuncii et procuratores ad infrascripta domini Georgii de Balsa«, primili su 2000 perpera kao tribut »de festo S. Dimitrii proxime preterito« (Div. Canc. 1376).

1376, ult. octobris. »Radiç Juryevich, chefalia in Canali, nuncius et procurator domini Georgii de Balsa«, sa pismom »cum sigillo parvo in cera viridi« primio je 2000 perpera tributa S. Dimitra (ib.).

1377, 11 novembra. »Johannes Baçan de Antibaro et Druschus Lexievich, nuncii et procuratores domini Georgii de Balsa« primili su »pro tributo S. Demetrii yperpyros duo millia« (Lib. diversarum 1377—1379).

1378, 24 septembra. »Presbiter Ratchus, prothovistiarius et camerarius serenissimi domini, domini Tvertchi dei gracia bani Bosne et regis Rascie« prima 2000 perpera kao tribut za idući dan sv. Dimitra: »quod solvitur regno Rascie in festo Sancti Demetrii, in primo anno sui regni, qui complebitur in isto festo Sancti Demetrii nunc proxime futuro in presenti millesimo« (ib.).

B. Tribut stonski manastiru srpskome u Jerusalemu 1352—1396.

1352, 22 aprila. »Jarasinus (očevidno Gerasim) chaloiarus« prima od kamerlengâ dubrovačkih pred svjedocima 500 perpera pro tributo anni preteriti, »dando imperatori Sclavonie pro Stagno et Punta« (Div. Canc. 1351—1352).

1354, ind. 7, 1 madii. »Nicodemus caloiarus ecclesie Jer[oso][i][m][itan]e primio je 500 perpera »pro tributo Stagni anni proxime preteriti«, pošto je »imperator Sclavonie« pismom javio, da se dadu ovomu Nikodimu. Testes: magister Benedictus olim Judeus physicus, magister Gerardus de Ravenna, physici salariati communis, Ser Andreas de Memo de Veneciis (Div. Canc. 1354).

1355, 29 augusta. »Michael, Antonius caloiari de S. Nicola« (manastira sv. Nikole na Vranjini) primaju od komuna dubrovačkoga 500 perpera »pro tributo Stagni de anno proxime preterito, secundum tenorem literarum domini imperatoris Sclavonie et secundum literas Grube de Primutis« (ib.).

1360, 21 aprila. Consilium rogatorum je zaključilo »de dando caloyaro, misso ab imperatore Rassie denarios Stagni« (Mon. Rag. 3, 30).

1363, 12 oktobra. »Methodens monachus Jer[usa][l][e]mi fuit contentus et confessus habuisse et recepisse a communi Ragusii pro tributo istius anni proxime preteriti pro tributo Stagni, quod commune Ragusii solvere tenebatur domino imperatori Sclavonie, ypp. VC, in presentia Ser Francisci Baldela de Veneciis, magistri Andree ciroyco de Barleto, Petri filii Blaxii Plantavigna de Furlivio, Bieloe Stiepcovich Nalucaççe, hominis Senchi, Michaelis monacus (sic) J[e][r][usa][l][e]m« (Fragm. Div. Canc. 1363 in Distributionibus Testamentorum 1362).

1365, 19 augusta. »Nicola caloiarus Jerusalem, qui apportavit literas domini imperatoris Sclavonie«, primio je »pro tributo Stagni anni proxime preteriti de Paschate« 500 ypp. Testes: Novach Uglesich de Chanali, Obrat Boioslavich de

Canali, Mençe homo Blasii Matarango, Marinçe Charli de Dolcigno, Vasili de Budua (Div. Canc. 1364).

1366, izmegju 9 i 11 novembra (knjiga je gnjila). »Frater Serapion caloyarus, nuncius et procurator ad infrascripta domini Orosii . . . , imperatoris Servie et Grecorum, prout clare patet per literas auct[enticas] domini imperatoris, suo vero sigillo cum figura leonis sigillatas, facit manifestum, quod ipse confitetur habuisse et recepisse a domino Johanne de Bona, honorabili rectore communis Ragusii et suo parvo consilio, danti et solventi nomine et pro parte tocius communis Ragusii, yperpyros quingentos pro integra et completa soluzione tributi de Stagno, quod solvitur eidem domino imperatori in festo Pasche pro isto presenti anno . . . indictione predicta, Ser Marco Guro, Ser Francesco Baldella de Veneciis, magistro Bartholomeo, magistro Michaela chirurgicis salariatis Ragusii, Crayssa cephalia de Canali et Utiesseno Hochmuchouich, testibus ad premissa vocatis et rogatis« (Div. Canc. 1366—1368; srv. Mon. Rag. 4, 56, 68).

1367, 6 julija. Zaključak u »consilium rogatorum»: »littere, quas apportaverunt caloiari a domino imperatore Sclavonie pro tributo Stagni de anno preterito sunt sufficientes, et denarii dentur eis ad illum terminum, qui videbitur domino rectori et parvo consilio« (Mon. Rag. IV, 96).

1367, 7 decembris. »Frater Seraphion et frater Methodens, monaci Jerosolimitani, imperatoris Raxie (gnjilo) confitentur habuisse et recepisse a domino rectore Ser Johanne de Bona solventibus nomine et pro parte communis Ragusii pro tributo Stagni, quod commune Ragusii debet solvere (domino) imperatori in festo Pasce Resurrectionis Domini proxime elapso, quod (sic) tributum ipse dominus imperator scripsit speciales literas eisdem caloyaris, yperpyros quingentos pro integra solutione dicti tributi pro anno magistro Xpoforo physico salariato communis Ragusii, Petro Salimbene de Veneciis speciario, habitatori Ragusii, Nicolao spa[da]rio filio quondam Muçarelli, Antonio de Risula de Vigilliis, Ruya Gradoevich et Ostoya Sbislavich testibus ad premissa vocatis et rogatis« (Div. Canc. 1366).

1369, 3 augusta. »Metodius caloiarus de Jerusalemo fuit contentus et confessus habuisse et recepisse a communi Ragusii ypp. VC pro tributo Stagni, quod commune solvere tenetur domino imperatori Sclavonie de Paschate proxime preterito, et hoc vigore litera dicti domini imperatoris cum quadam litera latina, quas apportavit pro dicto tributo domino rectori et parvo consilio«. Svjedoci Mlečići, pa i »Bosichus Bochdisevich de Prisreno et Pripelus scribanus Bochdani de Quirismich«. Općina je uzela te novce u zajam od Luce de Bona, kojemu se istoga dana obezvala platiti 500 perpera »usque ad festum S. Michaelis« (Div. Canc. 1369).

1370, 6 augusta. »Gervassius gumen in presentia Ser Marchi Goto, Ser Aloysij de Cornario et Ser Francisci Baldella fuit contentus et confessus habuisse et recepisse a communi Ragusii pro tributo Stagni anni proxime preteriti yppos VC, qui literam imperatoris Sclavonie apportavit occasione predicta« (ib.). Malo prije, ultimo julii, primio je »Gervasius gumen caloiarus« od Lucha de Bona »totum illud, quod per ipsum vel per aliquem alium eius caloiarum fuisset depositum apud ipsum Lucha de tempore preterito usque ad diem presentem«, u prisutstvu »Romani eius chaloiari«; 22 augusta opet je »Jovan chaloiarus Ochovanich« primio sve od istoga Luke Bunića (ib.).

1371, 15 oktobra. »Frater Romanus Pricossa, caloyarus Jerosolimitanus facit manifestum, quod ipse tamquam nuncius et procurator caloyarorum Jerosolimitanorum cum expresso consensu et voluntate imperatoris Rassie fuit confexus (sic) et contentus habuisse et recepisse a Luxa de Baraba, camerario communis Ragusii, solvente nomine dicti communis, pro tributo Stagni perperos ducentos L, presentibus

Ser Lodoyco Cornario et Johanne Bono Rinbaldo de Veneciis et magistro Michaelae cyruyco, testibus ad premissa vocatis et rogatis. — Die III mensis nouembris VIII^e indictionis. Frater Romanus predictus fuit confexus habuisse et recepisse a camerariis communis perperos ducentos quinquaginta pro integra solutione tributi de Pasca anni Domini millesimo III^eCLXX, presentibus magistro Xpoforo, magistro Michaelae medicis et Nicoletto Meliorato (Div. Canc. 1371; izdano već u mojem članku: *Srbaký cár Uroš, král Vlkašin a Dubrovčané, Časopis českého musea* 1886, 265).

1372, 26 augusta. »Gervasius Bricossa, igumen de Jerusalem, Roman Bricossa eius socius, fuerunt contenti et confessi habuisse et recepisse a communi Ragusii pro tributo Stagni de anno preterito in millesimo trecentesimo septuagesimo primo in festo Pasche Resurrectionis yperpyros quingentos in presentia magistri Christophori de Benivento et magistri Petri de Stiçana physicorum et salariatorum communis Ragusii et Petri Saimbeni speciarii de Veneciis (Div. Canc. 1371).

1372, 17 septembra. »Frater Gervasius Bricossa, gumenus Jerosolimitanus, et frater Romanus Bricossa eius caloyarus faciunt manifestum, quod ipsi confitentur habuisse et recepisse a domino Joanne de Grede rectore et parvo consilio communis Ragusii, solventibus nomine et pro parte dicti communis yperpyros quingentos pro integra et completa solutione tributi de Stagno anni nuper elapsi, quod debuerunt habere in festo Pasce Resurrectionis Domini nuper elapsi, presentibus testibus infrascriptis ad hoc vocatis et rogatis: magistro Petro physico salariato communis Ragusii, Nicoletto Meliorato de Veneciis, Petro Samben speciario de Veneciis, habitatori Ragusii, et Marino Bratoslavich, Boguno Bosinovich hominibus guppani Nicolai de Altomagno (ib.).

1375, 22 decembra. »Daniel et Phylippus calogeri monasterii Jer(usa)l(e)m primaju od »camararii communis Ragusii« »pro completa solucione tributi de Stagno« yperpyros mille »usque ad annum domini MCCCLXXIII de festo Pasce Resurrectionis Domini proxime preterito«. Medju svjedocima: Brayan Dragavçich et Priellup Vtiessenovich de Tribunio (Div. Canc. 1376). — Malo ranije, 3 novembra: »Daniel calogerus S. Archangeli de Jerusalem« prima od Allegretta de Ragusio stvari Romani chalogeri S. Archangeli, koje je Allegrettu bio predao Julianus de Anchona, patronus unius navis, in Manfredonia. Spominju se: Phylippus et Marcharius calogeri, socii et confratres Romani calogeri. Cassa, jer je Roman poslije sam primio svoje stvari (ib.).

1382, 28 junii. »Roman Bricossa, caloyarus monasterii Jerosolimitani« primio je tributum de Stagno, yperpyros mille, »pro completa solucione dicti tributi usque ad annum domini MCCCLXXVI de festo Pasce Resurrectionis«. Medju svjedocima: Ser Andrea de Cesamo de Jadra (Div. Canc. 1381).

1386, 19 novembra. »Sava caloyarus, missus a mitropolitano monasterii Jerusalem tamquam syndicus seu yconimus dicti monasterii« primio je ypp. 500 pro uno anno. Testes: Ser Johannes quondam magistri Conversini de Fregnano, iuratus notarius communis, magister Dionysius Tebaldi de Tridento cirugicus etc. (Div. Canc. 1386). — Kod toga vjerovno pismo Mihajla mitropolita jerusalimskoga, s kojim šalje »kalugjere Savu i Romana« za »dohotke«, izd. Pucić II, nro 35, str. 35.

1387, 7 junija. Jovan igumen jerusalimski, Joasaf i Sava kalugjeri, izaslani od mitropolita jerusalimskoga, primaju 500 perpera »pro tributo, dicto monasterio debendo a communi Ragusii pro Stagno«, koji je isplaćen do Uskrsa g. 1384. Div. Canc. 1388. Spomenik XI, 101—102 nro 37. — Kod toga pismo mitropolita jerusalimskoga Mihajla, kojim javlja, da je knez (Lazar) poslao »za dohodke crkvene, što njestete dali u bnctvèku rat« kalugjera Joana. Pucić II nro 37, str. 29.

1388, 20 februara. »Solutio tributi Jer(osoli)mitani pro duobus annis. Johan yguman, Jerasin et Sava caloieri, nuntii et yconimi monasterii Jerosolimitani, missi a metropolitano Jerosolimitano, ut patet in literis slaviciis affixis in hoc libro circha principium libri primili su »pro duobus annis pro tributo Stagni eisdem caloieris seu mon[asterio] Jerosolimitano singulis annis debendo ypp. mille in ducatis aureis et grossis Ragusinis« (Div. Canc. 1388).

1388, ultimo augusti. »Michael metropolitanus monasterii Jerosolimitani, Gerasin et Roman calogeri, nuntii et yconomi dicti monasterii Jerosolimitani primaju pro tributo Stagni MCCCLXXXVII in festo Resurrectionis ypp. 500 in ducatis aureis. Svjedoci: Ser Alberto Mathei Compagni de Florencia, Petrus Ser Çeri de Arabato de Florencia, Franciscus Milliani de Florencia, Petrus Conradi de Florencia (ib.). Kod toga tri pisma, kneza Lazara, Vlka (Brankovića) i Gjurgja (Stracimirovića), pisana općini dubrovačkoj, kojima preporučuju mitropolita jerusalimskoga Mihajla, neka mu dadu »dohodak« crkve jerusalimske, koji joj nisu dali »od bnetačke rati godišta i sega drugoga godišta«. Pucić II nro 39, str. 29—31; sravn. Spomenik XI, 102.

1390, 14 decembra. »Damianus et Sava chalogeri, nuntii metropolitani Yerosolimitani et yconomi loci chaloger[orum] Jerusalem, ad hoc specialiter transmissi et deputati, ut patet in literis hic affixis et per literas nobillium et baronum Sclavonie approbatis« primili su pro tributo Stagni ypp. 500 za g. 1388 (Div. Canc. 1389).

1396, 17 aprila. »Pop Arsenie, Pop Dorathe, Achachie, calogrii Yerosolimitani, monaci Sancti Michaelis Archangeli« primili su ypp. mille pro tributo duorum annorum, de quibus fuit ultimus terminus in festo Resurrectionis MCCC nonagesimo sexto, pro tributo Stagni. Actum in civitate Ragusii sub lozia, prope portichum porte hospicii regiminis« (Div. Canc. 1396). — 28 aprila. »Jovan et Dorathe, caloyeri de Yerusalem« najmili su za sebe i za dva druga barku Ratka Marinovića de Zuppana sa 4 marinarii, do »Modonum Romanie«, za 16 ducatos auri i 12 groša (ib.).

U Beču, mjeseca junija 1907.

Dr. Konst. Jireček.

НѢ — КЪТО.

Kopitar je u svojoj Gramatici str. 298. nagađao, da stsl. нѢ-кѢТО стоји мјесто нѢ вѢмѢ кѢТО, а за њим се повео Miklošić, koji je od Kopitara odustao samo u tome, što nije нѢ изводио од нѢ вѢмѢ, него од нѢ вѢ и значењу >nescitur< (мјесто нѢ вѢСТѢ), које се промијенило тако, да је отпало ѣ од нѢ и в од вѢ (Synt. 172). То је своје мишљење Miklošić ponovio i u Etym. Wörtlb. str. 214, samo ga je izrekao manje odlučno i donekle promijenio, jer tu kaže: >нѢ ist wahrscheinlich нѢвѢ nescit<. Danas se već ne može s takovim glasovnim promjenama operirati, kakve je dopuštao Miklošić. Pa stoga i Delbrück (Vgl. Synt. I. str. 518. i d.) oblike kao нѢ-кѢТО тумачи drukčije; on u нѢ налази negaciju te држи, да је нѢ-кѢТО испрва dolazilo samo u negativnoj rečenici pa otuda došlo i u pozitivnu (isp. i Brugmanna: Kurze Vgl. Gramm. str. 614). Ni s tim se tumačenjem ne mogu složiti, jer negativnomu značenju takovih oblika nema nigdje traga (lit. *nēkas* u značenju >ništa, nitko<, na koje se Delbrück poziva, odgovara etimologički stsl. нн-кѢТО, не нѢ-кѢТО).

Prije negoli kažem, što sâm o tom mislim, valja mi spomenuti, da osim onoga нѢ, što dolazi u нѢ-кѢТО, imamo u jeziku staroslovenskom još dvojako нѢ. Jedno dolazi pred brojevima u značenju >circa<, n. pr. нѢ до осми мѡ҃҃жѢ ѡс ѣптѢ ѣ ѡхтѡ, нѢ о трѣхѢ стѣхѢ (Mikl. Lex.). Ovo je нѢ Miklošić држао за identično s onim u нѢ-кѢТО (Synt. 172), ali u kojem je одношaju значење jednoga i drugoga нѢ, nije kazao. Zacijelo је i значење >circa< изводио из postanja од нѢ вѢ >nescitur<, premda се њовјек теško domišља, како може n. pr. нѢ вѢ до осми мѡ҃҃жѢ значити >circa octo viros<.

Drugo нѢ dolazi složeno sa по u понѢ, које u pozitivnoj rečenici znači >bar, samo< (grč. *κάν*, lat. *vel*), а u negativnoj >ni< (grč. *οὐδέ*, lat. *nee*), n. pr. Глаголаше бо· вѣко аште прикоснѣ сѧ понѢ ризѢ его, сѡспасѣна вѣдѣ. *Ἐλεγεν γάρ· ὅτι κἀν τῶν ἱματίων αὐτοῦ ἕψομαι, σωθήσομαι*. Dicebat enim: Quia si vel vestimentum eius tetigero, salva ero. Zogr. Mark. V, 28. cf. VI, 56. — И нѢ вѢ нѢмѢ коли понѢ

ѣсти. Καὶ οὐδὲ φαγεῖν ἠὲ καίρου. Et nec spatium manducandi habebant. ib. Mark. VI, 31. — Приношаахъ во на одрѣхъ неджживѣа, да понѣ стѣнь петровѣ нандетъ на коюго нхъ, и ление вѣстаахъ. Sup. 225/6. — Нъ и на кръстѣ покъшенъ бѣвъ боольша дѣла и множанша чоудеса показалъ, да понѣ тако оуставитъ богомръзкынхъ неистовѣство. Ἀλλὰ γὰρ καὶ ἐπὶ τοῦ σταυροῦ κρεμασθεὶς μείζονα ἔργα καὶ πλείονα θαύματα ἐπεδείξατο, ἵνα καὶ οὕτως πάσῃ τῶν Θεοστυγῶν τὴν μανίαν. Sup. 368. (Mikl. Lex. s. v. понѣ). — Bug. понѣ (= по крайней мѣрѣ, хотя, хоть бы, лишь, все таки, Геровъ Рѣчн.); češ. *poně* (= etwa, mich deucht), *aspoň* (= wenigstens). — За нѣ и понѣ каже Miklošić u Etym. Wörtb. str. 214: »понѣ каъ vel ist von нѣ (sc. u нѣ-кѣто) wohl zu trennen«.

Ja držim, da je sve troje нѣ identično, i to koncesivno-hipotetička partikula.

Оно нѣ, koje znači »circa«, hipotetička je partikula te znači upravo »jamačno, možda«, koje značenje imaju i druge hipotetičke partikule, kad dolaze u samostalnim rečenicama, n. pr. Da s' donijo Bugarsku koranju, ako (= možda) bih ti i usuo vina. Vuk, N. pj. II, 143. — Ἀλλ' εἰ (= jamačno) μὲν δώσουσι γέρας μεγάθυμοι Ἀχαιοὶ ἄρσαντες κατὰ θυμὸν, ὅπως ἀντάξιον ἔσται. II, I, 135. — Navedeni primjer нѣ до осми моужъ значи dakle upravo: »možda (jamačno) do oвам мужева«; njem. »wohl, etwa«.

Понѣ je koncesivna partikula: »makar«, pa onda »bar, samo«, te navedeni primjer iz Sup. 225/6. znači upravo: »da makar (bar, samo) sjen Petrov padne na kojega od njih«. Budući da i partikula н може imati isto značenje, te bi se moglo kazati i: да н стѣнь петровѣ нандетъ на коюго нхъ, razumljivo je, da u negativnoj rečenici понѣ znači »ni«, kao što biva u navedenom primjeru iz Zogr. Mark. VI, 31. — Ovomu shvaćanju ide u prilog i to, što se riječju понѣ prevodi grčka riječ *καὶ ἔν*, koja je postala od *καὶ ἔν* (= *ἐάν*). Као понѣ тако dolazi do istoga značenja i hrv. *daj* = *da i*, n. pr. Починѣте понѣ даи мало. Domentijan * 330. — A nu vid' oči me, ter vjeruj *daj* njima, ako neč' ovime vjerovat' riječima. Gund. 189. (Budm. Rječn. II, 224). Savez partikule понѣ sa нѣ u značenju »circa« vidi se u tome, što češ. *as(i)*, koje se sa *poně* slaže u *aspoň*, a znači »okolo, više méně, snad, skoro, etwa, irgend, ungefähr, beiläufig« (Kott), postalo je pak jamačno od hipotetičkoga *a*, dolazi i pred brojevima u značenju »circa«, n. pr. Byl zde asi před hodinou; pače i *aspoň* dolazi tako, n. pr. Vlasta *aspoň* s padesáti na ně se obořila (Kott).

Koncesivna je partikula i нѣ u нѣ-кѣто. Budući da нѣ-кѣто

negirano glasi **ни-кѣто**, mora **нѣ-кѣто** značiti isto, što hrv. *i-tko* (koje je mlađe i postalo u hipotet. rečenicama), jer je **ни** upravo negacija od **и**; a hrv. *i-tko* znači »makar (bar) tko«; dakle mora **нѣ** značiti »makar (bar)«. Po tom n. pr. **Прикоснѣ са мѣнѣ нѣкѣто**. Luk. VIII, 46 (Mar.) znači: Događe se mene makar (bar, svakako) tko. (Drugo je *makar tko* sa značenjem »makar *x*, makar *y*, makar *z* . . .«.)

Potreba za slaganje indefinita sa **нѣ** osjetila se jamačno najprije onda, kad je pozitivni indefinit u suprotnosti s negativnim, n. pr. hrv. Ja sam donio nešto, a ti ništa (isp. i: Bolje je išta nego ništa). Ali je tako postali oblik napokon iz afirmativnih rečenica gotovo posve istisnuo prosti oblik (bez **нѣ**).

S **нѣ-кѣто** se može isporučiti stsl. **ѡдѣ кѣи**, bug. еди кой »quidam« (gdje je **ѡдѣ**, еди konces.-hipotet. partikula); isp. **ѡдѣ**; slovač. (malorus.) *da kto* »aliquis« (ako je *da* partikula *da* [isp. hrv. *daj* = *da i* »bar«], a ne = **кѣда**, kao što misli Miklošić u Synt. 80, isp. Maret. Vezn. § 68); češ. (malorus., slovač.) *leđa kdo* »makar tko«. Ali najljepša mu je analogija novogrčko *καείς* = *κἄν εἷς* »makar jedan«, koje je gotovo svagdje zamijenilo stari indefinit *τις* (Thumb, Handb. d. neugr. Volksspr. 67 i d.). Lat. *ali-quis*, ako je prva čest doista u svezi s *alius*, može značiti *εἷς τις*. Da bi *alius* moglo značiti »jedan«, dokazuje slav. **инѣ**, koje znači i »drugi« i »jedan« (**инорогѣ**); isp. Brugm. Demonstr.-Pron. str. 109.

Koncesivno-hipotetičko značenje držim da je partikuli **нѣ** postalo od aseverativnoga (kao i slavenskoj partikuli **ли** ili grčkoj *ἢ* = *εἰ* ili latinskoj *sī*, isp. *sī-c*), koje još ima grč. *ναί*, *νῆ*, lat. *nae*, *nē*.

Od istoga je korijena kao **нѣ** postalo više partikula, koje se mogu podijeliti na dvoje: na koncesivno-hipotetičke i na poredbene. Među koncesivno-hipotetičke pripada češ. *ne-b(o)* »ili«, upravo »možda«, tako da n. pr. Zaskočila si do lesa po trohu jahod *neb* jiného lesního ovoce — znači: po malo (možda) jagoda možda drugoga šumskog voća. Uporedo s hipotetičkim razvilo se od aseverativnoga i kausalno značenje »quoniam« (Maretić, Veznici § 90). Za hipotetičku držim i starosl. partikulu **нѣ-да** »ὡφελον, utinam« (Mikl. Synt. 259). Napokon ide ovamo i ono **не** ili **ни**, koje se često (uz imperativ **будѣ**) u maloruskom i ruskom jeziku dodaje indefinitnim i relativnim pronomenima, tako da je n. pr. rus. ушла куда **ни** **будѣ** играть = hrv. otišla je nekuda (t. j. makar kuda bilo) igrati se, a rus. что **ми** **ни** **вдаси**, то **язѣ** **принѣ** = hrv. što **ми** **даш** (t. j. ako **ми** **макар** što **даш**), то **ѣ** **ја** **примити** (Mikl. Synt. 90, 181, gdje se **не**, **ни** drži za negaciju). Isp. i lit. *nekuš* f. *nekuri* = »neki«, *nekadà* = »kadšto«, u starijem

jeziku i *nēkas* ›quidam‹ (Delbr. Vergl. Synt. I, 518, gdje se *ne* drži za negaciju; Mikl. Synt. 91, koji kaže: ›*nēkas* quidam aus *něj kas* für НѢ-КЪТО kann auf die Vermutung einer Verwandtschaft des *ни* in den hier behandelten Fällen mit НѢ führen‹).

Ovamo će ići i staroind. *káš cana* = ›makar tko‹, n. pr. *ná tám ašnōti káš caná*: njega ne stiže makar tko t. j. nitko (Delbr. Vergl. Synt. I, 514, koji drži *na* u *caná* za negaciju).

U poredbenom značenju, koje je također postalo od aseverativnoga, dolazi maloruska i poljska partikula *ni*, n. pr. polj. *mięso co dzień ni wilk zra*: quotidie carnem uti lupi vorant, upravo: doista vuci (Mikl. Synt. 181). Tomu *ni* odgovara lit. *neĩ*, n. pr. *jis bęga neĩ vęjo nęszams*: tręi kao vjetrom nošen (upravo: doista vjetrom nošen). (Delbr. Vergl. Synt. II, 540, Brugm. Kurze Vergl. Gramm. 618, koji obojica *neĩ* također tako shvaćaju).

Ovamo ide i staroind. *na*, n. pr. *išum ná srjata dvíšam*: kao strijelu bacite neprijateljstvo (upravo: doista strijelu). (Delbr. Vergl. Synt. II, 537 etc., Brugm. Kurze Vergl. Gramm. 618, koji obojica *na* tako shvaćaju, a posljednji navodi za potvrdu avest. *bā* ›doista‹ = grč. *φή* ›kao‹).

Tako valja po svoj prilici shvaćati i komparativno *нѣ-жѣ*, *нѣ-го*. Suponirati se može:

НѢЗЪ ЯСМЪ МЖДРЪ НѢ ТЪ = ja sam (tako) mudar kao ti [ego sum (tam) sapiens quam tu]; pa onda:

НѢЗЪ ЯСМЪ МЖДРЪ НѢ(ЖѢ) ТЪ = ja sam većma (tako) mudar kao ti [ego sum magis (tam) sapiens (= sapientior) quam tu].

Isp. novosl. Jaz sem modrejši kakor ti (Ziemer, Vergl. Syntax der indogerm. Comparison 188 etc., koji kao i Mikl. Synt. 179. drži *нѣ* za negaciju, a s njima se slaže i Delbr. Vergl. Synt. II, 519, ali Brugm. Kurze Vergl. Gramm. 618 shvaća *нѣ* kao poredbenu partikulu; isp. i Maretićeve Veznike § 97, gdje se također *нѣ* shvaća kao negacija).

I u litavskom dolazi *neĩ*, *neĩgi* kod komparativa, pa *nekaĩp* (Brugm. Kurze Vergl. Gramm. 618, Mikl. Synt. 180).

Pitanje o odnošaju korijena naših partikula prema korijenu negacije *нѣ* bolje je za sada ostaviti na strani.

Zagreb.

Dr. A. Musić.

Slovenica.*)

Kar sem priobčil pod tem naslovom v nekaterih prejšnjih letnikih »Archiva«, se je večinoma nanašalo na moje domače narečje (Sv. Juri na Ščavnici, severno-iztočna Slovenska Štajerska, politični okraj Ljutomer).

Kar objavljam evo v tem »Jubilejnem Zborniku«, se tudi tiče po večini imenovanega narečja.

Baš, ko sem začel pisati nastopne vrste, sem govoril s starejšim, inteligentnim kmetom, ki je v svojem govoru rabil izraze, že čisto nenavadne v mlajši generaciji; na pr.: *pitovno drevje* (= požlahtnjeno); *opet*; *broj*; *umorjen z delom* (hrv. umoren — 'umoriti' v slov.-književnem smislu je tam neznano); *notak reč po reči* (und so gab ein Wort das andere). Ta zadnji zgled je posebno zanimiv, ker kaže, kako je v tej frazi ostal prvotni (in hrv.-srbski) pomen besede »reč«. Vobče so vsi ti izrazi ostanki — rekel bi — predslovensko-šolske dobe našega naroda; nova šola je prinesla zapadnoslovenski (kar se tiče besednega zaklada) kranjski književni jezik in je izpodrinila marsikak izraz, ki je dotle svedočil o tesni zemljepisni in kulturni zvezi Slovenskih goric s sosedno Hrvatsko. Stari ljudje so rabili še izraz »orsag«, ki je sedanja mladini že neumljiv.

Vzporednost dialektnih posebnosti in otroškega govora.

Činjenica vzporednosti dialektnih posebnosti in otroškega govora je že konstatirana (na pr. Preyer, Die Seele des Kindes, Compayré, Moralni razvitak djeteta II. 59), posebe je pokazano to tudi gledé na glas *r*.

Jaz hočem za ta pojav iznesti zglede iz slovenskoga narečja Sv. Juri na Ščavnici, oziromu iz govora svojih dveh 4—6 letnih dečkov.

I. Tuja končnica *-ier(en)* se izpremeni v *-er* (ě, visok e): cementěr, cemoněr, secěrati, kanjěr, kanoněr, komanděrati, leněr(ati) = Lineal,

*) Glej »Archiv f. slav. Phil.«, Bd. XXVI.

lešpetěr, mašěrati (marschieren), repetěrati, rengěrati = zengěrati (regieren), salotěrati (salutieren), šprancěr (spazieren), štenděrati (studieren), talěr, kolěr — obratno: mirkati (vormerken, a: doma merkati).

Slično v domačih besedah: hũjděr, Kosěr, krampěr, kũrvěr, osěr, slokěr, voděr; sredi besede: serka.

Ostane pa *-ir* v leh-le zgledih: mehir, papir, pastir; v enozložnicah: mir, pir, sir, tir.

Ta pojav izpremembe *i-* ja v *e* pred *r*, ki sigurno ni osamljen na to narečje, nahaja analogijo v otroškem (dečinjem) govoru. Opazoval sem svoja dva dečka v dobi 4—6 let; otroci govore: klavěl (elavir), odpelati (odpirati), seozela (ozira), papel (papir), papelček, sel (sir), okvel (okvir), v melu (miru), melen (miren), sela (sira), steli (štiri).

Ta dečji izgovor je radi tega vreden pozornosti, ker otroci ne govoré *r-a*, nego *l*; kar bi hoteli imeti za fiziološki vzrok izpremembe *i-* ja v *e*, to tu manjka, namreč glas *r* (otrok pa ne reče: beli, nego b̄li).

r pred *i* ne povzroči izpremembe samoglasnika; zato govori otrok: lingspiel (Ringspiel), lisati (risati), liba (riba), stlic (stric).

*

Otrok si besedo predstavlja z *r* in *ve*, da bi moral v njej govoriti drug glas nego *l*. Zato protestira proti temu, če odrasel v šali govori *l*, ter pravi: »Ne liba—liba!!« (Ne more *l-a* popraviti drugače nego z *golim* protestom!).

Na drugi strani pa mi deklica, ki nagiblje k samohotnemu izkrivljanju jezika, izpreminja besedo »klampel« (= krompir) v »klampeu«.

II. V raznih, tudi slovenskih narečjih je samoglasniški *r* razvil pred seboj polglasnik: kert, smert (krt, smrt).

Otrok mi govori: *kelt*, *smelt*, *velt*, to je, čuje se polglasnik (skoro *e*), in sicer, dasi otrok ne govori *r-a*, nego *l*. Kadar je za *r-om* soglasnik, ki zajedno z njim težko zatvarja zlog, vstavi otrok predenj še drug polglasnik ter pravi: celen (črn), delel (drl), umelel (umrl), zapelel (zaprl), kakor: smalen (šmarn).

Znano je, da Slovani nemško končnico *-er* izpreminjajo v *-ar*. Moj otrok izgovori lastno ime »Kozler«: Kozla!; to je, tudi v tem slučaju se *e* izpremeni, dasi ni glasu *r*, ki ga običavamo smatrati vzrokom izpremembe. (Otrok pa pravi: plisel = prišel)¹).

1) Dodatno omenjam vpliv *r-a* na *u* v lastnih imenih: Orša (= Ūrša), Vorih (= Urh), a v nenaglašenem zlogu: Vrban (= Urban); tudi: Roprt (= Ruprecht). [Pri Sv. Juriju se kakor za šalo govori: Roprtov Roprt je ša Roprtovega Roprta prosit, ka bi ša Roprtov Roprt Roprtovega Roprta nosit. Mislim, da je v tem stavku »Roprt« ljudska etimologija iz »opri«.]

Poluglasnik pred nosnikom.

Kakor vobče v iztočno-štajerskih narečjih, tako je tudi v narečju Sv. Jurija na Ščavnici poluglasnik dal *e*.

Nenaglašen je ta *e* jako širok (odprt), na pr.: hlap^zc : hlapäc.

V naglašanih zlogih je ta *e* dolg ali kratek.

I. Ako je dolg, razločnjem

a) slučaje, kjer zveni ta iz poluglasnika nastali *e* prav visoko (se izgovorja prav ozko ali tesno) kakor *é*: bobén, kocén, pedén, locén, lēn, dēn, ténki, méši (= manjši);

b) slučaje, kjer je ta *e* srednje širok (odprt): nohét, vibér, lakét, šepét, kijéc, Stuhéc; pēaji, tēst, vēs.

II. Ako je dotični naglašeni zlog kratek, razločnjem zopet dvoje slučajev, in sicer

a) slučaje z ozkim *e*: vzemen, genen, z meno, tema;

b) slučaje s srednje odprtim *e*: lehek, sneha, meгла, pekel, vogéa, rogéa (vogel, rogelj), tešče, dež, gnes (= danes, zato tudi: *gnēšnji*), ves (vsa, vse), reca, meša, te (= tзда), pes, sep, žnjec, premeknen, vteknen.

Skupini I. a) in II. a) se krijeta baš tako kakor I. b) in II. b).

V prvih dveh skupinah se govori ozek *e* (ě), v drugih odprt.

Kako si je tolmačiti oni ozbi *e* v prvih dveh skupinah? Uvaževati je nosnik, ki stoji za njim v vseh navedenih zgledih; z njim si ga tolmačim.

Po besedah s prvotnim polglasnikom sta se povedli tudi besedi; plamén, korēn, ki izprva nimata polglasnika, a imata sedaj v sebi ozek dolg *ě*.

e/o.

Narečje Sv. Jurija na Ščavnici v sklanjatri, na pr. v 6. sklonu ednine ne pozna razlike med *jeleno-město* in *kralj-polje*. Zato se govori: s srcon, z bitjón, z grmovjón itd.

V 1. sklonu ednine pa so srednji samostalniki ohranili *e*: sreé, bitjé, grmovjé itd. Vpraša se, zakaj se je ohranil *e* v prvem, a ne tudi v šestem sklonu. Najbolj je tu delovala pač analogija soglasniških *-n-* in *-t-* debel (ime, tele), ki imajo v imenovalniku: *e*, v instrumentalu pa *ne*.

Prirevniki pa niti v prvem sklonu ne poznajo več *-e* za srednji spol; govori se: toto vino je ardečo; mleko je vročo; to je vso mleko. Ni dvoma, da je ta *o* nastopil radi sklada s končnico samostalnikov.

To je razvidno baš i iz tega, ker na pr. v besedah »ves, vroč« ostane e, ako ni samostalnika: vse je za nič. Gnes je vroče (heute ist es heiß).

Predlogi pri krajevnih imenih.

I. Na vrašanja: kje? kam? odkod? določujemo kraj

a) pred vsem s predlogom *v* in *iz*: v Ljubljani, v Ljubljano, iz Ljubljane; v Zagrebu, v Zagreb, iz Zagreba itd.

Ista predloga stojita pred krajevnimi imeni, ki so izprva patronymica (takih imen je zlasti mnogo baš v Slovenskih goricah); na pr.: v Rádencih (v Radence, iz Radenec), v Bučečóvcih (v Bučečovce, iz Bučečovec), v Logárovcih, Kokóričih, v Bolehnéicah, v Seliščih, v Slab-tincih, Okoslavcih itd. Ti izrazi nalikujejo izrazu »v Lahih« (= v Furlaniji, pri Gorici) in kažejo, da je v slovenščini prav govoriti in pisati: v Slovencih, v Nemcih itd. Prvotno spadajo sem tudi imena, ki se dandanes sklanjajo: Poličane, Poličan, v Poličanah; v Gorjah (prim. Levčev »Pravopis« pag. 32).

b) večkrat stojita predloga *na* in *s(z)*: na Dunaju, na Reki, na Gori, na Górici, pač tudi: na Dobravi, na Dobrni.

Ti slučajji kažejo jasno, kdaj stoji na vprašanje kje? predlog *na*; takrat namreč, ako krajevno ime izprva pomeni goro ali reko, skratka širši kraj, s katerega . . .

To nam utegne v mnogih slučajjih biti kažipot pri razlagi prvotnega pomena imena.

Govori se le: na Vrhniki, na Vrhniko (pri Ljubljani, Oberlaibach) in pri Sv. Juriju na Ščavnici o vaseh: na Čakovi, na Čakovo; Jamna, na Jamni (na Jamno, z Jamne), na Blaguši (na Blaguš, z Blagūša; na Ženiki, na Ženik; na Kranjskem: na Dovjem.

Mnogokrat se je izgubilo prvotno naziranje kraja, često pod tujim vplivom; zato se govori in piše večkrat: v Reko, vedno pa že: v Gorici (ob Soči), v Gorico, iz Gorice; v (Škofji) Loki, iz (Škofje) Loke; tako je pač tudi s kraji, ki se imenujejo *Bistrica* (prvotno ime reke ali potoka): v Bistrici (nam. *na Bistrici). — Popolnoma se je prvotno naziranje izgubilo pri izrazu *vrh* (= vinograd v Slovenskih Goricah); zato se ne govori: Idemo na vrh! ampak: v vrh! (Smo bili v vrhi, tudi: v gorico, Šmigoc, Gramm. p. 209) in pri lastnih imenih: v Morasken vrhi, v Rožičken vrhi, v Okoslasken vrhi in tudi: »v Sovjak« (ime »vrha«), toda: na Galošaki, na Kokolanjšaki, na Borošaki itd. Na Kranjskem: v Dobrepolju, Devica Marija v Polju.

Umevno je, da se pri izrazih kakor »Štajersko, Kranjsko, Hrvatsko,

Goriško itd. « rabi predlog *na*; zakaj ti izrazi srednjega spola pomenijo izprva širši kraj: das Steierische, das Görzische itd. Enako je tudi presojati ime *Krško* (Gurkfeld); praviloma bi se prvotno moralo reči: na Krškem, a se dandanes običajno piše: v Krškem ¹⁾.

c) Mnogokrat stoje na vprašanja: kje? kam? odkod? predlogi: *pri, k, od*, in to pri imenih žup; na pr.: pri Kápeli smo bili (in Kapellen), k Kápeli gremo, od Kápele sem doma, od Kápele grem; — pri Sv. Juriju, k Sv. Juriju, od Sv. Jurija; — pri Sv. Križu, k Sv. Križu, od Sv. Križa (*in* St. Georgen, *in* Hl. Kreuz); — pri Sv. Duhu (*in* Hl. Geist), pri Mali Nédelji (*in* Kleinsonntag); — pri Negovi (*in* Negau), k Negovi, od Negove; pri Sv-Treh kraljih itd.

Pri teh imenih prevladnje predstava *cerkve*; cerkev je bila v teh slučajih (vsaj v nekaterih, ki so postali potem vir analogije) začetek sela. Nazivi pomenijo izprva toliko kakor: k cerkvi Sv. Jurija itd. Polagoma se je naziv raztegnil na vse selo in tedaj se je mogel izpremeniti tudi prepozicionalni izraz. Misel na cerkev je laže izginila iz predstave tam, kjer je pred imenom svetnika namesto »Sveti« stalo »Šent« (Sanctus); »Šent« je bila neumljiva beseda in je kot taka potisnila misel od *svetega* Jurija in »cerkve Svetega Jurija« na selo in župo — in ljudje so hodili *v* Šent Juri, *v* Šent Vid, Šmarje itd. in tako hodijo dandanašnji na Kranjskem, dočim hodijo iztočno-štajerski Slovenci »k Sv. Juriju« in »k Sv. Vidu«. Ljubljčan, Primorec, ki prideta v Slov. gorice, govorita *pomotno*, da mislita iti *v* Negovo itd.

*

Posebno poglavje naj bo odkazano *ulici*!

Mesta imajo *ulice* in *ceste*. Ljubljčan stoji *na ulici*, kakor kmet zunaj *na cesti*, stanuje pa *v* Prešernovih ulicah, *v* Gospodskih ulicah ali *na* Miklošičevi cesti. Iz teh zgledeov se vidi: ako imamo opraviti z lastnim imenom kake posebne ulice, rabimo predlog *v*. Stvar je ista kakor v nemščini: *auf* der Gasse, *in* der Herrengasse.

V oči pada množina pri imenih ljubljanskih ulic: Kolodvorske ulice, Cigaletove ulice itd.

Ta množina je tuja ostalim Slovanom, pa tudi izvenkranjskim Slovencem. Listi, kakor celjska »Domovina« pišejo ednino; dà, celo napisi v mestecu Kamniku par ur nad Ljubljano imajo odnino. Dokler nisem stalno bival v Ljubljani, sém mislil, da je v časniških navedbah

¹⁾ Misleč, da je krivo pisati napr.: Sv. Juri *na* Ščavnici, češ, da Sv. Juri ni gori *na* Ščavnici, so pod vplivom dijaške doktrine pred 20 leti začeli pisati: Sv. Juri ob Ščavnici.

na pr.: »Kolodvorske ulice št. 5« oblika na »-e« genitiv ednine, odvisen od samostalnika »število«.

Ta množina v imenu ljubljanskih ulic je s stališča ususa slovenskega jezika neupravičen in očitno lokalizem. Pleteršnik ima za »Gasse« pred vsem ednino »ulica« po najznamenitejših slovarjih, o množimi »ulice« pa pravi, da pomeni ozko pot, Hohlweg, der Viehtrieb (eden izmed virov Pleteršnikovih, Cigale, pravi sub »Gasse«: ulice pl., nach Vodnik sowie im Altslavischen und allen übrigen slavischen Mundarten ulica; — Šmigoc, Grammatik, p. 25: ulice enger Weg, Gasse, istolako Murko v slovnici p. 18). Cf. Poradnik 1903, No. 1.

Nova Ljubljana nima več »sotesk« in »zagat«, tudi ni več »mesto« κατ' ἐξοχήν le za okoličane, nego je vseslovensko središče, eno izmed slovanskih center. Zato je pričakovati, da dobe na skoro tudi imena ulic edninsko obliko: ulica (ne: ulice).

Sv. Juri na Ščavnici (Štajerska).

Dr. Fran Ilešič.

Das Kürzungsprinzip in Ortsnamen.

Konstantinopel heißt in der modernen griechischen Volkssprache bekanntlich ἡ Πόλι, der Einwohner δ Πολιτης. Diese Benennung läßt sich schon ziemlich früh, spätestens im 10. Jahrhundert¹⁾, nachweisen; sie steckt auch in dem türkischen *Stambul*, dessen Erklärung aus τὴν Πόλι (gesprochen *Stimboli*) jetzt völlig sicher gestellt ist, nachdem Hesseling (*Revue d. études grecs* III 189 ff.) und G. Meyer (*Türk. Stud.* I 14) das *a* der ersten Silbe einleuchtend aus der Vokalharmonie der türkischen Sprache hergeleitet haben; eine weitere Stütze bildet die Form *Στημπόλι* statt *Πόλι* für Konstantinopel im kappadokischen Phertakäna (*Δελτιον τ. ἰστ. ἔταιρ.* I 504). Wohl allgemein wird aber das ngr. *Πόλι* so aufgefaßt, daß die Hauptstadt und größte Stadt des byzantinischen, jetzt des türkischen Reiches als die »Stadt« κατ' ἐξοχήν bezeichnet worden sei²⁾. Schon Romanos Nikephoru vertritt in seiner Mitte des 17. Jahrhunderts verfaßten Grammatik der griechischen Vulgärsprache diese Meinung (Jacquet, *Journal asiat.*, I. Sér., IX 1832, S. 458): *Unde fit τὴν πόλιν pro eis τὴν πόλιν, ad urbem (id est Constantinopolim) per excellentiam. Πόλιν enim nullam aliam urbem vocant Graeci, solam vero Constantinopolim per excellentiam: sed alias omnes urbes vocant κάστρα.* So naheliegend diese Auffassung auf den ersten Blick erscheint, ist sie doch keineswegs einwandfrei. Man denkt zwar sofort an die scheinbar parallelen Ausdrücke ἄστυ für Athen und *urbs* für Rom. Aber diese Ausdrucksweise war auf einen viel engeren Kreis beschränkt als das allgemeingriechische *Πόλι*. Wenn der Attiker unter der »Stadt« schlechthin seine Stadt, Athen, versteht, so ist das ohne

1) Die Belege in Sophokles' Lexikon: Sokrat. *Hist. eccl.* VI 6 (Migne *Patr. gr.* 67, 678. 5. Jahrhundert), Agathias p. 283, 22 (6. Jh.), Theophan. 280, 18 (9. Jh.), Konst. Porph. *De admin. imp.* 208, 20. 22 (10. Jh.), sind alle nicht recht beweiskräftig, da πόλις an diesen Stellen noch nicht als Eigenname fungiert. Ein ausdrückliches Zeugnis für den Eigennamen *Bólin* ist das des Masudi (10. Jahrh.).

2) Vgl. Oberhummer in Pauly-Wissowas *Real-Encycl.* unter *Constantinopolis* 965.

weiteres begreiflich. Außerhalb Attikas war aber diese Bezeichnung nicht üblich und sie hat auch nie wie ἡ Πόλις die Geltung eines wirklichen Eigennamens gewonnen. Ähnliches gilt von lat. *urbs* = Rom. Dagegen wäre es doch merkwürdig, wenn der Grieche in großen Städten wie Saloniki, Smyrna, Athen, Alexandria mit der *Stadt* schlechthin nicht die ihm zunächststehende Großstadt, sondern das entfernte Konstantinopel meinte. Das wird auch durch die eximierte Stellung der Hauptstadt nicht genügend gerechtfertigt: man denke sich nur, daß etwa der Prager, Grazer, Triester Wien einfach als »die Stadt« benennen sollten! Vollends widerlegt wird jene Auffassung aber durch eine Parallele, auf die ich schon früher einmal (Der heutige Lesbische Dialekt, Schriften der Balkankommission VI, Sp. 344) in anderem Sinne hingewiesen habe. Eine kleine kretische Stadt, heute nur ein Dorf bei Rethymno, namens Ἀργυρούπολις, scherzhaft auch Γαϊδουρούπολις genannt, wurde von den Venetianern, natürlich nach griechischem Vorgang, einfach als Πόλις benannt. Schon in dem Vertrage zwischen Venedig und Kallierges vom Jahre 1299 (Ἀθηνᾶ XIV 305) ist im griechischen Text von τὰς καβαλλαρίας τῆς Πόλης, im lateinischen *militias de Stinboli* die Rede, womit Argyrupolis gemeint ist. Auch die Berichte der venezianischen Rektoren Kretas nennen sie *Stimboli* (Noiret, Docum. inéd. S. 88 vom J. 1397. S. 197 vom J. 1409). Wenn also das kleine Argyrupolis so gut wie das große Konstantinopel Πόλις genannt wird, so haben wir es in beiden Fällen mit einer Abkürzung zu tun.

Wir haben hier ein Beispiel dafür, daß das aus dem Gebiet der Personennamen wohlbekannte Prinzip der Kürzung auch für Ortsnamen gilt, freilich in anderm Umfange. Πόλις gehört zu den äußeren Kürzungen, die einen langen aus zwei Gliedern bestehenden Namen auf eines reduzieren (und der Name *Κωνσταντινούπολις* ist ja geradezu berüchtigt wegen seiner Länge), wobei entweder das erste oder das zweite Glied weggelassen wird. Vgl. Φράδμων = Πολυφράδμων u. dgl., ngr. μούρτης 'Totengräber' aus ital. *beccamorti* (G. Meyer, Ngr. Stud. IV 53), von Ortsnamen Πάκτος Chron. v. Morea v. 3626 = *Ναύπακτος*. Ζεύξις = Ζεύξωπος, βίαιος = βιαιοθάνατος, σπανός = σπανοπέγων, in der Wiener Volkssprache *der Werkel*, *der Aschen* = *Werkelmann*, *Aschenmann*. So kürzt man in Rußland den etwas langen Ortsnamen *Nižnij Novgorod*, so genannt zum Unterschied von dem *Novgorod* bei Petersburg, zu *Nižnij* ab; türk. *Filibe* = *Philippopolis*, *Edirne* bulg. *Odrin* = *Adrianopolis*, *Köln* = *Colonia Agrippinensis*, *Aix* = *Aquae Sextiae* usw.

Diese Art der Kürzung kommt nur für zweigliedrige Ortsnamen

in Betracht. Andere werden entweder am Anfang, am Ende oder im Innern gekürzt. Für die Anfangskürzung ist ein klassisches Beispiel *Σαλονίκη* aus *Θεσσαλονίκη*. Die kürzere Form findet sich schon im Mittelalter. Zu den zahlreichen Belegen, die Tafel De Thessalonica eiusque agro S. 18 ff. gesammelt hat, *Salonica* Chron. Fossae Novae, *Saloniquium* Anon. Cassinensis, *Salonica* Wilhelm v. Apulien, ἡ *Σαλονίκη* neben τὸ *Σαλονίσι* Chron. von Morea v. 1010. 1052 u. ö., mhd. *Salneck* sind die Belege der mittelalterlichen Seekarten und Portolane hinzuzufügen: *Salonichi* Atlas Luxoro XIII. Jh., Portolan Rizo 1490 n. Chr., Andreas Benincasa XV. Jh., *Salonychi* Portol. Versi 1445, *Saloniqui* Giraldis Karte, *Salonic* Portol. in Parma XV. Jh., ferner *Salonichi* Noiret, Documents inédits S. 165 (1406), arab. *Salóniq* bei Idrisi XII. Jh. nach Tomaschek, Sitzgsber. Wien. Akad. 113, S. 351 f., türk. *Selanik*. Die Slaven haben den Namen auch noch am Ende gekürzt: *Solum*. Auf eine Parallele *Κουρῖσκα* bei Theophyl. Simocatt. VII 2, 19. VIII 6, 7 = *Securisca* an der unteren Donau (Moesia inferior) machte mich Konst. Jireček aufmerksam. Kürzung am Wortende (vgl. ngr. *διάβης* = *διαβάτης* auf Nisyros, *Ζωγράφ. Ἄγιον* I 383, epir. *Ἰύγω* = *Ἰυγάτηρ* I 42) zeigen z. B. *Mogontia* ahd. *Maginza* Mainz = *Mogontiacum*, poln. *Czestochy* = *Czestochowa* (Russ.-Polen), *Kolbuszka* mit Deminutivendung = *Kolbuszowa* (Galizien, nach Mitteilung von Kas. Nitsch); russische Ortsnamen auf *-sk* wie *Štšedrinsk* aus *Štšedrinskoje* (*seló*).

Für die innere Kürzung ist amerik. *Frisco* = *San Francisco* ein sehr bekanntes Beispiel. Besonders häufig ist die Erscheinung in den deutschen Ortsnamen, die durch die Zusammensetzung mit Personennamen eine unbequeme Länge erreicht haben, wie *Alsbach* aus *Adolfesbach*, *Alsleben* aus *Adalolfesleiba*, *Gölshausen* aus *Gedolfeshusen*, *Rixdorf* aus *Richardsdorf* (vgl. K. Z. 38, 133¹) usw. Poln. *Křsanovice* aus *Křzyżanowice*, amtlich *Křisanowitz* in Oberschlesien (nach K. Nitsch). Ein schon altgriechischer Fall scheint *Λύσα* = *Λάρισα* nach Hesych, das durch *Λασαίσις* der großen Inschrift von Larisa Z. 19 bestätigt wird (Meister GDI. IV S. 33). Auch diese Kürzung hat der Name *Constantinopolis* erfahren, wenn er nach Egli Nom. geogr. 504 von den Levantinern zu *Cospoli* gekürzt wird. Zwei neuere griechische Belege mögen den Schluß machen: *Cerigo*, der italienische Name von *Κύθηρα*, ist innerlich gekürzt aus *Citerigo*, *Ciderigo*, wie der Name z. B. auf der Karte des Andrea Benincasa (15. Jh.) lautet. Schon eine Urkunde von 1275 bei Hopf, Chroniques Gréco-Romaines, hat *loci Cedrigi*, die venezianischen Urkunden des 14. und 15. Jahrhunderts bei Noiret, Documents inédits pour servir à l'histoire de la domination vénitienne

en Crète de 1380—1485 (Bibl. des écoles franç., fasc. 61) *Cederici* (S. 93 vom J. 1398 u. ö.), *Cethericum* (S. 379), *Cithericum* (S. 447)¹⁾. Die Kürzung *Cerigo* ist auch schon am Ende des 13. Jahrhunderts nachweisbar²⁾. *Citerigo* aber ist aus *Κύθηρα* oder der Nebenform *Κυθηρία*³⁾ entstanden wohl durch Anhängung der in Oberitalien häufigen Ortsnamenendung *-igo*; ebenso haben die Venezianer den Namen der rhodischen Stadt *Lindos* zu *Lindigo* gemacht: *Lendego* bei Andr. Benincasa, *Lendegi* auf der Katalanischen Seekarte, *Landigo* bei Blaeuw 16. Jh.⁴⁾. Wie *Citerigo* zu *Cerigo* haben die Venezianer auch *Zakyntos*⁵⁾ zu *Zante* gekürzt, eine Form, die schon im 13. Jahrhundert begegnet⁶⁾. — Diese Beispiele für die Kürzung von Ortsnamen lassen sich gewiß aus allen Gebieten bedeutend vermehren: sie werden aber in der Regel erst bemerkt, wenn sie aus der Umgangssprache, in der sie entstanden sind, in die Schriftsprache emporsteigen.

1) Vgl. Leonhard, Die Insel Kythera, 128. Ergänz.-Heft zu Petermanns Mitteil. 1899, S. 2.

2) In der Namenliste *Insulae Aegeopelagi*, Hopf Chron. Gréco-Rom. S. 175. *Zerigo* Portolan Rizo vom J. 1490 und in Giraldis Karte.

3) *Κυθηρία* war auch im Mittelalter noch üblich: Hierokl. Synekd., *Κυθηρία* Chrysob. Monemvas. (Leonhard a. a. O.); *Chituriam vel Cythaream insulam quae Citri hodie nominatur*, Buondelmonti c. 1.

4) Vgl. Lelewel, Géogr. du Moyen-Age.

5) Bei den Venezianern begegnet auch eine Form *Jacynthus*: Buondelmonti c. 6, *Jacinto* Andr. Benincasa, *Jacianto* Portolan der Magliabecchiana No. 72, *Jacianto* Port. in Parma, 15. Jh. *Jazanta* Katalan. Karte von 1375. Sie scheint auf umgekehrter Schreibung zu beruhen, weil *z-* und *j-* zusammengefallen waren: vgl. *Zerax* = *Ἰέραξ*, andererseits *Josimus* = *Ζώσιμος* (Seelmann Ausspr. d. Lat. 239).

6) Hopf, Chron. Gréco-Rom. S. 176. Port. Millo 16. Jh. *Zantte* Port. Magliab. No. 71. *Alzante* Blaeuw.

Wien.

Paul Kretschmer.

Budimski lekcionari XVIII vijeka prema bosanskodalmatinskomu od B. Bandulavića.

Ima tomu više tragova, da je koji dubrovački ili dalmatinski pisac na izmaku XVIII vijeka u Slavoniji poznat. Mnogi govore i o nekom *utjecaju* Dubrovčana na Slavonce, no ispravnije je ostati pri činjenicama, koje nam potvrđuju samo neko slabo dodirivanje. Ne prelaze u Slavoniju iz Dubrovnika, ni Dalmacije, *smjerovi* književni, nego samo pojedina mjesta, citati, reminiscencije. Zašto je tako, to dovoljno razjašnjuje velika razlika kulturna tamo i ovamo. A dijeli obje književnosti i raznoliko narječje. Osobito dalmatinska čakavština natrunjena talijanizmima tuđa je i nerazumljiva slavonskoj štokavštini našaranoj turskim, mađarskim i njemačkim provincijalizmima. I političko odijeljenje sprečavalo je međusobni saobraćaj, U Slavoniji jak je nada sve kulturni utjecaj *njemački*, pred njime iščezava svaki drugi.

Čini se kao da Kačićev Razgovor ugodni jedini veže u XVIII vijeku sve naše pokrajine u duševne rodbinske veze. Premda je tako, ipak ni pri njemu ne valja govoriti o *utjecaju*, jer u XVIII vijeku Kačić unatoč svojoj popularnosti još nema onoga *književnoga* značenja, što ga *dobiva* istom u osvitu narodnog preporoda. A oni, koji ga time oponašaju, da u svoje *prigodne* pjesme o junaštvima svojih *suremenika* upliću obrate iz narodne pjesme, i ne slute poznije *značenje* pjevanja *na narodnu*. Po *razvitak* književnosti Kačić u XVIII vijeku ostaje još bez svakoga značenja.

O nekom utjecaju, prem ne umjetničkom, ipak možemo govoriti, ondje, gdje se slavonski pisac pomaže razvijenijim *jezikom* starije knjige dalmatinske za *crkvenu svoju potrebu*. Samo *tu* ga je nužda pritislala, da *uči* iz vlastite starije književnosti, jer tuđi jezik, u kojem je bio obrazovan (latinski i njemački), nije mu ovdje bio od koristi. Crkvenom potrebom bit će da je bio izazvan i prvi književni rad u Slavoniji; a taj se sigurno već u svom početku stao obazirati na stariju književnost u Bosni, Dalmaciji i Dubrovniku.

Dragocjena vijest o tome nalazi se u jednome talijanskom pismu, što ga čitam u Acta Bosnae: »Eminentissimi! Fra Nicolo da Possega, redovnik provincije Bosne Argentine najponiznije moli V. E. za dva rječnika ilirska i dva turska, pošto je on bio zamoljen od nekih samostana njegove pokrajine željnih, da poučavaju neke mladiće jezike gore spomenutih rječnika, da mogu što sigurnije proputovati turske krajeve, u kojima oni borave. Gore spomenuti molitelj prosi za to najponiznije. U Rimu, 20 aprila. god 1665¹⁾.«

Ako je tu bio zahtjevan rječnik Mikaljin, a taj je i bio od Propagande izdan u Rimu 1649²⁾, onda u njemu imamo vidjeti najraniju svezu Slavonije sa Dalmacijom; i to preko Bosne, jer Mikaljino jezično blago bosanskog je porijetla³⁾.

Tim istim putem postoji sveza između lekcionara slavonskih i dalmatinskih.

Najraniji lekcionar slavonski, pisan ikavskom štokavštinom ugarskog podunavlja, jest po svoj prilici neki *Kesićev* od god. 1740, štampan u *Budimu*⁴⁾.

Od dalmatinskih lekcionara, štampanih u *Mlecima* najdalje siže u XVIII vijek (do god 1773) onaj, što ga je priredio F. Ivan Bandulavić god 1613. *Ove Bandulavićeve Pištole*⁵⁾ služile su podlogom *Kesiću i onima, što su Kesićev rad nastavljali*, jer Bandulavićev lekcionar bijaše Kesićevu ne samo po vremenu nego i po jeziku najbliži.

Treba da se zato najprije obratimo Bandulaviću i da u kratko označimo njegov položaj prema starijim dalmatinskim lekcionarima.

1) E. Fermezdin, Acta Bosnae, 512.

2) Et sumptibus sacrae Congregationis de Propaganda Fide impressum (u natpisu).

3) Šafarik P.: Gesch. der südslav. Lit. II, 108—109.

4) Epistole i Evangelia priko svijju nedilja, i blagi dneva svetih godiscnji. I muka Gospodina Nass. Isukerata. Po Mattii, Marku, Luki, i Ivanu, u jedno sloxena. Po redu Rimskoga Misala Clem. Papae VIII i Urb. VIII razrediena. Stroskom pokojnoga gosp. Antuna Kesicha, Gragianina Budimskoga doverssena A s-nastojanjem brata njegovoga O. P. Fra. Nicolae Reda R. Franac Obsluxitelja Provinciae Bosnae-Argentinea pocseta; koj u vrime strassnae kugae, s-truda prisavssi na vicnji pokoj, drugoj Bratji pocseti posao ostavisse, koja Bratja i doverssisse. God. Gos. 1740. Tlacseno u Budimu, kod Veronikae Nottenstajnin Vdovicae.

5) Pisctole i Evangelja priko snega godiszta novo istomacena po razlogu Missala Dvora Rimskoga — Od svigh pomagnkanyih koliko moguchie bisse koya dosad nebighu ocisetena: i sasvijmi, koga dosad u slovinachi yezik magnkahu s' velikom pomgnyom istomacena, i virno prinessena, z novemi svetci. Pristupisce k'gnim mnogij blagosovi: Red karstenya: i kalendar Papae Gargura; s' Tabulom Blandanijh pomisceglivijh. Po F. Ivanu Bandulaviću Skop. R. M. B. V Bnecich, Po Nicoli Pezzanu. 1718.

I.

Bandulavić je prvi lekcionare primorske, pisane čakavištinom okrenuo na *štokavštinu*. No ni on nije čisti štokavac, nego zastupa neku prelaznu smjesu jezičnu, u kojoj vladaju čakavske riječi uz štokavske forme. Sam on naziva svoj posao »*iznova pisanje*«, a nabroja i razloge, zašto je *iznova* radio. Poglavitito zato, da nađe »*za vas jezik općenije, koji osobite nadhode vokabule, aliti imena i riči*«¹⁾. Na kraju Pištola nalazi se popis riječi, »*koje se po veće načina mogu razumjeti u jezik slovinski*«. Te su riječi većinom dalmatinsko-čakavske, koje Bandulavić tumači izrazima *štokavskima* n. pr. *boj* tumači sa *rat, vojska; blihu* sa *pljuska mora, betežni* sa *pomorni, otrovni; poja* (aor. 3. l. sg.) sa *vze* i t. d. A u *tome* smislu mijenjao je Bandulavić i u tekstu uzimajući za izraz specifično pokrajinski (čakavski) riječ općenitiju-štokavsku. Bandulavić bijaše i po svome porijetlu štokavac²⁾, i *općenitija* mu se činila ona riječ, koja je *njemu* štokavcu bila poznatija. [Istu težnju za općenitiji jezik, gotovo za književni, izrazio je i B. Kašić: *Meum fuit diuturno labore in paene infinita idiomatis Illyrici varietate perscribere communiori dialecto Illyricis, quod Latinis sermo Latinus praescripsit, Šaf. 76. II, 206*].

Bandulavić imao je pred sobom kao uzor Pistule i evanjelja po Domu Benedatu Zborovčiću³⁾, koja su do njega više puta bila izišla [god. 1543, 1544 i 1586]. Da Bandulavić nije posegnuo preko Zborovčića natrag za prvim izdanjima, dokazuje isporođivanje snjime i Bernardinom Splječaninom⁴⁾. [Bandulavić ima n. pr. *meu*, Zborovčić *meu*, Bernardin *meju*; Band. *imenu*, Zbor. *imenu*, Bern. *jimenu*; Band. *uskrišuju*, Zbor. *uskrišuju*, Bern. *uskrsnuju*; i t. d.]. Dakle je već Zborovčić mijenjao; promijene se tiču oblika i riječi, koje, kako veli Maretić (ib. IX), već u njegovo vrijeme u njegovu kraju nijesu bile obične.

Dakle je Bandulavić mijenjajući tekst Zborovčićev samo nastavio, što je ovaj već počeo.

Zanimljivo je to, da Bandulavić tijekom knjige same sve više i više napušta čakavske forme Tako na prvih 40 stranica vlada ne samo

1) Iz predgovora (Štiocu razboritomu) k izd. od god 1645. list. 2.

2) Rodio se u Skoplju u Bosni, i živio je najviše u Bosni i Srbiji. [Horanyi I, 113 — Šafarik, *Gesch. der südsl. Literaturen* II, 26.]

3) Treće izdanje: Pistule i evanjelja po sve godišće hrvatskim jazykom stumačena. Novo prištampana i s pomnjom privijena po načinu novoga missala narejena po sfetoj materi crikvi. — Prodaju se u Bnetcih pri sfetomu Žulianu u knjigara, ki drži zlamen od mačke. 1586.

4) Lekcionarij Bernardina Splječanina. Po prvom izdanju od god. 1495. izd. Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti [Dr. T. Maretić]. U Zagrebu 1885.

u epistulama prenesenim iz Zborovčiča, nego i u novijim dodanim, pretežno čakavska forma participa praeterita t. j., na *l*, dok od stranice 39. te dalje stoji pretežno štokavski oblik na *o*. Zboravčić je miješao obje forme, jer to su činili već njegovi prethodnici. I kod Bernardina sačuvano je *l* do 58 str. njegova izdanja (Maretić 76. str. XII), i Rešetar ga zato dijeli u dva nejednaka dijela: u *stariji*, gdje se bez promjene-*l* na kraju slovke čuva, i u *mlađi*, gdje se uz *-l* nalazi i *-o*¹⁾. Bandulavić dakle od str. 39. svojega izdanja provodi skroz *mlađi* oblik part. praet. [str. 39: včinio, zapovidio, blagovao, blagoslovio, svršio, privario, podložio; str. 41. pridao, izašao, poslao prema pridal; izašal, poslal kod Zborovčiča].

To prelaženje u stokavštinu može se i na nekim drugim oblicima opažati, tako na 1. l. sg. praes. Do str. 38. Bandulavić ostavlja Zboravčičeve forme s nastavkom na *u*, ali dalje ih zamjenjuje sa onima na *m* str. 38: *blagujem* mj. *blaguju*, *blagoslovim* mj. *blagoslovlju*; *vmrem* mj. *vmru*, *vcinim* mj. *vcinju*²⁾. — Samo za jedan jedini glagol sačuvao je Bandulavić oblik na *u*, za *govoru*. [Oblici na *m* dolaze od drugih glagola i ranije pred str. 39, tako na str. 34 *gredem*, *idem*, ali to biva u novim Bandulavićevim dodacima.]

Još ranije, već od str. 26, odustaje Bandulavić od oblika 3. l. sg. aorista na *t* (za buduće vrijeme) te meće složeni oblik: infinitiv *sa bude* ili *sa će* n. pr. *vratiti će tebi* (str. 26); *činiti bude*, *bude hoditi*, *bude čuvati*, *bude živiti* (str. 30).

Ako li se uzme u obzir, da je Bandulavić više puta prešampavao svoje Pištrole, a ipak na prvim stranicama ostavljao starije oblike, onda čini se, da to ostavljanje nije bezrazložno. I to, da je u glagolu *govoru* sačuvan stariji oblik, nije tek slučaj. Glagol *govoru* dolazi u stalnom obratu sv. pisma na *početku* mnogih evangjelja. Nešto slična se događa i sa *inicijalima* u pisanim kodeksima, početno slovo nekih ćirilskih spomenika je glagolsko, starije. *Mora da je odgovaralo nekom nabožnom običaju bar ispočetka čutati starinu.*

Štokavština Bandulavićeva očituje se tolikim priznacima, da je nije potrebno dalje dokazivati. Već u prvoj lekciji zamjenjuje *ea* i *zač* sa *što*, *kadi* sa *gdi*. A ono što je namjeravao mijenjati »osobene« riječi »općenitijima« on izvodi tako da n. pr. za *hiža* veli *kuća*, za *jazik* — *jezik*, *pritač* — *prilika* i t. d. Ali dosljedan on nipošto nije; čakavske riječi još ostaju na mnogo mjesta. Što je štokavski a što čakavski nije dakako lako odrediti, ali neko mjerilo u tom pitanju mogu da

1) Primorski lekcionari XV. vijeka. Napisao dr. Milan Rešetar. [Rad 134, 85.]

budu n. pr. Kašićeve Epistule, koje se u stokavštini podudaraju sa Bandulavićevim.

Bandulavić	—	Kašić	—	Zboravčić
[U sridu četverih Is. 2]				
i (veznik)	—	i	—	a
na boj	—	na boj	—	na hrvanje
na goru	—	na goru	—	na vrh
prostiti	—	prostiti	—	pitati
isti	—	isti	—	sam

Cijeli odnošaj Kašićev prema Bandulaviću ne mogu ja ovdje odrediti, jer mi ne dostaju za to ranija izdanja Bandulavićeva¹⁾.

Bandulavić je očevidno postignuo svoj cilj, njegove Pištrole raširiše se više no ikoje u našoj crkvenoj književnosti. Kukuljević²⁾ nabroja izdanja od god 1613 (I. izd.), 1626, 1639, 1640, 1665, 1682, 1699, 1718, 1739, 1773³⁾. Izdanje 1699, kojima sam se služio, već je dosta raskošno opremljeno. Bandulavić umetao je i mnoge obljubljenе crkvene pjesme, a u kalendar uvrstio je domaće svece. Sa tih kreposti raširile su se njegove Pištrole tako, *te su bile najbolje poznate i Kesiću, kad je spremao lekcionar.*

II.

Namjera Kesićeva bila je posve druga nego Bandulavićeva, on ne izdaje svojih Epistola za crkvenu potrebu, kako Bandulavić, nego za potrebu domaću, za narod. Ta je svrha istaknuta u predgovoru: »da kako kod drugi kerstianski naroda, skoro kod svakoga domaćina drži se Sveto Evangjelic, da i oni i mladi njovi još iz mladosti štijuć ga i čujuć ga razumnji, bogoljubni, u svetoj viri temeljitiji ostanu«. Protestantizam utisnuo je sv. pismo u ruku običnom čvojeku, a katolička crkva morala je da ga slijedi (protureformacija). Da Kesić pod drugim kršćanskim narodima razumijeva u prvom redu Nijemce, sigurno je, jer pojednoj bilješci su i one molitve, što ih dodaje svakom čitanju iz njemačkog jezika prevedene⁴⁾.

1) Imao sam samo izd. od god 1645. od 1699 i 1718, a ta se sva slažu doslovno u tekstu. Prema riječima naslova izd. od god. 1699 str. 1. »mnoge jošte izova druge stvari nakon MDCXXXIX«, čini se da, je netko drugi poslije te godi ne (1639) upotpunio Bandulavićeve Pištrole.

2) Iv. Kukuljević Sakeinski: Bibliografija hrvatska I dio. Zagreb 1860.

3) A izd. od god 1645 ima u Zagrebu knjižnica jugosl. akademije.

4) Šafařík, Ib. II, 199: P. Nicolaus Kesich recudit evangelia Illyrice, addens singulis orationes concinnas ex germanico idiomate ad Illyricum traductas, Budae ante 1739. 4 [Oechievia-Horanyi II 344, Čevapović, 320].

I ovdje je u predgovoru označeno stajalište pisca prema dosadašnjima prevodiocima: »Evangjelia, koja, premda je i dosada očita bila Narodu Iliričkomu ali nije onako, kako sada; nego zarasla s hergom (rđom) ili neobičajni riči ili mučna štijenja. I zato razkošljivim očima jeste mlogo dosadna bila. Evo tebi se je sada dogodilo (kući Kesića) da pod tvojom srićom i naricanjem tvojim, pokaza se svitlija u riči lakša u štijenju, lipša u poslu, očistena od herge (rđe), i trnja, koje bi moglo dosaditi. Radi šta ufam se svima će drago biti, jer će lasno poznati cinu nje.«

Što naziva ovaj predgovor »rđom i trnjem«, »neobičajnim ričima« i »mučnim štijenjem«? — Oblike, riječi i pravopis Bandulavićevih Pištola.

Unatoč ovakovoj kritici u predgovoru, ipak su Kesićeve Epistule dosta tragova svoje zavisnosti o Bandulaviću sačuvala.

One zavise u slijedećim značajkama:

1. u *terminima biblijskim*, za koje nije bilo domaćeg izraza. n. pr.:

Pav. Kor. I, 9²⁴ in *stadio currunt* — B.: k zamirci teku, K.: k zamiri teku [Dočim već Lanosović, Evangjelistar, veli terkalište, Vuk: na trku].

Pav. Rim. XII 1 *hostiam*; B.: posvetilište, K.: posvetilište (L.: žrtvu).

Knj. kralj III, 19⁶ *subcinereus panis*; B.: podpepelni kruh, K.: podpepelni kruh (L.: oprisnik ječmeni).

Mat. VIII⁵ *ceturio*; B.: stotnik, K.: stotnik. [L. i dapače Katančić stotnik, dočim Vuk: kapetan].

Joel II⁷ *vestibulum*; B.: oblačnicom, K.: oblačnicom (L.: oblačnicom, Kat.: med ulazkom, Daničić: između trijema).

Pav. Kor. I¹³ *aes sonans aut cymbalum tiniens*; B.: mido zučće i cimbal tutnjeći, K: mido zučće i cimbal tutnjeći (L.: mido zučće i poudrica tutnjeća, Kat.: zvono zvečće i cimbal zvekujući, Vuk: zvono koje zvoni, ili praporac, koji zvuči).

Pav. Kor. XIII¹⁰ *quod ex parte*; B.: što iz diila jest, K.: što od strane jest (L.: što neizvrsno jest, Kat. što je sa strano, Vuk: što je nešto).

Mat. XXI¹² *cathedras*; B.: sidališta, K.: sidališta (L.: stolice, Kat.: sidališta, Vuk: klupe).

Luk. XVI *villicum*, B.: dvornika, K.: dvornika (L.: kuće nastojnika, Kat.: špana, Vuk: pristava).

Luk. XVI⁷ *centum coros*; B.: sto uborak, K.: sto uborak (L.: sto mirovah, Kat.: sto kilah, Vuk: sto oka).

Pa. Kor. X⁷ *idololatras*; B.: idolovei, K.: idolovei (L.: kipslužitelji, Kat.: idoločastnici, V.: idolopoklonici).

Luk. XV¹ *publicani*; B.: očitnici, K.: očitnici (L.: očitnici, Kat.: očitnici, Vuk: carinici).

Mark. VIII⁸ *sportas*; B.: krošnica, K.: krošnica (L. košnica, Kat.: korpah, Vuk: kotarica).

2. u *kovanicama i obratima* prema latinskom jeziku originala:

Mat. II¹² *regionem*; B.: vladanje, K.: vladanje (L.: krainu, Kat.: državu, V.: zemlju).

Pav. Rim. XII² *beneplacens*; B.: dobrogodna, K.: dobrogodna (L.: blagongodna, Kat.: dobra, ugodna, Vuk: dobra, ugodna).

Mat. XI² *vinculis*; B.: u vzh, K.: u vezah (L.: u tamnici, Kat.: u putam, V.: u tamnici).

Mat. XI⁸ *mollibus vestitum*; B.: mehkimi obučena, K.: s mekimi odivena (L. i Kat.: mekim odivena, V.: u meke haljine obučena).

Mat. XX¹ *patri familias*; B.: ocu obitili, K.: ocu obitili (L.: domaćinu, Kat.: domaćinu, V.: domaćin).

Pav. I⁷ *facti sitis forma*; B.: učinjeni prilika, K.: učinjeni prilika (L.: izgled, Kat.: učiniste se slika, V.: postadoste ugled).

Mat. VI¹⁶ *exterminant enim facies suas*; B.: skončavaju bo lica svoja, K.: skončavaju bo lica svoja (L.: pomračaju bo lica svoja, Kat.: potamnjuju, V.: načine blijeda lica svoja).

Mat. VIII *modicae fidei*; B.: male vire, K.: male vire (L.: strašljivi, malovirci, Kat.: malane vire, V.: malovjerni).

3. u *apstraktnim imenicama, pridjevima i neobičnim glagolima*.

Luk. V⁶ *concluserunt piscium multitudinem copiosam*; B.: zapasaše ribu, K.: zapasaše ribu (L.: uloviše, Kat.: zafatiše, V.: uhvatiše).

Luk. V⁹ *Stupor enim circumdederat eum*; B.: čudo obujalo njega, K.: čudo obujalo njega (L.: čudo obujalo, Kat.: osupnost obuzela, V.: ušao strah u njega).

Mat. V⁴⁸ *perfecti*; B.: svaršeni, K.: sveršeni (L.: izversni, Kat.: izverstni, V.: savršeni).

Js. XLVIII⁶ *onus*; B.: brime, K.: brime (L.: jaram, K.: brime, V.: jaram).

Js. LVIII⁶ *colligationes*; B.: zaveze, K.: zaveze (L.: uzle, Kat.: zavezanja, V.: sveze).

Petr. Ep. I 57 *cura de vobis*; B.: pomnju od vas, K.: pomnju od vas (L.: pečali (se) za vas, Kat.: briga za vas, V.: brine za vas).

Petr. 76 *solicitudinem*; B.: pećao, K.: pećao (L.: brigu, Kat.: skerbi-vost, V.: sve brige).

Pav. Filip. IV⁵ *modestia*; B.: tihost, K.: tihost (Kat.: čednost, V.: krotost).

Pav. Rim. XII⁶ *secundum rationem fidei*; B.: po razlogu vire, K.: po razlogu vire (L.: po miri vire, Kat.: po razlogu vire, V.: po mjeri vjere).

Pav. Rim. XII¹⁷ *providentes bona*; B.: providjajući dobra, K.: providjajući dobra (L.: pomnite za dobro, Kat.: providjajući dobra, V.: promišljajte o tom, što je dobro).

Pav. Kološ III¹⁶ *in gratia*; B.: u milosti, K.: u milosti (L.: s blagodarenjem, Kat.: u milosti, V.: u blagodatni).

Pav. Rim. XIII¹³ *non in commesationibus*; B.: ne u zalihu blagovanju, K.: ne u zali blagovanju [Značajan nesporazumak!] (Kat.: ne u gostenjim, V.: ne u žderanju).

4. u sintaksi.

I. Bandulavić i njegovi uzori prevodili su latinski tekst ad verbum. No jedva se može takovo prevođenje smatrati pravim načinom ondje, gdje se piše za narod, a ne za crkvu. A ipak Kesić je tu još veoma zavisao, nego u rječniku.

a) *participijalne konstrukcije* 1) ablativus absolutus:

Luk. II⁴² *ascendentibus illis Jerosolymam*; B.: vzhodeći oni u Jeruzolim, K.: ushodeći oni u Jeruzolim (L.: uzhodjahu, Kat.: uzišav, V.: dođoše).

Luk. II⁷ *consumatisque diebus*; B.: i budućí svršeni dni, K.: i sveršivši dni (L.: kada svršíše).

b) *deklimirani participi*:

Luk. II⁴⁶ *invenerunt illum ni templo sedentem in medio doctorum, audientem illos, et interrogantem eos*; B.: najdoše njega u crkvi *sideći* posrid naučitelja, *slušajući* njih i *upitujući*, K.: sidećega srid naučitelja, slušajući nji i pitajući.

Pav. Rim. XIII⁴¹ *Et hoc scientes tempus*; B.: znajući, da vrime jest, K.: znajući, da vrime jeste (L.: znajte, da . . ., Kat.: I to znajući vrime, V.: i znajući ovo vrime).

c) *dua akuzativa*.

Mat. XXI *vos autem fecistis illam speluncam latronum*; B.: a vi ste *ju* učinili spilu razbojnikov, K.: a vi ste *ju* učinili spilu razbojnika (L.: . . . ju spilu razbojničku, Kat.: ju spilju lupežah, V.: od njega (hrama) pećinu hajdučku).

Pav. Kor. II, 3⁶ *Qui et idoneos nos fecit ministros novi testamenti*; B.: koji *podobne nas* učini *službenike* novoga zakona, K.: koji podobne nas učinio služitelje novoga zakona (L.: vridne služitelje, Kat.: podobne nas dvoritelje, V.: učí nas vrsne da budemo sluge).

d) *nom. plurala sr. roda mj. nom. singulara*.

Luka III⁵ *et erunt prava in directa, et aspera in vias planas*; B.:

I biti će opaka u prava i oštra u puteve ravne, K.; I biti će opaka u uprav, i oštra u pute ravne (L.: i budu stranputna upravna, Kat.: i budu kriva na upravna; i oštra na pute ravne, V.: i što je krivo neka bude pravo, i hrapavi putovi neka budu glatki).

e) *plural apstraktnih imenica.*

Pav. Filip. IV⁷ et inteligentias vestras; B.: razuminja vaša, K.: razumjenja vaša, Kat.: razumnosti vaše, V.: i misli vaše.

f) *u doslovnom prijevodu fraze.*

Iz. LX¹ et gloria domini superte ortu est; B.: i slava gospodnja svarhu tebe *istekla jest*, K.: — istekla jest (L.: — prosja se, Kat.: izajde, Dan.: obasja te).

Iz. LX² super te autem orietur Dominus; B.: svrhu tebe isteći će Gospodin, K.: — isteći će, Gospodin (L.: — *javiti se hoće*, Kat.: izajti, Dan.: tebe će obasjati Gospod).

Iz. LX³ et reges in splendore ortus tui; B.: u zraci istoka, K.: u zraku istoka (L.: u sjajnosti istoka, Kat.: u sjajnosti porod, Dan.: ka svjitlosti, koja će te obasjati).

A evo sad nekoliko primjera, kako je Kesić obraćao Bandulavića u rječnik svoga kraja.

Bandulavić — Kesić:

bezpoštenje — nesramnost, Pav. Gal. V¹⁹ impuditia (Kat.: nestidnost, V.: besramnost).

didina — baština, Luka X¹⁸ haereditas (Kat.: baštinstvo, V.: našljedstvo).

hudobština — zloća, Pav. Gal. V²⁴ vitiis (Kat.: grih, V.: slast).

inoplemenac — inostranac, Luka XVII¹⁹ alienigena (Kat.: inorodac, V.: tuđin).

iskati — tražiti, Luk. II¹⁴ requirebant (Kat.: tražiti, V.: tražiti).

ljubeznistvo — ljubeznivost, Pav. Gal. V²² benignitas (Kat.: blagost, V.: dobrota).

mokrina — vlaga, Luk.: VIII⁶ humor (Kat.: vlaga, V.: vlaga).

naslidbe — krivovirstva, Pav. Gal. V²⁰ sectae (Kat.: inoslidja, V.: jeresi).

nerazmagam — nerazboliti, Pav. Kor. II, 11²⁰ infirmor (Kat.: oslabljujem, V.: oslabiti).

nesklad — neskladnost, Pav. Gal. V²⁰ dissensio (Kat.: nesložnost, raspre).

obitovanja — obećanje, Luk. X promissiones (Kat.: obećanja, V.: obećanja).

ostan — podbadanje, Pav. II, 12⁷ stimulus (Kat.: podbodak, V.: žalac).

ostrovi — čaranja, Pav. Gal. V²⁰ veneficia (Kat.: čarke, V.: čaranja).

pečal — briga, Luk. VIII¹⁴ sollicitudo (Kat.: pobrižnost, V.: briga).

- pitomština — tihost, Pav. Gal. V²³ modestia (Kat.: stidnost, V.: krotost).
 pop — misnik, Luk. XVII¹⁴ sacerdos (Kat.: sveštenik, V.: sveštenik).
 poterati — hititi, Luk. VIII⁴ properare (Kat.: žuritise, V.: dolaziti).
 prijati — primiti, Pav. Kor. I, 15¹ accepistis (Kat.: primiti, V.: primiti).
 prijati — uzeti, Mat. XX¹⁰ acceperunt (Kat.: uzeti, V.: primiše).
 prožarstvo — prožderstvo, Pav. Gal. V²¹ commessatio (Kat.: žderanje,
 V.: žderanje).
 priljubodivstvo — bludnja, Pav. Gal. V¹⁹ fornicatio (Kat.: bludnost,
 V.: preljubočinstvo).
 službenik — služitelj, Pav. Kor. II, 3⁶ ministros (Kat.: dvoritelje,
 V.: sluge).
 svadba — svadnja, Pav. Gal. V²⁰ irae (Kat.: kavge, V.: prkosi).
 vrime — ura, Mat. XX³ hora (Kat.: sat, V.: sahat).
 zavidost — zlavećanja, Pav. Gal. V²⁰ contentiones (Kat.: svadnje,
 V.: svađe).

E. Pavić, drugi po redu, koji je izdavao Evangelistar posvema je ovisan o Kesiću.

No on za svoje Epistole¹⁾ veli, da su sad *treći put* u »Slovinški iliti Ilirički« jeziku preštampane. Nije druge, nego da uzmemo, da je Pavić tek iz predgovora Kesićevih Epistola saznao za neko prvo izdanje, da je Kesićevo smatrao drugim i zato svoje trećim izdanjem. Između njega i Kesića ne ima naime gotovo nikakove razlike, on ga je jednostavno prepisao ispravljajući u tome poslu pravopis i štamparske pogreške (»i od zamersitog štivenja očistita« u natpisu). U pristupu Pavić sam veli: »baš od riči do riči, i kakosugod u Svetomu Pismu upisana (koliko sam ja vidio i našao) dvaput po Mudrima, i Naučnima Redovnici na svitlost dana«.

Treći, koji u Budimu izdaje evangelistar, jest Marijan Lanosović²⁾.

1) Epistole i evanđelja priko sviu godišnji nediljah i svetkovinah, s-dvima mukama, po Matheu i Ivanu ispisanima, Po uregjenju Rimskoga Misala, i Naredbi Svetoga Tridentinskoga Sabora složena, i u slovinški, iliti ilirički jezik trećiput prištampana, i od zamersitog štivenja očistita Po. O. E. Emeriku Paviću, Lekturu Jubilatornu, i sadašnjemu Difinitoru, prov. S. Ivana od Kapistrana u Budimu. Godine 1764. Štampano po Leopoldi Francesku Landereru.

2) Evanđelistar ilirički za sve nedilje i svetkovine priko godine s četirima Gospodina našega Isusa Kersta mukami. Na bistrij razum, i čistije štjenje izveden po. O. F. Marianu Lanosoviću, starinom Gjuriću. Bogoslovja i zakona cerkvenoga igdašnjemu Štioniku, a sadanjemu Države Kapistranske Otajniku Reda S. A. Franceska Man. Brat. od obslužiteljah. U Budimu. Slovima Mudroskupštine Kraljevske. God. 1794.

On zauzima u ovoj svezi s Bandulavićem, Kesićem i Pavićem neko osobito mjesto. Gotovo se čini, da je od njih nezavisan. Bit će tomu razlog ovaj: »Znaj i to, pričastni štioče! da u popravljenu Evangjelista ovoga služiose jesam najviše s' princešenjem *nimačkim*, koje se s' latinskim u *Chartiere*¹⁾ nahodi. Iz istoga izvadio sam tomačenja« (Pridgovor VII).

Jedino težnja za *arhaiziranjem* upućivala je Lanosovića na naše ranije lektionare. Veli on: »Najdeš stanovito i nike riči kano nove; koje, pak znaj, da sam iz *našega jezika cerkvenoga* izvadio (Ib. VIII). A. Šafařík o njemu veli »Die Ausgabe soll von veraltetem, zum Teil aus der cyrillischen Kirchensprache herübergenommenen Wörtern wimmeln« (Gesch. d. südslav. Lit. II, 200—201).

U istinu Šafařík nije bio točno obaviješten, jer zastarjele riječi u Lanosovića dosta rijetko padaju, a dvojbeno je, da su iz crkvenih knjiga pisanih ćirilicom. Za mnoge se upravo može pokazati, da dolaze u *glagolskim* misalima, dakako, ušle su valjada ovamo (za vrijeme rusificiranja njihova) iz ćirilice(?).

Ponajviše se i Lanosović oslanja na Bandulavićeve Pištule. On često mimoilazi štokavski izraz Pavićev i Kesićev, te uzima onaj, što ga upravo ima Bandulavić. Evo ovakovih slučajeva.

Mat. XX¹⁰ acceperunt; B.: prijaše, L.: *prijaše* [K. i P.: uzeše (V.: primiše)].

Mat. XX¹⁵ nequam est; B.: je hudobno, L.: biti *hudobno* [K. i P.: zlobno (Kat.: hudo, V.: zlo)].

Pav. Kor. II, 11²⁰ qui infirmatur ego non infirmar; B.: Tko se razbalja, ja se nerazmagam, L.: Tko se razbalja, da se ja *nerazmagam* [K. i P.: Tko se razbalja, a ja se nerazbolim (Kat.: tko oslabljuje, a ja ne slabim, V.: ko oslabi, i ja da ne oslabim?)].

Luk. VIII¹⁴ qui audierunt, et a sollicitudinibus; B.: koji slišaše i od pečalih, L.: koji slišaše, ali od *pečalih* [K. i P.: koi su slušali i od brigah (Kat.: i od pobrižnostih, V.: od brige)].

Luka VIII⁴ properarent; B.: I od gradov *potežahu* se K. Isusu, L.: . . . *potežahu* [K. i P.: iz gradova hitijahu K. Isusu (Kat.: žurila se, V.: dolažahu)].

Mat. XXII⁴² cuius filius est; B.: čigov sin jest, L.: *čigov* je sin [K. i P.: čij sin jest, Kat.: čije sin, V.: čij je sin].

Mat. XXII³ et nolebant venire; B.: nehotihu prijti, L.: nehotiahu *prići* [K. i P.: nektjau doći].

1) Tomu izvoru nijesam mogao unatoč svakom nastojanju u trag ući.

Mat. XXII⁴ dicite invitatis; B.: recite zvanim, K.: recite *zvanim* [K. i P.: recite uzovnikom, Kat.: pozvanim, V.: zvanicima].

Mat. XXII⁴ ecce prandium; B.: evo sam obid, L.: evo *obed* moj [K. i P.: evo ručak moj (Kat.: ručak, V.: objed)].

Mat.: XXII⁵ Illi autem neglexerunt; B.: a oni nehajaše, L.: oni pak *nehajaše* [K. i P.: a oni nemariše, Kat.: ne hajaše, V.: ne marivši].

Mat. XXII⁶ reliqui autem tenuerunt servos eos; B.: ostali uhitivši sluge njegove, L.: a ostali *uhitiše* sluge njegove [K. i P.: deržaše sluge njegove (Kat.: latiše, V.: uhvatiše)].

Mat. XXVII³ principibus sacerdotum; B.: poglavicam popovskim, L.: poglavicam *popovskim* [K. i P.: poglavicam misničkim (Kat.: sveštenikah, V.: glavarima svešteničkijem)].

Mat. XXII¹⁶ quia verax es; B.: da istinan jesi, L.: da *istinan* jesi [K. i P.: da istinit jesi (Kat.: istinit, V.: istinit)].

Mat. XVIII³⁰ et misit eum in carcerem; B.: i vrže ga u tamnicu, L.: i *vrže* ga [K. i P.: i metnu ga (Kat. i V.: baci)].

Mat. XXII¹⁵ ut caperent eum in sermone; B.: uhitili u govorenju, L.: *uhitili* u govorenju [K. i P.: ufatili u govorenju (Kat.: ufatili, V.: uhvatili)].

Mat. IX²⁴ sed dormit; B.: nego spi, L.: nego *spi* [K. i P.: nego spava (Kat.: nego spava, V.: nego spava)].

Mat. XXIV¹⁹ Vac autem praegnantibus, et nutrientibus; B.: A jao prisobnicam i dojonicam, L.: a jao *prisobnicam*¹⁾ i dojkinjam [K i P.: a jao trudnicami i dojnicami (Kat.: nosećim, V.: trudnima)].

Pav. Rim. VI¹⁹ propter; B.: cića, L.: *cića* [Kesića a to u jednom dijelu evanđelistara, u kojemu sa nemara fjegovih nastavljače ima i više nezavisnosti o Bandulaviću].

Iv. IV⁵² febris; B.: ognjica, L.: *ognjica* [K. groznica (Kat.: groznica, V.: groznica)].

Prema ovim primjerima stoji, da je Lanosović prenosio riječi i oblike neke iz Bandulavića, osobito ove: *cića*, *istinan*, *nerazmagam*, *pečalih*, *prijaše* i *spi*.

Evo drugih nekih »crkvenih« riječi Lanosovićevih, kojih nema u Bandulavića:

blagodarenje (Pav. Filip IV⁶) gratiarum actio.

bližnjik (Luk. X²⁹) proximus; B.—K.: iskrnji, dolazi i u *Belinu rj.*

(Vidi Akad. Rj.).

čas (Mat. XX³) horam; B.: vrime, K.: ura.

1) Za ovu riječ veli Rešetar, da spada među one u lekcionarima XV v. »kojih dandanas više nikako nema ni u književnom jeziku ni u narodnom govoru onijeh krajeva, gdje su lekcionari postali [Rad 136, 176].

hljeb (Iz. LVIII¹⁻⁹) B., K., P.—kruh. *Misal glag od god 1706—hle*b.
izbavit (Iz. XXXVIII⁶) eruam; B., K.: oslobodit. — Misal glag. 1706
izbavlju.

korab (Mat. IX¹) naviculam; B.: plavdicu, K.: lađicu. Mis. Glag. 1706
korabal (Vid. i Akad. Rj. riječ praslavenska).

opačina (Pav. Gal. V²¹) vitiis; B.: hudobština, K.: zloća.

pakostnik (Pav. Kor. II, 12⁷) stimulus; B.: ostan, K. i P.: podbadanje.

podoban (Mat. XII³⁹) simile; B. i K.: prilična.

šuha (Mat. VI³) sinistra, B., K., P.: liva.

upodobiti se (Mat. XXII²). Glag. Mis. upodobi se.

uzdanje (Pav. Kor. II, 3⁴) fiduciam; B.: ufanje.

Većina ovih riječi zaista se čini, da su značaja ćirilskoga. No moguće će se to opovrgnuti, kad budemo imali potpun historički prije-gled riječi¹⁾ knjiga pisanih latinicom i glagolicom.

Unatoč arhaizovanju i pozajmanju od Bandulavića Lanosovićev je prijevod prema ostalima upravo moderan. On slijedi način prevođenja po duhu vlastitoga jezika, a nezavisan je o tuđoj riječi i tuđoj sintaksi. Zato on

- 1) razvezuje zamršenija mjesta mijenjajući izraz ili dodavajući.
- 2) obnavlja i prevodi termine tuđe s predodžbama poznatijima (modernizovanje rječnika, kako je i Martin Luter činio!).
- 3) odstranjuje periodu i participijalne konstrukcije latinskog originala.

1. Pav. Gal. VI⁷ nolite errare; Deus non irreditur (B.: nemojte za-bluditi, Bog se ne poruguje, K. i P.: nemojte zabludivati, Bog nek se ne posmiuje), L.: nevarajte se, Bog se ne da privariti.

Pav. Ef. III²⁰⁻²¹ ei autem, qui potens est omnia facere superabun-danter quam petimus, aut intelligimus, secundum virtutem, quae operatur in nobis, ipsi gloria in Ecclesia. — B.: a onomu, koji mogući jest svaka učiniti obilanie nego prosimo, ali razumijmo po kriposti, koja diluje u nas, njemu slava u crkvi. K. i P.: A onomu, koji mogući jest svaka učiniti obilnije nego prosimo, ali razumimo po Kriposti, koja diluje u nas, njemu slava u crkvi, L.: A onomu, koji po mogućnosti svojoj, koja u nam diluje, svaka učiniti obilatije može, nego li mi pro-simo ili razumijemo, njemu budi slava u crkvi.

Iz. LVIII⁹⁻¹⁰ si abstuleris de medio tui catenam et desieris exten-dere digitum, et loqui, quod non prodest. Cum effuderis esurienti ani-mam tuam, et animam afflictam repleveris, orietur in tenebris lux tua,

1) Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika izd. jugosl. akademija istom je došao do slova *M*.

et tenebrae tuae erunt sicut meridies; — B.: ako odneseš od sridu sebe verigu, i pristaneš prostirati prst i govoriti, što neprudi: kada izliješ lačnomu dušu tvoju: i dušu obnevoljenu budeš napuniti isteći će u tamnosti svitlost tvoja i tmine tvoje budu kako poludne, K.: ako sakriješ isrid sebe verigu i pristaneš pružati prst, i govoriti što ne prudi: kada izliješ gladnomu dušu tvoju, i dušu ožalošćenu napuniš, isteći će u tavnosti svitlost tvoja, L.: kada odvrgneš od sebe verige, i pristaneš prititi prstom i govoriti što ne prudi. Kada udiliš gladnomu hljeba iz srdeca tvojeaga, i dušu nevoljnome zasitiš, tada prosine svitlost tvoja u tminah, i tmine tvoje budu kako poludne.

Malach III²⁻⁴ et quis stabit ad videndum eum? Ipse enim quasi ignis confians, et quasi herba fullonum, et sedebit conflans et emundans argentum, et purgabit filios Levi, et colabit eos quasi aurum, et quasi argentum, et erunt Domino offerentes sacrificia in justitia. Et placebit Domino sacrificium Juda, et Jerusalem sicut dies saeculi, et sicut anni antiqui. B.: Ali tko će stati na gledanje njega? Jere on kako oganj, koji sliva i kakono trava perućih. I siditi hoće slivajući i čisteći srebro i očistiše sinove Levove. I sliti će ih, kakono zlato i kakono srebro. I biti će Gospodinu prikazujući posvetilišta u pravdi. I biti će ugodno Gospodinu posvetilišta Judino i Jeruzolimsko kakono dnij vika, i kakono Godišta stara. — K.: i tko će stati na gledanje njega? On bo kako oganj sivajuć i kakono trava perjoca: i siditi oće slivajući i čisteći srebro, i čistiće sinove Levire, i sliti će i kakono zlato, i kakono srebro i biti će Gospodinu prikazujući posvetilišta u pravdi. I biti će ugodno Gospodinu posvetilište Judino i Jerusolimsko, kakono dni vika, i kakono godišta stara.

L.: Ili tko će moći gledati njega? On bo čisti, kako oganj gorući, i pere, kakono trava *valjaocah sukno*. I siditi hoće i rastapati i čistiti srebro i zlato i očisti sinove Levijne i raztopi njih kakono zlato i srebro. I prinositi budu Gospodinu žrtvu u pravdi. I prijatna bude Gospodinu ova žrtva Judina i Jerusolimova, kakogod u dnevih prvašnjih i kakogodir u godištih prošastih.

2. Malach III³ fullonum; B.: perućih, K.: perjoca, L.: valjaveah sukno.

Pav. Kor. X⁷ idololatrae; B. i K.: idolovei, L.: kipslužitelji.

Luk. XVI¹ villicum; B. i K.: dvornik, L.: kuće nastojnik.

Luk. XVI⁷ coros; B. i K.: uborak, L.: mirovah.

Pav. I, Kor. XIII¹ cymbalum; B. i K.: cimbal, L.: poudrica.

Mat. XVIII¹⁷ galeam; B. i K.: šišak, L.: kacigu.

Mat. VI² elemosynam; B.: lemozinu, K. i P.: elemozinu, L.: mi-
lostinju.

3. Pav. Rim. XII⁶ habentes autem donationes secundum gratiam, quae data est nobis, differentes: sive prophetiam secundum rationem fidei, sive ministerium, in ministrando, sive qui docet in doctrina, qui exhortatur, in exhortando, qui tribuit, in simplicitate, qui praees, in sollicitudine, qui miseretur, in hilaritate. Dilectio; adhaerentes bono charitate fraternitatis invicem diligentes; honore invicem praevinentes; sollicitudine non pigri; spiritu ferventes; Domino servientes; spe gaudentes; in tribulatione patientes; orationi instantes; necessitatibus sanctorum communicantes; hospitalitatem sectantes. Benedicite persequentibus vos; benedicite, et nolite maledicere. Gaudere cum gaudentibus, flere cum flentibus, idipsum invicem sentientes; non alta sapientes, sed humilibus consentientes.

K. i P. (prema B.): *Znajuci* darove po milosti koja dana jest nami različite: ili proročanstvo po razlogu vire, ili služba u služenju, ili koji uči u nauku, koji ponukuje u ponukovanju, koji podiljuje u priprostim, koji pridhodi u pomnji, koji se smiluje u veselju. Ljubav brez licu mjerja. Nenavideći zlo, pritiskujući se dobru, s milostju bratin stva jedan drugog milujući, poštenjem se među sobom pritičući, pomnjom ne lini, duhom gorući, Gospodinu služeći, ufanju veseleći se, u nevolja usterpljivi u molitvi nastojeći, potribam svetih podiljujući gostinstvo naslidujući. Blagosivajte progonoštvu naslidujući. Blagosivajte progonećim vas, blagosivajte i nemojte proklinjati: Veselite se i veselećim, plakati s plaćućim, jedino među sobom čuteći, ne visoka misleći, nego s poniznim skladajućise.

L.: Imamo različite darove po milosti, koja je nam dana: ili proročanstvo po miri vire: ili službu u služenju: ili koji uči, nek se zabavlja u nauku: koji ponukuje u ponukovanju, koji dili, neka čini u priprosti: koji vlada, u nastojanju; koji miloserdje ukazuje, neka ukaže dragovoljno. Budi ljubav nelicumirna. Nenavidite zlo, priljubite dobro. Ljubite jedan drugoga ljubavlju bratinskom; poštenjem jedan drugoga pritičite. Ne budite lini u onomu, o čemu se brinuti imate budite žestoki duhom; služite Gospodinu. Radujte se u ufanju; strpite se u nevoljah nastojte molitvi. Pomozite svete u potribah, gostinstvo obslužujte. Blagoslovite one, koji progone vas: blagoslovite, i ne proklinjajte. Radujte se s plaćućim. Jedino medju sobom čutite; visoko od vas ne mislite; nego skladajte se s' poniznima.

Nakon Lanosovića opet je u prijašnje stope svogih uzora ušao P. Katančić prevodeći sv. pismo riječ po riječ¹⁾, što će reći, da je

1) Sveto Pismo starog zakona Sixta V. P. naredbom prividjeno i Klementa VIII pape vlastjom izdano; sada u jezik slavno-ilirički izgovora bosanskog prinešeno;

gradio s hrvatskim riječima latinske rečenice, i s hrvatskim osnovama latinske složenice. A sve to za volju teološkoj nekoj tiješnoći, koja je vlastiti jezik smatrala sluškinjom posvećenog latinskog. [»Neiskazanom našeg željnog Prinašaoca Trudu pripisati imamo, da slovojavnom S. Pisma izdatje Latinsko (istočna ne odbaciv vrila) od riči u jezik Slavno-Ilirički virno udesno, razgovitno, i što no vele *slovo za slovom*, na veliko sviu začudjenje, privede«. [Predgovor S. Pismu Katančićevu od G. Čevapovića str. XII.]

Katančić doduše obiluje mnogim pravim i narodnim izrazima, ali ipak mu je jezik natrunjen okaminama leksikalnim iz crkvenih knjiga, koje pokazuju, *da je i Katančić radio na temelju ranijih lektionara*. — I on veli sa Pavićem, Kesićem i Bandulavićem n. pr. podpepelni kruh (Knjig kralj III, 9^e) sidališta (Mat. XXI¹²) očitnici (Luk. XV¹) pisci (Luk. XV²) mekim (Mat. XI⁶) fale uzdajemo (Pav. Sol. I²) uspomenu čineći (Pav. Sol. I²) brime (Iz. LVIII⁶) posvetilišta (Malach III³) i dr. I on doslovno prevodi. Iz. LVIII⁹: Ako jamiš od srid tebe lanac, i pristaneš pružati perst, i govorit' što ne prudi, kad izlieš gladnomu dušu tvoju i dušu obnevoljenu (isp. Bandulavića) napuniš izajti će u tminah svitlost tvoja i tmine tvoja budu kako podne.« — On šnjima ima jednako konstruiranje participijalnih rečenica i čuvanje oblika prema latinskomu. (Isp. isto mjesto Pav. Rim. XII⁹⁻¹⁸ . . . Blagoslovite progonećim vas: . . . Radovat se s radujućim, plakat s plaćućim. To isto među se čuteći: »ne visoka mudrujući, nego poniznim privoljujući . . .«)

Katančić doduše ne spominje nijednog evangjelistara, što smo ih obredali, nego navodi tek Pavićevu Jezgru¹⁾, a izim nje se sjeća »i drugih; »elle niedno podpuno po Izdatju slovojavnom, dosad nenajdese« (Pridgovor VI). Pod »drugima« Katančić sigurno misli budimske i druge evangjelistare (lektionare), jer su sve to nepotpuni prijevodi.

Što se Katančić razlikuje velikim bogatstvom riječi, koje ne dolaze u lektionarima ispred njega, to se osniva na mnogo obilnijim pomagalima, koja su mu pri poslu služila. On ima ispred sebe Kačića, Kanižlića i Reljkovića (str. X Pridgovora), on poznaje rječnike, i to Bellin, Stulliev i dapače Mikaljin (str. XI Predg.), on je znao i za »Serviance« Raića, Stojkovića, Došenovića, Rakića i Stefanovića (str. XII Predg.).

Tad SS otacah i naučitelja tomačenjem nakitjeno. U Budimu. Slovima i troškom kraljev. mudroskupštine mađarske 1831. — Sveto pismo novog zakona — — U Budimu 1831. —

1) Ogleдалo temelja vire i zakona katoličanskoga to jest Sveto Pismo ili ti Jezgra svi dogogjaja staroga i navoga zakona — po ocu fra. Emeriku Pavichu. U Budimu 1759.

U natpisu ove rasprave nazvao sam sve spomemute lekcionare iza Bandulavića budimskima, jer u Budimu su ne samo štampani nego ovdje su i nastali. I u istome budimskom samostanu završava i P. Katančić svoje veliko djelo prijevoda sv. pisma. Dok je pisao predgovor, njemu je klonula ruka, a pero mrtvoga druga i učitelja digne Grgur Čevapović, te izda djelo. Bijaše to doba, kada je već nastajao preokret u shvaćanju jezika i pravopisa, kada je na mjesto mrtvog autoriteta latinštine stupio na snagu autoritet živi — narodni jezik. I zato sav rad Katančićev spada u XVIII vijek, spada u kolo budimskih lekcionara, što su izrasli iz uzora dalmatinsko-bosanskog — Bandulavića.

Zaključak.

I. 1. Bandulavićeve Pištrole (I izd. god 1613) osnivaju se na Zboravčičevom izdanju Bernardina Splječanina (III izd.).

2. Bandulavić teži za nekim zajedničkim ili općenitijim jezikom, u njega je to smjesa štokavštine i čakavštine (kakova nigdje nije u živom govoru postojala)¹⁾.

3. Štokavština Bandulavićeva ispočetka je pritajena, a ojačava tijekom Pištola sve više.

II. 1. Nikola Kesić i drugovi spremaju novo izdanje lekcionara u obliku evanđelistara za puk (god. 1740), a zavise u tome poslu o Bandulaviću: a) u biblijskim terminima, b) kovanicama i obratima latinskima, c) u apstraktnim imenicama, d) u sintaksi, e) u shvaćanju pojedinih mjesta.

2. Razlika prema Bandulaviću stoji u provincialnom štokavskom njihovu blagu riječi.

3. E. Pavić (god. 1764) posve je ovisan o Kesićevim epistolama.

4. M. Lanosović (god. 1794) prvi se oteo dosadanjim uzorima, ali uzima zato u pomoć *njemački* prijevod. Svezu sa Bandulavićem i »crkvenim knjigama« čuva ipak *arhaiziranjem* svojega rječnika.

5. Njegov prijevod odlikuje se a) jasnoćom, b) modernizovanjem riječi (purizam), c) narodnom sintaksom.

6. S ovima (Bandulavićem, Pavićem, Kesićem i Lanosovićem) suvisi i P. Katančić svojim prijevodom sv. pisma (g. 1831).

1) I Bandulavić kao svi jezikoslovci do historičke škole u 19. vijeku, smatraše jezik djelom razuma, a ne prirodnom organizmom. On misli, da bi tkogod mogao doći, pa *odrediti* i svojim *autoritetom* odlučiti, što će biti propisano za svakoga. Bandulavić se tuži, na zlu sreću Slovinškoga jezika: »koji neimamo poglavita *Naučitelja* nikakova, ki je dosad hotio svojemu jeziku *pomoć* podati, odlučujući stanovito red razlog i način pisma« (Vidi Predgovor izd. 1645). Ovo se doduše odnosi na pravopis, ali stoji u svezi i sa Bandulavićevim mišljenjem o jeziku u opće.

III. Izvan te sveze stoji dubrovački lekcionar B. Kašića. Sa Bandulavićem dodiruje se Kašić svojom štokavštinom¹⁾.

Dubrovčanin imao je istu težnju, koju i Bandulavić, da stvara štokavštinom zajednički književni jezik.

Držim, da ova leksikalna sveza budimskih lekcionara sa dalmatinsko-bosanskim nije tek slučajna i osamljena i da će se naći takovih prijelaza iz dalmatinske književnosti u »slavonsku« mnogo više.

Neke knjige, tako n. pr. od bezimena pisca Pisanica duhovna krstianskoga nauka od god. 1754 (štampana u Beču)²⁾ poznaje u svojemu inače slavonskom dijalektu i neke *talijanizme* (libarice, purgatorij), isto nalazimo i u propovijedima od Gjüre Rapića (Svakomu pomalo)³⁾. Budući da je jedan i drugi pisac slavonskog porijetla, bit će opravdana slutnja, da su se služili uzorima dalmatinskima, iz kojih su talijanizmi.

U mnogo slučajeva bit će put saobraćaja između Slavonije i Dalmacije onaj isti, koji je i kod lekcionara, naime posredovanjem *bosanske knjige*.

Bosna je od uvijek sa Slavonijom bila u svezi. Iz Bosne naselilo se najviše današnjih žitelja Slavonije, i to baš tijekom prošlih vijekova, od 16.—18. vijeka. Iz Bosne ponesoše ti ljudi i uspomenu na kulturne neke tečevine, osobito na pismo—na bosančicu. Dok to spomenuti bezimeni pisac ne kaže izrijekom, nalazi se jasna potvrda u Reljkovića.

Vaši stari jesu knjigu znali
Srbski štili, a srbski pisali⁴⁾.

[Satir, pj. IV, stih 17—18.]

1) Izvan sveze sa budimskim lekcionarima stoje i kajkavski, a i onaj što ga je izdao Iv. Baptista Ježić (1776—1833), Epistole i Evangelja priko svega lita po redu Misala Rimskoga Skupno molitvami i blagoslovni: u jezik slovinski prinesena. 1824. U Rici. Pritiskano Slovimu Antona i Josipa Karbetzky. — *Napomenuti mi je ovdje, da se svi lekcionari upotrijebljeni u ovoj raspravi nalaze u Kr. svenčičkoj biblioteci u Zagrebu*. Hvala pomnji i trudu bibliotekara dr. Iv. Kostrenčića nalazi se ovdje lijepa zbirka naših lekcionara i orkvenih knjiga.

2) Pisanica duhovna krstianskoga nauka puna izpisana. Po jednomu misniku od družbe Isusove misionariušu apoštolskomu, i za Uskrs poklonjena plemenitoi gospodi senatorom, purgarom, i svemu poglavitomu varošu požežkomu; navlastito pako ocem i materam priporučena. Iz biblioteke katehetice S. G. Svete Ane u Beču 1734. Štampana pri Schvendingonnissen. Tutoru.

3) Svakomu pomalo iliti predike nediljne . . . po P. F. Gjuri Rapića *Gradiscaninu*. God 1762. Tlačeno u Pešti kod Antuna Franceska Eitzenbergera, purgerskoga tlačioca. [Ovdje dolaze ovakovi talijanizmi: sentenciji (2.) devoto (12) frustra (5) od desperationa (15) i dr.]

4) »Srbski« se ovdje odnosi na čitanje (»štili«) i pisanje (»pisali«) dakle ne na jezik nego na slova, na ćirilicu, a budući su Reljkovićeви »stari« iz Bosne, to se ovdje misli bosanska ćirilica tj. bosančica.

A bezimeni pisac veli: »... znadem, da nike starije gospoje štiti znadu knjigu, koju su se ali u Bosni, ali od Bošnjaka još pod turskim vladanjem, ali malo posli naučile, a sada stide se knjigu u ruke uzeti, i druge učiti, kada je mir i draga karstianska sloboda« (Pisanica duhovna, str. 5).

Da su Bandulavićeve Pištrole bile namijenjene bosanskim svećenicima, razabire se iz marginalne primjedbe: »potomtoga poddijak iliti subdjakon štapom križa, ali petom istoga, kada nebi bio na štapu za koji uzrok, *kako u Bosni zaradi Turak*: pokuca u vrata... (Nedilja cvitna, Pištrole str. 67). Bandulavić meće u Kalendar i mnoge svece, kojih nema u Zboravčica, Dalmatinca, valja da opet — radi obzira na Bosnu.

Sve do god. 1757¹⁾. Bosna zajedno sa Slavonijom čini jednu franjevačku provinciju, koja obasiže i južnu Ugarsku, dakle i Budim. Ne valja smetnuti s uma, da je Bosna sa Slavonijom i *politički* nekoć bila združena u jedan *pašaluk bosanski*²⁾.

Bit će zato u buduće uvijek potrebno uzimati i svu *književnost* u Bosni, Slavoniji i Ugarskoj *kao jednu cjelinu*. To vrijedi za XVII i XVIII vijek više nego za danas?!

1) Em. Pavich: *Ramus viridantis olivae seu descriptio provinciae nuper Bosnae Argentinae jam vero S. Joannis a Capistrano. Budaë. 1766. p. 103.*

2) Izim srijemske županije, koja je spadala pod beglerbega budinskoga, sva je Slavonija spadala pod Bosnu. Smitčiklas T.: *Dvjestogodišnjica oslobođenja Slavonije*. U Zagrebu 1891. I. d. str. 4. (prema Ricaut *Histoire de l'empire Ottoman* livre I str. 138.)

Über einige slavische Wörter mit dem Wurzelement *mar-*.

Die slavischen Wörter mit dem Wurzelbestandteil *mar-* hat Miklosich Et. Wörterb. 183 im ganzen in einleuchtender Weise zusammengeordnet. Im einzelnen aber läßt sich, insbesondere in etymologischer Hinsicht, über das von dem Altmeister gegebene hinausgelangen.

1. Gruss. *maráti*, kluss. *máraty*, osorb. *marac* 'besudeln, beschmutzen, verschmieren, verstreichen' gehört zweifellos zusammen mit gr. *μορούσσω* 'beschmutze, verschmiere, schwärze', das in der alten Literatur nur einmal bezeugt ist, Od. 13, 435, wo erzählt wird, wie Athene den Odysseus in einen alten Bettler verwandelt:

ἀμφὶ δέ μιν ῥάκος ἄλλο κακὸν βάλεν ἠδὲ χιτῶνα,

ῥωγαλέα, ῥυπῶντα, κακῶι μεμορυγμένα καπνῶι (v. l. *μεμορυχμένα*), und das später namentlich der alexandrinische Dichter Nikander in seinen *Ἀλεξίφάρμακα* teils im Sinne 'besudle' (Vs. 318), teils im Sinne 'verschmiere, vermische' (Vs. 144. 330. 375) gebraucht. Als dessen Grundform ist jetzt **μορούχ-ιω* sichergestellt durch das Adjektivum *μορυχος* 'σκοτεινός, dunkel' — der Akzent ist unbekannt —, das Diels vor kurzem (Hermes 40, 1905, 301 ff.) in Aristoteles' *Metaphysik* 1, 5 (987 a 9 der Ausgabe der Berliner Akademie) aus Alexander von Aphrodisias eingesetzt und für das Prächter soeben (ib. 42, 1907, 647) einen weiteren Beleg aus dem Platonkommentar des Hermeias beigebracht hat; es war uns als Eigennamen schon früher geläufig, und zwar als Beiname des Dionysos aus Syrakus (Zenobios V 13 mit der Erklärung: ἀπὸ τοῦ τὸ πρόσωπον αὐτοῦ μολύνεσθαι, ἐπειδὴν τρυγῶσι τῶι ἀπὸ τῶν βοτρυῶν γλεύκει καὶ τοῖς χλωροῖς σύκοις), als Personennamen in der Form *Μόρυχος* und den deminutivischen bzw. patronymischen Weiterbildungen *Μορυχίων* *Μορυχίδης* aus Athen, Böotien, Ionien (Belege bei Bechtel, Griech. Spitznamen 53). Auch die slavischen Sprachen kennen eine Ableitung mit Guttural: slov. *maróga* 'Streif, Fleck, Maser, Narbe', poln. *morąg* 'dunkler Streif; bunt gestreift, bunt gestreiftes Tier, buntscheckiger Hund', auf grund deren wir auch gruss. *marúška* 'Fleck, verstrichene

Stelle' wohl nicht dem üblichen, aus *-ucha* weitergebildeten Deminutivtypus auf *-uška* (*klétiča* — *klétuška* 'kleine Klete', *ljagúcha* — *ljagúška* 'Frosch', *sestrúcha* — *sestrúška* 'Schwesterchen'; ohne vorausliegendes *-ucha* *izbúška* 'Hüttchen', *rybuška* 'Fischlein', *solóvuška* 'kleine Nachtigall' u. a. bei Belić Archiv 23, 184 f.) einzureihen, sondern aus **marqž-ika* herzuleiten haben. Ich glaube freilich nicht, daß diese Bildung mit *μορυχος* in unmittelbarem geschichtlichem Zusammenhange steht. Urslav. **marag-a* **morag-ŭ* nämlich schließt sich an **pīstrag-ŭ-a* 'Forelle' in poln. *pstrag bzdrag bzdrega*, čech. *pstruh*, magy. *pisztrang*, woraus kroat. *bistranga* (Miklosich, Vgl. Gramm. 2, 284), und wohl auch in serb. *pàstruga* 'ein Donaufisch', **ostrag-a* in poln. *ostręgi* 'Bromberen', serb. *òstruga* 'Bromberstrauch, Sporn' und andere Wörter gleichen Ausgangs an. Von diesen aber ist mir gemäß dem Verhältnis von *ino-gŭ* 'μονός' zu got. *aina-k-ls* 'einzeln, vereinsamt' und lat. *singulus* 'einzeln, allein', gemäß der Parallele abulg. *ostro-gŭ* 'Pfahl', grruss. *ostróg* 'Pfahl' *ostrogá* 'Gabel zum Fischstechen': *ostrŭ* 'scharf' = aind. *árbha-gas* 'klein, schwach, jung': *árbhas* dass. (vgl. Meillet Études 353 f. Brugmann Grundr. 2 II 1, 508) und aus sonstigen Gründen, die hier darzulegen zu weit führen würde, wahrscheinlich, daß ihr *g* ursprachliches unaspiziertes *g* (*g^u*) vertritt. Wie **pīstragŭ -a* auf *pīstrŭ* 'bunt', **ostraga* auf *ostrŭ* 'scharf' beruhen, so setzt **moragŭ* ein **morŭ* 'schmutzig, dunkel' voraus. Es liegt noch vor im Femininum osorb. *mora* 'schmutzige, braungestreifte Kuh'. Mit anderen Suffixen sind davon abgeleitet osorb. *moras* 'aschfarbiger, graugestreifter Hund', čech. *morous* 'aschfarbiges, gestreiftes Rind', *moratj* 'schwarzgestreift', *morovatj* 'fleckig, aschfarbig, grau-, schwarzgestreift'. Alle diese Formen, die sich in der Wurzelstufe mit *μορυχος* *μορούσσω* decken, machen wahrscheinlich, daß auch bei der *g*-Bildung das Polnische den ursprünglichen Vokal bewahrt, das Slovenische und Russische *a* vom Verbum *marati* oder dem diesem zu grunde liegenden **mara* 'Fleck, Schmutz' (mit der Wurzelstufe von *slava para* russ. *iz-gaga*) übernommen haben. Dahl-Baudouin II 779 verzeichnet auch für das Großrussische aus dem Gouvernement Vladimir ein *mórkij* 'leicht schmutzend'; ist das alt, nicht erst durch labialisierende Einwirkung des *m* auf *a* oder durch Anlehnung an *moróka* 'Dunkelheit, Nebel' entstanden, so würde es lehren, daß das sonst im Russischen übliche *márkij* ebenfalls ans Verbum angeglichen ist, und ein von **morŭ* ausgegangenes **morŭkŭ* erschließen lassen. Auch das Griechische hat neben *μορυχος* noch eine andere Adjektivform besessen: *μοριρόν σκοτεινόν*. μέλαν Hesych. Man ist geneigt sie als verderbt anzusehen, dazu ist aber, zumal da sie an der richtigen alphabetischen Stelle steht, kein

Anlaß: wie *-αχος -ιχος -υχος, -ακος -ικος -υκος, -αθος -ιθος -υθος* wechseln, so lag neben *-αφος* (*φλήναφος* 'geschwätzig, Geschwätz', *κίραφος* 'Fuchs' u. a.) und *-υφος* (*ἀργυφος* 'glänzend weiß', **εἰλυφος* 'wirbelnd, wirblig' in hom. *εἰλυφᾶν εἰλυφάζειν* 'wirbeln' u. a.) *-ιφος*: *ἔριφος* 'Bock' zu umbr. *erietu* 'arietem', *στέριφος* 'starr, fest, hart' zu *στερεός* dass. aus **στερείός*, ion. *σκελιφρός* 'starr, hart'. Möglich, daß *μοριφός* auf einem **μορις* 'verdunkelt, beschmutzt' beruht, das sich in seiner Gestaltung mit *τρόφης* 'gemästet, feist', *στρόφης* 'gewandt, verschlagen' vergleiche. — Lit. *marké* 'Fleck', das Miklosich neben *maráti* nennt, bleibt besser aus dem Spiele; Kurschat stellt es als nicht genügend beglaubigt hin, und auch Leskien hat es, soviel ich sehe, in seine 'Bildung der Nomina' nicht aufgenommen.

2. Auf die südslavischen Idiome ist eine andere Gruppe beschränkt: serb. *mâr* 'Bekümmernis', *nêmâr* 'Sorglosigkeit, Nichtachtung, Vernachlässigung', *mâríti* 'sich kümmern um', *mârlyjiv* 'fleißig'; entsprechend im Bulgarischen und Slovenischen, welch letzteres noch *mârati* 'achten, sich kümmern um', *mâren* 'fleißig' hinzufügt. Miklosich hält sie für entlehnt aus dem Deutschen: ahd. *unmâri* 'gering geachtet, gleichgültig'. Das ist sehr wenig wahrscheinlich: *unmâri* ist ja lediglich das negierte *mâri*, das im Althochdeutschen wie in allen Schwestermundarten (as. *mâri*, ae. *mære*, aisl. *mârr*, got. *waila-mêrs*) 'berühmt, bekannt, herrlich' bedeutet. Ich denke, es liegt auf der Hand, daß die slavischen Ausdrücke zu der durch die meisten indogermanischen Sprachen verbreiteten Wurzel *smër mër* 'gedenken, sich erinnern' gehören, die in einigen von ihnen zu der Geltung 'sorgen, sich bekümmern' gelangt ist: ai. *smârati* 'gedenkt, erinnert sich', awest. *maraiti* (in der Zusammensetzung *-šmaraiti*) 'gedenkt, erinnert sich', lat. *me-mor* 'eingedenk', gr. *μάριτυς* 'Zeuge' *μεριμνᾶν* 'sorgen, sich bekümmern' *μέριμος* 'wer viel denkt, sinnt, sorgt; was viel Denken, Sinnen, Sorgen erfordert' *μεριμήρη* 'Sinnen, Sorge' *μεριμηρίζειν* 'sich bedenken, sinnen, sorgen', got. *maúrnan* ahd. *mornén* 'sorgen, besorgt sein'. *mâr mâríti* zeigen Dehnstufe des Wurzelvokals wie abulg. *varü* serb. *vâr* 'Glut, Hitze', abulg. *variti* serb. *vâriti* 'kochen' trans. neben abulg. *vîrêti* 'sieden, wallen, sprudeln', ahd. *warm* 'warm'; serb. *ûgâr* 'die zum Anbau aufgerissene Erde', eigentl. 'die abgebrannte, geschwendete Stelle' (vgl. *ûgarak* 'Brand') grruss. *ugâr* 'was beim Verbrennen abgeht, Abbrand, Ofendunst', serb. *ugâriti* 'die Erde aufreißen' neben abulg. *grîniü* 'Topf, Kessel', *zeravü* 'glühend', *gorêti* 'brennen' intr., gr. *θεριμός*; abulg. *valü* serb. *vâl* 'Woge', abulg. *valiti* grruss. *valiti* 'wälzen' neben abulg. *vlîna* 'Woge', ahd. *wella* 'Welle', gr. *ἔλυσθεις* 'sich wälzend, ringelnd'. Eine andere Abtönung dieser Dehnstufe haben

wir in *μερμήρη*, womit man abulg. *po-žarü* 'Brand', serb. *žâr* russ. *žarü* 'Glut, Hitze' und russ. *žará* dass. zusammenhalte.

3. Bis hierher erscheinen die Dinge klar und eindeutig. Bei einer weiteren Sippe aber fließen verschiedene Möglichkeiten in einer Weise ineinander, daß ich keine bestimmte Entscheidung wage. Liest man bei Miklosich: bulg. *maranja* 'Hitze', vgl. serb. *òmara* 'Schwüle' *ràz-mariti* 'bei Feuer aufgehen lassen' (Wachs), russ. *marü* 'Sonnenwärme', *máritü* 'brennen' (von der Sonne), so wird man an gr. *μαρμάρεος* 'glänzend, funkelnd', *μαρμαλώ* aus **μαρμαρ-ίω* 'glänze, funkle, strahle', nicht redupliziert *μαίρα* aus **μαρ-ία* 'Hundsstern, Sirius', *ἀμαρ-ύσσω* 'funkle, leuchte' erinnert, mit denen ai. *máriciš* masc. fem. 'Lichtatom, Lichtstrahl', *marīkā* 'Luftspiegelung, vorgespiegeltes Wasser in der Wüste' verbunden zu werden pflegen. Indes wird nach Dahl-Baudouin II 777 *máritü maritü* vom Sonnenbrand gesagt nicht bei klarer, sondern bei undurchsichtiger, dunstiger, schwüler Luft, wie sie im Sommer vor dem Gewitter, bei Waldbränden, im Frühjahr gegen Ende der Schneeschmelze zu sein pflegt; *marü* heißt 'Sonnenglut' nur im Gouvernement Irkutsk, anderwärts 'trockner Nebel, schwüle und trübe, dunkle Luft', entsprechend *márno* dort 'heiß, warm' allgemein, sonst mit dem Nebensinne 'trüb, dunkel' (*sólnce stoitü márno* 'die Sonne hat keinen Glanz'), *márë* im Gouv. Archangelsk 'Nebel, durch Nebel verursachte Dunkelheit', *marì* ebenda 'Nebel, aufsteigende Ausdünstungen', *márevo* 'Hitze, bei der die Luft trüb weiß ist, ihre unteren Schichten neblig und wenig durchsichtig sind; Höhenrauch (von Waldbränden); Luftspiegelung wie sie an schwülen Sommertagen in der Steppe vorkommt'. Von mehreren dieser Wörter liegen nicht weit ab *móra* 'Dunkelheit, Nebel' (Vologda) und das allem Anscheine nach reduplizierte *momrá* 'Dunkelheit, trübes neblig Wetter, trockner Nebel' (Orenburg, Sibirien). *márevo* hat auch das Kleinrussische, nach Želechovskij für 'Zwielicht, Halbdunkel; Schwärmerie, Phantasie', daneben für 'Zwielicht, Sonnenspiel' *mrevo mrjáva*, und diese führen hinüber zu *mrity* 'düster, neblig werden' (vom fallenden Nebel- und Staubregen; *sónce mríje* 'die Sonne umdüstert sich'); 'schimmern, dämmern, grauen, wimmeln; leise schlafen, schlummern' (vgl. unser *dämmern* vom Halbschlaf), *mrj* 'nebeltrübe, düster, dumpfig, finster' (*sónce mróje* 'die Sonne ist umdüstert'), *mrývo* 'düsteres, neblig Wetter, Naßkälte', *mrjavica* 'Nebeldämmerung, Gewimmel, leiser Schlaf'. An die letztgenannte Bedeutung schließen sich grruss. *marü* 'Schlaf' (Tomsk) nebst *maritü menja* 'ich bin schläfrig, im Halbschlaf' und osorb. *vomara* 'Halbschlaf, Ohnmacht', das sich zu serb. *òmara* 'Schwüle' verhalten kann wie grruss. *marü* in der eben angeführten

Begriffsnuance zu der im übrigen geltenden; die Sinnesverschiebung wird des weiteren erläutert durch gemeinslav. **morkü* (abulg. serb. slov. čech. *mraċ(ü)*, poln. sorb. kaš. *mrok*) 'Finsternis, Dämmerung, Nebel': grruss. *mórokü moróka* 'Finsternis; dichter Nebel — Ohnmacht', *óbmorokü* 'Höhenrauch — Ohnmacht'. Wie zu dieser Wortfamilie (abulg. *mřúknati*, serb. *mřknuti*, grruss. *mérknuti* 'sich verdunkeln', serb. *mřk* 'schwarz') čech. *mrċati* 'blinzeln, mit den Augen winken' und lit. *mérċiu* 'schließe die Augen', *mírċsiu* 'blinzle' *mírċlĳs* 'Blinzler', *ùž-marka* 'wer etwas anblinzelt' gehören, so zu der kleinrussischen Sippe das von Miklosich Et. Wtb. 190 s. v. *mer-* 2 dazugezogene dialektisch-čechische *přimříc oči* 'mit den Augen blinzeln'. Grruss. *mórokü moróka* umschreibt Dahl-Baudouin II 910 im Sinne 'dichter Nebel' mit *marevo*, *mgla*, *suchoj tuman*; kluss. *merčyt* heißt 'es fällt Staubregen'. Auf grund alles dessen sind die Fragen unausweichlich, ob das nach kluss. *mřity* zu erschließende urslav. **mřeti* 'düster, dunkel werden' nicht der unter 1 behandelten Wurzel von *μoρvυχoς* **moragü marati* angehört und ob die unter dieser Nummer genannten großrussischen Formen mit *mar-* *mor-* *mom-* nicht ebenfalls von ihr abzuleiten sind. Als ihre Normalform wäre dann *mër-* anzusetzen, und *merk-* in lit. *mérċiu*, slav. **morkü* **mřkü* könnte aus ihr (oder im Hinblick auf den Toncharakter von lit. *mérċiu* und serb. *mřknuti* einer zweisilbigen Wurzelgestalt) durch Antritt eines 'Determinativs' hervorgegangen sein¹⁾. Daß ich zwischen dieser Auffassung und der Eingangs erwähnten nicht entscheiden will, habe ich schon gesagt. Welches die genaue Sinnesschattierung von bulg. *maranja* ist, kaun ich nicht feststellen. Serb. *řaz-mariti* wird man nicht von serb. *měřati* 'Wachs ziehen' trennen dürfen; ein anderes *měřati* 'schlagen' (mit dem Waschbläuel nach Vuk) gemahnt an ai. *mřnati* 'zermalmt, zerstört'.

4. Noch eine andere Möglichkeit haben Miklosich für grruss. kluss. *marevo* und grruss. *marü* 'Schlaf', Dahl-Baudouin II 777 für die sämtlichen unter 3 besprochenen großrussischen Wörter mit *mar-* ins Auge gefaßt: sie ziehen sie zu grruss. kluss. *mará* 'Lockung, Versuchung, Träumerei, Täuschung, Phantasie, Gaukelbild, Gespenst' und damit

1) Mit einem anderen 'Determinativ' könnte weitergebildet sein *mergř* in aisl. *myrkue* 'Finsternis' *myrkr* asächs. *mírki* 'finster, dunkel', grruss. *mórgotü* 'Dunst, Brandgeruch' *morgotá* 'Höhenrauch, neblige Luft' čech. *mřholiti* 'fein regnen', lett. *merga marga* 'sanfter Regen', gr. *ἐμέγρω* 'blende' aus **ámegřw* über **ámegřw*, d. i. *áméğρω* (vgl. Fröhde, Bezz. Beitr. 20, 215); dazu weiter grruss. *morgüti morgnüti* 'blinzeln'. Noch anders erweitert grruss. *morochá* 'Staubregen', *mórosĳ dass.*, *morozgá dass.*, welch letzteres dann zu *moróziü* 'Frost' hinüberleitet (vgl. Walde KZ. 34, 513. Torbjörnsson Gemeinslav. Liquidametathese II 42).

weiter zu poln. *mara* 'Traumgesicht, Schreckbild, Gespenst', *marzyć* 'träumen' klruss. *máryty* 'träumen'¹⁾. Daß *marevo* im Kleinrussischen im Sinne 'Schwärmerei, Phantasie' und im Großrussischen da, wo es die Geltung 'Luftspiegelung' hat, daß vielleicht auch grruss. *marü* 'Schlaf' und *maritü menja* 'ich bin im Halbschlaf' für das gegenwärtige Sprachbewußtsein mit *mara* verknüpft sind, braucht nicht bestritten zu werden. Aber daß etymologische Identität besteht, ist mir doch mit Rücksicht auf die Bedeutungsverzweigung der gesamten Wortgruppe, von der sie einen Teil bilden, nicht wahrscheinlich. J. Franck hat KZ. 37, 129 *mara* als Ablautform zu abulg. *mora* und entsprechend in den heutigen slavischen Sprachen 'Hexe, Alp, Trud' und damit zu aisl. ae. ahd. *mara* 'Alp, Mahr' aufgefaßt. Auch hier soll gegenseitige Beziehung insbesondere im polnischen und kleinrussischen Sprachgefühl — im Großrussischen liegt nur *kiki-mora* 'Hauskobold, Waldgespenst' vor — nicht in Abrede gestellt werden. Allein für die Herkunft hat wegen der gesamten Bedeutungen im Russischen doch vielleicht eher Zubatý recht, wenn er (Archiv 16, 398) *mara* zu abulg. *mamiti* 'täuschen, anlocken', serb. *mámiti* 'anlocken, wütend machen' òmam 'Köder' zámama 'Lockspeise', čech. *mámiti* 'täuschen, betrügen' omam 'Blendwerk, Täuschung, Gespenst' (entsprechend in den anderen süd- und westslavischen Sprachen) und zu grruss. *maná* 'Köder, Trugbild', *maníti* 'locken' refl. *mné manítsja* 'mir träumt', *maníjákü* 'Erscheinung, Trugbild, Sternschnuppe, Schau-, Taschenspieler', *ob-mánü* 'Trug, Blendwerk' *ob-maníti* 'betrügen' (entsprechend in den beiden anderen russischen Mundarten) stellt und wenn er die ganze Wortgruppe mit lett. *māži* Pl. 'Gaukelei, Phantasie' *māžs* 'Gaukler' (mit *ž* aus *dj*), *ap-māt* 'blenden, bezaubern, vexieren' und mit ai. *māyā* 'Verwandlung, Truggestalt, Betrug, Täuschung, Illusion', *durmāyúš* 'böse Künste anwendend' (Roth im Pet. Wtb.), 'ubeltuend, schädlich' (Geldner Glossar zum Rigveda) verbindet. Jede der beiden Nasalableitungen des Slavischen hat anderswo in Europa Entsprechungen, wenn auch mit Ablautsvarianten, wie sie bei der durch die indischen Formen erwiesenen *ai*-Wurzel zu erwarten sind: *mamü mama* in gr. *μῆ-μοῦς* 'Nachahmer, Nachahmung, insbesondere des Lebens auf der Bühne; urspr. Gaukler, Gaukelei, Blendwerk', das schon W. Schulze, KZ. 27, 485 zu ai. *māyā* gezogen hat, *manü mana* in ahd. *mei-n* 'falsch, be-

1) Das von Miklosich als 'altslovenisch' aufgeführte *mara* 'mentis emotio' scheint nach den im Lex. Palaeoslov. 362 beigebrachten Belegstellen aus russischen Texten zu stammen und eine der zuletzt angegebenen Bedeutungen zu haben. *omariti se* und *obumarjati* 'in der Ekstase sein' nebst *obumarjenije* 'Ekstase' aber gehören zu *obumirati* dass., d. h. zu abulg. *mīra mrēti* 'sterben'.

trügerisch', ahd. *mein* asächs. *mén* ae. *mán* N. 'Falschheit, Frevel, Verbrechen' aisl. *mein* 'Schädigung, Unglück', das wir gemäß seiner Bedeutung zunächst hier, nicht, wie gewöhnlich geschieht, an abulg. *ména* 'Wechsel, Veränderung', lit. *maĩnas* 'Tausch' anzuknüpfen haben — mögen auch im letzten Grunde die aufgeführten Wörter für 'trügen' mit den gleichfalls in der *i*-Reihe sich bewegenden für 'tauschen' (ai. *ni-mayas* 'Tausch' *máyatē* 'tauscht', lett. *mīju* mit 'tausche') einer Wurzel entstammen. Es kann sein, daß auch die *r*-Bildung in russ. poln. *mara* auswärts wiederkehrt. Lat. *mirus* 'wunderlich, wunderbar, seltsam', wovon *mīro -or* 'wundere mich, staune', schließt man bisher allgemein an die Wurzel *smei-* 'lächeln, lachen' in ai. *smáyatē*, gr. *μειδᾶν μειδιᾶν*, abulg. *sméjŭ*, ahd. *bi-smer* 'Spott' *bi-smerón* 'spotten' an, und diese Etymologie ist im Hinblick auf ai. *smáyas* 'Staunen; Hochmut'; *vi-smitas* 'betroffen, erstaunt' gewiß möglich (*mī-rus* in diesem Falle 'belächelt, Lächeln hervorruhend' wie *clā-rus* 'berühmt, Geschrei hervorruhend', *dī-rus* 'gefürchtet, Furcht erregend'). Aber so schlagend ist sie doch nicht, daß sie jede andere Zusammenstellung ausschliesse; setzen wir als Vorstufe von 'wunderlich, seltsam' 'blendend, trügend, täuschend' an, so rückt *mirus* in nächste Nachbarschaft von slav. *mara*. Man lese mit diesem Gedanken Plautusstellen wie Pseud. 1213 *tu, nisi mirumst, plane perdidisti mulierem* 'wenn's nicht sonderbar zugeht = wenn nicht alles täuscht', Trin. 861 *mira sunt, ni illic homost aut dormitator aut sector zonarius* 'es wäre wunderbar' = 'eine Täuschung', Merc. 240 *mihi illud videri mirum, ut una illaec capra uxoris dotem ambederit* 'mir schien das wunderbar = eine Täuschung' und berücksichtige *miriones* 'personae distortis oribus deformes', also 'Fratzengesichter' Accius nach Varro Lingua Lat. 7, 64 neben grruss. *mara* kluss. *maréna* 'Popanz, Scheuche, die man zum Empfang des Frühlings, am ersten März, unter Gesang von Frühlingsliedern durch die Straßen trägt' (Dahl-Baudouin II 777).

Bonn.

Felix Solmsen.

Zur Frage über die »Weichheit« und »Härte« der Sprachlaute im allgemeinen und im slavischen Sprachgebiete insbesondere.

»Weich« (russ. мягкий, poln. miękki, čech. měhký usw.) und »hart« (russ. твёрдый, poln. twardy, čech. tvrdý usw.) gehören, streng genommen, in den Bereich des Tastsinnes. Wenn man also von »weichen« und »harten«, sei es optischen, sei es akustischen, Erscheinungen spricht, so geschieht dies nur infolge einer gewissen Analogie unter den von verschiedenen Sinnen empfangenen Eindrücken. »Weich« ist Synonym von »sanft«, »gelinde«, »schwach«, *lenis*; »hart« dagegen Synonym von »roh«, »stark«, *fortis*.

In Anwendung auf die lautliche Seite der Sprache beziehen sich die Ausdrücke »weich« und »hart« in erster Reihe auf unsere akustischen Eindrücke, nicht aber auf die diese Eindrücke veranlassenden Arbeiten der Sprechorgane. Die »Weichheit« und »Härte« phonetischer Gebilde bestimmt man vor allem mit dem Ohre, und nur nebenbei mit dem inneren Muskelgefühl.

Bekanntlich werden diese Ausdrücke von der deutschen populären Sprachlehre in einem anderen Sinne angewendet, als von der populären Sprachlehre der Slaven. Ein Deutscher assoziiert die vage Vorstellung einer »Weichheit« mit den Graphemen (Buchstabenvorstellungen) *b, d, g, u, s* (»gelindes« *s*) . . . , im Gegensatz zu der »Härte« von *p, t, k, f* (resp. *v*), *β* (resp. *ss*) »Weich« bedeutet hier also *lenis*, »hart« — *fortis*. Dem Slaven gelten ebenso einfache *b, d, g, v, z* . . . , wie auch einfache *p, t, k, f, s* . . . als »hart«, während die durch eine Annäherung der mittleren Zunge an den harten Gaumen modifizierten *ǔ, đ, ě, v, z* . . . , *ǖ, ł, k, f, s* . . . den Eindruck der »Weichheit« auf ihn ausüben.

Die Ursache des Eindruckes der »Weichheit«, im Gegensatz zur »Härte«, sei es im deutschen, sei es im slavischen Sinne, muß man in dem Umstande suchen, daß die lokalisierte Arbeit des betreffenden

Konsonanten durch eine Nebenarbeit an einer anderen Stelle des Sprechapparats kompliziert wird. Wenn man *ceteris paribus*, d. h. bei derselben Summe der Muskelanstrengung, bei derselben Intensität, seine phonatorische Tätigkeit auf eine gewisse Stelle konzentriert, bekommt man ein stärkeres akustisches Resultat, als in dem Falle, wo man einen Teil der Arbeitsintensität auch auf das Überwinden noch eines anderen Hindernisses aufwenden muß. Dann, d. h. in diesem zweiten Falle, entsteht zwar etwas, was jener einfacheren und stärkeren Arbeitsweise fremd war, die für jenen ersten Fall einzige Arbeit aber muß hier geschwächt zum Vorschein kommen. Zum Vergleich könnte man Erscheinungen aus anderen Gebieten hinzunehmen (aus der Mechanik Wirkung derselben »Kraft« auf einen Punkt oder auf mehrere; aus der Psychologie Konzentrierung der Aufmerksamkeit auf einen Gegenstand oder deren Zerstreung auf mehrere Gegenstände; aus der Ökonomie die Verwendung einer und derselben Geldsumme auf den Erwerb einer einzigen Warengattung, oder aber mehrerer Gattungen).

Bei den stimmhaften Konsonanten wird die Hauptarbeit in der Mundhöhle (bei *b* die Arbeit der Lippen, bei *d* — der vorderen Zunge, bei *g* — der hinteren Zunge usw.) durch die Vibration der Stimmbänder geschwächt. Darum erscheint einem Deutschen der akustische Eindruck, welchen er von der in der Mundhöhle lokalisierten Hauptarbeit der genannten Konsonanten erhält, als »weich«, d. h. geschwächt. Ebenso wird von einem slavischen Ohre der akustische Eindruck von der Arbeit an der phonatorischen Hauptstelle der Konsonanten (Lippen, Vorderzunge, Hinterzunge) durch das Hinzutreten der Annäherung der mittleren Zunge an den harten Gaumen als geschwächt oder »weich« vernommen. Die slavische »Weichheit« der Konsonanten ist nicht mit dem Eindrucke von dieser Annäherung der Zunge an den harten Gaumen zu verwechseln. Das »Palatale« oder das »Mittellinguale« des Eindruckes hängt hier von der Arbeit der mittleren Zunge, das »Weiche« oder das »Mouillierte« aber von der »reduzierten«, geschwächten Arbeit der betreffenden Hauptstelle ab.

In einigen deutschen Gebieten (wie auch u. a. im Dänischen) ist der primäre Urheber des Unterschiedes von »Härte« und »Weichheit« der Konsonanten, d. h. der Unterschied der Stimmbändertätigkeit, abhanden gekommen; aber der durch ihn veranlaßte sekundäre Unterschied der lokalisierten Mundhöhlenarbeit dauert immer fort. Auf diese Weise hat man in diesen Sprachgebieten stimmlose *lenes* neben den stimmlosen *fortes* erhalten.

Etwas ähnliches ließe sich auch als den slavischen »weichen« und

›harten‹ Konsonanten bevorstehendes denken. Nehmen wir an, es verstumme der Urheber dieses Unterschiedes, d. h. die begleitende Unterscheidung zwischen Annäherung der mittleren Zunge an den harten Gaumen und deren gegenseitigen Entfernung, ohne den durch ihn hervorgerufenen Unterschied der Intensität der Aussprache an der phonatorischen Hauptstelle (Lippen bei *p, b, f, v, m* oder *p̣, ḅ, f̣, ṿ, ṃ*, vordere Zunge bei *t, d, s, z, n, r, l* oder *ṭ, ḍ, ṣ, ẓ, ṇ, ṛ, ḷ*, hintere Zunge bei *k, g, ch*) irgendwie zu ändern. Was würde dann geschehen? Selbstverständlich würde sich der genannte Unterschied fortsetzen und wir würden einerseits ›starke‹ oder ›harte‹ *p, b, f*, *t, d, s, z, n*, *k, g, ch*, andererseits ›schwache‹ oder ›weiche‹ *p, b, f*, *t, d, s, z, n*, *k, g, ch* bekommen.

Eine interessante Substitution habe ich bei einer in Kasan ansässigen Französin aus Elsaß in den JJ. 1875—1876 beobachtet. Sie hörte wohl den Unterschied zwischen den russischen ›weichen‹ und ›harten‹ Konsonanten, konnte ihn aber nicht genau wiedergeben. Da sie jedoch den Unterschied in der Intensität der Aussprache an der phonatorischen Hauptstelle vernahm, so ersetzte sie, wenigstens bei den stimmlosen, den Unterschied von ›harten‹ und ›weichen‹ mit dem Unterschiede von stimmlosen und stimmhaften. Sie sprach also *pal* (палъ), *pop* (попъ), *tam* (тамъ), *to* (то), *kak* (какъ), *kazak* (казакъ), aber *bel* (бѣлъ), *kubés* (купецъ), *de* (дѣ), *adés* (отец), *rugi* (руки), *gem* (къмъ) Im Gebiete der stimmhaften Konsonanten war eine solche Unterscheidung der ›Weichheit‹ und der ›Härte‹ nicht mehr möglich.

Sonst hängt die Anwendung dieser *termini*, ›weich‹ oder ›schwach‹ und ›hart‹ oder ›stark‹, von der subjektiven Auffassung ab, d. h. davon, wohin man seine Aufmerksamkeit hauptsächlich lenkt. Ich kenne z. B. den Streit darüber, was eigentlich als hart oder stark (*fortis*) und was als weich oder schwach (*lenis*) gelten solle: ob *p, t, k*, oder *b, d, g* So viel ich weiß, sind die Angehörigen mongolischer Völker (Mongolen, Kalmücken, Burjaten) geneigt, eher *b, d, g* für stärker (›härter‹) und *p, t, k* für schwächer (›weicher‹) zu halten, als umgekehrt. Und es ist leicht zu verstehen. Wenn man die Summe der einmaligen akustischen Einwirkung berücksichtigt, bekommt man einen deutlicheren und bestimmteren, folglich stärkeren (›härteren‹) Eindruck von den stimmhaften (*b, d, g*), als von den entsprechenden stimmlosen (*p, t, k*). Wenn man aber vorwiegend die Tätigkeit der in der Mundhöhle lokalisierten Hauptarbeitstelle in Erwägung zieht, kommt man zu einer umgekehrten Definition.

Jedenfalls konstatiert man die leicht verständliche Tatsache, daß je mehr Nebenarbeitsstellen mit akustisch hörbaren Resultaten sich zu der Hauptarbeitsstelle gesellen, um desto mehr nimmt die Intensität der Hauptarbeitsstelle ab. Wir erhalten also folgende absteigende Reihe:

$$t \rangle d \rangle d' \rangle n \rangle \acute{n}$$

Die Tätigkeit der vorderen Zunge bei *t* ist am stärksten, weil sie von keiner akustisch vernehmbaren Nebenarbeit gehemmt wird. Phoneme *d* und *t* stehen in dieser Hinsicht um einen Grad niedriger, als *t*, da sie beide durch je eine Nebenarbeit modifiziert werden: *d* durch die Nebenarbeit der Stimmbänder, *t* durch diejenige der mittleren Zunge. Noch schwächer sind, als vorderlinguale *clusiles*, *d'* und *n* mit je zwei akustisch vernehmbaren Nebenarbeiten: *d'* — Stimmbänder und mittlere Zunge, *n* — Stimmbänder und offene Nase. Schließlich nimmt *ñ* die letzte Stufe ein, weil man bei ihm alle drei Nebenarbeiten konstatiert: Stimmbänder, mittlere Zunge und offene Nase.

Je schwächer der akustische Eindruck von der Hauptarbeitsstelle, desto unstandhafter und desto veränderlicher ist das betreffende Phonem. So findet auch im Gebiete der »volksetymologischen« Verwechslungen gerade die Substitution der »weichen« Nasalkonsonanten am leichtesten statt. Vgl. z. B. russ. *nébel* (небѣль) für *mébel* (мебель), *ñékrut* (некрутъ) für *rékrut* (рекрутъ)

Andere Folgen solcher Schwächung durch Nebenarbeiten bietet uns die Reimbildung. So erhellt z. B. aus dem von J. Karłowicz gesammelten Materiale, daß die polnische »Volkspoesie« solche Reime, wie *-aba* . . . *-ada* . . . *-aga* . . . , . . . *-ama* . . . *-ana* . . . , . . . *-ania* (*ania*) . . . *-ania* (*-ania*) od. ähnl. wohl zuläßt, die Reime aber in der Art von . . . *-ata* . . . *aka* . . . *-apa* . . . nicht duldet.

Aus dem Vorhergehenden erhellt zur Genüge, daß es sich nicht ziemt, den Konsonanten *j* (*ǰ*) »weich« — in dem üblichen Sinne des Wortes — zu nennen, oder von den »weichen« Vokalen *i*, *e* zu reden. Alle solche Phoneme können »palatal«, »mittellingual« . . . , nie aber »weich« oder »mouilliert« genannt werden. »Weiche« Vokale sind geradezu ein lautphysiologisches Unding. Das den so viel Unheil verursachenden russischen Schulgrammatiken und sogar anderen linguistischen Werken eigene Gerede von »weichen Vokalen« rührt von der Verwechslung der Buchstaben mit den Lauten, der Grapheme mit den Phonemen her. Man hat in der russischen Graphik Vokalgrapheme, d. h. Vorstellungen vokalischer Buchstaben, die mit der Vorstellung der

›Weichheit‹ vorübergehender Konsonanten assoziiert werden; infolgedessen überträgt man, auf dem Wege der so oft vorkommenden psychischen Unterschiebung und Verwechslung, diese Benennung, ›weich‹, auf die diesen Graphemen entsprechenden Vokale, wobei die diesen Vokalen vorangehenden Konsonanten gar nicht als ›weich‹ aufgefaßt werden. Unterdessen erinnern zwar diese Grapheme, *u, e, w, s, so . . .*, an die ›Weichheit‹, aber nicht der ihnen entsprechenden Vokale, sondern der Konsonanten, die diesen Vokalen unmittelbar vorangehen.

Bei der ›Weichheit‹ der Konsonanten im ›slavischen‹ Sinne muß man die akustische, deutlich vernehmbare Weichheit von der bloß physiologischen unterscheiden. In den ›erweichten Konsonantengruppen‹ tritt in der Regel bloß der letzte Konsonant als akustisch ›weich‹ auf, während die ›Weichheit‹ aller ihm vorangehenden Konsonanten meistens undeutlich und nicht mit dem Ohre, sondern einzig und allein mit dem inneren Muskelgefühl vernommen wird.

Die ›Erweichung‹ der Konsonanten immer nur dem ›Einflusse eines‹, sei es ›organischen‹, sei es ›parasitischen *j*‹ zuzuschreiben und sie auf die ›innige Verbindung mit *j*‹ zurückzuführen ist ganz einfach ein Unsinn. Psychologisch läßt sich die ›Palatalisation‹ oder ›Erweichung‹ der Konsonanten durch den Einfluß folgender palataler oder mittellinguale Vokale mit der Vorbereitung zum Aussprechen des folgenden Phonems erklären. Wenn man ein *te, ti . . .* aussprechen soll, ist man geneigt, schon während des ersten Moments an die dem folgenden Phoneme eigene Annäherung der mittleren Zunge an den Gaumen zu denken und diese Arbeit schon in den ersten Moment zu übertragen. So können sich *te, ti . . .* in *te, ti . . .* verwandeln.

Bei der palatalisierenden (mittellingualisierenden) Einwirkung gewisser palataler oder mittellinguale Phoneme auf andere mit ihnen verbundene nicht palatale kann man folgende Richtungen und Arten unterscheiden:

1. Neben der Übertragung der mittellinguale Annäherung der Zunge an den harten Gaumen von den folgenden Phonemen auf die vorangehenden (regressiv) hat man auch eine solche Übertragung in entgegengesetzter Richtung, von den vorangehenden auf die folgenden (progressiv).

2. Es kann dabei der Konsonant auf den Konsonanten, der Vokal auf den Konsonanten und der Konsonant auf den Vokal eine assimilierende Wirkung ausüben.

3. Hinterlinguale Konsonanten unterliegen der »Erweichung« viel leichter, viel früher und in höherem Maße, als vorderlinguale und labiale.

4. Bei dem Übergange von der urarioeuropäischen Sprachperiode zu der gemeinslavischen wurden alle hinterlinguale Konsonanten durch die mit ihnen verbundenen palatalen oder mittellinguale Phoneme affiziert und dann sind sie in vorderlinguales Gebiet übergegangen (*č' ž' š'*; *č ž š*). Bei den labialen und vorderlingualen fand die palatale Affektion nur durch den Einfluß des nichtsilbildenden, konsonantischen *i* (*i, j*) statt, während in Verbindung mit palatalen Sonanten eine palatale Affektion erst viel später, und zwar bloß im slavischen Norden, sich vollzog.

5. In einigen slavischen Gebieten, so vor allem im Čechischen (im Böhmischen), wirkten palatale Sonanten affizierend auf vorangehende Konsonanten nur dann, wenn sie lang waren (Fortsetzungen von *ī, ē, e*); kurze Sonanten (Fortsetzungen von *ī, e*) übten keinen solchen Einfluß aus.

6. Bekanntlich hing die palatale Einwirkung vorangehender Sonanten auf folgende hinterlinguale Konsonanten von der verschiedenen Wortakzentuation ab. — Etwas ähnliches wurde schon früher bei der germanischen »Lautverschiebung« konstatiert¹⁾.

Durch den Schwund des Unterschiedes zwischen den aspirierten und nichtaspirierten Konsonanten wurde bei dem Übergange von dem arioeuropäischen (indogermanischen) Urzustande zu den einzelnen späteren Zuständen die Beteiligung des Kehlkopfs an der Aussprache bedeutend vermindert. Wenn trotzdem der Unterschied zwischen den historischen Fortsetzungen der aspirierten und zwischen den historischen Fortsetzungen der nichtaspirierten aufrecht erhalten blieb, so wurde er durch verschiedene Arbeiten in der Mundhöhle erreicht (Germanisch, Neugriechisch . . .), folglich die Rolle des Kehlkopfs durch diejenige der Mundhöhle ersetzt. Wo aber, wie im Eranischen, Keltischen, Aïstischen (Baltischen) und Slavischen, keine Spur ehemaligen Unterschiedes zwischen den aspirierten und nichtaspirierten Konsonanten zu entdecken ist, da wurde eine von den Arbeiten des Kehlkopfes ganz einfach annulliert, ohne jeglichen Ersatz dafür zu erhalten.

1) Vgl. u. a. meine Abhandlungen: 1) Два вопроса изъ учения о »смягченіи« или палатализаціи въ словянскихъ языкахъ (Ученія Записки Имп. Юрьевскаго Университета 1893, No. 2) = Zwei Fragen aus der Lehre über die Palatalisation in den slavischen Sprachen (Acta et commentationes Imp. Universitatis Jurievensis [olim Dorpatensis]). — 2) Einiges über Palatalisierung (Palatalisation) und Entpalatalisierung (Dispalatalisation) (Indogermanische Forschungen. IV. 1894. 45—57).

Im nordslavischen Sprachgebiete aber bildete sich mit der Zeit in der Mundhöhle eine ähnliche Unterscheidung, wie ehemals diejenige der Aspiratae und Nonaspiratae im Kehlkopfe war. Diese Unterscheidung wurde durch die Tätigkeit der mittleren Zunge erreicht. Die Unterscheidung vermittelt der mittleren Zunge samt dem harten Gaumen bildet gewissermaßen einen Ersatz für die verlorene Unterscheidung vermittelt des Kehlkopfs. ›Palatale‹ oder ›mittellinguale‹ sind den aspirierten, nicht-palatale oder nicht-mittellinguale den nichtaspirierten analog.

Auch historische Weiterentwicklungen beider Gattungen zeigen eine gewisse Ähnlichkeit. Ebenso aspirierte, wie auch palatalisierte Konsonanten verändern sich mit der Zeit in Affricatae und Fricativae (Spiranten). Wenn man dazu noch andere Modifikationen vermittelt des Kehlkopfes, und zwar diejenige der Stimmlosigkeit und der Stimmhaftigkeit hinzunimmt, so kann man folgenden allgemeinen Satz aufstellen:

Jede Komplikation der Aussprache eines Konsonanten, sei es im Kehlkopfe im allgemeinen (Aspiration), sei es vermittelt der Stimmbänder (Stimmhaftigkeit), sei es schließlich in der Mundhöhle vermittelt der mittleren Zunge samt dem harten Gaumen (Palatalisation, Mittellingualisierung, Mouillierung, ›Erweichung‹) führt zu einer Schwächung der Aussprache an der phonatorischen Hauptstelle und folglich zu einer Veränderung und Entartung (Weiterentwicklung).

Die Folgen der Labialisation wären auch zu berücksichtigen.

Mit dem einfachen Schwunde des Unterschiedes zwischen den aspirierten und nichtaspirierten kann man einen anderen ersatzlosen Schwund der modifizierenden Nebenarbeit vergleichen, nämlich den partiellen Schwund der Palatalität oder Mittellingualität (›Weichheit‹) der Konsonanten in dem kleinrussischen (ukrainischen) Sprachgebiete.

Im polnischen Sprachgebiete sind alle palatal affizierten Konsonanten — etwa mit Ausnahme von *l* und *n* — mehr oder weniger historisch weiterentwickelt. Vorderlinguale *s z t d* bilden jetzt eine besondere Abart oder eine besondere Reihe vordermittellinguale Konsonanten, *ś ź ć dź*, mit der Tendenz gegen *s z c dż*. Aus *r* ist *ʀ* und selbst *z* (resp. *ś*) geworden. Labiale *p b f v m* und sogar sekundär entwickelte *k g x' (ch')* verraten eine Tendenz zur Weiterentwicklung in diphthongische Verbindungen: *pj, bj, fj, vj, mj; kj, gj, x'j (ch'j)*.

Angesichts dessen ist es ganz verfehlt, in den polnischen *pj, bj* . . . eine Fortsetzung ursprünglicher urslavischer Verbindungen mit einem

aus der Luft gegriffenen *j* zu sehen. Die polnischen *ǰj*, *ǰj*, *ńj*, *ǰj* . . . sind ebenso als sekundäre Zerlegungen früherer einfach palataler Konsonanten zu betrachten, wie das krainisch-slovenische (slovenische) und westlich-serbokroatische *rj* aus dem früheren *ř*.

Zum Schluß noch eine methodologische Bemerkung:

Hier, wie auch sonst, soll künftighin das rein Physiologische (d. h. die Arbeiten der Sprechorgane samt dem sie begleitenden inneren Muskelgefühl) von dem Akustischen (d. h. von der Perzeption der durch jene Arbeiten zustande gebrachten und mit dem Gehör vernehmbaren Resultate) unterschieden werden. Wir haben uns von der Vermischung der Buchstaben mit den Lauten, der Grapheme mit den Phonemen meistens freigemacht. Jetzt aber kommt in dem Gebiete des Phonetischen selbst die Unterscheidung des Akustischen von dem Physiologischen, des Zentripetalen von dem Zentrifugalen an die Reihe.

Dementsprechend muß auch unser gelehrter Jargon einer gründlichen Revision unterzogen werden.

Petersburg, November 1907.

J. Baudouin de Courtenay.

Die »Gebote der heiligen Väter« nach dem Euchologium Sinaiticum.

Die im Jahre 1882 erschienene Ausgabe Geitler's, »Euchologium glagolski spomenik manastira Sinai brda«, ist von allen Forschern, die über den westlichen Einfluß auf das altslavische Kirchenrecht geschrieben haben (so vor allem N. Suvorov: »Sljedy zapadno-katol. cerkovn. prava . . .« 1888, auch: »K voprosu o zapadn. vlijanii . . .« 1893 und »Vopros o nomokanonje J. Postnika . . .« 1898; sodann A. Pavlov: »Mnimyje sljedy . . .« 1892 und V. Vondrák: »Zachodno-europejskie postanowienia pokutne . . .« 1904), benutzt worden. Im Jahre 1907 ist es mir gelungen, die Handschrift auf dem Berge Sinai im St. Katharinenkloster vollständig zu photographieren. Jetzt gebe ich nun wieder den glagolitischen Text der »Gebote« (f. 101^r—104^v) in der von Herrn Prof. Jagić befolgten Transkription heraus; neben der alten in geordneteren Zustand gebrachten Kapiteleinteilung setze ich die von mir herrührende hinzu; meine Zusätze sind in < > eingeklammert.

СЯПОВѢДИ Г҃ЪИХЪ ѠЦЬ . Ѡ .

- ∴ ¹пока́днѣи развоѣ . і Ѡ ²всемь грѣсѣхъ ∴ .
- <а> ³ѡще кто развоѣ сътвори . ѡли Ѡгъ ро I
⁴ждениѣ своѣго оуѣнѣтъ . і ⁵лѣ да по
⁶каѣтса . Въ ѡной бѣласти . Толи по 5
⁷томь да ⁸прѣмъ ⁹бждѣ въ своѣ Ѡте
¹⁰чство . ѡще бждѣ ¹¹правѣно пока́
¹²лѣ . Ѡ ¹³хлѣбѣ Ѡ водѣ . і да ¹⁴послоушь
¹⁵ствоуѣтъ ѡмоу ¹⁶ѡпипѣ . ѡ ¹⁷повѣ . Въ ни
¹⁸хъже сѧ ѣстѣ ¹⁹пока́длъ ∴ . Къ ²⁰рожденью 10
²¹оуѣкиѣнааго ∴ . ѡще ²²ли бждѣ ²³недоверѣ
²⁴пока́длъ . То да не ²⁵прѣмѣтъ ²⁶бждѣ въ
²⁷б ∴ ²⁸своѣ Ѡтчство ∴ . ѡще кто развоѣ II

- ∴ сътвори не хотѣ · д̄ лѣ да покаѣ
 ∴ тсѣ · в̄ о ни о хлѣ · о водѣ ·/. 15
- в̄ ꙗще которы причетъни · содомъ III
 скы влждѣ сътвори · і̄ лѣ да
 ∴ покаѣтъ · в̄ о ни о хлѣ · о вѣ ·/.
- г̄ ꙗще которы причетъникъ влж̄ IV
 | сътвори · ж̄ лѣ да покаѣтъсѣ ·/. 20 f. 101^v
- д̄ ꙗще кто проклинаѣтъ · ж̄ лѣ да поѣтсѣ ·/. V
 е̄ ꙗще кто нждьми кльнетъ · в̄ лѣ да VI
 (ж) ∴ покаѣтъ ·/. ꙗще кто оукраде · главъ VII
 ∴ но что · или скотъ · или домъ подъко
 ∴ паѣ · или что добро · зкло драго оу 25
 (с) ∴ крадетъ · д̄ лѣ да каѣтъ · ꙗ ли ма VIII
 ∴ ло что оукраде · в̄ лѣ да покаѣтсѣ ·/.
- з̄ ꙗще которы причетъни влж̄ сътво IX
 ри · съ тоуждеж̄ женож̄ · ли съ дкви
 ∴ цеж̄ · в̄ лѣ да покаѣтъ · о хлѣ · о вѣ ·/. 30
- з̄ ꙗще ли ѣтъ диккъ · ли чрънецъ · г̄ лѣ X
 да покаѣтъ · в̄ о ни о хлѣ · о вѣ ·/.
- з̄ ꙗще ли ѣтъ ѣп̄къ · то да изврѣже XI
 тѣ сана · ӣ і̄ лѣ да каѣтъ ·/.
- і̄ ꙗще кто отроеникъ ради погоуби чка · 35 XII
 ж̄ лѣ да каѣтъ · в̄ о ни о хлѣ · о вѣ ·/.
- і̄ ꙗще которы вклоризецъ · женж̄ и XIII
 мы · толн съ тоуждеж̄ влж̄ съ
 ∴ твори · или съ дквицеж̄ · д̄ лѣ да
 ∴ каѣтъ · в̄ о ни о хлѣ · о вѣ ·/. 40
- і̄ ꙗще которы причетъни · ли ващъ XIV
 шж̄ честь им̄к̄ · оставль же
 ∴ нж̄ честь приимѣ · аще ѣтъ дикъ
 ∴ къ · ж̄ лѣ да поѣтъ · аще ли ѣтъ
 ∴ пп̄ і̄ лѣ да поѣтъ ·/. 45
- і̄ ꙗще кто съ чръницеж̄ влж̄ сътвори ·/. f. 102^v XV

∴ понеже вѣщѣши наречетъ. в лѣ	
і Да поѣтъ ѓ во ѓ хлѣ у. ꙗще кто са	XVI
∴ мѣ в са влѣж твори. лѣ да покаѣтс(а) у.	
і ꙗще кто гнѣ пѣти часть погоуби.	50 XVII
∴ лѣ Да покаѣтъ у. ꙗще кто помы	XVIII
∴ слитъ на женж. тоуждыж. толи не	
∴ можетъ съ неѣж съгрѣшнти. лѣ	
і ∴ Да покаѣтсѣ у. ꙗще кто ѓвѣдѣ	XIX
∴ са влюѣтъ. Да трѣгоубитъ к у.	55
і ꙗще кто волѣзни ради. изелюѣтъ	XX
крашеньце. в дѣни да поститсѣ.	
∴ н ѣже ѣстъ изельвалъ. Да съхра	
∴ нитъ на ѓгни. н р псамъ да ѣспоѣ	
∴ тѣ. ѣще ли ѣго пси да вѣкоусѣ р	60
денъ да поститсѣ у.	
і ꙗще котораѣ жена ѓтрочѣ оудави	XXI
∴ в лѣта да поѣтсѣ. ѣ ѓ хлѣвѣ ѓ во у.	
н ꙗще кто хотѣ своиѣ пѣти оурѣже	XXII
тѣ. в лѣ Да покаѣтъ ѓ хлѣ ѓ во у.	65
н ꙗ кто похотѣ ѣмѣ. ѣли лжкавѣ	XXIII
ствомѣ тоуждыж женж приѣмѣ.	
∴ в лѣ Да покаѣтсѣ. ѣ ѓ хлѣвѣ ѓ во у.	
н ꙗще которѣ простѣ людинѣ. вра	XXIV
ждѣж ѣмѣ. оударитъ чка. н ѓ	70
∴ крѣвалитъ н. ѣ денъ Да покаѣтс(а) у.	
н ꙗще кто вѣдоѣж оукрадетъ. сънѣдѣ	f. 102 ^v XXV
но чѣто. к денъ да покаѣтсѣ у.	
н ꙗще кто вѣ ѣ денъ ѣдѣ на колѣдѣж.	XXVI
∴ ѣноуѣрк. ѣкоже прѣвѣѣ погани тво	75
∴ ркѣхѣж. в лѣ Да покаѣтсѣ ѓ хлѣ	
н ∴ ѓ во у. ꙗще котораѣ жена ѣзверѣже	XXVII
∴ тѣ ѓтрочѣ. в лѣ да покаѣтсѣ ѓ	

- и ∷ хлѣ̄бъ ѡ̄ водѣ̄ ∷. ꙗ́ще кто съ̄ вѣ̄дѡвоѡжъ · ли XXVIII
 ∷ съ̄ дѣ̄вицеѡжъ влѡжъ сѣ̄творитъ · в̄ лѣ̄тѣ̄ 80
- и ∷ Да поѣ̄тъ̄ ∷. ꙗ́ще кто домӣ заже XXIX
 ∷ жетъ · Ли гоӯмнѡ · ж̄ лѣ̄тѣ̄ Да поѣ̄тъ̄
- и ∷ ѡ̄ вѣ̄кѣ̄ ѡ̄ водѣ̄ ∷. ꙗ́ще кто ѡ̄тъ̄ манастӣни XXX
 ∷ рѣ̄скыѡжъ цркви · токѡмо чѣ̄то
 ∷ оӯкраде̄ · ж̄ лѣ̄тѣ̄ Да поѣ̄тъ̄ ѡ̄ хлѣ̄бѣ̄ ѡ̄ водѣ̄ ∷. 85
- ⟨и⟩ ꙗ́ще которы̄ свѣ̄дѣ̄нны̄ · съ̄ гнѣ̄вомъ XXXI
 съ̄сважетъ̄ чка · ли крѣ̄вь пролѣ̄
 ∷ ѣ̄тъ · Да проситъ̄ врача · Да да̄с̄
 ∷ ѣ̄моӯ цѣ̄лѣ̄ннѡ̄ постъ̄ · ѡ̄ денъ̄ ѡ̄ хлѣ̄бѣ̄
 ∷ ѡ̄ водѣ̄ ∷. ꙗ́ще ли ѣ̄стъ̄ дитѣ̄кѣ̄ то ж̄ мѣ̄сѣ̄ · 90 XXXII
- ⟨ѣ̄⟩ ꙗ́ще ли ѣ̄стъ̄ по̄̄ то лѣ̄тѣ̄ ∷. ꙗ́ще ли ѣ̄стъ̄ XXXIII XXXIV
 ∷ ѣ̄пскѡ̄пъ · то д̄ лѣ̄тѣ̄ Да пока̄ѣ̄тса ∷.
- ѣ̄ ꙗ́ще кто дѡ̄лѣ̄кати не можеть̄ · Да ѡ̄
 споѣ̄тъ̄ к̄ пса̄мъ · ѡ̄ с̄ · ꙗ́ще ли не оӯ
 ∷ мѣ̄еть̄ · Да дасть̄ ца̄тж · ꙗ́ще ли 95
 ∷ не ѡ̄матъ̄ ца̄тѡ̄ · то да ѡ̄ вращъ̄
 ∷ на ѣ̄же ѡ̄матъ̄ · Да дасть̄ ∷.
- ѣ̄ ꙗ́ще кто мѣ̄здѡ̄ вѣ̄зметъ̄ ѡ̄тъ̄ f. 103r XXXVI
 кого · поститиса̄ за нь · а́ще вѣ̄дѡ̄
 се сѣ̄творилъ̄ ѣ̄стъ̄ · Да дѡ̄лѣ̄четъ̄ 100
 за са · ѣ̄лико ѡ̄ за ѡ̄ного · ѡ̄ ѣ̄же ѣ̄стъ̄
 вѣ̄залъ̄ · Да дасть̄ нищнѡ̄мъ ∷.
 ꙗ́ко тоӯжда грѣ̄хѡ̄мъ вѣ̄зметъ̄ ·
 нѣ̄кетъ̄ лѣ̄по да именовѣ̄тса̄
- ѣ̄ хлѣ̄бъ̄ рабѡ̄ ∷. ꙗ́ще котора̄ жена 105 XXXVII
 ∷ влѡжъ̄ сѣ̄творѡ̄ши · толи прока̄
 ∷ зитъ̄ ѡ̄трочѡ̄ к̄ севѣ̄ · ѡ̄ лѣ̄тѣ̄ Да по̄
 ∷ ѣ̄тса · в̄ ѡ̄ ни ѡ̄ хлѣ̄бѣ̄ ѡ̄ водѣ̄ ∷.
- ѣ̄ ꙗ́ще которы̄ вѣ̄лоризецъ̄ · скѡ̄по XXXVIII
 сти ради влѣ̄нетъ̄ · лю̄тѣ̄ ꙗ́ко · Да 110
 дасть̄ нищнѡ̄мъ ѡ̄мѣ̄нѣ̄ своѣ̄ · ѡ̄

	шедъ въ манастирь да поетъ ⁘/.		
Ѣ	Ище котѡ причетный съ четврѣ		XXXIX
	ногомъ владѣ сътворитъ. Ѣ		
	∴ лѣ ѿмы. ѿ лѣ Да поетъ ⁘/.	115	XL
	∴ жены не има. Ище ли женѣ има		
Ѣ	∴ д ѿ лѣ Да поетъ ⁘/.		XLI
	∴ ппъ. ли причетникъ оупниѣса.		
	∴ ѿ денъ да поетъ. Ище ли ѣстъ	120	
	вѣлоризецъ. ж денъ да поетъ ⁘/.		
Ѣ	Ище кто друга своего оупойтъ		XLII
	до рѣга. Да поститеса оба ж		
	∴ дненъ ⁘/.		XLIII
	∴ Ище кто съндально что		
	∴ оукраде. Да поститъ к дненъ. И	f. 103v	
	∴ це ли ѣстъ дѣтескъ. ж денъ да по	125	
	∴ ститеса ⁘/.		XLIV
	∴ Ище кто помыслитъ		
	∴ владѣ сътвори. толи не мо		
	∴ жетъ. да трѣгоуентъ к ⁘/.		
	Ище кто съ ракожъ владѣ сътвори		XLV
	∴ толи роди дѣтищъ. Да свокоди	130	
	∴ раж тж. ѿ поститъ лѣ ѣдино ⁘/.		
	Ище комоу оумьретъ дѣтищъ некръ		XLVI
	ценъ. за лѣность. к лѣта да по		
	∴ каѣтеса ѡ хлѣбѣ ѡ водѣ ⁘/.		
	Ище кто гнѣваѣтеса на брата свое	135	XLVII
	го. ѣликоже денъ гнѣвъ дрѣжи		
	∴ тъ. толико да поститъса ѡ хлѣ		
	бѣ ѡ водѣ ⁘/.		XLVIII
	Ище кто брата свое		
	∴ го въ гнѣвъ прокълнетъ. ѿ пакы		
	∴ възлюбитъ. ж денъ Да покаѣ	140	
	∴ тьса ѡ хлѣбѣ ѡ водѣ ⁘/.		
	Ище кто оудавленниж. ли крѣвъ		XLIX
	скотниж. не вѣды ѣко оумрѣло		

- ∴ ѣсть. ѡи трѣбѣно чѣто безъ вѣдѣ
 ѣсть. ѿ і недѣли да поститѣса /. 145
- | Ѣще ли вѣдѣ. ѣлъ ѣсть. ѿ лѣтѣ да
 поститѣса /. Ѣще кто не съхрани L
 ∴ тѣ брашенца. толи мышѣ ѣго LII
 ∴ вѣкоуентѣ. ѡи сътѣретѣса.
- | ∴ ѿ ти день да поститѣса /. Ѣще кто 150 f. 104 LII
 ∴ пролѣтѣ ѿтъ стѣмъ чѣ. Ъ вѣрк
 ∴ ма прѣношенью. жѣ день да пости(тѣса) /.
- | Ѣще ли по прѣношенью. пролѣтѣ ѿ
 день да поститѣса /. Ѣще кто вѣ LIII
 ∴ црѣкѣ съпа. толи ѣмоу врагѣ вла 155 LIV
 ∴ знѣ принесетѣ вѣ сънкѣ. жѣ день
 да поститѣса. ѡи да поклонитѣ
- ∴ са на день рѣ /. Ѣще кто чрѣнницѣ LV
 ∴ ѡкрадетѣ. ѿ лѣта да поститѣса
 ∴ ѡ хлѣбѣ ѡ водѣ. Ѣ ѣже ѣсть оуѣкра 160
 ∴ лѣ. да дастѣ нищѣмѣ /.
- | Ѣще которы причетѣникѣ ловитѣ. LVI
 Ѣще ѣсть днѣкѣ. ѿ лѣтѣ да поститѣса) /.
- | Ѣще ли ѣсть ппѣ. ѿ лѣтѣ да пости LVII
 тѣса. ѡ хлѣбѣ ѡ водѣ /. 165
- | Ѣще кто заклинѣтѣ кого стѣ LVIII
 ми. толи оуѣникѣса ѡблюѣтѣ. ѿ ти
 день да поститѣса ѡ хлѣ ѡ водѣ /.
- | Ѣще ли днѣкѣ ѣсть жѣ день да по LIX
 ститѣса. ѡ хлѣбѣ ѡ водѣ /. 170
- | Ѣще кто влатѣ вѣдѣ. ѡи молитѣ f. 104 LX
 ∴ са сотонамѣ. ѡи ѡмена ѡмѣ
 ∴ творитѣ члѣса. ѿ лѣтѣ да покаѣ
 ∴ тѣса ѡ хлѣбѣ ѡ водѣ /.

Slavische Wortdeutungen.

1. Abg. *abъje*, *abije*.

Abg. *abъje*, *abije* 'εὐθύς, εὐθέως, παραχρῆμα, sogleich; alsbald' hat J. Schmidt, Neutra 216 Anm. mit ai. *ahnāya* 'sofort' (das aber von anderen auf *áhan-* 'Tag' bezogen wird); gr. ἄραρ (anders Bartholomae BB. 15, 17 f., der es mit ai. *sabar-dhūk*, Beiwort von Kühen, als 'leicht Milch gebend' vereint), 'sogleich, darauf, ununterbrochen'; ἄφνω, ἄφνωσ 'plötzlich' verbunden; dazu stellen Bezzenberger bei Stokes 50 und Zupitza KZ. 36, 244 ir. *obann* aus **obhnó* 'plötzlich'. Doch lassen sich gegen die Zugehörigkeit des abg. *abъje* zu dieser Sippe Bedenken betreffend die formantische Seite erheben. Aus dem ai., gr. und ir. Wörtern darf man auf einen idg. *r/n*-Stamm schließen oder, wenn gr. ἄραρ nicht dazu gehören sollte, wenigstens auf einen *n*-Stamm. Da das slav. Wort keine Spur davon zeigt, so würde sich die Verwandtschaft jedenfalls nur auf Wurzelgemeinschaft beschränken. Vielleicht ist indes *abъje* ganz anders aufzufassen. Wenn man an die nicht seltenen Fälle denkt, wo Ausdrücke für 'sogleich' vom Demonstrativstamm **to-* gebildet werden, wie lat. *topper* aus **tod-per* 'rasch, sofort, sogleich'; lit. *tū*, *tū-jaū* 'sofort'; nhd. *mit dem* als Ausdruck der Gleichzeitigkeit (Brugmann, Demonstrativpron. 142); bg. *tútaksi* 'sogleich', so wird man wohl annehmen dürfen, daß solche Bildungen auch vom anaphorischen Pronominalstamm **i-* möglich waren. So kann man in *abъje* ein älteres **obъ-je* **obhi* **iod* 'zu der Zeit' sehen. Über *obъ* (aus **obъ*) mit dem Acc. in Zeitbestimmungen vgl. Miklosich VG. IV 429 f. Das anlautende *a* in *abъje* aus **obъje* ist durch Anlautsdehnung entstanden; über diese Erscheinung im Slav. handelt Pedersen KZ. 38, 315 ff.

2. R. альчикъ.

Das r. Wort альчикъ wird von Dal' für Archangelsk angegeben und erläutert als 'игорная говяжья надкопытная кость, козна, козанъ, бабка, костыга, шлякъ, лодыга, бáска; латинс. Talus'. Es bezeichnet

also den beim Knöchelspiel gebrauchten Knöchel, das Fessel- oder Sprungbein beim Rinde. Dieses Wort ist von Zubatý BB. 18, 253 in die Sippe von slav. **olkъtъ* (abg. *lukъtъ*, r. *локоть* usw.), lit. *įlektis*, *alkūnė*, *elkūnė* 'Elle, Ellenbogen' eingefügt worden, was, so weit ich sehe, allgemeine Zustimmung gefunden hat (vgl. zuletzt Lidén, ArmStud. 97; KZ. 40, 265; Meillet MSL. 14, 377). Da in letzter Zeit diesem *áльчикъ* immer mehr Bedeutung in semasiologischer wie in lautlicher Beziehung (als Ablautsstufe) innerhalb dieser Sippe beigemessen wird, so ist es an der Zeit zu erinnern, daß die Indigenität dieses Wortes keineswegs sicher steht. Aller Wahrscheinlichkeit nach ist es ins Russische aus den Türkdialekten entlehnt. Im Kasaner, Aderbedschan- und Krymdialekt begegnet *aldy* 'eine der vier flachen Seiten des Knöchels, die dem Tochan gegenüberliegt'; kirk. *alsy* 'die eingebogene Seite des Knöchels'; aus dem Gebrauch beim Knöchelspiel stammt die Redensart *asyzyn alsy turdu* 'dein Knöchel steht mit der eingebogenen Seite nach oben, deine Sache steht gut' (vgl. Radloff, Versuch eines Wb. der Türkdialekte I 425. 429; daselbst auch Hinweise auf Verwandte und die Herleitung innerhalb des Türkischen).

3. P. *baczyć*.

Ohne Deutung ist bisher p. *baczyć* 'sehen, wahrnehmen, bemerken, beobachten, berücksichtigen' geblieben; dazu *obaczyć* 'sehen, bemerken; erblicken; sich besinnen'; *z-obaczyć* ds. Klr. *bádyty* und wr. *bácić* 'sehen' dürften aus dem P. stammen. Das Wort ist im P. altbelegt. So bietet der Flor. Ps.: *baczil iest glos* 'attendit voci'; *bacz na glos* 'intende voci'; *baczirze* 'sapite'. Matzenauer LF. 7, 4 hat an Entlehnung aus ttü. *bakmak* 'besehen' gedacht; doch widerspricht dem die Formation des Wortes (wenn nichts anderes!) auf das entschiedenste. Ich sehe in *ob-aczyć* die relativ ursprünglichere Form und in *baczyć* eine falsche Dekomposition, indem *obaczyć* als *o-baczyć* gefaßt wurde. Solche falsche Dekompositionen sind häufig. So entstand č. *bádati*, p. *badać* 'forschen' neben č. alt *jadati* 'forschen' aus *obadati*, *obádati*; *obadać* (vgl. Zubatý bei Gebauer HM. I 424: *jadati* aus **adati* zu gr. *ὄζω*, *ὄδωδα*; lit. *įdžu*, *įsti* 'riechen'; lat. *odōrārī* 'riechen, wittern' — 'erforschen, ausspüren'); p. dial. *bagnić sić* 'lammen' aus *ob-agnić sić* (**agnęć*); č. *bořiti* 'zerstören' aus *ob-oriti* (**orę*, **oriti*); Gebauer Slov. I 86; wr. *bóloki* Pl. 'Wolken' aus *ob-óloki* **ob-volky*. Und so noch vieles andere. Als Grundwort für *baczyć*, *obaczyć* erhält man so ein urslav. **ačę*, **ačiti*, über dessen Etymologie man nicht in Verlegenheit sein kann: es gehört zu *oko* und Verwandten. Über den Stamm **oę**- **oę**- hat ausführlich

J. Schmidt, Neutra 388 ff. behandelt. Stufengleich mit slav. *ak- sind aw. *aīw-āzšayeinti* 'sie beaufsichtigen, wachen über' (Bartholomae, AirWb. 311); gr. ὤψ, A. ὤψα 'Auge'; πρόσ-ωπον 'Antlitz'; κατ' ἔν-ωπα 'ins Gesicht'; ὕπ-ωπ-α Pf. 'erblickte'. Zur Bedeutung und Bildung von *ob-aczyć* vgl. p. *z-oczyć* 'erblicken, gewahren'.

4. Slav. *besěda*.

Die Sippe: abg. *besěda* 'Unterhaltung, Rede'; *besědovati* 'sich unterhalten, sprechen, reden'; r. бесѣда 'Gespräch'; бесѣдка 'Laube'; dial. 'Kunkelstube'; бесѣдovaťь 'sich unterreden'; klr. *bésida* 'Sprache, Rede'; *bésiduvaty* 'sprechen, reden'; skr. *běsjeda* 'Gespräch, Rede, Wort'; *běsjediti* 'sprechen'; sl. *besěda* 'Wort, Rede, Gespräch'; *besěditi*, *besedovati* 'sprechen'; č. alt *besěda*, heute *beseda* 'Gespräch; Unterhaltungsort'; p. *biesiada* 'Schmaus, Unterhaltung'; os. *bjesada* 'Unterredung, Gesellschaft' (vielleicht aus dem P.; anders Mucke, Laut- u. Fl. 66) — ist noch nicht befriedigend gedeutet. Daß Zusammenhang mit *sědēti* 'sitzen' besteht, zu dem **sěda* ein Postverbale sein kann, ist öfters behauptet worden. Allein was ist das *be*? Pogodin RFV. 39, 1 denkt an die lit. Durativpartikel *be*; *be-vargstū* 'ich leide immerfort'; *mān bė-kalbant* 'während ich noch so sprach'. Doch ist man weder über deren Herkunft im Klaren, noch läßt sie sich sonst im Slav. nachweisen. Ich wage folgende Vermutung. *besěda* kann aus **bez-sěda* entstanden sein; vgl. abg. *be-səmratŭje* 'Unsterblichkeit' aus **bez-səmratŭje*. Vielleicht hat *bez-*, sonst 'ohne', in der Komposition noch die alte Bedeutung 'außerhalb' bewahrt; *bezv* = ai. *bahiš* 'außerhalb'. So wäre *besěda* ursprünglich das 'Draußensitzen' (vgl. zur Bildung ai. *bahir-dvāram* 'Platz vor der Tür'), worauf vielleicht noch r. бесѣдка 'Laube' weist. Aus der Bedeutung 'Draußensitzen', etwa dem gemeinsamen Draußensitzen von Nachbarn vor den Türen der Behausungen, konnte sich die von 'zusammen reden, verhandeln, sprechen' entwickeln. So ist ja der Bedeutungsübergang von 'Versammlung' zu 'Rede, Unterhaltung' häufig innerhalb und außerhalb des Slav. Vgl. z. B. bg. *sbor* 'Versammlung' und 'Wort'; *sborúvam* 'rede'; klr. (aus dem P.) *sejm* 'Versammlung' — *sejmáty* 'sprechen, sich unterhalten'; skr. *divān* (aus dem Osman.) 'Ratsversammlung' — *divāniti* 'sich unterhalten, sprechen'; gr. ἀγορά 'Versammlung' — ἀγορεύειν 'Reden halten'; ἀγορεύειν 'reden'; gr. ὕμιλος 'Getümmel, Haufe, Versammlung'; δμιλέω 'sich scharen, verkehren' — ngr. μιλω̄ (ὀμιλω̄) 'spreche'; ngr. κουβέντα 'Rede, Unterhaltung'; κουβεντιάζω 'rede' aus lat. *conventum* (G. Meyer, NgrStud. III 333); rum. *cuvînt* (*conventum*)

Wort, Rede'; *cuvint* 'reden'; nhd. dial. kärnt. (Lexer 133) *hàns*, *hànse* Geplauder, Unterhaltung' zu ahd. *hansa* 'cohors'.

5. R. колбасá.

Daß bei seiner Vereinigung der Wörter r. колбасá; klr. *kolbasá*; skr. alt *kobasa*, heute *kobàsica*; kajk. *klobasa*; čak. *klobasàca*; sl. *klobása*; č. *klobása*; p. *kielbasa*; os. *kolbasa*; ns. *kjalbas* 'Wurst' unter einer ur-slavischen Gf. **kolbasa* die Lautverbindung *tołt* im Sl., Skr. und Č. auffälligerweise nicht die zu erwartenden Reflexe ergeben hat, betont Miklosich selbst EW. 154. Schon dieser Umstand läßt an dem urslav. Charakter des Wortes füglich zweifeln. So hat man es denn auch als Lehnwort aufgefaßt. Budmani Rječnik V 134 und Baudouin de Courtenay bei Dal' II 341 denken an frz. *calebasse* 'Flaschenkürbis, Kürbisflasche', welches selbst durch Vermittelung von span. *calabazza* aus Westindien stammt. Die Kürze des Wörterbuchartikels hat beiden Gelehrten nicht gestattet, die Möglichkeit einer solchen Entlehnung nach zeitlichen, örtlichen und sachlichen Umständen näher zu begründen und die großen sich bei dieser Annahme ergebenden Schwierigkeiten zu beseitigen. Daß das Wort entlehnt ist, dürfte kaum zu bezweifeln sein (Matzenauers Deutung LF. 8, 175 überzeugt nicht). Aber woher? Bei Karłowicz, Słownik wyrazów obcego a mniej jasnego pochodzenia 268 finde ich den m. E. sehr beachtenswerten Wink, daß колбасá, *kielbasa* usw. aus dem Hebräischen stammen. Beachtenswert sind hiebei (was Karłowicz nicht anführt), die beiden ältesten Belege, die Срезневский Mat. I 1249 für колбаса gibt. Der eine aus der Nowgoroder Kormčaja kniga von 1280 lautet: Нѣция оубо крѣвь коєго любо животноаго хытростью стварлють снѣдно, еже глаголють колбасы (Einschub); der andere aus dem Стоглавъ (1551): правило возбраняеть вѣзмъ православнымъ христіаномъ удавленныи и крови ясти, сирѣчь колбасы. Aus beiden Stellen geht hervor, daß die Speise nicht gewöhnlich war; aus der letzteren, daß sie als nicht »christlich« galt. Die hebräische Quelle des Wortes könnte wohl *kāl-bās'ār* (Karłowicz schreibt nicht ganz richtig *kāl bāsār*) 'allerlei Fleisch' sein. Kollege Dr. David Herzog belehrt mich freundlichst, daß die Zusammenstellung der beiden Wörter in der Bibel durchaus häufig ist (so Gen. 6_{13.17}; 7₂₁; 9_{11.15.17}; Lev. 13_{43.2}; 17₁₄; Deut. 5₂₃; Ps. 65₃; Hiob 34₁₅; Jes. 40₅; 49₂₆; 66_{16.23} u. ö). Er schreibt mir ferner: »Es ist merkwürdig, daß wir im Hebräischen eine Bezeichnung für das Wort 'Wurst' überhaupt nicht besitzen. Denn das im Aramäischen (daraus entlehnt auch im Neuhebräischen) und auch im Arabischen vorkommende *nūḳniḳā*, bez. *nūḳaniḳā* ist dem gr. *λουκά-*

νιχον, lat. *lucanica*, *lucania* entlehnt; vgl. auch Fleischer in den Nachrichten zu Levys Neuhebr. u. Chald. Wörterbuch Lpz. 1883, III, p. 718 ad S. 440, Sp. 1, Z. 3 Man wird also gewiß schon in alter Zeit zu der Umschreibung *köl-bās'ār* für 'Wurst' gegriffen haben; und erinnert daran, daß das Fleischergewerbe schon in uralten Zeiten bei den Juden, auch schon mit Rücksicht auf die rituelle Schlachtung, heimisch gewesen ist, die jüdischen Fleischer also auf jeden Fall Termini für Waren ihres Faches gebildet haben werden. — Bei der Annahme von Entlehnung erklären sich die variierenden Lautformen des Wortes ohne sonderliche Schwierigkeiten. Daß *kolbasá* usw. als Fem. auf *-a* aufgenommen wurde und nicht das *-r* des hebräischen Originals behielt, erklärt sich wohl leicht daraus, daß ein Formans *-ar* zu ungewöhnlich war. Und auch das im Altpolnischen überlieferte *kielbo-dziej* 'Wurstmacher' widerspricht der Deutung nicht ernstlich. Denn *kielbo-* wird schwerlich das Grundwort für *kielbasa* sein, sondern eher eine Art Kurzform im Kompositum.

6. Slav. **kъnorъ*.

Altruss. *кпорозъ* (XV. Jh.) 'Eber'; klr. *knóroz* 'Eber von zahmen Schweinen'; daneben *kórnos*, *kornaz* (wohl mit Metathese an *kornáty* 'stechen, schlagen' angelehnt); wr. *knóřez* (für **knóroz* durch Anlehnung an *rézati* 'schneiden') 'Einhoder von Ebern und Pferden, nicht genügend kastriert'; slk. *kurnaz* (aus dem Klr.?): p. *kiernoz*, *kiernos* (aus **kiernroz*); kasch. *knórz*, G. *knarza* (neben p. *černoz*); slz. *knářz* (vgl. Lorentz 75); os. *kundroz*; ns. *kjandroz* 'Eber'. Wenn r. dial., klr., wr., p. *knur* 'Eber' überhaupt hierher gehört, so ist es als Kurzform aufzufassen; dunkeler noch ist os. *kunč*. Daß diese Wortsippe zu urslav. **kъrnъ* = ai. *kānās* 'ausgestochen, durchlöchert' gehöre, hat schon Miklosich EW. 157 vermutet, doch gelang ihm nicht, der Schwierigkeiten Herr zu werden. Ich halte **kъnorъ*, durch Dissimilation aus **kъrnorъ* entstanden, für ein Kompositum, dessen erstes Glied zu **kъrnъ* gehört und dessen zweites = gr. *ὄρχις*; aw. Du. *arazi*; arm. *orj-* in *mi-orj-i* 'μόνορχις'; *orji-k'* 'Hoden'; *amorji-k'* 'testicles' (vgl. Hübschmann, ArmGr. I 483); alb. *herde* 'Hode' ist. Zum *o*-Stamm **-orъ* im Kompositum vgl. gr. hom. *ἐν-ορχος* 'Hoden habend, nicht verschnitten'. **kъrnorъ* also 'der, dessen Hoden verschnitten, verstümmelt sind'. Lit. *eřžilas* 'Hengst', das zu *ὄρχις* usw. gestellt wird (Fick I 17), beweist wohl das Vorhandensein des altidg. Wortes auf balt. Boden.

7. Slav. **krotakъ*; **krotъ*, *krotiti*.

Der Begriff »kastrieren« (»zähmen«) scheint auch folgenden Wörtern zugrunde zu liegen: abg. *krotakъ* 'sanft, mild'; *krotostъ* 'Sanftmut'; *krotiti* 'zähmen'; r. *кроткий* 'sanft, mild, bescheiden'; *кrotитъ* 'zähmen, bändigen'; klr. *krótak* 'sanft, demütig, ruhig'; *u-krotýty* 'zähmen, bändigen; lindern'; bg. *krótak* 'zahn'; *krotъ* 'zähme'; skr. *krótak* 'sanftmütig, zahm'; *u-kròtiti* 'zähmen'; sl. *krótak* 'zahn, kirre, sanft'; *krotiti* 'bändigen, bezähmen'; č. *krotký* 'sanft, demütig, rubig, geduldig'; *krotiti* 'zähmen, lindern'; p. *krótki* 'gezähmt'; *u-krócič* 'bändigen'. Miklosich EW. 142 hat keine Deutung gegeben. Die Zusammenstellung mit gr. *κράτος* 'Stärke'; *κρατέω* 'habe Kraft' (Matzenauer LF. 9, 14) ist verfehlt und den Vergleich mit ai. *krathana-* 'erstickend; Erstickung'; *krāthanam* 'Schnarchen' hat Zubatý KZ. 31, 7 selbst schon mit einem Fragezeichen versehen. Geht man für *krotъ*, *krotiti* von der Bedeutung aus »Tiere durch Kastrieren zähmen« so bietet sich zum Vergleich gr. *κροτέω* 'klopfe, schlage, schmiede'; *κρόταρος* 'Kolben am Hammer'. Das Kastrieren geschah in alter Zeit am einfachsten dadurch, daß man durch Klopfen eine Entzündung hervorrief; vgl. Hirt, Indogermanen 291; 658; Schrader RL. 919; so schon im alten Indien (Atharvaveda 6, 138, 2) und so noch in der Herzegowina. Ob die alte Bedeutung von *krotiti* 'schlagen' noch in r. dial. *кrotитъ* 'Seehunde mit der Keule tot schlagen' bewahrt ist oder nicht, darüber kann man verschiedener Meinung sein. *krotakъ* ('castriert) gezähmt, zahm' ist gebildet wie **kortakъ* 'kurz (abgeschnitten)' zur W. *qert-* 'schneiden'.

8. Slav. **nočtva*.

R.-ksl. *noštva*, *noštva* 'σχάφη'; r. dial. *ночва* 'flache Mulde, Futter- schwinde'; klr. *nočvy*, *nočovy* Pl. ds. und 'Waschtrog' (*nečky* Pl. aus dem P.); bg. *noštvi* Pl. 'Backtrog'; skr. *nācve* und *nācē* (mit Metathese) Pl. 'Brottrog, Backtrog, Trog' (daneben *mlācē*, etwa an *mlātiti* 'dreschen, beuteln' angeglichen?); sl. *nočvè* und *nūčke* (mit einem *k*-Formans umgebildet); dial. *ničke* (alt *nuške* aus kärnt. *nuosch*, *nuesch* 'Rinne; Schweine- trog') 'Backtrog, Mulde'; č. *necky* Pl. 'Mulde, Waschtrog, Backtrog'; p. *niecki* (daraus *nieca* neugebildet) 'Mulde, Trog, runde Holzschüssel'; os. *mjěcki*; ns. *njacki* 'Mulde' können nicht mit Miklosich EW. 218 auf ahd. *nuose* 'rinnenartiger Trog für das Vieh'; mhd. *nuosch*, nhd. bair. *nuesch* bezogen werden. An Entlehnung ist nicht zu denken und Ur- verwandtschaft unmöglich. Faßt man ksl. *št*, r. *č* usw. als Vertretung von ursl. *č* aus **tš* auf, so ist die ganze Bildung des Wortes unverständ-

lich. Es bleibt nur der Ausweg, *kt* anzusetzen und anzunehmen, daß *kt* durch das vorhergehende *o* den Anstoß zur Wandlung in der Richtung von *t* erhielt. Auf **nōkta* mit *o* weist ja entschieden das P. und Sorb.; das Südslav. und das Č. lassen keine Entscheidung zu, während r. klr. *nočou* auf **nōkta* zurückgehen. Diese Formen könnte man durch die Annahme erklären, daß hier *o* nach der Wandlung von *kt* zu *o* durch das folgende *v* umgelautet sei; also ein ähnlicher Fall wie ursl. **tonokō* (p. *cienkī*), woneben r. *тoнкiя* ein **tonokō* voraussetzt. Ist aber **nōkta* die Grundform, so ist die Etymologie klar. Zum Formans *-ta* vgl. Meillet Études 304 f. **nōkta* bedeutete ursprünglich 'Waschtrog' und ist zu ai. *nēnēkti* 'wäscht ab'; *niktās* 'gewaschen'; gr. *νίζω*, *νίπτω* 'wasche'; *νίπτρον* 'Waschwasser'; *χέρνιψ* 'Waschbecken' und seinen weiteren Verwandten (vgl. namentlich Zupitza, GermGutt. 92) zu stellen.

Prag.

Erich Berneker.

Emil Korytko.

Poljak Korytko je bil prvi sistematični nabiratelj narodnega blaga pri Slovencih. »Slovénske pésni, krajnskiga naróda«, ki so izišle v Ljubljani 1839—1844 v petih zvezkih so bile plod njegovega kratkotrajnega a uspešnega delovanja na Slovenskem. Kdor pozna razmere slovenskega javnega življenja v tridesetih letih prošlega stoletja, ta vé, da je komaj dveletno bivanje tega navdušenega poljskega mladeniča znatno poživilo takratno slovensko slovstveno gibanje. Slovenska literarna zgodovina pa je Korytka skoraj prezrla. Glaserjeva »Zgodovina« ne vé o njem veliko več nego ime. Nekoliko več piše o njem Marn (Jezičnik, XVI. str. 6); v zadnjem času je hotel razširiti naše znanje o Korytku članek Romana Zawilińskiego in drja. Fr. Ilešiča (K biografiji Emila Korytka, Ljub. Zvon, 1899, str. 468), a nam je na podlagi nekih Kolbergovih zaznamkov docela zmešal časovne podatke o Korytku. Prihranjujoč si obširnejšo razpravo za kakšno slovensko publikacijo, hočem tu omeniti le nekatera važnejša dejstva Korytkovega kratkega življenja in v marsikaterem oziru zanimivega delovanja.

Emil Korytko je prišel obenem z Bogusławom Horodyńskim dne 27. januarja 1837 kot političen interniranec v Ljubljano. Mladenič (rojen l. 1813 na posestvu Zezawa pri Zalesczykih v czertkowskem okraju v Galiciji) je študiral v l. 1833 prvi kurz drugega letnika filozofije v Lvovu, ko so ga prijeli in vteknili v preiskovalni zapor. Bil je na sumu, da je agilen član tajnih društev, ki so se po letu nesrečne poljske revolucije (1831) o velikem številu ustanavljala v Galiciji. To gibanje so podžigale revolucijske knjige in brošure (med njimi Mickiewiczova »Księgi narodu i pielgrzymstwa polskiego«), ki so se na skrivaj tiskale v osolińskem institutu. V preiskavah med leti 1833—1836 (veliki procesi radi veleizdaje) je sodišče Korytku sicer dokazalo, da je »dejansko sodeloval pri razširjanju revolucijskih brošur«, da je »prodal knjigarni Kuhn & Milikowski 200 izvodov zelo opasnih brošur »ięgi narodu polskiego« ter da je v nekem seznamku praktikanta v institutu Osolińskich, Komarnickega bil opisan kot odjematelj velikega števila

revolucijskih knjig« — a direktnih dokazov velezdaje se vendar ni moglo najti zoper njega. Obsodili so ga torej samó »wegen der Störung der öffentlichen Ruhe« v prognanstvo iz Galicije, po nasvetu Sedlnitzkega v Ljubljano. (Akti v cenzurnem in policijskem arhivu na Dunaju.)

Na podlagi poročil, ki jih je moral pošiljati ljubljanski polic. ravnatelj Sicard na Dunaj, se dá natanko zasledovati Korytkovo življenje na Slovenskem. Ta mesečna izvestja se pričenjajo vsa brez izjeme s pohvalo internirančevega vedenja, omenjajoč osebe, ki prihajajo s Korytkom v dotiko in poročajoč o dejanju in nehanju njegovem. Tako naznanja polic. ravnatelj na pr. dne 20. febr. 1837, da se je Korytko seznanil v licejki s knjižničarjem Likavcem in skriptorjem Kastelcem, da je bil sprejet v kazino za člana in da sedaj tam v čitalnici ure in ure čita. Posebno pa da se je sprijateljil z družino advokata dr. Crobatha (čigar žena je bila Poljakinja) in njegovim koncipientom dr. Prešernom. Poslednji da Korytka pogosto obiskuje na stanovanju, da se drug od drugega uči poljščine, oziroma slovenščine. Korytko in Horodyński živita zelo skromno, prvemu pošilja oče 50 gl. na mesec; in s tem malim denarjem podpira Korytko celó svojega tovariša, ki je brez sredstev. Dne 28. marca 1837 se poroča, da se Korytko uči pri nadporočniku Cantaruziju »angleškega slikarstva«. Od aprila dalje začneta interniranca hoditi k dr. Crobathu na hrano in delata z advokatom in Prešernom s polic. dovoljenjem kratke izprehode iz Ljubljane. »Korytko zahaja pridno v licejsko in Čopovo knjižnico.« O tem, da mu je policija dovolila delati izlete v ljubljansko okolico na 18—20 ur daleč, je pisal Korytko svojemu očetu dne 16. apr. 1837; to pismo so, kakor vso njegovo korespondenco prestregli, v Lvovu prevedli na nemško in ga poslali Sedlnitzkemu. Poslednji je zahteval od ljublj. polic. ravnatelja pojasnila. Predsednik Sicard pravi, da je internirancema dovolil izlet v Postojno, ker je mislil, da leži to v njegovi kompetenci; kakega splošnega dovoljenja jima pa ni dal. Sedaj da prosita, da bi smela napraviti dva izleta: enega v Bohinj na 5 dni, drugega v Idrijo na 3 dni. Sicard priporoča njuno prošnjo zaradi slabega zraka v Ljubljani. Sedlnitzki teh dveh izletov ni dovolil, »ker se na takih ekskurzijah ljudje težko nadzorujejo«. Te izlete na deželo je Korytko potreboval zaradi svojega slabega zdravja in pa v svoje folkloristične namene. Mladenič je bil »vsled dolgega preiskovalnega zapora ves oslavljen«, kakor je pisal gališki deželni predsednik baron Krieg že v poletju 1836 grofu Sedlnitzkemu. Dne 18. julija 1837 poroča Sicard, da je Korytko bolehen in da ga je zato, »ker potrebuje boljše postrežbe« vzel dne 3. julija dr. Crobath k sebi na stanovanje in

hrano. Tu je stanoval do 16. dec. 1837, na hrani pa je ostal vedno pri advokatu Crobathu. V oktobru 1837 je vložil prošnjo, da bi se smel vrniti v Galicijo, a Sedlnitzki je dne 20. nov. 1837 vrnil prošnjo, češ da ni pravega vzroka za pomiloščenje. Nato se je vdal v svojo usodo in se začel baviti z nabiranjem folklorističnega gradiva kraja, v katerega ga je bila zanesla usoda.

Ko so Korytku v sodnijskih obravnavaх očitali njegovo dopisovanje z mladimi dijaki, se je izgovarjal, da je rabil te zveze, ker namerava pisati neko statistično delo. Sodišče je bilo mnenja, da je Korytko sicer nadarjen, a da za tako delo nima zmožnosti, da je torej njegovo opravičevanje le prazen izgovor. Da ima Korytko res veselje do takega dela, se je Sedlnitzki lahko uveril iz poročila Sicarda z dne 30. junija 1838, v katerem piše ljublj. polic. predsednik, da je Korytko okreval, zadobil zopet svojo vedro nrav, vsled česar more zopet nadaljevati svoje prirodoslovne in statistične študije. Bavi da se posebno z nabiranjem narodnih pesmi in pripovedk, opisovanjem običajev, nravov in šeg kranjskega naroda. V ta namen je priobčil v ljubljanskem listu »Illyrisches Blatt«, št. 25, z 10. junijem 1838 datiran oklic na prijatelje slovanstva na Kranjskem. Ta oklic je imel naslov: »Den Freunden des Slaventhums in Krain ein Slave aus Norden.« V tem spisu opozarja na važnost narodnih pesmi in pripovedk, opisov nravnega in domačega življenja, šeg, navad in običajev, kar imajo drugi Slovani že zbrano, le Kranjci so zaostali. Pravi, da hoče on izdati slovensko narodno blago in prosi odgovorov na 12 vprašanj, tičočih se ženitve, pogreba in krsta, božiča, kresa, plesa in godbe, vraž, čarovnic, besov, čudodelnih zeli, pregovorov, pesmi, noše i t. d. Ta sestavek je ponatisnil praški list »Ost und West« v števil. 58, z dne 21. julija 1838, napovedujoč Korytkovo zbirko slovenskih narodnih pesmi, češ da kmalu izide. — Narodnih pesmi je imel v kratkem času toliko zbranih, da jih je res mislil poslati že v tiskarno. O tej svoji nameri je napisal dve objavi: eno dne 24. junija 1838 za »Ost u. West«, drugo dne 26. julija za »Illyr. Blatt«. Prvi list jo je prinesel v svoji števil. 63. z dne 8. avg. pod naslovom »Sammlung krainerischer Volkslieder von Emil Korytko«. Tu pravi Korytko; »Den Sammlungen und Arbeiten über Krain schicke ich die Volksliedersammlung voran.« Potem se zahvaljuje svojim sotrudnikom; o Prešernu pravi, da mu je pomagal primerjati in popravljati inačice. Omenja Smoletovo zbirko, a pravi o njej, da je »vsled množine jezikovnih napak skoraj neporabna«. »Die Volkslieder, die ich jetzt herausgebe, sind zwei Bände stark und werden weder mit den alten, noch mit den Metelkischen, sondern mit den neuen böhmisch-

Gajschen Lettern gedruckt und mit einer kritischen Nachrede (im 2. Bande) versehen werden. Diese ist polnisch verfaßt, weil ich in keiner andern Sprache schreibe.« A vseh pesmi méni da bo okrog 4 do 5 zvezkov. — V svoji drugi objavi v »Illyr. Blatt« v št. 30, podpisani ž njegovim popolnim imenom, se tudi zahvaljuje svojim pomočnikom za prispevke, poročajoč, da ima nabranih pesmi za dva zvezka po 24 pol in napovedujoč izdajo prvega zvezka v kratkem. Izšel da bo prvi zvezek v treh snopičih na velinu »mit Vignetten und drei Steinabdrücken verziert«. Tretjemu snopiču bodo pridejani kamenotiski, ovoj in predgovor.

Ta predgovor je Korytko tudi napisal že dne 15. avg. 1838, a priobčil ga je v *nemškem* jeziku v »Ost u. West« v treh številkah, začevši z 89 (dne 7. novembra 1838). Članek ima naslov »Ein Wort über das Volkslied in Krain«, podpis: Milan. Uredništvo je dodalo opombo, da je to »odlomek sestavka, ki je namenjen za predgovor« novi Korytkovi zbirki. Tu razpravlja Korytko precej obširno o slovenski narodni pesmi, postopajoč bolj deskriptivno. Kritično primerjanje z narodno poezijo drugih Slovanov, pravi, da opušča, ker si je to pridržal za predgovor drugega zvezka. H koncu piše: »Soviel für jetzt; ich wollte ein slawisches Vorwort geben, da aber der Dialekt, in dem ich schreibe, hier nicht verstanden wird, mußte ich mich der deutschen Sprache bedienen . . .«. Iz tega bi se dalo sklepati, da je hotel pridejati prvemu zvezku ta na nemško prevedeni predgovor (poprej ga je bil napisal po poljsko). Ko pa se je izdanje pesmi zavlačevalo, je gledal, da vsaj predgovor izide, in ga je poslal praškemu listu.

Zavlekla pa je bila izdanje narodnih pesmi — cenzura. Dne 18. julija 1838 je pisal Korytko svojim staršem v Zalesczyke pismo, v katerem sporoča da mu je dne 17. julija i. l. dovolil ljubljanski guverner Schmidburg popotovati po celi Iliriji. To da mu je jako dobro došlo, ker ima zelo veliko dela: Narodne pesmi so že v cenzuri in skoro izidejo. Guverner mu je izposloval popotovati po celi deželi, da dovrši za četa dela, za katera se guverner sam zanima, tako, da je sam prevzel cenzuro in bi prevzel tudi tiskovne stroške, ako bi mu Korytko hotel posvetiti izdajo. »Das würde ich aber niemals thun, denn Schmeichelei und eine Art von Unterthänigkeit werden weder mein Herz noch meine Feder lenken können.« — To pismo je prišlo Sedlnitzkemu v roke. Zoper potovanja po deželi ni imel nič, ta mu je bil sam dovolil na tozadevno prošnjo, vloženo od Korytko ob istem času kakor za pomiloščenje (že v aprilu 1838), z gubern. odlokom z dne 17. julija 1838. A o nabiranju narodnih pesmi ni Sedlnitzki vedel doslej nič. Izvedel

je o tej stvari prvič iz Korytkovega pisma staršem in potem iz poročila pol. ravnateljstva z dne 31. julija, kjer omenja nadkomisar Suchanek, da je Korytku naznanil odlok gubern. predsedništva de dato 12. julija, s katerim mu guverner Schmidburg dovoljuje izdajo 12. podob kranjske noše in dveh portretov pokojnih profesorjev Čopa in Vodnika. Dalje poroča nadkomisar, da razvija Korytko jako živahno delovanje pri svojem podvzetem izdanju »slovenskih pesmi kranjskiga naroda«. — Ko je Sedlnitzki izvedel o nameravani Korytkovi izdaji in o tem, da ima že guvernerjev imprimatur za nekaj podob, »namenjenih kot priloge za to izdajo«, je pisal dne 17. avg. guvernerju Schmidburgu: »... iz drugega vira sem izvedel, da pripisuje Korytko temu svojemu delu veliko važnost; a preteklost avtorjeva vzbuja sumnjo, da ima pri tem druge (politično sumljive) namene... Ker se vedno bolj kaže, da hočejo poljski fanatiki druge Slované s tem pridobiti za svoje subverzivne naklepe, da se laskajo njih narodnosti, prosim, da pošiljate vse Korytkove cenzurne objekte tudi sem na Dunaj v pregled.« — Sedaj je bil Schmidburg v veliki zadregi. Poslal je poročilo pol. ravn. Sicard z dne 31. avg. na Dunaj in se doteknil te strari tudi v svoji spremni vlogi. Pol. ravnatelj poroča, da je dobil Korytko gubern. odlok z dne 28. julija, s katerim se mu dovoljuje natisk štirih zvezkov kranjskih narodnih pesmi pod tem pogojem, ako izpusti od ljubljanskega cenzorja Pavška prečrtana mesta, dve pesmi pa naj prenaredi, ali pa sploh črta. Nato je predložil Korytko dne 6. avg. vnovič svoj rokopis, očiščen primerno cenzorjevi želji, nakar je dobil končno dovoljenje. Medtem je prišel ukaz Sedlnitzkega v Ljubljano. Policija je zahtevala od Korytka rokopis nazaj, a ta ga je bil poslal že v Zagreb v drja. Gaja tiskarno. Gubernij je sklenil pōtem policije zahtevati preko zagrebskega magistrata, da dr. Gaj rokopis nemudoma vrne. A da bi stvar pospešil, je dal prepisati duplikat knjižnega revizijskega urada in je ta prepis poslal na Dunaj. Dne 3. oktobra je šele mogel poslati Schmidburg iz Zagreba po magistratu doposlani cenzurni rokopis z magistratskim dopisom in lastninsko izjavo »založnika« drja. Gaja vred. Sedlnitzki je natisk dne 10. okt. dovolil in odobril cenzuro Pavškovo. Zahteval je samo, da se izpusti »na mestu predgovora se nahajajoči motto, ki je vzet iz dela slaboglasnega Poljaka Mickiewicza, izdanega pod naslovom Konrad Wallenrod, ker so bila v zadnjem času vsa v poljski tiskarni Jełowickega v Parizu izdana dela tega pisatelja, med njimi tudi Konrad Wallenrod, na Dunaju strogo prepovedana. Mickiewicz spada namreč k eksaltirani stranki poljskih puntarskih ubežnikov. Dotični motto pa še posebe nikakor ni sposoben vsled svoje revolucijske tendence, da izide v delu,

izdanem v c. kr. avstrijskih državah. — Iz policijskega poročila z dne 30. nov. 1838 se razvidi, da je prišel rokopis šele 5. nov. v Ljubljano z dovoljenjem dunajske cenzure, da sme dati Korytko pesmi v tiskarno. Toda v katero? Na Gajevo Korytko sedaj ni smel več misliti. Dr. Gaj je namreč pisal Korytku dne 4. decembra 1838, da je podal samo vsled nesporazumljenja njegov namestnik glede zbirke »einen Rechtsanspruch (titulo empti)«. Še več: on ga je celo prosil »auf das humanste, daß Sie von nun an sowohl mich, als auch alle übrigen hier befindlichen Slavisten mit Zuschriften und Berührungen jeder Art gänzlich verschonen mögen.« Češ da se nahaja njihovo »lojalno delovanje pod neposrednim pokroviteljstvom naše uzvišene vlade«¹⁾. — Nato se je obrnil Korytko dne 15. dec. na ljublj. tiskarja Blaznika, naj bi on prevzel založništvo in natisK njegove zbirke. V svojem pismu, ki ga omenja Bleiweis²⁾, mu navaja pogoje, pod katerimi mu hoče prepustiti 5 zvezkov slovenskih narodnih pesmi. Kako sta se pogodila, nam ni znano. V mesecu decembru je namreč Korytko zbolel. O tem poroča pol. predsednik ljubljanski v svojem mesečnem izveštju z dne 1. febr. 1839, da se je že v decembru pr. l. bila polotila Korytka kataralno-revmatična mrzlica, ki ga je sicer v januarju 1839 nekoliko popustila; a proti koncu istega meseca je naenkrat nastopila akutno in povzročila dne 31. jan. 1839 ob 9. uri zvečer nakopičenje bolestone snovi v možganih ter storila konec njegovemu mlademu življenju.

Ves čas svojega bivanja v Ljubljani je Korytko hrepenel po svoji domovini. In naravnost tragično je, ko čitamo v aktih, da je bil pravzaprav že več kot pol meseca prost, a on o tem ni vedel. Umril je z zavestjo prognanca. — Akcijo za njegovo oprostitev je bit začel njegov oče Stanisław Korytko. V novembru mesecu je prišla Sedlnitzkemu prošnja Korytka-očeta iz cesarjeve kabinetne pisarne v presojo. Sedlnitzki se je informiral pri galiških oblastih o očetu in njegovih razmerah, vprašal je, dali bi se moglo Korytka poslati nazaj. Lvovske oblasti so odgovorile, da so imele že same priliko pečati se z enako prošnjo v spomladi 1838, ko je bil Korytko-oče vložil isto prošnjo na nadvojvoda generalnega guvernerja. Takrat se je poizvedelo, da je oče jako lojalen državljan, ki ni nikoli skrival poljskih ubežnikov, da je ugleden lastnik posestva Zezawa, vrednega sedem do osem tisoč zlatov, v najemu pa ima še neko malo posestvo Rozanówka v istem czertkowskem okraju. Njegov približno 25 let stari sin Emil nima svojega pre-

1) Prim. Letopis Matice Slovenske za l. 1876, str. 173.

2) l. c. str. 172.

moženja. — Deželni predsednik baron Krieg v odgovoru na Sedlnitzkega noče naravnost priporočati prošnje, ker bi se v tem slučaju morala dovoliti vrnitev tudi Horodyńskemu, sicer bolj graviranemu a zato manj inteligentnemu in manj opasnemu. A generalni guverner nadvojvoda Ferdinand je bil odločno za to, da se Korytku dovoli povratak z ozirom na njegovega obče spoštovanega očeta in pa na sinovo lepo in mirno vedenje v Ljubljani. Sedlnitzki se je pridružil mnenju nadvojvoda in pristavil, da je oče porok za sina. Ker je sin gmotno odvisen od očeta, si ne bo upal hoditi zopet svoja samovoljna in opasna pota. Tako priporočeno prošnjo je odposlal Sedlnitzki v začetku januarja 1839 cesarju. Nj. Veličanstvo jo je rešilo dne 10. januarja *ugodno*. A rešitev je tako dolgo romala po kancelijah, da Korytko ni izvedel ničesar o svojem pomiloščenju. Dne 19. februarja 1839 je javil Sedlnitzki cesarju: »Istega dne, kakor odgovor Vašega Veličanstva na prošnjo Stanisława Korytka glede pomiloščenja njegovega sina sem dobil od ilirskega deželnega predsedstva poročilo, da je Emil Korytko dne 31. jan. v Ljubljani umrl.« V cesarjevem imenu je k temu poročilu pripisal nadvojvoda Ludovik: »Dient zur Nachricht.«

Dne 1. febr. 1839 je javljal pol. predsednik Sicard poslednjič o Korytku. Kakor skoraj v vseh poročilih omenja tudi v tem pesnika Prešerna, ki je bil umrlemu do zadnjega zvest prijatelj: »Übrigens war Korytko insbesondere von seinem Freunde und Mitkonfiniten Bogusław Horodyński, welcher in dem neuen Kasinogebäude ein Zimmer neben ihm bewohnte, sowie auch von dem Dor. Preschern, welcher mit demselben in einer besonderen freundschaftlichen Relation stand, bis zu seiner Auflösung fortwährend umgeben und gepflegt.«

Spomine na Korytka je napisala hčerka drja. Crobatha Lujiza Pesjakova v Ljublj. Zvonu 1886. Na str. 676 pravi o njem: »Jako mlad je bil, majhne drobne postave, roci je imel tako beli in mehki, kakor ženska . . . Slavjanski tip se mu je videl na obličji, katerega roznata polt je bila poleti jako ogorela in pégava. Pogled bistrega očesa modre boje je bil smijoč se in sree ogrevajoč, ali često, često se je bolešno mračil . . . Prav po otročje je znal biti vesel . . . Morebiti je imela ta živahnost nekaj nervoznega na sebi . . . časih se je hipno umeknila globocemu zamišljenju. Začujeni smo ga gledali in umolknili tudi mi. Še zdaj čujem, kako zmagonosno je vselej pričeval popevati svojo:

'Ni še Poljska izgubljena!'

in kako se je razvnela v glasove najbridkejše toge.«

Korytko je bil izvanredno živahna in agilna moč. Komaj dve leti je bil na Kranjskem in že je postajal nekako središče slovenskega

literarnega kroga v Ljubljani. Prešeren, ki ni bil organizator, se ga je oklenil kot takega. Vzpodbujen od Stanka Vraza, s katerim si je dopisoval, je deloval v njegovem zmislu in vžival veliko zaupanje slovenskih začetniških pisateljev, ki so videli v njem tako vodilno silo, kakršna je bila v umrlem Čopu. Prim. kaj piše Malavašič Vrazu dne 7. febr. 1839: »Emil Korytko je ravno jel žarke Slovesnosti med krajnske Slovence metati, ko je tudi njega smert prehitela . . . Nobeniga zdaj ni več, kdor bi se za mater Slavo pečal . . . Danico ilirsko in novine smo brali tukej, dokler je Korytko živel, al zdaj si jih bomo sami od Zagreba pripisali. Ta nam je mnoge časopise posodoval, pa zdaj naj počiva v miru! . . . Njegove zbrane Pesme krajnskiga naroda se pri Blazniku natiskavajo, pa v katerim pravopisu, mi ni znano. Blaznik bi jih rad v starim, ki se boji, de bi jih ne mogil v novim natisnene zgotoviti. Kastelic ga nagovarja za noviga. Zdaj ne vem, kako bo.«

Blaznik je izdal od Korytka zbrane slovenske narodne pesmi (5 zvezkov) v stari bohoričici, a ostali program, ki si ga je bil sestavil ta mladi Poljak glede slovenske folkloristike, ni še danes ostvarjen v polnem svojem obsegu.

Dr. Ivan Prijatelj.

Čech.

Článek tento řeší původ jména *Čech*, snaží se tedy vniknouti v otázku, která již téměř po stopadesát let poutá k sobě neztenčený zájem badatelů¹⁾. Jméno to mělo původně dozajista druhový význam²⁾ a podle všeho tvar *Čechъ* = **keso*-³⁾. Tento tvar *Čechъ* = **keso*- zachovala na naše doby pouze slovinština, kde v nářečí doloženo slovo *čeh* (*čéha*) (1. »ein Knabe von etwa 10 bis 15 Jahren« [»med Dravo in Muro, Trstenjak (Kres IV. 113)«] [mysl původnější] 2. »der Rinderhirt« [»Mursko polje-Cafono slovarsko gradivo«]⁴⁾ t. j.) s významem »chlapec«. Kromě toho souvisí **kes*- (v *Čechъ* = **keso*-) s **kos*- (*koch*- : stsl. *ras-kosъ*, »voluptas, rozkoš«, stč. *kochati*, »laskati«, p. *kochać*, »milovati«) »amare«, tedy

1) Otázku tu přetrásala již doba *Dobnerova* (sr. na př. *Athanasiiův spis* »Disquisitio historico-chronologico-critica: Quare, et quando Bohemia fuerit appellata Czechia, ejusque incolae Czechi? ...« *Vetero-Pragae* atd.); pak obírali se více méně zevrubně týmž předmětem zejména *Dobrovský* (»Abhandlung über den Ursprung des Namens Tschech [Čech], Tschechen«. *Prag und Wien* 1782; *Jungmann* (»Slovník česko-německý«. Díl I. V Praze 1835), *Šafařík* (»Slovanské starožítosti ...« V Praze 1837; 2. vyd. [Sebrané spisy, díl I. (1862), díl II. (1863)] II, 455—460), *Periclf* (»Slavjane ...« Tom 1. Varšava, 1886, 94), *Prusík* (»Původ jména »Čech«« [Sitzungsberichte der königl. böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften. Philos.-histor.-philolog. Classe. Jahrgang 1885 (1886) 10—14]), *Luňák* (»O proischozdenii imenъ Čechъ, Lechъ, Rusъ i Slavjane« [Učenyja Zapiski Imperatorskago Kazanskago Universiteta. Godъ LVII. Kniga 2. 1890. 277—288]), *Slavík* (»O významu jména Čech« [Časopis Musea království Českého 1890. Ročník LXIV. 568—574]), *Hošek* (»O významě jmen Čechové, Morava, Slované« [Časopis Matice Moravské. Ročník XV. 1891. 215—224]; sr. s tím práci *Kotíkova* »Naše příjmení ... Nové vydání«. V Praze, 1897. 15 a 132!), *Sobolevskij* (»Čech [čechъ] und Čach [čachъ]« [Archiv für slavische Philologie. XXVII. Band. 1905. 244—245]; viz také stat' *Mikkolovu* »Objasnenija nekotorychъ slavjanskichъ slovъ« [Russkij Filologičeskij Věstnikъ. Tomъ XLVIII. 1902. 270—280]!).

2) Viz *Šafaříka* (2 II 459)!

3) Treba-li připustiti vedle toho tvar *Čuchъ* = **k̄eso*- (sr. *Šafaříka* [2 II 458 a 460] i *Sobolevského*!), je v témže poměru k tvaru *Čechъ* = **keso*- jako příbuzné stsl. *čakati* (= **k̄e*-) k *čekati* (= **ke*-).

4) »Slovensko-nemški slovar ... Uredil ... *Pleteršnik*«. I. del. V Ljubljani 1894.

»chlapec« = »plod lásky (soulože)«. Ostatně tvaru *kos- (koch-) stojí po boku tvar *gos- ve stejném významu⁵⁾ (: *goch-, stesl. gošiti, »parare«⁶⁾), č. hoch, »chlapec, chlapík [mladík], chlap [muž]«⁷⁾; původní gos- obsaženo v stesl. gos-podъ, »dominus«⁸⁾ atd.). Blízkým příbuzným tvaru *kes- je stejnoznačné *ken- (: stesl. čędo, »dítě«, stě. čad, čád, »hoch, mladík, čada, čáda, »holka, děvče«⁹⁾), ke kterému se druží také souznačné *gen- (: stesl. žena, »Weib« atd.). Srovnáme-li pak *ken-(do) s *ke-(s-o-), dospějeme ke společnému východisku *ke(n)-¹⁰⁾. Nenáleží sem vlastně také *ki- (: stesl. po-čiti, »ruhen«, »po-koj, »Ruhe«, č. kajiti, »stillen, sängen«) s paralelním *gi- (: stesl. žiti, »vivere, žiti«, goilo, »sedatio«, goinъ,

5) Ve slovanštině se vůbec uplatňuje jakýsi parallelismus (mimo jiné) mezi kmeny s náslovným g a k (sr. Brücknerovu poznámku [Arch. f. slav. Phil. XXIX. Band. 1907. 119]!): stesl. golъnъ, »crus, holeň« — stesl. kolъno, »Knie, koleno«; *golgolo-, stesl. glagoъъ, »hovor«, č. hlahol, »zvuk« — *kolkolo-, stesl. kllkoloъ, »zvon«, r. kolo-kólitъ, »hlasitě hovořit«; stesl. golъ, »Ast«, č. haluz, »Zweig, hůl, »Stock« — stesl. kolъ, »Pfahl, kůl« atd.

6) *Paro* souvisí s *pario*, »roditi«!

7) *Gebauer* (»Slovník staročeský«. V Praze 1903—) pokládá slovo hoch vlivem *Matzenauerovým* za přejaté ze »stněm«. hache, »Bursche, Kerl« — neprávem (viz o tom *Štrekeljovo* pojednání »Slavische Wortdeutungen« [Arch. f. slav. Phil. XXVII. Band. 1906. 41—72]!).

8) Slovo *gos-podъ* je v nejužším příbuzenství s lat. *hospes* z *hósti-polis (*Brugmann* a *Delbrück* [»Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen . . .« I. Band. 2. Bearbeitung. Strassburg, 1897, 215]) a s got. *gasti-faþs. Druhá část slova *gos-podъ* souvisí zajisté se stesl. podъ (1. subst. »Boden, půda«, 2. praep. a praefix »unter, pod« [také *podъ v stesl. podi, is-podi, »unten«]), značícím podrizování, což je s významem »dominus« v naprostém souhlase, tedy *gospodъ* asi »muž vládce«. Jinak odvozuje se *gospodъ* z got. (tak i *Much* [»Deutsche Stammeskunde« (Sammlung Gúschen 126) 2. Auflage. Leipzig, 1906, 36; sr. také *Vondrákova* »Vergleichende Slavische Grammatik« (Güttinger Sammlung indogermanischer Grammatiken) I. Band. Güttingen, 1906, 478 a 479!]; proti tomu výkladu vyslovil se *Pedersen* [Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. Band XXXVI. 1900. 324]). *Mikkola* (274—276) zase hledí dokázati původ lat. O předmětu tom viz ještě *Richterův* článek »Griech. δεσπότης« (Zeitschr. f. vergl. Sprachf. a. d. Geb. d. indog. Spr. Band XXXVI. 111—123) a *Gebauerův* »Slovn. staroč.«!

9) Slovo čę-do náleží po mém náhledu k stesl. (na-)čę-ti (čęnq), »anfangen« a (po-)konъ, »Anfang« s příbuznými stind. *kaniyā*, »Jungfrau«, *kāniyas*, »jünger«, řec. *καινό-ς*, »neu« (*Brugmann* a *Delbrück* [583]; sr. č. po-četi, »Empfangnis« a *kout*, »Kindbett«!); platí však skoro všeobecně za slovo přejaté z germ. *kinda-* (čti stať *Uhlenbeckovu* »Die germanischen Wörter im Altslavischen« [Arch. f. slav. Phil. XV. Band. 1893. 481—492], knihu *Schraderovu* »Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde . . .« Straßburg, 1901, 427 atd.!); i sám *Miklosich* (»Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen«. Wien 1886) klonil se již k tomu náhledu (*Gebauer* [»Slovn. staroč.«] přejímá již plně původ germ.); naproti tomu *Vondrák* (118) je právem na vahách, nevyrostlo-li slovo čędo přece snad na půdě domácí.

10) Sr. s tím stesl. leg- (v lešti) a leg- (v legq), »sich legen, brüten, lehati, lihnouti«!

›abundans, hojný‹, slovin. *gojiti*, ›ernähren‹, srb. *goj*, ›pax‹), která jsou jistě smyslem (asi ›oživovati‹) velmi blízká?¹¹⁾ Ostatně praví ještě stesl. slovo čedь, ›lidé‹ z **ke(n)*-, že k významům dosavadním ›hoch, mladík, muž, dítě, děvče, panna, žena‹ třeba připojiti všeobecnější ›člověk‹. Tento smysl je také v nejúplnějším souzvuku s výkladem jiných jmen praotců národních a národů samých, neb i národní jméno *Čech* prý bylo vlastně jménem vůdce (praotce) národa: sr. stind. *Mánus*, ›praotec lidí, pračlověk‹ vedle germ. *Mannus*, ›praotec Germánů = ›člověk‹¹²⁾ (také hebr. *Adam*, podle bible ›praotec lidí = ›člověk‹); dále got. **Gutōs* vedle **Gutans*, ›Gotové = ›muži, lidé a sthněm. *diutisc*, ›deutsch‹ z *diota*, ›národ, lid‹ atd.¹³⁾ Tých význam původně náležel také slovanskému jménu národnímu *Srōbinъ* (viz p. [pa-]sierb, ›[nevlastní] syn‹ atd.!)¹⁴⁾. Nesouvisí s tímto jménem úzce druhé slovanské jméno národní *Chrovatinъ*¹⁵⁾? Stejný význam původní se podle všeho skrývá v jiném jméně téhož okrsku **Lęchъ* (vedle **Lęchъ*¹⁶⁾; viz stesl. *lędъ*, ›lumbi, Lenden, ledví‹ [dle biblického názoru sídlo plodivosti] atd.!). A nenúlcí sem i povšechné jméno *Slověninъ*¹⁶⁾ (s blízkým příbuzným -*slavъ*¹⁷⁾, které stavím k stesl. *sluga*, ›Diener, sluha‹¹⁸⁾, původně však jistě ›dítě, hoch, mladík, muž, člověk‹¹⁹⁾)? Na prvý pohled pak doza-

11) Doklady dle *Miklosiche!* Nemà se **ki-* ku **ke-* jako na př. **sid-* (**chid-*: stesl. u-*šidъ*, u-*šidъ* [mimo u-*šidъ*], ›uprechlík‹ k **sed-* (**ched-*: stesl. *šedъ*, ›šed‹, *šedъ*, ›šel‹)? Viz stesl. *čisti* (*čutq*), ›počítati, čisti, ctíti‹ vedle stesl. *četa*, ›agmen‹!

12) Tak *Fick* (›Vergleichendes Wörterbuch der Indogermanischen Sprachen. 4. Auflage. I. Theil. Göttingen, 1890, 106) a *Schrader* (521).

13) *Much* (122 a 138).

14) Dle *Šafaříka* (2 I 202–210) *Srbové* = ›zrození, rodáci, rod, národ‹ (Poněkud jinak *Solmsen* v članku ›Slavische etymologien‹ [Zeitschr. f. vergl. Sprachf. a. d. Geb. d. indog. Spr. Band XXXVII. 1904. 575–601]; viz k tomu také poznámku *Mikolovu* [273]!).

15) Tak tušil již *Daničić* (›Osnove srpskoga ili hrvatskoga jezika‹. U Biogradu, 1876, 211 a 370; sr. s tím stať *Geitlerovu* ›Etymologie jména Hrvat, Chorvát‹ [Listy filologické a paedagogické. Ročník III. 1876. 87–95] a spis *Krekův* ›Einleitung in die slavische Literaturgeschichte. . .‹ 2. Auflage. Graz, 1887, 248–252!) O Chorvatech českých viz *Šafaříka* (2 II 461 a 462)!

16) O slově tom jedná *Krek* (299–301).

17) Viz jméno *Čečno-slav* u *Gebaueru* (›Slovn. staroč.‹)!

18) Podobně již *Mikkola* (270–273).

19) O tomto přechodu významovém svědčí výmluvně tyto případy obdobné: stesl. *otrokъ*, ›puer‹ vedle č. *otrok*, ›Knecht‹; č. *robě*, ›Kind‹, p. *robieniec*, *robioneck*, pa-*robek*, ›Bursche‹, r. *robja*, *robenokъ*, *rebenokъ*, ›Kind‹ vedle stesl. *rabъ*, *robъ*, ›servus‹ (sr. *Miklosiche!*); sthněm. a střhněm. *kněht*, ›mladík‹ vedle nhněm. *Knacht*, ›sluha‹ (viz také sthněm. *knabo*, střhněm. *knabc*, ›hoch, mladík, sluha‹, nhněm. *Knabe*, ›hoch‹ vedle *Knappe*, ›sluha‹); nhněm. *Bursch*, *Bursche*, ›mladík, sluha‹ jako nhněm. *Magd*, *Mädchen*, č. *holka*, *děvečka*, ›divka, služka‹ atd. Sr. i lat. *servus* se jménem *Srōbinъ* (obě ze **ser-*)!

jista vzbudí podiv, že nedostalo se prvotním jménům národním významův určitěji vyhraněných. Pochopíme však, uvážíme-li, jak se v odlehlých těch dobách jistě nadmíru nejasně rýsovaly odlišné znaky kmenové, jichž ostatně by nebyl vystihl původní člověk, vyzbrojený ovšem ještě malou bytostí postřehu: Říkal tedy různým kmenům (národům) prostě »lidé ti« nebo »lidé oni«, při čemž mu na službu rozlišovací dosyta vystačily panenské tehdy poklady jazykové.

Třeba však odstraniti ještě jednu překážku z cesty, má-li býti dosavadní výklad jména *Čech* povznešen nade všechnu pochybnost. Překážkou tou je přechod souhlásky *s* v souhlásku *ch* po samohláscce *e* (*Čech* = **ke-s-o-*), který nutno přesvědčivě doložiti. Tato přeměna *-es-* v *-ech-* je totiž v naprostém rozporu s hláskoslovnými zákony, které v tom ohledu vymezil *Uhlenbeck*²⁰⁾ a *Pedersen*²¹⁾; ale k přísným pravidlům těmto náleží zajisté nezbytně řada pružných výjimek, které také v poslední době *Leskien*²²⁾ stanovil. Přes to všechno nebude na škodu slovo *Čech* podepřítí nějakým slovesem, u něhož je přechod původního *s* v *ch* nesporně stvrzen. Této podmínce pak plně vyhovuje časoslovo *česati* = **ke-s-s* původním *s*²³⁾ a *s* nepopíratelnou přeměnou hlásky *s* v hlásku *ch*: *Miklosich* uvádí se stesl. *česati* ve spojení mimo jiné srb. *o-čenući*²⁴⁾, č. *čechrati*²⁵⁾, p. *czechać się*, *czechrać*, mr. roz-*čechnuty*; také ve slovin. doložen mimo *česati* vedlejší tvar *čehati*²⁶⁾; v stč. dochováno dokonce ještě *česrati* vedle *čechrati*²⁷⁾ atd. Nyní zabočme ke smyslu jmenovaného časoslova! V stesl. značí *česati* »kämmen«, *kosa*, »Haar« (č. *česati*, také »striegeln, hecheln, krämpeln«, *čechrati*, »kypřiti, auflockern, carminare,

20) »Die Behandlung des indog. *s* im Slavischen« (Arch. f. slav. Phil. XVI. Band. 1894. 368—384).

21) »Das indogermanische *s* im Slavischen« (Indogermanische Forschungen. V. Band. 1895. 33—87).

22) »Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache...« 4. Auflage. Weimar, 1906, 45 a 46: »... Die vergleichende Grammatik macht es wahrscheinlich, dass ursprünglich im Slavischen das urspr. *s* nur nach den Vertretern der indogerm. Laute *i*, *u* (einschliesslich der *i-* und *u-*Diphthonge, *ei*, *eu*, *oi* usw.) *r*, *ʒ*, *k* zu *ch* wurde... Das *ch* ist aber im Slavischen weit über seinen ursprünglichen Bereich hinausgegangen, erscheint auch nach *a*, *o*, *e*, *l*, *n*... *ch* kommt [im Altbulg.] vor: 1. Im Silbenauslaut vor folgendem Konsonanten... [46] 2. Zwischen Vokalen im Innern des Wortes... 3. Nach *r*, *l*, *n*, *k* vor folgendem Vokal... 4. Im Anlaut vor Vokalen, *r*, *l*, *v*...« Výjimky podobné připouští poněkud i *Vondrák* (349—364).

23) *Vondrák* (345).

24) *Miklosich* k tomu slovu výslovně praví, že spočívá na *če[c]h-* z *čes-*.

25) Také *Jungmann* zná *čechrati* vedle *česati*.

26) »Slor.-nem. slor.«

27) *Gebauer* (»Slovn. staroč.«).

zupfen²⁸⁾, pa-*čes*, »Werg, Hede²⁹⁾; r. *česáti*, »kratzen«, *kosá*, »Haarflechte« s lit. *kasà*); k tomu patří najisto stesl. *kosorž*, »Sense, kosa« (r. *kosá*, »Sichel« s lit. *kasù*, »grave«³⁰⁾), jak naznačují již uvedená slova srb. o-*čenuiti*, »herabreißen« a slovin. *čéhati* (*čésati*), »reißen« (*čés*, »Spannscheit«, *čésec*, »Splitter«²⁶⁾) vedle výmluvných tvarů, které se pojí ku *greb-*: stesl. *greba*, »schabe, kratze, kämme«, *iz-greba*, »trama«, *grobž*, »Grube, Grab, hrob«, *grabiti*, »rapere« (č. *hrabati*, »scharren, graben«, sr. *hrabati se ve vlasech*). **ke-s-* mělo tedy významy »česati, kypřiti, škrabati, hrabati, trhati, řezati³¹⁾, což všechno lze snad pojmuti v souhrnný smysl »dělití«. Namítne se právem: Kterak se mohl z toho významu vyvinouti smysl »dítě« atd.³²⁾? Věc má se takto: **ke-s-o-* znamenalo původně »odnož, ratolest, haluz, Reis, Zweig (sr. střhněm. *zucien*, »pfropfen«, *sich zucien*, »sich durch Abzweigung vermehren«), *roub* (k stesl. *račbiliti*, »secare, rubati«³³⁾), *štěp* (ze **škep-*, »spalten, štěpiti«), Pfropf, Pfropfreis, *Schößling*, *Sprößling* (= také »potomek«), výrostek« nebo ještě lépe »(uzrálé) ovoce (sr. č. *česati ovoce*, »Obst, Früchte brechen, pflücken, abnehmen«²⁸⁾), (zralý) *plod* (*lásky* = soulože, sr. p. *kochač*, »milovati«, *Leibesfrucht*«, čímž obojím ovšem míněn »(nový, mladý) tvorvúbec a potom také »dítě« atd.³⁴⁾ zvláště. (Týž smysl ovšem přináleží také č. příjmením *Česal*, *Česaný*, *Čechura*, *Česka* atd. = *Čada*, *Čáda*, *Dítě* atd.³⁵⁾). Takovým způsobem dospělo tedy **ke-s-* k významu »ploditi« atd. Totéž vztahuje se již na **ke(n)-*: **kudrv*, stesl. *kudrjavž*, »kraus« (č. *kadeř*, *kudrna*, *kučera*), *kadžeb*, »trama, koudel« — *čedo*, »dítě«. Hlásí se však ve slovanštině ještě mimo to případy, kde význam »dělití« a význam »ploditi« pospolu se vyskytají buď ve slovech více méně příbuzných:

28) Jungmann.

29) Miklosich.

30) Miklosich uvádí lit. *kasti* (*kasù*) ve spojitost se stesl. *kosa*, kdežto Vondrák (353) se stesl. *kosorž*. Viz také Zubatého (Arch. f. slav. Phil. XVI. Band. 395 a 396)!

31) Sr. **kes-*, **kas-* (= slovan. **kos-*), »schneiden, spalten« v řec. *κεύζω*, lat. *castro*!

32) Viz ostatně v stesl. *črstb*, »Teil, část« s *kasž*, »Stück, kus« vedle *čedo*, »Kind« a *děls*, »Teil, dil« vedle *dělž*, »Kind, dítě«! Nenáleží také lat. *pars* k *pario*?

33) Gebauer (»Historická mluvnice jazyka českého«. Díl I. V Praze a ve Vidni, 1894, 47).

34) O správnosti mých vývodův ostatně mluví též druhový význam, dochovaný v lužicko-srbském říční *to su moje čechi a lechi*, »tot' mé vše« (sr. s tím nhněm. *Kind und Kegel*, »celá rodina«, kde střhněm. *kegel*, »[nemanželské] dítě«) a v r. průpovědi *među čachi i ljachi*, »tak, tak, ani tak ani tak, ani dobře ani špatně«. (Viz *Soboleského* [245]!) Z těchto dvou případů vyplývá nad slunce jasně, že původní význam druhový jmen *Čechž* (*Čachž*) a **Lechž* (**Lechž*) byl týž t. j. »dítě« atd. Co se týče tvarů **ke-s-* vedle **ké-s-* a **le-s-* vedle **le-s-*, sr. také ještě *se(n)d* vedle *séd* (*Miklosich*)!

35) Kotlík (15).

*lak-, stosl. *lačiti*, ›trennen, loučiti‹ — *lega*, ›brůte, líhnu‹; *kol- 1. ›Zahn, kel³⁶⁾‹ — 2. stosl. *pro-klėti*, *pro-klíti* (č. *klėti*, *klíti*), ›keimen, klíčiti‹; p. *sierp* (stosl. *srǫpǫ*), ›Sichel, srp‹, *sierśc* (stosl. *srǫsto*), ›pili, srst‹ — [pa-]*sierb*, ›[nevlastní] syn‹ nebo dokonce ve slově jediném: č. *kluk* (stosl. *klǫko*, ›trama‹), *kluky*, ›Flocke, Werg‹, (*kluč*, ›pařez‹) *klučé*, ›kopanina‹ — *kluk*, ›Bube³⁷⁾ atd.³⁷⁾.

36) Viz k tomu nhēm. *Kamm* s příbuzným řec. *γόμφοσ*, ›Zahn‹, stind. *jám-bha-s*, ›Zahn‹ atd.!

37) Tato věc také docela souhlasí s výzkumy novodobé vědy přírodní, dle které plození není ničím jiným nežli množením t. j. dělením buněk. I tento nález byl však vlastně teprv mostem — přes hlubiny naprostého zmatku ve významech ustavičně co nejpestřeji splývajících — na břeh konečného poznání, že v nejskvělejším souladě s učením *Darwinovým* o postupném vývoji tvorstva z tvarů nejnižších i řeč lidská přes nynější své pyšné bohatství se během doby rozvila z nejnižších prvků t. j. ze slovních kořenů (vlastně jednoho) — původně s jediným (vlastně nižádným) významem — jich stálým vzrůstem a vzájemným spojováním za současného poltění se původního jediného pojmu. Když pak jsem pracným a pomalým rozbořem i náhlým a náhodným tušením k tomu výsledku byl dospěl, jal jsem se ponejprv usilovněji rozhlížeti po pracích o psychologii lidstva. *Wundt* (›*Völkerpsychologie*‹. I. Band. ›*Die Sprache*‹. 2. Auflage. 2. Teil. Leipzig 1904) mimo jiné odkázal mne (618) k *Steinthalovi*, který dějinám pokusův o výklad původu řeči věnoval celou knihu (›*Der Ursprung der Sprache*...‹. 4. Auflage. Berlin 1888). Tam (169 a 182) jsem i zvěděl, že názor o naprosté bezvýznamnosti (›*Alldeutigkeit*‹) původní látky jazykové vyslovil již *Geiger* (›*Ursprung und Entwicklung der menschlichen Sprache und Vernunft*‹. I. Band. Stuttgart, 1868, 134 a 219), což tedy mé poznání plně potvrzuje. (Nepronesl ostatně podobný náhled již *Rousseau*?).

Ve Vídni koncem prosince 1907.

Jaroslav Sutnar.

Малорусскій отрывокъ Измарагда XVII в.

Если нынѣ, послѣ цѣлаго ряда разнообразныхъ и болѣе или менѣе интересныхъ и замѣчательныхъ открытій и разысканій въ области старинной южно-русской, и въ особенности карпато-русской письменности, нельзя уже и сомнѣваться въ томъ, что въ ней, начиная съ XVI в., ярко вспыхивало и распространялось все шире и настойчивѣе живое стремленіе къ полному, даже мѣстно-діалектическому приспособленію и усвоенію себѣ литературнаго достоянія, какъ современнаго Запада, такъ и сѣдой славяно-русской старины, — то все-таки нельзя съ подобной-же увѣренностью и опредѣленностью признать, чтобы это стремленіе было въ такой-же самой степени сознательно, осмысленно и планомерно. Напротивъ, весь наличный, извѣстный нынѣ, объемъ и характеръ этого переводнаго мѣстно-литературнаго усвоенія, въ связи съ общими культурно-историческими условіями и данными, позволяетъ, повидимому, заключать о томъ, что оно могло происходить именно только болѣе или менѣе бессознательно и стихійно, проявляясь наружу, сквозь сплошную и твердую кору общей славяно-русской книжности, какъ-будто только случайными и произвольными, хотя и довольно сильными и учащенными прорывами и скачками.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь стоятъ только внимательно и вдумчиво рассмотреть и взвѣсить весь наличный составъ южно-русской переводной письменности XVI—XVIII вѣковъ, чтобы наглядно и вразумительно убѣдиться въ томъ, что не какая-нибудь общая и ясно-сознанная центробѣжная идея національно-литературнаго выдѣленія и обособленія, — какъ это въ послѣднее время усердно стараются провести нѣкоторые южно-русскіе ученые, — а просто только насущная, такъ или иначе назрѣвшая, практическая потребность популяризаціи и демократизаціи нѣкоторыхъ литературныхъ явленій, или, наконецъ, даже какая-нибудь случайная прихоть досужаго грамотѣя, — вызывали, двигали и опредѣляли всѣ эти мѣстно-нарѣчевыя, такъ сказать, домашнія попытки непосредственнаго усвоенія и приспособленія общенароднаго духовнаго достоянія.

Одновременно съ пестрой массой разныхъ мелкихъ и незначительныхъ западно-европейскихъ, съ польскаго, легендъ и повѣстей, привлечшихъ къ себѣ почему-либо случайное вниманіе досужаго переводчика,

замѣчается, напр., совершенное отсутствіе перевода не только такого популярнаго и захватывающаго, широко распространеннаго и въ Московской Руси, духовно-повѣствовательнаго сборника, какимъ являлось въ свое время ›Великое Зерцало‹, но также и многихъ славяно-русскихъ духовныхъ повѣстей и сказаній, а даже, что особенно удивительно и странно, столь излюбленныхъ и популярныхъ житій святыхъ. Рядомъ съ разнообразнымъ и широкимъ, хотя тоже болѣе или менѣе случайнымъ и неуравновѣшеннымъ, подборомъ второстепенныхъ апокрифовъ или схоластическихъ трактатовъ, — полное и характерное отсутствіе перевода такихъ настольныхъ, важныхъ и авторитетныхъ сборниковъ, какими несомнѣнно всегда были на Руси ›Прологъ‹ или ›Измарагдъ‹ . . .

Подобный случайный и прихотливый литературно-естественный подборъ, такіе растерянные и неравномерные скачки и порывы, такіе существенные и вопіющіе пробѣлы, наконецъ, — свидѣлствуютъ, кажется, съ достаточной наглядностью и вразумительностью о томъ, что, оставаясь въ опредѣленномъ кругѣ устойчивыхъ научныхъ изслѣдованій и умозаключеній, невозможно никакимъ образомъ, по крайней мѣрѣ въ объемѣ наличныхъ историко-литературныхъ данныхъ, усматривать и устанавливать въ этой старинной переводно-южнорусской письменности какія-нибудь особыя, сколько-нибудь сознательныя и осмысленныя, въ отношеніи національно-литературнаго выдѣленія и самоопредѣленія, общія идеи и тенденціи. А въ скудныхъ и расплывчатыхъ, еще болѣе случайныхъ и прихотливыхъ, оригинальныхъ попыткахъ и крупницахъ ея, которыя, такимъ образомъ, въ данномъ отношеніи и со-всѣмъ не могутъ быть приняты въ расчетъ, — и того менѣе . . .

Ничего подобнаго, ничего другаго, кромѣ естествеинаго практическаго стремленія къ самой широкой и проникновенной демократизаціи и популяризаціи, общепонятности и общедоступности нѣкоторыхъ, болѣе или менѣе случайно и произвольно выбранныхъ, литературныхъ явленій, — на данномъ протяженіи времени въ южно-русской письменности не было и быть не могло!

Этихъ нѣсколько предварительныхъ и общихъ мыслей и замѣчаній считали мы умѣстнымъ предпослать издаваемому далѣе малорусскому тексту XVII в. Хотя они, повидимому, прямого и непосредственнаго отношенія къ нему и не имѣютъ, но, тѣмъ не менѣе, они возникаютъ и напрашиваются сами собою всякій разъ, когда случается разсматривать какую-нибудь новую находку изъ области старинной южно-русской письменности вообще.

Что касается самого этого текста, то, казалось-бы, уже одно су-

ществованіе его должно-бы какъ-будто противорѣчить высказаннымъ нами выше соображеніямъ, въ числѣ которыхъ находится также и указаніе на отсутствіе малорусскаго перевода ›Измарагда‹. Нисколько! Напротивъ даже, найденный нами малорусскій отрывокъ только еще лишній разъ подтверждаетъ, еще ярче подчеркиваетъ нашу общую мысль о случайности и хаотичности этого малорусскаго переводно-литературнаго подбора.

Вѣдь это, въ сущности, не органическій, случайно сохранившійся, отрывокъ изъ какого-нибудь предполагаемаго, почему-либо пропавшаго, полнаго и цѣльнаго перевода ›Измарагда‹. Судя по внѣшнему виду рукописи и по необычному сочетанію въ ней рядомъ данныхъ трехъ статей, размѣщенныхъ въ ›Измарагдѣ‹ на строго опредѣленныхъ мѣстахъ, въ другомъ порядкѣ и на отдаленномъ другъ отъ друга разстояніи (главы 29, 71 и 48), — это отрывокъ опять только случайной и произвольной выборки изъ ›Измарагда‹, а, можетъ быть, и вся эта выборка, воткнутая зря въ сборникъ какихъ-нибудь другихъ, утраченныхъ нынѣ статей, полностью. Такимъ образомъ, даннаго отрывка совѣмъ нельзя считать органическимъ остаткомъ или слѣдомъ какого-нибудь цѣльнаго малорусскаго перевода ›Измарагда‹. Это — только частичная и произвольная выборка, наобумъ вынутыя изъ него три отдѣльныя статьи, — не болѣе . . .

А настоящаго, сколько-нибудь полнаго и цѣльнаго малорусскаго перевода этого замѣчательнаго и излюбленнаго древне-русскаго памятника все-таки нѣтъ и, повидимому, не существовало вовсе. И совершенно напрасно смущаетъ насъ Н. И. Петровъ, сообщая въ своемъ описаніи Кіевскихъ рукописей, будто бы, напр., одинъ ›Измарагдъ‹ XV в. К.-Михайловскаго монастыря (№. 488/1646) ›обнаруживаетъ явное стремленіе перевести неудобопонятный общеславянскій языкъ на обыкновенную (малорусскую) рѣчь‹¹⁾. Кромѣ весьма рѣдкихъ и слабыхъ мѣстныхъ языковыхъ отраженій, вполне естественныхъ въ трудѣ южно-русскаго списывателя, — никакого подобнаго стремленія въ этомъ спискѣ, однако, не замѣчается вовсе, какъ въ этомъ достаточно можно убѣдиться и изъ приведенныхъ г. Петровымъ въ его описаніи²⁾ заглавій и начальныхъ строкъ статей памятника, и изъ приводимыхъ нами далѣе изъ него-же вариантовъ.

Значительно болѣе малорусскихъ элементовъ встрѣчаемъ уже въ языкѣ другого сборника, могущаго по составу своему считаться, съ нѣкоторыми оговорками и ограниченіями, конечно, чѣмъ-то въ родѣ

1) Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ, 1897, II, 130.

2) Тамъ-же, стр. 166—182.

»Измарагда«, или, по крайней мѣрѣ, значительнаго и цѣльнаго извлеченія изъ него, на который-то характеръ его, однако, ученымъ изслѣдователемъ его даже не было обращено вниманія. Мы имѣемъ въ виду сборникъ XVI в. изъ собранія П. О. Симсона въ г. Ржевѣ, подробно описанный и изслѣдованный В. Н. Перетцомъ ¹⁾. Если это, однако, и »Измарагдъ« или какое-либо видоизмѣненіе его, то и въ такомъ случаѣ нельзя его считать нисколько сплошнымъ и осмысленнымъ малорусскимъ переводомъ, такъ какъ, во 1-ыхъ, далеко не всѣ его статьи обнаруживаютъ въ своемъ языкѣ замѣтные и несомнѣнные малоруссизмы, во 2-ыхъ же, даже въ этихъ немногихъ, несомнѣнно малорусскихъ статьяхъ его, по признанію самого проф. Перетца, замѣчаются »очевидные архаизмы« и »стремленія переписчиковъ къ сохраненію славянской литературной традиціи даже въ правописаніи« ²⁾.

Всѣ же остальные извѣстные списки »Измарагда«, писанные на территоріи малорусскаго нарѣчія, носятъ уже вполне обще-литературный, славяно-русскій характеръ ³⁾.

Что касается нашего отрывка, то онъ, какъ уже отмѣчено выше, содержитъ въ произвольномъ сочетаніи три статьи, извлеченныя, повидимому, изъ »Измарагда« второй редакціи: »Притчу о богатыхъ«, »Слово Іоанна Златоустаго о невозстающихъ на утреню« и »Поученіе св. Василія лѣнивимъ«. Что эти три статьи извлечены именно изъ второй, по опредѣленію В. А. Яковлева, или »господствующей«, по выраженію А. С. Архангельскаго, редакціи »Измарагда«, а не очутились здѣсь рядомъ случайно, изъ другого какого-нибудь назидательнаго сборника, явствуетъ изъ того, что, хотя онѣ въ отдѣльности и встрѣчаются въ разныхъ древне-русскихъ сборникахъ довольно часто, но всегда по-рознь, въ подобномъ же соединеніи, всѣ три вмѣстѣ, находятся только въ одномъ »Измарагдѣ«, и именно только во второй, господствующей, самой распространенной и популярной, предназначавшейся болѣе для мірекихъ людей, его редакціи ⁴⁾. Только, какъ уже было замѣчено выше, онѣ размѣщены здѣсь въ другомъ порядкѣ и на значительномъ другъ отъ друга разстояніи, именно, занимаютъ главы 29, 71 и 48 ⁵⁾.

1) Матеріалы до історіі української літературної мови, — въ Запискахъ Наук. Товар. им. Шевченка, 1906, т. 67, стр. 1—32.

2) Тамъ-же, стр. 24.

3) См., напр., Петровъ, Описаніе, II, 182—183, 207—218; Н. С. Свѣнцицкій, Опис рукописів Народного Дому з колекції А. Петрушевича, I, 1—18 (Українсько-руський Архив, т. I, 1906).

4) В. А. Яковлевъ, Къ литературной исторіи древне-русскихъ сборниковъ. Опытъ изслѣдованія »Измарагда«, 1893, стр. 162-слл.

5) Яковлевъ, Тамъ-же, стр. 175, 181, 178.

Исторіи и характера самого »Измарагда« мы здѣсь, конечно, касаться не будемъ, отсылая къ спеціальнымъ изслѣдованіямъ В. А. Яковлева¹⁾ и А. С. Архангельскаго²⁾.

Относительно самыхъ статей нашего текста приходится сказать не много.

»Притча о богатыхъ«, сама по себѣ, встрѣчается въ древне-русскихъ рукописяхъ чаще всего и вошла, между прочимъ, также въ составъ »Пролога« (подъ 19 ноябр.). Это — славяно-русская передѣлка извѣстнаго аполога изъ »Повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ«, перешедшаго въ такомъ видѣ въ славянскую письменность черезъ посредство богомиловъ³⁾.

»Слово о невозстающихъ на утрепю«, приписываемое въ »Измарагдахъ«, какъ и вообще въ древне-русскихъ рукописяхъ, Іоанну Златоустому, на самомъ дѣлѣ не принадлежитъ ему вовсе, по является произведеніемъ неизвѣстнаго русскаго автора⁴⁾. Въ составъ древнѣйшей, первой редакціи »Измарагда« оно еще не входило⁵⁾.

Наконецъ, »Поученіе лѣпнымъ и похвала дѣлателямъ«, встрѣчающееся преимущественно только въ »Измарагдахъ« и проникшее отсюда также въ »Прологъ« (подъ 31 іюля)⁶⁾, тоже, по словамъ Н. И. Петрова⁷⁾, приписывается св. Василию Великому (Кессарійскому) ложно, такъ какъ между его твореніями оно не находится вовсе. Проф. Архангельскій, однако, считаетъ его все-таки принадлежащимъ св. Василию, хотя и не указываетъ его подлинника⁸⁾.

Остается еще сказать, что нашъ отрывокъ, состоящій изъ 6 листовъ малой 4-ки, повидимому XVII в., находится въ настоящее время въ Митрополичьемъ Церковно-Археологическомъ Музеѣ во Львовѣ No. 42. Q. На концѣ послѣдней страницы (л. 6 об.) находится слѣдующая, очевидно не относящаяся къ тексту, приписка: »Мѣца малѣа л̄. в сѣй дѣ

1) См. указанное выше сочиненіе.

2) Творенія отцовъ церкви въ древне-русской письменности, вып. IV, 1890.

3) Ср. А. Н. Веселовскій, Изъ ист. литер. общенія Вост. и Зап., 1872, 160—161; его-же, О слав. редакц. одного аполога Варлаама и Іоасафа, 1879; И. Я. Франко, Притчата на однорога и нейниятъ български вариантъ, 1896.

4) А. С. Архангельскій, Къ изученію древне-русской литературы, 1888, стр. 67.

5) Архангельскій, Творенія отц. церкви, IV, 83. Ср. Яковлевъ, Опытъ изслѣд. Измар., стр. 9—29.

6) Н. И. Петровъ, О происхожденіи и составѣ слав.-рус. печ. Пролога, 1875, стр. 298.

7) Тамъ-же, стр. 232.

8) Архангельскій, Къ изуч. др.-рус. литерат., стр. 35.

распять гдѣ ншѣ іс хс. стѣго препѣ івана лѣстич. Ѡ стѣо.
скѣ. зѣ ф л г « (?).

Мы издаемъ здѣсь этотъ интересный отрывокъ полностью и съ буквальной точностью, пропуская только надстрочные знаки придыханія и восстанавливая интерпункцію, которые въ рукописи совершенно спутаны и произвольны. Варианты приводимъ по упомянутому выше »Измарагду« XV в. Кіево-Михайловскаго монастыря No. 488/1646, а также, гдѣ это было возможно, по своднымъ извлеченіямъ В. А. Яковлева и А. С. Архангельскаго.

(Л. 1.) Притча ш богатѣ ш богѣкѣ книгѣ.*)

Члѣкъ нѣкоторый ходилъ на полѣ чистѣ, и не било на поли томъ ни дѣри ни лѣса. оузрѣлъ ндучи ¹⁾ к' себѣ лѣва со вѣблюдомъ, и зарѣ смутѣ сталъ, и началъ тужити, и не малъ гдѣ би ²⁾ см скрити Ѡ звѣрей тихъ. и скочилъ ³⁾ по полю и найшолъ кладѣ глѣбокъ, же ⁴⁾ и дна кладѣзю не било вид'но ⁵⁾, и сталъ над нимъ. звѣремъ же болше еще прикнѣаютъ см ⁶⁾ ко нему, тедеи шнѣ пѣстна' см в кладѣ той. и било дѣк дѣревѣкѣ виросли ⁷⁾ звокѣ ⁸⁾ того кладѣз: едно сребрано лѣтвѣ ⁹⁾, а другое [злато] ¹⁰⁾. и лѣтѣ в той кладѣз, и паде ¹¹⁾ на среб'нѣмъ дѣревѣ, и ұхватиса за лѣтвѣ ¹²⁾, и сѣде на томъ дѣревѣ ¹³⁾. возрѣкѣ же кгорѣ, и видѣ лѣва со вѣблюдомъ стоимѣ над нимъ ¹⁴⁾. и та || л. 1 об. || смѣ ¹⁵⁾ горлица прилѣтаючи ¹⁶⁾, смокви ¹⁷⁾ носачи смѣ, иногда рѣки лгодични ¹⁸⁾ вишла, котори то примѣючи и налѣ ¹⁹⁾. и плакала ш немъ горлица там, и вранѣ ²⁰⁾ прилѣташе оуголь горлицѣ приносилъ и кидалъ ²¹⁾ на него, а часомъ лщорки ²²⁾ и жави. шнѣ то шбачнши и чѣдиса, и посмотрѣкѣ долѣ, видѣ дѣк миши гризѣще корѣ томѣ дѣревѣ: шдна чорнаа, а другая бѣлаа. и оузрѣкѣ другое древо злато ростѣчое ²³⁾, а сподѣ того древа ²⁴⁾ змиш страшннй и шгнемъ дншѣще аспиди ²⁵⁾ и єхидни змиш, которнй то ²⁶⁾ видѣчи, ако живота смѣ нѣсть ұже и нѣсхода ²⁷⁾ с кладѣз того, недѣа того нѣчого, несми-слѣннй ²⁸⁾, почалъ рватн ²⁹⁾ сребреное лѣтвѣ и класти за надра ³⁰⁾ своа. и мисилъ, жеби еще ұпасти [на] ³¹⁾ златое древо ³²⁾. и пѣстналъ см на древо златое ³³⁾ и лѣтѣ воно и [на] злиа ³⁴⁾ скоропѣи. и оуслиши ³⁵⁾ его змиш свнстаніемъ своимъ. дѣ-||л. 2.||ла того безѣмннй злѣ погнеє. слншите кратне сказанне причн см. а то поле назигаєса свѣтѣ весь, а вѣблюдѣ немощѣ и старотѣ члѣча,

а левѣ смѣртѣ, во такъ пишеть 36) прѣкъ дѣвъ: яко левѣ вохититѣ дшѣ мою 37). а кладазѣ то естъ скѣтъ дѣвола и многоимѣнныи и хотѣнныи 38), въ которѣ то мнози члѣвци погнѣбаю, якъ в кладазѣ шно глѣбоко. а древо сребриное стижаные 39), богатиухъ, если много и беретъ 40), а боше хоше, а не контъся, яко оумѣти шаетъ, а то все шетаетъ 41), и за скѣпоѣ во шѣкѣ понти. а дѣвъ миши, которми корѣ гризоу, то е бѣлаи днѣ, а чѣонаи ношѣ, члѣвки скѣшающе 42). а горлица, котораи смѣови приносила, то е аггль гнѣ, той приносила 43) добрини помисли на срѣце члѣвкѣ и скѣбѣла 44) ш грѣси его. а вранѣ, цю приноси 45) уголѣ горичѣ 46), то дѣвола е, которѣ распалаеть 47) члѣвки на || л. 2 об.: сребролюбѣе и на вси неприѣнныи дѣла. а златое древо то пожално е многобо[га]сѣа 48), такъ мовитъ: жѣи и злата собралъ еше много, а не маѣ сити. а змии и скоропѣи и гади 49) то е мѣка вѣчнаи и шгонѣ негасимый скѣпимъ и немилостивѣ. во хто любѣтъ 50) многоимѣнныи, не може спѣтисѣ и его насититисѣ 51), и кгда много зберѣ, то еше боше хоше 52), а не изволѣ ни троха, цю собралъ, ани далъ 53) бѣга ради, но ани ешѣ ш числа не оубѣло. якоже и море не може сѣ напоныти 54), многин рѣки примѣючи, тѣже и члѣвкѣ не може сѣ наситити, збираючи много 55). и якъ адѣ погнѣбаѣ, а не може сѣ наситити 56), тѣже и златолюбѣцѣ 57), хо 58) погнѣбаѣ, а не прѣстаѣ и не шпочнѣбаѣ, собираѣ 59) богатство и подавати шадѣ, которомѣ то 60) погнѣта бѣдетъ в негасимѣ шгнѣ. ш якъ же маѣ бити цю доброго дшѣи скѣпаго. бѣгѣ нѣшѣмѣ слава вѣкы.

Варианты — по рукописи XV в. Киево-Михайл. монастыря No. 488/1646 л. 23—24:

*) Ш болгарскѣи книгѣ. Это — обычное чтеніе въ громадномъ большинствѣ списковъ: см. напр. Франко, Карп.-рус. письменство XVII—XVIII в., 103; Свѣнцицкѣи, Опис рукоп. Петруш., I, 4; Добрянскѣи, Опис. рукоп. Вил. П. Библ., 197, 356; Перетцѣ, Матеріали до іст. укр. мови, 4; Яковлевѣ, Опытъ изслѣд. Измар., 12, 52, 175; — и мн. др. Такое же неправильное чтеніе, какъ въ нашемъ спискѣ (>ш болгарскиухъ книгахъ<), замѣчено нами только еше въ >Измарагдѣ< XV—XVI вв. К.-Михайл. м-ря No. 489/1657 л. 43 об. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ спискахъ встрѣчаются также и другія разночтенія въ надписаніи притчи, какъ на пр.: >притча скѣта сего ш богатѣи

и ш нешилосердѣи истокована Ѡ богарскѣи книѣ — въ «Златой Цѣпи» XVI в. Древлехранилища Погодина No. 1025 (Пѣтуховъ, Серапионъ Владимірекій, 230); «притча о богатыхъ отъ богословскихъ (sic!) книгъ» — въ рукоп. XVI в. Архангельской Духовн. Семина. No. 248 (Викторовъ, Описи рукоп. собр. Сѣверн. Россіи, 46); «притча стго Барлаама къ Ісафѣ ш богатыхъ» — въ Сборн. XVI в. No. 86/39 Виленск. П. Библ. (Добрянскій, Описаніе, 165), а также въ рукоп. XV в. Спб. Духовн. Акад. No. 22/1099 (Веселовскій, О слав. редакц. одн. аполога Варл. и Іоасафа, 3—4); наконецъ, даже «повѣсть о вѣтхннѣи сей жизни» — въ Сборникѣ XVIII в. Буслаева (Бычковъ, Каталогъ рукоп. Бусл., 315) и т. д.

1) градѹщѣ. 2) не имѣѣ гдѣ. 3) ѣ поскочи. 4) ѣко. 5) нѣ видѣти. 6) приближаѹщимсѣ. 7) ѣ бѣста двѣ древа растуѹща. 8) Ѡ вокоѹ. 9) срекрено имѣѣше листѣи. 10) злато въ нашемъ текстѣ пропущено. 11) летѣи же паде. 12) вѣтѣи. 13) сѣде тоѹ. 14) стоимѣ. 15) ѣ тамо сѣдѣщю ѣмоѹ. 16) прилетѣѣше. 17) смоковы; въ нашемъ т. на полѣ приписано финѣ. 18) ѣгоды. 19) ѣнь же прѣимѣ ѣдаше. 20) ѣ пакы вранѣ. 21) носѣ помѣтѣѣше. 22) ѣшерѣци. 23) ѣ видѣ въ днѣ влизѣ злато древо растуѹще. 24) ѣ въ исподѣ по древомѣ. 25) на ѣспиды. 26) ѣнь же. 27) ѣи ѣсхода. 28) некреже того всего ѣи оѹбоѣсѣ несмыслены. 29) тѣзати. 30) в надра. 31) на пропущено въ нашемъ т. 32) ѣ тоѹжаѣше скорѣѣ, дабы палѣ на златоѣ древо, ѣ нача мыслѣти въ срѣци своемѣ. 33) ѣ поѹсти нанѣ. 34) въ злыѣ. 35) ѣглоѹшѣи. 36) ѣко же ре. 37) на полѣ приписано ѣлоѣ кл. 38) на полѣ приписано пожаѣливост. 39) на полѣ приписано зѣбра. 40) зѣреть. 41) ѣко оѹмрети все ѣставѣше тѣ. 42) чѣчь вѣкѣ скраѣѣще. 43) приносѣи. 44) скорѣѣ. 45) приносѣи. 46) нечѣтѣтоѹ. 47) разѣжигѣ. 48) хотѣниѣ ѣ многа стѣжанѣи; въ нашемъ словѣ пропущенъ слогъ га. 49) ѣхѣдны. 50) любѣи ко чѣкѣ. 51) не может сѣ ѣго насытити. 52) ѣ пакы ѣного вѣсхоѹѣи. 53) ѣи мала сѣкраннаѣи даѣти. 54) не наполнѣтсѣ. 55) тако ѣ чѣкѣ не имѣть годѣ зѣбраѣ. 56) погыѣе ненасытѣ. 57) зѣлѣтолюбнѣи. 58) донѣѣ ѣ. 59) сѣбраѣ. 60) ѣже ѣмоѹ.

(Л. 3.) Слово Івана Злѣстаго ш невоѣтаѹщѣи*) на оѹтѣнѣю.

Ѣже в ѣкности хѣто во житѣи сѣмѣ шѣшькаѣтъ¹⁾, то неспѣѣтсѣ. а кѣди ж ѣи сѣ обѣѣннаѣ на ѣтѣренѣю вѣстати, то

не дай ѡсти тѣлу своему во днь той до вечера, писано бо етъ: пранный да не ѡстѣ. кгда жъ хто крадетъ, тотъ винну маєтъ, такъ же винну причитаєтъ бгъ кодошу не востающоу на оутреню ко цркви, кромѣ недуга и труда великаго. шбаче ѡ недужнаго и трѹнаго ипнтаєтъ²⁾ бгъ млтвнй слѹби дхонь³⁾. и нѣхто в обичаю того не имѣи⁴⁾, кгда на свѣтѣ мешькаючи⁵⁾ со женою и со дѣтьми и старани⁶⁾ ш дому своемъ шѣлъ би⁷⁾, не мовѣте: не могу бгѹ угодити, бо видимо многыи оугоньки бжїи на свѣтѣ межи || л. 3 об. || нами⁸⁾ и заповѣди его выполнѣючи⁹⁾. дѣъ ци не би бога или не црѣ ли била, то бгѹ шовнлѣ сѣмижди днѣмъ хвали ты и еце мовитъ во полунощи¹⁰⁾ востахъ исповѣдася¹¹⁾ тебѣ. а кгда жъ црѣ сѣмижди бга хвалила¹²⁾ на днь¹³⁾ и полунощи востакала и молила сѣ бгѹ, а коко мѣлъ печатати¹⁴⁾? а ми ѡкъ бѹдемъ помножени живучи во лжи¹⁵⁾? а лѣнымъ сы ко цркви на оутреню, на литургию и на веченю ити¹⁶⁾. что чинишъ ш члѣе, лѣниво¹⁷⁾ и скаредо живїи, ча млтвнїи противлїи¹⁸⁾ и нравѣ поганихъ любичи? бо ти естъ веселїе еже би сѣ ѹпивати. а хртїиномъ кгда ю швѣдаши тогда пити¹⁹⁾. а ти²⁰⁾ весь днь сѣдиши, гѹбы питнемъ, ни телеснїи може²¹⁾ шрѹдїи чинити²²⁾ || л. 4. || ани дшвнїи, ено все на питне видаши, тѣло и дшѹ свою томачи²³⁾. бо незаповѣданно е ѡсти анѣ пити²⁴⁾, ено в подобный ча, але²⁵⁾ пїш[н]ство²⁶⁾. зевтѣне²⁷⁾ бо мнози пиюще, вѣ днь гѹватъ, ѡкови нѣми²⁸⁾ скоти и звѣрне, которни не чають²⁹⁾ сѹда анѣ нѣла³⁰⁾ знаютъ³¹⁾. то и тни смѣюса на³²⁾, хѣ несмыслїи: ми того не чинимо. а члвци сїи нести, кгда и маю шрови³³⁾ пїню³⁴⁾, а [н]нѣшнїи³⁵⁾ покорѣми брѹхѹ³⁶⁾ не маю покои пиюще, и лѹютъ ѡко во оутѣлъ сѣсѹтъ³⁷⁾, дотї ажъ вобѣснѹетъсѣ ѡ пїанства. двѣ бо пїанствѣ ралїчннѣ³⁸⁾. шдно же мнзи хвалисѣ³⁹⁾ глѣще: то не пїаница⁴⁰⁾, который ѹпивсѣ и спитъ⁴¹⁾. але ѡ повѣдаю, же и скоскнїи⁴²⁾ злѣ чинитъ, кгда сѣ ѹпнетъ, и спитъ ѡкови || л. 4 об. || мртвнїи, и акн колка валлетсѣ, и много сквннѣтъсѣ, нїце шмочнншнїи смертднтъ, и лежитъ во годннѹ⁴³⁾ заоутрнн, не можетъ ни голови звестнїи⁴⁴⁾, ригаѣ, смѣднтъ, многопитнемъ⁴⁵⁾ раслаблїе свое тѣло, мокро чинитъ⁴⁶⁾, и до горѣла акн шѣхъ наливлїе⁴⁷⁾, — чнмъ же шдаленъ⁴⁷⁾ погани⁴⁸⁾ таковїи? видѣте то братїе зло⁴⁹⁾ е пїанѣство, кгда би хто в то ѹмеръ, с по-

ганами то̄ ѡсудѣси, а смѣла̄⁵⁰) піаници⁵¹), котори[и] ра̄ битиси
и сваритиси⁵²), нице лаетъ⁵³) тмиъ, котой говѣю̄ и бгомълюще̄
насмѣла̄си⁵⁴) и лаетъ⁵⁵). и кгдаи врӣ которӣ таковӣ вна̄⁵⁶),
то еще горше⁵⁷), всѣхъ бо повинутн⁵⁸) хочеть своей пагубѣ, не
бонтеси оукода⁵⁹), говѣющӣ тӣ ненавидӣ, кото-||л. 5. |рин ему
подобни, тӣ любн̄, що ему погаковуютъ⁶⁰) и бланю̄⁶¹). тако-
ваго смртъ примѣ, с кумиротслужебники ѡсудѣси. бгѣ̄ нӣемѣ
слава в вки.

Варианты — К. по той-же рукописи К.-Михайл. м-ря No. 488/1646
л. 66—67; А. и Я. по своднымъ извлеченіямъ Архангельскаго (Творе-
нія отцовъ церкви, IV, 41—42) и Яковлева (Опытъ изслѣд. Из-
марагда, 271—272).

*) Въ рукоп. ѡ невѣрующн̄. 1) К. и Я. пребываетъ. 2) К.
нестѣзаетъ. 3) К. моатвы дѣвнн̄ и слоужбы. 4) К. да никто
нзвѣта нмаеть. 5) К. въ миру живн̄. 6) К. печаль. 7) К.
нмѣл. 8) К. во миру. 9) К. трѣше. 10) К. н паку полоуноши.
11) К. исповѣдатнса. 12) К. пѣлѣ. 13) К. днѣш. 14) Sic! въ
К. л толико нмн̄ печалн̄. 15) К. во лготѣ. 16) нти въ К. нѣтъ.
17) К. бесчнннѣ. 18) Въ рукоп. противам. 19) К. А. и Я. егда
отобѣдати, тогда и отпнтн. 20) Я. а ты, человекѣ. 21) К. А. и
Я. могн̄. 22) К. и А. творнтн, Я. управнтн. 23) Въ рукоп.
томочи; К. тома, Я. губа. 24) А. и К. речено бо въ законѣ асти
и пнтн. 25) А. и К. а не въ. 26) Въ рукоп. пнстко. 27) ? въ
рукоп. забнтѣне; въ А. Я. и К. этого слова совѣмъ нѣтъ. 28) А.
Я. и К. безсловесн̄. 29) А. и К. не чающе. 30) А. и К. бга.
31) Въ рукоп. знаетъ; А. и К. вѣдуще. 32) Я. намъ рекуще.
33) А. Я. и К. оутробоу. 34) А. и К. пнтю, Я. пютъ. 35) Въ
рукоп. нъшнн. 36) А. и Я. брюхы врашну, К. брюхы врашны.
37) Sic! А. Я. и К. сосудъ. 38) А. Я. и К. двѣ бо піанствѣ
различн̄. 39) А. Я. и К. хвалатъ. 40) Я. пѣанство. 41) К. А. и
Я. нже оупнвса спнтъ. 42) К. А. и Я. кроткн̄. 43) Я. А. и К.
въ годъ. 44) К. А. и Я. вѣзвестн. 45) Я. К. и А. отъ многа
пнтн̄. 46) А. Я. и К. мокрѣ. 47) К. А. и Я. ѡдѣленъ. 48) А.
К. и Я. ѡ поганъ. 49) А. и К. коль зло. 50) А. и К. держнвн̄,
Я. драчлнвн̄. 51) Въ рукоп. пнннцн. 52) А. К. и Я. нже внтса
и сварнтса. 53) Такъ и К. А. и Я.; въ рукоп. лаютъ. 54) А. К. и
Я. поноснтъ. 55) К. А. и Я. оукарметъ. 56) А. К. и Я. и аще

властель естъ. 57) А. К. и Я. лютѣе. 58) Такъ и въ К. и Я.; въ А. повинутѣи. 59) А. К. и Я. во мса оуѣора. 60) К. и Я. ѡже по-таквы творать сму. 61) К. и Я. влазнаше его.

(Л. б.) Пооучение сѣаго Василиа лѣниви, котори не робытъ, и ш похвали ти, котори дѣлаю.

Еже вѣ молю, братиѣ, слышите. кгда бѣ не хотѣлъ ко вамъ сего¹⁾ мовити, но боюся реченнаго: вобѣжѣте²⁾ спышам и на дѣло повнзайте лѣнныи. кгда зѣны оубѣгните вѣди³⁾, то нѣсныхъ не узрите добри⁴⁾, котори то робоннко бгѣ шѣцѣѣ⁵⁾ Ш працѣ теѣи здравіе и Ш вѣди⁶⁾ спсѣніе. а лѣнныи по реченною аптолку⁷⁾ да не штъ. во зѣныи робонныкъ подобенъ естъ || л. б об. || инокомъ⁸⁾ поу[с]тѣиному⁹⁾ житию и туду¹⁰⁾, понека сонъ Шрасъ, на дѣло зѣное иде, и лѣпше¹¹⁾ дому пустиню¹²⁾ любитъ, зноу же и зми туднии тѣло¹³⁾ протнѣиши, и для того працѣ своей лѣнн зѣраѣ, и таковыи блѣнн бгомъ, Ш ни же дшѣное пришелетъ спсѣніе, во с ти¹⁴⁾ оубогихъ накоръмитъ и немогущи¹⁵⁾ подаѣѣ, то шко самому ху подаѣѣ, котори то лѣо подаѣѣ, дождъ послаѣ¹⁶⁾ ранъ и подѣнь, и все чини, и зѣлы¹⁷⁾ наситиши хлѣба, понеже с того напоиши гѣна¹⁸⁾. блѣнн бгомъ, працею сво[е]ю¹⁹⁾ хвалишиши, рѣцѣ вѣтанывому²⁰⁾ шогатѣю. а неробонны²¹⁾ и к тому²²⁾ пыница не може бити бога. лѣноѣ во всѣ дѣло мти злиши штъ, а доброты, кори || л. б. || маѣ, то лѣноѣ погубаѣѣ, а ины не даѣ совокупити. а хотѣ²³⁾ и бога бѣдѣши, а лѣнныѣ, то зѣвожи²⁴⁾. каждыи лѣнныи и слави са секе²⁵⁾ проклаѣ. а кда би богъ пѣкловаѣѣ лѣнныи, то би повелѣѣѣ вѣлю²⁶⁾ жита растити, а лѣсу²⁷⁾ швоци всякии родити²⁸⁾. каждыи лѣнныи шдѣваѣѣ в малаа²⁹⁾ и подранаи порѣтица, во котори на дѣло лѣнныѣ, то таковыи и ш дши своей нѣлаѣ³⁰⁾. ш прѣнолюбци лѣнныи! которюю заплату свои працѣ бѣи принсете? во не требѣѣ бѣ Ш лихоншныи шфѣри ни приноса, но аки закалаѣма пса гнѣшаѣѣ. лѣпше естъ не чинити чѣжи ани красти³¹⁾. ни лѣ[ни]виши³²⁾ ни много спыши ни лихоншцѣ ни пыница ни крадущи бгѣ вѣчнѣю жизнь³³⁾ шѣцѣѣ естъ. || л. б об. || котори бѣа дѣла працѣютъ, робычи свонна рѣкама, Ш того оучастне бѣи оудѣлающе, нѣкотори в лѣскнхъ³⁴⁾ пианѣютъ³⁵⁾ робота, иныи же скоти и конѣ³⁶⁾

V. Vodnik und die nachillyrische Periode in Krain.

In allen bisherigen Biographien Vodniks wird erwähnt, daß die österreichische Regierung nach dem Abzug der Franzosen aus Illyrien (1813) Vodnik nicht freundlich gesinnt war und daß alle seine Gesuche um verschiedene Lehrstellen in Laibach erfolglos blieben. Den direkten Grund dafür kannte man bisher nicht; auch ich konnte in meinem Aufsätze über Vodnik im Archiv f. slav. Philologie, Band XXIII dieses Verhältniß nicht aufklären. Seither habe ich neues Material gefunden und will die Darstellung hier vervollständigen.

Als es den Franzosen im Jahre 1809 geglückt war, nach mehrjährigen erfolglosen Versuchen den größten Teil der slovenischen Gebiete zu besetzen und sie mit den südlichen Ländern zu den »Provinces Illyriennes« zu vereinigen, verlor die österreichische Regierung nicht die Hoffnung, diese Gebiete den Franzosen wieder zu entreißen. Es wurde deshalb ein weit verzweigter Nachrichtendienst eingerichtet, um über die Ereignisse und Stimmungen in Illyrien genaue Berichte zu erhalten. Unter andern vertraulichen Berichterstatlern war der Polizeikommissär Simon Kremnitzer in Cilli, der anfangs in französischen Diensten stand, später aber wegen eines Zerwürfnisses mit dem illyrischen Polizeileiter Toussaint sich dem Präsidenten der Polizeihofstelle in Wien Baron Hager anbot und nach Cilli übersiedelte.

Noch vor dem Abzuge der Franzosen aus Illyrien bestimmte Kaiser Franz, daß im Falle der Besetzung der illyrischen Provinzen durch die österreichischen Truppen dem provisorischen Verwalter derselben Freiherrn von Lattermann der Polizeikommissär Kremnitzer zugeteilt werde. Am 15. Oktober 1813 teilte ihm das Baron Hager mit und wünschte Berichte über alle Wahrnehmungen Kremnitzers. Schon am 29. Oktober sendete Lattermann den ersten Bericht Kremnitzers und am 4. und 9. November 1813 schickte Kremnitzer selbst Berichte an Hager und einen

›Ausweis über die hierorts existierenden Mitglieder der Freimaurergesellschaft‹ und sagt im Bericht vom 4./XI. ›den Unmut der Bevölkerung vermehret der Umstand, daß einige Beamte der vorigen Regierung, die ihnen verhaßt waren, wieder provisorisch angestellt worden sind‹ und im Bericht vom 9./XI., daß die Bevölkerung ›sehr aufgebracht und mißvergnügt sei, daß sie noch ferner im Staatsdienst behalten werden‹.

In dem ersten Verzeichnis kommt Vodnik nicht vor, wohl aber im zweiten ›Verzeichnis der Freimaurer-Logen-Mitglieder zu Laibach‹ unter den ›Mitgliedern aus Illyrien: . . . Vodnigg Professor‹. Angeschlossen ist auch ein ›Verzeichnis jener Individuen, welche sich durch ihr Benehmen gegen die Franzosen auch Abtrünnigkeit gegen Österreich in Laibach verdächtig gemacht haben‹, darunter ist ›Vodnigg Professor der Poesie‹. Am 11./XI. antwortete Hager, daß während des Krieges das österreichische Regime nicht eingeführt werden könne. Am 12./I. 1814 sendete Kremnitzer an Hager einen neuen ›Ausweis derjenigen in Krain und Illyrien befindlichen Individuen, welche der französischen Regierung noch immer anhängen, dem Publiko und der Nation verhaßt, dann dem österreichischen Staate gefährlich sind, und bleiben dürften‹. Unter Punkt a) sind ›Verschiedene Individuen, die wegen ihrer besonders widrigen Gesinnungen gegen Österreich hierunter namentlich aufgeführt werden‹ und darunter an dritter Stelle ›Vodnik Professor‹. Am 21. Jänner 1814 sendet nun Kremnitzer einen ausführlicheren Bericht und bemerkt: ›Nun mache ich es mir zur heiligsten Pflicht auch die Ursache und Gründe, wie auch einige spezifische durch Überzeugung erhaltene Thatbeschreibungen dieser verkehrten Menschengattung zu ertiefen‹ und schreibt: ›die vierte und letzte Abteilung enthält die Namen derjenigen ammeisten und allgemein verachteten Individuen, die schon bei dem französischen Einzuge im Jahre 1809, wie auch in der Folge, und dormal noch sowohl durch Worte als Handlungen bei verschiedenen Gelegenheiten, meistens aber dann, wenn keine österreichischen Patrioten zugegen sind, zu erkennen geben, daß sie mit Kopf und Herz Frankreich zugethan, und im nämlichen Grade Österreich abgeneigt sind.‹ Über Vodnik speziell heißt es in diesem Berichte: ›Vodnigg Professor ein tholer Anhänger Frankreichs war immer wider Österreich, und soll, wie ich es von glaubwürdigen Männern vernamm, im Oktober vorigen Jahres bei einer Reise nach Oberkrain versucht haben, die Bauern wider Österreich für Frankreich einzunehmen.‹

Hager berichtet darüber dem Freiherrn von Lattermann und bemerkt: ›die meisten sind Beamte oder in öffentlichen Ämtern angestellte Männer,

die, wenn sich die Tatsachen wider sie bewähren sollten, ihrer Posten unwürdig, und davon vermöge der E. E. bekannten a. h. Directiv-Regeln zu entfernen wären« und dem Kremnitzer erteilt er den Auftrag »das Benehmen aller Individuen gleich Gelichters genau im Auge zu halten«.

Inzwischen suchte die österreichische Regierung das illyrische Schulwesen nach österreichischen Prinzipien zu reorganisieren und schickte den Grafen von Saurau als Einrichtungs-Hofkommissär nach Krain, welcher am 19. Juni 1814 in einem ausführlichen allerhöchsten Vortrag über seine Mission und die Gymnasien zu Laybach und Neustadt berichtetete. Darin schreibt er bezüglich der Lehrkräfte unter »4. Ich wage es nicht für die beiden Lehrer Valentin Wodnik, Weltpriester, im Jahre 1809 Lehrer der Geschichte und Geographie und dormalen Lehrer des Stils zugleich provisorischer Direktor der Normalhauptschule; dann für den weltlichen Lehrer des Stils Franz Peesenegger bey Eurer Majestät um deren Bestätigung im Lehramt zu bitten.

Der erste ist zwar ein Mann von nicht wenigen Kenntnissen, besonders in der slavischen Sprache, und gegen seine Sittlichkeit im allgemeinen wird keine Klage geführt. Allein sein Direktor legt ihm im Anfange zur Personalstandstabelle im Protocolle 2. Gleichgiltigkeit, also Mangel an Eifer und die Unbehilflichkeit zur Last, sich bey den Schülern das gehörige Ansehen zu verschaffen. Er hat den Ruf, ein starker Anhänger der Franzosen gewesen zu seyn, gegen sich, und dieser Ruf begründet schon Mißtrauen gegen ihn, wozu ein öffentlicher Lehrer, dem man, ohne ihn stets controlliren zu können, die künftige Denkungsart einer Generation anvertraut, keinen Anlaß geben soll.

Daß er aber diesen Anlaß gegeben hat, darüber liefert das angebogene im Geiste der französischen All-Eroberungssucht verfaßte Lobgedicht auf den Kaiser Napoleon, und der fernere Umstand den Beweis, daß er auf der Liste der Freymaurer steht.« Und weiter unten:

»Sollten diese nunmehr von Eurer Majestät Generalgouvernement provisorisch beim Lehramte belassenen Männer nach meinem unterthänigsten Antrage von Eurer Majestät die Bestätigung als öffentliche Lehrer nicht erhalten, dann aber eine andere Anstellung, nur nicht wieder bey einem andern öffentlichen auf die Gesinnungen der Schüler Einfluß nehmenden Lehramte suchen, so glaube ich sie Eurer Majestät dahin, daß sie nicht von jeder Dienstleistung überhaupt als unfähig oder unwürdig ausgeschlossen werden, in dem Anbetrachte unterthänigst empfehlen zu dürfen, weil sie beide vor dem Jahre 1809 lang in landesfürstlichen Diensten gestanden sind, Wodnigg wurde schon im Jahre

1798 Lehrer der Poetik, und war zuvor seit 1787 Katechet an einer Landesschule; . . . beide sind im Alter vorgertückt, und ihrer Versicherung nach von schwächerer Gesundheit. Gegen Wodnigg ist früher keine Beschwerde geführt . . . Ihr Betragen zu Gunsten des Machthabers von Frankreich, und seiner nach Illyrien geschickten Beamten findet zwar keine Rechtfertigung, aber doch einige Minderung der Schuld in dem, daß es in die Periode fällt, in welcher das Land und sie mit dem Lande an Frankreich abgetreten waren, und sie sich ihrem vermeintlichen Herrn auf eine freylich den Charakter würdiger Selbständigkeit verläugnende Art gefällig zu machen suchten. Insbesondere dürfte Wodnigg zu Grätz, wo der Scriptordienst an der Bibliothek und die Lehrkanzel der slavischen Sprache dermalen erledigt ist, ohne Besorgnis verwendet werden können, wenn Euere Majestät gegen denselben väterliche Milde und Nachsicht eintreten zu lassen geruhen . . . In der Voraussetzung, daß Wodnigg und Peesenegger nicht bey dem Lehramte zu bleiben haben, sind die Canzeln der Religionslehre, des Stils, der Geschichte und Geographie und der Elemente der lateinischen Sprache erledigt . . .

Diesen Bericht teilte die Central-Organisierungs-Hofkommission der k. k. Studien-Hofkommission mit, welche sich bezüglich Vodniks äußerte:

»Gegen den nunmehrigen Weltpriester Valentin Vodnik (er war vorher ein Religiöse) ist bis zur Besetzung Krains durch die Franzosen im Jahre 1809 hierorts keine Klage vorgekommen. Er stand vielmehr im besten Rufe, ist in der Geschichte seines Vaterlandes wohl bewandert, wie das von ihm verfaßte Lehrbuch »die Geschichte Krains« beweist, ein Kenner und enthusiastischer Verehrer und Verbreiter der slavischen Sprache, welches ihn auch zu dem Lobgedichte auf Napoleon verleitet haben mag. Der H. Hofcommissär trägt wegen dessen Anhänglichkeit an Napoleon und der Freymaurerey auf dessen Entlassung vom Unterrichte der Jugend an.

Allein dieses Gedicht ist eine bloße Äußerung der Freude über das Wiederaufleben des alten Illyriens als ein Lobgedicht auf Frankreichs Herrscher und die unter der vorigen Herrschaft gepflogene Freymaurerey, wenn er derselben nun entsagt, scheint ihn vom Lehramte nicht auszuschließen. Wenn daher für dessen Anhänglichkeit an Napoleon außer dem obigen Gedichte und gegen dessen Moralität nichts vorgebracht werden kann, so wäre er bey dem Lehramte bezubehalten, und ihm entweder das Lehrfach der Geschichte oder der Humanitäts-Classen, die er beide schon verwaltet hat, wieder aufzutragen.«

Am 3. Oktober 1814 unterbreitete die Central-Organisierungs-Hofkommission dem Kaiser ihre Vorschläge, in welchen sie nach Rekapitulierung des Berichtes des Grafen Saurau und der k. k. Studien-Hofkommission bemerkt: »In Rücksicht auf den Professor Vodnik aber steht man der Studien-Hofkommission, welche diesen Mann sehr anrühmt, bey, indem man auch hierorts findet, daß Vodnik bloß als Enthusiast für die illyrische Sprache und sein Vaterland das Lobgedicht auf Napoleon, das übrigens keine Invective gegen die österreichische Regierung enthält, verfaßt habe.

Wenn Euere Majestät dem unmaßgebendsten Antrage, den Professor Vodnik beizubehalten, den gnädigsten Beifall schenken, so wäre dem Gubernium die Ausschreibung des Konkurses mit dem Beisatze aufzutragen, daß über das Resultat der abgehaltenen Konkurse der Vorschlag an die Studienhofkommission einzusenden sey.«

In einem kürzeren vom 31. Oktober 1814 datierten Referat über den Bericht des Grafen Saurau und über die Äußerung der Central-Organisierungs-Hofkommission und der k. k. Studien-Hofkommission heißt es: »Die Studien-Hofkommission und Zentral-Organisierungs-Hofkommission haben übereinstimmend dasjenige in den Anträgen des Hofkommissärs Grafen von Saurau verbessert, was der für die österreichischen Staaten vorgeschriebenen Schulordnung nicht ganz angemessen war, oder wozu kein hinreichender Grund, wie zur Entfernung des Lehrers Wodnik, dem kein Vergehen zur Last fällt, der schätzbare Kenntnisse besitzt und schon vor der Abtretung Illyriens mit Eifer diente, vorhanden war. Diese Anträge scheinen mir daher ganz zur a. h. Genehmigung geeignet zu seyn.« Rechts davon hat der Kaiser seine Entscheidung eigenhändig hingesetzt; sie lautet: »Franz Hladnik ist nur dann beyzubehalten, wenn er während der Illyrischen Regierung sich in keinen geheimen Gesellschaften befunden, Wodnik und Pessenegger hingegen, können in ihren Plätzen nicht beybehalten werden, sie sind also entweder nach den bestehenden Vorschriften zu pensionieren, wenn sie nicht mehr diensttauglich sind, und ihnen eine Pension gebührt, oder zur angemessenen mit Erziehung der Jugend nicht verbundenen Stellen außer Illyrien in Vorschlag zu bringen. Zur Besetzung der dadurch erledigt werdenden Stellen sind Konkurse auszuschreiben; wo Ich übrigens die Anträge der Central-Organisierungs-Kommission in allen Punkten genehmige¹⁾.

Wien am 26. Dezember 1814

Franz m. p. «

1) Dieses Zitat sowie alle übrigen sind aus den Akten im Archive des k. k. Ministeriums des Innern und des k. k. Ministeriums für Kultus und Unterricht.

So wurde also Vodnik trotz der Anträge der k. k. Studien-Hofkommission und der Central-Organisierungs-Hofkommission auf Grund der Polizeiberichte des Kommissärs Kremnitzer die Bestätigung versagt. Das gleiche Schicksal ereilte alle andern Bewerbungen Vodniks um verschiedene Lehrstellen, so um den Lehrstuhl der Weltgeschichte am Laibacher Lycäum, um die Lehrkanzel der italienischen Sprache am Lycäum zu Laibach und um die Lehrkanzel für die slovenische Sprache in Laibach. Überall siegten die gehässigen Berichte des Polizeikommissärs Kremnitzer über die gute Qualifikation, bis sich Vodnik in sein Schicksal ergab und die weitere Bewerbung um eine Lehrstelle endgültig aufgab.

Wien.

Fr. Vidic.

Epistolae Abgari ad Christum et Christi ad Abgarum.

V literatuře *církevněslovanské* máme několik rukopisů těchto listů (Kozak: Bibliographische Übersicht der biblisch-apokryphen Literatur bei den Slaven, str. 21, 22). Otázkou touto obíral se v »Drobných příspěvcích« 1891. prof. Dr. Jiří Polívka, který podal také rozvětvení její v různých literaturách. Nejdůležitější pomůckou jsou studie Lipsia: Die edessenische Abgarsage 1880 a Matthes: Die edessenische Abgarsage auf ihre Fortbildung untersucht 1887.

V *české literatuře* je o listech těchto zmínka u prof. Golla v Čas. Mus. kr. Českého 1878 na str. 283 »Zpráva o českých rukopisech v Zhořelci«, ale z rukopisu tam není podána ukázka.

Když jsem r. 1893 studoval v *Milichově knihovně ve Zhořelci*, udělal jsem si důkladný popis tamních bohemic, zvláště pro dějiny Jednoty důležitých, přibližuje hlavně k potřebám literárním a filologickým.

Podávám tuto opis těchto epistol, které se nalézají v pap. rukopisu č. 19; je to číslo 15. Original je na str. 183 a)—185 a) sborníku, který byl psán v Slížanech (na Moravě) v letech 1577—79.

Mimo to jsou vloženy ony listy do »Desatera knih Historie církevní od Eusebia«, kterou r. 1594 do češtiny přeložil Kocín z Kocínetu a r. 1855 Krbec v Praze s opravami znova vydal.

List 183a) Cod. No. 19 v *Milichově knihovně Zhořelecké*:

Copie a wypis Listu, kterýž Edefensky kral Abgarus k nassemu wykupiteli Krystu pa^u poslal.

Abgurus kniže. kraginy Edefenfke wzkazuge pozdráwenj Geziffowj wěrnemu adobremu spaftytelj. kterýž wúkol Města Gerúsalema obywa.

Doffla mne gýta a wjry hodná zpwa, kterak ty y stěmi, kteříž při tobě gfau, lidem pomáháš a ge zdráwe činiš beze wšfech bylin a lekú. Nebo ty, gakž flyšfjme, dáwáš slepým widěni, chromým chozenj, málo-mocne čistiš, mrtwe obzi | 183 b) — wugeš, a tēm, Ktetjž dlaúheymi nemocmi byli obtjženi zase kzdrawj přiwodiš Wyháníš take nečifte dúchy a diábly. Když sem pak otobě takowe wěcy flyffel, tak sem sobě smyšlil, že ty nebo fy Bůh sam f nebe sem koiněnj tak djwnych

řkútkú p'šiel, anebo že sy Syn Božj, poněwadž tak weljke wěcy pú-fobiš. Protož tebe ted' timto pšanim šřym, aby sobě obtěžowati neračil ke mně prigitj, á ode mne welmi téžkau, aboleštnau nemoc. kteraúž se trapim, odgiti.

Nebo y to' take sem wyrozuměl, že žjde řti tobě repecy. a hledagj wšfelike p'hodnostj, kterak by tě mohli vmúčiti y zabiti. || 184 a) Nů gá ted' zde mám šwe wláštnj Město, kterež ačkoli g't mále, wšřak g't poctiwe a bude mně y tobě došti welike mocy byti. Nā takowy šřpúřob šwřchu řečeny Abgaruř. gako ten, kteryž máličko Nebesřkym šwětlem ofwjcen byl, pa' Kryřtu pšanj věinil.

Wypis listu

spasýtele naffe°

Geřiffe Kryřta, kteryž Králi Abgarowj na geho pšani
*odeřlal**).

Blahošlāweny gřy, Abgare, že sy we mně vwétil, ačkoli sy mne newiděl, nebo řtoğj o mně pšano, že ti, kteriž || 184 b) mne wzřzj, nebudať we mne wětřtj, aby ti, kteriž mne newidj, wětřili a žiwot měj. Kdež w šwem pšanj dokladaš aneb dotykaš, abych k tobě přřffel, maš wěděti, že yā na temž miřtē. t. w Jůdřke krāginē aneb w Gerúzalemě wšřecko proć pošlan gřem, wřplniti mřřřym, a kdyžto wykonám, tedy mřřřym hned zaře kto' gřtj, kteryž mne pošlal: gakž pak wzřurů wzat būdn. adonebe puydů, pošřli ktobě gedneho zućednřkuw šwřch. Ten tobě mā pomocy. a tebe y řtēmi, kteriž wtebe řau, wzdrawjřtj.

Když pak bylo po Nānebe wřřtāupenj panē, pošlal knē' Tomaš gedneho Apošřtolā gmenem tadeāřffe. kteryž byl gedē z ředmdēřati věednřků || 185 a) Odtoho řřž Ab. vřře w K. P. g't naućen řřřwřmi. aodnemocy šwe wzdrawen, kteraúž mēl welmi téžkau od mnoha let.

Die edessenische Abgar-Sage. Lipsius. 1880 (Braunschweig) S. 15.

»Abschrift des Briefes, geschrieben von dem Toparchen Abgar an Jesus und abgeschickt an ihn durch den Schnellläufer Ananias nach Jerusalem.«

»Abgar Uchama²⁾, Toparch (von Edessa³⁾), Jesu dem in der Gegend von Jerusalem erschienenen guten Heiland Gruß! Ich habe die Kunde von dir und von deinen Heilungen vernommen, als welche ohne Arzneimittel und Heilkräuter von dir vollbracht worden sind. Denn wie die Rede geht, machst du Blinde sehen, Lahme gehen, und machst Aus-

*) Proložené psāno rumělkon.

1) Der Zusatz »Uchama« ist jetzt in den meisten Handschriften verschwunden.

2) Der Zusatz Ἐδέσσης fehlt bei Rufinus und ist zu streichen.

sätzliche rein und treibst unreine Geister und Dämonen aus und die in schwerer Krankheit Gequälten heilst du und Todte weckst du auf. Und da ich dies alles über dich hörte, setzte ich in meinem Geiste eins von beiden fest, entweder daß du Gott bist und vom Himmel herabgestiegen dieses thust, oder daß du Gottes Sohn bist, indem du dies thust. Deswegen also habe ich geschrieben und dich gebeten, dich zu mir zu bemühen und das Leiden, welches ich habe, zu heilen. Denn ich habe gehört, daß die Juden wider dich murren und dir Böses thun wollen. Ich besitze aber eine zwar kleine, doch würdige Stadt, welche ausreicht für uns beide.«

›Antwortschreiben Jesu durch den Schnellläufer Ananias an den Toparchen Abgar‹:

›Selig bist du, da du an mich geglaubt hast, ohne mich gesehen zu haben. Denn es steht über mich geschrieben, daß die, welche mich gesehen haben, nicht an mich glauben werden, und daß die, welche mich nicht gesehen haben, glauben und leben sollen. Was aber das betrifft, was du mir geschrieben hast, daß ich zu dir kommen möchte, so ist es nothwendig, daß ich Alles, um deswillen ich gesandt bin, hier erfülle, und nachdem ich es erfüllt habe, also zu dem aufgenommen werde, der mich gesandt hat. Wenn ich aber aufgenommen sein werde, will ich dir einen meiner Jünger schicken, daß er dein Leiden heile und dir und den Deinigen Leben gewähre.«

›*Desatero knih Historie cirkevni od Eusebia*‹ od Jana Kocína z Kocinetu. *Krbec*. Praha 1885. (druhé vydání) Str. 45. (ve vydání z 1594. Str. 46.)

Přepis¹⁾ listu od Abgara, knížete v Edesse, k Spasiteli našemu²⁾ (po rychloběžci Ananioví odeslaného)²⁾.

›Slyšel jsem [o Tobě a]³⁾ o Tvé moci, kterak beze všech bylin a léků⁴⁾ lidi od nemocí uzdravuješ. Nebo jakž pověšť jde, toho dovozuješ, aby slepí viděli, kulhaví chodili; taky málomocné⁵⁾ očisťuješ, duchy nečisté a d'ábly vymítáš, dávnými nemocmi obklíčené k zdraví navracuješ, a naposledy mrtvé křísíš. Kteréžto věci ovšem když jsem o Tobě uslyšel, i hned sám u sebe jsem pomyslnil, že jedno z toho dvého musí býti: Že Ty aneb Bůh jsi, a stoupil's s nebe⁶⁾, aneb jistě Syn boží, poněvadž takové divy a zázraky činíš. A protož píšu⁷⁾ k Tobě

1) Kocín: Přepis. 2) U Kocína schází. Je tam však více: Abgaruš, knjže města Edešy, Gežffowi Spafyteli miloftiwému, kterýž se w kragině Geruzalémfcké w těle zgewil | pozdrawenj. 3) není u K. 4) K.: Lékařtwej a bylin. 5) K.: malomocné také. 6) K.: s Nebeš šftaupil. 7) K.: pjšfi toto k tobě.

toto, a velice Tebe prosím, abys⁸⁾ sobě nestěžoval ke mně práci vážiti, a nemoc mon, kteráž mne příliš trápí, uzdraviti. Nebo i to mne došlo, že Židé proti Tobě zlobivě repoi, a velmi rádi by Tobě zle uškodili. Mám pak⁹⁾ město ovšem neveliké¹⁰⁾, ale způsobné¹¹⁾, tak že¹²⁾ nám oběma dostatek věcí potřebných dodávati¹³⁾ může. <

To on tím způsobem, nebyv ještě božím světlem dobře osvětlený, k Pánu Ježíšovi psal. (Ale hodné jest, aby taky odpověď, ač krátká, však mocná, kterouž Pán Abgarovi po témž poslu odeslal, tuto byla doložená, jejíž jest tento rozum*).

Přepis odpovědi, kterouž Ježíš¹⁴⁾ Abgarovi po rychloběžci¹⁵⁾ Ananiovovi odeslal.

»Blahoslavený jsi, Abgare, žes ve mne uvěřil, nevidév mne. Nebo psáno jest o mně, že ti, kteříž mne vidí¹⁶⁾, ve mne neuvěří, aby kteříž mne nevidí¹⁷⁾, uvěřili a života došli. Kdež mi píšeš, žes toho žádostiv, abych k Tobě přišel, věz, že já všecko, proč jsem poslán, zde vykonati musím, a po dokonání toho hned se k tomu, kterýž mne poslal, navrátiti mám. Tam jakž přijat budu, pošlu¹⁸⁾ k Tobě někoho z svých učeníků, kterýž neduh Tvůj, jenž Tě příliš trápí, uzdraví, a Tebe se všemi tvými životem obdará.

(Po těchto listech bylo ještě toto syrským jazykem doloženo: Když pak vzat jest Jesus, odeslal Judas, kterýž i Tomáš, sloul, apoštola Thaddéa, jednoho z počtu sedmdesáti, k Abgarovi**), (kterýž přišed tam, k Tobiášovi, synu Tobiášovu, do hospody se uchýlil. Když se pak o jeho příchodu pověst rozhlásila, a on skrze divy, kteréž činil, vyjeven byl, tedy Abgarovi v známost uvedeno a oznámeno, že apoštol od Ježíše, o němž mu psal, už přišel. A tak začal Thaddéus božskou mocí všelikou nemoc i každý neduh uzdravovati, že se tomu všickni divili. J uslyšev Abgarus o znamenitých a zázračných skutcích, které týž apoštol činil, a že ve jménu a mocí Jesu Krista všelijaké neduhy uzdravuje, hned mu padlo na mysl, že on ten jest, o kterémž mu Jesus psal, těmito slovy:) Když vzat budu k tomu, jenž mne poslal, někoho z učeníků svých k tobě pošlu, aby tě od nemoci tvé těžké uzdravil. <

8) K.: aby. 9) uK. schází. 10) K.: neweliké a fkrowné. 11) K.: wffak poctiwé a flawné. 12) kteréž. 13) dodati. 14) Pán a Spafytel náš. 15) K.: poflu. 16) K.: widéli. 17) K.: newidéli. 18) K.: poffli.

*) Schází v rukopise Zhořeleckém.

***) Kocín: Když pak vzat byl Gezus | Jůdaš, kterýž y Tomáš flaul, Thadeaffe Apofftola gednoho z počtu Sedmdlefáti, k Abgarowi odeslal.

Ευσεβίου του Παμφίλου ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία. Eusebii Pamphili Ecclesiasticae historiae libri decem. Eiusdem de vita imp. Constantini, libri IV. Henricus Valesius . . . latine vertit. Parisiis. M. DC.LIX. S. 32).

Exemplum Epistolae scriptae a rege Agbaro (ὑπὸ ἀβγάρου τοπάρχου) ad Jesum, et ad eum missae Hierosolyma per Ananiam cursorem.

Agbarus princeps Edessae Jesu Servatori bono (ἰησοῦ σωτῆρι ἀγαθῷ) qui in finibus Hierosolymorum apparuit, Salutem. Nuntiatum est mihi de te et de curationibus quas absque herbis et medicamentis operaris. Fama enim est caecis visum, claudis gressum abs te restitui, leprosos mundari, daemones et immundos spiritus expelli, diuturnis morbis oppressos sanari, mortuos denique suscitari. Quae cum omnia de te audirem, sic in animum meum induxi, aut te reuera Deum esse, qui è caelo delapsus haec efficias, aut certe Dei filium. Proinde ad te scripsi, orans vt nos inuisere, morbumque nostrum sanare non graueris. Audio enim Iudaeos tibi obtrectare, et insidias in caput tuum struere. Est mihi ciuitas parua quidem illa, sed ornata quae nostrum vtrique sufficiat (ἐξαρκεῖ ἀμφοτέροις). Et haec quidem ita scripsit Agbarus, cum diuini luminis radius eum modice tum quidem collustrasset. (Nunc epistolam quam ei Jesus per eundem tabellarium rescripsit, audiamus, breuem illam quidem, sed virtutis et efficaciae plenissimam. Quae sic habet.)

Rescriptum Jesu ad Agbarum regem per Ananiam cursorem.

Beatus es Agbare qui in me credideris quem non vidisti. De me enim scriptum est, eos qui me viderint, non credituros in me, vt ii qui non viderint, credentes || 33. vitam accipiant. Quod vero ad me scribis vt ad te proficiscar, hic necesse habeo omnia implere propter quae sum missus, iisque demum absolutis, ad illum qui me misit, reuerti. Ceterum cum primum ad eum me recepero, ex discipulis meis aliquem ad te mittam, qui et morbum tuum curet, et vitam tibi tuisque omnibus praestet. (His epistolis haec etiam Syriaco sermone erant adjuncta.) Post ascensum Jesu Christi, Judas qui etiam Thomas dictus est (ἀπέστειλεν αὐτῷ Ἰούδας ὁ καὶ Θωμᾶς, Θαδδαῖον τὸν ἀπόστολον, ἕνα τῶν ἑβδομήκοντα)¹⁾. (Qui enim illuc aduenisset, apud Tobiam Tobiae filium diuertit. Cum primum me ad eum recepero, ex discipulis meis aliquem ad te mittam, qui et morbum tuum curet, et vitam tibi tuisque omnibus praestet.

*

1) Hieronymus Thaddeum unum ex 12. Apostolis fuisse dicit.

Resultat. V písemnictví českém existují *dvě recense* »Korrespondence« Abgara (Ukkâmâ Edesského) a Krista. Starší v rukopise slížanském v Zhořelci, která měla za předlohu týž vzor jako je u Lipsia na str. 15. uveřejněn, a mladší v Kocinetově překladu Eusebiovy Církevní kroniky r. 1594. Znova byla Eusebiova kronika od Krbce 1855 vydána a korekturami opatřena. Latinský text Eusebiovy kroniky pořídil Johannes Christophorus, biskup Chichesterský z řeckého originalu; u nás je připojem překlad Henrica Valesia 1659. z pařížského vydání.

Goll nazývá sborník č. 19. v Milichově knihovně chybně slezanský místo sléžanský anebo slížanský podle orady *Slížany* ležící v okresu Zdounském, uprostřed Moravy.

Kodex č. 19 psán byl členy české Jednoty; na konci pojednání 13. udává se jako pisatel v čtyřhranné závorce Tobiaš: podivinuš. Podivín (něm. Kostel) je prastaré místo v jižní Moravě, kde bývala župa.

Sléžany byly důležitým střediskem Jednoty již od polovice 16. století. K př. r. 1557 konala se tam synoda bratrská¹⁾. Wolný píše v »Kirchliche Topographie Mährens« IV. 313. »Um 1540 war der Ort einer der pikardischen Hauptsitze in Mähren.« Když se Mach Sionský r. 1549 vrátil z Pruska, bylo tam concilium bratrské. V Slížanech se r. 1557 podňali obnovy »starších bratří« a ještě r. 1583 vzpomíná se tamnější bratrský dům. V pruském státním archivu v Poznani praví se v listině ze dne 13. ledna 1609, v níž Hynek Žalkovský z Žalkovic a na Uherských, žádán od Bratra Jana Beránka, na ten čas správce sboru Slížanského, aby kus pole k domu bratrskému v Slížanech daroval²⁾.

Také v »Todtenbuchu der böhmischen Brüder«, I. Fiedler (Fontes rerum austriacarum, Erste Abt. V. Band) jsou Sléžany často jmenovány. Fiedler tiskl Sležaný. Bratří tam byli za kněze svěceni k př. Jan Svatoň, Bardějovský, Hýra, Jan Husita, Beránek, který žádal o pole k domu bratrskému u Hynka Žalkovského.

Je pravděpodobno, že Tomáš Podivinus, podepsaný pisatel č. 13. sléžanského sborníku je totožný s Tobiašem Othonielem, jenž byl r. 1587 za kněze vysvěcen a r. 1603 v Uherském Brodě zemřel. U Bratří se dostávalo kněžím vysvěcení ani v 30 roce věku jejich. Je tedy možné, že Tobiaš Podivinský (biblické jméno přijal později) byl r. 1587,

1) Gindely »Dekrety Jednoty bratrské« 1865, str. 183 etc.

2) J. Müller: »Zpráva o archivu Jednoty Bratrské v Lešně polském«. Sborník historický, III. str. 210, č. 45.

kdy jednotlivé oddíly sborníku slížanského opisoval, akoluthem nebo diakonem (20—22 let).

Forma Slížany, Sléžany je tudy správná.

Na dialektický původ rukopisu ukazuje také forma: dlauheymi (kde se v dialektu vyslovovalo $\acute{y} = e$, boj se spisovným jazykem). V označování délky se jeví kolísání (kteříž a kterjž, widěni, ale chozenj); pisatel vycítil jistě měkké l, píše obyčejně li jako lj (spafyteli). Orthografie není sice ustálená, ale v principu přidržuje se pisatel diakritické tečky Husovy (é, ê, ž, ř, š podlouhlá čárka) vyjma u ř. Je patrno, že se v dobách těchto Bratří lišili od katolíků i v orthografii; katolíci milovali spřežky cz, rz, a ž. V rukopise našem bývají tečky také nad *a* a nad *u*; v případě posledním nejspíše vliv německého psaní.

Apokryfická psaní tato jsou dosti vzácný důkaz, že se hloubaví, seriosní Bratří obírali také tímto druhem literatury, která tenkrát představovala jaksi naše krásné písemnictví.

*

V střední Moravě zachovala se tajně pravá česká církev přese všechna utiskování i v 17. a 18. století. Dr. Jan Herben líčí schůzky těchto vyznáváčů, jejichž střediskem se staly hlavně Klobuky u Brna po vydání tolerantního patentu, v široce založené velkolepé epopeji »Do třetího i čtvrtého pokolení«.

Také v nejnovější české literatuře byla legenda o Abgarovi zpracována a jako epizoda do Zeyerovy »Kroniky o sv. Brandanu« vložena¹⁾. Básnická duše Zeyerova sloučila pověst o Abgarovi, který byl hostem Césara Augusta, avšak ani v Římě zdraví nenabyl, s pověstí o obraze Kristově.

Jemný poeta vzácného smyslu pro velebnou působnost křesťanství upravil si konec takto: Poslové Abgarovi přišli do Jerusalema s psaním Abgara, »když Kristus na kříži svou duši právě v ruce Bohu dal«. V noci, když se vrátili do Edessy, zjevil se Kristus jako vytoužený host v slávě planoucí chorému Abgarovi a hlasem sladkým, plným snivostí j děl Abgaru: »Hle, v dům tvůj přišel jsem,

bych přání tvému skutkem vyhověl.

Tvé město krásné, snící v zahradách,
však nad tvé krásnější jest město mé.

Pojď se mnou! Zdráva bude duše tvá!«

1) Jan Voborník: »Julius Zeyer« str. 152, 154.

A mezi tím, co matka v úzkostech
to slabé tělo k srdci vinula,
šla duše za Kristem . . . Byl Abgar z těch,
jichž z toho světa není království.

Látka hodná zlatého péra čistého poety — umělce Zeyera, jehož
duch objímal krásno veškerého světa.

Dr. Josef Karásek.

Kleine Findlinge zur altslavischen Literatur und Geschichte.

In alten Büchern finden wir manchmal alte Bekannte, die uns aber aus ganz anderen Quellen, in einem ganz anderen Milieu bekannt sind. Dieselben Sachen in einem ganz fremdartigen Kostüm. Oder umgekehrt, dasselbe Kostüm an einen ganz anderen Inhalt angepaßt. Es ist ein eigener Reiz, solchen alten Bekannten auf die Spur zu gehen und sich von ihren geheimnisvollen Masken überraschen zu lassen. Einige solche Findlinge, die mir in dem Suchen nach etwas ganz anderem hie und da begegneten und mir durch ihre mir anderswoher bekannten Physiognomien zu denken gaben, möchte ich hier, in diesem Chorus ernster Stimmen, die sich zur Verehrung unseres geliebten Lehrers und erprobten Führers auf vielverschlungenen Pfaden der Slavistik erheben, als ein heiteres Impromptu vortragen. Möge es auch so angenommen werden.

I. Живыхоу звѣринымъ образомъ, живуще скотьски.

Wer kennt nicht diese lapidare Phrase, mit welcher der älteste russische Chronist (einst hieß er Nestor, seligen Angedenkens, aber es ist schon lange her, er hat ja längst unter den Zähnen der historischen Kritik diesen und jeglichen anderen Personennamen verloren!) das Leben seiner nächsten, aber nicht sehr lieben Landsleute, der altrussischen Stämme der Derevljanen, Kryvičen und wie sie alle hießen, natürlich seine lieben Poljanen ausgenommen, charakterisiert. Womit er dieses harte Urteil motiviert, haben die denkenden Historiker seit jeher nicht recht einsehen können. Er sagt zwar, sie töteten einen den anderen, na, aber dieser Vorwurf trifft nicht nur die armen alten Derevljanen, sondern auch uns moderne Menschen, welche in der Tötungskunst ihrer Nächsten seither Fortschritte gemacht haben, die sich unser Chronist gewiß nicht träumen lassen konnte. Er wirft ihnen vor, daß sie alles Unreine aßen. Nun, was rein und was unrein genannt werden kann, ist Geschmacksache, keineswegs aber ein Kriterium

der Zivilisationsstufe. Die Juden betrachten Schwein und Schweinernes als unrein, was andere hochzivilisierte Völker als ganz gut eßbar und sogar deliziös betrachten. Er wirft ihnen, sowie den Viatichen und Radimichen vor, sie »leben in Wäldern, wie jedes Tier«. Ja, wo sollten sie denn sonst leben, wenn die schönen, grünen und blühenden Steppen der Ukraine in einem fort seit Jahrhunderten von räuberischen Horden heimgesucht wurden? Aber das Schlimmste, Äußerste ist, was er ihnen vorwirft und sogar zweimal mit vielsagenden Varianten wiederholt, das ist der Vorwurf: »braka u nich ne byvaše«, sie kannten keine Ehe! Wie lebten die Leute aber? — fragten seit jeher die Historiker, und der Chronist schwieg nicht, sondern motivierte seinen Vorwurf mit ziemlich originellen Worten: »оумыкавахоу оу водъ дѣвица«; sie raubten Mädchen an den Gewässern. Damit man aber ja nicht an einen wirklichen, kamčadalischen Mädchenraub denke, gibt er gleich eine die Sache noch erklärende Variante: »es gab Spiele zwischen Dörfern, und sie kamen zusammen zum Spiel und zum Tanz und zu allen teuflischen Belastigungen und hier raubten sie sich die Frauen, mit welchen sie sich verabredet hatten«. Na, so schlimm und bestial war die Geschichte doch nicht; die primitive, oft blutige, tierische Raubehe war schon längst verschwunden und an ihre Stelle trat nur ein frohes Fest, ein zeremoniöser Brauch. Also kannten die Derevljanen und ihre Nachbarn damals doch schon regelrechte Ehen, wenn auch mit gelegentlichen Bigamien, welche übrigens auch bei den Poljanen und dazu noch bis tief in christliche Zeiten, ins zehnte und elfte Jahrhundert hinabreichten. Daß sie bei Vätern und Schnuren das »срамословіє« praktizierten, ob-scöne Worte gebrauchten, — mein Gott! Sie hatten es ja von ihren Vätern erlernt, und die Russen, Klein- und Groß- und Weißrussen haben bis jetzt in dieser Spezialität ein so reiches Lexikon, daß manches höher zivilisierte Volk sie darum beneiden könnte, natürlich, wenn es wollte.

Wir sehen also, daß es bei unserem alten Chronisten mit seinem Urteil über die Derevljanen und ihre Nachbarstämme ziemlich hapert: das Urteil ist scharf aber ungerecht. Es scheint, als ob es von irgend einem anderen Richter in irgend einer anderen Sache gefällt worden wäre.

Und richtig, beim alten byzantinischen Chronisten Johannes Malalas¹⁾ auf S. 71 lesen wir folgendes: Cekrops, ein Ägypter von Abstammung, war der erste König von Athen, dieser wurde ob seiner Körpergröße

1) Corpus scriptorum historiae Byzantinae, ed. Bonn, t. 45.

Duplex (*Διπνής*) genannt. Als er seine Königswürde antrat, gab er ein Gesetz heraus, wonach die Weiber, besonders Mädchen, welche seiner Regierung unterthan waren, jede einzelne nur einen Mann heiraten soll. . . . Denn vor diesem König hatten attische Weiber und alle ihre Nachbarinnen sich nach thierischer Art vermischt (im Original: *πᾶσαι αἱ γυναῖκες τῶν Ἀττικῶν καὶ τῶν Ἀθηναίων καὶ τῆς πλησίον χώρας θειώδει μιξεῖ ἐμίγνυντο*) nach ihrem Belieben mit jedem Mann, der ihrer begehrte. Nachher gaben sich die genotztüchteten Weiber, da sie für keinen Mann bestimmt waren, jedem Vorübergehenden hin. Und jedem Manne war erlaubt, daß er so eine so viele Tage bei sich zu Hause behalte, als es ihm beliebte; nach seinem Dafürhalten konnte er sie einem jeden, der sie nehmen wollte, mitgeben. Erst seit der Zeit des Cekrops wurde diese Sitte, welche die Weiber zwang mit jedem, der es haben wollte sich zu paaren, aufgehoben. Denn die Folge davon war, daß kein Mensch dort wußte, wer sein Sohn und wer seine Tochter ist. Denn das neugeborene Kind, sei es ein Knabe oder ein Mädchen, wurde von seiner Mutter nach ihrem Belieben einem jeden, der mit ihr verkehrte, geschenkt und freudig nahm er das Geschenk an. Erst nach dieser Zeit begannen alle Weiber die Reinheit hochzuhalten, indem die Mädchen nur an einzelne Männer verheiratet wurden, und welche früher genotztüchtig waren, wählten sich jetzt Männer, welche sie wollten. ◀

Es unterliegt für mich keinem Zweifel, daß der altrussische Chronist, welcher, wie bekannt, außer dem Hamartolos auch die Chronik des Malalas für seine Chronik vielfach benützte, auch diesen Passus sich für seine Charakteristik zunutze machte. Nur daß der Passus beim Malalas ganz am Platze war und wirklich die thierische, regellose, primitive Mischehe — ob sie wirklich einst in Attika und in Athen bestand, oder ob sie nur eine Sage ist, kann uns gleichgültig sein — charakterisierte, während unser Chronist sie ganz unpassend den weit fortgeschritteneren Zuständen der altrussischen Stämme gar mechanisch anklebte. Auch verrät der Bau der Phrase in der Chronik selbst, daß sie kein Ausdruck historischer Beobachtung, sondern nur eine literarische ist; sie besteht aus einer Tautologie: sie lebten nach dem Vorbild der Thiere, — das mochte die ursprüngliche, poetische Übersetzung der griechischen Phrase *θειώδει μιξεῖ ἐμίγνυντο* sein; ein späterer Glossator, welcher von der griechischen Phrase nichts wußte und dem die Wendung in der russischen Chronik zu umständlich und gewunden erschienen haben mochte, drückte denselben Gedanken einfacher und unzweideutig aus: sie lebten viehisch. Natürlich nahm der fromme Kopist auch diese Dublette in den Text und die Doppelphrase war fertig.

II. Die Bogomilenverfolgung in Bulgarien im J. 1211.

In der »Geschichte der Bulgaren« von Prof. C. J. Jireček lesen wir auf S. 245 eine kurze Notiz, welche hier wörtlich angeführt werden möge: »Boril unternahm eine Bogomilenverfolgung. Die Lehrer und hervorragendsten Anhänger der Irrlehre wurden in dem ganzen Reiche eingefangen. Sodann versammelte der Zar im Februar 1211 eine Synode von Geistlichen und Boljaren in Trnovo. Von den Gefangenen schworen einige ihre Lehre ab; die Hartnäckigen wurden den Kirchengesetzen gemäß verbannt und über die Bogomilenlehre feierlich das Anathema ausgesprochen. Überdies ließ der Zar ein Gesetzbuch (eigentlich ein Sammelwerk von Sermonen und Edikten, denn so muß ein derartiger Sbornik verstanden werden) wider die Bogomilen aus dem Griechischen ins Slavische übersetzen.« »Vor seiner Zarenregierung« — hat ein Zeitgenosse in einem noch erhaltenen Synodik notiert — »hat Niemand anderer eine solche orthodoxe Synode veranstaltet.«

Das letzte mag richtig sein. Auch die Tatsache der orthodoxen Synode in Trnovo im J. 1211 will ich nicht leugnen, ebensowenig, daß auf dieser Synode unter anderem auch gegen die Bogomilen Beschlüsse gefaßt werden konnten. Das übrige aber in der Erzählung klingt mir etwas sagenhaft. Schade daß Prof. Jireček zu dieser Erzählung keine Quelle, keine beglaubigte Relation und überhaupt nichts außer der wenig bedeutenden Notiz des Synodik, welche dazu von den Bogomilen gar nichts sagt, beigebracht hat. Vielleicht wird es ihm noch möglich sein, die Sache ausführlicher aufzuklären. Mir ist es nicht möglich, und ich möchte gegen den Inhalt der Erzählung nur zwei Einwendungen machen. Erstens haben wir keine Spur von einem unter dem Zar Boril herausgegebenen antibogomilischen Sbornik. Nun dies kann nur ein Zufall sein, wenn uns der Sbornik verloren ging. Wie ist es aber mit dem Einfangen der Lehrer und hervorragendsten Anhänger der bogomilischen Irrlehre? Zu welchem Zweck wurden sie eingefangen? Doch nicht darum, stumme Zeugen der Trnover Synode und des Anathema zu sein und dann für vogelfrei erklärt zu werden. Entweder hatte der Zar etwas Ernsteres im Sinn, oder die Episode ist eine Erdichtung, eigentlich ein schwacher Abglanz einer älteren ähnlichen Sage, eine rein literarische Anleihe.

Die Sage steht in dem bereits zitierten Malalas in dem letzten Buch, welches die Geschichte Justinians behandelt. »In derselben Zeit« — sagt Malalas — »gewann das manichäische Dogma in Persien eine solche

Kraft, daß die Manichäer sich sogar einen Bischof mit Namen Indarazar installierten. Als der persische König dies erfuhr und er sowie seine Archimagen in Zorn entbrannten, rief der König ein Silentium zusammen (im gr. Original auch *σιλέντιον ποιήσας*) und ließ alle Manichäer mit ihrem Bischof ergreifen. Als diese ihm vorgeführt wurden, gab er dem im Hintergrunde aufgestellten Heere den Befehl, sie alle niederzumachen. Die Soldaten schlugen nun mit ihren Schwertern alle Manichäer mit ihrem Bischof und Klerus nieder, während der König und der christliche Bischof zuschauten. Alle ihre Habe (*αἱ ὑποτάσεις*) und Vermögen und auch ihre Bücher wurden dem Feuer übergeben, und ihre Kirchen sprach der König den Christen zu, wobei er überall ein Dekret verbreiten ließ: wenn jemand im persischen Reiche als Manichäer sich finden wird, soll er den Feuertod erleiden. So hat es der Perser Bastugarius erzählt, welcher nach erhaltener heiliger Taufe Timotheus genannt wurde.◀

Mit der Erzählung von der bulgarischen Bogomilenverfolgung vom J. 1211 verglichen, erscheint die Erzählung des Malalas als Prototyp im Vergleich mit einer schwachen Kopie. Was hier einfach, klar und den orientalischen Sitten und Gebräuchen durchaus angepaßt ist, erscheint in der bulgarischen Erzählung fragmentarisch, zufällig und fast unmotiviert. Ich hoffe, daß die weitere Aufklärung über die Quelle dieser Erzählung uns der Wahrheit näher bringen wird und uns die Entscheidung ermöglicht, ob wir in der Bogomilenverfolgung vom J. 1211 eine historische Tatsache, oder eine importierte Sage sehen sollen.

III. Zwei Falken flogen nach Tmutorokanj.

In einem verworrenen und an »dunklen Stellen« reichen Kapitel des altrussischen Heldenliedes »Slovo o polku Igorevê«, nämlich im Kapitel IX nach der von Ohonovskýj befolgten Einteilung¹⁾, welches gewöhnlich als »Traum des Fürsten Svjatoslav« bezeichnet wird, finden wir ein köstliches Fragment eines offenbar älteren Liedes, welches den vor dem Großfürsten stehenden Kijever Bojaren in den Mund gelegt wird, als sie dem Großfürsten seinen »unklaren Traum« (*моутень сонъ*) erklären wollen. Und die Bojaren sprachen zum Fürsten: »O Fürst, schon hat das Sehnen (*тоуга*, ein vielbedeutendes Wort, welches mit Sehnsucht, Niedergeschlagenheit, Melancholie usw. interpretiert werden kann) das Gemüt unterjocht (*оуже, книже, тоуга оумъ полонил*). Das sind Worte der Bojaren, die Charakteristik ihrer Stimmung. Und nun kommt das Fragment:

1, Emil Ohonovskýj, Slovo o polku Igorevê, Lemberg 1876, S. 12.

Zwei Falken flogen
 Vom goldnen Vaterstuhl,
 [Flogen] zu suchen
 Die Stadt Tmutorokanj,
 Oder den Don mit Helmen zu trinken.
 Schon sind den Falken
 Die Flügel lahm gemacht
 Von Heidensäbeln,
 Sie selber umwunden
 Mit eisernen Banden.

Daß dieses Fragment mit den weiteren Zeilen, wo von Igor und seinem Bruder Vsevolod als von zwei verdunkelten Sonnen, zwei purpurnen Säulen und von ihren Söhnen als von zwei jungen Monden, welche mit Finsternis überzogen sind, die Rede ist, scheint mir evident zu sein. Unter zwei Falken, welche, Tmutorokanj zu suchen, flogen, können weder Igor und Vsevolod, noch auch ihre Söhne verstanden werden, da ja ihr Zug gar nicht gegen das damals schon halb verschollene ferne Tmutorokanj, sondern gegen nahe Nachbarn und Feinde, die Polovcen, ging. Auch stilistisch unterscheidet sich unser Fragment von dem Teile der Bojarenantwort, welche ihm unmittelbar folgt. »Es wurde aber dunkel am dritten Tag, zwei Sonnen verdunkelten sich, beide purpurne Säulen erloschen, und mit ihnen die jungen Monde, Oleg und Svjatoslav, bedeckten sich mit Dunkelheit.« In der Zusammenstellung dieser beiden Satzgruppen kann man höchstens eine Antithese, eine Parallele des Alten mit dem Neuen, keineswegs aber die Entwicklung einer und derselben Gedanken- und Bilderreihe erblicken.

Was ist es aber mit Tmutorokanj? Welche Rolle spielt es im alten Rußland, welche Beziehungen mögen in dem obenerwähnten Liedesfragment gemeint sein?

Tmutorokanj, heutiges Tamanj am Asowschen Meer, spielte im alten russischen Reiche eine sonderbare, noch nicht völlig aufgeklärte Rolle. Das erstmal wird es in der altrussischen Chronik erwähnt, da, wo von der Teilung des Reiches durch Vladimir unter seine zahlreichen Söhne die Rede ist (Mikl. S. 74): den Mstislav setzte er in Tmutorokanj. Also gehörte Tmutorokanj zur Zeit Vladimirs zum Bestande des russischen Reiches.

Mstislav der Tapfere, welcher auch im Einleitungskapitel des Sl. op. Ig. als Held der Lieder erwähnt wird, lebte in Tmutorokanj ziemlich lange. Seit dem Tode seines Vaters (1015) waren bereits 7 Jahre verflossen, da wir von seiner Heldentat hören. Unter dem J. 1022 erzählt die Chronik, Mstislav, in Tmutorokanj weilend, ging gegen die Kasogen (Čerkessen). Dies hörend, ging der Kasogenfürst Rededjá dem

Mstislav entgegen und sprach: »Wozu wollen wir unsere Truppen gegeneinander vernichten? Nehmen wir beide den Kampf auf¹⁾. Siegst du, so nimmst du mein Vermögen und meine Frau und meine Kinder und mein Land, siege aber ich, so nehme ich dein Alles.« Und Mstislav sprach: »Es sei so!« Und Rededjá sprach zum Mstislav: »Nicht mit Waffen wollen wir kämpfen, sondern ringen wir miteinander.« Und sie begannen gewaltig zu ringen, und Mstislav begann die Kraft zu verlieren, denn Rededjá war groß und stark. Und Mstislav sprach: »O urreine Gottesgebäuerin, hilf mir, und wenn ich siege, will ich eine Kirche in deinem Namen erbauen.« Und als er dies gesprochen, schleuderte er den Rededjá zu Boden, entblößte sein Messer und schlachtete ihn. Und er ging in sein Land und nahm all sein Vermögen, seine Frau und seine Kinder, und legte den Kasogen Tribut auf, und als er nach Tmutorokanj kam, gründete er die Kirche der Gottesmutter, welche bis auf den heutigen Tag in Tmutorokanj steht« (Mikl. S. 90—91).

Mstislav war ein unruhiger Geist, wollte sich mit Tmutorokanj nicht begnügen und so lesen wir in der Chronik gleich unter dem folgenden J. 1023, er machte sich mit Kasogen und Chazaren auf zu einem Zuge gegen seinen Bruder Jaroslav. Wirklich erschien er am Anfang des J. 1024 vor Kijev während Jaroslavs Abwesenheit, »doch die Kijever nahmen ihn nicht an« — spricht lakonisch die Chronik. »Er ging und setzte sich in Černihov.« Jaroslav kam nun gegen ihn mit seinen frischgemieteten Varägen, unter denen sich der blinde Hakon (ꙗкоунъ) mit dem golddrahtenen Panzer auf der Brust auszeichnete. Mstislav ging ihm entgegen mit seinen »Siverjanen« und überfiel Jaroslavs Heer in einer stürmischen Nacht bei Listven. Er stellte die Siverjanen in die Mitte, gegen die Varägen, er selbst aber mit seinem Gefolge bildete die beiden Flügel. Es kam zu einem blutigen Kampfe beim Leuchten der Blitze; die Varägen arbeiteten um die Siverjanen niederzuhauen, da kam aber Mstislav mit seinem Gefolge und begann die Varägen zu hauen.« Jaroslav sah, daß er besiegt wurde und flüchtete mit dem Hakon, welcher, wie die Chronik ironisch bemerkt, »hier auch seinem goldenen Panzer entließ«. Jaroslav ging nach Novgorod und Hakon ging übers Meer. »Mstislav aber sah morgens früh die von seinen Siverjanen niedergemachten Varägen Jaroslavs und sprach: »Wer möchte sich da nicht freuen? Da liegt ein Siverjane, dort ein Varäge, und mein Gefolge ist ganz!« Und er schickte nach Jaroslav mit den Worten: »Sitze auf deinem Stuhl in Kijev, du bist der ältere Bruder, und mir gönne

1) Bei Miklosich hier ein Fehler: съидѣвъ съ сама братъ, soll stehen върать.

dieses Land.« Jaroslav aber wagte es nicht nach Kijev zu gehen, bis sie einen Frieden schlossen; »Mstislav saß in Černihov, Jaroslav in Novgorod, in Kijev standen Jaroslavs Truppen.« Erst im J. 1026 kam Jaroslav mit einem starken Heer nach Kijev und schloß Frieden mit Mstislav: sie teilten das russische Land durch den Dnêpr, — sagt der Chronist, — Jaroslav nahm die rechte, Mstislav aber die linke Seite, und sie begannen friedlich und in Bruderliebe zu leben, und die Zwistigkeiten und Aufstände hörten auf und es war eine große Stille im Lande.« Noch einmal hilft er seinem Bruder zu einem Zug gegen die Polen (J. 1031). Er starb auf einer Jagd im J. 1035.

Diese Heldengestalt steht, wie wir sehen, an der Spitze jener Chroniknachrichten, in welchen vom Tmutorokanj die Rede ist. Warum er Tmutorokanj verließ, wen er dort an seiner Stelle zurückließ, wissen wir nicht. Natürlich ist keine Grundlage dazu, das Liedfragment, welches oben zitiert wurde, auf ihn zu beziehen; im Gegenteil, das, was über ihn die Chronik erzählt, die Episoden vom Rededja und von der Schlacht bei Lystven scheinen mir weit eher Überreste der Lieder, als ernste historische Relationen zu sein.

Fast volle 30 Jahre schweigt nun die Chronik von Tmutorokanj; erst ums J. 1064 ersteht eine junge Generation südrussischer Fürstensöhne, für welche Tmutorokanj zu einer Art allgemeiner Zufluchtstätte, zu einem ersehnten Ziel für kühne und verwegene Männer und Abenteuerer wird.

Und so notiert die Chronik unter dem J. 1064: »Es entflohen Rostislav, Sohn Vladimirs, Enkel Jaroslavs nach Tmutorokanj, und mit ihm flohen Porêj und Vyšata, Sohn Ostromirs, des Novgoroder Vojevoden¹⁾, und als er ankam, vertrieb er den Hlêb aus Tmutorokanj und setzte sich selbst an dessen Platz.«

Also gab es damals bereits einen russischen Fürsten in Tmutorokanj! Er hieß Hlêb. Wer war er? Ei, ein junger Fürstenson, der Sohn des Sviatoslav von Černihov, welcher nach Mstislavs Tode dort Fürst wurde, der Enkel desselben Jaroslav, von welchem auch Rostislav abstammte. Und richtig, im J. 1165 kommt Svjatoslav mit seinem lieben Sohne nach Tmutorokanj, Rostislav aber räumt die Stadt, »nicht aus Furcht vor ihm, wie die Chronik hervorhebt, sondern weil er gegen seinen Oheim die Waffen nicht wenden wollte. Und so kam Svjatoslav ungehindert nach Tmutorokanj, setzte sein Söhnchen Hlêb wieder als

1) Desselben, welcher für sich das berühmte Evangelium schreiben ließ, welches bis auf unsere Zeit gekommen ist.

Fürsten ein und ging ruhig nach Hause. Rostislav aber kam abermals, vertrieb den lieben Neffen und setzte sich in Tmutorokanj fest. <

Das Spiel hätte Gott weiß wie lange dauern können, wenn Svjatoslav und sein Hlëb nicht die Lust zu diesem Spiel verloren hätten. Übrigens freute sich auch Rostislav nicht lange seines Sieges. Noch unter demselben J. 1065 lesen wir in der Chronik (Mikl. S. 103) folgendes: »Indem Rostislav in Tmutorokanj verweilte und von Kasogen Tribut sammelte, kam Furcht über die Griechen und sie schickten zu ihm Kotopan, ihn zu überlisten. Als dieser zu Rostislav kam, erwarb er sein Zutrauen und Rostislav ehrte ihn. Als nun Rostislav einmal mit seinem Gefolge trank, sagte Kotopan: »Fürst, ich will auf dein Wohl trinken!« Der Fürst sagte: »Trink!« Dieser trank eine Hälfte aus und gab dem Fürsten die Hälfte zu trinken, nachdem er einen Finger in das Pokal eingetaucht hatte, in welchem er unter dem Nagel ein todbringendes Gift hatte. Er gab es dem Fürsten mit der Vorhersage, er werde binnen acht Tagen sterben. Nachdem der Fürst getrunken, ging Kotopan nach Chersonesus und sagte, an dem und dem Tage werde Rostislav sterben. Dies geschah auch, den Kotopan aber schlugen die Chersoneser mit Steinen zu Tode. Rostislav aber war ein tapferer Mann, ansehnlich von Wuchs, schön vom Antlitz und barmherzig gegen die Armen. Er starb am 3. Februar und wurde dort (in Tmutorokanj) in der Kirche der heiligen Gottesmutter begraben. <

Ein richtiges Heldenleben, kurz aber schön, einer edlen Tat fähig und leichtsinnig ums Leben kommend. Auch sein Neffe und Gegner Hlëb Svjatoslavič war eine ähnliche Erscheinung und auch sein Leben war kurz. Die Chronik erwähnt ihn nur noch einmal, unter dem J. 1078, in welchem er in Zavoločje aus irgendeiner Ursache erschlagen wurde. Und auch bei ihm schenkt sich der Chronist sein übliches schablonenhaftes Lob nicht: »Hlëb war barmherzig gegen die Armen und liebte Pilger, sorgte für Kirchen, warm im Glauben und bescheiden, von Statur schön¹⁾.« Man meint den Nekrolog eines frommen Mönches zu lesen.

Möglich, daß diese beiden Fürstensöhne jene Falken gewesen sind, welche das alte Fragment des Sl. op. Ig. besingt. Zwar wissen wir von ihrer Gefangennahme nichts, aber wissen wir denn überhaupt von ihnen und ihren Zeitgenossen viel? Die Reihe jener, welche damals nach Tmutorokanj zogen, war gewiß nicht klein.

Svjatoslav, Fürst von Černikov, hatte die vom Mstislav ererbte Anwartschaft auf den Fürstenthron in Tmutorokanj nicht vergessen.

1) Chronica Nestoris, ed. Miklosich, Vindobona 1860, S. 24.

Wir wissen nicht, was er für die Erreichung seines Zweckes, diesen Stuhl wieder mit einem von seinen Söhnen zu besetzen, tat, wissen aber auch, daß im J. 1076 sein Sohn Roman bereits längere Zeit in Tmutorokanj saß. Vielleicht saß er dort bereits im J. 1069, da wir wissen, daß in dieser Zeit der alte Abenteurer Vseslav, der Fürst von Polozk, nachdem er 7 Monate auf dem Großfürstenstuhl in Kijev gesessen, vor der drohenden Macht des nahenden Izjaslav mit polnischen Hilfstruppen aus Kijev entflohen, und, wenn wir dem Verfasser des Vseslav-Liedes, welches jetzt in Kap. XI, Abs. III, IV, V steht (Ohonovs. S. 18), »aus Kijev bis zum Hahnenkrähen bis nach Tmutorokanj geritten kam«. Die Chronik weiß nichts von diesem zauberischen Ritt Vseslavs und sagt nur, er sei aus Kijev nach Bilhorod gekommen, habe sich dort vor den Kijevern verborgen und sei dann nach Polozk entflohen (Mikl. S. 107). Ein anderer Fürst aber fand sich bemüßigt nach Tmutorokanj »zum Roman« zu fliehen; es war ein Boris, Svjatoslavs Sohn, welcher nach dem Tode Svjatoslavs als Prätendent auf den černihover Fürstenstuhl auftrat, diesen Stuhl auch am 4. Mai 1077 einnahm, aber nur 8 Tage auf demselben saß und dann vor Vsevolod entfliehen mußte und sich nach Tmutorokanj begab.

Svjatoslav hinterließ noch einen Sohn, Oleg Svjatoslavič, welcher sich später einen großen, traurigen Ruhm als der größte Zänker und Auführer erwarb und auch vom Verfasser des Sl. op. Ig. für immer als »Horyslavič« und Polovcenfreund gebrandmarkt wurde. Schon seine Jugend war stürmisch. Unter dem J. 1076 lesen wir in der Chronik: »Vladimir, Vsevolods Sohn, und Oleg, Svjatoslavs Sohn, zogen den Ljachen zu Hilfe nach Böhmen« (Mikl. 124) — eine jedenfalls für Altrußland ungewöhnliche und merkwürdige Notiz, über die wir leider nichts näheres wissen. Unterdessen starb sein Vater Svjatoslav in Černihov »отъ рѣзании желъве« — eine nicht genau bekannte Todesart. In Černihov kam es zu »Unordnungen«: Boris, Sohn Svjatoslavs, trat als Prätendent auf den »variierenden« Fürstenstuhl, auf welchem aber seit dem Tode Svjatoslavs Vsevolod saß. Er setzte sich darauf richtig am 4. Mai, um nach 8 Tagen Hals über Kopf von dem »rechtmäßigen« Fürsten Vsevolod gestürzt zu werden, worauf er »nach Tmutorokanj zum Roman« floh. Oleg war damals noch minorenn, denn als er aus dem böhmischen Abenteuer zurückkehrte, notiert die Chronik unter dem J. 1077: »Oleg aber, Svjatoslavs Sohn, war bei Vsevolod in Černihov,« d. h. lebte im Hause jenes, welcher seinen väterlichen Fürstenstuhl geraubt hatte. Daß seines Lebens in diesem Hause, bei seiner sanguinischen Natur nicht lang sein konnte, sehen wir aus gleich folgender Notiz der Chronik:

»Im J. 1078 entfloh Oleg, Svjatoslavs Sohn, nach Tmutorokanj aus Furcht vor Vsevolod am 10. April.« Tmutorokanj war auch für ihn der einzige Zufluchtsort aus dem russischen Wirrwarr. Dort kam er mit Boris zusammen; sie gingen zu den Polovcen und bewogen sie gegen Vsevolod zu ziehen. Die Polovcen kamen wirklich unter der Führung beider Brüder, besiegten den Vsevolod am Flusse Sožica, töteten viele Krieger, unter ihnen auch jenen Porêj, welchen wir früher mit dem Rostislav auf der Flucht nach Tmutorokanj sahen, und nahmen Černihov ein. »Sie hielten sich für Sieger — sagt der Chronist bei dieser Gelegenheit —, doch schufen sie viel Böses dem russischen Lande, vergossen Christenblut, welches Gott von ihren Händen abfordern wird, und sie müssen eine Antwort geben für das vergossene Christenblut.«

Vsevolod kam zu seinem Bruder Izjaslav nach Kijev, beide sammelten ein großes Heer und zogen gegen Černihov. Oleg und Boris waren abwesend, die Černihover aber wollten die fremden Fürsten nicht einlassen. Die Stadt wurde im Sturm genommen und verbrannt. Oleg und Boris mit ihren Truppen kamen dem Vsevolod und Izjaslav entgegen. Oleg sprach zum Boris: »Gehen wir nicht gegen sie, wir können den vier Fürsten keinen Widerstand leisten; schicken wir eine Bittgesandtschaft an unsere Oheime.« Boris aber sagte: »Siehe du nach dem Fertigen (ты готова зри), ich gehe ihnen allen entgegen.« Im Kampfe fiel er als einer der ersten; auch Izjaslav wurde getötet; Oleg aber mit einem kleinen Gefolge floh wieder nach Tmutorokanj. Vsevolod aber wurde Kijever Großfürst an der Stelle seines Bruders, und setzte an seiner Stelle in Černihov seinen Sohn Vladimir.

Oleg aber gab keine Ruhe. Er bewog seinen Bruder Roman aus Tmutorokanj zum neuen Zuge. »Im J. 1079 — lesen wir in der Chronik — kam Roman mit den Polovcen zur Stadt Vojnie, Vsevolod aber stand bei Perejaslav und machte Frieden mit den Polovcen. Und Roman kehrte zurück mit den Polovcen, welche ihn am 2. August totschlugen. Und seine Gebeine liegen dort bis heute. Den Oleg aber fingen die Chazaren und verkauften ihn als Sklaven (порочиша) übers Meer nach Konstantinopel. Vsevolod aber setzte den Statthalter Ratibor in Tmutorokanj« (Mikl. S. 124—127).

Und noch zwei russische Falken fliegen nach Tmutorokanj, die letzten, von denen wir Kunde haben, zwei Brüder von verschiedenen Vätern, auf welche unser Liedfragment am besten paßt. »Im J. 1081 — lesen wir in der Chronik — flohen David Igorevič und Volodar Rostislavič am 18. Mai und kamen nach Tmutorokanj und fingen den

Ratibor und setzten sich in Tmutorokanj. Und bald kam auch das Verhängnis. Im J. 1083 kam Oleg von den Griechen nach Tmutorokanj, und ergriff den David und den Volodar Rostislavič, und setzte sich in Tmutorokanj, und hieb nieder jene Chazaren, welche die Anstifter waren zum Mord an seinem Bruder (Roman) und gegen ihn selbst, und den David und Volodar ließ er frei laufen.

Oleg saß in Tmutorokanj bis zum J. 1093, da er wieder mit Polovcen in Rußland erschien und sich in Černihov setzte. Dies ist die letzte Kunde von Tmutorokanj, die wir besitzen. Seit den 90er Jahren des XI. Jahrh. wird der mächtige Polovcenstamm zu einer dunklen Wolke, welche für Südrußland den ganzen Osten verbirgt. Tmutorokanj lebte nur noch in russischen Liedern, von welchen nur karge Fragmente oder prosaische Umarbeitungen auf uns gekommen sind.

Lemberg.

Dr. *Ivan Franko*.

Češko-ilirski pravopis na Štajerskem do »Novic«.

V času, ko sta Metelko in Dajnko iskala pristašev za svoje črkar-ske novotarije in so nasprotniki brusili orožje za obrambo častitljive bohoričice, vznikla je v Nemškem Gradcu prva misel, da se i dajncica i metelčica i bohoričica nadomestijo z nečim novim.

Že l. 1828. je nagovarjal Gaj v Gradcu Murka, naj izda slovenski slovar v češkem pravopisu¹⁾. Gajev prigovor takrat ni našel odziva. Dve leti pozneje je položil Gaj temelj novemu pravopisu po češkem vzoru na Hrvaškem in povabil tudi Slovence: »... kulika nam stopram onda hasen i korist pristupi, ako se bližni brati naši ... Štajerci, Krajnci i Korušci ... u ovom pravopisašu z' nami barem vu sobstvenosti zjedinili budu ...²⁾«. Pod vplivom Gajeve »Kratke osnove« in osebnega poznanstva ž njim je začela štajerska mladež prva in najprej v privatnih pismih rabiti češki pravopis. V jeseni l. 1833. je obiskal Vraz Hrvaško in gotovo zopet slišal katero o novem pravopisu, ki ga je bil spoznal že vsekako v Gradcu. V poročilu o svojem potovanju Cafu, učencu sedme šole v Ročicah pri Sv. Trojici, z dne 1. XI. 1833³⁾ rabi, kolikor se da po dosedaj znanih pismih soditi, Vraz prvi in prvič za slovenske glasove Gajev pravopis; v njem je pisal 3. XI. 1833 že tudi kaplanu Jos. Muršcu slovenski konec pisma in 5. XII. celo pismo⁴⁾. V istem času se je poprijel novih črk Središčan Štef. Kočever, ki se je spoznal kot dijak v Gradcu z Gajem⁵⁾: vsa pisma, ki jih je pisal od 13. XI. 1833 naprej Vrazu, so pisana v češkem pravopisu⁶⁾. Tem prijateljem nove ortografije se je pridružil s pismom Muršcu z dne 5. IV. 1834⁷⁾ središki kaplan Jurij Matjašič, s pismom Gaju z dne 6. VIII. 1835⁸⁾, ki ima samo nadpis: »Pifan Sheftiga

1) Кулаковскій, Иллиризмъ, 89; 2) L. v. G., Kratka osnova horvatsko-slavenskoga pravopisa, Budim 1830, 22; 3) Štrekelj, Pisma in zapiski iz Cafove ostaline, Zbornik Slov. Mat. II (1900), 205; 4) Vraz, Dëla V (Zagreb 1877), 129—130; 134—135; 5) Šrepelj, Vienac XV (1833), 150; 6) po prepisih dr. Prijatelja; 7) Ilešič, Korespondenca dr. Jos. Muršca, Zbornik Slov. Mat. VI, 115—116; 8) Dëla

Angušta . . . « po starem, pa Miklošič. Vraz, Kočevar, Matjašič, Muršec, Miklošič, Caf, ta krog osebnih prijateljev, so v dejanju pozdravili prvi Gajev poskus! Kočevar je začel prvi *dosledno* pisati po novem, dočim je Miklošič pozneje zopet branil bohoričico ter sta Vraz in Muršec še oklevala. Dne 4. I. 1834⁸⁾ je pisal Vraz Muršču in 9. IV.⁹⁾ Gaju slovensko pismo v novem pravopisu in Muršec mu je 6. I. istotako odgovoril⁹⁾. A že v pismu Gaju dne 26. XI.⁶⁾ je rabil zopet bohoričico ter ostal pri njej celo l. 1835.¹⁰⁾; tudi Muršec je pisal Vrazu 20. XII. 1835¹¹⁾ v bohoričici. L. 1835. je vplival mogoče na Vraza in Muršca nekoliko primer Gaja, ki se ni takoj dosledno držal novega pravopisa¹²⁾, kakor je sledečega l. 1836. gotovo v obratnem zmislu vplivalo vedno uspešneje prodiranje novega pravopisa na Hrvaškem. Pravopis je imel vse lastnosti, da prodre tudi pri Slovincih: ni ga izmislil Slovenec, ni ločil Slovencev od drugih Slovanov, ampak jim jih bližal, priporočali so ga vplivni možje kakor Šafařík, širil se je vzporedno s tako mogočnim gibanjem kakor je bil ilirizem.

L. 1836. je zadela na Štajerskem dajničico ista usoda¹³⁾ kakor tri leta poprej na Kranjskem metelčico. Šlo je tudi v štajerskem abecednem boju samo za bohoričico ali dajničico, a indirektno so pomagali zagovorniki i jedne i druge širiti zanimanje za novi pravopis. Dajničičar Kvas je opozoril sekovski ordinarijat kot višjo šolsko oblast na novi češko-ilirski pravopis, ki šteje v sosednji Hrvaški vedno več pristašev¹⁴⁾. Zagovornik bohoričice Murko pa je v svojih »Bemerkungen über das neu aufgelegte windische Namenbüchlein . . . « z dne 7. julija 1836 istemu ordinarijatu naravnost pisal: » . . . wenn schon ein neues Alphabet eingeführt werden sollte, warum wähle man nicht das böhmische . . . ? «¹⁵⁾. Vendar Murko takrat o potrebi reforme starega slovenskega alfabeta še ni bil prepričan¹⁶⁾, in ko je dobil v začetku prihodnjega leta od graškega konsistorija ponudbo, da prevzame komisijo nad tiskanjem slovenskih šolskih knjig ter zvedel, da se je odločila dvorska študijska komisija za bohoričico¹⁷⁾ je bil zadovoljen. A niti Murkova ravnodušnost, niti Kopitarjeva jeza, ki je imenoval novi pravopis *literas conspurcatas*¹⁸⁾, niste mogli zaježiti razširjanja gajice, koje glavni apostel je postal sedaj navdušeni Vraz. Vraz je od l. 1836. dosledno korespondiral v gajici,

V, 135—137; 9) Štrekelj, Pisma in zapiski iz Cafove ostaline, Zbornik Slov. Mat. VII (1906), 128—129; 10) Kupležu 6. I. (Děla V, 138—139); Muršču 4. I. (ibid. 137); 3. XII. (ibid. 139—141); Šafaříku (ibid. 148—152); Kastelcu (ibid. 145—148); 11) Zb. VII, 129—130; 12) Šurmin, Hrvatski preporod; 13) Košan, Slovenischer ABC-Streit, Jahresbericht des k. k. Staatsgymnasiums in Marburg, 1890, 25 sl.; 14) ibid. 25; 15) ibid. 26; 16) ibid. 25; 17) Vraz Prešernu 2. IV. 1837; Děla V, 157; 18) Glagolita

zadnje pismo v bohoričici je pisal menda 19. IV. 1836 duhovniku Vrablu¹⁹⁾. Jarniku je žožil menda 22. XI. 1836 o slovenskem razkolu radi pravopisa, ker ga ta v odgovoru tolaži: »Hier wird bloß die Zeit heilen und das Beste herbeiführen . . . , der Beharrlichste wird den Sieg davontragen . . .²⁰⁾«. Jarnik je bil novemu pravopisu že naklonjen, a inicijativo je prepuščal Štajercem kot najbližnjim sosedom Hrvatov: »Die Steyrer als nächste Nachbarn werden wollen nachfolgen, dann kann die Neigung erblich werden«²¹⁾. Mož je imel prav.

Mlade »slaviste« v Gradcu je opominjal tudi Šafařik, naj se popri- mejo novega pravopisa²²⁾, in spomladi l. 1837. so bili že Vraz, Trsten- jak in celo Kvas pripravljani, da dajo tiskati v gajici »Metuljčka« in druge knjige, za izdajo katerih so ravno snovali fond²³⁾. Tem trem se je energično pridružil Kočevar, ter zahteval 1. VI. 1837, da se mora »Metuljček« tiskati v gajici, »drugače ni križa u Vašu peneznicu ne dam«⁶⁾. Tudi Muršec gotovo ni ugovarjal²⁴⁾, in konečno si je moral dati dopovedati tudi Miklošič, ki se je zopet »z močnima rokama držal bohoričice²⁴⁾«, ter se je sklenilo, da Metuljček izfrči v česko-ilirski obleki²⁵⁾. Metuljček sicer ni izfrčal, a na Shamperlov »Navuk v peldah«, ki ga je poslal 12. IX. 1837 mariborski gimnaziji, je napisal Vraz tri slovenske sonete²⁶⁾, in za Šafařika narodopisne podatke v novem pravo- pisu²⁷⁾, kar mu je 5. III. 1838 tudi Jarnik svetoval²⁸⁾.

Zelo dobrodošlo je bilo graškim »slavistom« priporičilo Šafařikovo, ki je v »Ost und West« (št. 17) l. 1838. priporočil Slovincem česko-ilirski pravopis in ga izredno pohvalil. Ker se jim je nakana s fondom iz- jalovila, skušali so na drugi način priti do cilja. V Gradcu je izhajal list »Der Aufmerksame«, ki ga je urejeval od poletja 1837 do smrti dne 6. V. 1839 dr. A. I. Polsterer, fino izobražen mož²⁹⁾. Met glavnimi sotrudniki je bil Slovenec Matija Vehovar, član »Slavjanskega društva«³⁰⁾ ki so ga bili l. 1838. osnovali graški »slavisti«³¹⁾. Vehovar je najbrž posredoval, da je »Der Aufmerksame« dne 3. IV. (št. 40) prinesel Trsten- jakov³²⁾ članek: »Notizen zur slavischen Literatur«, kjer je razložil novi pravopis, se obregnil nad njegovimi protivniki češ: »Gajs Reform fand nicht nur bei seinen Landsleuten begeisterte Anerkennung, sondern

Clozianns; 19) Dëla V, 143—144; 20) Ltp. Sl. Mat. 1877, 151; 21) l. c.; 22) Vraz Muršcu na Jurjevo 1837; Dëla V, 160; 23) Vraz Muršcu na dan sv. Jurja 1837; Dëla V, 160; 24) Vraz Muršcu na dan sv. Jurja 1837; Dëla V, 160; 25) Vraz Kastelcu 10. VI. 1837; Dëla V, 165; cf. Prijatelj, Zvon XXII (1902), 544; 26) J. Pajk, Kres III (1883), 43—45; cf. Košan, o. c. 30; 27) Dëla V, 171—172; 28) Ltp. Sl. Mat. 1877, 153; 29) Glej »Der Aufmerksame« 1839, No. 59; 30) Trstenjak Vrazu 16. II. 1839; po prepisu dr. Prijatelja; 31) Trstenjak Muršcu 16. XII. 1838; Zb. VII, 1; 32) Dopis je anonimen, Trstenjaka kot autorja izpričuje koncept Vrazovega pisma Jarniku, Dëla V, 172;

auch mit Ausnahme von wenigen, die überhaupt nichts billigen, was nicht entweder von der Wiege mit ihnen aufgewachsen oder wenigstens ihrer Stirn entsprungen ist, eine denkbar allgemeine Annahme,« in obljubil, da priobči Šafaříkov članek iz »Ost und West«, ki je res sledil dne 21., 24. in 26. julija (št. 87, 88, 89).

Leykamova tiskarna takrat še ni imela novih črk in je rabila za diakritično znamenje pri Trstenjakovi razlagi vejico v navadni legi(,); pozneje so si pomagali z vejico v poševni legi(-) in evo: dne 19. IV. 1838 je prinesel v 47. št. »Der Aufmerksame« prvič slovenske glasove, tiskane v gajici: »Na den rojstva Njihovega Veličanstva (našega presvetlega ino premilostivega cesarja ino kralja Ferdinanda I³³).« Pesnik ni podpisan, a jezik in tradicija govori za Vraza³⁴). Poševna vejica v službi diakritičnega znamenja stoji tako visoko, da žali oko. Mogoče je dal Vraz drugi slovenski spis v gajici, namreč prigodnico: »Visokovrednemu Gospodi Antoni Strajnsaku na den služenja nove meše per Mali Nedeli,« sonet z datumom: »Dne 2. sept. 1838«³⁵) radi tega tiskati v Gajevi tiskarni v Zagrebu. Med tem so si pa dali vlti tudi Leykamovi dediči pri Haasih v Pragi nove češko-ilirske črke z običnimi diakritičnimi znamenji³⁶). Pri isti firmi je bil naročil črke tudi Gaj za svojo tiskarno.

Rubikon je bil prekoračen, a med prosto ljudstvo si še graški patriotje niso upali z novim pravopisom, ampak izdali l. 1838. »Novega Vedesha sa Slovenze«³⁷) v bohoričici. Treba je bilo počasi gladiti pot, in zidati na uspeh, ki ga je imela gajica v »Aufmerksame«. Vraz je začel prigovarjati Kremplu, naj spiše svoje »Dogodivšine« v novem pravopisu³⁸) in Krempl je postal mladeniško-navdušen pristaš novega pravopisa ter zvrčal celo germanizme svojih del v bohoričici na »germanizujuči alfabet«³⁹). Krempl ni začel le »Dogodivšin« pisati v gajici, ampak jo je širil med narodom ter jo z Muršcem skušal uvesti v šole. Za prvo silo se je poslužil v svojem delokrogu litografiranih predlog⁴⁰), ter hotel pisati v gajici čitanke za male šole⁴¹). Pisal je distriktnim šolskim nadzorništvom v malonedeljski okolici ter poslal 22. VI. 1838 tudi Muršču za završko in ptujsko šolsko okrožje oklic, naj se gospodje pobrinejo, da uvede dvorska študijska komisija češko-ilirski pravopis⁴²);

33) Cf. tudi Štrekelj, Zbornik Sl. Mat. II, 176, o. 1.; 34) Slomšek piše 23. IV. 1838, da mora biti ta himna Vrazova; po prepisu dr. Prijatelja. — cf. tudi Jarnik Vrazu Ltp. Mat. Slov. 1877, 155; 35) Pajk, Kres III (1838), 42—43; 36) Šafařík, ČČM. XII (1838), 257; 37) Vraz Prešernu 1. VIII. 1838, Déla V, 432; 38) Vraz Jarniku 1838, Déla V, 174—175; 39) Muršču 22. VI. 1838; Zbor. VI. 125; 40) Vrazu 8. VI. 1838; po prepisu dr. Prijatelja; 41) l. c. in Vraz Gaju 30. VI. 1838; po prepisu dr. Prijatelja;

v tem zmislu je pisal tudi konsistoriju v Gradec⁴³⁾ ter pregovoril celo Ivana Gottweisa, sodnega oskrbnika gospoščine Malek pri Ljutomeru⁴⁴⁾, ki je bil nekdanj močen steber dajnice, da se je potegnil pri štajerskem guvernerju Wickenburgu za gajico⁴⁵⁾. Caf je razložil ravnatelju graške teologije novi pravopis ter nameraval o prvi priliki napisati za nadzornika Gruberja traktat o gajici⁴⁶⁾. Krempljevemu stremljenju so se pridružili štirje dekanati⁴⁷⁾ a vsi napor niso nič pomagali, konsistorij ni imel nikaškega vpliva⁴⁸⁾ in dvorna šolska komisija je naročila 12. sept. 1838⁴⁷⁾. Murku, naj spiše šolske knjige v bohoričici, kar Murka ni posebno vznemirjalo. Radi tega je Muršec v jeseni l. 1838. izrazil celo bojazen, nili morda Murko nasprotnik napredka v slovenski literaturi⁴⁸⁾. To je Murko dne 1. I. 1839 odločno zanikal, povdarjal, da čas za uvedbo novega pravopisa v šolske knjige še ni prišel, in da morajo prej knjige za narod udomačiti novi pravopis, ter obljubil, da bo rabil v vseh privatnih delih gajico⁴⁸⁾. Muršec in Krempl pa sta še vedno upala, da dosežeta svoj smoter. Krempl je prosil Kopitarja blagohotnega posredovanja⁴⁹⁾, Muršec pa je zasukal pomen Murkovega pisma po svoje, kakor da bi ta nerad pisal v bohoričici, a se ne upal protiviti ter je prosil 29. II. 1839 Vraza, naj pove Gaju, da piše kateremu svojih prijateljev na Dunaju, ki bi na tihem brez Murkove vednosti izposloval, da se naroči Murku novi pravopis. Za slučaj neuspeha pa je hotel Murka prositi, da delo preloži do časa, ko »nede več telko protivnosti — te . . . staro čisto potlačeno«⁴⁹⁾. Nakane so se izjalovile: Od Vraza še Muršec 21. VII. ni dobil odgovora⁵⁰⁾; Kopitar se je ponorčeval s Kolarja, Šafařika in Gaja in menil: »Man braucht sich doch nicht zu übereilen, sondern man warte, ob er (Gaj) es auch bei dem Ratsamen anpries«⁵¹⁾; Murko pa je delo res odložil . . .

Zato pa so Štajerci v tisku širili svoj pravopis. Dne 19. I. 1839 je prinesel »Der Aufmerksame« prigodnico: »Na den Visokega rojstva Njihore c. k. visosti Nadvajvade Janeza! Hvaležni Slovenci.« Pesnik je bil najbrž Trstenjak, nemški prevod je priložil Vehovar. Za Wickenburgov god je napisal neznan celjski pesnik prigodnico v bohoričici, Gabriel Seidl jo je pa prevedel na nemški⁵²⁾. Ti dve prigodnici je prinesel »Der Aufmerksame« dne 23. II. 1839 na prvi strani, na drugi pa M(artin) T(rstenja)k(ovo): »K' preveselem gódi Njihove ekscelencie Matije

42) Zbor. VI. 126; 43) l. c.; 44) Košan, o. c. 22; 45) Trstenjak Vrazu 18. in Vraz Gaju 30. VI. 1838; po prepisu dr. Prijatelja; 46) Caf Kremplu 12. VI. 1838; Zbor. II. 191; 47) Košan, o. c. 29; 48) Murko Muršcu 1. I. 1839; Zbor. VI. 124; 49) Muršec Vrazu 24. II. 1838; Zbor. VII. 137; 50) Muršec Vrazu 21. VII. 1839; Zbor. VII. 138; 51) Krempl Muršcu 9. III. 1839; Zbor. VI. 126; 52) Trstenjak Vrazu 23. IV. 1839; po prepisu

Constantina grofa Wickenburga, poglavara vojvodstva štajerskegu itd itd« v gajici. In med slavisti v Gradcu je vse »mermrlo na stari pravopis in novog hvalilo«⁵²). Tudi drug član slavjanskega društva⁵³) se je podpisal pod svojo italijansko prigodnico v gajici: »M. Ticillašić. Dalmata.« Gotovo sta bila napisana v gajici tudi Murščev slovenski hronograf in pa Trstenjakov sonet za cesarjev god dne 19. aprila, ki ju pa »Der Aufmerksame« ni prinesel⁵⁴). Vraz je dal istega leta v gajici natisniti prigodnico: »Hvala Nj.c. visosti nadvajvadi Joanu ... V Zagrebi, Iz k. p. ilir. nar. tiskarne dra Ljudevita Gaja 1839.«⁵⁵) ter izdal v sredi istega leta prvo večje slovensko delo v novem pravopisu: »Narodne pesmi ilirske ...« Tudi Vraz se je zavedal, da so na Štajerskem sicer »slavisti« vneti za novi pravopis, da pa v narodu še ni dovolj udomačen, zato je napisal slovenski predgovor v bohoričici ter tam razložil novi pravopis. L. 1840. je pisal v »Der Aufmerksame« Vehovar z gajico dne 28. I. ime »Dóbočin« v pesmi »Gattenliebe« in pa naslove slovenskih originalov k svojim nemškim prevodom: 28. II.: Die Freiheit (Slobodnost); 30. V.: Wahre Liebe (Prava ljubezen). L. 1841. je dal tiskati v novem pravopisu Trstenjak 20. IV. prigodnico: »Čuti štajerskih Slovincov na preveseli dén rojstva Njihovega cesarsko-kraljevskega Veličanstva Ferdinanda I. 19. malega Travná 1841« in Vehovar 19. X. naslov originala prevodu: »Der unglückliche Schüttze« (Nesrečni strelec). V zadnji številki z dne 31. XII. se je podpisal še z novim »š« ljubljanski korespondent: Mathias Brešda.

Tako je prenehala tiha agitacija za novi pravopis v graškem »Der Aufmerksame«, ki pod tem imenom tudi ni več izhajal. Odslej sta storila največ za rajširjenje gajice na Štajerskem ravno v tem oziru prononsirani Murko in pa navdušeni Krempl.

Ko je Trstenjak zvedel, da piše Murko drugo izdajo slovnice res v gajici, je pisal Cafu: »Čuda preko čuda, čuda golemoga⁵⁶)!« Slovnica pa je l. 1843. res izšla v novem pravopisu in v predgovoru je pisatelj svoj postopek kratko apostrofiral:

»Durch die Wahl einiger čechisch-slawischen Schriftzeichen habe ich nur den schon in der Vorrede zur ersten Auflage dieser Grammatik, S. XIII von mir angedeuteten Weg, um die Dialekte der Westslaven durch eine gemeinschaftliche Orthographie einander zu nähern, nun wirklich betreten.«

dr. Prijatelja; 53) Trstenjak Vrazu 16. II. 1839; po prepisu dr. Prijatelja; 54) Trstenjak Vrazu 23. IV. 1839; po prepisu dr. Prijatelja; 55) Kres III (1883), 618; 56) 18. XII. 1841, Zbor. II. 223.

Istega leta je izdal Krempl v novem pravopisu svoje »Evangelje« in leto pozneje svoje »Dogodivšine«.

Murkova slovnica je širila Gajev pravopis samo med inteligenco, Krempljeve knjige pa tudi med pripostim ljudstvom. Ta okolnost nam pojasni marsikateri zanimiv pojav: da je kranjska kmetijska družba zlasti s Štajerskega dobivala mnogo dopisov v gajici, da je bil Štajerc Krempl prvi, ki je pisal »Novicam« v gajici, in da so pisali v novice tako kmalu tudi štajerski kmetje v novem pravopisu.

Dr. *Franc Kidrič*.

Zu der Kapiteleinteilung und einigen Stellen der *Didascalia Apostolorum*.

Bevor ich im Jahre 1903 teils in den stillen Räumen der *Ambrosiana*, teils im lauten Getriebe der Weltstadt Mailand einige Wochen lang eines höchst angenehmen und förderlichen *συμφιλολογεῖν* mit Ihnen, hochgeehrter Herr Jubilar, mich erfreuen durfte, hatte ich auf der alten Kapitularbibliothek in Verona den von mir oft und lange benutzten Palimpsest mit den kostbaren Resten der lateinischen Übersetzung der *Didascalia Apostolorum*, der *Canones Apostolorum* und der ägyptischen Kirchenordnung wieder einmal eingesehen, um mehrere von Rezensenten meiner *editio princeps* (Teubner 1900) in Frage gezogene Stellen abermals nachzuprüfen und womöglich endgültig zu erledigen. Denn trotz aller auf die Entzifferung aufgewandten Zeit und Mühe ließ der Umfang des Erhaltenen (80 Seiten zu etwa je tausend Buchstaben), die meist recht schwierige Lesbarkeit der seinerzeit durch allerlei Reagentien gebräunten oder durch sonstige Einflüsse verdunkelten, mehrfach auch wurmstichigen und lückenhaften Blätter, ferner die Ungunst des in den Herbstmonaten oft regenreichen lombardischen Himmels, endlich die Schwierigkeit des Textes, zu dessen vollständiger Überlieferung im Syrischen eine Übersetzung ins Deutsche fehlte, mir selbst noch manche Bedenken übrig, die ich zu erledigen trachten wollte.

Einiges von dem damals Ersehenen mit besonderer Ausführung der strittigen, nicht unwichtigen Frage über die Kapiteleinteilung der lateinischen Übersetzung möchte ich zu dem Ihnen gewidmeten Festbande beisteuern, indem ich hoffe, daß der Gegenstand Sie, hochgeehrter Herr Hofrat, dessen letztes, großes Werk *Psalterium Bononiense* sich hinsichtlich des Forschungsgebietes mit dem Inhalte des im Folgenden Gebotenen berührt, einigermaßen interessieren werde. Meine Bemerkungen scheinen mir auch deshalb nicht unzeitgemäß noch überflüssig zu sein, weil inzwischen, abgesehen von kleineren Beiträgen, zwei neue wichtige Publikationen von Kennern erschienen sind, nämlich »Die

syrische Didaskalia, übersetzt und erklärt von Hans Achelis und Johs. Flemming, Leipzig Hinrichs'sche Buchhandlung 1904< und die lang-erwartete Ausgabe des vortrefflichen, leider kürzlich verstorbenen Fr. H. Funk: *Didascalia et Constitutiones Apostolorum*, Vol. I. und Vol. II. *Testimonia et Scripturae propinqua*. Paderbornae in libraria F. Schoeningh 1905/6.

Wenn der eben Genannte in seiner Vorrede S. XI das Vorhandensein der Kapiteleinteilung in der lateinischen Übersetzung und im griechischen Originale folgendermaßen leugnet: *Versio syriaca . . . Didascaliam in capita digestam tradit. Nemo autem non videt, partitionem, quam exhibet, non auctoris esse, sed interpretis vel alicuius librarii. Auctor ipse scripturam non in partes disposuisse videtur. Versio latina saltem omni partitione caret*, so ist er zu dieser irrigten Ansicht wohl dadurch verführt worden, daß die Titel des I. und II. syrischen Kapitels beim Lateiner in der Tat fehlen. Er hat aber weitere noch erhaltene Reste dieser Art im lateinischen Texte selbst, besonders aber die zahlreichen in meiner Ausgabe gemachten Vorschläge zur Ergänzung solcher Titel nicht beachtet.

Direkt in den fortlaufenden Text der Didaskalie eingefügt und mit gleicher Tinte geschrieben ist die offenkundige Kapitelüberschrift XXX 13 fg.: *Quoniam expedit | numquam deesse ab ecclesia*; diese entspricht dem 13. Kapitel der syrischen Übersetzung, das nach dem *codex Parisinus* so lautet: *Instructio populi, ut assidui sint se congregantes in ecclesia* (nach Funk; 'Belehrung an das Volk, daß es an der Versammlung der Kirche eifrig teilnehmen soll' nach Achelis-Flemming¹⁾). Ebenso bietet der Palimpsest gegen Ende des 7. syrischen Kapitels XXI 11 fg. vor *Audite, o episcopi* und dem großen Zitate aus dem IV. Buche der Könige 21, 1—16, dem II. Buche der Chronik 33, 11 fg. und dem fünfzehn Paragraphen umfassenden Gebet des Manasses, wovon lateinisch nur Reg. IV 21, 1—14 (*hereditatis meae*) und vom Gebete des Manasses die Paragraphen 14 und 15 erhalten sind, einen eigenen Abschnitt mit der Überschrift *De Manasse*, die beim Syrer fehlt; doch hat dieser vor dem letzten Stücke das Lemma: 'Gebet Manasses', das beim Lateiner höchst wahrscheinlich gefehlt hat. Auch XXXV 9 findet sich im Palimpsest von erster Hand geschrieben: *Qualis debet esse diaconus*, offenbar entsprechend dem Untertitel des 16. syrischen Kapitels *De diaconibus*.

1) Ebenda S. 183 findet sich die sehr breite Fassung dieses Titels nach dem *cod. h* (*Harrisianus*) und die knappere nach dem *cod. c* (*Cantabrigiensis*: »An das Volk, fleißig in der Kirche zu sein«).

Mehr Kapitelüberschriften und Unterabschnitte ergeben sich aus der Beachtung der umfangreicheren Lücken, die der Palimpsest besonders vor größeren, meist über den Rand vorspringenden Anfangsbuchstaben einer neuen Partie aufweist. Daß diese jetzt leeren Stellen durch minierte Titel oder Übergänge ausgefüllt gewesen waren, ergibt sich unzweideutig aus den mit der *Didascalia* aufs engste verbundenen Resten der *Canones Apostolorum* und der ägyptischen Kirchenordnung. Ich habe bereits in meiner Ausgabe diese Lücken von Spalte LXV ab aus dem zum Teil uns noch erhaltenen griechischen Originaltexte oder aus der koptischen und der äthiopischen Übersetzung auszufüllen versucht, so durch die eine Vorschrift oder Antwort einleitenden Wendungen: *Iacobus dixit* (LXV 4), *Matthaeus dixit* (dasselbst 14) usw.¹⁾ Auch LXVIII 13 ist ein Titel ausgefallen, der, wie ich bereits a. O. S. 103 bemerkt habe, nach Maßgabe des Raumes *De episcopo* (vielleicht auch *De episcopo ordinando*) gelautet haben wird; denn für die wortreiche Überschrift bei Ludolf (*Ad suam historiam Aethiop. commentarius* 1691) pag. 323: *De ordinatione Episcoporum et ritu Eucharistiae* fehlt im Palimpseste der Raum. Über die Ausfüllung ähnlicher Lücken in den Spalten LXXI 1, 9, 20, LXXII 6, LXXV 3 fg., 9 fg., LXXVI 3, 6 fg., 13 fg., 28 fg., 35, LXXVII 4 fg., 17, 23, 31 fg., LXXVIII 2 fg., 7 fg., 14 fg. verweise ich auf die Bemerkungen im kritischen Apparate meiner Ausgabe. Alle diese Partien waren in der alten Handschrift wie sonst oft miniert gewesen und wurden bei der Scheuerung, Befuchtung und Glättung des Pergamentes vor dessen abermaliger Überschreibung völlig hinweggefegt. Sie enthielten aber ohne Frage weitere Kapitelüberschriften des Textes. So entspricht gleich die 13—15 Buchstaben umfassende Lücke der Didaskalie-Übersetzung IX 6 dem 4. Kapitel des Syrrers: *Docet, qualis esse debeat, qui in episcopatum eligitur, et quales eius mores esse debeant* ('Lehrt, wie beschaffen der sein soll, der für das Amt des Bischofs gewählt wird, und wie sein Wandel sein soll'). In der lateinischen Übersetzung dürfte bloß *De episcopi vita* (oder *morib.*) gestanden sein; war der jetzt leere Raum durch die Schrift nicht ganz ausgefüllt gewesen, so wäre auch an: *De episcopis* oder *De episcopatu* zu denken möglich. Die jüngeren *Constit. Apost.* setzen hier, mit *Περὶ δὲ τῶν ἐπισκόπων οὕτως ἠκούσαμεν* beginnend, in minder entsprechender Weise den Beginn des zweiten Buches an. Auch XXXVI

1) Bedauerlich ist, daß LXVII 30 mit *Amen* der Text der *Canones* im ersten Viertel dieser Zeile abbricht und in der folgenden die Einleitung zu der sogenannten ägyptischen Kirchenordnung an 20. Stelle mit *Ea* anhebt. Hier fehlt ohne Zweifel eine längere und für die Komposition des Ganzen wichtige Überschrift.

31 klafft zwischen dem Satzschluß *obaudiens ei* und dem in der nächsten Zeile an 5. Stelle beginnenden *Si quis autem orfanus fuerit* eine Lücke von 16—20 Buchstaben, für deren Ausfüllung ich schon in meiner Ausgabe: *De educatione orfanorum* vorgeschlagen habe. Die Fassung des 17. Kapitels beim Syrer: *De orphanis parvulis educandis* (»Über die Erziehung der jugendlichen Waisen«) überschreitet den Umfang der Lücke; auch ist das Attribut *parvulus* nicht völlig im Einklang mit dem Inhalt des Kapitels selbst, das die Versorgung der mannbaren Waisen mitberücksichtigt (XXXVII 2, 15 ff.). Es wird daher dieses Deminutiv weder in der lateinischen Übersetzung noch im griechischen Originale vorhanden gewesen sein. Weiter bricht XXXVIII 28 die Zeile mit *glorificabitur* zu früh ab, während in der folgenden *Episcopi* eine stärkere und vorspringende Initiale aufweist, also einen neuen Absatz markiert. Da der Zwischenraum von 8—12 Buchstaben wieder weit kleiner ist, als daß er die Überschrift des 18. syrischen Kapitels: *Quod non decet accipere munera elemosynarum ab eis, qui sunt reprehensibiles* (»Daß es nicht recht ist, Almosen von solchen anzunehmen, die tadelnswert sind«) fassen könnte, so dürfte der Titel im Lateinischen knapp *De el(e)mosynis* gelautet haben, wonach in der griechischen Vorlage *Περὶ ἐλεμωσυνῶν* (oder *συνεισφορῶν*) gestanden sein wird. In auffälliger Weise fehlt außerdem XLVII 34 im Palimpseste eine ganze Zeile, die dem 26. Kapitel des Syrers: *De vinculis Deuteroseos Dei* (»Über die Fesseln der Wiederholung des Gesetzes Gottes«) entspricht. Der Lateiner dürfte sie, wie ich schon a. O. vermutet habe, durch: *De vinculis secundationis legis* ausgefüllt haben; denn so übersetzt er IL 2 und L 25 das griechische *Δευτέρωσις νόμου* (*Δευτερονόμιον*). Beachtenswert ist auch die Lücke L 22 zwischen *sculptili* und dem in der nächsten Zeile durch größeren und vorspringenden Anfangsbuchstaben hervorgehobenen *Propterea*; den etwa fehlenden 17—25 Buchstaben, welche hier (vor der eigentlichen Ausführung über die dem jüdischen Volke nach der Anbetung des goldenen Kalbes auferlegten Opfer- und Reinigungslasten) eine dem Haupttitel dieses Kapitels synonyme Fassung oder einen passenderen Untertitel geboten haben dürften, entspricht beim Syrer nichts. Endlich ist LXIV 33 nach *Amen* diese Zeile zur Hälfte und das nächste Paar vollständig für die wohl miniierte Subscriptio frei gelassen.

Anderseits fehlen in den uns erhaltenen Partien der lateinischen Übersetzung weniger nötige Unterabteilungen des syrischen Textes, so XXXII 32 zwischen *cuius gradus digna effecta est* und *Quae autem D(e)o placere vult vidua* der im syrischen 15. Kapitel stehende Untertitel: »Über die bescheidenen Witwen«, ebenso XXXIII 34 »Daß es sich für

die Witwen nicht geziemt, irgend etwas zu tun ohne Befehl der Bischöfe und zu XXXIV 19 der weitere, so lautende: »Zurechtweisung der unbotmäßigen Witwen«. Auch der vom Syrer im 20. Kapitel angesetzte eigene Abschnitt 'Bekräftigung dessen, was die Auferstehung betrifft, auch aus den Schriften der Heiden' findet im lateinischen Texte XXXIX 33, der die Worte *cum primus resurrexerit* mit den folgenden *Nam vos, qui ex gentibus vocati estis, scitis* formell eng verknüpft, keine Bestätigung. Wichtiger ist, daß der Lateiner mehrere, darunter einige unpassend angebrachte Kapitel der syrischen Didaskalie nicht kennt. Zwar läßt es sich nicht feststellen, ob das erste Kapitel des Syrerers *De lege simplici et naturali* im Palimpseste vorhanden gewesen ist oder nicht; denn I 1 beginnt mit den sehr schwer lesbaren, weil minierten Anfangsworten des Textes selbst *D(e)i plantatio uineae, cat(h)olica ecclesia*¹⁾. Aber sicher fehlt das sehr wortreiche II. syrische Kapitel in der lateinischen Übersetzung; an der entsprechenden Stelle II 33 findet sich nämlich (versehentlich um ein Wort zu früh) bloß ein ganz kleiner, für zwei Zeichen hinreichender Raum zwischen *ea* und *Agimus portate* ausgespart, wie ein solcher vor jedem neuen Satze oder Gedanken frei gelassen ist. Insbesondere ist die ganz willkürliche und sinnwidrige Einteilung in dem syrischen Texte, dessen 7. Kapitel *Ad episcopos* die Aufzählung der Eigenschaften eines Bischofs mit den Worten *μη ὑπεροπτιχούς* der *Const. Ap.* II 24 abbricht und dessen 8. Kapitel *Exhortationes ad episcopos, quomodo se gerere debeant* ('Ermahnungen an die Bischöfe, wie sie sich recht betragen sollen') mit der Fortsetzung desselben Satzes *μη οὐνόφλυγας* anhebt, vom Lateiner durchaus vermieden worden; denn XXIV 30 sind die entsprechenden Worte *non superbos, non vino multo deditos*, wie dies der Zusammenhang und die Gedankenabfolge erheischt, in keiner Weise zerrissen, sondern aufs engste miteinander verbunden. Auch das 24. Kapitel des Syrerers: *De constitutione ecclesiae. Refert iterum apostolos congregatos fuisse ad offendicula corrigenda* ('Handelt vom Zustand der Kirche und zeigt auch, daß die Apostel zur Richtigstellung von [allerhand] Ärgernissen zusammenkamen') fehlt in unserer Übersetzung XLIV 20. Denn obschon nach *depraedabant* am Zeilenende noch ein paar (3—4) Buchstaben hätten Platz finden können, so lehrt doch sowohl die Fassung

1) Der Titel der ganzen Schrift (nach I 11 und XLVII 31 vom Übersetzer wohl als *Doctrina Apostolorum* bezeichnet) dürfte auf der Rectoseite jenes Blattes des alten Kodex, das die Fastentafel von 439—494 enthält und in der jüngeren Isidorhandschrift die Zahl 89 trägt, miniert verzeichnet gewesen sein. Vielleicht stand auf der Versoseite desselben Folio der Index aller Kapitel gleichfalls miniert und darunter das *Incipit* mit dem Titel des I. Kapitels, das vielleicht beim Lateiner auch das nicht umfangreiche II. des Syrerers mitumfaßte.

des unmittelbar darauffolgenden *Nos autem . . . revertebamur iterum ad ecclesias* sowie der Umstand, daß *Nos* weder größere Initiale zeigt noch auch über den Rand vorspringt, daß hier ursprünglich kein Abschnitt angesetzt gewesen war. Endlich wird der durch das 25. syrische Kapitel (*Refert iterum apostolos ad ecclesias se convertisse easque stabilivisse*; 'Zeigt, daß die Apostel sich von neuem den Kirchen zuwandten und sie ordneten') nicht sinngemäß geschiedene Text im Lateinischen XLV 9 (*catholicam hanc Doctrina(m) | scribentes* mit dem folgenden *et tractatum consilii nostri*) aufs innigste verknüpft.

Wir können daraus ersehen, daß auch die lateinische Palimpsest-Übersetzung die für die Übersicht über den umfangreichen Stoff bequeme Kapiteleinteilung schon besaß. Ich möchte ferner annehmen, daß bereits die griechische Vorlage, die der Lateiner fast wortgetreu übertrug, dieselbe Disposition aufwies. Sie umfaßt aber, wie sich aus dem obigen ergeben haben dürfte, weniger Titel und ist mehrfach sinngemäßer¹⁾, natürlicher und knapper als ihre Weiterbildung in der syrischen Didaskalie.

Nur anhangsweise möchte ich gleich hier hinzufügen, daß die neuerliche Vergleichung all der von den Kritikern meiner Ausgabe besprochenen, verbesserten oder geänderten Stellen fast ausnahmslos die Richtigkeit meiner Lesungen und Angaben bestätigt hat. Ich fand nur folgende Verbesserungen Wendlands und P. Corssens (Berl. Phil. Wochenschrift 1900, Sp. 1189 ff. und 1220 ff.) im Palimpsest selbst bezeugt vor: zu XII 4 *participes effecti*, worin die Zeichen *ff*, *c* und *i* minder deutlich sind; XVII 10 *requiescent*, wie ich selbst schon vermutet hatte, statt *et quiescent*, LII 32 *gubernat, vincula autem* (die gerade darüberstehende Zeile der Isidorhand stört sehr) und LXIII 2 *pertinace(s) sectari*. Einige Korrekturen stammen ferner schon von der bessernden Hand (*m. corr.*), die wegen der Feinheit ihrer Schrift noch weit schwerer lesbar ist als die erste; sie hat XVIII 24 *ovis* wahrscheinlich aus *vos* korrigiert, vielleicht auch *i* nachträglich zu *e* geändert (*oves* Nestle), XXIV 2 *solus*, wie es scheint, in *-os* verbessert, XXXIX 5 *tam* vor *per Eseiā quam* überschrieben und XLVI 15 das von mir vorgeschlagene *ingerebat* wohl aus *ingeretur* hergestellt.

Bei aller Anerkennung des Scharfsinns und der Gelehrsamkeit der genannten Kritiker möchte ich doch noch bemerken, daß manche ihrer Vorschläge nicht volle Rücksicht auf die eigenartige Latinität des Übersetzers nehmen und von Funk öfters wohl nur deshalb, weil er einen leicht lesbaren Text bieten wollte, aufgenommen worden sind. Anders

1) Eine Unterabteilung erscheint um einen Satz zu früh IV 18 fg. (vor *Ergo*).

freilich liegt die Sache z. B. bei seiner Lesung auf S. 28 (VIII 21 zu Const. Ap. I 10): *Ne autem sis litigiosa ad omnes, prae cetera adversus virum tuum*, wo er statt des handschriftlich durchaus gesicherten *praeterea* Corssens Vorschlag (a. O. Sp. 1226) aufnimmt und diesem folgend *prae cetera* dem *μάλιστα* im Texte der *Const.* unter Hinweis auf Rönsch, Itala und Vulgata S. 412 gleichsetzt. Hier finden sich jedoch nur die paar bekannten Fälle des vulgären Gebrauches von *prae* mit Acc. statt Abl., wie Petron 39 *prae mala sua*, nicht aber Beispiele für *prae cetera*. Ich habe dagegen, was Corssen und Funk entgangen zu sein scheint, bereits in meiner Abhandlung »Eine lateinische Palimpsestübersetzung der *Didascalia Apostolorum*« in den Sitzungsberichten der k. Akademie der Wissenschaften in Wien, phil.-hist. Klasse CXXXIV, 11. Abhandlung im Anschluß an Rönsch S. 346 das überlieferte *praeterea* als semasiologisch bemerkenswert und synonym mit *inprimis, praecipue* u. ä. erklärt und nicht nur auf die Belege in den Digesten XXXI 34, 5, L 7, 16, sondern auch auf die gleiche Verwendung dieses Wortes in der Didaskalie selbst XXX 8: *Si autem egenus — supervenerit et praeterea* (zudem, zumal) *senior aetate* hingewiesen, eine Stelle, die sowohl Corssen als auch Funk (S. 168, Z. 20 fg.) für durchaus heil ansehen. Daß übrigens *praeterea*, entsprechend dem ganz geläufigen *praeter cetera* (-os), *praeter omnia* (-es), wenn mit *ea, cetera* oder *omnia* das für den Schreibenden minder Wichtige bezeichnet wird, diese steigernde Bedeutung erhalten kann, ist unschwer begreiflich und läßt sich auch an dem Gebrauche von *praeter* (darüber hinaus, mehr) *quam* bei Plautus Pers. 366 (*virgo atque mulier . . . mala quae praeter sapient quam placet parentibus*, Merc. Prol. 95, Ter. Haut 59 fg., ferner dem von *praeterire* gleich *praecire, superare, vincere*: Varro R. R. I 1, 10: *hos nobilitate Mago Carthaginiensis praeteriit*, Inv. in Sall. 2, Ov. Pont. IV 7, 51, Vell. I 17, 7 und an der Verwendung von *adeo* gleichfalls mit steigerndem Sinn und der verwandten des deutschen »zudem« gleich »überdies« (*insuper*) völlig klar machen.

Damit muß ich meinen Beitrag, den ich als *δόσις ὀλίγη τε φιλὴ τε* zu diesem Festband betrachtet wissen möchte, abschließen. Zugleich benütze ich die Gelegenheit, um anzufügen, daß ich mir eine Behandlung der bisher noch nicht gehörig besprochenen paläographischen und sprachlichen Eigentümlichkeiten dieser achtzig Spalten und weitere Beiträge zu ihrer Kritik und Erklärung vorbehalte.

Wien.

Edmund Hauler.

Pravlast Slovanů a archaeologie.

Vydávaje I. díl svých Slovaných Starožitností, v němž je přirozeně otázka po pravlasti Slovanů jednou z hlavních rozprav, nemohl jsem se vyhnouti teoriím, které se této otázky dotýkaly se stanoviska archaeologického, zejména theorii prof. J. L. Píče, jenž před tím několi-kráté na ni archeologicky odpověděl. Učinil jsem tak na str. 477 a hlavně na str. 507 a násl. těmito slovy:

»Prof. Píč vychází z předpokladu, že bronzovou kulturu spolu s obřadem spalování přinesli do Evropy z Asie Arijové, kteří přišedše koncem doby přechodní do střední Evropy, rozešli se na sever, do Alp, do Italie a na Balkán, všude tam, kde pak vznikla samostatná centra kulturní. Část jich zůstala seděti na Dunaji v Uhrách, a to byli Praslované ve své první kolébce dunajské¹⁾. Zde vyvinuli si starší fasi bronzové kultury a odsud kolem r. 800 (nebo mezi r. 800—600) odešli přes Moravu do Lužice a Slezska, kde se usadili²⁾, — to byla druhá kolébka, — vyvíjeli kulturu svou dále ve známou fasi lužickou, slezskou atd., až konečně oblast jejich za vlivu latenského a římského vzrostla a sesílila tak, že Slované nastoupili novou pouť do blízkých i vzdálených končin Evropy. Odtud osídleno bylo znovu Podunají a Balkán, odtud celá polovina Germanie, odtud vyšli i lešští a ruští Slované a zaplavili po vpádu gotském východní Evropu. Podle prof. Píče v I. a II. stol. po Kr. ještě Slovanů za Vislou nebylo, Venedi Pliniovi, Tacitovi a Ptolemaiovi nejsou Slované³⁾. V té věci Šafařík a jeho následovníci jsou na omylu. To jest asi obsah theorie Píčovy, jak jej můžeme z dosavadních prací a výroků skonstruovati.«

Po vytištění této stati 1904 vyšel V. svazek »Starožitností země České« od prof. Píče, (Praha 1905), věnovaný speciálně otázkám nejstarší periody slovanské archaeologie a v něm autor znovu odpovídá

1) Památky archeologické XVII. 538, XVIII. 633, XIX. 588.

2) Výzkum XCIII, Pam. XVII. 538.

3) Výzkum XCV, Pam. XVII. 365, 536, 538, XIX. 588, XX. 75, 76.

na otázku kolébky s hlediska archaeologického. Odpověď zní poněkud jinak nežli dříve, ale přece tak, že v celku je to totéž: první centrum Slovanů bylo v Podunají, druhé vyvinuté a hlavní ve východní Germanii. Zejména dlužno upozorniti, že i v tomto posledním svazku svého velkého díla ponechává prof. Píč úplně v platnosti své vývody a doklady historické o podunajské kolébce Slovanů, vyslovené ve svazcích předěšlých. Slovem, celou starou thesi o kolébce na Dunaji ve smyslu tradice kijevského letopisu ponechává státi a svůj starší svrchu vyložený výklad mění jen potud, že nemluví více o r. 800, jako době, v níž Slované z jihu náhle přešli na sever, nýbrž vykládá, že už odedávna se šířili na Labe a Odru tak, že vlastně kolébkou jejich stal se pak celý kraj východní Germanie spolu s přiléhajícím Podunajím. Totéž má v nedávno vyšlém německém překladu svého díla (*Die Urnengräber Böhmens*. Leipzig 1907). Hlavní základnou pozdějšího rozvoje Slovanstva je mu tedy východní Německo a to kraj mezi Vislou, Labem a Sálou. Odtud šfřili se Slované z části znovu na jih (do Moravy a do Čech), z části dále na západ, nejvíce ovšem na východ. Ale postup na východ neudál se před VI. stoletím po Kr. Za doly gotského panství Slované nebyli ještě za Vislou, Venedi Pliniovi, Tacitovi a Ptolemaiovi k nim proto nepatří. Slované podle nejnovějšího výroku prof. Píče, žili ve východní Germanii v jazykové a kulturní jednotě až do VI. stol. po Kr. Tu se teprve rozpadli na západní, jižní a východní a tu teprve východní vstoupili na půdu za Vislou a osadili východní Evropu¹⁾. Archaeologickým průkazem této these — mimo známé historicko-linguistické důvody o východisku z Podunají (letopis kijevský, Boguphal, slov. nomenklatura, jméno Dnnaje v slov. písniích, křest sv. Jeronýma a pod.) je prof. Píčovi vznik a rozšíření hrobů známých v středoevropské archaeologii pod jménem pohřebišť typu lužického a slezského. Ty vznikly u Dunaje, kde prof. Píč předpokládá jejich prototypy, a vyvinuly se pak v známou a mohutnou kulturní oblast ve východním Německu.

Kdokoliv se s rozvahou obírá slovanským pravěkem na základě materiálu historického a jazykového, musí, myslím, nabyti přesvědčení, že tato these předního a velmi zasloužilého českého archaeologa s hlediska historického a linguistického nemůže býti správná. Sám jsem proti tomu snesl a vyložil řadu důvodů na každé druhé stránce I. dílu svých Slovaných Starožitností. Nepotřebuji proto a nechci také jich

1) Srv. Píč Starož. V 200 sl., 208, 219 sl., 275, a zejména jeho něm. překlad *Urnengräber* 255 sl.

zde opakovati ani uváděti další na důkaz toho, že these, podle níž Slované původně vyšli z Podunají, a před VI. stoletím po Kr. naseděli ještě na východě Visly, podle níž rozsáhlé pláne Mazovska, Bělorusi, Malorusi a Veliké Rusi byly od Slovanů zaujaty teprve od VI. století po Kr., je něco nemožného, absurdního pro každého, kdo pravěk Slovanstva neluští jen jednou formulí, jednou naukou ale výslednicí získanou z vývodů všech účastněných nauk.

Zde chei poukázati stručně jen na to, proč ani vývody archaeologické nepokládám za správné.

Uznávám v souhlase s prof. Pičem slovanskost hrobů rázu lužického a slezského, nebo správněji řečeno, mám je aspoň mnohem pravděpodobněji za slovanská, než za germanská nebo galská (srv. mé Starožitnosti I. 506). Ale s dalšími vývody jeho these souhlasiti nemohu.

Předně není možno doložiti dnes náležitými archaeologickými důvody existenci I. etapy slovanské na Dunaji, a sice právě v těch končinách, kam prof. Pič svými historickými doklady pro podunajskou kolébkou Slovanů je uváděn, totiž v dolních Uhrách a v Pannonii. O dolních Uhrách a Pannonii mluví tradice v kijevském letopise a u Boguphala, tradice o sv. Jeronýmu, na dolní Pannonii a Banát ukazují stará jména Bustricius, Pelso, Pathissus, Tsierna, Bersovia, jichž se prof. Pič stále dovolává. Ale zde v jižních Uhrách, kde je ostatně jediné s dostatek podmínek pro počáteční rozvoj velkého národa, není prototypů kultury lužickoslezské, není první fáse hrobů tohoto rázu, jež bychom tam nutně čekali. Neboť kultura spec. keramika, která tam v době bronzové, a starší přechodní panuje (t. zv. »pannonská«) je ve formách i v dekoraci něco z cela jiného, co v přímé genetické souvislosti s keramikou lužickou na severu není. O tom se každý přesvědčí snadno, prohlédneli poslední knihu M. Wosinského »Die inkrustierte Keramik der Stein- und Bronzezeit« (Berlin 1904). Jsou sice na obou stranách některé společné prvky např. bradavcovité výčnělky, ale ty jsou současně i jinde, vznikly jinde, a přišly sem do Uher i na sever z jiného centra (středomořského). Prof. Pič dobře cítil, že je zde v odporu archaeologie s jeho historickými vývody, a spokojuje se s tím, že se dovolává několika málo nálezů ze severních a středních Uher příbuzných typu lužickému (Pilin, Hatvan, Smolenice, Pokoradz). Ale tyto severouherské nálezy, pokud jsou vůbec starší (jsou tam též, pokud vím, nálezy mladší obdobné typu slezskému) jsou tak řídké, že nemohou sloužiti za archaeologický doklad pro podunajskou kolébkou Slovanů, zejména, když paralelní historické doklady

Píčovvy soustřeďují se na Uhry dolní, kde lužické keramiky vůbec není, a když v Čechách i na Moravě právě tato »nejstarší fase« keramiky žlábkované a s vypnulínami (Buckelurnen) chybí tak, že vlastně tento typ prof. Píčovvi z Německa »přeskakuje« do Uher¹⁾. To mnohem spíše pochopuji a uznávám stanovisko L. Červinky, jenž hledá původ lužické kultury na Moravě a v sousedství, neboť tu je aspoň náležitý archaeologický starý materiál a velmi zajímavé třebaš ještě ne dosti objasněné spojky s kulturou doby přechodní²⁾. Ale prof. Píčovv tohoto materiálu pro Uhry dnes nemá, jako jej neměl před 10 lety, kdy sám ještě otevřeně po svých dokladech ex historia přiznával, že »mu archaeol. doklady chybějí, neboť staré nálezy uherské jsou rázu cizího, neslovanského« (Pam. XVII. 538).

Prof. Píčovvi nepodařilo se dosud doložití archaeologicky, že Slované vyšli z Podunají, nedoložil zde první, nejstarší fase lužických hrobů, — posito, že jsou tyto slovanské. Prof. Píčovvi se však podařilo sebrati, rozříditi, territoriálně ohraničiti a propracovati materiál těchto hrobů v Čechách i v Německu, a ukázati nezvratně, že tam je jejich hlavní, velké centrum a že odtud se šířily dále. Ne to, že byla kolébka Slovanů v Podunají, ale to, že Slované odedávna soustředeni byli v celé východní Germanii, — měl býti proň jediný správný závěr z daného materiálu. V tom leží také hlavní kus pozitivních výsledků velké práce jeho, — ale thesi o kolébce podunajské nutno při tom ostaviti stranou.

Vyslovujili se souhlasně s touto částí these Píčovvy, nechci tím říci, je ji šmahem a plně přijímám. Souhlasím zde s prof. Píčovvem potud: připustímeli slovanskost lužickoslezských hrobů³⁾, vidíme vskutku, že už v průběhu celého I. tisíciletí před Kr. vytvořilo se mezi Labem, Dunajem a Vislou velké středisko slovanské. Ale po mém mínění, bylo by zase nesprávně souditi, — a to stanovisko zajímá prof. Píčovv v další části své these svrchu vyložené —, že kromě tohoto centra Praslovanů jinde nebylo, speciálně že nebyli na východ od Visly. Soudím, že byli zde a sice už daleko rozšířeni na východ a severovýchod, jenom že kultura této části vypadá pod vlivem svého zapadlého prostředí a

1) Píčovv Starož. V. 25, 31, 32.

2) L. Červinka »Kdy zalidnili Slované Evropu střední?« (Časopis mus. Olom. 1907. 66 sl. Podobně jako on vykládávám ve svých přednáškách na universitě vznik kultury lužické z podkladu keramiky terramarní na obchodní cestě moravsko-oderské.

3) Mám stále jisté pochyby, ale doufejme, že je další nálezy a práce odstraní. Zatím sr. mé Slov. Star. I. 508 sl. a Č. Čas. Hist. 1906. 6.

pod vlivy černomořskými a orientálními jinak než západní, lužicko-slezská, vzniklá hlavně pod vlivem styků adriatických a italských.

Prof. Píř nechce připustiti u Praslovanů tuto principiální pradávnu kulturní rozluku, ač je už a priori zcela přirozená ba přímo dána a žádána poměry geografickými (srv. jen úkol velkých řek), a ač sám na jiných stranách s podobnou archaeologickou bipartici operuje ¹⁾. Trvá na slovanskosti výlučně lužickoslezských hrobů východního Německa a to ho vede pak k nemožnému závěru, že Slované nebyli před VI. stol. po kr. na východě Visly, že nejen Herodotovi Neuri, ale ani Venedi Pliniovi, Tacitovi a Ptolemaiovi, a ovšem ani Velti, Zaboci, Suobeni posledního zpravodaje nemohli býti Slované. To je však pro mne z řady historických a linguistických důvodů představa nepřijatelná, jak podrobně ve svých Starožitnostech vykládám. A vzpomeňme jen, abych aspoň něco uvedl, že Jordanis už před VI. stol. zná na východ od Visly až po dolní Dněpr velký národ Slovanů, že týž historik uvádí přímo v Rusku Slovany už ve IV. stol. za doby gotského Vinithara a Hermanarika, že Prokopios v VI. stol. mluví o nesčíslných kmenech slovanských nad Azovským mořem! A to se vše zde mělo vzíti z Germanie teprve V—VI. století po Kr., aniž by historie o této obrovské národní přeměně východní Evropy měla zpráv? Či stačí na to letopisná tradice o lašském původu Radimičů a Vjatičů?

Neníli mi možno přijmouti celou tuto theorii s hlediska historického, pak ovšem nemůže platiti ani these, že výlučně jen lužicko-slezské hroby vých. Německa představují staré Slovany. Potom musí v bohatém předhistorickém materiálu ruského Polska a záp. Rusi býti někde uložena kultura východních Praslovanů, třeba bychom ještě dnes nemohli přesně říci, která to je a vymeziti její příznaky a vývoj před VI. stol. po kr. Říci však, že teprve postup západní hradištné keramiky značí příchod Slovanů za Vislu a že smolenské žárové mohyly z IX. a X. stol. jsou teprve nově posunutým sem slovanským ostrovem, je naprosto jednostranné a nemožné řešení. Zde je, myslím, nejlépe viděti, jak nelze tak těžké a komplikované otázky slovanského pravěku řešiti jen jedinou, archaeologickou formulí.

1) Na př. u Gallů (Starož. II. 1. 102, 160) nebo u Illyrů (Star. V. 182). Ostatně vidíme leckde i na menším území na př. v Braniborsku, že se v římské době přiklání jedna polovina kulturní oblasti dunajské, druhá k oblasti rýnské (Niederl. Mitth. III. 16 sl.).

Изъ наблюденій надъ языкомъ древнерусскихъ и старословянскихъ памятниковъ.

Имѣя въ виду ограниченность мѣста, выпавшаго на мою долю въ Сборникѣ, издаваемомъ въ честь академика Игнатія Викентьевича Ягича, я даю лишь одно небольшое наблюденіе, сдѣланное мною при изученіи одного изъ древнѣйшихъ памятниковъ русской письменности — Добрилова Евангелія 1164 г., хранящагося въ б-кѣ московскаго Румянц. музея подъ No. 103. Свѣдѣнія объ этомъ памятникѣ, важномъ какъ для исторіи словянскаго перевода евангелія, такъ и для исторіи русскаго яз., сообщались въ 1824 г. К. О. Калайдовичемъ въ его трудѣ ›Иоаннъ эксархъ болгарскій‹, стр. 30—31, 110—111, при чемъ на стр. 29—36 здѣсь дано сличеніе текста Матѣ. XXV. 14—29 (притчи о талантахъ) по Эксархову (т. е. по тексту, помѣщенному въ ›Прологъ‹ І. Э. при его переводѣ Иоанна Дамаскина), Остромирову 1057 г., ›Метиславову 1125—1132 г.‹, ›Синодальному‹ 1144 г. (т. е. Галицкому), ›Капцлерскому‹ 1164 г. (т. е. Добрилову) и мног. другимъ вплоть до Московскаго издап. 1663 г. и нынѣшняго церковнаго; но тексты напечатаны здѣсь съ произвольнымъ исправленіемъ правописанія согласно съ общеупотребительнымъ въ русскіхъ книгахъ первой четверти XIX-го столѣтія, вслѣдствіе чего дяку Добрилу приписаны чуждыя ему формы **идѣже, вездѣ, избѣдѣть** вмѣсто читаемыхъ въ рукописи (л. 103^a—104^a) **идеже, везде, избѣдѣть**, что ввело въ заблужденіе проф. А. Е. Крымскаго, недавно ¹⁾ отважившагося доказывать безъ прочныхъ основаній новгородское происхожденіе этого памятника. Позднѣе Востоковъ въ ›Описаніи рус. и слав. рукописей Румянцовскаго музеума‹ (С.Пб. 1842), с. 171, сообщилъ цѣликомъ запись, заключающую дату памятника, сохранившуюся на оборотѣ послѣдняго (270) листа, но теперь вслѣдствіе порчи пергамента различаемую съ большимъ трудомъ. Свѣдѣнія объ этомъ памятникѣ сообща-

1) ›Деякі непевні критеріи для діалектологічної класифікації старо-руських рукописів‹, Львів, 1906, с. 17—20. См. также его ›Украинскую грамматику‹, I, вып. 1, Москва, 1907, стр. 65.

лись также И. И. Срезневскимъ въ »Древнихъ пам. рус. письма и яз.« и »Славянорусской палеографіи«, болѣе же подробныя съ характеристикой правописанія и языка акад. А. И. Соболевскимъ въ »Очеркахъ изъ исторіи русскаго яз.«, ч. 1 (Кіевъ, 1884), стр. 1—8. Наконецъ и въ трудѣ Г. Воскресенскаго: »Древне-славянское Евангеліе. Евангеліе отъ Марка по основнымъ спискамъ четырехъ редакцій рукописнаго славянскаго евангеліе. текста съ разночтеніями изъ ста восьми рукописей евангеліа XI—XVI в.« мы находимъ на стр. 41 свидѣнія о Добриловомъ Еванг. съ указаніемъ литературы по изученію его. Отрывки изъ этого памятника печатались въ Исторической Христоматіи Бушлаева (стр. 57—61) и въ »Палеограф. описаніи греч. рукописей«, т. II (Москва, 1880), стр. 37—39, архим. Амфилохія (ср. Г. Воскресенскаго *op. cit.* 41).

1. Иоанна гл. IV, 14 въ греч. текстѣ по Синайской, Ватиканской и друг. рукописямъ читается: *ἀλλὰ τὸ ὕδωρ ὃ (ἐνῶ) δῶσω (αὐτῷ) γενήσεται ἐν αὐτῷ πηρὴ ὕδατος ἀλλομένου εἰς ζωὴν αἰώνιον*¹⁾. Въ одномъ изъ древнѣйшихъ словянскихъ глаголическихъ памятниковъ — Зографскомъ Ев. это мѣсто передано такъ: **нѣ вода ѡжѣ азъ дамъ емоу. бждетъ въ немъ | источникъ воды въ слѣ | плжштжж въ животъ вѣчны.** (л. 233, стр. изданія акад. И. В. Ягича 141). Такъ какъ по смыслу здѣсь долженъ быть род. ед. ч., согласованный съ ф. **ВОДЫ**, какъ переводъ греч. *ἀλλομένου*, то очевидно, въ Зогр. ев. въ формѣ **ВЪСЛѢПЛАЖШТЖЖ** окончаніе **-ЖЖ** стоитъ вмѣсто **-ЛЖ** по »болгарскому способу«, какъ на это указалъ уже Ягичъ (Prolegomena, XX). Но правильное чтеніе **ВЪСЛѢПЛАЖШТЛЖ** находимъ въ другомъ глаголическомъ текстѣ — Ассеманіевомъ или Ватиканскомъ (см. изд. Рачкаго 1865 г., стр. 25, изд. Черничича 1878 г., с. 24). Это выраженіе изъ древнихъ старословянскихъ текстовъ проникло и въ памятники болгарской и сербской редакцій. Такъ, въ болг. Карпинскомъ XIII в., вообще отличающемся стариною, **ВЪСЛѢПЛАЦЖ** (Амфил. Четв. Галицк. II, 644), въ болгарскомъ Добрѣйшовомъ Четвероевангеліи XIII в., изданномъ подъ редакц. проф. Цонева въ I книгѣ »Български Старини« (София 1906), находимъ тоже **ВОДЫ ВЪСЛѢПЛАЦШЛЖ** (см. стр. 196); въ болгарско-македонскомъ Добромиров. Ев. XII в. **КОДѢ ВЪСЛѢБЛАЦШЛЖ** (V. Jagić, *Evangelium Dobromiri*, Wien, 1898, I, 57, II, 14); въ болг. Трновскомъ Ев. XIII в. — **ВЪСЛѢПЛАЦЖ** (M. Valjavec, *Trnovsko tetrajevandeliije*, *Starine* XX, 215, XXI, 46). Въ старѣйшемъ представителѣ,

1) Tischendorf, *Novum test. sinaiticum*, Lipsiae 1863, p. 49*, N. t. Vatic. L. 1867, p. 120, 5—6. Тоже въ сводемъ маломъ изданіи Lipsiae 1881.

по мнѣнію проф. М. Н. Сперанскаго ¹⁾, сербской боснійской группы памятниковъ или, по выраженію ак. А. И. Соболевскаго, «боснійскаго извода», знаменитомъ Мирославомъ евангеліи XII в. это мѣсто читается такъ: **НЪ ВОДА ЮЖЕ АЗЪ ДАМЪ ЕМЮ. БОУДЕТЬ ВЪ НЕМЪ ИСТОЧНИКЪ ВОДЫ ВЪСАПЛУЩЕ ВЪ ЖИВОТЪ ВЪЧНЫМЪ** ²⁾. Съ измѣненіемъ согласованія, т. е. съ отнесеніемъ причастія глаг. **ВЪСАПЛУТИ** не къ слову **ВОДЫ**, а къ слову **ИСТОЧНИКЪ**, при томъ еще въ ф. виш. ед. вмѣсто ф. имен. ед., тоже выраженіе находимъ съ сербскомъ Вукановомъ (ок. 1200 г.), гдѣ читается **ВЪСАПЛУЩИ** (съ указаніемъ на оригиналъ, имѣвшій по болгарски **А** вмѣсто **Ъ** послѣ **Л**), иначе въ Сверлижскомъ (ок. 1279 г.), гдѣ — **ВЪСАПЛУЩЪ** (Г. Ильинскій, Сверлижскіе отрывки, с. 8, 25, отд. отт. изъ «Статей по славяновѣдѣнію», изд. подъ ред. ак. В. И. Ламанскаго, II). Конечно, и въ Никольское евангеліе XIV—XV в., изданное Даничинымъ въ 1864 г., являющееся однимъ изъ типичнѣйшихъ представителей боснійскаго письма, это интересное выраженіе въ ф. **ВЪСАПЛУШТЕ** попало изъ болѣе древнихъ текстовъ этой группы, подобныхъ Мирославу.

Когда ак. Ягичъ писалъ свои обширныя примѣчанія къ издаваемому имъ Маринскому Четвероевангелію (въ 1883 г.), онъ могъ указать, что «замѣчательное и старинное слово» уцѣлѣло еще въ Зогр. Асс. Ник. ев. ³⁾. Теперь наши свѣдѣнія относительно распространенности его гораздо шире. Исслѣдованія о языкѣ различныхъ евангельскихъ и другихъ библейскихъ текстовъ, каковы труды Воскресенскаго, Валявца, Вондрака, Облака, Стояновича, Поливки, архим. Амфилохія и самого ак. Ягича ⁴⁾, значительно увеличили число примѣровъ употребленія его въ древней словянской письменности, показавъ, что въ промежуткѣ времени, разделяющаго написаніе Зографскаго и Ассеманіева еванг. съ одной стороны (XI в.) и Никольскаго (XIV—XV в.) съ другой, является цѣлый рядъ памятниковъ болгарскихъ и сербскихъ, знающихъ это слово. Въ многихъ другихъ текстахъ замѣнено оно болѣе понятными писцамъ глаголами **ИСТЪКАТИ** ⁵⁾, **ТЪШТИ**, **ВЪХОДИТИ** или ***ВЪСХОДИТИ**, какъ

1) Мостарское (Манойдово) боснійское евангеліе, Варшава 1906, с. 3.

2) За сдѣланную по моей просьбѣ выписку этого мѣста по фотогр. изд. Миросл. Ев. въ 6-кѣ Харьковск. ун-в. приношу глубокую благодарность проф. С. М. Кульбакину.

3) Маринское Четвероеванг., с. 470.

4) Въ особенноти его «Zur Entstehungsgeschichte der kirchenslav. Sprache», II, S. 61, 64 и слѣд.

5) **ИСТЪКАЩАЩА** Остром. (изд. Савинкова л. 30r), по изд. Востокова — **АА**; **КОДЪ ТЪКЪЩА** въ среднеболг. XIV в. 6-ки Новорос. Ун-в. No. 29 (Григор. No. 7); **КОДЪ ТЪКОУЩА** Гал. 1144 г., какъ и во многихъ XIV—XVII в. (Амфилохій, Галичское Четвероев. 1144 г., т. II, 644).

догадывается Ягичъ (Мар. Четв. 470: воды въходаща вѣсто въсх—), въскапати (Zur Entst. II, 64), искакати (Šafařík, Über den Ursprung und die Heimath des Glagol., 41, рус. пер. 50); многочисленные варианты (Ев. Арх. 1092 г., Сумон. 1270 г., Нов. Зав. Алексія Митр.) см. у Амфилохія, Четвероев. Гал. II, 644.

Прежде чѣмъ перейти къ тому чтенію, которое предлагаетъ въ данномъ мѣстѣ Добрилово Ев., сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній по поводу этимологіи занимающаго насъ слова. Какъ извѣстно, глаголы **въскапати**, **скапати** передающіе греч. *ἀλλεσθαι*, лат. *salire*, родственны съ другими старослов. глаголами — **сѣпати**, **слѣпати** (v. Miklos. L. P.), **въслѣпати** (ibid., также Šafařík, op. c. 41), представляющими болѣе слабую степень вокализаціи, а также и со ст. слов. **слапъ** > *fluctus*. (Mikl. Lex. P.), чешск. *slap* > *Wasserfall*, *slapy moře* > *die Gezeite des Meeres* (Šumavský-Rank), словѣнск. *slāp* > *Wasserfall* (Pleteršnik). Очевидно, здѣсь мы имѣемъ индоевроп. к. **selp-* (ст. сл. **сѣп-**), въ чередованіи съ **sǎlp-* (ст. сл. **слѣп-**, **слѣп-**) и съ **solp-* (ст. слов. **слап-**)¹). Первый и послѣдній виды корня въ русскомъ яз. должны имѣть полногласную форму, которую и имѣемъ въ малорус. **солупити** языка (Пискуновъ), **высолупитъ** > *высунуть*, что какъ > *причинное* (кавказианное) къ медиальному **слѣпати** давно уже указалъ Потембня²), въ бѣлорусскомъ **солупаць**, **высолупиць** (Носовичъ) съ измѣненіемъ неудар. *о* въ *у*; эти формы предполагаютъ, какъ и южнославянско-чешское *slap-*, прасловянское **solp-*. Возможно, что и малорусск. **селѣпѣтися** (> *пристать*, > *привязаться*), бѣлор. **селѣпаць** (> *проворно черпать*, > *хлебать*, > *хлестать*) представляютъ отраженіе праслов. **selp-* и имѣютъ, такимъ образомъ, не > *третье*, какъ предполагаетъ, повидимому, акад. А. А. Шахматовъ³), а первое полногласіе, т. е. являются по формѣ (съ вариацией, однако, значенія) прямымъ соотвѣтствіемъ старословянскаго **слѣпати**. Праслов. **sǎlp-*, **sǎlp-* (изъ и. е. **sǎlp-*), откуда прарусск. **sǎlp-*, мы имѣемъ, кромѣ выше указанныхъ старослов. формъ, въ малорус. **сѣп** (> *рыболовная сѣть*), сербск. **сѣп** (> *родъ рыболовной изгороди*)⁴). Индоевроп. к. **selp-*, **sǎlp-*, вѣроятно, представляетъ праязычное распространеніе того и. е. **sel-*, **sǎl-*, котор. мы имѣемъ въ ст. слов. **сѣльж** — **сѣлати**, др. инд. *prá-sulati* (> *выталкиваетъ*),

1) Сравни Miklos. Et. Wb. и Meillet, Les alternances vocaliques en vieux slave, 377 (Mémoires de la Soc. de Linguistique, t. XIV).

2) Къ исторіи звуковъ русск. яз., 1876 г., с. 206.

3) Къ исторіи звуковъ русскаго яз. О полногласіи и вѣк. друг. явлен. С. Пб. 1903, стр. 96, 132.

4) Шахматовъ, ibid. 96, 132.

греч. ἄλλομαι¹⁾. Является лишь темный вопросъ, въ какомъ отношеніи къ этому корню находятся ст. словянскія формы **исхлѣпати**, **исхлѣпати**²⁾ (Miklos. Lex.: источникъ **исхлѣпаѣ** Мин. Михапов. XVI в.), **вѣсхлѣпати** (—плѣж) >ἄλλεσθαι<, >salige<; последнее особенно любопытно потому, что употреблено въ нѣкоторыхъ памятникахъ въ томъ же значеніи и въ той же евангельской цитатѣ, а именно въ одномъ изъ памятниковъ русскаго письма по рукописи Румянц. Муз. XIII-го в. (до 1300 г.), Обиходѣ церковномъ, описанномъ Востоковымъ, находимъ J. IV. 14: источникъ воды вѣсхлѣпающъ в животѣ вѣчнныи (этотъ примѣръ см. у Миклошича Lex. P., полиѣ у Срезневскаго, Материалы для словаря др. рус. яз.); конечно, это же самое слово имѣемъ мы и въ выше указанномъ вѣсхлѣпающъ сербскаго Сверлижск. еванг., гдѣ слѣдовательно правильно ѣ замѣняетъ по-сербски ѡ, а не ѣ. Я позволю себѣ сдѣлать догадку, что к. хлѣп- (праслов. *хлѣр-), можетъ быть, родственнъ съ к. хлѣп- (праслов. *хлѣр-), не имѣетъ никакого родства съ праслов. *selp-, *selp-, — по крайней мѣрѣ мы не располагаемъ данными для возведенія ихъ къ одному прототипу, и на словянской почвѣ они совершенно различны, — но что близость значенія ихъ вызвала возможность смѣшенія и употребленія второго (хлѣп-, хлѣп-) вмѣсто перваго (ст. слов. слѣп-, слѣп-).

Что же находимъ мы въ данномъ мѣстѣ въ Добриловомъ Еванг. 1164 г.? Тамъ читаемъ: нѣ вода юже а|зѣ дамѣ ѿмоу боу|дѣтъ въ нѣмѣ и|сточникъ воды · чреп|лющю къ живо|тѣ вѣчнн|и. л. 22г. Это чтеніе даетъ не только новое указаніе на то, что и въ Россію проникали тексты, знавшіе древнее слово слѣпати³⁾, ибо чреплющю есть несомнѣнное искаженіе болѣе древняго *слѣплющю, вѣроятно, не понятаго писцемъ, не привыкшимъ къ такому выраженію въ евангельскихъ текстахъ, но и на то, что подлинникъ, съ котораго списывалъ дякъ Добрило или его предшественникъ, имѣлъ, подобно Зографскому евангелію, въ данномъ примѣрѣ замѣну буквы ѡ послѣ щі буквою ѡж или ж. Интересная изобрѣтательность писца (самого ли Добрила, или одного изъ его предшественниковъ?) сказала въ томъ, что онъ по своему осмыслилъ непонятное ему и искаженное, благодаря замѣнѣ буквою ю неправильно поставленнаго какимъ-то болгарскимъ пред-

1 Ф. Ф. Фортунатовъ, Лекціи по сравнит. фonetикѣ, изд. 1899 г., стр. 59.

К. Brugmann, Kurze vergl. Gramm. 1902, I, 132 (§ 198).

2 Dr. Wenzel Vondrák, Vergl. slav. Grammatik, I (Güttingen, 1906), 361.

3 Что это слово вообще, т. е. въ другихъ книгахъ священ. писанія, было извѣстно и на Русь, достаточно доказано примѣрами въ Матер. для слов. др. рус. яз. И. И. Срезневскаго.

шественникомъ Ж вм. А, выраженіе, понявъ его именно какъ Ф. дат. ед. причаст. наст. муж. р. отъ глаг. **чрѣпати** »haupige«, при чемъ русскій писецъ, какъ это обычно въ др. русскихъ памятникахъ, особенно въ ц. славянскихъ формахъ, соответствующихъ русскимъ полногласнымъ, замѣнилъ старослов. **ѣ** буквою *e*. Замѣтимъ, что видъ корня праслов. **čer-*, извѣстный въ ст. слов. ф. **почрѣти**, *вр. почрѣтъ* (Jo. IV. 7 Зогр. Мар. Остр.), **чрѣпати**, отмѣченномъ Миклошичемъ (Lex. Pal.) въ сербскихъ и русскихъ спискахъ, въ сербск. дубровницкомъ *чрѣпати* — *чрѣпѣм*, въ бѣлорусск. *черѣпаць*, *черѣпашка* (»черпало«), кажется, менѣе обыченъ, чѣмъ **čyr-*, отражающійся въ старосл. **чрѣпати** (напр. Jo. IV. 15: *приходѣа почрѣпати* Ассем. Мар. Зогр., — *почърѣпати* Остр., изд. Савинк. 30^а), сербск. *чрпати*, *чрпсти*, русскомъ *чѣрпать* и т. п. Писецъ Добрило или его предшественникъ (русскій или сербъ), повидимому, понималъ данное мѣсто такъ: »но вода, которую Я дамъ ему, будетъ въ немъ источникомъ воды черпающему (или для черпающаго) въ жизнь вѣчную«. Давая такое объясненіе данной ф. Добр. ев., я расхожусь какъ съ толкованіемъ ак. А. И. Соболевскаго, предположившаго еще въ 1884 г. (»Очерки изъ исторіи русск. яз.«, с. 7), что въ *чрѣплющю* конечное *ю* вмѣсто *ь* (последнее есть правилн. оконч. ф. род. ед. женск. р. въ древнерус. яз.), такъ и съ мнѣніемъ ак. А. А. Шахматова, понимавшаго здѣсь букву *ю* въ знач. звука *ѳ* (»Исслѣдованія въ области русской фонетики« 1893 г., стр. 51).

Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось навести справокъ, встрѣчается ли подобное чтеніе въ какомъ либо другомъ евангельскомъ текстѣ, кромѣ тѣхъ данныхъ, которыя имѣются у Амфилохія въ II т., стр. 644, его »Галичскаго Четвероевангелія«. Словарный составъ Мстислава Ев. до 1117 г., одного »изъ самыхъ выдающихся памятниковъ древнерусской письменности«, по выраженію проф. Е. Θ. Карскаго (Особенности письма и языка Мстислав. еванг., Варшава, 1895, с. 1), составляетъ содержаніе неизданнаго еще труда Невоструева, въ списокѣ же словъ, отмѣченныхъ Карскимъ въ его статьѣ стр. 22—23, мы интересующаго насъ слова не находимъ. Такимъ образомъ, чтеніе Добрилова Ев., приведенное въ числѣ вариантовъ и отцемъ Амфилохіемъ безъ особыхъ объясненій, остается пока одинокимъ и въ числѣ другихъ русскихъ списковъ особенно замѣчательнымъ.

Одесса. 31. XII. 1907.
13. I. 1908.

Б. Ляпуновъ.

О аутору и узору Славено-сербског Магазина од 1768 год.

Славено-сербски Магазинъ требаше да буде периодично издање. У предговору прве свеске се наговешћује, да ће шест свезака чинити један том који ће добити свој регистар. Ту се изриче нада, да број купаца »чаятельно будетъ съ времени на време великимъ«. Али је год. 1768 у Млещима изашла само прва свеска првога тома; даљим свескама није се досад ни траг нашао. Нема сумње, Магазин је, због несташице претплатника, престао излазити.

О идејама које су кретале овај први српски, па и први јужнословенски журнал, о смеру и задатку му довољно смо обавештени из опширнога Предисловија прве свеске¹⁾. То је био за своје доба напредан журнал, за српску књижевност, управо, необична појава. Овим књижевним издањем је књижевност православних Срба, која је дотле вековима пливала струјом византиске теологије, а после Велике Сеобе (1690) ударила током руске схоластике, једним махом, искочила на видик књижевних и културних идеја остале Европе. Додир и веза са савременом западном науком и књижевношћу се из Предисловија сасвим јасно види. Стога је и штета, што је Магазин с првом свеском престао излазити. Очигледно српска публика у Карловачкој Митрополији није још била спремна за овако модеран журнал, те га није довољно потпомагала.

Заметак Славено-сербског Магазина завијен је у неку тајанственост. Непосредно, или бар поуздано, писмо ни до данас знали, ко му је покретач и уредник. На насловном листу нема никакoга обавештаја о том; чита се само толико, да је штампан у млетачкој штампарији Димитрија Теодосијева. Под Предисловијем нико није потписан. У књизи се на неколико места појављује редакција под сасвим неодређеним »мы«, али какога имена не налазимо нигде. Оно што из Предисловија, пак, о

1) Види о том моје дело Српска књижевност од Велике Сеобе до Доситеја Обрадовића, Карловци 1906, стр. 83—89.

редакцији дознајемо само нас још више збуњује, и све се чини, као да се на то и ишло.

Ту се, дакле, вели, да су се скупили »у веома маленкомъ и тре-тњегъ не превосходящемъ числу« и да су »таковъ уставъ измежду себе положили«, да издају на штампу »сочиненїя и преводи о разныхъ ма-терїяхъ«, које ће српском друштву бити од користи. О личним односима ове тројице дознајемо још ово: »имаюћњи свакиъ отъ насъ свою до-машню Економїю«, веле, не могу сами, својим радovima, напунити Ма-газин, стога позивају и остале књижевнике на сарадњу. На другом месту правдају штампарске грешке »за далекимъ нашимъ отъ Типографїи отсутствїемъ«. Ето то је све што из самога журнала дознајемо о ре-дакцији.

Па ипак, у нашој науци се већ одавно тврди, да је издавач и уредник Магазина Захарија Орфелин. Први је то одлучно тврдио П. I. Шафарик у свом делу *Geschichte der serbischen Literatur* (стр. 414, бр. 624). Име Орфелиново је Шафарик, као савестан библијограф, метнуо у заграду, чиме је хтео да обележи, да се оно не налази означено у наслову дела, него је за њ сазнао с друге стране. Стојан Новаковић је у Српској Библијографији (1869) Шафарикову белешку о Мага-зину у целини пренео (бр. 41). Никола Андрић, који је у својој *Prijevodnoj beletristici u Srba od god. 1777—1847* (1892) први рекао неко-лико похвалних речи о Магазину, ни не сумња, да он није Орфелинов.

С друге стране, и у Карловцима се мислило, да је Магазин Ор-фелиново дело. На примерку што се налази у Митрополитској Библијо-теци у Карловцима стоји написано руком митрополита Стратимировића, да је аутор Магазину Орфелин²⁾. Кад је Стратимировић ово записао и откуда је знао за тај факат, није познато. Али, ако је Орфелин заиста био издавач првога журнала, то се могло знати у Карловцима, где је Орфелин, као одрастао човек, већину својега века провео. А Стратимировић је, као свршен правник, отишао у Карловце, у дворску службу, год. 1783, дакле, још за живота Орфелинова, још за бављења му у Карловцима и околини им, у фрушкогорским манастирима. Могао се, према том, из прве руке обавестити о Орфелиновим књижевним делима.

Откуда Шафарик зна за аутора Магазина? О том он сам не даје рачуна. Али се унапред може мислити, да Шафарик неће нешто

2) Ово тврди Г. Дим. Руварац у Споменику Срп. Краљ. Академије X стр. 81, а понавља тврдњу у Годишњици Николе Чуцића XIII стр. 277. У свом поме-нутом делу ја сам рекао на стр. 89: »Засада немам доказа ни против ове тврдње ни за њу, те узимам, да су ова два сведока (Шафарик и Стратимировић) добро оба-вештени«.

од ока тврдити. Он је о ауторству Магазина могао дознати и у Карловцима, може бити од самога Стратимировића (овај је умро 1836, а Шафарик је био професор у Новом Саду од 1819—1833). Али ово није веројетно, а то мислим због тога, што Шафарик у свом делу *Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten* (1826) спомиње Орфелина (стр. 218) и наводи му књижевне радове, али међу њима нема Магазина, шта више, за овај журнал он тада још ни не зна. Него мислим, да је Шафарик за ауторство Магазина извор Хорањи, који је први тврдио, да је Орфелин издавач Магазина. А Шафарик наводи Хорањија као својега извештача не само у бијографији Орфелиновој него и у библијографском одељку своје Историје Српске Књижевности.

Дело Алексија Хорањија († 1809) *Memoria Hungarorum et Provincialium scriptis editis notorum*³⁾ ни до данас није изгубило вредност за историју књижевности. Родољубивог мађарског пијаристу је тиштао прекор странаца, да су Мађари заостали у наукама иза других народа, па је хтео великом збирком од 1155 бијографија да им докаже, да Мађари имају књижевника и научника. Стога је 1770 год. отишао у Млетке и издао план (*Prodomus*), а потоње четири године је провео у Њитри, Тати, Пешти и Будиму, купећи податке за своје велико дело. Кад се оно појавило, похиташе многа немачка учена удружења да га изаберу за својега члана⁴⁾.

У Хорањијеву делу добише места и многи Срби, рођени у Угарској, Славонији и Хрватској, међу њима и Орфелин⁵⁾. Хорањи први тврди, да се Орфелин родио у Вуковару 1726 године, да је самоучки присвојио многе науке и језике и да *»opuscula patrio sermone diversa Venetiis in lucem emisit«*. Наслове дела Орфелинових наводи у изворном језику, транскрибовано латиницом, и у латинском преводу. Види се лепо, да је Хорањи добро обавештен о Орфелину, јер он и то зна, која дела Орфелин спрема за штампу. Вели: *»Prelo subiicere parat cl. Auctor bina opuscula«*, па им наводи и наслове⁶⁾. Бијографију завршује с напоменом: *»Auctori figere domicilium placuit Carlovicii, quod Illyricae gentis Metropolitae sedem praebet«*⁷⁾. Из оваких поједи-

3) У три књиге, Беч 1775—77. Год. 1786 је Хорањи дело поставио, али је (у Пешти 1792) изашла само I књ. (од А—С) под насловом *Nova Memoria Hungarorum*.

4) Szinyei József, *Magyar írók élete és munkái*, Budapest, 4 књига (1896), стр. 1070 в. в. Horányi Elek.

5) Раг II, стр. 705—708. Код Шафарика се наводи III књига, што је грешка.

6) *Pravoslavnoje Sobornija Apostolskija i Jerusalimskija Gretscheskagho Zakona nije (!) Tzerkwe Ispravjedunije etc. — Traktat o Jedinstvuje Tzerkwei*.

7) Први је на Хорањија црпао податке о Орфелину Friedrich Wilhelm von Taube

ности изводим, да је Хорањи ове податке добио од самога Орфелина. Признајем, да не знам, где је дошао до њих и кад (оних година кад је Хорањи своје дело радио, био је Орфелин у Карловцима), да ли их је добио преко писма или наустиге, али сам уверен, да они потичу од самога Орфелина. Друкчије се детаљност и интимност Хорањијева извештаја не може разумети.

И Шафарик је тако мислио. Оп је, истина, некоје податке о Орфелину и сам дознао и у свом делу их додао Хорањијевим податцима. Већину Орфелинових књижевних дела, па неке и од оних које Хорањи не помиње, он је имао сам у рукама. Стога се он при опису Орфелинових књига и не позива свагда на Хорањија. Нарочито пада у очи, да се код Магазина (*Gesch. d. serb. Lit.* бр. 624) не позива на њ. То је отуда, што се он позива на Хорањија само код оних дела Орфелинових која или сам није имао у рукама или код којих му је ауторство, због анонимности, било сумњиво⁸). Али не може бити двоумице, да је он по Хорањијевој сведоци Орфелина прогласио за аутора Магазина.

Зашто Орфелин није назначио, да је он издавач првог српског периодичног издања? Чини се, да он баш замеће траг, наводећи у Предисловију, да њих тројица издају Магазин. Узрок овој мистификацији није познат. Факат је само то, да он, који се на својим бакро-резима свагда потписује, сва своја важнија дела издаје анонимно; а кад у Вечном Календару (1783) признаје, да је он аутор овога дела, у Предисловију сам себе проглашује — за мртва. Самом скромношћу или особенашћом, мислим, не може се објаснити овај чудан поступак Захаријин.

Ако је слободно пагађати, ја бих рекао, да се Орфелин у својим књижевним радовима крио због сиротиње. Као јадник и бедник, он се осећао зависним на све стране, а врло добро је осећао и знао, да средина у којој је живео није марила у опће за људе који се истичу, камо ли за људе његових идеја. Он је био рационалист, знао је цену световној

у свом делу *Historische und geographische Beschreibung des Königreichs Slavonien und des Herzogthums Syrmien*, II књига (Leipzig 1777) стр. 17. По Хорањију и Таубе наводи, да је Орфелин аутор дела: *Slavonisches Magazin* 1767 (место 1768) и *Leben und Thaten Peters I.* 1762. — Чудновато је, да Чапловић у свом делу *Slavonien und zum Theil Croatien*, II књига (1819), на стр. 293 говори о Орфелину, али не зна, да је он аутор Магазина. Чапловић у опће мало зна о Орфелину; Магазин, пак, нигде ни не спомиње. У Магазину за уметност, књижевност и моду 1839 год. наводе се (стр. 28, 32) Орфелинова дела, али међу њима нема Магазина.

8) Шафарик сумња (бр. 677), да је Житје и славнија дјела Государа Импер. Петра Великога дело Орфелиново, те стога прво побија Таубе-а, па онда спомиње Хорањија, а требало је обратно чинити, јер је Таубе црпао из Хорањија.

науци, истицао је, шта више, вредност природних наука. Он је био у своје доба оно и онакав, као што вели пок. архимандрит Руварац, »да би га данас, кад би нешто оживео, звали и називали народњаком, анти-клерикалцем, или простије радикалом«⁹⁾. Средина, пак, у којој се он кретао (а то су биле епископске резиденције и манастири) и од које је, као сиромашан човек, зависно, била је одлучно противна слободнијим мислима. У српском друштву доминирало је онда калуђерство, и то калуђерство балканскога типа, дакле без науке и конзервативно до крајности, калуђерство које је своју владу над духовима оснивало на незнању, калуђерство онако како га је приказао Доситеј Обрадовић у својој автобиографији 1783 године¹⁰⁾. У такој средини је Орфелин, који и иначе није имао много грађанске храбрости, смео да се декларира за аутора само у својим богословским делима. И на тако невиним стварима, као што је, на пример, *Мелодія къ пролетъю* (1764) он се потписује само »З. О.«.

У нашој науци није расправљано питање, да ли је Захарија Орфелин имао за овај Магазин каки узор пред очима. У својој Српској књижевности од Вел. Сеобе до Доситеја Обрадовића (стр. 90) рекао сам, да нас многи знаци упућују, да извор чланцима у Магазину треба тражити у Русији. После тога сам нашао нових података, којима ће се, мислим, моћи решити питање, на што се угледао Орфелин кад је издавао Магазин.

До нових података сам дошао год. 1905 у лето, кад ми се дала прилика, да у Митрополиској Библијотеци у Карловцима добијем на преглед ззостале књиге Орфелинове књижице. Књиге је Орфелин означио текућим бројевима. На жалост, није цела књижица му сачувана, као што се види по тим бројевима; сад је последњи број 179, али 76 бројева недостаје, те је, према том, сачувано свега 103 нумерисане књиге, а уз њих још десетак нунумерисаних.

Разгледајући ове остатке Орфелинове библијотеке, дивно сам се и множини књига, и многостручности садржине им, и разноврсности језика у њима. У средини XVIII века је оволика библијотека морала много новаца стати, нарочито кад међу књигама има добар део дебелих фолијаната. Човек који је целога века скомрачио, па је ипак толико књига прибранио, мора да је искрено љубио науку.

Међу књигама се налази и неколико томова и свезака (без текућега броја) рускога журнала *Ежемѣсячныя Сочиненія*, који је покренуо

9) *Montenegrina*, I издање стр. 19.

10) Види о том моју књигу Доситеј Обрадовић у Хопову, нарочито 6, 7, 13 и 14 главу.

и уређивао академик и вредни историк руски Федор Иванович Милер. То је прво периодично књижевно-научно издање на руском језику. Свакога месеца је излазила по једна свеска у 8-ни; шест свезака чине један том, дакле је сваке године изашло два тома; свака свеска на крају има Оглављење а сваки том добије Реестръ достопамятнимъ вещамъ находящимся въ . . . послѣднихъ шести мѣсяцевъ (тако за 1760 год.). Журнал је почео излазити год. 1755, као издање Руске Академије у Петрограду, и звао се прво Ежемѣсячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія. Од год. 1758 је наслов: Сочиненія и переводы, къ пользѣ и увеселенію служащія, а последње две године излажења му, т. ј. 1763 и 1864: Ежемѣсячныя сочиненія и извѣстія о ученыхъ дѣлахъ. Свега је изашло од 1755—1764 год. двадесет томова. На овом журналу Руске Академије су радили сви савремени знаменитији писци. Примали су се и преводи. Дobar део чланака су преводи са шведског, немачког и француског језика, и то из сличних популарних журнала и магазина. Белетристике има мало ¹¹⁾.

У Орфелиновој књижници сам нашао потпуне томове Ежемѣсячныхъ Сочиненій ове: за год. 1760 II, за 1761 II, за 1762 I, за 1764 I и II; осим тога имају од 1761 год. свеске за април и јул и од 1762 год. свеске за август, септембар и октобар. Али је он, по свој прилици, имао све томове рускога журнала. У свом делу о Петру Великом ¹²⁾ позива се он на I том за 1760 год. (у I књизи, стр. 13 под звездicom) и на II том за 1763 (II књ. стр. 288), а међу изворима за то дело наводе се на првом месту: »Ежемѣсячныя Сочиненія 20 томовъ«. Како је Орфелин дошао до овога руског журнала, није познато.

Један поглед на броширану свеску рускога журнала доста је, да увери о великој сличности ценој са Магазином. И формат, и наслов, и поједини технички изрази, и распоред, па чак и хартија и штампарска израда — све у Магазину живо подсећа на Ежемѣсячныя Сочиненія, као да је штампар, израђујући српски журнал, имао непрестано пред собом руски. У Орфелиновој библиотеци се међу свескама рускога журнала нашао и прва свеска Магазина, па и ова заједница, чини ми се, није случајна.

11) Е. Шмурло, у Енциклопедији Брокхауза-Ефрона в. в. Ежемѣсячныя сочиненія и Миллеръ. — П. П. Пекарскій, Редакторъ, сотрудник и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 годовъ (Записки Имп. Акад. Наукъ, томъ XII, No. 5).

12) Да је и ово дело, и ако на обичним издањима нема назначено име писца, Орфелиново, излази већ из тога, што и њога Хоранъ I. с. наводи као Орфелиново. Дим. Руварац је у Јавору за 1887 год. (стр. 151, 167) другим путем доказао, да је ово дело Орфелиново.

Што ми се на први поглед само чинило, то се после, при поређењу, показало као тачно. Онај део наслова у Магазину, који му тумачи садржину, од речи до речи је једнак са делом наслова у руском журналу који му одговара. Наслов српског журнала гласи: »Славено-сербскій Магазинъ, то есть: собраніе разныхъ сочиненій и переводовъ, къ пользѣ и увеселенію служащихъ«¹³⁾. Наслов последњег одељка у њему гласи: Извѣстія о ученыхъ дѣлахъ. И на крају прве свеске српскога журнала има Оглавленіе, а у Предисловију се обећава, да ће се на крају шесте свеске додати »реестръ достопамятныхъ вещамъ содержавающихсяъ имущимъ у оныхъ шестымъ частямъ«. Ово су све така подударанја која не могу бити случајна.

Кад смо тако ушли у траг угледању, требало би и даље испитати, није ли у Магазину пренесен који чланак или позајмљена која мисао или идеја из руског узора. На жалост, овај задатак не могу до краја извести, јер ми нису при руци свих 20 томова Ежемѣсячныхъ Сочиненій. А на основу томова и свезака који се налазе у Орфелиновој библијотеци могу тек нешто констатовати.

Од свих девет одељака у Магазину само у деветом је један комадић прештампа из руског журнала, и то бијографија Теофана Прокоповића (стр. 89—95) из свеске за октобар 1761 год. (стр. 314—320)¹⁴⁾. Приказујући једно српско богословско дело¹⁵⁾, Орфелин препоручује Прокоповићево дело »Краткая сказанія, I о Бозѣ, II о Божиємъ промыслѣ, III о Законѣ Божіи« и том приликом наводи живот знаменитог руског јерарха. Орфелин не наводи извор, него (на стр. 88) тако приказује ствар, као да му је ову бијографију сам Милер послао¹⁶⁾. Је ли то опет мистификација, или је Орфелин имао одиста везе с Милером? На

13) У Шафарика наслов није сасвим тачан. Код њега је »Магазинъ« место »Магазинъ«, »т. е.« место »то есть«, »различныхъ« м. »разныхъ«, »къ пользѣ« м. »къ пользѣ«, »въ тип. Дим. Θεοδοσία« м. »Въ Типографіи Славено-Греческой благочестивой Димитрія Θεοδοсіева«. Интерпункција је у наслову такођер нетачна. По овим нетачностима би се могло мислити, да Шафарик није сам имао књиге у руци, него да је наслов и опис Магазина од некога добио. И цео чланак Хоравијев о Орф. мора да је добио у препису, кад на неколико места погрешно наводи III књ. Хоравијеву, место II.

14) У свесци за јул 1761 год. започет је чланак »Краткія извѣстія о началѣ Новгорода« итд. Чланак иде кроз четири свеске, довршен је у октобру под насловом »Продолженіе о дѣлахъ новгородскихъ«, и ту је унесена бијографија Т. Прокоповића.

15) Епитом Дијонисија Новаковића (о том види Вељка Мирослављевића чланак Српске вероучевне књиге бр. 3, отисак из Богословског Гласника IV).

16) »Извѣстія о овомъ несравненномъ Архипастырѣ мы лучшаго подати незнамо, кромѣ что мы хотѣли поставити оvdѣ отъ слова до слова Извѣстіе, кое Имп. Санктпет. Академіи наукъ Професоръ и Конференцъ-Секретаръ Господинъ Миллеръ намъ сообщить хотѣо«.

то питање ће моћи одговорити они руски научници који могу доћи до портфелâ академика Милера. Милера спомиње Орфелин с похвалом и у својем делу о Петру Великом ¹⁷⁾.

Текст бијографије Прокоповићеве Орфелин није дирао, али је на језику и правопису погдешто мењао. Он меће, на пример, место говоритъ, досталася »говорити, досталася«, место какъ бы »како бы«, место передъ, города »предъ, града«, место для того »ради того« ¹⁸⁾. Руско писање Голландію мења на »Холландію«. Нешто је Орфелин и додао. Додао је у напомени на стр. 94 списак Теофанових дела и на стр. 95 напомену литерарно-историске садржине. Кад је на једном месту споменуто Екатерина Алексејевна, додао је Орфелин у загради »прва«. Из свих ових измена се види, да је Орфелин тежио, да руски књижевни језик приближи српском или бар црквено-словенском, који је пашој читалачкој публици био познатији, и да је хтео допунама да српском читаоцу дода оно што је руски читалац знао или до чега је лако могао доћи.

Осталих чланака Магазина нема у томовима и свескама руског журнала које се сад налазе у Орфелиновој библијотеци. Напомињем мимогред, да је проф. Павле Поповић нашао, да пети чланак у Магазину: »Письмо Ахмета сына Солиманова къ младому Али, сыну Ибраимову« потиче из рускога превода А. Нартова који је обављен год. 1758 ¹⁹⁾.

Али ако више нема целих чланака, има појединих мисли и идеја које су потекле из журнала Руске Академије у Магазин. У свесци Ежемѣсячныхъ Сочиненій за јануар 1762 год. у чланку »Извѣстіе о новомъ періодическомъ сочиненіи« и т. д. говори се о делу Собрание лучшихъ сочиненій къ распространенію знанія и къ произведенію удовольствія које треба да излази свака три месеца. Неке мисли у том Извѣстію живо подсећају на некоје мисли у Предисловију Магазина. Орфелин није преводио од речи до речи, него је поједине мисли, као градиво, слободно употребио. Ради боље илустрације изнећу напореда текст руски и српски.

17) У предговору напомиње, да се користио Милеровим радовима на руској историји. На стр. 70 у напомени вели за Милера: »мужъ въ російской исторіи безприкладнаго искусства«. У предговору у подужој напомени под личијом описује Петроград, па вели, да тај извештај има »отъ нѣкогого моего пріятеля«. Није ли и ово мистификација?

18) Очигледно је штампарска грешка у години рођења Прокоповићова 1651 место 1681.

19) Срп. Књижевни Гласник, књ. XIV стр. 553. Проф. Поповић се при том позива на дело: В. В. Сиповскій, Изъ исторіи русс. романа и повѣсти I. ч. 1903 (Изд. II Огдѣл. Имп. Акад. Наукъ).

Ежемѣсячн. Соч. за јануар 1762.

Еженедельныя и ежемѣсячныя сочиненія въ семь вѣкъ въ Англии, Франціи а наипаче въ Германіи въ высококомъ числѣ въ свѣтъ выходить стали; и безспорно что сей родъ малыхъ сочиненій великую пользу произвелъ; ибо отчасти матеріали къ таковымъ сочиненіямъ избираемыи, отчасти краткостію оныхъ, привлечены къ чтенію и такіе люди, которые прежде никакого въ томъ удовольствія не находили. Но всѣ люди довольно времени къ чтенію большихъ книгъ имѣютъ, для избранія изъ нихъ того, что въ нихъ есть лучшее; а еще меньше имѣютъ всѣ терпѣнія къ прочтенію пространныхъ сочиненій, хотябъ въ содержаніи оныхъ и особенное нѣчто общаемо было. Краткость же седмичныхъ листковъ и мѣсячныхъ сочиненій нетерпѣливымъ читателямъ не только сносно показалось, по причинѣ раздѣленія разныхъ статей; но еще премѣною и различностію матеріи великое удовольствіе произвели, и охоту къ чтенію подкрѣпили и умножили. Сочинители таковыхъ період. листковъ избрали къ своему упражненію или Физіку и Экономію, или нравоученіе или напоследокъ Исторію . . . Правда что въ томъ числѣ находятся многія мелочи: но не меньше и то истинно, что находятся также и преискусныя сочиненія величайшихъ сего вѣка разумовъ; да и самыя Академіи или ученыя собранія, признали таковыя період. соч. наилучшимъ и найспособнѣйшимъ средствомъ къ изданію въ свѣтъ своихъ изысканій и изобрѣтеній. Что должно сказать еще о называемыхъ такъ магазинахъ, которые съ нѣсколькихъ лѣтъ въ Англии, Франціи, Швеціи и Германіи выходить стали, и всадѣ изрядно приняты были?

Славено-серб. Магазинъ стр. 5—7.

Предъ садашнимъ вѣкомъ писана была свака матерія не токмо по особѣ, но и пространно тако, что одна состояла не рѣдко у нѣсколькихъ томахъ, ради чега многіи, и самыя они, кои умѣли по Латински, рѣдко могли свою удовольствовати охоту, за тимъ, что не свакому возможно было купити толикого множества книгъ и о одной матеріи, а о различныхъ и мыслити нѣма было не можно. А садъ мудрые мужи на сматрають на собственную славу и похвалу, кою первые отъ пространныхъ и глубокихъ своихъ Сочиненійхъ толико жадно себи ожидали, но стараются что бы похвала нѣвова состояла у пользы ближняго, и на тай конецъ полагають они крайнее свое прилѣжаніе у краткихъ колико возможно, и простыхъ сочиненійхъ, что бы свакому охотнику книге нѣвова имати, и читавъи не трудно разумѣвати возможно было. Они вѣровали, что и таковое средство не довольно умножити пользу общую. Они изыскивали способъ, како бы удовольствовати свакога у еданпуть са свима онима матеріями, кое у разныхъ особенныхъ книгахъ находитсе, и по тому разногъ къ читавъю требуютъ време, что само отъ оныхъ чинено быти можетъ, коихъ званіе у томъ исто состоитъ. Они почели издавати у почтанске днѣ, на неделю и на мѣсець не велике книжко, подъ разными наименованіями; поставляють у нѣхъ, смотреи по различію читателей, различне матеріе, дабы свакъ, по своей склонности и охоты могао чимгодь пользоватисе.

Они примѣтили, что читатель не чувствительно наставлясе, кадъ у определенное време получава не много Листова у еданпуть; и ово наставленіе обыкновенно тврѣе у нѣму укоренявасе, неголи великихъ и пространныхъ книгъ. Любопытство нѣгово при томъ свагда умножавасе, кадъ наступава време, у кое новый листъ, или нова часть таковогъ сочиненія изъ Штампѣ изићи имаде. Рѣдко да бы тко не захотѣо онога читати; а ради краткости своѣ не можетъ оно ни кому досадити; и едва ли тко бацити хоѣе изъ рукъ, не прочитавши отъ начала до конца. Чега више желити должно,

кадъ свакиѣ путь ако и наиманѣе что найдете унутра, чимъ свакиѣ читатель, по своему любопытству и охоты къ наукамъ, удовольствованъ будеть.

Основна мисао: корист од периодичних издања, са кратким чланцима разноврсне садржине, провлачи се и кроз руски и кроз српски текст. Психолошка аргументација је једна иста. Али је јасно, да је Орфелин мисли рускога журнала прилагодно приликама и потребама српске књижевности. Кроз Орфелиново Предисловије осећамо, да се налазимо у почетничком стадију једне књижевности: нема још публике, интелигенција је слаба, не зна још своје дужности. Ту треба не само руковођења и упућивања, него и придржавања, као што се придржава мало дете кад полази ногом²⁰).

У наведеном руском тексту на крају долази и реч магазин као назив за периодична књижевна издања разноврсне садржине. Лако може бити, да је Орфелин баш одавде узео назив својега журнала.

Орфелин говори на много места у Предисловију Магазина о академијама, о «союзныхъ собраніяхъ ученыхъ людей». Колико је он био обавештен о научним удружењима својега доба, није ми познато. Али бих рекао, да он на овим местима у првом реду мисли на Руску Академију. Његове речи: »И ако такова сочиненія (периодична издања) по большой части союзные собранія ученыхъ людей издають« (стр. 7), пристају сасвим згодно на Руску Академију и Ежемѣсячныя Сочиненія. У том истом смислу је речено и ово: »(Срби), лишаваюћьсе ученогъ собранія«, њих тројица се латише да издају Магазин.

На основу свега досадашњег разлагања, сматрам за доказано: 1) да је аутор Славено-сербског Магазина и писац Предисловија у њему Захарија Орфелин; 2) да је узор Магазину журнал Руске Академије Ежемѣсячныя Сочиненія.

Овим доказом је потврђено још једном важном чињеницом, да се књижевност православних Срба у Карловачкој Митрополији XVIII века почела развијати и да је стајала под утицајем руске књижевности²¹).

Нови Сад, 1 (14) јан. 1908.

Д-р Тихомир Остојић.

20) На првој страни Предисловија Орфелин кори књижевнике што се не брину за необразовану публику, што не пишу за оне којима би требало дати »училищногъ млека«. Ова фраза подсећа на наслов једног Орфелинова катихисиса: Апостолское млеко (Споменик X, стр. 82). И ово би био један споредан доказ, да је Предисловије писао Орфелин.

21) Опширније о том утицају в. у мојој књизи Српска књижевност од Вел. Сеобе до Доситеја Обрадовића (гл. 8, 9, 10, 12, 13, 14).

Носовкитѣ въ польскія езикѣ и чеськятъ прѣгласѣ на вокала *a*.

I.

Досегашнитѣ опити да се обясни смѣшването на носовкитѣ въ польскія езикѣ не успѣха напълно да разрѣшатъ този тъменъ и много интересенъ въпросъ. Главно не можã да се докаже, какъ е станалъ прѣходътъ на праславянската носовка *o* въ польското *ę* (**roka*—*reka*). Очевидно тукъ е най-слабото мѣсто на всички до сега прѣдложени хипотези, и тъкмо поради това обяснението на цѣлия въпросъ като че ли почна изново да се замѣглява. И наистина, ако почнемъ отъ проф. Потебня, който приемаше пълненъ съвпадежъ на двѣтѣ праславянски носовки въ една обща старопольска носовка *a* — сетнѣ прѣминала въ *o* и *e*¹⁾, и свършимъ съ проф. С. М. Кульбакина, който почти също така приема че до XI—XII в. е имало една общопольска носовка *a* (*'a*), която послѣ се диференцирала въ *o* и *e* (*'o* и *'e*)²⁾, — виждаме, че въпросътъ се върти въ кръгъ. Нека забѣлжимъ, че мнѣнието на проф. Кульбакина е напълно усвоено и отъ проф. Вондрака въ неговата *Vergleichende slavische Grammatik* (1906, стр. 133). А между туй бѣ о врѣме изказано едно твърдѣ важно мнѣние по нашия въпросъ, което щѣше, ако се бѣше възприело, по-скоро да насочи въпроса къмъ приемливо разрѣшение. Именно проф. Ягичъ изказа (въ *Arch. f. sl. Phil.* X, 248) споредъ мене много истинската мисль, че праславянската носовка **e* е гласѣла като *'i* и че не е прѣстанала никога да съществува въ старопольскія езикѣ, понеже тя е прѣминала само частично въ *'a*, при особни условия. Приемайки така въ старопольскія езикѣ три носовки, а именно *'e* (*'i*) — *'a* (като рефлексн на праслав. **e*) и *o* (прасл. **o*) не може да става и дума за общопольска генерална носовка въ старопольскія

1) Къ Исторіи звуковъ р. языка 209 нт., *Arch. f. sl. Phil.* III. 614.

2) Къ исторіи и діалектологіи польскаго языка, Сборникъ Отд. рус. яз. и слов. И. Ак. Н. LXXIII. N. 4. 1903, Отд. отт. стр. 31.

езикъ, съ каквато боравятъ другитѣ хипотези. На тази, по мое мнѣние, единствено реална почва стоя и азъ, и отъ десетина години насамъ въ лекциитѣ си тълкувамъ процеса на смѣшването на полскитѣ носовки и специално споменатата най-тъмна негова страна отъ особно свое гледище, което смѣя сега въ кратки черти да изнеса и въ явностъ.

Нѣма съмнѣние, че началниятъ потикъ за да стане смѣшване на носовкитѣ въ полския езикъ се дължи на чисто фонетични промѣни, които сѣ се извършили само въ гласежа на праславянската носовка *ę*. — Два фонетични фактора сѣ движили промѣнитѣ, които сѣ ставали въ артикулацията на *ę*, а тѣ сѣ именно: особниятъ широкопалаталенъ характеръ на носовката *ę*, която е гласѣла като носово *'ä*, — срѣдно между *e* и *a*, — сир. като *'ä*, и квантитетътъ, който въ най-древната епоха на полския езикъ е билъ твърдѣ силенъ фонетиченъ факторъ както показва историята на цѣлия полски вокализъмъ. Отъ отличнитѣ работи на Лоренца (*Archiv XIX*) и на Кульбакина (*Возникновение общопольскихъ долготъ*, ор. с.) сега сме потѣмно освѣдомени върху квантитетнитѣ отношения въ свръзка и съ ударението на старополския езикъ та можемъ съ рѣшителностъ да приемемъ, че дължината на носовката *'ä* сама за себе си е била достаточна мощенъ факторъ за да се развие отъ нея носовка *'ā*, и то, разбира се, само въ ония слогове, въ които носовката *'ä* не е била изгубила дължината си. Въ краткитѣ слогове слѣдователно *'ä* не се е приближавало къмъ *'a*, а напротивъ, както показватъ живиятъ полски езикъ и старата му графика, то се е стѣснявало въ посока къмъ вокала *e* сир. въ *'e*. Така се е извършило разцѣплението на праслав. **ę* въ полския езикъ, а именно досущъ тѣй, както се е раздвоило същото *'ä* (*= *ę*) въ староческия езикъ, ако и по ипакви причини (влияние на слѣдния слогъ), и както се е раздвоило *'ä* (*=* праслав. *ǣ*) въ полския и въ българския езикъ въ *'a* — *'e*.

Втори стадий въ измѣнението на *'ä* е настѣпилъ, когато рефлексътъ *'ä* е получилъ по-затворенъ и закръгленъ гласежъ та се е изравнилъ съ носовката *ǫ*, която е съществувала въ старополския като прѣмо продължение на праслав. **ǫ*. Прѣходътъ на дълго носово *'ä* въ *'ǫ* физиологично напълно се оправдава, понеже продължителността на назалирането изисква и по-затворенъ вокалъ, какъвто е *o* въ сравнение съ *a*. Освѣтъ това тоя прѣходъ е обикновенъ при полското нѣкога дълго *a* прѣдъ назалъ (срав. *tot* вм. *vat*; *pon* вм. *pan*).

Доказваме сега до третия стадий на процеса — до частичната промѣна на носовката *ǫ* (*=* прасл. **ǫ*), която е била тѣй също дълга и кратка. Новополскиятъ езикъ показва, че вмѣсто *ǫ* въ краткитѣ слогове

се е явило *ę* (*reka*). Явлението е твърдѣ старо, защото дори и въ грамоти отъ XII—XIII в. има слѣди отъ тая промѣна (*en, et = *q*), а това означава, че споменатитѣ по-горѣ промѣни на **ę* се извършили още по-рано. Въпросъ е сега, дали и прѣходътъ отъ *q* въ *ę* може да се счита също тъй за чисто фонетично (физиологично) явление, каквото е прѣходътъ $\ddot{a} - \acute{a} - \grave{a}$, за който говорихме. До сега въ всички прѣдложени хипотези въпросниятъ прѣходъ се счита именно за станалъ по звукофизиологиченъ пѣть, ако и никой до сега да не се е впускалъ въ подробни обяснения по тоя въпросъ. Обикновено досега се задоволяватъ по тоя въпросъ просто да констатираатъ, че се е извършилъ прѣходъ въ *ę*, като се прѣдполага, че това е станало прѣко едно *q*¹⁾. Както вече се каза по-горѣ, този въпросъ съставя най-тъмната страна на досегашнитѣ обяснения на нашата проблема, и азъ намирамъ най-голяма грѣшка главно въ туй, че и досега още се счита прѣходътъ на *q* въ *ę* — и то даже чрѣзъ посрѣдство на *q*! — за фонетично възможенъ при даденитѣ условия, когато имаме на лице като причина само отсъствие на дължина, а промѣната се е извършила неограничено — въ всички кратки слогове. Ето затова азъ мисля, че тукъ имаме работа съ резултатъ не на звукофизиологиченъ, а на психологиченъ изравнителенъ процесъ, — именно съ обикновена аналогия. Щомъ по указания редъ се е нарушила праславянската традиция та се образувало двояко назално произношение вм. **ę*, твърдѣ често и въ етимологично идентични слогове, не е било възможно щото веднага да не заработи психологиченъ процесъ на асоциация между прѣдставитѣ отъ една страна на палатално и гутурално- и отъ друга — на дълго и кратко назално произношение, съ тенденция, по-ясно да се разграничатъ и съ това по-лесно да се фиксиратъ тия двѣ назални категории. Като продуктивенъ типъ на аналогията тукъ сѣ послужили очевидно двата рефlekса на праслав. носовка *ę* сир. $\acute{q} - \tilde{q}$, срещу които сѣ стояли пакъ два рефlekса на праслав. носовка *q*, а именно $\bar{q} - \check{q}$. Историята на фонетиката ни учи, че когато при такива сгодни условия става асоциация, рѣдко се указва традицията толкова силна, щото де може да спре едно изравнение. Именно и въ въпросния случай много лесно е станало, че по типа $\acute{q} - \tilde{q}$ се е урегулирало и произношението $\bar{q} - \check{q}$, като се е измѣнило въ $\bar{q} - \check{q}$. Като единственъ отличителенъ бѣлѣгъ между тия нови два реда е останала само палаталността на консонанта прѣдъ рефlekситѣ на прасл. **ę*,

1) Проф. Миккола мисли, че може прѣходътъ на **q* въ *ę* да е станалъ чрѣзъ посрѣдство на *q* и то въслѣдствие на затворения характеръ на вокала *a*, — близкъкъ ужъ до *ä*. Това прѣдположение на Миккола е съвсѣмъ немотивирано (вж. *Betonung und Quantität* 8).

и отъ друга страна твърдостта на консонанта прѣдъ рефлекситѣ на прасл. **q*. И тъй психологичната формула и тукъ е била обикновената: отношението $\acute{q} : \acute{e} = \bar{q} : \check{q}$ се измѣня въ отношение $\acute{q} : \acute{e} = \bar{q} : \check{e}$.

Така споредъ типа $\acute{q} - \acute{e}$ напимѣръ въ думитѣ: *wzglȳd - wzglȳdu*, *ciȳg - ciȳgu*, *wiȳz - wiȳzu*, *piȳty - piȳć*, *dziesiȳty - dziesiȳć*, *przȳdzka - przȳdzka*, *grzȳdzka - grzȳdzka*, *wiȳzka - wiȳzka*, *miȳsko - miȳsko* и пр.; се образувалъ по аналогия второятъ типъ $\bar{q} - \check{e}$ вмѣсто по-стария $\bar{q} - \check{q}$, напимѣръ въ *dȳb - dȳbu*, *krȳg - krȳgu*, *mȳż - mȳża*, *rȳk - rȳka*, *gȳbka - gȳba*, *prȳżka - prȳga*, *gȳst - gȳsty* и пр. вмѣсто първоначалнитѣ *dȳb - dȳbu* и пр.

Слѣдъ като се утвърдили първитѣ типове, понататѣкъ е вѣрвѣла замѣната на \check{q} въ \check{e} прѣмо и безъ нужното за аналогия съответствие, именно защото съ кратко назално произношение психологично яко е вече било асоциувано произношението *e*, а не *q*.

Както е видѣтъ, моята хипотеза се явява въ втората си часть като прѣмо продължение на първата часть на Ягичевата хипотеза. Последнѣята е формулирана у Кульбакина (ор. с. 24) така:

об.-сл. **q* → древ.-польск. *q*, *q* (изъ \bar{q} ?) → въ XV. в. *e*
(изъ *q*), *q* → ново польск. *e*, *q*.

об.-сл. **e* → древ.-польск. $\acute{e} \left\{ \begin{array}{l} \acute{e} \dots \dots \dots \\ \acute{q} \dots \dots \dots \end{array} \right.$

Проф. Кульбакинъ намира »невѣроятно« раздвоението на носовката **e* въ \acute{e} и \acute{q} , именно това, което споредъ мене е найцѣлното въ хипотезата на Ягича и което служи за изходна база на моето ново тълкуване прѣхода отъ *q* въ *e*. Но отъ друга страна проф. Кульбакинъ много вѣрно твърди, че »прѣходътъ отъ *e* въ \acute{q} чрѣзъ посрѣдство на \bar{q} е напълно възможенъ и вѣроятенъ«, че наопаки »непосрѣдственъ прѣходъ на \bar{e} въ \bar{q} е неправдоподобенъ« и че »причинитѣ на прѣхода *e* въ \acute{q} (разбира се прѣко \acute{q}) сѣ само квантитативни« (ор. с. отд. отд. 28—30). Тия положения, подържани и отъ проф. Кульбакина, мисля, само потвърдяватъ моята хипотеза, и затова крайно неясно става за мене, защо проф. Кульбакинъ при все това подържа, че и кратко **e* е трѣбвало да мине въ \acute{q} , когато същото това \acute{q} подирѣ пакъ е било длѣжно да мине въ \acute{e} , безъ да се знае при това съгласно съ кой фонетиченъ законъ е можело да стане това. Също така не виждамъ основания, защо и общославянската носовка *q* въ длѣгитѣ слокове тоже е трѣбвала да се измѣни въ \bar{q} , когато същото това \bar{q} сетнѣ изново е приело стария си гласежъ *q*. Ала не по-малко е вѣроятно и туй, че **q* въ краткитѣ слокове е минало тоже въ *q* и че послѣ това *q* се измѣнило въ *e* (**rȳka* → **rȳka* → *rȳka*), както тълкува проф. Кульбакинъ, тукъ вече въ

съгласне и съ проф. Ягича¹⁾). Не е ли патятъ, указанъ отъ мене, по правъ и по-естественъ?

II.

Какъ аналогията въ областъта на фонетиката е създава новообразованія, които по своята продуктивна сила сѣ заприличали на звукови закони, може да се види изъ два примѣра изъ историята на българската и на чешката фонетика.

Въ източно-българското нарѣчие владѣе двойко произношение на праслав. ѣ, а именно ѣ се произнася прѣдъ твърди слокове (или твърдъ консонантъ) и подъ ударение като *'a* (вѣра, бѣл), а инакъ като *e* (вѣрен, бѣли, побелѣл). Въ сѣщото нарѣчие се произнася етимологичното *'a* (сир. *a* слѣдъ палатални съгласни: *j*, *č*, *ž*, *š*) тѣй сѣщо двойко, а именно когато се намира подъ ударение прѣдъ твърдъ слогъ (или консонантъ) *'a* не се измѣнява, а въ други случаи сир. кога е прѣдъ мекъ слогъ то се мѣни въ *e* нпр. *jásla* — *pl. jěsli*, *ѣчѣр* — *ѣчѣри*, *жѣлба* — *жѣлби*, *чѣша*, *чѣши*, *жѣба* — *жѣби*, *Стојан*, *Вос. Стојѣне*. Това измѣняване на палатално *'a* въ *e* се схваща като прѣгласъ (Umlaut) на *a* и минава единъ видъ за източнобългарски фонетиченъ законъ. А въ сѣщностъ по своя генезисъ то не е никакъвъ самостоятеленъ прѣгласъ на *a*, а е просто аналогия на правилото за *ъ*: именно *'a* вм. *ъ* се е аеоциувало съ етимологичното *'a*, и това послѣдното се повело по произношението *'a* — *e* (= праслав. *ъ*). Въ западнитѣ български нарѣчия, гдѣто *ъ* се произнася като *e*, еднакво въ всѣко положение на думата, тамъ казанитѣ >прѣгласъ< на палатално *'a*

1) Проф. Кульбакитѣ именно казва отъ една страна, че причинитѣ за прѣхода на *ѣ* въ *'o* сѣ количествени, но сѣтъ като че ли не придава значенно на квантитета. Именно той казва: >Основанія для появленія *'o* изъ об.-сл. *ѣ* количественныя . . . >Но разъ основанія этого измѣненія квантитативныя, непосредственный переходъ *'ѣ* въ *'o* является неправдоподобнымъ<. Но слѣдъ това много неясно и нѣкакъ противорѣчиво говори: >Такимъ образомъ форма *trъôcъ* изъ **trъcъ* понятна только при предположеніи посредствующей ступени **trъcъ*; *'o* изъ об.-сл. **ѣ* предполагается болѣе раннее *'o*. А такъ какъ въ измѣненіи **ѣ* въ *'o* долгота не можетъ имѣть значенія, то такое же измѣненіе мы должны предполагать и въ *ѣ*, т. е. между современнымъ *ѣ* и об.-сл. **ѣ* принять посредствующую ступень *'o*. Эта посредствующая ступень не зависѣла ни отъ качества слѣдующаго слога ни отъ >тонического концентрированія<, какъ показываютъ формы *trъôcъ*, *prъôcъ*, но являлась при всѣхъ условіяхъ. Развѣтвленіе об.-сл. **ѣ* на *'o* при однихъ условіяхъ, *'o* при другихъ, предполагаемое ак. Ягичемъ, кажется мнѣ невѣроятнымъ. Съ другой стороны и современное п. *o*, соответствующее об.-сл. **o*, легко возводится къ **o*, а на измѣненіе об.-сл. **o* въ *o* указываетъ кашубскій< (ор. с. 28—29, отд. отт.).

Колкото за свидѣтелството на кашубското нарѣчие, азъ намирамъ, че това говори по-скоро обратното. Но по тоя въпросъ ще грѣбва по-обстойно да се поговори другъ патъ.

не съществува, нпр. тамъ се казва бел, вера, бели, и пр. но: чаша—чаша, жаба—жаби, Стојане и пр. Въ тия нарѣчия отъ њ не се е развило 'а и затова смѣсане между тоя рефлексъ на њ и палаталното а не е можело да стане. Слѣдователно самостоятеленъ прѣгласъ на а въ българския езикъ нѣма ¹⁾).

Мисля, че нѣщо подобно имаме и въ чешкия езикъ, — разбирамъ специално чешкото нарѣчие, отъ което е произлѣзълъ и чешкиятъ литературенъ езикъ. Извѣстно е еднаквото двояко произношение на чешкото палатално 'а, наречено и прѣгласъ на 'а, и на праслав. носовка *ѣ. Рефлекситѣ на *ѣ въ старочешкия езикъ — а, 'е се явяватъ при сѣщитѣ условия, при които и палаталното 'а ту се задържа като 'а, ту се замѣнява съ 'е. Взаимната свръзка тукъ е очевидна и до сега се тълкува тя така, че се взема, какво носовката *ѣ въ старочешкия езикъ изцѣло е минала въ 'а (дълго и кратко) и че сѣтѣ това 'а, като съвпаднало съ палаталното етимологично а, подлегнало на прѣгласа 'а—'е, който ужъ се явилъ въ чешкото нарѣчие като звуковъ законъ. Така тълкуваха Миклошичъ и особно проф. Гебауеръ ²⁾. Но установено ли е надъ всѣко съмнѣние, че прасл. *ѣ въ старочешкия езикъ, който *винаги* е ималъ вм. *ѣ като рефлексъ и е, всецѣло е минало въ 'а? Въпросътъ е подобенъ на онзи относително рефлекса на праслав. *ѣ въ полския езикъ. И ето че пакъ проф. Ягичъ и тукъ отколѣ изказа мнѣние, споредъ мене единствено приемливо, а именно че първоначалната замѣна на *ѣ въ ст. ч. е било пакъ 'i — и послѣ безъ назаленъ призвукъ 'i. Това 'i се раздвоило подъ влияние на слѣдния

1) Срав. за това у мене »Das Ostbulgarische« (Wien, 1903), стр. 75, 81, 185, 221. — Срав. още и у Б. Цоневъ, За източнобългарския вокализъмъ, Минист. Сборникъ III—IV.

2) Проф. Гебауеръ виждаше въ тоя прѣгласъ едвамъ ли не и чуждо — нѣмско влияние (Historická mluvnice I, 121). — И проф. Вондракъ подържа относително първоначалния прѣходъ на *ѣ въ 'а въ ст.-чешкия езикъ становището на Гебауера, срав. у Вондрака, Vergl. slav. Grammatik 132: »An die Stelle des ѣ trat ursprünglich ein 'a-Laut. Das а konnte dann nach allgemeinen Regeln umlauten, so daß wir mannigfache Vokale als Reflexe des einstigen ѣ finden.« Върху прѣгласа на 'а—'е Вондракъ говори на стр. 79 пакъ въ този духъ: »Im Böhmischem geht а und á — und zwar auch das aus ѣ entstandene — nach weichen (palatalen) Konsonanten in ě—ie (langes ě) über und zwar im absoluten Auslaute oder vor einem ebenfalls weichen Konsonanten bez. vor einer Silbe mit einem weichen Vokal (ě, i, ursprüngliches oder aus ѣ entstandenes e), z. B. dušě etc.; slyšel—slyšeli.«

Понататъкъ, отъ факта, че тоя прѣгласъ не е проникналъ въ моравскитѣ диалекти и въ словашкия, проф. Вондракъ заключава именно, че това е »ein Beweis, daß auch hier die Entwicklung der ě-, š- usw. Laute einen anderen Weg ging, denn dieser Umlaut kann nur aus der Eigentümlichkeit der erwähnten Konsonanten erklärt werden.«

слогъ въ думитѣ въ двѣ посоки: въ *'a* (дълго и кратко) и въ *'e* (дълго, новоч. *i*, и кратко). Слѣдовно *'e* вм. **e* е по-първоначаленъ гласежъ, като рефлексъ на тая носовка, отколкото *'a* (Archiv f. sl. Phil. XVI, 510—512). Споредъ това не съществува тукъ »прѣгласъ« на *'a* въ *e*. Не мога да не бъда напълно съгласенъ и по тоя въпросъ съ мнѣнието на проф. Ягича, понеже азъ отдавна съмъ се убѣдилъ въ голѣмата роля, която е игралъ вокалтъ *'ü* (билъ той назаленъ или не) въ историята на славянския вокализъмъ а специално въ българския (сравни у мене Сборникъ на Минист. IX, 288—290, X (критич. отд.) 16, XIII. 104, 107; XVI—XVII. 413—415; Archiv f. sl. Phil. XX. 580. — Das Ostbulgarische 75, 81, 221, 223. Слѣды среднеболгарской замѣны носовыхъ, въ Сборн. по славяновѣдѣнию, 20). Азъ отивамъ и по-далечъ та смѣя силно да се усъмня дори и че знаменитиятъ чески прѣгласъ на палаталното *a* е самостоятелно фонетично явление. Нѣмаме ли и тукъ аналогия въслѣдствие на асоциация между палаталното *'a* (= **e*) и етимологично *'a*? Къмъ тази мисль ме води не само еднаквостта на условията, при които става замѣната и въ двата етимологични случая, но особито едно отъ тия условия, а именно правилото, че и вм. **e* и вм. палат. *'a*, когато тѣ сѣ въ края на думитѣ, се произнася *'e*, нпр. *dítě, jehně, brimě — duše* (ст. ч. *dušé*), *vůle, ulice* и пр. Раздвоенieto на **e* въ *'e* и *'a* (новоч. *'e*, *i*, *ü, á*) е станало безъ съмнѣние по чисто фонетични — асимилационни причини: *'ü* само прѣдъ твърди слокове е имало причина да се измѣни въ *'a* (**p'áty* отъ **p'üty*, вм. **peťy*, нч. *páty*), а прѣдъ меки слокове на-противъ то даже е станало по-тѣсно, минало въ *'e* (*p'et*, вм. *peťt*, нч. *pét*). Въ края на думитѣ, които често заврѣшватъ съ по-голѣма и по-малка пауза въ изречението, не е можелъ да влияе въ нашия случай нѣкакъвъ *vandhi*-законъ, и за това виждаме, че **e* въ това положение има винаги еднакъвъ рефлексъ и то *'e*, а не *'a*. Какво може да означава това, ако не, че първоначалниятъ гласежъ на **e* наистина е билъ по-близкъ до *'e* отколкото до *'a*, сирѣчь че е билъ едно широко *'e*, именно *'ü*? Понеже въ края на думитѣ не е имало регресиивни асимилационни причини за да се измѣни *'ü* въ *'a*, затова *'ü* въ края е спазило своя първоначаленъ характеръ на *e*-вокалъ и постепено се е изравнило съ обикновеното *'e*, като се спазилъ прѣдидециятъ консонантъ мекъ. Отъ всичко това още излиза, мисля, че прѣгласътъ *'a—'e* (вм. **e*) се основава върху основенъ гласежъ на едно широко *e*, а не на *'a*. А понеже съ правилото за рефлекситѣ на **e* въ ческия езикъ напълно съвпада и правилото за прѣгласа на палатално етимологично *a* дори и въ изтъкнатия пунктъ — въ засловието (Auslaut), заключавамъ, че ческиятъ прѣгласъ на вокала *a* е просто аналогична консеквенция на фонетичния развой на

праслав. *ę*. И наистина, ако да бѣше се явилъ самостоенъ звуковъ законъ за прѣгласъ на *a* въ зависимость отъ палаталния характеръ на прѣдходния консонантъ, както всеобщо се приема, защо щѣше да се води тоя прѣгласъ и споредъ твърдостъта или мекостъта и на слѣдния консонантъ? Ако въ *čas*, или *Jan*, може *a* въпрѣки палаталитѣ *č*, *j*, да остане неизмѣнено, а въ *česé*, *Jene*, се »прѣглася«, очевидно е, че главниятъ факторъ на прѣгласа тукъ е билъ слѣдниятъ консонантъ (слогъ), сир. че асимилацията е регрессивна. Но ако е така, защо и въ края на думата, гдѣто таково регрессивно влияние нѣма, пакъ *a* се прѣглася въ *e*? Свръзката съ рефлекса на *ę* въ края на думата тукъ е очевийна. Нека си припомнимъ и особената замѣна на праслав. **ę* въ края на думитѣ въ старо-руския езикъ. Докато **ę* е било замѣнено въ срѣдословието чрѣзъ 'а, въ края на думитѣ напротивъ се е произнасялъ 'е-вокалъ, който обикновено по паметниците се прѣдава чрѣзъ њ, отъ което пакъ може да се заключи за първоначално широко 'ü вм. **ę*, останало въ края на думитѣ безъ да мине въ 'а. По това може да се заключи още, че и въ руския езикъ прѣходътъ на 'ü въ 'а се е почналъ първомъ подъ регрессивно влияние на слѣдния твърдъ слогъ както въ ческия езикъ, но че сетнѣ рефлексътъ 'а се генерализувалъ като е измѣстилъ по-стария рефлексъ 'ü прѣдъ мекитѣ слоге. Ако да не бѣ това се случило, сир. ако да бѣ останало и въ руския езикъ раздвоено произношение 'а—'е вм. **ę*, кой знае да ли не щѣше да се яви и въ руския езикъ прѣгласъ на вокала *a* въ палаталнитѣ слоге като ческия. Това става вѣроятнo и отъ факта, че въ източнитѣ чески диялекти — моравското и словашкато — нѣма прѣгласъ на вокала *a* но нѣма и двоякото произношение на **ę* като 'а—'е.

Женева, XII. 1907.

Проф. Др^ъ Л. Милетичъ.

Natpis dosada nepoznatoga namjesnika rimske Dalmacije Apolonija Febadija iz V. vijeka.

(Sa jednom slikom u tekstu.)

Kada su tekom III. v. po Kr. počele provale varvarskih naroda na rimsko Carstvo, bilo je od potrebe, kako za ostale izloženije pokrajine, tako i za Dalmaciju odijeliti vojničku vlast od političke, koje su dvije vlasti bile, unaprijeda od Augusta, usredotočene u rukama jedne osobe, carskog namjesnika, pod imenom *legatus Augusti pro praetore*¹⁾. Carski namjesnik baš zato, što je stolovao u Solinu (Salona)²⁾, nije mogao u isto doba suzbijati provale varvarskih naroda na granicama pokrajine³⁾.

Ovo odijeljenje vlasti zbilo se u drugoj polovici III. v., valjda za cara Aurelijana⁴⁾. Namjesnik politički ili civilni bi prozvan *praeses provinciae*, a vojnički *dux limitis*. Prvi je stolovao u Solinu, a drugi na granici pokrajine. Dunajske pokrajine od Noricuma pa do ušća rijeke Save (*Savus*) sa Dalmacijom biše združene u jednu vojničku cjelinu pod upravom graničarskog zapovjednika — *limes Illyricianus*. Zbog nedostatnih povjesnih vijesti i s razloga, što je *Notitia Dignitatum*⁵⁾ doprla do nas osakaćena, ne možemo opredijeliti jasnije ovu diobu i djelokrug jedne i druge vlasti, *praeses-a* i *dux-a*. Nu iz *Notitia Dignitatum* ipak doznajemo, da je bureau predsjednika Dalmacije — *officium praesidis Dalmatiae*, koji nam daje *Notitia* kao neki primjer⁶⁾, bio sastavljen ovako:

1) C. I. L. III p. 2459; Liebenam, *Forschungen zur Verwaltungsgeschichte des römischen Kaiserreichs*, I. Bd. S. 464, 150; O. Seeck, *Geschichte des Untergangs der antiken Welt* II. p. 55 ss.

2) Cons, *La province romaine de Dalmatie*, Paris 1882 p. 325; Liebenam o. c. p. 456.

3) Cons o. c. p. 281, 285.

4) Mommsen, *Röm. Staatsrecht* II. I p. 239; Hirschfeld, *Die kaiserlichen Verwaltungsbeamten bis auf Diocletian*. II. Aufl. p. 386 ss.; Seeck o. c. p. 82.

5) *Notitia dignitatum* ed. Otto Seeck p. 224.

6) O. c. p. 225: »15. *Ceteri praesides ad similitudinem praesidis Dalmatiae officium habent*«.

4. »*Sub iurisdictione viri perfectissimi praesidis Dalmatiae:*
5. *Provincia Dalmatiae.*
6. *Officium autem habet hoc modo:*
7. *Principem ex eodem officio.*
8. *Cornicularium.*
9. *Tabularios duos.*
10. *Commentariensem.*
11. *Adiutorem.*
12. *Ab actis.*
13. *Subadiuvam.*
14. *Exceptores et reliquos cohortalinos, quibus non licet ad aliam transire militiam sine annotatione clementiae principalis.»*

Prvi dokaz za ovu diobu namjesničke vlasti u Dalmaciji nalazimo god. 277.⁷⁾ u osobi namjesnika Aurelija Marcijana, a drugi godine 280.⁸⁾ u osobi M. Aurelija Tiberijana.

Dok nam je — što iz povijesti što iz natpisa — poznat dosta velik broj⁹⁾ onih namjesnika, koji su u svojim rukama imali sjedinenu i civilnu i vojničku vlast, *legati Aug. pro praetore*, ne poznajemo dosad iz natpisa od civilnih namjesnika, *praesides*, nego relativno samo malo njih¹⁰⁾, a to je ovih pet u kronologičnomu redu:

1. Aurelius Marcianus god. 277.¹¹⁾
2. M. Aurelius Tiberianus god. 280.¹²⁾
3. Flavius Valerius Constantius god. 282.—84.¹³⁾

7) C. I. L. III. 8707.

8) C. I. L. III. 12805.

9) Cons o. c. p. 363; C. I. L. III, p. 2459; Liebenam, o. c. p. 150; Lubić, *O upraviteljih Dalmacije za rimskog vladana u Radu Jugosl. Akademije kn. XXXI* p. 47 sl.

10) C. I. L. III p. 2463; Cons o. c. p. 365; Popis ovih namjesnika — *praesides* — i ako još ne strogo odijeljenih po kategoriji od *duces* vidi u Cons o. c. str. 289 sl., str. 365 sl. Lubić o. c. str. 49 sl.

11) C. I. L. III 8707. [*Imp(eratore) Caes(are) M(arco) Aur(elio) Pro]bo p(ri)ncipali f(elic)i invicto Aug(usto) p(ontifice) m(aximo) t(ribunicia) p(otestate) II, cons(ule) p(atre) p(atriciae), procons(ule), Aur(elius) Marcianus v(ir) p(erfectissimus) praes(es) prov(inciae) Del(matiae) d(evolus) n(umini) m(aiestatique) eius.*

12) C. I. L. III 1805. *Thermas rei p(ublicae) h[er]emal(es) [rog]a[nte] populo in ruinam [de]lap[sas] M. Aur(elius) Valerius v(ir) p(erfectissimus), ducen[ar]ius, ex protecto-rib(us) lateri[s] divini de frugalitate sua . . . [aed]ificavit et lavantes rei p(ublicae) tradidit, epulum quoque c[on]viviis suis ea die praebu[it]t Messala et Grato cos., dedicante M. Aurelio Tiberiano v(iro) p(erfectissimo) praes(ide) prov(inciae) Del(matiae).*

13) C. I. L. III. 9860. . . . iu[dex] [d]a[t]us a [F]lavio Val[er]io Cons[ul]a[n]sio [v. c.] p[raeside] p[ro]v[inc]iae [D]el[mat]iae [f]i[n]e[s] i[n]t[er] Salvia[t]as e[st] S[tr]ido[n]e[s]es

4. M. Aurelius Iulus god. 299.—304.¹⁴⁾

5. Flavius Iulius Rufinus Sarmentius god. 337.—350.¹⁵⁾

Stoga je svako novo ime ovakovih namjesnika lijep doprinos za povijest Dalmacije iz zadnjih vijekova rimskog gospodstva u našoj zemlji.

Iz ruševina solinskih — toga bogatog, gotovo neiscrpivog vrela za povijest rimske Dalmacije — bi iskopan u zadnje doba natpis jednog novog namjesnika ove vrsti.

Bio je natpis nađen god. 1905. u Solinu, prigodom poljskih radna u vinogradu čest. 3588 Ante Milišića pok. Jozipa u položaju, koji se zove

[d]e[t]e[r]m[in]avi[t]. Ovaj natpis drže krivotvorenim Mommsen i Hirschfeld (C. I. L. III. 9860; Vol. III. Suppl. Pars Prior p. 43* n. 394* 2—8). Ja sam protivnog mnijeña s razloga istaknutih u mojemu članku: *Wo lag Stridon, die Heimat des heil. Hieronymus* p. 276—280 u *Festschrift für Otto Benndorf zu seinem 60. Geburtstag, gewidmet von Schülern, Freunden und Fachgenossen*, Wien, Hölder. 1898. Isti članak talijanski u *Bullett. di arch. e stor. Dalm.* 1899 p. 142 s.

14) C. I. L. III. 1938, 8565. *Fortunae Conservatrici pro salute Marci Aureli Iuli v(iri) c(larissimi), auguris, praesidis provinciae Dassius notarius votum solvit.* Pod ovim *praeses* bi mučen Sv. Dujam (Domnius, Domnio), biskup Solina. Sr. Bull. dalm. 898 str. 128 sl.; 1900 str. 100. Bilo se je mnijeña, da se je ovo mučeništvo zbililo god. 299. Sr. Bull. dalm. 1900 str. 280. Nego da ja istraživaña, koja će se i nastaviti, govore vjerojatnije za god. 304; sr. Zeiller, *Les relations de l'ancienne Église de Salone avec l'Église romaine* (u Bessarione god. 1902—1903 fasc. 71 str. 236 Note 6); Bull. dalm. 1903 str. 178; Zeiller, *Les origines chrétiennes dans la province romaine de Dalmatie* p. 23.

U ovo doba, koncem III. i početkom IV. v., nekoji dokumenti nose dva namjesnika — *praesides* — Dalmacije. Jedan je *Dacianus*, opredijelen kasnije kao *praeses* Sirije, pod kojim bi bio mučen Sv. Juraj, biskup solinski (Farlati Illyr. Sac. I str. 677), a drugi *Tarquinius*, spomenut kao *praeses* u Aktim mučeništva sv. Felicija (Farlati o. c. I p. 112; Acta SS. Mai IV 168—169, III Ed. 167—168; Zeiller o. c. p. 22, 88), pod kojim bi bio mučen ovaj svetac. Nego po maloj *Chronica* od god. 395 sv. Felicij bio je mučen zajedno sa sv. Dujmom (Krusch, *Studien zur christlich-mittelalterlichen Chronologie* p. 227; *Analecta Bollandiana* XVIII, fasc. II p. 304; Bull. dalm. 1900 p. 89; Zeiller o. c. 22 s., 88 s.); po tomu ovaj *Tarquinius* bio bi *praeses* pokrajine god. 304. Nego kako je gori rečeno, ove godine bio je namjesnikom M. Aurelius Iulus. Jesu li *Dacianus* i *Tarquinius* i koje godine bili namjesnicima Dalmacije, treba još koje bolje potvrde.

15) C. I. L. III. 1982, 1983. *D(omino) n(ostro) Fl(avio) Constanti victori ac triumphatori semper Augusto Fl(avius) Iul(ius) Rufinus Sarmentius v(ir) c(larissimus) p(raeses) p(rovinciae) Dal(matiae) d(evotus) n(umini) m(aiestatique) e(ius).*

C. I. L. III. 2771. *Virtute et felicitate omnes retro principes supergresso d(omino) n(ostro) Fl(avio) Iul(io) Constanti victori ac triumphatori semper Augusto Fl(avius) Iul(ius) Rufinus Sarmentius v(ir) c(larissimus), praeses prov(inciae) Dal(mati)ae d(evotus) n(umini) m(aiestatique) eius.*

C. I. L. III. 8710. *D(omino) n(ostro) Fl(avio) Constantio victoriosissimo semper Augusto Fl(avius) Iul(ius) Rufinus Sarmentius v(ir) c(larissimus) p(raeses) p(rovinciae) Dal(mati)ae d(evotus) n(umini) m(aiestatique) e(ius).*

Glavičine, i baš ondje, gdje je na raskršću poljskih puteva prema sjeveru i prema zapadu po svoj prilici bila u staro doba *Curia* ¹⁶⁾.



Natpis je na kamenu vapnencu, visok 0·42, širok 0·60, debeo 0·35 m. Razbijen je u dva nejednaka komada, manjkav s desne strane i pri dnu, pa se ne zna, koliko je bio visok i koliko debeo. Na vrhu je površina cijela, ali malko odbijena. Sa objiju strana kamen je cio, a ima ogledalo kao i sprijeda, ali bez natpisa. Četverokutna luknja s gornje strane malo je manjkava pri vrhu: duboka je 0·12, široka na rubu 0·07, na dnu 0·09 m., a služila je za podignuće kamena ¹⁷⁾.

16) Sr. *Bull. dalm.* 1902 str. 26 i Tabl. I.

17) Ova je luknja s gornje strane daleka od ruba 0·27 m., a imala je stajati po prilici u sredini, po čemu cio kamen, uračunavši širinu luknje 0·07 m., bio je debeo po prilici 0·60 m. Bio je dakle kamen četverokutan. Pošto je ova luknja široka u vrhu i na rubu 0·07 m., a na dnu 0·09 m., to nije ona služila, da se u ņu što na-

Natpis je čitav u svim brazdama, pa i u samoj zadnoj, premda ima ondje odbijena prostora od 22×20 . U početku prve brazde i pri kraju ima po jedna tačka u obliku malog krsta, samo što je pri kraju krst veći i nepravilniji. Ima sličnih znakova na pr. i na natpisu solinskoga biskupa Justina iz V.—VI. v.¹⁸⁾. Nu pošto nema ovakova krsta u slijedećim brazdam, koji bi bio rabljen kao interpunkcija, naime kao tačka, onda nije isključena mogućnost, dapače je vjerojatno, da je ovaj krst u prvoj brazdi bio upotrebljen baš kao simbol ili valda kao simbol i ornamentalna interpunkcija u isto doba. Na početku i pri kraju druge brazde tačka je u obliku trokuta. Isti je znak i na početku četvrte brazde, kao i iza V i C pa iza P i D.

Slova su visoka 50 mill., nepravilna, iz kasnije dobe, a na većem dijelu njih vide se još tragovi *miniuma*. Slova su učinena, kako se vidi na slici, doduše prilično pomnivo, ali su manijerirana. Prerez u A nije ravni pravac, nego na kut, kako se to uvelo od IV. v. dalje¹⁹⁾. Slova P imaju horizontalni potez na podanku.

Natpis se čita: *Curante Apollonio Foebadio v(iro) c(larissimo), p(rae-side) p(rovinciae) D(almatiae)*.

Cognomen namjesnika *Foebadius* = *Φοιβάδιος* proizlazi prema *Φοιβάς*, *Phoebas*, a ovaj prema *Φοῖβος*. O imenima ove vrsti, koja su ponajviše grčka derivata²⁰⁾ i barem djelomice u nekom odnošaju sa tako zvanim *signa graecanica*, raspravljao je Diehl u *Rheinisches Museum* g. 1907 str. 390—420. Sr. također Mommsen u *Hermes* g. 1902 str. 443—455. Inače je ovo ime rijetko. Sr. Pape-Benseler, *Griechische Eigennamen* s. v. U drugoj polovici IV. v. spominje se jedan *Phoebadius*, biskup u Agenu (Agennum) u Akvitaniji drugoj u Galiji²¹⁾, svetac i crkveni pisac²²⁾. On prisustvova u Riminskom (Ariminium) erkovnom

sadi ili pričvrsti, nego da se u nu umetne željezni klinac, zvan *vuk* ili *mačak* (tal. *grippia*, nem. *Wolf*), da se može podizati kamen. Ovakih lukna nalazi se na kamenim spomenicima u Solinu (*Bull. dalm.* 1902 p. 5; 1903 p. 8) i rabi se kod majstora zidara svugdje za ovu svrhu.

18) *Bull. dalm.* 1900 p. 290; Zeiller, *Les origines chrétiennes* etc. p. 141, 177.

19) Cagnat, *Cours d'Épigraphie latine* p. 12.

20) Navadam samo neke primjere za tvorbu -d korena na -ius, kano na pr. *Leucas-Leucadius*, *Pallas-Palladius*, *Arcas-Arcadius*, *Hellas-Helladius*, *Pentas-Pentadius*.

21) Mas Latrie, *Trésor de chronologie* p. 1018; Gams, *Series Episcoporum Ecclesiae Catholicae* p. 479; Rigollot, *Ad Acta Sanctorum* p. 357; Duchesne u *Bulletin et Mémoires de la Société Nationale des Antiquaires de France* 1899 p. 364: »Agen, Phoebadius évêque d'Agen dans l'a. 357; est le plus ancien que l'on connaisse pour ce siège«.

22) Bardenhewer, *Patrologie* (II. Auflage, Freiburg i. B. 1901), p. 365: »Phübadius Bischof von Agennum im zweiten Aquitanien (Agen in Guyenne),

sinodu, gdje popusti Arijanima. Predsjedao je uz to god. 374. koncilu u Valenciji i god. 380. u Saragosi (Caesarugusta) kao najstariji biskup po godinama.

Osim biskupa Febadija spominje se taj cognomen također god. 414. poslije Kr. u Narbonu pri svadbi Ataulfa s Placidijom²³), a po datumu se vidi, da je to bio drugi Febadij, jer je biskup bio već godine 392. veoma star.

Kako natpis kaže, bila je pod civilnim namjesnikom *Apollonius Phoebadius* izvedena neka radnja: podignuta neka zgrada, neki spomenik. Ovo nam kaže riječ *curante*. *Cura, sub cura, agens curam, curare* u epigrafiji jest terminus, kojim se označiva koja radnja, javna gradnja, na pr. hramova, žrtvenika, kipova, terma, bazilika, puteva, vodovodâ itd. Za to imamo obilatih primjera²⁴).

Koja je to zgrada bila podignuta ili koja radnja izvedena pod ovim namjesnikom, to ne proizlazi iz natpisa. Ali ako uzmemo u obzir, da je tik uz ono mjesto, gdje je bio našast ovaj natpis, bila *Curia* stare Salone²⁵) i da je u ovoj okolici bilo slučajno i u više prigoda našasto starinskih predmeta odnosnih na *Curia*, kano na pr. natpis *duumvira*²⁶), onda možemo nekom vjerojatnošću ustvrditi, da se ovaj natpis odnaša na neku stanovitu javnu zgradu.

U naslovu ovog članka rečeno je, da naš natpis pada u V. vijek. Ovo nam potvrđuje paleografija i naslov *praeses* namjesnika Apolonija Febadija.

Koncem V. i početkom VI. v. namjesnici Dalmacije ne nose više naslov *praeses*. Pod Teodorikom (g. 493.—526.) nalazimo nekog Epifanija namjesnikom Dalmacije, sa naslovom *consularis*²⁷). Da se je god.

gest. nach 392. Er trat der zweiten sirmischen Glaubensformel vom Jahre 357 mit einer sehr beachtenswerten, schneidigen Kritik entgegen (*Liber contra Arianos*: Migne, P. lat. XX, 13—30). Außerdem gibt Migne unter des Phöbadius Namen die wahrscheinlich Gregor von Eliberis (Abs. 4) angehörende Schrift *De fide orthodoxa contra Arianos* (XX, 31—50) und ein Glaubensbekenntnis (XX, 49—50)ε.

23) Ekscerpt iz Olympiodora (Photios bibl. cod. p. 59^b): «λέγονται καὶ ἐπιθαλάμιοι, Ἀτάλου πρῶτον εἰπόντος, εἶτα Ρουσιτικίου καὶ Φοιβადίου· καὶ συντελεῖται ὁ γάμος παιζόντων καὶ χαϊρόντων ὁμοῦ τῶν τε βαρβάρων καὶ τῶν ἐν αὐτοῖς Ρωμαίων». — Cf. nadaže Suidas Lex. *Φοιβάδιον* (no bez tumačenja); nagađa *Φοιβάδιον* (može biti dakako ime djevojke ili žene).

24) E. de Ruggiero, *Dizionario Epigrafico* etc. s. v. *cura* str. 1323; Dessau, *Inscriptioes latinae selectae* II. I. p. 364 s.

25) *Vođa po Splyetu i Solinu* str. 233; *Bull. dalm.* 1884 p. 118; 1902 p. 4, 26; 1903, p. 15.

26) *Bull. dalm.* 1884 p. 118; 1902 p. 4, 26.

27) Cassiodori, *Variae* I. V. Ep. 24 u *Mon. Germ. histor., auct. antiquiss.* XII.

525.—526., u koje pada pismo Teodorika Epifaniju, namjesnik zvaoo *praeses*, jamačno ne bi bio ovaj naslov u pismu izostavljen. Da se pak pod naslovom *consularis* ima razumjeti civilni namjesnik, to proizlazi iz konteksta samoga pisma, koje se bavi nekim juridičko-administrativnim poslom, što ga je Epifanij imao urediti, i iz toga, što su u tom istom pismu spomenuta dva druga magistrata za vojničke poslove t. j. *princeps (Dalmatiarum)* i *comes*²⁸⁾.

God. 535. car Justinijan preustrojava rimsko carstvo i s administrativnog gledišta. U važnijim pokrajinam Istoka ukida diobu u osobi namjesnika, uvedenu u III. v., te spaja opet civilnu i vojničku vlast u rukam jedne te iste osobe pod raznim naslovim: *moderator, praetor, comes, proconsul*, kako za koju pokrajinu²⁹⁾. Ova reorganizacija, zbog raznih razloga, nije bila provedena u pokrajinam Zapada³⁰⁾. Dalmacija spadaše Istoku, te i ona dobi ovakog namjesnika, sa naslovom *proconsul*³¹⁾. Jednoga takoga poznajemo u osobi Marcellina, ili sina ili sinovca Ivana, čuvara bazilike solinskog mučenika Anastazija (Staša). Ovoga Marcellina jedan dokumenat iz god. 598.³²⁾ i jedan važan natpis iz god. 603. zovu *proconsul*³³⁾. Ovaj Marcellin valda je zadni namjesnik rimske Dalmacije, jer ako ne pod nim, a to malo kasnije bi razoren Solin i opustošena Dalmacija od Avara³⁴⁾.

Ako se dakle već god. 525.—526. namjesnik Dalmacije ne zove više *praeses*, onda pada naš natpis u V. v., u kojemu je još bio u običaju ovaj naslov. A tada možemo priličnom vjerojatnošću ustvrditi, da naš natpis nosi ime jednoga od zadnih namjesnika Dalmacije sa naslovom *praeses*.

Farlati, *Illyr. Sacr.* II p. 155—156: »*Epiphanio viro senatori, consulari provinciae Dalmatiae Theodoricus rex*«.

28) Idem, *Variae* »*magna inter collegas suos praerogativa decoratur quisquis gerit militiam, nomine principatus*« »*Comiti quidem provinciarum potestas data est, sed tibi iudex ipse commissus est*«.

29) Diehl, *Justinien et la civilisation byzantine au VI s.* p. 281 ss.

30) Idem o. c. p. 284.

31) Farlati o. c. II. p. 271.

32) *Bull. dalm.* 1904. Suppl. 1—3 p. 42.

33) C. I. L. III. 9527; *Bull. dalm.* 1906 p. 295.

34) *Bull. dalm.* 1906 p. 268 sl.

Splj^{et}.

Fr. Bulić.

Zapadna »Epistola o nedelji« v južno-slovanski književnosti.

Znano je, da po osodni razdelitvi grške in rimske cerkve književna vzajemnost med južnimi Slovani ni popolnoma prenehala, kajti več bolgarskih spisov nahajamo še pozno pri hrvaških glagolaših, od njih pa so dobili Bolgari še v sredini 14. stoletja »Trojansko pričo«, ki je prešla tudi k Rusom kakor še drugi srbsko-hrvaški prevodi zapadnih spomenikov.

Omenil sem že v Archiv-u f. slav. Phil. XXVIII, 382, da k takim srbsko-hrvaškim spomenikom spada tudi Епистоля о недѣль, ki jo je izdal K. Radčenko v 18. t. kijevskih Чтеній въ историч. обществѣ Нестора Лѣтописца¹⁾ (str. 1—21 v ponatisu) po rokopisu plovdivske mestne biblioteke (No. 34) iz 16. stol. in po rokopisu belgradske narodne biblioteke No. 483 (562) iz 18. veka. O jeziku obeh spiskov sodi Radčenko, da je v svoji osnovi srbski, v plovdivskem jako blizek živemu narodnemu govoru; neke posebnosti pa vendar kažejo, da so »avtorji« teh spiskov bili Bolgari. Po vsebini pa se oba spiska popolnoma razlikujeta od drugih dozda znanih spiskov »Epistolije«, predstavljata torej posebno redakcijo in izhajata od »nega ali prej dveh« grških izvirnikov.

Omeniti moram, da je tekst obeh rokopisov precej pokvarjen; da imamo tudi v staršem plovdivskem samo prepis, kažejo pogreški n. pr.: нѢ 14₁₃ = ѣднѢ belgr., смере 16₆ = лицемѣrie belgr., црквеннехъ 8ста 13₂₂, t. j. оцкврненнехъ (pr. ѡцкврнающа 16₂₁) za оскв— (Miklosich, Vergl. Gr. I², 420). Zaradi tega je težko govoriti o bolgarizmi obeh rokopisov, kajti n. pr. slučaj člena, ki ga navaja Radčenko (str. 2): велиеть гн 13₁₀ je prosta pogreška za великъ (morebiti prvotno велий) еси ты гн belgr. Nočem pa trditi, da vsaj plovdivski prepis ni napisan med Bolgari (pri tem pa se še vedno lahko misli na katoliške misijonarje in dubrovniške trgovce) in da belgradski ne kaže malega sledu »srednjobolgarskega pravopisa«, vendar je jasno, da je

1) Ne v odeskih Лѣтописи въ истор.-ѣил. Общ., kakor pravim krivo v Archiv-u.

njih izvirnik prišel iz južno-zapadnih srbsko-hrvaških krajev, bržkone iz samega Dubrovnika, ker to dokazuje njihov jezik.

Izmed jezikovnih posebnosti se najprej zapazijo pridevniške končnice *-iem*, *-ieh*, *-iemi* za *im*, *ih*, *imi*.

-iem pakajamo v instr. sg. аворисцинемъ (под двѣомъ —, t. j. мамврийскимъ) in v dat. pl.: живнемъ и мртвнемъ 14₂₀₋₂₁, едѣцинемъ 15₅, светнемъ 15₆, васакнемъ 16₆, смѣшающinemъ 16₁₈, сваѣающinemъ 16₁₉, лажѣцинемъ 16₂₀, творещinemъ 16₂₁, верѣющinemъ светнемъ 16₂₂, неверѣющinemъ 16₂₃, почитающinemъ 16₂₄, светнемъ 17₉. Poleg teh 14 *iem* v dat. pl. nahajamo samo 5 *im*: вашinemъ 15₂, ненавидѣцинемъ 16₁₃, сдавляющinemъ 16₁₇, бѣдающinemъ 17₈, шведѣщinemъ 17₁₀.

-ieh v gen. pl.: лѣкavicнѣхъ 13₁₉, вашнѣхъ 13₁₉, 15₂₃, 16₉, светнѣхъ 14₁₅, 16₂₃, многошчнтнѣхъ 15₉, хѣровиннѣхъ, серапиннѣхъ 15₁₀, нечастивнѣхъ, црквеннѣхъ (!) 15₂₂, благнѣхъ 15₂₅, знѣхъ 16₉. Ni torej že davno nobenega razločka med trdimi in mehкими koreni, kakoršnega je iskal Daničić (pr. Rešetar, Der štokavische Dialekt, 176). Dvakrat čitamo *monѣхъ* 14₁₅, 15₂₅, kar se nahaja tudi v drugih dubrovniških tekstih (Daničić, Историја облика 190). Poleg 13 oziroma 15 *-ieh* se je vkral samo eden *ih*: шестокриластнѣхъ med хѣровиннѣхъ in серапиннѣхъ 15₁₀.

-iemi v instr. pl.: (днѣти) вашнемн 15₃, (очнма) — 15₃, светнемн 17₂.

Semkaj je treba tudi šteti loc. pl. на невѣснѣхъ 15₂₄.

Oblike *ijem*, *ijeh*, *iemi* namesto *im*, *ih*, *imi* se rabijo v Dubrovniku »bez iznimke« (Budmani, Rad jugosl. ak. LXV, 172), ali skoro enako izključno tudi v Hercegovini, Črni Gori in Boki (Rešetar, Der štokavische Dialekt 176).

Bliže omejuje kraj zamena starega *ѣ*. 17 krat čitamo *ie*: сѣвнѣ 13₇, внѣшѣ 13₈, внѣхъ 14₂, разѣмнѣтѣ (не—ше!) 13₁₃, 14₁₀, грнѣхѣ (g. pl.) 13₁₉, грнѣхъ 17₂, гннѣвъ 14₄, дрнѣвъ 14₈, рнѣкѣ 14₁₀, заповнѣдѣ 14₁₄, 22, 15₁, 16₁, звнѣрь 15₂, днѣти 15₂, днѣла (g. pl.) 16₉. Poleg tega pa se piše većinoma *e* in sicer ne samo po *r*, kar tukaj ne pomeni mnogo, ker smo ravnokar našeli več *ie* po *r*, ampak tudi v drugih primerih: прѣкалнѣти 13₇, грѣхѣ 14₁₈, грѣшннѣ 13₂₂, врѣмѣ 13₂₁, средѣ 15₅, дрѣва 15₁₆, ва чрѣвѣ 16₁₇, дѣла (n. pl.) 13₁₀, дѣло 15₄, дѣлати 17₁₃, недѣлѣ 14₁₄, 16₁₇, 20, 16₂, 24, 17₃, 13, недѣлѣ 14₁₄, недѣломѣ 14₂₁, наследнѣтѣ 14₂₁, веровастѣ 13₁₈ (v tekstu: веровахѣ!) 13₂₅, верѣ 16₂₁, верѣющinemъ 16₂₂, неверѣющinemъ 16₂₃, верѣтъ 16₂₇,

смешающнмъ 16₁₈, бесовска 16₂₁, шведшнмъ (родителе свое) 17₁₀, вечни 17₁₂, шветъ 16₁₀, чловекъ 15₃, 16₂₆, чловека 15₁₂, чловекъ 15₁₅, 16₁₁, чловеци 15₁₆, 16₁₅, чловечански 14₂, видеше 13₅, видесте 14₁₅, 17₁, 19₁, 17₁₅. Така *e-* in jekavska mešanica je navadna v dubrovniških listinah od 13—15. stoletja (Rešetar o. c. 84) in še danes se nahajajo ekavizmi tudi v Boki (ib. 72). Posebno važni pa so primeri za *i* nam. ж: дила (g. pl.) 13₁₉, непо[ко]ликимога 15₈; semkaj štejem tudi виѣс 15₁₇, t. j. věca v pomenu iudicium (Daničićev Pječnik из књижевних старина српских има само вѣча consilium) kakor v slovenščini (gl. A. Kaspret, O večah, Časopis za zgodovino in narodopisje IV. 214 sl., 225, Pleteršnik Slovar II. 752), ki ima v besednem zakladu večkrat stike z Dalmacijo (v poljščini je wiece Adelsgericht, kar navaja Miklosich EWb. 388, po primerih v Lindejevem Slovníku n. pl. od wiece).

Bržkone je tudi приѣтоли 15₆₋₇; pogrešek za пристоли (mogoče je seveda tudi приѣтоли), kajti v isti vrsti imamo tudi непо(ко)ликимога in *i* še je danes v takih prefiksih in predlogih navaden (Budmani, Rad LXV, 156₈). Taki ikavizmi se vjemajo s staršim dubrovniškim narečjem, ali ni izključeno, da so ostanki, ki kažejo, da je prevod nastal še bolj na severu od Dubrovnika.

Izmed drugih posebnosti, bi kažejo jasno na Dubrovnik in primorske kraje, še omenjam: *va* za *vъ*, kar pripisuje Miklosich Hrvatom (Vgl. Gr. I² 414) n. pr. ва дань сѣдни 16₁₀, ва чрѣве 16₁₇, ва скрѣс недѣлѣ 14₂₀, 17₃ (samo enkrat в цркви 17₈); vokalizacijo *l* v tujki отаромъ 13₆ (Radčenko je kakor še v nekaterih drugih dialektičnih slučajih pristavil *sic*, ali ta oblika je v Dubrovniku navadna, Budmani, Rad LXV. 162₄₃, pr. 163); medglasniški *r* za *ž*: тѣре 13₁₃; *p* za *f*: серапнинехъ 15₁₀; *shv* za *skv*: шцкврноюца 16₂₁, црквеннехъ t. j. оцкврненнехъ 15₂₂; izredni ostanki *i* za *y*: acc. sg. ками 13₁₁ (vendar камень 15₁₁), acc. pl. ва веки 13₂₄, acc. pl. на ки 13₂₀, 24, 15₁, 17, 20, 16₃, 8 (kami, vi . . .) je jako obično u Boci, Kušar, Povijest razvitka našega jezika hrv. ili srp. 85; enklitični v Črni Gori navadni dat. pl. se čita: кѣс кѣѣ азъ 15₁); pristavljen *j* v pronominalni deklinaciji: томѣн 16₁₂, 17₆, 8, толкѣн (силѣ) 13₈; imperfekt na ѣнъ: вѣше 13₈, вѣхъ 14₂, pr. Miklosich Vgl. Gr. III. 224, Daničić Историја облика 302—305); z glagolom *imat* sestavljen futur (Miklosich Vgl. Gr. III. 247 ga pripisuje Hrvatom): имамъ исѣштити 14₉, 15₆₉, послати имамъ 15₁₁, попацити — 15₁₂, пѣстити — 15₁₇, 20, 16₃, имамъ пѣстити 15₁₈, сатворити имамъ 15₂₃, kjer ima beogradski rokopis rovsod хоцоу ali хоѣю. Zapadna je tudi besedna oblika v gen. вак[рс]нѣтн

14₂₁ v pomenu resurrectio poleg Ѹскрѣснїе 15₁₅ (Daničić Рјечник из књижевних старина српских паваја само въскрѣсенїе) in pa katoliško ime Ivan: Ѡивана 14₁₉ (iŭnaa belg.) poleg pravoslavnega иввана 14₄.

V varijantah belgradskega rokopisa so jekavizmi redki (гннїва 19), zato na nahajamo jasne zapadne srpsko-hrvaške oblike: gen. sgl. недѣли 19 (pr. Daničić Историја облика 16, Miklosich Vgl. Gr. III. 210), швоуи (книгоу), тоган, никаморѣ 19, томоуи 20 (dvakrat).

Tu imamo torej filološki dokaz, da je na jadranskem morju bila znana Epistola o nedelji in nekje tam tudi prevedena; ohranjena nam je torej zapadna redakcija, kakoršno sta predpolagala A. N. Veselovskij za ruski tekst Tichonravova (Журналъ мин. нар. проев. 1876, мартъ, 115—116) in S. G. Vilinskij za bolgarske tekste 16. in 18. stoletja (Лѣтописи историко-ѳилол. общ. X., Одесса 1902, str. 105, 108—111), kajti tu je v ospredju Rim (v plovdivskem rkp. sicer ni naravnost imenovan kakor v belgradskem dvakrat, ali jasno kažejo nanj uvodne besede ва храмѣ стого апѣстола петра) in ni treba z Veselovskim in Vilinskim misliti, da ruski in bolgarski teksti izhajajo iz kakega grškega, ki je bil predelan iz kakega latinskega.

Ne dvomim, da izhajajo ruski teksti Tichonravova, bolgarski (pr. posebno pogreško мѣри Vilinskij 118 in с мѣре plovdiv. = лицемѣриe belgr.) in oba srbsko-hrvaška iz istega prevoda, ki se je mnogo predelaval, popravljaj, razširjal in krajšal, seveda tudi večkrat prikrajaj domačim razmeram (pr. »episkupa« in patrijarha Novaka v plovdiv. rkp. nam. Jonna belgr.).

Mogoče bi seveda bilo, da je kak starši bolgarski tekst prišel k Hrvatom in Srbom na jadransko morje in dobil tukaj narodno obliko, vendar proti temu govori stvar sama po sebi in vsled tega tudi letnica 1478 bolgarskih tekstov (Vilinskij 104). Tudi na to se smemo sklicevati, da se v vseh naših tekstih poleg Nedelje slavi tudi Petka; ta pa se je, kakor je Veselovskij (80—101) dokazal, začela častiti na zapadu, kjer so jo posebno povzdignili flagellanti. Torej tudi to kaže, da je izvirnik prišel še le pozno iz zapada, ko ni več misliti na bolgarski vpliv na jadranske Hrvate in Srbe. Vendar latinskega ali laškega (na takega sploh ne bi mislil, ker oba srbsko-hrvaška teksta ne kažeta v takih prevodih navadnih italijanizmov) izvirnika za naše tekste še ne znamo, rečem pa lahko, da mu je najbliži od Stumpfa¹⁾ v »Historia

1) Neue Mittheilungen a. d. Gebiete historisch-antiquarischer Forschungen, hrsg. v. d. thüringisch-sächsischen Verein f. d. Erforschung des vaterländischen Alterthums. II. B. 1-es Heft, 1835.

flagellantium praecipue in Thuringia« izdani latinski tekst (pr. Veselovskij, 89—90).

Jasno dubrovniška sta od Radčenka iz istega plovdivskega rokopisa въ Извѣстіяхъ Отд. русск. яз. и слов. Имп. акад. наукъ Т. VIII. Кн. 3 str. 349—352 izdana apokrifna teksta Почетие свята in nepopolno pripovedovanje o koncu sveta, vendar vsaj prvemu se pozna cerkveno slovenski, bržkone glagolski izvirnik (n. pr. Eva se dosledno zove **εβγα**), spada torej med glagolske in cirilske tekste, kakoršne je Jagić objavil v svojih »Prilozih« že l. 1868. Nadaljevanje njegovega dela posebno na tem polju še obeta mnogo sadu.

Dodatek. Ko sem pisal ta članek, še nisem imel pri roki maloruskih tekstov, ki jih je izdal Dr. Ivan Franko v IV. t. »Apokryfy i legendy« (izd. arheografična komisija Naukovogo tovarystva imeny Ševčenka, u L'vovi, 1906). Neznani sta mi bili tudi razpravi Maximiliana Bittner-a »Der vom Himmel gefallene Brief Christi in seinen morgenländischen Versionen und Rezensionen« (Denkschriften d. kais. Akademie d. Wissenschaften, phil.-histor. Kl., B. 51, Wien 1906) in pa P. Hippolyte Delahaye, S. I. »Note sur la légende de la lettre du Christ tombée du ciel« (Académie royale de Belgique, Bulletin de la classe des lettres 1899, p. 171—213). Proti drugim učenjakom sta Delahaye in Bittner dokazala, da so grške verzije in čez nje vse vzhodne prišle iz zapada. V kaki zvezi so slovanske med seboj in z grškimi izvirniki, na katere je vendar treba misliti vsaj pri večini slovanskih verzij in recenzij, bo še treba natančno preiskati.

Gradec.

M. Murko.

Etymologisches.

Jeriča sf., slow., 'die stachelige Kastanienschale'. Pleteršnik s.v. vergleicht *ježica* von *jež*, was lautlich nicht angeht, weil *č* nur durch Annahme einer ungewöhnlichen Fernassimilation vor Wandlung des intervokalischen *ž* in *r* erklärbar wäre. Gleichwohl steckt im Worte der Name des Igels, doch nicht der slawische, sondern der romanische, wie er aus dem Rumänischen auch ins Kleinrussische als *jaryč*, *jarej* eingedrungen ist (Miklosich, EW. 100: jaričŭ). Für das nur im Westen gebräuchliche slowenische Wort hat man indes nicht vom Rumänischen, sondern von dem Italienischen oder Rätoromanischen auszugehen, wiewohl auf diesem Gebiet heute das anlautende *e* geschwunden ist; denn vom lat. *ericus* 'Igel' hat man im Ital. jetzt nur *riccio* 'Igel, stachelige Schale, Kapsel, Hülse der Kastanie', friaul. *rizz* 'scorza spinosa della castagna, animale Erinaceus' usw. (Pirona s.v.). Andere romanische Sprachen haben noch den anlautenden Vokal: drum. *ariciu*, megl. *arič* neben *rič* 'bogue, hérisson, enveloppe épineuse de la châtaigne', provenz. *erissons*, afrz. *ericon*, *ireçon*, span. *erizo*, port. *ericio* (Körting² 3273). Das slow. Wort geht daher auf eine Zeit zurück, wo die benachbarten rom. Sprachen noch *e* im Anlaut hatten; die Geschlechtsänderung kann mit Anlehnung an die ähnliche Bedeutung aufweisenden Feminina wie *ježica*, *lupina*, *luščina*, *robina* u. ä. eingetreten sein.

kudâti v. ipf., slow., 'denken, meinen' (im äußersten Westen). — Aus dem Romanischen: **cōgitāre*, **cūgitare* für alat. *cōgitare*. 'denken' entwickelte sich zu altital. *coitare*, provenz. *cuidar*, afrz. *cuidier*, span. *cuidar* (Körting² 2305). Das Vorkommen des Wortes im Slow. ist ein Beweis für dessen langes Leben im Nordital. (beachte *d* für *t*) oder Rätoromanischen.

ladrōna sf., slow., 'enge Gasse' (im äußersten Westen). — Aus friaul. *androne* 'vicolo angusto ed ignobile, lat. barb. *androna*, gr. ἀνδρών' (Pirona 6); lat. *āndrōn*, *āndrōna* (ἀνδρών) 'ein Gang zwischen zwei Mauern eines Gebäudes', ital. *androne* 'breiter Gang, Vorhaus' (Körting² 639). Wenn das anlautende *l* nicht schon im Romanischen angetreten

ist, so dürfte sich aus *androna* zunächst **nadrone* und daraus durch Ferndissimilation *ladrona* entwickelt haben; eine andere Möglichkeit ist die, daß im *l* der rom. Artikel stecke und das erste *n* durch Dissimilation geschwunden sei, wobei bei einem *vicolo angusto ed ignobile* infolge einer volksetymologischen Adideation der darin auflauernde *ladrone* 'Räuber' mit im Spiele gewesen sein mag.

marânĉa sf., slow., 'die bei Verschreibung des Vermögens auf den Sohn zu entrichtende Gebühr, Übertragungsgebühr'; das Wort wird in dieser Form im Tolmeinischen gesprochen, wo auch, doch seltener, die Form *naranĉa* gehört wird. — Diese letztere eröffnet uns den Ausblick auf den Ursprung des Wortes, welches das abgekürzte ital. (ven.) *onoranza* wiedergibt: 'rigaglia, quel più che si cava delle possessioni date altrui in affittanza; dicesi anche in Veneziano regaglia' (Boerio 452, 562); friaul. *onorânze* 'onoranza: contribuzioni, che i fittajuoli delle terre devono pagare al padrone quasi a titolo di regalo in aggiunta al fitto' (Pirona 275). Wegen der Bedeutung vgl. das bayr. *Ehrung* (*Êrung*) 'Geschenk, das bei verschiedenen Gelegenheiten herkömmlicherweise gemacht werden muß, vorzüglich bei Hochzeiten. Heutzutage besteht die Êrung auf Hochzeiten besonders in dem, was der Hochzeitsgast außer dem bestimmten Mahlgelde gibt. In der feudalen Terminologie ist Êrung dasjenige, was bei Gutsveränderungen außer dem *Laudemium* gegeben wird. Nicht selten sind die Ehrungen förmliche Abgaben. Der Êrschatz, Abgabe bei Lehensveränderungen an den Landesherrn zu entrichten (verehren), *Laudemium*. Ein êrschatziges Gut, ein erbfalliges, solcher Abgabe unterliegendes Gut' (Schmeller-Frommann, Bayr. Wört. I, 126—127). In *maranĉa* trat *m* für *n*, indem wohl *pomoranĉa* neben *naranĉa* mitwirkte; vgl. indes auch *Miklavž*, *Mikloš* gegenüber *Nikolaus*.

merežâti v. pf., slow., 'womit versorgen, anschaffen', meist reflexiv (im Westen). Das Wort erlitt eine Metathesis aus **remežâti* (vgl. *reméselj* 'Lonĉera caprifolium' für **maréselj* aus **maresèlj* = it. *madreselva*). In **remežâti* steht *ž* für ven. *dz*, *z*, resp. friaul. *z* aus ursprünglichem lat. *dĭ*, wie wir auf slow. Gebiet solches *ž* (allerdings nicht bloß für *dĭ*, sondern auch für *gĭ*) auch sonst finden: ven. friaul. *zenso* > slow. *ženso*, *žensev*, friaul. *zornâde* (giornata) > *žrnâda*, friaul. *zej*, *zeja* > slow. *želj*, ven. *zogo*, friaul. *zug* > slow. *žoga* 'Spielball' usw. Das dem **remežâti* entsprechende friaul. Wort lautet *rimedĉâ*, *rimiedĉâ* 'rimediare, riparare, provvedere, ersetzen, sicherstellen, versorgen', ital. *rimediare* und *rimedire* neben *redimere*, aus welchem die zuerst angeführten Formen durch Kreuzung mit *rimedio* 'Hilfe, Mittel' erklärt werden (vgl. Körting²

7865). Das gelehrte *rimedio* hielt wohl auch die Wandlung des *dī* in *ǵ* (*dz*, *z*) im Ital. in Friaul. auf, doch nicht, wie das slowenische Wort zeigt, mit vollem Erfolg.

pār sm., serbokr., 'Augenblick, Nu': u jedan par 'auf einmal, jetzt'; u ovaj par 'jetzt'. — Das Wort ist zu scheiden von *par* in der Bedeutung 'Paar' und ist einheimisch. Es gehört zur Wz. *per-*, die 'schlagen, stoßen, treten, reißen' bedeutet (bei Miklosich Et. Wtb. *per-* 2, 3, 4). Ähnliche Bezeichnungen für 'Augenblick' sind: *raz* 'Hieb, Schnitt', bayr. *Hieb* 'Augenblick' (davon slow. serbokr. *hip*), ital. *botto* 'Schlag', slaw. *krat* lit. *kařtas* 'Hieb', vielleicht auch d. *Mal*, dessen Bedeutung 'Narbe, auf 'Hieb' weist.

skaramucha m., poln., 'Buffo, Hanswurst, lustige Person'. — Aus r. *скоморохъ* *скомороха* 'Gaukler' umgestellt, worüber Miklosich, Et. Wtb. sub *skomorchū* zu vergleichen ist.

skarga f., poln., 'Klage', *skarżyc* 'anklagen', slowak. *skarha* id., wr. *skarha*, *skarżac* 'id. '; os. *skoržic*, *skoržba*, ns. *skarżys*. Bei Miklosich, Et. Wtb. 298, unerklärt. Das Wort hat schon der Bedeutung wegen nichts mit *kara*, *karati* zu tun. Das in Schlesien gebrauchte čech. *skarba* ist aus dem poln. *skarga*, wobei nur das ungewöhnliche *-ga* durch den bekannteren Ausgang *ba* anderer Wörter ersetzt ist; ähnlich sind aus dem Polnischen auch die weißr. und slowak. Wörter herübergenommen. — Das Wort ist wohl — denn ein slav. Suffix *-ga*, *vga* gibt es nicht — aus dem Deutschen entlehnt, wo wir finden: bayr. *schergen*, *aufschergen* eine Person oder Sache (bayr. Wald, verächtlich), sie anzeigen, anklagen, verklagen; andere *verschergen* (*vā'schiō'gng*); im Salzbr. der *Schergant* licitor von *Scherg* der Gerichtsdiener: ahd. *scarjo*, *scaro*, mhd. *scherje*, *scherge* (Schmeller-Frommann II. 465 f.); steird. *schirgen* 'gerne anzeigen, heimlich anklagen, verraten, anschwärzen', *Schergantel* 'Postenträger, heimlicher Anzeiger' (Unger-Khull s.v.) Auch im Polnischen heißt *skarga* 'Klage' nur in gerichtlichem Sinn und *skarżyciel* ist neben 'Ankläger' geradezu 'Denunziant'. Formell steht unserer Zusammenstellung nichts im Wege, besonders wenn wegen des *sk* die Entlehnung in ziemlich frühe Zeit verlegt wird; poln. *a*, os. *o* kann gleichfalls nicht auffallen.

soł m., poln., 'die Speisekammer in Bauernhäusern'. Miklosich erklärt es im Et. Wtb. 314 nicht. — Es ist das d. *Saal*, mhd. *sal* 'Wohnsitz, Saal, Haus, Halle (meistens nur einen Saal enthaltendes Gebäude) auch Tempel, Kirche'. Wie *Kammer* zum Begriff 'Speisekammer = Ort, wo Speisen aufbewahrt werden', so sank auch der weite, geräumige *Saal* zu demselben engen Begriff herunter; deutsches

á wird zu *o*, vgl. *krochmal* aus *Kraftmehl*, *grof* aus *Graf* usw. (Korbut, *Prace fil.* IV. 398 f.). Anlaß dazu gab in unserem Wort die d.-schlesische Aussprache des *sal* als *soal* (Weinhold, *Deutsche Dialektf.* 28); vgl. auch kárant.-d. *sál*, *sól* 'derjenige Raum im ersten Stockwerk des Hauses, der über der *láb'm* (Laube) sich befindet' (Lexer 24).

vidati v. ipf., serbokr., 'heilen': *vidati ranu* 'die Wunde heilen'; *vidar* 'Wundarzt, Chirurg'. Miklosich im EW. 391 b vergleicht rum. *víndec* 'heilen' < *vindico* 'rächen, retten, aus der Krankheit retten, heilen' (Puşcariu 1893). Der Ausfall des *n* und der Abfall der Silbe *-ek* (*-ik*) wäre bei Annahme von Miklosichs Erklärung unbegreiflich. Hält man hingegen dazu das slow. *videti koga* (kdo me bo pa bolnika videl? 'wer wird mich Kranken betreuen, besorgen?' in Sedlo bei Karfreit), so ist offenbar *vidati* nur das Iterativ zum Durativ *viděti* 'sehen'. Der Begriff der Besorgung des Kranken, der Sorge um dessen Heilung, um dessen Pflege wird häufig durch Ausdrücke für 'sehen, besichtigen, wahrnehmen' wiedergegeben; vgl. gr. *ἐφορᾶν* 'besichtigen, besorgen, sich kümmern, Kranke besuchen'; d. *besehen* (ált. Spr.) 'besuchen, besorgen, pflegen, warten: »Den Nakaten kleiden, den Kranken besehen, den Toten begraben.«' (Schmeller-Frommann II. 245). Der Akzent des serbok. Wortes stimmt gleichfalls zu r. видать = видывать. Die Form *vidati* war einst allgemeiner als jetzt, wo sie einigen Sprachen ganz abhanden gekommen ist.

voltrín sm., slow. In Trubers »Catchismus s dveima islagama« 387 lesen wir: »Vmei nimi se ne ima naiti obena Curba ali Curbar inu oben Pankart oli Voltrin.« Die Bedeutung ist demnach 'Bastard, der außer der Ehe erzeugte'. Das Grundwort ist offenbar das lat. *adulterínus* 'im Ehebruch erzeugt'. Bedenkt man, daß das lat. *adulter* 'Ehebrecher' im altital. *avoltero*, provenz. *avoultre*, *aoultre*, afrz. *avoultre* (über **abulter*, vgl. Körting² 25) lautet und sich sogar zur Bedeutung 'Bastard' entwickelt hat, so ist damit auch die Form des slow. Wortes aufgeklärt. Das anlautende *a* ging wie im dialektisch im Westen gebrauchten *vokât* aus ital. *avvocato* im Sandhi nach Wörtern mit auslautendem *a* verloren.

Graz.

K. Štrekelj.

I. Połobske teksty.

Macte, doctor, etiam mortui te salutant!

Pěkna a khwalobna je to mysl, wučeneho a wšostronscy lubowaneho wjednika našeje słowjanskeje filologije při swjedženju jeho 70. narodninow ze zběrnikom we wšitkich słowjanskich řečach postrowić a zwjeselić, dokelž džě wón je wšitke a tež najmjeńše mjez nimi z jenantkej lubosću pěstuje!

Zo by so tuto wotmyslenje wšomóžnje dospěło, k tomu ma tež tole ponižne džěłko služić. Njeh we nim naši słowjanscy bratřa z najdalšeho sewjerezapada, *limborscy Drjewjenjo*, na khwilku ze swojeho wěčeneho spanja wstanywši we swojej maćeršćinje k njemu řeča, kotraž je před nimale 175 lětami na wšě časy wuklinčala a z nimi do rowa spada, a ja njeh sym z jich tołmačom.

W řeči limborskich Drjewjan je so nam jenož něšto małko ze sobu zwisowacych a zwjazanych tekstow zakhowało, wšo druge su jenož jednotliwe słowniske słowa a někotre po tych žórłach rozpróšene jednotliwe sadki, po němskich sadach zběračela ad hoc pak lěpje pak hórje, njerědko samo mylnje přeložene, za čož njeh je k dopokazej jenička sadka z *Pfeffingeroweho* vokabulara (Chap. 20, Des phrases): Voulez-vous coucher avec moi? — *Jás nitz Sobóot* (t. j. joz nic sápot = ds. ja nocom resp. nok spaš), štož njeje přeložk francoskeho abo přenjotnje němskeho prašenja, ale wotmołwenje na njo, hišće džensa wo póćiwosći woneho Drjewjanskeho holiča swědčace, kotrež tak raznje wotpowě.

Dołho je trało, doniž so wšitke te powostanki połobskeje słowjanšćiny limborskich Drjewjan wědomostnemu swětej w zhromadnej knizy předpoložichu a přistupne sćinichu. To je skónčnje na wabjenje wědomostneho towarstwa mjena wjercha Jabłonowskeho w Lipsku sćinił dr. Pawoł Rost w knizy: *Die Sprachreste der Draväno-Polaben*. Leipzig 1907, štož je jeho wulka zaslužba.

Do tych zwjazanych tekstow slušuju wšo we wšom tele: 1. *Tři legendy* w lišće *Mithoffa*, přir. Rost, str. 47 sl. 2. *Tři rozmołucy* w

khrónicy *Paruma Schultze*, přír. Rost, str. 67 sl. 3. *Ptači Kwas*, narodna pěseň z hłosom zapisana wot *Khř. Henniga*, přír. Rost, str. 175 sl. 4. *Wótčenaš* w štyrjoch recensijach a to: a) *Mithoffowej* ze snadnušej próstwičku (Rost, str. 47). — b) *Hennigowymaj* trochu mjez sobu rozdžělnymaj (Rost, 177 sl.). — c) *Müllerowej* z přidawkom tak mjenowaneje spowědže (Rost, 51 sl.) Wot tutych tekstow buštej *Wótčenaš* a *Ptači Kwas* často wotpisowanej a tež na pokazku řeče Drjewjan we wšelakich knihach zwotčišćowanej, přěniše pak wostachu nimale nje-wobkedžbowane a njeznate, štož je čím spodziwnišo, čím wažniše a zajimawše wone su jako powostanki połobskeje *ludoweje* řeče. Přetož tón *Wótčenaš* njeje žadyn ani wot limborskich Słowjanow hdy by! wužiwany ani cyrkwinscy postajeny, ale je kóždy wonym zapisowarjam po jich němskich słowach ad hoc lěpje hórje přeloženy tekst Knjezoweje Modlitwy, haj Müllerowy *Wótčenaš* ze spowědžu je samo ho!y njelepy falsifikat.

Zhromadnje tute teksty hišće wot nikoho wozjewjene njebuchu, kajkež je ja tu podawam pod a) w *lisćinskim* a pod b) we *znormalisowanym* prawopisu, jenož Knjezowu tu Modlitwu z jeje přiwěškami sym w stronu wostaji!l, dokelž ta žadyn wutwor ludowe!o ducha njeje, kaž *Ptači Kwas* a te legendy, kotrež wěšće z časa do reformacije pokhadžeju; a k nim hodža so z dobrym prawom Rozmo!wy *Paruma Schultze* přiličíc, dokelž běše Šolta muž z ludu a sam limborski Słowjan, kiž swoju maćeršćinu hišće znaješe; wšitcy druzy zapisowarjo pak běchu Němcy abo Njesłowjenjo, drjewjanšćiny njewědomi.

Při přepisanju tekstow do znormalisowane!o prawopisa sym so zwjetša postajenjow *A. Schleichera* dđeržal, w někotrych dypkach sym so *P. Rostej* přidružil, w druhich pak sym po svojich zasadach šol, ale wšitke te zasady a zakonje tu nadrobno rozestaječ, by mjezy městna mi přiměrjene!o přestupi!o, tuž porěču snadž pozdžišo raz wo nich po wudaču *drjewjano-po!obskeje* řečnicy, kotruž je nam dr. P. Rost slubi!l.

A. Tři legendy.

I. a) *Plötüs Wasang drenü Wottong rösgung suitsj Wargnüme Búsje nosüje prowa tsilesoi coquile Wargne Búsaz copcung caroi aipoi-stus toquüle Moroika slase a[i]poistas. Tjiriüleis.*

b) *P[i]lótüs wázü drenüwótö rözgü, swicé wärchnümü Bügöj nó süje (m. jég) prówé célesäi: kok wile wärchnü Búzác kopkü (mylnje m.: kop-küv) káräi üüpüustás, tok wile Mordájka slázé (slúz) üüpüustás. Kirioléis.*

II. a) *Daans ian Moroin daanaaz Waddaan noos Jesús porüdeine töhr daan dump jalajec trite daan afstörial comine Wade simia tu wissi*

noos *Jesus afstōrial tooktung Krie[g] wa ganzen Weltie afstōrial. Tjirioleis.*

b) *Dāns jā Morájin dānc, vā tān [přir. ds. ten, hs. tón] nos Jesús pōrūdéný, tōrý dān dūpalái jég, triř dān afstōrał koméne vāde zémā: tū vēšú nos Jesús afstōrał; tok tū krig (m. vūjnū) vā ganzen velte afstōrał. Kirioléis.*

III. a) *Moroia güdi wackaarst tserk Weitse sat taraimé suétskome soikas Büsie (m. Büfze) nem salojick nit jidde noocht seidee lūmang tsoorne dreine techung Büsje (m. Büfze) wir diattai tu my Büsac nibas waine wissang lidang prilidiot (m. -iol) por noosse grees neitje.*

b) *Moráija chüdi vākūrst cārkvāicé sā tārāimé svēckomé sūukat Büzcé (Büzćá); nemzalo jég niğede nojt; záide lūmā cōrne drené, tēchū Büzcé (Büzćá) virgāt; tāi tū (m. tū tūi), mūj Būzác, ni-bas vāin[n]ý; vēšú lidā prēlidōł pōr nos grésnāiký. [Kirioléis.]*

B. Tři rozmōwy.

I. Próstwa a wotpowědz.

1. *Młodżenc.* a) *Tūu pud zehn har, heid sangd kam mahn, Johs zang Tibbe zōhg rietzat; Johs mehnang: Johs tech tiebe rado meht; Mūh Lohlja un mohtey Jista dīn wat tung klūd; Mūu mohm wissie (m. -ic) waa nohss Wiesaa, Kack Pattinze Mlaka, un Diebbra sehna, tūh mūu neh mom. Johs saarang hile noh Tiebe waa Zartje.*

b) *Tūi, pūjd sēm (har)! Aid, sād kā mā, jos cū tēbé cēg ricāt; joz ménū: Joz tēch tēbe radūi met; mūj lōla un (m. a) motūi jista dīn vā tū klūd; mūi mom(ē) vēsēg vā nos[é] vēzē, kak (kok) pātincē, mlāka — un (m. a) dūbré(j) zēny (abo: dūbrā zēnū), tū mūi né-mom(ē); joz zārā hile nó tēbe vā cūrķē!*

2. *Holičo.* a) *Ninna Tūu kummas kam mahn, Wass zehm lijungdo nie jang nie Jaddahn Deffca, tung Tūu nie prosal; ninna teu wid wissiem Tung Tjetzehr kriejohl, ninna Johs mohm Tūh Brūdt Būut; Teu nie mehnass Dibbrū Deffca, Tūu siess laa wiel Jeldt meht, pirtū Tibbe nitzang meht, Tūu Jiss ninna stohr kaw wrijohn.*

b) *Nīna tūi kūmas kū mā vā sem lūdó; né jā né (ni) jadān (jadna) dēvka, tū tūi ne-prósał; nīna tūi wūt vēsēm (m. vēsēch) tū kēcér krigōł, nīna joz mom tūj(a) brūd bāit; tūi ne-mēnas dūbré(j) dēvký, tūi cēs la vile geld (m. pāzē abo pāz) met: pūr tū tēbe ni-cū met, tūi jis nīna stor kū vřijom (přir. ds. ku fryjam).*

II. Zdwórlive přeprašenje k blidu.

a) *Püd zehm kaa nohss Deissco, mohss maade Jeest, Tad Jang Jad-dan stüul, heyd zangdie! Deffca holjo Talleer Dannüu! Zehm Jang Jad-dan Lasseitz. Tung Kohlüu Jang hist Teplüh, Tüu Tühe Wüusta nie wiedseess! Weitz taad wam Schweinew Mangsie, Taad Jang hist zaar un mohssco, taad stühe Peiwü pey, Neeg Tiebbe Tüh Schmacojie!*

b) *Püjd sem kã nos daiskó (m. nósěj daiské), mos made jěst, tad jã jadãn stüul; aid, sãdë! Dëvka, hoło(j) talér danãu! Sem jã jadãn (m. jadna) łãzãica; tũ kolãu, jã jist(ë) teplũ, tãi tũje vãusta nã-vũzses (vũzdes)! Vaidz tad, wãm svãinëv(e) (abo: svãinë) mãsũ, tad jã jist(ë) sũr un (m. a) mos[t]kó, tad stũji pãivũ; paj! Nech tãbe tũ šmakójë!*

III. Pëkne zasady a wëcy.

a) *Johss zang kaa Weitje heit! Johs mohm hist zittir kreyw; Johs zang minne tock peyohn peit. Tidje sehna siete minne schworet. — »Tüu mohss wiltje wungs zau wiel wlassa!« — »Mohm johss wlassa, tidje mohm tock kack drüuje lüudey!« — »Noh tühe wungss mühse hist drehn rühst.« — »..... heide!«*

b) *Joz cã kã väikë ait! Joz mom jist(ë) cëlÿr grãiv[ny], joz cã mënë tok pajõn pait; tügë, zënÿ, cilë mënë svóret. — — »Tãi mos vilkÿ vüs sã vile vlãsÿ (= stsl. vlasy)!« — »Mom joz vlãsÿ, tügë mom tok kak drãugë lãudãi!« — »Nó tũjë(m) rús(ë) mũze dren rüst!« [— »Ba, stóré bobãi!] Aidtë!«*

C. Ptači Kwas.

a) 1.
*Katü mës Ninka bayt?
 Telka mës Ninka bayt:
 Telka ritzi woapak
 Ka neimo ka dwemo:
 Jõs gis wiltga grisna Sena;
 Nemik Ninka bayt,
 Jos nemik Ninka bayt.*

2.
*Katü mës Santik bayt?
 Stresik mës Santik bayt:
 Stresik ritzi woapak
 Ka neimo ka dwemo:*

b) 1.
 I. »Kätü mës ninka bãit?«
 II. »Gëlka mës ninka bãit!«
 Chor: Gëlka ricë vãpak
 Kã naimó kã dwemó:
 III. »Joz jis vilkë grũzna zëna;
 Nëmüg ninka bãit!«
 Chor: Joz nëmüg ninka bãit!

2.
 I. »Kätü mës zãtik bãit?«
 II. »Strëzik mës zãtik bãit!«
 Ch.: Strëzik ricë vãpak
 Kã naimó kã dwemó:

*Jós gis wiltga mole tgaarl;
Nemik Santik bayt,
Jos nemik Santik bayt.*

3.

*Katü més Treibnik bayt?
Wórno més Treibnik bayt:
Wórno ritzi woapak
Ka neimo ka dwemo:
Jós gis wiltga tzórne tgaarl;
Nemik Treibnik bayt,
Jos nemik Treibnik bayt.*

4.

*Katü més Tgauchgor bayt?
Wautzka més Tgauchgor bayt:
Wautzka ritzi woapak
Ka neimo ka dwemo:
Jós gis wiltga glupzit tgaarl;
Nemik Tgauchgor bayt,
Jos nemik Tgauchgor bayt.*

5.

*Katü més Czenkir bayt?
Sogans més Czenkir bayt:
Sogans ritzi woapak
Ka neimo ka dwemo:
Jós gis wiltge dralle tgaarl;
Nemik Czenkir bayt,
Jos nemik Czenkir bayt.*

6.

*Katü més Spellman bayt?
Bütgan més Spellman bayt:
Bütgan ritzi woapak
Ka neimo ka dwemo:
Jós gis(?) wiltge dauge Roat;
Nemik Spellman bayt,
Jos nemik Spellman bayt.*

III. »Joz jis vilkë mólý karl;
Némüg zátik báit!«
Ch.: Joz némüg zátik báit!

3.

I. »Kätü més tráuovník báit?«
II. »»Wornó més tráuovník báit!««
Ch.: Vornó ricé vâpak
Kâ naimó kâ dwemó:
III. »Joz jis vilkë córny karl;
Némüg tráuovník báit!«
Ch.: Joz némüg tráuovník báit.

4.

I. »Kätü més kauchór báit?«
II. »»Vâycka més kauchór báit!««
Ch.: Vâycka ricé vâpak
Kâ naimó kâ dwemó:
III. »Joz jis vilkë głupcüjt karl ;
Némüg kauchór báit!«
Ch.: Joz némüg kauchór báit.

5.

I. »Kätü més šenkír báit?«
II. »»Zójüc més šenkír báit!««
Ch.: Zójüc ricé vâpak
Kâ naimó kâ dwemó:
III. »Joz jis vilkë dralý karl;
Némüg šenkír báit!«
Ch.: Joz némüg šenkír báit.

6.

I. »Kätü més spelman báit?«
II. »»Bütan més spelman báit!««
Ch.: Bütan ricé vâpak
Kâ naimó kâ dwemó:
III. »Joz jis(m.:mom)vilkë dâügý rât;
Némüg spelman báit!«
Ch.: Joz némüg spelman báit.

7.

Katü mäs Teiska bayt?
Leiska mäs Teisko bayt:
Leiska rítzi woapak
Ka neimo ka dwemo:
Risplasteite miang Peisong,
bungde wóassa Teisko,
bungde wóassa Teisko!

7.

I. »*Kätü mäs dáiska bät?*«
 II. »»*Láiska mäs dáiskó bät!*«
 Ch.: *Láiska rícé vápak*
Ká naimó ká dwemó:
 III. »*Rüzplástáité mütjã páizdõ,*
búde vósa dáiskó!«
 Ch.: *Búde vósa dáiskó.*

II. Dokońalósć a niedokońalósć dolnoserbškego słowesa.

Parvos parva decent; *ὅσους ἴδ' ὀλίγη τε φίλη τε.*
 (Hor. ep. I. 7, 44.) (Hom. Od. 6, 205.)

Akož w drugich słowjańskich rěcach tak teke w našej dolnoserbškej rěcy pla słowesow formalna, syntaktiska a leksikalna strona mjazy sobu nejžhuzčej zwisuju, tak až jo pši jich hopisaņu želene tych tšich momentow lědba możne; togodla jo teke słoweso nejsěžšy zěl dolnoserbškeje rěcnice. Pšiduce krotke rozestajane wo dokońalósći a niedokońalósći (perfektivnosći a imperfektivnosći) to nejlěpej hobswětli.

We słowjańskich rěcach glěda se pši kuždem słowesu nic jano na jogo *kakósć* (modalitu abo kwalitu) t. j. lěc jo słoweso transitivne atd. abo iterativne, momentanske atd., ale wósebúe tež na *dłujkosć* cyńenki abo bysa t. j. lěc jo cyńenka abo byse ako *dokońane* abo *niedokońane* myslone a tak se wšykne słowjańske słowesa do dweju ředowu rozdžělju: do *perfektivnych* a *imperfektivnych* (dokońalých a niedokońalých) słowesow.

Pšawe spóznaše dokońalósći a niedokońalósći słowesa pak jo w serbšćine hyšći wěle wažnješe nežli w tych drugich słowjańskich rěcach ako w rušćine, pólsćine, cešćine, dokulaž wót tego we nej nic jano, kaž we wónych, pšawe twórene *pšitomnosći* (praesens) a *pšichodnosći* (futurum), ale tež *nehobceroneje* minulósći (imperfekta) a *hobceroneje minulósći* (aorista) wótwisujo, kótarejž stej se hu nas ako nezestawjanej casa (tempora simplicia) dospołne zdžaržalej.

W nastupnosći dokońalósći a niedokońalósći słowesow pak płaše w dolnoserbškej rěcy pšiduce glowne pšawidła.

I. Nic wšykne styri jadtore casy, ale jano pšecej dwa teju casowu se wót kuždego słowesa twóritej a to wót niedokońalého słowesa jano *pšitomnosć* (praesens) a *nehobcerona minulósć* (imperfektum) a wót

dokońalego slowesa *psichodnosć* (futurum) a *hobcerona minulosć* (aoristus), tak aź akle wót hobeju slowesowu gromaze wšykne styri casy nastanu. Rowno tak ma se to tež z *póžělnikami* abo *pšechodnikami* (participia, transgressiva), na což se wót ds. spisowašelow cesto hyšći dosć nejžiwa: *part. praes. act.* móžo se jano wót verbow imperfektivow a *part. praet. act. I* jano wót verbow perfektivow twóriš; slědnějše pak jo jano hyšći w górnej serbsćine żywe, w dolnej serbsćine pak se za no pódlanska sada třeba:

a) *Vb. impf.*: groniš (sagen) stupas (treten) — hyš (gehen) duš (wehen). *Vb. perf.*: řac resp. řaknuš (sagen) stupiš (treten) — pójs resp. dojš (gehen) zaduš (wehen):

1. *Praes.* 1. sg. gronim, stupam (it.) — 3. sg. źo, dujo.

2. *Fut.* 1. sg. řaknu, stupim — 3. sg. pójžo, zadujo.

3. *Impf.* 1. sg. gronach, stupach (it.) — 3. sg. źěšo, dujašo.

4. *Aor.* 1. sg. řaknuch, stupich — 3. sg. dojžě, zadu

5. *Part. praes.* gronecy, stupajucy — ducy, dujucy.

6. *Part. praet. I.* gornoserbski: rjeknywši stupiwši, došedši zaduwši — dolnoserbbski: dyž (akož) řaknuch, stupich, dojžěch, zaduch resp. (3. sg.) dyž běšo řaknuł stupił dojšeł zaduł.

Pšiklady. a) *ds.*: do jšpy stupajucy (stupajucyno) padnu = conclave intrans cecidit; dyž běšo do jšpy stupił, pajže = cum conclave intrasset, cecidit.

b) *gs.*: widžicy resp. widžo jeho zapłaka (plakaše) = ῥῥῥῥ ἄῥῥῥῥ ἔῥῥῥῥῥῥῥ (ἔῥῥῥῥῥῥῥ); wohladawši jeho zapłaka = ἰῥῥῥῥ ἄῥῥῥῥῥῥ ἔῥῥῥῥῥῥῥῥ.

Pšisp. Jano *kazak* (imperativus) a *póžělnik* minulosći II (*part. praet. act. II*) twóritej se wót hobeju slowesowu, zachowajucej pšitom swóju kakosć: a) *imp.*: gron řakni — stupaj stup — ži pójž — duj zaduj; — b) *part. praet. II*: gronił řaknuł — stupał stupił — šeł pójšeł — duł zaduł.

II. a) W nastupnosći *kakosći* (видѣ, qualitas, Modalität) ma serbsćina šesć rodow (družinow) slowesa: 1. Verba momentanea. — 2. Verba durativa. — 3. Verba intensiva. — 4. Verba incohativa. — 5. Verba iterativa. — 6. Verba frequentativa.

Dokulaž pak su verba intensiva a incohativa jano wósebny pódrod verbow durativow a togo rownia verba frequentativa jano wósebny pódrod verbow iterativow móžomy wšykne te serbske slowesa pó jich kakosći žěliš do tšich wěšych ředow (skupinow); te su: 1. Verba momentanea — 2. Verba durativa (-intensiva-incohativa) — 3. Verba iterativa (-frequentativa). — Kake maju toš te wša-

korake slovesa wósebnosci w znańenau a do kótarych ředownow (klassow) wóni pó swójom tšojenu slišaju, som kradu rozpisal w »Laut- und Formenlehre d. ns. Spr. str. 477 sl. a Šwela, Lehrbuch d. ndw. Spr. str. 64 sl. a 84 sl.

b) W nastupnosti *dlužkoci* cyneńki abo bysa pak verba durativa a iterativa hucyńaju mjazy sobu janu gromadu (skupina) napšešiwu verbam momentaneam: přeńše su gromaže *imperfektivne* (nedokónale), momentanea pak *perfektivne* (dokónale). Ale teke tym přeńšym móžo se dokónalosć psídaš, gaž je z psigodnymi *psedložkami* (praepositiones) zestawjujoš. Pši tom se kněže take řecniske psawidła:

III. *Přene psawidlo*. Kužde cysto-durativne (durativno-imperfektivne) sloveso (verbum durativum-imperfektivum simplex) pšehobrošijo se do cysto-perfektivneho slovesa (verbum perfektivum) pšez kakukuli psedložku jomu psistawjonu a zgubijo z tym celo swóju přewjšu trajecu (durativnu) kakosć, na ps. : nedok. sl. nasć : dok. sl. dońasć — gnaš : zegnaš — huknuš : nahuknuš — blědnuš (incoh.) : zblědnuš — znaš : zeznaš — pisaš : napisáš — tsikotaš (intens.) : zatsikotaš — pališ : spališ — slišaš : huslišaš — jěšć : zjěšć.

Pšispomněsi: a) Verba composita *denominativa* su pórědne durativa z nedokónalej cyneńku: impft. hobuzys (wót: hobuza), pokojš (pokoj), pokusiš (pokuta), pórokowaš (pórok) — togo rowna : hoblutowaš (luto), hozymněš (zymny), wótžyweš (žywy), zwódneš (wóda) atd.

b) Tež jo wěliki žěl tych zestajanych slowesow zasej do verbow imperfektivow se wrošil, kótarychž jadanore sloveso (verbum durativum simplex) jo se zgubilo jim swójo město dajuce abo kótarychž wóznam jo se wót wóznama jich jánorych (simplicia) tak daloko wótchylil, až se same za jadanore měwaju: *dotykaš, namakaš, pomsciš, smasaš, póderbiš* atd.

IV. *Druge psawidlo*. a) Rozkladowańe: Licba jánorych slowesow iterativow (verba iterativa simplicia) jo w dolnej serbsćine mańka, ale wšak pšeccej hyšci wó něco wětša nežli w pólsćine; jadanore slovesa frequentativa pak w serbskej řecy nějsu; póslědnejše su pšez celo wšykne a verba iterativa zwětša wšykne wót zestajanych dokónalych slowesow (verba perfectiva composita z momentaneow wót durativow simplicior) wótwožowane a to póslědnejše z psitworkom (suffixum) -a, -a, -wa, přeńše pak z -owa (wót U-kńenow). *Verba iterativa simplicia* su: *lětaš dawaš bywaš nosyš jězdziš* a dr. — *Verba iterativa composita* su: *psedawaš* (psedaš : daš), *zaduwaš* (zaduš : duš), *hurywaš* (huryš : ryš) atd. — *Verba frequentativa* su: *pšepušćowaš, psilělowaš rozkwitowaš, zagańowaš* atd.

Přisp. I. Verba simplicia na *-owaš* su wšykne denominativa abo pŕyčone a pŕedně durativa, na ps.: *kupowaš* (kup), *pšawowaš* (pšawo), *lubowaš* (luby), *žognowaš* (segnen).

Přisp. II. Verba *iterativa* composita pšechadaju cesto do jadnorych *durativow*, gaž se jich wŕznam wŕt jich simpliciw jo tak wělgin zdališ, až lud jich swŕjzbojstwo wěcej nezacuwa, na ps.: *dowěraš se* (confidere) *hobrošaš* (vertere), *zamkaš* (claudere), *pomagaš* (adiuvare), *pšedawaš* (vendere).

b) *Pšawidlo*: Wšykne verba iterativa a frequentativa su w nastupnosti *dlužkosti* swojeje cyneňki nedokoňale (imperfectiva) a stawaju se dokoňale (perfectiva) pšez zestawjowaňe z hyšci jadnej pšedložku abo wěcej: 1. *Iterativa perf.*: *dohustawjaš huzestawaš, hupšepuškaš, zhukwitaš, zhustarkaš, zhuzamkaš, zrozpšedawaš, dohuzagraňaš*. — 2. *Verba freq. perf.*: *dozagaňowaš, hupšikusowaš, hupšepuškaš, narozkwitowaš, spšepšosowaš, zhustarkowaš*.

Tak žě, gaž pŕzwerchně glědamy, se deře zdajo, ako by se verba iterativa a frequentativa z durativnych a momentanskich slowesow akle pšez zestawjowaňe z dwěma pšedložkoma iterativno-perfektivne a frequentativno-perfektivne scynili.

Te niemłoge verba iterativa simplicia: *běgaš lětaš měňaš chŕjžiš gŕniš jězdžiš lazyš nosyš wŕzyš* — *dawaš stawaš se mēwaš bywaš* rozchadaju se w nastupnosti swŕjogo nabyša dokoňalosti do dweju ředŕnow: pŕednějšě z pšitworkom *-wa* hupadaju celo na verba iterativa composita a pšiběraju akle z dwěma pšedložkoma mŕc dokoňalosti (*pft.* *pŕodawaš; impf.* *pŕodawaš; zhudawaš: hudawaš; pŕonastawaš: nastawaš; dohuměwaš: huměwaš; zezabywaš: zabywaš; zrozpšedawaš: pšedawaš), pŕednějšě pak pšestupuju do ředu durativnych slowesow a zbywaju južor z jadnej pšedložku perfektivne (hunosyš, zawozyš, zgŕniš — *impft.* k nim su: *hunosowaš, zawozowaš, zgŕňowaš*); jo, někotare z nich su južor ako simplicia do jadnorych durativow pšestupili rowno ako w pŕlskej řecy (pšir. Soerensen, Poln. Gr. I, 254 sl.): *blužiš, brožiš, włocyš* (z wŕznamom *›eggen‹*, z wŕznamom *›hin- und herschleppen‹* pak jo iterativne zwŕstało). Pŕodobno su žinsa pšecej jano *durativnego* zmysla pŕwějšě iterativa ako *kusaš pšašaš pškaš (pft. zakusaš, hopšašaš, zapiskaš)* a same někotare *frequentativa*, kŕtarychž iterativne člŕnki su se zgubili, ako *hulicowaš* (narrare) *zdychowaš* (suspirare), wŕsebňe gaž jo se teŕ jich wŕznam pšeměniš.*

Howacej pak verba iterativa perfectiva a frequentativa perfectiva, lěcrownož su z tyma dwěma pšedložkoma znaňe dokoňalosti dostali, pŕdla pšecej swŕju iterativnu a frequentativnu kakost (modalitu) hobchowaju.

V. *Dolnoserbške wósebnosci cyńienki*. Wót frequentativnych słowesow jo w dolnoserbškej rěcy w nastupnosći cyńienki welgin žiwna wósebnosc huchadała, na kótaruž som ja we swójeje »Laut- und Formenlehre« str. 576 sll. a 589 sll. (pšir. Šwela, Gr. str. 58 a 60) južor pokazał, kótaruž pak cu a deju ja tuder dokładnje rozpomněš a krađu hobsweťliš.

a) W pšitomnosći (praesens) frequentativnych słowesow na *-uju*, *-ujoš*, *-ujo* formalny a syntaktiski princip wójujucej sebe napšešiwu stupištej, tak až přeńšy pšedoby a póslědńejšy bu zajšpjonj. Pšedložki předku pšedstawjowane pórajú, ako smy wizeli, słoweso do perfektivnosći cyńienki a pšitworki zezady pšistupujuce, wósebnje -wa a -owa, pak do imperfektivnosći, tak až verba iterativa a frequentativa južor dvě pšedložce póderbe, aby perfektivnosć dostali. Ale pšitomne formy frequentativow na *-uju*, *-ujoš* atd. wšykny pšedložkam klubu a napšešiwu imperfektivnosć cyńienki nepušćiju, a jano te formy, kenž su wót infinitivnego kńeńa wótwožowane, stawaju se perfektivne; pótakem su nezestawjone easy (tempora simplicia) frequentativow na pšikład take: *praes.*: wóda hustupuju, zhustupuju, zhupšestupuju (das Wasser tritt zu verschiedenen Zeiten bzw. an verschiedenen Orten [ganz, ganz heraus] über die Ufer) — *fut.*: bužo hustupowaš, zhustupowaš, zhupšestupowaš. — *impf.*: hustupowašo — *aor.*: zhustupowa, zhupšestupowa. — *praes.*: jabłuka wótpaduju (fallen nach und nach ab), zwótpaduju (fallen nach und nach *alle* ab), dozwótpaduju (fallen nach und nach *alle bis auf den letzten* ab). — *fut.*: jabłuka budu wótpadowaš, zwótpadowaš, dozwótpadowaš. — *impf.* 3. sg.: wótpadowašo. — *aor.* 3. sg.: zwótpadowa, dozwótpadowa.

b) Ceło tu samu wósebnosc maju *verba incohativa* kl. III na -ê (inf. -eš): pšitomnostna forma hobchowajo wózuam pšitomnosći teke, gaž jo zestawjowana z pšedložkami a jano hobceřona minulosć hušišćuju perfektivnu cyńienku, pšichodnosć pak, gaž ju nocoš ze zestajanku hobbpisaš, maju zastupowaš verba incoh. comp. kl. II na *-nuš* abo reflexiva kl. IV A na *-iš*: *praes.* 3. sg.: šłabejo & hošłabejo (wird schwach), zhošłabejo (w. ganz schw.) — hoblězejo (erleicht), huhoblězejo (erleicht völlig) — humocńejo & zhucocńejo (erstarkt). — *fut.* 3. sg.: hošłabńo, zhošłabńo; hošłabi se, zhošłabi se; bužo šłabeš, bužo hošłabeš. — hoblěđńo, bužo hoblěžeš. — humocni se, bužo humocńeš. — *impf.* 1. 2. 3. sg.: šłabech, šłabešo, -ešo; blěđńeč, blěđńešo; móćnach se, móćnašo se. — *aor.* 1. 2. 3. sg.: hošłabeč, -be; hošłabnuch, -nu; zhošłabich se, -bi se. — hoblězech, -ze; zhošłězech, -ze; hoblědnuch, -nu. — humocńeč, -ńe; humocnich se, -ni se. — Jo, gdyžlem se w ludowych hustach pokazuju nowe drugorědowe formy imperfekta za pšitomnostnymi formami hužě-

łane, ako: hoblěžejašo, honimějašo (er verstummte allmählich), zazymějachu (sie wurden nach und nach kalt).

c) Toś ta wósebnosc pšitomnostnych hukoniceńow *-ju, -još, -jo*, slovesoju pšitomnostnu kakosc zdžaržas, mociónšo se hupšesćerajucyno se po dolnoserbскеj casownice (konjugacyji) dalej a nałožujo se něto welgin cesto a rad, aby se z perfektivnych (zestawjonych) slovesow kl. III 2 A a & kl. IV A (Šwela, Gr.: kl. VI & VII) nowe (sekundarne) praesentia z wóznamom pšitomnosti hustworili; pšikłady: *praes.*: hoblědaju (ich besuche), -ajoš, -ajo; hoblěłajom (ich bearbeite), -ajoš, -ajo; namakajom (ich finde), -ajoš, -ajo pódla namakuju, -ujoš, -ujo & namakuju, -ujoš, -ujo. — pšistupijom (ich trete hinzu), -ijoš, -ijo; póložyjom (ich lege hin), -yjoš, -yjo. — *fut.*: hoblědam, -aš, -a; hoblěłam, -aš, -a; namakam, -aš, -a. — pšistupim, -iš, -i; póložym, -yš, -y. — *aor.*: hoblědach, -a; hoblěłach, -a; namakach, -a. — pšistupich, -i; póložych, -y. — *Imperfektum* zastupuju tuder formy frequentativow: hoblědowach, -wašo; namakowach, -wašo; pšistupowach, -wašo: póložowach, -wašo.

d) Tak daloko toś to zjawěne w rěcy ludu wótpocuju a južor Hauptmann (glěd. Gramm. p. 261) jo znajo a wo nom pišo, lěcrownož nějo we wšych stronach dolnje serbščiny jadnak cesto hužywane; Fryco pak pši swójom pšestawěnu Starego Testamenta (1796) žěšo hyšći dalej a pšeniase toś to twórenie teke na te zbyrne slovesa stwórtje ředownie (kl. IV B a & b), tak až nastawachu take drugorědowne (sekundarne) praesentia z wóznamom pšitomnosti, ako su: 1. sg. pšeserpejom, 3. pl. pšeserpeju (po analogiji slovwjesow kl. III 2 A b: rozniejom -eju, hozymějom, -eju) a hušićajo (er verdrängt; fut. hušići, aor. hušića; pšir. L. u. F.-L. str. 591). A žinsa słyšyš teke z ludowych hust we młogich stronach gdyžlem pódobne formy, na pš. 3. sg. zagořejo se, er entbrennt (fut. zagošo se, wird entbrennen); huhobwijajo zezabijajo (fut. huhobwijo zezabijo, kl. III 1 A); jo, same celo nepšawe (anorganiske) formy, ako zamknijo (er schließt) město zamka (fut. zamkno, er wird schließen).

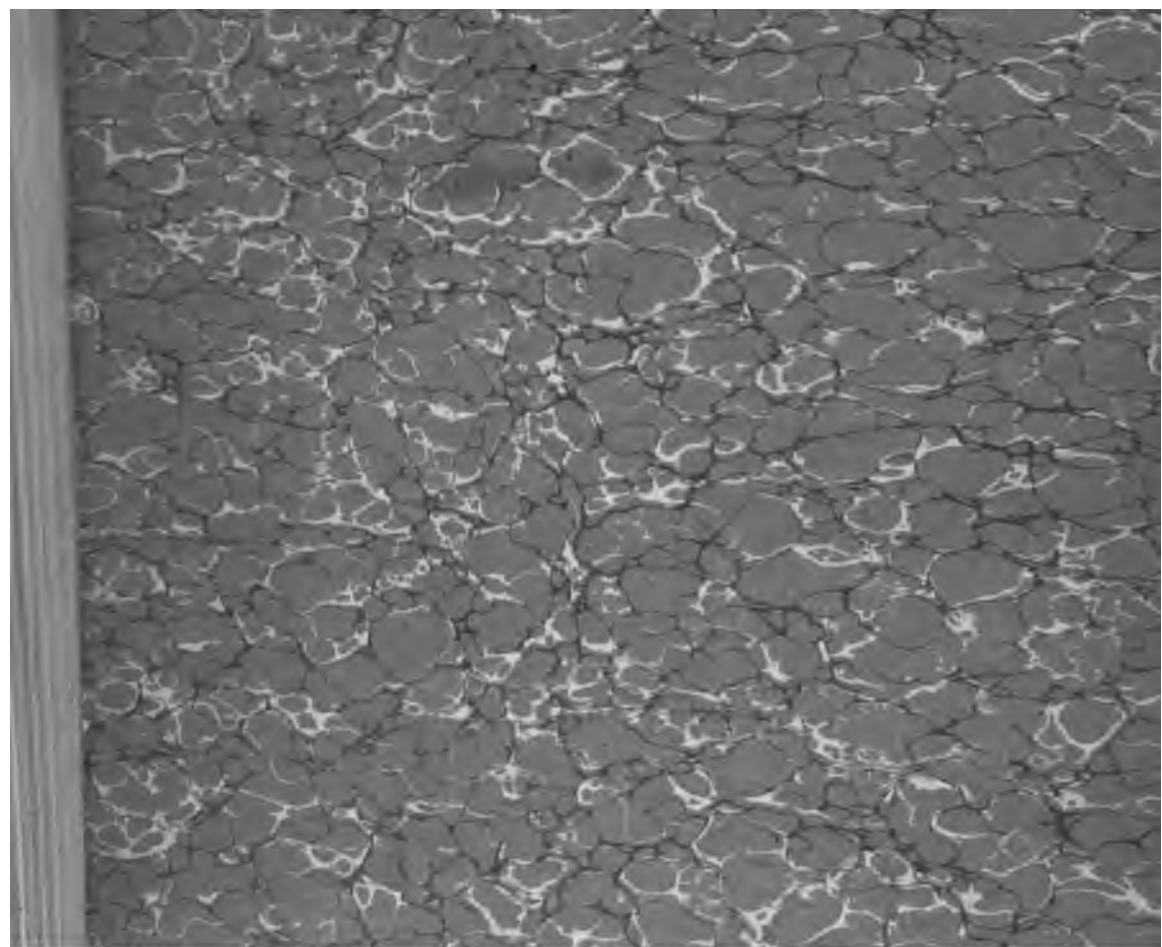
* * *

Młoge drobnostki dla krotkoscí casa a huzkoscí města nějo móžno tudy hobspominaš, ale ze wšom wšykne se póraju pód toś te pódate pšawidła a mogu dostaš z nich swójo huswětleńe, gaby se rowno napšesiwne a nehushwětlowne zdali, nějsu-li rowno wen zmóleńa dolnoserbских spisašelow samych, kenž cesto rěc swójojo ludu deře dosć neznajachu abo swóju mašeršćinu běchu spózabywali. Ja póždžej raz něco wo nich do Casopisa Mašice Serbskeje napišu a je teke wšykne we swójom dolnoserbским słowniku na swójom měsće zapišu.

Freiberg.

Dr. Ernst Muka.

Druck von Breitkopf & Härtel in Leipzig.



UNIV. OF MICHIGAN
FEB 23 1969

UNIVERSITY OF MICHIGAN



3 9015 03191 6003

